

Надежда Большакова

Два романа

*Мурманск
Издательство «Тореал»
2016*

УДК: 821.161.1-31

ББК: 84(2=411.2)6-44

Б79

Издание осуществлено в рамках подпрограммы «Укрепление этнокультурного многообразия, гражданского самосознания и патриотизма в Мурманской области», государственной программы Мурманской области «Государственное управление и гражданское общество» на 2014-2020 годы, утвержденной Постановлением Правительства Мурманской области № 555-ПП от 30.09.2013» по заказу Государственного областного бюджетного учреждения «Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера»

Большакова Н.П.

Б79 Два романа. Рассказы / Надежда Большакова. – Мурманск: Тореал, 2016. – 672 с., иллюстрации.

ISBN 78-5-9907970-0-0

УДК: 821.161.1-31

ББК: 84(2=411.2)6-44

Большакова Н. П.

Два романа: Два разных романа в одной книге – а правомерно ли это? Думается, что да, потому что точки соприкосновения на поверхности: оба романа о любви, о наших корнях, о нашей истории. Оба произведения рассказывают о ценностях своего времени – вере и безверии, понятии настоящей дружбы, верности, предательстве, порядочности.

Сборник рассказов Н. Большаковой “Мой путь - земля моих предков” посвящен детству писателя, истории родов Галкиных и Юрьевых, саамским людям и тем, кто исследовал культуру саами.

Без права продажи

ISBN 78-5-9907970-0-0

© Большакова Н. П., 2016

Об авторе

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА БОЛЬШАКОВА родилась 18 апреля 1957 года в посёлке Ревда Мурманской области. Окончила Новгородское культурно-просветительное училище и Ленинградский институт культуры – режиссёрское отделение.

Активный участник Дней славянской письменности и культуры в Мурманской области. В 1994 году основала в Ревде музей саамской литературы и письменности им. О. Вороновой, который с 1998 года становится филиалом МБУ «Ловозерская межпоселенческая библиотека», где Большакова и работает по настоящее время. Она участник Международных конгрессов финно-угорских писателей 2000, 2002, 2006, 2008 годов. В 1997-м – участник Славянского Хода «Мурман – Черногория».

Лауреат Литературной премии имени Баева–Подстаницкого за книгу «Подарок чайки» (1995 г.). Лауреат премии Губернатора Мурманской области за особый вклад в развитие культуры и искусства за 2005 год. С 2000 года входит в состав Редакционного совета журнала «Север». С 2016 – член Федерального редакционного совета Программы поддержки национальных литератур народов России под руководством Председателя Государственной Думы ФС РФ С. Е. Нарышкина. С 2007-го по 2012-й – ответственный редактор «Миссионерской Православной газеты» Мурманской и Мончегорской епархии. Организатор и руководитель пяти ходов и духовно-просветительских экспедиций «Мурманск – Великий Новгород – Валдай» –2002, «Славянский ход–2006», «Ушаковского хода» –2007, «На звон колоколов» –2009, «На Северный Кавказ» –2010. Участник Вселенского Поместного Собора 2009 года.

С января 1997-го член Союза писателей России. Прозаик, автор книг сказок «Подарок чайки» (1996), «Приключения мышонка Удлесь Кебля» (1996, 2015), «Кайе лайхь» – «Подарок чайки» на саамском языке в переводе Александры Антоновой (2004); рассказов: «Тиррв по-саамски – здравствуй» (2000); «Хлебные горбушки» (2005); «Правдинки Василия Селеванова» (2015); романа-эссе «Алхалалалай» (2003); этнографического исследования «Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем» (2005); двухтомника публицистических очерков «Летопись души»: Первая книга «Время встреч», вторая – «Дороги жизни» (2010); книги-дневника «Мой Маслов» (2011); литературного исследования – «Колокольный перезвон. Колокола в литературе, музыке и живописи» (2011); «Антологии саамской литературы» (2012); повествования о первой саамской поэтессе Октябрине Вороновой «Октябрина» (2012); повести-эссе «На пике творческого взлета. Сергей Есенин 1917» (2013); книг «Викдан Синицын. «И повернуть в обратное нельзя...» Воспоминания. Размышления. Неопубликованное» (2014) и «Мир оленных людей. Стихи саамских поэтов в переводах на русский язык» (2015).

Участник Балашовских, Масловских, Рубцовских, Ключевских, Чарналуских, Феодоритовских чтений. Ее произведения и статьи переведены на саамский (кильдинский диалект), эрзянский, мокшанский, горномарийский, белорусский, карельский, норвежский, шведский, финский, северо-саамский, венгерский, английский, французский языки. Область научных интересов Большаковой: история, культура и этнография саамов Кольского полуострова, литературное краеведение, колокола и колокольные звоны, Православие на Севере России, творчество поэта Сергея Есенина и писателя Дмитрия Балашова...

На пути к счастью...

В новой книге известной мурманской писательницы Надежды Большаковой представлены два романа – «Алхалалалай» и «Письма в школьных тетрадках».

Роман «Алхалалалай» впервые вышел в Мурманском книжном издательстве в 2003 году и сразу занял в литературе края особое место. Это первый роман писательницы и первый роман в саамской литературе. Интересен факт, что весь тираж был раскуплен за пять месяцев, поэтому переиздание романа даст возможность многим читателям впервые познакомиться с этим ярким произведением.

Среди первых откликов на «Алхалалалай» известны две рецензии: В. Некрасовой, которая оценила роман как «талантливый и увлекательный», и Н. Хрустальной, которая предсказала ему стать раритетом. Обе сходятся во мнении, что это произведение – творческая находка Большаковой. Остальные отзывы остались на уровне впечатлений и разбросаны в личных письмах, беседах, выступлениях. Есть и еще одно интересное замечание о произведении: роман обращен к сердцу читателя, проникает в душу, захватывает полностью и до конца держит в напряжении и восхищении.

В предисловии автор говорит о том, что это роман-эссе о любви героев и о судьбах народов. Однако хочется не согласиться с таким однозначным определением жанра. С полным правом произведение можно отнести к роману-путешествию, так как вслед за героями мы оказываемся то в далеком 17 веке, то возвращаемся в наше время, перемещаемся и в пространстве, совершая путешествие с Кольского полуострова на далекую Камчатку. Жанр романа можно определить и как социально-политический, так как в нем остро ставятся проблемы коренных народов и современной жизни; и как любовный, ведь в центре повествования – судьбы героев, которых автор проводит через испытания этим большим чувством. Роман можно определить и как этнографический из-за большого количества этнографического материала, представленного в нем. В то же время это – роман-луввэт, роман-йойка, роман-гимн о любви к жизни, своему народу, к истории своего народа, к мужчине, женщине, матери, Родине... Поэтому можно говорить о синтезе нескольких жанров в произведении.

Идея романа заключена в мысли, что жизнь без любви пуста, без любви во всех смыслах, жизнь без корней своих обречена, выход из многих проблем коренных народов – в их единении.

В заголовок романа вынесено магическое ительменское слово «алхалалалай», что значит «праздник очищения от грехов и благодарения природе». Заголовок не вызывает у непосвященного читателя никаких культурно-исторических ассоциаций, но интуитивно в этом слове мы слышим какой-то призыв. Словно с далекой Камчатки долетает он к нам, символизируя собой похожесть ительменской и саамской культур. Повествование в романе заключено во временные и пространственные рамки, границей которых являются древние священные праздники: Имание оленей у саамов и Алхалалалай у ительменов. Ключевым словом в названии является слово «праздник». Оно позволяет нам понять основную мысль произведения: праздник – это когда от грехов очищается душа, когда сливаешься с природой, когда любишь и даришь себя любимому, когда он дарит тебе себя. Праздник – сквозной

образ всего романа, фон действия. Все герои живут ожиданием праздника, потому что он символизирует для них новую жизнь, исполнение заветных желаний.

В романе три сюжетных линии: Варван и нуэита (шамана) Белый День в 17 веке, Екаторины и Сузвая, Насти и Лахэна в наше время.

Главными героями являются Настя и Лахэн, женщина саами и мужчина ительмен, которые полюбили друг друга вопреки всем условностям, преградам и расстояниям. Сюжетная линия Варван и Белого Дня является своеобразной экспозицией сюжетной линии Насти и Лахэна. Отсылая нас к далекому прошлому, она знакомит с предками главной героини в 17 веке. События в романе то развиваются параллельно, то пересекаются. Так мы узнаем, что кулон, который лежит у Насти в шкафу, является древним оберегом ее предков – Варван и Белого Дня, передаваемым по наследству по материнской линии.

Образ Насти нам близок своей современностью, жизненностью. Взаимоотношения их с Лахэном даются на богатом историческом и современном материале: мы узнаем из романа не только о проблемах коренных жителей – саамов и ительменов, но и об обычаях, верованиях, отношении к жизни в далеком прошлом. Автор привлекает богатый материал о происхождении, истории, культуре, быте ительменского и саамского народов. В романе много вставных эпизодов: это и легенды, и мифы, и сказки саамов и ительменов. Кроме того, множество ссылок на труды ученых – исследователей Кольского полуострова и Камчатки. Все это создает исторический и фольклорный фон. Обилие имен известных на Кольском полуострове и Камчатке людей (писателей, общественных деятелей) придает роману достоверность, в этом смысле можно говорить и об автобиографичности произведения.

Итак, все повествование начинается с ожидания древнего саамского праздника Имание оленей, на который собирается ехать Варван, уступая просьбам деда Томаско, в надежде найти свою судьбу. Участие девушки в празднике, древнее священное тайнодействие – обновление крови и встреча с нуэитом – завязка в развитии отношений Варван и Белого Дня. Параллельно развивается сюжетная линия Насти – Лахэна, и завязкой здесь является знакомство Насти в аэропорту с Лахэном, участником ительменского танцевального ансамбля «Эльвель». Кульминации каждой сюжетной линии тоже даются в своеобразной параллели: Варван и Белый День проводят ночь в куваксе нуэита, с этого начинается для них новая жизнь, наполненная любовью и радостью; Настя проводит ночь с любимым в его балке, но ее мечты внезапно разрушаются приходом Карриты, жены Лахэна. Мы видим отношения Варван и Белого Дня в развитии, узнаем о том, что у них родился сын, а значит, род нуэита продолжается. Рассказ же о судьбе Насти и Лахэна прерывается тогда, когда, казалось бы, все должно пойти по счастливому пути. Настя уезжает в далекий Мурманск, а Лахэн остается на Камчатке и сполна принимает удары судьбы.

Финал романа остается открытым, однако читатель верит в счастливый конец, потому что сама судьба создает условия для соединения одиноких душ Насти и ее возлюбленного.

Красотой чувств, благородством отношений, чистотой желаний, нежностью и тактом наполнены страницы романа о любви. Описания эти поднимают читателя выше обыденности отношений, заставляя его душу парить, вызывая слезы радости

от сознания того, что такое может быть и с ним. Самые пронзительные страницы наполнены теплом, солнечным светом, яркостью чувств, положительной энергией и посвящены любви мужчины и женщины, «творцам самой древней тайны на земле – тайны зачатия», женщине-матери, родному Северу.

«Письма в школьных тетрадках» – новое произведение писательницы. Ему вполне подошло бы название «О времени и о себе». На достаточно большом, исторически насыщенном материале живописует Надежда Большакова судьбы своих героев с мягким юмором и большой любовью к ним.

Название романа невольно отсылает нас к недавнему прошлому, в котором было много доброго и хорошего, погружает в культуру советской эпохи, когда писать письма было такой же необходимостью, как сегодня общаться по сотовому. Для многих людей сегодня это нечто допотопное, хотя по временным меркам было совсем недавно. И сколько же душевного богатства мы потеряли из-за утраты умения писать письма на тетрадных листах!

В центре сюжета – судьбы Казаковых, Завьяловых, Соболевых и многих жителей небольшого городка Светлого. Судьбы не только счастливые, но зачастую трагичные, изломанные не зависящими от людей обстоятельствами. Надежда Большакова верна себе – она не скрывает правды о том, что было в нашей истории. Ей удалось передать разноголосицу мнений о пути страны, оценку деятельности руководителей. В своих рассуждениях она поднимается до обобщений и вплотную подходит к извечным вопросам действительности.

Не только светел роман, но и трагичен, и в трагичности своей страшен бывает. До глубины души потрясают судьбы тех, кто стал заложником истории, судьбы изломанные, судьбы людей, испивших чашу ответственности за страну до дна. Потрясает судьба жильцов общежития – Варакина и Тупицина, страшных в своей отреченности от самих себя, самоубийц, но еще больше поражает талант писателя погрузиться во внутренний мир героев настолько, что кажется, будто сама душа Тупицина повествует о каждой последней минуте его жизни. Происходит некое перевоплощение автора в героя, благодаря которому до последнего темного уголка освещается душа самоубийцы, и боль человека, опустившегося на дно жизни, становится настолько близка и понятна, что горло сжимает спазм. Страшным укором нашей действительности 90-х становятся судьбы Елены Поляковой, чуть не обречшей сына на голодную смерть в лесу; Харитины, отдавшей себя на моральное, духовное растерзание ради детей, которые не поняли и не приняли ее жертвы; молодых людей, прошедших Афган и оставшихся там во снах, потерявших интерес к жизни и самим себе. Сколько их, таких потерянных и искалеченных духовно? Ради чего? Ради перестройки и долгожданной «свободы»?

Но не дает автор изболеться душе читателя за своих героев, поэтому после сцен, требующих больших переживаний, отнимающих жизненные силы читателя, доводящих до состояния отчаяния из-за понимания несправедливостей жизни, дает нам разрядку – главы, которые наполнены юмором, смехом самих героев, их теплыми, залечивающими раны отношениями. Такими становятся прежде всего письма Глеба и Светланы. Письма, в которых изображен мир поколения 90-х – мир чистый, светлый, наполненный любовью. На страницах школьных тетрадей отды-

хает и душа читателя и радуется тому светлому, что есть в людях. Чего стоят одни только приветствия в них: *«Здравствуй долго и счастливо! Здравствуй в лето и зиму, в солнце и дождь. Здравствуй на далёком Мурмане среди скал и снега! Здравствуй долго и счастливо во здравии и веселии, хорошем настроении, утром и вечером, на суше и в море!»* Страницы писем – гимн жизни в ее лучшем проявлении, гимн человеку, могущему победить все. Письма помогают понять ценность чистых человеческих отношений и выстроить свои, поэтому их читают и сослуживцы Глеба, и друзья Казаковых, которым так необходимы тепло и мудрость простых человеческих чувств, чтобы пережить тяжелые моменты жизни и обрести свое счастье.

О ком же и для кого написан роман?

Роман этот о нас с вами: о тех, чья молодость пришлась на «лихие» 90-е. Большая часть жителей России – жители глубинки, поэтому им будет близка атмосфера маленького городка Светлого, понятно переживание всех тех событий, которые происходили в центре России и будоражили сознание людей того времени на территории всей страны: смерть Высоцкого, возвращение к православной вере, карточная система, молодежный форум, Олимпиада, сухой закон, потом Афганистан, Чечня...

Роман этот и для тех, кто родился в постперестроечную эпоху и кого называют потерянным поколением. Поколением тех, чьи родители опрометью кинулись в пучину «свободы» слова, действий, «возможности» добывать деньги, делать их самим, не думая о последствиях. Казалось, вот оно, счастье, – построить свое будущее своими руками, но... Не оставалось времени на себя, на свою душу, на духовное, на детей, а последствия и сегодня дают о себе знать. Роман написан для того, чтобы понять, что же с нами случилось в очередной раз, откуда мы и почему такие.

Произведение заставляет заново пережить как многие события истории нашей страны, так и те моменты, которые были в недалеком, по меркам истории, нашем прошлом – семейном, личном.

Стержнем романа является любовь, и в этом писательница верна себе. В исторических и жизненных катаклизмах может помочь только это светлое чувство – и оно, помогая, наполняет жизнь героев смыслом.

Романы Надежды Большаковой всегда отличаются информационной насыщенностью, будь это рассказ о глубокой истории или о судьбе современного человека. Читая ее произведения, мы расширяем кругозор, вспоминаем давно забытые, как нам казалось, мелочи нашей жизни, бережно зафиксированные писателем в своих дневниковых записях и подаренные нам сейчас.

В «Письмах...» много непонятных современному читателю реалий: и как можно за 3, 5 тысячи рублей экономии хвалить прилюдно горожан, и как можно так остро переживать потерю комсомольского билета и возможность получить строгое наказание – исключение из школы. Да и многое другое! Но в «Письмах...» нет ничего надуманного. Это наша с вами жизнь, жизнь 90-х гг., жизнь на сломе эпох, смене мировоззрений, борьбе ценностей. Этот процесс продолжается. Кто выйдет победителем и как сложится будущее теперь уже наших детей? Роман не только ностальгия по недавним стабильным временам Советской России, Советского Союза, но и беспощадный приговор руководителям страны, в чьих руках народ оказался игрушкой, а его судьба – экспериментальной площадкой. И в этом отношении про-

изведение становится страшным напоминанием о том, что наша жизнь зависит от сильных мира сего.

Два разных романа в одной книге – а правомерно ли это? Думается, что да, потому что точки соприкосновения на поверхности: оба романа о любви, о наших корнях, о нашей истории. Оба произведения рассказывают о ценностях своего времени – вере в безверии, понятии настоящей дружбы, верности, предательстве, порядочности. Но нет драматизма человека внутри себя, поэтому человек ищет гармонии с миром, а не с самим собой.

Вчерашние молодые люди становятся взрослыми, и не за горами то время, когда они начнут задавать вопросы о нашем недавнем прошлом. Хочется верить, что роман Надежды Большаковой даст им ответы хотя бы на некоторые.

P.S. И раз уж мы привели первые отзывы на роман «Алхалалай, то хочется не обделить вниманием и «Письма в школьных тетрадках».

«Автору удалось воссоздать на страницах романа подлинность времени потому, что все эти годы она вела дневники, где очень подробно и обстоятельно записывала события и свои впечатления. К тому же со всей основательностью музейного работника она по крупницам собирала подлинные документы: талоны на продукты, письма, воспоминания... Это помогло спустя десятилетия восстановить точную картину того времени. Судьбы всех своих героев она не просто описала, а пропустила через свое сердце». (Нина Глущенко, инженер-строитель, Североморск)

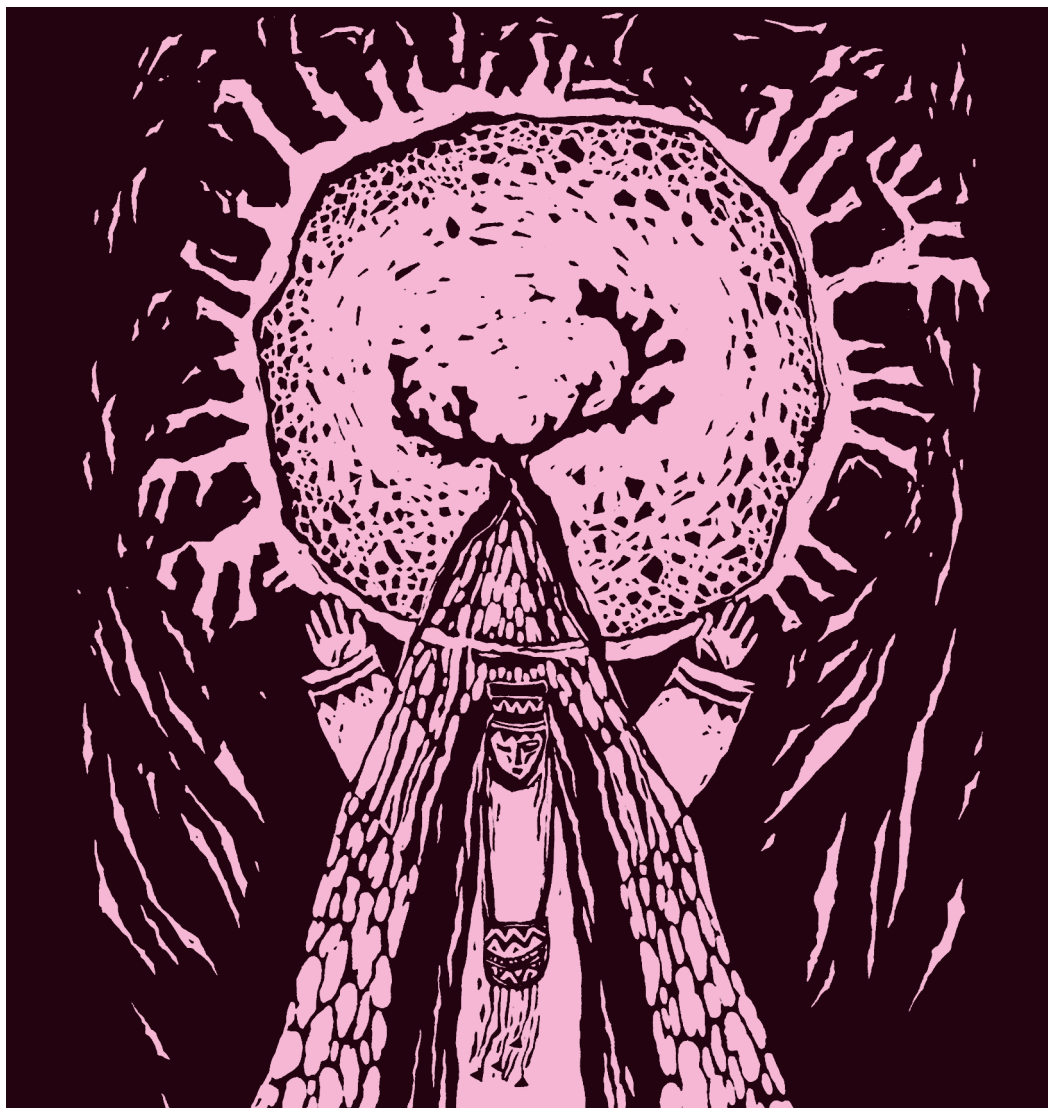
«Уже с первых строк романа «Письма в школьных тетрадках», кратко, тонкими изящными штрихами автор подводит читателя к явственному ощущению счастья, к переживанию и воспоминанию лучших моментов своей жизни.

Оказываясь внутри сюжета, читатель вдруг незаметно для себя начинает узнавать свой городок, свою школу, улицу, соседей, друзей молодости... Незамысловатый сюжет, в котором нет никаких умопомрачительных интриг, чистый, как родник, прозрачный, как стекло». (Яна Смирнова, к. техн. н., зам. начальника Инженерного центра СРЗ «Нерпа», Снежногорск)

«Письма толщиной в школьную тетрадь Светлана пишет Глебу, служащему на Севере морским пехотинцем срочной службы. Письма девушки – это рассказ о жизни своей и жизни их родного городка. В этих письмах нет признаний в любви. Но от начала до конца они пронизаны этим огромным светом любви, а также и большим юмором в рассказах о повседневной жизни. Поэтому письма Светланы читаются и друзьями Глеба морскими пехотинцами, в которых те видят свой дом и своих земляков. Но эти письма будут читаться и тогда, когда Глеб вернется со службы, и вот тогда они станут поддержкой его друзьям. Читала я эти письма и проецировала их на жизнь свою, здесь много о нашей общей жизни, трудной, но и милосердной. И люди были иные в той нашей жизни, и нравы...

Почитайте эту книгу Надежды Большаковой – эта книга о нас, о нашем времени, о наших исканиях, о наших тревогах, о наших ошибках и нашем пути к счастью». (В.Е. Кузнецова, создатель Есенинского музея, МОДЮБ, п. Росляково Мурманской обл.)

Виктория Бакула

Издание второе, исправленное

Алхалалай

(Роман-эссе)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рыжая лисица пробежала по лесу и окрасила листья в цвет своей шубки. Полыхали огнем деревья, под ногами бурел мох, наливалась красным соком брусника. Озера в полуденном, недолгом солнце отражали тяжелые, словно беременные, низко нависшие облака.

Близились пора Коллкэм-манн¹ – вторая часть саамского года и, пожалуй, самая основная, потому как именно во время Коллкэм саамы покидали летне-осенние места и перебирались к своим вежам в большое становище.

У оленей начинался гон. Коллкэм-манн – это время заботы о продлении оленьего рода, священный большой праздник обновления крови, праздник Имание оленей, который особо ожидался всеми.

В пору рыжей лисицы нуэйт² Белый День вступил на путь нуэйтъе³. Семь лет прошло с тех пор, как его жену Воасехь сожгла лихорадка. Она металась на шкуре с горящими глазами и просила воды. А он, тогда еще не нуэйт, а простой саам Харье, не мог умиловить духов не отнимать жены. В жертву приносил одного за другим оленей, но... духи не хотели внимать просьбам Харье.

Совсем молодой привел он в свою вежу⁴ Воасехь. Она слыла искусной мастерицей, и не один парень сватался к ней, но гордый норов девицы отклонял все предложения. Когда же в ее вежу вошли сваты Харье, она, увидев молодца, поняла, что станет мужней женой. Да, видно, не судьба Харье долго жить с Воасехь.

Лишь спустя время духи дали Харье знак, что через семь лет вернут в его вежу женщину. И вот седьмой год Солнце-Пеййв завершал свой круг в тундре, и нуэйт Белый День понял: духи сняли с него свое табу.

Новое имя пришло к Харье не сразу. После долгого постижения нелегкого пути в колдуны Севера, наконец, все стали звать его нуэйт Белый День.

Любой саам мог почувствовать себя избранником духов, но не каждого признавали соплеменники, и только избранным давался знак свыше, как Харье. Но враз и он нуэйтом не стал. Для этого потребовалось семь лет труднейшего постижения тайн на пути нуэйтъе.

Сила нуэита заключалась в том, что он мог по глазам человека читать его жизненный путь. В природе все наполнено энергией земли и неба. Иммель-аййя⁵ создавал мир во имя любви к ближнему, но человек пренебрег заповедями бога, и потому в его жизнь пришли болезни.

1 Коллкэм-манн – конец сентября и весь октябрь.

2 Нуэйт – шаман саамов.

3 Путь нуэйтъе – подготовка себя к общению с духами.

4 Вежа – зимнее жилище саамов, имеющее коническую форму четырехугольной или многогранной пирамиды с усеченной вершиной, крытое дерном.

5 Иммель-аййя – Бог-дедушка.

Тогда Иммель старейшинам саамских родов дал высшие знания, а те в свою очередь передавали их по наследству кому-то из своих детей или избранным богами, которых называли люди нуэйттами. При встречах избранных с богами и духами саамской земли им на пути нуэйтте необходимо было ставить себе стражей. Тело нуэйта в этот момент становилось беззащитным, серебряная нить, что связывала его тело и душу, могла в любой момент оборваться от нечаянного прикосновения или шума, и жизнь оставляла человека. Если нуэйт начинал киковать⁶, он до конца проходил отмеренный ему духами и богами путь, иначе помочь людям не мог.

В своих руках человек несет силу и слабость, наверное, потому при рождении он сжимает руки в кулачки, подсознательно пряча свой путь от посторонних глаз. И даже когда растёт, находится в своей лучшей поре жизни, старается не раскрывать ладонь до конца, чтобы не растерять приобретенные и накопленные знания, а лишь делится ими с теми, кто помоложе. Только во время смерти человека ладонь раскрывается и все бывшее скатывается с нее.

Нуэйт Белый День прошел многие испытания, которые устраивали ему знаткие⁷ родов, познал секреты природы, научился лечить животных и людей, предугадывать будущее, видеть скрытые картины прошлого на целые века назад и многое другое. На седьмой год постижения он делал выбор: какому богу служить. Принять в свои покровители бога солнца – Пеййва или богиню луны – Манну? День или ночь?

При посвящении старейшины родов на время отняли у Харьи зрение, выбор делался сердцем. В долгих блужданиях по неведомым тропам Нижнего и Верхнего миров он, наконец, увидел яркий свет и крикнул:

– Я вижу Пеййва!

С тех пор не стало больше Харьи, его место занял нуэйт Белый День. Однажды выбрав солнце, нуэйт уже не мог изменять своему пути, а так как покровителем был избран Пеййв, к богине Манне и духам темной ночи он мог обращаться только в случаях крайней нужды, когда речь шла о жизни или смерти. На помощь нуэйту приходил свет солнца, очищающий огонь был его союзником, духи белого дня – проводниками.

Он сделал себе добрый куэмдес⁸, который стал главным помощником его в постижении тайн земли и неба. А это также требовало определенных знаний.

Белый День делал куэмдес из березы – плотного и звонкого дерева, хотя некоторые нуэиты предпочитали ель или сосну, которые считались тяжеловатыми для кикования. Куэмдес должен быть легким, не сковывающим движения нуэйта. Для своего куэмдеса Белый День долго и старательно выбирал нужную березу, которая росла посолонь⁹ без сучков. Только после этого выдолбил из нее каркас своего будущего помощника. Когда тот был готов, натянул хорошо выделанную оленью кожу и ольховым красителем расписал его, нарисовал богов и духов, которые должны были участвовать с ним в путешествиях по неземным мирам. Неотъемлемой

6 Кикование – камлание – обрядовое действие шамана.

7 Знаткие – старшие люди из саамских родов.

8 Куэмдес – шаманский бубен.

9 Посолонь – движение солнца с востока на запад.

частью куэмдеса у любого нуэита должна была стать бирра¹⁰, к которой привязывались несколько маленьких колечек. Они-то и помогали нуэиту определить, к каким богам и духам обращаться.

В центре куэмдеса Белый День нанес рисунок в виде ромба, символизирующий бога солнца – Пеййва. Четыре упряжи, что пересекли его, обозначили четыре стороны света. Затем пошли символические изображения бога грома – Айеке, богини земли – Моаннтар-оаххк с ее дочерьми, повелителя ветров – Пьегг-олмайя, подземных духов, богов и других. И хотя куэмдес был готов, но Белый День знал, что он не оживет, пока не вдохнешь в него жизнь. Только после этого куэмдес заговорит сердцем нуэита, станет продолжением его руки. И вот колотушка из оленьего рога, которой Белый День ударил о свой куэмдес, возвестила всем саамским становищам, что в мир пришел новый нуэит, имя которому Белый День.

В пору рыжей лисицы Белый День объездил многие становища в поисках новой жены. Но встречались или слишком молоденькие, или старухи. Он же хотел найти жену особую. Такую, чтоб способна была родить ему сына, наследника его мастерства.

Не могли саамы взять в толк, что нуэиту надо? Такие девки не глянутся! Но мнений своих не высказывали. Наконец, добрался он и до становища у Сильного озера, которое находилось в самом центре Лапландии на совершенно плоской, болотистой равнине. Чуть западнее тянулись плоскогрудые горные хребты, ближе к которым поднимался дремучий непроходимый лес. Саамы любили свое становище и старались не покидать его. Порой даже девки сманивали своих женихов на жительство в нем. Вот отсюда несколько семей и собрались отправиться на священный праздник к Озеру Духов. Старейший их племени – дед Анкасай пригласил последовать с ними и нуэита Белого Дня.

Анкасай уже долго жил на этой земле и быстро мог распознать, с какими думами в становище приезжает человек. Маленький, худощавый, с редкой седой бородашкой, чуть спускающейся на грудь, с живыми, хоть давно потерявшими свой цвет глазами, старик сохранял бойкий интерес ко всем делам, касавшимся его становища. Он давно и хорошо знал нуэита, уважал за добрую помощь сородичам в дни страшных болезней и бед. Разгадав мысли Белого Дня, мудрый старик намекнул, что на праздник собирается много саамских женок, среди которых он найдет подходящую и введет в свою вежу женой. Белый День усмехнулся словам Анкасая, но приглашение принял.

* * *

Варван ехать на праздник не хотела. Своих оленей у них с дедом было немного, попроси кого из пастухов – пригнали бы. Да только дед Томаско, что уж век доживал, лицо которого пересекали несколько глубоких морщин, точно накатанные лыжни зимника, глядя на внучку тусклыми глазами, настаивал:

– Поедем, однако. И не смей перечить мне. На этом празднике судьбу свою найдешь, – и мягче добавлял, – не бойся, девонька, не бездетна ты. То олухи-саамы не

10 Бирра – кольцо из ольхи.

смогли в тебе женку разбудить. Спит она крепким сном. Легче всего на человека понапралину возвести. Поди, не сожгли бы шведы¹¹ того монастыря, живы были твои родители, и понапралины бы не было.

Доживал свой век на земле Томаско. А ведь он помнил время, когда никто на земле саамов даже не упоминал о людях, пришедших с краев неведомых. С ближних соседних земель враги часто на племена саамов набеги делали, но не оседали, не пускали корни. Другие времена пришли, и русский люд, а для саамов – рушш олмэ, стал обживать берега Студеного моря, к которому коренные жители этих мест приводили свои стада на кочевья.

Всю жизнь Томаско пастушил. Рядом жена-хозяйюшка, детишки справные. Время прошло и разметало всех по разным местам, отошли от отца с матерью. И кто бы мог подумать, что жена на старость лет подарит ему еще одну дочь. А дочь для саама – особая радость, девочек всегда было выгоднее рожать, так как все родственники при этом дарили ребенку оленят того пола, каким рождался ребенок, а значит, стадо, если в нем много важенок¹², увеличивается с каждым годом.

Моресь – словно игрушка для пожилых родителей. Да и разве Томаско не в силе? Еще на медведя в свои полвека ходил. И разве полвека – возраст для мужчины?

Лет десять было Моресь, когда болезнь скрутила мать, да так, что та уже не встала с ровушки¹³. Все хлопоты о дочери легли на плечи Томаско. Росла Моресь красавицей. Увидал ее однажды Фетк, приехавший погостить к дядьке с Педзьенго, и посватался к девице. Год, как принято у саамов, Моресь ждала жениха, а когда тот примчался на белых оленях с подарками, выкупом, свадьбу сыграли, и молодые покинули отца.

Через время получил Томаско весточку, что принес Фетков дядька. Мол, его племянничек, а Томаске – зятек, пошел служить в монастырь, что на Педзьенго стоит, послушником. Моресь в погосте неподалеку от того монастыря живет, ребенка ждет.

Недолго думая, Томаско пожитки свои в кережи¹⁴ сложил, вежу прикрыл и на оленях к дочери подался. Несколько ночевок делал, пока до того Педзьенго добрался. Саамы там другого рода живут, нотозерские, их язык отличается от Томаскиного – кильдинского. Однако выяснить, где вежа дочери находится, большого труда не составило. Тут-те и узнал человек, что дочь и зять его своих богов презрели и в новую веру подались, тех самых рушш олмэ.

11 «Перебив в Печенге всех жителей, шведы сожгли их вместе с монастырем. Они предали огню все постройки, церковь, большую часть имущества, скотный двор и мельницу; сожгли также поселок, где была монастырская гавань, все корабли и лодки...» И подписал некий Вардехус 7 августа 1590 года. А вот что сообщают Архангельские ведомости: «В Печенгском монастыре... швейские немцы многую казну поимели, церковного строения и сосудов серебряных, и денег, и платья, и сукон, и соболей, и лисиц, и всякие мягкие рухляди, и хлеба, и всякого монастырского обихода по смете на 55 тысяч рублей...» Для сравнения: вся дань от саамов Финнмаркена русскому царю в год составляла 90 рублей 33,5 копейки.

12 Важенки – отелившаяся самка оленя.

13 Ровушка – спальник мешок, сшитый из оленьих шкур.

14 Кережи – древние саамские сани без полозьев.

Хотел было Томаско их уму-разуму наставить, нуэитов найти, колдовством отвести от веры, поганой сердцу его, да одумался. Еще дед с отцом учили: каждый в жизни выбирает свой путь, свою дорожку. Сверни насильно человека с того пути – и возьмешь на себя перед богами и духами грех. Что если человек со своей дорожки сойдет, а ту, что навяжут, не сумеет принять? Потеряется – гибель. Ты виноватым останешься. Потому как на пути каждого свои духи-защитники стоят – сейты¹⁵, чужие охранять не станут. А без духов-покровителей как по пути идти? Не выйти! «Нет, – подумал Томаско, – пускай дочь с Фетком по той дорожке, что сердцем выбрали, смело идут на радость-беду, то ему неведомо».

Чтоб дочери своей, если что, защитником стать, поселился Томаско в леску, неподалеку от становища. Ягель сочный, оленям есть чем кормиться. Да и разве может пропасть человек один в лесу? У Томаско ноги и руки еще крепкие, глаз острый, рядом олени-братья – не пропадет. Нет, живя отшельником, Томаско совсем не был одинок.

А в осень дочь радость принесла – внучку родила. Фетк малышку в монастырь отнес и в веру православную рушш людей окрестил. Тут уж Томаско не выдержал. Подумал: сами веру прадедов предали – ладно, их дело, а почто же невинное дитя злым духам чужой веры отдавать? И решил внучку защитить. Наведался к дочери и стал зазывать ее с внучкой у него в леску пожить, порадовать старика. Не могла Моресь отцу отказать, а как пришла, отправил ее Томаско по ягоды. Сам в это время достал спрятанный котел с вареной корой ольхи, подогрел чуть, чтобы малышку не застудить, стал обмывать девочку и заклинания произносить: «Этой водой я снимаю с тебя имя, данное при крещении в монастыре, и нарекаю новым – Варван».

Обмакнул ветку березы в котел и три раза стегнул небожно. «Будь так же плодovита, здорова и крепка, как береза, с которой взята эта ветка...»

Проделал все, как полагается, и успокоился. Теперь его внучка саамское имя станет носить. Узнав о сотворенном отцом, Моресь расплакалась:

– Как же я, аджя¹⁶, об этом Фетку скажу. Он в дочери души не чаял, гордился, радовался, что крестил ее в веру рушш олмэ. Монахи рассказывали ему: существует только один Бог – Христос, которому все люди и должны поклоняться. А наша саамская вера во многих богов и духов – ненастоящая, от нее совсем надо отказаться.

Томаско рассердился на дочь и недовольно заговорил:

– Ты мне про веру рушш олмэ не рассказывай. Приняла – верь, но наших богов и духов не тронь. Ими ты на свет рождена. Они хранили тебя на всем пути. Посмотрим, сумеет ли новый бог хранить вас с Фетком так же. И как бы ты бога рушш олмэ не защищала, внучку я ему не доверю, так и знай.

– Что ты наделал, аджя, – не слушая отца, причитала Моресь, прижав к груди дочку-комочек. – Это только по-нашему обычаю человека можно перекрещивать. По той вере, что мы с Фетком приняли, нельзя крестить несколько раз. Слезы дочери Томаску не тронули, и он уже спокойно заметил ей:

– Имя, данное твоей дочери Фетковыми монахами, – не выговорить, я нарек ее Варван. Будешь звать ее, как я окрестил.

15 Сейты – каменные божества.

16 Аджя – отец.

Моресь возвратилась в становище и, дождавшись мужа, все рассказала ему. А тот, как ни странно, не расстроился. Успокоил жену.

– Предвидел я, что Томаско такое сделает. Не горюй, Моресь, дочке от этого хуже не будет. Сила Христа сильнее наших саамских богов, она защитит дочь от всех бед. А грех твоего отца я отмолю.

Моресь успокоилась, повеселела. Она думала про ту веру, которую приняла вслед за мужем. Если бог монахов так силен, то их с Фетком дочь в жизни будет очень счастливой. Вон сколько саамов поняли и приняли бога рушш, почему же саамы ее родного становища о боге том ничего не хотят знать, отвергают его? Когда она с мужем приехала в Педзъенго, то с удивлением узнала, что саамы здесь уже давно все крещены в веру Христа, в монастырь на службы ходят. И праздников по вере рушш олмэ гораздо больше, чем праздников в их саамской вере, хотя бог один. Многие жители окрестных становищ на этой стороне Лапландии говорили на смешанном языке, вставляя в свой саамский язык слова рушш. Да и она сама выучилась от Фетка несколькими словами. Рушш «спасибо», например, совсем как их саамское «пассыпэ», потому и легко запомнилось. Моресь, смеясь, говорила мужу: «Пасипа, Фетк», когда он принес ей из монастыря комочек сладкого твердого белого снега, прозываемого у рушш сахаринном. Комочек таял во рту, образуя тягучую сладкую слюну. Угощала Моресь им и отца, но Томаске тот не понравился. Сказал, что ему пришлось выпить сразу несколько кружек воды, чтобы избавиться от ощущения, что язык во рту к нёбу прилипает.

Когда их дочери исполнилось три месяца, Фетк принес вырезанный в монастыре в часы отдыха оберег. Повесил подарок на шейку девочке и сказал жене:

– Коль судьба нашей малютке быть оберегаемой рушш и саамскими богами, пусть и на груди своей она носит крест и изображение оленя Мяндаша – прародителя саамского.

Томаско все это знал по рассказу дочери и на этот раз не стал противиться действиям Фетка, хотя внучку все одно звал Варван, как нарек при саамском крещении, не иначе.

Воспоминания старика по реке памяти спокойно текли. Но вот стали натекать и на пороги они. Их завертело в круговороте быстрин, и тогда на сердце старого человека тяжелым камнем легла тоска.

Большая беда обрушилась в пору Пазь¹⁷. Читая следы разора шведов, внезапно напавших на монастырь и ближние становища, Томаско находил на местах бывших поселений только обгорелые трупы людей, бревна, тлеющие лохмотья одежды и утвари. Шведы не пощадили никого. В становище, где жила Моресь, – то же самое: зарубленные женки, детишки, старики. Там же обнаружил он и своего обгоревшего зятя, из последних сил бежавшего в погост предупредить людей о беде, и красавицу-жену, над которой враг надругался, заколов в самое сердце.

С горечью Томаско думал, каким же коротким оказался их путь по вере нового Бога. Из его глаз не выкатилось ни одной слезы, плакала душа старого человека. Пока он хоронил Моресь и Фетка, глаза окаменело запоминали образы ушедших

17 Пора Пазь – время, соответствующее декабрю-январю.

детей. И как ни тяжело было Томаске, но холод в свою душу не пустил: на руках сиротой оставалась маленькая Варван, надо было думать, как поднимать ее.

Быстрее бы пришло время Кыдт¹⁸. Тогда важеньки его небольшого стада отелятся и наполнятся живительным молоком, так необходимым его внучке.

Олени! Старики говаривали, что они не сыны и дочери Земли, их отец – солнце-Пеййв. Красивые легенды существуют у саамского народа об олене Мяндаше – прародителе саамов, о белом олене-человеке с черной головой и золотыми рогами. Давно это было. Жила в одном становище женщина-нуэйт. Надоело ей в облике человечьем находиться, и решила она олений облик принять. Гуляла, бегала с дикими оленями по сочным ягельным тундрам, да и понесла. Только рожать в облике оленьем побоялась, вновь обернулась женщиной, а сынок-то родился олененочком. Делать нечего, сын есть сын, в каком бы облике ни появился на свет. Кормила его женщина, пестовала, а когда тот подрос, спросил у матери, где отец. Призналась та, что отец его – олень, и вскочил сын-олень на крепкие ножки да помчался в тундру отца искать. С тех пор и появился у саамов запрет вожака диких оленей убивать. А уж если дитя человечье оленьим молоком поить, вырастет оно красивым и крепким, как важенька – оленей мать.

Годы бегут... За заботами и хлопотами не заметил Томаско, как и Варван выросла. Вот уж скоро сто лет, как он на земле живет, и снова печаль острым когтем вонзилась в сердце старого человека. Варван выросла ладная, пригожая, а с замужеством не везет. И увидев в эту осеннюю пору в становище нуэйта Белого Дня, старик каким-то внутренним чутьем определил – он и есть ее судьба, хотя та уже совсем отчаялась когда-нибудь завести семью и ребенка родить. Ни в какую не хочет на священный праздник на озеро Духов ехать, чтобы там судьбу свою принять. Не верит. Что делать, как убедить?

Варван, обжаривая рыбу на вертеле, тоже как Томаско, думала свою думу. Аййя¹⁹ говорит ей, что спит в ней женка, что не разбудили ее мужчины саамы... Как же спит? С мужем почти полный круг солнца жила – не отяжелела. Но ранней весной медведь мужа задрал. Осталась одна. Двое парней брали ее на священном празднике саамов Имание оленей, и от них не смогла понести. Молодой Вуэнсемь хотел было по зимнику два года назад свататься, а как прознал, что пустая она, другую себе в жены сыскал. У той уж и дети по веже ползают.

Растревожили думы Варван, и сказала она деду:

– Не поеду я, аййя, на праздник. Опять срам терпеть? Не хочу!

– Ай, девка, как язык твой повернулся на такие слова, – оборвал ее Томаско сердито. – Не для развлечения праздник этот нашим народом устраивается. Святая святых для всех саамов он. Откажешься – богиня Сар-акка²⁰ тогда уж точно осердится и оставит твою плоть пустой, – и уже мягче добавил:

– Верь мне, Варван, я для того так долго жил, не помирал, что не могу тебя сиротой

18 Кыдт – весна.

19 Аййя – дедушка.

20 Сар-акка – самая почитаемая из дочерей богини Земли. Считается настоящей саамской повитухой, покровительствующей рождению людей, животных, размножению растений. Ей поручено вкладывать ребенка во чрево матери, чтобы душа младенца срослась с его телом.

оставить. Теперь время мое пришло после праздника собираться за озеро, а тебе мужней женой стать.

– Не сердись, аййя, – оправдываясь за резкость, сказала Варван, – Просто вера моя поистратилась, Сколь я Сар-акке молитв вознесла? Сколь жертв втайне от тебя сделала, а она словно и не знает о моем существовании.

– Не права ты, внученька. Сар-акка тебя твоей матери во чрево вкладывала, в родах ей помогала, как же она могла о тебе забыть? Ты сколь просишь ее? И трех лет не прошло. А знашь, сколь Наст с Акияввьрь Сар-акку просила? Не знашь, а про то тебе-то ведать нать. Ей тожеть все грехи какие-никакие приписывали, а она возьми и в полвека роди всем на удивление. Ее за то, что говорила, мол, увидите, всё одно рожу, умом тронутой считали, а родила! Поверь мне, внучка, тебе по этому году на озеро Духов обязательно ехать нать.

– Ладно, аййя, поверю, поеду по твоему решению, раз говоришь, судьба моя там, но это будет в последний раз.

– Вот и хорошо, девонька, вот и умница, что старику не отказала, – обрадованно сказал Томаско.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Настя для Лахэна была второй в жизни женщиной. Женщиной с ярко-рыжими волосами и сочной зеленью в глазах. Она была, как летний день, теплая и солнечная. С каким-то особым притягательным запахом, совершенно неприсущим другим женщинам, которых он знал. Из детства Лахэн помнил запах матери. Она пахла молоком и коровами, бабушка – дымом, потому что все время проводила на кухне возле печки; от девушек ансамбля пахло костюмами. От Насти – свежестью и какими-то неведомыми ему тонкими духами. Этот запах и пробудил в нем азарт первобытного охотника. Ему вспомнился момент знакомства с ней в Шереметьево. Сначала все время перед глазами мелькало лицо Ларисы Судаченковой, которой родители передали с участниками ансамбля «Эльвель» посылку и которая надоела ему своими взглядами еще в Каврале, а затем их руководитель Перий представил Настю. Она протянула ему руку и мелодично произнесла: «Анастасия, можно Настя». Он даже не заметил, как крепко сжал ее маленькую ладонь. Кто-то из друзей ансамбля, увидев, как Лахэн уставился на Настю, пошутил: «Попал медведь в лисью западню». Все засмеялись, только он, Лахэн, оставался глух и слеп ко всему окружающему, пока ощущал тепло ее ладони. Но тут Перий назвал другого. В гулкости аэропортовской суеты выделялся только один голос – мягкий, веселый, принадлежащий ей. Среди толпы он видел только ее большие зеленые глаза. Она радостно и широко улыбалась всем, кого ей представлял Перий, а глаза, казалось, говорили: «Я в вашем распоряжении. Думаю, у нас будет достаточно времени, чтобы познакомиться поближе».

Разве мог он тогда предположить, что знакомство с ней может произойти настолько близко? Конечно, нет. Такая мысль тогда еще не приходила в голову, хотя он уже и почувствовал, что эта женщина завладела его сердцем.

– Скажи, если бы я тебя очень сильно попросил, ты смогла бы мне ребенка родить? – спросил Лахэн. – Только честно, смогла? Я мечтаю о своем ребенке! Я бы забрал его у тебя и растил сам. Только скажи, что смогла бы мне родить его.

Настя удивленно посмотрела в бушующие черным огнем глаза мужчины. Что ей ответить? Что у нее уже есть двое своих мальчишек? И как это родить и отдать? Да и вроде поздно ей думать ещё об одном. А он продолжал требовательно смотреть на нее своими черными глазами и просить о сыне:

– Ты даже не можешь представить, как я мечтаю о собственном ребенке – сыне, дочери, все равно! Кажется, все бы отдал женщине, сумевшей мне его родить. Жена больше детей не хочет. А мне нужен ребенок, понимаешь? Хорошо бы сын, продолжатель рода!

Наверное, в лице Насти отразилось сострадание, которое Лахэн прочел и сказал, как отрубил:

– Нет, ты не родишь мне его.

Он закрыл глаза, чтобы скрыть горечь, и тяжело вздохнул.

Кто для него Анастасия, с которой он только несколько часов назад познакомился?

Она не была красавицей, но ее внутреннее обаяние притягивало сильнее, чем магнит. Открытая бесхитростная улыбка, искрящиеся радостью глаза рушили все преграды. Ее хотелось любить, ощущать рядом, вдыхать душистый аромат ее тела, каждую ночь зарываться лицом в ее волосы, мягкие и шелковистые, и жить с ощущением счастливого мужчины, который наконец-то обрел любовь только для него предназначенной женщины. Вот она лежала рядом, поверженная его любовью, но своими мыслями, своей жизнью остающаяся недоступной и бесконечно далекой... Впервые Лахэну захотелось завоевать не только тело женщины, но и ее душу, даже если она и не одарит его ребенком.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Почему птица перестает петь? От одиночества или потери друга у нее пропадает ощущение полета, радость жизни? А что делать птице на земле, если она не может летать?

Анастасия иногда представляла себя птицей. Она летала высоко и пела свою песню любимому, пока он был рядом. Но стоило ему покинуть ее, и ощущение радости полета пропало.

Несколько лет Анастасия Одинцова жила с мужем душа в душу – и это было ее счастьем. Отзвуки прошлого будили в ней тайную грусть о муже, о настоящей, счастливой семье, в которой обитали и счастье, и согласие. Не из книг, из своего воображения она познавала счастье семейной жизни. С пьянящим трепетным обожанием смотрела на мужа, отца своих детей. С замиранием сердца слушала его признания в обожании и верности. Старалась быть настоящей преданной женой, ласковой матерью, безупречной хозяйкой. И, быть может, в повседневных будничных хлопотах о семье не заметила, как муж потерял к ней интерес как к женщине. Исчезла из их отношений тайна завоевания друг друга, и она стала для него просто матерью,

хозяйкой, нянкой... И однажды... Анастасия все ещё помнила, как застала мужа в постели с другой, как затем он просил у неё прощения, и они еще какое-то время жили вместе ради детей. Но что-то ушло из Настиной души. Может, тепло, которым она пыталась согреть их супружескую постель? С тех пор ее не оставляло чувство постоянного присутствия в постели чужой женщины. Хотя то постельное белье она даже не стала стирать, а, брезгливо сдернув с кровати, выкинула в мусоропровод.

Да, Настя видела, что и муж ее не находил уже в их нынешней жизни душевного взаимопонимания и спокойствия. Все чаще возвращался домой поздно вечером, ложился в кровать, отворачивался от нее и засыпал.

Так проходили недели, месяцы и, наконец, они развелись. Он ушел к той самой женщине, но, несмотря на это, все так же продолжал заботиться о детях, о ней, чувствуя огромную ответственность за тех, кого бросил. А может, когда стал жить с другой, сохранял еще теплые чувства к бывшей жене. А возможно, ей просто казалось, что, приходя к детям, их отец ревностно глазами обследовал каждый уголок комнаты на предмет чужого мужчины в доме.

Настя много думала о роли женщины в жизни мужчины и пришла к выводу: женщин, умеющих наводить чистоту, хорошо выглядеть, растить детей, – много. Миллионы! Но женщин, сумевших дать мужчине почувствовать его исключительность, единицы... И от такой женщины ни один мужчина не уйдет.

Поняла: нельзя давать мужчине уверенности в том, что она, кроме него, никому не нужна. Ведь умная женщина не настолько самонадеянна, чтобы считать себя верхом совершенства и думать, что ее мужчина всецело принадлежит ей и больше никому. Обычно таких женщин в семьях и подстерегают крушения, разочарования, отчаяние, какие выпали на долю Анастасии.

Недаром древние мудро говорили: «В мире нет зла, так как все зло в нелюбви и в немира». В нелюбви! Отсюда и все беды.

После развода с мужем прошло четыре года, а она так никого и не встретила. Мать, видя грустные глаза дочери, однажды призналась:

– Это, Настенька, нам по жизни невезенья с тобой написаны. Мне моя мать рассказывала: ходила по саамским погостам старуха, бабила, – роды принимала. Вот пристала пора родиться мне. Мать позвала старуху, а та, приняв и обмывая меня над корытцем, сглазила: «Шестьдесят лет роды принимаю, а чтоб ребенок сразу идти налачился, первый раз наблюдаю». А я, видать, ножками над корытцем засучила. Матери-то – не до старухи и её слов, потом поняла, когда я болеть начала. В Коардек съит, где мать жила до замужества, бань не было, да и в Луйяввре, куда замуж вышла, саамы тоже в те времена их не строили. Только при домах коми небольшие строеньица стояли, именуемые банями. Узнала материна подруга-ижемка про сглаз, уговорила сестру поехать к бабке-знахарке из своих. Натопила та баню и научила, что делать надо: плескать на каменку, чтобы жар гуще был, и ребенка парить. Сначала мать положила меня поперек под живот к себе на ноги и стала тихонечко веничком похлестывать. Затем вниз головой перевернула и опять била. Сама вся в поту от жара банного, волосы на голове высохли, а мне хоть бы что, словно и не в парной на горячих ногах матери лежу, а в амбаре, где рыбу льдом перекладывают. Посмотрела коми-знахарка и сказала: «Еще два раза придешь». А мать сдуру

проболталась об этом родичам, которые бань-то еще не ведали, те и отговорили ее идти. Знахарка после, увидев мать, посочувствовала: «Не пришла до конца сглаз снять, теперь твою дочь и детей ее так всю жизнь люди и будут сглазывать». Мать меня затем крестила, в церкви разные носила, но не сильно помогло. Видишь: все равно часто болею. Ты у меня тоже крещеная, а вот нашелся кто-то, позавидовал счастьем – и расстались с мужем.

– Что ж, мама, мне так и не будет в жизни везти?

– погоди, доченька, я для тебя тоже какую-нибудь знахарку найду, глядишь, сглаз и снимется²¹.

Вскоре Анастасия получила приглашение в Москву на стажировку в Информационный центр коренных народов и, не задумываясь, поехала, оставив детей на родителей и бывшего мужа. Она уже забыла, когда была в столице последний раз. А ведь здесь прошла ее юность, лучшие студенческие годы.

Столичная жизнь! У нее свои законы! Свой отсчет времени, расстояний, восприятия окружающего мира. У москвичей не важно, какой ты человек: простой или образованный, сноб или «свой в доску» – отпечаток столичности есть во всем: в походке, взгляде, манере разговора. Каждая минута москвича точно рассчитана: не опоздать, не попасть в час-пик, не пропустить что-то важное. Постоянная внутренняя собранность, гонка куда-то и за чем-то. Да, Настя все помнила. И ночные прогулки при луне на Ленинских горах, и свой первый поцелуй с Сережкой Сухановым, и влюбленность в него, и встречу в Большом театре со своим бывшим мужем...

По приезде Анастасии в Москву в первопрестольной всю неделю лил дождь. На улицах было сыро, неуютно, как, впрочем, и в недорогой гостинице, куда поселили стажеров Центра, так как отопление по всей Москве давно уже отключили. И все же этого нельзя было сказать о редакции журнала «Северные просторы», где находился Информационный центр коренных народов России. Там царили тепло и уют.

Группа стажеров, в которую попала Настя, состояла из восьми человек: эвенк, чукчанка, селькупка, двое коряков, юкагир, ульч и она, представительница саамов Кольского полуострова. Хотя, если честно, Настя, несмотря на то что мать у нее и была саами, совсем не ощущала себя таковой. Может, это было в силу того, что она почти не знала саамского языка. А может, оттого, что в паспорте была записана по отцу – русской. Как бы то ни было, она все же приехала в Центр и начала учиться в нем.

Селькупка Ирина, статная, красивая, с большими карими глазами и короткой кокетливой стрижкой двадцатилетняя девушка, с которой Анастасия сразу подружилась, сидела за компьютером, а Настя в ожидании своей очереди поработать на

21 Надо отметить, что саамы хоть и приняли христианство более четырехсот лет назад при Трифоне Печенгском, память о котором сохранилась в преданиях саамов как о святом, праведном, светлом лопарском апостоле, но не переставали поклоняться и богам языческим. Вот что по этому поводу сообщает этнограф конца XIX века Николай Харузин, написавший большой труд «Русские лопари»: «...если лопарь отправлялся для принятия Св. Причастия в Церковь, он до церковной исповеди совершал исповедь перед своими богами; это происходило либо дома, либо у первой воды, которую он встречал на пути в церковь...» Более трех столетий саамы считались двоеверцами, потому как ходили и в церкви православные, и не забывали своих, языческих богов. Но к концу XX века стали в большинстве своем настоящими христианами, хотя заговорам все же не переставали верить.

чудо-технике забралась на подоконник и у распахнутого окна изучала материалы по культуре саамов. Впервые за несколько дней дождя погода в Москве стояла солнечная. Теплый ласковый ветерок доносил в комнату запах цветущей сирени, и Насте подумалось: в Мурманске еще снег лежит, а здесь сирень цветет, солнце светит. Если долго-долго смотреть на солнце, оно слепит. Перед глазами сразу появляются темные круги, и, чтобы избавиться от них, необходимо закрыть глаза и дать им отдых. Может, поэтому в старинной саамской сказке люди сначала получают кусочек солнечного света и только затем – все солнце.

Когда-то земля Насти – Лапландия – была темной страной, над которой не светило солнце. Никто из людей не видел его. Только черное небо, освещенное луной и звездами. Было так темно в той стране, что люди едва различали друг друга. Они жили в вежах и прозывались вежниками. Прошла тысяча лет и еще тысяча, и вот прискакал в эту страну старик с белой седой бородой до колен на чудесном олене и рассказал людям о солнце. Захотели вежники тоже увидеть его. Выискался в племени отважный юноша и добыл небольшой кусочек. Осветил он тундру, и увидели люди, как зарделись небеса, вспыхнув красным цветом. Озарились болота. Вода в озерах и реках стала голубой, мхи – разноцветными. Такой красоты никогда не видели люди темной страны и подумали: если маленький кусочек солнца смог так украсить их землю, то какой же она станет красивой, когда принесут они на небо все солнце?! Тронул солнце рогом чудесный олень, и оно плавно покатилося и легло на рога ста тысяч оленей, которые принесли его в тундру. С тех самых пор оно и светит людям лапландской земли²².

«Светит-то-светит, – подумалось Насте, – а снег до сих пор растопить не может. Как же далек ее полуостров от центра!»

– Настён, давай нашим предложим: когда все в гостинице соберутся после праздников, вечер откровений организовать, – прервала ее мысли Ирина. – Заметила, как ребята на обсуждениях напевают на русских, мол, они только и виноваты в бедах коренных народов – самые настоящие завоеватели и колонизаторы.

– Еще бы не заметить! Андрюшка ясно дал понять: эвенки страдают от русских и якутов. Конечно, если рассматривать историю коренных народов, то было всякое: и войны, и насильственное крещение в православие, но при этом были и положительные результаты; хотя, если подумать, мы с тобой не совсем правы, что судим их. Мы ведь не чистокровные, как все остальные в нашей группе. Ты вот – от селькупки и казака, а я – от саами и русского. Смесь бульдога с носорогом получается, Ириша.

– Да, Настёна, мы с тобой не «чистые». Но коль в России основная часть коренных народов уже перемешана кровью с русскими, чего теперь-то копыя ломать... А знаешь, как селькупов до революции звали? Остяками, или самоедами.

– Что-то ты, милочка, путаешь, – усомнилась Настя. – «Самоед» с финско-саамского языка переводится как самэедна, то есть земля саамов:

– Правильно, – подхватила Ирина, – от твоих саамов это слово и распространилось на другие народы, в том числе и на селькупов. Так что мы с тобой где-то родственники, а?

– Куда от тебя деться, – засмеялась Анастасия, – конечно, мы одной крови.

22 Саамская сказка, записанная П. П. Юрьевым в пересказе автора.

Их разговор нарушила корреспондент журнала «Северные просторы» Вера Лапина, давняя знакомая Насти, не раз наезжавшая в Мурманск за сбором информации о саамах.

– Насть, будь другом, сгоняй в буфет, купи чего-нибудь пожевать, – произнесла она умоляюще, поправляя очки с толстыми круглыми стеклами, – я отлучиться не могу – звонка жду. Пока ходить будешь, чайничек вскипачу. Пора бы нам, девчачки, и перерыв в работе сделать, как вы на это смотрите?

– На это всегда смотрят положительно, – выговорила селькупка Ирина, чеканя слова. И добавила, – Настён, я с тобой сбегая, устала до смерти от этого компьютера.

И правда, к концу дня девчата чувствовали: животы уже подвело. Вернувшись из буфета, они в Центре обнаружили корячку Ларису Судаченкову, приехавшую из Санкт-Петербурга, куда она ездила к своим друзьям в Полярную академию. Настя, удивившись, спросила:

– Что так рано? Вроде собиралась дней на пять, а всего-то три прошло.

– Да тут родители с Камчатки позвонили, чтобы я ансамбль «Эльвель» встретила, он во Францию на гастроли летит, – с участниками его передачку послали мне.

– Везет, от родных весточку получишь, – сказала Ирина, до сих пор не получившая с родины еще ни одного письма.

– А поехали завтра со мной встречать их в Шереметьево, – предложила ей Лариса.

– С удовольствием бы, да я завтра в театр намылилась, культурную программу себе устраиваю.

– А хочешь, я с тобой съезжу, если одной скучно? – предложила Настя. – Я завтра целый день свободна. Да и Перий Халоймов, руководитель этого ансамбля, мне знаком. Заодно бы с ним увиделась.

– Конечно, поехали, – обрадовалась Лариса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вечером в гостинице Настя молила Бога, чтобы послал назавтра хорошую погоду. И то ли водные ресурсы неба поисскали, то ли молитва достигла небес – погода на следующий день выдалась солнечной и по-летнему теплой. И вот они уже с Ларисой едут в автобусе встречать с далекой Камчатской земли ансамбль «Эльвель».

Лариса, увидев выходявших артистов, бросилась к ним с приветствиями, потом вспомнила про Анастасию и, помахав ей, подозвала к прилетевшим участникам ансамбля.

– Анастасия! А как ты-то здесь очутилась! – увидев её, с удивлением воскликнул Перий и протянул навстречу свои руки.

– Дай-ка на тебя поглядеть. Сто лет не виделись, – она высвободилась из его объятий и посмотрела оценивающе. – Ничего, смотришься молодцом.

– Старое дерево, хоть и скрипит, но живет, – в тон ей пробасил Перий. – А ты, я вижу, все молодеешь? Как твой Мурманск? Стоит еще? Не захлебнулся волнами Атлантики?

– А твоя, Перий, Камчатка не осела на дно Тихого?

Пока они поддразнивали друг друга, подошли остальные участники ансамбля.

Все с любопытством рассматривали улыбающуюся, очень привлекательную незнакомую молодую женщину, с которой так приветливо разговаривал их руководитель. Почувствовав на себе чужие взгляды, Настя начала знакомиться со всеми остальными. Перий в отдельности представлял каждого.

Лариса, увидев, какой интерес вызвала Анастасия у участников «Эльвеля», фыркнув, обиженно произнесла:

– Нет, смотрите на них, свою землячку они уже и не замечают.

Ительмены стали оправдываться, мол, всего-то месяц прошел, как виделись, а она уже губки надула. Анастасии от слов Ларисы стало сразу как-то не по себе.

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока для участников «Эльвеля» арендовала автобус.

– Садись рядом, поговорим, – предложил Насте Перий. – Ты что в Москве делаешь?

– В Центре вместе с вашей Ларисой стажировку прохожу.

– Ну и как, нравится?

– Интересно. Хотя, если честно, не всегда после наших дискуссий у меня на душе ладно. Ребята попались молодые, максималисты. У них – или черное, или белое, а жизнь, сам знаешь, разная.

– О чем спорите?

– О национальностях. Например, кем себя считать? Ну, вот мне, – русской или саами? Семен Елагин, наш руководитель, говорит, что человек обязательно должен сделать выбор. А я сказала, что не могу называть себя саами. В паспорте-то русской записана. Паспорт менять? У нас сейчас многие меняют да в саамов превращаются. Выгодно сегодня малой нацией быть. Прямо мода какая-то пошла. Я так не могу. Отец у меня из Торжка. В детсаде, в школе, в институте меня русские педагоги учили – что ж я теперь, от них и отцовского рода, как от черта лысого, открещиваться должна. Да если глубже копать, у меня по отцовской линии какой только еще крови не намешано, одна прапрабабка даже цыганкой была.

Перий смотрел на нее изучающе. Они давно не виделись, и он заметил в Насте перемены: она стала более взрослой что ли и женственной. Ее голос уже не был таким задиристо-звонким, каким она читала доклад на съезде малочисленных народов, где представляла саамскую молодежь Кольского полуострова. Сейчас он был чуть приглушенным, грудным. Видно было, что ее по-настоящему волнуют споры, происходящие в их Центре, что она искренне хочет разобраться в себе. Услышав про Елагина, Перий поинтересовался:

– И что он? Я ведь пару раз с ним на Камчатке встречался.

– Елагин говорит, что в новом российском паспорте отменяют графу «национальность». А я опять думаю: хорошо это или плохо? Не перегиб ли очередной? Вот, помню, бабушка мне свидетельство о рождении показывала, в котором национальности ее родителей не были вписаны, так знаешь, как это обижало ее. Говорила, родители саамы были и я – саами. Разве может человек быть без роду-племени, это все равно, что корней его лишить. Но сегодня вопрос уже в другом. До этой поездки я жила и не задумывалась, кто я: русская или саами. И хоть в паспорте «русская» стояло, корни свои саамские знала хорошо. Да, по-моему, так в России большинство и живет. А сюда приехала, говорят: выбирай. Словно меня со мной же и сталкивают,

и начинается в душе раздраз. Тут и подумаешь, а может, и неплохо, что в паспорте национальности не будет записано. По крайней мере, тогда я себя, может, буду свободнее ощущать. А то – выбирай. Почему я должна выбирать, если во мне и русская кровь, и саамская? И без национальности – как жить?

– Как я погляжу, серьезные вопросы решаете. И что, на все это вас Семен толкает?

– А кто же? Он руководитель. Если я еще спорить с ним умудряюсь, то наш молодняк ему то и дело в рот заглядывает. Да что там я, ты о себе рассказывай, об ансамбле своем. Ишь куда собрались, в самый центр цивилизации.

– Оно, Настенька, как поглядеть. Может, эту самую «цивилизацию» мы им понесем? Рад, не буду скрывать, наконец, моя мечта начинает сбываться. Я с детства больше всего в жизни хотел мир увидеть, поездить по разным городам, странам... И видишь: мечта сбывается. Гастролировали во Вьетнаме, теперь во Францию летим.

Перий был в возрасте зрелого и повидавшего в своей жизни многое мужчины. Время мало изменило его: волосы были еще густыми и слегка посеребрёнными, особенно на висках. В глазах оставался все тот же блеск, как и несколько лет назад. Он с нескрываемым интересом реагировал на все сказанное Настей. Особенно ей понравилось, с каким достоинством сказал Перий про предстоящие гастроли во Франции.

– Молодцы! Я очень рада и за тебя, Перий, и за твой ансамбль, – сказала она и, точно что-то вспомнив, добавила, – кстати, а почему ты его «Эльвелем» назвал?

– Эльвель – образ прекрасной девушки. По старинной ительменской легенде, в нее влюбляются два брата – Каврал и Плахэн, из-за чего они готовы пролить кровь друг другу. Чтобы предотвратить братоубийство, шаман Ухт превратил их в реки, а красавицу-деву в «юную гору». Наш Каврал как раз на реке имени одного из братьев стоит.

– Значит, твой ансамбль взял образ девы-горы?

– Да, если добавить еще, что это не просто гора, а вулкан.

– Действующий?

– Нет, вулкан Эльвель притих, зато действуем мы. Все началось тридцать лет назад, когда знаменитая моя землячка Татьяна Гуторова, большой знаток и собиратель ительменского фольклора, написала сценарий балета «Эльвель»...

ГЛАВА ПЯТАЯ

В гостинице устраивались долго, но когда устроились, собрались все в номере Перия. словно по волшебству, на столе из ближайшего магазина появились бутылки водки и закуска. Ительмены достали камчатский балык, запах от которого распространился по всей комнате. А так как стульев на всех не хватило, сели на медвежью и росомашьи шкуры из реквизита участников ансамбля.

Глядя на приготовления ительменов к застолью, на вяленую рыбу, шкуры, Анастасия вдруг вспомнила, что уже переживала подобное состояние в тундре в чуме. Бабушка однажды взяла ее на остров к рыбакам-саамам, которые на зиму заготавливали рыбу: солили, вялили, коптили. Тогда тоже все сидели на шкурах, правда оленьих, возле огня, и ели вяленую рыбу. И в воздухе витал такой же специфический запах. А смешанная речь, включающая саамские слова и русские, еще больше на-

страивала маленькую Настеньку на сказку. Ительмены своей внешностью были очень похожи на американских индейцев, и это возбуждало в ней еще больший интерес к ним. И она уже не замечала, что сидит в обычном гостиничном номере: воображение перенесло ее в Канаду, на берег какой-нибудь бурной реки, в вигвам на индейский пир, потому что и речь ительменов, как и саамов, окрашивалась журчанием таинственных, неведомых ей до сих пор словосочетаний незнакомого чарующего языка. А может, чувства ее обострялись от их удивительно красивых песен, всколыхнувших в ней генетическую память ее предков, зазывающих познать непознанное.

Артисты, немного выпив, расслабились, стали подшучивать друг над другом, спрашивать Ларису о стажировке, об успехах. Лариса, чуть захмелев, хвасталась своим землякам тем, что запросто ходит к депутатам в Госдуму, в Администрацию президента. Настя сидела на шкуре рядом с Лахэном Стрельниковым, черноволосым статным парнем с раскосыми глазами, который так внимательно присматривался к ней еще в аэропорту, и в шуме голосов пыталась что-то говорить. Хотя от её взгляда не ускользнуло и то обстоятельство, что Лариса тоже как-то по-особенному смотрела на него и здесь, уже в комнате гостиницы, постоянно цеплялась к нему.

– Ты москвичка? – спросил Лахэн Анастасию.

– А что, похожа? – вопросом на вопрос, смеясь, ответила она.

Лариса, услышав вопрос Лахэна, поспешила опередить Настю с ответом.

– Какая она москвичка? Мурманчанка. Вместе со мной в Центре стажировается.

Парень осудительно взглянул на Судаченкову за то, что без приглашения влезла в разговор, произнес:

– Ты считаешь, Лара, что Анастасия сама не смогла бы ответить?

– Тебе, Лахэн, и слова не скажи.

Настя заметила недовольство Ларисы, заметила, как та ревностно следила за их разговором, и подумала, что, скорее всего, корячке этот парень небезразличен. Лариса для Насти была, пожалуй, самым закрытым человеком в Центре. Она держалась обособленно, не заводя среди стажеров друзей. И Настя была искренне удивлена, когда Лариса согласилась взять ее с собой в аэропорт встречать участников ансамбля. И в благодарность за это, и чтобы замять перепалку, подтвердила ительмену, что она мурманчанка.

– Но ты совсем не похожа на северянку, – сказал ей Лахэн.

– Вот те на! А на кого я в таком случае похожа?

– На русскую.

– Это тоже верно. Мой отец родом из Торжка, мама – саами. Так что, как видишь, я самая настоящая коренная лапландка.

– Это и удивительно. В тебе столько света, огня! Северяне – другие. Более сдержанные, что ли...

– Значит, я исключение. Что еще хочешь знать? – тише спросила Настя и увидела, что ее прямой вопрос смутил парня. – Да ты не стесняйся, это нормально. Когда люди знакомятся, они хотят узнать друг о друге как можно больше. Я разведена, воспитываю двух сыновей, работаю в библиотеке. Сейчас, как правильно заметила Лариса, на стажировке в Центре коренных народов. Может, и ты мне о себе расскажешь? Знаешь, в нашей группе, кроме Ларисы, есть еще один парень коряк, тоже с

Камчатки. Много нам рассказывал о своем народе. А вот сегодня встретила вас, и так захотелось все об ительменах узнать.

Но говорить спокойно в комнате, куда набралось больше десятка человек, было невозможно, и Лахэн пригласил ее в свой номер. Когда они уходили, Настя увидела, каким недовольством блеснули глаза Ларисы.

Она была далеко не юной и наивной девушкой, чтобы не заметить интерес корячки к Лахэну, но также видела, какими глазами смотрел этот парень на саму Настю. Да и ей он тоже понравился. Почему-то захотелось узнать о нем все-все: кто, с кем, где, как, почему? В номере тихо, свежо. Лахэн предложил сесть на диван, затем спросил:

– Что же ты хочешь узнать обо мне?

– Все, что сам захочешь рассказать.

– Но в моей биографии нет ничего примечательного. Я из ительменского рода кулес. Предки мои жили к северу от реки Белоголовой. Родился и вырос в тундре. До семи лет, пока не пошел в школу, по-русски совсем не говорил.

– А как же с ребятами общался? У вас, на Камчатке, наверняка тоже русских больше, чем коренных жителей?

– Не знаю. Жестами. Это уж позже русскому выучился, но все равно больше на своем люблю говорить, на ительменском.

Насте было удивительно. Она знала, что в Луйяввре, в саамском селе, на родине ее матери, многие женщины говорили на родном языке; мужчины тоже знали его, но в быту предпочитали русский. Это стеснение и какая-то неуверенность им передалась, скорее всего, от отцов. Ведь перед Отечественной войной на Мурмане вдруг всех саамов объявили сепаратистами, якобы решившими создать свое отдельное государство. И пришло же такое в чью-то бредовую голову! Начались аресты. В школах, где вроде только недавно дети стали изучать саамский, ввели на этот язык строжайший запрет. Когда же в конце семидесятых вернулись к его изучению, он детьми воспринимался уже не как свой, родной, кровный, а как иностранный. А попробуй-ка выучи иностранный за два урока в неделю!

Настя, как многие ребята ее поколения, на саамском почти не говорила, но и не считала себя от этого ущербной. Наверное, потому, слушая Лахэна, удивлялась, с каким достоинством тот говорил о родном ительменском языке.

Он продолжал вспоминать детство:

– Помню, как в первый раз в Каврал арбузы привезли. Я, думая, что это мяч, упросил мать купить. С ребятами тут же побежали играть в футбол. Пнули разок – тот на куски и разлетелся. Вот было удивления! Но никому даже в голову не пришло попробовать, а вдруг – съедобно. Или заставили в школе задачку на гранаты решать. Сколько будет, если к одному гранату прибавить два? Не решил: что такое гранаты не знал. А уж когда меня в Петропавловск в школу учиться отправили, где я впервые телевизор увидел, никому не давал смотреть – искал, как туда все залезают. Пришлось учителям меня на телевизионную студию специально вести, чтобы понял и не мешал остальным.

Настя смотрела на Лахэна с все возрастающим интересом. Он не был похож ни на кого из ее знакомых. Чувствовалась в нем какая-то магическая притягательность. Ей приходилось не раз читать о том, что некоторые люди обладают своего

рода магнетизмом, вот Лахэн был одним из них. Казалось, он рассказывал простые жизненные истории, но с каждым произнесенным словом завораживал ее. И хотелось узнать о нем как можно больше.

– А вообще в школе трудно было учиться?

– Да как сказать, пока языка не знал, – трудно. Да, вот еще, задачки не получались про то, чего не знал; зато на расстояния – любой трудности решал, это было близко, понятно.

– А мне руководитель саамского ансамбля «Ойяр» Марий Медведева рассказывала, что, когда она училась, ей трудно было. Саамские дети, хоть и знали русский чуть-чуть, но думали-то на родном. Даст учитель задание, она в уме сначала с русского на саамский переведет, осмыслит, затем с саамского на русский, вновь осмыслит. Бывало, пол-урока пройдет, пока от нее учитель ответа добьется.

Лахэн, соглашаясь с Настей, тут же подхватил ее слова:

– Со мной тоже такое было. Многих ительменских детей за это долгодуманье во вспомогательные школы отдали. Да и родители, видя, как детям трудно учиться, при встречах друг другу сетовали, что напрасно они дома по-ительменски говорят, только ребятишек этим с толку сбивают. Нет книг на ительменском языке, забывается он. А я вот не согласен. Пока говорю на родном языке, ительменом себя ощущаю.

– В моем детстве в Луийяввре тоже школа вспомогательная была, но затем учителя добились ее закрытия и все дети стали учиться в обычной или в школе-интернате. И знаешь, я только недавно поняла, что у саамов, да, наверное, и у ительменов, совершенно не была развита логика, они владели больше образным абстрактным мышлением. Столетиями, а не исключено и тысячами, от своих родителей саамские дети перенимали конкретные знания и умения: шить нитками оленьих сухожилий меховую одежду, обувь, наблюдать за явлениями природы, пасти оленей.

– Ты права, это же можно наблюдать и у моего народа. А хочешь, я тебе о своих собаках расскажу?

– Их у тебя много?

– Своих, тех, которых я из щенков вырастил, было пять, а в эту осень друг, что женился и в Палану уехал, еще четырех подарил. Все лайки чистокровные. Собаки – моя гордость! Ни у кого в Каврале такой упряжки нет. А сколько повозиться пришлось, прежде чем стали понимать с полуслова! Собаки ведь очень чуткие существа, каждое изменение в твоём настроении ловят, все понимают. И в человеке превыше всего ценят строгость и преданность.

– А как же доброта?

– Добрый ты или нет, то и глупый щенок поймет. Ты мне вот что скажи: сколько времени ваш олень может без пищи бежать?

– Если честно, не знаю. Может, часов пять – не больше. Затем его останавливают на кормление.

– Вот! – сказал восхищенно Лахэн. – А моих лаек раз в сутки покормишь, и они будут бежать столько, сколько тебе нужно. Любил я слушать в тундре их пение.

– Так они у тебя еще и поют?

– А ты никогда не слышала? Ведь у каждой собаки свой тембр голоса, как и у человека. Одна лает звонко, задиристо, другая – с хрипотцой, третья – грозно, а вместе

прекрасный собачий хор получается. Вот к их пению я за селом и прислушивался, пробовал подражать, работать со своим голосом.

– Ты о своих собаках так говоришь, будто они какие-то особенные!

– Ну разумеется! Чистокровные ездовые камчатские лайки.

– Что же, там другие есть? – недоумевала Анастасия.

– Полно. Почти все, кто к нам приезжал, тащили с собой собак: овчарок, боксеров, болонок, разную помесь. Это сильно повлияло на местную породу. И сегодня настоящую, породистую камчатскую лайку можно в Красную книгу заносить! Что собаки? Ительменов ведь тоже осталось тысячи полторы, не больше.

Настя знала, что среди малочисленных народов, по последним данным, рождаемость упала на тридцать процентов, зато смертность возросла более чем на сорок. Вот и выживайте, как знаете. А сколько коренных жителей уходит из жизни из-за водки! Жуть! Да что там коренные? По всей России народ то ли спивается, то ли от голода мрет.словно целенаправленная политика истребления народа кем-то ведется. Мол, коренные из-за малочисленности сами вымрут, а россияне, если не сопьются, то мы их уничтожим. Не важно, чем: войной, голодом, развратом...

От подобных мыслей у обоих настроение упало. Надо было как-то менять тему разговора, и Настя, беря на себя инициативу, спросила:

– Лахэн, а как ты в ансамбль попал? Танцуешь давно?

Он улыбнулся.

– Сколько себя помню, столько и танцую. А профессионально, в «Эльвеле», лет четырнадцать, если не больше. Еще в детстве мальчишкой все к старикам бегал их танцы смотреть. Они видят мой интерес, тут же в круг приглашают. Ительменам говорить не надо, они твой интерес по глазам читают. Отведу душу, и вновь до следующего раза. Любил стариков, уважал: они премудростям жизни учили – охоте, рыболовству. Показывали, какое дерево можно срубить, а какое нет. Если стоит трухлявое – жизнь из него ушла – используй на дрова. Многой ительменской мудрости научили они в юные годы, – продолжал Лахэн, – так уж вышло, что после смерти отца матери с семьей детьми тяжело пришлось, да еще в последние годы дояркой работала. Света в селе нет, доильных аппаратов тоже, вот ей и приходилось вручную более тридцати коров доить. Придет с работы – рук не чувствует. Братья и сестры постарше, это я поскребыш, как в народе говорят, вот на руках бабушки и деда и вырос.

Лахэн рассказал Анастасии всю свою жизнь без прикрас, просто и откровенно. А потом спросил:

– Ты что-нибудь про Алхалалалай слышала?

И Настя увидела, как при слове «Алхалалалай» у Лахэна загорелись глаза, как он весь преобразился, будто это слово имело над ним какую-то скрытую магическую силу. И эта неведомая сила увлекла и ее. Чем дольше она смотрела на Лахэна, тем больше попадала под власть его взгляда. А ведь еще утром она не подозревала о его существовании. Мелькнула мысль: как возникают неосознанные симпатии между людьми? Увидев, что Лахэн ждет ее ответа, спохватившись, сказала:

– Нет. А что это?

– Наш старинный праздник.

Настя улыбнулась простоте и наивности ответа ительмена.

– Ты забываешь, в какое время мы живем. Разве сейчас хоть по одному каналу телевидения увидишь программы о малочисленных народах и их культуре? Я уже не говорю, чтобы просто так, ради интереса, взять и приехать на Камчатку. Откуда же мне слышать про ваш праздник? Расскажи о нем.

– Да в том-то и дело, что его рассказать нельзя, его увидеть надо. Приезжай в сентябре в Каврал, знаешь, как его у нас ждут?

– Ты хоть скажи, что в вашем празднике главное? – спросила Настя.

Он посмотрел на нее с удивлением:

– Конечно, танец!

– Танец? – теперь удивилась она.

– Да! – подтвердил Лахэн и с мальчишеским пылом запел:

Чем сидеть, горевать,
Лучше петь да плясать.
Бубен есть, ноги есть,
Кто станцует, тому честь.

Она смотрела на Лахэна с восхищением и удивлялась: как это раньше могла не знать его, казалось, они были знакомы уже целую вечность. Бывает же такое: вроде всего несколько часов с человеком поговоришь, а он тебе точно родной становится. И наоборот, проживешь многие годы и только потом поймешь, что вы совсем чужие друг другу. И Лахэн, чувствуя неподдельный интерес Насти, стал отбивать рукой такт, словно ударял в бубен. Руки привели в движение корпус, на придыхании вырвались и первые звуки, похожие то ли на курлыканье птиц, то ли на шум волны, бившейся о морской берег.

В танце Настя постепенно наблюдала превращение Лахэна из московского гостя в первобытного жителя древней Камчатской земли. Наверное, именно этот зов подхватил лапландку Анастасию, и какая-то невидимая сила притянула ее к ительмену. Не осознавая своих действий, подчиняясь ритму мужчины, она тоже стала повторять его движения, сначала робко, затем, заражаясь, все смелее и смелее. И глаза их, напоенные пряной июньской ночью, ярко заблестели: ее – цветом густых сочных трав, его – мокрой, как после дождя, черной ягодой шикшей²³.

И свидетельницей этого блеска явилась молодая нарастающая луна, без приглашения заглянувшая к ним в окно. Она была любительницей подсмотреть счастье других, ведь своего-то не имела. А затем долго еще отражать его в своих небесных зеркалах.

Настя ловила на себе жгучие взгляды Лахэна и чувствовала, как внутри ее загорается огонь желания, охватывающий все ее существо и исходящий из самых глубин ее тела. Но как бы она впоследствии ни пыталась вспомнить, каким образом очутилась в объятиях Лахэна, не могла. Так бывает, когда долгое ожидание счастья притупляет чувства, но неожиданный его приход обрушивается на человека, как лавина. Она почувствовала, как сразу набухли груди, точно при приливе молока у

23 Шикша – вороника.

кормящей матери. Заныли, заломили в сладостном предчувствии быть обласканными руками мужчины. На какой-то миг у обоих остановилось дыхание, так близко они оказались друг к другу. И волнующая дрожь от первого прикосновения, первого поцелуя передалась и ему. Не выпуская ее из своих объятий, Лахэн произнес:

– Я хочу, чтобы ты осталась со мной. Скажи «да».

И покоренная его просьбой, произнесенной с таким нетерпеливым желанием, она тихим эхом откликнулась: «Да».

– Я мигом, – усадив ее на мягкий диван и то ли в шутку, то ли всерьез приказав: «Жди», – Лахэн скрылся за дверью.

Она медленно приходила в себя. Все произошло слишком неожиданно. Сколько времени прошло с той поры, когда ее вот так же охватывало волнение? Не вспомнить. Сердце тосковало, но не теряло надежду на чудо-встречу. И вот тогда, когда она не была готова к ней ни мысленно, ни душевно, эта встреча произошла. И когда за Лахэном захлопнулась дверь, Настя тихо произнесла: «Да, я остаюсь!»

Эта невинная фраза, сказанная вслух, точно магическое заклинание, придала уверенности. Она встала и решительно направилась в ванную комнату, а когда вышла, увидела на столе букет сирени. Распустив волнистые волосы, тщательно их расчесала и, найдя свое отражение в зеркале привлекательным, спокойно села на мягкий диван дожидаться Лахэна.

Он появился через несколько минут с бутылкой шампанского и, смущенно улыбаясь, произнес:

– Никогда никому не покупал цветов. Не то что денег жалел, просто считал их ничемной роскошью. Думал: лучше кусок хлеба в дом принести, от него хоть дети сытыми будут. А тут девушка в холле сиренью торгует, и запах на всю гостиницу стоит. Вот мне и захотелось ее тебе подарить.

– Спасибо, Лахэн. Поверь, иногда ветка сирени стоит многого.

Разливая шампанское в граненые стаканы, он сказал:

– У нас есть старинная легенда. В одном месте Камчатки появилось озеро, в центре которого в виде сердца к небу вершиной лежит ярко-розового цвета остров. Предание говорит, что курильский князь Алаид, оставив в нем свое сердце, ушел в океан и превратился в вулкан.

– И все? – спросила Настя, когда Лахэн замолчал.

– Нет, – сказал он, улыбнувшись. – Алаид очень любил ительменскую девушку, но Горный дух решил его погубить. И в момент, когда Алаид вручал девушке свое сердце, устроил извержение вулкана с землетрясением. И хоть влюбленные чудом спаслись, Горный дух схватил Алаида и, превратив его в вулкан, отнес в море. Невеста Алаида, узнав об этом, плакала столько, что из ее слез образовалось озеро, а из него в море к вулкану протянулась река. Сердце Алаида, подаренное им девушке, превратилось в камень. Видимо, девушка не могла жить без Алаида, потому и протянула ему свою руку в виде реки, навеки связав его сердце с вулканом. Я рассказал тебе эту легенду не просто так, а потому, что хочу, чтоб подобная река привела тебя к нам в этом году на Алхалалалай²⁴.

– Я бы очень хотела побывать на вашем празднике.

24 Легенда, записана Ф. Лодисом.

При свете гостиничного ночника они пили шампанское, что-то говорили, смеялись, и головы их кружило не столько игристое вино, сколько близость друг к другу... Она – хрупкая, белотелая, с огненными, распущенными до пояса волосами, он – смуглый, черноволосый, похожий на индейца из фильмов ее детства, с волосами, спускавшимися ниже плеч.

Вдруг Настя вспомнила о букете сирени, запах которой обволакивал своей необыкновенной свежестью всю комнату. Взяв ветку, стала отщипывать цветы и украшать ими черные волосы Лахэна. Затем, повернув его к зеркалу, сказала:

– Знаешь, на Руси в ведические праздники парни и девушки всегда украшали себя цветами.

– Тогда будет несправедливо, если ими украшен только я.

И он тоже стал осыпать соцветиями ее волосы. Потом, отбросив ветку, притянул Настю к себе.

Поцелуй мужчины... Он пьянит, кружит голову, и женщина начинает ждать его снова и снова. Поцелуй мужчины будит в женщине женщину. Кто, хоть раз испив родниковой воды, разве снова и снова не будет стремиться утолить ею жажду? Но поцелуи бывают разными, и дело не в том, умеет ли мужчина целоваться, а женщина принимать поцелуи. Главное – чем в этот момент переполняются их души, какие чувства хочет передать мужчина своей подруге через поцелуй. Терпок и крепок поцелуй мужчины. Вкус его гораздо сильнее самого крепкого вина. И отзывчивые губы женщины на время перестают принадлежать ей, теперь они всецело принадлежат ему.

От внезапно нахлынувших чувств друг к другу они совершенно забыли закрыть номер на ключ, потому и не услышали слабого стука, не увидели, как в их комнату заглянул один из участников ансамбля. Оторопев от увиденного, он с минуту завороченно смотрел на них, а затем, смущенный невольным подглядыванием, тихо прикрыл за собой дверь. Что и говорить, трудно было оторвать взгляд от обнаженной, стройной Насти, кожа которой в свете ночника приобретала нежно-розовые тона, да и вся она походила на русалку, только что вынырнувшую из заповедных вод, с волнистыми, поблескивающими волосами в голубых и сиреневых цветах, и мускулистого, темнокожего Лахэна с разметающимися по плечам черными волосами в белой сирени.

Преодолев себя, неожиданный гость прислонился к стене и стоял так несколько минут, переводя дух.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Сузвай приехал к матери в Каврал из Паланы с разговором о его дальнейшей судьбе. Сидя за столом и помешивая ложкой чай, настраивал себя на те слова, которые должен сказать.

– Мама, я хочу жениться, – наконец произнес он.

Мать посмотрела на него своими добрыми глазами, улыбнулась и спокойно ответила:

– Я думала, сын, уже никогда не дождусь от тебя этих слов, помру, так и не уви-
дев внучат. Девушка-то наша, кавральская? – спросила, покачивая головой, пожи-
лая ительменка, щеки которой покрывала сеть красных прожилок, и потому они
казались словно намасленными.

– Нет, из Паланы. Я с ней в «Мэнго» танцую, мама.

– Ну и ладно, ну и хорошо. Только перед тем, как жениться, ты меня познакомь
с ней, с ее родичами. Когда свадьбу-то думаешь справлять?

– Решили на ноябрьские.

– Одобряю, сынок. В ноябре самое время для свадеб и есть.

Кэнилля, мать Сузвая, не чаяла души в своем единственном сыне, гордилась им.
И на самом деле он был красив: стройный, с выразительными глазами. Прямой нос,
брови вразлет, густые усы, полные губы, копна черных волос завершала портрет
Сузвая. Но за этой внешностью таились мужественность и решительность, неж-
ность и доброта.

Сузвай был рад, что мать так по-доброму отнеслась к его новости. Он обещал
Зовине поговорить с ней и поговорил. А когда планы осуществляются, будет самым
счастливым человеком на свете. Зовина! Через неделю они встретятся. В Палане
Сузвай стал ходить в танцевальный ансамбль «Мэнго», еще обучаясь в педагоги-
ческом училище, и, протанцевав три года, понял: ничего кроме танцев его в жиз-
ни больше не интересует. Получив диплом педагога, тут же засунул его подальше к
остальным документам и забыл. А через месяц с «Мэнго» пустился в гастрольную
поездку по Камчатке.

Зовина пришла в коллектив гораздо позже Сузвая и сначала ничем не привле-
кла к себе внимания. Партнера у нее не было, и она танцевала в группе девушек. Но
однажды партнерша Сузвая серьезно заболела, и ей пришлось покинуть Камчатку.
Руководитель ансамбля танцевать с ним поставил Зовину. На первой же репетиции,
стоило Сузваю приблизиться к ней, он увидел, как заблестели огромные глаза де-
вушки, словно солнечные блики заиграли на двух озерах сразу. И впервые у Сузвая
внутри что-то ёкнуло. В этот же день он напросился проводить ее домой. Она от-
кровенно рассказала, что стала участницей «Мэнго» из-за него. Увидев Сузвая на
сцене, стала постоянно ходить на все выступления ансамбля. Наконец, решившись,
пришла в коллектив сама. Больше года они дружили, провожались, целовались,
пока он не сделал ей предложение. Зовина не отказала. И Сузвай, приехав к матери,
не таясь, рассказал о той, которую выбрало сердце.

– Три месяца до свадьбы, успеете ли справить все по-людски? – спросила мать,
чем и вывела сына из задумчивости.

– Конечно, успеем. Ты, мам, не переживай, я все устрою как надо.

– Ну и ладно, ну и хорошо, – опять покачала головой мать.

Сначала незаметно пролетел сентябрь, затем один за другим стали проноситься
дни октября. До свадьбы оставался месяц с небольшим. Мать Сузвая, Кэнилля, от-
правилась в Палану к своей старшей сестре, чтобы там встретиться с Зовиной, ее
родственниками. Негласно между молодыми было решено: жить они будут в об-
ластном центре, не в Каврале.

Кэнилля вместе со своей старшей сестрой Миттэн ожидали знакомства с будущей снохой. Миттэн старше Кэнилли на целых двенадцать лет, туга на ухо и поэтому, выспрашивая новости у сестры, почти кричала той:

– Что за радость привела тебя в мой дом?

Кэнилля, зная недуг сестры, напрягая связки, откликнулась в ответ:

– Сына женить приехала.

– Паланскую что ль нашел?

– Паланскую. Обещал привести знакомиться. Посмотрим.

– Как звать девку-то?

– Сузвай говорил: Зовиной кличут.

– Это чья ж така?

– Етнеутов дочка.

Миттэн старалась что-то припомнить. Она долгие годы жила в Папане и знала почти всех жителей. Етнеутов в поселке было не так уж много, и у всех были дочери в роду: какие на выданье, какие соплячки еще, в школу бегали. Да ведь старые люди тех девчонок, что в школе учатся, еще детьми считают, а они-то по нынешним временам себя уже девицами чтут, того гляди, чтоб в подоле матери не принесли. Был уже случай такой: не закончив школу, родила девка.

Кэнилля, глядя на задумчивость сестры, почему-то встревожилась:

– Ты что это, Миттэн, задумалась?

– Да что-то сомнение об Етнеутах в сердце закралось. Каких Етнеутов дочка-то, не выяснила? – вновь закричала Миттэн.

– Почем же я знаю. Вот приведет Сузвай молодую на показ и узнаю чьих.

– Как была ты, Кэнилля, что ветер у моря, так и осталась такой. Ничем тебя годы не изменили.

Кэнилле было обидно выслушивать подобные речи от родной сестры, напоминавшей грехи ее молодости, и она, ворча что-то себе под нос, пошла на кухню готовить обед.

Сузвай, не предупредив мать и тетку, через день привел в дом Зовину для знакомства. Молодая красивая девушка, с тонкими чертами лица и гибким стройным станом, облаченной в строгое темное платье, единственным украшением на котором была серебряная брошь в форме лесного ореха, чуть смущаясь, поздоровалась сначала со старшей хозяйкой дома, затем с матерью любимого.

– Сузвай, иди-ка что-нибудь купи в магазин к чаю. Нехорошо добрых гостей пустым столом встречать. А ты, милая, проходи в комнату, отдохни, – распоряжалась по старшинству Миттэн.

Зовина прошла. Села на диван, скрестив на коленях руки, и стала ждать вопросов сестер.

Как можно тише, Миттэн спросила:

– Расскажи-ка нам, Зовина, кто у тебя отец, мать, чьей ты семье сродственница?

Кэнилле тоже хотелось знать все про невесту своего сына и ее родственников, но не так же в лоб, как это делала Миттэн. И она решила поддержать девушку.

– Скажи, чьих Етнеутов, доченька, будешь? А Миттэн не бойся, она безвредная, только на уши туга, вот и кричит всем. Сама не слышит, думает, что все вокруг тоже глухие сидят.

– Да я ничего, понимаю. Мне про вас Сузвай рассказывал. Мой отец – Григорий Иванович Етнеут, мама – Римма, может, знаете таких?

– Не Левковская ли твоя мать в девичестве была? – прищуря глаз, спросила Миттэн.

– Да, Левковская. А вы что, знали маминых родителей? – теперь уже задала вопрос старшей женщине Зовина.

Кэнилля, услышав фамилию Левковская, сразу насторожилась.

Зовина заметила, что на фамилию матери женщины среагировали каждая по-своему. У ее будущей свекрови даже испарина на лбу выступила. А Миттэн отвела взгляд. Девушке от этого сразу стало как-то неуютно. Пауза слишком затянулась. Зовина, посмотрев на Кэниллю, спросила:

– Вам плохо?

– Ничего, доченька. Бывает, сердце сожмет, но отпускает.

Кэнилля сказала это и многозначительно посмотрела на сестру, которая, не ответив на ее взгляд, свой отвела в сторону. Образовалась какая-то нестерпимая натянутость в создавшемся молчании. Сузвай, придя из магазина, заглянул в комнату и позвал Зовину помочь ему. Та, облегченно вздохнув, последовала за ним.

– Они не могут жениться, – наконец-то, после молчания, обреченно высказала свои мысли Кэнилля прямо на ухо сестре. – Но где найти силы сказать им об этом, ведь любят друг друга, да и до свадьбы меньше месяца осталось. Если я позволю двоюродному брату с сестрой свершить брак, Господь их не помилует. Слишком близкое родство.

– Может – не помилует, а может – и обойдется, – тихо прокряхтела Миттэн. – Я вот от нашей бабушки слышала, что в старое время ительмены не делали большого различия в сродственности. И братья с сестрами женились, и дети со своими мачехами.

– Так то так, но по нынешним временам это большим грехом считается. А у меня сын один, знаешь. Тут-то и подумаешь. Мне вон сказывали, что потому в родах наших много умирали, что на сродственниках женились. Кровь плохая делалась. Ты старшая сестра, ты и скажи, как мне поступить, – с надеждой спросила Кэнилля Миттэн.

– Что ж, что я старшая, сын-то твой. Боишься за его судьбу – не жени. Вот и весь сказ.

Из кухни с чашками и чайником вышли Зовина и Сузвай. Они вместе стали накрывать на стол. Кэнилля и Миттэн неотрывно следили за их действиями. Наконец, не выдержав внутренней борьбы, мать Сузвая тихо заговорила:

– Сынок, и ты, Зовина, отставьте чашки, присядьте на диван, послушайте, что я вам сказать должна.

Подчиняясь голосу матери, Сузвай оставил приготовление к чаепитию, взял за руку Зовину, и они присели рядом с Кэниллей.

– Слушаем, мама. Что же ты хочешь нам такое важное сказать? – бодро спросил Сузвай.

– Предупредить должна: то, что сейчас услышите, может очень сильно ранить вас, и все-таки я должна это сказать. По закону ты, Сузвай, не можешь жениться на Зовине.

– Мам, а что это за законы такие, которые запрещают нам с Зовиной вместе жить? Нет для меня больше другой девушки, кроме нее. Что это тебе в голову пришло?

Впервые мать почувствовала в голосе сына жесткие нотки по отношению к ней. Ей было очень больно слышать резкость в его голосе, но через это надо было пройти.

– Я понимаю твой гнев, сынок, но у вас не будет в жизни счастья. Мы с Миттэн выяснили...

Кэнилла сделала паузу... и, наконец собравшись с духом, выговорила:

– Вы – двоюродные брат и сестра, а двоюродники не женятся, слишком близкое родство. Твой отец, Сузвай, родной брат матери Зовины. Мы с ним очень сильно любили друг друга и так же, как вы, готовились к свадьбе. Но однажды, уйдя в море за лахтакми²⁵, он не вернулся. Никто не знал, что с ним произошло. Посылали людей на поиски, но твоего отца так и не нашли.

Молодые посмотрели друг на друга новыми глазами, в которых отразились боль и отчаяние.

Наконец, осмыслив услышанное, Зовина медленно поднялась с дивана и, пряча полные слез глаза, тихо произнесла:

– Можно я пойду?

– Нет, Зовина, нет. Возможно, это ошибка, нелепая ошибка, – Сузвай подскочил, схватил девушку за руку и, прижав к себе, закричал:

– Мама, ради Бога, скажи, что это не так, что это неправда! Зовина, умоляю, не уходи!

Зовина, захлебываясь слезами, запричитала:

– Твоя мама, Сузвай, сказала правду о моем дяде. Он на самом деле пропал в море. Бабушка и дед знали, что у него была девушка, на которой он мечтал жениться. Они только не знали, из какого та селения и как ее имя, он не успел им представить ее, только намекнул о женитьбе. Теперь все прояснилось. Я пойду, Сузвай, не держи меня. Узнав про это, и мои родители будут против, не держи, мне и так больно, я пойду.

И он отпустил ее...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Прошло несколько лет. Из Паланы после того случая Сузвай уехал в Каврал и стал танцевать в «Эльвеле». Теперь парня девушки не интересовали совсем, хотя, глядя на его танец, никто бы не сказал этого. В компаниях с друзьями он не был букой: как все, веселился, шутил, выпивал. От Перия узнал, что раньше ительмены для веселья пили настоящую на мухоморах воду или просто их ели. Чтобы сильнее захмелеть, их нужно было съесть около десятка. Перий тоже мухоморы ел, но не для веселья, а чтобы достигнуть состояния, которого достигали шаманы в период камлания.

Недаром же в ительменских сказаниях существуют мифы о женщинах-мухоморах, лесных красавицах, уводивших мужчин в свой волшебный мир грез. На скалистых горах Негтымель на Камчатке в середине 60-х годов были найдены петроглифы с изображением пляски мухоморов и уводом охотника женщиной-мухомором.

25 Лахтак – морской заяц.

Сузвай хоть и не отравился мухоморами, но и привыкнуть к ним не смог. Зато водку уже не просто выпивал – в запой от нее входил. Люди вокруг говорили: так Сузвай стресс снимает, забывается. Многие знали историю его несчастной любви к Зовине и потому жалели. Встреч с ней он избегал, но жизнь вновь столкнула их в Петропавловском аэропорту, когда участники «Мэнго» и «Эльвеля» сидели в ожидании самолета на Москву. Оба коллектива летели в столицу на фестиваль.

Она все так же была хороша собой, округлилась, стала более женственной, притягательной. Сузвай знал: после того разговора года через два Зовина вышла замуж и родила ребенка. Какое-то время не танцевала, но затем вновь вернулась в коллектив.

Он помнил, как в первый момент, когда узнал о ее замужестве, в нем возникло острое чувство ревности, готовое разьесть душу, но Сузвай не позволил ему осесть в нем. Заглушил тоску водкой. Тогда он пил с полгода. На какое-то время выходил из запоя, танцевал и вновь начинал пить. Этим думы о ней и вытравил из своей души.

Мать не раз пыталась завести разговор о женитьбе; видела – отбоя от девушек у сына нет. И он знал: многие сохли по нему, только понять не мог, зачем они это делают. Разговоры матери о женитьбе прерывал сразу. Хоть и чувствовал, что становился с ней не слишком-то приветливым, но не хотел никого, даже ее, пускать в свою душу. За то, что узнал тайну своего рождения, у него не было на мать обиды, и в другие моменты их общения старался быть с ней нежным.

Популярность «Эльвеля» стала расти с каждым годом. Коллективу удалось съездить во Вьетнам, где все принимали их за вьетнамцев, теперь ждала Франция.

В гостинице Сузвай заглянул к другу за книгой о Камчатке, хотел перед сном почитать, но неожиданно для себя увидел двух очарованных друг другом обнаженных Лахэна и Анастасию. Дух захватило от соприкосновения с таинством зарождающейся любви. Сразу, как наваждение, всплыло лицо Зовины, и он до боли стиснул зубы, чтобы не издать крик, какой издает животное, раненное в самое сердце.

Из номера выглянул Перий и, увидев, как Сузвай стоит, прижавшись к стене, спросил:

– Ты чего это, Сузвай, стоишь, стены подпираешь? Может, нехорошо? А-то давай заходи, спать потом пойдешь. У нас тут целая камедь между Оячком и Харьюзом разыгралась. Танец братья с мимикой придумали. Заходи, посмотри.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Праздник Имание оленей саамы проводили только на озере Духов и нигде более. Оно считалось жертвенным озером, и далеко не все посвященные знали к нему пути. Не всех озеро и принимало. Кому в том празднике участвовать, решали знатные саамы.

В старинной луввье²⁶ рассказывается: давным-давно нашла на земли саамов чудь²⁷ и давай людей племени убивать, быков-оленей да важенок отбирать.

26 Луввът – песня-легенда, песня-судьба.

27 Чудь – враг.

Собрались тогда знаткие родов, стали думать, как чужь со своей земли прогнать. Посовещались, поспорили и решили всем миром на ворогов пойти да изгнать со своей земли. Кто с луком, кто с ножом, кто с дробником, а чужь с огнестрельными ружьями, каких у саамов в ту пору не было. Так в битвах и дошли до озера Духов. Ударит чужь направо – десятерых саамов нет, только капли крови по сторонам летят; ударит налево – вновь с десяток побьет... Осерчали знаткие, когда увидели, что чужь людей племени крошит. Спрятались в тальнике, собрали последний раз силы родов и обложили ворогов, нигде прохода не оставили. Перебили всех, а главаря на скалу загнали, где он и застыл на веки вечные грозным сторожем. А саамы снова быками и важенками завладели. Оленей пасут, рыбой промышляют. Только красные капли саамской крови памятью и остались на камнях в тех местах²⁸.

Но не только эта лувьт хранит тайну озера. Много о нем ходит легенд в саамском народе, и все они говорят о священности этого места. Не зря же здесь самые тайные обряды племени проводятся, жертвы приносятся.

Рыбы на озере Духов в пору Коаллк-манн²⁹ видимо-невидимо. Ловят ее саамы, когда деревья дают сок и линяют олени. Плывут по озеру в великом молчании, снимают кабперь – мужскую суконную шапку, теплую, своеобразно красивую, с четырехугольным дном, кланяются воде, хозяину Сейту да трем его дочерям, опускают в воду дары. И богатый улов им Сейт дает, такой богатый, что на все зимнее время хватает им рыбу ту есть.

На праздник к озеру Духов собралось двадцать семей. Кто-то приехал своих оленей, влившихся в общее стадо, кочующее в пору Кессь³⁰ к морю, отобрать, кто-то – участие в священном танце принять.

Пора Кессь приходила в тундру с большими комарами. В это время олени спешили оставить непродуваемую лесистую местность и устремлялись к побережью. С моря дул северный прохладный ветер и отгонял тучи невыносимых кровопийц-насекомых. В тундре комары да мошка – наказание для людей, а уж для беззащитных животных...

И что только олени не делали в пору больших комаров! Брыкались ногами, как бешеные, метались по тундре, в реках и озерах часами стояли, только чтобы согнать насекомых да зуд от укусов унять. Но если бы оленей осаждали только тучи комаров... Наводнена тундра и огромными оводами, слепнями, откладывающими свои личинки под мехом животного на коже. Позже появляются мошка, мокрец, а те похлеще комара будут: не кусают – грызут. Спасаясь от гнуса, олени часами, днями кружили по тундре, теряя вес и слабя.

А у ослабленных животных и гон с запозданием начинался, и период случки затягивался. Потому пастухи делали все, чтобы к морю стадо пригнать без особых потерь. Набрав хороший вес, важенки дают крепкий жизненный приплод, а следовательно, и отел проходит быстрее. Племенных быков пастухи берегут особо. Из поколения в поколение оленеводы племени для случки оставляют самых здоровых,

28 В народе эти камни называются «лопарская кровь», научное название – эвдиалит.

29 Коаллк-манн – июль.

30 Кессь – лето.

упитанных быков в возрасте от двух с половиной до четырех с половиной лет, полностью закончивших линьку и чистку рогов. Мужчины очень тщательно готовятся к оленьему гону, производя осмотр не только хирвасов³¹, но и важенок³². Свое временное поселение саамы расположили, как обычно, на большой поляне. Пока время праздника не пришло, рыбачили, охотились, кашеварили и ждали приближения стада. Наконец услышали, как гудит земля, как издают трубный зов быки-хирвасы, как спешат за ними важеньки. Только бы стадо не встало слишком далеко! И, словно предвосхищая желание людей, олени остановились поблизости, за крутой горой, покрытой низким лесом и кустарником.

С появлением животных пришло время и праздник открывать. А он обещал быть большим и удачным. Саамы верили: если на нем присутствует нуэйт – посредник между солнечным светом и людьми – всех ждет успех. Далеко не всегда на этот праздник приезжают нуэиты племени, чаще их роль исполняет старейшина какого-либо рода или просто знаткий саам. Но была еще одна немаловажная примета: олени встали перед временным становищем саамов, а не перешли его. Путь к святой святынь был открыт.

Со знаткими родов нуэйт Белый День решил принести первую жертву богу солнца Пеййву. Две других – богине оленьих стад Пассь Пуазеннь, покровительствующей промыслу, той, что посылает оленям богатые ягелем пастбища и оберегает от зверей, и богу воды, хранителю рыб Пассь-Чадзь.

Целую неделю до прихода стада нуэйт Белый День соблюдал пост. Он шел по пути нуэйтье и просил духов и своего покровителя бога Пеййва послать оленям и людям племени здоровое семя зачатья. Чтоб не угас на земле род оленных людей, потомков золотороного оленя Мяндаша.

На это время его кувакса³³ была перенесена за несколько верст от поляны, поближе к заветному месту. На время кикования Белого Дня на пути нуэйтье к нему на большой огонь пришли знаткие родов, среди которых был Анкасай с Томаско.

Старики сели вокруг огня и затянули протяжный напев, помогая нуэиту настроиться на священнодействие. Белый День, согнувшись, медленно пошел вокруг огня, согревая над его пламенем свой куэмдес. Когда кожа на бубне натянулась и зазвучала при первых ударах по ней колотушкой, нуэйт начал киковать.

Стоя на коленях перед огнем и сотрясая куэмдес колотушкой, он призывал светлых духов и властелина этого места, хозяина Куйву, дать благословение на праздник тайного зачатия. Черные волосы нуэйта разметались в разные стороны, побрякивали подвески на его нуэитовом одеянии, защищающие от сил зла.

Напев саамских стариков то убыстрялся, то почти затихал, в зависимости от состояния Белого Дня, но не прекращался ни на минуту. От сильнейшего внутреннего сосредоточения нуэйт в последний раз ударил в бубен и, когда бирра остановилась, указывая, какому богу должна быть принесена жертва, опустился на колени перед огнем, выпрашивая позволения на праздник теперь у матери-земли Еммьне-акки,

31 Хирвас – олень-бык.

32 Важенька – телившаяся олениха.

33 Кувакса (коввас) – небольшой шалаш, построенный из жердей и обтянутый парусиной.

которая творила тела душам людей и животных в период зачатия, переданные ей мужем-богом.

Старики видели, как из глаз Белого Дня, когда тот поднял голову к огню, струились слезы. Это означало, что Еммьне-акка дала свое добро. Несколько секунд он смотрел на огонь и затем, обессиленный после перенесенного нервного и физического напряжения, откинулся навзничь и замер. Теперь его душа блуждала в верхнем мире, разыскивая бога Пеййва. Старейшины родов продолжали сидеть не шевелясь и тихонько петь свой саамский напев.

Все боги и духи были настроены благосклонно к людям, к нуэиту и указали, кому из них принести жертвы.

После кикования нуэита каждый из присутствующих тайной тропой подошел к Куйве и оставил у его подножия несколько крупных сивов. К Куйве подходить можно было только по его зову, и то человеку не простому, а знатному или нуэиту, иначе – жди беды.

Из стада была выбрана годовалая белая неотелившаяся олениха. Богу Пеййву приносили в жертву только молодых самок белого окраса. По легендам саамов, Пеййв утром объезжал небо на медведе, в полдень запрягал быка-хирваса, вечером пересаживался на важенку. Саамы верили: власть солнца распространялась на всю землю, так как оно – Мать всего живого на земле. Другим богам, указанным бубном, предназначались важенка и олень-первогодок.

Люди ждали великого часа жертвоприношения. На поляне – большой круг, выложенный из костей ранее жертвенных животных, символизирующий древнее светило. В центре – огонь.

Все собрались здесь же. Присутствовать при торжественном обряде предков считалось наивысшим знаком расположения того бога, которому приносилась жертва.

В круг вошел нуэит Белый День, облаченный в свои лучшие одежды. Знаткий племени Анкасай подвел к нему. Животное, будто предчувствуя свою судьбу, сделало рывок освободиться, но нуэит держал крепко. Развернув олениху мордой к солнцу, он, произнося заклинания, ударил жертву острым ножом в затылок. Удар был настолько сильным и умело рассчитанным, что смерть к оленихе пришла мгновенно.

В священном круге нуэит находился один. Медленно, но точно рассчитывая каждое движение, он снял с неотелившейся оленихи шкуру и вынул внутренности, затем стал резать тушу животного на куски и укладывать в жертвенный котел. То же самое было сделано и с другими оленями.

Пока мясо варилось, люди племени протяжно пели. Спустя полчаса Белый День вынул часть жертвенного мяса. Знаткие, войдя в круг, тут же сделали яму и погребли эту часть в землю. Остальному дали довариться как следует. Саамский напев ни на мгновение не смолкал.

Варван молилась. Она просила живой солнечный огонь обогреть ее душу, а главное – плоть, замороженную, словно оленья тушка во время больших снегов. Ей не хотелось верить в свое бесплодие. После разговора с дедом пусть небольшая, но надежда все же зародилась в сердце. А это так важно – иметь надежду!казалось, такая малость – слова, сказанные дедом, но они вновь вернули ее к жизни.

Нет, она, конечно, жила, но делала это, словно исполняя некую обязанность, без радости и удовольствия. Надежда возвращала ей интерес к жизни, зажигала внутренний огонь ее плоти.

Но не только слова деда давали надежду, была еще одна причина – нуэйт Белый День. Об этом нуэйте по их местности ходили легенды. Был он самым молодым из всех существующих по той поре нуэитов и казался Варван на целую голову выше остальных мужчин. Его длинные, спускавшиеся на плечи черные прямые волосы делали лицо будто выточенным из кости, а большие карие глаза, казалось, хранили множество тайн и, словно в омут, затягивали смотревшего в них. Неосознанно Варван чувствовала, какой силищей обладал этот человек, потому как его сдержанность и неулыбчивость одновременно притягивали и отпугивали.

Она не выкрикивала слова молитвы богу Пеййву открыто, как делали другие, а, низко склонив голову, пришептывала, умоляя светило услышать крик ее души, который на самом деле был громче всех других взываний к богу. Он прорывался сквозь небо, летел навстречу солнцу в надежде быть услышанным.

Лишь на минуту приподняв голову, она увидела нуэйта стоявшим во весь рост, с развивающимися на ветру волосами. Увидела и залюбовалась. Его глаза были закрыты, руки протянуты навстречу холодному светилу. Все в его позе и выражении лица говорило, сколь напряжен был для него этот момент. Он смотрел в лицо бога Пеййва своим внутренним зрением. Убедившись, что ни одна тень не наполнила, не заслонила от него солнце, нуэйт наконец всех известил о принятии жертвы богами. По кругу саамов прошел вздох облегчения.

Варван тоже радостно вздохнула. Что-то подсказывало ей: молитва услышана, а этот праздник и правда ее судьба!

Вынув жертвенное мясо из котла, Белый День стал раздавать его людям, произнося как заклинание: «Это пища бога Пеййва». Саамы принимали пищу и повторяли за ним: «Это пища бога Пеййва». Когда мясо было съедено, люди снова молились. Теперь они обращались к богине оленьих стад и богу воды. Саамы благодарили богов за то, что те сберегли оленей на пути к морю и обратно, утоляли их голод и жажду. Когда и эта молитва была произнесена, нуэйт стал разливать мясной отвар. Он подносил его людям со словами: «Это мясной отвар богини Пассь Пуазеннь» или «Это мясной отвар бога Пассь Чадзь».

Когда саамы выпили бульон богов, знаткие вместе с нуэитом собрали все до единой косточки неотелившейся оленихи и в кругу под негромкий напев мужчин племени погребли их.

Жертвоприношение прошло благополучно. Ни одна собака не решилась переступить священный круг, и тут саамы были начеку. Они очень ценили своих собак, как самых верных и надежных друзей в пастушьем деле, но особой ласки им не оказывали. Когда же вдруг какой-нибудь непутевой псине удавалось из круга стащить хоть одну косточку жертвенного животного, ее тут же ловили и убивали, чтоб забрать эту кость. Ни одна косточка не должна была пропасть, иначе боги не примут жертвы. Но в этот раз все прошло как нельзя лучше, потому что все хозяева собак постарались их накормить до жертвоприношения так, чтобы они и близко не подходили к священному кругу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

После жертвоприношения саамы стали расходиться. Пошел к себе в куваксу и Белый День. За неделю поста, который держал каждый нуэйт перед жертвоприношением, и большого внутреннего напряжения он чувствовал сильную усталость. Ему хотелось хоть немного поспать.

Огонь в очаге не погас – продолжал еще жить в раскаленных углях. Подбросив немного дров, нуэйт стянул с себя праздничный наряд и, оставаясь только в замшевой рубаше, свалился от усталости на оленьи шкуры. Белый День знал: все прошло хорошо. Но его душа ничего, кроме пустоты, сейчас не испытывала: слишком велико было напряжение последних часов. Раскинув в разные стороны руки, он, словно подбитая птица, провалился в забытие. Именно в забытие, потому что сон после такого великого напряжения не мог быть столь коротким, каким оказался. Что-то в этот день нуэйтом было недодумано, беспокойной занозой засело в подсознании и неожиданно пробудило его.

Белый День помнил прожитый день во всех подробностях, и все же какое-то событие дня, поразившее нуэйта, ускользало. Наконец сверкнувшей молнией в его памяти возникли глаза. Они принадлежали девушке – в этом он не сомневался. Нуэйт старался вспомнить еще что-нибудь, но тщетно, больше в его сознании ничего кроме глаз не отпечаталось. Зато глаза прожгли до самого сердца. Белый День силился вспомнить лицо, но оно расплывалось в общих чертах окружавших его людей, ничем особым не выделяясь. Создавалось впечатление, что глаза жили совершенно самостоятельной жизнью.

И вспомнилась нуэйту старая луввът про старика, отправившегося промышлять дикаря. Выбрал тот возвышенное место, лег, а свои глаза послал на поиски оленей. Глаза увидели двух больших быков и сообщили об этом старику, но тому лень было далеко идти, попросил глаза найти что поближе. А те, отказавшись, предложили старику поиграть. Так слепой старик и пошел на поиски своих глаз.

Кому-кому, а нуэйтам Лапландии была ведома сила глаз. Через них можно было войти в душу человека, понять его сущность. Только люди с чистой совестью открывали свой взгляд нуэйту, а те, у кого душа была мутной, словно болотная жижа, боялись, прятали, отводили глаза в сторону.

Когда человек заболел, первым делом нуэйт смотрел пострадавшему в глаза. Через них он мог прочесть печаль больного.

Большие глаза неведомой хозяйки блестели ясным светом, что говорило о ее прекрасном здоровье, открытости, доброте. Скорее, в них преобладала детская наивность, чем жизненный опыт. Но был там и застывший испуг, который запечатлелся в его памяти и не давал хозяйке этих глаз покоя.

Вспоминая их, нуэйт, впервые за многие годы улыбнулся. Конечно, ему ничего не стоило путем нуэйтье определить хозяйку этих глаз... Но то ли глаза задели за живое, то ли в них было что-то такое, что запрещало искать ту, которой они принадлежали, таким способом, только Белый День отверг путь нуэйтье. Пусть боги и судьба решат за него. Они покажут ему обладательницу этих глаз, когда придет время. И если до сих пор Белый День еще сомневался: принимать ему участие в священном

танце или нет, то сейчас решил окончательно, сказав самому себе вслух: «Я обязательно войду в круг и найду эти глаза!»

После принятого решения заснул долгим спокойным сном. Боги и духи давали время восстановить силы на новые дела.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Насте, мысленно прокручивающей в мыслях рассказ Лахэна, все еще не давал покоя его вопрос: «Скажи, если бы я тебя очень сильно попросил, ты смогла бы родить мне ребенка?»

У них с женой трое детей, но все дети не его. Один ребенок жены, двое – сестры жены, которая, умирая, попросила сестру позаботиться о ее малышах.

Однажды в шестнадцать лет сверстники притащили его с собой в клуб на танцы. Он робел и потому не танцевал. Парни весь вечер подтрунивали над ним, и когда наконец решился – пригласил молодую симпатичную девушку, был объявлен последний танец. Так распорядилась судьба. У ительменов принято: пригласил на последний танец – проводи.

Они шли по улице Каврала молча, и только у своего дома девушка решила и пригласила его к себе на чашку чая в благодарность за танец. Познакомились. Девушку звали Карритой.

В доме холодно, воды нет, печь не топлена. На полу в омалившихся одежонках играют ребятишки. Старшей девочке лет пять-шесть, мальчишкам и того меньше. Когда дети увидели вошедшую Карриту, кинулись к ней с криками: «Мамуля, мамуля, баба Маня ушла, а мы кушать хотим».

Лахэн, услышав это, ни слова не говоря, растопил печь, сбегал за водой. В доме сразу стало тепло и уютно. Потрескивали дрова, весело посвистывал чайник. Мать сварила детям кашу, накормила, уложила спать. Разморенные теплом и едой, они тут же заснули. В эту ночь он остался у Карриты и впервые почувствовал вкус женской страсти. Теперь Лахэн приходил к ней каждый день. Колот дрова, носил воду, вел хозяйство. Она отдавала ему всю себя, и он ничего другого в жизни не хотел.

Отслужив, вернулся в село возмужавшим, с окрепшими, налитыми силой мускулами, – не мальчиком, но мужем. А вокруг столько соблазнов! Увидел, как заглядываются на него местные молоденькие девушки, и пришла мысль: «А нужна ли мне женщина старше на десять лет да еще с тремя детьми? Нет!» И стал знакомиться с молодыми девушками, но жизнь вновь повернула все по-своему.

Ему нравилось уходить подальше в тундру, в горы на охоту. Целые месяцы там проводил. Охота! Сколько связано у Лахэна с ней и хорошего, и всякого... И вроде удачи желаешь себе и за приметами следишь, а все одно – боишься сглазить путь. Вот и перед той роковой охотой Лахэн проснулся весь в поту. Приснилась ему Каррита. Стоит молчаливая, смотрит в глаза укоризненно, мол, что ж ты, дорогой, как с армии пришел, ни разу не заглянул ко мне, я ль тебя не ждала? Проснувшись, подумал: «Баба в сон перед охотой – не к добру». А всё одно – пошёл. Выслеживая дикого барана, в горячке погони не заметил, как на крутизне оказался. Выстрелил и испугал птиц. Стая с шумом и криками взвилась вверх. От неожиданности оступился, потерял

равновесие и кубарем покатился вниз, ударяясь о камни. Чуть живого его нашли туристы, которые многочисленными группами ходили в горы в поисках приключений и романтики.

Врачи сказали матери, что у парня критическое состояние. Каррита, узнав о случившемся, прибежала в больницу, да так и осталась там, пристроившись мыть полы. Несколько месяцев, не требуя благодарности, ухаживала за ним. Без устали делала массаж, готовила настои из трав, поила, кормила, словно младенца. Так мог ли он уйти от нее, от той, которая спасла ему жизнь? И он остался. Опытная женщина поняла: теперь Лахэн накрепко привязан к ней, уже не уйдет.

И хоть Лахэн воспитывал детей Карриты и ее сестры, все равно не переставал мечтать и о своем ребенке. Но, когда об этом заговаривал с женой, всегда получал отказ.

Настя сама была женщиной, матерью и могла понять жену Лахэна, которую, скорее всего, вымотали заботы о ребятыне. Подчас с двумя своими не могла справиться, а каково, если у тебя их трое?

И мужчина подчинился, затаив мечту о собственном ребенке глубоко в сердце.

Лахэну, частенько выезжавшему на гастроли, не составило бы труда найти себе молодую, сильную, не обремененную житейскими заботами женщину, ту, которая не дала бы погаснуть очагу его рода, одарив наследником и продолжателем. Сколько было случаев, когда девушки откровенно соблазняли его, но... Лахэн и сам не мог понять, что с ним происходило в такие моменты, почему он не мог расслабиться и принять близость с какой-нибудь другой женщиной или девушкой. Каррита же знала о том, что он многим нравится, и стала настаивать на уходе его из ансамбля.

Каким-то внутренним чувством он понял: жена старается подавить его волю, и все же нашел в себе силы и от танцев не отказался.

И вот теперь танец вновь соединил его с женщиной. Совершенно не похожей на жену. Со смешными наивными веснушками на носу. Да и такой ночи, как с Настей, у него еще никогда в жизни не было.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Когда Лахэн заснул, Настя посмотрела на часы – они показывали половину седьмого. И она решила еще немного полежать рядом с ним, изучая черты лица понравившегося мужчины. Ничего не было сейчас дороже для нее, чем спокойное дыхание спящего Лахэна. Во сне он показался ей еще моложе. Его припухлые губы по-детски смешно растягивались в трогательной улыбке, и Настя, не удержавшись, нежно поцеловала их. Затем ее взгляд остановился на руке Лахэна. Широкая, чуть огрубевшая... Именно по ней можно было определить, что этому мужчине в жизни приходится не только танцевать, но и много работать. И переполняемая смешанными чувствами, она губами прижалась к его руке. Но более не искушая себя и опасаясь нарушить его сон, поднялась. Уходить, не простившись, не хотелось, но и просто сидеть в номере не могла. Вышла в коридор и услышала, что, оказывается, не она одна в такой ранний час бодрствовала. Шум доносился из номера Перия. Постучала. Руководитель ансамбля открыл дверь с недовольным видом, но когда увидел, что

на пороге стоит Анастасия, улыбнулся и пригласил войти. Еще не отойдя ото сна, он был похож на индейского вождя, потерпевшего поражение и чудом уцелевшего после сражения с англичанами или французами. Длинные седеющие волосы рас-трепаны, орлиный нос не вздернут. Извинительно улыбнувшись, произнес:

– Ну наконец-то ты, Настенька, и меня своим вниманием удостоила, – затем, преобразаясь, хитро подмигнув, добавил, – с утра это действует ободряюще.

– Я думала, у тебя в комнате люди еще, с кем это ты так громко разговаривал? – спросила, оглядывая номер, Настя.

– Хочешь сказать – ругался? Сам с собой. Кто-то из наших по нечаянности при-хватил мою росомашью шкуру.

– Это что, так важно в столь ранний час? – улыбнулась она.

– Не важно, если шкура была бы просто шкурой, а она часть моего костюма. Пока трезв, должен все приготовить к вылету.

– Я думаю, это можно будет сделать и через час, дай людям поспать, наверное, вчера поздно разошлись?

– Да уж не рано.

– А Лариса где?

Перий, недолюбливающий Судаченкову, усмехнувшись в усы, победно произнес:

– Как увидела, что ты с Лахэном пошла, взвилась вся, точно ее змея ужалила, прихватила передачку от матери – только мы ее и видели.

– А почему ее так обидел мой уход с Лахэном?

– Да ведь она уже давно на него точит свои коготки. Смотри, как бы зла от нее не было.

– Да вроде до сих пор мирно в Центре жили.

– Я тебя предупредил...

Когда-то Перий был ведущим солистом в первом составе ансамбля «Мэнго», известного на весь Север. Но затем он, уже опытный балетмейстер, решил органи-зовать свой вокально-хореографический ансамбль, который и назвал «Эльвелем». Наверное, редко у кого из артистов судьба складывается счастливо и безоблачно. Так вышло и у Перия. Влюблялся, но с женщинами не везло. Потом долго страдал. Наконец решил вообще не тратить на них время, не рвать сердце. Спасли книги Крашенинникова и Стеллера, этнографов-путешественников, которые оставили о Камчатке и ительменах богатейшие воспоминания трехсотлетней давности. Вни-кая в самую их суть, Перий и попал под магию власти зова предков. Теперь он не хотел думать о женщинах, которые с первой же близости старались сделать его сво-ей собственностью, ему гораздо интереснее было думать о древних обрядах, в кото-рых на празднике хотелось восстановить все в первоначальном виде. Но не всегда его мечты находили соответствия реалиям жизни. Он руководил коллективом поч-ти тридцать лет и, как некоторые из его участников-мужчин, срывался и начинал пить. Тогда самостоятельные артисты репетировали самостоятельно. Через какое-то время приходило прозрение. Перий собирался и на неделю, а то и месяц уезжал в тундру, где начинал слушать себя, свои мысли, вновь и вновь уносился в далекое прошлое Камчатской земли. Придумывал новые танцы. Родная земля помогала восстанавливать силы, укреплять дух, давала новые сюжеты для постановок. После

тундры Перий возвращался в село совершенно другим человеком. Он снова брался за книги, читал, а затем до самозабвения работал, потому что ничего выше работы не ставил.

Свою родину ительмены Камчатки называли Страной Уйкоаль. В ней, в этой стране, в загадочном ореоле облачности и густых туманов возвышаются древние пирамиды вулканов – символы вечного огня. Что хранят они в своих жерлах? Почему потрясают Камчатку, с неимоверной силой извергая из своих недр горячие камни и огненную лаву? Что движет ими? А может, это великаны прошедших эпох – Гамулы предаются веселью в своей вечной подземной ночи и выпускают наружу огонь из своих чудовищных юрт? Или играют, надевая себе на пальцы убитых китов?

Это он, Перий, настоял перед администрацией, чтобы гости праздника с местными жителями, задабривая духов природы, совершали восхождение на легендарную гору Эльвель, как бы отдавая дань уважения предкам ительменов перед Алхалалалаем.

Много Перий знал легенд, связанных с горами Камчатки. Своими глазами видел женский лик на Кумроче, царящий в свете солнечного огня и снега. Перед этим нерукотворным творением не только у него дух захватывало. Стоишь, смотришь и не можешь оторвать взгляд.

В другом месте на границе Карагинского и Олюторского районов стоит каменный Дед. Ительмены рассказывают, что если человек, заблудившись, окажется у этого Деда, тот ему обязательно укажет путь к дому.

Далеко теперь от Перия Камчатка.

В гостиничном номере он напомнил Насте, как, однажды приехав в Москву на съезд малочисленных народов, познакомился с ней. Как понравилось ему ее выступление своей простотой и смелостью.

– Настен, посиди чуток, я в порядок себя приведу и принесу нам что-нибудь перекусить. Не против? Лахэн-то спит еще? – просто, по-дружески спросил он.

– Да спит, а я вот пройтись вышла. Но раз ты предлагаешь позавтракать, я – за. У тебя кофе есть?

– Нет, так и не смог к нему привыкнуть. Предпочитаю лучше крепкий чай, его могу предложить, если хочешь. Заварка – в тумбочке, кипятильник – на столе, вода – в кране. Действуй, а я – быстро.

Через полчаса Настя с Перием с удовольствием выпили крепко заваренный чай, и сонливость, которая было навалилась на нее, пока Перий приводил себя в порядок и бегал в буфет, стала отходить. Затем он достал бутылочку красного и водку.

– Сколько лет прошло, Настенька, с тех пор, как мы вот также однажды встретились с тобой в Москве и разговорились? Сейчас уже и не сосчитать. Ну что, расскажешь? Как жизнь личная?

– А что рассказывать, хвастаться нечем. С мужем в разводе давно, хотя он и продолжает помогать мне, о детях заботится, любит их. Работаю также в библиотеке, правда, пошла на повышение, стала заведующей отделом. Благодаря этому и на стажировку попала. Как видишь, ничего значительного у меня в жизни не произошло. Все заурядно, как у многих. Лучше расскажи, как ты? Ведь я помню: когда мы познакомились, твой ансамбль самодеятельным был, а теперь вот в профессионалы вышел, стал знаменитым, за рубеж выезжает. Рада, очень рада за тебя.

– Что ж, похвалу принимаю. И правда, мой ансамбль с каждым годом становится все крепче, это радует, но важнее другое. Несколько лет назад я, переругавшись со всеми начальниками, все же доказал им необходимость проведения у нас в Каврале старинного ительменского праздника – Алхалалала. Слышала о таком?

– Вчера вечером Лахэн рассказывал.

– А рассказал он тебе, что это я первого деревянного идола Дустехтича изготовил и в землю вкопал?

– Нет, – улыбнулась Настя, – до идолов мы не дошли. Об этом лучше ты расскажи.

– Тогда за это давай сначала по маленькой выпьем. Ты что будешь: водку, вино?

И увидев, как Настя сморщилась при слове «водка», улыбнувшись, сказал:

– Хорошо, хорошо, красненького налью. Красное вино на завтрак все врачи рекомендуют. Ты пей, пей, не посмеивайся. А я водочкой похмелюсь.

После того, как Перий опрокинул в себя полстакана водки и утер усы, заговорил:

– Знаешь, что мне, Настена, хочется больше всего? Полностью возродить на нашей земле старинный ительменский обряд. Восстановить одежду, реквизит, – их сегодня так не хватает на празднике! Потому и за границу едем выступать. Деньги на костюмы и аппаратуру зарабатывать. Где возьмешь в наше время такого богатого дядю, чтоб ансамбль содержал? Мне один наш спонсор помогает, но ведь тоже не миллионер.

– Перий, ты прямо как Лахэн. Ах, Алхалалалай! Ах, праздник! А что это, кроме танцев и костюмов, кто-нибудь из вас скажет?

– Ты, Анастасия, не спеши, а то как прокурор – что да как. Это ведь за стаканом водки вот так не расскажешь. Приезжай – увидишь.

– Так ведь чтоб я с одного конца света на другой приехала, меня заинтересовать надо. То, что вы на празднике своим коллективом большой концерт даете, я поняла, а еще что?

– Каждый год нового идола нашим богам ставим, через березовый круг для очищения проходим, стол на весь мир накрываем. Теперь вот думаю еще обряд с камланием шаманов возродить. Сделать им костюмы из трав, кипрея, как в старое время было, и заставить юрту мести, выгоняя из нее злых духов.

– А что же это символизировать будет?

– Своего рода гадание. Если их ноги с трудом будут подниматься – к несчастью, легко – к благополучию. Этнический центр с музеем откроем. Ты приезжай – сама все и увидишь. А если по большому счету – это, прежде всего, общение с людьми и большая радость!

– Я так понимаю, что все малочисленные народы теперь принялись свои национальные праздники возрождать. Наши саамы – Медвежий, вы – Алхалалалай.

– У саамов что, медведь почитался?

– Конечно!

– Интересно, интересно, ну-ка расскажи.

– У саамов даже культ медведя был и легенда о нем есть особая. Говорится в ней, что вскоре после сотворения мира решил бог совершить путешествие на их землю. Пришел к болоту, а оно широкое, топкое – не может перейти. Видит – волк бежит, стал просить помощи, но тот отказал, сказав: «Ты меня не создавал, значит, и через

болото переносить не буду». Бежит олень. Обратился бог к нему, а олень голодным был, обессилел и тоже отказал. Все это видел медведь, пожалел бога и перенес через болото. За эту помощь наградил бог его сном в берлоге на время самых холодных месяцев зимы. Оленя на произвол человеку отдал, а волка – проклял. С того времени саамы и стали медведя считать священным и очень умным зверем. Они серьезно полагали, что медведь может слышать и понимать, так как имеет «двенадцать сил человеческих» и «десять умов мужичьих». Избегали про него дурное говорить и никогда не называли по имени, просто «дедушка».

В восстановленном обряде саамы сегодня показывают картины охоты на медведя, всякого рода игрища: из арбалета с завязанными глазами стреляют в шкуру медведя, прыгают через нее, метают копья, камни, соревнуются в саамской борьбе, метании аркана, поднятии тяжестей... Самый ловкий и сильный получает на этом празднике звание «мужчины-медведя».

– Интересно. Но мне показалось, что ты как-то с иронией сказала про национальные праздники.

– Как я могу говорить с иронией, когда понимаю: не восстанови мы дедовские традиции, духовную культуру наших народов, потеряем и то, что имеем. Здесь, Перий, не ирония, скорее мое раздвоение: к кому себя причислять. Ты думаешь, мне не хотелось бы, как тебе, что-то возродить?

– Так в чем дело? Сама же говорила, что у вас национальный центр есть.

– Он – в Луйяввре, а я – в Мурманске. Не все так просто и однозначно.

– У нас в старое время, как описывал Стеллер, если кто-то медведя убивал – приглашал всех своих друзей с семьями, усаживая по кругу. Раздевался почти догола и просил развести огонь. С кем-то из гостей сдирал с медведя шкуру, полосками срезал жир и укладывал в котел с водой, затем срезал таким же образом мясо и, наконец, внутренний жир. Во время этого кто-то обязательно начинал танцевать, выходили даже самые древние старики. Когда еда была готова, охотник вновь усаживал гостей и угощал. Но процедура угощения была тоже довольно своеобразной. Он брал в левую руку полоску жира, в правую нож и шел от одного гостя к другому. Сунет в рот человеку жир и говорит: «Берегись!», а гость в ответ ему: «Сипанг», то есть «О, несчастье!» После этого охотник отрезал кусок жира и гость ел его. Когда все съедалось, охотник проносил перед гостями объединенную голову медведя, украшенную венком из осоки и разными безделушками. Вот так!

– Тоже интересно, – сказала Настя.

– Интересно, потому что любой старинный обряд – это магическое действие, в которое люди неукоснительно верят. Вот эта их вера веками и сохраняла обрядовые праздники народов, передавая огромные знания предков подрастающему поколению, тем самым воспитывая и обучая жизни. И если мы сегодня не будем возрождать их, мы ничего не добьемся.

– А я, Перий, и не спорю.

– Смотрю я на тебя, Настена, и кажется мне, что ты сама себе сложности напридумывала. Проще живи. Организуй своих саамов и воплощай с ними задумки разные.

– Смешной ты, Перий. Саамы наши уже давно организованы. И Ассоциация у нас саамская есть, и президент. Только я среди них чувствую себя чужой. Но что-то у нас

с тобой разговор не в то русло пошел. Говорили об Алхалалалае, а пришли к моим проблемам. Давай лучше выпьем по глотку, чтобы я смогла приехать к вам в Каврал.

– Вот это дело! За это я с превеликим удовольствием выпью. Не представляешь, как я рад, что Каврал стал центром Алхалалалая. Сейчас у нас никакого другого праздника так не ждут, как этого. Ты случаем с Кончатом Павлуцким не знакома, президентом ительменов?

– Нет, но в Центре много уже слышала о нем.

– Мировой мужик! Обязательно при случае познакомлю. Так вот он говорит, что Алхалалалай помогает людям выживать. У нас же проводится масса конкурсов, где победители получают такие подарки, как телевизоры, магнитофоны, другие необходимые вещи. Хотя бывает, конечно, кто-то выигранную кофемолку тут же на бутылку меняет, но телевизоры-то остаются, а значит, люди узнают о событиях в мире. Какой-никакой, а прогресс!

– Значит, у вас жизнь налаживается?

– С какой стороны посмотреть. Алхалалалай-то мы возродили, да вот за последние полгода из трехсот кавралцев пятнадцать умерло, а не родилось ни одного. Люди гробы колотить не успевают. Одних только похоронят, поминать начнут, – глядишь, очередного покойника в последний путь провожают. И самое страшное, Настен, люди мрут не от старости. Я вот у историков читал, что в семнадцатом веке ительменов на Камчатке проживало более двадцати пяти тысяч, к концу двадцатого осталось полторы. Что дальше? Животных, растения в Красную книгу заносим, почему не бьем в колокола, когда речь об исчезновении целых народов идет? Я тут недавно вычитал, что за последние десятилетия исчезло семь народностей. Вымерли, понимаешь, и никто этого даже не заметил. Это не стало всемирной трагедией века. И все из коренных жителей.

Кто-кто, а уж Настя могла понять его боль за свой народ, часть которого просто-напросто спивается, часть бедствует, часть голодает... А Перий продолжал говорить, все больше распаляясь от выпитой водки. У него нехорошо заблестели глаза.

– Где Сопочное, Морошечное, Утхолок? Их ликвидировали как неперспективные. Одной строкой перечеркнули целые судьбы людей: «Из списка населенных пунктов исключить...» У людей, Настя, родину отняли, традиционный образ жизни. Мне рассказывали, как люди в землянках ютились. Да что говорить, у нас в одной комнате две семьи жило: девять и семь человек, вот и считай. Многие ительмены, после того, как их власти родины лишили, насильственно переселив в другие села, от тоски умирали. Почему нас теперь так мало осталось? Не знаешь? А я скажу. Потому что души наших предков перестали с неба возвращаться. Они же привыкли к семейному очагу спускаться. А теперь что? Руины одни. Этим и уничтожили в народе духовную культуру. И все же, как бы что ни отнимали, а танец отнять не могли. И зажигательный, и темпераментный, и страстный... Танец, в котором живет душа народа, культура его. Вот почему, Настя, на Алхалалалае мы все смеемся и поем, шутим и танцуем.

И Перий стал, как вечером это делал Лахэн, хлопать руками, задавая себе ритм. Но какие это были разные зарисовки танцев – Лахэна и Перия. И если от танца Лахэна Настю кинуло в объятия к нему, то, глядя на то, как танцует Перий, ей захотелось

разрыдаться. Нахлынули воспоминания детства, когда они с матерью ездили в Луй-яввр к бабушке и деду. Народу в их приезд в избе набилось – дышать нечем. Стол накрывали. Оленина вареная, строганина, икра. От пара запашистой рыбы бутылки запотевали.

Поначалу общие разговоры велись, горожанам сельские новости выкладывались, а уж когда мужики изрядно выпивали, так же, как Перий сейчас, выкрикивали друг другу скрываемую многие годы боль. «Ты вот, Илья, говоришь, что совхоз «Тундра» – миллионер, а за счет кого он миллионером стал? За счет наших коардекских оленей и пастухов, части чальмны-варрских, понойских, чудзьяврских. Одни совхозы укрепляли, а с других людей сгоняли».

Семен Захаров, что выкрикивал свою боль, приходился двоюродным дядькой Настиной матери. Он никак не мог привыкнуть к селу, и когда крепко выпивал, всегда в разговоре отделял себя от Луйяввра, говоря, что он есть коардекский саам и коардекским помрет. «Сгоняли в одно село, точно оленей на забойный пункт, даже родовые дома не дали разобрать, чтоб на новом месте было где жить. Три года мы, как мыши, в норе ютились. Мамка твоя, Настька, помнит, – говорил Семен Захаров, – как с ейного института к бабке в гости приезжала, так на ночь, чтобы куда спать устроиться, место искала. Семь семей на один дом из двух комнат, а в каждой семье по десять-одиннадцать человек. Утром глаза продираешь и думаешь, как бы так изловчиться до ветру сходить, чтоб по случайности на кого из спящих не наступить. Вспомни-ка, Митряй, сколь в те годы людей счеты с жизнью свели. Деньжат немало в совхозе платили, напраслину говорить не будем, так от тех денег зло одно... Разве они на хозяйство шли? Какое хозяйство строить, когда в доме под восемьдесят человек живет? Вот люди и пили с тоски. В тундре потом, глядишь, пастух у костра угорел, то замерзнет, а то и петлю на шею накинёт. А сколь хороших мужиков бобылями остались, семей не завели?»

Настя вспоминала из своего детства лица родных дядьев, их смертную тоску, и ей самой вдруг, как Перию, захотелось выкрикнуть кому-то в лицо упрек за судьбы родичей.

Что это с ней? Ведь она считала себя далекой от этих проблем. Они существовали, но как бы не касались ее, хотя, конечно, неприятно было выслушивать иногда то от журналистов, то от киношников, посещавших отдаленки, что все саамы сплошь спиваются. Что местные мужчины в Краснощелье, ящики с водкой разгружая, принимают их словно хрусталь, бережно, с улыбками. А рты у большинства беззубые, и разит из них хуже, чем от помойки, невозможно рядом стоять. На Празднике Севера шатаются, лыжи на пимах застегнуть не могут, а туда же, приходят в гонках оленьих участвовать. Что же это? Почему от мыслей и разговоров подобных, сердце щемит? Может, это стажировка в Центре так действует, может, корни саамские душу взбередили? А может, Перий с Лахэном причиной тому?

– Больше того, тебе, Настена, скажу: в Каврале воровство появилось. Это среди ительменов-то, у которых оно считалось самым страшным грехом. Вора ни в один дом не впускали, от вора люди шарахались, стороной обходили. Изгоняемый, в тундру уходил и там бесславно заканчивал свой жизненный путь. Ительмены никогда воров не преследовали, считая, что укравший уже сам себя наказал. Но если раньше

были единичные случаи, то теперь это стало как болезнь. Куда катимся, скажи? Ведь не стыдятся последнее красть, какое-никакое старое тряпье, не говорю уж о продуктах, технике. Крадут – и тут же продают за бутылку водки...

Перий слишком много выпил, а в шесть вечера нужно было участникам ансамбля выезжать из гостиницы в аэропорт. Руководителю требовался отдых. Настя мягко попросила его:

– Перий, давай-ка ложись, отдохни перед отъездом.

– Ты, Настена, прости, что я тут тебе лишнего наговорил. Иди к Лахэну, он парень стоящий, а я и правда часа два посплю, затем холодный душ приму и опять оживу.

После общения с Перием Настя решила вновь заглянуть в комнату Лахэна, посмотреть, не проснулся ли. Он лежал на кровати с закрытыми глазами, но когда она наклонилась, чтобы поцеловать его, схватил ее в объятия и прижал к себе.

– Ты куда это ушла?

– Не хотела будить, так сладко спал, решила пройтись. Услышала Перия, зашла с ним поговорить.

– Точно, отключился на час капитально. Это у меня была уже вторая ночь, как я не спал, вот и сморило.

– А я не хотела уходить, не попрощавшись.

– Уходить? Да я тебя никуда до отъезда не отпущу, – сказал он и принялся ее целовать.

Как после доброго вина во рту остается послевкусие выпитого, так и в любви важно почувствовать, насладиться послевкусием соединенных в одно целое двух тел. Вдохнуть вкус близости, услышать пульс жизни.

«Я – Женщина!!! – пела ее душа. – Женщина!!! Благословляемая Богом! Луч солнца! Отдавая свою любовь мужчине, я получила взамен от него целый поток энергии. Может, это и есть счастье, о котором столько говорят и пишут?»

Открыла глаза и, наклонившись над Лахэном, прошептала:

– Господи, сколько лет я тебя ждала. Искала...

Он притянул ее к себе и поцеловал с неистовостью изголодавшегося по сердечным чувствам мужчины. Затем, отстранившись, глядя в глаза Насти, тихо произнес:

– И нашла.

– Я не знаю, Лахэн, кто ты в моей жизни? Но ты уже есть. Что принесет нам эта встреча: радость, боль, разочарования – не знаю. Знаю одно: ты мне нужен!

– Я об этом думал, Настя, но... Не привык загадывать наперед, пусть будет, как будет...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О Париж!.. Разве может что-то тебя привлечь или удивить? И все же французов заворожило искусство ительменов, людей с чуть красноватым оттенком кожи, чем-то похожих на индейцев, прибывших к ним с другого конца земли. Заворожило своей естественностью и легкостью, а крики на придыхании и вообще подействовали на публику возбуждающе... Репертуар ансамбля представил культуру столь древнего народа, что парижане после их выступления ощущали себя причастными к Камчатке.

Артистам признавались, что те своим выступлением продемонстрировали огромной силы жизненную радость, зарядили этой радостью.

Перию фотокорреспонденты и репортеры не давали проходу. В нем все было любопытно. Выспрашивали о вулканах, религии, верованиях. Даже пресс-конференцию по этому поводу устроили, где ительменский шаман, как все его здесь воспринимали, рассказал о погребальном обряде предков. И цивилизованная публика была потрясена, узнав, что в старину, когда какой-нибудь человек из ительменов отходил в вечность, его клали на верх землянки, где он и делал свой последний вздох. Все остальные люди в это время выезжали из жилища, оставляя мертвеца в мире и спокойствии. Они свято верили, что в это время душа усопшего блуждает среди животных и птиц, поедающих его тело.

Однажды, переходя Сену, Перий остановился и стал долго смотреть на воду. Один из корреспондентов, которому он давал интервью, спросил, не кроется ли в этом какой-нибудь тайный обряд камчатского шамана? Перий ответил:

– Ничего тайного. Просто я всегда останавливаюсь, когда перехожу реку, получая от воды большой заряд энергии, после чего всегда лучше себя чувствую.

Корреспондентам было удивительно слушать ительменов, в рассуждениях которых не было незначительных образов. Они мыслили такими категориями, как материк, долина, трасса...

С Лахэном во Франции творилось что-то непонятное: танцуя, он ловил себя на мысли, что в каждой участнице коллектива ему чудилось Настино лицо. Казалось, что на него скатывались ее мягкие волосы, наплывающие волной, а в голосах партнерш слышался ее веселый искренний смех. Воображение вновь и вновь рисовало перед ним картины его знакомства с Настей.

– Стрельников, ты так танцуешь, что и меня распалил, – шепнула ему на ухо партнерша Галина, незамужняя молодая девушка, не отличавшаяся от многих других, которые заглядывались на Лахэна. Ее глаза светились призывным огнем. Но слова партнерши подействовали на мужчину отрезвляюще, точно ушат ледяной воды. Что это? Впервые с ним происходили такие чудеса. Наверное, заметил некое безумство в его взгляде и Перий, потому что сразу после представления подошел к нему и спросил:

– Что, тяжело после Москвы?

– Ты о чем?

– О Насте.

– Откуда узнал?

– Ну, о том, что «святой» Лахэн наконец-то по-настоящему влюбился, уже весь коллектив знает, и, заметь, все рады за тебя.

Лахэн никогда и ни с кем не обсуждал личные дела, не раскрывал чувств, стараясь никого не обременять своими проблемами. О его состоянии друзья узнавали из его танцев. И вот впервые Перий вывел его на такой откровенный разговор. То, что коллектив узнал о чувстве Лахэна к Насте, нисколько его не смутило, он знал порядочность каждого, знал, что никто Каррите не расскажет о ней. Здесь было другое: как ему самому-то справиться с этим чувством?

– Настя – замечательная женщина, – продолжал Перий, – поверь, не все в ее

жизни легко, как, впрочем, и в твоей. А то, что ты ее сегодня видел во всех наших девочках – это нормально. Мы такое тоже проходили. И еще, чуть было не забыл, мне из Женевы Семен Елагин позвонил, сказал, что привезет твоего дядьку Ое, чтоб тот с нами на Камчатку летел, так что поприглядывай за стариком. Здесь не Каврал, не Палана, так и смотри, чтобы чего-нибудь не отчудил. Его с молодости тянет ко всяким приключениям.

– А что дядька Ое в Женеве делает? – спросил удивленный Лахэн.

– Он теперь у нас большой человек, находится на заседании Ежегодной рабочей группы ООН по коренным народам. Это тебе не упряжку с собаками погонять, это серьезно.

«Эльвель» выступал прекрасно, что вполне высоко сумела оценить французская пресса. Они где-то отыскивали даже высказывание академика В. П. Казначеева о том, что происхождение танцевальной культуры ительменов является интригующим началом, представляющим специалистам-культурологам эталоном, в направлении которого продвигаются все остальные малочисленные народы России, и вставляли его во все статьи, связанные с пребыванием «Эльвеля» во Франции. А еще писали, что многие, смотревшие их танцы, уверяли: «Они говорят, что их всего полторы тысячи, но если на их родине все так эротично танцуют, как они, то скоро ительменов будет много больше».

В минуты отдыха артисты позволяли себе, хоть за редким исключением, пройтись по ночному Парижу. Однажды после такой прогулки у Сузвая, Харьюза и Оячека зашел разговор о женщинах, предлагающих себя прямо на улицах. Слушавший это маленький, сухонький, с седыми волосами и такой же седенькой, редкой бородачкой, уже прибывший к своим семидесятидвухлетний Ое спросил:

– Харьюз, ты что хочешь сказать, что, вона-ка, такая женщина и со мной пойдет?

– Конечно. Если заплатишь, почему нет? А чего это тебя так заинтересовало? Куда клонишь? Тебе что, острых ощущений захотелось? – спросил, подкалывая старика, Харьюз.

Они со своим братом Оячеком были самые веселые и общительные парни в ансамбле. У Оячека – острые черты лица, длинные прямые черные волосы, и сам он весь какой-то худенький, утонченный – душа коллектива. Харьюз, с пышными, плохо подчиняющимися ему черными волосами, хоть тоже худ, но широк в кости и потому кажется плотнее брата. Оба с ярко выраженными скулами, характерными для ительменов и коряков. Братья – ительмены наполовину. Характерами разные. Харьюз более заводной, задиристый. И потому, услышав вопрос старика, тут же загорелся спровоцировать того на «подвиг». Знал, что за Ое водилась слабость к приключениям, и потому решил устроить потеху для мужчин ансамбля.

– Нет, Харьюз, ты смеешься надо мной.

– Не веришь мне, – пожал плечами тот, – у Семена спроси, он тебе все как есть на духу обскажет.

Семен Елагин в Америку в детстве попал. Его бабу в сталинское время репрессировали и отправили отбывать срок в Сибирь. Деда еще раньше расстреляли. После реабилитации старая женщина не захотела возвращаться в Москву. Поселилась вместе с сыном на Дальнем Востоке, подальше от центра. Старший Елагин, когда

в отношениях России и Америки оттепель произошла, отправил сына с Камчатки на Аляску к своему двоюродному брату, родители которого спасались от репрессий сначала в Европе, затем в Канаду перебрались.

Америка научила Семена во всем полагаться только на себя. Пытливый, отточенный в борьбе за выживание ум помогал пробивать дорогу в жизни. А когда в одной приватной беседе с нужным человеком он упомянул свою связь с Камчаткой, это тотчас же оценили и предложили его кандидатуру для налаживания связей с Россией. За многие годы, проведенные в стране с другой культурой, нравами, законами выживаемости, на Семена нет-нет да накатывалась тоска по Камчатке, на которой не было чужих. Там, если живешь в селе, оно все и есть твой родной дом. Зашел к кому-нибудь – тебя покормили, спать уложили. Проснулся – опять покормили. Запомнилось ему из детства то, как дети во всем подражали взрослым. В шесть-семь лет многие мальчишки курили трубки, управлялись с оленями, девочки вполне сносно умели шить. Когда же их со всех селений стали собирать в интернат, мир начал рушиться на глазах. Учителя отбирали курево, ругая ужасных родителей, позволявших такие безобразия. Но, разрушая один мир детей, не давали взамен другого. Вот тогда-то у них и началось подражание чужому миру взрослых с пьянками и враньем.

В интернате, прячась от учителей-наставников, мальчишки по углам, под лестницами, сидя на корточках, полушепотом обсуждали взрослых: сами, мол, папиросы курят, а им запрещают, и днем не спят, а их укладывают, да еще заставляют обязательно на правый бок ложиться. Дети, привыкшие поступать, как поступали их родители, не понимали, почему их заставляют все изменять. Семен, будучи по крови ребенком русско-польского происхождения, бурно противостоял против навязываемых ему правил: выбивал окна и убегал в тундру. Его же сверстников: чукчей, коряков, ительменов – подобные требования воспитателей приводили в уныние. Они замыкались, уходили в себя. Но как бы далеко Семен ни убегал, он вновь и вновь водворялся отцом в интернат. Когда мальчишке исполнилось тринадцать, отец круто изменил судьбу сына.

И уже через много лет, приехав из Канады в гости к отцу, Семен обнаружил, в каком бедственном положении находятся его земляки. Воспитанный на чуждой России идеологии, он тут же исподволь взялся обучать коряков и ительменов выживанию «по-американски». В Женеву на Ежегодную группу ООН по коренным народам стал своих сородичей приглашать, как, например, Ое Притчина, знакомить с деловым миром Европы, Америки, стараясь внушить, что свои права надо отстаивать самим, а если что – и Америка на помощь придет. Писал гранты, снабжая земляков хрустящей зеленью долларов, и умилялся доверчивости и бесхитростности жителей Камчатки, принимающих все его разговоры за чистую монету.

Семен видел обращенный к нему взгляд старика.

– Сеня, они что, правду говорят?

– Конечно, – ответил Семен. – Разве ты, Ое, об этом никогда не слышал?

– Где? Вона-ка, в Палане? Нет! – и Ое тряхнул седой головой. – И все равно мне не верится, чтоб такая женщина со мной пошла.

Лахэн прекрасно понимал: откуда было знать дядьке такие вещи. Ое, если не

считать этого приезда за рубеж, с Камчатки только на фронт во время войны и выезжал. Но, получив под Варшавой контузию, вернулся в Палану, где проживал безвыездно, не считая ближних сел и поселков. В Женеве ему дали слово как старейшине от ительменского и корякского народов.

Мать Ое – ительменка, отец – коряк-нымылан, что значит оседлый. Ое, как и все его старшие братья и сестры, записался ительменом, решив, что коряков и без него достаточно. Всю жизнь родители его, да и он сам, занимались рыболовством, охотой, морским зверобойным промыслом, который давал не только мясо и жир, но и прекрасные шкуры. Ими Ое обтягивал лодки, обшивал лыжи. Его жена Лач шила из них добротную, крепкую обувь, хозяйственные сумки, ремни.

И все же больше всего в жизни Ое любил рыбалку, а крики мальчишек, что караулили приход в июне рыбы – «Чавыча! Чавыча!», были самыми желанными. Река Палана в старое время прозывалась Кычгэт-взем и была такой журчащей, что получила второе название – Пыльгыльгын, а уж от этого и русифицированное Палана. Возбужденные долгожданным событием, жители бежали на взморье увидеть наконец-то нагулявшуюся в морских просторах рыбу, которая первой поднималась в реку для метания икры. То-то было веселье! Радостный гвалт ребятни, смачные шуточки мужчин, счастливые повизгивания женщин. Пойманную первую рыбу, весившую иногда сорок-пятьдесят килограммов, варили и ели всем поселением. Таков старинный обычай.

Последние годы что не ловить? Сети капроновые, крепкие, не один год ими пользуешься, не то, что раньше, – крапивные. Кто-то не поверит, а оно так и было. Заготовят женщины стебли крапивы, высушат, вымочат, гребнями расчешут, ссучат нитки, затем сеть вязать начнут. По два года всей семьей вязали, и столько же пользовались – более крапивные не выдерживали.

Много про рыбу случаев Ое мог рассказать, если бы кто спросил, а более всех нравился ему услышанный от лектора в клубе. В семидесятых в Палану из Петропавловска-Камчатского лектор приезжал про наводнения рассказывать, ну и камчатские тоже упомянул. Было это в 1806 году. Сильно затопило Нижне-Камчатск, жители в церковь на лодках плавали молиться о спасении, а уж сколько красной рыбы в дом управляющего вошло, что ныне домом правления стал, и не рассказать. Когда вода спала, рыба в том доме вся и осталась, словно в сети попалась, люди увидели – ахнули!

Ое и вообще был прекрасным рассказчиком! Хорошо Лахэн запомнил корякскую легенду о сотворении мира, что тот ему когда-то в детстве рассказал.

Раньше-то земли не было – одно море, покрытое толстым слоем жира. Собрались как-то звери и решили: нужно землю со дна океана достать. Первой выпросилась лиса. Тужилась, тужилась, да и описалась. Воду посолила, а землю достать – не достала. Затем решил попробовать свои силы кит. Неуклюжий, сколько раз ни пытался нырять, его громадное тело не поддавалось ему. Наконец, предложила достать землю утка Галгапель. Глотнула в себя воздуха побольше и скрылась в морской пучине. Долго ее не было, звери забеспокоились. Вдруг появилась. Глаза закрыты, а в клюве клочок земли. Так она и ныряла до тех пор, пока все не оказались на земле. Ныряла с закрытыми глазами, а когда их открыла, все увидели, что они у нее от во-

дного давления кровью окрасились. Звери от радости в пляс пошли, а земля росла-росла, да в Камчатку и выросла³⁴.

Ое на сказках рос. Откуда ему знать, что близость с женщиной можно за деньги купить? Помнил еще старик, как сватался к Лач. Объявил ее отцу и матери о своем намерении и три месяца работал на них, показывая проворство да удалство свое. Оценили родители невесты его хозяйственность и дали позволение по ительменскому закону на хватание. Надели на невесту пять одежд, опутали рыболовными сетями, обвязали ремнями, словно мумию, и загородили от жениха. Вся родня встала на защиту Лач. Раз бросился Ое в толпу будущих родственников, да еле ноги унес, так его те побили, окаянные. Таков обычай. Охранители невесты могли бить жениха, таскать за волосы, царапать лицо, но не дать схватить ту, что пожелал он. Только на третий раз, после прошествии полугода, Ое ухватил Лач. Он еще молодец: некоторые ительменские мужики годами невесту ухватить не могли. А уж если схватил свою суженую, то, переспав с ней в доме ее родителей, на следующий день увозил в свой. Родили они трех сынов да дочку-красавицу, а потом Лач свалила болезнь, и остался он вдовцом. Сильно Ое любил свою жену и уж больше не захотел новой обзаводиться. И вдруг – на тебе, заплати деньги и покупай любовь. Откуда такое видано?!

– Не веришь, сам проверь, – сказал Харьюз, подмигивая Сузваю и Оячеку. – А Семен будет у тебя заместо переводчика. Пошли, мужики, глянем, как Ое будет постель с французской барышней покупать.

Хотел было Лахэн остановить дядьку, мол, чего позориться-то, но тот укоризненно цыкнул на племянника:

– Ты, Лахэн, молод еще дядьку учить. Поживи с мое вдовцом, тоже, может, любопытство разыграет, услышав такое.

– Я тебя, дядька Ое, предупредил, а там как знаешь.

– Ты меньше болтай, лучше рядом будь, ежели чего.

Перий, увидев озабоченность Лахэна, сказал:

– Ладно, не переживай ты за него так, в обиду не дадим, а ежели что – укротим старика...

Семен быстро сориентировался и привел любителей острых ощущений в нужный квартал. Ему нравился бесхитростный наивный камчадал. Вечно с ним приключались всяческие истории. Выбрав самую красивую девицу, Елагин подвел к ней компанию.

– Пришли. Что делать будем? – спросил он Ое...

– Тебе, Сеня, видней. Ну, по первости спроси-ка ее, сколько она хочет за мою любовь получить?

Девица равнодушно назвала цену. Семен перевел и спросил:

– Надеюсь, на этом твой интерес закончился?

Ое подумал: какой же он охотник, если останется без добычи? Нет, лисичка попалась отменная. Правда, совсем молодая, неопытная, но этого самого опыта у него вполне на двоих хватит. И взявшись за седую бороденку, словно для уверенности, ответил Семену:

34 Сказка Иарии Тэпеновны Етнеут, рассказанная автору ее сыном Валерием Етнеутом.

- Ты же сказал, что девушка согласна, зачем же я, словно трус, побегу от нее?
- Хорошо, командуй, что теперь спрашивать?
- Узнай, как зовут.

Вопрос тут же был переведен.

- Зачем ему мое имя? – в свою очередь спросила француженка.

– Как зачем, – удивился Ое, – разве ты, Сеня, не сказал ей, что я собираюсь ее ласкать, а значит обнимать, целовать. Как же я буду это делать, не зная имени?

- Ну, дядька Ое, ты и даешь! Обнимать, целовать захотел! – восхитился Оячек.

Все, кто пришел с Семеном Елагиным и наблюдал эту сцену, начали посмеиваться над стариком. Улыбнулся и Семен, ему импонировала доверчивость коряков и ительменов. Казалось: вот материал, из которого можно лепить, что хочешь. Он перевел смысл сказанного Ое девице, которая впервые с любопытством поглядела на дедка.

- Он что, ненормальный?

Семен понял, что попал, мало сказать, в затруднительное, но в глупейшее положение. Как объяснить упрямому ительмену, что проститутки не целуются, и все же решил, что лучше сказать так, как есть. Ое отреагировал по-своему.

– Почему, вона-ка, не целуются? Не умеет? Тогда скажи ей, что ительмен Ое Притчин научит ее целоваться.

Когда его пламенную речь услышали остальные, они не выдержали и захохотали. Но Ое в их сторону даже не посмотрел. Совсем не до смеху было Семену. Старик требовал:

– Ты, Сеня, спроси имя-то. Мне, вона-ка, надо объяснить ей, что близости без поцелуев не бывает.

Злясь на Ое за то, что втянул его в историю, на француженку, на ительменов, готовавших за спиной, Семен сказал:

- Послушай, тебе что, трудно назвать имя, раз того требует гость страны?

– Сумасшедший старик. Чего он привязался? Хочет трахнуть, пусть гонит деньги или разойдемся с миром.

- Имя назови, – не слушая ее разглагольствования, сказал еще раз Семен.

- Достал. Жюли меня зовут, Жюли. Доволен?

Ое думал свое. И что это за страна такая, где женщины продают себя за деньги без поцелуев и имени? Наверное, они никогда не получали приятности от настоящей близости с мужчиной. А это уже серьезно. Выходит, ему, Ое, старому ительменскому волку, просто необходимо научить этому француженок. Тогда его долг будет выполнен в жизни до конца.

Семен, услышав имя, был в самом деле доволен и с радостью назвал его Ое.

– Жюличка, – глядя на девицу, начал Ое, – вона-ка, объясни мне, старику, почему ты не хочешь целоваться. Может, я тебе не понравился? Но Сеня сказал, что ты согласная на любовь меж нами.

Семен, сопровождая ительменов на это столь для них непривычное мероприятие, самоуверенно думал, что вполне может контролировать ситуацию. И уж с кем, с кем, а со стариком Ое у него проблем не будет. Но непредсказуемость того заставила Семена оглянуться на смеющихся мужчин в надежде найти поддержку, а поняв, что ее ждать бесполезно, подошел вплотную к Ое и тихо произнес:

– Ое, они не целуются потому, что... – и, высказав упрямому старику схему отношений проститутки с клиентом, глубоко вздохнул.

Ое поглядел на хохочущих товарищей, на девицу, кокетливо подтягивающую чулок, на Лахэна, искренне переживавшего позор дядьки, на Семена и, к удивлению собравшихся, произнес:

– Сеня, я не понял, что ты имел в виду?

Казалось, на какое-то мгновение образовалась такая тишина, от которой начало звенеть в ушах. Мгновение – и Семен не выдержал и в полном смысле этого слова взвыл:

– Боже! Да что это за наказание? Ое, что тут непонятного? А ты, Лахэн, что смотришь? – и уже не стесняясь, по-мужски, матерно высказал все как есть. Он думал: теперь-то упрямый старикан отвернется и без разговоров уйдет, но...

– Вона-ка, дело какое?! – удивленно, трагически произнес Ое. – Бедная девочка. Они что, изверги? Сеня, я давно вдовец, потому решаю, не предав памяти своей жены, взять эту несчастную с собой. Не могу же я ей позволить терпеть такие издевательства!

Семен, а вместе с ним и Лахэн, минуту остолбенело смотрели на старика и, наконец не выдержав, стали со всеми вместе хохотать до слез, до коликов, до икоты.

Харьюз с Оячком строили такие рожи и так громко повизгивали на весь квартал, что и другие, глядя на них, стали покатываться со смеху, схватившись за животы и причитать:

– Ое, пощади, ни слова больше, иначе мы все здесь умрем в этом квартале, так и не увидев родины. Семен, Лахэн, кто-нибудь, умоляем, скажите ему: пусть или платит, или пошли восвояси.

Впоследствии так никто и не мог вспомнить, как им удалось усмирить упрямого Ое, настойчиво пытавшегося помочь французенке. А случай этот в дальнейшем стал рассказываться как анекдот из жизни старого ительмена.

Один только Лахэн знал: на старика действовали слова, сказанные им в самое ухо дядьке, что если тот сейчас отсюда не уйдет, то тетка Лач в гробу перевернется, проклянет его и рядом с ней в могилу не позволит лечь. Этого Ое не мог допустить: он все еще в памяти своей хранил любовь к жене. И бормоча оправдания племяннику, оставил свои благородные притязания на французенку.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

За лето нагулявшие тело самцы-хирвасы вступали в ожесточенные схватки друг с другом за обладание важенками. Сильные быки отбивали от соперников большую часть оленей? В это время хирвасы забывали о стаде, о том, что его необходимо держать в подчинении. Теперь их главной заботой были важенки. Так, в одном «куске» их могло насчитываться от пяти до двадцати. И каждый хирвас охранял сейчас только их хоть от волка, хоть от человека. Любого, посягнувшего на самок, олень мог забить до смерти. В это время хирвасы бились не на жизнь, а на смерть, и, если кто-то побеждал, по тундре проносился трубный зов, оповещавший остальных оленей о победе сильного над слабым.

И кто мог знать, что после жертвоприношения случится несчастье!

– Белый День, Белый День!!!

Ссутулившись и запинаясь о камни и кочки, дед Анкасай бежал, поднимаясь на горюшку к куваксе нуэйт и, задыхаясь, скрипуче кричал:

– Белый День, Белый День, беда!!!

Нуэйт только собирался раздуть в очаге огонь. Услышав зов старика о помощи, распахнул полог и появился нос к носу перед Анкасаем. В глазах старика застыли страх и отчаянье.

– Внук... Его хирвас рогом, поди-кось, прямо в бок... Помоги!

– Где?

– У обгорелой сосны на взгорье. Поспешай, Белый День, помоги внуку!

Старые ноги подвели старика, и он на дрожащих коленях опустился на то место, где только что стоял нуэйт Белый День. Анкасай, пошатываясь из стороны в сторону, возносил молитву всем пришедшим на ум богам, чтоб те не оставили его внука без помощи.

Так уж сложилось в жизни Анкасая, что жена рожала ему много детей, но выжить сумел один, да и тот, оставив отцу с матерью внука Ярашку, вместе с женой утонул на озере в шторм. Казалось, это конец. Но Ярашка сумел растопить замерзающие от горя сердца стариков.

Весна в тот год пришла ранняя и бурная, на деревьях быстро набухли почки, того гляди лопнуть должны и явить миру свои липкие, сочные листочки... Но вдруг в самый весенний разгар тундру вновь обдало ледяным холодом. И несмотря на готовые распуститься почки, ветви деревьев еще недели на две остались стоять не опушенные листвой. Случилось вновь выглянуть солнышку, и вербочки тут же откликнулись на его призыв – раскрылись почки и явили на радость людям свои лохматые, мягкие, толстые «шмелики» – сережки. А когда на карликовых березках несмело зазеленели первые листочки, сердце Анкасаю порадовал еще и внук, сделав первые шаги.

– Ярашка, внучок, а ну давай, поди-кось, беги к аййе, – лицо Анкасая смешливо морщилось в улыбке, а навстречу малышу протягивались мозолистые, еще крепкие руки.

– Элл-ла, элл-ла! – цокая языком, подбадривал малыша старик.

Ярашка, будто осознав значимость первых шагов, поначалу зашатавшись, сумел все же удержаться и твердо начал переставлять ножки. Переваливаясь, словно шагая по топкому болоту, он так и дотопал до объятий деда.

– Старуха, мать, поди-кось, не видала чего! – крикнул Анкасай жене, хлопотавшей у очага. – Радость у нас! Ярашка заходил!

Рос Ярашка пареньком крепким. В десять лет уже и оленя мог заарканить, правда, силенок не хватало еще удержать. И вдруг на тебе, свалилась на Ярашку болезнь. Кашлем с ног сшибла. Паренек таял на глазах.

Анкасай тогда чуть умом не тронулся. Внук был совсем плох, но нашлась-таки бабка-знахарка, отваром сосновой смолы подняла на ноги мальчонку. А тут – опять напасть. Не мальчишка – парень, а туда же, посмотреть решил: сколь силен их хирвас Смоляной лоб, сколь вокруг себя важенок собрал. Будто не знал, что хирвас страшен, когда гуляет: не подпустит близко ни хозяина, ни врага.

Анкасай покачивался из стороны в сторону, совсем не замечая, как вокруг собрались сочувствующие горю старика люди. Ближе всех подошел Томаско. Дотронулся до плеча Анкасая, сказал:

– Не буди горем духов темной ночи. Белый День силен, он поможет твоему внуку выкарабкаться из тумана смерти. В жизни всякое приходится хлебнуть.

* * *

Нуэйт нашел истекающего кровью Ярашку в глубоком забытье. Как и говорил Анкасай, он лежал возле горелой сосны. Не медля, Белый День призвал на помощь Пассь вуйнас – святых духов – и остановил кровь. Трогать парня еще было нельзя. Необходимо выждать время, чтобы лучше затянулись разорванные оленьим рогом кровеносные сосуды. Нуэйт присел около Ярашки, размышляя, чем быстрее привести парня в чувства. Решил, что только отвар сосновой и еловой смол лучше всего должен помочь при восстановлении необходимых жизненных сил молодого организма.

Вдруг совсем близко раздался хруст сухого валежника и хорканье хирваса.

Смоляной лоб (а это был он) обходил свою территорию. Унюхав человеческий запах, захоркал сильнее и направился прямо в сторону нуэйта.

Белый День в момент оценил опасность положения. Ему не хотелось, прожив жизнь, как водопад, умереть, как комар, потому хоть и считал себя крепким мужчиной, но понимал, что с обезумевшим от сражений за важенок хирвасом ему сейчас было не справиться. А выходить на путь нуэйтие – времени нет. Требовалось другое решение. Белый День собрал всю свою энергию и направил ее первому попавшемуся поблизости оленю, вызывая его на поединок со Смоляным лбом. И когда между человеком и хирвасом осталось всего несколько шагов, из леса, громко хоркая, выбежал другой хирвас, достойный по силе Смоляного лба.

Смоляной лоб резко развернулся к посягающему на его владения быку и медленно пошел навстречу. Низко наклонив головы и выставив вперед рога, хирвасы двигались навстречу с единственным желанием победить соперника. Сначала подступали друг к другу боком, примериваясь, но момент – и в диком ударе столкнулись рогами. Закружились, стараясь вырвать рога из пут, которые сами сплели ударом. Сейчас они исполняли самый боевой из своих танцев. Вновь тупой удар лбами, и оба уже стоят, злобно хоркая и храпя, друг против друга. Глаза налились кровью, с губ на мерзлую землю падала пена. Мускулы животных напряглись, животы подтянулись, шеи налились силой. Удар, рывок – и вот уже рог прищельца проткнул бок Смоляного лба, и тот, захрипев и брызгая во все стороны кровью, стал опускаться на колени. Победитель гордо стоял перед противником, издавая трубный зов. Он смотрел на раненого соперника всего миг, затем, переведя взгляд в сторону человека, как бы передавая ему право последнего удара, ломая кусты, скрылся из виду.

Белый День, поняв и приняв призыв оленя-победителя, подошел к Смолянному лбу, достал нож и, чтобы животное не страдало, резким движением перерезал ему горло. Опустившись на колени перед поверженным оленем, нуэйт задумался над тем, как же близка иногда расплата за содеянное. Часом раньше этот хирвас проткнул рогом Ярашку, сейчас – лежал мертвым сам. И в его памяти встал боец, гордо

трубивший победу. Белый, с черными ногами, будто в тобэрки³⁵ обутыми, с черными дугами над глазами, он запал в душу нуэйти. Восхищаясь хирвасом, Белый День сказал оленю Ярашки: «Ты, брат, силен, да только на твою силу другая сила нашлась, – и уже добавил сам себе, – надо бы узнать, кому принадлежит тот красавец».

Нуэйт подошел к Ярашке, осмотрел его и затем, бережно подняв на руки, понес в становище. Навстречу уже бежали несколько парней саамов с наспех сооруженными носилками и шкурой для раненого. самого молодого нуэйт послал в становище сообщить об убитом олене.

Когда раненого внесли на поляну, все уже знали о происшедшем. Нуэйт распорядился нести парня в свою куваксу. Дед Анкасай бежал навстречу, смешно перепрыгивая через кочки и что-то шепча себе под нос.

Над Ярашкой столпились люди. Белый День попросил всех покинуть жилище, даже бедного Анкасай. И только когда медное солнце закатилось за гору, а темнота стала резко опускаться на землю, выглядывая, сказал старику и тем, кто из любопытства или сострадания оставались еще здесь:

– Будет жить твой Ярашка, Анкасай. Но священный танец в этом году ему не танцевать.

– О, боги! – взмолился Анкасай и упал перед нуэитом на колени. – Главное, поди-кось, мальчик жив! Танец и в следующую пору Коллкэм-манн станцует. Главное – жив!

Люди радостно похлопывали старика по плечу, желая его Ярашке быстрого выздоровления, расходились по своим коавасам. Анкасай последовал за нуэитом, чтобы посмотреть на внука.

– Ты, Анкасай, можешь ночевать у меня, рядом с Ярашкой, – сказал нуэйт и стал разливать в чашки горячий чай. – Завтра, чуть силы у него восстановятся, забереешь к себе. Он крепкий парнишка и потомство тебе родит крепкое, как тот самец-хирвас в черных тобэрках. Не знаешь случаем, чей?

– С черными дугами над глазами? – спросил у нуэита успокоенный дед.

– Он!

– Значит, Чорныш сломал гордый норов Смоляного лба? Вот оно, поди-кось, что получается. Чорныш – деда Томаски олень. Сам-то белый весь, а вот прозвали же его Чорнышем. Томаско сказывал: трудно родился, ногами шел. Вот как ноги-то его увидели, сразу и нарекли Чорнышем, а уж когда сам вышел, имя решили оставить. Дед Томаско нынче совсем старый, поди-кось. После праздника за озеро собрался. Олений у него хоть немного, но все породистые. Он здесь с внучкой Варван. Дева хоть куда – кругла, востроглаза, да пуста, говорят. Их Чорныш. В сердце, что ль, запал тебе?

– Пожалуй, запал, – произнес задумчиво Белый День.

– После праздника с дедом сговориться, поди-кось, можно будет, – подмигнув выцветшим глазом, полушепотом произнес Анкасай. – Хочешь, я сам поговорю об нем?

– Нет! Время торопить – ничего не получить. Духи не велят посягать на добро других. То добро, что мне предназначено, само придет, а что хитростью или силой возьму – сквозь пальцы утечет, мне ж лишь худо будет. Спасибо за заботу, старик.

35 Тобэрки – повседневная обувь саама, высотой до бедер, шилась в основном из темного меха ворсом наружу.

– Пора, поди-кось, спать, человеке, – словно и не заводя разговора о Чорныше, сказал Анкасай. – Поди, еще дважды по шесть дней ждать, пока хирвасы не обгуляют важенок. В честь того, что Ярашка мой жив остался, веселый праздник устроим.

– Ты, Анкасай, поешь чего. За внука переживая, весь день голодным сидишь.

– Не сказал бы, так и не вспомнил, что за день ничего не ел.

Белый День подал старику миску с отварными мало просольными сигаами, да и себе несколько штук положил, тоже с утра ни кусочка во рту не было.

– Сижки и в самый раз на пользу пошли. А слышал ли ты, Белый День, луввът про то, почему человеку так много трудиться в своей жизни приходится?

– Сразу и не припомню.

– А я тебе скажу. Позвал Иммель-аййя к себе человека и спрашивает:

– Тебя, человеке, кормить раз в день?

– Мало, – отвечает человек.

– Два?

– Мало.

– Три? – спрашивает удивленный Иммель.

– Мало, – твердит человек.

– Ну, если тебе это мало, то и трудись тогда в поте лица на свой живот каждый день.

Старик хихикнул, отделяя мясистую часть рыбы от кости.

– Хочешь кушать – потрудись, поди-кось, так Иммель нам велел.

– Замечательная луввът, старик, запомню. А теперь перекусили – и поспать можно. Впереди много работы предстоит. Лучи солнца ясность голове дают, тяжелые мысли с ночью отходят, так что давай-ка отдыхать, – сказал нуэйт, подбросив в огонь сучковатую чурку.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Пока ансамбль почти месяц гастролировал по Франции, Настя в Москве жила воспоминаниями о Лахэне Стрельникове. Всего одна ночь, а она не могла забыть его даже на время. Ей вспомнилась где-то вычитанная фраза: «Расстояние между тобой и мной – это и есть ты...» Да, жизнью не раз доказано, что при разлуке всегда легче тому, кто уезжает.

У нее было много знакомых мужчин, и казалось, а чего бы не завести с кем-нибудь роман? «Легче живи, – говорили ей приятельницы, – пофлиртуй, закадри кого и не будешь киснуть в расцвете лет». Да и что греха таить, казалось, вот вроде появился какой-то мужчина, наконец-то уйдет одиночество, но... Пройдет неделя, другая, и «избранный» не интересуется ее уже. А не видит его какое-то время – и совсем успокаивается.

В этот раз чем дальше, тем становилось невыносимее... Ни один мужчина не мог ей запасть в душу, как этот, сошедший с небес в полном смысле этого слова ительмен.

И приснился сон. Будто кто-то хочет отнять у нее силу. Она это чувствует, а кто угрожает, не видит. Бежит в Метро по эскалатору, а вокруг – лица, лица... Пытается затеряться в толпе, но кто-то постоянно настигает ее. Наконец, впереди себя видит двери вертушкой, забегает в них и слышит голоса. Говорят про нее. Чахлый,

какой-то «заштопанный» голос хрипит: «Все равно мы ее убьем». «Ее не убить: она – женщина-птица», – произносит скрипучий голос старухи. Анастасия в панике выбегает из дверей и несется неведомо куда. Тут ее руку подхватывает Лахэн. Теперь они бегут вместе, а за ними толпа злобных людей. Но вот впереди зияет огромная пропасть. Что делать? «Лучше погибнуть, чем быть растерзанными», – принимает решение Лахэн. А ей вновь слышатся слова старухи: «Ее не убить: она – женщина-птица». Из последних сил Настя кричит Лахэну: «Мы не погибнем, доверься мне!!!»

Раскинув руки, они кидаются с крутого обрыва и летят, как два лебедя, расправив крылья... Но вдруг Анастасия начинает чувствовать, как рука Лахэна выskalывает из ее руки и он исчезает из виду... Настя кружится-кружится над обрывом, но, так и не увидев его, воспаряет в небо одна. Во сне она почувствовала потрясающую невесомость и необыкновенную лёгкость во всём теле, когда, поднимаясь всё выше и выше, наконец из женщины превратилась в птицу...

Сны... Многие из них приходят к человеку совсем не просто так: они подсказывают его будущее или помогают осознать прошлое. Но бывают сны пустые, о которых, пробудившись, человек даже не вспомнит, хотя ему этот сон продиктовало его собственное подсознание. И уж совсем редко кто из людей умеет разгадывать сны... Если мысли человека светлые и легкие, то и сон будет подобен им, если человека что-то гнетет, то и в сон его придут тревоги и переживания.

Московская жизнь шла своим ходом. По вторникам и четвергам стажеры занимались в Управлении президента, в остальные дни посещали Госдуму, Госкомсевер, разного рода министерства, Совет Федерации. Слушали депутатов, чиновников, научных работников, из разговоров с которыми все больше приходили к выводу, что нет в их душах боли за Север, а значит – и помощи не стоит ждать. У чиновников вся забота о Севере только на словах.

Лариса, после того как узнала о проведенной Настей ночи в номере Лахэна, полностью изменила к ней свое отношение. Теперь ее холодные глаза светились все чаще злыми огоньками. Распираемая ревностью, корячка при всяком удобном случае стала подкалывать ее, откровенно намекая на близость с земляками, в том числе и с Лахэном. Но Насте так не хватало его, что она оставалась совершенно равнодушной к колкостям стажерки, что еще больше бесило Судаченкову.

Однажды в Центре состоялась встреча с автором передачи «Тема» Ольгой Янковской. Девушка предложила стажерам принять в ней участие и смело высказать все наболевшие проблемы своих регионов. Заверила, что именно этот разговор с ними, непосредственными представителями северных регионов, и будет интересно представить на суд телезрителей.

Запись сорокаминутной передачи длилась около четырех часов. В роли оппонентов в дискуссии с залом были председатель Комитета по проблемам Севера Госдумы Владимир Гоман, депутат Госдумы от Мурманской области Андрей Козырев, другие. Острые вопросы из зала задавали не только стажеры, но и все, кто пришел на встречу и кого волновали проблемы Севера.

Настя тоже взяла слово. Ведущий, кокетничая с залом, бросая смачные шуточки, поднес ей микрофон. Она начала свой монолог сурово:

– Если честно, мне непонятно, для чего нас всех здесь собрали. Вы просите

сказать правду о Севере? О бедах, свалившихся на нас? Тогда опять непонятно, почему после каждого выступления устраивается чуть ли шутовское шоу: «Давайте поаплодируем, господа». И несмотря на то что среди оппонентов есть депутат и от Мурманской области, я скажу о проблемах, которые касаются жителей Заполярья...

Анастасия говорила о бедственном положении саамов, о процветающем на Мурмане браконьерстве. О том, как в тундре уничтожаются олени, как браконьеры их сотнями бьют, варварски вырезая языки и сердца животных, а туши оставляют гнить в тундре. Пастухи же, не имея оружия, не могут защитить ни себя, ни оленей. Предприятия по области стоят, самый мощный в России рыболовецкий флот разваливается, суда продаются за рубеж, а в Москве в комитетах по Северам занимается болтологией. Разглагольствуют о бедственном положении на Севере, не зная толком масштабов всей трагедии.

Настя говорила бы еще, но ведущий отнял у нее микрофон и, обращаясь к залу, сказал:

– Ну что ж, вашему выступлению мы аплодировать не будем.

С передачи она уходила расстроенной. Было понятно, что те беды, о которых стажеры успели сказать на съемочной площадке, при монтаже вырежут. Заказ и оплата передачи поступили от Гомана. А кто платит, как говорят, тот и заказывает музыку. Разве позволит председатель Комитета по проблемам Севера Госдумы Российской Федерации, чтобы народ услышал об истинном положении вещей? Если хотя бы одно выступление стажеров пройдет по телевидению, это будет говорить о его личном бездействии, за которое такого председателя из Думы нужно гнать поганой метлой.

Сразу после записи «Темы» Центр покинул Семен Елагин. Он уехал на очередное заседание в Женеву. И сразу без него в обсуждениях исчезла острота, а подобного ему оппонента среди молодежи не было, и прения постепенно перестали интересовать Анастасию.

Дожди прекратились, наступило удушливо жаркое лето, а она жила как в тумане, считая дни до возвращения из гастрольной поездки мужчины, который так взволновал ее сердце.

Как такое могло случиться с ней? Что толкнуло в объятия Лахэна? Восхищение им? Тайна, скрываемая бездонной чернотой его раскосых глаз? Вулкан страсти, бушующий в груди? Объятия и поцелуи, возбуждающие страсть, опьяняющие сознание? Настя не находила объяснений тому, что произошло между ней и Лахэном. После того как ей самой изменил муж и они разошлись, для нее было неписаным правилом не заводить близкие отношения с женатыми мужчинами. Теперь оно нарушено. Что это? Затмение? Наваждение?

Она думала: «Кто я? Грешница? Да уж, монашки из меня не вышло, и значит, мое место не в святой обители, а на земле, рядом с дорогим моему сердцу мужчиной. Значит, это любовь? А что есть любовь? Радость? Боль? Страдание? Что? Чудо! Но трезвым рассудком чудеса не свершаются. Нужен порыв, безумие, страсть... Художник пишет свои чувства на полотне, потому, наверное, когда видишь яркие солнечные краски, на душе радостно. Если изображение навеивает могильный страх, мрачное уныние от перенасыщения черных и серых тонов, то радости не жди.

Такая картина навевает грусть. Кто побуждает человека к любви? Может, это потешаются темные силы? Или все же ангелов вести? Ведь пишется в Библии: «Бог есть любовь!» Значит, он хочет, чтоб люди любили. В своих молитвах я прошу Господа простить меня, потому как грешна. В церкви молюсь, плачу, а выйду – и женская сущность вновь берет верх. Кто сказал, что над чувством женщины есть власть? Потому я и не монашка. Я грешница! Мое место на земле, рядом с мужчиной, об упоминании имени которого моя душа приходит в неописуемое волнение! Отчего? Не знаю. Скорее, несмотря ни на что».

Где-то Анастасия читала, что жемчужина рождается из боли и ей надо время, чтобы созреть. В здоровой раковине нет жемчуга, а вот когда под мантию моллюска попадет песчинка – боль, вот тогда и родится жемчужина! Вопрос вопросов: а сумеешь ли ты свою боль переплавить в радость для других, в радость для Лахэна? Ведь не зря говорят: жемчуг живет только тогда, когда чувствует тепло человека...

Где ее принципы? Ведь у него жена, дети... Умом понимала все, но ничего не могла поделать. Ждала Лахэна, отсчитывая каждый час, каждую минуту...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Наконец-то Катерина Лазарева вырвалась из суеты московской жизни в надежде хоть на несколько дней оторваться от киностудий, режиссеров, продюсеров, их претензий к ее сценариям, прокуренных комнат, бесконечной болтовни и ехала в свой родной Каргополь.

Когда-то в сторону ее родного края не было ни авиа-рейсов, ни железных дорог, и из центра России на Север добирались только водными путями. И сходились эти пути на Белом озере вологодских земель и Новгорода Великого.

Из Белого озера через волоки путники попадали на озеро Воже, а оттуда уже напрямик следовали в Поморье. Скандинавские и английские товары шли с Севера из Колы, Беломорья, Соловков через Каргополь в Москву и обратно, из Москвы за рубеж – отечественные. Да и сами каргопольцы по Онеге-реке и морюшку хаживали на стругах до Норвегии и Финнмаркена.

Катерина спешила навестить мать да закадычную школьную подружку Елену Смирнову, встретиться, наговориться от души с дорогими ей людьми. Копила отгулы, чтобы отпуск оставить на главную в жизни поездку на Камчатку, и мчалась в родные края на три-пять дней погостить.

В XI-XII веках на месте нынешнего Каргополя жили первые поселенцы этих живописнейших мест. В списках же город стал числиться только с XIV века. По одной из версий название свое получил от финского слова «кар-куун пуоли» – «медвежья сторона». И ничего удивительного: места здесь лесистые, медведей когда-то в них водилось видимо-невидимо. Существует даже предание о том, что один северный князь, заблудившись, встретил в этом месте медведя, который чуть было не растерзал беднягу, но явился некий старец – и медведь упал замертво. В память своего чудесного спасения князь и заложил город.

Другая легенда рассказывает, что частенько в эти места чужь набегии делала, разоряя и убивая местных жителей. Не стерпел поругания родной земли и родичей

белозерский князь Вячеслав, собрал дружину и разгромил чудь. Возвращаясь после преследования разбойников, сделал привал на чудесном поле, удобном для отдыха и торжеств, правда, водилось на нем несметное множество ворон в народе прозываемых каргами. Так за местом и закрепилось название Каргино поле.

Славен город Каргополь церквами, соборами. Только девять больших белокаменных, не считая маленьких церквушек, возвышаются над деревянными домами своей величавой статью: Христорождественский, Рождества Богородицы, Благовещенский, Никольский, другие. В старину Каргополь известен и своей иконописью, изготовлением копий церковных и светских рукописных книг. В XVI-XVII веках сыграл заметную роль как крепость на Северной окраине государства Русского. До сих пор в центре его сохранились остатки земляных валов древней крепости. Сетью своих коротких улиц, застроенных в основном деревянными домами, утопающий в зелени городок расположился на левом берегу реки Онеги, сверкающей голубизной в лучах солнечного света.

Совсем недавно еще у Катерины щемило сердце, когда она видела покосившиеся дома горожан, обветшалость и заброшенность их, но, видимо, правители одумались и принялись возрождать его, присвоив статус города-музея. И правильно, не так уж много подобных городов осталось у России-матушки. Вон Великий Новгород застроили девятиэтажками и нарушили старинный стиль, а тут – красота! За последние полторы тысячи лет он так и не вырос в большой город, словно застыл на рубеже XVI столетия.

Ну вот и Няндомы, а там и до Каргополя рукой подать. Сердце радостно замирает. Сколько раз Катерина Лазарева проезжала по этой дороге от железнодорожной станции до города – не счесть, и всегда от встречи с родными местами заново ощущала какое-то сладостное чувство, кружившее голову. Столько сразу мыслей будоражило, столько воспоминаний...

Почему, где бы люди ни жили, в большинстве своем они просят похоронить себя на родине? Может, интуитивно стремятся в те места, где были когда-то бесконечно счастливы, или память возвращает им прекрасный миг рождения и родительскую любовь. Катерине вспомнились строчки из стихотворения каргопольского поэта и ее большого друга Александра Логинова:

Над моей колыбелью
лесная пичуга поет.
Чую запахи трав,
чую ветер весенний.
То не солнце восходит –
душа моя вновь восстает.
То не день начинается –
то мое прорезается зреньё...

* * *

Валентина Евгеньевна Лазарева встречала дочь на автовокзале, не усидела дома, так по ней соскучилась. Обнялись.

– Наконец-то я, мамочка, вырвалась к тебе. Столько дел навалилось, невпроворот, боялась, что с работы не отпустят, – радостно сообщила матери Катерина.

Глаза дочери восторженно светились, но от Валентины Евгеньевны не ускользнула некоторая бледность ее. «Скорее всего, многие ночи не досыпала», – подумала мать. Она прекрасно знала неумную натуру своей Катерины, но сразу не стала высказывать беспокойство, только заметила:

– А я жду-жду. Письмо получила, где ты писала, что в начале июня приедешь, и нет, и нет, уже забеспокоилась, не случилось ли что. Слава Богу, вчера телеграмма пришла, а то бы точно сама пошла посылать.

– Ну что ты, мамуля, – успокоила Катя мать, вытирая со щек ее скатившиеся слезы радости, – у меня все хорошо. Еленка-то, подружка моя, знает, что я приехала?

– Как не знать, с утра звонила, справлялась, а потом не выдержала и сама подъехала, у нее сегодня выходной, дома стол накрывает.

– Ну, как будем добираться – на автобусе или с шиком, машину возьмем? – с улыбкой спросила Катерина мать.

– Чего это на машине тебе ехать вздумалось, деньгами сорить. Автобусы у нас еще не отменили, как все нормальные люди на нем и поедем, – точно делая внушение дочери, произнесла Валентина Евгеньевна.

– Сидя в автобусе и слушая последние каргопольские новости, Катерина ловила себя на мысли, что ее просто распирает от радости и благодати. В Москве, откуда бы ни возвращалась, никогда такого чувства не возникало, скорее, наоборот, будоражили мысли о предстоящей работе, встречах, новых замыслах...

– Мамуля, лепота-то какая вокруг!

– Потому, дочка, что красота и доброта в одном слове умещаются, отсюда и лепота.

Проезжая по Благовещенской площади, Катерина вспомнила, как в выпускном классе она с ребятами приходила сюда на экскурсию. И вновь, как когда-то давно, зазвучал в ней голос экскурсовода – историка Сергея Анатольевича Арунова, искренне полагавшего, что в жизни каждого человека должна быть своя десятина, которую бы он отдавал Господу. И свои экскурсии выпускникам школ всегда проводил бесплатно. Он говорил: «Четыре стены храма значат четыре стороны света, четыре времени года, четыре измерения: ширина, длина, высота и время. И эти четыре стороны есть знак земного, они стянуты кругом бессмертия в основании барабана. Нет у круга начала и нет у круга конца. Потому в старину и говорили: конец там, где начало, кто поймет это, останется жить вечно. Обязательно вернитесь к азам своим, к тому, что есть добро, красота, чистота, и замкните круг». Потому, наверное, Катерине и было радостно всегда возвращаться к своему началу начал.

– Катька, родненькая, как я по тебе соскучилась! Совсем столичной стала! Мы с Валентиной Евгеньевной, думали, уж совсем в это лето не дождемся тебя. Как ты? – спросила Елена, довольно привлекательная женщина с крашенными в пепельный цвет волосами. Она была гораздо стройнее и выше Катерины и в какие-то моменты казалась почти красивой. Катерина любила Елену всем сердцем и радовалась каждой новой с ней встрече.

– Я-то ничего, а как ты? Куда моих крестников дела? Докладай, почему не привела на встречу с крестной матерью? – шутя и смеясь говорила Катерина, обнимая подругу.

– О чем спросить удумала! Будут они в городе сидеть в летние каникулы! Галинка с утра на пляж с подружками убежала, а Никитка рыбачить на Онегу еще с ночи ушел, запасы рыбные на зиму делает. К тебе обещались завтра заехать повидаться. Ты давай не стой, как гостя московская. Скидывай шмотки шелковые, обряжайся в халатик, что попроще, поедим, да айда на Онегу купаться! Солнце палит, спасу нет!

Валентина Евгеньевна, смеясь, сказала, обращаясь сразу к обеим:

– Да, если Елена пришла, значит тут же прихватизирует мою дочь, не даст матери на нее насмотреться, наговориться.

– А на что у вас ночь будет? – в тон старшей Лазаревой ответила Елена. – Мне завтра на работу, урывками вечерами только общаться и смогу, хоть сегодня на вечер уведу ее от вас.

После холодной вкусной окрошки и ароматного чая Катерина с Еленой пошли на реку купаться и загорать.

Тут-то Катя и призналась подруге, что, получив хороший гонорар за сценарий фильма, осенью собирается съездить на Камчатку. На что Елена с нескрываемой завистью заметила:

– Везет тебе, Катька, нашла свое место в жизни, по стране разъезжаешь, с известными людьми дружбу водишь, а тут сидишь в Каргополе, и никаких изменений в твоей жизни не предвидится. В отпуск по нынешним временам семьей не выехать.

– Ничего, Ленусь, не переживай, может, жизнь и у тебя еще наладится. Ведь по большому счету мы ее сами делаем. Ты должна радоваться, что у тебя детки есть, муж, я же до сих пор как перст одна. А так хочется порой идти с работы домой и думать, что там тебя кто-то ждет, уж если не муж, то хотя бы кот, а я со своими разъездами и того не могу завести, не будет с кем оставлять его. Так что на все плюсы моей жизни столько же найдется минусов. И неизвестно, кому больше повезло. Ну что, как в детстве: на перегонки к озеру?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

С гастролей в Москву «Эльвель» прилетел ночью. С автобусом получилась наклад-ка, он должен был приехать за артистами только утром. Участникам ансамбля ничего не оставалось, как прямо в зале аэропорта свалить у стены свои вещи. Артисты устроились кто как. Рядом работал круглосуточный буфет. Изредка по залу милиционеры прохаживались. За стойкой подремывала буфетчица. Харьуз толкнул под бок брата Оячека, который, присев на сумку со шкурами, пытался устроиться поудобнее.

– Оячек, чуешь, мы на своей земле, выпить не хочешь? Я из Франции шкалик захватил. В буфете на закуску сосисок купим, а?

– Думаю, по плотку можно пропустить, а то не дай бог заснешь и не заметишь, как твои вещи уведут. Пусть наши подремлют, пошли, – быстро согласился Оячек.

– Ты иди сосиски заказывай, а я пока в тот стакан, что на столике с салфетками стоит, бренди налью.

– А может, в тот стакан нельзя? – засомневался Оячек.

– Глупый, нельзя стаканы для распития спиртных напитков просить. Запрещают в аэропортах теперь пить.

Пока Оячек сосиски брал, Харьюз огляделся: нет ничего подозрительного. Моментом вытащил из стакана салфетки и влил спиртное, благо тот емким был. Оглядев победно зал, дождался, когда Оячек почти торжественно водрузит на стол тарелки с сосисками, подцепив на вилку одну, не суетясь, потянулся рукой к стакану. Но... Тот к столу словно прирос, оказался прикрученным на толстый болт, чтобы не «увели». Несколько мгновений Харьюз оторопело смотрел, не веря еще в неподвижность стакана, затем, собравшись с духом, дернул вновь. Злополучный стакан даже не шелохнулся. Оячек, увидев глупое выражение на лице брата, прыснул от смеха. Зато Харьюзу было не до смеха, ведь весь французский бренди вылит в стакан. В отчаянье он обежал круглый стол, попробовал его нагнуть, – тщетно. Это был не стол, а каменный постамент.

За действиями братьев наблюдали несколько участников ансамбля, которые пришли в веселое возбуждение. Сначала к столу подошел Сузвай, затем Лахэн, потянулись другие. Стали «умные» советы давать, как быстро и неприметно для окружающих из привинченного стакана бренди выпить.

Никто не заметил, как у буфетной стойки оказался старик Ое, который прихватил с собой столовую алюминиевую ложку. Без лишних разговоров на глазах у всех согнул ее в виде черпака и протянул Харьюзу.

– Думаю, по три ложки на брата – и этого нерусского зелья хватит на всех. Мой – выход из положения, ваши, братья, – сосиски и бренди.

– Ну, дед, ты и силен! – загалдели мужчины.

– Всяко бывало. И что это мы словами, вона-ка, сорим. Твоя, Харьюз, бутылка, ты первый и черпай эту самогонку хранцузкую.

С шуточками и прибаутками ложка по кругу пошла.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Настя еле дождалась приезда Лахэна из Франции. Заранее договорилась в Центре, что берет отгул, и поспешила в гостиницу. Лариса, узнав об этом, многозначительно посмотрела на нее, но, как всегда, на выручку пришла селькупка Ирина, полностью завладев вниманием корячки. Ларису Перий обещал предупредить, когда они обратно полетят, мало ли ей что захочется передать домой. И пока он не звонил, спокойной была.

Выскочив из Центра с колотящимся от радости сердцем, Анастасия помчалась в метро. Гостиница. У администратора узнала комнаты Перия и Лахэна. Лифт скоростной, но она все равно умудрялась подгонять его. Ноги сами поднесли к номеру 625. Стук в дверь и... тишина.

«Наверное, он у Перия», – подумалось Насте, и она поспешила в номер руководителя ансамбля.

– Прилетела, птишка-канарейка? – радостно спросил Перий.

– Скорее, прилетели вы, а я – принеслась. Как поездка?

– Прекрасно, успех ошеломляющий, просто здорово!

– Рада за вас. А Лахэн где?

– Может, вышел куда, посиди, подожди, а то вон как от переживаний покраснелась-то, – улыбнулся Перий.

Перекинувшись несколькими словами о поездке, Настя вновь поднялась. Ее нетерпение передалось и Перию.

– Пойду погляжу, может, уже пришел, – и вышла из номера.

Тот направился за ней. Но дверь номера Лахэна все еще оставалось закрытой.

– Подожди, я по нашим пройдуся, может, у кого сидит.

Но и в других комнатах Лахэна не было.

– Ничего не пойму, – сказал Перий.

– Лахэна ищите? – спросил пробежавший мимо Оячек.

– Не знаешь, где?

– На пятом этаже, в холле, танцуют. Там вахтерша – девица молодая – пристала к Сузваю: «Покажите да покажите, как вы танцуете». Ну, он и взял Лахэна к себе в партнеры. Я только оттуда, вот хочу Харьюза позвать.

– Пошли, – решительно бросил Насте Перий. Анастасия вся просияла, увидев Лахэна. Двое мужчин танцевали, точно бросая друг другу вызов. Глаза сверкали, движения были резкими. По вискам скатывались капельки пота, длинные волосы разметались по спинам, плечам, лица горели от возбуждения. Что они хотели сказать своим танцем? Перий, не утерпев, стал им прихлопывать. Он понял: из того, что сейчас увидел, может выйти новый интересный танец. Наконец пристальный взгляд Насти заставил Лахэна оглянуться, и тут же лицо мужчины осветилось улыбкой. Передав партнерство Перию, он вышел из танца.

– Пришла!? – выдохнул радостно. – Пошли.

И повел ее в номер. Зашел в ванную, чтобы ополоснуться. Настя подала полотенце.

– Ты не представляешь, как я там, во Франции, ждал этой встречи. С Камчатки ехал с такой радостью: «Мол, во Франции побываю!», а с тобой познакомился – и Франция стала не нужна, – он глубоко выдохнул и крепко обнял Настю, нежно целовал ее глаза, губы, щеки...

– Я тоже считала дни, только и жила мыслями о встрече с тобой.

Он так крепко обнял и поцеловал ее, что она запротестовала:

– Безумный, остановись хоть на мгновение, иначе я умру в твоих объятиях!

Эти слова у нее вырвались невольно, и она тут же испугалась, а что если он на самом деле перестанет обнимать, и уже сама, прильнув к его груди, блаженно вдохнула в себя его запах.

Лахэн, чуть ослабив объятия и взглянув в ее глаза, почти прошептал:

– А это не так уж плохо – умереть в объятиях любящего мужчины, разве я не прав?

– Прав, прав. Но лучше в них жить. Ну, расскажи, как тебе Париж? Я так переживала за вас!

– Особый город! Даже сразу не объяснишь...

– А я, как кто-нибудь произнесет слово «Париж», представляю Мирэй Матье, французскую певицу. Сцена и она в черном платье с модной в те годы стрижкой. Представь – черные короткие волосы, челка, подстриженная на особый манер, сердечком, и завораживающая, картавая речь. Кажется, ее голос так и перекачивается из одной улочки Парижа в другую, набирая силу, и, наконец, мажорно звучит на центральной площади столицы Франции.

– А я в основном запомнил Париж ночным, сияющим разноцветием неоновых вывесок... Повсюду парочки, кафешки... Наша жизнь во Франции только после обеда начинала пробуждаться. Репетиции, концерты, отдых.

– Ну а курьезные случаи были?

И Лахэн стал рассказывать ей все нелепицы, происходившие с участниками «Эльвея» во время гастролей. А в конце, словно что-то вспомнив, вытащил из дорожной сумки небольшую коробочку:

– Всем своим подарки купил, а это – тебе.

Он вынул из футляра цепочку с кулоном и надел Насте на шею. Это было крученное серебряное плетение с подвеской в виде круга. Настя положила ее на ладонь и, рассматривая, старалась угадать значение. Он сказал:

– Этот кулон напомнил мне магический круг. Подобный на нашем празднике делают из веток березы. Получается как бы огромный березовый венок, через который проходят все кавальцы и гости Алхалалала.

– Почему круг?

– Как символ очищения. Кстати, если заглянуть в книги исследователей, они всех ительменов камчадалами называют.

Настю это совсем не удивило, ведь и саамов русские целые столетия лопарями называли.

– Спасибо, Лахэн. Я уже так давно не получала подарков от мужчин! Буду надеяться, что этот маленький «алхалалалайчик» приведет меня на ваш праздник в большой березовый круг.

– Я тоже буду на это надеяться, а теперь ты моя и только моя.

На следующий день ансамбль улетел на Камчатку.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Целый материк лег между ними разлукой. Настя ловила себя на мысли, что ее стали раздражать споры ребят. Стараясь побыть одна, так как в основном все для обсуждений собирались в комнате, где жили они с Ириной, садилась в холле гостиницы около большого раскрытого окна и тупо смотрела вдаль...

По тротуарам ходили люди, по дорогам проносились машины, в поднебесье летали птицы... Все оставалось, как прежде, только не было в городе его. Жизнь в столице превратилась в какую-то какофонию звуков, в которых не слышался единственный милый ее сердцу голос. Да и сам город словно опустел и вымер, потому что в нем не было Лахэна. И Настя вновь остро почувствовала в своей душе ноющее одиночество.

Чтобы как-то заглушить тоску, разъедающую сердце после отъезда Лахэна, стала просматривать материалы об ительменах в редакции журнала «Северные просторы», но, найдя их незначительными, пошла в «Ленинку» и запросила книги о Камчатке. Теперь ее интересовало о ней все.

Камчатка! Песня души. Она произносила это слово по несколько раз в день, пропевала его – Ка-м-ча-т-ка... Ла-хэ-н... И снова Ка-м-ча-т-ка... К Российскому государству этот удивительно таинственный и притягательный для Анастасии

полуостров был присоединен в конце XVII века. В то время, когда такие морские державы, как Англия, Франция, Голландия, выясняли между собой отношения. В длившемся целое столетие споре Англия вдруг объявила себя владычицей морей. Каково было подобное признавать России, набравшей силу и мощь? Разве она могла хоть и могучей, но крошечной Англии уступить полмира!? И на Камчатку были снаряжены одна за другой несколько экспедиций, чтобы не потерять ценный во всех отношениях полуостров. Привел Камчатку «под великого государя высокую самодержавную руку» Владимир Атласов, казачий голова. Правда, привел ее насильственным путем.

И гордостью наполнялось сердце Насти, когда она читала, как храбро отстаивали свое право на эти земли камчадалы-ительмены. Даже понимая, что их примитивное оружие не идет ни в какое сравнение с огнестрельным оружием казаков, сражались храбро, не щадя живота. А если чувствовали, что конец битве близок, шли на отчаянные меры: мужчины-воины, заколов своих жен и детей, кидались с обрыва в воду, чтобы не быть плененными, или бросались на неприятеля, дабы в последний момент перед смертью отомстить врагу. А тут новая беда сократила количество камчадалов наполовину – оспа, занесенная с материка. К середине XIX века на Камчатке оставалось всего 46 поселений, из которых 20 ительменских, два русских на западном побережье и город Петропавловск.

Но самым удивительным на Камчатке для Насти оказались овечьи многими сказаниями вулканы. Ныне действующих там осталось около тридцати, более ста тридцати – потухшие. Степан Крашенинников, ученый, путешественник, писал, что камчадалы и казаки считают возгорания огнедышащих гор «предзнаменованием кровопролития». Возвышаются вулканы над полуостровом, точно огромные цепи дуг или рассеянные звезды. И нет на земле больше места, где бы на столь малом расстоянии их было столь много. Самый знаменитый – Ключевская Сопка, славится и Долина Гейзеров с чудодейственным Банным озером и горячей, сорокоградусной водой, содержащей серу и родон. Женщины ценят его воду лучше любой косметики, а мужчины приписывают озеру «свойства» рога носорога.

Всем необычна Камчатская земля, даже климат здесь особенный. Туманы густы: окутают берега рек и поселений – на целые мили ничего не видать. А все из-за особой в этих местах облачности и влажности. Травы растут гигантские, в рост человека. Один медвежий корень чего стоит! Цветы-зонты его вполне могут спрятать человека от дождя. И чудилось Анастасии, как она под этими цветами вместе с Ляхом стоит и целуется в дождь. Травы у ительменов, как ни у какого другого народа, в большом почете. Например, цветок сараны темно-бордового цвета, похожий на русский колокольчик, корни его – лучшая приправа для блюд. Или ительменский борщевик, им хозяйки тоже заправляют кушанья. А то и водку варят, такую, что можно ею железо травить. Да что и говорить, они считаются лучшими знатоками и собирателями трав, корней, клубней, ягод.

В Азии не найдется народа, у которого собирательство в жизни играло бы такую важную роль. Собирали и кедровые орехи, яйца чаек и других птиц.

Временами Настя думала: вот что с ней любовь делает. Прочла о родине любимого – и потянуло съездить на Камчатку. Ведь там живет Он! И в местоимении,

состоящем всего из двух букв, теперь был заключен интерес ее не только к полуострову на другом конце земли, но и смысл дальнейшей жизни. Потому и читала, выискивая все новые и новые сведения о Камчатке, будто узнавала не только о географии и природных явлениях, но и о Лахэне, – все подробности, все тайны.

Возникало удивительное чувство. Читая о том или другом месте Камчатки, она обязательно в своем воображении помещала туда Лахэна, порой в совершенно нереальные для него обстоятельства и время.

Как саамы и многие другие коренные народы Севера и Сибири, так и ительмены верили, что явления природы, предметы населены духами, каждый со своей историей, со своим характером. В лесах обитали злые Умахчу, в горах – карлики Пихлачи. Землетрясениями командовал Туил, когда его собака Козей стряхивала с себя снег. Всеми богатствами владел Пльхлен. А так как ительмены проживали по берегам рек и моря, то, соответственно, хозяином моря был Митг, который им представлялся в виде рыбы и был более всего почитаем. Алхалалалай тоже устраивался в его честь. Особый культ принадлежал огню, вокруг которого усаживались старики и обращали к нему ритуальные речи. Заканчивали говорить, вставали и, взявшись за руки, устраивали пляски с криками «Алхалалалай», после чего в танец включались женщины и девушки.

И несмотря на то что прошли века, ительмены до сих пор с большим уважением относятся к амулетам в виде клыков морских животных. И тут Настя вспомнила об обереге своём, который так неосмотрительно забыла дома в заветной шкатулке. А ведь бабушка наказывала: если хочешь счастья, носи, но не со многими современными вещами старинный оберег гармонировал, потому и оставался в шкатулке лежать. «И всё же, уезжая из Мурманска на три месяца, надо было бы взять его с собой», – подумалось девушке.

Из Госкомсевера для сравнения она запросила последние данные о саамах и ительменах. Численность саамского населения составляла около 1800 человек. У ительменов – чуть больше двух тысяч с преобладающим возрастом от 16 до 59 лет. К 1998 году смертность обоих народов давно уже превысила число рождаемости и естественный прирост стал идти за минусом.

В основном ительмены живут на Камчатке, но часть из них осела на Чукотке, в Магаданской области, Хабаровском и Приморском краях. Что до саамов, то их расселение скученно, – Мурманская область.

Название народа «итэнмэн» – «тот, кто существует». Тот, кто есть теперь у нее! Ведь Лахэн – ительмен. И «живущий», или «истинный». Да, Лахэн именно живущий! Своей основательностью, несуетностью, недюжинной силой! Как она тосковала по нему! В мыслях – Лахэн, в сердце – Лахэн, в душе – Лахэн!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Последний месяц в Москве пролетел незаметно, пришло время прощаний. И как итог – заключительная встреча в Центре «Лаураветлан».

Настя чувствовала в себе какую-то раздвоенность: прежде всего, была радость от предстоящей встречи с детьми, родителями, но тут же на душу оседала

печаль, замешанная на горечи расставания с ребятами-стажерами, так называемыми представителями коренных малочисленных народов. С кем-то, может, судьба еще сведет встретиться, с кем-то – уже никогда. Для выпуска группой был подготовлен последний номер Информационного бюллетеня, в котором украшением стала страничка о творчестве корякского народа. Когда Лариса Судаченкова хотела, у нее получался довольно неплохой материал. И читая в номере стихи Георгия Поротова, творчество которого считается поистине самобытным и оригинальным, напитанным из чистых родников ительменского и корякского фольклора, народной мудрости, человек испытывал настоящий заряд бодрости:

Корякская пляска –
Веселья сестра,
Я мог любоваться
Тобой до утра.
Из песен чудесных,
Сплетенных в узор,
Я видел и слышал,
Присев у дверей, –
Безмолвие тундры,
Величие гор,
Крик птиц
И повадки зверей...

Настя много думала о Центре, его предназначении и роли в судьбе коренных малочисленных народов России. Нужен ли он? И однозначно ответила: «Да, нужен!» Особенно ценен материал, который стажеры помещают в Информационном бюллетене и отправляют в самые отдаленные уголки нашей Родины. А вопросы они поднимают в нем разные: «Кто крайний на Крайнем Севере?», «Причина загрязнения Амура – водоросли?», «Моя земля, и кто здесь я...». Честно и открыто пишут о проблемах своих народов, о возрождении языков, верованиях, культуре, рассказывают о работе различных министерств, приводят законы, касающиеся непосредственно жизни коренных малочисленных народов. Но не могла Настя отрицать и того, что политика в Центре будет строиться на умелом использовании стажеров президентом ИЦ «Л» и его исполнительным директором. В какое русло они в своих беседах направят мысли молодежи, в такое те и потекут. С более зрелыми людьми им гораздо труднее приходится. Настя это испытала на собственном опыте. Будет ли здесь пропагандироваться ярко выраженное неприятие русских или мирное сосуществование народов друг с другом – вот в чем вопрос.

С какими чувствами пришла Анастасия на последнее заседание в Центр? Наверное, в большей степени с чувством огромного приобретения. Приобретения новых знаний, новых идей, новых друзей. О некоторых коренных народах, населяющих Россию, она знала: ненцах, чукчах, коми, коряках, якутах; слышала о селькупках и эвенках, но совершенным открытием для нее оказались ульчи, нганасаны, кето, кумандинцы, теленгиты, долганцы, юагиры, ительмены. И стало понятно, как люди

оторваны друг от друга. Раньше в школах праздники устраивались «Мое отечество – СССР», дети изучали творчество того или иного народа, пели песни, танцевали, а сейчас что? Ничего друг о друге не знают. По центральному телевидению, радио, в газетах – одна реклама, секс, убийства, насилие, обмусоливание жизни эстрадных звезд, политические дебаты и полный информационный вакуум о жизни тех, кто является народом России. Поэтому Центр для Насти стал своеобразным выходом в неизученный и непознанный мир новых этносов.

Последняя встреча и грустные расставания со слезами на глазах. И тяжелее всего – прощание с дорогой Настиному сердцу селькупочкой. Все это время они прожили с ней душа в душу. Именно Ирина в Центре, несмотря на свою молодость, стала для Насти той самой жилеткой, в которую можно было выплакаться. При расставании Ирина говорила ей:

– Сначала ты меня, Настёна, шокировала. Бурная, как ветер.

– Ириша, так разве это плохо?

– Конечно, нет, просто я другая, у меня – дистанции, у тебя – их нет. Ты берешь иходишь в личную зону любого человека, рушишь барьеры. Поначалу это меня пугало, но когда я тебя узнала – поняла: в этом ты вся и это лучшее твое качество. Ты не боишься впускать к себе в душу всех, кто идет с добром, а я всегда в людях сомневаюсь. Наверное, в тебе все же больше русского начала, нежели саамского, а во мне – селькупского. Ведь не зря говорят, что люди из малочисленных народов скрытные, боязливые, редко кому душу откроют.

– Ну, это, Ира, я думаю, не зависит от национальности. Скорее, от свойств характера человека, его индивидуальности.

– Не знаю, не знаю, только с тобой я даже молчать могла, и меня это не тяготило, не раздражало, не то, что с другими: от молчания всегда возникала какая-то отчужденность, натянутость. Настён, я так привыкла к тебе, ты словно стала частью меня.

– Наверное, правильно говорят, что если ты встретишь человека, с кем тебе приятно общаться, не радуйся, ты им скоро объешься. Потому как он затюкает тебя своими разговорами. Но если тебе на пути встретится человек, с кем тебе приятно молчать – держись за него. Это твой человек. Только всегда надо знать, о чем молчать. Иначе скучно станет. Мы с тобой, Ириша, всегда знали, о чем молчали, поэтому нам никогда не было скучно.

И, вспоминая подругу, Настя думала: «Где ты, моя Иришка, моя селькупочка? Что-то подельываешь? Закончила ли аспирантуру? Чем живешь?» а как это она думала, словно много лет прошло, а разве она не на последнем вечере в Центре думала?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Лапландия – земля суровая, студеная. С ледяным колким осенним ветром, нудными дождями, с зимними, снежными бурями, пургой, северным сиянием, лютыми морозами. С сугробами по пояс, а то и в рост человека, с затяжной весной с проталинами и снежницами, коротким комариным летом и белыми ночами. Край камня, леса и болот. Здесь скалы цветут разноцветьем мхов. На каменных спинах сопок стоят причудливые, корявые сосны, лохматые седые ели, стелются карликовые

березки. Куда ни глянь, кругом прозрачно-лазоревые глаза озер, которые на долгую полярную зиму засыпают и сбрасывают свой ледяной панцирь только в разгар короткого лета. Зато море Баренца не замерзает даже в самые лютые морозы, потому как протекает здесь теплое течение Гольфстрим, и в сорокоградусье видишь, как парит залив.

Горы Лапландии носят названия «тундр». Так саамы в древности величали возвышенные массивы с глубокими ущельями и почти отвесными скалами. На их склонах встречается множество округлых впалых образований – цирков, в которых и в самое жаркое лето не тают ледниковые наросты, выглядывая белыми островками то с одной стороны, то с другой.

Небо нависает почти над самой землей. И если это поздняя осень, то налетающие ветры несутся над тундрой и рвут косматые хмурые тучи на куски, если лето – характер меняется, становится более мягким, игривым, покладистым. Зимой от их ледяных, бешеных танцев дрожит алмазное крошево звезд, а к весне, с южной стороны земли, ветра пригоняют солнце, раскрашивающее восходы в пастельные тона и омывающее закаты соком сентябрьской брусники.

И именно на этой земле испокон веков проживает древнее племя саамов. Откуда появились они, откуда пришли на Кольскую землю – никому неизвестно. Не одно столетие этот вопрос занимает умы ученых-исследователей, но ответа на него так и нет, хотя версий множество. Когда-то считали саамов чуть ли не прямыми потомками израильтян, говорили, что пришли они на Север с юга Европы через Скандинавию. Одни утверждали, что далекие предки саамов жили в междуречье Оки и Волги (племена ямочно-гребенчатой керамики), другие – что близки саамы мансийцам, марийцам и удмуртам, третьи – марийцам и хакасам, четвертые – что являются поздними пришельцами из Азии. Были и такие, что утверждали, мол, с потеплением климата от Пиренейских гор к берегам Балтийского моря начался отход северных оленей и, естественно, за ними последовали племена охотников на этих животных, то есть протосаамов. Кто-то отправлял предков саамов во Францию к кроманьонцам, кто-то рассматривал их по особенностям черепа и чертам лица (сочетание низкого лба и широкого, плоского лица) и утверждал, что саамы гомогенны и уникальны по всей Европе, а тем более в Сибири. Сами же саамы утверждают, что жили в этих краях всегда. В их легендах и преданиях не найдешь и намека на то, что родина их находилась где-то в другом месте. Скорее, наоборот, мифы Греции, Веды Индии, другие легенды рассказывают о загадочной Арктической прародине человечества, существовавшей когда-то на Севере. И если поверить в это, то саамов можно считать одной из древнейших народностей Европы.

Писал же о них Михаил Пришвин: «Лопари – забытое всем культурным миром племя, о котором не так давно (в конце XVIII столетия) в Европе рассказывали страшные сказки. Ученым приходилось опровергать мнение о том, что тело лопарей покрыто космами, жесткими волосами, что они одноглазые, что они со своими оленями переносятся с места, как облака».

В XIII веке саамы попадают под власть шведского короля Магнуса и становятся данниками Швеции, но в это же время Лапландией завладевают и новгородцы, обрекая саамов платить дань и им. Так в середине XIII века на Севере Европы столкну-

лись интересы Новгорода и Швеции, но спор возникал не столько о земле, сколько о взимаемой дани. Хотя, что скрывать, саамы и так практически за бесценок продавали пришельцам пушнину, пух, шкуры оленей и морских зверей. Наконец, в 1251 году Лапландию признали как бы «ничейной» землей. А это означало, что дань с нее могли собирать как шведы, так и русские, которые в середине XVI века на Кольском полуострове основали три первых крупных поселения: Колу, Умбу и Варзугу. Саамы, использовавшие оленей ранее в основном для поездок и перевозки грузов, начали разводить их. Хорошо стал развиваться на Мурмане и рыбный промысел.

Раздел саамов между Россией, Норвегией и Швецией официально оформился только в XVIII-XIX веках. Но, несмотря на это, в пограничных областях они еще долгое время оставались двое – и троеданниками.

Разнообразны суждения и о самих саамах. Одни путешественники отмечали, что они веселы и радостны и никто не может повлиять на их настроение. Что умеют заразительно и от души смеяться, честны, верны, любопытны, преданны семье, а и только к старости – болтливы. Финский исследователь Матиас Александр Кастрен отмечал любимое слово саама – «мир»: «...миром он встречает вас – миром провожает; мир для него все. Он любит мир, как мать любит вскормленное дитя».

Другие утверждали обратное: мол, саамы – самый ленивый, забитый и угрюмый народ, в чьем замкнутом характере скрывается хитрость и недоверчивость. Но подобные описания всего лишь результат кратковременных встреч и только. Хотя отдадим должное: саамы – народ с необыкновенно самобытной, своеобразной культурой, которая и поставила его в ряд этнографических загадок нашей планеты.

Если говорить о внешнем виде саамов сегодня, то они мало чем отличаются от русских. Насте всегда было смешно слушать ребятишек, когда они говорили об узкоглазости саамов. Причем не только дети, но и приезжие в Заполярье склонны путать саамов с чукчами и ненцами. Красивая раскосость глаз осталась в двух-трех родах, но при этом глаза их все равно остаются большими. В основном саамы кареглазы, но нередко встречаются и голубоглазые. Отличительной чертой у саамов и до сих пор является низкий рост и широкие скулы, у мужчин можно отметить большие мясистые носы. А в общих чертах этот народ очень красивый, недаром же заселявшие Кольский полуостров русские и украинские парни спешили взять в жены саамских девушек, а русским девушкам нравились парни саамские. Так, в настоящее время высветилась одна из самых больших проблем саамского народа – ассимиляция его с другими народами, населяющими Россию.

* * *

Настя сидела в своей мурманской квартире в мягком уютном кресле и разбирала материалы, которые удалось собрать о Камчатке. У ног примостилась любимица семьи, большая рыжая колли, которую ее мальчишки года три назад притащили маленьким, грязным щенком только покормить, да так привязались к ней, что, дав кличку Джери, оставили дома. Детей на летнее время удалось вывезти в оздоровительный лагерь, куда путевки достал бывший муж Анастасии.

За окном завывал налетевший ветер. Настя оторвалась от книг и подошла к окну, в котором чуть дребезжали стекла. Деревья сгибались от сильных шквальных

порывов. Сгибались, но не ломались. В этом и заключалась вся сила северной природы. Не ломались, оттого что с землей их крепко-накрепко связывали корни. И Насте подумалось: вот ведь как бы ни был силен ветер, а ему не сравниться с силой земли. Так и в жизни бывает: те люди, которые корни свои родовые сохранить сумели, крепко стоят на ногах. Как бы и ей, Насте, среди жизненных невзгод духом не пасть. Ненастье природное пройдет, а как справиться с бурей, бушующей в груди? И точно отгоняя от себя плохие мысли, она для уверенности произнесла вслух: «Человеку мыслящему поддаваться ударам судьбы нельзя, обязательно найдётся выход из любого положения». Немного подумала и добавила: «С Божьей помощью!..»

В дверь резко позвонили. Джери сорвалась с места и, грозно лая, побежала в прихожую. Настя, вздрогнув от неожиданности, нехотя поплелась за ней.

– Привет, Анастасия!

– Серега!?

Визит давнего друга по студенческой жизни был неожиданным. Она стояла перед ним в радостном недоумении.

– В этом доме гостей войти приглашают или на пороге держат? Ну и погодка у вас. Ветер с ног сбивает, еле добрался до тебя.

– Серега, миленький, конечно, проходи. Боже, как я рада тебе, – засуетилась Настя.

Сергей Суханов работал на радио в Москве. Хоть ему и исполнилось тридцать пять, до сих пор был неженатым, ссылаясь на то, что девушки не ценят всех его достоинств. Чуть выше среднего роста, крепыш, с короткой стрижкой и окладистой, такой же короткой, начинающей седеть бородой. Он любил жизнь во всех ее проявлениях, ценил юмор. Хлебом не корми – дай побалагурить. И хоть они были знакомы давно, принципиально звал Настю Анастасией, а она обращалась к нему по-прежнему, но всегда нежно и доверительно.

Настя, преображаясь на глазах в гостеприимную хозяйку, захлопотала около неожиданного приятного гостя. Сергей, широко улыбаясь, притянул ее к себе и чмокнул в щеку, затем обратился к настороженно рычавшей собаке:

– Ты что, Джери, старых друзей не узнаешь? Нюх потеряла? Всего-то год у вас не был. Анастасия, а где твои пацаны? Я им тут подарки привез.

– В лагере отдыхают. Сам-то как? Откуда свалился на мою голову?

Сергей, конечно же, понял, что Настя оговорилась, но захотел поддразнить ее и, сделав обиженное лицо, произнес:

– Как это понимать? Мне здесь не рады?

– Да что ты, Сережка, это я в себя прийти не могу. А уж рада тебе – и не высказывать. Праздник ты для моей истерзанной души.

– Надеюсь, про истерзанность еще расскажешь, а теперь – к делу. Приехал о твоих саамах репортаж делать, и надо мне попасть в Луйяввр на Саамские игры. Поможешь, съездишь со мной? Насколько я помню твои рассказы, у тебя там знакомые есть.

– Конечно. На работе будут только «за». Рассказывай, а я кофе приготовлю, – сказала Настя и засуетилась на кухне.

– Знаешь, Анастасия, я хочу тебе свою обиду высказать. Три месяца в Москве жила, а ко мне раз-другой забежала и все второпях. Неужто я тебе настолько неинтересен стал, что нам уже не о чем и говорить? Даже от дружеского ужина в ресторане отказалась. Я

уж и не знаю, что думать. Если честно, сомневался – идти к тебе или нет. Может, и здесь у тебя на меня времени не будет? Но, как видишь, все же зашел. Так что цени.

– Да ценю я, Серенький, ценю. А в Москве у меня столько разных заморочек было, что, поверь, времени на прогулки совсем не было.

Сказав это, Настя отвернулась к столу, чтобы Сергей не заметил, как краска стыда залила ее лицо. Говоря эти слова, она пыталась обмануть себя. Время всегда можно было найти, но она со своей влюбленностью в Лахэна совсем потеряла голову и забыла про доброго и верного друга, которого всегда искренне любила и ценила, но который ей оставался только другом.

Как Настя ни пыталась скрыть своего смущения, Сергей его все же заметил, но, будучи человеком тактичным от природы, решил сменить тему.

– Анастасия, а сюрприз хочешь? – спросил он заговорщически и, не дожидаясь ответа, вытащил кассету. – Включай!

Настя включила магнитофон. Раздался бой гитары и приятный мужской баритон вывел первые строчки песни:

Носят снеговые облака
Над землей простуженные ветры,
Если бы вот так с материка
Приносили белые конверты.
Камчатка, Камчатка, ты далека,
К тебе нелегко домчаться.
Камчатка, Камчатка, твои снега
Огнем голубым лучатся...³⁶

Настя слушала с замиранием сердца. В какие-то моменты думала, что от щемящей то ли радости, то ли горечи потеряет сознание. Она даже не была уверена, слышала ли музыку, и уж точно могла сказать, что не слышала голоса певца, а ей чудилось, что это Лахэн подал свою весточку, это он говорил Насте:

Но разве может быть он не любим,
Край моей земли у океана,
Слившиеся с небом голубым
Голубые волны и вулканы...

Сергей почувствовал, что, слушая песню, Настя в мыслях своих перенеслась на другой край земли. Ее взгляд стал отсутствующим, а глаза, точно набухшие весной озера, увлажнились, и в какой-то неуловимый миг он заметил, как лицо молодой женщины исказило страдание. И чем дольше смотрел на нее, тем яснее понимал: за то время, что они не виделись, в душе Анастасии что-то изменилось. И неведомо почему, его собственное сердце защемила тоска. Но Сергей был не из тех мужчин, которые как-то выражали свои чувства, скорее наоборот, все переживания прятал под маской беззаботности и веселости.

36 Песня написана на стихи Матвея Журавлева, музыка Валерия Етнеута.

– Откуда это? – приходя в себя, дрогнувшим голосом спросила Настя.

– Да недавно на радио песни одного парнишки-коряка записывали, я, как услышал, вспомнил, что ты последние дни в Москве несколько раз звонила и спрашивала материал о Камчатке. Только понять не могу: на что тебе эта Камчатка сдалась. Вот мне предложили туда лететь, праздник какой-то записывать, так, знаешь ли, никакого желания в такую даль тащиться нет.

– Сереж, а что за праздник-то? – почти шепотом, на придыхании спросила Настя, боясь спугнуть свои предчувствия.

– Ты думаешь, я помню. У них названия все – не выговоришь. Напоминающие таблетки аллахол.

– Боже, Серенький, какой ты счастливый! – чуть не взревела Анастасия. – Ты даже представить себе не можешь! Это ж надо! Предложили записать Алхалалалай!

Подобной перемены после прослушивания песни Сергей в Насте не ожидал и потому еще больше удивился. Определенно с ней происходило что-то странное. «Уж не влюбилась ли она?» – мелькнула у Сергея мысль. Но вслух высказывать ее пока воздержался, а лишь подтвердил правильность названия праздника:

– Этот самый праздник и есть. Ну и названьице. Ничего полегче придумать не могли. А все в рамках десятилетия коренных народов. Наши грант выиграли, тоже хотят выделиться, мол, вот что мы записали, куда долетели.

– А кто еще едет?

– Пока не в курсе. Я дал согласие, а кто еще поедет, понятия не имею.

– Сереж, миленький, умоляю, будь другом, возьми с собой. Я в любом качестве ехать готова: аппаратуру таскать, интервью брать... Я теперь столько о Камчатке знаю, как никто другой. У меня в этом году и дорога бесплатная, с отпуском договорюсь...

– Ты, Анастасия, знаешь, как я к тебе отношусь, с тобой готов на край света, даже на Камчатку лететь, но обещать, сама понимаешь, ничего не могу. Если вместо корреспондента, все равно договор на временную работу заставят оформлять. Не знаю... Я не решаю, но с начальством поговорю. Скажу: один полуостров с другим связи хочет через тебя наладить. Тем более, что ты им прекрасно известна по моим передачам, может, это и сыграет роль. У нас, видишь ли, напряженка сейчас с корреспондентами, отпускной период идет.

– Господи! Господи! Услышь молитву мою, – зашептала Настя, – расположи душу Сережкиного начальника, чтоб он меня к нему в помощники определил.

– Бойся, Анастасия, у тебя не только «крыша поехала» с этой Камчаткой, по моему, ты умом тронулась, это я тебе вполне профессионально заявляю. И тут тебе никакой Господь не поможет, – улыбнулся Сергей, делая ударение на словах «крыша поехала» и «умом тронулась».

– А я, Серенький, все эти дни молиться стану. Боженька меня и услышит. Как здорово, когда есть, что преодолевать, силы появляются, жить хочется! Ненавижу прозябание. Ты мне своим приездом надежду подарил, говори, что хочешь, все выполняю.

– Ну, раз вошла в роль золотой рыбки, поедem со мной на Игры саамские.

– Это мы вмиг организуем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Рыжая лисица Коллкэм-манн имела довольно переменчивый, хитрый нрав. Она могла то теплом обогреть, то обжечь первыми заморозками. Иногда в эту пору уже полно снега, а нынче Талльв³⁷ будто решила испытать терпение людей. Вестниками ее подкрадывались морозы, но ветреные, бесснежные.

Саамов, привыкших к сюрпризам погоды, не пугало ее непостоянство. Молодые охотники готовились к соревнованиям, проводимым на празднике Имание оленя.

В этот год на озеро Духов приехал богатый саам Негостай со своими сыновьями Гашком и Огнем, Парни Негостая были известны по тундре каждый по-своему: Гашк – лучший стрелок, неулыбчивый, но миролюбивый парень, Огнь – хоть и веселый, но непутевый, так его отец прозвал. Ради него Негостай, впрочем, и приехал на священнодействие, втайне лелея надежду, что сын наконец-то выберет невесту и он, отец, войдет в ее дом сватом. Надоело Негостаю от соплеменников обидные слова о сыне выслушивать.

Обыкновенно богатые саамы, приезжавшие на праздник, на суййме³⁸ выставляли свои призы. О том, что будет разыгрываться, затем сообщалось молодежи, чтобы раззадорить их интерес к соревнованиям.

– Победителю по стрельбе достанется Белошейка, борцу – Окольцованная, – сказал Негостай, сверкнув черными угольками глаз.

Он выставил в дар по лучшей тельной важенке из своего стада, зная, что олени у саамов ценились высоко, особенно важенки, которые давали ежегодный приплод. И все одобрили приз Негостая, хотя понимали: богач хитер, знает способности своего сына к стрельбе и втайне надеется на его победу.

– Это ты разошелся так, что надеешься на победу своих сынов, да, Негостай? – прищуря хитрые глаза, спросил Тудей, маленький, худощавый саам, который принимал участие в празднике Оленя уже не один год, привозя на него своих дочерей. Судьба была милостива к нему и награждала их с женой только девчонками. Вот Тудей и возил их одну за другой через год да каждый год на озеро Духов, пристраивая таким способом замуж в другое становище. Свою жену он тоже на празднике Оленя выбрал и считал, что жена, выбранная на священном празднике, – послание богов и большое благо. Может, потому и жизнь у него складывалась так удачно. Этого и дочкам желал.

– А ты что, Тудей, ехидничаешь? – возмутился от обиды Негостай. – Сам-то какой приз приготовил парням? Я стадом богат, ты – дочерьми. Или если у тебя девки одни, так парням и выставить нечего?

– Точно заметил, Негостай, девками я богат. И нынче у меня на празднике их две. И стадо мое не намного меньше твоего, чего скрывать. Если приглянутся твоим сынам, с радостью встречу тебя в своей веже сватом. И на подарок я не скуп – ставлю нож охотничий, лезвие его крепче клюва орла. Я за него у купцов на ярмарке семь песцовых шукурок положил. Вручу тому из победителей, кому суййм решит.

37 Талльв – зима.

38 Суййм – совет.

– Ай, молодец, Тудей, хороший приз выставил, – зацокал языком Анкасай, – жаль, Ярашка мой силы не набрал после ранения, за нож он бы на любое соревнование пошел.

Если призовые олени ценились высоко, то металлические ножи, иглы, хороший котел ценой еще выше шли. Чтобы их добыть, саамы ездили торговать на берег Студеного моря, куда приходили корабли норвежских и шведских купцов, привозя дорогой товар. Хитрые купцы требовали всегда за одну вещь слишком много шкурок, а чтобы их добыть, нужно было удачу за хвост держать.

Призами осенних соревнований стали также невод и котел.

* * *

После суййма уважаемые знаткие саамы пошли откусать в вежу старика Пявна, который жил на озере Духов постоянно со старой женой и двумя ее сестрами. Дети его давно вышли замуж, женились и разъехались по разным саамским становищам. Родителей они навещали нечасто, и потому приезд стольких саамов на озеро Духов был настоящим праздником души.

– Оадыш, жена Пявна, и ее сестры Таррый и Вуэдтар приготовили гостям большой котел оленьего мяса. Они же пригласили в гости к себе и их давнишнюю подругу Вуазь, которая прибыла на праздник со своей правнучкой Устэнь. Когда-то в молодые годы Пявн сватался к Вуазь, но, получив отказ, взял в жены ее подругу Оадыш.

– Гости ели вкусно приготовленное мясо оленя и хвалили хозяев. Уж и по одному куску съели, и по другому, а Вуазь все никак не могла разжевать первый. И громко возмутилась:

– Слыш-ко, Пявн, не пойму, что за кусок мне достался? Знаткие хвалят твоё мясо, а я все не разжую, видно, ты мне особо удружил – от старого оленя подсунул.

– Оадыш метнулась было к котлу, да Пявн остановил ее и, посмеиваясь в седые усы, произнес:

– Я к тебе, Вуазь, свататься по молодости приходил? Что заморгала глазами. Признавайся, было такое?

Бабка Вуазь закивала головой, приговаривая:

– Приходил, как не приходил.

– И ты, дело такое, отказала мне? – опять хихикнув, спросил Пявн.

– Отказала, отказала. Правильно говоришь. Только я в толк не возьму, при чем тут твоё сватовство и нынешний кусок мяса, который в руках скользит, тянется и не жуется.

И для большего доказательства бабка вытянула мясину. Вуазь была подслеповатой и потому сразу не углядела, что за угощение подсунул ей Пявн.

Гости и хозяйские старухи притихли, наблюдая сцену.

Пявн, отхлебывая мясной отвар, преспокойно ответил ей:

– Так если пудзэ парьц³⁹ жевать, дело такое, так куда уж он как старым мясом не покажется.

39 Пудзэ парьц – олений половой орган.

У бедной бабки Вуазь при словах Пявна рука так и застыла с вытянутой мясовиной, а в веже раздался дружный мужской смех. Смеялись саамы до икоты, до коликов. Бабка Вуазь брезгливо выплюнула пудзэ парьц на землю и ругнулась на Пявна, обозвав его пэшкрайк⁴⁰, чем вызвала еще больший хохот.

Оадыш стала накладывать подруге разваренное запашистое мясо. А Таррь и Вуэдтар успокоили, сказав, что Пявн и с ними такие штучки проделывал, куда деться, если он по природе своей всегда весельчаком был.

Никогда еще Белый День не смеялся так от души и был благодарен старику Пявну за невинный розыгрыш с бабушкой Вуазь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Стрельцам из лука выбрали мишень – сосну с толстой корягой, к которой прикрепили старую стрелу. Тот, кто попадал в нее, расщеплял пополам, – побеждал. Парни еще до объявления состязания с утра начали тренироваться.

Луки стрелки обычно делали сами. Выбирали твердое хвойное дерево, строгали и придавали соответствующую форму. Затем брали полоску из березы и приклеивали рыбным клеем к луку, обворачивая ее берестой для нарядности. После этого настоящий лук должен был вылежать и высохнуть. Возьмешь такой лук – от него к руке тепло идет, сила. Выструганную стрелу прожигали раскаленным железом и в расщелину вставляли наконечник из рога или кости, проклеивали и затем оттачивали.

Гашк давал наставления Тарху, молодому, серьезному пареньку, сыну Юшко, который приехал на праздник с двумя сыновьями Софошко и Тархом, правда, Тарх был еще молод и напросился с отцом и братом из великого интереса к соревнованиям. Гашк любил поучать молодых, ему льстило, что они считают его непревзойденным стрелком и просят совета.

– На цель лук поднимай медленно. Всю свою мысль сосредоточь на ней и на том, что она будет твоя. Рука в этот момент должна воедино слиться с луком и стрелой. Лук поднимай плавно, медленно, а как только цель на конце стрелы поймает, чуть-чуть задери ее вверх, натяни тетиву до отказа и отпусти. Помни, Тарх, ничто не должно тебя отвлекать в этот момент, только тогда ты станешь настоящим охотником. Ну что, выбрал цель?

– Да, Гашк. Вон та большая шишка на сосне.

– Что ж, цель достойная.

Тарх медленно поднял лук, глаза нашли выбранную им шишку, пальцы натянули тетиву, и стрела, издавая свист, полетела к дереву. Мгновение – и она, уже с шишкой, лежала на земле. И тут Тарх из серьезного ученика превратился в обыкновенного мальчишку – с криками восторга понесся к дереву.

– Гашк, отец, смотрите, я попал, попал!

– Прекрасно. Стреляй еще.

И снова Тарх натянул тетиву, и снова стрела со свистом вырвалась из лука, но

40 Пэшкрайк – саамское ругательство.

пролетела мимо цели и ткнулась в землю. Тарх даже не расстроился своему промаху, лишь удивленно спросил.

– Гашк, почему я не попал, ведь все сделал, как в первый раз?

– Верно, парень, только в твоих действиях не было одного – ты не чувствовал лук, а потому не видел цель. На конце твоей стрелы находилась преждевременная радость от мнимой победы, мысли же были об успехе, а не о цели. Потом, за эти несколько минут, ты растерял все, что нашел первый раз, когда твоя стрела точно поразила цель.

И Тарх стал стрелять снова.

Судить соревнования суййм выбрал пять уважаемых, не заинтересованных в выигрыше кого бы то ни было знатных саамов. Ими стали нуэйт Белый День, Томаско, Анкасай, так как внук не принимал участия в состязаниях, старик Ханко с Акиявр и Пявн с озера Духов. Все пятеро внимательно присматривались к соревнующимся. Нуэйт отметил молоденького паренька, скорее всего, как он решил, впервые попавшего на праздник. Анкасай проследил за взглядом нуэйта и удивленно спросил:

– Ты, Белый День, на Софошку, сына Юшко, с нашего становища смотришь так, будто, поди-кось, победителя в ем видишь. Да он же только от титьки мамкиной оторвался. Мал еще, поди-кось, в победителях ходить.

– Молод, да! Но такого острого глаза, поверь мне, Анкасай, я еще не встречал. Вот увидишь, старик, он победит.

– Сомневаюсь, поди-кось, чтоб он Гашка, сына Негостая, победил, тот давно всеми признан лучшим стрелком, но ты нуэйт – тебе видней.

Парни стреляли по очереди. Меткость пробовал каждый. Некоторые попадали в корягу, чьи-то касались мишени, но, не имея силы пробить цель, падали у сосны. Стрела Гашка воткнулась в стрелу-мишень, но не расколола, и только стрела Софошки, пущенная сильной, уверенной рукой, сумела расколоть мишень.

Как и предполагал Белый День, знаткие выбрали сына Юшко, Софошку. Гашк от досады так сильно пнул первую попавшуюся под ногу ветку, что она, кувыряясь, тоже полетела к сосне.

Томаско объявил, что Белошейка переходит в пользование Софошки и после гона тот может поставить на ней свое личное клеймо.

Все парни подходили к молодому лучнику, хлопали по плечу в знак одобрения, поздравляли. Подошел и Гашк:

– Что сказать, Софошко, перестрелял ты меня. А то, что молоко на губах не обсохло, это ничего. Стрелок ты лучший, это Гашк тебе говорит.

После парней молодой лучник попал в круг девчат. Те, восхищаясь его меткостью, охали, ахали так, что вогнали парня в краску.

– Кыш, куропатки, кыш, – хрипло прикрикнул на них Томаско, – совсем парня смутили, бесстыдницы! Ему-ка победу пережить нать, а вы – ох да ах, ох да ах...

Бороться вышли самые сильные. Сначала борцы, присматриваясь и изучая друг друга, крутились на месте, делая ложные выпады, но когда руки сплетались, подобно оленьим рогам, тут уж – кто кого.

Пары определял суййм, чтоб подходили по росту и по весу хотя бы приблизительно.

Из желающих бороться обозначились три пары: Огнь и Софошко, Гашк и Неврк, не единожды бывавший на празднике Оленя, добрый, крепкий парень со ста новища Умпьявр, и братья Илейка и Феонка, погодки, впервые приехавшие на озеро Духов с Акияввр.

Боролись до последнего победителя: в первой паре выстоял Огнь, во второй – Гашк, в третьей – Илейка. Судьи решили: соревнование по борьбе пойдет следующим образом – сначала борются Илейка и Гашк, затем победитель соревнуется с Огнем.

Несмотря на небольшой морозец, парни для борьбы были одеты в легкие замшевые рубахи и подпоясаны красивыми саамскими поясами.

Сыновья Негостая встретились на последнем поединке. За кого переживать отцу? Конечно, за непутевого, потому как что болит, то и сердцу дороже. Парни у Негостая выдались на славу. Крепкие, ловкие, ни тот, ни другой не хотят уступать. Гашк более спокойный, каждое движение рассчитывает. Огнь словно налим. Только Гашк зажмет брата, что, казалось бы, все, вали на землю и дело с концом, а нет, Огнь из тех тисков, словно налим, и выскользнет.

Молодежь, наблюдая за борьбой братьев, выкрикивала советы то одному, то другому. Старики пыхтели, утирая усы да бороды, будто этим могли подмогнуть борющимся. Девки ойкали да в платки цветастые, купленные им для праздничных дней у купцов их отцами, прыскали. Нуэйт Белый День тоже, как все, с увлечением смотрел соревнование парней. Когда-то и ему приходилось вот так по земле кататься и не одного ловкача на лопатки положить. Где то время? Позади давно...

– Гашк, Гашк, смотрите, счас он Огня уложит! – крикнула одна молодка и выкриком словно придала парню силы, который последним рывком сумел все же брата на землю бросить.

После борьбы отец подал сыновьям пеццк⁴¹. Несмотря на победу Гашка, поздравляли братьев обоих. Достойны похвалы были и тот и другой. Гашк сиял, его неудача в стрельбе хоть в борьбе победой обернулась. Он прекрасно знал, что в борьбе Огня трудно победить даже ему, потому и победа была радостней. И еще причина была – хотел он, чтобы Варван, которая приехала на праздник с дедом, на него внимание обратила. Каких только слухов про нее парень не наслушался, а после того, как брал ее в прошлом году в круг, никак забыть не мог. Только понять не мог, что происходит с ней, совсем отрешенной все дни ходит, неулыбчивой, без румянца на щеках, как у других. Все больше за спиной деда прячется, боится взглядом с ним встретиться. Гашк повел глазами по сторонам убедиться, что Варван видела победу его.

Отец с радостью за своих парней говорил:

– Ну что, сынки, оба хороши. Окольцованная твоя, Гашк, – он похлопал Гашка по спине. – А ты, Огнь, не унывай, главное в празднике впереди, да и соревнований еще на всех хватит. Присмотрел ли кого себе? – спросил отец, сглаживая проигрыш сына.

А Огнь, будто и не проигрывал, разгоряченный, покрасневшийся, шепнул отцу:

– Чего б я, отец, время здесь терял? В круг выйду за дочку Тудея, Святозарку, биться. Будет моей, даже если ее Гашк пожелает. Здесь я ему не уступлю. Очень она мне пригожа.

41 Пеццк – глухая саамская одежда, сшитая из оленьих шкур годовалого теленка.

«Слава Иммелю! – про себя произнес Негостай. – Хоть одного из сыновей в этот год пристрою, уже дело. Посмотрим, как Тудей обрадуется моему сыну, да еще Огню».

После основных соревнований парни начали игру в мяч. Девчата и молодки тоже не оставались в стороне. С любопытством разглядывали парней, стыдливо прикрывая рты платками, тихонько посмеиваясь над проигравшими, и, наоборот, громко, одобрительно ахали и охали победителям.

Варван тоже находилась здесь, только бурных восторгов не проявляла. Улыбнется, сверкнет белизной красивых зубов, и опять лицо будто каменное. Потому как без конца ждала подколки от кого-нибудь: вот, мол, приехала, в жены ее никто брать не хочет, а она все не унимается. Не раз уж ловила смешливые взгляды молодок. Но не сидеть же ей, в самом деле, в куваксе, ожидая священного танца? Нет, она никому не показывала, как ей невыносимо было на этом празднике. Вон и Гашк стрелы мечет, и Неверк поглядывает. Эти обязательно за нее биться в круг выйдут, только сердце почему-то сопротивлялось им. Все мысли ее были направлены на одного. А он, словно слепой, мимо пройдет и взгляда не бросит, будто сквозь пустое место посмотрит.

Кроме Варван, праздничный дух на озере уж всех давно охватил. Дух смелости, ловкости, силы, дух соревнования. Люди знали: самая важная часть, ради которой здесь собрались, – впереди.

Гон оленей ослаб, и саамы с нетерпением стали ожидать знака нуэйти Белого Дня. Именно этот особый знак определял тайную часть праздника Имание оленей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Ничего не было. Была одна голова. Старик с колодцами на темечке. Была на нем шапка. Налетел гром, сорвал шапку. И вырвалась из колодцев струя воды. Высокая, до самого неба. Сильно била струя, так сильно, что скоро затопила всю землю. И не было никакого человека. А уточка летала – и некуда уточке сесть. И она села на травинку, а травинка росла и росла. И выросла земля! И уточка по земле стала бегать. И снесла яйцо, и снесла другое яйцо, и третье, и четвертое, и пятое. И от первого яйца – от земли – стала расти трава разная и стал расти лес разный, стал расти мох. Потом отделились от земли острова и озера. И от озера до озера потекли ручьи.

От второго яйца пошли птицы и рыбы. От третьего зверь разный. От четвертого – человек мужской половины и женской. Ну и эта женка понесла. И родился мальчик. Народу не было – так уж имен не клали в те времена. Ну а сын уже стал большой. А от женки, от матери той же, родилась девочка. И они долго ли, коротко жили – девочка стала девушкой на возраст. И пришло время сына женить, а девушке замуж пора идти. А народу-то нет!

– Подьте, дети, сюда, – сказали родители.

Поставили их друг ко другу спинами, толкнули, произнеся:

– Идите каждый прямо вдоль моря-окияна куда глаза глядят.

И они пошли друг от друга в разные стороны. Год, два года шли. Земля – остров! И сошлись девка и мужик. Грудь со грудью сошлись. Были брат со сестрою – стали муж со женою.

И родились у них дети. И устроился целый погост, и вырос народ.⁴²

Земля! Ничего нет на ней более ценного, чем жизнь человека. Мы, люди, – живые частички вселенной, живые клетки Земли, но и земля наша тоже живая! Такая же живая, как любой из нас. Она так же, как мы, хочет дышать свежим воздухом и питаться чистыми водами. Ведь каждый из нас в отдельности заботится о своей плоти, так почему же мы, люди, так слепы к жизни нашей земли, почему травим ее моря и озера, поворачиваем реки вспять, или думаем, что это не обернется против нас самих? Что зараженная земля, в конце концов, не заразит нас, не возопит, не пронесется разрушительными землетрясениями по странам и континентам, не выплеснет свои могучие воды из рек и озер? Сколько ей еще безумства наши терпеть? Остановись, человек!

* * *

О том, как саамы проводили свои национальные игры, хотя бы намеком, но упоминали почти все исследователи Лапландской земли. С десятых Саамских игр этот праздник получил статус международного, что сразу подняло его авторитет.

Настя с Сергеем в первый день праздника, который проводился в субботу, приехали с опозданием, когда все спортивные соревнования, приуроченные к этому дню, уже прошли. Устроившись в гостинице «Вирма», позвонили Сандре Андреевне Антоновой и напросились в гости. Она не только саамские учебники писала, но и была корреспондентом саамского радио, инициатором летних Саамских игр. Составляла программу первого праздника. Сергей, поняв, к кому в гости они направляются, сказал:

– Считай, Анастасия, кассету с песней о Камчатке ты уже отработала.

– Погоди, что тебя еще впереди ждет!

Сандра Андреевна была на редкость гостеприимной женщиной. Угостила гостей саамским яввом – супом из оленьего мяса, заправленного мукой и ягодами вороники, а после ужина стала рассказывать о празднике:

– Раньше-то наши саамы все много трудились, даже пословица была: «У работающего человека ступня всегда горячая», не то, что нынче. И не оттого, что не хотят работать, а оттого, что негде. Сейчас у нас сплошная безработица. А что касемо игр, так и у древних саамов праздники были. Например, Имание оленей – тайный праздник! Теперь про него мало кто знает. И на нем соревнования устраивались. Взять хотя бы оленеводство. Сколько в тундре пастухам приходилось пробегать километров? Сотни! Олень, особенно когда грибы пойдут, любимое его лакомство, ждать не будет. А рыболовство? В старые-то годы моторок не было, на веслах ходили. В любую погоду ловили, кроме шторма, конечно. Во всем физические усилия требовались. А в свободное от работ время в силе соревновались.

– Поэтому у вас и возникло желание в селе такой праздник организовать? – спросил Сергей.

– И поэтому, и потому, что в детстве мы в какие только игры не играли! Вот и захотелось восстановить утраченное временем. Завтра, на Поповском, увидите

42 Саамская луввйт «О начале человека», печатается в сокращении и в редакции автора.

основную часть праздника. Гостей ожидается много. Приехали скандинавы, немцы, есть даже один француз, ну и, конечно, гости из Москвы, Ленинграда, Мурманска. Всех наш праздник теперь собирает. Не поверите: француз по книгам самостоятельно саамский язык выучил, был у меня в гостях. Немец письма на саамском пишет.

А для чего они саамский изучают? Вы спрашивали их? – поинтересовался Сергей. Он залюбовался этой уже довольно немолодой женщиной с короткой стрижкой седых волос и умным внимательным взглядом. Она казалась гораздо моложе своих лет, бывает, годы вступают в сильное противоречие с душой человека. Встретится тебе человек, молодой, здоровый телом, а душой окажется – старик. И наоборот: морщины испещряют лицо, умственная зрелость расскажет о накопленной мудрости, заслугах перед людьми и Отечеством, а душа при этом останется молодой. Так, разговаривая с Антоновой, Сергей непроизвольно ловил себя на мысли, что начинал порой воспринимать её своей сверстницей.

А Сандра Андреевна все отвечала и отвечала на его вопросы, и голос ее звучал молодо и живо:

– Книжки собираются писать. Ведь чтобы о жизни саамов больше узнать, надо с ними на их языке общаться. У нас не понимают, как важен для народа язык. Я уже всем плешь проела, да что толку, как дети учили его по два часа в неделю, так и продолжают учить.

– Это беда, наверное, всех малочисленных народов сейчас, – покачал головой в знак согласия Сергей.

На Поповском озере и правда народу собралось много. С машин торгуют, в саамской куваксе уху варят, над костром на вертеле оленью тушу коптят... Выставки-распродажи: саамские бисерные украшения, обрамленные мехом, плетение из корней, выточенные подвески саамских божков из кости, украшение из камней на любой вкус, только успевай кошелек открывать. Во всем чувствуется дух настоящей ярмарки.

Сандра Андреевна зовет гостей к импровизированной сцене:

– Пойдемте, сейчас наши этнографические ансамбли – «Ойяр» и «Танцующие саамы» – выступать будут, старые женщины саамские луввйт петь.

– Песни что ли? – поинтересовался Сергей.

– Песни – по-саамски «лавл», а «луввйт» – напевы старинные.

Они подошли к небольшой дощатой сцене. Коллективы показывали некоторые номера из танцевальных программ, плясали саамскую кадрили. Из всего увиденного Настя отметила только «Танец глухарей». То, что показывал ансамбль «Танцующие саамы», было красиво, но не запало в душу. Красивы были их голубые мацэх⁴³, расшитые бисером, кабперь⁴⁴. Уж очень сочно они смотрелись на фоне зелени и солнца.

После концерта ансамблей под гимн саамов – детей солнца – Норвегии, Финляндии, Швеции и России был поднят яркий саамский флаг. Тема его проста – шаманский бубен. Флаг с чередующимися полосами цветов: красного, зеленого,

43 Мацех – рубаха, несколько короче пеццк, из мягкого сукна, прямого покроя. В русском названии юпа.

44 Кабперь – шапка, основа покрывалась зеленым или синим сукном, с красным саамским орнаментом и лисьей опушкой.

желтого, синего, с сине-красным кругом посредине, символизирующим: красная половина – солнце, синяя – луну, очень красивый. Вот он на флагштоке – и саамские игры можно считать открытыми.

Сергей, сфотографировав подъем флага, спросил, что еще можно здесь посмотреть, и Антонова повела их с Настей на спортивные состязания. Хотя на озере была волна, на равных условиях с мужчинами в гребле на веслах соревновались и саамские женщины.

– Сандра Андреевна, не тяжело вашим женщинам с лодками управляться? – спросил Сергей, докапывавшийся во всем до сути.

– Хотя тяжело, хоть нет, а только в старое время у саамов ловля рыбы на реке и на море считалась чисто женским занятием. И мужчины рыбу промышляли, особенно семгу, но все равно это считалось как бы женским занятием. Может, поэтому в саамской семье женщина всегда играла главенствующую роль. Она не только была хранительницей семейного очага, умела прекрасно шить, вязать, но и на оленьей упряжке ездить, на охоту ходить, рыбу ловить. Некоторые из наших женщин даже табак курили.

– А ведь точно! Я читала: в мировоззрении саамов считалось, что возникновению жизни на земле способствовала женщина, продолжательница рода. Она же, по саамским преданиям, звезды на небе зажгла и стала главой в семье, – пояснила Настя.

– Но обычно все ученые-этнографы пишут о главе дома, мужчине, – высказал сомнение Сергей.

– Правильно, но ведь все, кто ни писал, были не саамами и подходили к описанию жизни саамов со своего представления о мире и семье. Скажите мне: почему раньше в саамских семьях не было разводов, ссор, ругани? Не знаете? А я вам отвечу. Потому что мужчины высоко ценили женщину. Они в семье работники, а женщина – управительница, хранительница рода.

– А почему же Харузин пишет, что до XVII века у саамов существовал гостеприимный гетеризм, кстати, присущий почти всем северным народам? – не унимался Сергей.

– Это еще что такое? – спросила, не поняв научного слова, Антонова.

– Ну, когда, например, в веже саама появлялся какой-нибудь купец или чужеземный гость, хозяин оставлял с ним свою жену, а сам уходил в лес. И если, вернувшись, муж находил жену нерадостной – с позором изгонял гостя, если жена была довольна – одаривал его подарками.

Анастасия опередила Сандру Андреевну с ответом:

– Я поняла, почему. Саамский мужчина на это шел сознательно в заботе об обновлении крови. Ведь именно женщина наделена Господом способностью продлить свой род, а значит, только через нее в роду и кровь могла обновиться. Ведь тот же Харузин указывает, что в Лапландии саамские парни стремились брать в жены тех девушек, которых уже иностранные купцы лишили невинности. Такую даже богатой предпочитали, а если находили еще и беременной, то, забывая выгоды, брали без приданого и даже покупали у родителей.

Сергей наблюдал за своими спутницами, одна из которых была молодой, другая в возрасте, но обе излучали столько красоты, жизненной энергии, внутреннего света, что он невольно залюбовался ими, щедро обогретый, как солнечными лучами, их гостеприимством и дружбой.

Сделав умное выражение лица, он почти серьезно произнес:

– Саамский матриархат – интереснейшая тема. Можно поподробнее? – направил к Насте диктофон Сергей.

Сандра Андреевна засмеялась. Затем потрогала землю рукой и спросила его:

– Что это?

– Земля, – удивился Сергей заданному вопросу.

– Правильно – земля. По-саамски мы ее «еммьне» зовем. А еще – мать-земля. Она тоже ласку любит, бережное отношение и чувствительна, как женщина. И солнце саамы звали матерью. И огонь – мать. Если лучше взглядеться в нашу сегодняшнюю жизнь, то вы, Сергей, увидите, что у саамов и до сих пор остается матриархат. Саамские мастера в основном женщины. Певицы – женщины, сказители тоже они, нынешние писатели – женщины. Один среди нас только и есть мужчина – Аскольд Бажанов, поэт. А если еще прочтете саамские сказки, то в них вы немало найдете сведений о женщинах-нуэйттах – шаманках. А лидеры? Если наши саамские женщины кого-то из мужчин и проталкивают в правления, то непременно ими и руководят. Вот вам и весь сказ о матриархате.

Пока Антонова говорила, Анастасия вспомнила, что, читая про ительменов, тоже находила сведения или признаки о существовании у них матриархата. Знахарками или шаманками у тех также чаще всего были женщины. Мужчина ительмен приходил жить в семью жены. В сказках ительменов есть и такие сведения, что при живом муже женщина могла выходить замуж за другого.

Сандра продолжала:

– У нас в старину о земле так говорили: «Землю люби, не брани землю: ты на ней живешь, ты ею кормишься; ягель-мох кормит оленя, олень кормит тебя. Не брани землю, не кори ягели, и травы, и дерева... Это все твое, это ты, тебе на благо дано. Береги их, пусть растет и цветет, не ломай, не обижай землю без надобности». Ведь кровь не любит, чтобы ее на свет показывали. Видишь, Сергей, тело-то твое кожей покрыто, твою кровь бережет. Великая беда человеку, если кожу нарушишь, если кровь на солнце окажется. Это уже рана, боль. Отсюда болезнь, смерть... Так же и земля: нельзя ее черное нутро наружу выворачивать, то грех у саамов. Посмотри на нее, здесь каждая былинка-травинка место свое знает, каждая ягодка в свой срок родится, так Господом предусмотрено, в таком виде и мы должны землю своим детям и внукам оставить. Недаром саамы говорят: «Шаннт еммьне чуввттка верьт ли милса», то есть: Родная земля со щепотки мила. Но тема эта бесконечна. Мы можем говорить о ней часами. Лучше пойдемте, посмотрим соревнования.

Совсем рядом проводился конкурс стрельбы из арбалета. Пострелять давали всем желающим. Люди становились в очередь.

Сергей тоже было попробовал, но без навыка все стрелы его полетели в кусты, и он, махнув рукой на это дело, вновь пристроился к Сандре с Анастасией. А те вели разговор о писателях. Настя спрашивала Сандру, не появилось ли у них что-нибудь новенького.

– Для библиотеки своей стараешься? – похвалила ее Сандра. – Вышли недавно на саамском языке в Норвегии книги Бажанова в моем переводе, Эльвиры Галкиной, Софьи Якимович. Если нет у вас, придется еще разок ко мне зайти. Подарю.

– А что же, в Мурманске не печатают? До сих пор саамский шрифт не освоили? Ведь появлялись же книги Октябрины Вороновой, Катерины Коркиной на саамском.

– Ими Виталий Семенович Маслов занимался, пробивал. Ты ведь, Настя, знаешь его, секретарь писательской организации? Он саамам большой друг, сколько с его помощью-то мы сделали. И праздник саамского слова теперь каждый год в мае отмечаем, и перед ребятами он у нас в школах часто выступает, и словом за нас в Мурманске заступается.

– Увидишь если, привет передавай. Заболтались с тобой и не видим, что наш московский гость заскучал.

Сергей возразил:

– Нет, нет, что вы. Мне все интересно. И про писателей ваших тоже. Такое небольшое село, а я от вас уже несколько имен услышал. Поразительно вы, саамы, талантливый народ. А мне вот интересно: здесь еще что-нибудь со зрителями организаторы проводят?

– И не знаю, почему в этот раз так мероприятий мало, в прошлый год конкурсы проводили на пословицы, на частушки: кто кого перепоеет.

– Ну, это неинтересно, это везде проводится. Мне бы надо записать что-нибудь присущее только саамам, – сказал Сергей. – Увидеть, как может народ на это реагировать.

– В три часа пойдем саамский футбол смотреть, после познакомлю вас с одним очень интересным человеком Яковом Ивановичем Юшковым. Он многое может порассказать. А теперь можно в коавас зайти ухи поесть или копченой оленины купить и где-нибудь на травке посидеть. Я вам одно очень красивое место покажу.

Они купили копченой оленины, воды и уютно устроились на небольшой полянке у «танцующих» берез. Их здесь так и называли. А мурманский поэт Виктор Тимофеев даже стихи им посвятил.

– На Луйяввре ветер острый
Бреет гребни, скатившись с тундр,
И яреет, упав на остров,
Где березы, как в танце, растут...
– Белизною одежд сверкая,
Руки-ветки прижав к стволу,
Здесь любая береза взлетает,
Как танцовщица на балу...

– Сандра Андреевна, а шаманы у вас в Луйяввре есть?

– Настоящих теперь нет, – ответила та. – А раньше, говорят, много было. Саамские нуэиты своей силой славились не только в России, но и в Европе, в Скандинавии. Говорили, что они даже над ветрами власть имели, острова с места на место передвигали. Нуэйт у саамов являлся посредником между миром духов и собственной кровной родней. Он совмещал в себе сразу несколько профессий – жреца, знахаря, колдуна и ворожее.

– Если все эти названия перевести в современное понятие, ваши нуэиты были философами, врачами, экстрасенсами и провидцами? – спросил Сергей.

– Наверное, так, – подтвердила Антонова и продолжила свою мысль. – Чаще всего нуэйтками становились люди в расцвете физических и духовных сил, имевшие здоровые, крепкие зубы и хорошую дикцию, чтобы четко и быстро произносить наговор или просьбу богам. Нуэиты у саамов считались людьми богоизбранными. Бывали, однако, и такие случаи, когда человек вдруг ни с того ни с сего объявлял себя нуэйтом. Тогда сородичи устраивали ему проверку на «прочность». Могли потребовать облизать языком раскаленные железные предметы, несколько часов продержаться легко одетым на морозе, другие испытания. Это не от того, что саамы были людьми жестокосердными, нет, просто они искренне верили, что настоящему нуэйту испытания вреда не принесут. Если же человек хотел присвоить имя нуэита незаконно, то тут же разоблачался. Сейчас некоторые у нас тоже пытаются себя нуэйтами называть, но все это, я считаю, сплошное шарлатанство. Разве сегодня можно такого вновь новоявленного «нуэита» проверить на прочность? Нет конечно. Найдутся сотни отговорок, а то и милицию привлекут.

– А каким-нибудь богам или духам вы еще поклоняетесь? – любопытствовал Сергей.

– Я – нет. Про других не знаю, но думаю, что тоже нет. Сейчас у нас в Луйяввре большинство саамов в православную церковь ходят к евангелистам в церковь Живого Христа... Поклонений нет, а обычаи дедов соблюдать стараемся.

– Какие, если не секрет?

– Я, например, варю саамский явв, которым вас вчера кормила, на праздники всегда наряд саамский надеваю, сразу все и не вспомнишь, а что касается других – не знаю.

Сергей понял, что Антонова не расположена раскрывать секреты своих предков, и спросил об играх:

– А что, ваша Ассоциация Кольских саамов принимает в Играх какое-нибудь участие? Ну, например, как спонсоры?

– По-моему, нет. Наш президент сюда приезжает только в качестве гостя. В основном все саамские праздники финансирует администрация района, а готовит Национальный центр, отделы культуры и спорта.

– А есть отличия от первых праздников и нынешних?

– В ранних проводились соревнования между семьями. Тогда еще можно было собрать несколько семей, сейчас уже многих стариков в живых нет, а молодежь не очень-то охотно идет на это. Тогда много интересных конкурсов проводилось, даже куваксу семьи строили.

– Уже без четверти три, мы не опоздаем на саамский футбол за вашими разговорами? – спросила Сандру и Сергея Настя.

– Да, нам пора двигаться на поле, – поглядев на часы, подтвердила, вставая, Антонова. – Многие на этот праздник едут специально саамский футбол посмотреть.

Проходя через болото, Настя заметила цветущую морошку и обратила на нее внимание Сергея.

– Ты видел, как цветет морошка?

– Нет.

– Тогда любуйся. Смотри, точно в свадебный наряд оделась.

– А мне ее цветы напоминают чем-то цветы магнолии, только в миниатюре, – сорвав один цветок, сказал Сергей. – Засушу, пожалуй, и покажу на радио.

– Люблю морошку, – сказала восхищенно Настя, – и когда цветет, и когда ягодка ее, созревая, покоится, словно младенец в люлочке, и когда соком солнечным за много шагов светиться начнет, и в своем соку зимой со сметаной есть. Сerez, правда, наш край красив?

– Да, мне по-честному здесь нравится, если бы еще не комары, и совсем можно отпуск проводить. Слушай, а от чего такой духмяный запах идет? Цветок морошки вроде не пахнет совсем.

– А это багульник наш болотный цветет. Когда его нанюхаешься, голова кругом идет, а еще астму им лечат. Гляди, вот поле болотное, здесь обычно футбол и проводится.

И правда, расступились березки, тонкие малорослые сосенки, и перед глазами Сергея и Насти расстелилось тундровое кочковатое «футбольное поле». Тянулось оно вширь и вдаль на километра полтора. Подтягивался народ, судья собирал участников игры. Перед игрой стояла обычная праздничная суeta.

– Мы с тобой за разговорами Антонову потеряли, – спохватился Сергей.

– За нее не беспокойся, дорогу найдет. Я видела: ее какие-то скандинавы остановили. Ведь не нам одним с ней поговорить хочется.

Участницами команд, что выстроились друг против друга, были в основном женщины и бабушки, одетые в длинные сарафаны с передниками, а головы их украшали вышитые бисером высокие шамшур⁴⁵, ярких расцветок шелковые однотонные платки.

– Да в таких нарядах им в Москве на площади песни петь, а не в футбол играть. Они ж в своих юбках запутаются, – удивленно сказал Насте Сергей. И дальше уже обратился к подошедшей Сандре Андреевне. – А правила у вашего футбола есть?

– Правило одно: забить мяч в ворота противника, но в последнее время с женщинами и судья бегают, какие-то замечания им делает. Раньше играли – никаких судей не было. Забил мяч – победил.

– Ну и дела!

Наконец импровизированное представление началось. Другим словом, то, что происходило на поле, назвать нельзя. Мячом здесь служила туго скрученная и зашитая в сеть оленья шкура. Среднего возраста саамские женщины и просто бабушки, задрав подъябники и юбки, которые постоянно путались в ногах, бегали за мячом. Пинали его из-под ног друг друга, прятали в подолах и старались провести к воротам противника. А бывало, что из-под ног игравших летел не мяч, а ком земли или кочка. Много было смешного в этой игре. Особенно когда женщина падала на мяч, стараясь закрыть его собой от нападавших, а сверху на нее валился ворох складок из юбок и подъябников и в придачу ко всему еще какой-нибудь игрок команды. Шли на хитрости, чтобы только мяч до ворот противника довести и забить гол. Вратари, подобно курицам-наседкам, раскрывали подола юбок, словно распуская крылья, и закрывали свои ворота. Когда же в ворота летел мяч, то из куриц превращались в ястребов и налетали на него, стараясь быстрее подмять под себя. Кто-то

45 Шамшура – женский головной убор, расшитый бисером.

из старушек бежал, от боли держась за бок или сердце, и все же бежал, чтобы отнять мяч, кто-то запутывался в юбках и, падая, создавал кучу-малу, но никто не сдавался. Зрителей во время этого зрелища охватывал азарт, смеясь, они болели за тех и других одновременно. Ребята, стоявшие рядом с Настей, криком своим посылали судью «на мыло» и этим заражали ее. Хотелось что-то кричать в поддержку смелых женщин. Причем поддерживала парней не одна Настя, кричали практически все болельщики. Смеялись, хлопали в ладоши, если мяч залетал в ворота. Сергей тоже от саамского футбола был в восторге. И когда они возвращались из Луйяввра в Мурманск, признался ей:

– Я понял: Саамские игры нужно воспринимать как простое гулянье на природе с элементами этнографии. Единственное, что меня в них поразило и запомнилось, это, конечно, саамский футбол. Ради того, чтобы его посмотреть, стоило ехать из Москвы.

– В этом я с тобой, Серенький, согласная, – почти пропела Настя.

– Пойду возьму интервью, не скучай, – сказал Сергей и пошел к «футболисткам».

Когда вернулся, заговорчески спросил Насю:

– Слушай, меня тут один вопрос мучает: что ваши бабульки подкладывают себе под сарафаны, чтобы их груди были такими большими, если не секрет?

– Ты что, Сереж, ничего не подкладывают. Это их собственные.

– Собственные, – засмеялся восторженно Сергей. – Надо же, какое богатство носят и без охраны!

– Ох и подкольщик ты, Серега. Об одном прошу: посмотрев саамский футбол, не забудь, пожалуйста, с начальством о моей поездке на Камчатку переговорить.

– И далась тебе эта Камчатка!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Наконец, нуэйт огласил назначенный богами день – день начала роста луны. Все встали задолго до рассвета. В своих куваксах каждая семья совершила обряд омовения. Никто – ни те, кто вступал в священный танец, ни те, кто оставался в стороне – этот день не имели право встречать немытыми. На чистое тело участвующие в священнодействии натягивали праздничные одежды. Одетые и обутые в шкуры люди – и мужчины, и женщины – словно сливались с матерью-природой, взяв на себя образы оленей: женщины – важенок, мужчины – хирвасов.

Варван заранее принесла с озера воды, нагрела котел, помогла вымыться деду, затем разделась сама. В балаганчике, сотворенном из грубой холстины, было тепло. Любила девушка посидеть в деревянном корыте, обливая свое тело горячей водой. Помечтать. Но нынешняя помывка была особенной. Боги и духи должны знать: она на священный танец выходит особо чистая. Думала о нуэйте Белом Дне, имя которого даже боялась произнести вслух, но про себя не раз с нежностью повторяла два удивительных слова, словно чувствуя их необыкновенную значимость. Желала его и боялась. Войдет ли в круг? Кого выберет? Из грез девушку вывел голос деда Томаско.

– Ты что это, Варван, застряла там? Нать, поди, одеваться. На поляне, чай, и огонь запалили уже.

– Счас, аййя.

Ополоснувшись чистой водой, Варван насухо вытерла тело, натянула пеццк, облась и вышла к деду.

Пеццк у Варван на этот случай был сшит новый, украшенный вставками из белых оленьих шкурок, ниййт-кабпёрь – меховая шапка с основой, покрытой синим сукном, лисьей опушкой и наушниками с цветными подвесками. И завершали ее праздничный наряд меховые чулки-липты, шитые выше колен из обыкновенной оленьей шкуры мехом внутрь, которые одевались на ерь – меховые сапоги с длинными голенищами и приподнятым несколько кверху носком.

Времени у нее хватало на все, а уж рукодельничать она умела. Томаско по становищу ходил – многие завидовали: и пояс у него лучше всех, и коаммэ⁴⁶. Не смотри, что под сотню лет, а наряжала старика внука любо-дорого глядеть. Уроки шитья брала у вдовствующей многие годы Ылмолмэ, которая за долгие вечера так привыкла к Варван, что считала ее почти дочерью. Понимала, каково расти девушке без матери. Разве мужчина обучит тому, что может дать мать, вот и подсказывала внучке Томаско, как надо коаммэ раскроить, как пеццк, как швы оленьими жилами обработать, как кабпёрь сшить. Прилипилась сердцем Варван к доброй Ылмолмэ. С охоты придет – зайца, куропатку принесет. Поймает рыбу – с вдовой поделится. Томаско, тот больше внучку учил, как еду добывать, если он за озеро уйдет. Как без мужа одной жить? Вот и на охоту наставлял, рыбачить учил, с оленями управляться... Знал: не пропадет его Варван, если он помрет.

Саамы в день священнодействия строго соблюдали обычай предков, боясь гнева богов. В центре поляны развели большой огонь. Вокруг него собрались мужчины племени, и едва «последнее» перед полярной ночью солнце показалось над угрюмыми осенними сопками, затянули протяжную обрядовую песню и в медленном танце, притопывая, пошли вокруг огня.

Песня возвещала восхождение солнца, посылалась огненному шару как жертвенный дар во имя жизнеутверждения и крепости рода. Эта последняя по сути дела встреча с солнцем была священна. Яркое светило очищало и освещало души людей на долгую, холодную полярную ночь.

Танец мужчин медленно набирал темп и, когда они-хирвасы уже неслись вокруг большого огня, правой рукой держа у лба оленьи рога, из толпы «важенок» отделялась одна из женщин и вбегала в круг танцующих.

Те из мужчин-оленей, кто выбирал эту важенку-женщину, начинали соперничество, точно подражая самцам-хирвасам. Их действия были совсем нешуточными. Между ними шла столь же жестокая борьба, сколь шла между оленями. И слабые уступали место сильным.

Действо это никак нельзя было назвать шуткой, забавой, воспринять несерьезно. Это – святая святых племени саамов, тайна священного зачатия. Победитель тут же обладал «важенкой» – женщиной. Он делал это вполне натурально, при всех, демонстрируя свою мужскую силу и жизнеспособность.

Варван хорошо помнила предыдущие праздники Оленя. Хорошо помнила время безнадежных ожиданий беременности после них, время липких слухов о её

46 Коаммэ – короткая обувь с загнутыми вверх узкими носиками.

бесплодии, которые от вежи к веже ползли по становищу. А вскоре саамы отыскали и оправдание её великому греху, в наследство доставшемуся ей от родителей, предавших дедовские традиции, ушедших в монастырь на Педзъенго, принявших в свои души никому не ведомого единого бога рушш. Саамы были уверены: именно за это их собственные боги и наказали неверных вражеским огнем.

После неудачных попыток затяжелеть на девушку, словно на важенку, поставили клеймо. Только клеймо это оказалось стыдное, говорящее о ее несостоятельности как женщины, матери, продолжательницы рода. Никто не шел свататься к ней, и Варван думалось, что это и есть судьба.

Молодки под ухмылочки и перешептывания втолкнули упиравшуюся Варван в круг. Статная да ладная, с большими испуганными глазами, такой она и предстала перед мужчинами-оленьями. Сразиться за нее вышли сразу несколько парней. Приметил Варван и нуэйт Белый День, он тоже сделал было движение выскочить в круг, да только почувствовал, как его за руку схватил сын Негостая, Огнь.

– «Важенка» она конечно в теле, да только приплода от нее не жди.

Огнь специально остановил нуэйта, знал: Варван сильно нравилась его брату. Тот ее и в том году на празднике в кругу выиграл. Огнь знал: брат будет ездить на праздник до тех пор, пока не отяжелит Варван и замуж за себя не возьмет. Бесплодную взять отец не позволит, не даст загасить огонь рода.

Слова Огня обожгли сердце нуэйта. Ведь именно оно указало ему сейчас на эту девушку, словно пропело, что только она и сможет одарить его наследником.

Парни бились, раня друг друга рогами, слабые уступали место сильным. Какую-то минуту нуэйт еще медлил, но глаза уже сверкнули дикой необузданной решимостью, вокруг рта появились упрямые глубокие складки, и, не удержавшись более на месте, он выскочил в круг в самый разгар битвы. Соперниками его оказались «хирвасы» Гашк и Невэрк – боевые, крепкие. Невэрк в состязаниях по гребле нож выиграл и по всей округе славился как мужчина, дававший крепкий жизнестойкий приплод, но, несмотря на все это, первым сдал свои позиции. Борьба с Гашком затянулась. Смелый лучник сумел распороть рукав пецца нуэйта и чуть задел руку своим острым рогом, но этим только добавил сил Белому Дню, который даже в мыслях не допускал уступить кому-нибудь ту, за которую вышел биться в круг. Сразившись с парнями, он принял вызов судьбы. Легко вывернувшись из опасного положения, нуэйт одним ударом выбил Гашка из круга. Очутившись за его пределами, тот сразу лишился возможности продолжить далее священнодействие. Определенно в этот праздник ему не везло. Расстроенный, отбросив в сторону рога, он пошел в куваксу, чтобы не видеть упрека на лице отца, не слышать вздохов молодежи, а самое главное – не видеть, как нуэйт будет брать Варван.

С горящими глазами победителя, с тяжелым дыханием воина, только что победившего в сложном поединке, нуэйт приблизился к девушке и, развернув ее к себе спиной, взял, как это было принято в священном круге. Затем в роли собственника вывел из круга и сказал, чтоб шла в лес к Вздыхающей сосне.

Сосна эта давно приобрела такое название, и все, кто хоть раз приезжал на озеро Духов, приходили к ней послушать, как она вздыхает. В одной луввът говорилось, что будто и не сосна это вовсе, а саамская женка. Когда враги хотели поймать ее, она

превратилась в дерево и теперь нет-нет, да и начнет вздыхать, вспоминая старое свое житье в облике человеческом.

Стоило Варван только взглянуть ему в лицо, как она тут же наткнулась на горящие желанием глаза мужчины. Каким-то внутренним наитием девушка сумела прочесть в них свою судьбу и, испугавшись грядущих событий, во весь дух кинулась в лес. В этот момент ей захотелось укрыться от людских глаз, от нуэйти, от себя самой в тени деревьев. А в ушах все еще слышался его шепот: «Встретимся у Вздыхающей сосны».

Томаско видел, как Варван, словно испуганная важенька, метнулась в лес, и, улыбнувшись, грустно сказал: «Беги, девонька, беги. Не куда-нибудь, навстречу судьбе бежишь. Мое сердце успокоится. Белый День как раз пара тебе, от него и продолжение роду моему получишь... Точно знаю, внука родишь. Пусть боги охраняют тебя, внученька моя».

– О чем это ты, Томаско, дело такое, сам с собой говоришь? – спросил подошедший Пявн.

– Да вот внучке счастья желаю.

– Про их молодые забавы, дело такое, песня у меня имеется.

И Пявн, не спрашивая, хочет ли слушать его Томаско, запел: «Цюзя пызя эфтэсьт сиррэв, Пызя ёрэ, а цюзя порэ»...

– Ох, и старый ты охальник, Пявн, коль такие песни до сей поры поешь, – скрипуче засмеялся в бороду Томаско.

– Я пою, а молодые тешатся, так и живем. И твоя Варван мужней станет, дело такое, не верю я в ее бесплодие. Не переживай, старик, на то он и праздник наш, чтоб людей счастливыми делать. Пойдем лучше ко мне в вежу рыбки поедим.

И ещё раз кинув взгляд на лес, Томаско пошел за Пявном.

* * *

Нуэйт проследил её путь, затем в разгар следующего боя, когда все взгляды были прикованы к бьющимся «хирвасам», последовал за Варван. В лесу спокойствие покинуло мужчину и он, ломая кусты, помчался за той, которую выбрало сердце.

Варван же, подбежав к Вздыхающей сосне и обняв дерево, замерла, стараясь успокоить готовое выпрыгнуть из груди молодое сердце. И почувствовала, каким теплом обдало ее дерево, каким участием. Придя в себя от первого волнения, стала ждать, что дальше будет. Она уже слышала по хрусту подмороженных веток приближение нуэйти.

Отбросив в сторону рога, которые до сих пор были в руках, Белый День приблизился к девушке. Варван, распахнув навстречу ему свои огромные, блестящие испугом глаза, смотрела на приближающееся лицо нуэйти. Белый День, сдерживая рвущуюся наружу страсть, притянул девушку к себе и прижал к груди. Опомнился лишь тогда, когда над ухом услышал спокойный и печальный голос Варван. Не сразу даже сообразив, что этот голос идет от той, которую он сейчас держал в объятьях, нуэйт насторожился.

– Зря бился за меня, Белый День, не дам я то, о чем ты так мечтаешь.

Произнесенные слова, словно ковш ледяной воды с озера Духов, отрезвили мужчину. Овладев собой и чуть отстраняясь от девушки, он спросил:

– Откуда ты можешь знать о моих мечтах?

– Ветер принес. Сказал, будто свататься в наше становище приехал.

Огромный диск светящегося оранжевого солнца лучами касался верхушек деревьев. В пору Коллкэм-манн солнце высоко не поднималось. Некоторое время оно висело над озером и затем быстро откатывалось за гору Куамдэсьпах, чтобы на следующий день показаться еще на более короткий срок.

Барван прижималась к сосне, стараясь заглушить стук сердца, и мысленно молилась божественному светилу, чтоб только нуэйт не ушел. Еще в становище у Сильного озера она поймала себя на мысли, что вслушивается во все разговоры, связанные с ним, а уж здесь и вовсе наблюдала и втайне надеялась, что он выйдет биться за нее в священный круг. И вместо того, чтобы в ход пустить все свое женское обаяние, стала говорить слова, казалось, живущие независимо от нее:

– Что ж ты, нуэйт, на меня, пустую, позарился, аль девок мало в становищах сидят, женихов ждут?

Белый День был удивлен словам Барван не меньше ее самой. Он знал, как трудно девушке произносить столь страшные обвинения в свой адрес.

– Кто внушил тебе такую мысль? – серьезно спросил он и затем добавил. – Да в тебе столько жизненных соков, что ты не одно дитя на свет родишь.

– Не смейся, нуэйт, над бедой Барван, не к лицу тебе. Ты от меня получил, что хотел в жертвенном кругу, чего ж еще ждешь?

В ее словах было столько невысказанного девичьего горя, одиночества, безнадежности, что выдавшего людские страдания нуэйта они задели за живое.

– Ты – моя. Право на тебя я честно добыл в борьбе с соперниками, сама была тому свидетелем, потому прошу одного – любви. Но не так, как требовал жертвенный круг, а так, как я хочу. Моя любовь сможет принести тебе зачатие.

Удивительно было слышать Барван эти слова. Никто не говорил ей подобных, потому она тихо произнесла:

– Люби, коль веришь в силу свою, Белый День.

Она думала: он тут же повалит ее на землю и исполнит ритуал мужской любви, но его дальнейшие действия поразили больше слов.

Нуэйт притянул Барван к себе и нежно, глубоко поцеловал. Он целовал так ласково, что невольно и она сама стала открываться навстречу его поцелуям. Словно морошка навстречу солнцу раскрывает свою чашечку соцветия, Барван навстречу губам Нуэйта раскрывала свои. Она пила его поцелуи, точно родниковую воду, глоток за глотком, и не могла напиться, не могла утолить жажду, и это было удивительным, необыкновенным чувством.

В памяти из прошлого почему-то всплыла картина ее поцелуя с Вуэнсемом. Это случилось, когда пора Пазь сошла на тундру, принесла с собой большой снег. Барван возвращалась в становище из леса, куда ходила на лыжах проверять капканы. Трофеи – два крупных зайца. Приближаясь к сопке, выводящей прямоком к становищу, она увидела Вуэнсема.

Это был самоуверенный, богатый саам. После смерти отца ему досталось большое стадо оленей, и Вуэнсем возомнил, что это дает ему право подчинять себе бедных и слабых. Варван давно заметила – нравится ему, и он уже было засылал сватов, но, узнав, что она бесплодна, решил не связываться с ней судьбу, хотя мысль овладеть ею так и не покинула его. Однажды об этом даже намекнул Варван. Мол, никуда она от него не денется, на празднике Оленя он добьется своего. Благо, по несчастью на охоте, ногу сломал, и поединок на озере Духов пришлось на будущее отложить. Варван, словно заноза, не давала спокойно жить его похоти. Даже жена не возбуждала так сильно, как это делал только один образ внучки Томаско. И у Вуэнсема появилась навязчивая идея: подкараулить ее в лесу и, заломав, словно медведицу, удовлетворить страсть. Однажды, увидев, как она снарядилась смотреть капканы, последовал за ней.

На обратном пути из леса девушка и наткнулась на него. На добротных, с широкими полозьями лыжах он легко преодолел разделяющее их расстояние и подкатил так близко, что почувствовал на себе ее горячее дыхание. Она хотела заговорить, выразить удивление встречей, но он не дал и слова сказать. Резко обнял, подмял под себя и повалил в снег. Лыжи обоих легко соскочили с меховых тобэрок.

– Ты что, Вуэнсем, – задыхаясь от тяжести мужского тела и неожиданности нападения, только и успела выкрикнуть Варван.

Ничего не говоря, он закрыл ей рот своими обветренными, холодными губами.

Она чувствовала, с каким наслаждением он впился ей в губы, но сама от этого не испытала ничего, кроме боли и обиды. Вуэнсем целовал ее жадно, словно нанося один за другим укусы, стараясь высосать из девичьих губ все жизненные соки. Его поцелуи не ласкали, они мучили, прибивая ее к земле ураганом дикой, почти звериной страсти. А когда он дал еще и волю рукам, полез грубо щупать ее, девушка, напрягая все силы, вывернулась из объятий, оттолкнув так, что тот кубарем покатился под гору. Не раздумывая, тут же натянула лыжи и поспешила в обход Вуэнсема к становищу.

Подбежав к своей веже, прежде чем войти внутрь, постаралась успокоить колотившееся, казалось, в голове, а не в груди сердце.

Дверь вежи раскрылась, и из нее, побрякивая, появился дед Томаско. Лишь вскользь взглянув на внучку, насмешливо, хотя и не обидно произнес:

– Об елку губы-то, что ль, ударила? Вишь, распухли-то как.

– Аййя, ты поди в вежу-то, как бы без пецк не простудился. Я счас, – сказала, наклоняя голову, чтобы спрятать от деда покрасневшее лицо, и взялась снимать лыжи, отвязывая от пояса трофейных зайцев.

– Оно так, так... Зайцев-то в чуланчик кинь, завтра поутру я имя займусь, мороз крепкий, не пропадут.

– Все сделаю, аййя, иди, иди.

Только за Томаско закрылась дверь, как Варван схватила комок снега и приложила к своим распухшим губам. От обиды и унижения, которые ей пришлось испытать, захотелось завывать, запричитывать на неладную свою жизнь, на мужа, погибшего от медвежьей лапы и оставившего ее бездетной, никому не нужной, на Вуэнсема, что проходу не давал и по-воровски стремился то за грудь щипнуть, то поцелуй сорвать.

– Куда ты смотришь, Сар-акка, почему счастья не даешь? Чем пред тобой повинна я? – не замечая, как с мыслей на приговаривание перешла, запричитала Варван.
– Никого мне не надо. Никого!

Из ее глаз текли злые слезы обиды...

Поцелуи Белого Дня были особенными. Из его объятий не хотелось вырываться, хотелось пить их еще и еще. Наконец, нуэйт сам оторвался от губ Варван и сказал:

– Пойдем.

– Куда? – тихо, почти беззвучно, прошептала она горячими губами.

– В куваксу ко мне. Там огонь, шкуры, тепло. Доверься мне, Варван.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Белый День взял Варван за руку и потянул за собой. Она и не собиралась сопротивляться, просто не совсем понимала действия нуэйта, но, полностью подчиняясь его заботе и вниманию, следовала за ним. Они обогнули поляну, где еще продолжались бои за девушек-важенок. Нуэйт открыл перед Варван полог своего временного жилища.

Она вошла, хоть без робости, но с каким-то внутренним трепетом, потому как ей никогда не приходилось бывать в жилище нуэйта. В очаге еще не остыли уголья, вспыхивая брусничным цветом, точно подмигивая девушке. Опустилась на шкуру перед очагом. Белый День стал раздувать огонь, подкладывая хозяйке куваксы сухие, смолистые поленья, приговаривая: «Толлень⁴⁷, ты можешь все: помоги нам в наших бедах. Ты даешь тепло и жизнь, рождая дочерей в виде пламени. Обогрей нас своей лаской, зажги в наших душах огонь любви».

Огонь-мать, словно понимая речь нуэйта, осветила жилище приятным светом, посылая вошедшим волны тепла. Белый День закрепил полог куваксы, чтобы никому не вздумалось заглянуть к ним на огонек.

Он все делал не спеша. Не спеша заваривал травяной настой, не спеша наливал ей этот напиток, не спеша пил сам. В его временном жилище было очень скромно – только необходимые вещи.

Белый День пил настой и поглядывал на свою нечаянную гостью. Чувствовал: не знает эта девушка себе цену. Не оценили ее и саамы становища у Сильного озера. За эти годы Варван полностью оформилась и окрепла. У саамов девушки рано выходили замуж. Не оформившись как следует, они становились женщинами, не познав в себе женщин, рожали детей и быстро превращались в маленьких старушек. Ранний короткий брак Варван помог ее девичьей угловатости обрели формы и округлились. Она и не подозревала, какое желание вызывала у мужчин. И для него, нуэйта, оказалась той единственной, которую он хотел и искал. Ее красивую фигуру, тонкую талию, сильные стройные ноги, груди, дышащие жизнью и тайными желаниями, не смог скрыть от глаз мужчины и меховой пецк. Даже настой травы она пила медленно, маленькими глотками, без присвистывания, как принято в племени. Все в ней завораживало, притягивало.

47 Толлень – огонь-мать.

– Я выбрал тебя в жены, Варван. Уверен: ты будешь достойной женой нуэйт Белому Дню. Если согласна, завтра пойду сватать тебя у твоего деда.

От неожиданности услышанного у нее дрогнула рука, и напиток выплеснулся прямо на пеццк. Смущенно отставляя деревянную питьевую чашку, она стряхнула воду с оленьего меха, сказала:

– На мне грех отца, так говорят люди... Я не принесу тебе радости, Белый День, а то, что пожалел сироту, спасибо.

– Это пустые наговоры. Лучше расскажи о своем отце, в чем его грех? – попросил у девушки нуэйт.

– Я знаю не так много, только то, что рассказал аййя.

– Расскажи что знаешь, – мягко настоял Белый День.

– Мои родители в тот год, когда я родилась, жили в становище на Педзьенго, – начала тихо Варван. – Аджа служил в монастыре Трифона, того самого, что крестил саамов в веру рушш. Дедушка Томаско говорил, что родители очень любили друг друга. Отец, приехав сватать янну⁴⁸, уже служил в монастыре, только скрыл это, боясь, что Томаско не выдаст за него Моресь. Они уехали сразу, как сыграли свадьбу. Вскоре и аййя перебрался к ним, только жить не захотел в чужом становище, построил себе вежу в лесу.

Мне было около года, когда на монастырь напали шведы. Враги беспощадно убили всех монахов и саамов-послушников, сожгли монастырское хозяйство. Отец – сильно обгоревший – все же смог вырваться из монастырских стен и поспешил в становище, чтобы предупредить людей о беде. Враги приметили его и послали в погоню нескольких человек. Добежав до своей вежи, упал. Мама, словно почувствовав беду, выскочила во двор. Он только и смог сказать ей, чтоб спасалась со мной. Побежала в лес к Томаско, но, оставив у него меня, вновь кинулась в становище за мужем... Но опоздала... Там уже всю хозяйничали враги. Увидев красавицу Моресь, они поймали, насильничали ее, а затем зарубили... Так я осталась с аййя. Позже, когда враги ушли, дедушка пошел в становище, где и нашел моих погибших родителей. Похоронил, а после стал перебираться ближе к родному Сильному озеру, в глубь тундры.

Как-то, на одной из стоянок, попросился на ночлег к деду нуэйт Укко, поди, слышал о таком, его еще Черным Крылом прозывают?

– Не только слышал, а и знаю его черные делишки.

– Вот-вот. Выведал нуэйт у деда историю Моресь и Фетка, и полетела она впереди из становища в становище раньше, чем там появлялись мы.

– Поверь, Варван, Укко вас с Томаско еще пожалел, когда-нибудь я расскажу тебе об этом страшном человеке. Ладно, продолжай.

– Родное становище помнило Томаско, он всегда был добр к людям, потому никто и словом не обмолвился по его возвращении. Я о родителях ничего не знала, аййя не рассказывал. Играла, как все дети, ходила по ягоды, в день Большого Солнца гадала на судьбу. Искала травы, сушила и в пору Талльв, если дед болел, лечила его, сама от простуды пила. Все было нормально. Выросла, замуж вышла, а когда по весне мужа медведь заломал, тогда впервые и услышала шепоток о грехе

48 Янна – мама.

моих родителей. Тогда-то и выпросила у деда о них все. Поначалу долго плакала. Не оставил мне муж ребеночка, винила его, но затем два праздника Оленя показали: не его вина – моя. А люди все примечают. Они не смирились, что родители веру дедов предали. Вот и вся история. Теперь, чаю, передумаешь о предложении своем.

– Мужчина тем и мужчина, что его слово крепко. Я понял, почему к тебе прилепилось клеймо. Наговоры людей сойдут, как грязный весенний снег с гор. Непонятно, чего им говорить о грехе твоего отца, когда все саамы на побережье уже давно крещены в веру монастырских людей. Да и сюда Бог рушш уже подбирается.

– И ты крещен? – вырвалось у Варван.

Она тайно боялась веры отца, хотя знала от деда, что и сама по рождению крещена в нее.

– Я – нуэйт Белый День! Мой путь – Солнца путь. Вот моя вера! Другой – знать не дано. И ты, мною избранная в жены, должна следовать по тому же пути. Согласна ли, спрашиваю еще раз?

С облегчением Варван ответила, что согласна, и вдруг, вспомнив что-то, быстро заговорила:

– Единственное просить тебя буду: не заставляй расстаться с оберегом, сделанным аджя.

– Странная просьба, – удивился озадаченный нуэйт.

– Взгляни на него и поймешь. Это единственное, что у меня осталось от родителей. Долго айя не хотел говорить тайну оберега, но когда рассказал о судьбе своих детей, рассказал и о ней. В младенчестве я крещена была в веру рушш.

Варван вытащила из-под пеццк оберег, обрамленный кожей. На кости чем-то острым был начертан рисунок оленьей головы, в котором ничего необычного не было, но стоило его перевернуть, как в глаза нуэйта бросился крест служителей монастыря с какими-то тайными знаками. Она сняла с шеи оберег и протянула нуэиту.

Нуэйт, рассмотрев его, сказал:

– В нем, Варван, заключена огромная сила любви. Такая, что тебя или того, кому ты его передашь по наследству, сохранит от всех опасностей. Так что страхи твои напрасны. Я даже рад, что у тебя есть такой силы защитник. А то, что ты в младенчестве крещена была в веру рушш, – не беда, ведь Томаско саамским именем тебя нарек, веру предков наших ты неукоснительно блюдешь. В человеке, Варван, Бог заложил свою самую великую тайну – тайну любви. Даже я, нуэйт, не властен над этим чувством. Не могу человека заставить полюбить или разлюбить. Кто говорит, что силой колдовства заставил кого-то разлюбить, – неправда, значит, там и не было этого божественного дара. Любовь сильнее всех чар, сильнее колдовства. Трусливому она дает смелость, злого – поворачивает к добру. Лечит, как самый сильный напиток знахарки, жизнь продлевает. Но любовь может причинять человеку и боль, одурманить рассудок... Скажи, бывала ли ты когда-нибудь на другой стороне озера Духов?

– Как не бывать, бывала и не раз. По ягоды с девушками ходили. Почему об этом спросил?

– Значит, тебе доводилось видеть на скале хозяина этих мест Куйву⁴⁹?

49 Куйва – наскальное изображение распятого саамского бога, гигантский петроглиф высотой в 72 метра.

– Ой и страшный он. Старики говорили: к нему близко никому нельзя подходить. Только знаткие по его зову могут приближаться к скале. Мне дедушка рассказывал: ты нынче был у него.

– Был, – кивнул головой нуэйт.

– Много луввът про него рассказывают...

– А хочешь, я тебе самую древнюю расскажу?

– Кто ж из саамов сказок не любит? Конечно, хочу, – словно маленький ребенок, обрадовалась Варван.

– А было дело так: увидел однажды колдун Куйва, что жил в горах, прекрасную саамскую девушку и решил взять её в жены себе. Заслал сватов, но юная девушка, влюбленная в молодого парня, отказала старику-колдуну. Не смог тот обиды стерпеть и решил колдовством да хитростью похитить девушку и в горы к себе унести. Пошла однажды девушка к своему пастушку на свидание, да в дороге сошёл на неё сон, присела у деревца передохнуть и заснула. В это время Куйва, обернувшись ветром, налетел, подхватил её и унес в горы к себе. Проснулась девушка, увидала рядом с собой страшного колдуна, испугалась, заплакала.

Обещал тот одарить красавицу всем, чего не пожелает она, только б стала его женой. А у неё ответ – нет! И в злобе превратил её колдун в белую олениху да стал в горах пасти. Бегает она по горам, ищет пастушка своего, а где остановится – слезы горючие так и льются у неё из глаз, не одно ущелье пробили в горах да в долине в озеро слились.

Отлучился однажды колдун с гор, оставил олениху одну пастись, а в то время мимо Тирьмесь⁵⁰ пролетал. Опустился на гору отдохнуть – тут невиданной красоты олениху и увидел перед собой. Увидел слезы, струившиеся из её глаз, и спросил о беде, с ней приключившейся. Всё рассказала ему олениха без утайки, и страшно рассердился на это Гром, потому как судьба девушки напомнила ему судьбу собственной матери.

Была она у него одной из дочерей хозяйки Земли Еннь-акки, а отцом стал Чогка-каперь², что хитростью овладел девушкой, насильно в горы унёс и спрятал, чтоб об том Иммель-айя не узнал. Когда мать родила Тирьмеса, ребёнок так громко плакал, что Иммель-бог слышал крик младенца и прознал про Чогка-каперя насилие. Забрал мать с новорожденным на небо к себе и воспитал в любви к матери и ненависти к отцу. Вырос Гром и стал преследовать всех злых колдунов, натягивая лук-радугу и метая в них стрелы-молнии.

Рассказ оленихи-девушки так расстроил Грома, что тот разразился проливным дождём. Побежала олениха под гору укрыться от дождя, тут-то её колдун и схватил. А чтобы спрятать от Тирьмеса, превратил в тень на своей скале.

Когда Тирьмес, перепрыгивая с горы на гору, бросился искать олениху, нигде не мог найти – точно сквозь землю провалилась. И тут на одной из гор увидел тень ее. Понял, что это проделки колдуна, и решил уничтожить злодея. Спрятался от него за высокой горой и стал ждать. Вышел колдун из горы – нет никого. Подошел к скале на тень посмотреть – в это время Тирьмесь и выпустил в него свою огненную молнию, навеки пригвоздив к той самой скале. Повелел стать хозяином этих мест и

50 Тирьмесь – бог грома.

охранять озеро от недобрых людей. Потому оно озером Духов и зовется. Духи здесь живут, а хозяином всем им Куйва поставлен⁵¹.

– Значит, правду говорят люди: страшен Куйва, – задумчиво произнесла Варван.

– Бояться его не стоит, а с почтением относиться необходимо. Если сердце у тебя такой же чистоты, что и озеро из слез девушки-оленихи, то не причинит он зла, если мысли худые, тогда добра не жди...

– Красивая луввът, – со вздохом сказала Варван.

* * *

Белый День подбросил в огонь еще поленьев и приблизился к Варван. Произнес шепотом:

– Я все узнал, что хотел, о твоей жизни до меня, теперь хочу познать тебя самою. Встань, Варван, негоже начинать нашего первенца на шкуре для гостей. Для такого случая требуется особая.

И он вытащил белую свежесделанную шкуру жертвенной оленихи. Расстелил на том месте, где Варван только что сидела, и после этого вновь усадил ее. Его действия смутили девушку. С трепетом она вступила на эту шкуру. Знала: даже сидеть на такой предлагалось только тому гостю, к которому хозяин имел особое расположение. Место это отводилось обычно знатким саамам. Сейчас нуэйт расстелил для нее, а это – высшее проявление его к ней расположения.

И вновь Варван пила его нежные поцелуи. Затем он скинул с себя липты и пеццк, стал раздевать ее.

Оказавшись обнаженной перед мужчиной и видя его нагое тело перед собой, Варван вновь смутилась и опустила голову. Нуэйт совсем не стеснялся своей наготы. Он взял в руки ее толстую косу и стал медленно расплетать волосы.

Варван сидела прямая, прислушиваясь к каждому движению нуэйта, боясь проронить слово. Все, что с ней происходило в день священного праздника, было настолько необычно, что она ничему не могла найти объяснения, просто покорно отдавалась воле судьбы.

Расплетенные волнистые темно-русые волосы с рыжиной окутали всю ее спину. В отблесках огня она сразу стала походить то ли на образ богини гор, то ли на одну из дочерей хозяина озера Духов – Сейта, как тех описывали старые саамы в своих сказках, то ли на девушку-олениху, что полюбил старик-колдун Куйва.

Варван боялась поднять глаза, встретиться со смелым взглядом обнаженного мужчины. В ее памяти уже поистерлись те редкие встречи с мужем, которые она имела за год семейной жизни.

В нуэйте было что-то притягательное, завораживающее, чего не было в других мужчинах племени саамов и что заставляло подчиняться его воле беспрекословно.

Словно понимая значимость происходящего, Огонь-мать посылала свое тепло, согревая и расслабляя тела обнаженных влюбленных.

Руки нуэйта ласково прикоснулись к телу Варван, которое было белым, чуть тронутым желтовато-розовым светом и напоминало то облако на летнем чистом небе,

51 Авторская сказка.

то молоко важенки, то зимнюю тундру, освещенную первыми лучами долгожданного солнца после полярной зимы.

Любуясь девушкой, нуэйт подумал, что ее нельзя оскорбить грубостью или насилием: только доброта и ласка смогут разбудить эту женщину и ее спящее тело. Перед ним распускался пока только морошковый цвет, а чтобы созрела ягода, необходим солнечный луч, которым и должен стать он, нуэйт Белый День.

Ее теплые груди напоминали летние сопки Лапландии, к которым хотелось прижаться лицом и вдыхать их аромат. Нуэйт гладил груди Варван, тугие, необласканные, нежно касался губами торчащих твердых сосочков. Белый День чувствовал, как с Варван медленно сползает напряжение, как под его ласковыми пальцами и губами ее тело становится податливым, горячим. Уловил мужчина и первую волну дрожи, пробежавшую от груди женщины к животу и коснувшуюся ее красивых стройных ног, которые, словно две тропы, сходились на маленьком темном бугорке с шелковистой травой.

Никогда нуэиту не хотелось дарить женщине столько ласк, сколько он дарил молодой Варван. Он верил, что разговоры, ходившие вокруг ее бесплодия, не что иное, как грубые вымыслы, которые и держали в тисках ее молодое тело, но и это сейчас было не самым главным. Главным было то, что он нашел ее, узнал, принял. Главным было то, что только любовь властвовала над ними и временем! Только силе любви, соединенной мыслью двоих о продолжении рода, о сотворении долгожданного первенца, дано вершить чудеса, только она сильнее всех заклинаний и чар, сильнее духов, потому что она – сила любви, а значит, сила жизни! Кто-то, а нуэйт это знал хорошо.

Именно он послан этой девушке богами, чтобы раскрыть её для себя самой, раскрыть для него. Послан, чтобы посеять семя зачатия и родить сына, продолжателя дела всей его жизни. Так сказали боги – и так будет!

Варван никогда еще не испытывала такого наслаждения с мужчиной, какое испытывала сейчас с нуэитом Белым Днем. Муж, которого она принимала как данность, брал ее обычно ночью, придя с охоты, согреваясь у ее жаркого тела. Брал без особых ласк, просто удовлетворяя мужскую потребность по своим представлениям и вере. Варван никогда не сопротивлялась желаниям мужа, но и не испытывала удовольствия от этого действия, скорее, она даже не предполагала, что его можно испытывать. Тайной мечтой ее было зачатие ребенка. Вот кому бы она отдала всю свою нежность, тепло и ласку...

Сейчас все было по-другому. Казалось, нуэйт и не собирается исполнять обряд мужской жизни, хотя Варван прекрасно чувствовала, что его мужская жизнь давно готова к исполнению танца двоих. Она не знала: радоваться этому или печалиться, просто внимательно прислушивалась к рукам мужчины и не мешала ему познавать себя. Но когда с первой волнующей дрожью почувствовала и в себе проснувшееся желание, ей вдруг самой захотелось стать участницей танца двоих, а не ждать его от мужчины. Вся скованность и неумелость женщины исчезла, точно ее и не было, а вместо этого заговорила природная, копившаяся веками мудрость жизни. Словно пробуждающаяся от полярной ночи тундра раскрывалась навстречу долгожданным лучам солнца, Варван раскрывалась ласкам и нежности мужчины. Ей захотелось отдать ему всю себя, без остатка. Она не знала, что можно, а что нельзя в любовном

обрядовом танце двоих, ее этому никто не учил, просто ее тело уже не принадлежало ей, оно принадлежало мужчине, как и тело мужчины – это она поняла – принадлежало ей.

Все в этот день для нуэита Белого Дня имело значение: и то, что выбор пал на девушку с необыкновенной судьбой, и что это произошло на празднике саамов Имание оленей, и что любовь соединила их на шкуре белой жертвенницы, той самой, которую он собственноручно принес богу Пеййву, и что Варван именно от него должна получить семя зачатия.

В этот момент они были настолько близки в своем соединении к силам земли и неба, что все остальное перед их любовью теряло смысл.

Мужчина наполнил ее живительным соком плоти своей, щедро излив его в плоть ее, точно вместе с ним отдавал и частичку себя. И Варван была бесконечно благодарна ему за этот божественный дар – мужской силы и души. Слитые воедино, они стали творцами самой древней тайны на земле – тайны зачатия.

Не в силах больше сдерживать свои чувства, Варван заплакала. Это были счастливые слезы. Слезы, смыывающие с нее позорное клеймо бесплодия, жертвенные слезы ее будущего материнства, в котором она уже не сомневалась, слезы открытия огромного, всепоглощающего начала любви между мужчиной и женщиной.

Оказалось, что раньше она ничего не знала о ней, может, оттого, что многим женщинам саамов любовь представлялась в виде заботы о муже и детях, о стареющих родителях, о доме... Может, это происходило оттого, что и зачатие детей происходило случайно, не неся в себе огромного желания иметь сына или дочь, какое было у них с Белым Днем. И поэтому случившаяся близость с нуэитом стала для нее потрясающим открытием. Открытием даже не мужчины, а самой себя – женщины, матери, продолжательницы рода человеческого.

Белый День после близости с Варван испытывал такое же потрясение, как и она, потому и слезы ее ему были понятны и приятны. Нет, они были для него сейчас дороже всего на свете. Он знал, что не ошибся в выборе. Он чувствовал себя настоящим мужчиной, способным, не прибегая к помощи нуэйтэ, раскрыть в женщине женщину, одарить ее любовью, стать законным отцом ее будущего ребенка. И это окрыляло его. Чувство состоятельности как мужчины и состоятельности своей будущей жены как женщины делало счастливее вдвойне.

И тут нуэиту вдруг вспомнилась старинная луввът, рассказанная когда-то дедом. И он спросил Варван:

– Тебе не приходилось слышать луввът «Про диких»?

Вопрос озадачил её. Белый День не переставал удивлять. После того, как они совершили, словно птицы, прекрасный полёт любви, он вдруг спрашивает её про какую-то луввът. Она знала, конечно, любовь саамов к старинным легендам, частенько сама просила деда ей их пропеть, но не могла вспомнить случая, когда бы это делал ее муж. И все же то, что Белый День сейчас заговорил именно про луввът, ей очень понравилось, и она, доверительно прижимаясь к нему, ответила, что не слышала такой.

– Это необыкновенная луввът, Варван, луввът о большой любви. О такой, о какой мужчина может только мечтать и какую редко теперь встретишь среди людей.

– Тогда Расскажи мне ее, – попросила она.

– Когда-то, давным-давно, жили муж и жена. Они были молоды и очень любили друг друга. Своей вежи у них не было, потому жили в родительской. Бывало, муж за что-нибудь сердился на своих родных, как, впрочем, бывает в любой семье. Но однажды осердился очень сильно, так, что не захотел больше жить с ними и решил в образе оленя-хирваса уйти в тундру. Заплакала жена, стала умолять не оставлять ее. Просила взять с собой. Муж обернулся оленем и хотел было убежать, но понял, что не в силах бросить жену. Спросил: «А детей куда денем?» Жена ответила: «Свекровь, мать твоя, молодая еще, вырастит, я же всегда с тобой неразлучной быть хочу». Подумал муж и решил не расставаться с женой. Сказал: «Хорошо, научу я тебя, как остаться со мной. Слушай и сделай, как велю. Выйди замуж за соседа и подари ему мою пищаль. С нею на охоту отправляйтесь. Зайдите в наши кегоры, что выше озера Духов лежат, тут ты его одного дальше пошли. Там, на просторе, я буду пастись, гулять навстречу ветрам. Пусть он меня убьет и шкуру снимет. Пусть мое мясо все наши родные съедят, ты же ни кусочка не ешь и шкуру поскорей прибери. Сохнуть повесь. Высохнет шкура, в дом ее внеси, сложи надвое мехом наружу. А когда спать ляжете, ты в мою шкуру завернись, спиною к нему ляг, чтобы он обнять тебя не смог. На одну половину сама ложись – другою укройся. Свою голову положи на уши шкуры, а пятками ложись ей на хвост. Ухо в ухо ложись. Душа моя в ушах шкуры живет. Душу мою прими, но одну половину не забудь мне отдать. Смотри: не забудь. Как заснешь, сразу оленем обернешься». Жена исполнила все, как муж велел. В одно ухо душу приняла, через другое вторую половину назад вернула. Крепко заснула и сразу поднялась, прянула... Только мать и видела, как из вежи два оленя выбежали. С тех пор не однажды примечали люди, что в ближних к озеру кегорах ходят, пасутся два совершенно одинаковых оленя. Чаше являются они отцу и матери да детям своим, реже – чужим. Ходят вместе два оленя, два хирваса, два самца, два друга. Оттого вышло так, что муж половину свой души отдал любимой жене.

Какое-то время Варван и Белый День лежали молча, наконец, она, глядя прямо в глаза нуэита, сказала:

– Знаешь, после того, что я сейчас с тобой испытала, я бы тоже так сделала. Пошла хоть в оленя, хоть на край земли, потому что теперь я знаю, что такое любовь.

И тут нуэита пронзил луч озарения. Глаза! Те самые глаза! Глаза, что так поразили его на обряде жертвоприношения. Да, да, большие, преданно-благодарные... После долгого сна память их ему больше не возвращала, и вот теперь они вновь были рядом и принадлежали той, что избрало его сердце. И мысленно Белый День поблагодарил богов за этот дар.

Он поверил в искренность слов, сказанных Варван. Большого счастья ждать не приходилось. Крепко прижимая ее к себе, Белый День облегченно вздохнул. Сказанное было выше любого признания в любви, выше любой правды.

– Значит, не зря праздник этот наш народ Иманием оленей назвал, не зря в народе живет столько луввът, связанных с образом хирвасов и важенок. Все мы свое начало от прародителя Мяндаша ведем. И не зря на твоём берегу, Варван, отец именно оленя в защитники определил. Вся наша жизнь с ними связана, их мясо едим, в них одеваемся, на их шкурах спим. Спасибо богам, что они вернули мне

жену именно в праздник Имание оленей. Я знаю: теперь мы неразлучны навек, как те двое из луввът.

– Аййя этому сильно обрадуется, – сказала, облегченно вздыхая, Варван.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Природа умно предусмотрела время зачатия и время отела в жизни оленей. Люди по какому-то издревле переданному им прадедами таинству, а может, наблюдая веками за меньшими братьями оленями, научились сохранять потомство своих родов.

Зачатый в пору Коллкэм-манн ребенок считался священным. Саамы знали, что такой ребенок родится сильным и выносливым, как олень. Рожденный тогда, когда лед на озерах становится тонким и начинает ломаться под лучами солнца, когда просыпаются от зимней спячки лягушки, малыш за лето успевает окрепнуть и хорошо переживает первую в своей жизни зимнюю пору, самое темное и тяжелое время саамского года.

Праздник подходил к завершению. Саамы были уверены, что, принеся жертвы богам и исполнив священный ритуал племени, они укрепили семейные роды, в которые благодатно влилась новая, здоровая кровь. Теперь Коллкэм-манн от саамов требовала только одного – подготовки к долгой полярной ночи.

Шел отбор животных. Бракованных оленей холостили. Валили самцов на землю, зубами надкусывали яйца и переламывали пудзэ парц. Холощение считалось завершенным, если у самцов не показывалась кровь. В противном случае холощение повторялось заново.

Одних оленей отбирали для забоя, других – для езды, третьих – для потомства. Некоторые хозяева из своего стада выводили серую или коричневую масть, оставляя только белых самцов-хирвасов, другие – наоборот. Шли обмены, перепродажи. Каждое стадо находило своего хозяина.

Олени похожи на людей. Они выполняют свою, особую миссию, возложенную на них матерью-природой. Пройдет время, и важеньки встанут на отел, потому что вся сила жизни в рождении и материнстве. Так и саамы видят свое истинное счастье именно в продолжении рода. Чем больше в семье детей, чем плодovitее род, тем счастливее люди.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Незаметно пролетел еще месяц. Сергей сообщил Анастасии, что корреспондент на поездку нашелся, уже и билеты заказаны. После такого известия все дни для Анастасии стали унылыми и однообразными, а ночи стали наваливаться на молодую женщину гнетущей темнотой. Холод одиночества не согревал даже под пуховым одеялом. На душе было тоскливо и зябко. Она поджимала ноги к животу, чтобы согреться, натягивала на колени ночную сорочку, но ничего не помогало. Возвращаясь с работы, заметила: дождь оставлял на лужах пузыри, значит, зарядил надолго.

Так и вышло. Ночью он продолжал нудно стучать в окно, заглушая всхлипы Насти.

Она замерзала без любви. Ей так хотелось почувствовать рядом Лахэна, его силу, нежность, потому что ее тело изнывало от неутоленных желаний. Мечтала о нем, сотни раз возвращая себя в Москву, в его объятия. Как никогда ощущала себя уверенной, чувственной женщиной. В этом была ее сила, но и слабость, потому что именно сейчас ей хотелось любить и быть любимой, а вместо этого приходилось, уткнувшись в подушку, тихо плакать. Лахэн был далеко, и никто не мог заменить его.

Это только ханжи могли всплеснуть руками и притворщески-наставительно произнести: «Да разве можно мечтать о бесстыдном?» Какими ничтожными они казались Насте в этот момент! Ей доводилось общаться с разными женщинами – от простушек до «птиц высокого полета», и все думали об одном – о мужчине и его любви. Заседали на конгрессах, крутились на предприятиях, стояли в очередях – но все, как одна, желали объятий и поцелуев, что бы при этом они ни говорили, какими бы ни считали себя эмансипированными. И Настя в своей немоте в безмужней постели кричала об этом Лахэну... Как там, у саамской поэтессы Октябрины Вороновой, говорилось:

Как длинна эта ночь,
Как мрачна эта темень.
Свет окна моего
Как пятно на снегу.
Лечь давно бы пора,
Надо спать в это время.
Только я до кровати
Дойти не могу.

Нет, Анастасия последние две строчки перефразировала бы по-своему. Не «до кровати», а «Только я без Лахэна уснуть не могу». В ее случае это будет правильнее.

«Разве я одинока? – думала она. У меня есть дети, родители, есть любовь к Лахэну, но при этом моя душа остается одинокой. Иногда от непонятости людьми я готова рыдать, бежать на край света. Разве может быть человек одиноким, имея столько рядом родных людей? Нет! Тогда почему одинока я? Ведь в общении с людьми я кажусь жизнерадостной, веселой, всем со мной хорошо, комфортно, только одиноко получается мне одной. А может, я слишком много отдаю энергии работе, детям, родителям, любви к Лахэну, что самой ничего не остается, отсюда депрессии, трудности в понимании самой себя? В чем же причина одиночества души? Может, в непонятости ее другими людьми? А может, мои страдания от несбыточных надежд? Оттого, что нет рядом Лахэна?»

Лахэн – дитя природы, и пусть на Камчатку пришла цивилизация – вся она оказалась ничем перед первобытностью, необузданностью, дикостью этой самой природы, которая налетела и закружила своим сумасшедшим танцем. И она, коренная мурманчанка, городская дамочка, оказалась бессильной сопротивляться первобытному зову.

Но сколько бы она ни думала, так никак и не могла решить, как же ей жить дальше с этой своей любовью и разлукой. Ночь после развода с мужем, если сразу не

удавалось заснуть, навевала какую-то смертельную тоску. Надо было только дожить до утра, а там начнется новый день, а день – надежда на что-то лучшее, светлое. Наступит он – и надо будет собирать детей в школу, идти на работу и опять продолжать жить... А там глядишь, счастье и улыбнется новой встречей с Лахэном! «Ну не в эту осень, так летом», – думалось Анастасии, и она решила на следующий день выкроить время и обязательно зайти в церковь помолиться.

Монастырское подворье Трифонов Печенгского мужского монастыря ей нравилось своей простотой и какой-то особенной аурой. Анастасия не любила большие храмы, они пугали ее своими внушительными размерами, и однажды, побывав на подворье, она поняла, что это место молитвы для неё. Так по велению сердца, хоть и не часто, она стала заглядывать сюда.

Ей нравился настоятель Трифонов Печенгского монастыря и монастырского подворья, который мало думал о своей внешности, но много делал для своей обители. Не было в его внешности прилизанности, так часто свойственной священникам, не было и напускной святости, но во всем его облике ощущалось глубокое чувство собственного достоинства. Его некороткая борода, уже начинающая седеть, была неприглаженной, как собственно и его характер. И пояс, который он носил, был то ли из кожи, то ли из грубой материи. Увидев настоятеля как-то на подворье, Анастасия сразу представила Трифона Печенгского, основателя монастыря, крестителя и просветителя саамов, которого так боялись враги России. Этот священник мог и проповедь прочесть, и меч в руки взять, чтобы защитить Отечество. Разве бы напали шведы на монастырь, если бы он был жив? Конечно, нет! Боялись Трифона враги. И Настя подумала, глядя на игумена: ему бы меч за пояс – и готов новый воин Христовый за землю Русскую. Ведь обещал Трифон вернуться в обитель свою, и кто знает, может, в лице нынешнего игумена он и пришел на землю Лапландскую.

Мысли Анастасии уносились в далекое прошлое Кольской земли. Работая в краеведческом отделе библиотеки, ей не раз приходилось обращаться к той или иной теме. Анастасия вспомнила, как, рассказывая ребятам о разорении монастыря в 1590 году, приводила красивую легенду о лебедях. Когда разбойники, запалив обитель и убив всех монахов и послушников, стали делить награбленное добро, из пылающего монастыря вылетело три белых лебедя. Они поднимались все выше, выше над пожаром и вдруг соединились в небе в золотой круг, загоревшийся ярче огня. Затем из пламени круга стали вылетать один за другим сто шестнадцать птиц, ровно столько, сколько погибло монахов. Настя, зная по историческим сведениям, что шведами разорен был не только Трифонов Печенгский монастырь, но и ближайшие саамские поселения, подумала: а кто знает, может, в той бойне погибли и мои далекие предки по материнской линии. Кто знает, как оно было четыреста лет назад. Затем шепотом дала себе обещание:

– Завтра же выберу время и схожу на подворье помолиться. Говорится же: если верите в чудо, оно вам будет обязательно явлено. А теперь – спать.

Только на монастырском подворье в Мурманске проходили монастырские богослужения – утренняя молитва и полунощница. Монахи и послушники никуда не торопились, так как по законам монастыря им не позволялись ни путешествия, ни праздные шатания по городу. Поэтому, в какое время сюда ни зайдешь, тебя всегда

готовы принять, выслушать твою исповедь или дать помолиться в одиночестве по велению души. Помещение, где проходили службы, было небольшое, и даже когда здесь не было народу, оно все равно оставалось уютным и домашним. Особенно Насте нравилось молиться в полном одиночестве, окруженной иконами святых. Вот и сейчас, придя сюда, она с радостью обнаружила церковь свободной от прихожан. Подошла к иконе Христа Спасителя. Задумалась... Как обратиться к Господу с просьбой о встрече с Лахэном? И вдруг вспомнилось, как однажды на экскурсии по монастырям Новгородской земли услышала потрясающей силы духовный рассказ-проповедь. Экскурсовод говорил группе слушателей: «Я опускаюсь перед иконой на колени, но это не значит, что я стою на коленях. На коленях! То есть на поколениях тех, кто был здесь до меня. И это способствует моей молитве, ведь в это время со мной и за меня молятся все поколения женщин и мужчин моего рода... Надо только обязательно знать: цель храма – не поставить человека на колени, а поднять, выпрямить его перед Богом и людьми». Вспомнив эти слова, Настя призвала всех своих ушедших из жизни родственников незримо опуститься с ней на колени и помолиться за ее счастье. Сама же перед иконой Христа Спасителя произнесла, как заклинание: «Господи, только ты можешь помочь мне с поездкой на Камчатку, только ты можешь устроить встречу с Лахэном, умоляю тебя, Господи, пошли мне ее».

Спустя несколько дней неожиданно позвонил Сергей и сообщил, что корреспондент, который должен был лететь с ним, попал в больницу с обострением язвы желудка, и, посоветовавшись в редакции, решили взять на Камчатку ее. Через две недели он ждал Анастасию в Москве. Вот оно: проси, да будет услышана молитва твоя! Спасибо, Господи!

После такого известия у Насти, казалось, за спиной выросли крылья.

Утром, в день отъезда, она подошла к заветной шкатулке и достала из нее костяной оберег, переданный ей в день восемнадцатилетия ее бабушкой, на тесьме, обрамленный кожей. С одной стороны на нем был изображен крест, с другой – олень. Бабушка рассказывала, что он в их семье всегда передавался старшей женщиной рода младшей, а когда и кем был сделан, уже никто не помнил, но то, что это настоящий оберег – проверено не одним поколением. Она просила внучку всегда носить его на груди, не снимая, но Настя оберег предпочитала хранить в шкатулке и надевать только в самые ответственные дни или поездки. Постоянно же носила серебряный крестик, подаренный матерью. Вот его не снимала никогда, так как считала крест очень древним знаком, служившим в жизни человека как бы мерилем внутреннего состояния. Православный – шестиконечный, он олицетворяет шесть дней творения мира и три уровня: верхний – небо, средний – землю, а внизу – ад. Потому средняя переკладина постоянно качается то вверх, то вниз, то вверх, то вниз... Веси праведного судного дня. И если уж носила Анастасия нательный крестик у себя на груди, то верила в его великую силу. Потому как немногие из современных людей знают расшифровку слову «крест», несущую в себе глубинную мудрость земли и неба – како рцы есть слово твердо, или дал слово Господу, держи его! И не напрасно старые люди говорят: не клянись, не накладывай на себя крест всуе, а только в обращении к Господу.

Люди не представляют себе, как много закономерностей в жизни их. Настя села в кресло, взяла оберег, прижала его сначала к губам, затем поднесла ко лбу, как это делала бабушка, и вдруг почувствовала легкое головокружение. И точно неведомая сила прокрутила в ее подсознании кадры глубокой старины. На какой-то миг она вдруг увидела незнакомую ей молодую красивую девушку в старинной саамской одежде, стоявшую на коленях на белой оленьей шкуре и протягивающую кому-то посмотреть тот самый оберег, который сейчас держала в своих руках Анастасия. Необычность видения потрясла Настю до глубины души. И пришла мысль: а что если это ее прамаменька, которая из далекого прошлого послала ей знак – надеть в поездку оберег рода? И поняла: подумалось правильно, так как почувствовала, что по всему телу стало растекаться тепло. Еще раз поглядела на оберег и надела его на шею.

Направляясь на вокзал, Настя ежилась от холода. Ледяной ветер забивался за ворот куртки, мороза кожу. Пряча лицо от резких порывов ветра, она шла, глядя больше себе под ноги, нежели по сторонам. И вдруг на сером асфальте ей в глаза бросилось яркое оранжевое пятно. В пасмурный грустный вечер оно, словно солнечный зайчик, невесть откуда появившийся, притянуло внимание. Приблизившись, Настя увидела осенний листочек, посеребренный каймой мельчайших льдинок. Рекламный свет «Лесеала», фотомагазинчика, заставил его так необыкновенно играть на заиндевевшем сером тротуаре. Заморозки...

Листья парашютиками опускались с деревьев, задевая прохожих, ложились на тротуары. В беготне и хлопотах, связанных с отпуском и поездкой на Камчатку, Настя совсем не заметила, как пришла осень – ее любимое время года. Серые, нерадостные, сиротливые дни – и всего два письма от Лахэна. Но словно подбадривая себя, подумала: «Ничего, я еще увижу осень в этом году, ведь я еду не куда-нибудь, а на осенний Алхалалай!» И с этого момента ее уже не покидало состояние сладостного, тревожно-мучительного ожидания любви.

* * *

Москва! Сергей встретил Настю на Ленинградском вокзале. До отлета у них была куча времени.

– Вещи завезем ко мне и на радио... Там уже ждут.

Когда Настина поездка документально была оформлена, она, довольная, поблагодарила друга:

– Сережка, милый, я так рада! Это все ты! Я тебя обожаю!

– Наконец-то дождался признания. А ты куда думала приехала, голубушка? Это – Москва! Здесь все всегда на высшем уровне!

– Добавь к своим восторгам, что это не Мурманск, а государство в государстве, выкачивающее из регионов все деньги, – сбивая спесь, прервала восторги Сергея о Москве Настя.

– Нет, я удивляюсь. Ей весь сервис на тарелочке с золотой каемочкой, а она еще и подкалывает меня. В этом, Анастасия, ты вся и есть.

– Не переживай, сервис отработаю.

– А я и не сомневаюсь. Давно понял: если ты что задумаешь, обязательно исполнишь. Цельный ты у нас человек, Анастасия.

– Цельный человек? – протяжно произнесла Настя.

И то ли себя, то ли Сергея спросила:

– Это от слова «цель», но что для меня важно – целить или целить – вот в чем вопрос!

Сергей недоуменно уставился на нее:

– Слушай, ты перед этой поездкой у психиатра проверялась?

– Да ну тебя, Серый. Это мысли вслух, сам-то, наверное, никогда не ставил такой вопрос.

Сергей, сооротив серьезное лицо, почти торжественно произнес:

– Обещаю на досуге серьезно заняться обдумыванием его.

– Вот-вот, подумай, тебе это полезно, – не принимая его шутейного тона, ответила Настя. – Что ты хочешь – исцелять или нацеливаться?

Так после нескольких часов, проведенных в Москве, Сергей уже в самолете читал ей наизусть стихи, а она ему рассказывала про Камчатку.

– Представляешь, раньше у ительменов мужчины занимались приготовлением пищи.

– Ну и что тут особенного? У многих народов это считалось делом мужским.

– Ясно, что у многих, но я нигде не читала, чтобы пищу мужчины готовили голыми, – с превосходством знаний о крае, в который летели, выпалила Сергею Анастасия.

– Как это?

– Так. Голышом.

– А как же? – и Сергей многозначительно посмотрел себе ниже живота.

Настя заразительно засмеялась.

– Это было предусмотрено. Свои «богатства» они помещали в кожаный футляр, который крепился одним концом к ременному поясу на животе, другим прикреплялся к нему со стороны спины. Вот!

– Фантастика!

Сергей с огромным интересом наблюдал за Анастасией. Она точно вся преобразилась. Глаза горели, лицо разрумянилось, и столько энергии! Будто и не рассказывала вовсе, а проживала жизнь с этими самыми ительменами, заражая своим восторгом и его.

– А еще я вычитала, что в старое время и на бой даже зимой на лыжах они выходили голыми, лишь в набедренной повязке-поясе. Мешочек спереди и махры сзади. Да и лыжи у них были странными, так называемые «лапки» – коротенькие ступательные, хотя имелись и длинные скользящие, как у русских. И вообще, в далеком прошлом они делали себе одежду из листьев, главным образом из крапивы. Спали в гамаках, сплетенных из трав.

– Это чем-то напоминает племена Океании.

– Кто знает, может, дальние предки ительменов оттуда и есть. Я тут в одном журнале и такую версию их появления на Камчатке прочитала. Будто бы несколько тысяч лет назад одно из племен полинезийских островов со всем своим скарбом отправилось на поиски большой земли. Долго путешествовали островитяне в поисках земли, часть из них погибла в борьбе со стихией, а часть все же достигла берегов Камчатки.

– Слушай, а я ведь тут тоже перед поездкой в справочники заглянул, чтоб совсем профаном не быть, оказывается, в XVII веке их было двадцать тысяч. Как случилось, что сейчас осталось всего полторы? Это надо же было так истреблять народ... Понятно, были там разные оспы, горячки, и все равно дети-то худо-бедно должны были рождаться.

– По-моему, это произошло от насильственной христианизации ительменов русскими. Да еще в середине двадцатых постановление вышло: всех туземцев, проживавших в южных районах Камчатки, записывать в паспорта русскими. Эти действия тоже значительно сократили численность народа, а дальше последовала кампания по закрытию так называемых «неперспективных» сел и деревень. Переселяясь в большие поселения, ительмены, все больше смешиваясь с русским населением, и детей записывали уже русскими. Убедительно?

– Вообще-то да. Если так и было, тогда удивляться нечему. А еще что интересно-го узнала? – заинтересованно любопытствовал Сергей.

– Ну, например, что ительмены верили в реинкарнацию. Они считали, что душа умершего нисходит на родину с далекого неба, когда на нем сверкает звезда. Нарекая рожденного ребенка, в благоговейной тишине произносили имена сородичей. На каком имени оберег рода – камешек, подвешенный на треногу очага, – качнется, дух того предка и воплощается в тело и душу ребенка. И вновь приходит на землю. Его именем и называли младенца. Причем имя давал всегда отец.

– То есть ительмены не верят, как саамы, что их умершие во что-то превращаются, где-то обитают?

– Об этом ничего не могу сказать. Знаю точно, что вулканы считались у них домами мертвых и появление дыма на горе объяснялось тем, что покойники в них отапливали свои юрты. Питались жиром китов, которых ловили в море под землей, кости пускали на топливо. У саамов подобное жилище мертвых было на небе. Кувскэс – это и есть в саамской мифологии души умерших людей. Когда северное сияние играет, значит, души сходятся на небе в специальной избе и затевают страшную резню. Текут реки крови, которая затем превращается в сполохи. А еще они считали, что души их предков живут в камнях – сейдах, под очагом и так далее.

– А как камчадалы покойников хоронили?

– Ты знаешь, очень странным образом. Еще в XVIII веке тела умерших родственников они выкидывали из юрт на съедение собакам. И наивно полагали, что тот, кого псы быстрее съедят, будет в загробном мире ездить на хороших упряжках. Младенцев хоронили без всяких обрядов в дуплах деревьев.

– Своеобразный народ, ничего не скажешь.

Путь долгий, можно обговорить все, что душе угодно. Чтобы развеселить Настю, Сергей рассказывал ей анекдоты, которых знал великое множество, и имел особый талант их преподносить. Над некоторыми она от души смеялась. Ей было легко от сознания нового свидания с Лахэном.

– Слушай, еще один расскажу, – шептал Насте Сергей, наклоняясь над ее ухом.

– На уроке Закона Божьего учитель, рассказывая детям о прощении грехов и милосердии, спросил: «Ну, что мы должны, прежде всего, сделать, чтобы Господь простил нас?» Ученики дружно крикнули: «Согрешить!» Так-то, Анастасия, уяснила?

Сначала согрешить и только затем покаяться, – со смешком произнес Сергей, особо акцентируя на слове «согрешить». Настя легонько ударила его по плечу и, смеясь, сказала:

– Ой, Сережка, и балабол же ты! Как только таких на радио держат!?

– Это еще надо посмотреть, кто за кого держится. Я за них или они за меня. Ты вот все темнишь, а я бы хотел знать: откуда у тебя такой интерес к Камчатке появился? Прямо как с цепи сорвалась. Об ительменах уйму литературы перевернула. Что это тебя от Ледовитого океана к Тихому резко шатнуло? Ты ведь по матери саамка?

– Если я, Серенький, саамка, значит ты – саамец. Терпеть не могу, когда женщин лапландок называют саамками.

– А как же тогда?

– У саамов принято говорить саамь нызан или саамь аххък, смотря к какой женщине по возрасту ты обращаешься. К молодым – саамь нызан, к более старшим – саамь аххък. Или просто сказать – саамская женщина, на худой случай – саами, но только не саамка, запомни раз и навсегда. И вообще, что это ты решил мне в душу влезть? В Центре я с коряками стажировку проходила, с ительменами познакомилась, вот и заинтересовалась этим народом.

– В нагрузку, что ль, взяла?

– Понимай как хочешь, только отвяжись с вопросами.

Сергей, несколько минут помолчав, все же решился высказать свое предположение:

– А мне вот думается, Анастасия, что ты просто-напросто приворожена кем-нибудь из них, вот и не можешь на месте сидеть. Что скажешь, не прав я?

Настя молчала.

– Одно непонятно, – не получив ответа, продолжил Сергей, – почему мне не хочешь довериться, ведь мы с тобой лет двенадцать друг друга знаем. Разве я тебя когда подводил? Ведь не одной тайной делились, почему сейчас боишься сказать? Или, думаешь, Серега Суханов, в которого когда-то молоденькая девочка Настя была влюблена, не поймет ее нынешних чувств? Обижаешь.

– Да нет, Сереж, – серьезно начала говорить Анастасия, – ты знаешь, с какой привязанностью я отношусь к тебе, знаешь, что юношеская влюбленность прошла, зато ее место заняла большая преданность и нежность к другу. А это, поверь, гораздо дороже, нежели быть просто любовниками. Да и разве я тебе мало доверяю, но здесь – другое. Такого состояния я еще никогда не испытывала, даже когда с мужем бывшим женихались. Ты, конечно же, прав, есть один человек – ительмен, ради него и на Камчатку лечу и все про нее знать хочу, но не могу даже предположить, что меня там ждет. Женат он... Сглазить боюсь. Вот и все...

Когда-то давно, еще в студенческие годы, Настя была очень влюблена в Сергея, а он больше был увлечен учебой. Затем через некоторое время заметил в ней перемены, а вскоре и вообще узнал, что она, познакомившись в театре с подающим большие надежды экономистом Одинцовым Леонидом, вышла замуж. Только тогда, когда Настя стала мужней женой, Сергей понял, что потерял. Он даже не мог предположить в себе таких глубоких чувств, которые потрясали его душу, но... ничего не оставалось, как смириться с этим положением. Он встречал всяких женщин на своем пути: веселых красавиц, строгих скромниц, простушек, откровенно

развязных. Многие из них с радостью бы разделили с ним не только постель, но и совместную жизнь, но почему-то всегда едва завязавшиеся знакомства так и не переливались в бурный роман. Когда узнал, что Настя развелась с мужем, приехал с предложением руки и сердца, но... получил отказ: «Для меня ты, Сережа, самый добрый, самый преданный друг, и я не хочу тебя потерять в этом качестве. В замужестве наше восприятие друг друга изменится, поверь, я это уже проходила, потому давай остановимся на дружбе».

Его в ней всегда покоряла искренность и какая-то детская наивность. Он не терпел в женщинах жеманства и фальши, поэтому умение Насти всегда оставаться естественной и правдивой ценил выше всего. Ему казалось, что и кокетничать-то она совсем не умеет. Если ей что-то нравилось, с восторгом выражала свое восхищение, если что-то не принимала, говорила об этом прямо. И все же была убеждена, что людям нужно как можно больше говорить добрых, хороших слов, тогда они и станут лучше и добрее. Просто она любила жизнь и любила жить несмотря ни на что. И то, что она летела сейчас через всю Россию к мужчине, который сумел завоевать ее сердце, тоже говорило о многом. И уже ревностно мысли стали рисовать ему портрет соперника. Что же в нем было такого необыкновенного, что могло сорвать Анастасию с места? Трудно понять женские пристрастия. Он многое бы отдал, чтобы испытать подобные чувства со стороны Насти к себе. Покачав головой и грустно улыбнувшись своим мыслям, произнес:

– Теперь понятно, – немного помолчал и уже увереннее добавил, – это к тому, что помни, я рядом...

– Вот и спасибо. А теперь Расскажи-ка лучше снова один из своих дурацких анекдотов, а то заговорила с тобой... и аж сердце захолонуло, дышать тяжело.

– Хочешь с «бородой»?

– Любой, лишь бы посмешнее.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Говорят, давно это было. Даже солнце и вершины огнедышащих гор уже не припомнят, когда. Прародитель Камчатки – ворон Кутх – с необузданной фантазией, мрачноватым буйством, суровым размахом создал эту страну для жизни. Пролетая над водной гладью, приказал Кутх сыну своему землею стать. А сам на лыжах пошел по этой земле. Там, где проходил, впадины образовывались, ущелья, долины, по краям – горы высокие. А чтоб не замерзло все живое на рожденной им земле, вдохнул Кутх в горы высокие свой горячий дух. А еще невиданной красоты зори выдумал и тундру постелил, сплошь расшитую изумрудом ягельника да бисером из брусники, шикши и ароматной морошки...

В каждой долине Ворон-бог реку положил, а в ручьях, протоках, реках развел рыб кижучей да чавычу, которые, в морях погулявши, в обители своей возвращаются, чтобы потомство после себя оставить и в родных краях умереть. И людей сотворил Кутх, чтоб в согласии с природой жили, охотой да рыбалкой промышляли. Ремеслам разным обучил, веселым нравом наделил, чтоб без грусти и печали жизнь подольше сохраняли.

И только убедившись, что на созданной им земле сможет жить крепкий духом, согретый юмором народ, Ворон окутал эту страну дымкой таинственности и вернулся на небо, о себе оставив лишь сказки да воспоминания⁵².

* * *

С гастролей из Франции Лахэн приехал в Каврал совсем другим человеком. Каррита это почувствовала. Мудрая, она поняла: с ее Лахэном что-то происходит.

Ночью он привычным прикосновением положил на ее живот чуть грубоватую, но родную руку. Она вся натянулась, как стрела, готовая сорваться с тетивы, и после близости с мужем долго лежала молча, затем сказала:

– Ты был с другой?

– Отчего это тебе мысли такие в голову пришли? – удивился и насторожился Лахэн.

Выдержав долгую, невозможно долгую для них обоих паузу, Каррита произнесла:

– Ты чужой.

– Не придумывай ерунды, – проворчал он и отвернулся к стене. Никогда бы Лахэн не обидел Карриту своим признанием. Да и та любовь, которая зародилась в сердце, – его любовь и его боль. Он знал, что как бы ни любил Настю, Карриту никогда не бросит. Обострять отношения ни к чему. И вновь тишину ночи разорвал ее надтреснутый шепот:

– Я знаю, Лахэн, ты был с другой. Это так, что бы ты ни говорил, а потому, я думаю, тебе лучше завтра уйти.

– Ты что, прогоняешь меня?

– Да, – жестко ответила Каррита.

– Если так, то зачем ждать завтра?

И, больше ни слова не говоря, он встал, собрался и ушел.

В тундре никто не мешал обдумать то, что с ним произошло. Разлука с Настей сковала сердце мужчины. Наверное, Каррита почувствовала это. Он помнил все до мельчайших подробностей... Помнил, как, прощаясь с Настей в гостиничном номере, ими не было произнесено ни слова, все, что нужно сказать, говорили глаза... Он склонился к ее рукам и стал нежно целовать их, затем почувствовал на своей шее скатившуюся с ее щеки слезу. Увидел, как она сдерживала себя, чтобы не разрыдаться. Ее всегда свободная, открытая улыбка теперь выражала столько смешанных чувств, что Лахэн боялся ошибиться, чего здесь больше: любви, боли или грусти расставания и горечи предстоящего одиночества.

Он думал, что все эти годы жил любовью к Каррите. Оказалось, любовь ворвалась в его жизнь неожиданно-негаданно в образе совсем другой женщины, с другого конца земли, принесла с собой безумную радость и глгую тоску. Наверное, их встреча не была случайностью. Ведь люди всегда находят друг друга, когда их семьи распадаются или из семьи уходит взаимопонимание и любовь. Когда же дом для Лахэна перестал быть крепостью, согревать душу, наполнять радостью сердце? После встречи с Настей или гораздо раньше? Он не мог ответить на этот вопрос.

52 Ительменская сказка.

Но если бы не почувствовал в Насте родственную душу, не впустил бы ее в свое сердце, которое стало биться с надеждой на что-то новое, доселе неведомое ему. Единственное знал наверняка: никогда не посмеет оскорбить своим уходом жену.

Каррита металась, словно в лихорадке. Она понимала: мужчины редко слышат печаль и боль женской души, особенно если разлюбили. А разве не вопила, не вопрошала ее душа о помощи? Но Лахэн остался глух к этому крику. Он принадлежал ей уже несколько лет, и вот на тебе, нашел замену. Сколько душевных сил потратила она на то, чтобы из неопытного в жизни и любви мальчишки сделать настоящего мужчину, согревала его постель зимними холодными ночами, ходила, словно за новорожденным, привезя из больницы, кормила с ложечки... Не мать, а она, Каррита, поставила парня на ноги. И он стал принадлежать ей. Разве не помнила, каким беспомощным и беззащитным оказался он тогда? Раздела догола, намывала в бане, парила в настоях трав. Для нее Лахэн был дороже всех родных, дороже детей. Она молилась богам, всем, каких знала или о каких слышала, только чтобы они вернули ей его здоровым и крепким, чтобы вновь вдохнули в него интерес к жизни и любви.

Каким-то звериным чутьем женщина поняла: Лахэн – ее ребенок, ее мужчина, ее любимый – уходит. И нет силы удержать. Смотрела в окно на тающую ущербную луну и еле сдерживала себя, чтобы не завывать, как собака, не заскулить от тоски и обиды, которые, будто клещи, сжимали грудь. Нутром чувствовала, как нависла над ней черной тучей беда. Искала выхода и не находила. Душа корчилась, корежилась, снедаемая ревностью, вопила страшным душераздирающим криком в мертвенном молчании. Для тех, кто не спит, ночь – самое лучшее время подумать. Каррита понимала: если Лахэн решил уйти, винить в этом нужно только себя. Но понимать – еще не значит смириться.

Как трудно бывает женщине разобраться в своих чувствах, осмыслить свои поступки. Когда любви ничего не угрожает, считается, что так и должно быть, но когда над любовью нависает тень угрозы...

И все же вместо того, чтобы удержать любимого, боль и отчаяние отталкивают его. Может, в их отношениях еще что-то и будет, но все будет по-другому. Разве Каррита не держала свое счастье в руках крепко и властно? Тогда что за превращение произошло с Лахэном, как он смог выскользнуть из-под ее опеки? Птичкой выпорхнул и улетел к другой. А как считать, если его душа не с ней, если его мысли уносятся к той, что встала между ними, в новый, неведомый ей мир? И в тот же миг ее собственный мир стал чужим, гнетущим, давящим, как могильная плита. И она впервые остро почувствовала свою незащищенность в этом мире. Заламывала руки, металась по дому в надежде найти хоть какой-то уголок. Куда забиться, спрятаться от жгучей тоски и обиды на Лахэна, на себя, на весь мир? Как болела ее душа... Каким-то подспудным чувством понимала: нельзя быть рабой своего страха, иначе он высосет из тебя все человеческое, заполняя пустоты отравляющей душу ревностью. Нельзя пить змеиное зелье каплю за каплей и надеяться, что оно не всосется в кровь убийственным разрушителем. Нельзя низвергать свой рассудок в пучину ревности и уповать на душевное спокойствие. Понимала, но... Уход Лахэна вырвал из нее часть души. Ничто не радовало Карриту в этот месяц. Жизнь словно остановилась. Но почему, как только он появился, зашел домой, не кинулась на

шею, прощая и любя, а бросила в лицо, что забирает старшую дочь и уходит в дальнее село к родственникам? За двести километров! Вот тут-то, в это сложное время, она и поняла, что беременна. Срок небольшой, но сам факт того, что наконец-то родит ему долгожданного ребенка, обрадовал. То, что раньше расстроило бы, сейчас давало надежду.

У каждого человека своя судьба, свой крест. Еще в утробе матери звезды намечают его путь – долгий или короткий, светлые и темные полосы. И если ты рожден в «сорочке», то светлые полосы будут шире темных. Если с рождения тебя преследует рок, то жизнь станет борьбой за выживание, за любовь, за удачу.

Каррите не повезло уже при рождении. После восьми часов мучений родовой процесс ее матери неожиданно прекратился. Требовалось срочное операционное вмешательство, но хирурга поблизости не было, и, намучившись не меньше роженницы, акушерка, наконец, извлекла из чрева бедной женщины синюшную, почти бездыханную девочку. Кто ответит: почему рождение человека чаще всего так мучительно и долго? Однако черная полоса тоже имеет свой конец. И для Карриты наступило веселое детство у моря. Счастье продолжалось целых десять лет, но затем умер отец, а мать, страдавшая грудной жабой, промучилась три года и тоже ушла в мир иной. Карриту с младшей сестрой отправили в интернат, откуда она, по исполнении пятнадцати лет, сбежала, так и не получив среднего образования. Устроившись мыть полы в Усть-Камске в буфете вокзала, не выдержала постоянных приставаний подвыпивших мужиков и вернулась в Каврал, в старый родительский дом.

Здесь познакомилась с парнем, приехавшим с материка на Камчатку за «длинным рублем». Молодая Каррита по доверчивости впустила его к себе, а через девять месяцев родила дочурку. Жить нерасписанными не хотелось, и она упростила сожителя узаконить их отношения. Куражась и чертыхаясь, тот уступил, но, как только на работе закончился срок контракта, бросил жену с ребенком и сбежал. Каррита понимала: в жизни не бывает все всегда хорошо, иначе ощущение счастья пропадет. И ждала, когда вновь придет для нее благоприятное время.

Встреча с Лахэном была наградой за все мученья, слезы, одинокие вечера, и она решила: теперь он будет беспредельно принадлежать только ей. Девять лет, не считая его службы в армии, так и было, на десятом семейное счастье стало рушиться. Поначалу Каррита обвинила во всем Лахэна, но вскоре пришло прозрение, а не виновата ли сама? Чего уж хитрить перед собой? Разве не она овладела им, совсем юным мальчишкой, привязала к себе, когда его сверстники женихались с молоденькими девчонками?

Но и этого было мало. Навесив на парня заботу о чужих детях, постоянно отказывала ему в своем.

«Я удержу его сыном, – подумала обрадованно Каррита. – Он всегда мечтал о сыне, и я его рожу. Куда он от сына? Я сумею вернуть Лахэна, иначе мне не жить».

Забываясь о младших ребятишках, а откуда они появились? Только что говорилось о ее одном ребенке Лахэн не переставал думать о Насте и переживать за Карриту. Порой его жизнь с ней была совсем несладкой. Чтобы кормить семью, пристраивался сразу на несколько работ. Сам недоедал, но каждый заработанный рубль нес в дом. Что для мужчины на завтрак пустой чай с тонким ломтиком черного хлеба, на

обед – три картошки и тот же ломтик хлеба, ужин – как завтрак? Он ущемлял себя ради детей, помнил, как самому в детстве постоянно хотелось есть, организм рос и требовал калорий. Когда-то Лахэна кормило все село, теперь пришла его очередь позаботиться о других. Видел, что у Карриты складывались трудные отношения с его матерью, да и сельчане ее не жаловали. И тогда его чувство ответственности еще более обострялось по отношению к ней и ее детям.

Каррите же нужен был только он один. Не нравилось ей, что он днями и ночами пропадает на работе. Она была согласна голодать, но лишь бы быть все время рядом с ним. От этого в доме случались скандалы. Еще бы, ведь она хотела любви и ласки, а он приходил такой усталый и голодный, что хотел одного – добраться до постели и уснуть. Лахэн до сих пор помнил те свои ощущения, когда, недоедая, разрывался между работами, но постоянно натывался на недовольство жены. Ему было до бесконечности жаль ее, но ничего не мог поделать с тем, что душа, мысли, сердце стремились к Насте. Неожиданное знакомство с ней в Москве обожгло, испепелило...

От переживаний похудел, осунулся: глаза впали и стали еще больше, бездоннее. Наконец, из деревни вернулась Каррита и сообщила, казалось бы, самую радостную весть, которую он когда-либо хотел услышать: «Я жду ребенка». Но эта новость задержалась ровно на девять лет. И все равно он был доволен. Что случится потом – неважно, главное – у него появится сын.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Народу на Алхалалалай в Каврал наехало со всех концов света: свои, камчатские, гости с материка и даже иностранцы. Небольшая группа японских туристов, два немца, американка, корреспонденты журналов, фотокорреспонденты. Расселением гостей занимались все участники ансамбля. Селили к кому только могли, ведь о гостинице местная администрация до сих пор не удосужилась подумать. А может то, что приезжие останавливались у жителей, тоже неплохо? Люди ближе сходились друг с другом и на празднике встречались почти родственниками.

Сузваю с Кэниллеей достались два немца и киносценаристка. Он привел гостей домой, представил матери:

– Это, мама, гости из Германии: Эдвард и Ганс. По-русски знают всего несколько фраз, как мне перевели. Фразы специально заучивали для этой поездки.

– А вы, я думаю, нам сами представитесь, – с улыбкой обратился Сузвай к киносценаристке.

– Конечно. Надеюсь, у меня в запасе хватит русских слов, чтобы со всеми общаться свободно. Катерина Лазарева – в основном работаю над созданием киносценариев для документального кино. Ищу новые сюжеты, имена, народы...

Она была среднего роста, чем-то похожа на артистку Гундареву, такая же полноватая и приятная. Особенно когда улыбалась. Причем возникало ощущение, что с первых минут общения она казалась своей, давно знакомой. С ее появлением в доме Сузвая сразу стало как-то уютно и тепло. Отметив это за москвичкой, он представил гостям свою мать:

– Моя мама, Кэнилля. Имена ительменские для русского слуха поначалу трудно

воспринимаются, но, я думаю, за неделю праздника выучите. Если забудете – не стесняйтесь, спрашивайте.

– Ты, сын, гостей с дороги байками не корми, стол накрыт, приглашай.

За столом Сузвай выяснил, что Катерина знает немецкий и может вполне сносно говорить на нем. Немцы приехали специально посмотреть древний праздник и пригласить ансамбль «Эльвель» в Германию. Катерина рассказала, что вот уже три года собирает материалы об ительменах, их празднике Благодарение природе, хочет написать сценарий для будущего фильма. Будет снимать Алхалалалай, записывать обычаи, чтобы по возвращении в Москву заинтересовать кинорежиссеров и спонсоров.

– Как видите, приехала, чтобы вас всех увидеть живьем, потрогать руками.

Когда Сузвай что-то рассказывал о Камчатке и их празднике, заворуженно смотрела на него. Уезжая из Москвы, она выслушала предупреждения коллег-девушек: «Бойся, Катька. Ительмены, что индейцы, – заколдуют. Влюбишься в кого и голову на этой Камчатке потеряешь». Катерина только смеялась в ответ: «Я, девочки, очарованная уже три года хожу. Обещаю: кого первого увижу, в того и влюблюсь».

И в самом деле, в культуре ительменов было много общего с индейцами Аляски – тлинкитовыми. Кто знает, может, тысячи лет назад какая-то часть ительменского народа перебралась через Берингов пролив и смешалась с коренным народом, населявшим противоположную Камчатке часть суши, образовав новое индейское племя.

Первым оказался Сузвай. Черноволосый, глаза чуть с прищуром, зоркие, как у сокола, а улыбнется – и от улыбки мягкие лучики вокруг глаз, словно солнце в твою душу заглядывает. Парню чуть за тридцать, а волосы уже с проседью. Увидела его Катерина и глаз не могла отвести. В его образе перед ней сразу вся Камчатка сошлась, о которой она столько мечтала. Причем образ Сузвая для нее оказался гораздо больше, чем просто образ мужчины. И когда она услышала, что немцев определяют к нему, организаторам праздника сказала, что знает немецкий язык и может помочь хозяевам с переводом. Ее тут же послали вслед уходящим уже Сузваю и гостям.

Услышав слова москвички о фильме, Сузвай с интересом спросил:

– А Крашенинникова читали?

– Конечно. И Крашенинникова, и Стеллера, и Арсеньева – все, что смогла в Москве про Камчатку найти, все прочла. Теперь за живым материалом приехала. Хочу, наконец, увидеть вживую выступление вашего ансамбля. Думаю, видеокассета, показанная мне с вашего выступления в Архангельске, не может передать то настроение артистов, которое они испытывают во время живого выступления.

– Вот мне удивительно: почему вы, москвичка, вдруг заинтересовались нашей культурой, Камчаткой?

– А почему нет? Москву, что ли, изучать, которая вдоль и поперек изучена? Здесь все настоящее: любят так любят, пьют так пьют, праздники отмечают – так уж с размахом. В Москве слишком много показухи, различных условностей, неискренности. В мире больших денег не может быть настоящих понятий, там все надуманно и лживо. И пока в столице нашей распрекрасной властвует политика, деньги, коррупция,

настоящего не найдешь. Я ведь сама не москвичка, из Каргополя Архангельской области. Потому и темы беру для своих исследований в документальной кинематографии о жизни и проблемах коренных народов Севера. Где только ни была! На Диксоне, в Тикси, в Якутске – и все же больше меня интересовала Камчатка. Не помню уже, у кого я вычитала, что ительмены – это реликтовая народность, которую необходимо изучать, записывать, чтобы как можно больше оставить потомкам.

– Если вам так Москва не нравится, почему живете в ней?

– Разве я сказала, что не нравится? – решила уточнить Катерина. – Мне не нравится, что происходит там. Так получилось в жизни, что родители мои развелись, отец уехал в Москву. Сначала жил там у своей матери, затем получил квартиру. После школы я поехала учиться туда. Окончила ГИТИС, какое-то время работала на Мосфильме, жила с бабушкой. Она умерла, квартира осталась за мной. Так я стала москвичкой. Да и за столько лет привыкла к городу, но в Каргополь к маме каждый год езжу, вот и этим летом была.

– Думаю, интересно путешествовать. Вы так восторженно обо всем рассказываете, что и самому захотелось везде побывать.

– Мне нравится. Путешествия не дают душе очерстветь. Сколько приходится видеть людского горя, особенно у нас, в России! И многие русские, и малочисленные народы – все одинаково бедно живут. Даже не живут, выживают. День прошел, живы – и слава Богу! Да что мне вам-то рассказывать.

Немцы, внимательно слушавшие Катерину, попросили перевести то, что она сказала. Катерина засмеялась и в двух словах перевела им смысл сказанного.

– Что-то вы мало сказали по-ихнему, – заметила мать Сузвая. – Не поняли ничего, подись?

– А зачем им мою жизнь знать? Я сказала, что Россия велика, но сейчас у нее много проблем.

– Столько ездишь, а как же муж к этому относится? Или не замужем еще? – опять спросила Кэнилля.

– Как-то все некогда было замуж выйти. Да и правы вы, какому мужу понравятся постоянные разъезды жены, вот и живу одна, – сказала Катерина, и чтобы отвести разговор от себя, спросила:

– Лучше скажите, это правда, что в Каврале есть этнографический музей?

– Да, недавно открыли. Хотите посмотреть?

– Сузвай, а что это мы с вами все на «вы» да на «вы», не пора ли на «ты» перейти? Я тут перед отъездом читала книгу Сергея Алексеева «Сокровища Валькирии», так вот, он пишет, что «вы» у древних ариев означает тьму, потому никто никогда к Богу на «Вы» и не обращается. Мы, конечно, не боги, но и «тьмой» величать друг друга лично мне как-то не хочется. Согласен?

– Если «вы» – это «тьма», то уж точно лучше перейти на «ты».

– Вот и замечательно. Может, тогда покажешь мне Каврал?

– А как же немцы? Они тоже гости, их бросать нельзя.

– Так мы с собой возьмем. А я у тебя бесплатным переводчиком поработаю. Согласен?

– Еще бы. У меня прямо гора с плеч. Думал идти к учительнице немецкого языка просить ее с переводом помочь.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Осень на Камчатке замечательная. Такая же, как обычно на Мурмане. Смотришь на солнечные пятна деревьев и понимаешь, что это последний подарок лета перед суровой зимой. Опьяняющее сочетание звенящих ярких красок листвы и душевного покоя. В центре России такую красоту не увидишь, она во всем своем многозвучии открывается только в северных широтах. Золотая, плещущая, томная, а еще ее зовут компотной, грибной. Да и не мудрено. Природа долгих три месяца носила в себе соцветия лета и, наконец, выплескивала все краски, чтобы люди могли насытиться и вобрать их в себя на долгую морозную зиму. А кто может сказать: почему солнце палит летом, а огнем вспыхивают листья только осенью? Куда ни глянь вдаль, кажется, это вовсе не деревья стоят, обряженные в солнечные краски, а раскинулись морошковые поля. Любила Анастасия лес в осеннюю пору, любила за грибами ходить. Найдет белый с бурой толстой шляпкой – и на видное место в корзину, чтобы глаз радовал. Собирала нежные розовато-оранжевые волнушки с утренней росой на шляпках. Или красноловики, вросшие в землю со шляпкой пупыриком, а бывало, большущий попадется, да толку что. Хоть его шляпа в огромный блин, а рыхлая, словно болотный мох, червем поедена. А как-то тетка ей тайну лесную открыла: «Если в первый раз за грибами или ягодой в лес идешь, монету с собой возьми. Услышишь кукушку – желание загадай. Монету бросишь – желание сбудется». Осень! Осень! Осень! Рябиновые дожди! Паутинные сети, словно сотканые тончайшими, прозрачными нитями тюля, с закатным осенним солнышком в каждом гнезде! И листопадом в эту пору усыпан весь земной ковер.

Когда Настя с Сергеем прилетели в Каврал, Перий предложил ей поселиться у своих хороших знакомых Жирковых, так как сам жил с восьмидесятилетней матерью да взял к себе четырех старых друзей из Петропавловска-Камчатского. Сергея устроил у родни.

– А где Лариса Судаченкова, она разве не будет на празднике? – спросила Перия Настя.

– Приедет еще, она ведь в Палане учится.

– Да, я знаю. Хотелось бы вновь увидеться. Вот для нее мой приезд точно сюрпризом окажется.

Начик и Люба Жирковы в первый же день пригласили гостей в тундру на шашлыки. Компания уже выходила из поселка, когда Настя заметила идущего по направлению к ним Лахэна. И уже ничего не имело значения кроме него, возвращенного по молитве ее и встреченного на этой дороге. Перехватило дыхание. Как долго длилась разлука! Долго? Нет! Прошла целая вечность. Мысли ее вихрем завертелись в голове. Надышаться, насмотреться, налюбоваться – вот единственное желание, которое привело ее на край света.

Настю Лахэн узнал издалека. Он не был уверен точно, приедет ли она на Алхалалай, скорее думал, что нет, и вдруг... Это было подобно чуду. Настя со своей огненной копной, словно с солнцем вместо волос, шла в компании Жирковых и неизвестного Лахэну мужчины. Его сердце готово было вырваться навстречу раньше, чем приблизился сам.

Три долгих месяца разделяли их. И только теперь Настя поняла, что все это время она как бы и не жила, потому что его не было рядом, потому что Лахэн унес часть ее души сюда, на другой конец земли. Им было переполнено сердце. И только одного его она любила.

– Ребята, вы идите, я догоню, – сказала взволнованно.

А глаза уже были устремлены на него. И враз все вокруг преобразилось, словно в сказке: какие-то ветхие хозяйственные постройки, разбитая машинами и тракторами дорога, неказистые растения, обрамляющие ее, – все сейчас превратилось в прекраснейший ландшафт. Казалось, куда там самым престижным курортам мира до этого благословенного края! Счастье ее от встречи с Лахэном готово было выплеснуться ему навстречу:

– Здравствуй!

– Здравствуй, Настя! – радостно выдохнул приветствие Лахэн.

И хоть на улице было светло, Лахэну показалось, что он увидел изумрудные звезды, которые излучали на него такой яркий свет, что ему стало жарко. И сразу отошли в сторону ссоры с Карритой, чувство раздвоенности. Глаза Насти излучали такой поток любви, что им нельзя было не заразиться. Они стояли посреди улицы. Взяв ее руку в свою, Лахэн почувствовал, как по телу пробежала дрожь. Его большая крепкая рука сжимала маленькую дрожащую ладонь Насти. И Насте показалось, что не ладони их сейчас соприкасаются, а она стоит, тесно прижавшись к нему. И на его вопрос: «Когда приехала?», невольно сдерживая эмоции, прошептала:

– Вчера вечером.

Эта неожиданная встреча была словно испытание. Ей хотелось броситься ему на шею и на весь Каврал закричать от радости, но понимала: делать этого нельзя. Ведь даже у пустынной улицы могут быть глаза и уши. Она-то уедет, а ему оставаться жить. Здесь у него жена. Догадывалась: подобное испытывал и Лахэн.

Ее близость возбуждала. И преодолевая предательское волнение, он чуть хриплым голосом спросил, где она остановилась.

– У Жирковых. Такие приятные люди. Вот нас с Сергеем, это мой московский друг еще по институту, на шашлыки пригласили. А ты откуда идешь?

Ее простые слова сняли, наконец, с Лахэна нахлынувшее напряжение, и он уже спокойно сказал, что ходил в балок кормить собак.

– Так, может, с нами? – предложила Настя, и голос у нее дрогнул от волнения.

– Сейчас не могу. Встретимся на открытии праздника. Хорошо?

– Конечно. Ведь для этого я и приехала, – улыбаясь, сказала она.

– Тогда до встречи.

И только тут заметила, что ее ладонь все еще находится в его руке, как когда-то в аэропорту. Он тоже это заметил, улыбнулся и разжал пальцы. С бьющимися сердцами они направились каждый в свою сторону. То, что приходилось ждать встречи, только обостряло чувства.

Когда Сергей увидел приближающегося ительмена и то, как при этом изменилась в лице Анастасия, понял: это был тот, ради которого она преодолела половину земного шара. И хотя времени было немного, он сумел довольно внимательно рассмотреть и оценить Лахэна. Молодой мужчина был среднего роста, чуть выше

Анастасии, с длинными, перехваченными сзади черными волосами, большими раскосыми глазами, довольно мускулистый и широкий в плечах, что не скрыла от взгляда Сергея его довольно свободная куртка. Он видел, как глаза ительмена неотрывно глядели на Анастасию. Но чего-то необычного в нем он не заметил. И возблагодарил Бога, ведь свою любовь к Анастасии он воспринимал как ангела-хранителя, оберегающего его душу от безумной ревности и непростительных поступков. И хоть гордость его была ущемлена, он не показывал виду, а просто ждал и надеялся, что это ее влечение к ительмену временно, а дружба с ним – вещь постоянная и на качество много раз проверенная.

И чего уж кривить душой, Сергей не переставал надеяться, что наступит время и когда-нибудь Анастасия станет его женой. Сойдет пелена с глаз, и она увидит, кто по-настоящему давно и преданно он любит ее. Ведь этот ительмен женат и после праздника их вновь разделит целый материк.

Настя пила осень Каврала и не могла напиться. Вдыхала волшебный чистый воздух и не могла насытиться. Пригревало солнце, среди зелени кустов мелькала серебристой голубизной река. Мужчины занимались шашлыками. Чтобы заглушить свои мысли о Лахэне, она стала собирать цветы.

Люба Жиркова с интересом наблюдала за мурманчанкой. Сначала немного стеснялась, но за несколько вечерних часов общения приняла как свою.

Перед сном Настя сделала вывод: саамы и ительмены чем-то очень похожи. И те, и другие живут на полуострове, вблизи океанов, и переживают одни и те же беды. Причем у саамов тоже был древний тайный праздник Имение оленей, который открывался священным танцем. Может быть, незримая нить танцевальных культур и связывает эти народы? А может, это лишь плод Настиной фантазии? Только искренняя увлеченность познанием культур чужого этноса привлекла Любу к Насте.

– Как ты думаешь, солнце осенью идет под венец? – прервала ход мыслей Любы Настя, отводя лицо от букета цветов, аромат которых кружил голову.

– Скорее, это сама осень сшила себе самый богатый наряд, чтобы сыграть золотую свадьбу.

– Здорово! Мой черед: охра брызнула соком на зелень лесную, в осень ее превратив! Теперь опять ты, Любаша.

– Осень – мокрая курица, она стоит, нахохлившись под дождем.

– Нет, осень на пиру богов съела лимон, потому у нее и желтеют листья.

– Эй, вы, осенние птички, стол накрыт. А какой шашлык вас ждет, ай-ай-ай, пальчики оближешь! – мнимым кавказским акцентом сказал, подходя к ним, Начик. – Сергей магнитофон настраивает – с музыкой будем отдыхать.

Люба, заражаясь веселым настроением Насти, крикнула:

– И колокол ударил в слове – осень! Начик, теперь ты, – вдруг решила она передать эстафету мужу.

– У меня что, других забот нет, как в детские игры играть? Вон Сергей вовсю руками машет. Лучше поспорим – я вас обгоню, – сказал и сорвался с места.

Женщины решили ему подыграть.

Мягкость кавральского осеннего дня сумела заглушить смятение Настиной души, и она с удовольствием принялась за предложенный Сергеем сочный шашлык.

Ей все было интересно, особенно ее новые друзья. Так она узнала, что Любаша Жиркова появилась в Каврале по распределению педучилища – преподавала в младших классах. Русская, хоть и настоящая коренная жительница Камчатки. Здесь замуж вышла за Жиркова Начика. Вот он у нее по материнской линии ительмен, помогал в работе президенту Совета возрождения ительменов Кончат Павлуцкому. Только одна беда – детей у них не было. Врачи сказали, что надо ехать лечиться в Саки в Крым, а откуда такие деньги взять, чтоб до тех Саки добраться? Но Люба не унывала, она верила: у них с Начиком обязательно будут дети, и говорила об этом Насте:

– Ох, и дел у меня, Настенька, накопилось: капусту засолить, шторы погладить, девочку родить. И как все успеть?

Настя слушала новую знакомую и улыбалась. Ей искренне хотелось, чтобы Люба между засолкой капусты и гладкой штор родила бы Начику девочку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Как ни готовилось село к празднику, как ни украшалось, как благотворительно ни влиял на людей чистый воздух Камчатки, успели Настя с Сергеем заметить и всю убогость Каврала, где не было богатых построек, а все больше стояли дома жителей среднего достатка или совсем бедняков – обветшалые от старости, крытые рубероидом, который в некоторых местах обносился и сиротливо трепетался на ветру. Ительменов Каврал насчитывал около трехсот человек. Глядя на нищенское состояние села, Анастасии вспомнилось стихотворение мурманского поэта Николая Колычева:

Как подранки – в гремучих российских
пространствах
вдоль торговых дорог полумертвые села.
Упади – не помогут. Убей – не узнают,
Напади, укради, покажи себя в деле...
Проходи – и собаки тебя не облают,
С голодухи собак здесь давно уже съели...

Конец XX века, а такая везде убогость, такая нищета, такая безнадега...

Зашли с Сергеем в магазин, а там и купить нечего, и подумалось: как же здесь люди живут, что едят? Жирковы пожаловались и на то, что несколько лет назад сгорел их клуб, и никому не пришло в голову построить другой.

– А где «Эльвель» репетирует? – поразила Настя.

– Чаще всего в спортивном зале школы, а бывает – где придется.

– Но как же так, ансамбль такого уровня и репетирует в спортзале? Куда же администрация Каврала смотрит? Да ведь именно этот коллектив и поднимает планку вашего села до международного. Ансамбль с такой богатой историей! Да он должен сохранять свои традиции, показывать, рассказывать о себе гостям. Боже! Когда наши правители научатся думать о людях, а не только о набивании своей собственной мошны?!

– В Каврале, Настя, очень тяжело жить: работы нет, люди перебиваются, как могут. Алхалалалай для нас только одна отдушина и есть. Людей видят, себя показывают. Ведь многие ительмены дальше Паланы не ездили – денег нет. Им даже страшно подумать о тех тысячах, которые нужно потратить на билеты, потому и сидят все на Камчатке безвылетно. Ты спроси людей, что для них Алхалалалай, и тебе, прежде всего, скажут, что это новые знакомства, встречи, объединение, возможность выразить себя. Гости нам мир привозят, который хочется не только по телевизору наблюдать, но еще и в реальности ощутить, потрогать. Так что ты, Настя, не просто женщина, мурманчанка, ты гораздо больше – ты весь Кольский полуостров с вашими саамами, русскими и кто у вас еще там проживает... Так что ждем, ждем твоих рассказов о Заполярье.

Поделился своей историей и Начик. Совсем недавно к ним в село омоновцы пожаловали и сети отобрали у стариков-пенсионеров, а настоящие браконьеры как делали свое «икряное дело», так продолжают делать. Один из дедов, что рыбой жил и последних сетей лишился, доведенный нуждой до отчаяния, не выдержал, свел счеты с жизнью. Несколько лет ительмены предоставлены сами себе. Мужское население в основном промышляет рыбалкой и охотой. Чего-чего, а ловить рыбу они умеют. Иногда рыбы столько идет, что сети рвутся, вытащить нельзя. А что делать, если из прежних ста сорока кавральских ительменов сегодня менее десяти работают в бывшем совхозе! Законно или незаконно – рыбу ловят все, днем и ночью, иначе – не выжить, и едят ее круглый год. Да и можно ли людей называть браконьерами, если у них больше нет других источников существования, когда рыба – основной продукт питания?

– Раньше Каврал-река у нас богатой на рыбу была, а теперь рыбные запасы ее истощаются. А все потому, что раньше она одно село кормила. Когда же пришла политика «неперспективных» сел и небольшие деревни уничтожили, люди съехались в Каврал. Лов рыбы резко увеличился, – продолжал рассказывать Начик.

– Гуляли по селу, заметили – сцена новая стоит. Вы ее что, каждый год на праздник, как и идолов, строите? – спросил, любопытствуя, Сергей.

– Что, нашей администрации денег некуда девать? Как бы не так! Зимой люди по дощечке на растопку разбирают. Слава Богу, хоть деревянных хантаев не трогают: боятся или святость чтут. А к чему еще придем? – сокрушался Начик, рассказывая.

И все же более всего Настю поразили согбенные спины ребятишек, подвыпивших стариков, уныло распевавших мотивы каких-то очень старинных ительменских песен, светлых и печальных, о любви, разочарованиях и надеждах.

– Когда-то многие наши кавральцы жили – дом полная чаша, а в пору перестроечной безработицы стали спиваться иногда до омерзения, до потери человеческого облика. Все добро, что накапливалось многие годы, прахом пошло. Голодают. Одна еда: утром – чай, вечером – чай, а через несколько месяцев привозят в больницу с диагнозом «истощение». Дети голодают. Ты зайди, зайди в некоторые дома, посмотри, как люди сейчас живут, ахнешь, – говорила в сердцах Насте Люба. – Это наша боль. Получку жены у мужей не успевают отбирать: вмиг на водку спускают.

Тут как-то надо было мне зайти к одним, ученика проведать. В комнате грязища, вещи все свалены, не разобрать, где что. Мать ученика рукой со стола все на

пол смела, налила мне чай и давай расписывать их плохую жизнь. Я, боясь обидеть хозяйку, пригубила, а самой так муторно сделалось, честное слово, чуть не вырвало, еле сдержалась, даже забыла, что о ее сыне хотела сказать. Бросила несколько фраз – и быстрее на свежий воздух.

– Беда пьянства, Любаша, не только у вас, и наши саамы пьют, да вся Россия сейчас пьет, о чем говорить. Вот я как-то была на проповеди в церкви и услышала: «Кто-то вам может сказать: «Смотрите, как ужасен наш мир, какая нынче жизнь пошла – все пьют, все воруют». И такому человеку вам надо ответить следующее: если мы все пьем и ворует, тогда хоть ты не пей и не воруй. На тебя вся надежда и остается». Если бы только слова еще воздействовали на наших людей.

– А почему спиваются? И прежде всего мужики? Да чтобы стыд глаза не ел. Не инвалиды, не старцы, согбенные временем и болезнями, работали бы да работали, а им везде от ворот поворот. Веру у мужиков отняли, что они способны семьи содержать, детей поднимать. У нас в Каврале пусть худую копейку, но в основном в дом жены несут. Сама видела, какие у нас в Каврале организации представлены: школа, детсад, полузакрывшаяся бодьница, интернат... Понятно, что места для работы в основном все женские, или уж точно не для мужчин-иладельменов. А мужики заливают глаза. Пьяным и море по колено. Поэтому для нас Алхалалалай по-настоящему большой праздник. Будни будут потом. Совсем для немногих – трудовые, для остальных – безработные.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Возвращаясь после пикника, Настя с Сергеем решили пройти по селу. До их слуха донеслась красивая ительменская песня. Она и привела их к небольшому подворью. Расположившись со своим рукоделием, на дворе сидели несколько женщин и задумчиво пели. Тут же, возле них, играя со щенками, крутились ребятишки.

Сергей и Настя остановились послушать. Настя пыталась вспомнить, у кого из исследователей Камчатки прочла о пении ительменов, но так и не смогла. А говорилось там о том, что в пении они большие мастера, нет в их напевности дикости; поют и сочиняют в основном девки и бабы с голосами чистыми и весьма приятными. Этот народ имеет великую склонность к музыке. Они превосходные импровизаторы. Часами могут подражать чужому человеку или голосам птиц, животных. Когда песня закончилась, старая ительменка пригласила их присесть. Ребятишки сбегали в дом, вынесли табуреты.

– Негоже гостям, подись, заборы подпирать. Проходите, места всем хватит.

Слушая пение кавралок, Настя думала о Камчатке. Это место как другая планета! На многие километры здесь можно не встретить жилья, оставаясь один на один с природой. И тут терялся счет времени и расстояния.

Когда-то Настя читала своим мальчишкам книгу о Тарзане, в которой все было подчинено одному закону – джунглей. Закону выживания! Этот закон вполне можно было отнести и к Камчатке. Именно в силу интуитивного осмысления законов выживания строили свою жизнь коренные народы полуострова – коряки, ительмены, алеуты.

Пели ительменки душевно, мелодично, эмоционально. И слышалось в их пении то курлыканье и трели птиц, то шум бурной реки. Поражала и особая манера исполнения. Песню многие поют, как бы выдыхая, в этот момент лица сильно напрягаются, и певцы начинают помогать себе рукой.

Желание петь, как и желание танцевать – естественная потребность, как пить, дышать... Песня, как и танец, соединяла людей невидимыми нитями.

Именно в песнях и танцах высвечивалась оригинальность ительменского характера, отношение к жизни, к любви...

«Вот и саамы так же поют», – подумала Настя и поймала себя на мысли, что постоянно непроизвольно сравнивает два народа. Почему это происходит? Может, через восприятие Камчатки она хочет понять Лахэна, свой собственный народ, который до этого знала мало? И даже в библиотеке, когда рассказывала ребятам о саамах, не было в ее словах жизни, не пульсировала кровь. Только теперь, слушая ительменок, в памяти Насти ожили и песни ее предков, песни бабушки. Гортанные звуки при исполнении песен монотонно перекачивались, словно камешки в воде, мягкие, неуловимо красивые и очень грустные, точно в тон северной природе, молчанию окружающего безлюдья, неподвижному простору.

В древнее время саамы пели про все, что видели: про девок и мужиков, про оленей-братьев, про тоску жениха по невесте, жены по мужу, про охоту и рыбную ловлю, про чужь, что нападала на саамские погосты и грабила жителей. Парни сравнивали своих девушек с веселыми чайками, юркой кумжей, важенками и даже с деревьями и цветами милой их сердцу тундры. Скорее всего, в силу жизненных обстоятельств, так как саамы длительное время бывали в одиночестве, испытывая недостаток в общении с людьми, они и начинали петь, разговаривая с родными и друзьями. Для них песня была думой вслух, разговором с самим собой. Песни чаще всего импровизировались на месте. В этом и состояло искусство лучших певцов. Сегодня тех, кто умел импровизировать, осталось совсем немного, можно перечесать по пальцам.

– Хорошо вы нас слушали, – сказала бабка Синаневт, чем и отвлекла Настю от её мыслей, – а вот того, подись, не знаете, что и пляшем неплохо. Танец для нас даже главнее пения. Вот я, помню, молодой была, мужики наши медведя споймают, али, к примеру, морского льва, тюленя, нерпу забьют, тут же, на берегу, танец по этому случаю пляшут. И все движения того, кого убьют, повторяют. Медведь – значит, и танец медведя, подись, сполняют. Одни тушу медведя разделявают, другие пляшут. А потом и все пляшут. Плясать устанут, песни начнут петь. До хрипоты певали, до потери голоса. А ежели птиц подстрелят, их голосами кричат, руками-крыльями машут. Или вот праздновали наши деды праздник вскрытия реки, слышали про такой? – прищурясь, спросила старая ительменка у Сергея.

– Нет, – честно признался он.

– Ага, я так и знала, откуль вам, если и наши, подись, не все помнят...

И бабка Синаневт рассказала о том, что, когда по весне солнце взломает лед на реке, все жители спешили к берегу. Выбирали льдину, укладывали на нее рыбу и наговаривали хозяину реки: «На тебе рыбу, неси в море, а летом с ней пришли в сто раз больше! И как скажут – оттолкнут льдину от берега и смотрят. Подхватит река

льдину – значит хорошему быть, к берегу прибьет – худо. А если еще и к своему – хуже некуда. А народ ительмены хитрый, не хотят, чтобы к своему берегу жертва на льдине прилепилась, выберут место, где стремнина у реки, где вода быстра, и пошлют туда. А всего лучше считалось, когда другие льдины льдину с жертвой раздавят и река рыбу себе заберет. Сделают подношение реке и опять пляшут...⁵³

– Мы свои лирические песни чака'лэс называем, колыбельные – корвэлю. Красиво наши девушки из ансамбля их поют. На празднике услышите, – сказала грудастая ительменка Тасия.

Под хмельком подошел к компании женщин и дед Ое, пристроился рядом с бабушкой Синаневт и с добродушной ухмылкой на лице произнес для Насти и Сергея:

– Что вы, вона-ка, байки разные слушаете, еще наши старики про баб говорили: когда пляшут они, в них бесы Камуда вселяются, те, что живут на облаках и видом как люди, только очень уж востроголовы и ростом с трехлетнего младенца. Ходят они, вона-ка, в лисьем или собольем платье. И когда баба ругается, они к ней по пятьдесят и больше того в рот набиваются. Для нас, мужиков, тогда хуже нет врагов, чем эти самые Камуда⁵⁴.

Бабка Синаневт стукнула деда Ое по спине своим маленьким кулачком и, шутя, прикнула:

– Ишь, черт хмельной, как только, подись, со своей Паланы к сынам в гости приедет, так женок кавральских и зацепит. Мы тожесть не солоно хлебамши живем, подись, про твои похождения во Хранциях знам.

– Стар – да петух, молод – да протух! – сказал услышанную где-то поговорку Ое и добавил. – Хоть в Каврал не появляйся, все-то они про всех знают, вона-ка. Племянш Лахэн, что ль, проговорился?

Бабка Синаневт аж руками всплеснула:

– Ну сказал! От Лахэна Симкиного, подись, слово вытащишь! Весь в родителя пошел – молчун...

Настя при упоминании имени Лахэна вся превратилась в слух и сразу вспомнила деда Ое, хотя и мельком в Москве его видела. Благо, они с Лахэном в номере простились. Разве в таком маленьком селе скроешь что? Участники ансамбля – ребята надежные, зря языком трепать не будут. Ей что, она приехала и уехала, а Лахэну здесь жить.

Сергей, заметив, какое напряжение появилось на лице Насти при одном только упоминании имени мужчины, ради которого она прилетела сюда – на край земли, решил перевести тему разговора:

– Может, вы нам еще что-нибудь споете, какую-нибудь старинную песню?

– Спеть всегда сможем, ага. А вот вы послушайте деда Ое, он мастер сказки сказывать, – предложила Тасия.

– Мастер, мастер, подись, этого у него не отнять, – подтвердила и бабушка Синаневт.

– А про што, вона-ка, сказку-то? – спросил, ободряясь, Ое, подмигивая гостям.

– Ну, хошь, про Мити с Кутхом скажи, – размышляла бабушка Синаневт.

53 Предание записано этнографом и писателем В.К.Арсеньевым в 1918 году.

54 Предание записано С.П.Крашенинниковым.

– Кутх со своей женой Мити, по нашим поверьям, подись, Камчатку людьми населили. Прибыли они с юго-западной стороны моря, родили сына и дочь, оставили у рыбной реки и перешли жить к другой. И там, детей родив, оставили их и на новое место пошли. А когда Камчатку заселили всю, опять в море ушли. Ворону-Кутху у нас, вона-ка, главенствующее место отводится. Но хоть мы его и считаем творцом, частенько в наших сказках героический образ его смешливым показывается. Особенно, вона-ка, в волшебных, одну из них и расскажу... – начал распевно свою речь старик Ое.

«Удивительный народ ительмены», – думала Настя. В древние времена, в первый день охоты, сор, пепел, горящие угли на улицу выбрасывать не смели. Не разбирали по весне старые дома и балаганы, считая, что юкольную моль рыба боится, может вся из реки уйти. Встреча с ящерицей предвещала смерть. Или взяли, создали себе бога по своему образу и подобию, а затем потешались над его неудачами да любовными приключениями. А еще считали грехом утопающего или засыпанного снежной лавиной спасать, тем самым духов воды и гор пищи лишать, а того больше, в постель для любви с женщиной лечь в день, когда свежевали собак, а чтоб чаще жен любить, собак совсем перестали свежевать. Грехом считалось у них купаться в горячих источниках, в которых, по их поверьям, гамулы варили себе еду. Грех заносить свежую шкуру соболя в дом. Кроме духов, они поклонялись и огню, принося ему в жертву носы лисиц, соболей и других зверей.

Орел, медведь, волк – тотемные животные. Орлов не убивали, волков остерегались бить. Охота носила подсобный характер. Добывали в основном снежных баранов, диких северных оленей, водоплавающих, ставили капканы на лисиц и соболей. Медведя камчадалы хозяином леса не считали совсем. На Камчатке этого зверя – множество, и били их, словно свиней, на мясо, жир, ради шкуры, правда, соблюдая все же особую обрядность при этом. Из шкуры делали постели, шили шубы, изготавливали ошейники для собак, подметки на обувь. Особенно хорошо с такими подметками было на морской зверобойный промысел выходить – не скользили на льду. Но с какой бы легкостью ительмены ни относились к медведю, одного правила придерживались всегда – кто убивал медведя, для острастки сыпал ему в глаза и ноздри порошок, чтобы зверь не мог узнать виновника смерти своей».

– Дедушка Ое, – обратился к старику Сергей после того, как тот рассказал сказку, – а домашних идолов вы делали?

– А почему, вона-ка, нет? И Урилыдачь делали, и Итунг, их в потолок над очагом тыкали. Хантая опять же, охранителя огня. С головы по грудь облик человеческий, а низ – рыбий. Им в жертву сладкую траву приносили. Нового Хантая обычно ставили на очаг вместе со старым. Ажушака располагали возле посуды. Этот охранял дом от лесных духов.

Сергей и Настя видели, с каким вниманием слушали рассказ Ое совсем недавно подшучивавшие над ним женщины. Многого уходит в прошлое, и каждому хотелось послушать еще одну историю, чтобы затем поведать ее своим детям и внукам.

Отношение к старикам у ительменов особое – после специальных праздников, устраиваемых в их честь, молодые парни брали бабушек и дедушек на руки и разносили по домам. Такое где-нибудь навряд еще увидишь. Очень символично и очень трогательно.

Рассказали Насте и Сергею Жирковы, что в скальных породах на другом берегу реки Каврал можно разглядеть портреты предков, некогда проживавших в этих местах, а иначе как еще назвать те рисунки, которые навечно запечатлены в горах. Глядят они на нынешних ительменов, потомков своих из тысячелетней давности, – и не понять, чего больше во взорах их – заботы или осуждения.

Ое, хитро сощутив глаза, спросил Настю с Сергеем:

– Вот вы наши сказки и песни слушали, а сами нам что-нибудь рассказать сможете?

Сергей глянул на Настю и не менее хитро ответил деду, что в их компании сказки рассказывать мастерица она, тем более, что представляет также малочисленный народ – саамов. Все с новым интересом посмотрели на Настю. И ей ничего не оставалось делать, как принять вызов Ое.

– Если честно, я не думала здесь сказки рассказывать, но уж коль так вышло, расскажу то, что первое вспомнилось.

В пустынном месте жили старик со старухой, и родилась у них дочь. Назвали ее Настей, точно как меня. Выросла девушка и говорит отцу и матери, мол, скучно ей жить в пустынном месте, нужно в деревню переселяться. Отец отвечает: «Нет, в деревню переселяться не будем». А дочь свое: «Мне здесь скучно. В деревне танцы бывают, девчата играют. Скучно одной».

Стал отец думать: «Что же делать? В деревню переехать – самому будет скука, здесь остаться жить – дочке скучно».

Был у них большой чугунный котел.

Вышел отец на улицу, взял палку и стал бить котел. А тот спрашивает: «Что нужно, хозяин?» Старик ему говорит: «У меня дочка очень скучает, сходи в деревню, там вечеринка, приведи ее сюда».

Котел ответил, что будет исполнено, и покатился в деревню. Забрался под дом, где вечеринка шла, поднял его и понес. Пришел к месту, где жил хозяин, и поставил там дом.

Рассвело. Стали люди выходить из дому на улицу. Смотрят – что такое? Кругом пустыня, только один домик стоит. Перепугались, забежали, спрашивают друг друга: «Как мы попали сюда? Где деревня?»

Проснулся старик, смотрит: рядом с ним какой-то дом стоит, и шум в нем. Выглянул в окно, увидел – в доме людей много. Вышел на улицу, а люди его спрашивают: «Где деревня?»

Он отвечает: «Не знаю. А как вы сюда попали? Я в пустынном месте живу». И добавил: «Ну, если вам скучно одним, то завтра вся деревня здесь будет». На что люди сказали: «Если ты можешь это сделать, старик, то сделай скорее!»

Когда стемнело, послал старик свой большой котел за деревней. И стал тот перетаскивать дом за домом. И за ночь всю деревню перетаскил.

Когда рассвело, стал народ из дома, где была вечеринка, на улицу выходить. Смотрят – деревня стоит. И подумали, что, скорее всего, они ее вчера спросонья не заметили. Стали все жить в новом месте. И старик жил со всеми, а дочь свою Настю замуж отдал. Неокогда ей стало скучать, весело живут⁵⁵.

– Вот тебе и гостья, ишь как сказкой своей подвела к празднику, – восхищенно произнес тот.

55 Саамская сказка «Большой котел» в пересказе автора.

– И правда, хорошо сказала, – поддержала похвалу Ое бабка Синаневт. – Теперь будем знать, что и гости нашего праздника тожесть сказки умеют рассказывать.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Алхалалалай – праздник очищения от грехов и благодарения природе – выпадает на осень Кытхеиль. Георг Стеллер писал, что празднуют его ительмены, «когда полностью закончена рыбная ловля, приготовлены все зимние запасы», А. С. Крашенинников добавлял: «По окончании летних и осенних трудов не принимаются они ни за какую работу прежде праздника, не ездят в гости и на промыслы, почитая все то за великий грех».

Праздник длится неделю. Первый день – день знакомств. Приезжие гости гуляют по селу, знакомятся с жителями, строят планы.

Перий стоял, разговаривая с Сузваем и Катериной, когда к нему подошли Настя и Сергей.

– Извини, Перий, мы не помешали вашему разговору? Здравствуй, Сузвай, рада вновь увидеть тебя. Хочу вам представить своего друга Сергея Суханова – радио Москвы, – сказала Настя.

– Тогда давайте знакомиться шире. У нас еще одна гостя из Москвы, киносценарист Катерина Лазарева, – встречным предложением сказал руководитель «Эльвеля».

И пошли оживленные разговоры про Москву, про выступление во Франции, про то, что хорошо бы ансамблю и на Кольском полуострове побывать. Затем к их общению присоединились еще несколько человек. Шутили, даже пытались тут же танцевать. Сергей галантно взял Катерину под руку и спросил, какой же интерес привел ее в Каврал. На что девушка, без какого бы то ни было кокетства, ответила – собирает материал для киносценария.

Праздник начинался с того, что тщательно выметали площадь. Наверное, сказать «площадь» будет слишком громко, так как сразу возникнет ассоциация с чем-то пусть и небольшим, но фундаментальным: заасфальтированное место, сцена, какой-нибудь памятник... Здесь все по-другому: небольшой, разделенный дорогой пустырь – на нем вместо памятника больше десятка деревянных идолов. Словно древнее воинство стоят они, охраняя эти священные для ительменов места. С каждым годом их становится все больше. Нового Хантая (на сей раз это лик грозного Митги – хозяина моря, вырезанный из ствола березы) три раза обнесли вокруг огня и с песнями и танцами вкопали в землю. Идола украсили кипреем, рыбой и ягодами. Березовые прутья от новоявленного божества хозяева вносили в свои жилища, изгибали кольцом и по два раза пропускали затем всю семью. А на празднике ансамбль «Эльвель» прямо около него исполнил посвященную этому богу танцевальную композицию. Девушки уложили заранее приготовленные дрова, Перий зажег костер и стал шаманить над ним, произнося старинные заклинания: «От Кутхи нам приказано воздавать тебе жертву по однажды в год, что мы и исполняем, чего ради просим, чтоб ты нас хранил и миловал, не причинял бы скорбей и бед и не делал пожара». После этой речи его все – и участники, и гости праздника, – взяв друг друга за руки, заплясали, закричали: «Алхалалалай!» А вообще каких-то особенных

шаманов, как у других северных народов, у ительменов не было, но всякую женщину, а особенно старуху, почитали здесь как толковательницу снов и шаманку. Понеслась песня про гамулов на стихи Георгия Поротова:

Пируют гамулы, пылает костер,
Под бубен и гулы качает шатер,
Но кто их осудит от пляски чумной
Проснулись и люди, и Пихлач лесной.
У всех на челе луч играет огнем,
Шевелит долину и ночью и днем.
Игра великанов, раскатистый гул,
Я в жерло вулкана перо обмакнул...

В песне говорилось о Пихлаче, загадочном темнокожем человеке, обитавшем на облаках, который если решается спуститься на землю, то ездит на своей маленькой нарте, запряженной куропатками, и накапливает запасы ценнейших мехов; плохо будет тому, кто, встретив Пихлача, последует за ним, – погибнет; о богах Гамулах, живших в жерлах огнедышащих гор-вулканов. Танец злых духов Гамулов исполняли только парни ансамбля.

Перий стал бить колотушкой в бубен – и на косогоре зрители увидели с ревом выскочившего медведя. Роль косолапого играл Харьюз, обряженный в медвежью шкуру. Медведь, спускаясь к юрте, рычал, гнул ветки, у костра начал рвать когтями траву. Игра Харьюза была неподражаемо правдоподобна. «Медведь» точно живой, даже было где-то страшновато подумать, что такой зверь может встретиться тебе на пути. Из юрты выскочил Лахэн и пошел на «медведя» с копьём, тот поднялся на задние лапы, рыча и мотая головой, двигался в сторону зрителя. Началась борьба. Лахэн несколько раз «ударил» Харьюза копьём, и тот, «поверженный», наконец затих. Из юрты выбежали остальные актеры представления и исполнили танец победы над медведем. Прыгали около него, втыкали копыя и, наконец, Харьюза в роли уже поверженного зверя унесли со сценической площадки.

Разные танцы исполняет коллектив Перия «Эльвель». Одни – разгульные, другие – с искрометным юмором, в третьих жила поэзия, но почти все они имитировали любовные игры животных и птиц, их голоса, издаваемые гортанными звуками. А как выразителен танец девушек с тоншичем⁵⁶! Исполняя его, они так замечательно подрагивали всём телом, так быстро кружились, что трудно было удержаться и не закружиться вместе с ними. В свое время еще путешественник Елистратов заметил, что в старину женщины, собираясь в тундру за ягодами или кореньями, брали с собой красивые платья, там обряжались в них и, представляя разных обитателей тундры, начинали танцевать, от души забавляясь этим весельем.

Участники ансамбля исполняли свои танцы в невероятном темпе, с прекрасным настроением, радостно, очаровывая всех присутствующих.

В перерыве подошедший к Насте Перий спросил:

– Ну, как настроение?

56 Тоншич – мелкая мягкая трава.

– Нет слов. Меня переполняет сразу столько чувств! Восторг!

– И я, Настя, говорю: пока мы имеем в себе душевное тепло, танцы, сами себя веселим, никогда не выйдем! И хотя на улице сегодня не жарко, наши замшевые одежды за время выступления промокли от пота.

– А тебя, Перий, сегодня не узнать. Что означает твоя татуировка на лице?

Перий улыбнулся.

– Круг на правой щеке с точкой внутри – символ солнца.

– Неужто? У наших саамов этот знак тоже солнце обозначает. Раньше он наносился почти на каждый бубен. Нет, определенно, Перий, я нахожу между нашими народами много общего.

– Ничего удивительного, Настен, когда-то все мы были одним народом.

– Ну, дальше рассказывай, мне страсть как интересно узнать.

– Крест на левой щеке – четыре стороны света. Черные полосы, очерчивающие нос, – крылья ворона. А точка на самом кончике носа – для возбуждения, – сказал он и добродушно засмеялся, подмигивая Насте.

– Ну, вы, ительмены, и безобразники, во всем у вас эротическое начало присутствует.

– А как без этого жить? Мы любовь превыше всего в жизни чтим. Да если хочешь знать, у нас в прошлые века в невесте ценилось не целомудрие, а ее любовный опыт.

– Посмотрев ваши танцы, начнешь думать, что это ценится превыше всего и в век нынешний. Ну ладно, а надбровные точки – это что?

– Закидала вопросами, от журналистов отбою нет, а еще ты спрашиваешь и спрашиваешь, лучше сама мне скажи, что у ваших саамов обозначали бубен и колотушка?

И Настя должна была честно признаться, что точных данных по этому поводу у нее нет. Скорее всего, Вселенную, так как на бубне саамы рисовали ромбический знак солнца с упряжками на четыре стороны света, с богами, духами, животными. Насчет колотушки предположений у нее совсем никаких не было. Все это она выложила Перию с серьезным видом.

Как бы подыгрывая ей, Перий так же серьезно произнес:

– У ительменов, Настен, подобных заумствований не было. У нас бубен с колотушкой означали мужчину и женщину в их интимной близости.

С хитрым выражением лица, со смешливыми искорками в глазах Перий начал ударять в бубен, имитируя голосом вздохи то женщины, то мужчины. Это было так натурально, что Настя не утерпела и рассмеялась.

– По-моему, Перий, вы – не просто малочисленный народ, вы – сексуально озабоченный народ.

– Не думаю, что это для народа порок. По крайней мере, будем жить, а не вымирать. Ладно, пойду отдохну малость. Надеюсь, не будешь скучать?

– Что ты, разве у вас на Алхалалалае заскучаешь?

Насте приходилось только восхищаться глубинной мудростью ительменов, их жизненной стойкостью, простотой, естественностью. Ни капли грубости или пошлости. В прошлом в их жизни вообще не было ни ругани, ни проклятий. Составляющими их жизни были только нежность, любовь, веселый нрав, сочувствие, сострадание, готовность прийти на помощь, бескорыстие. Но за времена близкого соседства с

русскими казаками все же научились и хитрить, и ругаться, стали еще более скрытными и пассивными, мало думающими о завтрашнем дне. От всех невзгод их спасал природный юмор и веселый нрав. Когда Настя читала про них воспоминания немецкого натуралиста и путешественника Стеллера, ее поразили слова о том, что им овладело огромное желание быть забытым в своей стране, чтобы остаток жизни прожить среди ительменов, на лоне природы. Любовь для них – это не только быть рядом с тем, кого выбрало твое сердце, но и глубокая привязанность к месту рождения. Величайшим несчастьем они считали насильственные действия властей, которые заставляли жителей покинуть родные места. Обычно переселенные люди недолго жили в новых селах. Умирали от тоски. А часто ли нам приходится видеть людей, собирающихся в дальнюю дорогу со своей водой из колодца или родника? На Камчатке такое встречается нередко. Вот оно, интуитивное восприятие родной культуры – начало жизни, начинающееся с родника. И если ты несешь с собой воду из источника, чиста и жизнь твоя, и совесть...

Потому, наверное, к ительменам на их возрожденный старинный праздник стали приезжать люди со всего света, которым, подобно Стеллеру, хотелось окунуться в мир природы, в мир настоящей жизни, в мир людей с богатой внутренней культурой. Людей центральных областей России, не говоря уже о Европе и Америке, «задавила» цивилизация. Им хотелось расслабиться. И Настя радовалась, что есть в России еще места, куда можно добраться только самолетом, а значит, нет там скученности народа и техники. Только в таких глухих селах, как Каврал, можно было познать себя. Город своей сущностью дробит мысли человека, не дает сосредоточиться на главном. Настя видела, какие были у всех приезжих просветленные лица, когда они смотрели выступление ансамбля. Вместе с актерами переживали их душевный подъем.

На открытии праздника, в театрализованном действии, на концерте взгляд ее постоянно останавливался на Лахэне. Его танец был полон гибкости дикого зверя, изображаемого им в тот или иной момент. Он великолепно чувствовал дух танца: то взрывного, темпераментного, полного огня, то обжигающе трепетного, будто любовное признание. Ей казалось, что так, как танцует он, не танцует никто. Так, как он издает придыхательные звуки, имитирующие хохот и крик птиц, рычание медведя, рев моржа, не издает никто. И не было более совершенного ительмена, чем Лахэн.

Настя, как, пожалуй, и все остальные гости Алхалалая, была заморожена танцами ансамбля, костюмами артистов с богатой цветовой гаммой от светло-оранжевого до темного красно-коричневого. Особенно колоритно смотрелись мужчины, главным украшением которых была шкура росомахи. Разрезанная посередине, она придавала еще больший размах их плечам, спускалась мордой на грудь и хвостом на спину, что создавало мужской камлейке⁵⁷ особый эффект. Кухлянки⁵⁸ женщин

57 Камлейка – сейчас это удлиненная рубаха. В более древнее время ее носили в качестве дождевика, шили из «дымленины», то есть оленьей шкуры, прослужившей более года покрытием яранги – традиционного переносного жилища ительменов. С нее соскабливали всю шерсть, хорошо разминали и только затем шили. Цвет – от темно-желтого до почти черного.

58 Кухлянка – мужская и женская верхняя одежда – глухая шуба ниже колен с капюшоном, но в настоящее время ительменские женщины платя с капюшоном (от русского «куль» – мешок) тоже называют кухлянками.

украшали хвостики мелких зверьков, делая как бы дополнительную оборку, подол обшивался широким, красивого орнамента опваном⁵⁹ и меховой опушкой. А какие у всех девушек ансамбля удивительные лица! Индейские черты в сочетании с русскими делают ительменов необыкновенно красивыми. Огромные черные глаза, словно озера Камчатки, околдовывают мужчин, и чувствуешь: с такими добрыми улыбками они не в состоянии лгать. И у мужчин, и у женщин голова перевязывалась красивой бисерной лентой, по-ительменски называемой ленатом. Настя выяснила: ленат не просто часть костюма артистов, в старину его постоянно носили все ительмены как стабилизатор давления и от снятия головной боли.

Ей больше всего понравился танец, посвященный празднику. Мужчины, ударяя колотушками в огромные, словно солнечный блин, бубны, резко выкрикивали «Алхалалалай!», женщины, стоя на коленях и прогибая к ним спины, вторили «Алулу!»

Кажется, у Евгения Лазарева в статье о Камчатке и ительменах Анастасия прочла, что женский вариант выкрика «Алулу» несет в себе более архаичные матриархальные элементы и почти совпадает с библейским «Алелелу» или «Аллилуиа» – «Хвалите Господа». И, по ее мнению, это было на самом деле очень близкое словосочетание и, главное, смысл – один!

Танцы ительменов нельзя смотреть спокойно, не подражая им внутренне. Между артистами и зрителями во время концерта возникает духовная связь. Своим выступлением участники коллектива как бы пробуждают в народе его дух, призывают к активности. Это был момент их высшего творческого подъема. И зрители, окружавшие сцену с живым зеленым фоном из деревьев, словно загипнотизированные, вбирали эту чистую энергию, увлекаясь представлением. А уж если кто, не удержавшись, выбегал на площадку, танец сразу принимал импровизированный характер. Почитай, все жители прошли через ансамбль, участвовали в танцах.

После выступления Лахэн отыскал Настю.

– Видела, уже березовый круг поставили? Считается, что кто пройдет через него, очистится от грехов. Идешь?

– Конечно!

– Когда из круга будешь выходить, выкрикни «Алхалалалай!», если постесняешься громко, то скажи про себя.

И они друг за другом прошли через очистительный березовый круг. Насте даже не пришлось напрягаться. До нее люди, проходившие через него, так заразительно кричали: «Алхалалалай!» или «Алулу!», отряхивали себя, якобы скидывая грехи, что она тоже, подчиняясь всеобщей радости, громко крикнула: «Алхалалалай!»

Выкрикивали это необыкновенное заклинание и все остальные, кто поверил в магию праздника, магию очищения. Своими выкриками люди точно делили мир на два полюса. Один, олицетворяющий давно ушедшее прошлое и другой – нынешнее, современное поколение, почти утратившее ореол тайны.

Пройдя через березовый круг, некоторые из жителей Каврала затем втыкали березовые прутьики в землю вершиной на восток, завершая этим обряд. И все много танцевали: и участники ансамбля, и жители Каврала, и гости.

59 Опван – кайма.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В утро второго дня Перий предложил Сузваю присоединиться со своими гостями к группе, решившей сделать восхождение на гору Эльвель. Хотя это и было путешествием не из легких, но все же Сузвай подумал о Катерине. Оставляя на целый день гостью одну как-то неловко. Хотя она довольно энергична, хоть и не худенькая, выдержит ли? Ведь только к ночи они возвратятся домой. Может, стоило взять с собой только немцев? Те парни поджарые, чувствовалось, не раз совершавшие длительные переходы, им подъем на вулкан не страшен. Но опять же ему как гостеприимному хозяину нехорошо не предложить этого своей гостье. Промучившись сомнениями, Сузвай все-таки решил сказать, а там пусть определяет свои силы сама.

– На вулкан?! Да ведь я и мечтать о таком не смела. Здорово! Через пятнадцать минут буду готова.

«Дурак, – услышав радостный ответ девушки, про себя подумал Сузвай. – Надо было ей говорить? Загнется в пути, самому и придется ее на горбу тащить. Ну да как рак пятиться не будешь». И процедив, чтоб о еде не беспокоилась, уселся ожидать ее на низенькой скамейке около дома.

Катя натянула спортивные штаны, свитер, прихватила куртку с вязаной шапочкой, камеру, сумку через плечо, в которую все же положила пачку печенья и плитку шоколада, и выбежала на улицу, где ее уже ждали не только Сузвай, но и Эдвард с Гансом.

Весело сказав: «Я готова», приблизилась к мужчинам.

– Ну, раз готова, пошли, – без воодушевления сказал Сузвай.

При подъеме на гору Катерина, как он и предполагал, отстала от группы. Решил подождать. Когда, чуть запыхавшись, подошла к нему, сказала:

– Ты, Сузвай, не переживай. Я девка сильная, не такие подъемы преодолевала. А что отстаю, так это не из-за моих габаритов, просто мне надо все увидеть, заснять. Услышать дыхание горы, наши по ней шаги, почувствовать запахи, а иначе как я смогу об этом написать, если постоянно буду думать, как бы не отстать от вас. Так что без проблем.

– Мне интересно, у тебя никто не спрашивал: «Катерина, а тебе это надо?»

– В самую точку попал. Спрашивали и не раз. Но если я этим занимаюсь, значит надо.

– Убедила, мешать не буду, – сказал Сузвай и бодро зашагал дальше.

Удаляясь от нее, он оглянулся и посмотрел вниз. Катерина, наклонившись, что-то с интересом рассматривала. Чем-то все-таки привлекательна была ему эта москвичка; вела себя не вызывающе, но и без ложной скромности. Вечерами долгое время пропадала на половине его матери и что-то все записывала. А то куда-то исчезала и появлялась совершенно неожиданно. Постоянно таскала с собой видеокамеру, фотоаппарат, диктофон и толстую записную книжку. А тут как-то утром Сузвай зашел в кухню, чтобы перекусить перед праздником, и наткнулся на ее открытый блокнот, наверное, девушку что-то отвлекло в момент записи и она забыла его убрать. Сам не ожидая того, подошел ближе и прочел несколько строк: «Нельзя все время жить, как на торгу, и говорить только о ценах и хлебе

насушном. Надо, чтобы в человеке была и от Бога данная высота. Это хорошо можно проследить здесь, в Каврале, на участниках ансамбля «Эльвель». И далее писала, что купила кассету с песнями их ансамбля. Прослушала и, даже не видя еще их танцев, а только слушая песни, звучание ударов бубна, подражания крикам птиц и реву животных, поняла, что столкнулась с совершенно удивительной, неповторимой культурой древнего народа. И все, что ею было прочитано про ительменов прежде, терялось в соприкосновении с ними живыми. В Каврале каждый житель талантлив, если не в одном, так в другом. Но и, к ее огромному сожалению, каждый второй или из пьющих, или уже «завязавший». Это открытие, сделанное ею всего за два дня пребывания здесь, оказалось самым ужасающим.

Сузвай закрыл дневник Катерины. Танцуя уже около девяти лет в «Эльвеле», он никогда не задумывался: что после их выступления остается в душах зрителей? Для большинства участников ансамбля главное было порадовать публику. А эта московская киносценаристка, ещё не видя их выступления, а только слушая музыку, написала так проникновенно! Ему захотелось пойти к Перию и попросить почитать книгу Крашенинникова, которую тот ему уже несколько раз предлагал, но Сузвай всё было недосуг. Понять: в чем же состоит магия искусства его народа, тайна творчества. И как укор – строки о пьянстве. К кому ему себя причислить: к пьющим или уже «завязавшим»? Наверное, ещё год назад он отнёс бы себя к пьющим, сегодня – точно мог сказать, что «завязал». Особенно после Франции у него глаза вдруг открылись – как он живет? Свои печали и горести водкой не зальёшь, после похмелья жизнь кажется ещё никчемнее. И удивился, когда бросил пить: проблемы стали куда-то отступать, появился вкус к жизни. Даже книги стал почитать. В одной, например, прочел: любой человек на земле, оказывается, явление настолько единственное и неповторимое, что никогда больше во вселенной не повторится его лицо, не зазвучит голос. Как нет двух одинаковых травинок, так нет двух одинаковых людей. Даже у близнецов есть отличия. Общее сходство сохраняется, но и только. Неповторимость человека отходит к Господу. И подумал: как много он в жизни еще не знает. И уж совсем не хочет, чтобы к Господу отошло его спившееся лицо и осипший голос.

Сколько раз он восходил на эту гору, но ни разу не захотелось ему так задержать свой взгляд на каком-нибудь камушке или травинке. А может, потому, что восхождение обычно происходило перед хорошим «сабантуем» и ему хотелось побыстрее показать гостям Эльвель, вид на Каврал и пойти в теплую компанию таких же, как он сам. В этом году на трезвую голову стали появляться и мысли трезвые.

Катерина, наконец-то преодолев подъем, остановившись, словно замороженная, на вершине горы, с восхищением смотрела на открывшийся ее взору вид с вулкана. Затем, словно очнувшись, взяла камеру и стала снимать. Справившись с этим, присела на камень и начала что-то быстро записывать. Преодолев подъем, гости осматривали открывшуюся их взорам прекрасную панораму этой части Камчатки. Негромко переговаривались друг с другом, кто-то тянул из бутылки воду, кто-то фотографировал, кто-то присел на камни отдохнуть. Молодые кавральские парни развели костер, приготовили уху, вскипятили воду для чая. Сузвай,

пока они справлялись, рассказывал легенду горы Эльвель. Когда закончил, посыпались вопросы: есть ли у ительменов священные камни, как у других народов, и если есть, как им поклоняются? Сузвая такие вопросы были не в новинку, и потому он уверенно ответил:

– Подобные камни можно встретить на перевалах. Они у нас называются «камень-мать». Обычно это очень высокие камни, метров двадцать в высоту, по форме напоминающие ель. Когда ительмены проходят около них, то обязательно оставляют в дар свои кольца, бусы, ножи, любые другие вещи, но в последнее время люди стали грабить эти места, хотя у нас есть поверье, что от камня брать ничего нельзя, иначе палец отвалится или рука, но положить какое-нибудь приношение нужно обязательно.

– А нам такой камень не попадетсЯ? – спросил у Сузвая Эдвард.

Вопрос немца ительмену перевела Катерина.

– Здесь подобных камней поблизости нет, – развел руками Сузвай.

– А жаль, нам после твоего рассказа захотелось что-нибудь оставить камню в подарок, – добавила уже от себя Катерина и перевела свои слова немцам, которые в согласии закивали головами.

Кавральды пригласили всех к костру, от которого исходил приятный запах горящих дров, потрескивающих в рыжем пламени огня, и вареной рыбы. Начались приятные хлопоты. Люди стали доставать из рюкзаков содержимое, раскладывать на земле. Много было разговоров. Каждому хотелось поделиться с другими тайнами из истории своего народа. Так незаметно на вершине горы у костра прошло более трех часов, а еще предстоял и обратный путь. Катерине уходить совсем не хотелось: когда еще удастся увидеть такую красоту и насладиться ею!?

Когда спускались, она рассказала Сузваю, что однажды ей пришлось проезжать через священный лес ненцев, и тогда ее он тоже очень поразил. На деревьях вдоль тропинки чего только не было навешано: и кастрюли, и чайники, и разноцветные лоскутки, рыба сушеная, и даже одну ветку березы украшал детский стоптанный сапожок...

– Услышав о ваших священных местах, я поняла, что, скорее всего, они есть у всех коренных народов. И еще ты правильно сказал, что брать дары из таких мест нельзя. Ведь люди их кладут по разным причинам. Например, по болезни или по какому-то несчастью. Возьмет кто-нибудь такой дар – и отрицательная энергия перейдет к этому человеку. Мне одна журналистка рассказывала: как-то взяла она от заветного камня ненцев рог и домой привезла. Так у нее после этого такие неприятности в семье начались, что не дай Бог никому, до суда дело дошло. Когда поняла, что это темная энергия от рога исходит, поспешила от него избавиться. Но просто так выбросить такую вещь нельзя, ее надо вернуть на прежнее место, да еще и с выкупом за содеянное, иначе неприятности так и будут преследовать тебя. Я думаю, такие места как обереги для людей, – размышляла вслух Катерина.

– Может, ты и права... – ответил ей задумавшийся Сузвай.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Вечером Катерина пошла записывать рассказ ительменки Эльвель Петрашевой, о которой ей рассказала мать Сузвая. Ительмены часто своих дочерей называли этим звучным именем. Эльвель Петрашева – утхолокская ительменка. Она давно не бывала в родных местах, так как, выучившись, осталась жить и преподавать в Петропавловске-Камчатском, а в этом году приехала на Алхалалалай уже гостьей. Катерину встретила приветливо, напоила чаем с морошковым вареньем и стала рассказывать.

– Как-то решила я посетить родные места, пришла и на утхолокский мыс. Необычное место там есть. Шаг в одну сторону – и чувствуешь, как тебя всю обдаёт холодным морским ветром; в другую – и солнышко обогреет. Встала я туда, где тепло, стою, вокруг ни души, и вдруг слышу песню без слов. Сначала даже не поняла, откуда эта музыка, а потом дошло: звуки рождались в моей душе, заполняли ее, точно напоминая о чем-то давно забытом, но бесконечно дорогом. Присела на траву и стала слушать. Долго слушала, затем спохватилась – ведь меня женщины в Утхолоке, вернее, на том месте, где он раньше стоял, ждут. Прихожу, рассказываю про то, что испытала, а одна старушка и говорит: «Ничего удивительного в том нет. Это каждая травинка, каждый камушек приветствовал тебя, напоминая о рождении, и вылилось все в песню твоей души». Теперь я эту песню иногда себе нет-нет да спою.

– А мне можно? – спросила Катя.

– А почему нет.

И Эльвель запела. Музыку ительмены разделяют на танцевальную, инструментальную, повествовательную и песенную (когда мелодию сопровождает еще и импровизированный текст). Так пела и Эльвель Петрашева. Когда последний звук растворился в пространстве, глубоко вздохнула, словно сожалея, что песня закончилась. Помолчали. Катерина спросила:

– Такое только с вами произошло или еще с кем?

– Со мной – так, другая женщина песню своего рода во сне спела. Кто слышал, сказали: это была необыкновенно красивая мелодия. Муж у нее оленивод, вот она в тундре однажды притомилась, заснула и спела. Когда проснулась, олениводы спросили, что за песню пела, а женщина ничего не помнит. Спала.

Если бы Катерина не была свидетелем того, что люди иногда во сне поют, не поверила. Но однажды на Диксоне услышала, как поет во сне ее сопровождающий, с которым они заночевали у ненцев в чуме. Хотя сначала он заговорил невнятно, точно на другом языке, а затем на русском: «Я с самим Бетховином выступал» – и запел. Пел громко, сочно, выводил каждую строчку. Правда, пел русскую народную песню «Ой мороз, мороз» и всех разбудил. Ненцы испугались, думали, парень помешался. Говорят: «Зачем ночью песни орешь?» А он немало удивлен: «Какие песни, я спал». Те, посоветовавшись, высказали ему, что это в нем шаманские наклонности так проявляются.

– Да, как бы ученые ни старались разгадать человеческую психику, она все равно остается загадкой, – восхитилась Катерина.

– У нас, Катюша, за последние годы изрядно делается для сохранения традиционной культуры и коряков, и ительменов. Но чтобы не умолкли песни веков, недостаточно их просто услышать. Необходимо возвращать старинные мелодии в жизнь народа, может, тогда и сам народ поднимется. Записывать ительменский язык, который хорошо знают, не поверишь, всего тридцать пять человек, проживающие в девяти ительменских селах.

– Как так? – удивилась Катерина. – А мне показалось, что все ительмены здесь говорят на своем языке.

– Чуть-чуть знают, а чтобы владеть им, как наши деды владели, не могут. Многие старинные ительменские слова, связанные с традиционной деятельностью, топонимикой края, и совсем из обихода уйдут, если не поторопимся да не запишем, эти последние тридцать пять человек, владеющие языком. Вдуматься только – последние носители ительменского языка. Самой молодой из них пятьдесят три года, а в основном всем за шестьдесят... Как подумаю, что можем не успеть, страшно становится. Хорошо, что хоть в Палане сейчас стали вести на ительменском языке теле- и радиопередачи, выпускать газеты, и все равно этого недостаточно...

– Да, я узнавала, здесь ительменский язык преподается только в начальных классах, да и то по полтора часа в неделю, разве за это время можно что-нибудь выучить? Конечно, нет. Эльвель, скажите, как будет по-ительменски солнце?

– Лач, – ответила, улыбаясь, Эльвель. – Сэмт – земля, кист – дом, чамзань' х, – человек. Запомнишь?

– «Лач» запомню, другие лучше запишу.

* * *

На следующий день Катерина с интересом смотрела выступление «Эльвеля». Она начала было снимать их на камеру, но после первого же танца решила это сделать в другие дни, а сейчас хотела просто насладиться искусством. После открытия праздника к ней подошел Сузвай и спросил, как они выступили. У нее перехватило горло. Сказав, что позже с ним поговорит, резко развернувшись, пошла подальше от людей. Оставшись наедине с собой, принялась писать: «Наконец увидела выступление ительменов. Это не хореография, которой принято называть танцевальные номера одного или другого коллектива, это качественно гораздо выше – хореография души народа. В конце концерта я чуть не разрыдалась. При исполнении танцев «Эльвелем» человека охватывает столько чувств, что душа переполняется. Это все равно, что испытать блаженство с любимым мужчиной, когда ты словно отделяешься от собственного «я» и вливаешься в «я» его, настолько сильно они воздействуют на человека полными страсти движениями, подражая животным, что впечатлительной натуре стоит немалых сил удерживать внутренний порыв и тут же не присоединиться к ним. В жизни танцоры как все: ты можешь с ними говорить, шутить, сидеть за одним столом, но стоит им выйти на сцену, и твое «я» куда-то улетучивается, ты растворяешься в них, становишься частичкой каждого. И если, не видя и не зная ительменов, я писала о них с легкостью, то теперь чувствую: о них надо или молчать, или писать так же здорово, как они танцуют. Чуть-чуть об «Эльвеле» писать нельзя. Здесь надо

жить, как они, дышать, как они, быть естественными, как они. Столько страсти, силы, любви я еще не встречала ни у одного народа. Нет в России более сильного народного танцевального коллектива, чем «Эльвель». Столько радости и душевной боли одновременно я уже давно не испытывала. Радости, что соприкоснулась с их культурой, а боли от того, что я не одна из них, что не могу вот так же потрясать своим искусством людей, как потрясают они. Господи, дай мне столько же таланта, чтобы написать о них сценарий и поставить фильм, сколько даешь им, чтобы танцевать».

Записав свои мысли, Катерина с облегчением вздохнула. Правду говорят: отдай переживания бумаге – и они уйдут от тебя. Теперь она с облегченной душой сама подошла к Сузваю. Тот не стал задавать никаких вопросов, лишь сказал:

– Всех гостей пригласили на берег реки. Сейчас там будут проводить конкурс на плавание чавычи, угощать мясом нерп, лахтаков. Не хочешь пойти?

– Спрашиваешь. Спасибо, что подождал, не ушел один.

– Было бы за что. Ты – гостя.

– Сузвай, а можно тебе задать нескромный вопрос?

– Ну, если смогу на него ответить, задавай.

– Почему до сих пор не женат? В вашем коллективе, да и в Каврале, столько прекрасных девушек!

Сузвай решил отшутиться.

– А может, я тебя ждал, не допускаешь такого?

– Ты лучше так со мной не шути, ведь я три года уже влюбленной в каждого из вас хожу, – на удивление себе с каким-то даже вызовом сказала Катерина.

– Как же можно быть в нас влюбленной, не видя нас? – удивился Сузвай.

– Значит, можно. У меня столько об «Эльвеле» и его участниках статей собрано, что ты не представляешь. Из газет, журналов. Три года я вместе с вами жила, танцевала, придумывала новые обряды для Алхалалалая... А приехав на праздник и ближе познакомившись, прежде всего с тобой, и вообще голову потеряла.

– Я думаю, Катерина, ты это нафантазировала, – сказал, чуть смущаясь, Сузвай. – Он не мог понять, шутит она или говорит всерьез.

– Может, и нафантазировала, но разве ты запретишь мне высказать тебе своё признание? Знаешь, я в Каврал после нормального самолёта из Петропавловска-Камчатского сначала на «Чебурашке» летела, затем от Усть-Хайрюзово с фотографиями на попутке добиралась. Когда увидела тебя, в восхищении воскликнула: «Смотрите, смотрите, вот идёт настоящий ительмен!» Они равнодушно посмотрели в твою сторону и пробубнили: «Да, да...» А мне хотелось им крикнуть, что «Да, да» для этого слишком мало. Первый раз, увидев тебя, я уже знала, что по уши втрескалась. Это так здорово находиться в состоянии головокружения! Разве трудно нам, людям, говорить друг другу добрые слова, дарить радость, душевное тепло? Молчишь, вот и молчи, не мешай мне говорить, смягчить твою душу, в которую ты давно уже не пускал женщину. А может, сам того не зная, ты на самом деле ждал меня?

Сузвай никак не мог предположить, что услышит такое признание от киносценаристки, потому и не знал, как на это реагировать. Ему просто казалось, что, наверное, камчатский воздух всех приезжих сводит с ума. Или такую силу имеет их

праздник, что, куда ни посмотри, все парочками ходят. Может, они, как Катерина, тоже объясняются друг другу в любви? Даже Лахэн старается не отходить от Насти, а ведь это не Москва, тут все как на ладони.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Лахэн нашел Настю среди гостей праздника и решил пригласить на берег Каврала, где охотники потчевали жителей и гостей кушаньями, приготовленными из мяса лахтака и нерпы. Часть добытого ительмены делили между многодетными и малообеспеченными, часть шла на угощение гостям Алхалалая.

– Ты когда-нибудь ела мясо лахтака или нерпы? – обратился к Насте Лахэн.

– Нет, не приходилось. А кто такой лахтак? – спросила она.

– По-научному морской заяц, или тюлень. Весом бывает до трехсот килограмм и больше, тебе надо обязательно попробовать. Их мясо очень вкусное, совсем не пахнет рыбой, так как они питаются морскими водорослями и ракушками. Обычно нерп или лахтаков можно увидеть в отлив, когда те выбираются понежиться в брызгах прибоя на каменистые островки, но это надо не одну неделю на Камчатке жить.

– Я читала, что когда-то саамы тоже добывали морских животных – моржей и даже китов, но в настоящее время этот промысел на Кольском полуострове совсем забыт.

Они направились на берег Каврала, где народу на самом деле скопилось видимо-невидимо. Люди хвалили охотников, вкусно приготовленное мясо, обменивались шутками, хозяева подбадривали гостей, впервые пробовавших праздничное угощение:

– Попробуйте, попробуйте-ка нашего кушанья, это вам не ларечные лакомства – настоящие.

Не прошло полчаса – и дара охотников как не бывало. Настя была счастлива – Лахэн рядом, и какие бы еще ни были у них впереди разлуки, какие бы испытания ни посылала судьба, она знала: если это настоящее высокое чувство, о котором поют песни, слагают стихи, – оно преодолеет все преграды и соединит их навсегда.

– Теперь куда? – спросила Лахэна.

– До театрализованного представления – часа полтора, мне надо домой сходить, посмотреть, что и как, а тебе советую на ярмарку заглянуть.

Только Лахэн отошел от нее, как вдруг Настю сзади кто-то сильно ударил по плечу. Настя обернулась, недовольная такой фамильярностью, и увидела смеющуюся Ларису Судаченкову. Сказала:

– Ну, ты, Лариска, и даешь! Ведь так недолго человека и заикой сделать. Привет! Наконец-то увидела тебя.

– Вчера вечером только из Паланы приехала. Гляжу и глазам не верю. С одной стороны посмотрела, с другой, и хоть быть этого не может, но ты, Одинцова, все-таки здесь. И как это тебе удалось? А все приbedнялась: денег нет, денег нет.

– Можешь верить – не верить, но их и сейчас нет. Просто повезло, друг пригласил в проекте поучаствовать.

– Я еще в Центре заметила: счастливая ты, Анастасия. С Лахэном, вот вижу, снова общаешься... – сказала Лариса, делая акцент на слове «снова». От Насти не

ускользнуло, что при упоминании имени Лахэна глаза бывшей стажерки Центра блеснули недобрым огнем, а тонкие губы плотно сжались.

– Конечно, со всеми общаюсь и с ним в том числе, а ты никак ревнуешь, а? – спокойно ответила Настя.

– Вот еще. А с женой его уже познакомились? С Карритой, – с явной издевкой спросила Судаченкова. – Что-то я ее на празднике еще не видела.

Настя, выдержав пристальный взгляд корячки, произнесла, разведя руками:

– Нет, как-то еще не пришлось. Лахэн сказал, что она куда-то уехала, вроде к родне.

Насте не понравился тон Ларисы и то, как она откровенно совала нос в ее отношения с ним. А та, словно почувствовав это, язвительно произнесла, будто делясь сокровенной тайной:

– Жена Лахэна ревнивая, так что берегись, если узнает о твоей к нему симпатии, не помилует.

Даже непосвященному в их отношения человеку было видно, что Лариса была готова вцепиться в Анастасию.

И Настю это не на шутку задело, она резко отпарировала:

– В таком случае, как же ты сама уцелела от ее ревности? Я же еще в Москве заметила твое равнодушие к Лахэну, а, Лариса? Может, секретом поделишься?

Лариса, насколько можно сдерживая себя, ответила с вызовом:

– А я с Карритой дружу.

Еще в Центре ей меньше всех нравилась Одинцова. Мало того, что она сразу, хоть и неосознанно, захватила лидерство в их небольшом коллективе, но еще и завлекла в свои сети Лахэна. А этого Лариса Анастасии никак не могла простить. Лариса не понимала и что так притягивает к ней людей, а от нее, Ларисы, наоборот, отталкивает. Не понимала – и потому злилась еще больше.

Настя чувствовала, что ее понесло. Она не хотела уступать любопытной корячке в этом разговоре и, мило улыбаясь, сказала:

– Это очень удобно, правда, Лара? Дружить с женой и тут же с вождением поглядывать на ее мужа? Вот уж не думала, что ты так обрадуешься моему приезду на Камчатку, что с первого момента встречи прольешь на меня всю свою желчь и только из-за того, что я общаюсь с Лахэном.

– Ну что ты, Настя, это тебе только показалось, что я не рада. Ради Бога, общайся с кем хочешь, мне до этого и дела нет. В Каврале много чего интересного увидеть можно, не пропусти. Правда, гидом твоим мне некогда быть, извини, тоже хочу с друзьями наобщаться, – на одном дыхании выпалила Лариса и с посеревшим от злобы лицом, резко развернувшись к Насте спиной, пошла прочь.

– Общение облагораживает, так что – иди, общайся, а я как-нибудь сама справлюсь, – сказала уже в спину ей Анастасия.

Она была рада, что разговор с Судаченковой не зашел слишком далеко, оставляя после себя только неприятное ощущение. Ей совсем не хотелось осложнять себе жизнь здесь, тем более, что и дней-то осталось совсем немного. И всё же Лариса сумела стать той ложкой дегтя, что испортила целую бочку меда. Настя еще не забыла, как она и в Центре не давала ей покою, намекая ребятам на ее роман с Лахэном, но

там была Москва – территория нейтральная, здесь – Каврал. Там слова Ларисы ни на кого не возымели воздействия, а здесь – могли навредить Лахэну. Настя знала, что Лариса учится в педагогическом училище, и уже сейчас жалела ее будущих учеников, так как понимала: не любит корячка людей и нет в ней искренности. Вроде и улыбаются тебе, а на деле того и гляди, как бы жало ядовитое не выкинула. И Настя решила как можно подальше держаться от нее на Алхалалалае. И чтобы поднять себе настроение, заспешила на ярмарку.

А там уже всю шла бойкая и шумная торговля бисерными поделками, выточенными из кости божками, художественным плетением из травы, аппликациями из меха, тиснением по бересте.

Тут же Настя заметила москвичку Катерину с немцами, выбиравших себе на память сувенир, Сергея. Какая-то бабулька впереди нее торговалась с продавцом ленатов.

– Ты мне, дочка, подешевле выбери. Внучке хочу в подарок купить, а денег, вишь, совсем нет.

Старушка раскрыла свой выдавший виды потрепанный кошелек и поднесла продавщице. Та, увидев его, засмеялась:

– Ты, бабуля, лучше себе подарок сделай – новый кошелек купи. Внучка с лена-том погодит.

– Нет, – закачала головой старуха, – я и с этим похожу. А внучке ленат куплю, глядишь, она и порадует. От ее радости и у меня на душе теплее станет. На следующее лето обещалась в гости приехать.

Настя решила бабульку поддержать.

– Правильно, бабушка, с таким мужчиной кошельки запросто не выбрасывают, он же и деньги твои убережет.

Все вокруг засмеялись.

– Вот видишь, бабушка, я в твоём кошельке только разодранные ячейки заметила, а девушка, что помоложе, и мужчину разглядела, – сказала продавщица, подавая старушке ленат.

– Так как его не заметить, если он на бабушкином кошельке в полный рост стоит, – как бы оправдываясь перед народом, весело произнесла Настя.

Через столика три Сергей Суханов записывал рассказ Александра Притчина, известного ительменского художника. Настя тоже подошла посмотреть его знаменитые «нэцкэ» и послушать.

– Выучился на театрального художника, но в городе жить не смог, уж очень душа рвалась в родной Каврал. Здесь сначала писал портреты односельчан. Людям они нравились, и мне удовольствие. Затем рисование забросил и занялся скульптурной миниатюрой.

– И опять создал серию портретов своих земляков, только в другом качестве? – спросил Сергей.

– А от них заряд творческой энергии черпаешь, улыбнулся Александр. – Кстати, я очень люблю работать над сюжетными картинками, создавая образы животных.

– Мне они тоже особо понравились. Я даже уже выбрал, что у тебя купить.

Настя сгорала от любопытства.

– Признайся, что? Может, и я себе подобную куплю.

– Нет, подобного здесь больше нет.

Сергей торжественно разжал руку – и взору Насти представились две совоку-
пляющиеся лайки.

– Сколько я тебя, Сережка, знаю, ты не устаешь удивлять меня.

– Ладно, выбирай себе и не мешай мне записывать. Саша, скажи, а где ты офи-
циально работаешь?

Тот смутился и, опустив глаза, негромко произнес:

– Нигде. У нас работы здесь для мужиков нет. Как все, кормлюсь рыбалкой, ого-
родом да тем, что продам.

Настя с великим любопытством разглядывала маленькие фигурки, вызываю-
щие в ней смешанные, волнующие чувства, точно зов природы. Они все словно жи-
вые, и трудно было выбрать для покупки какую-то одну.

Сергей, видя, как она в растерянности стоит перед этим великолепием, пошутил:

– Что, Анастасия, все забрала бы не глядя?

– И не говори. Ты вот себе выбрал, а у меня глаза разбегаются.

Александр, взяв в руки скульптурку с гребцом на лодке, подал ее Насте, со словами:

– Я думаю, вам нужна именно эта.

– Почему? – удивилась она.

– Этот рыбак поможет вам плыть по реке судьбы. Часто люди принимают мни-
мое за действительное, не ценят то, что рядом находится. Берите – не пожалеете.

И она взяла.

Нехотя отходя от столика Александра Притчина, Сергей в сердцах высказался:

– Представляешь, его миниатюрки в США, в Германии огромный успех имеют. Работы потрясающие, ни в чем не уступающие японским нэцкэ, а парень живет на
границе бедности, вот уж точно «умом Россию не понять...».

– Знаешь, Сережа, я в последнее время все больше убеждаюсь – в России пото-
му столько талантов, что само пространственное расположение ее на земном шаре
особое. Сердце земли она, понимаешь. Мы в библиотеке как-то с девочками реши-
ли что-то наподобие статистики сделать по знаменитостям в разных странах, так по
России устали считать. Ни одна страна в этом вопросе с нами в сравнение не идет.

– Это понятно. Обидно другое: почему наши чиновники на верхах не пекутся
о таких людях. Сколько умных голов за рубеж уже выехало! Почему не поддержи-
вается престиж страны? Почему таланты должны за кусок хлеба горбатиться, а без-
дари-клерки от сытости и роскоши жиреть? Противно, честное слово, противно. Я
раньше был готов каждого выезжавшего из России предателем Родины назвать. Но
затем понял, почему лучшие творческие силы вынуждены покидать страну, бежать
из нее. Никто не может сказать, сколько времени ему отпущено жить, потому и
ищут более нормальные условия для выражения своих талантов, и за это их нельзя
осуждать: каждому человеку дано право выбора. А если есть руки и голова – русский
человек нигде не пропадет.

– Да, все зависит от самого человека. Я к тому это, что мир, несмотря ни на что,
удивительно хорош, Сережа. Тобой он начинается и в тебе может умереть, а виноват
в его смерти будешь только ты сам. Правильно сказал: нам всем Господь дает право

выбора. И если мы живем худо, значит, и выбор такой делаем. Не зря же говорят: «Народ всегда достоин тех правителей, которых он выбирает».

– Ну, ты, Анастасия, уже совсем в философию ударилась. Народ сам никого не выбирает, им всегда кто-то управляет, в этом я уверен на сто процентов. Так что твоя поговорка здесь плохо срабатывает.

– А ты, Серенький, что колючки-то свои повытаскивал, не на митинге, чай, на представление идешь. Вон на собачек своих посмотри – и враз настроение восстанавливается. В них мастер огромную положительную энергию заложил. Даже придорожные камни и те считаются живыми, а ты в руках творение души человеческой несешь! Улыбнись, Серенький.

Сергей на самом деле так разгорячился разговором, что глаза засветились холодным, непримиримым огнем, поэтому на призыв Насти улыбнуться он откликнулся не сразу.

– Бывает, и я, Анастасия, с рельсов схожу. Ты права: митинговать здесь смысла нет. А лаечки мои – просто чудо! Вот ребята на студии позавидуют!

* * *

Когда Настя вновь увидела Лахэна, он подарил ей клык моржа, чтобы тот охранял ее от всех бед и напоминал об Алхалалалае.

– Сам сделал. А теперь извини, надо к выступлению готовиться, у сцены увидимся.

На Алхалалалае участниками всех разыгрываемых сюжетов становились все от мала до велика. Девушки плели венки и надевали их на головы тех мужчин, которые отправлялись рубить березу. Приносили ее на место праздника и собирали две команды. Люди хватались с обеих сторон за березу и начинали перетягивать ее – кто кого. Сергей с Настей оказались по разные стороны, зато Лахэн и Харьюз на стороне Насти, но всем им досталась верхушка дерева, которая собрала не так уж много народа, потому что в соревновании по перетягиванию выиграла сторона Сергея.

Ребятишки гостям дарили лилии и ромашки. Черноглазый малец, смущаясь, сунул ромашку Насте. Только она хотела его поблагодарить, как того словно ветром сдуло. К ней подошел Сергей.

– Не успела приехать на Алхалалалай, как на ромашке гадать принялась?

– А у самого-то что в руках? Не прячь, показывай.

– Мне, голубушка, лилия досталась, не то что некоторым.

– Эх ты, Серенький, Серенький, в тебе совсем отсутствует романтика. Посмотри только, как светится в лучах солнца сердцевинка ромашки. А сколько в детстве на нее перегадано? Помню, задумаешь мальчишку и шепчешь заветные слова: «Любит, не любит...»

Сергей подхватил детское заклинание:

– Плюнет, поцелует, к черту пошлет, женой назовет... Знаю я все эти ваши девчоночьи штучки.

– И неправильно произнес. Не к черту пошлет, а к сердцу прижмет, женой назовет.

– Вот, вот. Вытащи ее ночью из-под подушки и погадай на своего Лахэна. Видел я, как ты вся светилась рядом с ним, – и электричества не надо.

– Подглядываешь? Нехорошо, а еще друг называешься.

– Было бы за чем подглядывать. Вы ж на празднике друг от друга не отходите.
– Неужто заметно? – испугалась Настя.
– Да не пугайся ты так. Это мне заметно, а другим, скорее всего, и дела нет. Тем более, что вокруг столько людей.

Праздничное настроение ощущалось в самом воздухе Каврала. Хотелось смеяться, дурачиться, танцевать.

Почти все ительмены танцуют с детства: такая их индивидуальная особенность. Поэтому, наверное, на празднике и проходит соревнование – Норгали – кто кого перетанцует. Под звуки бубна, наигрыш гармошки выходят все, кто хочет испытать свои силы в танце. А зрители, подбадривая танцующих, поют:

Норгали, норгали,
А мы пляшем норгали...

Читая о Камчатке, Настя заметила, что о танцах этнографы писали особо: если, мол, камчадалы начнут плясать, то пляшут до тех пор, пока силы хватает.

Бывало, что в старину ительмены танцевали по двенадцать-пятнадцать часов подряд, с вечера до утра. Плясали сутками, сменяя друг друга. И ни один человек в юрте не мог усидеть. Даже самые дряхлые старики не жалели терять при этом последние силы. В танцах выяснялись отношения, в танцах признавались в любви, а некоторые в танцах умудрялись даже отбить девушку у своего соперника.

В Москве для Насти мир Лахэна обозначился лишь гостиничным номером с ореолом камчатской таинственности. Там он принадлежал ей безраздельно. Его жизнь на краю земли казалась за гранью неизведанного. И вот ей пришлось столкнуться с реальностью, которой желала и которая страшила. Только здесь она полностью осознала – он чужой муж. У него есть дом, жена, дети. И именно здесь, в непосредственном соприкосновении с его камчатским миром, Настя поняла: отказаться от него не сможет.

Молила Господа простить за то, что даже мысли о жене Лахэна гнала прочь. Пролетев большую половину земного шара ради встречи с ним, желала одного – видеть, любить и быть любимой.

Лахэн подошел к ней, когда она говорила с Сергеем, и сказал:

– В школе будут показывать фильм о нашем ансамбле, когда он делал первые шаги. Может, пойдете посмотрите? И я бы с вами пошел.

– Конечно, – сказала Настя за себя и Сергея.

Во время просмотра фильма у Насти появилось чувство, что она попала в 50-е годы. Пленка была старая, и в каких-то местах ее начинало зажевывать, тогда фильм прерывался, а люди сидели тихо и ожидали продолжения. В темноте Лахэн, не боясь, взял Настю за руку. В этот момент ей подумалось: вот так бы всю жизнь и простояла с ним.

Лахэн больше смотрел не на экран, он видел эту пленку много раз, а наблюдал за Настей. Можно было вовсе не видеть фильма – ее лицо, глаза, рука в его руке отражали все события. И по дрожанию ее пальцев он чувствовал, что она так же

рада этой возможности побыть с ним рядом, как и он с ней. И сколько слов друг другу сказали их руки! Никогда Лахэн не думал, что руки тоже умеют говорить. И он, держа в своей ладони ладонь Насти, говорил ей о своих чувствах. О том, что ему невозможно жить в разлуке с ней, что он тоскует по ее ласкам. Видел, какой красивой она была, видел ее совершенно другой – не такой, как в Москве. Все для Лахэна в ней было удивительным...

И тут он нечаянно заметил, как глядит на нее Сергей. Подумал, может для Насти он и друг, а для него-то она – любимая. И после фильма, когда Сергей отошел от них к Перию, прошептал Насте ревниво:

– А ты, Настя, для Сергея гораздо больше значишь, нежели просто друг.

– Для Серенького?! – изумилась она. – С чего ты взял?

– А ты никогда из его поля зрения не выходишь. Мне стоило раз с ним глазами встретиться – сразу понял: ревнует он тебя ко мне, только благородно уступает.

– Что ты, Лахэн, с Сергеем мы дружим уже много лет. Мы с ним один институт заканчивали. Так что, даже не думай об этом.

– А я и не думаю, просто увидел и сказал тебе.

Пока Анастасия говорила с Лахэном, Перий познакомил Сергея с Кончатом Павлуцким – президентом Совета ительменов Камчатки, и тот пригласил их с Настей к себе в гости.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Вечер удался на славу. Много шутили, пели, даже пытались танцевать. Вернее, пыталась Настя, когда ей жена Кончата Ольга показывала ительменские движения. Кончат подтрунивал:

– Ты, Анастасия, не дрейфь, за Алхалалалай так натанцуешься, что в самолете у Сергея вместо багажа сойдешь. И саамы твои тебя не узнают. Кстати, как они там проживают? Слышал, у вас уже вторая организация появилась. Была Ассоциация, а теперь что?

– Разделение произошло, теперь у нас еще и ОСМО есть, то есть Объединение саамов Мурманской области, – ответила Настя, приходя в себя от возбуждения после танца.

– Ты знаешь, Перий, – обратился он к руководителю ансамбля, – эти саамы молдцы. Правит ими баба, а они, видишь, все объединяются, права свои отстаивают.

– Думаю, это только со стороны так видится, Кончат. В Москве саамские лидеры, естественно, говорят, что хорошо работают, а на самом деле люди недовольны ни Ассоциацией, ни ОСМО.

– Почему так? – удивился Кончат.

– Да потому, что все наши лидеры больше под себя гребут, а не о благополучии народа пекутся. Мое мнение – наши саамские общественные организации в основном работают на разъединение людей, а не на объединение. А некоторых саамов развратили еще и иностранцы. Вкладывая огромные средства в надуманные, липовые проекты, они не проверяют на деле их осуществление, доверяя бумажным, таким же липовым отчетам. Понятно, что за рубежом все построено на демократическом доверии: заработал – получил. А у нас? Семьдесят лет от малой

структуры до большой стояли проверяющие, ревизоры, народный контроль... и вдруг – свобода! Потому-то из наших лидеров те, кто окунулся в дармовые деньги с головой, не хотят не то чтобы подпустить кого-то поближе, но и поделиться с сородичами хоть малым из того большого, что перепадает им.

– Надо же! А в Москве всегда так умно выступают! Позавидуешь и только.

– А ты разве не заметил, что и в Москву-то из саамов одни и те же ездят?

– Заметил. Но ведь все думают: их народ выбирает.

– Как же, народ. Сами себя и выбирают, а народ только перед свершившимся фактом ставят. Ты думаешь, у нас кроме примелькавшихся и поехать некому? Да только кто их пустит туда? Тут, как в хорошей мафии, все схвачено.

– Да, дела!

Настя наблюдала за Кончатом. Он походил более на европейца, нежели ительмена. Не было у него тайной раскосости глаз, как у Лахэна, большого орлиного, как у Перия, носа, словно по заказу выточенного с образа хищной птицы, волнистых черных волос, как у Харьюза: не терпел он на своем лице и никакой растительности, даже усов не носил. И все же в нем были и чисто ительменские черты – это и красноватый оттенок кожи, и глубоко посаженные с хитринкой глаза, густые черные брови, нависшие над ними, лунные, чуть выпуклые скулы, постоянно прячущие усмешку в толстых губах. Украшением на лице были огромные, почти квадратные, очки с толстыми стеклами.

Мужчины-ительмены роста совсем невысокого, но Кончат и здесь выделялся среди своих сородичей – был почти на голову выше всех. Стоял на земле твердо, уверенно. Кряжистый, словно камчатский кедровик, с великим почтением относился он и к корням своего рода. Делал все на совесть, неторопливо, добротнo. Тепло, с огромным уважением отзывался о своих родителях, помогал им чем мог.

– Настя, ты, наверное, видела северное сияние? – решила перевести разговор в другое русло жена Кончата. – Мы тут однажды по телевизору передачу смотрели, так там говорили, что это необыкновенное зрелище. Расскажи, какое оно?

– Видела, Оля. Каждую зиму люблюсь им. Но как о нем рассказать? Его надо самой наблюдать. Вот в Москве я тоже все просила Перия рассказать об Алхалалалае. Но, конечно же, рассказ ни в какое сравнение не идет с тем, что я увидела.

– И все же, Насть, расскажи, – поддержал Ольгу Кончат.

– Ну хорошо, как хозяевам откажешь. Представьте себе половину небосвода бархатисто-черным. На второй – сияние. Сначала оно словно разминается, выползая на небосвод и поигрывая яркими цветами. То выкинет розовое пламя, то лимонное, то сине-зеленое. Сияния всегда разные. Бывают неинтересными, но однажды я видела – не забыть. Небо начало бурлить, клубиться, из потоков света образовалась яркая воронка. Каких только цветовых оттенков в ней не намешалось: лиловых, фиолетовых, сиреневых, лазурно-сливовых, изумрудно-синих, лимонно-золотых... Она то словно выпячивалась, надувалась, опускаясь чуть ли не до земли, то вдруг начинала всасываться в небо. Когда разноцветные языки сияния опускались к земле, было даже страшновато: а что если схватит тебя за космы и утащит на небо, как в саамских преданиях о сполохе Найнасе? Все вокруг бурлит, ходуном ходит, изображая разные причудливые формы и силуэты. Помню,

мне тогда подумалось, что это как война миров, зла и добра. А однажды у нас в библиотеке перед детьми выступал капитан атомного ледокола «Ленин» Борис Макарович Соколов, так вот он рассказывал, что мурманские сияния совсем не сильные – всего лишь след сияний арктических. Когда они проходили среди льдов на ледоколе полярной ночью, частенько наблюдали игру северного сияния. Вдруг то в одном, то в другом, то в третьем месте бездонного черного неба начинают появляться вспышки, подобные разорвавшимся ракетницам: желтые, красные, зеленые... Затем все схватываются, точно прозрачным газовым шарфом разных оттенков, и тут же небо начинает полыхать. Причем играет сияние в одном месте, а расцвеченным получается все небо. И сполохи начинают крутиться хороводом, а то, словно меха гармошки, растянутся, сожмутся – вверх-вниз, вверх-вниз. Борис Макарович говорил, что при такой игре северного сияния на его капитанском мостике становится так светло, что хоть книгу читай.

– Какая, наверное, красотища! Вот бы хоть разок увидеть его, – сказала мечтательно Ольга.

– А я однажды видел, – похвастался Сергей. – К Насе года три назад зимой приезжал. Правда, оно было желто-зеленым, но тоже поразило меня.

– У нас саамский поэт Аскольд Бажанов написал прекрасное стихотворение о северном сиянии. Могу процесть:

Расплескались клавиши на синем
В небе цветомузыки обвал, –
Словно на старинном клавесине
Зазвучал полуночный хорал.
Музыкант незримый был неистов –
Он над миром властвовал один!
А залив искрился аметистом
В звонкой фиолетовости льдин.
Поднимались на дыбы торосы.
Белыми медведями брели,
Бороды седые свесив, тросы
Удержать старались корабли.
Город спал, ему проспекты снились –
Там, где улиц серебрился кант...
А сверху играл на клавесине свой хорал
Незримый музыкант.
И рождали вдохновенно руки
Музыку, как жизни алгоритм,
Небо, превратившись в цветозвуки,
Северным сиянием горит.
И плывут, пылают краски эти,
Чтобы люди северной земли,
Помнили о заполярном лете
Посредине ночи и зимы.

От Павлуцких Настя с Сергеем ушли почти за полночь, так хотелось о многом поговорить, многое узнать. Договорились встретиться на празднике, чтобы Кончат рассказал Сергею подробнее о проблемах ительменов. Коль судьба давала такой шанс, он решил воспользоваться им на всю катушку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Новый день Алхалалалай приготовил гостям и хозяевам праздника семейные конкурсы, в которых вот уже много лет участвовали не только отдельные семьи, но и целые роды, восстанавливая тем самым преемственность поколений. Большую программу спортивных соревнований и конкурс на Мимсх Алхалалалай, в котором соревновались девушки и женщины. Даже если ты не ительменка, все равно можно было подать заявку на участие. Сами жители тебе во всем помогут. Задания простые: приготовить ительменское блюдо, сплясать ительменский танец, спеть песню.

При встрече с Кончатом на празднике Настя с Сергеем попросили рассказать его об ительменах.

– Одно дело в книгах прочесть, другое – из уст ительмена услышать, – сказала Настя.

– Ну, если верить историкам, то истоки моего народа надо искать либо в районах восточной Монголии, либо в Океании. Когда-то ительмены населяли всю Камчатку, занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом, охотой, собирательством.

– Ягоды и грибы что ли? – не понял Сергей.

– Нет, в основном собирались корни, семена, травы, которые употреблялись в пищу. Какими-то лечились, из каких-то вязали сети, плели циновки. Между прочим, ительмены использовали до сотни различных трав. Вот так-то! Наши женщины даже парики себе из трав делали.

– Кончат, а правда, что вы и рыбу сырой едите? – опять спросил Сергей.

– Пойдем к столам, на них сегодня ительменские жители приготовили свои кушанья, там и попробуешь.

Столы с разной снедью были накрыты прямо на улице. Чего тут только не было! Отваренные, дымившиеся огромные рыбы головы с белыми навывкат глазами, в стопочках яичных белков – горкой красная икра, рыба копченая, печень, запашистое аппетитное мясо нерпы, строганина, балык, ягоды, пироги, кулебяки, ритуальное блюдо шилк-шилк⁶⁰ – ешь не хочу! Настои, морсы, самогон. Сергей, получив от Кончата кусок строганины, долго не решался его попробовать.

Настя знала редкую привередливость друга в еде и при случае всегда подсмеивалась над ним. Сама она не раз ела мороженую рыбу, которая на вкус ей казалась очень приятной. Видя нерешительность его, подколола:

– Смотри, Серенький, как бы глисты не завелись.

– Тогда почему сама за обе щеки трескаешь?

⁶⁰ Шилк-шилк – ритуальное блюдо из нерпичьего жира, толченых клубеньков сараны (лилии), различных ягод, рыбьей икры, иногда – мяса.

– Я привычная, в детстве сырое замороженное оленье мясо ела, а к новичку все цепляется.

– Настя, ты так Сергея совсем запугаешь, – сказал, хохотнув, Кончат. – Да не слушай ты ее, ешь. Эта рыба самая свежая. Раньше мои предки рыбы много запасали. Рыли ямы, засыпали землей. Когда натомится – из земли долой, в колоды, туда же – камни горячие. Вода нагреется, ее с рыбой размешают и пьют.

У Сергея перекошилось лицо, только представил такую еду.

– От подобных действий рыба стухнуть должна, – сказал он.

Кончат, видя его кривую физиономию, тоже вслед за Настей весело рассмеялся.

– Да уж, Сережа, тебе тот запах и за версту не вынести. А еще в рыбьем жире яйца, собранные в апреле, хранили. Представь: яйца морских птиц и так рыбой пахнут, да еще их месяцев на четыре-пять в рыбий жир. Во запашок! Ели, однако, ничем не брезговали. Тут тебе не Московия.

Сергей все, что рассказывал Кончат, принимал как пережиток прошлого. Рубеж тысячелетий, миром правит цивилизация, а Камчатка словно из каменного века еще не вышла.

Около стола к их компании присоединились Перий с Оячком, решившие тоже перекусить, да, услышав такие разговоры, задержались.

Кончат рассказывал о том, что древние ительмены орудия труда делали из камня, дерева и кости. Ружей долго не было, большей частью обходились луками и стрелами с костяными и каменными наконечниками, а наконечники копий делались из горного хрусталя. Летом по камчатской тундре передвигались на долбленных из тополя колодообразных лодках-ботах, зимой – на собачьих упряжках и лыжах.

– Настя, а на чем ваши саамы ездили, не знаешь?

– На кережах, длина и ширина которых соответствовали средним размерам оленя. Но сейчас технология изготовления кереж практически утеряна, не знаю, найдется ли в Заполярье подобный мастер, – уверенно ответила та, так как не единожды в библиотеке для учащихся проводила беседы, посвященные саамскому быту.

– У нас в конце тридцатых годов, – продолжал рассказывать Кончат, – был образован ительменский район с центром в Хайрюзово.

– Слушайте, ребята, а хотите, я вам про объединение колхозов расскажу? Записал о нем, когда к Анастасии на Саамские игры летом ездил.

– Разумеется, хотим, – за всех ответил Кончат. – А то меня пытаете, а сами толком ничего не рассказываете.

– Есть в Луйяввре один дедок, ему сейчас уже за восемьдесят, но, несмотря на преклонный возраст, хохмач, каких поискать. Яков Иванович Юшков. Он мне этот случай и рассказал:

«Выбрали люди председателя в Терском районе, осталось только имущество обобществить. На собрании председатель встал и сказал:

– У рыбака Ивана лодка есть, невод – надо имущество обобществить.

Брат председателя захопал в ладоши и одобрительно закачал головой:

– Правильно, брат Павел, говоришь, правильно! Надо обобществлять.

– У дядьки Семена лошадь есть, телега – надо обобществить.

Брат его опять в ладоши громче всех хлопает и кричит:

- Правильно, брат Павел, правильно! Надо обобществлять.
- У моего брата тоже лошадь есть, телега – надо обобществить.

Тут брат председателя взвился как ужаленный, выкинул вперед руку с большой фигой и закричал:

- А хрена тебе, брат Павел, не надо? Неправильно говоришь, неправильно!»

– Конечно, тот брат председателя покрепче сказал, а я считаю этот случай очень показательным.

– Да уж. Вот поди-ка, мужики, маленький рассказ, а какой характерный! – сказал Перий. – Мне думается, и у нас подобные ситуации были.

– А вот еще. Тут нам Кончат про яйца рассказывал, – продолжил Сергей. – И Яков Иванович мне тоже про яйца, только свою историю. Те же тридцатые годы.

Голод. Надо чем-то детей кормить. В становищах – одна рыба, а он – в те времена председатель колхоза – и решил яйца со скал собирать. Выбрали самого легкого мужика, договорились: дернет раз за веревку – ведро вытаскивают, три – его самого. Опустили метров на десять – и сразу три дерга последовало. Что такое, думают? Подняли, а на мужике лица нет. Струхнул. Да и было от чего – скалы-то на Мурмане метров под сто высотой. Больше опускать некого. Самого председателя не удержать – в нем килограммов восемьдесят весу. И решили: к хорею, палке, что оленей погоняют, сеточку на кольцо надеть.

За два дня тысячу яиц собрали, но посчитали – мало. Вновь пошли. Забрался Яков Иванович на скалу, оступился и еле удержался. Стоит, прижавшись к камню, думает – больше за яйцами не полезу, иначе чужие не соберу и свои потеряю.

Все от души посмеялись.

– Удивительно, сколько у наших народов в жизни и комического, и трагического одновременно, – качая головой, произнес Кончат. И, обращаясь к Перию и Оячеку, спросил:

– А помните, каким был конец восьмидесятых? Начало подъема движения малочисленных народов Севера. И, конечно, мы первыми включились в это движение. Провели учредительный съезд, образовали Совет возрождения ительменов Камчатки «Тхсаном». Тогда же выбрали Каврал столицей Ительмении, в 1987-м возродили Алхалалалай... Но... С перестройкой экономика России потерпела крах – и сразу это ударило по жизни кавралцев.

Кончат, Перий и Оячек вспоминали те годы, а перед глазами Насти вставала картина, полная бед и несчастий саамов. Газеты и журналы вплоть до последнего десятилетия печатали в основном только лозунговые статьи о достижениях совхозов и совсем мало правдивых заметок о жизни коренных жителей. Это только в песнях и книгах приукрашена жизнь саамских пастухов, а на деле – холод, что продирает до костей, мокрая, в мелких сосульках одежда, вонючий промозглый балок, вечная, однообразная еда и бесконечно мужское общество – вот она, жизнь пастуха. Три месяца в тундре, две недели в селе – и опять только успевай наматывать сотни километров, поспевая за оленями... И ни тебе тепла, ни уюта, ни телевизора...

Точно по старой поговорке саамы живут: Спереди – море, позади – горе, справа – ох да мох, одна надежда – Бог. Да и слышала Настя, что в нынешнем хозяйстве «Тундра» из саамов пастухами остались раз-два да обчелся, больше без работы по селу шатаются...

Из задумчивости Настю вывел голос Оячека:

– А что?.. Сейчас мы занимаемся реализацией пушнины – соболев, лисица, горностай, разве плохо?

– Это все так, Оячек, но, как ни крути, существуем-то мы за счет рыболовства. За счет чавычи, горбуши, кижуча... Нам позарез не хватает лимитов, нет средств, транспорта, машин для переработки рыбы.

– То есть ты хочешь сказать, Кончат, что вам нужны крупные капиталовложения? – спросил Сергей.

– Да. Думаю, самая главная задача наших проектов сегодня – это создание рабочих мест, которых никогда не бывало в Каврале. Развитие туризма, самого разного – спортивного, этнографического... Вот мы поговорили с Перием и решили – и танцы наши могут быть товаром и приносить доход, хотя бы пока ансамблю, тем, кто это прекрасно делает. Скажи им, Перий, легко все было восстанавливать? – спросил Кончат.

– Откуда легко? Мы мастериц в Каврале, умеющих шить торбаса⁶¹, тапки из камусов или шкур морского зверя, плести легкие корзины для ягод и грибов с трудом нашли. А меня, между прочим, когда я был на совещании в Москве, спросили, чего, мол, я так пупок надрываю? Народное искусство бездонно, сколько из него ни черпай, все равно что-нибудь останется. А я, Сережа, говорю – не бездонно оно. Фольклор умирает, вот что страшно. Ведь поразительное смешение в умах наших людей произошло. Многие века люди жили, сохраняя народные предания – очень дорогие, ценные для них. И вдруг за какие-то несколько десятков лет все утратили. Отчего такое разрушительное начало в людях появилось, кто-нибудь скажет мне?

– Ну чего тут не ясно, прогресс со счетов не скинешь, – сказал Сергей. – Посмотри, какую мощь набрала информатика. Радио, телевидение, теперь компьютеры...

– Это ты, Сережа, говоришь с позиции москвича, а я считаю: изменился образ жизни наших народов, их сознание, психология.

– Всем принимающим участие в разговоре было понятно, что в России слишком резко схватились перестраивать общество, а перестройку надо было начинать с самих себя. Чем для советских людей был Союз? Дом, построенный из лозунгов и плакатов, на который стоило посильней дунуть ветру перемен, и он, как в сказке о «Трех поросятах», тут же развалился. Многих это сразу озлобило. А может, зло на земле и торжествует; пока люди снова острее не почувствуют необходимость в добре?

– Я, например, пришел к выводу, что все «достижение» Советской власти – это привитие коренным жителям мысли, что о них должен кто-то заботиться, – рассуждал Кончат. – В начале перестройки государство бросило аборигенов на выживание, ну и, конечно, сразу всплыли все наши беды. Прежде всего, коренным народам необходимо изменить свою психологию, задуматься о том, что в этой жизни все в первую очередь зависит от них самих, а не от чьих-нибудь подачек, чьей-то помощи.

Настю ительменский президент восхищал. Вечером, когда все уже разошлись, Кончат разыскал их с Сергеем и позвал пройтись с ним к берегу реки.

– Если честно, подустал я от всей этой организации. Вот хочу пригласить вас с собой потанцевать.

61 Торбаса – мужская обувь.

– На берегу реки? – удивился Сергей.

– Точно, на берегу. Я танцевать так хорошо, как наши кавральцы, не умею, слишком много жил вне дома, учился, а природа, она все равно свое требует. Вот и решил, что вы-то мне как раз в партнеры подойдете.

– Но мы по-ительменски и вообще не умеем танцевать, – сказала, улыбаясь, Настя.

– Так в этом весь и фокус, я тоже не умею, а хочется. Пошли.

Так, освещенные звездами и почти округлившейся луной, на берегу реки они стали танцевать с Кончатом, чтобы подбодрить ительменского лидера. Танцевали от души, вкладывая в танец все свои чувства, всю свою страсть. А может, танцем все трое поднимали себе настроение.

Когда Сергей брал у Кончата интервью, тот ему, отвечая на вопрос: «Что для тебя в жизни главное?», признался: «Жить всегда в хорошем настроении».

Сергей с Настей уже спокойно относились к неожиданным поступкам ительменов, поэтому предложение Кончата было принято как должное.

– Возвращаясь к нашему разговору у столов, – заговорил Кончат, – скажу, что способов сделать жизнь кавральцев лучше – множество. Одна проблема – совдеповская система их так развратила, что они ждут манну небесную и даже не думают пальцем пошевелить. У меня был разговор с Семеном Елагиным, американским коряком (так шутливо прозывают его в Палане), и он рассказывал, как в Америке корейцы выживали...

– Он что, по-настоящему американский коряк? – спросил заинтересовавшийся Сергей.

– Долгая история. Детство проходило в Палане, сознательная жизнь – в Америке, теперь обитает в Москве. Русский – по рождению, жизненный опыт, уклад – американский. Мужик, прямо тебе скажу, не простой. Хочет казаться своим, но что на душе – никому не раскроет. С добром ли пришел, трудно сказать, но кое-что из его советов стоит внимания.

– Между прочим, я тоже его знаю, – сказала Настя. – Руководитель Информационного центра. Что же он тебе рассказывал?

– Что эти самые корейцы по приезде в Америку – сколько их там приехало – объединились, вложили все свои средства в покупку магазина. Затем по числу вкладчиков сделали бумажки и на одной поставили крестик. Тот, кто вытаскивал крестик, становился полноправным хозяином магазина, все остальные – служащими. Но прежде чем покупать магазин, они прекрасно изучили рынок сбыта и то, чего не хватало в их районе, стали завозить. Причем работали все на совесть. Через год, когда дела у хозяина магазина благодаря сообществу пошли в гору, он вернул ту сумму вклада, в которую ему обошелся магазин, плюс еще десять процентов. Опять собрали – следующий вытащил крестик. Теперь купили ресторан, и вновь все, кто не вытянул «счастья», работали у новоявленного хозяина.

Продолжалось это до тех пор, пока все вкладчики не стали владельцами магазинов или ресторанов. Так в Америке появился целый корейский квартал. И они, как утверждает Семен, процветают. С ними считаются банкиры. У них отовариваются жители нескольких соседних кварталов. В любое время суток там можно купить свежие фрукты и овощи, заказать на дом горячий обед. За доставку не берут ни

цента – и этим притягивают к себе все новых и новых клиентов, делают их постоянными, а не от случая к случаю. Постоянный клиент – постоянный доход.

Наше отличие от корейцев в том, что они не покладая рук трудятся, понимая: от этого зависит их бизнес, а значит, сытая жизнь. Стоит чуть ослабить старание – и рынок раздавит. А наши? Разве они будут так работать? Живут одним днём. Я не говорю, что среди ительменов нет предприимчивых людей, я говорю обобщенно.

– Слушай, Кончат, а ведь это классная мысль! Подбери сначала немногих, самых надежных, а когда дело закрутится, и те, кто не верит в перемены, вынуждены будут решать, как жить, – сказал, загораясь идеей, Сергей. – Придет время, и твои кавральцы начнут перенимать опыт корейцев.

– Не сыпь соль на рану. Самому эта мысль покоя не дает. Поживем – увидим.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Соревнование по пластанию чавычи проводили самые почтенные в Каврале мужчины. Охотников участвовать в конкурсе нашлось немало.

– Сузвай, а почему ты не хочешь попробовать, ведь вон из ваших Вахлаг-баянист приготовился. Я бы за тебя болела, – спросила своего гостеприимного хозяина Катерина.

– Вахлаг у нас всегда идет везде, потому что надо же кому-то людей заводить. Причем, знаешь, он так переживает за гостей, что редко позволяет себе их обыграть. А что же я, встану и буду всерьез соревноваться с теми, кто хуже меня рыбу пластает? Нет, так не годится. Пусть люди вкус радости от сопричастия к празднику почувствуют не только у себя в душе, но и на языке. Ведь после пластания чавычи они сообща будут уху варить, чтобы ею гостей кормить.

– Теперь понятно, что мне в вашем празднике нравится: вы и сами ощущаете его вкус, и даете ощутить своим гостям. Побывав на Алхалалалае, ни один гость его уже не забудет. Такое не всем организаторам праздников удастся – это уж ты мне поверь. В основном люди на подобных мероприятиях – зрители, ходят, толкаются, поглазеют, как веселятся организаторы, – с тем и уходят. А любой настоящий праздник подразумевает не пассивное действие среди зрителей, а активное их участие в творческом процессе. И самое удивительное, что вам с легкостью удастся сделать из зрителей участников, заразить их своим праздником. Причем и праздники-то чаще всего проводятся в день-два, а вы целую неделю радость и другим, и себе дарите.

– Я думаю, Катя, в старое время у ительменов не так-то много было праздников, поэтому уж если они их проводили, то вкладывали в отдых всю душу, всю фантазию, бывало – по месяцу праздновали.

Старейшины – судьи – объявили старт соревнующимся. На траве перед каждым мужчиной лежала больших размеров красная рыба чавыча. Ее нужно было распластать так, чтобы ни одной косточки на мякоти не осталось. Мужчины ножами проводили по хребту рыбы, отсоединяя мякоть от скелета. Рядом с Вахлагом пластали рыбу два японца и старик Ое, который, как Кате показалось, всего два раза полоснул по рыбине, вывернул ее и отделил хребтовую кость от головы. Вторым после него

рыбу распластал один из японцев и, наконец, Вахлаг. Остальные участники уже не спешили. Первые три победителя были судьями определены. Хотя японец и получил второе место, но качественнее всех распластал рыбу, конечно же, Вахлаг.

– А что победителей только объявляют, а не награждают? – удивленно спросила Катерина Сузвай.

– Все награждения проходят в последний день. Подарков много приготовлено, никого не обидят. Ведь у нас к этому празднику целый год готовятся. И опять мы много танцевать будем.

– Какой молодец дедок-то, посмотри, как все его поздравляют. Вон и Лахэн с Настей подошли. Она что, тоже у него живет, как я у тебя?

– Ое – дядька Лахэна, а с Настей они просто большие друзья. В Москве в июне познакомилась.

– Да, я что-то помню из того, что Перий говорил, когда нас знакомил. Она, кажется, мурманчанка.

– Пошли к Вахлагу подойдем, поздравим с третьим местом.

Они подошли к веселому баянисту ансамбля «Эльвель». В нем столько было энергии, что он тут же стал давать распоряжения насчет котлов для ухи.

– А, ребята, ну как, Катюша, тебе наши соревнования?

– Замечательно. Между прочим, я болела за тебя, но когда выиграл этот дедок, порадовалась и за него.

– А что ж за японца не стала болеть? Он ведь наш гость, – хитрым прищуром посмотрев на нее, спросил Вахлаг.

– Да вот еще. Почему мы должны каким-то импортным дядям уступать. Зря ты стал медлить, нож рассматривать, говорить, что он тупой, когда все уже рыбой занимались.

– Ишь, какая глазастая. Меня, Катенька, с детства учили стариков почитать. Ведь нам рыбу распластать – делать нечего, мы с малолетства при ней. Я моложе Ое, проворнее, другие мне не соперники. Мы ведь частенько сами меж собой и на время, и на качество соревнуемся. Каждый знает, чего он в этом деле стоит.

– Это уж точно. Кстати, когда соревнуются свои, – заметил Катерине Сузвай, – Вахлаг никому себя не дает обыграть хоть в пластании чавычи, хоть в собачьих гонках. Три весны подряд первенство держит. В этом году хоть и заснул, а все одно первое место взял.

– Как это заснул? – не поняла Катя.

– Было дело, – проговорил, смущенно улыбаясь, Вахлаг, – собачьи гонки шли по маршруту Каврал – Хайрюзово – Усть-Хайрюзово – Каврал. Расстояние приличное – вот и угораздило меня заснуть... Хорошо мои собаки умные, как надо упряжку вели.

– Это правда, могу подтвердить, – со знанием дела произнес Сузвай, – вон у Оячека собаки так в гонке рванули, что даже карабин разогнулся, и остался он с нартой на месте сидеть, а собаки без каюра вперед убежали.

Тут Вахлага позвали руководить варкой ухи, и, кивнув им головой, он пошел давать распоряжения.

– Может, возьмем с собой еще несколько человек и, пока варится уха, на лодке покатаемся? – предложил Катерине Сузвай.

– Я – с радостью. Вон Ганс ходит, скучает, можно его позвать, – сказала Катерина, уже выбирая для этой прогулки попутчиков.

– Конечно, можно, тем более, я заметил, он к тебе равнодушен, можно и девочек из нашего ансамбля пригласить, а то они бегают, суетятся, а отдыхать не отдыхают.

– Просто Гансу с Эдвардом здесь толком и поговорить-то не с кем. Вот Ганс и уединяется со мной, чтобы я ему весь праздник прокомментировала. Хотя они на камеру, как я, и снимают, но все же хотят знать больше подробностей. Я как-то переводила их разговор с Перием, так вот они ему уже точно пообещали гастроли в Германии. Эти ребята, Сузвай, совсем не сентиментальны, скорее прагматики, люди дела.

– Да, но этот прагматик, как ты его обозвала, купил тебе ленат.

– Боже, неужто ревнуешь?

– С чего бы, просто наблюдательный.

– А я просто женщина, и приятно, когда тебе кто-то уделяет внимание, пусть даже Ганс, а уж тем более, если что-то дарит. В этом я ничем не отличаюсь от других.

Сузвай пожал плечами и пошел договариваться с Оячком о лодке. Затем позвал Ганса (Эдварда поблизости не оказалось) и Алесю с Ольгой, артисток ансамбля. Предупредил Вахлага, чтобы помахал им, когда уха будет готова, и они с Оячком взялись за весла.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Придя к Жирковым, Настя сразу легла спать. Время осеннее, вечера темные. Столько эмоций, встреч, разговоров... Столько всего, что и переварить трудно. Да еще разговор с Кончатом душу разбередил...

Почему так бывает: когда закрываешь глаза, то в памяти всплывают картины, далекие от того места, где ты находишься в данный момент? И наоборот, когда си-лишься восстановить что-то очень важное, нити воспоминаний ускользают, рвутся, пропадают совсем.

Ей так хотелось в тишине ночи подумать о Лахэне, которого просто видеть было мало. Она почувствовала, что у него дома возникли какие-то проблемы, но расспрашивать не стала, захочет – расскажет. Видела его дочь, которая подходила к отцу и что-то говорила по поводу собак, но нигде не было его жены. Что случилось в их семье, понять не могла. Ей так хотелось все мысли направить на любимого, поддержать его хотя бы тем, что будет думать о нем, но после разговора с Кончатом вдруг ни с того ни с сего в памяти всплыло лицо Семена Елагина, всплыло, как сон, обретя язык и образы. А может, все это было в совокупности? Вспомнился последний разговор Семена с ребятами в Центре, который касался любви к своему народу как части государства и любви к группе людей, у которых совершенно отличная от общей истории своя история. О существовании возможности двух отношений, двух забот, двух тревог.

Если спросить вас: «Готовы ли вы умереть за свой народ?», наверное, вы ответите: «Да». «За страну?» – начнете думать. А если спрошу обо всем человечестве? Получу еще более неопределенные ответы. Но можно подойти к этому вопросу и с другой стороны. Спросить: «Готов ли ты умереть за свою семью?» – и человек тут же

скажет: «Да!» «За сына, за дочь?» – и те, у кого есть дети, не будут сомневаться ни секунды. Оказывается, все идет от малого к большому. Малое – к чему принадлежит человек, и большое – к чему принадлежит это малое. Две неразделимые вещи. Но оттого, что люди чувствуют себя частью чего-то большого, они не должны забывать, что принадлежат и к чему-то малому.

Самый идиотский вопрос, который могло придумать человечество, это вопрос, задаваемый ребенку взрослым дядей или тетей: «Кого ты больше любишь: маму или папу?» В этом случае можно представить, что мы все есть семья народов: папа – это государство, мама – этническая общность, а вместе это семья, в которой у каждого свои обязанности. И если ребенок любит маму, значит, любит и папу, просто разной любовью, потому что данное ему папой и мамой тоже разное.

Разве можно желание жить лучше, чем мы живем сегодня, назвать нелюбовью к своему государству или национализмом? Конечно, нет. Это нормальное человеческое желание. Политики же идеи национального превосходства одного народа над другим используют для достижения только своих целей.

Семен говорил о том, что во всем мире сегодня коренные народы находятся в роли вопиющих в пустыне, они кричат, как им плохо, но одними криками ничего не добиться.

А что делать коренным народам, у которых не так-то много своих высокообразованных лидеров, разбирающихся в нынешней политике?

Да и россиянам не слаще приходится. Пропивают матушку Россию, проедают, продают, уничтожают, забивают, разоряют... А она живет... Убивают русский народ, да не могут весь перебить, потому что Россия есть сердце Земли. Уничтожь сердце – омертвеют, отомрут и остальные жизнеспособные части... Только крепостью России будут сильны и коренные народы, потому, как в примере с папой и мамой, Россия будет папой, а как жить без отца? Народ – сирота.

Как-то в библиотеке была встреча со шведами, один из которых сказал, что в Скандинавии многие люди призывают спасти Россию, он же считает, что это Россия должна спасти весь мир, который с огромной скоростью катится в пропасть бездуховности. Анастасия согласилась со шведом. Она ни на секунду не сомневалась в высшем предназначении России. Удивительно: пока Настя не полюбила ительмена, человека такой же малочисленной народности, как саамы, не чувствовала, не придавала значения всем бедам, обрушивавшимся на голову ее родного племени. Да и по большому счету не считала себя причастной к этому племени. Не связывала свою судьбу с ним. Конечно, она читала о проблемах саамов, возмущалась в кругу друзей несправедливым отношением к ним, но все ее слова проваливались в пустоту, размышления оставались кулуарным трепом, газетные строчки не задевали сердце. Она вроде бы и жила со всем этим, но в то же время проблемы саамов имели удивительное качество самостоятельности, совершенно не касаясь ее жизни.

Приняв в свое сердце Лахэна, она вместе с ним приняла и груз ответственности, радости и горя не только коренных жителей Камчатки – ительменов, но и своих земляков – саамов. И как бы ни хотела думать только о нем, не могла, потому что ни он, ни она не были отделимы от своих народов. И вбирала в свое сердце все, не боялась, что оно не выдержит, потому что теперь у нее появилась огромной силы защита – ее любовь к Лахэну.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Хрупкая фигурка Анастасии уже примелькалась кавральцам. В праздничные дни она со многими из жителей познакомилась и приветствовала их кивком головы, и с матерью Лахэна познакомилась и, помня обещание зайти в гости, направилась к ней.

Подошла к старому ветхому домишке, где приветствовала ее вилянием хвоста такая же старая камчатская лайка, которая долго и честно служила хозяйке, когда была быстрой и сильной, а теперь спокойно доживала свой век во дворе около дома. Симме Пименовне исполнилось семьдесят четыре. Маленькая, худенькая, с личиком сморщенным, словно поздний осенний гриб, бойко передвигалась она по своему дому, нося в горницу из кухни угощение для Насти, не разрешая ей в чем-либо помогать себе.

– Ты у меня, доченька, гостя дорогая. Вон тебя откуда к нам занесло – с Заполярья далекого. Я о той земле только по радио, ну-ка, и слышала. А все ради моего Лахэна, я ведь знаю. Зачем же я тебя буду заставлять трудиться?

– Да уж какой это труд – чашки к столу подать? – засмеялась Настя.

– Вот и я об том говорю. Для меня удовольствие – стол для такой госты накрыть, так не лишай старуху радости.

– Симма Пименовна, а вы что, с Камчатки никуда ни разу не выезжали?

– Сама на свой вопрос и ответила. Не выезжала, не пришлось. То война, то дети, так всю жизнь и живу на своей земле безвыездно. Я вот счас твою скуку-то, ну-ка, займу.

Она полезла в комод еще довоенного образца и достала толстый альбом с фотографиями.

– Погляди, пока стол накрываю.

Настя бережно принялась рассматривать старинные снимки. Увидела и молоденькую хозяйку со смешными косичками вокруг головы. Лицом Симма Пименовна была красива, глаз не отвести. Разглядывая фото, Настя спросила:

– Симма Пименовна, а что это у вас несколько небольших косичек свисают с головы?

– Принято так было у ительменских девушек носить. Замужние, те волосы заплетали в мелкие косички, концы которых собирали в одну-две большие косы, а мужчины носили просто две косы. Это я еще, ну-ка, до войны, совсем молоденькая девчонка. Приезжал как-то фотограф один, многих тогда из наших снимал и меня тоже. Сказал, очень ему понравилась. А потом и карточку прислал.

– Да вы просто диво как хороши! Лахэн на вас чем-то похож.

– По молодости миловидна была, правда, об том все в Каврале говорили, и все сыны в меня пошли, дочки, те больше отцову красоту взяли.

– Я смотрю: у вас большая семья. Вы счастливая – детей много, а я у мамы одна.

– А свои-то, ну-ка, есть?

– Да, два сына. Захарка да Фролка, в школу ходят.

– Лахэн говорил, разошлась ты с мужем-то?

– Давно уже вместе не живем, но детей он любит, заботится. Вот и сейчас они с ним и с моими родителями остались.

– Ты это правильно, Настенька, сказала про счастье в детях. Оно так и есть.

Нынешняя молодежь думает: мы, старики, ничего не понимаем в жизни. Не могут представить, что и мы молодые были и у нас любовь была.

Настя не хотела прерывать рассказ старой женщины вопросами, давая высказаться то, что наболело и просилось наружу. Лахэн рассказывал, что мать к ним совсем не ходит, все больше воспоминаниями живет. Жизнь раскидала ее детей по Камчатке, одного даже на материк занесла, в Каврале только Лахэн, да вот беда – по мнению матери – у него жизни путевой нет.

– Я вижу, как в твоих глазах, доченька, тоска гнездо свила. Полюбила, ну-ка, сына моего, а он у другой в руках.

– Неужели так заметно?

– Любовь, милая, за версту видать...

– Вот вы, Симма Пименовна, о моей любви говорите, а у вас, если не секрет, какая она была?

– Какой секрет в мои годы-то может быть. Любовь между мужчиной и женщиной исходит от души, сердце свое она детям отдает. Конечно, если Господь наградил ее таким счастьем. Всю свою жизнь я, Настенька, душой любила только одного мужчину, но это был не Лахэна отец.

В войну, когда, несмотря на горе людское, судьба, ну-ка, свела меня с одним молодым парнем, красивым, приехавшим на Камчатку с материка. От фронта он был освобожден в силу службы в милиции. А я тогда почту разносила. Познакомились, влюбились, да так, что друг без друга дня не могли прожить. Но то ли оттого, что у многих девчат ребята были на фронте, и они тосковали одни, то ли из зависти, только кто-то взял и оговорил меня.

Мой парень – Алексеем звали – по натуре человек прямой, приходит ко мне и спрашивает: «Симма, у тебя с тем-то было что? Я к тому, чтобы сразу все выяснить». Как он эти слова, Настенька, сказал, меня в жар бросило. Пускай, ну-ка, и в шутейном тоне сказано, но ведь сказано, а значит, усомнился во мне. Значит, когда-нибудь снова усомнится. «Нет, не бывать этому», – сказала я себе и простилась с ним, прогнала, хотя любила и знала: война, в село с фронта похоронка за похоронкой приходят. Парни – нарасхват, и моего желанного кто-нибудь к рукам приберет. Но... девичья гордость... Ну-ка, не раз еще приходил, прощение просил, умолял. Я видела – страдает, сама страдала, но простить не могла. Вскоре, не выдержав, уехал он...

В конце сорок четвертого пришел с фронта отец Лахэна. Когда он уходил на войну, я совсем девчонкой сопливой была, а тут расцвела, вот и завздыхал по мне. В конце сорок пятого замуж за него и вышла. Любви не было, но долг супружеский честно исполняла. Он трудолюбивый, меня уважал. И вот, когда родились у нас первые четверо, приехал в село мой, ну-ка, милиционер Алексей. Бабоньки-то все про наши отношения знали и давай мужа подначивать, мол, к жене-то твоей милиционер вернулся, о ней справляется.

Муж виду не подает, что его от тех разговоров наизнанку выворачивает. Разыскал милиционера, привел в дом, поставил передо мной и ушел. Дал нам, значит, не таясь, встретиться, переговорить, мне выбор сделать...

Не знаю, ну-ка, какой у них промеж себя разговор был, только стал меня Алексей умолять, упрашивать к нему уйти. Говорил: жизни ему ни с кем нет, все мысли

обо мне. Говорил: с детьми, ну-ка, возьмет, любить как своих будет. Упрекал, что с нелюбимым живу и его мучаю и себя. Говорил: бросит все, приедет, заберет, новую жизнь начнем... Я молча выслушала и сказала: «Ты прав, чувств больших у меня к мужу нет, но я, ну-ка, уважаю его, почитаю как супруга. К тебе, Алексей, тожеть, кроме воспоминаний, ничего не осталось. Душа – пустая, любовь – детям принадлежит. Тем и живу... Так он, дочушка, и уехал ни с чем, а я с мужем осталась и еще троих родила. Лахэна последнего, когда мне уж за сорок было.

– Зачем же вы их рожали столько? – спросила удивленная Настя.

– И правда твоя, злилась, ну-ка, переживала, когда вновь беременной ходила. Мужа кляла окаянного, что покою не дает, не жалеет. Да ведь и аборт-то после войны запрещены были, вот и приходилось вынашивать зачатых, а когда уж на свет появлялись, все страхи, темные мысли уходили, любовь опять верх брала. Дети – мое богатство. Вот Алексей, слышала, и в достатке жил, да без них.

– А муж что, не знал о ваших к милиционеру чувствах или думал, что любви больше нет?

– Насчет мужа, Настенька, другой разговор. Он знал, что я по-другому страдаю, потому напивался и буянил, из дома уходил. Гулял от меня, знала, а упрекнуть – не могла. Думала, как и я, из-за детей живет. А однажды мне и высказал: «Да накричи, обругай, поплачь, только безразличной не будь». А я не безразличная, просто очень жалела его. Да и как безразличной быть, коль он мне столько детей подарил и в каждом какие-то черты отца имелись. Вот, глянь на фоты-то, в каждом отцовы черты. Лахэн, тот отцовы глаза взял. Это ему и сказала. Вроде, ну-ка, поуспокоился. Только позже узнала, муж-то, оказывается, меня очень сильно любил, от того еще больше страдал.

Это он от спокойствия моего напивался и к другим женщинам ходил. Хотел, чтобы кто-то обогрел его, да видать не находил того, что искал. Опять ко мне возвращался. Но никогда, никому про меня худого слова не сказал и болезнь с войны от ранения, носимую в себе, скрыл. Сколько мы с ним жили, ни разу не пожаловался.

В последний месяц, перед смертью, вдруг словно очнулся. Душу мне раскрыл: как любил, мучился, как ходил за мной, оберегая, чтоб не видела, на многое мне глаза открыл... Знаешь, Настенька, я старуха уже, разбитая жизнью, родами, а последний месяц с ним, ну-ка, счастлива была. Он, видно, чувствовал свой конец, только мне об том не говорил. Когда умер, врачи удивились, как он с такой болью жить-то мог, а я знать ничего не знала.

– За то, что пил, гулял, дети его не осуждали?

– Они на то права не имели, он им добрым отцом был. Уважали. Ему тяжелее всех приходилось. Мне мою любовь они заменили, а ему – никто. Он понимал, ну-ка, в доме души нет, вот и срывался.

Жизнь наша с ним была не хуже и не лучше других. Семерых на ноги поставили, образование дали, в люди вывели. А то, что сами мало имели, так это... Душа у меня за одного Лахэна болит. Он ведь все больше у бабушки с дедом жил, мужа родителей. Мои-то с Морошечного в Палану перебрались, а я как девчонкой поехала учиться, так, застав войну, в Каврале и застряла у родственников. Так и прижилась здесь. Душа болит за сына еще и потому, что вместо учебы связался с женщиной, стал у ней жить, а семьи-то нормальной и не получается...

После смерти мужа поняла: своей, ну-ка, юной гордостью разрушила жизнь двум дорогим мне людям. Дети, конечно, – огромное счастье, но иное – материнское! Да и душа наполненной должна быть. Если в жизни к тебе любовь пришла, не отталкивай ее. Она тебя и прощению научит, если будешь сердце слушать, а не умом жить. Я в жизни, ну-ка, гордость выше любви поставила и разрушила все...

– А что с милиционером, жив он?

– Умер, голубонька. Раньше моего мужа еще умер. Тожеть от тоски, наверное. Жизнь так у него и не заладилась ни с кем, не помню уж, кто и рассказывал мне об том.

– А почему вы с почты ушли в доярки, ведь это гораздо тяжелее труд?

– Труд и правда тяжелый, но зато – дети с молоком.

Настя, выслушав рассказ Симмы Пименовны, подумала: правду та сказала – не могут молодые поверить, что и старики чувства сильные переживали...

– Заговорила тебя, девонька, а чаем и не напоила. Давай-ка к столу.

Угостив Настю вкусными рыбниками и пирогами с морошкой, Симма Пименовна сказала:

– Поздно я поняла, что счастье внутри каждого из нас находится, не прислушалась к сердцу своему. А тебе скажу: любовь многого стоит, Лахэн из тех мужчин, кто достоин любви, но характером слабоват. Если любишь, действовать нужно тебе.

– Но у него семья.

– Какая семья? Семья – это когда жена родная, дети, а у них с Карритой не семья, а одно название. Сколько раз я говорила ему: «Беги из того дома, пока Каррита в конец твоей душой не завладела, беги», а он не слушается. Вот с гастролей-то своих вернулся и сказал мне: «Мама, я с женщиной одной познакомился, переписываться договорились, твой адрес дал». И увидела я, ну-ка, как лицо его осветилось счастьем при одном только упоминании имени твоего. Я не слепая, вижу: у него сердце к тебе рвется, да держит она его чем-то, словно приворожила. Забери ты его. Живите вместе и будьте счастливы, на то тебе мое благословение, если так можно сказать. Лахэн-то с Карритой уже, ну-ка, десять лет живет, а мы словно чужие, так породниться и не смогли; а тебя увидела, и сразу по душе пришлось, будто давно знакомая.

– Симма Пименовна, милая, да я бы с радостью, только Лахэн не бросит семью, он такой у вас ответственный вырос, – произнесла с сожалением Настя.

– Деточка, да какая ответственность? Они все ему чужие. И дети, и Каррита. Не расписанные. Она сама и не хотела его ответственности по закону принять... Одно скажу тебе, Настенька, никто, ну-ка, не знает, как жизнь иногда завернет, по какой дорожке идти заставит? Любишь – люби! Этим и жива будешь.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Когда Лахэн пришел домой, Каррита, только взглянув, сразу заметила сияющие глаза мужа. Он, как ни старался, не смог скрыть своей радости. Вскоре они поссорились. В семье – опять разлад, опять для Карриты одиночество из каждого угла кричит... И постель стылая без жаркого мужниного тела...

И тогда Каррита, сказав детям, что отправляется к тетке в Усть-Хайрюзово по случаю праздника в селе, собралась и ушла. Лахэн, придя вечером домой и узнав у

детей, что мать уехала к тетке, расстроился. Вновь все заботы о детях жена на него повесила. И это в праздник, когда он практически весь день занят. Теперь ему и с Настей подольше не побыть, после праздничного дня надо домой бежать, ребятам что-то готовить есть. Хорошо хоть старшей дочери уже малышкой можно доверять – ему с ними нянчиться некогда. Только вечером четвертого дня Каррита вернулась домой. От плохого самочувствия сразу в постель легла.

Лахэн пришел поздно. Он был счастлив общением с Настей, но, придя домой и увидев вернувшуюся Карриту, лежавшую в постели лицом к стене, недовольно сказал:

– Вернулась наконец? Все в село едут, а моя жена – из села? Что с тобой? Не предупредила, уехала, знаешь же, у меня в эти дни одно выступление за другим.

Каррита резко и, видимо, неудачно повернулось. Это причинило ей боль и, зло протонав, сказала:

– А тебя только выступления и беспокоят, как я погляжу.

Услышав стон жены, Лахэн не на шутку встревожился:

– Да ты часом не заболела ли? На тебе лица нет. Может, скорую вызвать?

– Что ты лезешь ко мне со своей жалостью, счастливый такой? Праздник в селе. Да мне плевать и на него, и на твои выступления. Убирайся к своим собакам в балок и там радуйся своему празднику. Там и место тебе. Не хочу больше видеть тебя. Уходи! – устало выкрикнула она в лицо мужу. – И больше в мой дом не приходи.

– Опять гонишь?

– Да, убирайся, – еле сдерживая рыдания, выкрикнула она ему в лицо.

Лахэн укоризненно взглянул на жену и вышел.

Казалось, прогнала, вычеркнула из своей жизни, но стоило ему хлопнуть дверью, и злость ушла, растворилась... Как ненавидела себя Каррита за то, что последнее время делала все не так, как подсказывало сердце. Мучила и отталкивала того, кого больше всего любила. Ненавидела еще и за то, что в порыве ревности аборт сделала, а ведь врачи предупреждали, что при ее стенокардии – никаких перенапряжений.

Почва ушла из-под ног, когда увидела, с каким блаженством на лице муж явился домой накануне праздника, вынести этого больше не смогла. Сомнений не было – та, которая заняла в душе Лахэна ее законное место, приехала в Каврал.

Старые люди на это сказали бы ей: «Злые духи нашли пристанище в твоей душе. Поразив ее, они примутся разрушать сердце...» Ослепленная обидой и дикой ревностью, Каррита пришла в себя только после аборта и поняла весь ужас содеянного.

Бывало, женщины делились с ней секретами. Рассказывали о прерывании беременности – и это казалось естественным. Но вот впервые сделала это сама и содрогнулась. Физически, каждой клеточкой своего тела она ощутила тяжесть нависшего над ней греха.

Разве не Господь послал ей в дар этого ребенка? Разве он не был знаком свыше о прощении Лахэна? Где сказано, что счастье должно петь и смеяться? Оно стонет, мечется, болит... Сколько лет молодой мужчина опекал чужих детей – и вот небо посылало ему своего, но она, обуреваемая ревностью, поспешила уничтожить плод их близости. И подсознательно чувствовала: за это ей не будет прощения.

И вновь, вместо того, чтобы удержать, принять заботу Лахэна, а потом вымолить прощение за аборт, грубо оттолкнула. Душа рвалась к нему, но разум упорствовал. В

который раз у нее верх взяли обида и ревность. «Не приходи в мой дом», – крикнула она ему, а разве этот дом – ее, а не их общий? Дали его, конечно, ей с детьми, но куда ни кинь взгляд, в доме все сделано руками Лахэна, во все вложил он свою душу, потому как считал этот дом и своим. Балок на краю села держал только для хозяйственных нужд. Она же, выставив мужчину из дома, указала место ему рядом с собаками.

Карриту охватил ещё больший ужас, нежели в больнице. На какое-то время даже сознание потеряла. Затем в памяти стали возникать картины давно ушедшего прошлого...

Впервые морозы начали сковывать реки льдом. Каррита видела, как на одной полынье продолжала жить лебедь. Непонятно: почему не улетела со стайей, то ли крылья были повреждены, то ли еще какая беда настигла птицу, только судьба обрекла ее на зиму остаться здесь. Приходя каждый день к реке, Каррита видела, как лебедь билась за жизнь, ломая крыльями кромку льда. Полынья с каждым днем уменьшалась.

Лед еще не окреп, и Каррита ждала... Наконец девочка решилась: вступила на ледяной панцирь реки и осторожно двинулась к полынье. Она видела, как лебедь из последних сил ударяла крыльями по воде, стараясь сохранить хотя бы небольшое жизненное пространство. Каррита достигла полого места и схватила птицу на руки, но как ни старалась привести лебедушку в чувства, не могла. Свои последние силы та отдала полынье и умерла на руках девочки, свесив холодеющую шею к самому льду.

«Нет, нет, только не умирай...» – кричала и плакала маленькая Каррита, прижимая мокрое, ледяное тело птицы к себе...

Ее снова и снова мучили видения прошлого. Она кричала, металась в бреду...

Дочь, видя болезненное состояние матери, вызвала скорую. Врач, осмотрев и сделав уколы, сказала, что больную следует забрать в больницу, но пришедшая в себя Каррита воспротивилась. Тогда ей дали таблеток, сердечных капель и оставили лежать дома. Прощаясь, уже на ходу, врач предупредила детей: «Вашей маме нужен отдых – никаких расстройств. Берегите ее».

Ночь, словно огромная птица, опустила черные тяжелые крылья на дом Карриты.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Лахэн встретил Настю на улице и сказал, что переселился в балок и будет ждать ее часов в семь вечера около реки. Поведет в гости к себе в балок. Утро Настя провела с Любой и Начиком, затем встретила Катерину, предложившую ей пройти к морю.

– Ты знаешь дорогу к нему? – спросила Настя.

– Нет, но, думаю, можно кого-нибудь об этом спросить. Да вон хотя бы ребятешек, – ответила Катя, увидев играющих поблизости мальчика с девочками.

Они подошли к детям.

– Здравствуйте, – сказали женщины.

– И вам здравствуйте, – громко сказал мальчишка небольшого расточка, но довольно плотного телосложения. Две девочки, стоявшие за ним, смущенно повторили: «Здравствуйте вам».

В Каврале принято со всеми здороваться, знаешь ты человека, нет, но «здравствуйте» говорится каждому. При встрече все друг другу вновь и вновь кланяются и говорят: «Здрасьте вам». Скорее всего, это присуще всем небольшим селениям. Когда Настя с группой библиотекарей впервые выезжала на проверку в Умбу на Терский берег, их предупредили: «Там «здравствуйте» говорят всем, знаешь человека, нет, все равно здоровайтесь». А в другом месте, на Поное, на «здравствуй» говорили: «Здравствуй, здравствуй, проходи да хвастай», то есть Расскажи о чем-то хорошем. Хорошая весть – людям праздник.

– Ребятки, говорят, здесь до моря совсем недалеко, – обратилась к детям Катерина, – вы не знаете дорогу туда?

– Кто ее не знает! – ответил парнишка.

– И можете нас к нему проводить? – поинтересовалась Катерина.

– Почему нет, – согласно кивнул головой мальчишка.

– Сначала бы ваших родителей предупредить, а уж потом и пойдём, – побеспокоилась, Настя.

– Что мы, малыши какие? Я у сестер и есть старший, кого еще хотите спрашивать? Мамка с папкой только к ночи будут. Так что, если хотите идти, пошли.

Они познакомились и направились к Охотскому морю.

– Кать, почему предложила эту прогулку, поговорить хочешь?

– Да, захотелось отдельно от людей пообщаться. Показалось, что у нас с тобой есть что-то общее.

– Если честно, у меня тоже возникала такая мысль. Можно спросить? Ты замужем?

– Нет, – грустно ответила Катерина. – Как-то не пришлось.

– Не встретила никого?

– В том-то и дело что встретила. И чувства глубокие были, только Георгий Александрович женатым оказался, о моем отношении к нему даже не догадывался. Предан был жене своей, а мне просто покровительствовал, считал своим другом. Мы с ним на семинаре киносценаристов познакомились. Он его вел. Питерец. Я не сразу поняла, что по особому к нему отношусь. Молодая была, а ему около пятидесяти. Три года переписки, редкие встречи на презентациях каких-нибудь фильмов. Жену его хорошо знаю, до сих пор перезваниваюсь с ней, правда, нечасто.

– Почему с ней?

– С Аллой Николаевной... А его уже два года как нет в живых. Болел... Остались только письма... И знаешь, в них он мне никогда не писал о своей болезни. Мы все больше рассуждали о жизни. А затем наши рассказы каким-то образом материализовались. Ну, например, писала я ему, как в детстве каждое лето, отдыхая у дяди в деревне под Каргополом, слушала песни Робертино Лоретти, если помнишь, они в семидесятых модными были. Выйдешь, бывало, на улицу – и по всей деревне из открытых окон «Санта Лючия» звучит. Чистый голосок итальянского мальчишка сильно врезался в мою память. И если я вспоминаю деревню, то вспоминаю и песни Робертино Лоретти. Прошло время, получаю от него ответ, читаю и удивляюсь совпадению. Когда ему сын принес мое письмо, он слушал этого самого Робертино. Жена по случаю купила пластинку в Гостином дворе. А еще спустя неделю получаю пластинку в подарок от него. Или был другой случай. Приходит мне журнал «Север»,

просматриваю – стихи Елены Кузьминой из цикла «Птичьи сны». Там у нее есть такие строчки:

Снится птице, что она умирает...
Где-то в уголке осеннего сада
В листьях березовых возле ограды,
В желтой траве...

А вечером получаю письмо, где он пишет, что у них всю зиму дома жил снегирь, с началом весны они с женой поехали на дачу и по дороге выпустили его в лес. На обратном пути какой-то снегирь попал им под машину. Он никак не мог отделаться от мысли, что это тот самый снегирь, которого они выпустили. Очень переживал... И таких совпадений было множество. Я многие его письма наизусть помню. Однажды отослала ему сценарий, позже по нему фильм об архангельских старухах сняли, и опять в сценарий включила стихотворение Елены Кузьминой. Я люблю ее стихи. Она писала:

За черной завесой великопостной
Она не пытается разглядеть
Ни первых черемух холодную россыпь,
Ни лета звенящую круговерть...
А нынче и в марте февральские ветры.
Лишь девочки бегают налегке...
И к Пасхе платок приготовлен светлый,
И рядом «смертное» в узелке.

Я как-то все больше по наитию делаю. И это ее стихотворение также включила, а он из всего сценария именно его выделил. Да еще целые размышления по этому поводу написал. Какое обостренное внимание старых людей к весне, а вдруг она для них будет последней?! Как в стихотворении все строчки на месте. И холодная россыпь черемух, и наслаждение от ветра, и буйство, которые звучат, прямо сказать, органно. И круговерть лета, пускай маленькая, но надежда: «А может, доживу!» И зависть к легкомысленной молодости, недоговоренные ворчания о том, что вот бегают налегке, а так и до простуды недолго. И радость от предстоящей Пасхи, и много раз проверенное, переложенное «смертное», ведь последний путь – не за горами. И все это неосознанно, благодаря привычке, круговерти природы, бытия... Когда я об этом прочла, подумала о его профессионализме; мне и в голову не пришло, что он мог это писать, примеряя относительно себя.

Когда его не стало, поняла, кого лишилась. Вот такие дела.

– Да... история. О такой только в книгах писать. Не пробовала?

– Пока не решаюсь, вот тебе первой и доверила ее.

– И что, так больше никого не встретила? – спросила сочувственно Настя.

– Встречались, но все было как-то несерьезно...

Воздух на Камчатке – дыши не надышишься! Чистый, звонкий! Не испытывает

здесь человек томления от сильной летней жары, не мерзнет от зимнего холода, не липнут к нему разные инфекции, нет страха от грома и молнии. А в сентябре и комаров нет, так что ничто не мешает наслаждаться и любоваться природой. Под ногами мягкий цветной ковер, и Настя, не удержавшись, раскинув руки, повалилась на землю.

– Катюш, давай, не бойся, – подбадривала она корреспондентку, приглашая поваляться по живому, запашистому ковру с обилием трав и цветов. – Ты только на мох глянь, какой он красоты неопиcуемой, каких оттенков, а какие кружева сплел, вологодским кружевницам не выплести. Когда еще такое удовольствие представится? В Москве не найдешь подобных мест.

И Катерина приняла приглашение – так же раскинув руки, как это делала Настя, словно на пуховую перину, повалилась на сухой мох.

Девочки, глядя на Анастасию с Катериной, стали по ягелю прыгать и кувыркаться. Максим, отойдя подальше, тоже присел отдохнуть.

– Замечательные здесь места! Такие же замечательные, как у нас на Мурмане, – в радостном порыве говорила Настя. Она глядела в небо на проплывающие над ними облака и молилась. – Господи, дай мне терпения и мудрости.

Катерина эхом вторила ей:

– А мне, Господь, расположения Сузвая.

Настя, услышав эти слова, приподнялась и, внимательно посмотрев на свою новую знакомую, спросила:

– Катюшь, ты часом не влюблена в него?

– Есть маленько, – откровенно призналась Катерина, – и ничего не могу с этим поделать. А он такой закрытый, заторможенный на чувства, – не расшевелить. А у вас с Лахэном серьезно? Извини, что спросила, если не хочешь, не отвечай.

– А что, так заметно, что у нас с Лахэном какие-то отношения? – на вопрос вопросом ответила Настя.

– Не знаю, просто интуиция, – сказала Катерина.

– У меня к нему чувства серьезные, хочу верить, что и у него такие же, но есть одно препятствие... он женат.

– И ты, зная это, все же прилетела сюда ради него? – восхищенно глядя на Анастасию, произнесла Катерина.

– Да, – просто ответила Настя, – и то, что я его вижу каждый день, – это уже радость. Не знаю, как у нас будут в дальнейшем складываться отношения, но я счастлива уже оттого, что имею сейчас.

– Тетя Настя, тетя Катя, если мы будем столько времени по тундре валяться, до моря никогда не дойдем, – сказала восьмилетняя Наташа.

– Нет, девонька, дойдем, обязательно дойдем, – Настя схватила девочку на руки и, закружив, громко, нараспев произнесла:

– И до чего ж вы, ительмены, замечательный народ! Я опьянела и от вас, и от вашей тундры, и от этих запахов!

– Хорошо пьянеть от тундры, – рассудительно заговорил шестиклассник Максим, брат Наташи и Вики, которые сопровождали женщин к морю. – Наши мамка с папкой целый день по тундре ходят, ягоды собирают, орехи, а пьянеют, продав их и напившись водки.

Катя с Настей многозначительно переглянулись. Вторая сестра Максима, Вика, чуть помладше его, сердясь на откровенность брата перед чужими людьми, вызывающе сказала:

– Ну и что, зато у нас с мамой любимая звезда есть, а у тебя ее нет. Звездочка по имени Айкимена.

– Что это за звездочка такая? – спросила Катерина, присев на корточки возле девочки.

– Про нее мне мама рассказывала, – ободряясь, заговорила Вика, – Айкимена в давнее время была дочерью бога Кутха и звезды. Очень-очень красивая была. В нее влюбился ительменский герой Инингем. Айкимена, узнав об этом, стала проситься у своей звездной матери и у отца Кутха спуститься на землю, но родители не разрешили. Тогда она самовольно взяла и спустилась. А затем и замуж вышла за него. Жили они долго и счастливо. Но так как Инингем был человеком, он все же умер. Айкимена от горя сравнялась с землей, а ее душа улетела на небо к звездам.

– Грустная сказка, – сказала, качая головой, Катерина.

– Да, тетя Катя, грустная. Ведь Айкимена каждый раз спускается на землю в надежде найти своего Инингема, который возрождается вновь и вновь то мужчиной, то женщиной, но совсем не помнит своей Айкимены, которая все надеется, что в какой-нибудь из своих жизней Инингем вспомнит о ней, и тогда они уже соединятся навек⁶².

Максим, не слушая рассказ сестры, отошел уже на довольно далекое расстояние, когда, что-то увидев, стал подзывать их к себе, отчаянно размахивая руками. На другом берегу реки в мелководье бегал увлеченный рыбной ловлей, черный, с поседевшими белыми ушами медведь. Вот он подцепил большую блестящую рыбу, но та, резко махнув хвостом, подпрыгнула и выскользнула из лап, косолапый – за ней. Крутится бедолага, фыркает, мордой по самые уши в воду заглядывает. Наконец застывает на месте, как чучело. Неподвижно стоит, поджидая новую лососиную стаю. Мощный прыжок – и вот уже огромная рыбина в зубах грозного зверя. Чтобы ее поймать, медведю необходима быстрая реакция. Так, расправившись с одной, он принялся ловить другую, пока, ослотивший и объевшийся лососем, не лег на берегу отдыхать. Весело! Максим рассказывал, что во время нереста медведи живут прямо на берегах рек. Лакомством их в это время является не только рыба, но и кедровые шишки. Медведи-самцы, обозначая свои владения, поднимаются на задние лапы и трутся загривками о стволы деревьев, чтобы все другие звери знали, что место занято и не кем-нибудь, а самим хозяином леса, которого лучше не дразнить. Анастасии и Катерине было интересно наблюдать за зверем, которого они видели не в клетке зоопарка, не на арене цирка, а на той земле, по которой ходили сами, смотрели на него без страха и враждебности, потому что понимали: медведь имеет такое же право на существование, как и они. На реке интересно, но – нужно дальше идти. Максим, маленький мужичок-проводничок, поторапливал:

– Спешить пора...

62 «Айкимена» – легенда ительменской писательницы Нэли Суздаловой. Записана в 1998 году Н.Богачевой.

– Смотрите, смотрите, – закричала Наташа, – а я мышиную норку нашла! Давайте посмотрим, есть там сарана и кемчига⁶³ или нет!

– Зачем это делать, Наташа? – спросили удивленные Катерина с Настей.

– Как зачем, мама рассказывала, что в старое время все наши женщины собирали их. Ведь мышки раньше тоже народом были, потому они и умные такие. В своих норках склады с сараной устраивали. Только все нельзя из норок вытаскивать, а то они расстроятся и жизни себя лишат.

– Боже, какие страсти ты нам рассказываешь, Наталья, – словно испугавшись, пошутила Катерина.

– Это не страсти, тетя Катя, это правда. Они могут от голода задавиться травинкой или сучком, вот.

Чтобы как-то смягчить ситуацию, Настя предложила:

– Ребята, а хотите, я вам по дороге о богине саамских рек Чадзьеннь расскажу?

– А кто такие саамы, тетя Настя? – спросила Наташа.

– Это такой народ, как ительмены. Только саамы на Кольском полуострове живут. Помните сказку Андерсена «Снежная королева», в которой о Лапландии говорится?

Максим сказал, что он видел Кольский полуостров на карте и знает, где тот находится, а девочки помнили сказку.

– Ну так вот, – начала Настя, – давным-давно саамы поклонялись многим богам и духам, как ваши ительменские предки. Среди самых почитаемых была хозяйка рек и озер Лапландии – Чадзьеннь, лицом белая, чистая, с длинными черными волосами – просто красавица. Нравилось ей на больших камнях у воды сидеть обнаженной и расчесывать свои длинные волосы. А если испугают ее, тут же скрывалась в воде, оставляя на камне лишь гребень да прядь волос. Боялись люди ее напугать, на лодках по озерам и рекам плыли тихо, без шума. И затачивала Чадзьеннь к себе в водную пучину в основном мужчин. Потому у нас в Лапландии до сих пор в реках редко купаются. Силу она имела, одним взглядом скалу пополам ломала.

– И правда, сильная, – сказала, качая головой, Наташа.

– А у нас тоже предание о русалке Камак есть, которая заманивала в воду людей и там их убивала, – похвасталась Вика.

– Дура ты, Вика, – сказал сестренке беззлобно Максим, – все перепутала. Камак совсем не русалка, это великан, который в вулкане живет. Он еще на одном острове, высоко в горах, положил огромную глыбу, если она упадет, плохо Камчатке придется.

– Не ссорьтесь, ребята, вы оба правы. Часто в мифологии одному и тому же божеству приписывались разные действия. Ваша Камак могла быть и русалкой, и великаном, – сказала Настя.

Так за разговорами они и достигли берега моря. У самой воды чувствовался ветерок. Он был точно живой, оседая на ресницах, щеках, губах. У берега вода прозрачная с голубизной – каждый камушек просвечивается, ближе к горизонту цвет меняется, приобретая оттенки темно-синего. На море – штиль. Лишь изредка небольшие пенистые барашки, подгоняя ленивую воду и образуя красивые полукружия, прибегали к берегу, облизывая великолепные морские камни, и вновь откатывались в глубину. Поразительно, но на воду, как на огонь, можно смотреть часами,

63 Сарана и кемчига – съедобные корни и клубни растений.

потому что она всегда разная. Даже выплескивая волны на берег, море каждый раз неповторимо. И мысли, кажется, начинают уноситься туда, к самому горизонту, и дальше... Простор...

Максим отошел подальше от компании, сел на камень и, достав самокрутку, как заправский курильщик, смачно затянулся дымком. Он сидел, согнувшись, поглядывая, как его сестренки с мурманчанкой устроили соревнование: кто изловчится и кинет камень-«блинчик» так, чтобы он больше всех сделал по воде прыжков. Москвичка ходила по берегу и снимала на фотоаппарат виды моря. Ему, словно маленькому старичку, были неинтересны возня и веселый галдеж, хотелось подумать о жизни, покурить.

– Девочки, – обратилась Настя, – кто-нибудь из вас здесь находил «куриного божка»?

– А что это такое? – спросила Вика.

– Такой особый камешек с отверстием. Я на Черном море находила, может, и здесь есть, ну-ка поищите. Говорят, кто его хоть раз нашел – счастливым будет. А еще на «куриного божка» можно желание загадать, обязательно сбудется.

Девочки тут же по берегу побежали искать таинственный камень.

Катерина присела на большую корягу и стала записывать в блокнот. «Камни моря! Отшлифованные, гладкие, разные. С вкраплениями и без. Цвета белого и черного, желтого и серого, с зеленью и кровавые. Сейчас они лежат на берегу, но было в их жизни время, когда они знали глубины моря. И каждый камень таит в себе тайный собственный рисунок, иероглиф, может быть, доисторической памяти. С любого моря человек обязательно прихватывал с собой камешек на память. И я возьму...»

Катя вздохнула и, глядя, как бегают девочки-близняшки, вспомнила свою крестницу Галинку, дочку Елены, с которой они вот так же бегали в Каргополе по пляжу и искали красивые камешки.

Пока Катерина писала, а девочки искали «божков», Настя решила поговорить с Максимом. Подойдя к парнишке, пристроилась рядом на корягу. Сказала:

– Чего на камне-то сидишь, простудишься.

– Я прежде ягеля и веток положил, – рассудительно пояснил тот.

У Насти Захарка был его возраста, но с этим – не сравнить. Тот по мыслям своим дитя дитем, а Максим казался взрослым, многое уже повидавшим и испытывавшим человеком.

– Покурить решил, не рановато?

– Так у нас все парни курят. Кто – с шести лет, кто – с семи. С восьми уже многие водку пробуют.

– И ты пробовал? – не поверила Настя.

– Конечно, только она горькая, противная. После нее голова раскалывалась – не собрать. Мне не понравилась. Да и не хочу, как мамка с папкой, в грязи валяться.

Он говорил самое наболевшее, что мучило, за что испытывал постоянный стыд и унижение.

– Спросить хочу: когда я школу закончу, мне можно будет поехать в Москву учиться?

– Если родители разрешат, почему нет, – не раздумывая, сказала Анастасия. – Я ведь училась там. А ты кем хочешь стать?

– Строителем. Я в том году на празднике книгу выиграл. А в ней написано, как раньше дома строили, как сейчас... Красивая! Вот и мне захотелось у нас в Каврале такие же построить, когда выучусь. Ведь перед людьми стыдно. Теперь вон их сколько на Алхалалай прилетает.

– Я думаю, если очень хотеть, всего можно добиться. Главное – верить в себя и мечтать. Мысли, они материальны, поверь, могут в жизнь воплощаться. Я вот как-то в Новгороде в Софийском соборе была, построен он в 1050 году. Люди, что воздвигали его, не оставили своих имен, но они были стро-и-те-ли! И положили камень так, что стояла я там и мне не было страшно, а вдруг возьмет да обрушится ненароком. Вверху, в центральном барабане, купола, фреска, расписанная девятьсот лет назад. В годы войны на Софию обрушился снаряд и сверху фреска рухнула. Но представь, на стенах даже не дрогнула. Я к тому, что надо так штукатурку припаять: стоит храм тысячу лет, а она не отваливается. А ведь были войны, пожары... Знаешь, в чем секрет?

– Нет.

– Потому что мастера, что Софию строили, ответ держали не перед заказчиком, а перед Богом, и нам до сей поры об этом свидетельствуют. Вот как строить надо!

– Да, здорово! А у нас в Каврале строят... Дома немного постоят, смотришь, уже покосились, школа тоже потихоньку разрушается... Вот потому я и хочу поехать в Москву, чтобы выучиться на настоящего строителя.

– Только курить рановато. В школе-то за это не наказывают?

– Мы что, дураки в школе курить? Да и школа наша в Тиличихах, пока родителям сообщат...

– Как это в Тиличихах? Ведь в Каврале своя школа есть.

– Есть, конечно, и в Каврале, – с горечью в голосе произнес Максим и скороговоркой добавил. – Есть, только не про нашу честь. Там – вспомогательная.

Настя долгим взглядом посмотрела на паренька. Только сейчас она поняла всю его трагедию и вопросы насчет учебы в Москве. А ведь у Лахзна – трое, и все тоже в Тиличихах учатся, а у Кончата? И ей вспомнились и на Мурмане вспомогательные школы, классы. Всех ребятишек, обучающихся в них, дебилами прозывали... Потом эти классы отменили, а здесь... Какой ужас, оказывается, ительменские дети до сих пор чувствуют свою ущемленность. Она дружески обняла паренька:

– Максим, а я ведь чуть-чуть шаманка. Мой предок нуэйтом был, колдуном, значит. Можешь поверить: ты обязательно будешь учиться в Москве, – сказала и подумала: надо не забыть насчет этого с Кончатом поговорить.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

За какие-нибудь два-три часа после возвращения Анастасии и Катерины с прогулки к морю погода резко испортилась. Небо затянуло черной парусиной туч. От избытка мороси, казалось, разбухла земля. Темнота резко свалилась под ноги. Безлунный мрак тревожил душу. А ведь по календарю сегодня – ночь полнолуния, значит, как никогда сильны духи зла. Наверное, это они закрывают им путь.

Скорее всего, силы зла послали Лахэну и Насте навстречу Ларису, самого нежеланного для них обоих человека. Та, увидев их, язвительно произнесла:

– Какая встреча! Лахэн, Анастасия...

– Привет, – односложно ответила Настя.

– А я и не предполагала, что в такую погоду можно гулять. Вот дура-то: домой спешу, – поддела их Лариса. – Может, и меня с собой возьмете для компании?

Эти слова она сказала для Лахэна, на что тот не замедлил ответить:

– Как я погляжу, ты, Лариса, стала много разговаривать и все не по делу...

– А что я такого сказала? Это от доброго расположения к вам...

– Действительно ли ты к нам так добра или прикидываешься, а, Лара, что-то выражение твоего лица говорит о другом, – перебила ее Анастасия.

– Да ведь я и остановилась только спросить Лахэна, не приехала ли жена? Давно я Карриты что-то не видела.

– Приехала, приехала, можешь зайти посплетничать, ведь тебе без этого жизнь скучной покажется, – резко бросил Лахэн.

Он демонстративно взял Настю за руку и пошел с ней от Ларисы.

Лариса все дни праздника была вне себя от приезда Насти. Она до сих пор не могла ей простить Москвы и уединения с Лахэном в гостинице, а когда одна из участниц ансамбля намекнула еще, что у Насти с Лахэном завязались отношения, и вообще возненавидела мурманчанку. Сама-то еще в девчонках строила глазки Лахэну, а когда он из армии пришел, и даже на какое-то время сумела окрутить его. До сих пор помнила жаркие объятия и поцелуи мужчины, хоть было это давно. И если бы он тогда не разбился и не завладела им Каррита, точно охмурила бы. С Карритой сдружилась только для того, чтобы запросто в доме ее появляться да с Лахэном видаться. Все ждала, а вдруг он переметнется к ней. И на московскую встречу «Эльвеля» свои планы строила. Мечтала о нем, о новых поцелуях, объятиях, но даже предположить не могла, что Одинцова, которая на семь лет старше ее, завладеет сердцем Лахэна. Весь праздник наблюдала за ними со стороны и хоть ничего предосудительного в их общении не заметила, ревновала с каждым днем все больше и больше. И надо же – встреча! Одни! Скорее всего, шли в балок, а там... Нет, она не допустит этого. Она к Каррите пойдет, намекнет, что ее муженек по мороси с женщиной разгуливает.

Лахэн дорогу знал хорошо и, спокойно передвигаясь в темноте, уверенно обходил грязь. Настя, не зная местность, шла неуверенно, постоянно попадая в лужи. Промочив насквозь кроссовки, подумала: куда иду? Что если в балке промозгло и холодно, еще хуже, чем на улице?

Лахэн, будто почувствовав ее тревогу, подхватил на руки и без слов продолжил свой путь. Настя с благодарностью обняла его за шею и прижалась к щеке. Мужчина почувствовал, как к влажному воздуху примешался тонкий аромат духов, исходящий от Настиных чуть намочших волос. Так они и дошли. Собаки приветствовали хозяина дружным повизгиванием. Открыв балок, Лахэн предложил Насте войти.

Когда она вошла, то сразу почувствовала, как ее обдало приятным живительным теплом. В темноте из печки-буржуйки приветливыми огоньками моргали еще

не потухшие угли. Пахло смолой. Лахэн подбросил дров, налил в каменный светильник наподобие яйца медвежьего жира, зажег фитилек. Робкий свет жирника осветил углы балка, и сразу Настя увидела, как от печки поползли по стенам и потолку причудливые тени... Словно живые, они исполняли древние танцы, чем-то напоминающие танцы Алхалалалая. Привыкнув к мерцающему тусклому свету, Настя оценила уютное убранство балка и огромную медвежью шкуру на полу.

– Раздевайся и будь как дома, – предложил Лахэн.

Настя вспомнила, с каким почтением к огню относились саамы. Куда бы ни отправлялись в путь и где бы ни останавливались на ночлег, прежде всего разводили в жилье огонь, а затем уже заносили вещи, запускали семейство. Делали они так в надежде расположить к себе домового. Особенно у саамов огонь покровительствовал женщинам, которые являлись хранительницами семейного очага, поддерживали и питали его. Огонь мог предупредить хозяйку о надвигающейся беде, помогал при родах. Потому вдвойне было приятно прийти в балок к Лахэну и услышать потрескивание дров, увидеть свет огня, почувствовать живительное тепло.

На шкуре с длинным, густым медвежьим ворсом оказалось очень уютно. Он, прихватив ее мокрые, грязные кроссовки, вышел на улицу. Вернулся через несколько минут.

– Куда ходил? – спросила она.

– Да вот, кроссовки твои сполоснул, не грязными же ставить сушить.

– Спасибо за заботу.

– Чаю не хочешь? – спросил он, не зная, как себя дальше вести.

– Нет. Лучше рядом сядь.

Он присел. И вдруг оба почувствовали состояние какой-то неопределенности, каждый ждал от другого каких-то слов, действий, но не получал их. Молчание начинало затягиваться. Поглаживая темный медвежий ворс, она почувствовала, как что-то мешает Лахэну расслабиться, и подумала: наверное, поссорился с женой, а иначе как объяснить его переселение сюда, но расспрашивать об этом не хотелось. Напряжение нарастало. Казалось, пройдет еще минута давящей тишины – и ни один из них уже не сможет выйти из оцепенения, навалившегося на них в балке.

– Медведя сам убил? – запекшимися губами прошептала она.

– Да, – выдохнул облегченно Лахэн, благодарный ей за такой ни к чему не обязывающий вопрос.

– Страшно было?

– На хозяина земли руку поднимаешь, всяко бывает. А вообще-то зверь редко на человека кидается, и медведь в том числе. В наших легендах его «братом человеческим» прозывают. Если, конечно, тебе не попадется медведь с крутой холкой и длинными передними лапами, того лучше поостеречься – он драчливым считается.

Его голос еще звучал тихо, чуть подрагивая, но с каждым новым словом набирал силу и уверенность:

– Подобных случаев мне лично известно два-три. Один, тяжелый, в Магаданской области произошел, тамошний коряк рассказывал. Он пастушил с напарником – красавец, не из местных. Решили стадо проверить. Время тельное. Разошлись в разные стороны. Красавец-то и наткнулся на заваленного оленя с медведем на нем.

Выстрелил из карабина в воздух, думал, испугает зверя, а тот вместо испуга взял да набросился на него. Парень хоть и успел еще два выстрела сделать, но медведь его все же достал. Сильно заломал. Позже врачи сорок два перелома насчитали, думали, не выживет. А он – силен, до сих пор живет, правда – от прежнего красавца только голос и остался.

– А что медведь?

– Его мой знакомый коряк нашел, когда выстрел услышал. Парень сумел все ж зверя смертельно ранить, недалеко ушел. А я вот на твой оберег все смотрю: интересный он у тебя, – решил переменить тему Лахэн.

– Да, мне его бабушка в наследство передала, а ей её бабушка.

– Надо же какой старинный! Можно поглядеть? Странное на нём изображение. Вроде смотришь на кость – и будто ничего там нет, а блеснет – и оленья голова высветится.

– Ты прав, с одной стороны точно оленья голова, а с другой – крест. Посмотри, – и Настя сняла сберег и протянула Лахэну.

Лахэн стал разглядывать, а Настя, глядя шкуру медведя, спросила:

– Как же тебе удалось справиться с таким огромным медведем?

– Да всё прозаично было. В Сопочное для артели на вертолете доставили продовольствие. Летчики спешили и сгрузили все в палатку, причем плохо укрепив ее. Я как раз в тех местах охотился. Выхожу на поляну, гляжу: стоит палатка, а в ней медведь погром устраивает. Весь табак разметал, банки побил, крупы из мешков повытряхнул. Надо было разбой прекращать. Первым выстрелом выманил его, вторым – уложил, да так, что тот и испугаться не успел, а значит, злость свою в шкуру не оставил. Потому на ней так тепло и уютно.

– А мы тоже сегодня медведя видели, когда к морю шли. Он на другом берегу реки рыбу ловил. А если бы на нашем, то я, наверное, от него со скоростью ветра бежала бы.

– Вот тут ты не права. Побежишь ты – побежит медведь, только он побежит за тобой. Это закон. Медведь, он ведь тоже человека боится. Только запах учует – и в нем срабатывает врожденное чувство – уступить, отойти. Сам громадный, глазки маленькие, подслеповатые... Был у меня до армии и такой случай. Не помню уже, за чем в лес ходил, только столкнулся с косолапым, что называется, нос к носу. Он поднялся из кустов и встал на дыбы. Стоим друг против друга, как вкопанные. Пару минут точно стояли, а потом оба в разные стороны шарахнулись. Медведь от меня шибче, чем я от него, бежал. Бояться медведя нельзя, но разумно опасаться надо всегда, потому что он зверь и может быть непредсказуем.

– А у ительменов есть сказки или легенды, в которых бы говорилось о превращении людей в медведя или о брачных связях между ительменскими девушками и медведями?

Лахэн, надев оберег вновь на шею Насти, кивнул головой в знак согласия.

– Правда я только одну знаю о тайоне-шамане, который превращался в медведя, перепрыгивая через воткнутый в землю нож. В образе зверя он давил коров у тех хозяев, на которых был за что-то сильно рассержен.

– А у саамов такие сказки есть.

Настя, поглаживая шкуру медведя, дотронулась до пальцев Лахэна и почувствовала еле уловимую дрожь. Тихо произнесла:

– Я скучала по тебе, Лахэн, очень скучала...

Он так же тихо, эхом отозвался:

– Я тоже скучал, очень...

Она поняла, что инициативу нужно брать в свои руки.

– Поцелуй меня, – попросила тихо.

И он поцеловал. Очень робко, будто в первый раз.

У Насти бешено заколотилось сердце, к горлу подступил комок и захотелось зарыдать, отчаянно, по-бабьи. У нее уже бывало так, когда тоска зажимала сердце в тиски, когда душили слезы и приходилось собирать всю волю, чтобы остановить рвущийся изнутри животный крик. Когда случалось подобное дома, отец подставлял свое плечо, в которое она и выплакивалась. Затем гладил по голове, как в детстве, чуть покачивая, и говорил одну и ту же фразу: «Поплачь, поплачь, Настенька, глядишь и полегчает». Сейчас отца поблизости не было, но его фраза неожиданно обрела новый смысл в устах Лахэна:

– Ты поплачь, поплачь, полегчает.

Она уткнулась ему в плечо, но выплакаться так и не смогла.

Вновь забегали тени, словно привороженные колдовскими отблесками огня, по стенам, потолку, их обнаженным телам. Таинство этой хмурой осенней ночи страшило и возбуждало одновременно. Ведь она прилетела сюда к нему, хотела любить и быть любимой. И только он сейчас, его объятья, поцелуи имели для нее значение. Ей было хорошо, она чувствовала, как таяла в его руках. Сколько уже дней была в Каврале и не имела возможности даже просто прижаться к нему. Надо отбросить все «нельзя», мысли о грехах, о его жене, надо просто любить. Что есть выше? Да ничего! А про грех все придумано теми, кто боится любви, бежит от нее.

– Родной мой! – целуя его, прошептала Настя.

После Москвы каждый из них с трепетом ожидал момента близости. Словно птица, Настя уже много лет кружила в полете одна среди людей и городов в поиске своего любимого. Казалось, крылья стали слабеть, исчезла всякая надежда на встречу... И вот он, большой и могучий, подлетел к ней. Истосковавшись без ласк, она блаженно ощущала его рядом. Но они не спешили кинуться в объятия друг другу, как это было в Москве в гостинице, не спешили предаться страсти, обоим хотелось насладиться нежностью и радостью встречи. Лахэн зашептал:

– Ты необыкновенная... созданная солнцем... я думал, таких не бывает...

Длинные, поблескивающие золотом пряди волос Насти щекотали лицо, и он радовался, что вновь вдыхает их тонкий, приятный аромат. Она увидела, как Лахэн навис над ней, словно большая птица, стараясь закрыть от всего мира своими руками-крыльями. И Настя жадно откликалась на каждое движение, на каждый его поцелуй. Тот огонь, что зажег на ее губах Лахэн, перекинулся кипящей кровью на ее груди, охватил все тело... Она то замирала от его ласк, то начинала метаться от нетерпения. Наконец их подхватил танец любви и порывом налетевшего вихря страсти закружил и понес над землей в самый центр невесомости. Всю свою жизнь сейчас женщина всецело отдавала во власть мужчины, а он хотел лишь одного: рас-

твориться в ней, стать ее дыханием, гореть в ней живительным огнем любви до скончания века...

Насте казалось, что она теряет над собой контроль, превращаясь в какую-то невидимую, неосязаемую пылинку. И мир, что окружал, начинал вдруг таять, растворяться, становиться неземным, нереальным. Или в какой-то момент чувствовала, как тело ее росло, растекалось по шкуре, огромной массой заполняя пространство балка так, что не хватало воздуха и простора...

Двое любили друг друга! И в этот момент их чувства поднимались выше действительности, выше их самих... И ритм этого самого страстного на земле, танца двоих, заставлял ее умирать и возвращаться к жизни. Задрожав, он, наконец, склонился над ней и блаженно простонал, секундой позже послышался стон Насти, его женщины-птицы. И подвластно это было только любви, сумевшей огнем чувств соединить в одно целое два любящих сердца.

Наверное, их ласкам в эту ночь не было бы конца, но возвращение в реальный мир и последующие за этим события разрушили их недолгое счастье.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Они лежали на шкуре, поверженные любовью, и слушали тишину балка. Казалось, ничего в мире не было прекраснее, чем эти минуты обретения друг друга. Вдруг с улицы послышалось волнение собак, которые радостно скулили и повизгивали, чувствуя кого-то им очень знакомого.

– Это она, – обреченно произнес Лахэн, медленно отстраняясь от Насти.

Натянув джинсы и накинув куртку, выскочил на улицу.

За дверью балка раздался чуть слышный разговор с женой.

– Зачем пришла?

– Посмотреть на тебя.

– Ты выгнала меня, чего же смотреть теперь?

– Мы что, под дождем будем говорить? Пусти в балок.

– Нет.

– Чего боишься?

– Я сказал нет.

– Пусти...

Услышав голос жены Лахэна, Настя замерла, на лбу выступила испарина и стало подташнивать, а в глазах все поплыло. Казалось, еще минута и она упадет в обморок, слыша из-за двери резкие слова ительменки. Но огромное желание не выдать своих чувств жене Лахэна, если та прорвется в балок, победило обморочное состояние. Невероятными усилиями воли, растерянно, словно враз ослепнув, стала нащупывать свои вещи. Дрожащими руками натянула свитер, но никак не могла обнаружить брюки. Ничего не оставалось, как прикрыть голые ноги медвежьей шкурой. Ее лихорадило.

«Пусти в балок» – эти слова, прозвучавшие за дверью, были подобны выстрелам, которые точно попадали в цель. И она сидела, похожая на подранка, до синевы в руках сжимая медвежью шкуру на голых ногах.

– Пусти, – резко обронила за дверью женщина.

В какие-то доли секунды Насте вспомнилась когда-то уже пережитая подобная ситуация. Только теперь она оказалась в роли женщины, которую однажды застала в постели мужа. Настя так же, как жена Лахэна, долго не могла попасть в комнату, чтобы высказать ему все то, что в секунды накопилось у нее на душе – гнев, боль женщины, теряющей любовь своего мужа. А когда все же прорвалась, то в ярости надала пощечин и мужу, и его любовнице. Сейчас такие же пощечины ярким ожогом будут полыхать на ее щеках...

– Пусти, я все равно увижу, кого ты прячешь от меня.

Настя вся сжалась от скрипа двери и от уличной сырости, проникшей в балок. Вошедшая минуту, а то и больше в упор смотрела на ее мертвенно бледное лицо, увидела на лбу выступившую испарину и женским природным чутьем поняла: еще минута безмолвного ожидания – и соперница упадет в обморок. Их глаза встретились. О, сколько смогли они передать друг другу чувств!

– Ну вот мы и увиделись, – чуть растяжно выговорила жена Лахэна, словно пробуя свои слова на вкус. – Может, познакомимся? Каррита.

Настя ошиблась. Здесь не было истерики, пощечин, слез. Достоинство Карриты поражало.

– Анастасия.

– С моим мужем давно знакомы? – делая акцент на слове «давно», спросила она Настю. – Из Петропавловска прилетели или с материка? Вы что ж, любите его? – забрасывала та вопросами.

Настя ответила только на один:

– Его не любить нельзя.

– А знаете, вы правы... А у нас будет ребенок, как он и мечтал, – сказала с каким-то вызовом Каррита.

Настя знала о ее беременности, Лахэн поделился с ней своей радостью. Но в том, как сейчас произнесла это Каррита, чувствовалась неправда. Когда-то в Москве Лахэн рассказывал ей, как они с женой строили семейный очаг. Он ничего не скрывал. И уже тогда Настя поняла: это не любовь. Обязанность, возможно привычка, наконец, огромное чувство ответственности, долг, но только не любовь. Хотя Настя не могла утверждать ничего насчет Карриты. Скорее всего, она-то любила Лахэна.

– Что ж, одевайтесь, а мы с мужем вас за дверью подождем.

Каррита продолжала бороться за свое жизненное пространство, олицетворяющее в образе Лахэна ее счастье. Вложив в него столько сил, эмоций, души, она не собиралась его никому уступать и сосредоточила на этом всю волю.

Вечером к ней заглянула Судаченкова и как бы между прочим сказала, что полчасика-час назад встретила ее Лахэна у реки. Каррита, ничего не рассказывая о ссоре с мужем, ответила, что он, скорее всего, пошел в балок собак кормить. У Ларисы округлились от удивления глаза.

– Надо же, а я и не заметила в его руках еды для них. Наверное, это он экскурсию для одной из гостей праздника устраивал, пошел лаечек наших камчатских показывать.

Каррита, будто это касалось совершенно постороннего мужчины, подтвердила:

– Этим приезжим везде хочется свой нос сунуть.

Лариса, сделав вид, что очень куда-то спешит, засобиравшись уходить. Каррита не удерживала. После посещения врача два дня назад она чувствовала себя лучше. Отлежавшись, уже было решила идти к мужу на примирение, но когда услышала от Ларисы о женщине, которую повел к себе в балок Лахэн, подумала: только про-никну туда – и растерзаю соперницу. Когда распахнула дверь, первое, что бросилось ей в глаза, – освещенное огнем жирника огромное, как показалось Каррите, на всю грудь сидевшей на шкуре женщины костяное украшение. Она могла поклясться, что в тот момент, как увидела его, на нем огнем высветилась оленья голова. В какие-то доли секунды Каррита поняла, как чувство ненависти к сопернице стало улечиваться, исчезать, и тогда ее взгляд выхватил лицо Насти, во взгляде которой было что-то очень хрупкое, незащищенное, виноватое. И опять почему-то образ лебедя с примерзающей воды вернулся к жене Лахэна. Сейчас разлучница сидела, поверженная ее вторжением, и не пыталась защищаться. И каким-то десятым чувством ительменка поняла: ее одиночество сродни одиночеству этой женщины, несмотря на то, что та недавно лежала в объятиях ее мужа. И еще поняла: Лахэн любит эту незнакомку, любит так, как никогда не любил ее, и она бессильна что-либо изменить. А Лахэн, не пуская жену в балок, уже знал: счастье, которое он все эти дни, с момента приезда Насти из Мурманска, так трепетно создавал, с появлением Карриты рушилось на глазах. Он, точно ребенок, несколько дней подряд радовался каждой мимолетной встрече, ни к чему не обязывавшим разговорам, нечаянным прикосновениям, будто собирал из них мозаику своего с Настей счастья, которым и был вознагражден всего несколько минут назад. С Карритой они не произнесли ни слова, пока ожидали появления Насти из балка. Словно ослепшими глазами смотрел на собак, ластившихся у его ног, и чувствовал, каким огромным камнем наваливается на него усталость и опустошенность. То настоящее большое чувство, которое родилось в его сердце к Насте, сейчас было низвергнуто в грязь ночной осенней распутицы условностями жизни с Карритой, которые он многие годы слепо принимал за что-то настоящее. Ему было противно и мерзко от собственного бессилия что-либо изменить. Точно связанный по ногам и рукам приходом жены, он не находил в себе сил бороться ни за себя, ни за Настю. Наверное, если бы Каррита накричала на нее, кинулась с кулаками, он нашел бы в себе мужество и защитил Настю перед женой, но Каррита не проявила никакой агрессии по отношению к разлучнице, чем и обезоружила его, лишила дара речи.

Появление Карриты для Насти было подобно насильно введенному наркозу, потому и притупило ее чувства к осознанию реальных событий. Было такое ощущение, что она либо спит и видит кошмарный сон, либо находится в какой-то жуткой нереальности. Когда дверь за Лахэном и его женой захлопнулась и она оказалась в балке одна, то еще какую-то минуту безвольно сидела на медвежьей шкуре, не в силах пошевелиться. Ей казалось, что своими вопросами ительменка вытянула из нее все жизненные соки капля за каплей. А захлопывая за собой и Лахэном дверь, превращала уютный и дорогой ее сердцу балок в чужой и враждебный ей мир. Теперь тени на стенах балка уже не казались милыми, они пугали, нависая черной паутиной. И если бы ее взгляд случайно не наткнулся на ленат Лахэна, который она сняла с его головы, когда целовала, то, может, еще долго не смогла бы прийти в себя.

Ей показалось, что чары Карриты, на какое-то время околдовавшие ее, потеряли силу, и она, словно очнувшись после перенесенной тяжелой болезни, стала медленно одеваться.

Из всех троих только Каррита оценивала случившееся реально. Она понимала: подчиненность ей Лахэна, она еще могла контролировать, но любовь его она уже потеряла. Надежда была только на то, что праздник скоро завершится и рыжая соперница навсегда уйдет из ее жизни. И если раньше она сокрушалась, что у людей не стало денег летать на материк, то теперь радовалась этому обстоятельству. Не настолько же богата эта приезжая, чтобы появляться в Каврале на Алхалалалае каждый год, а значит, Лахэн будет все равно оставаться с ней.

Дождь, не переставая, бил по земле. Каррита шла в темноте так же уверенно, как и Лахэн, только Настя от слез, струившихся по ее щекам вперемежку с каплями дождя, вновь ничего не видела под ногами: ни луж, ни грязи. Ей было все равно, куда ступать. Высохшие кроссовки и носки спустя несколько минут снова были насквозь мокрыми. В селе, стараясь не показать своего состояния Каррите и Лахэну, выдавила из себя хриплое: «Пока» и, не оглядываясь, больно прикусив губу, чтобы не разрыдаться, быстро пошла от них, понимая: задержишься она еще на минуту – и бросится на шею любимому, тогда никакой Каррите ее не оторвать.

* * *

Резко распахнув дверь дома Жирковых, влетела в пустую комнату. Стол накрыт разной снедью, непочатыми бутылками – и никого вокруг.

– Люба, Начик, кто-нибудь... Никого...

Эти высказанные вслух слова, скорее всего, и вырвали из груди ее тот самый надрывный крик, который она смогла укротить в балке и затем силой воли удержала под дождем. Рыдания, до сих пор душившие ее, наконец, бурным потоком слез стали извергаться наружу. Она ревела в голос, причитая, не пряча и не тая своего горя, благо его не от кого было скрывать.

– Божечка мой, Божечка, ну почему, почему, Господи, ты послал мне чужого, почему не дал свободного? Что мне теперь, из рук жены выдирать его? Господи, помоги мне. Не знаю чем, но сделай что-нибудь, Господи...

На глаза попалась бутылка водки. Настя, растерев по щекам слезы, схватилась за нее как утопающий за соломинку. Налила полный стакан – и залпом выпила. Затем тупо стала есть все подряд, мешая красную икру с грибами, балык с вареньем. Хмель не брал. Водку выпила словно воду. Раздирая балык, макала его в варенье и жевала... Она думала: ей надо собраться с силами, пережить эту ночь, а день всегда приносит надежду. Силы могла дать только пища, потому она ела все подряд.

С шумом в дом ввалились хозяева в сопровождении Сергея, Сузвая с Катериной, Харьюза с женой и двух японцев, которые что-то лепетали на своем непонятном здесь никому языке. Перий с переводчиком разместил их у Харьюза, потому им с женой ничего не оставалось делать, как прихватить гостей с собой. Переводчик, сославшись на усталость, в гости к Жирковым идти отказался, но японцы пошли. Возбужденная танцами компания, увидев Настю заплаканной, поевавшей рыбу с вареньем, стала будоражить ее и отвлекать всяческими шутками. Японец хотел

заснять эти кадры, но Сергей, отведя его руку в сторону и загородив собой Анастасию, сказал:

– No problem, ребята. У нее сейчас это пройдет.

Те, понимая, замолтали в знак согласия головами и сели за стол, куда их усадила Любаша Жиркова.

Начик, наливая чашку горячего чая, подшучивал:

– Что, Настя, чай не водка: много не выпьешь?

– Как говорит мой друг Сергей, чай без вина пейте без меня, – с глубокой иронией выдавила из себя Настя.

Сергей, дружески обняв ее, весело произнес:

– Вот и хорошо, Анастасия: и вина дадим, и чай выпьешь, только не плачь больше, милая, а то невзначай в слезах своих и нас утопишь.

– Хорошо, Серенький, больше не буду, слово даю.

Он видел, что сейчас Настя переживала какой-то очень сильный стресс, и все же сила жизни в ней брала верх. Вон с каким азартом ела балык, макая его в варенье...

Тогда в самолете, узнав о том, что она летит на Камчатку ради какого-то ительмена, его это задело. Вот когда он понял, на какие сильные чувства способна эта женщина. Но предметом ее воздыхания был, к сожалению, не он. Только одного не мог постигнуть Сергей: что есть такого в этом ительмене, чего нет в нем? Все эти дни он наблюдал за Лахэном и размышлял: чем он смог так покорить сердце Анастасии? Сергей всегда считал, что человека характеризуют его поступки, особенно мужчину, но со стороны ительмена пока не заметил ни одного решительного шага навстречу женщине, сходявшей по нему с ума. Сергей считал себя довольно неплохим психологом и в размышлениях пришел к выводу, что Настю прежде всего покорила внешность Лахэна, экзотичность и некая таинственность его образа. Ведь она была натурой впечатлительной и чувственной. Проведя уже несколько лет в одиночестве и встретив наконец совершенно другой тип мужчины, Настя приняла его за своего героя, а так как сама везде и всегда выступала человеком решительным и смелым, поверила, что и Лахэн такой же. Но вот решительности-то в нем, как показалось Сергею, и не хватало, чтобы сделать Настю счастливой. И наблюдая, как она сейчас убивается из-за него, готов был бежать и силой приволочь Лахэна сюда, чтобы только не видеть страдания в ее глазах. С Лахэном он за все эти дни общался совсем мало, на его взгляд, тот совсем ничего не представлял из себя, если, конечно, не считать танцев. Тут надо было отдать должное – на сцене Лахэн был красив и притягателен, особенно для женщин.

– Сузвай, давай подсуетись, наливай по маленькой. Катерина, накладывай себе, чего душа просит, японцам что-нибудь предложи. Сергей, Харьуз, поехали, за праздник, – Начик поднял рюмку и опрокинул в себя содержимое залпом.

Сидели, вспоминали интересные случаи, смеялись, балагурили.

– Нет, ребята, что ни говорите, а наш Алхалалалай – это праздник из праздников: и выпить на нем можно всласть, и закусить, – сказал улыбающийся Харьуз, залив в себя уже не одну стопку водки.

Его жена, видя, что муж разошелся, стала толкать его в бок и звать домой.

– Погуляли малость – и будет. Тебе еще завтра танцевать. Бери японцев и пошли, а то, если и те напьются, что я с вами одна делать буду?

– Вот бабы, никогда не дадут повеселиться от души. Ладно, ребята, с вами хорошо, но и на самом деле надо гостей спать укладывать. Всем до завтра, – сказал Харьуз и, показывая японцам, что пора и честь знать, направился к выходу.

Сузвай, увидев около Насти пустую тарелку с балыком, подставил другую, подбадривая:

– Настя, ты балычок ешь, у тебя это здорово получается, особенно с вареньем. Никогда не видел, чтобы с таким аппетитом балык с вареньем ели, молодец!

– У нас говорят, Сузвай, хорошего помаленьку, – бесцветным голосом сказала Настя, отодвигая от себя тарелку с балыком.

– Настя, – обратилась к ней Катерина, но та никак не отреагировала на ее зов.

– Что ты, Катя, хочешь от нее? Не знаешь, что отсутствующий взгляд бывает только у присутствующих, – пошутил Начик.

– Эх, вы, мужики, – сказала Люба. – Твердолобые. Вам бы только выпить, позубоскалить, покуражиться, не видите: человек стресс перенес. Худо ей, а вы со своими шуточками.

Она подошла к Насте, обняла и спокойно, как с маленькой, заговорила:

– Настенька, что бы ни случилось, уже случилось, а утро всегда вечера мудренее, пошли отдыхать.

Настя, очнувшись от своих мыслей, посмотрела на Любу и спросила:

– Ты что-то сказала?

– Говорю, что отдых – лучшее лекарство.

– Думаешь, поможет, Любаш?

– Думаю, не навредит.

– Тогда пошли.

Когда остались одни, Настя заговорила:

– Люба, я женщина и я хочу нравиться мужчине, разве это порок? Хочу, чтобы меня любили, и пусть тот, кто этого не хочет, бросит в меня камень. Я не боюсь осуждения толпы, потому что уверена: нет безгрешных людей и я не безгрешна, но почему тогда мне так больно?

Люба глубоко вздохнула и ответила Настиными же словами:

– Наверное, потому, что ты – женщина. Бывает так: тебе кажется, что ты теряешь, а выходит, наоборот, приобретаешь. Отдохни, завтра все вернется на круги своя.

– Позови на минутку Катерину, мне ей надо что-то очень важное сказать.

Люба вышла из маленькой комнаты, где была устроена Настя, и попросила Катерину зайти к ней:

– Она ждет тебя, что-то сказать хочет.

Катя присела на постель. Настя лежала с закрытыми глазами. Так и не открыв их, своей рукой нащупала руку Катерины, сжала.

– Насть, ты что? – спросила москвичка.

По Настиной щеке скатилась запоздалая слеза. Она открыла глаза и долгим усталым взглядом посмотрела на Катерину, затем тихо произнесла:

– Если, Катюша, любишь Сузвая, если чувствуешь: это в тебе настоящее – не бойся, признайся первой.

– У тебя что-то случилось?

– Любить сладко, но и так больно... И все же одиночество хуже. Не будь одинокой, Катя. Иди к Сузвай, я думаю: он не так уж и равнодушен к тебе, только шаг первым сделать боится.

– А ты не плачь больше, – сказала Катерина, – слезы, они, как дурман, разум затмевают, а тебе нужен ясный ум, так что спи, набирайся силы для завтрашнего дня.

Когда Настя ушла, интерес к компании у Сергея сразу пропал. Он понял, что теперь ему здесь больше делать нечего. Насте его помощь и поддержка пока не потребуются, а значит, можно побыть одному и подумать над тем, чему стал свидетелем. Раскланявшись с теми, кто оставался в комнате, он пошел к себе. Поздний сырой вечер после нескольких стопок спиртного приятно бодрил. Сергей шел по плохо освещенному Кавралу и думал об Анастасии. Чтобы она поехала сюда, ему пришлось пойти на довольно резкий разговор с руководителем проекта и прямо заявить, что если они не позволят участвовать в проекте мурманчанке, он тоже предпочтет сидеть в Москве, чем тащиться к черту на кулички. А так как в проекте он играл немаловажную роль, то руководителю пришлось уступить. В Москве он почему-то надеялся, что эта поездка в их отношениях станет решающей, когда же узнал про чувства Насти к Лахэну, уже было отчаялся завоевать ее сердце, но, будучи человеком, наделенным от природы наблюдательностью и умом, анализируя разворачивающиеся события, понял, что навряд ли у этой любви будет счастливый конец. Лахэн никогда не пойдет на разрыв с женой и не уедет с Камчатки.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Сузвай, простившись с Сергеем, вышел с Катериной на улицу. После недавно прошедшего дождя было грязно. Беспокоясь, чтобы Катерина не оступилась, Сузвай предложил ей руку.

– Знаешь, а мне так не хочется сразу идти в дом, может, пройдемся чуть-чуть, если, конечно, ты не против? – спросила Катерина.

– Я? Нет, пошли. Хотя «Курилка» задул – погоды хорошей не жди.

– А к солнышку какой ветер дует?

– Мы его «Севером» зовем.

– Странно: «Север» – и к солнышку, – пожала плечами Катя.

– Ну, еще «Камчатка» есть, восточный, тот тоже может в середине зимы оттепель принести.

– А мне тут Настя рассказывала, когда к морю ходили, что у них саамы южный ветер – Соаййв пиннк – матерью зовут. Потому что ласкает, словно руки матери. А северный – Тавял пиннк – мачехой. Все у вас, у малочисленных, необычное.

– Интересно, как ты умудряешься запоминать? – спросил удивленный Сузвай.

– Записываю. У меня прекрасная зрительная память. Вот, например, я еще узнала, что раньше все ительмены на племена, как американские индейцы, делились. Ты к какому племени относишься – к ирокезам или семинолам? – весело спросила она.

– Я – к лигуринам. Нас таких двое в Каврале: я и Перий.

– Говорю же, вы ни на кого не похожи. Лигурин! Красиво! Слушай, а хочешь, в любимые слова поиграем?

– Это как? – не понял Сузвай.

– Будем называть по несколько своих любимых слов. Например, я говорю: птица, сказка, улыбка. Теперь ты.

– Родной край, природа, история...

– Любовь, дети...

– Доброта, друзья...

– Песня, Россия, жизнь... – напевно произнесла Катя.

– Мать, танцы, море, вера...

– Вот видишь, мы немного и узнали друг друга. А еще есть такой тест – нужно назвать четырех животных. Когда я отвечала на него, у меня были: кошка, олень, пантера и собака. Какие ты назовешь?

– Ну не знаю, например, пусть будет медведь, собака, тигр и барс.

– А почему первым назвал медведя?

– Потому что он частый гость Каврала.

– Не поняла? – удивилась Катерина.

– А что тут непонятного. Как темное время приходит, медведь или медведица частенько начинают наведываться в село. Ямы с квашеной рыбой разворовывают, что хозяева своим собакам на зиму заготавливают.

– Облавы на них не устраивают?

– Да нет. У нас на медведя в апреле выходят. Считается, что каждый из мужчин должен хоть раз за свою жизнь медведя убить. Дело престижа каждого настоящего охотника, да и повод есть – родню на пир собрать, во главе этого события стать.

– Вы, артисты, тоже на медведей ходите?

– Смешная ты, Катерина, мужик прежде всего добытчиком должен быть, а уж после артистом. У нас сейчас, если не позаботишься о пропитании, ноги протянешь.

– А я тут, Сузвай, случай смешной с медведем связанный знаю. Хочешь, расскажу?

– Давай.

– Мне его один мой знакомый поведал. Он частенько бывал на побережье Белого моря, маяки проверял. Раз приехал и увидел у смотрителя на стене огромную шкуру медведя. А смотритель тот сильно заикался и никогда охотой не баловался. Мой знакомый, удивляясь, спросил: «Откуда такую здоровую шкуру раздобыл?» Тот ему и рассказал. В село, недалеко от маяка, медведь-шатун повадился ходить. Пришли к смотрителю трое мужиков, стали просить с ними на охоту пойти. Тот – ни в какую, мол, какой я охотник, не пойду. Они свое: «Убивать медведя мы сами будем, ты нам только его донести помоги». Смотритель-то здоровый был. Согласился. Ну, мужики оставили его на поляне, мол, жди, а сами с ружьями в лес. Смотритель ждет. Что случилось? Мужики ли медведя испугали, другое ли что, только выскочил косматый громадина прямо на смотрителя. Увидел человека, поднялся на задние лапы во весь свой могучий рост и пошел на него. А смотритель испугался, да как заорет! Представляешь, медведь шага не дошел, замертво свалился. Прибежали мужики – ничего понять не могут. Смотритель орет, рядом мертвый медведь лежит. Так всю дорогу, пока до маяка шли, и орал, а мужикам того медведя самим пришлось на

себе волочить. Но распорядились по-честному. Принесли шкуру и сказали: «Ты его своим криком убил, значит, и шкура твоя».

– Ну и рассказ! Впервые слышу, чтоб кто-то медведя криком убил. А скажешь, для чего я тебе зверей называл?

– Ничего нет проще: дома ты – медведь, на работе – собака, в любви – тигр, а на самом деле – барс. Между прочим, заметил? У нас с тобой собака повторяется, а она – олицетворение дома, преданности, защиты жизненного пространства.

– Добавь еще огромную трудоспособность. Наши лайки – это настоящие трудяги.

– А хочешь, я прочту тебе свое любимое стихотворение? Его Пабло Неруда написал.

Почему-то после этой игры в слова Катерине захотелось подарить Сузваю самые свои сокровенные мысли о любви, которые, по ее мнению, очень точно выразил чилийский поэт.

– Прочти.

Люблю любовь, где двое делят хлеб и ночлег.

Любовь, которая на время или на век.

Любовь как бунт, назревший в сердце,

А не сердечный паралич.

Любовь, которую достигнешь,

Любовь, которой не настичь.

– Мудрое стихотворение.

Катерина оступилась на камне и чуть не упала. Сузвай успел ее подхватить и прижать к себе. Они оказались слишком близко друг к другу. У Кати перехватило дыхание.

– Можно тебя поцеловать? – выдохнул он.

– Можно, – не придя еще в себя, одними губами прошептала она.

Стал накрапывать дождь, а они вот уже несколько минут стояли и целовались, не в силах оторваться друг от друга. Он так сильно прижимал Катерину к себе, что она даже через одежду чувствовала его желание. Наконец произнес:

– Я хочу тебя, я так давно не целовался.

Катерина уткнулась ему в плечо. Она чувствовала, как у нее кругом шла голова.

– Мы сошли с ума: стоим посреди улицы и целуемся. Еще такое объятие – и я упаду в обморок, так мне хорошо с тобой.

Столько дней эта девушка была рядом, а он, словно впервые, увидел наполненные любовью и преданностью ее глаза. Губы Катерины были еще влажные от поцелуя и чуть подрагивали от слов, которые она старалась произнести, сдерживая эмоции.

– Только умоляю, Сузвай, не бойся меня, моей откровенности. Может быть, я в ней более незащищенная, чем другие женщины. Говорят: трудно жить закомплексованным, но я хочу сказать, что таким, как я, жить несколько не легче...

Он не дал ей договорить и опять стал целовать. Ни о чем не хотелось думать, только быть с ней. Впервые за много лет возникло огромное желание быть кому-то нужным, самому наполнить кого-то своим нерастраченным чувством.

– Пошли домой, – сказал он, не в силах больше сдерживаться.

– Но дома у тебя мама, немцы, – остановила, Катерина.

– Не переживай, там, где будем мы, не будет никого. Помнишь, как Перий пел на концерте: «Так целуй меня скорей, а то дождик все сильнее, пойдем-ка домой мы, пойдем-ка домой».

Эти строчки он пропел в точности, как Перий, с приятной хрипотцой в голосе, которая так располагала к интимной близости.

Женщина и мужчина – вековая история отношений между двумя самыми высокоразвитыми представителями природы, тайной и далеко не познанной. И если мужчина от той самой природы сумел взять все, что лежит на поверхности, то женщина впитала в себя все, что природа скрывает от любопытных глаз и делает тайной. И все, что есть рационального в природе, принадлежит мужчине, а что считается загадкой – вошло в женщину. И эти двое, словно два полюса, с момента появления на земле стремятся друг к другу, совершенствуя и дополняя себя. Они сливаются в единое целое, чтобы затем воплотиться в новое «я». И так будет продолжаться вечно: пока на земле будет жизнь и пока на земле будут Он и Она. Но чтобы в отношениях этих двоих царил гармония счастья и обретала смысл, необходимо самое важное создающее начало – любовь!

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

С чего начинается Родина? Когда-то все школьники страны знали эту песню. В ней много было строк о том, с чего начинается Родина. Для Перия она начиналась с его родового дома, построенного в свое время еще отцом. Небольшой деревянный домишко из трех комнат – его, матери, так как отец давно умер, и общей, в которой чаще всего останавливались гости Перия. Свою комнату он увешал оленьими рогами, украсил медвежьими зубами и шкурками различных животных. Никаких излишеств. Стол, кровать, шкаф под белье да полка с книгами. Особенно много на ней их по истории Камчатки, есть по медицине, так как в последние годы ему все чаще и чаще приходилось лечить земляков, у которых не было ни лекарств, ни денег на них, – вот и шли все к Перию – кавральскому шаману. А еще нашлось место на полке и для его любимых книг – книг для души – Плутарха и Набокова. Да, Родина начиналась с родного дома, но не мог Перий себе его представить без самого главного человека в его жизни – без матери. Поэтому она начиналась для него, прежде всего, с теплых, заботливых рук его матери, под старость ставшими сухими, в толстых узловатых венах.

Руки матери! Им нужно складывать гимны, петь о них песни. Впервые ребенок начинает ощущать тепло материнских рук, когда она прикладывает его к своей груди, округлой, как чаша, распираемой теплым живительным молоком, запах которого все малыши распознают безошибочно. Может, это происходит оттого, что в молоке матери заключена жизнь для маленького создания. А может, оттого, что целых девять месяцев дитя находится под материнской защитой в ее большом, уютном животе. Ласковые руки матери ребенок узнает еще до рождения, слышит ее нежный голос, откликается на мысли. Вот так с зачатия и до последнего вздоха мать живет в душе и сердце своего дитя. Всю жизнь она несет ему свет и дарит любовь.

Самым святым для Перия была мать. Уже старенькая, разменявшая три года назад восемь десятков лет, она еще как могла бодрилась, потому что видела: сын ее занят очень важным делом – восстановлением обычаев и обрядов предков.

Перий пришел домой поздно вечером. Гости его еще где-то веселились. Он нехотя заставил себя перекусить. Мать приготовила нехитрый супец и отварила рыбу, за что Перий был благодарен. В тайне от всех он молился как умел, чтобы Господь продлил ей жизнь хотя бы еще на десяток лет. Даже сам себе он не хотел признаваться, что если что-то случится с матерью – останется сиротой. Как бы ни был дорог коллектив ансамбля, но только на репетициях актеры принадлежали всецело ему, а он – им. Потом у каждого начиналась собственная жизнь. Жизнью Перия была его мать. В праздничной суете он мало бывал дома, мало уделял ей внимания. И сегодня, когда вырвался пораньше, поев и убрав со стола, пошел в комнату матери. Она лежала на кровати, прикрыв глаза.

– Мама, – окликнул тихо.

– А, Перий, сынок. Пришел уже? Небойсь, есть хочешь? Счас я тебе что-нибудь соберу.

Мать Перия хотела было встать, но он успокоил ее, сказав, что поел. Присел рядом, взял руку матери в свои. Вся в прожилках, чуть шершавая, она была почти невесомой. Теплые пальцы немного подрагивали. Перий наклонил голову и поцеловал пальцы матери. Она, улыбнувшись ему в ответ, тихо спросила:

– Ну как праздник? Я в этом годе, почитай, совсем на ём не была. Раза два вышла на улицу, постояла и опять домой. Тяжело ходить: ноги болят. Теперь больше лежу. Седне вот, днем, старик Ое приходил, рассказывал про свою поездку за границу. Подивилась тому, как там люди живут. Нам, подись, так никогда и не жить. Хорошо, что ты у меня при ансамбле своем, а то вон дружки-то твои почти все спились, дети их не у дел по селу болтаются... Трудно после того, как народ работать отучили, вновь к труду его повернуть. Подись, на праздник все село из домов высыпает. Как он? Все ли ладно на ем?

– Ладно, мама. Людей много. И своих, и чужих. Всем хочется в празднике поучаствовать. Спрашивал гостей – довольны... Говорят, не зря в такую даль летели.

– Говоришь, что хорошо, а голос – грустный...

– Это, мам, от забот. Хочешь, я тебе спою? Домой шел и напев новый в себе услышал.

– Ну-ка, ну-ка, послушаю, – заинтересовалась мать.

Перий, взяв в руки бубен, стал тихонько ударять по нему. Бархатистый негромкий голос его окутал своей глубиной небольшую комнату матери. В песне не было слов, только несколько междометий таких, как «эй-я» да «а-а-а», но, казалось, песня уносит тебя на тундровый простор, туда, к каюрам, собачьим упряжкам, к морю, к лежбищам нерп, лахтаков, куда собирались ительмены на рыбную ловлю.

Мать, слушая песню Перия, видела его маленьким, бегавшим по берегу моря, резвившимся, как месячный щенок. Видела живым своего мужа, сидевшего на поваленном бревне, курившего трубку и наблюдавшего за игрой сына. Слышала крики птиц, паривших над морскими просторами и выглядывавших себе на обед в глубинах вод рыбешку-другую. Видела себя молодую, хлопотавшую у юрты... Когда это было? Одна картина в ее воображении проплывала за другой. А Перий пел, и негромкие звуки его голоса уносились все дальше и дальше... Когда закончил, тихо произнесла:

– Ты, сынок, отца напев спел. Спасибо тебе за него. Думала, помру и больше уж не услышу его. Красиво пел твой отец, Перий, ты в него пошел.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Весь следующий день Настя помогала Сергею записывать интервью. После хорошего сна жизненные силы вновь возвратились к ней, наполняя каждую клеточку ее тела здоровой энергией и верой, что вмешательство Карриты в их отношения – это еще не конец. К вечеру зашла к Кончату, чтобы поговорить о детях, ей не хотелось оставлять здесь что-то нерешенное. Найдя Павлуцкого дома, спросила:

– Кончат, скажи, а много у вас детей учатся во вспомогательных школах?

Сергей, напросившийся на разговор с Кончатом, удивился заданному Настей вопросу, тот же, в свою очередь, задал вопрос ей:

– Ты имеешь в виду ительменских детей?

– Конечно, не русских же?

– Много, – ответил спокойно Кончат, продолжая как ни в чем не бывало чистить рыбу, чтобы сварить для гостей уху. – Одни – в Петропавловске-Камчатском, другие – в Тиличихах, кто где. Педагоги говорят: у наших детей неукротимый характер, замедленное умственное развитие. Хорошо, если кто из ребят веру не потеряет и поступать в город уезжает. Там, вдали от Каврала, наконец-то обретают уверенность. Если нет, то еще больше уходят в себя. Некоторые начинают пить, чтоб боль от постоянных унижений и оскорблений заглушить.

– А те, кто техникумы и институты заканчивают, возвращаются? – осведомился Сергей.

– Почти никто. Кому захочется, почувствовав себя человеком, возвращаться туда, где все напоминает об унижении.

– Но почему, Кончат? – спросила дрогнувшим голосом Настя.

После перенесенного вчера стресса она в этот день все воспринимала очень эмоционально, готовая разрыдаться даже из-за пустяка.

– Ты мне задаешь вопрос? – Кончат поправил рукой свои огромные очки и откинул назад челку. – Ты лучше задай его тем, кто программы «Дети Севера» разрабатывает, тем, кто наших детей «вспомогательными» считает. Московские чинуши одного понять не хотят: у наших детей другой склад мышления. Они вдали от цивилизации живут, некоторые за свою детскую жизнь ни разу на материк не выезжали. Их образ жизни совершенно отличается от образа жизни детей из центральных городов России. И нельзя полуостровитян с другого конца земли заваливать тестами, рассчитанными на москвичей, а потом восклицать: да, у них замедленное умственное развитие!

Добродушный, веселый, часто посмеивающийся над собой и другими, Кончат становился непримиримым, когда это касалось судьбы народа, а тем более детей.

Настя рассказала ему про Максима, попросила не упускать из виду этого мальчишку и, если будет возможность, помочь.

Видя, как она расстроилась, он решил сменить тему разговора:

– И что это мы, ребята, как ни соберемся с вами, все о серьезном да о серьезном

говорим – и пошутить некогда. Ведь у нас не все так мрачно, и успехи есть. Многие уже отвоено у времени и бюрократов, отвоюем и остальное, дайте только срок.

– Ну и деловой ты мужик, Кончат, – похвалил Сергей.

– Не деловой тогда уж, Сергей, а дельный, то есть для дела. А деловые – те все про себя, для себя, под себя и на себя. Я таким быть не хочу.

– Во дает ительмен! Ты слышала, Анастасия!?! – с восхищением произнес Сергей. С вами пообщаешься, в Москву вернешься, точно новые университеты пройдешь.

– Вот это комплимент малочисленным народам! Вы мне вот лучше о чем поведаете, как праздник-то наш?

– Замечательный, Кончат. Надо честно признаться, что гораздо интереснее, содержательнее и активнее, чем любой другой, например, даже наш, саамский, – восхищенно произнесла Настя.

– И я так же считаю. Впечатлений лет на десять хватит, точно, – бодро добавил Сергей.

– Вот и ладненько. Говорили вам, что мы сегодня в десять вечера у Вахлага собираемся танцевать? Обязательно должны прийти, без этого Алхалалалай не Алхалалалай.

– Конечно, придем.

Они сидели у Кончата еще часа два. Ели уху, разговаривали. А когда шли от него, Сергей спросил Настю:

– Лахэн придет?

– Не знаю, – печально отозвалась она. – Я его сегодня и не видела.

Сергей, видя, как опечалилась Настя, как потускнели ее глаза, решительно произнес:

– Тогда сделаем так: ты пойдешь к Жирковым отдохнуть, а я зайду к нему и предупрежу о танцах, договорились? Мое появление никаких подозрений не вызовет. Что-нибудь придумаем, не переживай.

Настя с благодарностью посмотрела на друга, затем в порыве признательности крепко обняла его и звонко поцеловала прямо на виду у проходивших мимо жителей.

– Да за такой поцелуй, Анастасия, – сказал возбужденно Сергей, – я его тебе на танцы с другой планеты доставлю. Отдыхай. Не бери дурного в голову – бери в ноги.

У Жирковых Настя сидела и, наблюдая за Любой, которая готовила обед, думала. Вот она сказала Кончату, что Алхалалалай ей понравился гораздо больше, чем их саамские праздники, и не соврала. Ей за эти дни не раз приходила в голову мысль: а почему у нее на родине саамы не могут устроить подобного? Почему, как на Алхалалалае, людей не сделать участниками всех конкурсов и мероприятий, а не сторонними наблюдателями? Чтобы магия старинных обрядов вовлекала, не оставляла равнодушным, чтобы праздник проникал в самую душу, как она испытала это в Каврале. На их саамских праздниках нет того чувства жизни, какое ощущается на Алхалалалае. Взять хотя бы Медвежьи игрища. Ведь у саамов был культ медведя, а вместо того, чтобы сделать что-то подобное танцу ительменов, участники ансамбля «Танцующие саамы» таскают шкуру зверя в кереже, демонстрируя якобы обряд. Люди же в это время стоят на тридцатиградусном морозе и отбивают ногами четку. А затем рассказывают тем, кто спрашивает о празднике, что ничего особого на нем не было, замерзли только. Да после таких отзывов Настя, если была бы его

устроителем, сквозь землю провалилась, а саамские творческие работники считают, что делают все на высшем уровне. Обидно за своих. Имея богатую этнографию, возможности, деньги, можно такое устраивать! Нет же, вместо того, чтобы всем вместе собраться и сообща провести праздник интересней, – не могут славы поделить.

У «Эльвеля» помещения для репетиции нет, а в Луйяввр из Национального культурного центра народный этнографический ансамбль «Ойяр» вынудили в Дом культуры уйти. Коми ансамбль в музее репетирует, а в Центре всецело «Танцующие саамы» властвуют. Что там Луйяввр! В Мурманске саамские лидеры целый кинотеатр арендуют, а настоящего творчества, настоящего возрождения культуры нет.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

После ухода Сергея Лахэн сказал Каррите, что нужно с гостями съездить в Усть-Хайрюзово, познакомить их с ительменской сказительницей. Домой только утром вернется, заодно сети проверит. Поздно вечером в дом к Вахлагу набилось много народу. Жена Вахлага с приветливой улыбкой встречала гостей на пороге дома, приглашая в комнату, а муж приветствовал всех веселым наигрышем на баяне. Вот уж кто в ансамбле ительменов был на удивление веселым и обаятельным человеком. Только одной своей добрейшей улыбкой умел завести людей на любой конкурс. И здесь подбадривал комплиментами женщин, вызывая танцевать не только ительменок, но и приезжих. Даже американка, почти два метра ростом, вышла, крутя бедрами. Движения ительменок были плавными, мягкими, волнующими, руки так и обвивались вокруг стана, словно без костей, бедра призывно покачивались из стороны в сторону, плечи двигались волной, глаза сияли. Остальные женщины, попавшие на эти танцы, старались во всем подражать ительменкам, которые в своем танце напоминали жриц – участниц древних тайных мистерий. В танцы женщин стали вступать и мужчины, выбирая себе пару. Они издавали гортанные, на придыхании, звуки и на согнутых в коленях ногах, делая резкие толчкообразные движения бедрами, с раскинутыми в стороны руками-крыльями, напоминая то птиц, то лесных зверей породы кошачьих, приближались к женщинам. Рисунок танца сразу изменился – теперь шла полная импровизация. Каждая образовавшаяся пара танцевала свой танец в отдельности. Точно между женщинами и мужчинами происходила скрытая борьба завоевания друг друга.

Как-то Насте удалось посмотреть фильм о танце розовых фламинго – захватывающее, поразительное зрелище! Птицы медленно подкрадывались, подрагивая всем телом, друг к другу. Высоко поднимая ноги, фламинго-самец кружился вокруг самочки. Они оба делали такие удивительные по гибкости и плавности движения длинными шеями, что просто диво! Вообще, танец птиц – потрясающее зрелище! Настя, наблюдая за танцующими женщинами, ловила себя на мысли, что и сама не прочь стать на какой-то момент птицей.

Ей нравилось танцевать, могла, танцуя, провести всю ночь. Отдавалась танцу вся без остатка, как только можно отдаваться любимому человеку. Может, это шло оттого, что выплеснуть душу в танце удавалось не так часто.

Танцы все равно, что подарок, праздник, огромная радость для души. Но до сих пор она попадала в компании, где танцевали обычно быстрые или медленные танцы, не окрашенные такой экзотикой, как ительменские, всегда находила минуты, чтобы понаблюдать за танцующими. И пришла к выводу: именно в танце удивительно сильно раскрывается человек. Некоторые люди танцуют почти без движений, не оттого, что не умеют танцевать, просто от лени, ведь в любой танец надо вложить энергию. И в жизни они такие же вялые и флегматичные. Другие, наоборот, делают очень резкие, угловатые движения, чаще всего не в такт музыке, поступки этих людей так же необдуманны, как их движения, а слова подобны ударам плетей. Есть и такие, которых постоянно надо заводить. Вот они импульсивно дергаются вместе со всеми, но момент – и слиплись, точно кончился завод. Спустя несколько мгновений все начинается сначала. Насте же нравились те танцующие, которые не боялись в танце раскрыть душу. У которых были широкие движения в зависимости от характера музыки. Те люди, которые каждой клеточкой своего тела переживали танец, те, кто не думал, как на него посмотрят, что скажут. Обычно танец именно таких людей восхищает и завораживает. Настя всегда танцевала свободно и самозабвенно. Однажды семнадцатилетняя девчушка, наблюдая за ней, призналась: «Как вы классно танцуете! Гораздо красивее нас. Раскованно, смело!»

Из раздумий ее вывел приход Лахэна.

У ительменов есть особый танец – танец любви. Его танцуют, собираясь тесными компаниями. И если мужчины желают выразить женщине особое расположение, в танце они расскажут всю свою жизнь. А уж если кому девушка нравилась так, что он хотел с ней соблазна, то прилагал все свое старание, глазами, движениями объяснялся в любви, вызывая ответное желание. Слишком трудно бывало женщине выдержать напор любви, выплескивавшийся в танце из настоящего ительмена. Но бывает так, что пары соединялись для танца случайно, тогда о желании говорить было трудно, потому как далеко не все люди умеют танцевать раскованно.

Движения Лахэна были настолько откровенными, что Настя, не выдержав, пробила между парами и выскочила на улицу с колотившимся сердцем. Через мгновение появился и он.

– Не понял, почему убежала? Я чем-то оскорбил тебя? В танце я хотел сказать о счастье быть рядом, о тех чувствах, которые переполняют меня и которые вынужден скрывать от всего мира. Почему ты не приняла приглашение?

Внезапно Настя почувствовала, что плачет.

– Я не была готова к откровению на людях. Все эти дни мне приходилось постоянно сдерживать себя, чтобы не дать волю чувствам, чтобы никто из жителей села не заподозрил нас в каких-то особых отношениях. А сейчас все произошло слишком быстро. Не торопи меня. Лучше обними, – попросила она.

Он со щеки ее смахнул слезинку и поднес к губам.

– Ты знаешь, соленая, – сказал, в шутку выпятив вперед губы.

Настя улыбнулась.

– Ты должна понять, что для танцующего мужчины существует только один партнер – его женщина – и больше ничего и никого вокруг. Знание танца должно жить в твоём теле. Ты зря боишься, что кто-то за нами будет поглядывать. Каждый занят собой. Откинь страхи. Если любишь, страха не может быть.

И без дальнейших объяснений притянул к себе. Приняв его ободряющий поцелуй, Настя уверенно сказала:

– Хорошо, пошли, и пусть весь мир узнает о моем огромном чувстве к тебе.

В доме уже все танцевали. И те, кто был профессионалами, и те, кто впервые соприкоснулся с искусством ительменов. Настя тоже попробовала двигаться в такт музыки. И через несколько минут они, охваченные ритмом, с придыханием, опустились на колени, как это сделали некоторые пары. Вообще ительмены всегда танцуют в том положении, какое для них самое удобное и возбуждающее: стоя, очень низко на корточках, на коленях...

Движениями тела Лахэн приближался к ней, и Насте ничего не оставалось, как так же в ритме отклоняться. От близости желанного мужчины перехватывало дыхание, пересыхало в горле, и Настя боялась, что вот-вот из груди выскочит сердце. Ее распущенные волосы метались из стороны в сторону в такт движениям, и среди темноволосых мужчин и женщин это походило на отблески солнца, спустившегося посмотреть ночной Алхалалалай.

Как бы Лахэн ни двигался на нее или ни откидывался от ее движений, чуть ли не касаясь спиной пола, между ними всегда сохранялась дистанция, и грудь одного ни разу не коснулась груди другого. Но именно это расстояние и создавало энергетическое поле, вызывающее у обоих необыкновенно сильное волнение.

По телу женщины словно пробежал электрический ток. Это его пальцы нечаянно коснулись Настиных рук. Вероятно, и Лахэн почувствовал то же самое, потому что его колени еще сильнее сжали ее. В этот момент неистово страстно захотелось схватить друг друга в объятия и, не обращая внимания на окружающих, любить, любить, любить...

Одна женщина, танцуя с Сергеем, пришла в такое возбуждение, что, разрывая невидимый барьер, набросилась на него прямо в комнате с поцелуями. Сергею ничего не оставалось, как вывести ее на свежий осенний воздух, а что уж там было или не было – покрыто тайной.

Сами ительмены говорили, что в древности, перед плясками, мужчины призывно начинали кричать: «Алхалалалай! Хочу женщину с большими грудями!», женщины им вторили: «Алулу! Хочу мужчину с пышными усами!» Начинал звучать бубен, и все шли плясать. Чаще всего танец приводил многих в экстаз, и тогда мужчины и женщины предавались желаниям, и это не считалось пороком.

Кончат Павлуцкий рассказал Насте, как американка на третий день праздника спросила его, что такое Алхалалалай? Он, как всегда с большим юмором, показывая ей на всех, сказал: «Sleep». Американка покачала головой: «No!» Затем показала на него, на себя и сказала: «Sleep together – Ты и я! Спим вместе!» И, что бывало очень редко, ввела Кончата в краску.

Удивляться нечему. Многие северные народы устраивали подобные праздники. Именно на них происходило обновление крови, после чего рождались крепкие, здоровые дети. Люди Севера – чистые, неиспорченные цивилизацией, люди природы! Находясь в постоянной борьбе за выживание, они не утратили способности красиво, гармонично любить и быть любимыми.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Катерине приснился сон. Будто смотрит она на небо и видит глаза. Сначала они были чуть заметные, как в тумане. Но чем дольше Катя глядела на них, тем яснее видела. Огромные, прекрасные, никакими словами нельзя было описать красоту этих глаз. Они были почти на все небо и смотрели прямо на нее. Нет, Катерина не видела в них какого-то упрека или суровости, они просто смотрели, то ли изучая, то ли наблюдая за ней. И вдруг она поняла, что глаза принадлежат женщине, и как только осознала это, на небе сразу стало вырисовываться женское лицо. Чистое, розово-золотистое, божественно-прекрасное, чем-то напоминающее лики на иконах Божьей матери. И Катя поняла, что это и есть Богородица, которая своим появлением во сне посылала ей какой-то знак. И взгляд этот проник в самую душу Катерины, прошел через ее глаза, достиг пальчиков ног, как особого рода энергия. И сразу девушка почувствовала, как ей стало хорошо, точно получила благословение свыше.

Впервые за время праздника она в Каврале встала так поздно – уже после обеда. Незабываемая ночь, которую она провела в объятиях Сузвая, до сих пор кружила голову. В свою постель залезла только под утро. Слышала, что Кэнилля уже проснулась, но не вставала, чтобы не смущать гостью. Почему-то Кате показалось, что мать Сузвая поняла, с кем она провела эту ночь, потому как, приглашая обедать, та вроде как невзначай сказала ей:

– Сузвай, тожеть лежебока сегодня, до сих пор спит, не добудиться, а то ни свет ни заря уже по дому бегает.

– На празднике устал, наверное, – сказала как можно безразличнее Катя.

– Праздники праздниками. А по мне, так уж лучше б он уставал с девками в постели. Разве ж матери не переживательно, что сыну четвертый десяток пошел, а он все «святошей» ходит. Сама я в том, Катюша, виноватая, мой грех он носит в сердце своем.

И Кэнилля рассказала Катерине, почему сын ее до сих пор неженатый.

– Видно, Зовина ему так в сердце запала, что других и не видит никого. Ты уж хоть бы его, девонька, разогрела, парень он у меня видный, заметила, нравится тебе. А разве много матери надо: чтобы чадо ее счастливым ходило, тогда и ее сердце на место встанет, – наконец высказала Катерине свои думы мать Сузвая.

Постеснялась Катерина рассказать Кэнилле, что уже растопила сердце ее сына. Ночью он так сильно обнимал и крепко целовал ее, что казалось: не разъединить им объятий своих никогда. Потому и спит сладко до сих пор.

Пообедав, она вышла во двор, устроилась на пеньке, достала свой заветный блокнот: «Только на любви держится мир, только любовью жив человек! И только сейчас я поняла слова Таис Афинской из романа Ефремова: «Ты должна нисходить к нему богиней, готовой отдаться священному обряду, без опаски и нетерпения. Служить ему без края и предела...» Все мужчины древности почитали женщин как хранительниц семейного очага, продолжательниц рода человеческого. Ведь женщина – самое совершенное творение Господа! Он дал ей дар сотворения, который имел сам. Мужчина мог все, но не мог сотворить продолжение себя, не обладал даром материнства. Это таинство не подвластно мужчине. Многие века поэты посвящают женщинам стихи, музыканты слагают песни, художники стараются запечатлеть их

образы на своих полотнах. Женщина сильна своей слабостью, нежна своей нежностью, она как свежий ветер в сером однообразии мужской жизни, глоток родниковой воды. Воздух, которым мужчины дышат и не надышатся, – желание! Это ради нее они стремятся к величию и получают забвение, вершат войны и идут на примирение... За всем стоит женщина.

Каждая из нас должна нести в мир радость, свет, добро, иначе мир задохнется в пошлости и разврате, замерзнет, околеет. Не помню, где я прочла о том, что человечество дошло до крайней черты, до предела зла, до края бездны, в которую готово свалиться. И удержать его от падения может только женщина».

День пролетел, словно один вздох. Сузвай старался не досаждать Катерине своим присутствием, но она чувствовала, как его взгляд постоянно следил за ней. Обернется – и наткнется на его блестящие чернотой глаза. И далеко от него, а чувствовала, какой теплотой окутывал ее взгляд Сузвая. Поистину таинственна и необъяснима сила взгляда влюбленного человека. О ночи, проведенной вместе, не было произнесено ни слова, только вечером, когда она, попрощавшись с ним, уже хотела идти отдыхать, Сузвай взял Катерину за руку и, притянув к себе, прошептал:

– Ты так устала, что хочешь спать?

– Нет. Я просто не хочу наскучить мужчине, который безумно нравится мне.

– О чем говоришь? Я весь день ходил, словно сам не свой, подгоняя время в ожидании этой минуты. Пойдем со мной, иначе я начну целовать тебя прямо здесь.

И когда они остались одни, когда вновь он дарил ей свои ласки, призналась:

– А ведь я молилась Богу, чтобы ты обратил на меня внимание.

– А я думал: и чего она ко мне привязалась?

– Вот как? Ну что ж, разлюбезный, больше я вам своей персоной надоедать не стану, – сказала, притворяясь серьезной, Катерина.

Он крепко прижал ее к себе:

– Ты подарила мне целый мир новых радостных ощущений. Я думал: так и проживу без женщин, привык. В танцах они мои партнеры, в жизни – друзья, «свои парни». Когда тобой полностью овладевает магия древности, женщина становится не нужна. До сих пор многие женщины меня раздражали, казалось, они начнут посягать на мою свободу, душу, лишат энергии, и я отказывался от них. Отказывался в начале праздника и от тебя, но в какой-то момент понял: ты не причинишь зла – и доверился тебе. Смешно звучит. Обычно женщина доверяет себя мужчине, а я сказал наоборот.

– Ты правильно сказал, Сузвай. Мы оба доверили себя друг другу. И то, что я скоро уеду и нас разлучит целый материк, – это не страшно, ведь наша любовь будет жить в наших душах. Для любящих сердец разлук не существует. Да и я уверена: мы не так редко будем видеться. Скоро вас на гастроли в Германию пригласят, там, глядишь, еще куда-нибудь, на какой-нибудь фестиваль в Москву позовут. Я не из тех женщин, которые посягают на свободу и пространство мужчины, твоя жизнь – Камчатка, моя – Москва, в которой я и буду ждать тебя всегда, а по возможности вновь приеду к тебе, если, конечно, позовешь.

– Если я, Катюша, столько лет обходился без женщин, то и теперь не стану бросаться на них, словно с цепи сорвавшийся кобель. Мне хватит той любви, которой будешь одаривать ты.

Услышав эти слова, она стала осыпать его поцелуями. Всего-всего... Он принимал их и целовал сам.

Когда она заснула у него на груди, задумался, поглаживая ее волосы: «Я хочу испить тебя всю глоток за глотком. И все же знаю, что, испив, не утолю жажды, потому что тело женщины может всецело принадлежать мужчине, а душа – никогда. Да и хитрость здесь состоит в том, что она и ей-то самой не принадлежит до конца. Неуловима душа женщины, словно луч прильнет к мужчине, обогреет и ускользнет в неведомую, недостижимую для него высь. Будет бродить по ушедшим мирам, познавая мудрость веков, пока не почувствует, не услышит призыва одиночества мужчины. И тогда вновь устремится к нему, осветит, вернет радость жизни, чтоб не замерз, не превратился в глыбу льда. Не улетай от меня, Катерина, дай испить тебя глоток за глотком. Пока ты рядом».

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Они танцевали всю ночь. В четыре утра Лахэн сказал Насте, что ему нужно уходить: жене обещал проверить сети. Настя подумала, что после его ухода ей нечего будет делать в этой компании, и спросила:

– А мне можно с тобой? Ведь когда-то ты говорил, что прокатаешь меня на лодке по вашей реке.

– Уговорила. Только ведь ты в своей курточке на реке и замерзнуть можешь. погоди, я у Вахлага «пуховик» попрошу.

Предрассветный туман застелил землю. Ительмены говорят, что это на поверхность реки выходят глубинные воды. И вновь, как в прошлый раз вечером, она шла не видя, куда ступает.

– Как удивительно идти в тумане – ступаешь, словно по облаку.

– Ты что, ходила по облакам? – спросил он, улыбаясь оттого, что они вместе.

– Только во снах и своем воображении. У Николая Абрамова, вепсского поэта, есть такие строчки:

Я нес тебя однажды на руках
Через ручей, в цветах и облаках.
И птицы голосили по весне...
Я нес тебя...
Но только лишь во сне...

– Правда, красиво?

Лахэн мечтательно вздохнул.

– А когда сюда летела, тоже подолгу в иллюминатор самолета глядела. Они такие удивительные, эти облака! Когда смотришь на них с земли, кажутся совсем неподвижными, если едешь в машине или летишь на самолете – начинают плыть, быстро изменять форму. Их хочется потрогать руками, поиграть с ними, почувствовать на вкус – пенные, пышные... Мне иногда кажется, что у них вкус сладкой ваты.

– А, я ее пробовал. Похоже. Видишь, поездил по свету и совсем цивилизованным стал. Раньше арбузом вместо мяча играл, а теперь вот и сладкую вату пробовал... Посмотри вокруг. Никого и ничего – только мы с тобой по пояс в облаках, – засмеялся Лахэн.

На самом деле, вокруг ничего не было видно, кроме краешка неба над головой и белесой мглы вокруг. Ни домов, ни деревьев, даже Лахэн был затянут какой-то прозрачной, словно сплетенной паучком-водяничком перламутровой дымкой. Туман поднимался вверх.

– Я это утро соберу по капле в свое сердце и запомню, – сказала тихо Настя.

Когда-то в раннем детстве, проводя каникулы с бабушкой на Сейтяввре, она, рано проснувшись, выглянула из чума и впервые увидела туман. Тихонько, на ощупь подошла к озеру, присела на корточки и стала вслушиваться в молчание просыпавшегося утра. Это уже позже заметила, что каждая пора дня имеет свой голос. Разные голоса и у времен года. У весны, словно очнувшейся от долгой спячки, – смеющийся, звонкий, с журчанием ручьев, капелью сосуллек, щебетаньем птиц... У лета – томно-ленивый, с примесью комариного попискивания, хлюпаньем коротких дождей, радостным воркованием малышей в песочницах, громогласными гудками поездов, собирающих отпускников на платформах вокзалов... Осень звучит протяжно-грустно: шелестом лимонно-золотистых листьев на ветру, будто накрахмаленных радивой хозяйкой; прощальными криками птиц, стройной вереницей покидающих Север; гудением корявых сосен на резком ветру; нудной, заунывной песней дождей... Зима имеет звеняще-застуженный голос с завыванием пурги и бешенством метелей, хрустящим скрипом морозного снега под ногами, оглушительным криком редких ворон, отнимающих друг у друга найденную корку хлеба, звонном колокольчиком – келля на шеях оленей, принимающих участие в Праздниках Севера... Свой голос есть у всего живого на земле...

А тогда на озере Настя впервые услышала голос предутренного тумана с плеском прибойных волн и шипением пены, ими рожденной, негромкими постукиваниями весел о борта лодок, дожидавшихся рыбаков, с шуршанием веток ив у самой кромки воды. Слушать звуки утра оказалось необычайно интересным занятием. Настя и не заметила, как туман сполз с озера, и на голубой глади его зацвело неясными зыбкими цветами радужное коромысло – семицветная дуга. Маленькая Настя, охваченная новыми открытиями и ощущениями, не заметила, как к ней подошла бабушка.

– Запомни, Настенька, это утро. Слышишь, как озеро дышит? А все потому, что в природе нет мертвых тел – все живое. И не только животные, птицы, насекомые. Живая трава, камни, туман. Все дышит, слышит и посылает нам свои мысли. Злому человеку кажется, что болото, например, не живое, и он идет по нему и ругает всякими худыми словами. А болото послушает, послушает – да и накажет человека – и так со всем в природе. Хоть камень пни – потом за него и споткнешься. Вон в горах дождик прошел – и тут же небо растянуло к земле свои разноцветные пояса, чтобы порадовать нас.

– Бабушка, до чего ж красива наша земля!

– Ее, Настенька, солнышко красит... да еще человек. Как говаривал старик Хатанзей: солнышко хорошо. Все его любят. Только у зверей оно одно, а у людей – два. Второе тоже ярко светит и греет.

– Что же это за солнышко, бабушка?

– Душа людей, внученька, когда она у них правильная,

– А как это – правильная?

– Чтоб люди по закону жили, не нарушали завет предков. Вот знаешь ли ты, что саамы всегда у хозяина и хозяйки воды и земли места себе выкупали, прежде чем остановиться на отдых или рыбалить пойти?

– В старину что ли?

– Почему в старину, и сейчас большинство тех, кто с правильной душой живут, так делают.

– Бабушка, а ты меня научишь, как у Сейта озеро выкупить?

– Возьми монетку или бусики, кинь в озеро и скажи слова заветные – вот и выкупишь озеро. А коль еще где захочешь воду выкупить, вновь монетку брось со словами добрыми, счастье вместе с водой и купишь себе. А здесь в старые времена наши прадедки праздник устраивали, об том сейчас мало кто помнит, но мне про него моя прабабка рассказывала. Ее мать в нем участвовала, а когда об озере стали пришедшие люди узнавать, праздник саамы перестали проводить.

– А что за праздник, бабушка?

– Я уж точно теперь и не вспомню. Имание оленей – так вроде называли его. Парни хоровод с песнями водили, а потом девок красивых в бою себе в жены выбирали.

– Дрались что ли за них?

– Да нет, представляли к головам своим оленьи рога и так соревновались, кто кого победит, а потом победитель в жены брал ту девушку, что приглянулась ему.

– Так, наверное, про этот праздник мне в первую ночь, как сюда приехали, сон приснился.

– А ну-ка, ну-ка расскажи, что ты там в своем сне видела, – заинтересовалась бабушка.

– Людей, в кругу сидящих, видела, белую важенку, большой костер и колдуна, что в бубен колотил, как в сказках рисуют. А еще я видела красивую девушку с этим колдуном в лесу, а больше и не помню ничего.

– Сны, они, внученька, вещие, прадедки наши тебе твоих родичей показывали.

– Как это, бабушка? Мои папа и мама совсем на тех, что во сне были, не похожи.

– Я говорю про первых праматерь и праотца, от которых род наш пошел, которые и мне родичами приходятся. Не просто так приснились они тебе, под защитой ты их находишься. Это хорошо. Поняла, откуда твой род идет?

– Да, бабушка...

Настя еще какую-то минуту молчала, вспоминая бабушку, затем тихо спросила Лахэна:

– Как же мы реку найдем?

– Большой туман недолго длится. Подождем. Торопиться некуда. Несколько минут, – и он начнет потихоньку спадать, рассеиваться. До реки шагов двадцать осталось. Прислушайся – и услышишь плеск воды.

Лахэн снял с плеча рюкзак с надувной лодкой, который загодя принес из дома к Вахлагу. Они стояли в тумане и целовались. Белая пелена природы закрыла их счастье своим тюлевым покрывалом от всего мира, от любопытных глаз, неодобрительных взглядов.

– Знаешь, Лахэн, если бы у нас не было вчерашней встречи в балке, сегодняшних танцев у Вахлага, то даже ради этих минут в тумане я бы все равно прилетела к тебе на Камчатку.

Он благодарно прижал ее к груди.

– Ты мое сокровище, мое огромное счастье и моя огромная боль. Только с твоим приездом сюда я понял, насколько ты мне дорога. Уедешь – и жизнь уйдет из меня. Нет, я, конечно, буду, но это будет не жизнь...

– Пока мы вместе, давай не будем о грустном...

Еще несколько мгновений они стояли в тумане. В конце концов он стал таять и отступать, оставляя после себя лишь слабую дымку. Крепко взяв Настю за руку,

Лахэн решительно направился к реке, которая теперь казалась без берегов, соединенная с набухшим влажным небом. Она с удивительной легкостью шла за ним. Не надо было ни о чем думать, а просто следовать за ним с верой в то, что он обязательно приведет ее к счастью.

Накачав лодку, Лахэн помог Насте сесть в нее и, развернув легкое суденышко, запрыгнул сам. В огромном «пуховике» Вахлага, с наброшенным капюшоном, она походила на маленького черного медвежонка. Отплыв на середину реки, он стал вытягивать сети. Настя, нащупав в джинсах монетку, достала ее и, наклонившись над водой, хотела было прошептать хозяину и хозяйке реки Каврал заветные бабушкины слова и выкупить воду, но в этот момент ее точно что-то обожгло, она прижала руку к груди, монетка выскользнула из руки, упала на дно лодки и закатилась между досок. Как ни искала Настя другой монетки – больше не нашла. И решила, что обязательно найдет момент до отъезда, чтобы вновь выбраться на реку, и тогда обязательно бросит монетку.

Появились первые огромные чавычи. Никогда в жизни Насте не приходилось бывать на такой рыбалке, и она с интересом следила за умелыми действиями Лахэна. Горожанка! Разве могла она расслышать то, что уловил тонкий слух охотника-тундровика? Лахэн, только с реки сошел туман, услышал шаги и краем глаза увидел стоявшую по колено в тумане жену. Чтобы не напугать Настю, как ни в чем не бывало сказал:

– Не поворачивайся. На берегу – Каррита. Ты – в «пуховике», вполне сойдешь за мужика, – и он, резко развернув лодку, направил ее вниз по течению.

Настя хорошо помнила, что ей рассказывали ребятишки о стремнине внизу по течению. Камчатские реки почти все горные, своенравные. Смотришь – в одном месте плес, относительно спокойно, а чуть отплывешь – и пошла вода бурлить в бешеных водоворотах меж огромных валунов.

Только самые смелые кавральцы на «резинках» могли рискнуть плыть по ней. И она чувствовала сейчас, как эта самая тоненькая «резинка» скачет по каменистым порогам, как бьется о борт вода, разбрызгивая сотни капель в разные стороны. Как захлебывается волной.

Внутри Насти все трепетало – она как бы вновь пережила миг столкновения с Карритой в балке, поэтому предпочитала пороги, чем вторую встречу.

По реке пронеслись, не успев испугаться, оставив километра два с небольшим. Лахэн повернул лодку к берегу и причалил. Помог выбраться Насте.

– Не сильно оробела?

– Нет, не переживай, о реке даже не думалось, – правдиво призналась она.

– Тогда ты через горушку в село иди, а я по берегу вернусь. Вечером встретимся у Перия.

Спокойно уложив в рюкзак мешок с рыбой, сеть, выпустив из лодки воздух, упаковав ее, взвалил все на плечи и не спеша пошел по берегу. Через некоторое время услышал знакомый голос:

– Привет. С кем это ты в лодке по стремнине летел?

– С москвичом, что вчера ко мне заходил интервью брать. Напросился посмотреть ительменскую рыбалку да испытать острые ощущения.

– А куда ж теперь подевался?

– Полез на горку окрестности фотографировать. Смешные они, москвичи – все им интересно, – на ходу сочинял Лахэн.

Она в ответ ничего не сказала. Так до самого дома и шли молча. «Скорее всего, – думал он, – жена поверила его рассказу, не расстроилась.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Вечером Настя зашла к Перию. Он все про них знал, перед ним не надо было скрывать своих чувств, тревоги. Перий, когда часы показали полночь, а Лахэн не появился, сказал:

– Что могло случиться? На закрытии праздника был. Сказал, что вечером зайдет – и на тебе.

– Нет, Перий, у него что-то стряслось, чует мое сердце, иначе давно был бы здесь, – произнесла тревожно Настя, – и тут же испугалась своих слов. – Хотя если сказал – придет, значит придет.

– А что может произойти? Ты вот что, давай-ка ложись спать, а он, если придет, постучится. Зачем на ночь глядя по селу идти, – предложил Перий.

– Нет, нет, не беспокойся. Ты спи, а я на крылечке посижу. Он обязательно придет. Я буду ждать, – сказала она и ободряюще улыбнулась другу.

– Ну, как знаешь, тебе видней. Если что, дверь открыта.

Настя присела на крыльцо. Кавральская ночь опустила на нее свои широкие крылья. Черное небо Камчатки было сплошь усыпано звездами. «А ведь у саамов есть удивительная сказка о звездах», – подумалось Насте. И ей захотелось на прощанье подарить ее этой ночи. Тихонько она стала рассказывать: «Давным-давно на небе жили Звезда-лопинка и Звезда-пастух. Их любовь разделяла небесная река – Млечный путь. Они так хотели быть вместе, но не решались перейти небесную реку, так как не умели плавать. Тогда олени и куропатки тундры, видя их любовь, построили через небесную реку из своих тел мост, по которому Звезда-лопинка и Звезда-пастух прошли и встретились. Через время все увидели, как на небе стали загораться звезды. «От кого эти звезды?» – спрашивали друг друга олени и куропатки. Оказалось, своей любовью их зажгла женщина. Она родила Звезде-пастуху дочку – и на небе заискрилась звездочка, сына – и вспыхнула новая звезда. Так с каждым годом на небе появлялось еще по одной звездочке. Вечна земля саамов: озера, деревья, горы. Звездная ночь и олени стада в тундре. Звезды кажутся льдинками и позвякивают друг о друга. Да нет же, это позвякивают колокольчики на шеях оленей. Вот такая она, Лапландия звенящих колокольчиков и мерцающих звезд! Моя родина, которую я очень люблю»⁶⁴.

Настя смотрела на звезды, и ей казалось, что они говорили с ней. А то в их россыпи видела чьи-то очертания, взгляды... Звезды улыбались, подмигивали, стараясь передать ей какую-то только им ведомую тайну, но расстояние, разделявшее их, не могло донести смысла послания, зашифрованного в небесных письменах.

Ночной холод пробирался под куртку, свитер. Невольно она стала осматривать двор Перия. Увидела приставленный к крыльцу кукуль из оленьей шкуры и обрадовалась. Их ительмены используют в виде спальных мешков. Причем кукули из меха снежного барана или оленя, как никакие другие, способны сохранять тепло. Ей не привыкать в спальниках спать, не раз хаживала с друзьями в горы с ночевками. Почему бы теперь вместо спальника не использовать кукуль?

64 Саамская сказка, записанная П.П.Юрьевым в редакции автора.

Залезла в него и почувствовала, как в нос ударил резкий запах дыма от костра, и, вспомнив рассказы Лахэна о ночевках в тундре, поняла, что у Перия кукуль сшит из «дымных» шкур, которыми длительное время покрывали яранги. Такой кукуль был более прочным и не боялся воды. Лежит в кукуле и думает: «Кто меня увидел бы сейчас, сказал: «баба со сдвигом»».

От будки отделилась темная тень, и над Настиным лицом наклонилась лайка Перия. Постояла минуту, обнюхала, лизнула в нос и привалилась рядом. Настя, почувствовав рядом с собой живое дружелюбное существо, уже не ощущала такого одиночества и оторванности от мира.

Ярким пятном на небе выделялась лимонно-желтая луна, отливавшая гляncем и похожая на глазунью из одного яйца на большой черной сковородке. Она проплывала по небу, точно ведомая умелой рукой лоцмана от одного облака к другому, которые то прятали ее, погружая все вокруг в непроглядную тьму, то отпускали в ночь. Настя посмотрела на нее и призналась псу:

– Вот и я, друг мой, такая же одинокая, как эта луна, затерянная среди звезд. Лахэн не пришел, а мне завтра уезжать. Завыть бы, да людей пугать не хочется.

Она ждала своего любимого и потому вновь и вновь то проваливалась в сон, то пробуждалась от легкого скрипа половицы или шелеста деревьев, боясь проспать приход Лахэна. И когда, наконец, забрезжил осенний рассвет последнего дня пребывания ее в Каврале, сон крепко сковал ее веки. Пробуждение пришло от слов Перия, склонившегося над ней. Увидев Настю, спящую в кукуле, он даже начал заикаться:

– Настя, ты, ты что это, в кукуле-то, чего, говорю, в кукуле? Не могла в дом зайти? Он же не закрыт. Что на крыльце-то в кукуле спать.

– Да не волнуйся ты так, – сказала невесело она, – почему бы и в кукуле не поспать для разнообразия? Ладно, надо к Жирковым идти, вторую ночь у них не ночую, что подумают?

– Пойдем в дом, хоть чаю горячего выпьешь.

– Твоя взяла, гулять, так гулять. Пойдем.

Настя вылезла из кукуля, как смогла, отряхнулась и пошла следом за Перием.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

О чём ты, Север, поешь в своей колыбели? О чистоте снега, снимающего грехи? О вихрях и пурге, сбивающих с ног? Или о цвете крови ягоды брусники, которая и под покрывалом зимы остается утренне-свежей и сочной? А может, ты поешь о разноцветье ягеля и мха, что по земле плетут свои кружева? Ты, Север, поешь о корявой сосне, растущей на камне. О сиянии, словно разорвавшейся ракетнице, в радужно-газовом шарфе, о зеркальной глади озер с отражением гор и лесов! О мрачных, омываемых ледяным морем скалах с крикливыми базарами чаек и гаг, цветении вереска и багульника, пьянящем особом духе. О порожистых реках с чистой водой. О небосводе с сияющим солнцем и седой, почти прозрачной луной, светящими ночью одновременно в летнее время. Или двойной радуге-дуге, отражающей свое семицветье в небесных зеркалах. Обо всем песни твои, Север, – край суровый и нежный, край черной полярной ночи и белого летнего дня. И всего удивительнее здесь

– город-порт Мурманск, история которого насчитывает чуть больше восьмидесяти лет. Пожалуй, его можно назвать самым юным бывшей теперь уже страны Советов, так как свое летоисчисление он ведет от 4 октября 1916 года. Тогда на вершине одной из многочисленных сопок у Кольского залива была заложена бронзовая плита в основании святого храма нового российского города Романова-на-Мурмане. Но... храм так и не построили, а приставка «Романов» в феврале 17-го отвалилась сама собой.

И как только жители не именуют его! И город-моряк, и город-рыбак, и город-строитель!.. Но он еще и город-поэт – сколько вывел в свет талантливых литераторов! А сколько ему посвящают стихов, пишат песен!

Здесь на граните белый иней,
С упрямой твердостью земля,
Берет начало здесь Россия
И биография моя.
Гранитных сопок обелиски
На перепутье всех ветров.
Встал у залива порт прописки –
Наш добрый город моряков.
Седая северная мудрость.
Не нужно здесь красивых слов.
Для нас с тобою город Мурманск
Дороже всяких городов⁶⁵.

Ему было тесно на небольшой площадке у залива, и он стал раздаваться вширь новыми улицами. Многоэтажный, многолюдный, с уходящими вдаль проспектами, расположенными вдоль Кольского залива, разделенного тремя естественными террасами.

Необыкновенный город! Особенно хорош он в полярную ночь, когда мгла поглощает все вокруг. И среди этой темноты светится, играет, поет фейерверком огней на фоне серых, седых сопок самая удивительная сказка – Мурманск! Смотришь, слушаешь город и чувствуешь, как его музыка начинает звучать в твоей душе. У этого города особая музыка. В шум резкого колючего ветра врезаются корабельные гудки, доносятся крики чаек, звучат сигналы машин, слышится пение шин по гололеду. Врываются в этот особый оркестр звуков отдельные голоса горожан, раздаются бой часов на высотной гостинице «Арктика» с мелодией песни «Я люблю мое Заполярье», написанной на стихи прекрасного поморского поэта Владимира Смирнова... А на самой высокой сопке стоит каменный страж, грозный часовой города – гранитный Алеша. Подсвеченный в темноте лучами прожекторов, он кажется еще выше, уходит под самое небо.

Настя смотрела на город из окна своей девятиэтажки и под завывание ветра, слушая симфонию родного Севера, думала о Лахэне. А по Мурманску словно ручейки разбегались в разные стороны дороги.

Но еще более красив город летним вечером, когда солнце висит над ним, как огромный оранжевый диск, освещая своими лучами цветы иван-чая. Их по сопкам

65 Стихотворение Викдана Синицына.

города растет великое множество. Стоят они торжественно, словно зелено-сиреневые свечи, глаз радуют.

Частые туманы своей воздушно-кружевной дымкой смягчают очертания домов, придавая им неповторимую акварельную легкость. И спешат покинуть причалы рыболовецкие и транспортные суда, уходящие на промыслы, ледоколы, бороздящие во льдах великий Северный морской путь. Лучшие из них приписаны к порту города Мурманска.

Погода здесь не балует северян: то солнцем осветит и согреет до зноя южного, а то ветром холодным обдаст да снегом завалит в июне.

Вот в этом краю на сочной ягоде морошке, свежей рыбе и выросла Анастасия Одинцова. С каждым прожитым днем она впитывала в себя красоту Севера. Ее дух мучал, а душа была похожа на сердце важенки в пору оленьей осенней любви.

Подумав о морошке, Настя вновь вспомнила Камчатку. Там эта ягода тоже в большом ходу. Помногу ее заготавливают ительмены. Мать Лахэна рассказывала, что морошковый напиток у них и раньше подавался под каждую еду, и сейчас, даже водку морошковую гнали. Как все это далеко! Вот она в Мурманске, и, кажется, не было ни Камчатки, ни Лахэна, придумала все себе и этим придуманным миром живет.

Вдруг резкий телефонный звонок, словно вой сирены скорой помощи, разорвал тишину квартиры. Схватила трубку.

– Алло... алло...

– Не вешайте трубку, с вами будет говорить Камчатка...

Сердце Насти чуть не зашлось от нахлынувшей радости. Значит, не придумала, значит, было все. Есть! Есть и Камчатка, и Лахэн! Два месяца прошло, как она, улетев с Каврала, так больше и не увидела его после их расставания на реке. И не пришло от него ни одной весточки.

– Да, да... алло... я слушаю... – нетерпеливо звучал через всю Россию ее голос.

Но кто мог знать, что этот звонок не принесет радости. Лахэн сообщал, что Каррита находится в больнице в тяжелом состоянии. Настя, не на шутку расстроившись, все произошедшее приняла на свой счет.

Больница! Уже корень этого слова «боль» не несет ничего радостного ни больному, ни тем, кому этот больной дорог. Сразу после разговора с Лахэном Настя позвонила в Москву Сергею. Попросила помочь, заказав ему нужные препараты. Он немедленно купил лекарства и в аэропорту оказией передал на Камчатку.

Еще через три месяца от Лахэна пришло письмо, из которого она узнала о смерти Карриты. Врач сказал Лахэну, будто это наследственное. Так умерла ее мать и сестра. У Карриты обнаружили врожденную ишемическую болезнь сердца. Конечно, она могла бы еще прожить лет пять-шесть, но не больше. Болезнь прогрессировала под влиянием стресса и перенесенного аборта, который та сделала втайне во время священного праздника любви и благодарения Алхалалая, что, по мнению старух, явилось большим грехом.

Прочтя письмо, Настя пришла в ужас. Ей бы зарыдать, но слез не было, закричать, да боялась детей напугать, и она словно окаменела. Только думала: «Это я оказалась виноватой в смерти, я приблизила ее конец. Как теперь жить? Как нести такой груз вины на себе? Какая церковь отмолит его перед Богом?»

Насте вдруг вспомнилось, как она однажды в юности видела появление цыплят. Желтенькие, мокрые, они совсем не были сразу пушистыми и красивыми, как показывали в мультиках. И все же эти малюсенькие комочки были уже живыми существами. Скорлупа треснула, и... цыпленок вылупился слабенький. Настя держала его в руках в яичной скорлупе и от растерянности не знала, что предпринять. Сердце ее разрывалось от жалости к крохотному существу, от понимания незащищенности в этом мире не только цыпленка, но и многих живых существ.

Больно, нестерпимо больно терять людей, которые, хочешь ты этого или нет, входят в твою жизнь, становясь частью ее, несут в себе родственное начало. Разве могла Настя подумать, что Каррита может умереть, разве могла предположить, что весть о ее смерти такой болью отзовется в её сердце?

Полное смятения письмо написала она Лахэну: «Как давно это было, кажется, прошла целая вечность после нашей последней встречи. Иногда мне кажется, что все было не со мной или, по крайней мере, в другом измерении, но только не в нынешней, реальной жизни. Между тем измерением и реальной жизнью пролегла целая вечность. Умом я понимаю, что ты дышишь, живешь, говоришь, но все это так далеко, в другом мире, который не так-то легко преодолеть. Умоляю, если можешь, прости. Прости за то, что ворвалась в твою жизнь, внесла в нее душевную смуту. Прости за Карриту. Мы одинаковы, мы словно птицы. Лиши нас возможности любить – и лишишь возможности полета. Милый Лахэн, знаю, как ты страдаешь, но ты – мужественный человек.

Хороший мой, только время способно залечить наши раны. Человек бессилен перед своей памятью, воспоминаниями, с этим необходимо научиться жить. Знай: я считаю дни до нашей встречи, люблю тебя. Хотела написать «прощай», как принято делать в письмах, но тут же остановила себя на мысли, что «прощай» – значит навсегда, лучше сказать «пока», как мы говорили друг другу в Москве перед твоим отъездом во Францию и на Камчатку. Пока! В этом слове остается надежда на встречу. Пусть моя душа придет к тебе в сон и поцелует тебя. Пока! Твоя Настя». Ответа не было.

Зато наваливалась своей темнотой гнетущая полярная ночь. Раньше Анастасия не замечала ее, но последние два-три года переносила тяжело. Не могла спать ночами, а утром на работу вставала усталая и разбитая. С нетерпением ждала выходных, чтобы всласть выспаться, чтобы заняться домом, детьми.

Зима оказалась малоснежной и морозной. Может, поэтому Насте так хотелось тепла, хотелось побыстрее содрать с себя зимнюю, тяжелую одежду и подставить свое тело теплым лучам солнца и легкому обдувающе-ласкающему ветерку.

– Быстрей бы весна, – заклинала природу каждый день Анастасия.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Разве мог подумать Лахэн, что его жизнь так круто изменится. Была Каррита, дети, дом... Мир рухнул... Прежний мир... Сколько лет он жил жизнью Карриты? Много? Вечность? Целую долгую, но другую жизнь, другого Лахэна, который по-своему был привязан к ней, дорожил ею и ее миром. Того мира больше не стало... И он запил беспробудно, по-черному. Бывало так, что друзья находили его валявшимся

среди пустых бутылок и консервных банок на грязном полу. Бывало, он резко пробуждался как от жуткого сна и долго не мог сообразить, что с ним произошло, где он и не есть ли это продолжение нескончаемого кошмара. Когда же сознание возвращало к действительности, вновь тянулся за бутылкой. Он не мог сказать, сколько бы еще находился в таком состоянии, если бы однажды мать не принесла в балок письмо из Мурманска. Прочтя, наконец, очухался, запряг собак и уехал в тундру. Она была единственным местом спасения, местом, где можно было отыскать себя, если ты потерялся во времени и пространстве. Здесь он понял, что в его мире больше не существует женщин, кроме Насти. Только ее он хотел видеть, потому что в ней была надежда на другую жизнь, на другого, нового Лахэна. Ему хотелось снова услышать ее голос. Смотреть в ее глаза цвета морской волны, чтобы снова и снова погружаться в них, словно в тайную глубь океана. Он хотел касаться ее рук – в них жило тепло; целовать груди – они напоминали ему запах материнского молока; ноги, чтобы вновь почувствовать себя живым мужчиной...

Только теперь он понял, что они с ней едины. Его сердце сейчас представляло сплошную саднящую рану, хотя и не оставляло за собой кровавых следов. Он бродил по тундре в поисках хотя бы ее тени – и не находил. Закидывал сети, чтобы поймать в них ее любовь, но вытаскивал только свою тоску. Мчался по стремнине реки, хотел увидеть ее на берегу или сопке. Но... и оттуда она давно ушла в свой, неведомый ему мир.

Ее не было в его одиночестве, она находилась совершенно на другом конце света. Если бы он был женщиной, то, наверно, выплакал свое горе древней земле, но он оставался мужчиной, и в его душе не было места слезам, зато в ней рос, прорывался наружу давно назревающий нарыв – дикий вой, подобный волчьему. В тундре Лахэн не боялся им кого-нибудь напугать. Звери и птицы тоже понимали любовь...

Земля вулканов, где ты сокрыла поцелуи, что дарила солнечная женщина с Крайнего Севера? Прежний мир рухнул, а новому имя – Анастасия! Имя реки и камней – Анастасия, туманы и дожди он тоже стал звать ее именем. Настей стали деревья и шкура медведя в балке, все, что окружало его, приобрело имя ее. Настиным именем светила на небе луна.

Мужчина лежал, распятый на земле, отыскивая в звездном небе ее отражение, и подбирал слова для письма:

«Там, на далеком Севере, Настя, не забывай меня. Иначе я ослепну и собьюсь с пути. Моя жизнь теперь в жизни твоей. Я словно раненый зверь кидаюсь на шкуру медведя в балке, стараясь отыскать в ней твой запах. Я могу подолгу стоять на камнях, на которых стояли мы и целовались в тумане. Я жду дождя, потому что он помнит тебя, когда ты шла в слезах за мной и Карритой. А я был связан по рукам и ногам ответственностью и жалостью к жене и не мог осушить твои соленые на вкус слезы, что смывал с милых щек пресными каплями дождь.

С твоим отъездом перестало светить солнце и погасла луна. Я изголодался по твоим губам, с которых столько раз пил сок морошки, и все равно испытывал жажду. Я голоден, не вдыхая запаха твоих волос, не касаясь твоего тела... Я мечтаю о том дне, когда ты будешь засыпать в моих объятьях, а я буду обнимать тебя. И кольцо рук моих расскажет о том огромном чувстве, которое я испытываю к тебе.

Если сейчас поздний вечер, дорогая, пусть тебе снятся приятные сны. Ты закроешь глаза, и с ними сразу уснут травы и листья деревьев, утихнет морская волна, пусть отойдет к покою все, в чем живет зелень твоих глаз. А я приду в твой сон, чтобы сказать о своей любви».

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Просыпалась саамская земля от долгой спячки. Наступило легкое весеннее время Кыдт-манн. Ночью еще морозило, но днем солнце не только светило, но и грело, хоть на одну-две сосульки, но грело, возвещая о том, что грядет тепло. В тундре на глазах все менялось. Быстро таял снег, сбегая журчащими ручейками в реки, вздыбливался лед, льдины кололись, наползая друг на друга, и с половодьем уносились по течению. Когда солнце к вечеру опускалось за снежные вершины гор, они озарялись его светом, обретая нежно-розовые и ярко-красные тона. Озера тоже, хоть и медленнее, чем реки, но открывали солнцу свои сонные тела. Саамы не были лишены чувства сопричастности природе, умели оценить ее красоту, неповторимость каждого времени года и затем воспеть в своих лаввл⁶⁶. Птицы всю поднимали гвалт. Черные вороны в эту пору устраивали любовные игры. Если они парами сходились, то навек, в их семействах разрывов не бывает. В пору весны, в лесной глуши, те, что порасторопнее из них, гнезда понастроили, а те, кто поленивее, старые подремонтировали. Самые шустрые да рискованные уж и яйца успели отложить...

Саамы давно готовились к приходу Кыдт-манн, запрягали ездовых оленей, отправлялись на весенние места стоянок, следуя за своими стадами. Теперь они жили свежей рыбой, которую ловили каждый день и ели всласть – за зиму соленая надоедала. Ребятишки тоже больше времени находились на воздухе... Все устали от долгой полярной ночи и были рады каждое утро встречать яркое, долгожданное солнце.

Белый День чинил старые и делал новые вязки для важенок, которые вместе с хирвасами перешли теперь в его и Варван собственность. Томаско жил, пока чувствовал свою необходимость внучке. Он давно был готов уйти за озеро, но неустроенность семейной жизни Варван не давала покоя, и старый человек заставлял себя жить, чтобы не бросать ее одну на произвол судьбы. Когда же Белый День пришел к нему сватать Варван, благословил, и через месяц, не страдая, спокойно погрузился в сон и со счастливой улыбкой на устах отошел в вечность.

В это время года все оленихи становились за важенкой-вожаком и шли во главе, тесно прижавшись друг к другу. Быки-олени и хирвасы находились в пятке, то есть в конце стада. Они держали оборону. Стадо вели важенки, которые хорошо чувствовали свои места отела, их тянуло туда, где они родились и где уже телились. Так было испокон веку, так было и сейчас.

Подолгу находясь возле оленей, Белый День все-таки выбирал время заехать в вежу и навестить молодую жену и маленького сынишку, которого назвал Пангесем и которому скоро должен был исполниться год.

Варван после праздника на озере Духов ходила счастливая. Роды ее прошли легко, почти безболезненно. Белый День был рядом. Перевязал младенцу оленьей ниткой в

66 Лаввл – песня.

двух местах пуповину, ножом перерезал ее и принял своего первенца. Затем, на огне накалив острие ножа, опустил его в воду, крестообразно пересек несколько раз и обмыл народившегося сынишку. Вылизал языком глаза малыша и обернул в свою рубаху.

* * *

Варван не ждала так рано Белого Дня. Она сидела, наклонившись над китткэмь⁶⁷, и с огромной любовью смотрела на своего сынишку, который, засыпая, поглядывал то на мать, то на ее оберег, висевший на груди словно охранная грамота. Варван пела малышу саамь лаввл: «Цебпя, цебпя, цебпя. Лев моджесь я кукесть...»⁶⁸

От засыпающего сына мысли молодой матери летели далеко-далеко к самому небу. Она думала о том, что когда-нибудь ее мальчик вырастет большим крепким парнем, женится и родит ей внучку, которой она и отдаст свой оберег. Ведь Томаско говорил, что подобный оберег в саамских родах, если он доставался девочке, должен передаваться по наследству женщине, если мальчику – то мужчине. А так как у Варван первым родился сынок, то оберег она передаст его дочери, а та – своей дочери или внучке, и так он пойдет от семьи к семье и когда-нибудь осчастливит одну из ее правнучек таким же счастьем, каким осветил и ее.

Белый День появился в веже неожиданно.

– Ну, встречай, жена, мужа своего. Корми. Вуйвас тайип⁶⁹.

Варван, радостно улыбнувшись, стала хлопотать около очага. Налила в наххьп⁷⁰ наваристой запашистой ухи, вытащила на кара эл⁷¹ больших жирных сигов, пойманных с утра, зная, что Белый День обязательно заглянет домой, и сказала:

– Ешь, дорогой муж, ждала тебя, но не знала, когда приедешь. Сын только недавно уснул. Сегодня, бедный, умаялся, обползал всю вежу на коленках, вставать пытался, да пока еще плоховато держится.

– Еще дня два – и забегает наш Пангесь, ты его почаще на улицу выноси. Солнце уже высоко стоит, хорошо пригревает. Пусть сын мир познает.

– Да я его и так везде с собой беру. Сама рыбу ловлю – и он рядом на шкуре сидит, сети вяжу – Пангесь тут же, около. Днем-то и правда солнышко хорошо припекать стало, озеро почти полностью ото льда освободилось, ловить рыбу весело. А как у тебя дела с важенками, дорогой?

– Отелилась одна, остальные, думаю, через день-два тоже телиться начнут.

Закипела в котелке вода, Варван бросила в нее бакулу⁷², что собирала еще в позапрошлом лето, когда жив был Томаско, и заварила чайный настой. Бросила в котелок немного высушенного болотного лука и кусочек оленьего сала, налила Белому Дню и выпила сама.

– Радостно, Белый День, на душе, глядя, как растет наш сынишка. Пока тебя нет,

67 Китткэмь – саамская люлька.

68 Пальчики, пальчики, пальчики красивые и длинные...

69 Так говорят, когда очень хотят есть. Дословно: печень дает звонок.

70 Наххьп – чашка.

71 Кара эл – деревянное продолговатое широкое блюдо.

72 Бакула – чага.

я ему песни пою, сказки рассказываю. Хочешь, и тебе луввът старого Томаско про Солнцева сына расскажу, не слышал, поди, такой?

– Нет. Про Солнце-Пеййв много в нашем народе луввът ходит, а про Солнцева сына не приходилось слышать. Расскажи, жена, порадуй мужа.

И Варван тихо заговорила, так же протяжно, как делал это дед Томаско.

– Сказка сказала, предание воспело, что за северной звездой на запад от солнца и месяца находятся золотые-серебряные скалы. Очаг и камни для сетей там золотом блещут, серебром сияют. В море отражается скала и улыбается своему блестящему отражению. И живут в той стране великаны. Узнав об этой замечательной стране, решил Солнцев сын отправиться на поиски ее, чтоб выбрать себе невесту. Долго ли коротко ли достиг этой страны и узнал, что единственно незамужней девушкой была здесь дочь старого великана, сама тоже великанша. Встретился с ней Солнцев сын, и спросила она его: «Откуда пришел, парень, в нашу страну? Здесь одни великаны живут, и грозит тебе быть ими съеденными, или моим отцом, или моими братьями, или даже мной самой». Отвечает ей Солнцев сын: «Сар-акка создала меня из жил моего отца. Силы я получил вместе с молоком моей матери. Уккс-акка⁷³ влила мне вместе с молоком матери ум в голову. И пошел я искать подругу для счастья, для жизни, для смерти». На это ему дочь великана ответила так: «Смешаем нашу кровь, соединим сердца для горя и радости, сын моей, мне еще не родной матери». Пришел Солнцев сын к старику-великану и тот, испытал его, дал согласие. Подвел молодых к шкуре кита, поставил на колени, разрезал на мизинцах у обоих кожу и смешал кровь, которая соединила их руки, сблизила груди, и слились великанша и Солнцев сын в поцелуе. А старик-великан сказал: «Изгоняю узлы ревности», разъединил их руки и развязал узлы сватовства. После этого у них начался пир. Хорошо, что в это время братья невесты-великанши далеко охотились... Сразу после пиршества направился Солнцев сын с молодой женой на своем корабле в обратный путь... А сыновья старика великана возвратились домой, узнали, что сестру отец замуж выдал без их согласия, и отправились в погоню, да напрасно гнались – погибли в пучине вод. А от Солнцева сына и великанши потомство пошло на нашей земле крепкое да сильное и распространилось оно далеко, далеко...

– Что ж, луввът хорошая. Думаю, наш сын тоже вырастет крепким и сильным, как его отец, и прекрасным, как его мать. Посмотри, как он во сне кулачки сжимает, никому силу свою не отдает. Пусть хранят его на пути жизненном боги саамские, – сказал Белый День, любуясь маленьким Пангесем. А рядом сидела счастливая Варван. Жизнь так прекрасна и удивительна, когда рядом есть муж и сын...

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Появление солнца после муторно-длинной полярной зимы – праздник. Северяне просыпаются от зимней «спячки» и радуются каждому новому дню, сулившему еще на одну минутку задержать на небе жизненно важное для людей светило.

⁷³ Уккс-акка – младшая дочь Матери-Земли, которой поручено защищать вход в вежу и следить за первыми шагами ребенка.

Слушают радио, ежедневно комментирующее время пребывания солнца в заполярном небе. Наверное, нигде больше, как в Мурманске, жители не отмечают праздника с таким оптимистическим названием, как «Здравствуй, солнце!»

Здравствуй, солнце, здравствуй, долгожданное! Такое красивое и живое! Всего-то месяц с небольшим мурманчане не видят тебя, но как устают смотреть на черное небо и видеть там только холодом отливающую луну или постоянно впитывать в себя искусственный свет уличных фонарей. И никакие самые яркие их огни не заменят солнечного света, а как – пусть до весны еще далеко, и солнечные лучи еще не греют, но они уже предвестники ее.

Здравствуй, солнце! Не понять гостям Заполярья восторг северян от встречи с первыми январскими лучами его. Не понять восторженных криков: «Смотрите, солнце!» И глядя, как резвятся ее мальчишки на этом празднике, катаясь с ледяной горки, бегая в хороводах со скоморохами и самодеятельными артистами ансамблей «Мотаня» и «Сполохи», Настя вспомнила детей Лахэна. Как им там, бедным, приходится без матери, а как – ему? И сердце защемило. После того осеннего сообщения с Камчатки писем больше не приходило.

«Здравствуй, солнце! – говорила про себя Анастасия, адресуя радостное приветствие и на далекую Камчатку Лахэну и его детям. – Будьте здоровыми все!»

В июле Настя взяла дни за счет отпуска, чтобы отвезти на лето сыновей погостить у бабушки во Владимирской области. На обратном пути заглянула в Москву, встретила с Сергеем, который, много не разглагольствуя, сказал, что они тут же направляются в гости.

– Ты бы хоть, Сережа, сказал, к кому едем?

– Пусть это будет для тебя сюрпризом, – произнес он. – Для меня и самого этот поход неожиданный. Был звонок и приглашение, так что вперед.

И они, накупив всяких вкусностей, прибыли на Фрунзенскую набережную. Позвонили. Дверь открыл Сузвай.

Настя, увидев его, сначала побледнела, но затем усилием воли, поборов смущение, улыбнулась и, чуть заикаясь, произнесла:

– Су-су-звай?! Вот уж кого не ожидала здесь увидеть, так это тебя.

Она даже не заметила, что все еще стояла на пороге квартиры.

– Мы тоже не знали, что ты находишься в Москве. Да что это мы на пороге говорим, вы проходите, я сейчас, только Катю позову, – видно было, что и Сузвай немного растерялся от неожиданности, увидев с Сергеем Анастасию, так как, когда они ему с Катериной звонили, он только и сказал, что придет не один, а про Настю и не обмолвился. Оставив гостей в прихожей, торопливо направился в одну из комнат.

Настя многозначительно посмотрела на Сергея. Он, пожав плечами и разведя руками, только произнес:

– Я думал, ты будешь рада.

Тут из комнаты вышла, тяжело неся живот, Катерина, подошла обнять Анастасию.

– Вот так сюрприз! Я так радовалась, что Сергей придет, а тут Сузвай говорит, и ты здесь, ну просто праздник! Мы с Сузваем, Настя, тебя частенько вспоминали.

– Я вообще-то тоже тебе несколько раз пыталась звонить, но телефон не отвечал, – выпалила чуть обиженно Настя.

– Давайте в комнату проходите, я и стол уже накрыла, там и поговорим.

Сергей, протягивая ей сумку с продуктами, сказал:

– А это от нас гостинцы.

– Ну зачем тратились? У нас все есть.

Настя и Сергей прошли в довольно просторную, хорошо обставленную комнату.

– Какая ты молодец, Катерина! Вот уж не подумала бы, что на такое решишься, – сказала ободряюще Настя.

– Да, я и сама не предполагала от себя такого подвига. И знаешь, ведь это с твоего благословения я в ту ночь, когда ты у Жирковых балык с вареньем ела, бросилась в объятия Сузваю, – сказала Катерина и улыбнулась мужу. – Когда в Москве узнала, что беременна, решила: будь что будет – оставлю дитя. В любви его зачала – в любви пусть и растет. Сообщила маме, она одобрила. Не девочка уж, к тридцатнику годы подкатывают. Сообщила Сузваю – он не долго думая прилетел. Расписались. До декрета жили у мамы в Каргополе, рожать приехала в Москву.

Настя слушала рассказы про неожиданное счастье Сузвая и Катерины, а думала о своем. Наконец, не выдержав, спросила:

– А как там Лахэн? Перий? Как Каврал? Ведь я ничего не знаю, от Лахэна – никаких известий.

– Лахэн с Карритой все эти девять лет нерасписанными жили, – стал рассказывать Сузвай, – сколько он ее ни умолял расторгнуть первый брак и зарегистрироваться с ним, от всего отказывалась. В селе ничего не утаишь. И свадьбу хотел сыграть по ительменскому обычаю, а она ни в какую. Им и дом новый большой только через шесть лет дали, а то все в старом, ее родителей, ютились.

– Постой, Сузвай, разве Каррита не была в разводе с первым мужем?

Такого Настя даже предположить не могла, да и Лахэн об этом никогда не упоминал.

– Конечно. Но он считал ее своей женой, и в селе все скоро к этому привыкли.

– Сузвай, это я виновата в смерти Карриты, я, – тихо призналась Настя.

– Какие глупости. Ты думаешь, Лахэн в жизни с ней счастье знал, радость видел? Как бы не так! Все эти годы он был погружен в заботы о Каррите и ее детях. Отдушиной были только танцы. А еще я скажу тебе одну простую истину, хоть и жестокую: не тот виноват, кто уходит из семьи, а тот, от кого уходят. Каррита – пусть земля ей будет пухом – к сожалению, не могла дать Лахэну счастья. А любой мужик, Настя, он как бы ни жил, хорошо ли, плохо, а в душе все равно мечтает о нем. В этом мы ничем не отличаемся от вас – женщин, так что не вини себя. Сейчас только ты одна, твоя любовь и должны стать поддержкой ему, потому, что когда все это произошло, я тебе так и не сказал, у него и детей отобрали. Сейчас он совсем один.

– Как? – ужаснулась Настя. Кто-кто, а она-то знала, как он их любил.
– По закону они ему никто, и он им никто.
– А то, что этот «никто» столько лет их растил? Всю любовь отдавал? Это что, не в счет? – искренне возмутилась она, представляя, что пришлось вынести и пережить Лахэну.

– Он хотел остаться жить с детьми, – продолжал рассказывать Сузвай, – но ему этого не позволили, сказали – не положено, и раскидали детей в разные стороны. Младших в город, в интернат увезли. Старшую дочь забрала дальняя родственница Карриты. Но и это не все. Лахэну и из дома пришлось уйти, оказалось, что он там даже не был прописан. По прописке числится у матери. После всего случившегося перешел жить в балок.

Бывало, ранней весной выйдешь из тускло освещенного подъезда на улицу – и ослепнешь от резкого сочетания белизны снега и солнечного сияния. Невмогуту глазам вынести такое обилие света. И подобная история повторяется вновь, когда ты возвращаешься в подъезд. Захлопнется входная дверь – и отыскиваешь на ощупь стены, нащупываешь ногами ступеньки и продвигаешься медленно, осторожно, малюсенькими шажками, определяя впереди себя свободное пространство. А ведь подъезд освещен, но тусклое мерцание несравнимо с ярким, ослепительным светом весеннего солнца и снега. Возникает преотвратительнейшее чувство неуверенности и потерянности.

Подобное состояние перенесла и Настя после рассказа Сузвая. Ее сердце разрывалось от жалости к любимому. Но их разделял целый континент, пропастью простершийся между их землями и сердцами. Два июня в Москве, словно две жизни – от и до. Два июня – и год любви и разлуки. Два июня – и робкая надежда на новую встречу...

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

По приезде в Мурманск, наконец, Настя получила известие и от самого Лахэна, первое за последние полгода. Письмо было совсем коротким, но она поняла, чего ему стоило его написать: «Настенька! Вот я и один. Была большая семья, и в мгновение ока от нее не осталось и следа. Жить не хотелось, много пил, но тундра вылечила. У меня есть только ты, Настя. Теперь только ты. Лахэн».

Прочитав письмо, она поставила кассету с песней, что когда-то ей привез Сергей.

У Камчатки есть такая власть,
Словно бы к родным гнездовьям птицы,
Кто здесь побывал, хотя бы раз,
Вновь на эту землю возвратится...

– Все образуется, Лахэн, все образуется. Потерпи, милый. Нас вновь соединит Алхалалай, – сказала она вслух, словно посылая свою мысль ему в поддержку.

*Поселок Ревда Мурманской области,
1997–2003 гг.*

Письма в школьных тетрадках
(Роман в рассказах)

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Степан Похмелыч и Леня-Лошадист

Резкий крик петуха спугнул молчание спящего села, находившегося в это раннее время в дрожащей туманной дымке, поднимающейся от реки, которая пахучей, томной испариной ползла по сочной июльской траве, проникала в огороды, поднималась по стволам плодоносных деревьев и терялась в их зелени... За первым, разорвавшим своим криком предутреннюю тишину петухом прокашлялся другой, затем, точно включенная сирена, завопил третий, и наконец вся округа огласилась дружным петушиным пением.

Белёсая луна, точно испугавшаяся этого безудержного крика, стала медленно таять и прозрачной, чуть видимой тенью растворяться в предутреннем зареве восхода. Встрепенул от сна горячий красный конь, окунулся для бодрости в прозрачности речных вод, встряхнул своей золотой гривой на синем небосводе и помчался вскачь, голубя небесный простор, разметаая свои огненные власы на все стороны света...

Томно потягиваясь и отходя от сладкого сна, просыпался народ уютного зелёного села Светлого, в котором и развернутся дальнейшие события. Под звучные разливы нарождения нового дня просыпался не только люд Светлого, но и само село, в котором дома стояли больше частного порядка, деревянные, ухоженные, крепкие. Зданий каменных, из кирпича, возвышалось десятка полтора-два, может, чуть более, а потому местные жители никак не могли в толк взять, почему их зажиточное село приезжие и начальствующие люди всё больше городом зовут, и величали по старинке – просто Светлым, отбрасывая статусно-реесторное наименование. А получило Светлое своё имя от названия реки, протекающей по правой стороне села – извилистой и порожистой, с сильным течением. Может, оттого и вода в ней была что слеза прозрачна да холодна, потому как били там родники.

И ходила промеж людей легенда, что в далёкие времена жила в этих местах колдунья с дочерью Милицей – светлоликой красавицей. Только девушка подросла, решила колдунья-мать продать её за богатый выкуп старику-уродцу, на что дочь матери ответила, что в Светозара-молодца она влюблена и без него свет ей белый не мил, и к уродцу-старика жить не пойдет. Разозлилась колдунья на слова Милицы, крикнув в гнев ей: «Так пусть будет по-твоему!» Раскатами грома понеслось её заклинание над головой дочери, которая с последним словом колдуньи под землю и ушла. Со временем заметили люди, что стали из земли ключи бить, будто горячие девичьи слёзы пробиваться сквозь толщу земли. Так появилась в этих местах река, тянувшая к себе Светозара посидеть на бережку, вспоминая любимую, да наблюдая, как купается солнце в ней, заигрывая с родниковыми струями. Позже и имя реке нашлось – Светлая, а вскоре и село Светлым стали прозывать. И хотя растянуто оно километра на три вдоль да на полтора поперёк, жители прекрасно знали друг друга. Да и как не знать, в школах на родительских собраниях встречались, на красные дни парадными колоннами к Дому Культуры шли, на праздничных концертах вместе сидели...

Чёт и нечет – листы календаря, отделяющие один прожитый день от другого, плавно скользящие друг за другом и уносящие в историю государства Российского события отдельно взятого села Светлого...

Народ здесь жил добрый, работающий, открытый. Правда, были и свои исключения, не без этого. Так ведь и коммунизм со светлым будущим только в постановлениях правительства скоро строился... И вот среди этого исключения попадались такие, от которых хотелось держаться подальше, не знобить душу холодом. Заселено Светлое было в основном людом русским, казаками и их собратьями украинцами, хотя из переписей можно было найти здесь и татар, и белорусов, и молдаван, а впрочем, все жители были просто гражданами великого Советского Союза, а это уже как знак качества...

А ещё народ в Светлом на юмор гораздый был. Особенно в этом преуспевало старшее поколение. И каких только индивидуумов, бывало, не сыщешь здесь! Хотя бы взять, к примеру, дядьку Степана-Похмелыча (как звали его за глаза) Тарасова: мал, тощ, не мужик – «мешок с костями», а ещё он любителем был речь свою разными ядрёными пословицами приправлять. Да и жена его, Устинья Акимовна – не промах женщина, тоже от мужа выучилась вплетать их в свои словеса. И стоило им на чём-то сойтись, тут уж хоть тетрадь доставай и, как говорил Шурик из фильма «Кавказская пленница»: «Помедленнее, пжалста, я записываю»... А более того известен Похмелыч в Светлом был своими пластунскими заползаниями в продмага, стоящий прямоком напротив его дома. А потому дядька Степан искренне считал, что с домом ему в этом смысле определённо не повезло. Все окна дома Тарасовых выходили как раз на магазинное крыльцо. И вот эти свои пластунские заползания Степан-Похмелыч особо предпринимал в выходные дни. Несмотря на то что был он пенсионер, но все ж на совхозной ферме подрабатывал, а в выходной, как говорится, и выпить не грех. Так, бывало, жёнке своей задурит голову какими-нибудь неотложными делами, что та только руками разводила: «Ну, если надоть, иди»...

Жена Степана, Устинья Акимовна – крупная породная женщина, точно поднявшееся в печи сдобное тесто, раза в два больше мужа, знавшая слабость супруга к выпивке по выходным – без устали бдила своего суженого. Стоило тому покинуть двор – садилась у окна с вязанием или с каким другим рукоделием, а то и просто подперев пухлой рукой подбородок, и поглядывала, чтоб муженёк ненароком не устремил стопы свои в магазин чекушку купить. А Похмелыч, зная за женой эту склонность, разработал свою, особую тактику попадания внутрь продмага. Деловито объявляя жене, что уходит из дома за надобностью, окольными путями прокрадывался к магазину, подходил к нему с противоположной стороны, которая в окно его дома не просматривалась, вставал на четвереньки, благо худ, как спичка, и по-пластунски раз-два – и в магазине оказывался. Крыльцо у продмага высокое, а деревянные перильца непродуманно низкими сделаны, ежели не по-пластунски, то жене его в окно всё видать, кто входит в магазин, кто выходит. Только приоткрыв дверь и вползая внутрь, Похмелыч живо поднимался с колен, отряхивался и как ни в чём не бывало пристраивался в очередь, ежели таковая имелаась, и, подходя к Зинке-продавщице, победно протягивал рубль тридцать семь, скопленные им втайне от жены на бутылку. Даже говорить ничего не приходилось. Зинка, или Зинаида Ивановна Рыжова, рослая, полногрудая, пышущая жизнью и здоровьем бабёнка, одним махом руки сгребала деньги Похмелыча, даже не считая, и, добродушно ухмыляясь постоянному клиенту, протягивала чекушку. Долго Устинья понять не могла, как и

где её муж Степан каждый выходной «нализаться» успевал. Многие горожане, зная эту слабость старого фронтовика, про себя посмеивались, но тайну хранили свято, а на жалобы Устиньи, улыбаясь, сочувственно разводили руками.

Всё дело с вползаниями Похмелыча в продмаг загубили двое парней – Глеб Казаков и Александр Соболев, которые в один из летних дней стояли у магазина в ожидании своих подружек Светланы Завьяловой и Елены Поляковой. Девчонки заглянули туда за свежим пахучим хлебом, который славился в Светлом своим особым способом выпечки и всегда подрумянившейся, золотистой, хрустящей корочкой.

Сашка Соболев, красивый, хорошо сложенный малый, сказал своему лучшему другу Глебу, что как только девчонки выйдут из магазина, тут же признается Ленке в своих чувствах – пора пришла.

– Нет, Сашка, это слишком личное и не делается напоказ, – высказал другу свою точку зрения Глеб.

На что Сашка самоуверенно заявил:

– Ничего-то ты, друг-Гориллыч, не понимаешь в сердечных делах, вот увидишь, как Ленка от моего признания в полном ауте будет.

И только Сашка настроился объяснить Елене в своих чувствах, когда девчата появились в дверях, как в это время совершенно не обращающий внимания на молодёжь Степан-Похмелыч благополучно проделал свой трюк и оказался внутри помещения. Да так быстро, что молодые люди ахнуть не успели. Они впервые стали свидетелями такого необычного проползания внутрь магазина, и потому парни устроили перед девчонками целое представление, пробуя проделать то же самое. Сашка тут же решил, что объяснение подождёт, а пока ему нужно было перед Ленкой себя показать. Девчонки от души смеялись, разбрызгивая свою звонкоголосую радость во все стороны. Уверяли друзей, что у них так здорово, как у дядьки Похмелыча, этот манёвр всё равно не получается. Устинья, привлечённая необычным весельем у продмага и прозвищем своего благоверного, стала внимательнее вглядываться в раскрытое окно.

Парни же, когда увидели появившегося в дверях магазина всё в той же пластунской позе Степана-Похмелыча, подхватили его на руки и с почётом вынесли на улицу.

– Дядька Степан, да за твои манёвры мы готовы тебя на руках хоть каждый день в магазин вносить и из магазина выносить, только ты и нас этому проползанию обучи, нам в армию идти, глядишь, пригодится, – подтрунивал над стариком почти в два метра огромный, в сравнении с Пахмелычем Глеб Казаков.

Вот тут-то Устинья всё и поняла, выбежала из дома со скалкой в руках да как заголосит на всю округу:

– Ах ты пропойца, Степан, ах антихрист, вот я тебе сейчас покажу. Люди добрые, позор на мою седую голову! За бутылкой муж в магазин ползать стал, балаганничать, ах, пропойца, ах, негодник... Какой пример молодым подаёшь? стыдоба...

А Степан, сидючи на руках парней и ухватившись за их шеи своими худыми, но жилистыми руками, сыпал жене отговорками-поговорками:

– Дык, Устинюшка, без спотычки и конь не пробежит, сама знашь, волка дык ведь ноги кормят, едят ты мухи...

Та ему открикивала:

– Я те счас спотычку-то покажу, пьяница ты окаянный, и волка покажу... Сразу видно – Бог-то шельму метит, как не хоронился, поймала я тебя, прям на месте преступления поймала негодника... Счас скалкой-то по твоим рёбрам пройдуся, будет тебе, Степушка, Юрьев день, срамник ты бессовестный...

Бежит, размахивая скалкой, к парням и мужу, а те от неожиданности такого натиска, забыв поставить Похмелыча на землю, прямо с ним помчались от неё за магазином, как говорится, от греха подальше. Похмелыч что есть мочи ухватился за шею молодых парней руками, чтобы в беге ненароком не свалиться, и запричитал:

– Нехристи, ну нехристи, едят тя мухи, продали меня бабе моей, с потрохами продали, разрази меня гром, как же я теперь чекушку покупать смогу?

Глеб ему в ответ:

– Не бойсь, дядька Похмелыч, не догнать нас тётке Устинье твоей...

Сашка кричал своё:

– «Свободу Юрию Деточкину...»

Девчонки смеялись громче того, то и дело хватаясь за животы. И Сашка, воодушевлённый их весельем, старался больше прежнего:

– «Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству»...

Те, кто был в магазине, тоже выбежали на крики зрелище посмотреть. Пришлось парням несколько кругов вокруг продмага со своей ношей выписывать, вспотели аж, пока тётка Устинья от усталости не свалилась на крыльцо рядом с заливающимися от смеха Еленой и Светланой. Да и парни со своей ношей притомились бегать от неё. Правда, продолжали стоять ещё на некотором расстоянии.

Похмелыч, видя, что женка его от бега и крика за сердце схватилась, спрыгнул с рук парней и, осторожно приближаясь к ней, заприговаривал:

– Дык, Устиньюшка, брехать – не цепом мотать, чо блажить-то теперь...

– Дык, дык... Пропойца окаянный! Правильно говорят – горбатого могила исправит, иди домой уж, срамник... – с одышкой произнесла Устинья.

– Эх, робя, – махнув рукой и обречённо обращаясь ко всем, произнёс сникший Степан, – двух смертей не бывать, одной – не миновать... – и, расстроенный вконец, ещё больше сутулясь, пошёл в сторону своего дома.

А в городке затем долго ещё эту историю вспоминали, приписывая ей всё новые и новые подробности.

С тех пор Степану-Похмелычу и того трудней стало выпивку себе добывать. Да и правда, не пойдёт же он в свои семьдесят лет в конец Светлого в другой магазин за чекушкой, или, как эту мерку водки называли ещё, двойным мерзавчиком. И стоило ему теперь выйти за порог, жена зорким соколом подсаживалась к окну, занимая наблюдательный пост, и уж в руки ничего не брала, чтоб ненароком не отвлечься.

А ещё в Светлом жил одинокий одноногий друг Степана Лёня, по прозвищу Лошадист, тоже небольшого росточка мужичок, но силы недюжинной, не смотри что инвалид безногий, безобидный да бесхитростный. Больше всего на свете Леонид любил детей и лошадей, потому от ребятни ему отбою не было: «Дядь Лёнь-Лошадист, прокати, прокати нас на лошади!» – кричали те, крутятся вокруг совхозного конюха, и он подхватывал мальчугана или девчушку под мышки, подсаживал

на своего любимого Каурого и катал их в своё удовольствие. Родители смело доверяли ему свою ребятню, частенько летом отпускали в ночное с ним. Тот им картошечки испечёт, так что достанешь её с углей из костра, а она рассыпчатая у тебя в руках, точно сахарная, разваливается, а если ещё рыбка под неё окажется – и вообще пир горой стоит. Леонид подбадривает ребятшек: «Заморите, заморите червячка, а то ни дать ни взять подустали с коняками в реке плескаться, животы-то, подись, подвело...» От затухающего костра вверх ленно поднимался белёсый дымок, наполняя округу запахом прогоревших смолистых поленьев и запечённой картошки. И сидит ребятня у затухающего костра, трескает картошку, почавкивая да почмокивая, щеки надувая, как у хомяков, и никакого другого счастья в эту минуту для них не существует.

Подобные картины бездетному Леониду душу грели. Наблюдая за мальчишками, он слегка улыбался в задумчивости и довольно побрякивал да пофыркивал, точно как его любимец Каурый, когда Леонид подходил к нему. После еды мальчишки утрут рукавами черные полукружья вокруг губ от печеной картошки и деловито спросят:

– Дядь Лёнь, а сколь время счас?

А тот им так же в ответ делово доложит:

– Три беремя, четвертый жид по верёвочке бежит, верёвочка лопнула и жида прихлопнула...

И ребятня знает, что пошел четвертый час утра. Если было бы два ночи, Лёня-Лошадист сказал бы: «Два беремя, третий жид...» и так далее, но обязательно они спросят, а он им ответит... И все будут радостны и спокойны, потому как без этой приговорки и ночное получится как бы не совсем ночное... Потому как без жида, что по верёвочке бежит, совсем нельзя... А уж ежели кто из новеньких придёт да начнёт спрашивать, почему так говорят, услышит от тех, кто постоянно в ночное ходит:

– Вот ведь нашёлся гнуда (так Леонид называл обычно тех, кто начинал доставать его вопросами или занудствовать), всё ему разжуй да в рот положи. А ты просто прими этого жида и радуйся...

Эти слова Леонид и сам когда-то, будучи пацанёнком, услышал, а теперь вот местной ребятне, что с ним в ночное шла, передавал, а те, глядишь, с сотоварищами поделятся, так слово, присловие, поговорка за память младую зацепится и дальше в народ гулять пойдёт...

Леонид любил эти летние ночные сидения с ребятней у костра, любил слушать тихое потрескивание углей, разрывающихся в мелкие искры при помешивании дров, любил смотреть на огонь, как он мирно распускал свои всполыхи от ярко-красного до лимонно-белого цвета. Порой смотрел так долго, что танцующее пламя перескакивало отражением на его собственное лицо, преломляясь на глубоких морщинах. И уже он сам становился неотделимой принадлежностью огня. Душа старого человека хранила память о другом огне, занимавшемся от взрывов бомб и снарядов, несущем всему живому разрушение и смерть... Но подобные картины Леонид загонял глубоко внутрь себя, чтобы не беречь душу, а радоваться ночному, плеску в воде ребятни и их веселым побрякиваниям...

А уж как Леонид о лошадях заботился, говорить не приходилось. Умерла жена – совсем на конюшню перебрался, с ними там и жил, в дом только так, за надобностью заглядывал. Этот не пил совсем. С войны пришёл израненный, да ещё с ногой одной... Начни пить, какая баба с калеченым жить станет, потому и держал себя в строгости.

И если Степану Тарасову не удавалось без риска в магазин пробираться, брёл он тогда на конюшню к товарищу своему Лёне-Лошадисту, потому как у того для него сто грамм беленькой находились всегда. Товарищами они с войны в Светлое пришли. Степан Леонида в своё село сразу после госпиталя привёз. У Леонида деревню-то немцы в Белоруссии подчистую сожгли, никого в живых не оставили, и ехать ему было некуда. Вот и позвал Степан в свою. А тот, зная слабость друга к выпивке, доставая бутылку водки, наливал строго с условием – поправить здоровье, не более. Хрякнет Степан от сожаления, что мало, и скажет, точно оправдываясь перед другом:

– Ты ж, Лёнь, понимаешь, с похмелья, что с бою: всё в тебе ноет, – и одним махом опрокинет в себя фронтовых сто грамм, не поморщится.

Олимпиада-80 и Владимир Высоцкий

Начиная с середины июля 1980 года у молодёжи в Светлом только и было разговоров как об Олимпиаде – летних XXII играх, церемония открытия которых состоялась в Москве 19 июля, несмотря на бойкот президента США Картера. И то, что спортсмены Канады, Японии, Китая, ФРГ и Соединённых Штатов не приняли в ней участие, стало проблемой только их, но никак не всех остальных. Открытия Игр показали, что на Олимпиаду в Советский Союз приехало почти 6000 спортсменов из 81 страны мира.

В Светлом шли бурные обсуждения каждого выигрыша. 3 августа Глеб, Сашка и Лена пришли к Светлане, чтобы вместе смотреть торжественное закрытие Игр по цветному телевизору «Рубин-714», который полгода назад отец Светланы купил, получив хорошую премию за сдачу крупного строительного комплекса. В ту пору далеко не все жители Светлого могли похвастаться цветной чудо-техникой.

– А где дядя Миша, он Олимпиаду-то собирается смотреть? – спросил Александр.

– Да хотел успеть к закрытию, но, наверное, в Энске задержали. Он уже там три дня в командировке находится.

Ребята устроились поудобнее, ведь всего через несколько минут Центральное телевидение начинало трансляцию с московского стадиона «Лужники». Когда на экране телевизора возник образ Мишки, символа Олимпиады-80, и появилась надпись «Доброго пути!», Светлана с Еленой, не удержавшись, зааплодировали.

– Смотрите, смотрите, спортсмены пошли! – воскликнул Глеб. – Америкосы-то бойкотировали, вот все награды нам и достались. Интересно – наши 80 золотых получили, прямо по дате года Игр... По-моему, такого в истории ещё не бывало.

– Слушай, Глебка, а правда ведь, я об этом даже не подумал. 80-й год – 80 медалей!

Сашка провозгласил это «научное открытие» друга, едва не начав митинговать. Говорил он горячо, сочно, перекивая телерепортаж:

– Да в Москве и соревнований на пять больше прошло, чем в Монреале. В лёгкой атлетике – ходьба на 50 километров; в тяжёлой – впервые участвовали спортсмены первой весовой категории, наилегчайший вес; в парусном спорте проходила регата яхт класса «Звёздный»; ну и участие женщин в хоккее на траве и соревнованиях по дзюдо. Вот как!

– Алексашка, да прекратишь ты кричать, дай диктора послушать, – перебила друга Светлана. Ей нравилось обращаться к нему так, как это делал царь в фильме «Пётр Первый», обращаясь к Александру Меншикову. Сначала она поддразнивала друга, а потом и в привычку вошло.

– Получил, Алексашка, – теперь уже добавил Глеб, – слезь с трибуны.

– Да ну вас, – нарочито нахмурившись, Соболев уставился в экран.

Из телевизора неслись слова диктора: «За 14 дней соревнований спортсмены, представляющие все 5 континентов, установили 74 олимпийских, 39 европейских и 36 мировых рекордов. Золотых наград в Москве добились атлеты из 25 стран...».

– Вот это да! Молодцы наши! – восхитилась теперь уже Светлана.

Наконец на голубом экране ребята увидели, как на середину стадиона в Лужниках, ухватившись за разноцветные воздушные шары, выплыл огромный олимпийский медведь под слова песни в исполнении Льва Лещенко и Татьяны Анциферовой «До свиданья, Москва, до свидания, / Олимпийская сказка, прощай, / Пожелай исполненья желаний, / Новой встречи друзьям пожелай»...

Мишка на прощание всем помахал лапой и стал медленно подниматься над стадионом до тех пор, пока не исчез в сгустившейся темноте неба. И хотя съёмка велась ближе к ночи, было видно, как люди на трибунах дружно вытирали слёзы.

– Как трогательно, – качая головой, прошептала Света, но, будто стесняясь нахлынувшего лирического настроения, быстро глянула на ребят.

Елена поддержала подругу и восхищённо, на придыхании добавила:

– Ну какие же молодцы организаторы Игр! Кто бы ещё придумал вот так – Мишка плачет?

Глеб не принял девичьей сентиментальности и торжественно произнёс:

– Внимание! Чудо техники двадцатого века – летающий медведь! Первый медведь-космонавт благополучно вышел на орбиту!

– И приземлился в заданном направлении, – буркнул Сашка, – хорошо, что он игрушечный, а то бы так укакался...

– Сашка! Ну чё ты ахиною несёшь... – Глеб не выдержал и начал изо всех сил радостно толкать и щекотать друга. Тот отбрыкивался и махал руками.

Потом Глеб, присев на коленки, спиной к телевизору, изображая «говорящую голову» диктора, забасил:

– Вот так, дорогие мои сограждане Союза Советских Социалистических республик, могу вас поздравить! Первые Олимпийские игры на территории нашей страны прошли успешно, и по такому случаю Светлана как гостеприимная хозяйка всех нас обязана напоить чаем.

Света уже побежала ставить чайник, не дожидаясь, пока Глеб закончит свою речь.

А, когда ребята сидели на веранде и чаёвничали, во дворе появился Михаил Савельевич Завьялов. Светлана бросилась встречать отца. Тот добродушно приветствовал её друзей, с парнями здороваясь за руку.

– Ага, все в сборе, понятное дело, закрытие Игр смотрели, а вот мне не повезло. Ладно, в новостях отрывочно завтра и погляжу. Сейчас, только руки с дороги сполосну и к вам присоединюсь, – произнес с некой грустинкой в голосе Михаил Савельевич.

Через несколько минут он вышел на веранду с бобинным магнитофоном, поставил его на пол и подсел к ребятам за стол. Света тут же налила отцу чай и с нежностью наблюдала за ним. Она заметила полукружия теней под его глазами, почувствовала его усталость и некое душевное напряжение. Встревоженно спросила:

– Что-то случилось, пап?

Михаил Савельевич, немного помолчав, как-то горестно опустив голову, произнёс:

– Случилось, дочь, только станет ли горечью то, что случилось, для вас? Вот в чём вопрос.

– А ты скажи, и там посмотрим, – предложила Светлана.

Он опять немного помолчал, потом, оглядев ребят, продолжил:

– 25 июля в Москве умер всенародно известный и любимый актёр и певец Владимир Высоцкий, тот, что сыграл роль Глеба Жеглова в фильме «Место встречи изменить нельзя»...

– Да его реплики, дядь Миш, народ уже на цитаты разнёс, – сказал Сашка и далее голосом Жеглова произнёс: «Я сказал, Горбатый!» или «Ну и рожа у тебя, Шарапов!»...

– Но как же так, он ведь совсем молодой ещё? – произнесла удивлённо Елена. – Да и ни по радио, ни по телевизору ничего об этом не говорили. Может, просто пулю пустили?..

Михаил Савельевич грустно улыбнулся.

– Олимпиада шла, Леночка, вот смерть его и скрыли, боялись толп народных на его похоронах. В руководстве ведь не дураки сидят, просчитали, чем для столицы может обернуться эта всенародная любовь к нему... Да только людей не проведёшь. Плевал он, люд российский, на запреты разные. Проститься с Высоцким на Таганку к театру пришли тысячи... Мне об этом друг мой, Лёшка Фомин рассказал, подвонник, помнишь его, дочь? Он на песнях Высоцкого помешанный. Сам на похороны не смог поехать, так приятели ему из Москвы позвонили и всё в точности, как было, рассказали. Вот я и думаю, а давайте-ка мы, ребятки, послушаем песни Владимира Семёновича, чем и помянем этого истинно талантливого человека. Олимпиада, Олимпиадой, но мы ведь и своих героев не должны забывать. Ну как, молодёжь, поддерживаете меня? Сашка, включай магнитофон.

Сашка включил, и послышался бой гитары, а затем и хриловатый голос Владимира Высоцкого: «Если друг оказался вдруг / И не друг, и не враг – а так...»

Проводы в армию

Лёгкой яркой бабочкой пропархало знойное лето 1980 года, молодёжь и не заметила, как наливными яблоками к Светлomu подкатил осенний призыв. По всему городку шум, музыка, громкие разговоры – проводы ребят в армию.

Дом Культуры увешан транспарантами: «Солдат! Будь верным защитником социалистического Отечества!», «Закон бойца – стоять до конца!», «В жизни всегда

есть место подвигу!» Над сценой натянут кумачовый транспарант, на котором белыми прописными буквами выведены слова: «Служите достойно Отчизне родной!»

На сцену в длинном бархатном платье вышла режиссёр Дома Культуры Катерина Игнатова, красивая стройная женщина, ведущая торжественного вечера. Многозначительным взглядом, окинув зал, начала громко и выразительно читать: «Силы армии нашей несметны / Знамя партии к славе ведёт. / Наша армия в битвах бессмертна, / Как бессмертен советский народ!» Все бурно зааплодировали. Затем белое полотно экрана осветилось кадрами кинохроник, рассказывающими о современной службе ребят в армии. Все восторженно следили за учениями, проводимыми на Балтике, Северном флоте, Черноморском побережье: военные прыгали с парашютом, несли службу на море и суше...

Из-за стола президиума, за которым сидели почётные жители Светлого, встал председатель Горсовета Иван Иванович Дубровский и обратился в зал к призывникам, которые занимали весь первый ряд: «Дорогие сыны, взгляните внимательно в эти кадры – это армия нашей страны! Пройдёт совсем немного времени, и вы увидите всё это уже не с экрана, а вольётесь в её ряды наяву. Вы овладеете этой техникой, научитесь чтить устав советского воина, будете с честью служить своей Родине!» И патетически закончил: «Солдатами не рождаются, ими становятся!» Духовой оркестр, приглашённый из Энска, заиграл «Прощание славянки».

Этот неувядающий музыкальный марш, под который женщины России с 1912 года провожали своих мужчин в армию и на фронт, был создан полковым штаб-трубачом Василием Агапкиным в Тамбове, когда тихий городок всколыхнула весть: загремела 1-я Балканская война. Начался освободительный поход против турок, несколько веков жестоко угнетавших балканские народы. Тогда, в 1912 году, россияне близко к сердцу приняли весть о том, что их братья-славяне вновь поднялись против турецкой тирании.

На сцене появился вокалист духового оркестра и запел:

Этот марш не смолкал на перронах,
Когда враг заслонял горизонт.
С ним отцов наших в дымных вагонах
Поезда увозили на фронт...

На проводах своих друзей в армию Светлана Завьялова, приехавшая из Новгорода, куда ещё летом поступила учиться в культпросветучилище на библиотечное отделение, сидела чуть печальная, прямо за Глебом, во втором ряду. Когда песня закончилась, девушка наклонилась к нему и с грустью в голосе прошептала:

– Ну вот, Глебушка, ты и солдат, сейчас объявят, кого из вас куда направят служить, – и в путь...

В ответ Глеб негромко пробасил:

– Понятное дело...

Глеб был горд: он уже знал, куда пойдёт служить, только об этом никому не говорил. На призывной комиссии сказал как отрезал – только туда и никуда больше. Призывников поздравляли все по очереди, от ветеранов войны до матерей, напутствуя добрыми словами. Затем попросили подняться на сцену. Военком стал объявлять фамилии парней, называть род войск и место назначения, а председатель горсовета вручать будущим воинам подарки. Дошла очередь и до Александра и Глеба. У Светланы зашло сердце, когда услышала:

– Александр Соболев – Дальний Восток, пограничные войска... Глеб Казаков – морская пехота, Северный флот...

Северный флот... Это не два года разлуки, а целых три... Но впрок терзаться – глупее не придумаешь, и Светлана мысленно решила для себя: лучше принимать известия, плохие ли, хорошие ли, по мере их поступления, не заикливаясь, а находя позитив...

Кто-то из зала выкрикнул:

– Глеб, смотри, чтоб стропы парашюта не оборвались при твоих-то размерах...

– А у него руки за стропы сойдут, правда, Гориллыч? – весело выкрикнул кто-то из парней.

Все добродушно засмеялись. Светлана тоже заулыбалась. И было чему. Глеб на самом деле был большим, крепкого сложения парнем. Рост – метр восемьдесят пять, руки волосющие, длинные, почти до колен, и сильные, что кувалды, грудь тоже вся спелой пшеницей курчавилась, а вот на лице не проступало даже юношеского пушика. Приятели по-дружески прозвали его Гориллычем, на что тот по доброте души и снисходительности совсем не обижался. Правда, Гориллыч получался слишком светлым – одним словом, мутантом. И при всём этом нагромождении тела и волос самыми выразительными у Глеба были, конечно же, глаза, в которых разливалась морская синь и глубина... Наверно, потому его в морскую пехоту и взяли – глянули на призывной комиссии парню в глаза, на них морем так и плеснуло. А ещё у парня были чувственные губы, резко обрисованные, точно подведённые, такие бы губы не парню, девке впору носить.

В зале умники принялись возражать на выкрик, что, мол, Глеба забирают не на корабле служить, и в торжественность момента был внесён некий диссонанс. Военком поднял руку и чётко произнёс:

– Разъясняя ситуацию, товарищи, в армии его обучат всему: и с самолёта прыгать, и на корабле службу нести, и на суше, боевыми искусствами овладевать...

После чего все громко зааплодировали.

Здесь же, в фойе Горсовет, столы накрыл. Гуляйте, пацаны, как говорится, последний денёк на воле. А утром под марш «Прощание славянки» погрузитесь в автобус и вперёд на места назначения.

За столом Глеб сидел с Александром и Светланой. Все в городке знали про их дружбу с пятого класса, удивлялись постоянству и преданности. Говорили, мол, вот современная-то молодёжь пошла быстрая: сходятся, расходятся, а эти как попали в один класс, так не разлей вода. Рядом с огромным с виду, где-то грубовато-суровым Глебом сидела Светлана. Казавшаяся против него хрупкой и маленькой, она чуть-чуть не доходила парню до плеча. В гибкой и ладной её фигурке, в свободности движений было что-то детское, нежное, непосредственное, хотя это не умаляло независимости духа и неукротимости её характера. Светлана к выпускному вечеру отрезала свою косу, которую считала не настолько красивой и толстой, чтобы продолжать её носить и в жизни взрослой, и ходила теперь с коротко подстриженными, чуть вьющимися волосами и с льняной пушистой челкой, разлетающейся в стороны даже от лёгкого дуновения. Открытый лоб, чуть выступающие скулы с прелестными ямочками на щеках, маленький рот и выразительные, большие серо-зелёные глаза, в глубине которых постоянно что-то менялось, в зависимости от настроения, как и сам их цвет. То они больше отливали сочной зеленью, то поблескивали синесерыми оттенками. И это было неудивительно, потому как их хозяйка на всё происходившее откликалась живым интересом.

Кто-то, видя их втроём, обязательно добавлял: «Эх, ей бы в кавалеры Сашку определить...». Соболев парнем был мускулистым, с крепкой, хорошо сложенной фигурой, с красивым лицом и пробивавшимися уже над верхней губой усиками, копной темно-русых густых волос... Подвёл парня только рост – даже до метра семидесяти двух сантиметров не дотянул. Вот он-то Светлане был бы под стать. Однако, как ни странно, только с девушками Сашке и не везло. Влюблялся во многих, да всё как-то поверхностно. Повстречается недолго – и начинает от скуки умирать. Да, впрочем, и интереса завоевать их не было: каждая, кому он начинал оказывать знаки внимания, тут же соглашалась на дружбу с ним... Может, потому погуляет он пару-тройку дней и вновь к Глебу и Свете присоединяется. А когда понял, что в Елену влюблён, тут-то и получил отказ. Она ему честно призналась, что уже год как из армии парня ждёт, в Энске с ним познакомилась, когда ездила туда на зимние каникулы, замуж за него собирается. Сашка от такого известия, конечно, сильно расстроился, он ведь самоуверенно думал, что Ленка влюблена в него, обрадуется признанию. Чтобы не расстраивать его больше того, Елена и на проводы в Дом Культуры не пошла. Что ж, насильно мил не будешь... Перемогая своё ущемлённое самолюбие и сердца смуту, Соболев вновь оказался неразлучным с Глебом и Светланой... А впрочем, его никогда не смущала разница в росте с Глебом почти в двадцать сантиметров...

И вот теперь, сидя за «отвальным» столом, они впервые чётко осознали, что в их жизни наступает новая веха, которая разделит их на целых три года.

Играл духовой оркестр, Сашка танцевал со Светланой вальсы, а Глеб, наблюдая со стороны, счастливо улыбался, радуясь за друзей. Как Света ни пыталась обучать его танцам, ничего не получилось, слишком уж неуклюж он был. Иногда вместо того, чтоб шаги учить, поднимет Светлану, как пушинку, на свои сильные руки и закружит... На том её попытки обучения и заканчивались. А вот Александр танцевал хорошо, в седьмом классе со Светой даже в танцевальный кружок ходил, вот и на проводах они не стали сидеть.

А затем почти всю ночь напролёт гуляли по городку. Отделился Сашка от друзей только перед рассветом, решив дать им одним побыть. Глеб, провожая Светлану домой, хотел было её поцеловать, но сдержался – вдруг обидится, Светлана девушкой гордой была, своенравной, никогда лишнего не позволяла, а перед уходом в армию ему совсем не хотелось её обижать. Сидели на скамейке, под наливными яблочками, вдыхая их неповторимый, сочный аромат, и вздыхали от скорой разлуки. Сорвав одно яблоко, Глеб, надломил его пополам и протянул Светлане.

– Одна половинка тебе, другая – мне, и так чтоб всегда...

И сразу в предутренней ночи послышался хруст спелого наливного яблока.

– Вкусные у вас, Свет, яблоки, сладкие, сочные...

– Ага, – эхом откликнулась она.

– А я знал, что ты в училище на библиотечное поступишь, тебя всегда от книг было не оторвать, – сказал Глеб, любясь Светланой.

– Ага, – опять эхом откликнулась она. – Я в библиотеку с раннего детства влюблённой хожу. Там книги слова хранят, а те из букв собираются. А буквы, они ведь не простые, они уже сами по себе говорящие... Ты только представь, Глебушка, какие мириады букв книги могли хранить даже в такой маленькой библиотеке, какая была у нас, пока новую не построили! И ощущение этого несметного богатства входило в меня уже тогда, на детском подсознании. С каждым новым появлением в ней мне казалось, что я и сама внутренне становлюсь невероятно богатой... А помнишь, как

мы в пятом классе, соревнуясь друг перед другом, макулатуру собирали и как потом лучшим собирателям книги вручали? Мне достался двухтомник Дюма «Граф Монте Кристо». Раз а три её перечитывала за время учёбы...

– Да всё я, Светик, помню. До меня уже давно дошёл весь твой фанатизм к книгам. Помню и то, как в девятом классе ты всучила мне роман Брэдли «451 градус по Фаренгейту», заявив, что, если не прочту, перестанешь меня уважать... Теперь температура воспламенения бумаги и в моей памяти запечатлена на всю жизнь.

– Просто тогда меня, Глеб, эта книга до глубины души потрясла... Даже представить не могу, что на Земле может существовать где-нибудь место, в котором хранение книг являлось бы преступлением, а люди, способные критически мыслить, оказывались вне закона. Ведь только книги и заставляют людей задумываться о жизни, а их сжигать...

– Так ведь роман-то фантастический, чего подобные беспокойства в голову брать?

– Думаю, ты не прав. Брэдли не из воздуха идею выхватил, вспомни фашизм и сжигание книг по всем городам... И только не смейся, Глеб, но я так счастлива, что в Советском Союзе живу, где подобное немыслимо никогда...

– Патриотка ты моя драгоценная, никогда не говори «никогда»...

Светлана, смутившись от слова «драгоценная», притихла. А он ласково перебирал её маленькие пальчики в своей огромной ладони, не зная, что говорить дальше. Молчала и она.

Лишь перед самым прощанием прошептала:

– Закрой глаза, Глебушка.

Тот, не сопротивляясь, послушно закрыл. Тут-то она и прижалась к его жарким губам своими, прохладными, дрожаще-влажными, в первом в своей жизни поцелуе. И Глеб, боясь спугнуть долгожданность этого момента даже простым шевелением, подался было навстречу ей, но и застыл, ничем не показывая, какая буря эмоций всколыхнулась в нем. Поцелуй Светланы, обрушившийся на него с таким невинным, детским трепетом, был лёгким и нежным, точно этой поздней осенью прикоснулось к его губам липовым цветом запечатление весны... Ему так хотелось, чтобы это ощущение никогда не кончалось, но не успел он опомниться, как Светлана, смутившись от своего смелого порыва, вскочила и побежала в дом, крикнув на прощанье:

– Я на вокзал приду, жди...

Глеб не помчался за ней, он продолжал сидеть с закрытыми глазами, с блуждающей на лице улыбкой и никуда не хотел уходить...

А уже на проводах у автобуса при всём честном народе, чуть покраснев, сам сгрёб свою Светлану в охапку, поднял до уровня лица и крепко, не стесняясь никого, приник к её губам долгим, глубоким поцелуем, да и она не сопротивлялась, обвила его голову руками в ответ и застыла на миг.

Мать Глеба Галина Игнатьевна поднесла к глазам платок и прослезилась, радуясь таким чистым, добрым отношениям своего сына и дочери Михаила Завьялова.

– Ну вот, Глебушка, ты на Север теперь, я вновь на учёбу в Новгород – и целых три года не сможем увидеться... Как у тебя там в армии определится, сразу пиши, буду с нетерпением ждать. А я обещаю письма тебе писать большие-пребольшие, всё подробно рассказывая. Только и ты старайся сразу отвечать. Договорились, пехотинец ты мой дорогой? – Произнесла Светлана, делая особый акцент на словосочетании «мой дорогой»...

У Глеба заняло в груди: на такой срок они ни разу со Светланой не расставались ещё. И в тон ей он произнёс:

– Слово воина даю, моя будущая библиотечка...

Последние напутствия... Пожатия рук... Поцелуй матери и её тихое, в самое ухо: «Бог в помощь тебе, сынок...»

И грянула песня: «В путь, а для тебя, родная, есть почта полевая, вперёд труба зовёт, солдаты, в поход...»

Новгородские приключения Светланы

Огромный грязно-синий грузовик, грохоча железом на всю округу, нёсся по центральной дороге Новгорода, не сбавляя хода. Лавируя между машинами, Светлана с однокурсницей Галиной Кузнецовой спешили пересечь проезжую часть улицы. Грузовик, точно грохочущая лавина, надвигался с бешеной скоростью. Девушкам бы перебежать, да под ногами старуха путается.

«Сонная она, что ли? – пронеслось у Светланы в голове. – Угодит под колёса, будет знать, как по проезжей части променаж устраивать!»

– Галка-Кузя, хватай её под руки, – крикнула Света и первая схватила старуху под мышку, то же сделала Галина, так втроём они и влетели на тротуар. И вовремя. Несколько секунд спустя, пересекая их следы, по мокрой, расхлябанной осенней распутицей дороге, тяжело прогромыхал грузовик. Люди, наблюдавшие эту сцену с тротуара, наперебой загалдели:

– Пьяный, наверно...

– Так только сумасшедшие носятся...

– Давно пора в этом месте светофор установить, людям дорогу нормально стало не перейти.

– И куда милиция смотрит...

Девушки отпустили ничего не понимающую старуху. Галина наставительно заметила:

– Бабуля, осторожней надо быть, так и под машину угодить недолго.

– Задумалась... – озираясь по сторонам, оправдывалась та.

От только что перенесённого волнения Светлана, как и Галина, не смогла сдерживать эмоций и добавила:

– Сошли с тротуара – дорогу надо переходить, а не думать и другим переход не загромождать.

– Не сердитесь, девочки, а что с дороги вывели, спасибо. Хотите, я вам за это на судьбу погадаю?

И тут до девушек дошло, что они нос к носу с цыганкой стоят, и чтобы побыстрей от неё отвяжаться, Светлана выпалила:

– На ваши гадания, бабуля, у нас времени нет, в общепитии места не досталось, так вот теперь и приходится сразу после занятий высунув язык в поисках жилья по Новгороду бегать. А с вашим гаданием мы его до морковкиного заговенья не найдём. Так что не обессудьте.

И уже удаляясь, они за спиной услышали слова, которые заставили их повернуться к старухе. А та вся подалась вперёд и произнесла:

– Я вам комнату сдам. За пятнадцать рублей в месяц устроит?

Они оторопели. Даже не от счастья, не от свалившейся удачи, что вот она, комната, и не надо больше бегать по городу, читать объявления, стоять по полчаса в телефонных будках, выясняя адреса предлагаемого жилья, а оттого, что у ЦЫ-ГАН-КИ! Однако предложение заинтриговало, да и плата предлагалась божеская. Никто меньше, чем на двадцать, не соглашался. А на пятёрку можно неделю жить. И не сговариваясь, они с Галиной спросили:

– Где?

– Да рядом совсем, на Зелёной улице. Хата у меня большая. Ваша комната с отдельным входом из сеней, с печкой. Но если чего думаете, скажите. Может, боитесь меня?

– Чего бояться, вы хоть и цыганка, но ведь не зверь, – начала Галина. – Только, может, у вас, бабуля, семья большая?

– Одна живу. Быват, племянш наведается или кто из цыган на день в гости придет... Но вам мои гости вреда не причинят, покой не нарушат, да и мне веселей.

Цыгане

У Светланы цыгане с детства вызывали одновременно огромное любопытство и страх. Завораживала их бродячая жизнь, умение судьбу предсказать, актёрские способности. Пугал однажды в детстве подслушанный разговор соседки с отцом. Та рассказывала, что приехавшая к ней в гости родственница делилась, будто с их хутора цыганами был украден ребёнок, намекая, чтобы он поосторожней был, ведь в Светлом тоже немало жило цыган. Это известие долгие годы страшило Светлану, но когда в старших классах она прочитала роман Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», тайно стала мечтать быть ими похищенной. Необыкновенная жизнь в кочующем таборе не давала покоя... Но время шло, а Светлану никто не крал. Возвращаясь раз из Тирасполя, куда в гости к тётке ездила, она оказалась в одном вагоне с целым табором богатых цыган. Вот тогда-то возможность уйти в кочующий табор реально представилась, но...

Светлана сидела на боковом сиденье и, не отрывая заворожённого взгляда, следила за действиями цыганок, пальцы которых богато украшали золотые перстни. В памяти невольно возникли строчки песни, которую распевала, бывало, девушка с подружками, то качаясь на качелях, то загорая на пляже:

Цыгане носят кольца,
А кольца не простые,
Цыгане носят серьги,
А серьги золотые.

Ах, мама, мама, мама,
Люблю цыгана Яна
Ах, верю, верю, дети,
Что есть любовь на свете...

Цыганки, задрав подолы верхних юбок, из потайных карманов нижних вытаскивали пачки денег. Столько денег Светлане видеть ещё никогда не приходилось,

и, словно загипнотизированная, она смотрела на них не в силах оторваться. Купюры завалили весь стол, сыпались на пол, но проворные руки их тут же вновь водружали в общую кучу. Наконец, почувствовав стыд за своё любопытство, вышла в тамбур. Через минуту в нём появился молодой цыган с черными длинными кудрями и красивыми, такими же чёрными, оливкового цвета глазами. Напротив встал.

– Добридян, чаюри. Что, денег испугалась? – спросил бесцеремонно.

– Чего их бояться? – ответила Светлана, сильно смущаясь, потому как именно из-за этого в тамбур и вышла. – Просто никогда столько не видела...

– А чего ушла? – пытал он дальше.

– Подумалось, что своим откровенным любопытством могу ваших женщин смутить.

От услышанных слов её неожиданный собеседник громко захохотал.

– Кого? Моих тёток? Смутить? Вот сказанула, да им до тебя дела нет! Ведь в твоём кармане и шуршать нечему, один четвертак лежит.

– Откуда знаешь? – испуганно спросила она и инстинктивно сунула руку в карман, чтобы убедиться, на месте ли деньги.

Цыган опять весело засмеялся.

– На твоём лице все написано. Тутэ гожа якха! Они не умеют врать.

– Что это ты сказал? – спросила она запальчиво.

– Сказал, что у тебя глаза красивые, которые совсем не умеют врать! Куда едешь?

– В Светлое, – уже более спокойно ответила она.

Завязался разговор. И не заметила Светлана, как стала рассказывать о себе. Цыган тоже откровенно признался, что они табором домой со свадьбы возвращаются, где очень выгодно «гуляли» его двоюродную сестру. Свадьбу играли целую неделю. После рассказа цыган, недолго думая, предложил ей последовать за ними. Сказал, что готов даже в жёны её взять.

– Ишь, шустрый какой, а может, ты мне не понравился совсем, – смело пикировала Светлана.

– А ты что, привередливая? Не понравился я, понравится другой, – легко согласился тот. – У нас в таборе много холостых мужчин. Не отказывайся, знаешь, как цыгане любить умеют!? Гаданию, танцам обучим, будешь жить не хуже других.

В голове мелькнула провокационная мысль: вот он, замаячил шанс кочевой цыганской жизни... Но тут перед глазами всплыло лицо отца – строгое, осуждающее, Глеба Казакова – растерянно-расстроенное, Алексашки Соболева – непонимающе-удивлённое, и Лены – взволнованно-испуганное...

Когда они вновь вошли в вагон, там началось активное шевеление цыган. Светлана спросила своего нового знакомого:

– Что это ваши так засуетились?

– Скоро станция. Выходить будем. Ну что, не надумала с нами-то? – спросил в свою очередь он.

В купе стоял базарный гвалт. Одежда, тюки, сумки передавались из рук в руки. Цыгане двигались к выходу. Света посмотрела на них и сказала своему собеседнику:

– Нет, наверно, нет.... У меня своя дорога. Отец ждёт.

– И парень? Я прав? – спросил он, подмигивая ей хитро.

– Да, и парень... А тебе спасибо за общение.

– Зря, – с сожалением произнёс цыган.

– Вообще-то я люблю цыган, – доверительно призналась ему Светлана, – но... Раз в детстве не суждено было быть украденной твоими сородичами, значит, время ушло.

На станции она смотрела из окна поезда, наблюдая, как «дети солнца» заполняли перрон: яркие одежды, звонкие голоса – и всё это в постоянном движении... Ей было грустно сознавать, что вот, появилась возможность, а она... отказалась. Не из страха. Наверно, просто переросла ожидания или мечту. Теперь ей трудно было определить, на что были похожи её грёзы о цыганской жизни.

Жизнь у бабы Кати

А судьба вновь взяла и предоставила Светлане возможность пожить с настоящей цыганкой, пусть не кочевать, не с табором, но зато в доме её... Светлана думала: «Наверно, правду пишут, что мысли способны материализоваться! И то, чего сильно желаешь, обязательно рано или поздно сбывается, надо только в это очень верить».

С людьми Света сходилась легко, и в бабе Кате вскоре уже души не чаяла, а может, потому, что рано лишилась бабушки, а матери и вообще не знала...

Сокурсница Галина хоть и поселилась с ней, но чаще в общежитии пропадала, потому как училась уже второй год. Сначала на оркестровом отделении, затем перешла на библиотечное, вот к своим друзьям-оркестрантам и бегала. Зато Светлане было очень интересно у бабы Кати в хате посидеть. Сделает домашнее задание в своей комнатухе – и быстрее в горницу к ней.

Горница большая. В левом переднем углу старинные иконы, какие только в фильмах, где церкви показывали, и можно увидеть: всех размеров, от больших до маленьких, да в окладах богатых. У стены кровать с двумя или тремя перинами, разноцветные одеяла, подушки горой. Дальше лавка-диван «всем места хватит», накрытая ковром каких-то темно-серых цветов с небольшими вкраплениями малинового и зелёного, длинный, деревянный, по лавке-дивану стол, на котором величаво возвышался большущий пузатый самовар, греющий воду углями. Белогрудая печь. На правой стороне рогатая вешалка, под которой нашли место себе деревянное, прямо как в мультике о золотой рыбке по Пушкину, только не разбитое, а вполне целое, крепкое корыто. В нём стиральная доска да два ведра. Дальше – добротный, старинной работы сундук с одеждой, также покрытый маленьким, темных цветов ковром, два-три стула. Вся мебель располагалась по стенам горницы, оставляя свободным центр. Позже Света поняла для чего. Когда к бабуле приезжали многочисленные родственники, свободное пространство служило местом для танцев и отдыха, а ночью цыгане раскатывали одеяла на полу и всем табором валились спать.

Напротив бабы Катиного дома тоже жила большая цыганская семья. Одних детей более десятка. На дворе осень, а они босиком шныряют. Вот Светлана и спросила бабулю:

– А почему соседские цыганята босиком бегают? Так и заболеть недолго. Куда родители смотрят?

– Так и они у дома босиком ходят, разве не заметила? Пока ноги тепло земли чувствуют, можно. Земля силу даёт. Если кому жить не судьба, тут кутайся не

кутайся – не поможет. А вы с Галой тех цыганят не пускайте в хату, не приваживайте. Вороватые они.

И узнала Светлана, что детство у цыган считается самой счастливой порой. Это то время, когда цыганятам позволено всё. Воровать запрещалось только у своих. Зато что-то стянуть у чужого вводилось чуть ли не в добродетель. Сызмальства дети цыган приучаются к самостоятельности, умению заработать на кусок хлеба. И не важно, будет ли это отцово ремесло, попрошайничество или воровство. Светлану в их жизни интересовало всё.

– Бабушка, а почему ваши женщины юбки да шали цветастые носят, а ты в чёрной ходишь, и шаль у тебя синяя, в мелкий цветочек?

– Молодые пестротой внимание к себе привлекают, а мне оно ни к чему, – спокойно отвечала баба Катя.

– А почему головы платками обвязываете?

– Да разве ж сейчас их так под платки прячут, как раньше? В древние времена женщины волосы свои тщательно прятали, потому как через них любую порчу можно было навести. Оголяла голову женщина только для мужа своего, чтобы он только мог любоваться волосами её. Помню, когда я ещё юной девчонкой была, видела, как однажды парень увидел цыганку с распущенными волосами, когда та в реку входила, чтобы тело своё омыть, и так страстью прикипел к ней, что умом тронулся. Она невестой-то другого была... Вот какая сила в волосах распущенных кроется.

– Потому ты так туго свои в косы плетешь, – весело смеялась Светлана, – чтоб ненароком не соблазнить кого?

Бабушка Катя понимала, что Светлана шутит, и потому в тон ей отвечала:

– Моё время соблазнов давно ушло, а туго плету, чтоб применять их вместо плётки для таких вот любопытных, как ты...

Вопросы Светланы она никогда не оставляла без ответа. А однажды даже призналась, что с первого взгляда там, на дороге, её старое сердце потянулось к девушке. И когда та пожила у старухи несколько дней и сразу по-родственному нежно бабулей стала звать, пищей, приготовленной ею, не брезговать, и вообще прикипела душой. Наверно ей, старой опытной цыганке, не нужны были слова, чтобы распознать человека, стоило только внимательно посмотреть в глаза ему – и сразу становилось понятно, кто перед тобой. Баба Катя, как все её звали в округе, ещё и потому внимательно приглядывалась к девушке, что, как позже выяснилось, вынашивала очень важную мысль. Потому-то и удовлетворяла её любопытство в отношении жизни цыган, их обычаев и культуры подробными рассказами.

А Светлана, всё не унимаясь, спрашивала:

– Бабуля, а когда ваши цыганки по вокзалам гадают, они правду говорят?

– Кто сейчас правду говорит? Цыганкам жить надоть, детей кормить. Они человечью природу знают, вот и завораживают. А люди кажно ихнее слово за правду принимают. А слово, запомни, огромную силу имеет. Другой раз и просто так скажешь, а человек в слово поверит да сам себя к тому, что услышал, и приведёт. Слово человеку большой дар, но слово человеку и большой вред. Все зависит от того, кто как распорядится им. Человека чаще глаза выдают, потому как в них душа прячется. Ежели боишься к себе в душу непрошенного гостя впустить, спрячь глаза.

Большинство же людей, как увидят цыган, глаза наизнанку распахивают. Не ведают, что зрачки их уже с головой выдали. А у нас считается – зрачками управляет душа. Как ни силсья спрятать боль, радость, печаль, зрачки, всё одно, выдадут. Эта наука целая! Её в школах не проходят, её цыганки сызмальства постигают. Замер ли человек, покраснел, глаза забежали, руками начал сучить, слюни сглатывать, задышал тяжело, кровь бросилась в лицо – на всё причины имеются. Ты вот книжки читаешь, а цыганки вместо их – глаза... А уж если деньги увидят, любого заговорят. Люди, они, Света, ведь тожеть разные попадают: одние духом слабые, другие сильные. Вот слабых цыганки и высматривают. Если цыганка добрая да умная, такому человеку польза от ней – веру и силу человеку вернёт.

– Бабуля, а у меня как-то в Светлом случай был. Привязалась ко мне цыганка заезжая с целым выводком ребятишек: «Дай погадаю, всю правду скажу», и шагу ступить не даёт. Я отнекивалась, отнекивалась, а потом разозлилась и говорю; «Знаешь что, давай лучше я тебе погадаю, денег не возьму и тоже всю правду скажу». Она оторопела, говорит: «Мне твоей правды лучше не знать».

«Как же так? – спрашиваю. – Сама-то предлагала погадать».

«Мне свою ораву кормить надо». Я достала рубль, протягиваю ей. Она попятилась, удивлённо спрашивая: «За что? Ведь я не погадала тебе». А я ей: «Бери, ты его сейчас честно заработала, меня страха лишила». Ведь я, бабуля, до встречи с ней в глубине души страшно боялась цыган, обходила за три версты.

– Дивного в том, что произошло с тобой, нет. Твой дух сильнее страха оказался, вот и защитил, – сказала баба Катя.

– А если честно, когда ты гадаешь, тоже людей дуришь? – спросила Света.

– А разве ты видела, чтоб я гадала кому? Себе цену надоть тоже знать. Люди, таких как я, ведьмами зовут.

Девушке смешно.

– Какая ты ведьма? У тебя икон полон дом, а их ведьмы как огня боятся, так во всех книгах написано.

Бабуля внимательно посмотрела на неё и произнесла:

– Значит, по-твоему, я в ведьмы не гожусь?

– Конечно, нет, – поддакнула Света. – Ведьмы страшные, злые, от них вред один... Ты добрая, заботливая, какая же ты ведьма?

– А помнишь, неделю назад у меня женщина жила? – вновь испытывающе спросила цыганка.

– Та, что с ногами, как столбы?

– Та самая.

– Конечно, помню. Ты ещё сказала, что она родственница твоя дальняя.

– Какая родственница? Когда в ней и крови-то цыганской нет, – возмутилась бабуля.

– Сама сказала, – насупилась девушка.

– Что ж, коль у нас такой разговор пошёл, признаюсь. Ейные ноги были на колдовстве замешаны. Ты, знаю, в колдовство веришь, хоть в вере твоей оно от тебя отдельно живёт. Как бы существует, но тебя не касается. В нашем мире есть колдуньи белые, есть чёрные. Я считаюсь колдуньей белой, но в Боровичах живёт Донка,

колдунья чёрная. Много порчи на людей напускает, многие от ней ко мне идут. Ноги той женщины тоже дело ейных рук.

– А что женщина той ведьме сделала? – спросила Света удивлённо.

– Ничего. У неё семья была, муж, а тут бабёнка подвернулась, которой ейный мужик понравился. Колдовством его к себе и прилепила. Обиженная женщина сдуру-то к разлучнице пришла да милицией пригрозила. Бабёнка, чтоб отвязаться от ней, к чёрной ведьме и обратилась. Вместе ейные ноги и попортили, чтоб не ходила, куда не след. Вот и стали у той ноги, как колоды, пока ко мне не пришла. Неделю я порчу снимала.

– Она что, в Новгород к тебе с Боровичей пешком шла?

– Чтоб колдовство против колдовства помогло, надоть от одной ведьмы к другой пешком идти. Жить захочешь – пойдёшь!

«Ведьмы – кто они? Какие-то люди особенные? Знающие что-то такое, чего не знают другие? Видят картины прошлого, будущее ведают? – размышляла Светлана. – Оттого-то люди и боятся их. Когда чего-то не понимаешь – это, естественно, вызывает в тебе страх. Вот и приписывается их действиям всякое зло».

В начале восьмидесятых, в годы студенчества Светланы, вслух о ведовстве никто ещё не говорил. Эта тема закрытой была. И не думала Светлана, что соприкоснётся с ней через бабу Катю новгородскую...

– Жди письма от мила дружка, – как-то утром сказала она Свете, собирающейся в училище. А на следующий день почтальон Светлане вручила конверт от отца, который таил в себе ещё и заветное письмо от Глеба с далёкого Севера:

«Здравствуй, Свет в окошке! Светлана краса-обрезная коса!»

Большой привет из Североморска! У меня всё отлично. Через полчаса заступаю в наряд на камбуз – накрывальщиком, а пока в свободную минуту решил написать тебе пару строк.

Кто бы знал, что мне, Глебу Казакову, придётся учиться письма писать! У меня же больше трояка по сочинению не было!

Сообщаю: нас, призывников морской пехоты уже доставили на край света для дальнейшего прохождения службы. Написал «край» и подумал, что нет, это слово для данной местности не подходит совсем. К слову «край» хочется добавить – цветущий, а здесь, по-моему, цветами и не пахнет. Одним словом, земля студёная, суровая. Из дома уезжал в разгар яблочного сезона, сюда приехал в настоящую зиму и темень. День расцветает на два-три часа и вновь всё погружается в черноту, по грудь стоящую в сугробах. Солнце в это время года здесь не показывается совсем. Даже на два-три часа. Не могу придумать, в какой цвет окрасить эти просветлённые мгновения. Ничего, кроме серого, на ум не идёт. И это серое, как ртуть, небо нависает над головой так низко, что, кажется, его можно достать рукой. Прочитал – и сам себе удивился, что так написал...

В Североморске нахожусь пока в учебке, а дальше – куда распределят. Вокруг одни скалы, такие же чёрные, как здешняя полярная ночь. В учебке нас гоняют – подъем в 6.00, в 6.30 уже шагаем по плацу, потом физподготовка – бегом по сопкам. Завтрак

проглатывается на ходу. Занятия. Обед. Кормят нормально. Так что не переживай, Родина под надёжной защитой.

Познакомился уже со многими ребятами. Откуда они сюда только ни наприехали! Из Узбекистана, Молдавии, с Украины! Грузины, абхазцы, якуты, белорусы... Считай, представители всего Союза в морпехи пошли...

На следующей неделе – присяга. Звонил в Мурманск Валентине Архиповой, Сашки Соболева сестре, обещала приехать. Радостно будет землячку увидеть. Я её хорошо помню по-нашему с Сашкой детству. На присяге собираются фотографировать, фотки сделают – пришлю. Привет всем, особенно твоему бате. Адрес на конверте. Глеб».

«Здравствуй, Глебушка! Здравствуй, казак мой дорогой!

От одной мысли о тебе на душе стало теплее. Весточку твою получила, будучи на учёбе в Новгороде, отец переслал, и в приподнятом настроении хожу весь день. Дома у бабы Кати-цыганки, у которой снимаю комнату, сидеть не хотелось, потянуло на простор, в Кремль, так меня радостью распирало от твоего письма. Хорошо, выходной выдался, полдня в Кремле и провела.

Сердце сжалось от того, в какое лютное морозами место ты попал служить, да ещё в темень. Даже не верится, что где-то совсем нет солнца. Это ж сколько нужно электричества, чтобы вокруг всё освещать?! Ты уж, пожалуйста, пиши мне всё поподробнее, иначе испереживаюсь за тебя.

В следующем письме расскажу о Новгороде, а пока – о жизни своей здесь.

Когда приезжала на ваши с Алексашкой проводы в Светлое, не стала тебя растраивать, что общежитие мне сразу не дали, произошла какая-то путаница в документах, но через полгода получу, а потому сейчас я у цыганки бабы Кати комнату снимаю, и очень рада тому. Девчонки на курсе удивляются, как это я не боюсь жить в доме старухи цыганки. Моя сокурсница Галина, что со мной у неё живёт, стала всё реже и реже к бабуле приходить, остаётся в общаге у своих ребят – бывших однокурсников, она в училище второй год учится. Вот между лекциями мои однокурсницы и пристают ко мне:

– Нет, Свет, что ни говори, но в одном доме с цыганкой ночи проводить... Не понимаем тебя...

Меня же, Глебушка, эта неуважительная небрежность в разговоре о бабе Кате очень задевает. Ты даже не представляешь, какая она хорошая! В такие моменты я не выдерживаю и начинаю возмущаться: «А что, цыганка уже и не человек, тем более, что старая и добрая?»

– Да она вся чёрная, как вороново крыло, – не унимаются девчонки.

Я им отвечаю:

– Для меня баба Катя просто бабуля, которую я полюбила от всей души. А вы так говорите потому, что не знаете её совсем, а я знаю.

Да толку, разве им, Глебушка, докажешь... А вот насчёт того, что баба Катя чёрная, правда. И если быть до конца честной, то с первого взгляда она мне самой бабуягу из русской сказки напомнила, но стоило узнать поближе – и добрее старухи не сыскать. Больше семидесяти ей никто не даёт, хотя года её перевалили уже за восемьдесят. Крепкая, и все дела по дому справляет сама...

– Что ты нам рассказываешь? – начинают канючить мои однокурсницы. – Твоя бабка страшнее атомной войны. Просто заморозила тебя и весь сказ. Один загнутый книзу нос чего стоит! А седые пряди в чёрных волосах? Ты поинтересовалась, почему они у неё так неравномерно седеют? Словно кто специально выкрасил!

Волосы бабули, Глебушка, удивляют и меня, но почему они так седеют, баба Катя понятия не имеет. Когда она собирается идти ворожить (цыганка все ж), распускает их и долго расчёсывает деревянным гребнем. Они у неё ниже пояса, чёрно-атласные, с небольшими прядями седины. Ещё внимание людей привлекают её руки с длинными, тёмными, почти чёрными пальцами. Высокая, худощавая, с острым цепким взглядом, проникающим, кажется, в самые глубины человеческой души, она, конечно же, может наводить страх на моих подруг, близко не знавших её.

Ходит в чёрной длинной юбке, поверх которой навязывает фартук с присборенными складками. Носит чистенькие, выцветшие от времени кофтёнки и не понимает на каком меху душегрейку. Голову обвязывает платком, по своему цыганскому обычаю, закручивая концы вверх и завязывая сзади.

Так в познании друг друга незаметно для меня здесь и прошла празднично-нарядная осенняя пора, тихо подкрались зимние морозы. Теперь больше времени тратится на растопку печки, потому как дрова, что приходится таскать со двора, оказываются до того промороженными, что стоит огромного труда заставить их загораться. Однажды запозднившаяся баба Катя, придя с улицы, прошла сразу не к себе в горницу, а зашла ко мне, и с облегчением сказала:

– Как хорошо, что хоть у тебя печь топится, сегодня слишком злой мороз стоит, до костей продирает.

Я подтвердила слова бабули кивком головы и обычным в таких случаях «ага». Та, ни слова не говоря, подошла к печке, открыла дверку и, задрвав свои многочисленные юбки, подставила огню голую попу. Наблюдая эту картину, я застыла от удивления. Наконец, придя в себя, чуть заикаясь, произнесла:

– Ба-ба-ба-буля, ты что по такому морозу без штанов ходила?

Та, отогреваясь, только головой махнула.

– Так ведь застудиться можно! Давай я тебе свои шерстяные рейтузы отдам?

Баба Катя усмехнулась и сиплым, простуженным голосом в ответ прохрипела:

– А ты как думала раньше ходили? Это у богатеньких подштанники, а мы так управлялись. Меж ног подъюбник нижний захнёшь и идёшь как ни в чём не бывало. Стара я, Света, обычаи менять. А за то, что побеспокоилась, спасибо. Душа у тебя добрая, светлая, я это сразу увидела, ты её береги, душу-то.

Так она, Глебушка, и продолжает ходить без штанов, даже в самые злые морозы. Подденет лишний подъюбник и бежит на улицу по своим делам. Просто же в магазин сходить стало моей обязанностью, не могу же я позволить старухе без штанов по такому пустяку из дома выходить. Мне мороз не страшен, я тепло одетая.

А на днях баба Катя принесла мне поесть рыбий суп, чтоб, так сказать, подкормить «бедного студента». С удовольствием съев его и поблагодарив, я сказала:

– Вот сколько у тебя живу, бабуля, ты мне ни разу серьёзно не гадала, а ещё говоришь, что настоящая ведьма.

– А как же я тогда тебе гадала? – удивлённо спросила баба Катя.

– Ну не то чтобы понарошку, а несерьёзно. Не знаю как, только чувствую, что другим ты иначе гадаешь. Вот я в школе на Новогоднем балу тоже в костюме ворожеи Эсмеральды была, что из романа Гюго «Собор Парижской Богоматери», и хорошо гадала.

– Кому? – заинтересовалась старуха.

– А всем, кто просил. На картах, по руке, по глазам... На себя колоду раскладывала, – с немалой каплей гордости ответила я.

И услышала, как приговор, бабушкины слова, которые меня точно к земле пришибли:

– Вот три года своей судьбы и прогадала. Не думая, выкидывала чёрную масть и беспокойство душе. Раз, второй – и беду накликала.

– Какую такую беду? – поразилась я.

– Мне это карты открыли. Они многое могут сказать, если их читать уметь. Тебе мой совет – никогда сама себе не гадай, можешь прогадать и то, что было, и то, что будет. Все худое я с тебя сниму, пока жить у меня будешь, а новое не заводи.

– Как это прогадала? – не унималась я.

– Карты силу имеют. Пока кто не передал тебе силу гадания, от этого один вред. В таких делах всё должно передано быть.

– Так ведь у нас в школе многие девчонки гадали, – стала оправдываться я.

– Все баловались, а ты всерьёз. Кто тебя гаданию учил?

– Никто. Сама, – ответила я. – Даже не знаю, как так получалось. Возьму руку, смотрю на неё и говорю, что думаю. Так и по глазам. Уставлюсь кому-нибудь в глаза и говорю, что из души идёт. В школе пробовала учителей гипнотизировать, заставляя их мысленно желания мои исполнять. Получалось.

– И все, кому гадала, утверждали, что правду говоришь, верно? – допытывалась баба Катя.

– Ага. Мне смешно, я сочиняю, а они – так и есть, верят тому, что дальше будет.

– Не сочиняла ты, правду и говорила. Силу тебе Бог дал – правду людям говорить, да рановато, видно, дал, ты эту силу в игру превратила.

– И что же мне делать теперь? – не на шутку расстроилась я.

– Не увлекаться картами. Если что знать хочешь, меня спроси.

Она открыла дверку печки, там уже давно прогорели дрова, подложила ещё две обледенелые чурки.

– Бабуля, я их недавно с морозу принесла, не схватятся, – говорю ей.

– А это мы сейчас и проверим.

Дверца печки оставалась открытой. Баба Катя стала что-то нашептывать. Мёрзлые дрова задымались, зашипели и схватились огнём, который, меня окраску от ярко-фиолетового до белого, забушевал со свистом в печи. Баба Катя всё что-то нашептывала и, наконец, уладила огонь. Стал он гореть ровно, не издавая никаких звуков уже... Только сказала:

– Это я тебя в тебе самой уладила, придёт время, когда это моё усмирение сегодняшнее тебе понадобится. Просила погадать – вот я и погадала.

Я было хотела сказать, что ничего не поняла из её гадания, но она уже пошла, остановив мой чуть было уже не сорвавшийся вопрос одним взглядом своим. Вот так мы с бабой Катей и живём.

Всё, замолкаю, наверно, совсем заговорила тебя своими рассказами, просто так захотелось обо всём написать, всем поделиться! Надеюсь, и ты мне напишешь всё- всё о себе и своей службе. Ну, пока, пока, родной. Твоя Светлана».

Родом из Индии

Однажды у студентов в училище состоялась встреча с актёрами театра «Ромэн», которые рассказали студентам о жизни цыган, о театре, показали фильм. Тогда-то Света и узнала об их родине – Индии, и сразу стало ясно, откуда оказался в ней такой повышенный интерес к цыганам. Шёл он из её детской любви к индийским фильмам...

И когда пришла из училища, стала вдохновенно рассказывать обо всём увиденном и услышанном бабе Кате. Та в знак согласия кивала головой, говоря:

– Кто как в нашем народе говорил, откуда мы взялись. Кто – что птицами с неба упали, потому и земли своей не имеем. Кто – что сродни чертям, коль не имеем родины...

– Да нет же, бабуля, – пыталась разубедить её Света, – ваша родина – Индия, это теперь точно известно. Оттого вы все такие мастера петь и плясать.

– Может, так, может, так... – говорила баба Катя, улыбаясь одной из своих загадочных улыбок.

А затем сказку рассказала:

– Однажды ночью приходит к цыгану смерть и говорит:

– Пожил ты, цыган, на земле достаточно, пришло время со мной идти.

– Эй, погоди, старуха, – просит цыган, – дай напоследок гитару взять, песню любимую спеть.

– Что ж, – согласилась смерть, – бери, с песней-то и помирать веселей.

Тронул цыган струны, и полилась песня. Смерть рот раскрыла – никогда такой не слыживала. Едва он закончил, просит спеть ещё. Сверкнул глазами цыган, ударил по струнам и пустился в пляс.

– Пой, пой, цыганок! – кричит смерть. – И цыган пел вторую, третью, пятую... Не заметила смерть, как заря занялась, и решила следующей ночью прийти. И вновь всё с самого начала повторилось. Вновь цыган завораживал смерть своим пением...

– Может, и по сей день поёт, – добавила баба Катя. – Это я насчёт правды, что мы все умеем петь и плясать, как никто другой.

Цыганочка с выходом

Однажды, придя после училища, Светлана с Галиной услышали за стеной у бабы Кати громкие разговоры, музыку... Гости!? Сколько они здесь жили, гости приехали впервые, потому девушки не могли не полюбопытствовать, кто у бабули, и заглянули к ней.

В горнице стол большой накрыт, цыгане сидят. Пьют, едят, громко по-своему говорят. Увидели их – глаза округлили. Мужчины вскочили, к девушкам подошли.

– Бабка Катя, это что у тебя за кралечки?

– Дзя, – грозно сказала им старуха, сверкнув чёрными как смоль глазами.

Голос у неё изменился, стал грубым и властным. Это её «джя» словно плетью стегануло цыган, и они тут же попятились назад. Старые женщины у этого народа всегда в особом почёте, а к авторитету бабы Катиных восьмидесяти двух годов ещё и страх перед её колдовскими чарами примешивался.

– Не трогать. Мои они. Головы оторву, ежели чего, вы меня знаете.... Света, Гала, пойдите сюда, садитесь за стол, – мягко позвала она девчат.

– Да нет, бабулечка, мы просто предупредить зашли, чтоб щеколду на входную дверь не набрасывала, – стала отнекиваться Светлана.

– Будет! Гулянье не уйдёт. Родичам моим уваженье сделайте, посидите за одним столом.

Каким-то внутренним чутьём девчонки поняли – сейчас бабе Кате отказывать нельзя. Сели. Позже Светлана узнала, что, отказываясь от цыганского угощения, человек наносит хозяину большое оскорбление, якобы проявляя недоверие к чистоте его еды. Совместное кушанье у них как знак взаимного уважения, веры в чистоту другого, знак равенства, дружбы.

Им поставили одну на двоих тарелку, положили еды, налили вина. На столе дымились празднично приготовленные голубцы, стояла мясисто-рисовая солянка из капусты, варёная картошка, жареная рыба. Всё было очень вкусно, и девушки с аппетитом принялись есть, похваливая хозяйку. Баба Катя сидела довольная.

Её родичи откровенно изучали их, спрашивая на цыганском языке у бабули интересные их подробности. Особенно в этом усердствовали мужчины. Затем им, видимо, пустые разговоры надоели, и они взяли в руки гитары. После нескольких аккордов зазвучала песня.

Удивительно цыгане относятся к песне! Мелодии их эмоциональны, широки, распевны... А желание петь подобно желанию дышать. И уж если песня возникла, её обязательно подхватывали все.

После песен зазвучали и плясовые аккорды. Один цыган вышел на середину горницы.

– Девки, – обратилась к Свете и Галине баба Катя, – а ну-ко, покажите моим родичам, что и вы танцевать умеете.

Парни зацокали языками, забили громко в ладоши, мол, давайте-давайте, выходите в круг, коль бабка Катя того требует.

– Нет, бабушка, некогда нам, нас ребята ждут, – запротестовала Галка и толкнула Светлану в бок, мол, пойдём.

Баба Катя как-то по-особому ласково посмотрела на Свету. И та поняла, прочла в её взгляде просьбу. Уж очень хотелось бабуле удивить своих гостей. И сказала Галине:

– А где наша не пропадала? Давай, Галка, покажем им культпросветовский класс.

Галка в ответ прошипела:

– Ты что, Свет, совсем дура или как? Это мы с русскими хорошо танцуем, а они цыгане, чего позориться-то?

– Не хочешь – сиди, а я пойду, – отпарировала Света.

Баба Катя, услышав её слова, довольная, сказала:

– Я знала, Света, ты пойдёшь. В тебе дух цыганский сидит. Иди, девка, порадуй сердце моё старое.

Под цыганское пение и хлопанье в ладоши она и вышла. Сначала скованно шла, Галкины слова, словно путы, сдерживали... Но потом так разошлась, что танцевала и сама себе дивилась, как это у неё так хорошо получается. Глядит, и Галка выскочила, не удержалась...

Как удивительно уважительно цыгане в танце относятся к солисту! Всей толпой в круг не идут. Стоят рядом, отбивая руками ритм.

Оттанцевав, девушки уступили место другим. Цыган, что вышел после них, так лихо отбивал ритм каблуками – загляденье! Широкими движениями то и дело поправлял спадающие на лоб волосы. Нещадно бил себя ладонями по бёдрам и подосвам сапог. У женщин-цыганок красота в танце вся в руках, плечах...

Когда танцевать закончили, цыгане уважительно заахали, зацокали языками, похлопывали девушек по плечам:

– А и правда, бабка Катя, есть в них цыганский дух, – говорили хозяйке.

Светлана, вся сияющая, подошла к бабуле и в радостном порыве крепко обняла и поцеловала её, что поразило цыган больше прежнего. У них такие нежности на людях не приняты, а с бабой Катей и вовсе никто не позволял вольностей. Её родичи не только уважали, но и побаивались. На их вопросительные взгляды бабуля, улыбаясь, развела руками, мол, ей это позволено. Света шепнула, что они пошли, и направилась к двери. Галина поспешила за ней.

Оказавшись у себя в комнате, девчата плюхнулись на стулья и весело рассмеялись.

– Галь, а Галь, как мы танцевали, а?

– И правда, здорово получилось. Ну что, передохнем чуток и пойдём?

– Ага...

От танца у девчонок кружилась голова и с лица не сходила счастливая, мечтательная улыбка.

Вдруг в их небольшую комнатёнку ввалились три здоровенных цыгана.

– Ой, девки, и понравились вы нам, – сказал один. – Поехали с нами! Мужей вам найдём... Самые лучшие – вашими будут. Поехали...

Девчатам лестно слушать такие речи от взрослых мужчин, но они стали отнекиваться, мол, и рады бы, да учёба... Тогда мужики бесцеремонно схватили их и потащили к двери.

Девчонки, не думая о серьёзности, отбивались, смеясь. Но когда в комнату заглянул ещё один и крикнул: «Лошади готовы, тащите их, пока старуха ничего не заподозрила!» – поняли: дело принимает нешуточный оборот, и в сенях что было сил Светлана закричала:

– Баба Катя, помоги!...

Цыган своей огромной волосатой лапищей закрыл ей рот. Но не зря Светлана отличалась от многих хорошо поставленным глубоким грудным голосом. Не успели цыгане их на улицу выволочь, как на них обрушилась плётка и яростная ругань бабы Кати. Что тут началось!... Все вокруг ругаются... Баба Катя мужиков плёткой хлещет, а девчатам приговаривает:

– Света, Гала, подьте гулять, девки, подьте, хорошие мои...

А тех и уговаривать не надо, накинули пальтишечки и пулей на улицу выскочили, слыша вслед угрозы цыган всё равно их украсть и бабушкины ругательства:

– Дзя покар, дзя...

Поздно вечером, когда Светлана вернулась с прогулки, в доме никаких гостей уже не застала. Баба Катя мыла посуду. Она была на редкость чистоплотной и работающей цыганкой.

– Уехали? – спросила девушка.

– Прогнала, – ответила устало старуха. – Вы не бойтесь, они к вам больше не сунутся, я им сделала, теперича и не вспомнят про вас.

– Бабуля, они что, серьёзно хотели нас украсть? – не верилось Свете. – Сейчас время не то, да и что бы они с нами делали?

– Им на время плевать, – жёстко ответила та, – оженили бы да торговать заставили, людей обманывать.

– Не может быть! А если б мы не согласились?

– Плётками засекли, куда б делись тогда?

– Вот это да! – удивлялась Света.

Ох уж эта баба Катя! Гадала, наговаривала, словам цыганским учила...И Светлана привязалась к ней, всё равно что своя, родная бабушка рядом была.

– Скажи, бабушка, а как по-вашему сказать: «Мне с тобой хорошо»?

– Мангэ туса жукар.

– А я тебя люблю?

– Мэ тут камав, – сказала, усмехнувшись, баба Катя, и добавила, – кому это ты собралась по-цыгански в любви признаваться?

И Света сказала:

– Тебе, бабэ. Мэ тут камав.

Баба Катя, не ожидая этого, довольная, рассмеялась.

– Я думала, ты этими словами парня своего удивить хотела, а ты ими решила меня, старуху древнюю осчастливить.

– Мэ тут камав, бабэ, мэ тут камав! Как красиво, бабуля!.. Расскажи сказку мне о судьбе, что раньше рассказывала, запомнить хочу.

– Что ж, слушай, коль просишь. Как мне отказать после такого твоего признания?

«Жили на свете три сестры. И никак-то они замуж выйти не могли. Решили к старухе вещунье обратиться за судьбой. Позвала старуха старшую. Говорит:

– Написано тебе, милая, на роду весь век в пещере прожить, потому как судьба твоя – стать женой пещерного колдуна. Богат он! Тебе все свои владения подземные покажет. Но уж не увидишь ты более солнышка и света белого. К тому и готовсь.

– Нет, колдунья, – рассердилась старшая сестра, – не бывать этому!

– Как знаешь, только за отказ не помилует тебя пещерный колдун.

Пришла к старухе средняя, спросила, какова её судьба.

– Тебе быть, милая, женой лесного человека. Нет никого на свете сильнее его. Если полюбит – счастливой сделает. Будет тебя по лесам водить, от глаз людских хоронить, о жизни лесной рассказывать. Станут твоими друзьями звери лесные, птицы певчие, только от людей тебе подальше придётся держаться.

– Не бывать этому! – рассердилась средняя сестра.

– Зря судьбе перечишь. Только несчастья на себя накличешь.

Пошла к старухе младшая сестра.

– Бабушка, какая судьба у меня?

– Пойдёшь ты ко морю, сядешь на берег и будешь ждать. Поднимется море, и выйдет к тебе царь морской... Судьба твоя у морского царя жить. Море твоим домом станет, и все его богатства твоими будут.

Вздыхнула младшая сестра:

– Раз судьба моя такая, пусть так и будет.

Старшие сестры за послушание в русалок превратились, а младшая царицей стала морской. Такая сказка. Когда своевольничаешь, разве будет толк?»

В тот незабываемый вечер баба Катя ещё долго рассказывала Светлане о жизни цыган. Как их женщины боятся, например, чего-либо переступить, лошади дорогу перейти, а вот если покойник почудится, тому дорогу перебежать надо обязательно. От нечистой силы себя перьями защищают, крестами на воротах, иконами, молитвами, хомутом над дверью, осиновым колом в могиле...

«Светка, Светочка, Светлана, здравствуй, милая моя!»

Прости за каламбур, у нас пацаны тут частушки поют, и я тебя тоже частушкой поприветствовал.

Спешу сообщить, что из Североморска меня перевели в небольшой посёлок под названием Спутник. Даже не верится, что стоит проехать каких-то сотню километров, и ты уже на границе с Норвегией.

Как я писал, в моей роте много пацанов с юга, которые снег только в холодильнике видели. Когда эти парни встали на лыжи, без смеха и слёз на них смотреть нельзя было. Команда – подняться в гору за час сорок и спуститься за сорок минут. Умеешь, не умеешь, никого не волнует. Кое у кого из южан тонкие лыжи просто ломались, тогда командиры сменили их на широкие. Всё без толку. Ещё хуже. Рота в гору поднималась по полной выкладке. Надо строй держать, а у этих – ноги в ёлочку. Лыжи с валенок соскальзывают, парни без лыж пытаются в снег ступить – и тут же в сугроб по пояс проваливаются. Автоматы по голове им бьют... Командиры нас гонят, а пацанов-то не бросишь... Порой злость брала, кажется, чего трудного, беги и беги, а с другой стороны – неизвестно, как бы ты в первый раз побежал. Теперь мы с ними в спортзале с лыжами тренируемся, на старых матах. Выстеливаем те по всему спортзалу и вперёд. Картина уникальная – стоят парни в трусах, майках, валенках, на лыжах – и пытаются по матам идти. Курам на смех... Хорошо, без палок...

Вот так и живу, кашу ем, хлеб жую, компотом запиваю...

А вообще мне Север понравился, ночь полярная, служить здорово! Нормально, сурово. А иначе и вкуса службы не почувствуешь, и детям нечего будет рассказать потом.

Как у тебя дела? Как Новгород? Переселилась от бабули своей в общежитие? А в училище у вас физкультура есть? На лыжах бегаете? Пиши обо всём, мне всё интересно. Обнимаю. Твой Глеб».

«Глебушка, привет!»

Пишу из Новгорода. День назад приехала из Ленинграда, куда ездила встречать 70-летнюю тётушку по отцу Марию Александровну и её 90-летнюю мать Марфу

Ивановну из Тирасполя. Помнишь наверно, я к ним как-то летом в гости ездила. Направлялись они к своему внуку в Вологду через Ленинград. Вот мне отец позвонил и попросил им помочь, встретить с одного поезда и посадить на другой. В Ленинград я поехала не одна, а со своей подружкой по училищу Зинаидой Дюбановой, которая в Ленинграде живет, знает город хорошо и согласилась приютить бабушек на несколько часов для отдыха между поездами. Родители Зины сейчас в санаторий уехали, так что квартира была совершенно пустой.

Мы с Зинулей встретили бабулек и решили взять такси, чтобы доехать до её дома, но тут Марфа Ивановна запротестовала:

– Девоньки, не хочу я на такси, 90 лет прожила, а ни разу ещё на «метре» не ездила. Уважьте старуху, покажите мне это диво-дивное.

Мы с Зинулей переглянулись и решили уважить просьбу старушки. Правда, перед тем, как в метро пошли, я провела с бабушками строжайший инструктаж. Сказала, чтобы на эскалаторе держались за поручни, вели себя спокойно и никуда от нас с Зиной не отходили. Видимо, бабушки мои наставления восприняли правильно и только на станции метро «Площадь Восстания» попросили не торопиться, а всё как следует разглядеть. Радости их не было конца. Марфа Ивановна восторженно говорила нам:

– Девочки, какая же здесь красота! Не старинный ли это подземный дворец, переделанный под станцию? Сколько позолоты, мрамора, статуй! Глянь, Марийка, – обращалась мать к своей дочери, – да это ж Владимир Ильич речь говорит!

– Вижу, мама, тише, а то люди на нас уже оглядываются.

– Марфа Ивановна, – обратилась к ней Зина, – этот, как вы выразились, дворец был сдан в эксплуатацию в 1955 году, а посвящена станция событиям 1917 года. Здесь много разных моментов деятельности Ленина отражено: в Разливе у шалаша, выстрел «Авроры», штурм Зимнего Дворца... В Ленинграде эта станция любимая у многих людей, а особенно у гостей.

– Спасибо тебе, деточка, за хороший рассказ, – поблагодарила Зину Марфа Ивановна.

Всё шло благополучно, мы спустились вниз на эскалаторе, проехали в электричке и вышли на станции «Площадь Мира», которая бабушек впечатлила уже гораздо меньше. Подошли опять к эскалатору. Мария Александровна с Зиной взошли на него, а мы с Марфой Ивановной, задержавшись, оказались на ступенек двадцать позади. Марфа Ивановна стояла впереди меня, я на ступеньку ниже, чуть придерживая её рукой за спину.

Когда проехали примерно половину пути, решила Марфа Ивановна то ли переступить с ноги на ногу, то ли у неё закружилась голова, только я почувствовала, как моя подопечная, как мешок с мукой, начинает заваливаться на меня. Я тут же сообразила, что удержать её не смогу, хотя худая она, и покатымся мы с ней вниз по эскалатору, после чего я-то живой останусь, а вот Марфа Ивановна – вопрос... В какие-то доли секунды я, разворачивая бабульку, ложусь на эскалатор и заваливаю её на себя, начиная при этом кричать дурным голосом. Эскалатор остановили, и ко мне со всех концов побежали люди. Нас с Марфой Ивановной подняли, и когда эскалатор включили, мужчины, вставшие вокруг нас для страховки, не только не дали больше бабуле упасть, но и довели её до такси. Кстати, она даже испугаться не успела, в отличие от меня, которая заходилась то истерическим рёвом, то смехом. Только потом, когда Зина пояснила ей, что могло произойти, поняла всю опасность ситуации. Мария Александровна, когда мы уже ехали в такси, просила прощение за мать, что так напугала меня.

Когда на квартире у Зины Марфа Ивановна решила сполоснуться после «эскалаторного лежания» и поменять платок, потому что он у неё оказался в каких-то чёрных разводах, мы увидели, что голова женщины голая, точно коленка. Бабуля прилегла, а её дочь рассказала нам, что мать облысела ещё в 35 лет, но даже в деревне, где они жили, мало кто об этом знал, потому как там все женщины ходили в платках. В 35 у неё ни с того ни с сего сначала начались головные боли, а затем ключьями стали выпадать волосы. В глухой деревне врачей не было, обратиться было не к кому. Волосы выпали – и боли ушли.

– Дважды маме голову прилюдно и пришлось оголять: когда время пришло паспорт менять и фотографироваться без платка, и когда на самолёте летела. На паспортной фотографии её было совсем не отличить от старика мужика.

– А она что, и на самолёте летала? – спросила удивленная Зина.

– Да, она у нас бесстрашная, ничего в жизни не боится. В войну как концлагерь prošла, с тех пор и перестала чего-либо бояться. Так вот, когда мы её на самолёт-то сажали, получился инцидент. Проверяющий взял её паспорт, посмотрел и сказал: «Поддельный». Мама в платочке-то бабулька бабулькой стоит, а на паспорте – старик. Я говорю: «Это она и есть – Марфа Ивановна Стрельникова, ведь там так написано?»

Проверяющий согласен: «Да, так, но фотография не её». И тогда маме пришлось платок снять. Тут все и увидели, что это не подделка, и нас пропустили.

Зина включила телевизор. Передача шла о Китайской народной республике. Зинуля хотела уже переключить канал, но Мария Александровна остановила её, попросив:

– Зиночка, а можно не выключать? Давно ничего о китайцах не слышала, а ведь было время, когда радио не умолкало, передавая новости об их революции и Мао Цзэдуне.

Но, видимо, Зина телевизор поздно включила, так как передача о китайцах минут через десять закончилась и Мария Александровна стала нам рассказывать, как она в молодости любила радио слушать, особенно если по нему передавали разные оперы. Партии из каких-то даже наизусть знала, а однажды услышала китайскую.

– Сейчас уж не помню подробностей, но там говорилось о любви юноши Сяо, если не путаю, и девушки Чао. Сяо уходит в партизанский отряд и поёт арию, в которой только и слышалось: «Чяо, во Сяо ай ни...». Я так поняла, что этот Сяо признавался Чао в любви, уж так нежно пел, только что не мяукал. О войне так не запоёшь.

И тётушка это так промяукала сладко, что мы с Зиной расхохотались. А затем Зина рассказала нам, как в пионерском лагере они играли в КВН и им попало задание исполнить куплет знаменитого романса Алябьева «Соловей» на китайский манер. И, представляешь, исполнили! Зина даже пропела нам: «Сяу-ляу-вей мой, сяу-ляу-вей / Зяу-ляу-тистый, сяу-ляу-вей»...

Вот так мы, пока Марфа Ивановна дремала, развлекались, а после отдыха наши бабушки чай попили и мы повезли их на такси к поезду. Посадили, отправили и облегченно вздохнули. Старые люди, как малые, всё им интересно и хочется посмотреть.

Вот такой случай произошёл в Ленинграде, Глебушка.

А в остальном, «прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо». Сдала «Библиотекосведение», «Библиографию технической литературы», «Средства наглядной агитации и пропаганды» (СНАП) и получила зачет по физкультуре. На лыжах ходим. Живу пока, как прежде, у бабули. Осталось только две недельки поучиться – и домой. Уже так

соскучилась по отцу, животинкам, по Галине Игнатьевне! Ты давай подробнее пиши, чем занимаешься, не отписывайся, что «всё нормально» да «прошли учения». Неужели всё, чем вы там занимаетесь, такая военная тайна, что и немного нельзя о ней рассказать? Не верю. Пиши. Твоя Светлана».

Майские праздники в Светлом

На майские праздники 1981 года Светлана отпросилась у педагога съездить в родной городок, уж слишком соскучилась, да и отец писал, что по весне простыл – воспалился его радикулит... Вот и хотела рядом побыть, спину мазями понатирать да за хозяйством приглядеть. Забежала и к матери Глеба полюбопытствовать, были ли новые письма от него. Та с радостью сообщила, что одно получила третьего дня, и протянула Светлане заветный конверт:

– Почитай, девонька, почитай, он мне секретов не пишет, только всё о службе своей, может, чего нового для себя узнаешь, – сказала с доброй улыбкой Галина Игнатьевна.

Света, спрятав счастливые глаза за письмом, стала жадно вчитываться в неровный крупный почерк Глеба. Он писал:

«Мамуля родная, здравствуй, пишет тебе твой сын Глеб!»

Не переживай, у меня всё нормально. Не скрою, с непривычки было трудновато. Физические нагрузки у нас не слабые. Умеешь – не умеешь, командиры требуют выполнения нормативов и задач. Поначалу чувствовал огромную усталость и недосып. Даже письма ни тебе, ни Светлане писать не мог, прямо над листом засыпал. Многие пацаны у нас сначала очень страдали от мозолей на ногах, которые натирали портянками. У одного мозоль аж до кости разрослась. И молчит. Но командир всё понял, освободил на два дня. Парень – москвич, портянки первый раз здесь и увидел. Мне-то не привыкать, сама знаешь. После того случая с москвичом старшина построил всю роту и учил правильно портянки наматывать, затем проверял и только тогда на полевой выход отправлял. Первое время офицеры и старшины хоть нас и ругали, но и помогли во всём.

Представляешь, мам, мне сон приснился, будто я дома, проснулся, умылся, позавтракал и рассказываю друзьям, что в армию попал служить в морскую пехоту... И тут слышу, как дневальный кричит: «Рота, подъём!» Открываю глаза, вижу перед собой сетку кровати второго яруса, вскакиваю, и до меня доходит, что я и впрямь в армии нахожусь. Представляешь...

За одежду не волнуйся, одет тепло. Ты, наверное, про холода у нас по телику наслушалась... Не беспокойся, родная, нам, как только чуть морозы настали, выдали зимнюю полёвку, ватные подстёги, ватные штаны, зимние шапки-ушанки и валенки, только-только – бушлаты. В ватных штанах, конечно, ходить не очень-то удобно, но зато тепло. Можно прямо на снегу спать.

В этом году на Севере, как старожилы говорят, зима слишком затянулась, весь март и начало апреля снега было чуть не по колено. Кормят нормально, можно было

бы и поменьше, потому как после еды тяжело выходить на плац. Так и живу. Главное – ты себя береги, да пиши, что у нас в Светлом нового, мне всё до самых разных мелочей интересно. Обнимаю и целую. Твой сын, морской пехотинец Глеб Казаков».

Прочитав письмо, Света задумчиво произнесла:

– А вот мне, Галина Игнатьевна, Глеб об этом не пишет совсем. Больше про Север, а про бытовые условия – ни строчки, ни полслова, даже обидно как-то...

Галина Игнатьевна подошла к Светлане и прижала к себе, как родную.

– Ты девушка, зачем же он тебе о портянках и мозолях начнет писать? Такие подробности только матерям и пишут, чтоб успокоить их. Ведь для нас главное, чтобы ребёнок накормлен был, тепло одет, здоров. В том, что Глеб мой вырос человеком порядочным и настоящим другом, я не сомневаюсь, а вот как он устроился, меня волнует, потому в письмах своих я ему эти вопросы и задаю, а он подробно отвечает. Так что, если тебе нужно узнать о его быте, приходи ко мне его письма читать, лучше сама ему обо всём больше пиши, у меня-то не особо получается, на листик осилю новости написать, а дальше и не знаю, про что рассказывать. В этом у меня одна надежда на тебя. Договорились, Светочка? – весело закончила Галина Игнатьевна.

– Договорились. Я ему и так письма в тетрадках за две копейки пишу, плюс-минус лист – и письмо готово, – произнесла, смеясь, Светлана.

Галина Игнатьевна руками всплеснула.

– Ай, Божички мои, да что же можно на целую тетрадь писать, это ж где столько тем-то найти?

– Не знаю, – просто ответила девушка, – как-то сами по себе находят. Вот и сегодня за письмо сяду.

– Ну, пиши, родная, пиши, ему твои письма поддержка великая. Ведь они, солдатики, там, в армии, от девушек своих больше даже письма ждут, чем материнские, пиши, и я жить спокойно стану... Давай-ка мы с тобой, Светочка, чайком побалуемся, а?!

– А я, Галина Игнатьевна, и не против совсем, – легко произнесла Светлана...

– Я тебе ещё и хорошую сказку расскажу. Хочешь послушать?

– Конечно, хочу, – с радостью ответила Светлана.

– Ну так слушай. Мне её однажды Прасковья Ильинична Попова рассказала, что в библиотеке на гардеробе работает: «Один человек долго искал идеальное место для жизни. Пришёл как-то в далёкую страну, бродил по городу и радовался, что всё ему здесь нравится, пока не забрёл на городское кладбище и не ужаснулся. На всех надгробиях даты смерти указывали, что люди городка жили всего два-три, редко кто четыре года с точностью до прожитых часов. В страхе человек бежал с кладбища, пока не столкнулся со стариком, закричав ему: «Вы чудовища! Вы убиваете своих детей!» Старик показал ему книжечку, висевшую у него на шейной цепочке, и произнёс: «Когда ребёнок у нас достигает зрелости, мы даём ему такую книжицу, в которую заносится каждое мгновение, каждая минута, час настоящего счастья в его жизни. После смерти эти мгновения суммируются и получают настоящие дни нашей жизни».

И моя материнская забота, Светонька, чтобы вы свои мгновения счастья с Глебom переживали вместе и были бы они у вас поболее, чем у тех людей.

– Какая необычная сказка, – произнесла, задумавшись, Света, – надо поразмыслить над ней. Спасибо вам за неё, Галина Игнатьевна.

– Ну, всё, всё, как говорится, соловья баснями не кормят, пошли чай пить...

«Здравствуй, Глебушка, здравствуй, друг мой дорогой!»

Открыла тут словарь синонимов и на «здравствуй» нашла столько слов! Приведу некоторые: здоровья желаем, мать честная, здорово живёшь, наше вам с кисточкой, почёт и уважение, наше почтение, приветствую вас, привет, хелло, салют, доброго здоровья, ничего себе, вот так фунт, поди ж, интересное кино! вот так штука, ни фига себе!, ну и ну, вишь ты, надо же, батюшки святы, чудеса да и только, ну что ты скажешь, что за диво! Каково! И всё тебе.

На майские праздники вырвалась в Светлое. Весна у нас нынче выдалась замечательная: солнечная, ясная. Птицы поют-щебечут. Весело! Решила, что как приеду домой – напишу тебе, как обещала, о Новгороде, а перед отъездом ещё одно с новостями из Светлого, а тут Галя почтальонша весточку от тебя принесла. Так рада-радешенька хожу. Окно в своей комнате настёж распахнула. На улице буйно сирень цветёт, ароматом по Светлому разливается. Вдыхаю сладость её запахов и вспоминаю наши выпускные экзамены в школе. Помнишь, тогда тоже сирень цвела, и мы с тобой, Леной и Алексашкой на сирени цветы искали, чтоб обязательно с пятью лепесточками. Найдём, значит, и экзамен отлично сдадим. А когда находили, тут же съедали их. Вот и сейчас вдыхаю сирень и вспоминаю тебя.

Я от Новгорода, Глебушка, в полном восторге, куда взгляд ни кинь, везде история. Несколько раз за сессию ходила в Кремль, к собору Софийскому. Такая мощь! Вечером в свете редких фонарей София выглядит особо величественно. Я пальцами трогала молочно-голубого цвета стены и старалась почувствовать нечто... Особенно, когда прочла: «О, светло светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами дивишься ты: озёрами многими, дивишься ты реками и источниками месточтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, вельможами многими, – всего ты исполнена, земля Русская, о, правоверная вера христианская...»

Построена София новгородским князем Владимиром в 1045 году. Представляешь, какая старина! А всё потому, что на молитве строилась! Так говорил экскурсовод Кремля, когда нас туда первый раз на экскурсию привели. А Софийский собор назван потому, что на Руси всегда наиболее значительные храмы посвящали Софии. Как оказалось, это одно из имён Бога, представляешь? А я и не знала, что у Бога имя своё есть, да, говорят, не одно.

А ещё на занятиях нам легенду рассказали. Когда художники Софию эту фресками украшали, они в куполе написали образ Христа с благословляющей раскрытой рукой. А на утро новгородский епископ обнаружил, что рука его сжата в кулак. И приказал он мастерам образ сей переписать. Два раза живописцы руку переписывали, а на третий услышали в храме неведомо откуда раздавшийся глас: «Писари, о, писари! не пишите меня с благословляющей рукой, а пишите с сжатой, потому что в этой

руке держу я великий Новгород, а когда эта рука моя распространётся, тогда Новгороду будет скончание». Легенда, конечно, но, как оказалось, в жизни она нашла все же своё подтверждение. Купол Софии и сжатая в кулак рука Христа пережили все беды, пока фашистский снаряд не уничтожил софийскую главу. В годы войны и сам Новгород был разрушен до основания.

Прости, Глебушка, что я это всё тебе так подробно пишу, просто хочется поделиться тем, что узнала сама.

По истории ты, наверно, помнишь, что в Новгороде молодой красавец Александр Невский, сын князя Ярослава княжил. Он не только был высок и красив, но и умен. А иначе разве победил бы шведов в Ледовом побоище? Помнишь, как мы в детстве бегали в ДК смотреть фильм «Александр Невский» с Черкасовым в главной роли? Как здорово он в конце фильма говорил: «Кто к нам с мечом придёт, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет русская земля»!

Посылаю тебе открытки с видами Новгорода и Кремля, чтобы своими глазами увидел эту красоту, ну и свою фотографию у новгородского колокола, чтоб не забыл, как я выгляжу...

А сколько здесь церквей! Великое множество! Правда, все они используются под склады и разные нужды, но всё равно остаются историей нашего государства. Мне так понравился город, что я могла бы тебе о нём рассказывать до бесконечности, но утомить боюсь.

До того, как я не уехала учиться из родного Светлого, я никогда не испытывала ностальгических чувств. Какое ёмкое и в то же время щемящее это древнегреческое слово – ностальгия! Ностос – возвращение домой, альгос – страдание, боль. А по-нашему просто – тоска. Вот и я, находясь теперь вне дома, испытываю эту самую тоску по Светлому. Настроение – оно может меняться от погоды, поведения близких, поступков людей, но тоски нет. Тоска, стоило мне в Светлое приехать, исчезла, точно ее и не было.

Милое моё Светлое, когда на сердце тяжело, я, находясь в Новгороде, мысленно хожу по его улицам, и они меня успокаивают. Подхожу к больнице, в которой родилась, родной школе, где прошли самые яркие годы моей жизни, где мы подружились с тобой, даже к булыжникам, о которые я когда-то сильно поранила колени, налетев на них на велосипеде... В такие прогулки дом родной становится мне ближе и ещё родней... А как сердце начинает петь, когда получаю письма от отца или вот, как сегодня, от тебя! Они дороги моему сердцу до слёз...

И думается, если я, уезжая только на время учебы из Светлого, так скучаю по нему, то как же ты, наверно, должен соскучиться вдали от нас, пребывая на Севере уже столько времени. Я-то вот на майские вновь в Светлое вырвалась, а тебе с Севера запросто в городок наш уже не приехать. Ой, Глебушка, прости, прости меня, дуру, надо тебя там поддерживать, а я о тоске пишу. Глупая... Учиться и учиться мне тебе письма писать, чтобы они радовали, не вводили в тоску.

Чуть не забыла, Глебушка, тут мне сон приснился странный, будто лежу я то ли в лесу, то ли на поляне и на меня с неба начинают падать еловые и сосновые веточки, пышные такие, с шишечками. Сначала они падают, а я наблюдаю за их полётом. Затем возникла мысль: ведь это мне небо подарок делает. И тут же падающую ветку с

тремя или пятью плодами рукой ловлю. Один плод в виде ореха, с мяк арабский, чуть приоткрытым оказался, и что-то внутри виднеется. Будто плод этот как раз мне по руке приходится. К чему?

В библиотеку нашу заходила, девчата рассказали, что тут к ним режиссёрша с ДК Катерина Павловна Игнатова приходила, песни для своего очередного вечера искала. Спрашивает: «Девочки, никак не могу одну песню найти, в ней слова есть: «А ты любви моей не понял...», а они вспомнить никак не могли, что за песня такая, тогда она развела в стороны руки и, точно на сцене, во весь голос запела: «А ты любви моей не понял – И напрасно. И напрасно. Она, как радуга, над полем, Засветилась и погасла...» Запела так громко, что читатели от неожиданности повздрагивали. Кто-то из них и подсказал, что это «Радуга» песня Аллы Пугачёвой. После этого девчата ей и слова, и ноты нашли.

Вот такие дела. Заканчиваю писать, папка пришел, пойду ужин греть да посижу, поговорю с ним. Соскучилась. Пока, родной, до новых писем. Твоя Светлана.

«Глебка, дорогой, здравствуй!»

Здравствуй долго и счастливо! Здравствуй в лето и зиму, в солнце и дождь. Ну вот, как и обещала, пишу тебе ещё одно письмо с последними новостями из Светлого.

9 мая село наше торжественно отметило День Победы над фашистскими захватчиками. Перед Домом Культуры был большой митинг, на который пришли если не все жители Светлого, то большая половина точно. Начальство с области понаехало. Много было речей, цветов, наградений... Но больше всего нас поразили небезызвестные тебе Степан-Похмельч и Лёня-Лошадист, вернее, Степан Назарович Тарасов и Леонид Павлович Котлов. Если бы ты их, Глеб, видел, тогда точно язык уже не повернулся бы назвать этих достойных людей прозвищами. Никто в Светлом, оказывается, раньше не видел их в военной форме и при наградах. А тут руководители из области приехали специально им ещё по медали вручить, называют имена, просят на трибуну подняться. А все давно забыли, как их на самом деле зовут, стали друг друга спрашивать: «А это кто?». И вот они, жутко смущаясь, под пионерские салюты и дробь барабанов, скинув свои плащи, так как с утра накрапывал дождь, пошли во всём своём параде к трибуне. Грудь того и другого полностью в медалях и орденах. Такие «иконостасы» я даже в кино редко у кого видела: Ордена славы, Ордена Красной звезды, «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За взятие Будапешта», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945» и множество других. Эти я запомнила. Затем в ДК с ними встреча была и областной военком называл их настоящими героями.

Оказывается, познакомились они в последний месяц войны, попав в один госпиталь. Степан Назарович был отличным снайпером, спас жизнь одного полковника, прикрыв собой, когда увидел, что в того немецкий снайпер целится. На протяжении всей войны выполнял какие-то поручения особого рода. А жена Устинья Акимовна нам его тайну открыла, почему он пьёт. В Будапеште стрелял в немца, а попал, как оказалось, в пленного русского заключённого, их немцы специально подставляли под винтовки наших снайперов, переодевая в фашистскую форму. У Степана Назаровича был нервный

срыв, когда он узнал, что тот заключённый всю войну в лагере провёл, а по выходе из него от своего пулю получил. Вот после того случая Степан Назарович винтовку в руки уже не брал и к бутылочке начал прикладываться. А Леонид Павлович – разведчик, на разные опасные дела ходил. В последней вылазке разведгруппы, когда он вытаскивал раненого товарища, его самого в ногу подстрелили, и всё же он не бросил друга, дотащил до своих. В госпитале, когда врачи ногу Леонида Павловича увидели, поняли – не спасти им её. Начинаясь гангрена, вот и ампутировали. Когда Степан познакомился с Леонидом и узнал, что тот, как перст, один, пригласил поехать жить в Светлое.

В тот день вручали им ещё по одной медали, которые, как оказалось, их только с войны и нашли. А какой при этом гордой стояла тётка Устинья Акимовна за мужа и друга его, не передать! Её так и распирало, будто все эти медали на фронте не мужем получены, а ею самой. Недооценивали мы этих героев, Глеб, посмеивались над ними... Теперь, когда ты служишь, у меня при мысли о них слёзы раскаянья на глаза наворачиваются. Ведь и я позволяла себе называть их прозвищами, не обращалась, как должно, – по имени отчеству. Вот так-то, дорогой.

Далее хочу рассказать тебе, что мне перед отъездом домой баба Катя в Новгороде предложила. Зашла я к ней в горницу попрощаться, она работу свою оставила, села на сундук и пригласила меня рядом присесть. Внимательно посмотрела мне в глаза и медленно заговорила:

– Прежде чем уедешь к себе в Светлое, хочу предложить тебе принять от меня моё мастерство.

Я не совсем поняла просьбу её и решила уточнить:

– Какое мастерство? Колдовство что ли?

– Правильно поняла, колдовство, – мотнула головой она, не отрывая от меня своих цепких глаз.

– Нет, бабуля, не смогу, – стала отнекиваться я.

– Не торопись, подумай. Это и тебе пригодится, и людям сможешь помочь.

– Да нет же, бабуля, нет. И вообще: я мертвецов боюсь и чудищ разных.

– Потому боишься, что ребёнок и разумом дитя. У нас говорят: человек от человека живёт, человек от человека страдает. Бояться не мёртвых надо, бояться надо живых. Вот откуда зло на земле, а что мёртвое тело без души сделает? Со временем ко всему привычка появляется.

– Да нет же, нет, – махала я головой и руками. – Помню, в детстве в клубе фильм «Вий» смотрела, так от страху под кресло залезла, одним глазом только и подглядывала.

– Так ведь подглядывала, а значит, всё видела, – зацепилась за мои слова баба Катя.

– Нет, бабушка, нет, – уже настойчиво стала отпираться я. – Мне и до кладбища не дойти, захолонет всё внутри, и умру, точно тебе говорю.

– Ты вот отказываешься, а того не знаешь, что я умереть не смогу, не передав свои знания. Черти замучат. Где я ещё подобную тебе чистую душу найду? Первому встречному такое не передашь, – печально сказала она.

– Почему же мне можно? – недоумевала я.

– Ты добрая, у тебя вера в колдовство есть, и потом – полюбила я тебя. У меня своих-то детей не было, а ты всё равно что вместо дочери мне. Одно скажу: худое, зло худым людям достанется, а тебе воздаваться будет по делам твоим.

– Бабуля, да и не цыганка я, – нашла я новый аргумент.

Мне её так было жаль, Глебушка, вот я и искала разного рода зацепки для отказа.

– Об том не думай. Какого роду-племени здесь не важно, главное – в тебе есть всё для принятия знаний моих. Цыганкам я их как раз и не хочу передавать, не одна уж просила. Но те, что просили, во зло могут их обернуть. А этого делать нельзя. Надо, чтобы в природе ни в какую сторону перевеса не было. Иначе жизнь нарушится. А как жить, ежели на земле станет больше зла? Ты, я ведаю, не то что человека, зверя обидеть побоишься, веря в возмездие, а это и есть главное качество души. Потому тебя и выбрала.

После этих слов, Глебушка, она взяла меня за руку, точно обращалась к последнему средству, чем могла удержать меня подле себя. А я и не сопротивлялась, только спросила:

– Вот ты мне, бабуля, про добро говоришь, а сама всегда добро делаешь?

– Нет, не всегда, – прямо ответила баба Катя. – Бывают, для одного человека мои действия – добро, для другого – худо. Если с его колокольни смотреть, ему-то от меня зло и достаётся. Потому и дела свои на коленях у Бога перед иконами отмаливаю.

– Значит, получается, всем колдуньям ещё и свои грехи нужно отмаливать?

– Что ты, что ты?.. – даже как-то испугалась она. – Чёрные ведьмы икон и крестов пуще огня боятся, они ихние души сжечь могут. У чёрных ты в доме не токмо ни одной иконы, но и креста где нарочно нацарапанного не увидишь.

– А что, черти разве хотят, чтобы ты добро делала?

– Я же говорю, каждому своё. А уж если я в чужое влезу, обязательно накажут...

Ты, наверно, Глебушка, читая мои рассказы о бабуле, думаешь, я тебе сказки рассказываю, да и я бы сама так подумала, если б их участницей не оказалась. Поверь, всю правду пишу. Так вот, на бабушкино Кати предложение я ответила так:

– Я очень тебя люблю, бабуля, ты это знаешь, но то, что предлагаешь, принять не могу, не по мне этот груз. Да и учиться хочу, семью, детей, вот что для меня в жизни ценность имеет, – произнесла я со всей нежностью, на какую только была способна, чтобы не обидеть её.

Баба Катя грустно посмотрела ещё раз мне в глаза и сказала:

– Я уважаю твоё желание, уважаю отказ, но предупредить должна: кое-что из своих знаний я всё же успела тебе передать, не сердись. Они в тебе открываться после тридцати лет начнут, когда обо мне вспоминать начнёшь. А ещё запомни: придёт время тебе в храм прийти, найди там икону Иверской Божией Матери, помолись, поможет твоей беде. И вообще чаще Бога поминай, жизнь прямее будет идти.

Такие вот дела... Как видишь, и ведьма с Богом в сердце живёт.

– Трудно мне, бабуля, тебя понять, как можно сочетать Бога и колдовство?

– А трудно – и не понимай. Бог каждому своё служение по жизни даёт. У меня такое. Время всё на свои места расставляет... Одно скажу – ещё на моём веку Россия прохиндеями-колдунами наводнится и к иконам в церквах Боженька допустит людей...

Только о какой беде бабуля говорила, я в толк не взяла, а спрашивать побоялась. Она сама говорила: пока не знаешь, крепче спишь...

Так я и живу. Скоро экзамены, в этот раз нужно будет сдавать «Русскую и советскую литературу», а также «Детскую литературу», потом летняя практика, хочь попроситься у нас в Светлом её проходить...

Глебушка, дорогой, пиши больше о себе, о Севере, друзьях...

Оставайся с миром. Детские чмоки в обе щеки. Твоя Светлана».

Письма в тетрадке

Так в ожидании Глеба из армии и писем его пролетали дни и месяцы. Сама Светлана писала письма в тонкой тетради по две копейки. Морские пехотинцы удивлялись этим её посланиям и втайне Глебу завидовали. Просили почитать. Так им хотелось узнать, что же можно писать на двенадцати листах! И самым близким товарищам Глеб их читал. Личного-то в письмах Светланы совсем мало оказывалось, зато уж не скупясь, с большим чувством и юмором она описывала жизнь их небольшого городка. Вскоре и новые друзья Глеба стали ждать её писем, настолько они были интересны им. И в благодарность за них он ей писал:

«Здравствуй, Свет-книжница!»

От души хохотал, получив твоё последнее письмо. Прочёл сразу, а затем ещё по чуть-чуть каждый день перечитывал и как будто каждый день гулял с тобой по Новгороду, потом по нашему городку, как после долгого отсутствия. А насчёт цыганкиных знаний – правильно, что отказалась, молодец! Хвалю. Тебе это ни к чему.

Я всё удивляюсь, как это ты умеешь так интересно жизнь описать. Вот беру с тебя пример. Зашёл в библиотеку нашей учебки, почитал материал из истории морской пехоты и решил о том, что узнал, тебе написать. Род войск, в котором я служу, в России создан в 1668 году, когда в состав экипажа корабля «Орёл» наряду с матросами и артиллеристами включили команду стрелцов. Задачей их при битвах был захват вражеских кораблей в абордажном бою.

А в ноябре 1705 года Пётр I издал указ о формировании первого полка морской пехоты, предназначенного для службы на боевых кораблях в специально обученных абордажно-десантных командах. Полк этот состоял из двух батальонов по пяти рот в каждом.

Наш полк три года назад, в декабре 1979-го, был преобразован в 61-ю отдельную Киркенесскую Краснознамённую бригаду морской пехоты Северного флота. Служба настоящая. Учат до седьмого пота: боевая подготовка, стрельба, рукопашный бой, атаки на плацу. Все ребята держатся молодцом.

Тьфу ты, не письмо девушке, а отчёт о боевой и политической получился.

Лучше о Севере напишу! Несколько раз северное сияние наблюдал. Это когда всё небо начинает полахать зелёными отблесками или расцветиваться во все цвета радуги. А кругом – ночь. Такое бывает, как говорят аборигены, перед большим морозом или пургой.

А вообще сейчас себя ругаю, что особенно последние дни перед армией с Сашкой дурью маялся, на рыбалке у реки целыми днями просиживал, дрыхал, как сурок... Лучше бы всё это время с тобой проводил. В голове столько мыслей крутится сказать тебе, а сяду за письмо – и никак не могу их в одну кучку собрать.

Тут мама в письме спрашивала, тепло ли мы одеваемся? Тепло. Мне более всего нравится тельняшку носить, или, как у нас называют, «тельник». А ты знаешь, что до XIX века моряки обходились без неё? Я даже не поверил. Раньше нательные рубашки были совершенно белые. А потом, чтобы матросов легче было разглядеть на мачтах

и реях, когда те крепили паруса, решили рубахи разлиновать. На политзанятиях нам рассказывали, что фашистов только при одном виде наших тельников в дрожь бросало. Представляешь, какие героические ребята были? А тут к нам в роту попал парень с весеннего призыва, и наши деды решили разыграть его. Устроили экзамен: мол, с какой полосы – белой или синей – начинается тельняшка? Новобранец совсем запутался. А оказывается – с крайней. Я этого не знал, хорошо, нам они такой экзамен не устраивали.

Вот пока и всё. Пиши, не скучай. Твой Глеб».

Встреча подружек

Светлана давненько не видела Елену Полякову, да и к её бабушке Фёкле не заходила. Она знала, что Елена, завалив после окончания школы экзамен в институт экономики и финансов, чтобы не терять год, поступила в торговое училище и появлялась в Светлом нечасто. Теперь у неё были каникулы, и потому Света прямиком из библиотеки, куда устроилась проходить летнюю практику, отправилась к подруге.

Бабу Фёклу Светлана знала, кажется, со своего рождения, потому как с Ленкой Света сдружилась еще в яслях. Ленкины родители альпинистами были и погибли при сходе лавины, когда ей было года два, вот баба Фёкла одна внучку и воспитывала. Тогда она ещё работала, а внучку не с кем было оставлять, вот и пристроила в ясли. И сколько Света её помнила, Фёкла Никитична была не худая, но и не полная, а точно сбитая в тугое тесто. Однако время нещадно начинало запечатлеваться своим разрушением даже на такой крепкой женщине, как она. Волосы Фёклы Никитичны поседел и чуть поредели, глаза потеряли свой темный блеск, руки от тяжелой работы на полях совхоза стали похожими на корни деревьев – все в узлах и морщинах. Ей уже перевалило за шестьдесят.

– Привет, подруга! – обрадованно приветствовала Светлана Елену. – Баба Фёкла, здравствуйте! Всё живём, хлеб жуём, молоком запиваем?! Сколько помню себя, у вас в доме всегда тишь да гладь, да Божия благодать...

– Здравствуй, Светочка, здравствуй, дорогая, – обняла Светлану баба Фёкла, – Что тебе на это ответить? И рада бы в Рай, да вот забота о внучке не пускает! Потому ещё на земле приходится ноги из одной стороны в другую переставлять. А ты проходи, проходи в горницу. Вы у меня с Леночкой как шерочка с машерочкой – куда иголлка, туда и нитка...

Подружки обнялись, и Лена повела Свету в комнату.

Светлана не сразу могла понять, откуда у неё появилось такое ощущение, что Елена как-то резко повзрослела. Вроде такая же, как была – фигуристая красавица с роскошными, с рыженцей, длинными волосами. И только в разговоре с ней стало доходить, что так её стало взростить – исчезла из взгляда Елены некая детскость и бесшабашность, будто она перестала смотреть на окружающих, а устремляла свой взгляд больше в глубь себя. Пляшущие огоньки в больших, чуть с раскосинкой карих глазах с длинными тёмными ресницами уступили место мягкой мечтательности и некой затаённости.

– Видишь, поджидали тебя, – сказала Лена подруге, – стол накрыли, бабуля свои тоненькие вкусняшные блины с творогом к твоему приходу испекла, как говорится с пылу с жару, давай за стол, чайку по чашечке выпьем с горячими блинчиками, а потом расскажешь, как живёшь, как твоя учёба в культпросвете, как Глеб. Пишет? Что слышно о Сашке Соболеве? – забрасывала Светлану вопросами Елена.

– Я-то расскажу, но и ты свои секреты не замыливай, – засмеялась от радости встречи Светлана. – А от запаха блинов бабы Фёклы у меня уже слюнки текут.

Елена стала рассказывать, как учится, какие приходится писать курсовые, сдавать экзамены, о сокурсниках. И шёпотом, когда баба Фёкла отлучалась на кухню то подложить им вкусненького вишневого варенья, то заварить на травах свежего чайку, добавляла:

– Правда, стипендия малюхонная, а у бабушки денег просить не хочу, потому на работу устроилась, чтоб как-то выживать. Единственная проблема – не высыпаюсь катастрофически. Но об этом, Светка, молчок. Бабуле я говорю, что у меня всё замечательно, чтобы сильно-то не переживала...

Светлана делилась новостями о своём житье-бытье у бабы Кати в Новгороде, об училище, Глебе. Баба Фёкла подсела к девочкам за стол, подперев подбородок, и с удовольствием слушала рассказы девчат.

– Слушай, Свет, а я тут нашу ходячую скелетину – анатомичку Ануфриевну видела, спрашивает меня: «Ну что, Полякова, больше вы не теряете свой комсомольский билет?» Хотела грубо ей ответить, да передумала – живи...

– Помню, помню, как она тебе за потерю комсомольского билета страсти-мордасти устроила. Даже чуть было из школы не исключила, – сказала Светлана. – Язва ещё та. Ты в следующий раз при встрече с ней кукиш в кармане держи, меня этому баба Катя цыганка научила.

Баба Фёкла, услышав о комсомольском билете внучки, тут же встряла в разговор девушек:

– Так то ж, Светочка, не Лена виновата – я, чего уж греха таить. Ей нужно было в райком комсомола идти, а мне взбрело попросить её на обратном пути в магазин заглянуть, хлеба купить. Потому Леночка портфеля и не стала брать. Взяла сумку хозяйственную, с которой мы в магазин ходим. Положила в кармашек билет свой и пошла, а после про него и забыла.

– Вот именно, ЗА-БЫ-ЛА, – протянула Лена. – Комсорг класса, а билет найти не могу. Бабуле на 8 марта новую сумку от работы подарили, а старую она в чуланчик повесила. Хорошо не выкинула. Месяц прошёл, нужно взносы платить, штамп в билете ставить, а я найти его не могу. Так, придумывая отговорки, авось да небось, месяца четыре продержалась, даже тебе долго не говорила. От переживаний мозги закипали, какие только варианты, где могла его потерять, не перебирала в уме. Всё без толку... Потом не выдержала, призналась и тебе, и в комитете. Дали две недели срок. Не нашла, и сама помнишь, что было?

– Чего ж не помнить. Всю школу на общее собрание согнали, чтобы тебя судить. На голосование выдвинули два предложения: первое – вклеить выговор с занесением в личное дело, второе – из комсомола долой...

Тут Лена, перебивая подругу, заговорила сама:

– А с подобным выговором дальше, яснее ясного, мне пути все закрыты. Как говорится, прошляпила билетик – получай по первое число. И третье предложение – исключить из школы вообще. Событие-то из ряда вон. Позор. Такого за всю историю Светлого ни с кем не приключалось, а тут, слыханное ли дело, комсорг класса – и вляпалась как кур в ощи́п... Стыдоба...

– Вот потому скелетонша и предложила тебя из школы погнать, нашла, чем зацепить. Не посмотрела даже на то, что ты отличница, на медаль тянула... – добавила Света. – Вот так живёшь, и кажется тебе, что знаешь о себе всё! Но ведь находятся люди, которые знают больше... Это как раз о ней, об Ануфриевне.

– Вот-вот... Да кроме тебя, Глебки и Сашки за меня и заступиться-то некому было...

– А вот тут ты, милая, не права, а как же твоя бабушка?! Она всё и повернула вспять... Ленка вскочила со стула и припала к бабушкиной груди:

– Прости, прости, родная, не успела ещё сказать, что ты и явилась моим главным спасителем, моим добрым Ангелом-хранителем.

Баба Фёкла, погладив ласково внучку по голове, тоже вступила в разговор:

– А меня-то в тот день, когда у вас собрание было, будто чтой-то торкнуло. Я ведь тоже билет внучки искала и решила в чуланчике посмотреть. Взяла сумку, покрутила в руках, в кармашек заглянула, и... Лена-то мне за день до собрания призналась в потере билета, сказав, что может за это из комсомола исключенной быть. Это понятно, но чтоб из школы – это уж слишком. Вот смотрю я в кармашек сумки, а этот её комсомольский билет преспокойненько там лежит. Схватила и со всех ног в школу помчалась, как раз вовремя и успела...

– Помню, помню, баба Фёкла, как Вы влетели в актов́ый зал и закричали: «Не выгоняйте мою внучку из комсомола, не теряла она свой билет, он в хозяйственной сумке лежал!» Что, Ленусь, так дело было? – смеясь, показала Света, как в зал забежала баба Фёкла, напрягая лоб так, что между бровями у неё пролегла глубокая складка.

– Точно-точно. Когда Ануфриевна предложила меня из школы исключить, я вся испариной покрылась, ноги ватные, в глазах потемнело, думала, чувств лишусь. И в этот момент бабуля влетает...

– Недаром же говорят, что каждая пипетка клизмой стать мечтает, это в самую точку о нашей анатомичке. Завуч с директором молчат, а она, видите ли, предлагает... Да все прекрасно знали, что тебя с пяти лет комсомолкой звали, что ты в детстве, пряча комсомольский значок, чуть было не проглотила его, – патетически произнесла Светлана.

– Видимо, когда Ленуся глотала его, языком застёжку открыла, вот значок и застрял в её горлышке... – произнесла баба Фёкла, и лоб её тут же покрылся сеткой морщин от воспоминаний. – Задыхнулась бы, если бы не врач скорой помощи, который тут же оценил ситуацию, впрыснул заморозку и достал...

– Ага, бабуля, я хорошо помню случай тот. Тогда соседка наша Дашка Климова потеряла комсомольский значок, а я нашла. Вот она и стала требовать его у меня, а мне он так нравился, что отдать его я не в сила была, а потому решила лучше проглотить, чем расстаться с ним. Может, потому в седьмом классе и комсоргом выбрали. И если бы не «потеря билета», кто его знает, может, так по комсомольской линии и дальше бы шла...

– А вы знаете, девочки, что нашу Галю-почтальоншу из школы-то отчислили после седьмого класса, даже восемь не дали окончить? – спросила их баба Фёкла.

– Как так отчислили? – не сговариваясь, спросили Елена и Светлана.

– А вот так. Правда, не за комсомольский билет, но отчислили. Я тогда последние два года перед пенсией уборщицей в вашей школе работала и в курсе всех событий была. Десять-то Галина уже в вечерней школе кончала, потому и поступать никуда не поехала. Разуверилась и в педагогах, и в учебе. А училась очень хорошо. Всё случилось после того, как ребята из их класса на каникулы в Грузию съездили. Галина тогда приболела и с ними не поехала. А там две девчонки были: одна, хитрющая – Жанка Парашенко, я хорошо её родителей знала, людишки – семя крапивное, а вторая – дочка этой самой вашей Ануфриевны, Ксюшка. С ребятами ездила завуч школы Зыкова Лидия Фёдоровна, а Ксюшка ей всё про всех по наущению матери и докладывала, одним словом, фискалила. Кто, куда, зачем, что делал, о том, что мальчишки вина грузинского попробовали, а Жанка цветных карандашей и фломастеров по несколько пачек купила, чтобы в школе их по большей цене сбывать. Побыли в Грузии школьники, вернулись, и давай их к себе завуч по одному на разборки вызывать. Больше всего, конечно, Жанке влетело, здесь уже спекуляцией пахло. Вот Жанка обозлилась на Ксюшку и решила отомстить. Рассказала всё Галине и предложила с «Доски почёта лучших учеников» Ксюшкину фотографию сорвать. А Галина, забубённая головушка, подумала и решила, что доносчицу на самом деле нужно наказать. А перед этим на физкультуре так неудачно прыгнула, что поранила себе голову. И вот она с перевязанной головой и Жанка выгадали, когда в фойе школы никого не было, подошли к «Доске почёта» и фотографию Ксюхи-то сорвали. А на образовавшейся пустоте Жанка написала: «Не место доносчикам в советской школе быть!»

Что на следующий день началось! Сначала к заведующей вызвали весь обслуживающий персонал, то есть нас, уборщиц, и вахтера тетю Глашу, которая и сказала, что видела у доски двух девчонок, одну – с головой перебинтованной. Выяснить долго не потребовалось – с перевязанной головой по школе в этот день только Шевцова Галина ходила, а вот вторую ещё нужно было найти. Вызвала завуч к себе Галину и стала выпытывать, кто с ней был, а та ни слова. Тогда Зыкова на хитрость пошла. Стала ребят Галкиного класса к себе по одному приглашать и говорить, что всё знает, мол. Когда на Жанку нашла, та и призналась – да, это она с Галиной была, и принялась её оговаривать, мол, это Галина подбила её пойти на шухере постоять, пока та будет фото сдирать. Завуч директрисе донесла, и Галку из школы турнули. Мать Галины ко мне после того прибежала, успокоительные настои просила. Галина это Жанкино предательство и своё исключение сильно переживала. Это со временем всё выяснилось, и Жанке с Ксюшкой ребята объявили бойкот. Никто с ними до конца года не общался, а потому директрисе и завучу ничего не оставалось, как перевести их в параллельный, но и там они не ко двору пришлись. Потому после восьмого класса Парашенки из Светлого съехали, а Некрасова свою дочь Ксюшку в техникум в Энске пристроила. А девка её, не мудрствуя лукаво, замуж выскочила, правда ненадолго, через год развелась. В Светлое не показывается, всё больше мать к ней в Энск ездит. Так что я, девочки, хорошо знала, чем потеря билета для Леночки моей обернуться могла...

– Вот это история, – произнесла удивлённо Светлана, – а я, сколько с Галиной ни болтала, никогда она мне ничего подобного не рассказывала. А ведь мы и о школе говорили, и об учителях...

– Для Галины эта тема запретная. У неё мать так расстраивалась за дочь, что лет через пять умерла, – добавила баба Фёкла.

– А помнишь, Свет, – переводя разговор с Галины-почтальонши опять на самих себя, спросила Елена, – как нам в седьмом классе мальчишки предложили в «Кис-кис, мяу» поиграть?

– Это ещё что за «Кис-кис, мяу»? – спросила бабушка Фёкла.

– А это, баб Фёкла, игра такая с пенделями, подзатыльниками, пощёчинами, пожатием руки, поцелуями в щёки, – засмеялась, рассказывая, Света. – И хотя мы не целовались, но и на нашу голову нашёлся стукач, выдал всю компанию. Ох и стыдили нас потом на общешкольной линейке, разнося в хвост и в гриву за буржуазные пристрастия к непотребным играм! А игры-то – сама невинность...

– Света, Лена, а я-то думала, вы у меня примерными девочками в школе были, – покачав головой, произнесла баба Фёкла, задорно подмигнув им...

– Нормальными, нормальными, бабуля, мы были... Ничем не хуже других, – обнимая бабушку, уверенно сказала Лена. – Вот Светка, например, на уроках авто- и военного дела в 10 классе мужчин-преподавателей гипнотизировала, за что удостоилась быть разобранной на комсомольском, правда, классном собрании, которое проводила уже не я. Меня из комсorgh за случай с билетом турнули уже.

– Точно, Ленка, было дело такое. Так я, баб Фёкла, тогда писать различные рассказы начала, ну, девочкам их на этих уроках и рассказывала. У меня что к технике, что к оружию тяги никогда не было, вот Влад Владыч по автоделу и сердился, мол, сама не знаешь и других от обучения отвлекаешь. Потому я его и гипнотизировала, чтоб внимания на нас не обращал, – смеясь, рассказывала Светлана.

Затем выскочила из-за стола и, разведя руки в стороны, пошла дробь бить и частушку петь: «Нас и хаут и ругают, / Что отчаянны растем, / А мы, хаянны-отчаянны, / Нигде не пропадем».

– Вот это по-нашему, – любясь Светланой и внучкой, сказала баба Фёкла. – Никому не поддавайтесь, девоньки. И всегда при любых обстоятельствах оставайтесь самими собой. Трудно будет – гнитесь, но не ломайтесь, это мой вам завет...

– А помнишь, Свет, как меня в девятом классе военрук Фима Петрович Кошка на областные соревнования по стрельбе послал? – вспомнила Елена. – Не оттого, что я стреляла лучше других, а потому что активной была. Мне позориться ехать в Энск совсем не хочется. Одно дело на уроках – когда промажешь, когда попадёшь, а тут областные соревнования. Но и подвести класс как комсорг не могла, поехала. Кошка перед стрельбой успокаивал – главное не очки выбитые, а участие.

Прицелилась, перед глазами плывёт, очнулась только, когда, нажав курок, получила неожиданно сильный толчок в плечо. Винтовки-то на соревнованиях оказались потяжелее школьных. У каждого участника десять патронов. Мои первые выстрелы в «молоко», лишь в конце две девятки и десятка. Военрук подбадривает: «Ничего, Полякова, я худшего ждал, позаниматься с тобой – отличным стрелком станешь, пусть последний патрон, но в «яблочко!»»

Так до самого вечера девчата и сидели, вспоминая свою школьную жизнь, одноклассников, учителей... Света рассказывала о Глебе, Сашке, Лена о своём парне Виталике Трусове, который вот-вот должен был из армии прийти...

«Дорогой Глебушка, здравствуй!»

Здравствуй в мире и доблести. Твоё письмо, большое и обстоятельное, удесятирило моё рвение и в библиотечной работе, и в сельскохозяйственных заботах. Решила в ответе тебе о них и рассказать. Летние домашние заботы оказались столь обширны, что после Новгорода-то порой уставала от них до отупения. Перед сном книжку возьму, страницу прочту, ничего не пойму, сразу засну. Видишь, даже в рифму сказала.

А неделю назад я на свадьбе Елены Поляковой гуляла, помнишь, она говорила, что в Энске с одним парнем познакомилась и ждала его из армии. Пришёл – и свадьбу сыграли. Виталием Трусовым зовут. Видно, сильно понравился ей, если так сразу замуж пошла. Только фамилию его не взяла, Поляковой осталась.

Когда жениха с невестой ждали, гости волновались, тамаде всё вопросы задавали: «Куда подарки?», «Когда дарить?», «Где сесть?» Родители Виталия спрашивали, когда хлеб вручать, что говорить. Одним словом, настоящая предсвадебная суэта. Меня Лена в свидетельницы звала, но я побоялась. В первый раз на свадьбу шла, ничего не знала. Её свидетельницей стала двоюродная сестра Виталия, Катя. Зато я вместе с остальными невесту у жениха выкупала. Так интересно! Баба Фёкла перед Ленкиным домом стол поставила, застелила скатертью в горошек и попросила жениха каждый горошек железным рублём закрывать. А у Виталия железных рублей на все горошины не хватило, и тогда ему пришлось каждый горох отрабатывать: то ли песней невесте, то ли словом ласковым... А Ленка краси-и-и-вая была!!! Никогда её ещё такой красивой не видела. Глаза какой-то решимость горят, причёска – сверху волосы как-то подняты и в них белые цветы заколоты, а на грудь спускались крупные локоны её роскошных с рыженкой волос и фата. Тетки Светлого, когда её такой красавицей-то увидели, обзавидовались все. Баба Фёкла, чтоб Ленку не сглазили, под платье ей булавку большую заколола, сказав, что сглаз только через женское лицо идет. Баба Фёкла, пока мы Ленку обряжали, рассказывала:

– Мужики, те существа безвредные, они порчу не передают, у них функции самовоспроизведения нет, то есть не могут родить себе подобного. Бояться нужно только женщин. Вот они через взгляд могут порчу-то от любой подхватить, а затем её же и другой передать, потому защита нужна. Вы думаете, я старая, книжек разных не читала? Читала, девоньки. И скажу вам так: улица – это тожесть космос... В фильмах-то видели, как девки восточные живот голым оставляют, а лицо прикроют? На Руси у нас тряпками не завешивались, кроме как на свадьбу, а теперь и на свадьбу лицо не прикрывают, вот и приходится оберегаться. Я, когда перед войной на Валдае-то жила, так у нас девки на улицу даже ненакрашенными не выходили. Походят по улице яркими красавицами, а домой придут, лицо умоют, а с краской всё худое, что прилипнуть могло, и смывают. Там чистоту женского лица только близкие люди видеть могли. Это война всё с ног на голову поставила...

А потом бабуля Ленкина всё плакала. Сам знаешь, одна её воспитывала, та для неё дочь была, а теперь вот замуж выходила и под Москву в город Железнодорожный жить уезжала, где родители Виталия в дар им кооперативную квартиру построили. Мне тоже грустно, ведь Ленка здесь для меня самым близким человечком была!

Свадьба прошла весело. Еленка первая из нашего класса замуж пошла. Оценил? Это я к тому, что совсем мы взрослыми становимся, Глебушка. Между прочим, Ленуся всё про Алексашку Соболева спрашивала. Я сказала, что служит на границе, правда, пишет редко. Вот так, дорогой, мы и живём: хлеб жуём, молоком запиваем. Рада вновь пообщаться с тобой, рассказать все свои новости, теперь от тебя жду того же самого.

Твоя мама мне тут случай, приключившийся с вашей соседкой по дому, тёткой Меланьей, поведала. Если ты помнишь, у неё муж, дядька Пётр, сильно пьёт, вот она и решила его отучить. Прослышала, будто в соседнем селе бабка есть, что одного мужика отвадила от питья, и решила к ней за рецептом сходить. Чтобы откуп произвести, взяла из-под курочек с десяток яиц, литр молока и пошла. Рассказываю всё точь-в-точь, по словам мамы твоей. Бабка та посоветовала тётке Меланье в самый что ни на есть крепкий первач кинуть трёх живых жаб, а когда те растворятся, налить полстакана этого зелья мужу. Выпьет, вырвет его, и больше к спиртному не притронется.

Всё, как было говорено, тётка Меланья сделала. Мальчишек попросила ей самых больших жаб поймать и в бутыль с первачём их плюхнула. Настаивала несколько дней, пока те и на самом деле не растворились полностью. Однажды, когда её разлюбезный дядька Пётр проснулся и с похмелья протянул было руку, чтобы налить себе стакан огуречного рассола, тётка Меланья ему большую рюмку первача жабного и подсунула.

Ты ж помнишь, что у неё говор особый, будто у них на Брянщине все так разговаривают. Так вот она своему Петру и говорит:

– Если у тябе, Петро, галава хварая, значит, яна ести, а потому лучше выпей-ка ты первачка, глядишь, галава и пройдёт.

Дядька Пётр с удивлением глянул на жену – ведь в кои-то веки она сама первача ему предлагает – и, улыбаясь во весь свой перегарный рот, сказал, потянувшись за рюмкой:

– Ага, значит, таможня даёт добро? Кака ты у меня, Меланья, догадлива. Ах, кабы завсегда такой была...

Выпил. Громко крикнул и принял из рук жены огурец солёный закусить. Прошло с полчаса, тётка Меланья мужа и спрашивает:

– Ня тошнит тябе, Петро?

– Да типун тебе на язык. С чего меня тошнить должно? – отвечает тот.

Тётка Меланья ему ещё рюмку мутного напитка плеснула. Дядька Пётр и это выпил, крикнул от удовольствия и сказал:

– Дивно ты сегодня ведёшь себя, жена. Моя голова совсем прошла, пойду дров что ли нарублю.

Тётка Меланья за ним из окна наблюдает. Не вытерпела, выбежала, спрашивает:

– Ня тошнит тябе, Петро?

– Опять двадцать пять, ядрёна вошь. Говорю ж, голова прошла.

Тётка Меланья в дом бросилась, плеснула ещё полстакана, мужу поднесла. Тот и это в себя опрокинул. И опять дрова колоть принялся. Тётка Меланья с минуту постояла рядом и от нетерпенья с нажимом спросила:

– Петро, а ня тошнит ли тябе?

– Да пошто меня тошнить-то должно? Наоборот, как никогда себя хорошо чувствую, – отвечает ей, улыбаясь, муж.

Тётка Меланья подумала, что, наверно, чтобы первач, на жабах настоящий, на её мужа, многие годы пьющего, действовал, нужна доза гораздо большая, чем всем. Вновь побежала в дом, налила уже полный стакан и Петру со словами выносит:

– На-ка ещё испей, драгий⁷⁴, притомился, поди, от колки дров-то, да огурчиком, огурчиком закусывай.

Дядька Пётр и это выпил, с хрустом стал солёные огурцы откусывать.

– Вот так бы, ядрёна вошь, всегда... – мечтательно произнёс он и присел на чурбак. – А у тебя, шутка сказать, рюмку-то вымаливать приходится.

Тётка Меланья рядом примостилась. На мужа поглядывает и жалобно так спрашивает:

– Ня тошнит тябе, Петро?

– И что ты меня сегодня всё время про тошноту пытаешь: «Не тошнит тебя, Петро?» С чего меня от первача да тошнить должно? Честное слово, умереть не встать, – спрашивает её недоумевающий Пётр.

– Да як же ня тошнит-то, – не выдержав, чуть не плача запричитала тётка Меланья, – я усё як велено сробила, трёх жаб в пляшку⁷⁵ с первачом сунула, вчерась бачила – растворились, а тябе усе ня тошнит, лопни вочи мои.

– А чего ты их совала-то туда, дурья твоя башка? – спросил как ни в чём не бывало уже хорошо захмелевший и удивлённый дядька Пётр.

– Дак шоб тябе, окаянного, от выпивки отучить, – выпалила в сердцах Меланья.

Дядька Пётр посмотрел на её страдальческое лицо и разразился громкими раскатами смеха.

– Вот так клюква, ядрёна вошь! Да ты мне, мать, хоть тридцать три жабы в самогон пихни, только выпить дай!

Тётка Меланья твоей матери жалилась на бабуку:

– Обманула яна мяне, ня дать ня взять обманула. Ня подействовало средство на мужа, только зря яйца и молоко ей снесла. Чтоб мои вочи ея ня бачили...

Вот видишь, какие у нас в городке тётки живут, на своих мужьях эксперименты проводят. Да что это я всё о нас да о нас. Тебе-то, Глебушка, как служится? Может, на учениях каких находишься? Я у себя в библиотеке нашла книги о Северном флоте, читаю и представляю в каждом рассказе тебя. Правда, те книги всё больше о войне. И уж давно прошу – вышли ты мне свою фотографию в форме морской. Кроме той, что фотографировали вас на присяге в строю, ты больше ни одной не присылал. Неужели совсем нет времени сфотографироваться?

Пиши. Жду. Твоя Светлана».

«Пламенный привет самой Светло-Светлой дивчине Светлого!

Наконец-то на Север пришла весна, поэтому настроение у меня особо бодрое, Вот у нас дома лето давно стоит, а здесь люди только весны дождались. Правда, сюда весна не пришла, она ворвалась, резко растопив снега и высушив дороги. По этому

74 Драгий – дорогой.

75 Пляшка – бутылка.

поводу у нас в части субботник устроили, чтобы привести гарнизон в надлежащий вид. Настроение у всех приподнятое. Нам после маршев граблями помахать – одно удовольствие! Замполит дал команду вынести динамики, музыку врубили, и потому все работали с огоньком. Заодно и траву старую сожгли, так что огонёк получился настоящий.

Весна меня взбодрила, а потому бегать и прыгать каждый день стало не в тягость. Да и утром вставать намного легче. Хотя, конечно, у всех на уме – долгожданное «отбой». И всё равно на душе полегче как-то.

Теперь, думаю, уже могу написать тебе, что с июля по август 1981-го наша рота принимала участие в учении на Балтике, вот почему тогда так долго не писал. Со всем не было времени. Наш отдельный батальон морской пехоты признали лучшим по огневой подготовке. После этого нас, трёх морпехов, командир возил выступать в школу небольшого городка под названием Печенга для воспитания у школьников патриотизма. Что ещё о службе... Да всё у меня нормально, не переживай и извини, что писать получается не так часто, как хотелось бы. А фотку пришлю, как только сфотографируюсь, так и пришлю. Пока на это времени не было.

Скучаю по твоим глазам, в которых собраны травы июля, по твоим солнечно-го цвета волосам, по маленьким пальчикам, перебирающим толстые книги классиков. Храню в своём сердце твой поцелуй под яблоней на нашей скамейке, порывистый и нежный...

Как твои успехи в учёбе? Желаю, чтобы она прошла на «Ура!». Ну, пока, пока. Письма, как выяснилось, без времени сокращают, не успеешь оглянуться – год и пролетит. Привет всем. Твой Глеб. Июнь 1982».

«Казаков Глебушка, привет, привет! Здравствуй, дорогой!»

Когда я приехала из училища на летние каникулы и производственную практику домой, у нас такая жара стояла, что варёной ходила, по три раза в день в душ под холодную воду лезла. Только сегодня и ожила: вчера жара на убыль пошла, сегодня чуть похолодало, упало до + 18. А ещё я узнала, что в библиотеке освободилось место. Клавдия Петровна Мороз, заслуженный работник библиотеки, на пенсию ушла. Директриса Вера Ивановна Свечкина, приняв меня на практику, предложила перевестись на заочное и начать работать на ставку. Иначе может стать так, что когда я училище окончу, место это занятым окажется или, того хуже, зашлют на три года в какую-нибудь глушь стаж библиотечный отрабатывать. Посоветовалась с отцом и отправила в училище заявление о переводе на заочное обучение. Так что, дорогой, можешь поздравить меня – я теперь работаю настоящим библиотекарем.

На днях забежала в гости к твоей маме. Чувствует она себя хорошо, работает. Когда узнала, что я в Новгороде в первую сессию снимала комнату у бабули цыганки, ругала: ведь у вас там, оказывается, её сестра живёт, а я об этом и не знала ничего. Что у бабули жила, я даже отцу не сообщала, чтобы не переживал, только тебе и писала. Мама твоя пошла меня чаем, угощала вишнёвым пирогом и развлекала сказками. А ещё мы говорили о тебе. Я рассказывала о том, что ты мне в письме последнем написал, она показывала своё от тебя.

Кстати, представляешь, ко мне Еленка в Новгород приезжала. Просто так, дни были и приехала. Как я её обрадовалась! Наговорились, нагулялись, просто праздник душе!

А случаев она мне рассказывала... Их от техникума в стройотряд на уборку картошки направили, а ты помнишь, она прыгать что в длину, что в высоту совсем не умела, говорила, что её земля любит, а потому ни высоко, ни далеко от себя не отпускает. И отработали они уже там недели три, как в ту деревню прислали бригаду камазистов-водителей, которые что-то для колхоза возили. И каждый вечер кто-то из них напивался, а утром вытаскивали КАМАЗ из очередного кювета. Как-то Еленка стояла около клуба вдоль забора, у которого лежали бревна метра два в длину и метра три в ширину. Стояла у дороги с наружной стороны забора и болтала с девчонками, которые находились от неё по другую его сторону. Вдруг видит: из-под края с горки вылетает КАМАЗ и несётся прямо на неё. Оставалось метров пятьдесят, и она понимает, что он сейчас её по забору или по бревнам размажет, и, не ожидая от себя такой прыти, без всякого разбега сигает через эти брёвна, как спортсмен-разрядник перешигивает через планку при прыжке, только что без шеста. Раз – и она уже на другой стороне. Причём ни упала, ни ногу не подвернула, ни сломала ничего. Стоит, сердце точно отбойным молотком стучит, глаза по полтиннику, белая вся и трясётся мелкой дрожью. А КАМАЗ всё мчаться продолжает и в сантиметрах двадцати от того места, где только что Ленка стояла, резко затормаживает. Роба у водителя перепуганная, глаза выпучил и кроет её благим трёхэтажным матом, мол, тебе что, по тыкве настучать, что встала здесь (пишу точно с Ленкиных слов)? Представляешь? Сам нажрался, как свинья, а её ещё обвиняет. А она от испуга только рот разевала, так очумела от страха и прыжка.

Когда мне это рассказала, я вспомнила, как однажды она через планку в школе прыгала. Не прижав правую руку к себе, всей тяжестью на неё и грохнулась. Да так неудачно, что у неё локоть выскочил, помнишь, хорошо физрук тут же удачно вправил его, а то бы ещё неизвестно, чем это для неё закончилось.

Ой, Глебушка, ты и не представляешь, под какой я дождь сегодня в Светлом попала! Разверзлись хляби небесные, и в один миг всё потемнело вокруг, налетел резкий ветер, и с неба на землю с невероятной силой хлынул водяной поток, выгоняющий людей с улиц, щедро омывающий деревья, дома, тротуары... За минуту под ним я оказалась промокшей до нитки. Уже дома, переодевшись во всё сухое, под нескончаемую симфонию дождя села писать тебе ответ. Вот пишу, а дождь уже который час льёт без перерыва.

А недели три до этого в Светлом стояла жара + 30, + 35. Листья на деревьях без влаги висели, высохшие, точно тряпицы рваные. Горячий песок только что на зубах не скрипел. И вдруг такое чудо! Такое наслаждение! Дождь! Под его струями растительность оживает на глазах: деревья распрямляют листья, а омытые ягоды начинают искриться, играя каждая своим цветом. Земля жадно впитывает воду, точно запасая её впрок на следующие сухие дни. В сараюшку бегала и увидела толстых, длинных дождевых червей, лениво выползающих из своих земляных укрытий и блаженно окупывающихся в водяных ручейках. А вот бабочки, стрекозы и кузнечики ещё до дождя все укрылись под лопушистые широкие листья, чтобы не оказаться прибитыми водяными струями к земле. Но, мне кажется, и они радуются этому дождю. Ведь вдыхать чистый воздух куда приятнее, чем от пыли задыхаться.

Глеб, а помнишь, как мы с тобой, когда перешли в десятый класс, летом тоже попали под сильный дождь, скакали и кричали, точно дети: «Дождик, дождик, лей, лей на меня и на людей, а на Бабу-ягу лей по целому ведру» и задыхались от счастья быть рядом, быть вместе?

Да, чуть не забыла написать: тут тётка Устинья, жена Степана Назаровича (Похмельча), что гонялась за вами с Алексашкой у продмага, решила к празднику сама для своего мужа самогонки нагнать, а жмых, что остался, во дворе вечером свалила в корыто, ничем не прикрыв. Вот утки с курами его облопались и свалились в кучу за-мертво. Ты бы видел после этого тётку Устинью! Рыдала на весь двор, что потравила живность. Но плачь не плачь, дела не поправишь, стала птицу оципывать, чтоб хоть успеть сварить. Пока по ближним домам бегала в поисках большого казана, пока воду кипятила, довольно много времени прошло. Вдруг на глазах Степана Назаровича, тоже сильно расстроенного, сидевшего во дворе и курившего в раздумье, общипанная кучка курино-утиных тушек стала оживать, подёргиваться, растопоривать свои обрубки-крылья, а затем, не понимая, что с ними сотворили, сломя голову по двору носиться, точно сумасшедшие, крикая и кудахтая во все свои курино-утиные горла. Степан Назарович не поверил собственным глазам, пока до него вдруг не дошёл смысл происшедшего. А когда дошёл, на весь двор смехом зашёлся, выкрикивая: «Бабка, бабка, да они ж у тебя пьяные... Не мёртвые... пьяные... Разуй глаза... А теперь ещё и голые... Ну, ты, бабка, и уморила меня...». Тётка Устинья на крики мужа выбежала из дому и обмерла, увидев, как её собственными руками оципанные птицы ошалело носятся по двору.

Эта новость от дома к дому собрала у двора тётки Устины много людей, цирк, да и только. Всем хотелось посмотреть на оципанных живых курей и уток, когда ещё увидишь такое представление. Народ так напирал, что ко всему прочему чуть им забор не снёс. На тётку Устинью было жалко смотреть! Она сидела на крыльце как в воду опущенная, с разбитым сердцем и причитала: «Дура, дура я старая, как же мои голубоньки теперь без перьев, ведь подохнут все». А народ у нас жалостливый, советы стали давать, ещё больше подливая масла в огонь: «А ты, Устинья, перья-то им наклей», или «Да нет, наклеить сложно будет, чтобы наклеить, им ещё нужно дозу самогонного жмыха съесть, лучше свяжи что-то типа рубашек куриных» и так далее. Зайченко, помнишь, наш бригадир, решил успокоить женщину, сказав, что ничего, день другой голышами побегают, а там по-новому оперяться начнут, ведь когда петухи дерутся, у них тоже пух и перья в разные стороны летят, а затем на их место новые нарастают. На том представление и окончилось. Тётка Устинья, боясь птицу поморозить, всю в баню загнала.

Удивительный у нас городок, Глеб, да! Обязательно в нём что-нибудь да случается. А народ какой живёт! С выдумкой, с фантазией!

На этом заканчиваю своё послание тебе. Будь жив-здоров в бодрости и силе. Привет всем твоим друзьям-морпехам от меня и от отца. Жду ответа. Пиши. Твоя Светлана».

Возвращение Валентины Архиповой

Валентина Архипова, последний раз бросив печальный взгляд на Мурманский вокзал, расцеловавшись с провожающими её приятельницами, зашла в купе вагона. Нервы были на пределе: развод с мужем и предательство подруги дались нелегко.

Для себя она однозначно решила, что навсегда порывает с прошлой жизнью и Севером. А чтобы снять напряжение, решила возвращаться домой, в Светлое, поездом.

Уже устроившись на верхней полке, обратила внимание на женщину с синяком под глазом, понятно, что после перепоя, которая проходила по вагону. Её остановила проводница и потребовала показать билет. Женщина рылась в карманах, не находя билета, но при этом, несколько не смущаясь, улыбалась проводнице во весь рот. Наблюдавшей эту сцену Валентине вдруг подумалось, что вот ведь невооружённым глазом видно, что эта женщина вся от счастья так и светится, а она, Валентина лежит на полке, и билет у неё есть, и без фингала синюшного, а счастья, выплещивающегося из глаз, как у этой женщины, нет. И стали на ум приходить строки:

Ты меня не хватай за нельзя,
Ты меня не срами при народе,
Лучше руку целуй – это лъзя,
Это можно, сейчас это в моде.

Ты зачем на меня накричал?
Я тебе что плохого сказала?
Ну, чего ты опять замолчал?
По тебе я уже заскучала.

Ты – алкаш, я – алкашка твоя,
Вместе пьём мы, бывает, дерёмся.
Вот нехитрая наша судьба:
То поплачем, а то посмеёмся...

Это счастье моё, и не трожь
Ты, ментон, моего мужичишку,
Пусть он морду мне бьёт, ну и что ж,
Я прощу ему эту страстишку.

Это счастье моё, и не трожь!

Более уже в вагоне никаких событий не происходило. Под монотонный стук колёс Валентина пыталась уснуть, слушая убаюкивающую песню поезда.

– Деточка, не спишь вижу, – прервала её дремотное состояние спутница по купе – бабулька с соседней нижней полки, – спросить, вишь, хочу. Ты сама, случаем, не с этих мест будешь?

– Несколько лет жила здесь, а что? – приподнимаясь на локте, ответила Валентина.

– Да вот смотрю и думаю: какое у северян здесь богатство лежит, даром пропадает. Куда взор ни кину, везде деньги разбросаны...

Валентина, конечно, поняла, что эти слова старой женщины высказаны в переносном смысле, но всё ж скорее по инерции, нежели из любопытства, посмотрела в окно. Смотрела на проносящиеся перед глазами сопки и старалась угадать мысли

старушки о богатстве. Природа Севера, думалось ей, на самом деле чудесная, необычная, даже сказочная, но при чём тут деньги?

– Бабушка, не пойму, о каком богатстве вы речь ведёте? Кроме камней, нам ничего ещё не попадалось на пути, что могло быть разбросанным, – как-то само по себе вырвалось у Валентины.

Та обрадовалась её сообразительности и, закивав головой, заговорила:

– Про них, про них, милая, я, вишь, речь и веду. Они, родимые, и есть богатство здешнее.

– Так весь Кольский полуостров на камнях стоит. Как говорил мой бывший муж, есть чем капусту придавить, – улыбнулась Валентина в ответ, – только кому они нужны, эти булыжники? Такое ощущение, что земля их с каждым годом всё больше и больше родит... Считай, вся растительность здесь на камне растёт...

– Вот я и говорю – на Украину бы их нам, – мечтательно произнесла бабулька.

– А что, на Украине своих камней мало? – удивилась Валентина.

– Украина, деточка, каждому камушку счёт ведёт. За каждый денежки платит.

– Так на что они вам нужны, бабуля, камни эти?

– Разве ж, голубушка, не все в хозяйстве гоже? Кому колодец обложить, кому дорожку вымостить, а кто побогаче – и дом выстроит. Вот и выискиваем мы камушки каждый на свою нужду, а здесь красота: целую машину, не сходя с места, набрать можно, а если постараться – и по размеру навыйбирать, какие глянутся. Одно слово – на здешней земле это самое богатство даром пропадает.

– Как говорится, бабушка, каждому своё: вам – земляца, северянам – камушки.

– Это так, доченька, так, – охая и сокрушаясь произнесла старушка и стала укладываться.

Валентина ещё немного посмотрела в окно на убегающие сопки и, опускаясь на подушку, задумалась.

Новому человеку всегда свойственно открывать необычное в обычных, казалось бы, условиях. Вот она, Валентина, никогда не задумывалась о значимости камней, которые столько лет попирала здесь ногами. А эта украинская бабушка смогла приоткрыть ей ещё одну особенность в облике Заполярья, и это тогда, когда Валентина навсегда прощалась с ним.

Попутчица уснула, сладко похрапывая, а к Валентине сон не шёл. Немного почитав, она вновь задумалась. До чего приятно лежать с закрытыми глазами, зная, что все неприятности позади, а впереди новая жизнь в Светлом. Может, хоть там она настоящее счастье обретёт...

Ночь все ближе подкрадывалась к изголовью женщины, как бы говоря: «Нет, милая, сколько бы ты ни думала, я усыплю твоё сознание, не будь я ночь».

Поезд негромко отстукивал песню колёс, монотонно убаюкивая: «Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Спите, люди, забудьте во сне. Я – поезд, бегу во времени, унося вас навстречу судьбе. Мирную песню пою я вам, люди: тук-тук, тук-тук, тук-тук... Бегут за окном берёзы, города, дома, перелески... Они тоже слышат меня: тук-тук, тук-тук, тук-тук... Отдайтесь во власть музыки моих колёс, люди пути, расслабьтесь и отдыхайте. А я, поезд, спою вам одну из самых любимых моих песен: тук-тук, тук-тук, тук-тук...».

Натянув одеяло на плечи, Валентина приказала себе: спать, спать, спать! Совсем скоро наступит завтра, оно принесёт новые мысли, новые чувства, новые встречи, новую жизнь. И я просто обязана накопить силы для этого нового дня.

И приснился Валентине сон. Стоит она на улице родного Светлого возле какого-то незнакомого ей каменного дома и смотрит на небо. Взгляд её пристально устремлен на летящий разноцветный сноп с переливающимся хвостом, как у кометы. Ближе, ближе, и по мере приближения очерчивается он в огромную по размерам сказочную птицу-деву. Валентина смотрит на неё завороженная. И сама себе говорит: «Красивая! – не описать! Какой необыкновенной, сказочной, неземной красоты эта птица!» А Птица-дева опускается на землю, подходит к ней и говорит:

– Ты меня звала, Валентина, вот я к тебе и прилетела. Я твоя ПТИЦА СЧАСТЬЯ.

Валентина птице что-то ответила, выразив своё восхищение. И Птица протягивает ей лапу-руку для пожатия. Валентина пожимает её и чувствует, как четырехпалая кисть этой необыкновенной птицы остается у неё в руках. Страшно испугавшись, что при пожатии она чем-то навредила ей, хотела прощение просить, как услышала:

– Не переживай, я специально оставляю тебе свою кисть – на счастье.

Произнесла и взвилась ввысь. А Валентина, смотря ей вслед, сжимая в своей руке этот необыкновенный дар – десницу Птицы Счастья, не верила, что с ней такое могло приключиться.

«Большой, пламенный привет от морпеха Глеба Казакова!»

Светик-самоцветик, разреши отчитаться тебе в боевой и политической. На днях у нас проходило тактическое учение батальона на полуострове Рыбачий. Была поставлена задача выбить мнимого противника с определённой высоты. Участвовать в таком большом учении очень интересно! Высадка на берег, прыжки с самолета... Круто!!!

Помнишь, как когда-то в школе на зарницах у костра мы пели песни времён войны, и среди них была «Прощайте, скалистые горы»? Там ещё такие строчки есть:

Хоть волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля,
Но радостно встретит героев Рыбачий,
Родимая наша земля.

Так вот, это о том самом полуострове Рыбачьем, на котором у нас учения проходили. Когда я впервые увидел эти места, изумился, как можно было здесь воевать: укрыться-то негде. Камни, камни, камни, небольшие горушки с карликовыми берёзками, стелющимися по земле – вот и вся растительность. И все, кто воевал в этих местах, все до одного – герои! Мы находили много осколков от мин и бомб ещё с войны. Я даже гильзу нашёл с немецкими буквами. Мы сначала подбирали их, а потом перестали – слишком много всего.

Вчера всей ротой в баню походную ходили, здорово попарились... Баню соорудили из большой палатки. Печка жестяная, дырка под трубу, а всё остальное как в настоящей

бане. Даже камни на печке уложили, как подобает в таких случаях. И умещается эта печка в обыкновенный рюкзак, правда, без камней, которых здесь везде полным-полно.

Скоро в роте будут проводиться соревнования по подъёму тяжестей (гирь), я решил в них не участвовать, просто подумал, что с моими ручищами это нечестно будет по отношению к парням. Командир, узнав причину отказа, сказал, что тогда я должен быть судьёй.

Погода здесь переменчива, как хамелеон: то солнышко, то дождь, то вдруг снег – короче, на дню несколько раз меняется.

Тренировки стали более жёсткие, нежели раньше. Напишу несколько новых для тебя слов. Ты уже знаешь, что камбуз у нас столовой зовётся, а вот лестница – трапом, туалет – гальюном, пол в казарме – палубой, корабль – коробка и так далее...

Не помню, писал или нет, что от Сашки письмо получил, пишет, что своей службой доволен. Меня ребята и командир с днём рождения поздравляли, приятно, что вспомнили, но ещё приятнее было поздравительную открытку от тебя получить, от мамы телеграмму.

Вообще Север – край особый, здесь всё на грани нежности и суровости. Стального цвета море, стального цвета небо, стальной нос крейсера, прорезающий стальную волну. И на этом фоне в воздухе видишь парение одинокой нежно-белой чайки как напоминание о хрупкости жизни. Вот меня и на лирику потянуло. Но на самом деле, несмотря на холода, тут птиц великое множество: чаек, гаг, уток, даже свои птичьи базары есть, а гвалт на них стоит, хоть уши затыкай... И ведь прямо на отвесных чёрных скалах живут, птенцов выводят!

Ну пока, Светка. Жду писем твоих. У нас скоро другие учения намечаются, так что, если задержусь с ответом, не пугайся. Твой Глеб».

«Здравствуй, дорогой Глеб!

Здравствуй на далёком Мурмане среди скал и снега! Как же это далеко, на самом краю света, с которого мне и приходится тебя ждать! Однако ожидание это приятное, обещающее долгожданную встречу.

На днях я к Соболевым заходила с Валентиной Архиповой познакомиться, она уже из Мурманска приехала, рассказывала, как твоя присяга прошла, какой ты был статный и красивый в форме морского пехотинца. Фотографии привезла. Вот теперь люблюсь на тебя, каким ты бравым морпехом стал. Ещё Валентина рассказывала о самом Мурманске, о природе северной, про полярную ночь и полярный день, когда летнее солнце совсем не заходит за горизонт – нереальностью казалось всё, о чём она говорила. И как же там люди спать при нём умудряются? Как же тебе, наверно, непросто было привыкать к другому климату? Показывала альбомы, фотографии свои.

По Алексашкиным рассказам о сестре я её совсем взрослой представляла, а она такая ещё молодая, красивая, только с глазами грустными, даже когда улыбается... Всего-то нас на пять лет старше. Рассказывала о своей работе художественным руководителем во Дворце Культуры, о праздниках, что проводила в Мурманске... А здесь ей с работой не повезло. В Доме Культуры все ставки оказались заняты, и потому устроилась работать воспитателем в рабочее общежитие. Поговорили душевно, на-

деюсь, подружмися. После отъезда Лены мне стало совсем не с кем по душам говорить. В библиотеке у всех сотрудниц семьи, дети, а потому и разговоры про мужей, детей, что где подешевле купить, достать, куда в отпуск поехать... Бывает, с Прасковьей Ильиничной, нашей гардеробицей, только и беседую, так что общение с Валентиной мне как воздух необходимо. Лена пишет редко. Она счастлива в браке, у неё всё хорошо, муж в ней души не чает.

А какого я тут случая свидетельницей стала, и не передать! Смех! Помнишь тётку Якимовну, хохлушку, у которой дом возле нашего стоит? Так вот тут её бригадир с мешком бураков чуть было не поймал. Та их с совхозного поля к своему дому тащила, я как раз в огороде кабачки собирала. Слышу крик – ну и выглянула за забор, наблюдая такую картину. Бежит вприпрыжку к своему дому тётка Якимовна с мешком бураков за спиной, а за ней бригадир Зайченко переваливается, постоянно промокая носовым платком своё всё в испарине лицо. Тётка Якимовна женщина бойкая, сильная, а бригадир хромой, да ещё в приличном возрасте, ему ли её с маху догнать? Кричит:

– Якимовна, постой, верни бураки, засужу, смотри!

А тётка Якимовна ему, не поворачиваясь, открикивает:

– Ты, Зайченко, поди-кось догони, а уж потом грози!

Добежала до своего двора, кинула мешок за будку собаки и уселась на лавку агронома поджидать. О том, что у неё Серый – собака грозная, не сунешься, хорошо помнишь, ну и, видно, агроном об этом тоже знал. Доковылял, а во двор-то вступил – услышал сдержанное рычание, но, увидев, что тот на цепи, всё же прихромал на лавку к Якимовне. Запыхавшийся от бега, он мало того что хром, но ещё и грузен. Сидит рядом, отдышаться не может, а потому говорит, задыхаясь:

– Ну... теперь ты... Якимовна... от меня никуда не денешься... Видал я... как ты добро совхозное расхищала... отдышусь малость и найду твой мешок... он приметный, с красной заплатиной на боку... протокол и составлю...

А та вскочила, руки в бока упёрла и бесстыдно так говорит:

– Да ты що бачишь, Зайченко? – и, размахивая руками, по двору забежала, демонстрируя, что она делала. – Я весь день у мыле хожу, в хате тружусь, стирку вон нештучную развела, а ты мне про какой-то мешок речи ведёшь...

Ты бы, Глеб, видел в этот момент Зайченко: он от такого нахальства аж словами стал захлёбываться:

– Значит, весь день трудишься! А кто впереди меня с мешком бежал, бёдрами своими, что кормой, то влево, то вправо заворачивал? Я скажешь?

– Так подись, Зайченко, тебе то пригрезилось, я вон только что из хаты вышла на солнышке погреться да отдохнуть.

И вдруг тараном пошла на него, напирая всей своей огромной грудью, выбивая слова, точно ядра пудовые:

– На світі вжэ давно ведеться, що ныжчий перед вищим гнеться, а більший меньшого кусаэ та ще й бэ, затим, що сыла э...

Зайченко в испуге на скамейке стал отодвигаться от неё, а Якимовна продолжала:

– Прымір не довго б показати, – та цур йому! – нащо чіпать... А щоб кінці як-небудь поховать, я тобі, Зайченко, и хочу байку розказати. Улітку, саме серед дня пустуючи, дурне Ягня само забилося до річки – напиться водички. От чи пило, чи ніглядить: аж

суне Вовк – такой страшный, Зайченко, – напирая на фамилию бригадира, проговаривала слова Якимовна, – та здоровенный! Та так прямісінько й біжить до бідного Ягнати». И ты меня, Зайченко, как тот вовк ягнятко, задавить хочешь?

Зайченко, скорее походивший на ягнёнка в сравнении с крупной Якимовной, нежели на волка, каким та его рисовала (потом она мне сказала, что это так она его басней «Волк и ягнёнок» пугала), вдруг смешно встряхнулся, подбоченился и встал в позу боксёра, даже руки вперёд для отпора выставил и закричал:

– Ты мне голову, баба, своими байками не морочь, я этот мешок с заплатиной у тебя всё одно найду!

– Да по мне що, шукай, – вдруг безразлично произнесла Якимовна.

И ведь, Глебушка, Зайченко на самом деле стал искать, весь двор обошёл – а мешка нет, хотя его маленькие зоркие глазки, кажется, обшарили каждый уголок. В дом заглянул, в сених посмотрел – нет мешка, точно под землю провалился. А тётка Якимовна, улыбаясь, ему квасу хлебного предлагает:

– Притомився, поди, шукать, да, товариш ограмом? Кваску хлебни, полежчаєт, глядишь.

– Куда ты его, баба оглашенная, дела? – грозно спрашивает Зайченко. – Вроде вездє посмотрел! Не могла со двора унести, я след-вслед за тобой бежал.

Якимовна смеётся:

– Так он, товарищ бригадир, у собачки в срачке находится.

– Как так? – не понял Зайченко загадок Якимовны. Его и так лоснящееся от пота в красных прожилках лицо покраснело ещё больше. Видно было, как он напрягался в своих догадках. – Ты мне зубы не заговаривай, Якимовна. Скажи – и глядишь, прощу на первый раз.

– Так я же кажу тебе: не у пчелке в жопке, а у собачки в срачке, чего ж непонятного.

– По-людски объясни, а не загадками.

– Боже милостивый! А я як кажу? Да за будкой собачьей я тот треклятый мешок бросила. Ежели смелый – возьми.

Я думала, сейчас Зайченко Якимовну прибьёт, а он как станет хохотать до слёз, до икоты.

– Ну и хитра ты, Якимовна! Я что, дурак твоему псу бока подставлять? Ладно, на первый раз за смекалку я тебе тот мешок прощаю, но если опять увижу, как ты что-то с совхозного поля несёшь, так и кобель твой не поможет – участкового вызову, он враз разберётся, вникла в слова мои?

– Чего уж не вникнуть. Придётся тебе по такому случаю третьей дорогой обходить.

Если честно, я тоже насмеялась до слёз с этой Якимовны, после отцу рассказывала, и он от души посмеялся, а тебе привет передаёт.

Ну вот, поговорила с тобой, обо всех новостях написала, пора и заканчивать. Пиши о своих делах, друзьях, городе, мне всё очень интересно и важно о тебе знать, каждой строчке от тебя рада и жду, жду, жду твоего возвращения. Всего-то и осталось два годика тебя подождать. Будь жив, здоров, радостен и смел. Семь футов под килем! Твоя Светлана».

Глеб читал письмо с перерывами, подробнее рассказывая друзьям морпехам о тех людях, о которых упоминала Светлана. Затем эта тетрадь-письмо ходила по рукам, пока каждый ещё в отдельности не перечитывал его, и возвращалась к законному

владельцу. О том, что такие необычные письма получает старший матрос Казаков, стало известно и капитану Горелову. Вызвал он Глеба к себе и попросил дозволения давать читать письма всем в роте желающим, а не только близким товарищам, чтобы тем самым поддерживать моральный дух ребят.

Глеб смутился от такого внимания к его переписке со Светой, хотел было отказать, но капитан Горелов, видя замешательство парня, доверительно произнёс:

– Ты, Казаков, понять должен, как важно вдали от дома каждому матросу услышать такой привет. Говорят, что твоя девушка пишет письма в форме рассказов очень целомудренно: о селе, людях – а ведь это самое главное. Будут парни письма её читать и свои родные места вспомнят, знакомых, друзей. Да и детдомовские у нас есть, им письма и вообще редко приходят... Вот скажи, кем она у тебя работает?

– Библиотекарем, – не глядя на капитана, произнёс Глеб.

– Библиотекарем... – потянул слово как-то особенно радостно капитан. – Моя жена Августа тоже библиотекарь. А как это слово расшифровывается, знаешь?

– Нет.

– «Библио», – оживился капитан, – это книга, «тека» – склад, хранилище. Хранилище книг, а я бы добавил – хранилище слов. Теперь мне понятно умение твоей девушки излагать мысли.

– Да, это она может, с начальной школы лучше всех сочинения писала, а в старших классах – рассказы разные, её ребята даже писателем прозвали, на что она всем отвечала: «Да, писатель, вот вырасту большой, напишу книгу, тогда и поговорим». И знаете, товарищ капитан, я верю – обязательно напишет.

– Казаков, Казаков, её письма – уже книга. Значит, договорились, старший матрос? – бодро спросил капитан Глеба.

– Ну, если для поднятия духа надо... – протянул без особого энтузиазма Глеб, но потом собрался и твёрдо добавил. – Только, товарищ капитан, я должен сначала у самой Светланы разрешения спросить.

– А это обязательно, старший матрос, думаю, она у тебя девушка понятливая, разрешит.

И полетело письмо-просьба Глеба из Спутника в Светлый.

«Привет с Крайнего Севера!»

Светик-лучик, Светочка-веточка, Свет нашего Светлого!

Сразу предупреждаю: письмо будет коротким, потому как срочно нужен твой ответ. Такое дело: хочу тебе высказать просьбу нашего капитана Горелова. Он просит позволения давать мне читать твои письма и другим ребятам в роте. Каюсь, сам виноват, зачитал однажды парням твои рассказы. Им из дому письма в полстранички приходят, вот они и пристали – что можно на целую тетрадь писать? И теперь твои письма ждут, как свои собственные, говорят, пишешь ты, как настоящая писательница. Вот чтобы их дух поддерживать, капитан Горелов и попросил взять разрешение у тебя на чтение их всей ротой. Если не разрешишь, я ему так и скажу, он поймёт. Вот такое в этот раз у меня к тебе короткое письмо-просьба. Прости дурака и не поминай лихом. Твой Глеб»

А по роте слух о разговоре Глеба с капитаном уже пролетел. И все стали ждать, даст ли добро его девушка на то, чтобы её письма всем в роте читать? И пришёл долгожданный ответ.

«Глебка, Глебушка, здравствуй, дорогой!»

Здравствуй долго и счастливо во здравии и веселии, хорошем настроении, утром и вечером, на суше и в море!

Когда получила твоё письмо, в котором ты меня спрашиваешь, можно ли мои письма читать всем, растерялась. Сначала сама себе сказала: «Нет, нет и нет... я ведь их только тебе пишу», но в горячке сразу отвечать не стала, дала себе денька два на обдумыванье. Пришла в библиотеку, спросила у нашей гардеробицы Прасковьи Ильиничны Поповой, помнит ли она на своей памяти подобные случаи, когда личные письма не только для личного чтения были, и рассказала о просьбе твоего командира. Ты прекрасно знаешь, какая у нас Прасковья Ильинична умная, она немного подумала и стала мне рассказывать о любви Элоизы и Абеляра, живших во Франции в начале XII века. Абельяр – знаменитый французский философ и богослов. Правда, своими некоторыми взглядами он сумел настроить против себя многие церковные круги. Юноши с самых далёких окраин Европы тянулись в Париж, чтобы у магистра Абеляра научиться тонкому искусству диалектического мышления. Диалектика (на всякий случай) – это учение о развитии, умение рассуждать.

Во то время, когда сорокалетний Абельяр находился на пике своей славы, он влюбился в юную восемнадцатилетнюю Элоизу, племянницу одного из членов совета епископа.

Ах, Глебушка, какой потрясающей оказалась история их любви! Абельяр, став учителем Элоизы, поселился в доме её дяди. В эти дни вместо философских трактатов он писал стихи о любви, а затем весь Париж распевал их. Со временем влюблённые тайно обвенчались, и когда Элоиза поняла, что ждёт ребёнка, Абельяр переправил её в один из монастырей. Узнали об этом родственники Элоизы и решили Абельяру отомстить. Ворвались в дом к богослову и оскотили его, превратив в внуха. После этого надругательства Абельяру ничего не оставалось делать, как из Парижа бежать. Элоиза же, приняв монашество, не перестала любить его и писать ему письма.

Прасковья Ильинична обещала найти мне книгу о них. Когда прочту, обязательно напишу. Ты только представь: XII век, а письма Элоизы к Абельяру до сих пор живут, ими зачитываются, они ранят человеческие сердца.

А ещё известна переписка Александра Блока и Елизаветы Кузьминой-Караваевой, Тургенева и Полины Виардо, других известных людей.

Так вот, когда Прасковья Ильинична мне всё это рассказала, я подумала и решила – пусть твои товарищи письма мои, если они им так интересны, читают.

А вот после этого позволения придётся мне сообщить тебе уже печальную весть. Умер в нашем городе конюх Леонид Павлович Котлов, по известному тебе прозвищу Лень-Лошадист. Оказывается, с войны он в своей груди носил осколок от мины. Хоронили его с почестями всем городом. Одни, выступая, рассказывали о том, каким он был смелым разведчиком на фронте, другие – каким скромным и добрым в обыденной жизни, третьи – как любил лошадей, чистил, холил их. Очень много хороших слов было

высказано, только жаль, что при жизни он их мало слышал. А через день люди заметили, что все его лошади прямоком на кладбище идут. Последовали за ними и увидели, как те своими копытами стали из могилы землю выбивать. В городе переполох! Срочным образом могилу огородили, но это не удержало лошадей, те выбили ограду. Тогда откуда-то привезли камни большие и могилу ими обложили. Не поверишь – на следующий день булыжники были вывернуты и отброшены по разные стороны. Тогда председатель совхоза решил вожака Каурого, на котором обычно Леонид Павлович ездил, отправить на бойню. Жаль неимоверно. А сколько слёз у детворы было! Но делать нечего. Отправили. Могилу цементом обнесли... Но не прошло и дня – лошади на кладбище разбили цемент. Ты когда-нибудь слышал о такой преданности животных? У нас на улицах только об этом и говорят! Сторожа посадили следить, чтобы он не давал к могиле лошадям подходить, да куда там, животные и его в первый же день смели со своего пути. Председатель не знал уже, какие меры предпринимать, и всех старых лошадей вслед за Каурым послал. На том дело и кончилось. Вот такая в нашем Светлом приключилась печальная история. Теперь дядька Пётр, тётки Меланьи муж, определён в конюхи на место Леонида Павловича. Тётка Меланья, зная, что муж обязательно начнёт поминать своего предшественника, его лошадей и напьётся, послала проследить за ним сына Клима, чтоб чего не случилось.

Идёт дядька Пётр с конюшни домой, а сын следом. Останавливается дядька Пётр у столба и, приобняв его, говорит:

– Вот так друг, едят тя мухи, нет теперь ни Лёни-Лошадиста, ни его коней... Вона-ка дело какое...

Постоял ещё, а потом столб и спрашивает:

– А чего это ты, друг, молчишь, не говоришь со мной? Игнорируешь? Брезгуешь?.. Или тебе Лёню-Лошадиста и его коней не жаль? Ну тогда, едят тя мухи, получай, – и со всего маху кулаком как вдарит в столб, всю руку в кровь и разбил.

Подбегает Клим:

– Па-а, ты с кем говоришь-то? Перед тобой ведь столб стоит...

Пётр, от боли кривясь, заулыбался:

– Вишь ты, получил по морде и сразу, вона-ка дело какое, заговорил...

Тётка Меланья к твоей матери за бинтами прибежала, причитая:

– И откуль вин на мою галаву свалился, да кудысь маи вочи глядели, коды шла за яго? Няма жизнь с им стало... В стельку пьянящий даяжит. Биюся, як рыба об лёд, и усё одно – ни сладу, ни ладу...

Рассказала мне обо всем этом твоя мама.

Теперь о погоде. На днях у нас такой ветрище случился! Все деревья, наверно, молились своим корням, чтоб те смогли удержать их от бешенства стихии. Видимо, у ветра из-за чего-то напрочь настроение испортилось и он с завываньем кричал об этом всему свету. Зло рвал с деревьев незрелые шишки, швыряя их в лица прохожих, воронкой крутил пожухлые листья, выл, гудел и плевался...

Сейчас все стихло, золотая осень стоит. Иду тут на работу, подняла с тротуара оранжевый листок дуба, подержала эту каплю осени в своих ладонях и вспомнила тебя. У нас стоит садово-огородная пора. Все занимаются заготовками. Мы тоже с отцом накрутили несколько банок помидоров, огурцов, наварили варенья. Нынче на вишню и яблоки отменный урожай...

Меня Валентина Архипова как библиотечного работника пригласила в общежитие с каким-нибудь выступлением, вот теперь думаю, о чём сделать им сообщение. Там у нас тоже свои читатели имеются. Моет полы как-то наша Наталья Петровна, уборщица (смешная она со своей присказкой: «Вот, девки, ужась-то»), так вот, моет она полы, и заходит в это время в библиотеку жилец общежития Борисов, весь точно спица натянутый, и подёргивает плечами (у него это что-то нервное), потом встал у стеллажа выбирать книгу. А Наталья Петровна везде вокруг намыла, остаётся только место, где он стоит. И так намекает ему, что мешает он пол домыть, и эдак, а он упёртый, ни на шаг в сторону, пока не нашёл то, что надо ему. За это его Наталья Петровна и невзлюбила. Вот как-то вновь зашёл книгу обменять, а она ворчит: «Вот, девки, ужась-то, опять этот политически напуганный явился». Когда ушёл, мы её спрашиваем, почему это она вдруг его так обозвала? Отвечает:

– Так ведь вот, девки, ужась, когда мимо стеллажа с книгами о политике шёл, все плечами дёргал, точно протест этим книгам посылал.

Наталья Петровна-то наша с деревни Лебяжьей, как-то разговорились мы с ней, и рассказала она мне, что у них дома прямо в печке мылись, может, слышал – по-черному. Когда печь вытопят, уголья оттуда выберут, дадут ей чуть поостыть и внутрь забираются. А уж там, в печи, просторно и мылись.

А я её спросила:

– А как же вы, пока забирались в неё, не обжигались?

– Старались ужась-то аккуратно лезть, но, бывало, где задницей и приложишься. Печи-то у нас особой кладки были, и устье с входом ужась широкое. Залезешь, помоешься, а когда уж вылезешь – окатишься. Ужась как мне нравилось мыться-то в печи...

Теперь уже, наверно, таких печей не делают даже в деревнях, только в книгах и можно прочесть о них да услышать от пожилых людей... Это не ваша баня походная...

Так и живём: то печалимся, то смеёмся. Совсем забыла: от Алексаши письмо пришло, пишет, что месяцев через семь домой придёт. В сержанты его произвели. Отцу своему написал, а тот, сам знаешь, лучший друг отца моего. Приходил, хвастался успехами сына. Мне Алексаха редко пишет. Вот он-то скоро вернётся, а тебе ещё служить и служить... Думала, в отпуск приедешь, а ты маме написал, чтоб не ждала – не поняла, почему? И вообще, совсем ты, Глебушка, короткие письма мне пишешь, а ведь я переживаю, знать хочу, как там морскому пехотинцу служится. Как друзья твои? Пиши подробнее, иначе и я тоже начну отписываться. Что, испугала? Вот так-то.

У меня всё по-старому, выдаю людям книги, пишу контрольные, занимаюсь хозяйством, но при этом не забываю думать и о тебе. С тем и остаюсь твоя Светлана».

Прасковья Ильинична и сон Зинки

Однажды в библиотеку зашла продавщица Зинка и стала секретничать с Прасковьей Ильиничной, которая в это время пила чай, но секретничала так громко, что её рассказ вся библиотека слышала.

– Прасковья Ильинична, вы женщина грамотная, подскажите, что мне делать? Два дня сама не своя хожу. Приснилась мне мать и говорит: «Что же ты, дочка, меня в гроб в одних носках положила, аль не заработала я на тапочки? Мне ведь на люди

показаться стыдно. Все с обувью приходят, а я в носках». Я ей, мол, не виновата я, мама, обыскалась тапочек, да когда ты умерла, размера твоего не было. А она мне: «Понимаю, доченька, а всё ж прошу – купи, чтоб ноженьки мои не мёрзли и на людях не стыдно было». Я во сне-то удивляюсь: «Как же я, мама, тебе передам их, ведь ты же умерла?» А она мне: «Что ж, что умерла, только тапочки мне очень нужны. На неделе к нам старичок из соседнего села собирается, вот с ним и передай».

Прасковья Ильинична, что делать-то, раз мать в сон пришла, значит, её и впрямь это беспокоит, но как мне её просьбу выполнить?

– Что-то подобное, Зинаида Ивановна, я уже в своей молодости слышала – бабка одна рассказывала. Если просьбой матери пренебрежешь, замучает приходом во сны. Ты тапочки-то купи и, как в городе покойник появится, с ним и передай.

Все в Светлом знали, что гардеробщица библиотеки Прасковья Ильинична человек необычной судьбы. Родилась на Урале, в начале первой мировой войны в 1914 году, когда страна делилась на «белых» и «красных», жила с родителями во Владивостоке. Отец у неё действительный статский советник, в чине генерала на Восточно-Китайской железной дороге служил... Потом эмиграция по восточным городам. В 1925-м семья попадает в Харбин на развалины императорской России... В 1932-м эмигрирует в Шанхай. Родители болели, и девушке приходилось много работать. Рассказывая Светлане о тех днях, Прасковья Ильинична говорила, что Бог её хранил. А ещё её хранил (в этом она была уверена) Род. Мать была чистых русских кровей, коренная, земляная, из старообрядцев. Да и женская отцовская линия славилась сильными жёнками, начиная с бабки-помещицы, которая наперекор всем замуж не за богатого пошла, а за простого крестьянина...

Всю Великую Отечественную войну Прасковья Ильинична жила мечтой о России, и только в 1947-м эмигранты Китая получили позволение Сталина вернуться на родину. От причала Шанхая отошло сразу пять кораблей. На первых плыл пролетариат, которых в Китае не держало ничто, на втором – люди позажиточнее и так далее. Прасковья Ильинична плыла на третьем, за эти годы она вполне успела встать на ноги, хоть и приходилось одной содержать семью – мать сильно болела...

В 1948-м за ней пришли военные, и попала она в мордовский Гулаг, в котором просидела семь лет, но об этой стороне жизни предпочитала молчать. В Светлое приехала к дальней родственнице. Родных за годы скитаний по лагерям России растеряла. Когда её реабилитировали, устроилась в библиотеку гардеробщицей и до сих пор в ней так и работает. В городе Прасковью Ильиничну считают самой начитанной и грамотной. Ещё бы, ведь она в совершенстве, кроме русского, знала ещё китайский, немецкий и английский языки. Книги на этих языках без словарей читала, даже учителя с разными вопросами к ней бегали советоваться.

Когда Светлана вместе с ней шла домой (а жили они на одной Пионерской улице за три дома друг от друга), спросила:

– Как же так, Прасковья Ильинична, люди в космос летают, а вы во сны разные верите?

Прасковья Ильинична по-матерински обняла Светлану, прижала к себе и с нежностью произнесла:

– Какая, Света, ты ещё молоденькая! Жизнь – она порой такие неожиданные

вещи преподносит, и сны в том числе! Не сразу сообразишь, как в той или иной ситуации поступать.

Видя хорошее расположение духа Прасковьи Ильиничны, Светлана решилась задать давно мучивший её вопрос:

– Прасковья Ильинична, а вы были замужем?

Ответ оказался краток:

– Нет.

– Почему? – вырвалось у Светланы. – Не любили никого?

– Любила, – опять кратко ответила она, – только моего любимого в 36-м расстреляли, когда он в Россию вернулся...

– И что, за всю жизнь больше так никого и не встретили? – не унималась Светлана.

И тут Прасковья Ильинична помягчала.

– Уверена была, что не встречу, но ещё одна любовь ко мне всё же пришла... в пятьдесят шесть... И целых десять лет мы были счастливы.

Света стала умолять рассказать эту историю. То, что в сорок жизнь только начинается, по фильму «Москва слезам не верит» знали уже все, но чтобы любовь пришла, когда тебе под шестьдесят, – это показалось Светлане фантастикой!

– Значит, вы всё же были замужем?

– Нет. У него была жена, многие годы к кровати прикованная, о которой он и продолжал заботиться... В войну она спасла ему жизнь, а потом сама сильно заболела... Обо мне знала и радовалась, что муж её счастлив хотя бы со мной. Помог мне здесь дом построить, у родственницы моей совсем дряхлый был... Десять лет счастья... Встречались мы с ним только днём или вечером, а на ночь он всегда домой уходил, чтобы жену не обижать... Очень порядочный был человек...

После прихода продавщицы Зинаиды к Прасковье Ильиничне и разговора с ней Светланы прошло недели три, когда они прослышали, что на краю Светлого умер старичок. Зинаида тут же направилась к его родственникам, сказала: «Люди добрые, положите в гроб к вашему дедушке тапочки, пусть он передаст их моей матери». А родственники у деда партийные оказались, обругали Зинку, на чём свет стоит, пристыдили и тапочки не приняли.

Через недели две она вновь к Прасковье Ильиничне приходит, рассказывает:

– После, как в городе старичка-то похоронили, ко мне в сон мать опять пришла, сказала: «Что ж ты, дочь, не сделала, как было велено. Я ведь спросила того старичка, а он и знать ничего не знает». Я каюсь перед матерью, мол, не виновата, всё сделала, как велела она, да только родственники того дедушки тапочки не приняли, с оскорблениями за дверь выставили. Мать-то мне: «Что ж, придётся ещё подождать. Я тебе сообщу, с кем можно будет передать». Прасковья Ильинична, что теперь-то делать?

– Что делать? Ведь тебе, Зина, ясно сказано – ждать, – ответила мудрая Прасковья Ильинична.

Прошло больше месяца, когда эта история получила своё завершение. Зинке вновь сон приснился, в котором мать сообщила дочери, что через две недели в соседнем с городом селе погибнет мужчина. Родственники его люди добрые, набожные, не прогонят, пусть смело им тапочки несёт.

Дошли до Зинаиды слухи, что в пору осенней распутицы погиб молодой тракторист. Вот к его родне она и направилась. Без утайки рассказала всё, и тапочки у неё приняли. Положили в гроб и попросили мужчину передать Зинаидиной матери. Зинаида сама и на похоронах была, проводила покойника в последний путь и стала ждать, что дальше будет. Вскоре во сне пришла к ней мать, поблагодарила дочь за то, что просьбу выполнила, и сказала, что больше уж беспокоить её не станет. Пусть с миром живёт, а случится в церковь зайти – помянет хотя бы свечкой.

Знакомство с общежитием и его жильцами

Валентина Архипова вернулась из Мурманска в родительский дом, так и не проотив измены мужа. В Светлом, сразу не найдя работы по профессии, устроилась в общежитие. Ещё с детства она мечтала стать великим Макаренко. Однако в институт педагогический не поступила и на многие годы связала свою жизнь с работой во Дворце культуры. Но, может, её детские мечты были настолько сильны, может, нашлись другие причины, только судьба распорядилась по-своему, определив работать её воспитателем в рабочем общежитии. А кого воспитывать? Взрослых людей, прошедших армию, имеющих детей? Людей, вышедших из заключения? Кого?

Однако ставка воспитателя есть, а значит, надо выполнять требования, предъявляемые начальством. Да и где бы она ещё увидела жизнь без прикрас, столкнулась с разными судьбами, разными людьми?

Валентина помнила, как в первый раз пришла в общежитие, одевшись в самое строгое, но в то же время красивое платье. Когда её увидела заведующая, которая по общежитию ходила в синем халате, чуть задетая её нарядностью, произнесла:

– Вы, Валентина Алексеевна, что, вот так и хотите по этажам ходить? Наденьте халат.

– Извините, Анна Петровна, но я воспитатель, а не завхоз, людям должна пример подавать не только в хороших манерах, но и в умении хорошо одеваться, – спокойно, но твёрдо произнесла Валентина, – в халате я, извините, ходить не стану.

– Ну-ну, – только и произнесла заведующая, а затем протянула ей канцелярскую книгу и добавила, – составьте в ней новый список жильцов согласно их проживанию по комнатам, что даст вам возможность со всеми познакомиться.

Валентина наивно думала, что переписшет всех жильцов в один день, да не тут-то было: кто-то из них находился на работе, кто-то в отпуске, кто-то ещё где, и ходила она так, пока со всеми не перезнакомилась, целый месяц.

Когда бывший воспитатель, увольняясь из общежития по причине нервного срыва, передавала ей дела, то недвусмысленно намекнула на жильца Олега Костычева. Валентина спросила её, чем же он так знаменит? Но та почему-то не стала вдаваться в подробности. «Ладно, поживём – увидим», – подумала Архипова.

Приняв дела, она начала с того, что решила сделать в кабинете перестановку. Правда говорят – новая метла по-новому метёт, вроде тем самым выгоняя дух своего предшественника. Надо было передвинуть столы и шкаф. Валентина выглянула в коридор в надежде кого-нибудь увидеть и позвать на помощь, смотрит – около вахты два парня стоят. Подозвала. Оба небольшого росточка, с большими залысинами, не мальчики уже. Один светловолосый, другой чернявый...

Зашли с прибаутками, мол, какая у них молоденькая да красивая новая воспитательница появилась. Так словами и сыплют, только не поймёшь, то ли подкалывают, то ли насмеваются. Особенно старался чернявый, щупленький. Валентина прерывает его, предлагая познакомиться:

– Меня Валентина Алексеевна зовут, а вас?

– Сергей Бахтин, – сказал светлый, плотный.

– Олег Костычев к вашим услугам, мадам, – клоунски раскланиваясь, сказал второй.

Ах, вот значит какой из себя гроза общежития, о котором предупреждала её в первый день Татьяна Михайловна. При перестановке Валентине нужно было с одного конца комнаты перебраться в другой, и не было пути, как только пройти рядом с Костычевым.

Ему бы отойти, освободить путь, но, видно, он решил её испытать. Ничего не оставалось, как протиснуться между ним и шкафом. Извинилась, что не подумала раньше выйти. Он весь задёргался, мол, что вы, мне так приятно, можно и повторить. От его слов Валентину даже в жар бросило.

– Думаю, повторять, Олег, не стоит. Для первого знакомства и этого много, – сказала, поблагодарив их за помощь, и тут же распрощалась с ними, сославшись на занятость.

Уходя, Костычев и Бахтин пригласили её в гости заходить. Случай скоро представился. Переписывая жильцов, не минула она, конечно же, и комнаты Костычева. И опять разговор получился в одних комплиментах и прибаутках с его стороны.

«Свет, привет!»

Получил твоё письмо и рад-радёшенек хожу. У меня всё нормально, не переживай. Тут у нас парень, Юрка Хохлов из Москвы, разные истории про себя рассказывал, мы ухахатывались. Вот решил тебе их написать. У него дед когда-то в цирке работал, большие, загнутые вверх усы носил. Может, помнишь: в фильме «Карнавальная ночь» Гриша Кольцов просит Леночку Крылову поцеловать его, а вместо неё его целует уса-тый мужик... Так вот, это и есть Юркин дед. А отец там же, в цирке, трюку одному научился. Для этого ему кипятили самовар воды, который он ставил себе на лоб на специальной подставочке, потом эту подставочку со лба выбивал, а самовар с кипятком за ручки руками ловил. Все просто ахали. Во тренировочка! Юрка, рассказывая нам это, смеётся, говоря, что, мол, а сам он научился только других дурачить. Его во Флот-то из техникума призвали, а в техникуме он любитель был ребят разыгрывать. Говорил новенькому: «Веришь, я пятерых одним махом подниму». Тот, мол, как? Юрка ему сначала про свою цирковую династию лекцию «прочтёт», а затем парням, с кем это проделывал, говорит: «Садитесь на пол друг напротив друга». Четверо парней усаживаются, а тому, что не верил, предлагал: «А ты лицом вниз к ним на ноги ложись». Парень ложился. Первые двое хватили его за руки, вторые стягивали штаны, а Юрка под «Алле, гоп!» и под напеваемый цирковой туш товарищей гуталином намазывает лежащему заднее место, да ещё приговаривает: «Не будь лопухом, а то станешь на разводах попадаться всю жизнь». Парни давились со смеху, а новенький бежал в душ мыться.

Ещё случай. Задергал парней Юркиной комнаты военрук своими походами по утрам с проверками. Взяли они резиновый жгут, один конец к дверной ручке привязали, другой к портфелю, набитому книгами, и перекинули его за спинку кровати, что как раз напротив двери стояла. Настало утро, подходит военрук к двери их комнаты, дёрг... Дверь не поддаётся. Со всей силы – дёрг... Дверь распахивается, а на него портфель с книгами летит... Шибанул так, что военрук на два метра в коридор спикировал... А затем из-под книг на весь этаж их отборным матом послал... Разбирательство было. Парни за это дело чуть из техникума не повылетали, зато после этого их комнату все проверяющие стороной обходили...

Ну вот, надеюсь, и я тебя тоже повеселил... Юрке спасибо. А в остальном всё как всегда. Служу... Ребята благодарят за разрешение письма читать, а капитан Горелов тебе персональный привет шлёт. Он, кстати, тоже одну твою тетрадь взял почитать. С морпеховским приветом всем. Глеб».

«Глеб, Глебушка, привет тебе, привет!»

Спешу сообщить, что письмо твоё получила. Рада, что служба твоя проходит успешно, что командир и товарищи – морские пехотинцы относятся к тебе с уважением. У нас в Светлом жизнь идёт своим чередом, правда, в последнее время все точно примороженные ходят, живут ожиданием, что будет со страной? Похороны Брежнева дома по телевизору смотрела и плакала. Ничего поделаться с собой не могла, слёзы сами лились. Вы, наверно, в части тоже смотрели. Вся страна находится в трауре. Вроде и лет ему не скажешь, чтобы сильно много было, только что болел, говорить совсем не мог. А в городке слухи поползли, будто ничего хорошего после его кончины не предвидится, большие перемены грядут. Когда в землю гроб опускали и он то ли сорвался, то ли сильно стукнулся обо что-то, только этот стук по телевизору и хорошо было слышать, вот люди и запаниковали, мол, это к следующим покойникам. И не просто покойникам, а покойникам именно в правительстве. Мне даже не по себе стало. Его правление по продолжительности после Сталина было вторым – 18 лет КПСС возглавлял. А видел, какой эскорт с наградами шёл? Говорили, что у него их было более двухсот...

Теперь глава Союза – Юрий Андропов, возглавлявший до этого КГБ. Да что я тебе пишу, ты в армии это и сам хорошо знаешь. Люди боятся, как бы не вернулся 37-й год, везде только и разговоров о переменах.

Я, как всегда, работаю. Месяц назад ко мне в библиотеку зашёл наш школьный трудовик Сан Саныч и попросил подобрать ему материалы по изготовлению моделей кораблей, хочет на уроках труда с мальчишками заниматься моделированием, рассказывал, что в молодости увлекался этим. Обещал за это шоколадку принести. Я, естественно, не за шоколадку, а просто из уважения к педагогу часа три сидела, перерывая журналы, и сделала, на мой взгляд, достойную подборку. Приходит, материалы отдаю, и он, довольный, уходит, бросая на ходу: «Шоколадка, Светланочка, за мной». Затем через неделю приносит журналы сдавать и заявляет: «Ничего существенного я для себя в журналах не нашёл, так что, Светлана, шоколадку ты пока не заработала». Меня так это задело, что я сказала: «Шоколадку, Сан Саныч, я в состоянии себе и сама

купить, а вот Вы по вашим заказам в следующий раз будете сами в библиотеке сидеть и материалы подбирать, у нас не бюро добрых услуг». Он не ожидал такого поворота и, скривив физиономию, ушёл. А тут опять заглядывает: «Подберите-ка мне материалы по кораблям времени Петра Первого». Думал, забыла я, и тут же исполнять его заказ брошусь, нет, думаю, дорогой, а проучим-ка мы тебя. Приношу ему стопки журналов «Судостроение» за несколько годов и говорю: «Вот, пожалуйста, выбирайте». Он аж взвизгнул: «Но у меня времени нет всё это просматривать!» Я ему вежливо: «Простите, а у меня его тоже нет, вон сколько школьников сидит, и всем помощь нужна, так что Вы, Сан Саныч, управляйтесь сами как-нибудь». Видно, ему деваться некуда, и часа два сидел, пролистывая подшивки за несколько годов по листику. Выбрал два и недовольный ушёл.

После работы к Галине-почтальонше забежала, она просила меня с контрольной ей помочь. Представляешь, никому не говоря, в педагогическое училище поступила, хочет после окончания в детском саду воспитателем работать! Говорит, ноги болеть стали по Светлому бегать, почту разносить. Вот поди-ко ж ты, молодая ещё, нас лет на пять всего и старше, а ногами уже страдать начала. Ну так вот, пошла я к ней, а у неё петух Петрович живёт, настоящий разбойник, никому проходу не даёт. Если Галина за ним не уследит и он выскочит на улицу, по округе клич идёт: «Берегись, Петрович летит!», и все тут же спешат укрыться за чем-нибудь. Галина всё грозит его на суп пустить – только нового петуха купит. Он у неё вместо сторожевого пса, на хромой козе не подъедешь. Даже детей, гаденыш, обижать стал. Наскочит на плечо к тому, кто на пути его появится, и давай в макушку клевать. Я так спешила к Галине, что совсем забыла про этого её Петровича, не прихватила палки с собой отбиваться от него. Так ты что думаешь, Глебушка, он меня к Галине-то впустил, ходил по двору, будто и не замечал совсем, только глазом в мою сторону косил, а когда я позанималась с Галиной и стала выходить, тут-то дорожку мне и пересёк, красноречиво намекая: «А вот теперь ты мимо меня попробуй пройди!» Час от часу не легче. Я книжки на голову – и дёру со двора, но, увы и ах, догнал, заскочил на плечи и давай мне в книгу точно дятел стучать. Увидела это Галина в окно, выбежала с венком и по бокам его, по бокам, еле согнала, так подлец в кофту уцепился. Мы, конечно, посмеялись, но я, однако, Галину предупредила, чтобы теперь сама ко мне на занятия ходила. Пока Петрович жив, я к ней ни ногой. Слишком уж стресс большой пережить пришлось.

А теперь, коль петуха галининова вспомнила, напишу тебе и о своей Капельке. Сам знаешь, мы кур держим исключительно ради яиц, а тут я к Пеструхе-то подошла яйца собрать, а у неё одно надтреснутое и из него цыплёнок выглядывает. Пришлось из скорлупы его достать. Осторожно отламывая кусочки, освободила цыплёнка от «белого плена», отсоединила плёнку, и он, весь скрюченный, маленький, но живой, появился на свет. Когда свободу почувствовал, стал забавно лапки потягивать, крылышки распрямлять. На лапках еле держится, переваливается с боку на бок, ну и чтобы куры с петухами не затоптали, я его домой взяла. Дни проходят, и наш цыплёнок с каждым днём все смелее, бойчее становится. На ножках уже уверенно стоит, и начинает проглядываться в нём будущая курочка. Тогда-то я её Капелькой и прозвала. Смешно смотреть: бегаёт за мной, точно ценок. Приду, бывало, на обед с работы, ключом дверь открою, а Капелька тут как тут, крутится вокруг ног, встречает, радуется,

попискивает. И кто это придумал поговорку о куриной безмозглости? Наша Капелька умна. Мы с отцом к ней так привязались, что когда речь зашла о том, что нужно её в курятник отправлять, я загрохотала даже. А отец настаивает:

– Пора, пора ей в курятнике учиться жить, с другими курицами и петухами знакомиться, иначе потом привыкать ещё тяжелее будет, да и сама знаешь, как они новеньких привечают, и так она у нас слишком долго дома жила, вон уж и на имя своё откликается, стоит только крикнуть: «Капелька, Капелька», несётся на своих тоненьких лапках, переваливается...

Делать нечего, переселили... Месяц-другой прошёл, и уже нашу Капельку от других куриц не отличить, правда, на имя своё по-прежнему отзывается. Стоит мне её по имени позвать – голову вскинет и, расталкивая остальных кур, несётся, кудахча: «Это ко-ко-мне, ко мне. Не к вам-ко. Ко мне». Я протяну ей на ладони крупу пищённую и начинаю приговаривать: «Капелька, умница ты моя, помнишь имя своё», и Капелька, точно понимая, что её хвалят, в ладонь мне радостно тычется, склёвывая зернышки.

Теперь о погоде. Сегодня утром посмотрела в окно – белым-бело. А снег у меня всегда ассоциируется с обновлением и чистотой. Потянуло на улицу к этой чистоте и белоснежному бархату. Даже почувствовала, как внутри меня что-то изменилось, что-то произошло, мысли точно очистились, новый оттенок приобрели.

Но была суббота, потому решила сначала дома немного прибраться, а потом уж выйти на улицу, а то нагуляюсь, и браться за уборку не захочется. И до чего ж обидно: пока убиралась, собиралась – снег исчез. Под окном вновь слякоть, грязные дорожки, рваные облака, ползущие, точно тяжёлые бомбардировщики, прямо на окна нашего дома. Внутри всё сразу оборвалось, как будто кто-то посмеялся над тобой, пошутил, поблазнив чистотой и белизной, а затем грязь подсунул. И всё равно сидеть дома уже не могла, всё ещё тянул к себе неожиданно возникший и также неожиданно исчезнувший снег. Думалось: ну, может, хоть где-то он всё же не успел растаять, но, сколько ни гуляла, так его и не увидела. Старуха осень беспощадно втёрла белизну снега в слякоть тротуаров и грязь луж.

А у вас, Глебушка, зима, наверно, всю хозяйничает? Напиши о зимнем Севере, напиши подробнее о себе. Извини за некий пессимизм в письме. Может, хоть ты меня чем обрадуешь. Длинным, длинным письмом к Новому году. Жду. Пиши, не ленись. Твоя Светлана».

«Здравствуй, Светлана, библиотекаря моя строгая!

Как всегда, пишет тебе морпех срочной службы Глеб Казаков.

И хотя в армии все только и ждут ДМБ, считая время месяцами, днями, банями, яйцами, компотами, но долг каждый призван выполнять до конца. За сто дней до приказа все вновь стригутся налысо, каждые десять дней отдают свою порцию масла молодым. Свои правила есть: если «дед» отдал тебе масло своё, а ты не съел – значит, не уважаешь.

Ты права, на Севере уже зима. Правда, теперь наша рота реже бывает на базе в Спутнике. Больше на кораблях. Прошёл слух о предстоящих учениях. Море дисциплинирует. Нам говорят: нельзя называться морским пехотинцем, если в море не выходишь. А потому ты находишься в постоянной готовности выйти в море.

Ты вот в каждом письме пытаешь меня о службе. А что рассказывать? Служба – это и есть готовность тут же выполнить команду командира. На корабле то и дело слышно: «Поднять лаг! Включить эхолот!», «Доложить глубину и расстояние до берега!», «Принять балласт!.. Перейти на бортовые кингстоны!», «Открыть ворота!.. Опустить аппарат!.. Замерить глубину брода!» «Начать приём десанта!»... Для тебя это будет лишь набор слов, а для меня – жизнь.

Когда корабль идёт к берегу, то, как оказалось, не он приближается к земле, а она гранитными глыбами прибрежных скал накатывается на корабль. Лёгкая дрожь будоражит корпус корабля; скрежет металла по каменистому дну – и наконец корабль грунта касается!..

Свет, я тут маме ко дню рождения стихотворение на открытке написал, в твоё письмо вкладываю, хочу, чтобы ты открытку ей день в день вручила, душу её согрела. Можешь прочесть, секретов нет. Пока, пока, уже на построение зовут. Если от меня долго писем не будет – не переживай, учения идут. Скучаю, всем привет. Пиши. Очень жду. Твой Глеб»

Светлана вытащила из конверта открытку, на которой был изображён букет сирени, поднесла к лицу, точно внюхиваясь в цветы, затем перевернула и прочла:

«Дорогая мамочка, поздравляю тебя с днём рождения!

Посылаю букет твоей любимой сирени. Будь здорова и счастлива. И прими на память от меня стихи, которые я сам не знаю, как и сложил для тебя:

Лишь только здесь, вдали от дома,
Я понял, что такое мать.
Прости, родная, что на гражданке
Не мог я этого понять.
Проходит молодость в бушлате,
В казарме юность умерла,
И мы заметно повзрослели,
На то и армия нужна
Целую, твой сын Глеб»

Светлана посидела несколько минут в грёзах и затем, достав чистую тетрадку, принялась за ответ.

«Высокочтимый Глеб, повелитель души моей, будь здоров!

Ну как тебе моё приветствие? Это я после прочтения истории удивительных отношений одной пары эпохи Возрождения. Ну, просто очень захотелось так тебе написать. Обращаясь к Абельяру, Элоиза пишет: «Господину, а вернее, отцу, супругу, а вернее, брату, служанка, а вернее, дочь, супруга, а вернее – сестра, Абельяру – Элоиза». У нас «господа» в октябре 17-го отменены, но чту я тебя высоко, потому так и написала.

Как оказалось, Глебушка, эпоха Возрождения началась не с великого зодчества или великой живописи, как нам рассказывали в школе, а с великой любви: «Сказать: «Я тебя люблю» – значит сказать: «Ты не умрёшь»» – это из письма Элоизы к Абеляру. Помнишь, обещала тебе о них написать, как книгу прочту? Вот пишу.

Только ты не смейся, Глеб. Когда я читала их историю, слезами обливалась. Ещё раз прочти, как Элоиза обращалась к возлюбленному. Чувствуешь, как подбирает «ещё более нежное и чистое имя, которое только можно измыслить». «Если уж я лишена возможности лично видеть тебя, то подари мне сладость твоего образа в твоих высказываниях, которых у тебя такое изобилие». – Это письмо она, Глеб, писала ему через семнадцать лет после разлуки, пребывая в суровой монастырской обители.

А каким же для нас, Глебушка, станет праздником день твоего возвращения из армии! Закатим пир на весь мир! Я постоянно тороплю время, каждый раз зачёркивая в календаре прожитый день... А утром каждый раз повторяю: уже скоро, совсем скоро...

На сессии в Новгороде опять у твоей тётки Тамары останавливалась. Привезла Галине Игнатъевне от неё письмо. Правда, не поняла, что её так встревожило? Когда она читала его, точно тень на лицо напозла. После долго молчала. Спрашивать о том, что в нём, я постеснялась. Захочет – расскажет, а может, тебе напишет. Просто сказала, что ей срочно нужно на неделю-другую съездить к сестре. Может, тётка Тамара приболела? В последние два дня перед моим отъездом она часто за сердце хваталась и таблетки пила. Съездит Галина Игнатъевна в Новгород – тогда всё и выяснится.

Отец мне на отпуск подарок сделал – путёвку в пансионат «Кристалл», и я впервые наблюдала осень в Краснодарском крае. Напишу впечатления свои, которые записывала для тебя, будучи в Хосте.

Меня поселили в новом корпусе, который сдали буквально два года назад. Рядом прекрасный пляж. Там горы Ахун и Орлиные скалы уносят деревья к самому небу, туда, где много воздуха, жизни и тайны. Чем ближе к морю приближались, тем многослойнее и обнажённое казалось глинное тело хостинских гор. Слой белой глины сочетался с цветом кофе, затем коричневый пласт и вновь бело-серый... Ходили на экскурсию в Самишитовую рощу – это такой своеобразный живой музей, хранилище реликтовой растительности. Один самишит чего стоит! Представляешь: древесина этого вечно-зеленого дерева тонет в воде. Его вообще называют железным деревом – высота самишта достигает до 30 метров, а возраст некоторых достигает 2 тысяч лет.

А как много там было порхающих ярко-пёстрых бабочек или шныряющих по стволам деревьев ящерок – забавы для детей! Или, откуда ни возмись, вдруг вылетит на тебя гигантский кузнечик... Жаль, когда я там была, светлячки уже отлетали своё, не увидела я вечерами их огоньков. Зато стрекоз с глазами – жёлтыми блюдцами великое множество... А птицы в курортной столовой просто прописались на жительство! Игнорируя отдыхающих, они проносились над столами с едой, точно маленькие игрушечные вертолётники... Их не пугал ни стук посуды, ни громкие разговоры. В столовой, как в общей бане, стоит какой-то непрекращающийся звон, только если в столовой – посуды, то в бане – ушатов и тазиков. А ещё там и здесь шум льющейся воды, потому что не успевала поест одна смена отдыхающих, как шла другая. Хорошо, если между завтраком и обедом для работников кухни находился перерыв часа на два. А ещё столовские работники в нашу смену сильно ругались, потому что тарелок не хватало, их

якобы постоянно бьют курортники, потому и еду частенько задерживают. Чтобы времени даром не терять, я книги читаю...

А каким разным представилось мне здесь море! Казалось, сама стихия говорила со мной языком прибоя, в котором сокрыта вся сила и мощь Чёрного моря. Ты написал мне о стальном цвете северного, Баренцева, а я тебе пишу о южном – Чёрном. В плохую погоду синие гребни волн его, ошестинившись, несут свои языки к берегу, догоняя друг друга, и... натываясь на камни, с шумом и треском разбиваются о них. Мощная, грозная песнь! Ни один звук более не проникает в тебя, кроме этого величественного мажорного звучания. Я смотрела на это грозное море и представляла тебя несущимся на военном крейсере по просторам Ледовитого океана.

Затем два дня не переставая лил дождь. Я никуда не ходила, наслаждаясь только чтением книг. Когда гроза прошла, побежала на пляж.

И море представилось мне уже совсем другим. Оно полностью поменяло свой цвет и характер. Куда делась недавняя синева? Цвет изменился на грязно-землистый, постепенно переходящий в оттенки выгоревшей зелени, и только у самого горизонта вновь образовывалась темно-синяя полоса. Волны, набегая на берег и разбрасывая в разные стороны брызги, превращались в пену, которая жадно облизывала прибрежный песок. После больших волн пляж точно вздыбленный: насыпи камней, песка, выброшенные водой на берег морские водоросли, россыпи мелкой ракушки...

Но за неделю погода вполне устоялась, и вновь светило солнце, щебетали птицы, и я шла на пляж слушать море, которое приветствовало меня откуда ни возмись налетевшим холодным ветром, точно посылая весточку от тебя, с Севера. Я чувствовала его прохладу на своей коже, которая тут же покрывалась мурашками. Заигрывая с водой, ветер на море поднимал небольшие волны, серебрившиеся на ярком солнце рыбьей чешуёй... Глядя долго на море, я каждой клеточкой начинала осознавать, как может быть беспомощен человек перед водной стихией. Это поистине необыкновенно – почувствовать себя слитым воедино с природой, морем, воздухом, простором...

Там, на пляже, тебе и себе я нашла «куриных божков» – маленькие камушки с дырочкой насквозь. Говорят, они приносят счастье и исполняют желание. Можешь на свой загадывать желание уже сейчас... Я на свой загадала...

А тут, когда с пляжа до пансионата поднималась, наблюдала картину. Прежде отмечу, что есть там крутой подъём и есть лестница. Я решила себя нагрузить – по подъёму пошла. И вижу, как сверху один мужичок сначала нормально спускается, а потом, не в силах тормозить, а наоборот, набирая разгон, чтобы не полететь кубарем да чего-нибудь не сломать, чуть сворачивает и налетает на дерево. Это ещё далеко от меня было, и нет бы ему дальше-то не спускаться, но, видимо, ускорение уже в одном месте сидело, и он, вновь отрываясь от дерева, начинает спуск. Опять, как может, тормозит, но всё повторяется сначала. Начинает бежать – и уже почти передо мной вновь врежется в дерево. Маленькие его глазки почти на лоб выкатываются, и дышит, как загнанная лошадь, только что язык изо рта не вываливается... Я сочувственно говорю:

– А по лестнице спускаться не пробовали?

– Мне... быстрее... надо, а то... она... уйдёт, – задыхаясь, произносит он.

– Ну, тогда вперед. Только голову берегите, в самом низу круче, чем здесь, – сказала я на прощанье. И этот бедолага вновь побежал...

А через день я его в столовой с женщиной встретила и за спиной своей услышала в её словах капризно-ревнивые нотки:

– Стасик, а что это девушка, проходя мимо нашего столика, так улыбалась те?

– Не знаю, милая, – отвечал он ей, – может, это она своим каким-то мыслям улыбается...

«Конечно, своим, – подумала я, – только с тобой связанными»...

А последняя ночь в Хостинском пансионате как подарок была – чистое, в огромных звёздах небо! Непонятно почему, глядя на него, мне хотелось плакать от счастья. В какой-то момент у меня даже голова закружилась и неудержимо потянуло вверх. Бездонность и ночной холод не пугали, откуда-то появилась уверенность, что звёзды знают меня, и впервые в жизни они были так близки, узнаваемы своим свечением. «Вот он, рядом Космос, – подумала я, – руку протяни! А мы пугаемся его, крадём у самих себя». Одна звезда начала подмигивать, точно в подтверждение моих мыслей. Столько раз я смотрела на звёзды, видела их мерцание, но они оставались только космическими телами, о которых знала лишь из школьного курса, а сейчас сердцем поняла их суть. И почувствовала: скоро Космос начнёт приходить ко мне во сны, и я не боюсь, я их жду. Потому как искренне верю – свет всегда растопит тьму. А звёзды – это и есть свет в ночи. И мне, точно с неба, спустились строчки:

Удивление,
Радостно восторженное,
Аплодировало, восхищалось, будоражило,
В душе прорезая крылья
Ангела.

Ладно, дорогой, уже давно ночь-полночь, отец десятый сон видит, а я всё с тобой говорю, пора заканчивать. Вроде и дождь за окном чечётку перестал выбивать. Ну вот и всё, оставайся с миром. Твоя Светлана».

«Завьялова, привет, привет!»

Прости, что сфамильничал, просто вдруг так захотелось тебя, Светик, по фамилии назвать.

Тут как-то после отбоя лежал и думал, как порой в армии отношения меняются к тем или иным вещам. Ну что моя жизнь в Светлом была, пока в школе учился: мама, ты, наши встречи, Сашка, Ленка, речка, купания, загорания... Всё воспринималось, как само собой разумеющееся, а вот теперь, когда так далеко от всего, детство как-то резко невозвратным увиделось, и порой такая тоска по дому наваливается, что хоть вой. Раньше я не задумывался, насколько всё мне это дорого, так дорого, что сегодня и жизнь свою мог бы отдать, если кто посягнул бы на это. Вдруг почувствовал, как мир для меня сегодня изменился качественно, а может, это я меняюсь – не разобрался пока. И стало это расти во мне, как только служить сюда приехал, когда ещё в Североморске курс молодого бойца проходил. Вдруг Север представился мне другой планетой, где только горы, скалы, снег, который и летом на вершинах скал не тает,

темнота кругом непроглядная, а лето настало – не уснуть, потому что светло, как днём, и солнце в окно пялится... Всё как-то ненормально, не как у людей. На каменных сопках деревья растут, правда, они здесь совсем невысокие, издали чахлыми кажутся, а ближе подойдёшь, потянуть попробуешь – не поддаются, так своими корнями за камни схватываются, не вырвешь. В небе у Баренцева моря чайки такой гвалт устраивают – уши закладывает! И морем пахнет... И самое странное – край этот так в душу запал, что, кажется, родным стал, а какие люди здесь! Особой какой-то доброты и сердца открытого...

В службе дела идут нормально, служится хоть и нелегко, но интересно. Как поживает Михаил Савельевич? Мама писала, что ты к ней заглядываешь, спасибо. Своё письмо написал, теперь с нетерпением буду ждать весточку от тебя. До встречи под яблонькой. Твой Глеб».

В гостях у Галины Игнатьевны

Светлана, узнав, что Галина Игнатьевна Казакова вернулась от сестры, у которой была вместо двух недель полтора месяца, решила забежать, провести её, о здоровье тёти Тамары справиться да с Днём рождения поздравить, открытку Глеба передать. Галина Игнатьевна встретила приветливо:

– А, Светочка, проходи, проходи. Девочка моя, как я, не видя тебя, соскучилась! Глеб-то пишет хоть что?

– Пишет, Галина Игнатьевна, пишет, неделю назад письмо пришло. Да я и Вам от него весточку принесла, не забыли ли, что у Вас сегодня День рождения?

– Забыла, совсем забыла. Ну, давай скорей от сына весточку.

Света, протянув открытку, наблюдала, как жадно всматривается Галина Игнатьевна в то, что написано в ней. Прочитала, поднесла к губам, поцеловала, к сердцу прижала.

– Спасибо, родная, это мне сейчас большое утешение, – и вытерла накатившиеся на глаза слёзы.

– Галина Игнатьевна, ну как же вы в Новгород съездили? Как тётя Тамара поживает, как здоровье её?

– Поживает, куда деться теперь. Мы ведь с ней за это время мать нашу Харитину Ефимовну похоронили, вот после сороковин только домой и собралась, на работу пришлось телеграмму давать, прося дни за счёт отпуска. Хотела к Глебу съездить, а теперь вот придётся отрабатывать.

– А мама ваша где-то далеко от вас обеих жила? Что-то я никогда её ни здесь, ни у тёти Тамары не видела, – просто спросила Светлана.

– Ах, Светонька, это такая давняя история, о которой мы с сестрой только перед смертью матери и узнали. Если есть время, расскажу тебе, а ты запишешь, чтобы сохранить её.

– Конечно, я вся внимание, – сказала искренне Светлана.

После рассказа Светлана обратилась к матери Глеба:

– Значит, вот откуда у Глеба такие синие глаза, от бабушки его! – вспомнив моряка своего, произнесла мечтательно Светлана.

- Правильно заметила, девочка, от неё, у меня, как видишь, глаза карие, да и у отца Глеба они были не голубыми, а темно-серыми.
- Галина Игнатьевна, значит, Вы позволите мне рассказ о Вашей матери записать?
- Прошу, потом и Глебу прочтёшь, теперь в этом тайн нет...

Судьба Харитины

То, что услышала Светлана вечером от Галины Игнатьевны, её очень взволновала, и тут же, после прихода от неё, она села записать, но не коротко, как рассказывала Галина Игнатьевна, а что-то додумывая и от себя.

Началась эта запутанная история ещё в начале века. В дом некоего Ефима Петровича Сурядова неожиданно пожаловали сваты, приехали из соседней деревни дочь его сватать. Не обнаружив хозяина, повернулись было обратно, но Пелагея, жена Сурядова, послала за мужем в поле девку работную, а сама стала гостей принимать, оправдываясь тем, что не знали, не гадали, что к ним такие гости пожалуют, вот хозяин с работниками с утра на сенокос и отправился.

Гости, сидя на лавках, тискали в руках картузы, думая, и что за спешка была посылать их к Сурядову без предварительного сговора. Ну, а коль уж объявили о причине, приходилось терпеливо ожидать.

Пелагея – жёнка умная, увидев смущение гостей, решила мысли их угощениями умаслить, позвав ухаживать не кого-нибудь, а дочь свою. Заодно пусть полюбуются, кого сватать приехали: не коса, не хрома их с Ефимом Петровичем дочь Устинька – заглаđenje одно!

Увидев девицу, сваты одобрительно зацокали языками, мол, хороша, ой, хороша дивчина! Устя же, стеснясь, подавала что-то на стол и под пытливыми и пристальными взглядами тут же убегала из горницы.

Когда в доме с поля появился Ефим Петрович, хозяева с гостями-сватами посидели для приличия, поговорили, выпили и ударили по рукам в полном согласии обженить детей, а те-то друг друга и в глаза не видели. Женихом Устиньи стал Игнатий Нехлюдов.

Пожениться-то молодые поженились, но не прожили и месяца, как в 1914 году грянула Мировая война, на которую вскоре и забрали Игнатия. Когда муж уехал, обнаружила Устинья, что беременна, но куда, с кем о том суженому сообщать? Некуда. Одним словом, война. А в мае 1918-го вошла в их деревню окрашенная густым цветом крови революция. Когда семью-то раскулачивать стали, замахнулся было свёкор на одного красногвардейца, да тут им и пристрелен был, а другой свекровь убил, накинувшуюся с кулаками на убийцу мужа своего. Устинья стояла ни жива ни мертва, держа на руках малолетнего ребёнка, трясясь от страха, что и ей не жить. Но новоявленные представители власти ее не тронули. Они стали рыскать по двору и скидывать в телегу все запасы продовольствия, что были в доме, ценные вещи, выкрикивая:

- Вишь, как мужицкими мозолями кулаки-то сытно жили!
- А мы их пах-пах – и всё стало наше...
- Тряпье бабье будем брать али этой примороженной оставим?
- А че ей оставлять, коль она примороженная, кидаем всё, своим бабам сгодится...

Устинья стояла не шевелясь, пребывая в каком-то нервном шоке. Она точно окаменела, и, чувствуя это непонятное состояние матери, ребенок тоже притих, всем своим маленьким существом растворяясь в ней. Пока завоеватели с полной телегой добра не убрались со двора, Устинья так и не могла пошевелиться. Когда же телега скрылась с глаз ее, из груди женщины вырвался сначала хриплый стон, а затем уже она сотрясалась в рыданиях. Наконец, успокоившись и положив сына в доме, взяв лопату, пошла рыть могилу свекру и свекрови...

Постепенно приходя в себя, стала искать всё, что осталось от погрома, и прятывать на случай, если кому-то опять захочется пожить здесь. И пока хоть какую-то крошку смогла в доме найти, носа со двора не высовывала. Когда же выскребла всё, пошла к людям просить за кусок хлеба хоть какой-нибудь работы. Делать нечего, нужно было выживать. Жила единственной надеждой – мужа дожидаться. А тот и на самом деле вначале 1922 года вернулся. Зайдя в сени родного дома, Игнатий наткнулся на семилетнего невесть чьего ребёнка, который, испугавшись незнакомого мужчину, с криком «мама» помчался в горницу к Устинье. Та, что-то стряпая, развернулась на крик сына и, раскрыв объятия, поймала его, прижала к своей груди, успокаивая, только затем и увидела входящего Игнатия. Сразу заметила, как война изменила его: глаза недобро искрились, губы были очерчены жёсткими складками угрюмости. Увидев мальчишку на руках Устиньи и поняв, что это её ребёнок, Игнатий презгливо бросил:

– Что, пока муж отсутствовал, выродка себе наблудила? Где отец с матерью? Что застыла, точно привидение увидела? Отвечай!

Устинья, ошарашенная таким приветствием неожиданно вернувшегося мужа, поклёпом на её верность ему, заливаясь слезами, взмолилась:

– Ты что ж такое говоришь, Игнатий, муж мой дорогой, супруг долгожданный, это ж сын твой родной Архипушка, кровиночка твоя, после того, как ты на войну ушёл, узнала я, что беременна, если бы только были живы твои отец и матушка, они б подтвердили тебе правду его рождения.

И стала рассказывать, как их раскулачивали, как убили родителей Игнатия, как страдала, перебиваясь с корки на воду, одна с его ребенком, чем вызвала ещё больший приступ бешенства и злобы своего мужа:

– Значит, их убили, а тебя не тронули. Я сам не раз раскулачивал, и уж если мы били, так били всех. Только шлюхи и оставались в живых...

Игнатий, наступая на жену, орал как бешеный. Она опустила на пол ребёнка и, подтолкнув его в другую комнату, закрыла за ним дверь. Игнатий, наконец добравшись до неё, больно схватил Устинью за руку и, швырнув на лавку, стал скидывать с себя верхнюю одежду, разорвал на её груди платье и грубо насильничал. Ублажив свою похоть и злость, он немного успокоился. И как в дальнейшем Устинья ни клялась, ни божилась, что это его сын, Игнатий не верил. А так как Устинья все ещё оставалась красивой женщиной, он стал далее с ней жить, как муж с женой, но сына Архипку так и не признал, обращался с ним, как с худым щенком, а чуть тот подрос – и вообще из дома вышвырнул. Пристроила Устинья сына к тётке Варваре, одинокой родственнице своей, а парень-то мастеровитым оказался, работающим, тётка на него нарадоваться не могла. Вырос Архип и дом её, в землю вросший, так что и

дощатого пола не видать было, отремонтировал, пол поднял, двери с наличники резными сделал, не дом – загляденье. Правда, в армию парня не взяли – ущербным оказался. Время шло, нужно было Архипу уж и женой обзавестись, и стал он на девчат поглядывать, да только ни одна из своей деревни не припала к душе.

Однажды друг Архипа Борис прознал, что на 1 мая в соседней деревне артисты из области большой концерт дают, и позвал его с собой. Деревня недалеко, в двенадцати верстах всего, ноги молодые, чего не сходить!

Друг сразу в клуб пошёл места занимать, а Архип в селпо забежал – тётка заказала купить разноцветных ниток-мулине для вышивки гладью. В дверях клуба столкнулся с девушкой. Та, смущённо опустив голову, спешила покинуть зал, вот тут-то и уткнулась в грудь входящему Архипу. Подняла глаза, а они у неё, точно море, синью парня так и окатили. Ещё больше засмущавшись и бросив: «Простите» – скрылась из вида. Архип несколько мгновений никак не мог в себя прийти, пока не услышал, как его окликнул друг.

Когда рядом сел, спросил, всех ли тот в этой деревне знает.

Парень подтвердил, что всех, его сюда ещё мальцом родители частенько к бабке привозили.

– А не знаешь девушку с глазами, словно море синими? – спросил Архип.

– Здесь в деревне с синими глазами только одна, Харитина-сирота. Живёт у дальней родственницы, нездешняя. Тётка Лукерья её с Ярославля привезла ещё маленькой девчонкой, когда у той родители от оспы померли, взяла сироту к себе на воспитание, а заодно и в помощницы.

И как же Харитина Архипу к сердцу припала! Весь вечер только о ней и думал, окидывая ищущим взглядом зал, но более девушка в нём не появлялась уже. Что случилось, почему из зала выбежала перед самым началом концерта, не знал. А она бежала к корове своей, которая телиться не вовремя начала. Архип, отыскав на следующий день Харитину, признался, что уже жизни своей не мыслит без неё.

Однако обожгла сердце Харитина не только Архипу, но и Игнатию, когда тот впервые увидел её в деревне своей. А когда заметил бежавшего навстречу к девушке Архипа, ещё больше озлобился – такая красота и досталась его ненавистному отпрыску. У жены узнал, что и расписались они, живут законными мужем и женой. Зато как Устинья-то за сына радовалась, частенько забегала к молодым. Игнатий чернее тучи ходил.

Однажды поехали Архип с Харитиной на сенокос. Косы взяли и друг навстречу другу двинулись, а остановились на нескошенной полосе. У покрасневшей от работы Харитины дыхание неровное грудь вздымает, а вокруг цветов... Голова от запахов кругом пошла. Жена Архипа кровь с молоком. И повалил Архип свою Харитину в ту нескошенную полосу из трав и цветов.... Здесь они своего первенца и зачали.

А Игнат, хоть близко к Харитине не подходил, но из виду не выпускал, не мог равнодушно смотреть на её красоту, так глазищами своими наглыми при встрече откровенно и облапывал, раздевал, шарил по молодому телу женщины бесстыдными зенками... Харитина лицо опустит, чтоб ненароком не наткнуться на этот испепеляющий взгляд, и спешит уйти из вида свекра. А ночью мужу признаётся, что боится его отца, как огня, физически чувствует, как он одним только взглядом своим

выжигает ей душу всю. Архип начнёт успокаивать, мол, и он его по малолетству боялся, до сих пор спина помнит вожжи его, а ей он что глазами-то сделает? А если что, Архип ему за Харитину сам голову, как цыпленку, свернёт, не посмотрит, что родная кровь. Успокоит жену, но только до новой её встречи с Игнатием, после которой ту опять начинает в дрожь кидать.

Только дома у себя она от счастья и парила. Двух сынов любимому мужу родила. Игнатию же с Устиньей Бог больше детей не дал, точно наказал за то, что тот сына родного не признал. Зато по службе Игнатий в гору пошёл, председателем колхоза стал. И всё бы ничего, да тут новая война грянула – Отечественная. Архип в первый же день добровольцем на фронт ушёл. Харитина осталась одна с двумя сыновьями малолетними да с дочкой грудной, родившейся перед самой войной. Трудно жила, хотя, впрочем, кто в войну-то хорошо жил? Устинья чем могла помогала, а в 43-м Харитине о гибели мужа извещении принесли. У них с Устиньей – горе, глаза от слёз не просыхают. Зато у Игнатия впервые за многие годы лицо улыбкой кривиться начало. Свою радость он не стал прятать даже от сельчан. Бесстыдно по ночам под дверь к невестке подходил, требуя, чтоб пустила к себе. Грозился, что, если не пустит, дом беженцам отдаст. Прогнать охальника обычно на порог выходила старая тётка Устиньи Варвара, не смотрела, что он в деревне председателем стал, костила, на чём свет стоит, и поленьями со двора гнала. Но Игнатий как ни крути власть, других-то мужиков, кроме стариков, не осталось в деревне совсем. Стал он Харитину во всём зажимать, и начала она с детьми да теткой голодать. По осени после уборки урожая по мёрзлому колхозному полю ползала, собирая картошку детям. Но разве теми мёрзлыми крохами прокормишься? А когда дочь заболела и умерла, решила ради сыновей Игнатия пустить.

Устинья знала, что муж её невестки добивается, голодом морит, и не осудила, когда та после смерти дочери открыла дверь, поняла: пойти на такое её только страх за детей заставил. Не осудила, но мужа своего, бегая вокруг дома, пока тот Харитину мял да тискал, прокляла... На всю деревню выла, кричала... Тётку с детьми Игнатий на это время в чулан запер, а уж сам себе волю дал. Ни на миг Харитина глаз не могла сомкнуть, только губы в кровь искусала, зажимая рвавшиеся из груди крики отчаяния...

Здесь Светлана задумалась, на уме что-то крутилось, что бы ей хотелось ещё добавить сюда. И вспомнила. На 9 мая, когда ветераны войны стали петь частушки военных лет, одна женщина задорно пропела: «Ой, война, ты война / Ты меня обидела / Ты заставила любить, / Кого я ненавидела».

Тогда Светлане эта частушка показалась какой-то уж слишком придуманной. Как можно любить того, кого ты ненавидишь? И только теперь, записывая судьбу Харитины, она поняла всю горечь и трагедию этих четырех, на первый взгляд, простеньких слов. И далее продолжала.

На следующую ночь Игнатий вновь пожаловал, а после и вообще перебрался к ней жить, а тётку к Устинье прогнал. Так молодой красавице Харитине в 1944-м пришлось начать жить с отцом мужа своего и родить ему ещё двух дочерей – Тамару и Галину. Чтобы нянчиться с ними, Игнатий вновь тётку в дом вернул.

Устинья же от всех потрясений и одиночества потихоньку стала сходиться с ума. И однажды, подглядев, как Харитина с детьми и тёткой куда-то пошла, подобралась к дому, где Игнатий после бессонных ночей, связанных с уборочной страдой, спал как убитый, заперла дверь, закрыла ставни и со всех сторон дом-то и подожгла. Так Игнатий в доме том заживо и сгорел. Жуткий крик и вопли его страшные вся деревня слышала, но никто не отчаялся броситься в огонь для спасения. Слишком многим он по-своему жестокосердию досадил. Устинью милиция забрала, но вскоре люди прослышали, что, не доехав до райцентра, где должен был состояться суд, она умерла в катажке. Харитине же ничего не оставалось, как перебраться с детьми в дом Игнатия жить.

Сыновьям Архипа, когда мать с их дедом сошлась, по десять-одиннадцать лет было, большие уже, всё понимали и не простили её измены отцу. Сбежали, в записке написав, что не хотят они больше с такой матерью жить, пусть даже не пытаются их искать. Харитина хотела на коленях у них прощение вымаливать, но как милиция братьев ни искала, не нашла, предположив, что те, скорее всего, для верности сменили фамилию, да и сколько после той войны сирот по земле скиталось, не перечесть...

Харитина, переживая за судьбы своих дочерей, снялась с места и поехала на свою родину в Ярославль, подальше от тех мест, где несчастья навсегда вырвали из её души радость жизни. Беспокоило одно – дочери, чтобы они никогда не столкнулись с той болью, что пережила она.

Время шло, Галина Игнатьевна с сестрой выросли, мужьями обзавелись, но о судьбе своей матери ничего не знали, а сама она никогда им ничего не рассказывала. Девочки по молодости строили всякие предположения, но, боясь ранить мать, не лезли к ней с вопросами. Галина Игнатьевна за военного Анатолия Казакова замуж вышла, и стала её жизнь по гарнизонам мотать. Сюда, в Светлое, к мужниной родне перебралась, когда отец Глеба погиб. Мать же с Тамарой всё время жила, пока и у той не случилась беда, и её муж уже не погиб.

Вот тогда-то Тамара и заметила за матерью странности. Стала та из дома уходить нищенствовать. Деньги, что ей шли по инвалидности и пенсионные, ни копейки не тратила. И чем старше становилась, тем суровее себе кару за сожительство с Игнатием определяла. Тамара найдёт её, в дом приведёт, отмоет, оденет, а она там и дня не может пробыть, боялась, как Игнатий, в огне сгореть, потому и сбегала опять нищенствовать. Больше на рынках обитала, спала где придётся, ела что подадут. И так повторялось из года в год.

Говорила, что гибель мужей дочерей проклятьем Устиньи на их головы легла, и чтоб с детьми дочерей ничего не случилось бы, надо ей у Бога и Устиньи прощение вымаливать, не все ещё муки ада, что себе отмерила, прошла. Говорила, что дети Архипа благословенные, и даже если она о сыновьях ничего не знает, сердце ей подсказывает, что у них всё хорошо, а вот дочерям Игнатия за её предательство жизни нет. Только она своими мучениями и может это проклятие снять-искупить.

Тамара в письме сестре писала, что нашла мать на одном из рынков Новгорода. Стояла за овощами и вдруг увидела лохматую, седую старуху, сидевшую напротив и склонившую голову себе на грудь. Сразу и не признала в ней Харитину, да и когда в последний раз её видела, не была она ещё такой седой. А когда та лицо-то подняла,

Тамара оцепенела от неожиданности, признав в ней мать. Подхватила под руки и с базара в больницу повезла. Мать сначала сопротивлялась, воспринимая дочь чужим человеком, а узнав, смирилась.

Когда же Галина приехала, они с Тамарой её и забрали домой. Несколько дней та всё больше в забытье находилась, а затем, точно очнувшись от долгого сна, позвала их к себе и всё рассказала, а в дополнение добавила:

– Вымолила я вам, доченьки, и вашим деточкам, и внукам моим будущим прощение у Господа, свободны вы теперь от Устиныного проклятия. Живите с миром, а деньги, что за годы моих скитаний скопились на книжке, поделите поровну... А я уж к своему Архипушке пойду, надеюсь, простит меня...

Сказала это и сразу умерла. Настродалась, бедная, за всех настрадалась.

«Здравствуй, солнца Свет!»

Ты пишешь, что хотела слышать голос мой, а я вот твоим наслаждался. Сердце чуть из груди от счастья не выпрыгнуло – будто рядом со мной встала, так явственно тебя почувствовал, даже показалось на миг, что запахом твоих волос повеяло, точно ветром нанесло. Со стороны, кто в это время видел меня, подумали: «Вот дурак, и чего он всё внюхивает в себя?» А это я запах твоих волос в себя втягивал...

С середины января я нахожусь не на Кольском полуострове. Наш корабль бороздит Атлантический океан в районе побережья Западной Африки. Заходили в порт Конакри (Гвинея). Не служба – настоящий курорт... Загорел. Только насморком многие ребята страдают. Учения у нас здесь проходят... Если вдруг где царапину получишь, она долго не заживает – климат для нас после Севера здесь гнилой, африканцы привыкли, и ничто их не берёт, а из нас постоянно кто-то к медику заглядывает...

То, что я далеко, не переживай, пиши, письма твои меня обязательно найдут. Пиши большие, длинные письма, они так помогают нам всем здесь выживать! Сашке, придет, – передавай большущий привет. За всё время службы от него всего писем пять и получил, только от тебя да от мамы новости узнаю.

Мысленно благодарил Абеяра и Элоизу за то, что их история подвигла тебя дать разрешение ребятам читать твои письма. Теперь твои тетрадки ходят по всей роте, я даже переживать начал, чтоб до дыр не зачитали, но они читают их аккуратно, понимают ценность их и отдают в сохранности.

Подружился тут с парнем из Вологды Иваном Оськиным – юморист, каких мало, всё нас частушками развлекает, у него их на каждый случай в запасе имеется, и про морпехов есть: «Мы и в Африке бывали, / И по Азии прошились, / Ах, спасибо, мать родная, / Что в тельняшках родились...»

Пока, пока, кричат на построение. Всегда твой Глеб».

«Здравствуй, Глеб! Здравствуй, морпех страны Советов!»

Глеб, дорогой, надо же, куда тебя занесло – к берегам Африки! Я даже представить не могла, что у вас могут проходить подобные учения. Галина Игнатьевна сказала, что ты ей с корабля звонил. Надеюсь, что там у тебя дела идут хорошо. Понимаю,

проси не проси, большего ты мне не напишешь, тайна военная, а потому и пытаться не буду. Я, наверно, в библиотеке целый час над картой Атлантического океана и Африки сидела, рассматривала её, представляя, где ты там находишься. Девчонки даже подсмеиваться стали, мол, гляди не гляди, а корабль его к тебе с карты не выплывет...

Немного о себе. Ездил на сессию в Новгород, забежала к бабе Кате цыганке. Помнишь, писала тебе о ней? Так вот, она тут меня сильно расстроила, сказав, что с кем-то очень близким мне несчастье произойдёт... Я запереживала и спросила, что от меня требуется, чтобы это несчастье предотвратить...

Бабуля говорит:

– Я этой ночью на кладбище была, говорила чертям, что зайдёшь ко мне, что хочу тебе помочь. Они выкуп затребовали.

– Какой?

– Цепочку золотую.

В горячке я тут же ту, с шеи, сняла и отдала бабушке, умоляя:

– Бабулечка, ты уж получишь чертей попроси, только б с моими родными всё было хорошо.

Она взяла цепочку и ушла. А мне велела три дня у неё жить да ждать решения.

Прошёл день, другой... Баба Катя молчит. Я забеспокоилась. Эту цепочку мне отец на восемнадцать лет подарил, а я её отдала. Стала представлять, как он будет ругать, и опять расстроилась. В голову мысли разные полезли. А что, если бабуля обмануть решила меня, ведь все цыгане на золото падкие, почему она должна быть исключением?

Вечером баба Катя приходит, спрашивает:

– Опять маешься? Теперь, чаю, страхи твои за цепочку, думаешь, отец станет ругать. Не веришь мне?

Я испугалась. Вот ведь всезнающая бабулька... И, не умея хитрить, тут же выложила все свои сомнения.

– Зря маешься. Черти выкуп приняли, цепочку по звеньям разорвали, теперь всё будет хорошо.

Ну, я и запричитала, мол, бабулечка, может, они не рвали её, может, обманули тебя? Ведь черти! Какая им вера? Лучшие я им перстенёк золотой отдам, мне его тётка из Тирасполя на окончание школы подарила, с отцом передав. За него он точно не заругается.

– Черти обманули! Да как у тебя язык сказать такое поворачивается? – рассердилась баба Катя.

Я подошла к ней, обняла и, уткнувшись в плечо, горько расплакалась. Не так из-за цепочки, как из-за переживаний. Когда приступ отчаяния прошёл, всхлипывая, ещё раз попросила:

– Бабулечка, милая, ну попроси чертей ту цепочку собрать, пусть перстенёк возьмут, я им его с радостью отдам.

Впервые видя мои слезы, баба Катя решительно сказала:

– Хорошо, снимай перстень. Этой ночью схожу, поторгуюсь, авось смилостивятся над непутёвой головой. Вот ведь напасть мне! Понять не могу, и почему я для тебя это делаю?

Я сняла перстень, обняла, поцеловала бабушку и, хлюпая носом, радостно произнесла:
– Потому, что ты даже не представляешь, как я тебя люблю!
– Наверно уж, – улыбаясь, подтвердила баба Катя, – не знаю...

Целую ночь я не могла заснуть, такой длинной и тревожной показалась она мне. Все какие-то смутные видения пугали. Будто море вздыбилось, пенными волнами в берег плюётся ... все серо вокруг... Голос отца... Он ведь на море поехал отдыхать... Затем резкий запах уксуса в носшибанул... Ничего понять не могла...

Ждала бабы Катиного возвращения. Какие слова принесёт? Воображение рисовало страшные кладбищенские картины. Как в мрачной непроглядной темноте стоит моя баба Катя одна, посреди могил, а вокруг черти сидят, совет держат. И в бессонной ночи плакала уже от жалости к той, которой приходилось из-за меня терпеть такие муки. И когда, наконец, заскрипело крыльцо, я тут же бросилась дверь открывать. Цыганка вошла вся ёжась от холода. Хорошо, что я всю ночь подкладывала в печь дрова, чтобы в комнате было тепло. Баба Катя прижалась к горячей печке и несколько секунд стояла, отогреваясь, прикрыв глаза. Я боялась чем-то потревожить её. Ждала, пока сама не заговорит. И услышала:

– Ох и устала я, Света, полуночничать, – сказала и протянула мне цепочку.

Я, приняв её, радостно запрыгала, обнимая цыганку:

– Мэ тут камав, бабэ, мэ тут камав!

Услышав вновь признание в любви на цыганском языке, она на одно мгновение прижала меня к себе. С такой нежностью и отчаянием, что я чуть было не разрыдалась от переполняемого чувства к ней. А отстранившись, уже сурово сказала:

– Двух звеньев не хватает, не нашли.

– Какая разница, бабулечка, главное – цепочка целая.

– Не думаю, она у тебя теперь, как нитка – непрочная.

– Ерунда, – радовалась я. – Перстень-то приняли?

– Взяли, взяли, – закричала баба Катя, – ладно уж, давай спать, намёрзлась я в ихнем кругу стоявши. Да и ты, поди-кось, тоже глаз не сомкнула, переживаючи за меня.

– Правда твоя. Сильно ночью нервничала, как бы черти тебя не убили.

– Ну, то не в их власти. Ладно, хватит разговорничать, спать ложись.

Когда баба Катя уснула, я стала внимательно рассматривать цепочку. Ничего, кажется, в ней не изменилось. И подумалось: «А может, черти бабулю только попугали, что цепочку по звеньям разорвали?» Но несколько дней спустя, после лекции, причёсывая волосы, нечаянно задела за неё – цепочка упала на пол и в двух местах словно лопнула. Не придавая этому значения, я в тот же день отнесла её в ремонт. Посмотрели. Запаяли. Говорят, все в порядке. А через неделю опять лопается. Вновь запаяли... Вот и не захочешь, а поверишь...

Когда приехала домой, отец уже с Хосты вернулся, и я порадовалась, что ничего плохого с ним не произошло, что бабуля смогла всё же беду отвести.

Тут в Светлое Ленуся со своим Виталием приезжала бабу Фёклу навестить. И вновь мы с ней наболтались от души, а Виталий в это время бабе Фёкле крыльцо чинил да навес над ним – совсем прохудились.

Я совсем забыла тебе, когда Ленка-то ко мне в Новгород приезжала, её страшную историю написать, а тут она опять о ней вспомнила. Но всё по порядку. Помнишь, она в стройотряде была в деревне? А там не равнина, а довольно гористое место и

река внизу течёт, затем от реки взгорок идёт и плато с кладбищем, и только ещё выше деревня стоит. Жили они в заброшенном клубе: парни на сцене спали, а девчонок «лежбище котиков» находилось как бы в зрительном зале. А до их приезда в этой деревне бабуля умерла – пенсия у нее была всего 15 рублей. Но бабуля не голодала, она сама ловила рыбу, ею и кормилась. И однажды над её могилой студенты увидели летающие фосфорические огни. Сам понимаешь, все были ребятами начитанными, «Вия» Гоголя прочли и решили проверить себя на смелость, не забоятся ли ночью на кладбище сходить. Они уж днём-то ходили туда. Кладбище интересное: надгробия старинные, кресты, надписи XIX – начала XX века. На спор их пошло пять человек: естественно, наша Леночка, докторша Тамара из Ленинградского медицинского института, на два года Ленкиных товарищей старше, и трое парней. Пошли в 12 ночи. На кладбище тихо всё, спокойно, и вдруг слышат, как местная подвыпившая молодежь с реки возвращается. Их не видят – кусты скрывают. Идут, камнями швыряются да покрикивают: «Эй, вурдалаки, вампиры, вон с нашего кладбища!» Местные-то поорали и ушли, а их стало потряхивать от разных страхов. Подошли они к развесистому дубу со столом и скамейками. И Лена с Тамарой одновременно увидели, что на скамейках под дубом сидят за столом друг напротив друга два человека и разговаривают. У одного руки на столе лежат, а второй щеку рукой подпирает. Увидев это, Тамара вскрикнула – и те разом исчезли. Тогда ещё они не знали, что там отец с сыном похоронены, причём ушедшие один за другим спустя день или два. Днём специально пошли, чтоб выяснить, кто там лежит. А впечатление было, что сидели нормальные живые люди. Тамара всю ночь спать не могла, твердя: «Я чувствую: что-то случиться должно». На следующий день, когда они работали в поле, приезжает из райкома комсомола местный парень-комсомолец и говорит, что у Тамары-врача отец умер.

Тогда Лена не знала ещё, что Тамарин отец не умер, а только тяжелейший инфаркт перенёс и долго затем находился в тяжёлом состоянии. Ей Тамара об этом гораздо позже написала, вот Лена мне и досказала эту историю в её приезд с Виталием в Светлое. Как видишь, и такие явления бывают.

Кстати, она же мне рассказала, что их городок Железнодорожный только в 1939 году Железнодорожным стал, а раньше носил смешное название – Обираловка. Одна версия, почему его так прозывали, существует в связи с систематическими грабежами, которым подвергались проезжавшие купцы, а другая – Обираловка была конечной станцией, на которой всех пассажиров обирали, то есть забирали билеты и взымали плату за проезд, а в просторечии город называют просто – Железкой. Такие вот дела.

Ну ладно, заканчиваю писать, нужно папуле что-то сварить на обед, иначе завтра ему совсем нечего будет есть. Вот видишь, хлопоты домашние не дают спокойно жить. Не забудь подробнее написать о службе своей, не встал – лёг, а как полагается, со всей выкладкой боевой и политической, иначе дождёшься – я перестану тебе писать. Ладно-ладно, знаю, не испугаешься. Однако прошу: пиши побольше, а то только начинаешь читать, а письмо уже закончилось. Всё, пока-пока. От папы привет. Твоя Светлана».

«Привет, Светик!

С радостью спешу сообщить, что был безумно рад получить твой очередной шедевр. Благодарю. А вот от мамы я что-то долго писем не получал, как её самочувствие? Всё

ли с ней хорошо? Загляни, если что. Переживаю. Ты вот мне смешные рассказы пишешь, и я решил тебя посмешишь, два анекдота написать – парни недавно рассказали. Первый:

Офицер обращается к новобранцу из строя:

– Как фамилия?

– Украинец.

– Я тебя спрашиваю, как фамилия твоя?!!

– Украинец.

– Да фамилия, ты понимаешь по-русски или нет???!!!

– Да Украинец моя фамилия!

Офицер:

– Так... А национальность?

– Белорус.

– Ты что, издеваешься?!

И второй:

Бабушка отправляет внука в армию и наказывает:

– Служи, внучек, хорошо, командира слушайся и пиши письма домой.

– Хорошо, бабушка, так и сделаю.

Дослужился тот до ефрейтора и пишет на радостях в письме бабусе:

– Бабушка, я звание ефрейтора получил.

А она отвечает:

– Молодец, внучек, смотри, генералов не обижай.

Мы завтра едем на испытание новой техники, не знаю, будут ли ещё какие учения, пока я здесь, ведь до дембеля осталось совсем немного. Кстати, забыл написать: те крылатые выражения, что ты писала мне в письме из фильмов, теперь стали расхожими у всех морпехов нашего батальона. Порой они так смешно вписываются в нашу морскую повседневность, что хоть стой, хоть падай.

На Севере летом комаров тучи! Пока ты на берегу, эти твари заедают так, что живого места не оставляют, ходишь весь расчёсанный. А потом ты им ещё слаще кажешься. Хорошо, что море есть, где их нет – и сразу жить хочется.

Ты знаешь, Света, что мне здесь больше всего понравилось? Не поверишь – белые ночи, когда солнце вообще не закатывается! Можешь себе такое представить? Ложишься спать – оно светит, встаешь – светит. Красота! Теперь оно уже на убыль пошло, завтра 1 октября, скоро совсем за сопки укатится, а там и дембель... Ну ладно, всё, родная, парни уже кричат смену принимать. Пока-пока. Пиши. Твой Глеб».

«Здравствуй, Глебушка!

Здравствуй в силе и бодрости. Вот подумала: как давно ты уже служишь! Кажется, целая вечность прошла. И я целую вечность только и делаю, что письма тебе пишу. И попробуй, поспорь со мной, настоящая вечность ещё несколько месяцев и будет – тысяча дней и ночей, как в сказках Шахерезады, что тебя нет в Светлом. И я за это время так привыкла говорить с тобой в письмах, что не знаю, как буду общаться, когда домой приедешь. В них, как на духу, что наболело, то и пишу, или чему радуюсь...

Последнее время со мной определённо что-то происходит: сны странные замучили, не пойму к чему, или предчувствие чего-то нехорошего. Бывает, после них такая тоска накатит, трудно дышать! Несколько раз и ты снился, Глеб.

Скоро Новый год, мой любимый праздник...Помнишь в девятом классе наш новогодний карнавал? Вчера достала свой наряд Снегурочки, надела, и так явно вспомнился тот вечер... В ушах звенела музыка, даже запах ёлки и мандаринов почувствовала... Вспомнила, как ты посмотрел на меня, когда я в этом наряде в зале появилась. В твоём взгляде было столько восхищения!

Хандрю... Скорее бы уж ты приезжал...

А помнишь Аркашку Свечникова, сына заведующей нашей библиотеки Веры Ивановны? Он старше нас на два класса шёл, вместе с тобой в стрелковый кружок ходил. Из армии пришёл и в Дом Культуры работать пристроился. Ну и решил на новогоднюю ночь у центральной ёлки всем на удивление фейерверк устроить, бежал по всему городу, порох искал. Узнал, что тот имеется у старого лесника Фёдора Петровича Сергиенко, – помнишь, мы ещё к нему на делянку в седьмом классе ездили? Теперь-то он уже на пенсии, в Светлое жить перебрался, так вот Аркашка пришёл к нему и спрашивает, есть ли у Фёдора Петровича порох? Тот, мол, есть, да порченный, подмоченный. А Аркашка настёрный, мол, может, проверим, «городу хочу представление устроить». Ну и уговорил... Нашёл Фёдор Петрович порох, принёс к столу, за которым Аркашка сидел, подвинул пепельницу и предложил парнишке взять щепотку из пачки и проверить в пепельнице на горение... А Аркашка, видно, взял неаккуратно – пока порох к пепельнице нёс, попросыпал. А пачка тут же на столе у окна стояла... Поджог порох, а тот, щелкая и потрескивая, моментом со щепотки из пепельницы ко всей пачке... Как бабахнет! Рама со стеклом к забору вылетела, а старый да малый, как о таких говорят, сидят по пояс опалённые, на лицах только белки глаз светятся – ни бровей, ни ресниц, ни чубов... Что было! Их за этот эксперимент «чуть в милицию не загребли», как выразился Аркашка, рассказывая матери о случившемся. Теперь на него без смеха смотреть нельзя!

А тут ещё случай, правда, он ещё по осени произошёл, хотела тебе написать, да что-то отвлекло. У дома продащицы Зинаиды строят кирпичное здание, а её муж, видимо, потихоньку со стройки досок натаскал и из них нужник новый во дворе поставил. Зинка, пообедав, как полагается, зашла в него, а её обед со строителями на час всего расходится. Те в это время как раз плиты для перекрытий клали. Машинист плиту-то уложил и стал за новой кран разворачивать и то ли отвлёкся, то ли ещё что, только крюком как-то нужник подхватил, в котором Зинка «заседала», и потащил. Увидев это, бедолага машинист, думая, что в нём никого нет, чтоб во дворе ничего не порушить, ещё и приподнял его на метра два в высоту, чтоб на место аккуратно поставить...

А бедная Зинаида там такой вой подняла! Всю округу к своему дому собрала. Да и не мудрено: сидел себе человек, сидел, «думу думал», и вдруг его в нужнике телепать начинает. Зинка за дверь схватилась, чтобы выскочить, а в это время тот вверх пошёл. Ошалелая Зинка из него со спущенными штанами чуть было не вылетела. Вопит благим матом в проёме открытой двери... И смех и грех, мужики на стройке гогочут, а машинисту крана не до смеха, ему ведь этот нужник с бабой теперь ещё поставить

нужно, да чтоб та не пострадала, а иначе сразу тюрьма. Но справился, поставил, вынеся его на середину улицы. Ох и разбирательств было! Зинаида на неделю с нервным стрессом в больницу слегла. Мужа чуть за доски те не прибила, сказала, что это ей за его воровство наказание пришло. Заставила теперь нужник прямо в доме делать. А тому крановщику год условно дали с лишением работы на кране, вот такие дела.

Я знаю, Глебушка, как тебе нравится читать подобные истории про наших жителей, потому так подробно все случаи и описываю.

А вчера в Доме Культуры для педагогов, библиотекарей и клубников организовали идеологический семинар. Обрадовалась, увидев на нём и Валентину Архипову. Из Ленинграда лектор приезжал. Оглядела зал – в нём одни женщины сидят, а я-то по своей наивности думала, что это будет более интересно мужчинам внимать.

Монотонность лектора так убаюкивала, что половина зала стала засыпать, а другая половина своими делами заниматься, некоторые женщины даже вязать умудрялись. А я вот тебе письмо писать... А лектор, как заведённый, продолжал свой никому не интересный монолог: «При всей реалистичности трактовки большевиков в октябре 1917 года, они руководствовались своей утопической целью – построением бесклассового коммунистического общества. Но идеальное государство, как доказала уже история, создать нельзя».

Когда я это услышала, подумала: ого! Смело! И тут же из зала раздался голос одной партийной работницы:

– Но простите, а как же Ленин?

Лектор, несколько не смутившись, сказал:

– Хорошо, давайте обратимся к Владимиру Ильичу Ленину, – и вычитал из своих записей одну из длинных ленинских цитат, далее продолжил: «Ленин во всех своих работах говорит о роли общества, класса, масс, совершенно забывая о личности в этом обществе».

Та же партийница уже более грозно бросила ему:

– Вы специально привели такую цитату, товарищ лектор, для того, чтобы уменьшить заслуги Владимира Ильича в революции. Извините, но моё поколение выросло на имени Ленина. Да не будь его и революции, неизвестно, что было бы с Вами, с Россией! – с настоящей обидой за вождя грозно произнесла она.

Тут лектор, видимо спохватившись, произнёс:

– А кто Вам сказал, что я отрицаю завоевания революции и Владимира Ильича? Я просто призываю Вас к личностной активности в деле строительства коммунизма...

Это был единственный живой всплеск на этом семинаре. Мы с Валентиной с него вышли уже затемно. Валентина, поглядев вверх, мечтательно произнесла:

– Свет, посмотри, луна точно лимонный осколок на небе обронила.

И правда – это был настоящий лунный осколок! Первый раз я видела, чтобы так интересно луну тучи прикрыли.

Кстати, можешь меня поздравить, я в училище уже сдала выпускные экзамены и стала дипломированным специалистом-библиотекарем со средним образованием. А далее планы есть в институт учиться пойти.

А когда была на сессии, девчонки наши как-то затащили меня в Детинец настоящего новгородского квасу на меду испробовать. Вкусный, только его перепивать нель-

зя, как мы убедились, – ноги ватными становятся. В нём ведь хмель какой-никакой имеется, только бьёт не в голову – в ноги. Выпили мы по литровой кружке и хотели было идти, а встать не можем. Ноги не слушались, представляешь? Пришлось ещё с полчаса сидеть, разговорами тешиться, пока в ноги сила не вернулась.

А ещё в Кремле есть памятник «Тысячелетие России». Деньги, чтобы воздвигнуть его, всем народом собирали. Он чем-то напоминает самый большой колокол, что у Софии стоит. На вершине крест. Его держит ангел и коленопреклонённая женщина – символ России. Ниже по окружности скульптурные группы – главные герои русской истории, а ещё ниже достойнейшие люди России: Александр Невский, Дмитрий Донской, Александр Суворов, Михаил Кутузов и далее. Только нет на нем царя Иоанна Грозного. Оказывается, он Новгороду страшное разорение принёс, убивая и топя в Волхове невинных людей. Этот памятник в войну фашисты распилили на части и хотели вывезти, но не успели – советские солдаты город освободили. Вот какая у нас замечательная армия! И ты, мой дорогой Глебушка, сейчас причастен к ней.

Ну вот, Глебушка, все новости и рассказала. Пиши большие о себе, как проходит твоя служба, очень скучаю и жду. Твоя Светлана».

Истории под Новый год

На чаепитии в библиотеке, устроенном по случаю нового, 1983 года, сотрудницы сами себе придумывали развлечения. Так как коллектив был женский, то после тоста за Новый год женщинам ничего не оставалось, как произнести следующий за себя. Сделала это библиограф Любовь Купцова:

– Дорогие девочки! Поднимая этот фужер с шампанским, я позволю себе начать с того, что однажды вот так же, как мы с вами, собрались трое мужчин, и может быть даже под Новый год, и подняли рюмки, чтобы чокнуться. Вдруг у одного в рюмке булькнула золотая рыбка. Они глянули удивлённо, и один из них сказал: «Ну вот нам, мужики, и закусон»... Рыбка взмолилась человеческим голосом: «Не ешьте меня, мужики, я вам желания исполню!» Подумали мужики, поразмыслили и решили: одна рыбка на троих мало, пусть лучше желания исполняет. Задумались... Тот, кто держал рюмку с рыбкой, сказал: «Хочу поумнеть в десять раз!» Раз – и поумнел! Второй подумал, а чем он хуже первого, и сказал: «Хочу поумнеть в сто раз!» Раз – и поумнел в сто раз. Третий подумал: «Дураки, что там десять, сто!» и произнёс: «Хочу поумнеть в тысячу раз!» Раз – и превратился... в ЖЕНЩИНУ!

Библиотеку потряс веселый смех её сотрудниц. А Любовь Эдуардовна, выдержав паузу, невозмутимо добавила:

– Так выпьем, мои дорогие подруги, за нас, умных женщин! И за то, чтобы мужчины научились соотносить свои желания со своими возможностями.

– Замечательный тост! И самое главное – своевременный, – произнесла директриса Свечкина. – За нас-с-с красивых и умных!

Затем они играли в какие-то игры, пели песни у ёлочки, а когда немного подустали, от веселья притомились, стали делиться разными историями. Вспомнили продавщицу Зинаиду Рыжову, что прибежала к Прасковье Ильиничне. Кто-то верил в то, что с ней произошло, кто-то сомневался, ну и обратились к Прасковье Ильиничне:

– А Вы, Прасковья Ильинична, ей просто так сказали, чтобы успокоить, или верите в загробную жизнь?

Прасковья Ильинична, улыбнувшись женщинам и девушкам, заговорила:

– Как можно что-то утверждать или отрицать, чему сам лично не был свидетелем? Я не могу сказать, что верю в загробную жизнь, но и не могу отрицать, что её точно нет.

– Как это так? Если не отрицаете, значит, верите, – сказала методист библиотеки Ольга Каюмова.

– Не отрицаю я лишь потому, что помню рассказ одной женщины, встретившейся мне на пути, – ответила спокойно пожилая женщина.

– Что за рассказ, Прасковья Ильинична, расскажите, – стали упрашивать её сотрудницы библиотеки.

– Надеюсь, вы слышали, что люди иногда впадают в летаргический сон? В это, надеюсь, вы верите? – спросила она.

– Ну, это уже медициной давно доказано, чего отрицать, – подтвердила директор.

– Тогда слушайте. Жила в одной деревне на Вологодчине женщина, по имени Мария. Вроде нормальная, как все, с одной лишь особенностью: раз в год, а то и раз в два года она впадала в летаргический сон. Это могло испугать или поразить приезжих, свои же, деревенские, все знали об этой её странности и совсем не удивлялись уже, когда она вдруг не появлялась на работе по несколько дней. Мужчины в конторе, где Мария работала учётчицей, любовно упирая на «О», говорили:

– Опять нашу МОрусу в сон склонило.

Жила Маруся, вдовствуя со своей матерью-старушкой и двумя ребятишками. Старшенькой тринадцать исполнилось, младшему парнишке – десять. Жила от одного сна до другого. Не раз к ней деревенские холостяки после того, как её муж погиб, сватались (красивой была, хозяйственной), но она всем отказывала, и стали относиться к ней с ещё большим уважением, потому как поняли: честно блюдёт память мужа своего.

Начнём с того, что люди обычно, когда кто-то из близких умирает, плачут. Когда же муж Марии погиб и ей об этом сообщили, она вдруг упала в обморок, и долгое время никто её не мог в чувства привести. Очнулась сама и тоже вдруг. Встала, как ни в чём не бывало, и, не проронив ни слезинки, занялась похоронами. Прошло сорок дней, и первый раз она впадала в летаргический сон, проспав кряду целых три дня, и добудиться её при этом никто не мог. Поначалу деревенские думали – умерла, но пришедший на освидетельствование «тела» врач обнаружил, что женщина еле слышно дышит, а значит спит...

Деревенские бабоньки, хоть и нечасто, но собирались у кого-нибудь в доме на посиделки свои женские, как вот мы сегодня с вами, забавляя себя разными историями, и всегда приставали к Марии, пытая, почему она так долго спит, почему эта привилегия именно ей по жизни досталась. Обычно на эти расспросы Мария отшучивалась, но однажды не выдержала и рассказала, что когда она засыпает, плоть её остаётся дома, а душа улетает в страну умерших, где с мужем и встречается.

Бабонек этот её рассказ не только удивил, но и заинтересовал. Стали они выпрашивать подробности этих её встреч. Ну, Мария и рассказала, что на том свете

есть две стороны: светлая и тёмная, то есть для праведников и грешников. Близко к душам её не пускают, но видеть и говорить с ними она может. Так подолгу разговаривает с душой своего погибшего мужа, рассказывает ему обо всех деревенских новостях. Душа её мужа находится на светлой стороне, и потому он ни на что не жалуется. Не раз ей приходилось видеть и других деревенских жителей. Те тоже расспрашивали её о близких своих, о житье-бытье. Когда уже расходились, к Марии подошла одна недавно вдовствующая женщина, муж которой будто бы утонул, и попросила, когда та снова впадёт в летаргический сон, передать ему поклон и спросить, не надо ли чего.

Через месяцев пять у Марии вновь случился сон, и спала она в этот раз дольше обычного, чем всполошила даже своих родных, а когда пришла в себя, велела позвать ей ту женщину, потому как сразу встать не смогла, была слишком ослаблена. Женщина пришла, и у них случился такой разговор:

– Не нашла я мужа твоего, – говорит ей Мария. – Нет его на светлой стороне, но сказали, что нет и на тёмной. Обычно если нет ни на той, ни на другой, значит, он относится к тем, кто прервал свою жизнь по собственному желанию, а не по намерению судьбы. Чтобы оказаться на светлой стороне или в раю, нужно душу свою в святости держать. Худо, когда её точат черви зависти, злобы, высокомерия и так далее, не быть ей спокойной ни на этом, ни на том свете, но если человек с такой душой сможет перед Богом раскаяться – прощён будет, только за это много молиться нужно. Твой же муж, как оказывается, покончил с собой, и потому ему дорога на светлую сторону заказана.

– И что мне делать теперь? – в растерянности спросила женщина Марию.

– Думаю, грех этот его в церкви отмаливать, другого выхода нет...

На том и разошлись.

Вот такой случай, девушки, был рассказан мне ещё в пятидесятые годы той самой женщиной, и я не склонна не верить ей. Обычно такими вещами не балуют.

– Ой, а я-то какой страшный случай знаю! – заговорила Ольга Каюмова. – Мне его, когда я под Ленинградом в пансионате отдыхала, соседка по комнате рассказала, с её подружкой произошёл. Про притоскованного. Рассказать?

Все закивали головами. А Прасковья Ильинична, улыбаясь, сказала:

– Обычно подобные случаи на Крещение рассказывали, а мы с вами на Новый год. Помните, у Жуковского в «Светлане»: «Раз в крещенский вечерок девушки гадали»? Гадали и всякие истории рассказывали...

– Но мы-то Крещение не отмечаем, значит, под Новый год наши истории как раз кстати будут, – засмеявшись, сказала техничка библиотеки. – Пусть рассказывает, я жуть как люблю подобные байки слушать. Давай, Епифановна, что ты нам за страшилку приготовила.

И Ольга Каюмова, средних лет женщина, мать троих детей, но при этом сохранившая фигуру и выглядевшая точно двадцатилетняя девушка, стала рассказывать:

– Мне рассказывали, как одна молодая женщина долгое время никак не могла найти себе спутника жизни. Вроде и девица всё при всём, и умница, и в компаниях весёлая, а вот на мужиков не везло. Все, что встречались на её пути, никак не отвечали ее требованиям. Но однажды появился на их заводе, где подружки работали,

новый человек. Был он старше Валерии (так ее звали) лет на шесть, и получилось, что не смогла она ему в ухаживаниях отказать. Пригласил на ужин – с этого вечера их знакомство и завязалось. Казалось, ну ничем этот мужчина не отличался от других, а Валерии по сердцу пришёлся. Они встречались просто как хорошие знакомые. На более близкие отношения мужчина не шёл, а уж Валерия и подавно старалась сохранять приличия. Да, впрочем, и в любви ни в его, ни в своей уверенности не было, а без любви, по её понятиям, никакого сближения быть не могло. Так проходили неделя за неделей: кино, театр, вечер в ресторане. Незаметно наступило лето, и получила от мужчины этого Валерия предложение провести с ним отпуск на юге. Валерия долго не думала и согласилась при условии, что они возьмут с собой и её подругу Алевтину. Что ж, подруга так подруга. Лето выдалось солнечным, а море как парное молоко. Красивая фигура Валерии через несколько дней стала отливать шоколадом, и отношения у неё с мужчиной, назовём его Захаром, становились всё ближе и доверительнее. Алевтина не мешала им, у неё нашлись свои интересы и даже компания, потому Валерия с Захаром все вечера оставались наедине. И до одного решающего вечера они забавляли себя разговорами, чтением книг, но в тот вечер...

Они оба сидели на диване в номере гостиницы, говорили и смотрели в окно на заходящее солнце. На горизонте в дымчатом нежно-розовом закате огненное светило медленно скатывалось за горизонт. И чем ниже садилось солнце, тем горизонт все более приобретал малиново-сиреневую окраску...

– Ольга Епифановна, да ты прямо как поэт, описываешь нам все краски в подробностях, будто сама с ними рядом сидела, – засмеялась директриса, – не история, а художественное полотно какое-то. Когда же страшно станет?

– Вера Ивановна, дорогая, всякое лыко в строку. Пусть во всех подробностях и красках рассказывает, так романтичнее и таинственнее получается, – попросила Светлана, любившая послушать рассказы Ольги.

– Извини, что прервала, продолжай, продолжай, – смилостивилась директриса.

– Продолжаю, – спокойно произнесла Ольга, которую уже трудно было выбить из того состояния, в которое она вошла. – Наблюдая эти сменяющие одна за другой картины, Валерия вдруг подумала, что ведь и в жизни, в отношениях между людьми всё стремительно течёт, изменяется. Вот сейчас они сидят с Захаром, которого она полюбила, а завтра случится что-то и он исчезнет из её жизни, а она так ещё и не познала с ним мужской близости...

Здесь женщины, как по команде, посмотрели на Светлану – она одна среди них была не замужем, прилично ли при ней рассказывать такие истории? Ольга, заметив их взгляд, смело сказала:

– Да чего там, пусть Светлана сначала познает теорию жизни, прежде чем перейдёт к практической её стороне.

Видимо, это было сказано настолько убедительно, что все качнули головами и продолжили слушать рассказ Епифановны:

– Валерия взглянула в глаза Захара долгим, обволакивающим взглядом, он впитал в себя этот взгляд, как призыв, и в следующую минуту точно неведомая сила толкнула их в объятия друг другу... Когда всё произошло, Валерия спросила Захара, почему он ни разу не сделал попытки на сближение. Захар ответил, что просто

ждал, пока это чувство родится в ней самой: кто торопится, тот не получает всего наслаждения, на которое рассчитывает и которого так ждёт.

Валерии это было странно, ей казалось, что подобных мужчин уже нет, они обитали в романах, фильмах, но только не в реальной жизни. Так Валерия стала познавать всю силу чувств Захара. Его страсть к ней пьянила, и она ничего больше не хотела в жизни, кроме этой его любви и страсти.

После отпуска они сошлись, но расписываться не стали по каким-то неведомым никому причинам. Валерия расцвела, похорошела, Захар её, как говорится, только что на руках не носил – всё делал для неё. Водой их не разлить. От их любви и счастья и у подруг Валерии голова кругом шла...

Только пожару этих чувств не суждено было долго гореть. Внезапно Захар умирает, а страданию и мучению Валерии, казалось, не будет конца. Тоска снедала её сердце, ни одна мысль не приходила ей в голову, кроме воспоминаний о нём. Ещё до девятидневных поминок Валерия хоть как-то общалась с подругами, которые приходили её успокоить, но после девяти замкнулась. За неделю-другую сошла с тела, исхудала, побледнела, казалась измученной до предела. И как бы на работе подруги ни старались окружить её своей заботой, отвлечь, ничего не помогало. Она только ещё больше замыкалась. Однажды до позднего вечера задержалась у Алевтины, которая попросила её помочь разложить вещи, так как наконец-то получила долгожданную квартиру, и Валерия не могла отказать ей в этой просьбе. После приборки Алевтина, зная нелюбовь Валерии оставаться вне дома, предложила проводить её. Пока шли, выпытывала, что же с Валерией происходит, и та, разрыдавшись, наконец раскрылась ей:

– Я умру скоро, Алевтина, – начала говорить Валерия, – я понимаю, что он меня замучит до смерти, пока не добьётся своего.

– Да кто замучит? – спросила в недоумении Алевтина.

– Захар! – почти выкрикнула Валерия. – Теперь я это знаю наверняка! Его дух терзает меня...

Алевтина была поражена, глядя на перекошенное страхом лицо подруги, она и верила в сказанное ею и не верила.

– Валера, как он может терзать тебя?

– А вот так: я стала принадлежать духу его как женщина, понимаешь, как женщина. Я его не вижу, но чувствую, чувствую всё, что он со мной делает.

Они уже были в лифте, когда Валерия подняла плотно связанный свитер и оголила себя.

Алевтина ужаснулась, увидев на исхудавшем, почти просвечивающем теле подруги отпечатки пальцев широкой мужской руки. Она верила и не верила своим глазам.

– У меня вся грудь в таких же синяках, спина, бедра... Он измучил меня. Я так его любила, а теперь у меня только страх, я боюсь идти домой, боюсь каждой надвигающейся ночи... – истово шептала Валерия.

– А как же ты поняла, что это дух его?

– Помнишь поминки? Так вот, после девятого дня я как обычно легла спать. Наплакалась, конечно, а после двенадцати услышала стук в дверь, подумала – соседка, она, бывает, поздно приходит за чем-нибудь, есть у неё такая беспардонная привычка. Подошла к двери, приоткрыла – никого. Подумала, что почудилось, опять

легла, только ощущение, что лежу одна, пропало. Я почувствовала присутствие какой-то невидимой таинственной силы... Но, списав это на усталость и нервное состояние, постаралась уснуть. И только глаза мои стали слипаться, почувствовала на себе его прикосновение. Я не могла спутать ни с чем эти ощущения! Во мне все задрожало от колотившей нервной дрожи. Я похолодела от страха, лежала, боясь пошевелиться, только чувствовала, как моим телом овладевает кто-то сильный и невидимый, и после этого лишилась чувств. Утром, проснувшись и вспомнив ночной ужас, почувствовала, как меня прошиб холодный пот. И всё же я была уверена, что это всего лишь ужасный кошмарный сон, но когда зашла в ванну принять душ, обнаружила на груди синюшные подтеки, точно их обцеловали врасплох, вот тогда и поняла, что всё это не сон. На следующую ночь я уже не могла ничего делать, я ждала. Снова раздался стук, и я, как загипнотизированная, пошла открывать дверь – и всё повторилось вновь. Прошло уже две недели, как я по ночам не сплю, а, измученная и истерзанная, принадлежу духу. С работы прихожу и кидаюсь на диван, проваливаюсь в сон, но в половине двенадцатого просыпаюсь и жду. Я чувствую, как капля за каплей он высасывает из меня жизнь. Аппетита нет, я почти не ем, живу одним – ожиданием ночи и леденящим душу страхом, поэтому и говорю: силы мои на исходе, ещё неделя – и я умру.

Она, наконец, высказала всё, что в последние дни так мучило её, и сделалась печальной и равнодушной. Алевтина предложила:

– Надо в церковь тайно сходить, помолиться.

– Ходила, не помогает...

– Подожди, я знаю одну бабку-знахарку, она здесь недалеко живёт, пошли, может, она что присоветует.

В Валерии на миг засветилась надежда, она поглядела на часы – стрелки показывали без двадцати восемь, время есть, и только тогда согласилась. Бабка, выслушав женщин, резко сказала:

– Сама виновата: притосковала его, а теперь маешься. Разве ж можно так сильно убиваться по покойнику? Дороги ему наверх не даёшь, вот он тебя и мучает.

– Да ведь она его любила, – защищая подругу, сказала Алевтина.

– Ты вот что, голубушка, сделай, придя домой. Поставь в каждом углу по кресту, нарисуй их, и особенно большой крест – на двери. Закрой все форточки и всё, что может открываться на улицу, и не спи, но и к двери не подходи. Если в дверь биться будут, скажи, что ты живая и тебе о жизни думать надо, а у него свой путь, пусть больше не тревожит тебя. А если боишься, что можешь не вытерпеть, то привяжи к стулу себя, но это уже на крайний случай, и читай «Отче наш»: сильнее этой молитвы нет, записывай, продикуй тебе, – подсовывая лист бумаги, проговорила наставнически старуха. – Крест животворящий и молитва от многого защищают и оберегают нас.

А когда женщины собирались уже идти, ещё и икону Христа Спасителя Валерии в руку сунула, сказав:

– Положи её перед собой и молись, молись, чтоб Господь помог.

Валерия сделала всё, как велела старуха, и стала ждать. После двенадцати раздался стук, она схватилась руками за спинку стула, на котором сидела, и, уставясь

в листок с молитвой, что у иконки лежал, принялась читать: «Отче наш, еже еси на небеси, да святится имя Твоё, да приидет царствие Твоё, да будет воля Твоя... Спаси и сохрани, отведи от меня дух раба Божия Захария». Стук раздался сильнее, затем ещё и ещё. Было такое ощущение, что кто-то рвётся в квартиру, ломится, и тут Валерия не выдержала и крикнула, как научила бабка её:

– Оставь меня, я живая, мне о жизни думать надо! У тебя свой путь! Заклинаю Господом Богом и Пресвятой Божией Матерью, уходи!

Из груди её вырывались рыдания, она уже не чувствовала своих рук, так они занемели от боли, сжимая стул. Сквозь рыдания и всхлипы она с замиранием сердца причитала:

– Оставь меня в покое, милый, оставь, живым о жизни думать надо, – и вновь уже который раз читала молитву и чувствовала, как лихорадит её всю...

Ей казалось: этой ночи не будет конца. Ходила ходуном дверь, дребезжали стекла, а она всё сидела, вжавшись в стул, ни жива ни мертва, боясь только одного – лишиться чувств. Дух не хотел отступать, он рвался в её квартиру, но нарисованные кресты служили женщине надёжной защитой, и с первыми лучами солнца стук и дребезжание прекратились. Валерия без сил упала прямо у стула и провалилась в долгий, глубокий сон. В обед к ней зашла Алевтина, принесла поесть, затем они собрались и пошли в церковь. Заказали сорокоуст по усопшему Захарии, поставили свечи за упокой его души, всё, как научила старуха. Алевтина предложила на время переселиться Валерии к ней, пока та не найдёт обмен. Больше дух Захария её уже не тревожил. Квартиру она свою обменяла в другой микрорайон, да и с завода ушла, нашла работу в другом месте. Через время замуж вышла и родила двойню. Жила без особой страсти, но зато в любви и спокойствии. С Алевтиной встречалась не так часто потому, как и та вышла замуж и дороги их постепенно разошлись...

Вот такой рассказ, – добавила Ольга.

– Боже мой, когда ты о страхах Валерии рассказывала, у меня у самой мурашки по коже бегали. Не приведи, Господи, такого испытать, – сказала Любовь Купцова.

И женщины принялись за обсуждение этого случая...

И тут Виктория Кузнецова вдруг задала вслух вопрос, ни к кому конкретно не относящийся и в то же время обращённый сразу ко всем:

– Так что же получается, девочки, значит, всё же Бог есть?

– Ты что такое говоришь? – шикнула на неё директриса Вера Ивановна. – Мы, работники идеологического фронта, байки вроде сказок слушать можем, а о подобных выводах даже думать не смеем.

– Это Вы, Вера Ивановна, не можете, Вы партийная, а я и в комсомоле уже не состою, а в партии тем более, так почему нет?

– Вика, дорогая, наши космонавты давно уже всем доказали, что никакого Бога в космическом пространстве не видели, – с нажимом произнесла Свечкина.

Ольга Каюмова, хихикнув, сказала:

– А я вот уверена, что Бог – это вовсе не старичок с пушистой пенной бородой, на облаке восседающий, как его частенько в комических журналах рисуют, а некая неведомая нам энергия, сила, которая и управляет миром людей...

– Что-то мы с этими рассказами не о том говорить стали, – опять вставила директриса, – вам, девочки, это надо? Наше государство строительством коммунизма

занято, а вы принялись выяснять: есть Бог, нет Его. Прекращайте мне эти разговорчики, или расходимся по домам.

– Ладно, ладно, Вера Ивановна, будем верить в высшую справедливость и с этим жить, – произнесла примирительно Ольга Каюмова.

Дембель

Наконец и служба старшины Глеба Казакова подошла к концу. Долгожданный дембель! И он, прихватив большую пачку тетрадей-писем Светланы, с двумя пехотинцами, следовавшими до Москвы, ехал счастливым домой. В поезде парни решили отметить своё возвращение и, не рассчитав, слишком много приняли на брата. В пьяном разговоре один из сослуживцев Глеба, Пашка Лысый, девушка которого, не дождавшись его, замуж вышла, в запальчивости бросил товарищам:

– Я вот теперь девкам не верю совсем. Не плетнём придавит, так корова обосрёт, такова горькая селяви получается... Вот ты, Глеб, кажется, всё знаешь о своей, а написала она тебе хоть в одном письме, что любит? То-то и оно, что нет. Я не отрицаю, письма её хороши, но может, у неё просто интерес такой – письма писать. Практиковалась она на тебе, чтобы писателем стать. Моя вон только и писала, что любит, ждёт, а как мне на дембель идти – сообщает: извини, милый, замуж я за другого пошла. А твоя ни разу тебя в письмах ни милым, ни любимым не назвала, что от такой ждать?

Второй морпех, Юрка Хохлов, заступился за Глеба:

– А у тебя, Пашка, за то, что твоя замуж выскочила, теперь язык чешется всех девушек грязью поливать? На рожон лезть и как мышь на крупу надуваться?

– Да баба с возу – лошадь в курсе. Она для меня теперь ноль без палочки, яйцо ты доисторическое, – огрызнулся Пашка.

– То, что Светлана Глебу не объяснялась в любви, ещё ни о чём не говорит. Люди все разные и слова для объяснений находят разные, или не находят, но любят. А тем более Светлана Глебкина знала, что мы все её письма читали. А она бы при этом сюси-матюси разводила.

– Зато ты, Юрка, всегда и всех отмазать горазд. А я считаю: Глебу Светку свою проверить нужно. Пусть телеграмму пошлёт, мол, женился, и посмотрит, что будет? Я тебе так, Глеб, скажу: их на прочность проверять надо. Понял? На прочность... Или слабо?

Глеб, до армии не пробовавший спиртного вообще, сейчас пропустив несколько стопок, полностью потерял контроль над тем, что говорили. Да и полностью уверенный в своей Светлане, членораздельно произнёс:

– По-че-му сла-бо? Будет станция – и по-дам. Только я за сво-ю Светлану спокоен на сто... Что-то, ребята, у меня тараканы в башке крышу то туда, то сюда двигают, может, ей капитальный ремонт затеяли... Я подам...

– Не пори горячку, чтобы затем Лысого не клясть на чём свет стоит, – произнёс Юрка.

– Ты чо его отговариваешь? Мужик сказал – мужик сделал. Это у тебя кишка тонка. А Глебка у нас рубаха-парень!

И на первой ближайшей станции они все втроём пошли на вокзал, и Глеб в их присутствии отбил Светлане телеграмму...

Злополучная телеграмма

С утра погода в городке стояла солнечная, точно отражающая состояние Светланы, ожидавшей со дня на день возвращение Глеба. Из окна Петуховых доносилось пение Анны Герман. Якимовна так заездила пластинку, что даже любимая песня Светланы «Эхо любви» звучала с перескакиваниями: «Покроется небо пылинками звёзд... Мы – эхо, мы – эхо, Мы долгое эхо друг друга...»

Завьялов наблюдал, как дочь, затеявшая генеральную уборку, подпевала любимой певице, совсем не раздражаясь от перескакивания иголки проигрывателя, и радовался вместе с ней, что совсем скоро речь и о свадьбе пойдёт. После обеда он у своего дома увидел почтальоншу Галину Шевцову, которая неуверенно топталась около калитки, не решаясь войти. Михаил Савельевич, чуть прихрамывая, опираясь на клюшку, вышел на крыльцо и крикнул:

– Гала, какую такую весть принесла, что боишься в дом заходить?

Галина, решившая было погодить с вручением телеграммы и собравшаяся уже повернуть назад, вздрогнув от окрика Михаила Савельевича, нечаянно для себя выпалила:

– Так Светлане телеграмму... вот... – почти шёпотом добавила, – принесла...

Светлана, услышав разговор отца с почтальоншей, тоже выскочила на крыльцо.

– Телеграмма, мне, от кого? – спросила, улыбаясь Галине.

– От кого ещё? От Глеба твоего, – обречённо произнесла почтальонша.

– Так давай скорей, не томи, – подбежала к ней с протянутой рукой Светлана.

Галина, сунув девушке телеграмму, быстро, не оглядываясь, пошла прочь со двора. Светлана, вся светясь, развернув надвое сложенный телеграфный бланк и пробежав текст, встряхнула головой, точно отгоняя от себя неприятное наваждение, прочла ещё раз... затем ещё... ещё...

Лицо её резко побелело, глаза померкли, будто в них навсегда погас жизненный свет, и к горлу резкой болью подобралась тошнота. Злополучный листок самолётиком полетел на дорожку. Зажав рот руками, Света бросилась за дом.

Михаил Савельевич, не понимая, что с дочерью стряслось, хотел было последовать за ней, но передумав, тяжёлыми ногами, сразу точно налившимися свинцом, ещё больше хромая, заковылял к серевшему на дорожке листу, медленно наклонясь, поднял его и прочёл: «Света, я женился. Глеб». Задохнувшись от возмущения, Завьялов только и смог в сердцах произнести:

– Тьфу ты ну ты, пальцы гнуты, поганец какой... – и, покачивая головой от возмущения, тяжело последовал за дочерью.

Остаток дня Светлана провела, как в тумане. Боль и нанесённая обида были слишком велики. Она могла ожидать чего угодно, только не предательства со стороны Глеба. Как он мог перед самым возвращением вот так грубо взять и растоптать её большое чувство к нему?

От безысходности она то бросалась на диван и какое-то время лежала, словно окаменевшая, с остановившимся взглядом, то начинала метаться по комнате в поиске выхода. Больше всего сейчас ей хотелось зарыться во что-нибудь, спрятаться от всего и всех, ослепнуть, оглохнуть... Она резко почувствовала, как сразу постарела её душа, точно прожила уже всю отпущенную ей жизнь. Впереди только тьма и никакого просвета...

Поздно вечером, когда поняла, что отец уснул, зашла на кухню, достала яблочный уксус, налила в стакан и сделала глоток. Горло обожгло резкой болью. Пальцы разжались, и стакан с кисло-пахнущим содержимым выскользнул, ударившись, об пол. Светлана, ловя ртом воздух, зашаталась и, не удержавшись на ногах, рухнула рядом. Михаил Савельевич, услышав в кухне раздавшиеся удары, проснулся и, чувствуя, беду, поспешил туда. Резкий запах уксуса тут жешибанул в нос. Завьялов понял, что таким образом дочь решила свести счёты с жизнью. Не мешкая схватил телефон и закричал в трубку:

– Скорая? Срочно! Дочь уксус выпила!

Через несколько минут Светлану везли в больницу. Там стали приводить в чувства и делать необходимые процедуры. Бедный отец сидел в приёмной, ожидая заключения врача. Наконец, тот появился. На дрожащих ногах, сразу сильно постаревший, Михаил Савельевич поднялся со скамьи с тяжёлым сердцем. Доктор произнёс:

– Жить будет, а вот говорить... думаю, с трудом. Сильный ожёг слизистой и связок. Хорошо хоть не уксусной эссенции хлебнула, может, всё и обойдётся, организм молодой, крепкий...

У Завьялова, услышавшего, что дочь будет жить, нервы не выдержали, и он, сотрясаясь в слезах, беззвучно осел на кушетку.

Долгожданное возвращение. Ноябрь 1983-й

Дня через два после случившегося вернувшийся домой и не заставший матери Глеб, отбросив в сторону дембельский чемодан, тут же помчался к Светлане. Он шёл очень быстро, уверенно, чуть раскачиваясь, ещё не отвыкнув от морской качки, шёл в парадной форме со знаками «За дальний переход», «Отличник ВМФ», «Парашютист» в надежде на бурную встречу. О злополучной телеграмме, естественно, давно забыл, будто и не посылал её вовсе. Единственно – смущали на улице встречавшиеся на пути знакомые. Все, как-то странно кивнув головой в ответ на его приветствие, опускали глаза и спешили поскорее отойти в сторону. Разве в городке что-то можно утаить? Потому на следующий день после Светиной попытки отравиться все уже знали о случившемся и причине его.

Заметив подходившего к дому и во весь рот улыбающегося, ещё более возмужавшего Глеба, Завьялов решил встретить долгожданного гостя «достойно». Когда услышал стук в дверь, резко распахнул её и, не говоря ни слова, со всей силы ударил парня тяжёлым набалдашником клюшки прямо между глаз. Наверно, он вложил в этот удар столько силы и ненависти, что Глеб тут же без сознания рухнул, точно подкошенный.

Увидев, что огромный Глеб лежит поверженный от его удара, Михаил Савельевич опомнился и поспешил вновь вызвать «Скорую». Уже в больнице, в которой лежала его Светлана, когда узнал, что парень жив, позвонил в милицию и сообщил о своём поступке. Милиционеры не заставили себя долго ждать. Приехали на «Уазике» и за нанесение тяжких телесных повреждений забрали Завьялова в каталажку.

Когда Глеб очнулся и увидел себя на больничной койке, а рядом печально сидевшую мать, тихо, недоумевающе произнёс:

– Ма-а, что случилось? Почему я здесь? Где Света?

Обрадованная, что сын жив и при памяти, Галина Игнатьевна печально произнесла:

– Ну, здравствуй, сынок.

– Ах, да, ма-а, здравствуй, вспомнил, мы ведь с тобой ещё не виделись, тебя дома не было, и я к Светлане пошёл...

– А зачем же ты к ней после такой телеграммы пошёл, а, сын?

– Какой телеграммы? – сразу и не сообразил Глеб.

– После той, в которой о женитьбе своей сообщал, – сказала осуждающе мать и стала в подробностях описывать события последних дней.

Выслушав всё, Глеб понял, что наделал, и застонал от сильной боли, возникшей в верхней части переносицы.

Мать, видя, что причинила сыну рассказом своим не только боль душевную, хотя это и было вполне заслуженно, но и физическую, горестно произнесла:

– Сейчас вам обоим надо прежде всего поправиться. А уж потом решать, как дальше быть.

Когда в милиции узнали, что Казаков пришёл в сознание и может вполне адекватно мыслить, приехали снять показания и принять заявление на Завьялова.

Глеб, выслушав милиционера, решительно сказал:

– Никакого заявления я делать не собираюсь и прошу немедленно отпустить Михаила Савельевича домой. Во всём случившемся виноват только я.

Без заявления потерпевшего держать Завьялова милиционерам смысла не было, и его тут же отпустили.

Пролежав в больнице с неделю, Глеба наконец выписался, но, когда он стал у врача просить навестить Светлану, ему было категорически отказано. Его появление тяжело приходившей в себя Светлане могло только навредить. Глебу ничего не оставалось, как ждать, когда её выпишут.

За это время он устроил свои дела и встретился с Александром Соболевым, приехавшим из Энска, в котором тот работал на закрытом заводе и заочно учился в Московском химико-технологическом институте. Глеб рассказал другу обо всём происшедшем и попросил помощи.

Спустя месяц выписалась домой и Светлана, но, находясь ещё на больничном, из дома никуда не выходила. Голосовые связки её хотя с трудом, но начинали всё же восстанавливаться, о чём Глебу и рассказал Сашка, зашедший к Светлане, чтобы попробовать оправдать друга:

– Свет, ты же умная. Ну дурак, выпил лишку, решил чувства к нему твои проверить. А сейчас ходит как в воду опущенный или того хуже – из-за угла пыльным мешком пришибленный. Говорит – без тебя ему жизни нет. Прости, а? Свет...

Светлана все спокойно выслушала, а затем медленно, очень тихо, с болью в голосе произнесла:

– Алесаш, передай Глебу, что больше я не хочу слышать о нём...

Соболев ушёл, а Светлана бросилась в свою комнату, зарылась лицом в подушку и горько заплакала. Плакала по своему прошлому, которое казалось ей сейчас светлым и радостным и которое уже никогда не повторится. Будет всё по-другому: хуже, лучше, но всё по-другому. До неё вдруг стало доходить, что счастье было счастьем тогда, когда они с Глебом держали его в руках. Стоило чуть обоим ладони разжать

– и вот оно уже готово выскользнуть, выпорхнуть птицей вольной, улететь... Светлана ещё верила – оно не утрачено до конца, всё зависит от неё, ведь Глеб уже не раз делал попытки к сближению, это она ещё не готова простить его, слишком сильна оказалась обида, нанесённая злополучной телеграммой. Сначала ей казалось – всё, вычеркнула его из своей жизни, поставила точку в отношениях, после больницы стала было успокаиваться, но при первой же встрече с ним поняла, как зыбки были все эти её надуманности. При первой же встрече с Глебом, при первом взгляде на него её сердце вновь бешено забилось, заволновалось, готовое выпрыгнуть, и только огромным усилием воли она не бросилась ему на шею, прощая всё и вся. А после дни напролёт только и делала, что думала о нём, с каждой минутой всё больше возвращаясь в прошлое, в письма... Она не могла понять, как примириться с самой собой: с холодным трезвым рассудком, кричащим об обиде, и тем огромным чувством, тем чувственным желанием видеть подле себя только его, Глеба. Не могла, не хотела верить, что всё утрачено и ничего нельзя возвратить.

Когда вышла на работу, Прасковья Ильинична очень тактично заметила ей, что иногда жизнь вдруг покажется слишком несправедливой к тебе и тогда в душе возникает чувство незащищенности и хрупкости, а мир воспринимается только в серых тонах, становится враждебным и чужим... Но ничто не укрепляет душу, как посылаемые ей испытания. А излечить от душевных переживаний её может только прощение...

Аргентинское танго

Михаил Савельевич, видя, как страдает его дочь, однажды вечером поставил на проигрыватель пластинку с «Аргентинским танго» и сказал изумлённой Светлане:

– Дорогая барышня, разрешите ангажировать вас на танго.

Светлана удивилась. Она знать не знала, что её отец умеет танцевать, да ещё танго, ведь у него, сколько она себя помнила, была повреждена нога, но приглашение приняла. Танго ещё в танцевальном кружке было её любимым танцем, но достойных партнёров, может, кроме Алексашки Соболева, для неё никогда не находилось. И когда отец обнял её за талию, почувствовала его силу. Они танцевали медленно, но с большим чувством, каждый выражая в танце своё, наболевшее. При этом совсем не чувствовалась хромота Завьялова. Когда музыка закончилась, Света с огромной благодарностью обняла за шею отца и, крепко поцеловав, вдруг разрыдалась.

После танца Михаил Савельевич, чуть больше прежнего прихрамывая, усадил дочь на диван и, поглаживая по голове, тихо успокаивал:

– Вот и хорошо, родная, поплачь, поплачь, слёзы тоже лечат...

Чуть успокоившись, Светлана спросила:

– Папка, а почему я никогда не знала, что ты так танго здорово танцуешь? Ты его с мамой танцевал, да?

– Нет, дочка, история, связанная с танго, – это история до того, как я познакомился с твоей мамой. А знаешь ли ты, что самой знаменитой тангисткой в России была Эльза Крюгер, выступавшая когда-то в театре Арцыбушевой со своим партнёром Вали? Даже выражение такое было – «цвета танго», то есть цвета спелого абрикоса.

– Как это?

– А вот так. «Цветом танго» называли вещи оранжевого цвета: конфеты, переплеты книг, галстуки, ну и всякое другое...

– Нам рассказывали, что по миру этот танец начал своё путешествие с Аргентины, где его считали народным.

– Да...Танго!.. – задумчиво произнёс Михаил Савельевич. – Танец моей молодости. Танец прикосновений и чувств. Меня учили исполнять его остро... но сдержанно, энергично... но ни в коем случае не грубо...

– Папуля, как интересно, а мне можно узнать твою историю? – умоляюще спросила Светлана.

– Этой истории, доченька, скоро исполнится ровно тридцать лет. Всё случилось в Кронштадте, в годы моей службы там. В часы увольнений я первым делом бежал на танцплощадку, чтобы встретиться и потанцевать с Ариной Павловой, девушкой в которую влюбился с первого взгляда. Как она танцевала!!! Однажды там устроили конкурс на исполнение разных танцев. Когда заиграло «Аргентинское», я, сорвав тут же с клумбы у танцплощадки розу, пошёл через весь зал ей навстречу, протянул розу, она заколола её себе в волосы, и мы начали танцевать.

Перед началом танцев я сказал ей, что, думаю, уже не смогу вырваться, чтобы хотя бы ещё раз прикоснуться к ней в ритме танго и на прощанье заключить в свои объятия... Ведь на целых полгода нас должно было разлучить море.

Наверно, наше танго было чуть откровеннее, чувственнее, нежели у других пар, потому как оно увлекло нас в ураган страсти, взволновало, как бушующее море, и хотя наши ноги, руки, тела едва касались друг друга, а лица старались быть неприкосновенными, мы не сумели спрятать до конца наших чувств... Здесь слова не нужны, за нас говорили наши глаза и движения...

После танцев у меня оставалось ещё полчаса, чтобы проводить её к общежитию... Я понял, как она расстроена. Когда время вышло, я спросил, будет ли она меня ждать? И она ответила: «Да».

– И что же? – разочарованно спросила Светлана. – Не дождалась?

– В лодке случился взрыв, мы оказались на дне моря... Родным сообщили, что, выполняя ответственное задание, подводная лодка погибла, но меня и Алёшку Фомина Бог спас... Несколько месяцев я валялся в госпитале, а когда вернулся в Кронштадт – узнал, что она, сильно страдая от полученного известия о моей гибели, навсегда уехала из города в неизвестном направлении... Вот такая, дочь, совсем нерадостная история...

– И ты совсем не искал её?

– Искал... но всё бесполезно...

– Понятно... А когда ты с мамой познакомился?

– Когда вернулся домой, в Светлое, она в больнице работала, а я частенько туда со своей ногой заходил, вот и познакомился. Только недолго пожить вместе пришлось, знаешь ведь, что сразу после твоего рождения умерла – неудачно сделали кесарево. Однако что-то мы, девонька, с тобой совсем заболтались. Одно помни: своё счастье ты сама строишь, не упusti его.

– Спасибо, пап, и за танго, и за историю... – произнесла с благодарностью отец Светлана.

– Не стоит, дочка, наверно, давно нужно было рассказать тебе это, ведь ты у меня уже совсем взрослая. Единственно, если разрешишь, совет дам: не стоит пытаться переделывать кого-то «под себя», надо просто принять его таким, какой он есть, каким создал его Господь. Оригиналom можешь быть только ты сама, а другой – только твоей плохой копией. У каждого своя чаша, из которой он пьёт свою жизнь, свои лекарства, горькие или сладкие... Тут я по радио интересную передачу про царя Соломона услышал и историю, с ним связанную. Несмотря на то, что царь Соломон умным слыл, жизнь его очень беспокойной была. Однажды решил он обратиться за советом к придворному мудрецу: «Помоги – уж очень многое в этой жизни способно вывести меня из себя». Мудрец дал ему кольцо, на котором была высечена фраза: «ЭТО ПРОЙДЁТ!», и сказал: «Когда ты почувствуешь сильный гнев или сильную радость, посмотри на эту надпись, и она отрезвит тебя. В этом ты найдёшь спасение от страстей».

Соломон последовал совету Мудреца и обрёл спокойствие. Но однажды, во время одного из приступов гнева, он, как обычно, взглянул на кольцо, но оно ему не помогло – наоборот, он разгневался ещё больше. Сорвав кольцо с пальца, хотел зашвырнуть его куда подальше, но вдруг увидел, что на внутренней стороне кольца тоже надпись имеется: «И ЭТО ТОЖЕ ПРОЙДЁТ...». В жизни, дочь, всё относительно и скоротечно... главное – прожить СВОЮ ЖИЗНЬ, а не чужую, и счастья не упустить... Ошибки совершают все, но не все умеют прощать...

Светлана с любовью смотрела на отца и, пока он рассказывал, думала о том, каким же он был красавцем в молодости... Он и сейчас оставался благородно-красивым мужчиной. Роста чуть выше среднего, довольно крепкий, Михаил Савельевич подчас во многом мог дать фору молодым. На большой его голове, как озеро в пору зимней стужи, блестела залысина, а от нее волной спадали совершенно седые, но довольно густые волосы. Ухоженная, такая же седая окладистая бородка, усы и большие выразительные глаза. Лоб прорезали несколько глубоких морщин. Черты лица его можно было назвать даже где-то аристократическими. И что бы он ни носил – всегда выглядел опрятно и интеллигентно. Имелись женщины в Светлом, которые тайно сохли по нему до сих пор, но сам Завьялов ни себе, не своей внешности никогда не придавал никакого значения. Это шло откуда-то из глубины, от врождённых генов по материнской линии, предки которой были из обнищавших дворян. Но они были в таком глубоком прошлом, что Светлана знала об этом только по старым, сохранившимся в семейном архиве фотографиям начала XIX века. У неё всегда возникало желание заняться родословной, но она не знала, с какого боку к ней подступить и как она правильно делается.

Завьялов был натурой широкой и доброй.

Письмо Глеба

Начиналась уборочная страда 1984 года, и Глеб совсем перестал появлялся в городке, а когда поля Светлого были убраны, его бригаду направили на помощь уральцам. Сначала парню хотелось отказаться: а вдруг Светлане взбредёт в голову куда-то уехать или ухажёра себе завести? Но подумав, решил – нужно положиться

на судьбу. Если им судьба вместе быть, то дождётся, нет – тут уж ничего не поможет. И Глеб не стал отказываться от этого предложения, давая Светлане время простить его. В перерывах между сменами, когда его товарищи, мёртвые от усталости, валились спать, брал ручку и писал:

Здравствуй, Светка, Свет моих очей!
Моя хранилища мудрости и всепрощения!

Три года, пока я служил в армии, ты освещала мой путь, давала силы для выживания в самых, казалось, невыживаемых условиях, в шторма, когда корабль мотало, как соломину морская пучина... Я жил мыслью о тебе и о нашей встрече.

Когда после одного из учений я загубился в госпитале, ты спасла меня. Вспомни предостережения твоей бабули-цыганки, твои видения морской пучины, твой сон... Ни тебе, ни матери я не писал об этом, чтобы не расстраивать. Так вот, одна мысль, что ты у меня есть, сильнее действовала, чем все капельницы и уколы медсестёр вместе взятые. Я никогда не писал тебе в письмах слов любви, как, впрочем, не делала этого и ты... Писать письма для меня вообще было мукой. Как оказалось, это дано далеко не всем.

Да и что такое любовь? Просто слово, а ты для меня – это воздух, которым я дышу, глоток воды, которым можно утолить жажду. Каждая чайка, невеста откуда появляющаяся в суровом небе морских просторов, – это была ты, Света.

И когда осенью меня около двух часов мотало в Ледовитом океане, потому что во время одного учебного похода и прыжков с самолёта меня шквалом ветра отнесло далеко от берега и я, запутавшись в стропях, не сразу смог совладать с парашютом, а командир в горячке «боя» не заметил отсутствия одного из своих морпехов, моё сердце не разорвалось от холода только благодаря тому, что его согревала мысль о тебе. ЗАЩИТА твоя и бабки твоей цыганки.

Я знаю: я был форменным идиотом, когда попался на пьяную бредовость о проверке твоих чувств. Да, ты ни разу не призналась мне в своих чувствах, но ведь все твои письма – это и есть ЛЮБОВЬ! Большая, огромная, всепоглощающая любовь ко мне, Глебу Казакову. Света, ведь это так?!

Будто пелена спала с моих глаз! Абеляр... Элоиза... ведь её выдержки из писем к этому богослову ты не просто так приводила в своих, через них ты объяснялась в любви мне, а я, дурак, тогда этого не понял... Ведь написав: «Я тебя люблю» – значит сказать: «Ты не умрёшь» – это не просто фраза какой-то Элоизы, это был твой оберег для меня от смерти там, в ледяной воде. К сожалению, до меня это дошло только сейчас.

Но, Света, если там ты вырвала меня из пучины смерти, зачем же сейчас толкаешь в её объятия? Жизнь без тебя мне не нужна...

Веду комбайн по пшеничному полю, колосья под ветром полощутся, точно море... и вдруг чётко вижу твоё лицо... На отдыхе уставлюсь на тускло горящую лампочку, на её мерцание, и высвечивается твоя улыбка мне...

Света, родная, прости меня и будь вновь рядом, обещаю: ты никогда больше не пожалеешь об этом. Навсегда твой Глеб. Август 1984 года.

На следующий день он отправил письмо.

Отойди от Светланы, она моя девушка

Приехав с уборочной, Глеб вновь встретился с Александром и сказал:

– Если ты мне настоящий друг, то как хочешь исхитриться, но примири со Светланой. Хоть через отца своего, ведь отец Светланы и твой большие друзья. Сашка, помоги, без неё мне совсем жизни нет.

Пока Александр думал, как всё лучше устроить, Светлана стала на людях появляться с парнем лет на пять старше себя, с которым познакомилась ещё в больнице. Звали его Алексей Уваров. В Светлом он объявился за несколько месяцев до вышеизложенных событий, устроившись работать новым бригадиром. Старый – Пётр Васильевич Зайченко был торжественно спроважен на пенсию. В больницу Алексей попал с гландами, которые ему вырезали, вот тогда-то со Светланой и познакомился, а затем с большим букетом цветов явился к ней домой. Светлана, чтоб хоть так проучить Глеба, решила принять ухаживания своего нового знакомого и стала с Алексеем в открытую под ручку гулять по городку.

Глеб несколько раз издали понаблюдал за ними, а затем, как-то вечером встретив Алексея одного, сурово сказал:

– Послушай, приятель, подобру-поздорову прошу: беги от Светланы, точно кросс сдаёшь, она моя девушка, я сейчас не с ней, потому что промеж нас конфликт вышел, но это не значит, что с ней может ходить любой другой. Понял меня?

Алексей Светлана уже успела понравиться, и он, парень неробкого десятка, не собирался вот так с ходу сдавать свои позиции, и хотя Глеб был выше и сильнее его, открыто сказал:

– Это только в шортах бегают от долгов – ногам свободнее, едрическая ты сила. Поздно метаться, Глеб. Я много слышал о вашей истории и считаю – сам виноват, а если она предпочла меня тебе, то разговор окончен. Я не собираюсь отказываться от неё.

Глеб спокойно выслушал тираду Алексея и уже более грозно добавил:

– Ещё раз членораздельно словами говорю, далее за себя не ручаюсь – оставь Светлану, чтобы рядом с ней я тебя близко не видел. А если не понял – не поминай лихом, как говорят. Ты в Светлом без году неделя, а уже зубоскалить пытаешься...

Алексей, думая, что Глеб только пугает, твёрдо повторил:

– Даже не надейся, право слово.

И тут же получил от Глеба с размаха удар. Да, видимо, тот не слишком силу свою рассчитал: Алексей как стоял, так и упал. И пришлось Глебу его на руках в больницу тащить. А когда парень пришёл в себя, то тихо сказал:

– Я всё понял. Тяжёл ты на руку, Глеб, а потому мне пора ласты клеить, едрическая ты сила. Светлана и на самом деле твоя девушка.

Разговор с Михаилом Савельевичем

Александр, помня о просьбе друга, купил однажды вечером пару бутылок водки, пива и пригласил своего отца Алексея Юрьевича сходить посидеть к Завьялову. Алексея Юрьевича особо уговаривать посидеть с другом не пришлось.

Соболев-старший был среднего роста, коренастый с крепкими большими рука-

ми в толстых прожилках. Жизнь и работа, испытывая на прочность, закалили его и сделали довольно выносливым мужчиной. Он научился не только махать кузнечным молотом, но и столярить, плотничать. Самому, своими руками пришлось перестраивать родительский дом, какую-то мебель делать... По молодости им с женой Татьяной постоянно не хватало денег купить что-то новое... Густые тёмные волосы его даже сейчас не потеряли цвета, а сединой припорошены были только его виски. Он не носил бородки и усов, как это делал Завьялов, скорее наоборот, любил начисто брить лицо, смачивая его после этой процедуры пенкой после бритья или запашистым лосьоном. В голосе Алексея Юрьевича была мягкая басистость, и всё же, несмотря на некую напускную строгость, то ли во взгляде, то ли в доброй усмешке и прищуре глаз чувствовался в Соболеве старшем ещё мальчишеский задор.

Михаил Савельевич встретил их радушно. Думая, что Александр к Светлане, хотел позвать дочь, но тот остановил его, сказав, что они с отцом пришли навестить его, о жизни поговорить. Завьялов, смекнув, о какой жизни собрался говорить Александр, спросил:

– Мирить Светлану с Глебом что ли пришёл?

Александр, отвечая на вопрос Михаила Савельевича, и глазом не повёл:

– Да нет, что мне их мирить. Умудрились поссориться – пусть сами и мирятся, а мы с батей к тебе посидеть, я через две недели снова в Энск уезжаю, теперь долго в Светлом не появлюсь.

– Добре, – сказал Михаил Савельевич, – проходите, сейчас и на стол соберу. Светлана сегодня щи сварила, рыбку нажарила, картошечку, а теперь будет ещё и водка под солёный огурец.

Уютно расположившись на кухне, выпили за здоровье хозяев и гостей.

Завязалась нехитрая беседа.

Алексей Юрьевич спросил своего друга, помнит ли он случай, как они с ним после войны были колхозом отправлены для работ на лесозаготовках.

– Как не помнить? Конечно, помню. 47-й стоял. Голод страшный! За буханку хлеба 500 рублей положь или два литра молока. Твой отец, Сашка, среди нас самый мелкий – от горшка два вершка. И вот однажды прознали старшие мальчишки, что для лесозаготовщиков в лавку окорок привезли, и решили стащить его. Лавка – небольшая комнатка, отделяющая продавщицу от покупателей прилавком, в котором только проход и имелся. Нас, мальчишек, на лесозаготовках не жаловали, кидали что похуже, как собачатам, а потому жизнь нам казалась хуже горькой редьки. Голодали страшно. Я больным свалился, вот старшие и решили этот окорок стащить, чтоб меня подкормить и самим наесться, – одним словом, выживали, как могли. Так вот, Лёшка поднырнул под крышку рядом с прилавком и потихоньку, пока старшие отвлекали продавщицу, окорок тот вытянул. Если бы кто прознал – мы бы все в тюрьму угодили, тогда такими делами не шутили. Однако, голодные, мы этот окорок съели в момент, а кости в лесу поглубже зарыли, чтоб ни одна собака не могла отрыть, если что...

– А я помню, – подхватил друга Алексей Юрьевич, – месяц прошёл, и получил я за работу на лесозаготовках две буханки хлеба и 400 рублей. Шёл до станции счастливый, чувствуя себя настоящим богачом. Ребят, что постарше были, ещё на десять

дней работать оставили, а меня к мамке отправили... Так вот, иду я до станции, радуюсь, и вдруг догоняет меня тамошний почтальон. Увидел, паразит, как мне хлеб давали, вытащил деревянный самострел и хрясь мне им по рукам! Вырвал узелок с хлебом – и был таков. Я, ошарашенный разбоем среди бела дня, да ещё со стороны взрослого, прорыдал как белуга до самой станции...

– Так тебе было-то всего десять лет...

– Ну да... Четыреста рублей не деньги, на них и одну буханку не купишь. Приехал домой с опухшими руками, рассказал матери, а она обняла меня и, утирая слезу, с горечью произнесла: «Слава Богу, что не убил»...

– Да, в жизни, мужики, чего только не намешано... Ну что – первая рюмка колом, вторая соколом, третья мелкими птишками... По третьей махнем, что ли, – и, выпив третью рюмку водки, Михаил Савельевич произнёс, качая головой, – если что на роду написано, то на сивой кобыле не объедешь. Помнишь, Лёшка, как мы с тобой в госпитале с пародией «Всё хорошо, могущественный фюрер!» выступали? Ты хоть Сашке рассказывал о том?

– Да как-то к слову ещё не пришлось, – признался Алексей Юрьевич.

– Ну ты даёшь! А текст-то свой фюрерский не забыл?

– Обижает, Мишка, я не только свой текст – всю пародию до сих пор наизусть помню. Помню и то, как ты из меня Фюрера делал, клея усы, срезая по клочку каждый раз перед выступлением с нашего пса Дымка. С тех пор у меня на шерсть собачью аллергия, да и отращивать усы зарёкся, а тем более бороду, как Мишка, носить. До сих пор запах собачьей шерсти моё обоняние помнит. Нас приглашали тогда в госпиталь выступать каждый день, так всем эта пародия нравилась.

– А что за пародия-то такая? – заинтриговался Александр.

– А мы сейчас её тебе в ролях пропоём, – сказал, смеясь, Завьялов, – правда, Лёш?

– А запросто, как в детстве! Я выступаю в роли Фюрера, а Мишка – в роли Барона, – сказал тот и, приободрившись, запел:

Алло, барон, какие сводки?
Как битва на море идёт?
На сколько тонн сработали подлодки,
И как живёт немецкий флот?

Михаил Савельевич подхватывает:

Всё хорошо, могущественный фюрер,
Всё хорошо, и мы горды!
Спокойно всё среди полярной бури,
За исключением ерунды.
Мы, правда, вам не сообщали –
На барже кранец потеряли.
А в остальном, могущественный фюрер,
Всё хорошо, всё хорошо!

Фюрер – Алексей Юрьевич:

Алло, барон, какой там кранец?
Мне что-то трудно вас понять.
Как мог порядочный германец
Какой-то кранец потерять?

И вновь Михаил Савельевич:

О, майн готт! Подлодка так вильнула,
Что не успели мы уйти,
А если баржа тотчас затонула,
То как же кранец нам найти?

Алексей Юрьевич, входя в раж:

Алло, барон, я так взволнован,
Как все арийские сердца.
Скажите всё, опять скажите снова,
Всё от начала до конца.

Михаил Савельевич речитативом:

Шёл караван наш в Баренцевом море
Тоннажем триста тысяч тонн,
Он был в безбрежном северном просторе
Подводной лодкой окружен.

Торпеды бешено рвались,
А мы бежали сверху вниз,
Наш транспорт скрылся под водой,
Сперва один, потом другой,
Чтоб смерить моря глубину,
Эсmineц наш пошёл ко дну,
Нас били тут и били там,
Обломки плыли по волнам...
А фон-дер-Глуппе, адмирал,
Один на катере удрал,
И спасся я, и спасся он,
Погибли тридцать тысяч тонн,
И был, скажу, такой аврал,
Что кто-то кранец потерял...

А в остальном, могущественный фюрер,
Всё хорошо, всё хорошо!

– Ну, отцы, – восхищенно произнес Александр, – вы и даете! Высший пилотаж, я вам скажу! Только почему такую пародию до сих пор от людей прячете?

– А как-то не вспоминалась... Мы ведь не ветераны войны, чтоб какими-то своими воспоминаниями о войне делиться. А вот сейчас зашла речь о послевоенном детстве, и вспомнилось, – произнёс, пожимая плечами, Михаил Савельевич.

– О войне легко слушать, но не дай Бог её видеть, – добавил Алексей Юрьевич.

– А я вот, батя, до сих помню частушку военных лет, которую ты мне однажды спел, – сказал Сашка.

– Это какую же? – спросил Соболев-старший заинтересованно. – Я тебе много пел...

– А всё про того же Гитлера, батя, про Гитлера. Если подзабыл, слушай вместе с дядей Мишей, – сказал Соболев-младший и запел: «Сидит Гитлер на дубу, / На высоком на суку, / Я из снайперской винтовки / Ему пестик отсеку»...

– Ну ты, Сашка, молодец, запомнил ведь, а из моей памяти она уже выветрилась успела, – сказал, довольно улыбаясь, Алексей Юрьевич.

– А хочешь, Сашка, я тебе ещё один случай из детства расскажу? Сразу после войны произошёл, осенью 45-го.

– Это ты про взрыв, что ль? – спросил Алексей Юрьевич, хрустя ядрёным солёным огурцом. – Во-во, расскажи, я ему про это тоже не рассказывал.

– Так вот, играли мы, Сашка, с парнями в войнушку около старого Богородического храма, дело перед самой Пасхой было, и нашли оружие – по нашим меркам, целый склад. Окапываясь, как настоящие военные, случайно наткнулись на ящики. Нет бы нам, дуракам, в милицию сообщить – мы же договорились собраться ночью и опробовать его на годность. А у меня мать с работы поздно пришла, да ещё яйца долго красила, не ложась спать, потому я и припозднился, а когда к условленному месту-то бежал, вдруг в полуразрушенном храме свет заметил. Решил, что пацаны там собрались, и зашёл посмотреть... А в том свете необычном вдруг предстала передо мной женщина, словно с картинки, тогда я про иконы-то ничего не знал. И завет к себе. Я на середину храма иду к ней, и в этот момент – взрыв! С такой силой громохнул, что меня взрывная волна, точно пушинку, на плиты храма швырнула, как раз в то место, где когда-то находился алтарь. Не знаю уж, сколько я так пролежал, только когда очнулся и выбежал на пустырь, увидел машины Скорой помощи, свет фонарей, милицию и бежавших к месту взрыва людей. Испугавшись ещё больше, что от мамки мне влетит, я сломя голову понёсся домой... А на следующий день узнал, что все парни от взрыва противотанковой мины погибли. Меня же Божия Матерь спасла, в храм приведя, как сказала потом мне моя мать.

– А я тогда со скарлатиной в больнице лежал, – добавил Алексей Юрьевич.

– Точно, точно, – подтвердил Завьялов.

Помолчали. Затем Сашка нарушил паузу:

– А у меня, дядя Миша, тоже случай был в начале прошлой осени, когда Глеб с армии вернулся, – заговорил Александр. – Поехали мы с ним на реку по душам поговорить да искупаться. Место пляжное пустынное. Да и плавательный сезон вроде закончился, хотя солнце и палило ещё. Мы, наплававшись, бросились на тёплый песок обсыхать, и то ли сморило нас, то ли ещё что, только не заметили, как появились на берегу две девчонки. После армии-то нам девок совсем было не признать,

чьи будут, – повзрослели, похорошели все. Не заметили, как они и в воду зашли. А наша река, сами знаете, коварная, с быстрым течением, и то ли они не знали этого, то ли на свои силы понадеялись, но совершенно неожиданно нас с Глебом с песка сорвал их отчаянный крик. Кинулись в воду, видим – обе тонут, а когда подплыли к ним, одна уже под воду ушла. Я крикнул Глебу, чтоб вытаскивал ту, что ещё боролась с течением, а сам вглубь нырнул. А внизу течение ещё стремительнее. Несколько раз нырял, пока не увидел, как она, зацепившись купальником за корягу, на дне лежит. Напряг последние силы и потянул её со дна. Когда вынырнул, рядом Глеба увидал, передал девушку ему. В горячке спасения не почувствовал, что у самого-то силы совсем на исходе, и, потеряв сознание, на дно пошёл. Очнулся на берегу – Глеб вытащил. И вот тогда я тоже, дядя Миша, понял, что кто-то свыше охраняет меня...

– А ведь ты, Сашка, мне этот случай замолчал, – обидчиво произнёс Алексей Юрьевич.

– Да не хотел я волновать тебя, батя, – отмахнулся от реплики отца Александр. – Давайте я вам лучше смешной случай расскажу, в первый год моего обучения в Ленинграде произошёл. Как-то забежал к нам в комнату один из сокурсников моих и говорит:

– Парни, айда со мной пива на халяву пить!

Мы спрашиваем его, мол, это как? А он говорит:

– Я поспорю в пивбаре на ящик пива, выиграю – и пить будем.

Особо не надеясь, что он может выиграть целый ящик пива, мы всё же несмотря на то, что на улице дождь проливной шёл, пошли. Егорка надел резиновые сапоги, чему мы совсем не удивились. Пришли в пивбар, купили по бутылке пива, сели, пьём. Он огляделся, выбрал для спора крепкого мужика и предлагает ему:

– Спорим на ящик пива, что я тебя перепью?

– Это как? – говорит тот.

– А вот так: будем пить до тех пор, пока один из нас не сорвется первым и не побежит в туалет отливать. Как говорится, семь раз отпей, один – отлей. Кто сорвется – тот и проиграл.

С мужиком Егор не шёл ни в какое сравнение – и ростом ниже, и щуплый. Вот дружки мужика и уговорились все вместе на ящик поспорить.

Сели спорщики друг напротив друга, а вокруг них все, кто был в пивбаре, ставки увеличивают, пиво сами покупают. Считают, что враз студента объегорят. Начали по первой литровой кружке – выпили, им налили ещё, затем ещё. Причем они не тупо пиво пили, а таранькой закусывали, зубоскалили... У каждого уже по три литра опрокинуто. Наш Егор начинает было ёрзать, и тут мужик кричит: «Ещё по одной!» И по этой выпили. Толян хоть и ёрзает, но в туалет не просится, а мужик начинает его подначивать, мол, что, в ушах ещё не булькает? Егорка ему, мол, булькает, но, как видишь, держусь. И ещё по литру им пива несут. Тут уж и у самого мужика глаза от напряжения стали из орбит вылезать. Крепился, крепился, а потом как соскочит и к туалету бегом! Проиграл. После него уж и Егор, еле перебирая ногами, до туалета дошёл. А мы из пивбара с целым ящиком пива в общагу поехали. Вышли из троллейбуса, и тут Егорка говорит:

– Погодите, парни, мне нужно из сапога слить.

Ухватился за забор, снял сапог с правой ноги и выплеснул из него мочу. Мы рты так и раскрыли! А он смеется.

– Хитрость военная, меня этому дед научил. Я, пока мы пили, не раз в сапог отлил, а ёрзал для правдивости, а то кто бы поверил? И остались бы ни с чем, да ещё с тумачами ушли...

– Да, – с восхищением произнесли мы. – Кроме высшего образования, нужно иметь как минимум ещё и среднее соображение. Специально ведь дождался дождя, чтоб сапогами своими не вызвать подозрения!

Михаил Савельевич и Алексей Юрьевич от души посмеялись над изобретательностью студента. Так за разговорами не заметили, как, допив первую бутылку, распочали вторую. И тут Михаил Савельевич, позвав Светлану, спросил:

– За Глеба-то замуж пойдёшь али как?

Та вся зарделась и, произнеся осуждающе только одно слово: «Папа-а-а», выбежала из кухни.

Завьялов взял бутылку, разлил по стопкам. Выпили. И сказал он, обращаясь к Александру:

– Надо нам их с тобой, Сашка, как-то мирить. Любят ведь друг друга, гадёныши, а сойтись не могут. Заметил, как Светка-то моя вся на глазах высохла от этой любви? Что мы, нелюди старое вспоминать? Она у меня одна, и для меня главнее счастья дочери ничего на свете нет, веришь? Надо мирить...

– Надо, Миша, надо, – подтвердил и Алексей Юрьевич...

А Сашка радовался, что, не сказав сам ни слова о примирении друзей, вывел на эту мысль отца Светланы. Теперь уж дело техники, раз Михаил Савельевич не против. А Светка? Так она и сама этого ждёт, только первый шаг от гордости сделать не решается...

Примирение

И вот перед Международным женским днём 8 Марта 1985 года Александр пришёл к Глебу и сказал, что они с их одноклассницей Ольгой Лукиной идут к Завьяловым праздник встречать, пригласил и его.

Глеб съездил в лес и, набрав для Светланы букетик подснежников, любимых ею цветов, прихватил в подарок книгу «Сердца трех» Джека Лондона, что купил ещё в Мурманске, и друзья пошли.

Светлана встретила его сухо, холодно окинув взглядом своих густо посеревших глаз, в которых зелёным огоньком мелькал горький упрёк. Но букет и книгу приняла, односложно сказав «Спасибо», рукой пригласила пройти в комнату. Сели за стол. Соболев провозгласил тост за женский день. Когда перекусили, включил проигрыватель с быстрым танцем. Светлана с Ольгой весело смеялись над Алексашкиными пародиями на некоторых жителей Светлого, которые на самом деле получались у него очень правдоподобными. Глеб участия в общем веселье не принимал, сидел в кресле, исподлобья наблюдая за другом и девушками.

– Ребята, – предложила Светлана, – а хотите, я прочту вам стихотворение Марии Петровых, которая в год смерти Сергея Есенина приехала в Москву и поступила на Высшие литературные курсы? Удивительная поэтесса...

– Конечно, читай, все женщины сегодня именинницы, им можно всё, – нарочито громко провозгласил Соболев, чуть приобняв одноклассницу Ольгу Лукину, которая, окончив институт, вернулась в родное Светлое и работала в школе учителем физики. Света, чуть прокашлявшись, на придыхании произнесла первые строчки:

Назначь мне свиданье
на этом свете.
Назначь мне свиданье
в двадцатом столетье.
Мне трудно дышать без твоей любви.
Вспомни меня, оглянись, позови!

Светлана в своём чтении была беззащитно обворожительна. Какие-то слова ей давались ещё с трудом. Она ни на кого не смотрела, её взгляд был устремлён куда-то очень далеко, минуя окно, он уходил в прошлое, казавшееся ей беззаботным и счастливым. Зато Глеб смотрел на неё во все глаза, будто только и увидел, и когда она произнесла последние строки дрогнувшим с хрипотцой голосом:

Мне трудно дышать, я молю о спасенье...
Хотя бы в последний мой смертный час
Назначь мне свиданье у синих глаз, –

опустил голову на руки и замер, сражённый её таким явным откровением при всех. Опасаясь какого-нибудь взрыва эмоций со стороны Светланы или Глеба, Александр решил включить проигрыватель, но Света велением руки дала ему понять, что сейчас не время. Подойдя к Глебу, она положила руки ему на плечи и спокойно, с нежностью в голосе произнесла:

– Глеб, ты прекрасно знаешь, какие сильные чувства я испытываю к тебе. Знаю и я, что ты по отношению ко мне испытываешь то же самое, потому при всех предлагаю: забудем всё и начнём наши отношения с чистого листа.

Стоило ей произнести эти слова, как в комнате стихли все звуки. И в этой образовавшейся тишине он поднял голову, и все увидели, как по его лицу текут крупные слёзы. Этот большой и сильный парень совершенно не стеснялся, а может, просто не чувствовал их на своём лице, потому как исстрадалась и исплакалась его душа, так долго ждавшая этих слов. Все тут же, точно по негласному приказу, покинули комнату, оставив их одних...

Месяц спустя была сыграна самая весёлая свадьба в истории Светлого.

Сухой закон

У продмага, на дверях которого крупными буквами было выведено «Переучёт», собралось около полусотни мужиков Светлого, бурно обменивающихся последними новостями:

– Слышко-ко, Михал Савельевич, это что, правда, что Горбачёв «сухой закон» объявил, едят ты мухи, или байка пущена? – спрашивал Завьялова сосед Василий

Петухов, муж Якимовны. – У тебя дочка в библиотеке работает, все новости из газет знает. Если это правда, то где про то прописано, едрит твою корень?

Завьялов, подошедший к магазину, чтобы вернуть Зинаиде деньги за купленное накануне зерно для кур, произнёс, как приговор:

– В «Правде» за 17 мая этого, 1985 года, опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством». Будем мы теперь с вами, мужики, лимонад «Буратино» пить и здоровыми слыть.

– Здоровье, Михаил Савельевич, это когда у тебя каждый день болит, только в другом месте, ядрена вошь, – сказал и хохотнул сосед Петухов.

Из толпы кто-то горько пошутил:

– Точно, пейте «Буратино» вместо водки и почувствуйте себя дровами...

– Так вот оно что! Поэтому Зинка-продавщица магазин закрыла! Мужики, так значит, это она от нас сейчас бутылки с водкой прячет, чтоб затем продавать их втридорога? Давай ей двери ломать, чтоб купить хотя бы то, что у ней осталось ещё! – закричал жилистый и тощий, точно игла, мужичок из общежитских, устроившийся к подрядчикам на стройку работать, и полез проталкиваться к дверям.

Очередь пришла в движение, точно взбунтовавшаяся стихия. Мужики с криками стали стучать и ломиться в двери. Завьялов, видя такое дело, крикнул что было мочи:

– Да вы что, мужики, сказались совсем? Одумайтесь! Вы что, Зинаиду не знаете? Да она каждому из вас не раз навстречу шла, а теперь хотите её под тюрьму подвести? Да и что, впервые России что ли «сухой закон» проходить? Кто его только не устанавливал и не вводил, начиная с князя Ивана III в XVI веке! «Сухой закон» 1914 и 1917 годов. Чего паниковать? Всё в конце концов возвращается на круги своя.

Мужики Завьялова уважали и к словам его прислушались, потому в дверь перестали колотить и стали засыпать вопросами:

– А что ж делать-то, Савельич, зубами щёлкать в ожидании отмены его?

– Это что ж, совсем в магазинах вина не станет?

– Мой сын нынче из армии приходит, хотел встречу отметить, а тут...

– А я думаю, закон этот выеденного яйца не стоит, как пить дать.

– Точно. Запрети русскому мужику пить – государственный денежный запас обмелеет...

– А я думаю, мужики, чтоб уж совсем продажи не было, такого не будет, а вот цены взвинтить, чтоб кусались, могут. Так что пока милиция не очухалась да с разборок не приехала, давайте-ка разойдёмся по добру по здорову. Не вечно же у Зинаиды переучёт будет! Откроет – и тогда увидим. Да и по новостям сегодня должны объявить, что к чему, так что лучше радио слушайте да новости смотрите, – сказал Завьялов и первый вышел из очереди, показывая пример остальным...

Фестиваль молодёжи и студентов 1985 года

– Светлана, пошевеливайся, – подгонял жену Глеб, – пора на митинг идти, вон уже по улице молодёжь к стадиону пошла.

Светлана, ещё раз окинув критическом взглядом своё отражение в зеркале и найдя его вполне милым, выбежала из комнаты. Глеб уже стоял в дверях дома в

ожидании её. Чмокнув мужа в щёку, она весело произнесла:

– Праздник-то какой, Глебушка! С утра музыка на всё Светлое гремит, песни о мире и дружбе, люди нарядные, всем хочется в Фестивале молодёжи участие принять...

Субботний летний день в Светлом выдался на радость солнечным и тёплым, потому как последние две недели погода особо не радовала: лили дожди, громыхали грозы, и только два дня последних стояла хорошая погода.

– Смотри, Светлан, студенты из Душанбинского института искусств идут, они сегодня концертную программу дают, – обратил внимание Светланы на ребят в зелёных стройотрядовских куртках Глеб...

Светлана с Глебом влились в яркую волну молодёжи, которая с песнями и лозунгами мира и братства прошла по главной улице Светлого – улице Победы к стадиону имени Ворошилова, подход к которому был украшен красочными плакатами XII Всемирного фестиваля молодёжи и студентов. На заднике импровизированной сцены ярким пятном высветилась большая фестивальная ромашка.

Митинг открыл секретарь Городского комитета ВЛКСМ Михаил Заблудный, предоставивший слово заместителю секретаря парткома деревообрабатывающего комбината Таисии Семёновне Алпацкой. Эта миловидная женщина на весь стадион в микрофон звонким голосом возвестила:

– Дорогие земляки, я хочу сказать, что сегодня Фестиваль молодёжи и студентов проходит не только в Москве, но и во всех уголках нашей великой Родины, и вы, жители Светлого, тоже со всей страной являетесь сопричастными этому Всемирному форуму! И не оттого, что пришли на митинг, но потому, что подготовка к нему началась задолго до этого дня. Многие из вас отработали на комсомольско-молодёжных субботниках в фонд Фестиваля. Только более трёх с половиной тысяч рублей было заработано вами на субботнике, посвящённом Дню советской молодёжи. А накануне открытия Форума в Москве наши работники культуры с мероприятиями и концертными агитбригадами выступили во всех цехах нашего деревообрабатывающего комбината и совхоза, проведя так называемые мини-фестивали...

– Глеб, Глеб, это она и про нас говорит. Мы с девчонками провели в общежитии комбината вечер под названием «Цвети, ромашка фестивальная», – радостно в ухо мужу зашептала Света

– Да в курсе я, в курсе. Парни нашей бригады тоже свою лепту в фестивальную копилку внесли, – с некой долей гордости отвечал жене Глеб.

Но совершенно неожиданным было для них, когда им, в числе самых лучших, секретарь Михаил Заблудный вручил грамоты. Когда говорили о Глебе, то акцент был сделан на то, что норма работы его бригады составила 160 процентов, а Светлана была отмечена как одна из лучших организаторов ряда библиотечных мероприятий, посвящённых истории города Светлого и его жителям...

После торжественной церемонии начался концерт. Девушки танцевального ансамбля «Лики России» городского Дома Культуры вышли на сцену хороводом, а возглавила его фестивальная «Катюша» – хозяйка и символ Молодёжного форума. Выступили студенты-стройотрядовцы и лучшие коллективы художественной самодеятельности Светлого...

Глеб со Светланой забежали домой пообедать и вновь пошли на гулянье, которое проходило в парке Культуры около ДК. В продаже были только минеральные напитки, квас и лимонад. В стране всю уже хозяйничал Сухой закон...

Пристроившись в очередь к киоску, чтобы купить Светлане бутылку лимонада, Глеб услышал, как впереди него возмущались двое мужчин:

– Когда ещё такие «сухие» гуляния в Светлом были? Ты помнишь, Фома? – спросил один своим хриплым, прокуренным голосом.

– Не, Егорий, не припомню. Это ж надо, даже пиво в бочках не привезли, вместо него квасом торгуют и тащатся от радости, точно удавы по пачке дуста. Слышал анекдот? Привезли спиртное, дорогое, но и за ним очередь километра с два стоит. Один мужик негодует: «Душа моя не выдерживает этой сухости, пойду и Горбача убью». Немного времени прошло, возвращается в свою очередь и говорит: «Представляете, мужики, а туда очередь ещё больше этой стоит...»

Все, кто услышал анекдот Фомы, засмеялись, улыбнулся и Глеб.

– Это ещё что! Про Горбачёва и его сухой закон уж и частушку придумали, – подал голос парень, стоящий за Глебом, – Клим, тетки Меланьи сын.

– Ну-ка, парень, поделись с народом, что там поют? – вдохновился Егорий.

Клим не стал себя уговаривать и спел: «В шесть утра поёт петух, / В восемь Пугачёва, / Магазин закрыт до двух, / Ключ у Горбачёва»...

– Эй вы, носители фольклора, пьяному море по колено, а лужа – по уши, слышали? Что покупать собираетесь? – выглянула из окошка ларька румяная продавщица Марта Артюшова.

Фома с Егорием спохватились и в один голос выпалили:

– Минералки, бутылки три, другого-то у тебя всё равно нет...

– А это не ко мне претензии, а к Михал Сергеевичу! Постойте очередь к нему, тогда и требуйте... А мне ещё работать хочется, – хихикнув, смешком ответила Марта, подавая жаждущим минералки.

Глеб подумал: «А продавщица-то не промах, научилась отбиваться от подобных требований...»

Не знать Высоцкого стыдно

Светлана в субботний день решила забежать проведать Валентину Архипову. Когда на её окрик: «Кто там? Входи, не заперто!», вошла в комнату, Валентина сидела за письменным столом и что-то печатала двумя пальцами на машинке.

– Вот это да, за какой работой я тебя застала, – сказала удивленно Света, – откуда машинка? Что печатаешь?

– Стихи Владимира Высоцкого. Поверишь? – спросила подругу Валентина.

– Стихи? Высоцкого? А где ты их раздобыла? – ещё более удивленно протянула Светлана.

– А у одного командированного в общежитии увидела и выпросила хоть на недельку дать, чтобы перепечатать, сколько успею. Никогда не думала, что у него столько стихов! – восхищённо произнесла Валентина, вытаскивая из машинки допечатанные листы.

– А в скольких экземплярах печатаешь?

– Хотела в шести, но последний лист почти нечитабельный получается. А что, и тебе надо? – прищурившись, весело спросила Архипова.

– Ну конечно, и мне бы хотелось, но более хочу, чтоб они у отца были. Он ведь все песни Высоцкого знает, какие удавалось на магнитофон записать.

– Не переживай, подруга, два экземпляра твоих. Мне о любви Михаила Савельевича к Высоцкому отец рассказал, как только увидел в моих руках эту солидную самиздатовскую книгу. Вот, посмотри, Свет, шестой год идёт, как его не стало, а любовь народа к его творчеству не угасает, а только растёт. Признаюсь, ведь когда он был жив, я тоже любила слушать его песни, но была совершенно равнодушна к нему как к человеку, вернее сказать, я ничего о нём, как о человеке, не знала вообще, только что он актер и в фильмах снимается. Но когда у этого мужчины распечатку-то увидела и углубилась в чтение стихов, да потом он мне ещё сказал, что Высоцкий большой поэт, хотя и не признанный, тут уж захотелось глубже познакомиться с его творчеством. И знаешь, вот уже три дня читаю, печатаю и ловлю себя на мысли, что в его стихах мне открывается целый пласт культуры жизни народа, о котором я не имела никакого понятия. Ещё когда по телевидению посмотрела фильм о последней съемке Высоцкого в апреле 1980-го, увидела его живым – родное почувствовала, и такая горечь, такая боль душу прожгла, что слёзы прыснули.

– Я вполне понимаю тебя, – вздохнула Света, – а иначе и быть не может, ведь он весь в своих песнях выкладывался. Его живой, надрывный, с хрипотцой голос проникал в самое сердце, душу будоражил. В его песнях вся боль, горечь, тоска, разочарование, любовь, насмешка над нравами нашего общества и просто жизнь...

– Ты знаешь, Свет, однажды в Мурманске, когда я только туда приехала, меня до работы подвозил таксист, который похвастался передо мной: «А я достал последние песни Высоцкого! Представляете?!» Я спросила: «А кто это такой?» и в ответ услышала:

– Не знать Высоцкого, девушка, вообще-то стыдно. Он актер и певец. И свои честные песни поёт о нашей с вами жизни. Послушайте хотя бы одну, пока мы едем. И включил для меня магнитофон. Из динамика вырвался хриплый кричащий голос: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!»...

– Это моя любимая, – призналась, улыбаясь, Светлана.

– А вот меня она тогда совсем не впечатлила, может оттого, что запись была некачественная, но тогда я и слов-то толком не разобрала. Один хрип стоял. А может, была настроена не на ту волну. Позже поняла, что Высоцкого нужно слушать особенно в момент высокого эмоционального чувства, вот тогда и ком в горле образуется, и накатывающийся стыд за страну, и улыбка. А затем я для нашей театральной студии в ДК купила музыкальную сказку в двух пластинках «Алиса в стране чудес» с замечательными песнями Высоцкого, которые слушала множество раз и до сих пор знаю их почти все наизусть. Помнишь, там есть песня Кэрролла про волшебную страну?

Валентина, как бы превратившись внутренне в волшебника, запела:

– «Много неясного в странной стране – / Можно запутаться и заблудиться... / Даже мурашки бегут по спине, / Если представить, что может случиться»... Когда я услышала эти песни, купила пластинку и для себя. Дать послушать?

– Конечно, а я как-то пропустила её. Вот отец-то обрадуется!

И Валентина пошла в свою комнату искать для Светланы пластинку. Вынося, спросила:

– Мы с тобой о Высоцком разговорились, и я совсем забыла спросить, может, ты не просто навестить подругу зашла, а по делу?

– Нет, моя дорогая, именно навестить, по душам поговорить. Тема Высоцкого – это здорово! – с восторгом произнесла Светлана. – А ещё я поняла, Валюша: творческие, тонко чувствующие мир люди – это люди с незарастающим родничком. У них он постоянно пульсирует, ловя даже незначительное недобро и совершенно неуловимые другими импульсы отношения добра и недобра, белого и черного. Понимаешь, даже самые малые энергетические импульсы, посылаемые людьми в мир. Вот Высоцкий был из тех самых людей.

– Наверно ты права, Света, но давай наш разговор продолжим за чашкой чая и о житейском поболтаем. У тебя всегда есть, что мне рассказать, ведь правда?

– Правда, правда, Валюша, как говорит мой отец: «Чай попьём, яйца помнем, а скажем, что мясо ели».

Валентина весело засмеялась, обняв подругу, и повела Светлану на кухню.

В Светлое по телеграмме

В феврале 1986-го Елена получила от Светланы телеграмму: «Приезжай. Баба Фёкла с инфарктом в больнице». И, несмотря на свою беременность, Елена тут же взяла отгулы и поехала ухаживать за бабушкой в Светлое. Когда Светлана встретила её и увидела у подруги живот, который, как говорят, только ещё на нос не лез, спросила:

– Лен, ну почему не телеграфировала, что беременна? Срок-то какой?

– Седьмой. Да не переживай ты, чувствую себя нормально, а вот если бы ты мне не сообщила, я бы на тебя точно обиделась. Ты ведь знаешь, что кроме бабушки у меня из родных никого нет. Раньше она меня своими травами лечила, теперь настои ей буду делать я, не зря же она учила меня всему этому, – сказала уверенно Елена.

Когда Лена пришла в больницу, баба Фёкла, увидев её, расплакалась и, как Светлана, запричитала:

– Ну зачем ты, внученька, с животом-то приехала?

Елену это рассмешило, и она, расцеловав бабушку, весело сказала:

– Да вот, ты понимаешь, отцепить его забыла и в Железнодорожном оставить. Не переживай, всё у нас с тобой будет хорошо. Подожди меня чуть-чуть, я к доктору зайду, расспрошу у него о тебе...

Доктор её утешил, сказав, что инфаркт прошёл по касательной и через недельку он Фёклу Никитичну уже выпишет домой. Лену это успокоило, и, проведя с бабушкой часа два, она пошла в их дом. Всё было прибрано, чистенько и пахло травами. Елена глубоко вдохнула в себя запах родного дома и произнесла:

– Ну что, дом, здравствуй, вот я и опять под твоим крылом...

Она жадно внюхивалась в забытый уже запах родного дома, наполненный ароматами множества трав, который обволакивал уже в сенях, где особенно много висело разных пучков подвязанных бабой Фёклой с особой любовью и старанием берёзовых веников, любистока, каштана конского, сабельника... В кухне она нашла

пучки поменьше: чабреца, душицы, мяты, иван-чая, одолень-травы, как баба Фёкла по старинке называла речную кувшинку, горицвета, польза от которого во многих болезнях облегчение может принести, и многие другие. Свойства всех их она знала с детства. Подходила к ним, внюхивалась, по каким-то проводила рукой, листик другого срывала, крошила пальцами и затем долго внюхивалась в аромат ни с чем не сравнимого детства. И наплывало столько воспоминаний, которые тут же раздвигали стены бабушкиного домишки и вырывались на весенние и летние луга, заполненные солнцем и цветением разнотравья!

Прошло уже три дня, как Елена жила в Светлом, ухаживала за бабушкой да по вечерам в гости к Казаковым заживала. А тут однажды, придя из больницы, решила перебрать свои вещи да выбросить ненужное. Когда тумбочку с бумагами разбирала, наткнулась на свой школьный дневник-откровенник, в котором записывала то, что волновало. Принялась перелистывать его, читать:

15.09.1977. По литературе мы получили задание написать домашнее сочинение на тему «Вкус хлеба». Пошла к Светлане Завьяловой. Она в этом дока. Вместе с ней и слова о хлебе подходящие сразу нашли. Прежде чем начали писать, купили буханку свежего хлеба, поставили на центр стола и стали внюхиваться. Оказалось, у хлеба очень сильный дух, приятный, с небольшой кислинкой... Он щекотал нос, и мы, недолго думая, отломали хрустящую горбушку и стали ее смачно уплетать, выясняя вкусовые качества хлеба. Оказалось, что хлеб – это твой дом, у меня – это бабушка, у Светки – отец... А ещё хлеб – это русскость. Он гораздо больше, чем просто испечённое тесто, продукт питания, хлеб – это жизнь! Иногда лень сходить в магазин, подъезды крошки, а хлеб незримо всё равно лежит в центре стола, недаром же народ придумал пословицу, что хлеб – всему голова!

04.08.1978. Сегодня по телевизору смотрела балет Таджикского театра «Лейли и Меджнун», поняла его и, кажется, полюбила. Балет рассказал мне о парне Кайсе и принцессе Лейли. Какая необыкновенная история любви!

07.10.1978. Только что пришла с субботника. Сегодня мы работали, а не учились. Наш класс посадил 30 деревьев. Светлана Завьялова меня всё донимала песнями и налёками на Сашку Соболева.

28.10.1978. Сегодня у нас проходил диспут на тему «О дружбе, товариществе и любви». Я была ведущей. Диспут мне не понравился. Выступило всего человек пять, а остальные молчали. И во всём виновата я одна – самые хорошие вопросы от волнения пропустила...

20.04.1979. Сегодня у меня особенный день, сегодня мой день рождения. И поздравить меня пришли все наши девчонки из класса и четверо парней. Это, конечно, Глеб Казаков с Сашкой Соболевым, Вадим Сульдин и Серёга Кириллов. Ребята играли на гитарах и пели. Затем мы ели и танцевали, а после пошли гулять. Девчонки подарили мне большую картину Шишкина «Лесные дали». День рождения прошел замечательно!

01.09.1979. Почему-то хочется плакать. Это наш последний школьный год, и мне хочется кричать: «Детство моё, постой, не спеши, погоди, дай мне ответ простой, что там, впереди?» Жаль, что детство уходит. Мне очень хорошо запомнились слова нашей воспитательницы Анастасии Петровны Сысоевой: «Девочки, не торопитесь становиться взрослыми, вы ими обязательно станете, а вот пятиклашками не будете уже никогда. Время не стоит на месте. Запомните это и храните своё детство».

02.10.1979. Сегодня утром с подшефными ребятишками у нас прошла пионерская линейка. Мы слушали Москву. Господи, ты даже не можешь представить, как мне дорог красный галстук! И когда на линейке были произнесены слова: «Пионеры, к борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!», я со всеми подняла руку и сказала: «Всегда готовы!» Аж мурашки побежали по спине! Как важно быть готовой ко всему! После обеда мы провели трудовой десант.

22.11.1979. Как я люблю стихи Сергея Есенина! Стихи его необыкновенные, заставляющие прочувствовать и осознать всё, что видел он и к чему был причастен: «Отговорила роща золотая...» На душе беспокойно, и мне это очень не нравится. Я слишком часто начинаю разочаровываться в учителях...

25.12.1979. Сегодня с бабушкой я поспорила на тему «Есть ли в жизни правда?» Я всем сердцем доказывала ей, что не только есть, а ею земля наполнена, дышит... Бабушка хоть и не отрицает, но и точно не говорит. Понятно, что есть в стране и негодяи, которые сами нормально не живут и людям вредят, но всё равно утверждаю: правда есть, и за неё готова драться с кем угодно. Если я вижу, что человек подло поступает, прямо и говорю ему об этом. Я понимаю бабушку: она слишком переживает за меня.

12.01.1980. Сегодня сдавали по физкультуре лыжи. Пройти дистанцию мне помог Николай Островский. Когда я уже задыхалась и не могла идти, я говорила себе, что слабачка, что Николай Островский выдерживал такие тяготы, что нам и не снились, и шла быстрее. Мне поставили четыре, хотя выше тройки я лыжи никогда не сдавала.

14.02.1980. Прошло комсомольское собрание. Тема «Знание – главное оружие в борьбе за коммунизм». Сначала я не хотела выступать, но потом, когда восьмикласски стали говорить о Валерке Дубровском, с которым никто не хочет заниматься, не выдержала и сказала: «А как же жить, если в человека не верить? Ведь тогда даже самому отъявленному хулигану будет море по колено! А Валерку я знаю с малолетства, он хороший, добрый парнишка, просто слишком часто стали говорить ему, что он хулиган, вот он в это и поверил».

17.03.1980. Непонятный у меня характер – все мои любимые герои в большинстве своём парни. Нет бы брать пример с девушек! Но у меня выходит наоборот. Я всегда жалею, что не родилась мальчишкой. У девчонок столько заморочек! Была бы парнем, Светка бы стала моей, а не Глеба. Ну что девчонки – куклы, тряпки, а у парней – борьба! Я бы тоже хотела бороться, переносить лишения, трудности... И хотя я девчонка, добиваться своего умею.

17.04.1980. Готовимся со Светланой к экзаменам по литературе. Прочитали гору критической литературы. Приехала областная комиссия, делали опрос. Вопросы не такие уж и трудные, но на подготовку дали слишком мало времени. Вопросы: 1. В произведениях 50-70 годов раскрыть партийность; 2. Любите ли вы поэзию (Маяковский, Есенин, Блок)? Показать их своеобразие; 3. Что вы думаете об утверждении Чернышевского, что литература – учебник жизни? Я успела ответить только на два и сомневаюсь, смогла ли их раскрыть.

05.05.1980. Вчера смотрела третью серию фильма «Моя судьба». Взволновал очень, из головы не идёт. Какие же у всех разные судьбы! И это понятно, но судьба героя фильма поистине необычна. Главное, как я поняла, не упасть в жизни так, чтобы

не подняться, а если уж споткнулся, то найти силы встать, отряхнуться и смело дальше идти. Сейчас меня мучает вопрос, куда пойти учиться? Столько разных вузов открывают перед тобой двери, что невольно теряешься в выборе.

10.05.1980. Сегодня со Светланой Завьяловой и Ольгой Лукиной обсуждали прочитанные нами книги «Анжелика» и «Анжелика в Новом свете». Пришли к выводу, что книга замечательная, она учит преданной любви, поиску выхода из сложных ситуаций, учит побеждать. Пейрак – смелый, остроумный, нежный и преданный... Как хотелось бы такой любви, как у них с Анжеликой... Сашка Соболев... Ах, если бы он не был таким ветреным! На соревнованиях по стрельбе я познакомилась с Виталиком Трусковым, который мне очень понравился, и дала ему слово, что дождусь его из Армии. А своё слово я привыкла держать.

25.05.1980. Вот и наступил День последнего звонка. Шутка ли, мы прощались со школой. Держалась изо всех сил, чтобы не разрыдаться. Было всякое, но школа подарила мне Светлану, Глеба, Сашку... Грустно будет расставаться. Десять лет учились, играли, шутили, устраивали разные вечера, проводили собрания... И вдруг уже больше этого никогда не будет. Глеб и Сашка в этом году осенью пойдут в армию, они на год нас со Светланой старше. Мы семилетки, они восьмилетки... Как жаль, что время пролетело, а мы и не заметили...

Елена сидела, читала и даже не замечала, как по лицу у неё текли слёзы. Как-то так одним моментом пронеслась перед ней её школьная жизнь, прежние переживания, влюблённость в Александра Соболева... Где он? У них никак не получается встретиться, даже тогда, когда она приезжает к бабушке, его не только в Светлом, но даже в Энске не бывает, всегда находятся какие-то неотложные дела... Он в Светлом – Елена далеко...

Когда бабу Фёклу выписали домой, она сказала Елене:

– На всякий случай знай, если что со мной – смертное у меня приготовлено всё полностью...

Елена перебила:

– Бабуля, зачем ты такое говоришь? Ты у меня ещё долго жить будешь... Как я без тебя?... Совсем сиротой стану...

– Не перебивай, я на погост не завтра собираюсь, но ты от меня далеко живёшь, должна готовой ко всему быть. Запоминай, что после похорон тебе нужно поминки провести на девять и сорок дней, поняла? Сготовить, людей пригласить, если заслужила, доброе слово сказать. Здесь ли, в Светлом, будешь поминать, с мужем ли и с детьми, но помянуть обязана. А в церкви будешь – свечу за упокой души моей поставь... Современные люди перестали знать прописные истины, вот и приходится учить, наставлять...

Елена совсем расстроилась. Баба Фёкла это увидела и успокоила её:

– Не переживай, я точно знаю, что на этом свете ещё поживу, просто на будущее говорю. Помнишь Будячиху, что возле совхозного управления живёт? Бабёнка прижимистая, скряжная. Умер у неё муж, а ей денег жаль, и не стала ему поминки ни на девять дней делать, ни на сорок. А затем снится ей сон, будто сидят за столом души уже умерших людей из Светлого, едят, а её муж отдельно ходит и траву, как овца, щиплет да жуёт. Она спрашивает тех, кто за столом, мол, а почему же вы мужа моего

не пригласили? А они ей отвечают: «Так ведь в том не мы виноваты, а ты сама: ни на девять дней не помянула его, ни на сорок, вот ему теперь всегда травой и питаться».

Прибегала ко мне, каялась, совета просила. Так что не забудь: то, что сказано мной, если не хочешь, чтоб твоя бабушка на том свете траву жевала, сделай.

– Не переживай, бабулечка всё сделаю, как ты велишь.

«Дети Арбата» Анатолия Рыбакова

В июле 1987 года в библиотеку сдать книгу Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» зашла Прасковья Ильинична Попова, уволившаяся уже на пенсию. Она прекрасно знала, что на книгу в библиотеке большая очередь, и потому, как только прочла, сразу понесла сдавать, хотя и хотелось ещё не раз заглянуть в неё, перечитать особо понравившиеся главы. Сами библиотекари её прочли все.

– Мы тут, Прасковья Ильинична, хотим обсуждение этой книги устроить, может, скажете и Вы своё мнение? – спросила методист Ольга Каюмова.

Прасковья Ильинична не заставила просить себя и сразу ответила:

– С появлением этой книги, дорогая Ольга Епифановна, я начинаю верить, что всё ещё в нашей стране наладится. И коль книга востребована, это означает одно – в обществе не всё потеряно.

– А вот я убеждаюсь, и уже не раз, что у нас, оказывается, есть немало людей, жаждущих вернуть назад годы культа личности Сталина. Даже те, у кого родные были расстреляны. Восхищаются Сталиным и его правлением, оправдывая всё и вся. Это как понимать? – допытывалась Каюмова.

– Если, Ольга Епифановна, вы внимательно читали Рыбакова, должны были понять, насколько сильно Сталин своей политикой влиял на людей. Ведь всё лучшее, что было в то время: энтузиазм строительства, строгая дисциплина, ответственность, добросовестность – всё приписывалось в заслугу Сталину, а всё плохое – врагам народа и партии, а значит, врагам и самого Иосифа Виссарионовича. Поэтому многие, говоря о Сталине с восхищением, подсознательно просто ностальгируют по временам порядка, в чём, несомненно, есть и заслуга самого вождя. Но также нельзя сбрасывать со счетов и все те беды, которые принесло стране его правление, – говорила спокойно, рассуждая, Прасковья Ильинична.

– Я тоже не раз слышала от наших ветеранов такое, – вступила в разговор Светлана, – «Да что вы, молодые, о Сталине знаете? Это он выиграл войну... Если бы не он...» А я вот думаю, что войну выиграл народ, Советская армия, такие полководцы, как Жуков, и, может, если бы не репрессии тридцатых годов, война могла бы быть не такой кровавой и долгой, если бы вообще началась...

– Ну вот, видишь, Светланочка, ты и подвела к мысли, что мы должны быть благодарны этому писателю, потому как его книга сняла пелену с глаз многих людей. Многие правители склонны скрывать правду и даже переписывать историю под себя, но, сколько бы ложь ни торжествовала, и ей приходит конец, и каждому в этой истории будет определено своё заслуженное или незаслуженное место. А когда вы хотите обсуждение проводить? – спросила Прасковья Ильинична.

– Думаем в конце сентября, когда побольше людей книгу прочтут. Это же не

представление её, а обсуждение, нужно, чтобы у людей появилось желание высказаться, – произнесла Ольга Каюмова.

– Тогда, мои хорошие, не забудьте пригласить и меня, – попросила Попова.

– Да Вас, Прасковья Ильинична, мы в первую очередь пригласим, уж не беспокойтесь, пожалуйста, – сказала, улыбаясь, Светлана.

Веришь ли ты в Бога?

После свадьбы прошло три года, а у Светланы и Глеба до сих пор не было детей. Весной 1987-го, приехав в Энск провериться у областных врачей, Света услышала неприятный диагноз:

– Это у вас от перенесённого ранее сильного стресса. Был такой?

– Да, был... – призналась Светлана.

– Вот потому, дорогая, детей у вас может не быть совсем, а могут и родиться. Здесь любые медицинские вмешательства бесполезны. Всё, что я могу вам сказать, – надейтесь на чудо.

И после этого приснился Светлане сон. На всё небо она увидела глаза. Сначала точно затуманенные дымкой, но с каждым мгновением проявлявшиеся все чётче и чётче, и когда, наконец, проявились до конца, оказались огромными, чистыми, фиолетово-голубыми. Они были на всё небо и смотрели, казалось, прямо в душу Светлане, которая почувствовала, что принадлежат эти глаза женщине. Как только это осознание пришло, стало вырисовываться лицо – розовато-золотистое, божественно красивое, напоминающее чем-то иконные лики Божией Матери из книг по искусствоведению. Светлана чувствовала, как небесный взгляд этих глаз проникает ей прямо в душу, проходит по всем клеточкам, доходя до кончиков пальцев, как особого рода энергия, особый знак свыше. И, наконец, услышала голос, проникающий в самое сердце: «Приди с молитвой ко мне, и услышана будешь».

Проснувшись, Светлана спешно засобиралась на работу, чтобы по пути зайти к Прасковье Ильиничне – та уже четыре года не работала в библиотеке – и услышать, что же она скажет насчет её сна.

Прасковья Ильинична выслушала девушку и разговор завела издалека:

– Ты прости, что спрашиваю об этом, но хотелось бы узнать, дорогая моя Светланочка, а веришь ли ты в Бога?

– Вы хотите от меня честный ответ, ведь правда, Прасковья Ильинична? Так вот, я не могу определённо сказать: верю в Бога или нет, но в высшую справедливость, какие-то высшие силы – однозначно верю.

И услышала радостные нотки в голосе Прасковьи Ильиничны:

– Это так прекрасно, когда у человека есть вера, без неё жить очень тяжело, а более того – выживать. Без веры человек способен на разного рода подлости, предательство, без веры в человеке всё низменное на поверхность вылезает и душу начинает разрушать. А происходит это потому, что вера даёт святость, а если ничего святого за душой не остаётся, то и грань между можно и нельзя стирается, исчезает страх, но всё равно рано или поздно за всё придётся расплачиваться, вот почему человек обязательно должен жить с верой в душе. А что есть высшая справедли-

вость? Это и есть Бог! И я очень рада, что в твоей душе живёт Господь, хотя ты до конца этого и не осознала ещё. Жить с верой в Бога замечательно, хотя об этом и не обязательно кричать.

– Значит Вы, Прасковья Ильинична, верите в Бога? – спросила осторожно Светлана.

– Да, дорогая моя, верю. За всё то, что мне пришлось по судьбе пережить, я должна благодарить только Его. Теперь я тебе в этом могу спокойно признаться. Он живёт в моём сердце, и это даёт мне силы пережить наступление трудных лет. Путь к Богу проходит именно через сердца людей, и услышать голос Всевышнего можно только СЕРДЦЕМ. Этому меня научил один очень мудрый старик, отбывавший вместе со мной ссылку в ГУЛАГе Мордовии в 50-х годах.

– А почему Вы мне никогда не говорили это раньше?

– Просто я ждала именно этого дня, когда ты сама будешь готова к разговору о Нём.

– Вы говорите, что Бог живёт в сердце человека, а кому же Вы тогда молитесь? Икон-то у Вас в доме нет? Сердцу своему?

– Не сердцу, Светочка, а сердцем. И иконы есть, только зачем их напоказ выставлять?

– Поня-я-я-тно, – протянула Светлана, на самом деле ничего не поняв. – А как же церкви? Ведь раньше все ходили молиться в них. Если бы люди знали, что можно помолиться дома, разговаривая со своим собственным сердцем, как с Богом, то тогда зачем нужны священники, храмы?

– А ты когда-нибудь читала Библию, Света?

– Конечно, нет, где ж её взять? Только и видела, что в музее в Новгороде...

– Ах, да, я постоянно забываю, что ты дитя нового, советского времени, новой России, а вот я в своё время в неё частенько заглядывала. Есть там «Евангелие от Матфея», в котором говорится, как Иисус учил молиться людей. Для этого человеку нужно было всего-то ничего – уединиться у себя в комнате, закрыв двери, чтоб никто не потревожил в молитве его, и всё.

– Что-то я Вас, Прасковья Ильинична, никак не пойму. Если Иисус так говорил, то зачем по России было столько церквей понастроено? – с удивлением опять спросила Светлана.

– А ты слово соборность когда-нибудь слышала?

– Ну да, в исторических романах часто встречается.

– Это собрание верующих людей для прославления Господа, Пресвятой Богородицы или святого, имеющее очень важное значение в воспоминаемом событии. Ты ведь пришла ко мне не из праздности?! И сон тебе приснился не перед обычным днём. Сегодня по церковному календарю большой праздник – Благовещение Пресвятой Богородицы.

– Что ещё за праздник такой? Я о таком и не слыхивала никогда, – спросила удивлённая Светлана.

– Понятно, что не слыхивала. В этот день архангел Гавриил возвестил Деве Марии о рождении ею Христа...И ты, девочка моя, удостоилась великой благодати – к тебе в сон пришла сама Матерь Божия и позвала к себе.

– Куда, – не поняла Светлана, – на небо что ли, или, может, знак послала, что я скоро умру? – произнесла с тревогой Светлана.

– Глупая, она в церковь тебя прийти зовёт, к иконе Божией Матери, да помолиться о заветном. О чём больше всего печалишься. По её слову всё и устроится.

– В церковь?! – протянула удивлённо Света. – Но ведь в Светлом у нас действующей церкви нет, старый храм до сих пор разрушенным стоит. Куда идти? В Новгород что ли ехать? Там много церквей, можно в Софийский собор зайти. Даже если службы в нём не идут, икон-то великое множество имеется.

– Зачем же в Новгород ехать, в нашем областном городе уже давно одна из церквей действует, вот туда с Глебом и поезжайте, но говорить об этом никому не спеши. Время ещё не настало для открытых молитв, сегодня тебя не осудят, а завтра могут и посадить.

– Да что это Вы, Прасковья Ильинична, на меня страху-то нагоняете. Я ведь не партийная.

– Но комсомолка и работник культуры. Разве не так? – спросила, прищурясь, пожилая женщина.

– Вообще-то да, ладно, кроме Глеба и Галины Игнатьевны никому не скажу, даже отцу.

– Вот и ладно, вот и хорошо, беречь себя от мимолётных нехороших взглядов и речей надобно. А ещё хочу сказать тебе охранные слова, говори их каждый раз, как из дома выходишь, и всё у тебя будет хорошо. Повторяй за мной: «Бог ты мой, иди рядом со мной, иди впереди меня, Дева Мария позади, ангелы по бокам – нет хода врагам»...

Дочь и сын – красные дети!

В Энске Светлана и Глеб долго искали церковь иконы Иверской Божией Матери. Стояла она почти на окраине города, и не многие могли ответить, как к ней пройти. Но все же ноги, наконец, привели их к ней. За небольшой железной оградой возвышался храм, построенный, скорее всего, ещё в прошлом веке. Обветшалость здания во всём бросалась в глаза, хотя прихожане и старались всё вокруг украшать. Светлана накиннула на голову косынку и тихо произнесла:

– Глеб, мне что-то боязно, ну зайдём мы и что скажем? Что нас к себе Богородица позвала?..

– Давай сначала зайдём, а уж там, на месте, и разбираться будем, – наклонившись к её уху, шепнул он.

Только они стали подниматься по лестнице, как к ним подошла старушка и по-доброму так произнесла:

– А вы, касатики, прежде чем в церковь зайти, лбы-то перекрестите.

– Извините, бабушка, но мы даже не знаем, как правильно это делается, только в фильмах и видели, научите да подскажите, как и у какой иконы Божией Матери помолиться, мы из Светлого в Энск приехали, у нас храм там с тридцатых годов разрушенным стоит, – тихо проговорила Света.

– А ты, деточка, не стесняйся своего признания, сейчас, слава Богу, люди в церковь пошли, а уж что делать – этому здесь быстро учат, – сказала с радостью в голосе старушка.

Показала, как наложить на себя крестное знамение, и подвела к свечнице их.

– Марья, батюшка Афанасий-то здесь? Тут вон молодые люди из Светлого приехали, их бы представить ему.

– Да полчасика как ушёл, – ответила свечница.

– Ну, тогда ты им по свечке продай, пусть у храмовой иконы Божией Матери помолются, у них в этом большая потреба есть.

И вот стоит Светлана в храме со свечой в руке и про себя молится: «Божия Матерь, помоги, дай нам с Глебом ребёночка, какая семья без дитя. Не научена я молитвы произносить, а ребёночка хочется. Ты уж прости меня, что тогда в горячке расстройства хотела из жизни уйти, ни о чём и ни о ком не думая, просто без Глеба жизнь свою помыслить не могла... Прости и за то, что сейчас, может, что неправильно делаю, не наказывай строго, осчастливь нас ребёночком, очень прошу... А я, как в Энск снова приеду, обязательно к Тебе приду. Услышь молитву мою...»

Рядом Глеб стоит и тоже с Богородицей о своём беседует. Так они вдвоём и попросили Её – о ребёночке.

А ровно через три месяца после посещения церкви Светлана поняла, что беременна. Сразу никому ничего не сказала, но когда в больнице догадку подтвердили, первым, с кем поделилась радостью, оказался отец. Когда она забежала к нему за своими бумагами, он сразу заметил, что дочь вся так и светится, и спросил, что за радость посетила её.

Светлана уткнулась ему в плечо и со слезами на глазах произнесла:

– Ах, папка, папуля, твоя дочь наконец-то беременна, дай Бог, всё нормально пройдёт, и через семь месяцев ты станешь дедушкой...

Михаил Савельевич, поцеловав дочку в макушку, крепко прижал её к груди. Задохнувшись от радости в первую минуту, он не смог произнести и слова. Затем, утерев нечаянно выкатившуюся слезу, спросил:

– А Глеб-то знает?

– Да нет ещё, я ведь из больницы, папка, прямо к тебе, там им зачем-то моё свидетельство о рождении понадобилось, вот отнесу – и домой побегу, обрадую.

– Ну, беги, доченька, беги, порадуя мужа да Галину Игнатьевну, а я тоже к вам часа через три подойду...

В роддоме

В 1988-м, за месяц до родов, Светлану положили в больницу на сохранение. Соседка по палате, чуть манерная тридцатипятилетняя Марта Артюшова, лежала здесь с небольшим сроком беременности и страдала оттого, что вот уже неделю не могла выразить своё «большое мнение». В отчаянии она произнесла:

– Девочки, я уже больше не знаю, что и пить, чтобы мой желудок расслабился.

Напротив сидевшая на кровати с книгой в руках Анфиса Кочевая, наоборот, готовая вот-вот родить, спокойно предложила:

– Вставь свечку и сходишь. Мне помогло...

Марта на несколько секунд затихла, а затем, показывая той свой палец, с отчаянием выпалила:

– Как я вставлю-то её? Посмотри, какие у меня длинные ногти! Я только перед больницей маникюр сделала.

Анна как ни в чем не бывало продолжила:

– А ты ноготь-то бинтом забинтуй и вставишь, вот проблему нашла...

Слушая этот их нечаянный диалог, Светлана вдруг представила Марту, обречённо обматывающую свой длинный ноготь, и, не выдержав, поддерживая свой болевой живот, прорвалась смехом. Смеялась долго, с наслаждением, как не смеялась уже очень давно, точно массаж себе смехом делала...

А Марте, всё же нечаянно сломавшей свой ноготь, после того разговора и свечки не помогли. Через день она призналась, что теперь в туалет исключительно свечками ходит, чем опять всех и рассмешила. А ещё через несколько, когда санитарочка посоветовала ей стакан томатного сока с двумя столовыми ложками оливкового масла выпить, радостно сообщила:

– Девчата, победа! Наконец-то и я свой «каменный цветок» высидела!

Перед выпиской та позвонила своему мужу Роману, главному инженеру комбината, и строго-настрого наказала:

– Купи мне двое хлопчатобумажных тёмных трусиков, чтоб на весь живот.

Через время Роман приносит ей в пакете заказ, и когда уходит, все слышат её бурное возмущение:

– Нет, вы только посмотрите, что он мне принёс? Я просила тёмные и хэбэ, а он принёс светлые – и синтетику за десять и двадцать рублей. И где только за такие цены трусы продаются? Да им красная цена три-пять рублей!.. Уж кто-кто, а я-то знаю... Ну, мужики, ничего доверять нельзя...

Светлана думала: «Как здорово, когда в палате появляется человек, подобный Марте!»

Через месяц Светлана благополучно родила мальчика весом 3 килограмма 700 граммов, ростом 52 сантиметра. Глеб в записках жене писал:

«Светочка, родная моя! Свет сердца моего! Поздравляю!»

Поздравляю с сыном тебя! Поздравляю себя. Ножки парню, как положено, дома уже обмыли с мамой и Михаилом Савельевичем. Как назовём его? Предлагаю Даниславом. Я тут вычитал: со старославянского – это данный Богом для славы. Можно и Данькой, и Славкой, пока маленький, звать. Как ты, не против? А как он там? Какого цвета у него волосы? Курчавый? Нет? На кого похож? На меня или на тебя? Лучше бы на тебя. Ты у меня красавица. Мама купила для нас троих лотерейные билеты, надеется, что машину выиграем. Ладно, пусть надеется, сам-то я в это не верю. Я же купил для нашего парня пластмассовую ванночку, теперь он в ней может плескаться круглыми сутками. Светка моя, а когда ты мне сможешь его показать? Очень скучаю по вас. Целую, ваш Глеб».

Светлана ответила Глебу, что хочет сына Сашкой назвать в честь их общего друга Александра Соболева. Глеб написал в записке ответ.

«Светка, радость моя! Здравствуй, мой человечек родной!»

Согласен. Александр Глебович ещё лучше звучит. И принимай, жена. отчёт: купил нашему Сашке коляску. Удобно, что в ней можно и зимой, и летом катать. С мамой обставляем детскую комнату. Михаил Савельевич принёс детскую кроватку, в которой

ещё ты спала, сказал, чтоб я не смел никакой другой покупать. Мама намыла её. И вправду, она особенная. Михаил Савельевич говорил, что на заказ для него её сделал отец Сашки Соболева, он у него мастер и по этой части тоже. Жду не дожусь, когда будем все вместе. Передачку отдал Люсе-медсестре. Спасибо, что сына показала. Завтра все вместе придём. Набирайся сил. Пока, целую, твой Глеб».

Светлана кормила своего первенца грудью и умилялась его маленькому ротик-ку, жадно хватающему её сосок. Она радовалась, что молока достаточно. Когда сын наедался, тут же засыпал. И тогда она прижимала его к груди и начинала напевать колыбельную, рождающуюся тут же из её головы: «Спи, мой милый сын, усни. Пусть тебе приснятся сны. Красный, синий, голубой – в детство их возьми с собой. Пляшет мишка, пляшет кукла у тебя во сне, сынок. Можешь взять в полёт с собою ты их, голубок. Пусть они подольше пляшут и смеются пусть. Сон так нужен человеку, чтобы отдохнуть! Не все просто в жизни взрослой, мой сынок. За тебя молиться буду, нежный ангелок».

К роддому Глеб подогнал три машины со всеми родственниками и друзьями. Завалил врачей и медсестёр цветами и подарками, Светлане большой букет гладиолусов преподнёс. Принял своего первенца, точно хрупкую драгоценность, посмотрел в маленькое личико сына и передал на руки своей матери.

– Ма-а-а, вы с Михаилом Савельичем, ребёнком и всеми остальными домой на машинах езжайте, а мы со Светой пешком.

– Как пешком, ты чего, Глеб, она ведь только после родов, – начал было возмущаться Михаил Савельич.

– А вот так! – сказал Глеб и подхватил Светлану на руки. – Сегодня я свою жену до дома на руках понесу, она это заслужила! Правда, очей моих свет?!

Светлана от радости и счастья спрятала своё лицо у мужа на груди и крепко обняла его за шею.

Так Глеб и нёс Светлану домой на руках от самого роддома через весь городок. Все, кто это видел, утирали глаза от вдруг наворачивающихся слёз. Эти двое так ждали своего первенца – и, наконец, дождались. А ещё через год у них родилась дочь Поляночка. Сын и дочь – красные дети!

Муж

Муж! Сколько тёплого, родного было в этом слове для Светланы, сколько силы, уверенности, страсти. Читая некогда «Укрощение строптивой» Шекспира, она наслаждалась монологом Катарины именно о муже: «Муж повелитель твой / Защитник, жизнь, глава твоя»...

И думалось, что раньше, наверно, и были именно такие мужья, но века шли, и мужчины мельчали в своей сущности. Забота о семье и хлебе насущном не гнала их больше на охоту или в боевые походы...

Светлана радовалась, что её Глеб был внимателен к ней и к детям, всё своё свободное время проводил в семье, что-то делал по дому, его не тянуло в компании, ДОМ – это была его КРЕПОСТЬ, которую он призван был оберегать и защищать.

С ним было надёжно. Он никогда никому ни в чём не отказывал помочь, но и не обещал того, в чём не был уверен, что выполнит. Он много времени уделял детям, играя с ними, разучивая песенки, и постоянно Света ловила на себе его любящий взгляд. Они сами создавали свой мир, в котором она была всем: и хранительницей их семейного очага, и заботливой матерью, и женой, любящей и любимой, и беззаветно преданным другом... Алексашка Соболев как-то высказал ей своё удивление, что вроде бы с Глебом они живут уже не первый год, дети появились, а отношения совсем не изменились, он также продолжает носить её на руках и восторгаться ею, как в свой брачный месяц. Светлана отшучивалась, что просто их брачный месяц ещё не закончился, что она и сама не мыслит каких-то в их доме размолвок или, не дай Бог, ругани. Нет, они нормальная семья со своими маленькими ссорами, обидами, но всё это настолько незначительно, что забывается уже через несколько минут, стоит одному или другому подумать, что эта самая ссора или размолвка может затянуться надолго...

– Жизнь, Алексашка, так скоротечна, что мы боимся потерять в ней даже миг друг без друга, – сказала она ему серьёзно, – особенно после того, как однажды это чуть не случилось...

– Но разве вы всегда вместе? Ты на работе, он на работе, на какое-то время разлучаетесь ведь, – возразил Соболев.

– Конечно, разлучаемся, но душой-то всё равно вместе...

Светлана помнила их разлуки в уборочную страду, когда Глеб приезжал домой только в неделю раз, чтобы помыться и передохнуть, и она чувствовала, как он по ней скучал, и тогда она вся трепетала в его руках, таких знакомых, желанных, ласковых... Однажды, когда они уложили детей спать, он крепко прижал её к себе и нашёл её мягкие губы. От ласк мужа ей становилось жарко, в такие мгновения она особо чувствовала своё единение с Глебом и душой и телом.

– Люби меня, люби ещё и ещё, я так наскучалась по тебе, – шептала она ему в самое ухо.

Он, смеясь, целовал её и спрашивал:

– И что это тебя, моя дорогая жёнушка, с такой силой на ласки прорвало?

И она с лёгкостью отвечала:

– Потому что ЛЮБЛЮ!

И в этих их ночах было столько радости, столько света и тепла, что хотелось окутать ими весь мир, всех близких и дорогих им людей...

А Галина Игнатьевна однажды утром, пока Светлана спала, сказала сыну:

– Вот смотрю я на тебя, Глебушка, и вспоминается мне старая притча: «Бродило как-то Счастье по свету и всем, кто встречался на пути, желания исполняло. А однажды по неосторожности в яму провалилось. Никак не может самостоятельно выбраться. К яме подходили люди, загадывали желания, и Счастье тут же выполняло их. Люди, радостные, уходили, оставив Счастье и дальше сидеть в яме.

Как-то к яме подошел молодой парень, посмотрел на Счастье и спросил: «А тебе-то, Счастье, чего хочется?» «Выбраться отсюда», – просто ответило оно. Парень помог Счастью выбраться и пошёл своей дорогой, ничего у Счастья не попросив. А Счастье тут же побежало за ним».

- Хорошая притча, мам, – обняв мать, сказал Глеб.
- Хорошая. Я, когда вспоминаю её, думаю: какому счастью ты, сынок, так помог, что оно теперь за тобой по пятам идёт?
- Так это, мам, просто судьба у меня такая.
- Да нет, Глеб, судьба у людей разной бывает. Сердце большое надо иметь, любовью крылённое, вот тогда и счастье рядом с любовью будет под ручку идти, врозь-то они когда идут, чаще всего обескровливаются, так что почаще за это Бога благодари.

Стихи под пиво

Обходя общежитие после прописки новых жильцов, Валентина Архипова подошла к 208 комнате, из которой слышались громкие разговоры, постучала и в ответ услышала возбуждённо-резкое:

– Кто там? Входи, чё церемонишься?

Распахнула дверь и увидела перед собой человек шесть-семь парней, у которых посреди комнаты был поставлен стол с наваленной сухой рыбой и целая батарея пива, кровати сдвинуты от стен к столу, на которых вся эта компания и восседала.

– Здравствуйте, – поздоровалась Валентина, – разрешите представиться – я ваш воспитатель, зашла познакомиться и переписать тех, кто живёт в этой комнате, если не возражаете, а заодно узнать, по какому поводу собрались.

Парни от удивления присвистнули, а один сладко-тягуче произнёс:

– Мама родная, парни, кака у нас по общаге воспиталка гарна ходит и без охраны! Как Вас звать-величать, девица красная?

Пропуская ёрничанье парня мимо ушей, Валентина чуть смущённо произнесла:

– Извините, что не представилась. Зовут меня Валентина Алексеевна.

– Очень приятно, дорогая Валентина Алексеевна, нас тут двое проживает, – спокойно, но в то же время изучающе глядя на неё, произнёс худощавый, но довольно высокий парень. – Записывайте: Кузнецов Владимир Иванович и Захаров Павел Артёмович. А это гости мои, ребята с нашего деревообрабатывающего комбината. У меня сегодня, если не возражаете, – наигранно вежливо добавил он, – четверть века – 25-ть исполнилось!

– Извините, не знала и, если позволите, тоже поздравлю вас, но по-своему, – произнесла Валентина.

– Да Вы присаживайтесь, присаживайтесь, – подставил табурет ей тот, кто маму родную поминал.

– Спасибо. Мне как-то стоя привычнее. Я до того, как в Светлое вернулась, во Дворце Культуры в Мурманске работала, потому частенько приходилось на сцене выступать. А подарю я Вам, Владимир Иванович, стихотворение Марины Цветаевой, если не возражаете.

Парни, ошарашенные таким ходом событий, сидели удивлённо-притихшие и во все глаза смотрели на неё, она же, глядя на юбиляра, начала читать: «Вы столь забывчивы, сколь незабвенны»...

После чтения и возникшей паузы один из друзей юбиляра протянул:

– Я тя умоляю, Володька, вот это подарок! Ты таких стихов, поди, отродясь не слышал!

Володька, видимо, потрясённый подобным поздравлением, не меньше других смущаясь, поднялся из-за стола и, разливая всем по бокалам пиво и ей в том числе, заговорил:

– За такое поздравление, парни, выпить стоит. Да и Вы, Валентина Алексеевна, не побрезгуйте, – протянул он ей стакан с пивом.

Валентина, извиняясь, произнесла:

– Простите, не могу, я при исполнении. Не буду вам мешать, – сказала и хотела было уже развернуться и пойти, как один красивый чернявый парень остановил её:

– Валентина свет Алексеевна, а нельзя Вас попросить, извините за такое нахальство, и для меня что-нибудь прочесть, хотя мне до своего дня рождения ещё далеко. Просто я и не подозревал о существовании вот таких стихов.

– Да, просим, – загалдели парни, – это Серёга Ратник, он недавно с Афгана вернулся.

Валентина внимательно посмотрела парню по имени Серёга в глаза и, точно раздумывая о чём-то, произнесла:

– Хорошо, Сергей, если можно Вас так называть, прочту и Вам, только другое, одно из моих любимых, хотя и написано оно от лица мужчины – Юрия Левитанского, а называется – «Молитва о возвращении».

Она видела, как парень весь так и подался вперёд, даже забыв поставить на стол бокал с пивом.

Ещё никогда Валентина не видела так близко глаза своих слушателей, никогда не читала в подобной компании. Стихи под пиво. Расскажи кому такое в Мурманске, её бы не поняли, но почему тогда ей было так приятно читать этим парням-работягам свои самые сокровенные стихи, понять не могла. А голос её уже звучал, растекался по комнате, проникал в души тех, кто никогда не соприкасался с высокой поэзией:

Семимиллионный город не станет меньше,
если один человек из него уехал.
Но вот один человек из него уехал,
и город огромный вымер и опустел...

Когда закончила читать, сразу откланялась и вышла...

Тебе что, жить надоело?

По прошествии времени Валентина как-то заболела и вышла на работу только недели через две. Заведующая попросила проверить новых жильцов, узнать, как они устроились... Заодно Валентина решила сделать обход всего общежития. Последний, четвёртый этаж самый разбитый и мало заселённый. Лампочки горели только в начале и в конце. Средняя, самая длинная часть коридора, заставленная старой мебелью, была погружена в полумрак.

Со света она заметила в темноте какое-то шараханье и решила проверить. Видит – незнакомый ей мужчина рвётся то в одну, то в другую дверь. Подошла, вежливо спросила, в какой комнате он живёт? Показал. Открывает журнал с пропиской: в указанной комнате никто не числится. Спрашивает:

– Может, Вы номер перепутали?

Он тыкается в другую. Вновь смотрит в журнал. Пусто. Настойчиво предлагает:

– Давайте спустимся на вахту, разберёмся. Может, пока меня не было, Вас на каком-то другом этаже поселили.

До сих пор не проронивший ни единого слова новоявленный «жилец» вдруг рывками хватается её за грудки и с силой, какой Валентина от него не ожидала из-за его хилого вида, «прибивает» к стене и зло шепчет:

– Ты чо быкуешь, или совсем жить надоело?

Валентина, хоть в животе и почувствовала страх, спокойно ответила:

– Вообще-то нет.

– Так вот, здесь вам не тут, ещё слово вякнешь... и поминай как звали, сразу небо в овчинку покажется...

Дальше он не стал договаривать, что тогда сделает с ней, но по его гневно вращающимся зрачкам она поняла: ждать чего-то хорошего ей от него не стоило, и тут её самую обуяла злость... Ещё мгновение – и она, как волчица, набросилась бы на него, разорвав на куски... И взмолилась: «Боже, пошли кого-нибудь, не допусти моей драки с этим маленьким монстром». Видно, молитва была услышана, потому как открылась ближняя к середине коридора дверь и из неё вышел жилец Борисов. Спокойно, но громко Валентина обратилась к нему:

– Борисов, подойдите сюда. Вы, случайно, не знаете этого человека?

Борисов, видя, что мужик припёр её к стене, возмущённо заговорил:

– Эй, ты, ума помраченье, чего нашу воспитательницу за грудки схватил? А ну отпусти!

Сказал и грозно пошёл на него. Ярко-красная рубашка Борисова, точно полковое знамя, спугнула напавшего, который, резко оттолкнув Валентину на один из шкафов, бросился к лестнице. Валентина с Борисовым побежали за ним, но не догнали – ушёл. Позже выяснилось – был это сбежавший из близлежащего городка заключённый, искавший на время в их общежитии укрытие.

Мужчины... Что с них взять? Но были у неё проблемы и с женщинами.

На третьем этаже жила Татьяна Головина – Маленькая (как её здесь звали) с сыном. Красивая, фигуристая... Дружила с жильцом общежития Ивановым Андреем, работающим водителем АТП. Парень что надо! Любил её, замуж звал. Подрядился перед свадьбой на полгода на целину шоферить и...

Что произошло с Татьяной, никто понять не мог. Только начала она пить... Не выпивать, а пить «по-чёрному», до потери памяти, как мужик... Мало того, по рукам пошла. Сына забросила. Он у неё вечно голодным ходил, свою мать высматривая в чужих комнатах. Жалкий, одинокий мальчуган.

Однажды в воспитательскую к Валентине постучали. Открыла.

– Валентина Алексеевна, Головину мужики по очереди в ванную мыть голышом таскают, а у нас дети, ну сколько можно ещё это безобразие терпеть?

Валентина поднялась на этаж и сразу наткнулась на Татьяну. На самом деле, её, чуть прикрытую халатом, волокли двое плечистых мужиков.

– Куда вы её? – грозно спросила Валентина, останавливая их передвижение.

– Ну так, подмыть, как говорится, такава сияви.

– Вон из общежития! – закричала Валентина вне себя от ярости на чужаков. Вон! Пока наряд милиции не вызвала!

– А ты кто такая выискалась, твою дивизию, что орёшь, zenки выпялив? – насколько не смутившись её окрика, спросили те.

– Воспитатель общежития, устраивает? – еле сдерживая себя, грозно произнесла Архипова.

– Слушай, ты чё рычишь на нас? Жизнь такава, такава она есть, и больше не такава, если женщина просит... – вяло огрызаясь, произнёс один, но Татьяну всё же отпустил, и она тут же по стенке сползла на пол, безобразно оголив себя.

Валентине в этот момент захотелось их отхлестать, словно поганных псов выпинать из общежития... В момент крика ей показалось, что она и сама сейчас опускалась до их уровня... Но и Татьяна хороша! Совсем облик женщины потеряла. Когда парни ушли, Валентина прикрыла её халатом, привела в чувства и грозно сказала:

– Если ещё хотя бы раз покажешься в коридоре в таком виде, пеняй на себя – материнства лишу. Больше из комнаты ни ногой.

Завела в комнату, закрыла на ключ и спустилась к себе в кабинет. Её всю трясло. Чуть успокоившись, через час Валентина решила проверить, всё ли в порядке с жилищкой. Открыла дверь – Татьяны в комнате нет. Пошла с проверкой по всему этажу. Нашла у одного из жильцов и сказала беспощадно вежливо:

– Всё, Татьяна, терпение моё лопнуло, подаю документы на лишение тебя материнских прав, – и, развернувшись, пошла прочь.

Татьяна, стараясь халатом прикрыть свою наготу, на коленях поползла за ней, причитая:

– Валентина Алексеевна, я больше не буду, простите меня, пожалуйста, ну пожалуйста, я больше не буду... – бесцветно бубнила она ей вслед.

Валентина обернулась, обнаружив её, полуобнажённую, жалкую, с красными, грязными коленями, с растрёпанными волосами, разорванным халатом, волочившимся за ней, словно половая тряпка, и пришла в ужас. Казалось, ниже пасть женщине невозможно.

– Встань, – тихо, одними губами прошептала Валентина.

За поскуливанием и подвыванием Татьяна не расслышала слов воспитательницы, продолжала бить себя руками в обнажённую грудь и умоляла не лишать её сына. Лицо Валентины исказила гримаса отвращения и, не сдержав себя, она сорвалась на крик:

– Встань, кому говорят, немедленно встань!!!

Её окрик, как плеть, ударил по Татьяне, заставляя ту съёжиться и ещё ниже прижаться к полу, совершенно оторопев от крика воспитательницы, которая ни на одного жильца никогда ещё не повысила голоса... Валентине стало мутно. К горлу подступила тошнота, и, больше не сказав ни слова, она побежала к себе в кабинет.

Больше голой Татьяну не видел никто. Заведующая, прознав про этот случай, написала на Урал Татьяниной матери и просила забрать дочь с внуком к себе. Ответ пришёл положительный.

Валентина же, после того как прибежала к себе в кабинет, от бессилия что-либо изменить в общежитской жизни и жалости к непутёвым жильцам разрыдалась:

«Боже, за какие такие грехи ты преподносишь мне каждый день одну сцену хуже другой?» Потом в голове что-то щелкнуло: «А может, не за грехи, а для осознания чего-то или для научения? Только чего? Может, терпения?.. Сострадания?.. И родилась у неё защитная молитва: «Души силою человеческой верую я во спасение и молитву творю Тебе, Господи. Осени Ты нас всех своим разумом, направь на путь света и истины. Пожалей Ты невинных детушек, сохрани для них землю-кормилицу. И прости наши грешны головы. Ты великий, прими покаяние, отведи земли разрушение. Мы ведь дети Твои, о Господи, защити, сохрани неразумных нас. Научи молиться и веровать, всё прощать и любить своего ближнего. А ещё награди терпением и надежду яви в жизнь светлую, что моё счастье на пороге стоит. Дай мне силы, великий мой Господи, пережить надвижение смутных дней, сохранить душевное спокойствие и не пасть пред Тобой в грязь лицом. Потому как свято я верую, что ниспослано всё Твоей милостью... Благослови, о великий, Ты меня, Ты меня, да и всё человечество»...

Курортные танцы

Зелень санатория «Балтийский берег» близ города Зеленоборский Ленинградской области, куда муж Елены Поляковой Виталий приобрел путёвку жене, буйно разрасталась, несмотря на то что лето ещё не настало, но эти последние дни весны выдались на удивление жаркими. Высокие мачтовые сосны с пушистыми шапками ветвей хоть немного, но спасали от нещадно палящего солнца.

Елена, приехав с маленькой дочкой Верой сюда подлечиться, частенько гуляла среди этих сосен, вдыхая чистый воздух, насыщенный в это время года оздоровительной, полезной сосновой пылью. Они с Верой подходили к маленьким сосенкам, на каждой веточке которых было по одной-две, а то и больше нежно-салатовых свечей-отростков. Они дышали с дочерью чистым воздухом «Балтийского берега», принесенным сюда ветром с Финского залива, – и не могли надышаться, смотрели на утопающие в зелени кустарники – и не могли насмотреться. После дождя можно было увидеть на земле лужи в оранжевых облачках этой необыкновенной сосновой пыли. Весь курорт был испещрён вымощенными дорожками от корпуса к корпусу, на которые по вечерам и выходили погулять мамы с детьми. Всё на курорте способствовало лечению, отдыху и общению. К вечеру жар спадал и небольшой ветерок, тревожа верхушки цветущих кустов сирени и жасмина, разносил душистую их пахучесть во все стороны.

Большинство мам санатория были молодыми и, уложив детей спать, объединившись, группами ходили на концерты, курортные танцы, посмотреть интересный фильм. Елена познакомилась с двумя женщинами. Одну, двадцативосьмилетнюю, звали Катерина, она приехала с сыном из Кирова, другую, тридцатилетнюю – Татьяна. Эта приехала сюда на курс лечения из Ленинградской области. Все они были примерно одного возраста, и им было интересно общаться друг с другом.

Однажды женщины договорились дать себе отдых от грязевых ванн, различных процедур и пойти потанцевать. Ведь что ни говори, а положительные эмоции – это и есть самое лучшее лекарство от болезней и стрессов. Привели себя в порядок, красиво оделись. Танцы уже были в разгаре, когда девушки зашли в танц-зал.

Звучала мелодия вальса. Осмотревшись, Катерина заметила:

– Вот она, девочки, старость, кружащаяся в ритме вальса. Седые виски, негну-щиеся ноги...

К ним приблизилась пара старичков со сморщенными, как у женщины, так и у мужчины, лицами, обнаженные дряблые руки обоих, подернутые сетью морщин, напоминали ветки старого-престарого дерева... И девчатам, глядевшим на них, стало как-то неудобно от своей молодости и сбитости крепких, точно наливные яблочки, тел. Побыстрее прошмыгнув к стульям близ сцены, они сели пока только на-блюдателями. И, о чудо! Тоже седая голова, лицо мужчины пробороздили крупные глубокие морщины, но что за осанка! Свою даму он вёл легко, непринуждённо, ни на кого не обращая внимания, ни перед кем не красуясь... Он поглощён был только ею... Да и его партнёрша была ему под стать. Приятенький ситцевый костюмчик был точно сшит по её фигуре. Она была также немолода, но, как и её партнёр, на-ходилась полностью во власти танца и своего кавалера. Елена с приятельницами просто залюбовались этой парой, словно парящей над залом в своём вдохновении и поглощённости друг другом.

– Вот вам и старички! – прошептала она Катерине с Татьяной. – Да у таких нам не грех уроки брать! Какая грация, какая гармония во всём! Согласны?

– Да, что и говорить, эти – высший пилотаж! – подтвердила Татьяна. – А теперь на другую пару посмотрите – брюки в гармошку, сам точно увалень, а туда же, старается фарс держать. Да, девчата, сейчас мы на них смотрим, обсуждаем, а ведь не пройдет двух, трёх десятков лет, и сами такими станем, – с грустинкой добавила Татьяна.

– Конечно, станем, но ведь это не значит, что мы должны закрывать глаза на кра-сивое или уродливое, – подтвердила Катерина, – ну посмотрите на этого, да сто про-центов даю, что он и в молодости на полусогнутых ходил, точно в штаны навалил...

И как только был объявлен быстрый танец, девчата вышли танцевать. Но ан-самбль играл его так тяготно-медленно, что у них лопалось терпение. Не выдер-жав, Татьяна сказала:

– Да что это за надругательство над музыкой!

– Ну что ты нервничаешь, Танюша, – произнесла Елена, – это, наверно, для того, чтобы не дай Бог из старичков кто-нибудь не свалился невзначай, ты повниматель-ней взглядишь, большинству здесь далеко за шестьдесят и семьдесят лет.

Так они и танцевали втроём весь вечер: Елена в белом красивом шелковом ко-стюме, юбка которого раскрывалась, точно парашют от потока воздуха, Татьяна-«дюймовочка», потому как была очень уж миниатюрной, точно девочка – в цветном ярком сарафане, Катерина в платье «на все случаи в жизни». Татьяна, несмотря на свою миниатюрность, была шустрой и весёлой женщиной, откликалась на все задумки Еле-ны, а вот Катерина, та больше наблюдала со стороны. Сдержанная, тихая, она хоть и не пропускала ни один быстрый танец, всё же активным участником его не была.

– Вальс! – объявили в микрофон.

Елена подхватила «дюймовочку» Татьяну, и они закружились по залу. Видели устремлённые на них взгляды старичков, и им было приятно. Татьяна оказалась достойной партнёршей. Разгорячённые девчата решили перейти на другой конец зала, где уже распахнули стеклянные двери и поток свежего, по-летнему теплого

воздуха стал пробиваться сквозь танцующих в зал. Сидеть там было гораздо приятнее, и они весело заняли освободившиеся места. Оказавшийся рядом с Еленой напыщенный, высокий седой мужчина не прибегнул тут же задать ей вопрос:

– Вы тоже мамочки из второго корпуса?

– Да, мамочки, – Елену задело это его «тоже» в обращении к ней. – А что Вас не устраивает?

– Да нет, всё устраивает, просто, я смотрю, здесь очень много мамочек.

– Так ведь и нам когда-то надо отдыхать, – сказала она ему.

Этот «индюк», как Елена тут же окрестила заносчивого мужичка, начинал ей определённо надоедать. А он не отставал:

– То-то, я смотрю, наши лётчики очень поздно возвращаются из вашего корпуса...

И тут Елена с акцентом на слове «это», подкалывая, произнесла:

– Но вам-то ЭТО не грозит, правда?

«Лётчику», видимо, не понравился её тон, и он последней репликой решил зачитать их разговор:

– Просто, «милые мамочки», я часто до ночи засиживаюсь за книгой и наблюдаю, как они по одному выныривают из дверей.

Елена и тут его подколола:

– Обычно, если люди по-настоящему зачитываются книгой, они ничего вокруг не видят, кроме страниц...

Он поднялся и отошёл от неё. Она же решила понаблюдать за ним. Чаше всего на вечера объявляли танцы обоюдного приглашения, но этот «индюк-лётчик» практически весь вечер сидел гордый и ждал, когда же его кто-то пригласит, сам при этом не сделав ни одной попытки. Увидев это, Елена потеряла к нему всякий интерес: такие люди ей никогда не нравились, и тратить на него время совершенно не хотелось. Старики и старушки от серии быстрых танцев, по-видимому, устали и сидели на лавках, что стояли вдоль стен. Ведущий, видя, что всё меньше остаётся танцующих, схватил микрофон и бодро произнёс: «Популярнейший из танцев, / Этот танец любит всяк. / Темпераментный, задорный, / Быстрый танец – краковяк!» Ансамбль заиграл первые такты, а по залу уже побежал шелест женских шёлковых платьев и шарканье мужских башмаков. Мудрёного в этом танце ничего нет: прошлись, повернулись друг к другу, покружились, опять прошлись. Преимущество его перед современными быстрыми танцами в том, что он танцуется в паре с партнёром. И как же при первых звуках музыки изменились лица старичков и старушек, даже те, которые до сих пор оставались практически безучастными! В них заискрились улыбки и заиграла жизнь!

– Девчата, смотрите, – произнесла со смешком Елена, – лётчик-то-учётчик тоже не выдержал, побежал...

– Что может сделать с человеком танец его молодости! – подтвердила Катерина и добавила. – А вот, девчата, когда мы состаримся, какой танец станем танцевать? Если подумать, так у нас такого и не окажется. Когда становились юными, в моду вошли уже танцы быстрые, в подражанье Западу, беспарные, названия которых менялись, а суть оставалась одной – «наедине со всеми», как поёт Валерий Леонтьев – каждый дёргается сам по себе.

– Да, ты, Катя, права на все сто, – подтвердила её слова Елена. – Вальс наши мальчишки танцевать не умеют, танго тем более, что же нас сможет, как этих стариков, согреть? И получается – ничего! Помню, учителя, когда мы танцевали эти быстрые групповые танцы, делились мнениями друг с дружкой: «Когда все, как на ладони, в одном кругу дёргаются, им весело и нам спокойнее». Вот и получилось, что наше поколение без своего особого танца в жизнь вошло.

Такие мысли появились у девочек, когда они наблюдали за танцующими, за их одухотворёнными лицами. Елена была благодарна Светлане, что та затащила её в танцевальный кружок и она выучилась там хотя бы вальсу – танцу всех времён и народов. «Вот он и выручит меня, если что», – оптимистично додумала свои мысли Полякова...

Так они лечились и отдыхали – мамочки второго корпуса, давая отдых себе и детям...

Прасковья Ильинична и Горбачёв

В 1989-м Прасковья Ильинична пригласила Светлану с Глебом на своё 77-летие. Когда гости пришли, попросила Светлану заглянуть к себе в спальню.

– Узнаешь? – с радостью в голосе спросила Прасковья Ильинична, указывая на портрет.

С удивлением Светлана увидела, что вместо ковра над её диваном висит огромный плакат с портретом Горбачёва. Поражённая, подумала: «И где только Прасковья Ильинична достала такой?» Но спросила о другом:

– Прасковья Ильинична, а что это Горбачёв над Вашим диваном делает? Его портрет не в каждом кабинете вешают, а Вы над спальным ложем ему вдруг место определили.

– Светочка, это великий человек, и я влюблена в него, как молодая девушка. Духом воспряла, сама себе диву даюсь! Он меня, старуху, заставил забыть, что мне уже под восемьдесят. Сейчас я вновь словно восемнадцатилетняя и полна веры в него.

– Вы о нём так восторженно отзываетесь, точно души не чаете! Хотя, в принципе, мне он тоже симпатичен.

Они покинули спальню, и именинница стала приглашать гостей к столу. Когда был произнесён первый тост, Прасковья Ильинична, обращаясь к Светлане, произнесла:

– Симпатичен? Извини, Глеб, я продолжаю наш разговор со Светланой о Михаиле Сергеевиче Горбачёве. Его мало называть, дорогая моя Светочка, симпатичным. Он глобальную перестройку в Союзе и душах людей начал. С ним гласность пришла. Впервые в России без оглядок заговорили о массовых репрессиях. Не ты ли мне из библиотеки приносила читать нашумевший роман Рыбакова «Дети Арбата»? А когда бы ещё, если не гласность, был бы показан фильм Абуладзе «Покаяние»? Ты знаешь, Светочка, как я люблю и уважаю тебя, но сказать о Горбачёве – симпатичен, это значит ничего не сказать. Такое может позволить себе только человек, не переживший вынужденной эмиграции, гибели близких, не прошедший лагерей и тюрем, когда людей сажали за невинные частушки, как, например, за эту: «Ехал Ленин на телеге / И котомка на боку. / – Ты куда, Володя, едешь? / – Реквизировать муку». Как же так получалось – реквизируют зерно и муку по приказам Ленина можно было,

а петь об этом нельзя? Вот за эту одну частушку человека сгноили в Талагах. Был такой лагерь в Архангельской области. В подобных лагерях надзиратели выбивали из людей их последнее человеческое достоинство, а тех, кто был ещё духом крепок, уничтожали голод и болезни.

Поэтому я так ратую за Горбачева. Он внёс свежий ветер в мою жизнь, надежду на то, что справедливость всё же иногда торжествует. Я до сих пор с дрожью в душе вспоминаю ГУЛАГ, как в 48-м в дом, где мы снимали комнату, ворвались люди в чёрном и схватили нас: мою больную мать, брата, отца... Раскидали всех по разным лагерям. Как после реабилитации уже я искала их следы, мотаясь из лагеря в лагерь... И узнала: отец оказался расстрелянным, мать через три месяца после ареста умерла в тюрьме, а брата... брата до смерти забили уголовники... Я всё, Света, помню... А ещё я помню болезнь Сталина, передачи, которые буквально сковывали в действиях всю страну. Народ, точно замороженный или находясь под всеобщим глубоким гипнозом, слушал ежеминутные сообщения о состоянии здоровья «вождя всех народов»... Как, будучи ещё в ЗОНе, я услышала весть о его смерти, а через год после реабилитации вышла на свободу. Ты не смотри, что мне уже под восемьдесят, что из меня песок сыплется...

– А Чернобыль? Дорогая моя Прасковья Ильинична, разве Вы забыли его? – сказала непонимающе Светлана. – До сих пор никто толком не может сказать, была это катастрофа или спланированная диверсия. Мы в библиотеке готовили вечер в память чернобыльцев, так такие материалы накопили – волосы дыбом становятся! Число жертв этой аварии приближается к трёмстам тысячам человек, а Горбачёв, как генсек страны, пытался скрыть эту трагедию от собственного народа. Миллионы людей получили дозы излучения, даже не подозревая о том!

– А я, дорогая именинница, если позволите, – произнёс, улыбаясь во весь рот, Глеб, – поддерживаю жену. Скажите, пожалуйста, Прасковья Ильинична, а кто, как не Горбачёв в 85-м «сухой закон» ввёл, затеял так называемую «борьбу с пьянством», из-за которой были уничтожены лучшие виноградные плантации? И сегодня мы пьём за Вас не хорошее сухое вино, а сок. А давки в очередях за спиртным? А подпольный выпуск суррогатной водки? Вон, Сашки Соболева сестра, Валентина, рассказывала, что у них в общежитии мужики как мухи мрут, да и не только в общежитии. Дядька Пётр, тётки Меланьи муж, умер на той неделе, напившись подделки. Заходил в аптеку, чтобы настойку пустырника матери купить, сказали – нет, алкаши стали разбирать все подряд: настойки, одеколоны, лосьоны, даже жидкость для мытья окон пьют. Я узнал, что в Светлом гробы мужики не успевают сколачивать... Под кладбища стали пускать некогда посевные поля... А народу только и остаётся, как петь: «По талонам горькая, / По талонам сладкая, / Что же ты наделала / Голова с заплаткою?!» Ведь это, родная Вы наша Прасковья Ильинична, тоже Горбачёв...

– А мне тут Любовь Купцова, библиограф наш, рассказала, что партийцы на выпускном вечере у дочери такой шмон устроили! Весь праздник ребятам испортили. Кто-то стукнул, что парни вино пронесли, вот они с обыском и нагрянули. А дочь Любви Наташка с пареньком в классе сидела, целовалась. Влетают трое молодчиков и с пристрастием допрос начинают, куда, мол, вы вино спрятали? Они, бедные, перепугались так, что долго понять не могли, чего от них эти люди хотят. Думали:

целующимися застучали – характеристики испортят, а с плохой характеристикой куда поступать пойдешь? У чиновников с этим законом точно крыша поехала...

Светлана заметила, как лицо дорогой ей женщины покрыла кружевная сеть мелких морщинок, резче стали и морщинки в уголках чуть изогнутых губ, выдающих память горьких минут её жизни. Видно было, как Прасковья Ильинична переживает услышанное из их уст. И Светлана обругала себя, что затеяла этот разговор. Ну, нравится Прасковье Ильиничне Горбачёв, ну и пусть нравится, ведь ей на самом деле уже около восьмидесяти, а они с Глебом с ней точно с ровесницей, разошлись...

– Да, дорогие, ему приходится нелегко. Только конфликты в Нагорном Карабахе и Прибалтике сколько сил отняли, я уже не говорю о названном тобою, Света, Чернобыле. Но я вам скажу: не может быть виноват только один человек. Думаю, здесь надо искать недоброжелателей в окружении самого Горбачёва. А сам по себе он незауряднейший человек, это я вам говорю. Дать Слову Правды дорогу уже многого стоит...

Я, когда в газетах первые публикации о том чёрном времени читать стала, прекрестилась. Поклон ему от меня за это до самой земли. Умница большой! Когда говорит – любо-дорого смотреть: никаких бумажек, заиканий, шамканья слов, как у Брежнева. За словом в карман не лезет – свои мысли высказывает, не чужим умом поданные. Я теперь все его выступления вместо мексиканских сериалов смотрю.

Глаза Прасковьи Ильиничны загорелись, как у молодой, впрочем, в свои лета она оставалась юной душой, гораздо моложе некоторых молодых женщин Светлого. Те, заглядывая в библиотеку, только и делали, что рассказывали о своих болячках, об усталости на работе, заботе о детях, доме, поэтому Светлана, заулыбавшись, подошла к Прасковье Ильиничне и обняла её, восхищаясь:

– Прасковья Ильинична, какая Вы молодец! Мы с Глебом аплодируем Вам! Так страстно защищать то, что стало Вам дорого, не каждому дано. Под восемьдесят?.. Глеб, подтверди – да Вы гораздо моложе всех нас! Песок сыплется? Надо же так сказать о себе... А хотите, частушку для Вас пропою? В очереди услышала: «Леня, Юра, Константин – / Вечная вам память! / Теперь Миша – господин, / Будем его славить!»

– Вот видишь, и народное подтверждение от тебя же самой я услышала, – заулыбавшись, произнесла Прасковья Ильинична. – Частушки только правильные люди поют. После смерти Брежнева я ещё ни одной про Андропова и Черненко не услышала. Не перестаю удивляться таланту русского народа – гол, как сокол, а остёр, как топор!

В этот вечер восхищений Прасковьи Ильиничны Горбачёвым не было конца... Справедливости ради надо заметить, что и самим Казаковым в первые годы правления генсек нравился и они, не отрываясь, смотрели все его выступления, верили в лучшие перемены, но, но, но...

Будем надеяться – время лечит...

Виктория Кузнецова готовила к списанию книги, Светлана, недавно вышедшая на работу после декретного отпуска, сидела над заполнением картотеки. В читальный зал вошла учительница младших классов Дина Наумовна Хорькова.

– Светлана Михайловна, здравствуйте! Как я рада, что Вы уже вышли на работу! – совершенно проигнорировав Кузнецову, Хорькова чуть ли не подбежала к кафедре, за которой сидела Светлана.

Казакову это удивило, и она не преминула сделать замечание молодой учительнице:
– Дина Наумовна, вообще-то я в зале не одна, уж если Вы здороваетесь, то приветствуйте и Викторию Захаровну...

Хорькова, метнув недобрый взгляд в сторону Кузнецовой, холодно произнесла:

– Здравсьте, – и тут же вновь обратилась к Казаковой, – Светлана Михайловна, я знаю, что помочь можете только Вы: мне нужна литература по семейному чтению. Есть в нашей библиотеке по этой теме хоть что-нибудь?

– Отдельной книги нет, а вот в журналах встречались статьи, очень даже неплохие. Сейчас посмотрю по каталогу, Вы пока присядьте, Дина Наумовна, а я с каталогом поработаю...

Светлана нашла несколько расписанных статей и пошла в запасник за журналами, а когда принесла, Хорькова стала умолять её выдать их ей домой:

– Хотя бы на день-два, и я принесу.

Видно было, как ей скорее хотелось уйти, и потому Светлана не стала вступать в полемику, что из читального зала журналы домой обычно не выдаются, а записала их в формуляр. Хорькова, как только получила журналы, быстро покинула библиотеку.

– Слушай, Вика, что это было? – спросила Светлана Викторию. – Ведь Хорькова соседка твоя, чем это ты ей так насолила, что пустым местом стала?

– Может, пойдём по такому случаю тогда чайку пивнём, – предложила Виктория, – а в зале пока Наталья Петровна посидит...

– Ну хорошо, зови её и пойдём, – согласилась Светлана.

Когда они пришли в маленькую чайную комнату, Виктория стала рассказывать:

– Три месяца назад я зашла к Дине вернуть долг – как-то в магазине не хватило трёшки расплатиться, вот и заняла у неё. Дверь открыл её муж Юрий. Я, как всегда, прошла в комнату, спрашиваю:

– А Дина где? В ванной или вышла куда? Мне ей денежку надо отдать...

А тот, мол, в больнице на сохранении лежит с токсикозом. Я обрадовалась: они ведь так о совместном ребенке мечтали, а ничего не получалось! Говорю:

– Юрка, какие же вы молодцы, поздравляю...

А он ни с того ни с сего как накинется на меня, подмял на диван и лапоть пытается, мол, я так мечтал о тебе, ну хоть разок да побыть с тобой...

Мне было так мерзко, когда из-под туши его вывернулась, чуть не стошнило! Влепила пощечину и со словами: «Чтоб твоей ноги больше у нас не было!» выбежала. Даже не сообразила, что трёшку-то не отдала. Залетела домой, как очумелая, и под душ – такой грязной себя почувствовала от его сального взгляда и липких рук.

Недели две прошло, Дина из больницы вернулась, и встретились они мне на лестнице. Я поздоровалась с ней, трёшку сунула, а в его сторону даже не глянула. И тут она мне говорит:

– Вика, а чего это ты с моим Юрием не здороваешься?

Я и ляпнула:

– А ты у него спроси, – и домой. – Не поверишь, меня от него до сих пор воротит, мерзкий тип. Жена на сохранении, а он к другой лезет...

– Ну а она, спросила у него?

– Видать, спросила, потому как буквально через день при встрече со мной

вызывающе заявила: «Мне Юра всё рассказал: и как ты на него в последние дни посматривала, и как, почти обнажённая, к нему пришла. Бесстыдная...» Мне так отвратительно стало, только и смогла сказать: «Твоему бы Юре сказки писать, а впрочем, вы вполне друг друга стоите...» И она как закричит: «Это ты дрянь, а мой Юра любит только меня!» «Да катитесь вы колбаской по Малой Спасской, – подумала я тогда. – Хочется тебе думать, что Юрочка твой не похотливый кобель – думай, а меня уволь». На дух теперь ни его, ни её не выношу...

– Да, история... – только и произнесла Светлана. – Думаю, её стоит только пожалеть...

– Может, но как вспомню я этого толстого борова с отключенной, как у бабы, пятой точкой, и её, кричащую мне в лицо обвинения, жалость сразу куда-то улетучивается, – произнесла с безразличностью Виктория.

– Ладно, ладно, успокойся, – ободряюще сказала Светлана, – будем надеяться – время лечит...

Пожалишься кому – и самой легче станет...

Когда мать Глеба со Светланой находились во дворе, где тут же играли дети, в проёме калитки появилась возбужденная соседка Меланья и, охая, подойдя к ним, тяжело опустилась на скамейку. Её глаза выражали огромное беспокойство и даже некий страх. Переживая за соседку, Галина Игнатьевна спросила:

– Меланьюшка, у тебя всё в порядке или случилось что?

– А вот вы, мабуть, мяне ответите: и што стряслося со страную нашей? И што на белом свите-то деется? – срываясь уже на плач, заговорила она. – Петра, мужа сваго, от водки паленой схоронила, а седне чуть была Клима, дитёнка, ня лишилася, мальчика маяго единственного, кровиночку...

– Так ведь он у вас, тетя Меланья, не пьет, – встряла в разговор Светлана.

– Водку ня пье, а пивком, бывает, балуется. Вот в Энске перед автобусом в Светлое купил чабурек и пива пляшку, а в итоге – без партков еля ноги да дому донес, – рассказывала Меланья.

Светлана, взяв на руки Полину, подошла и села рядом с соседкой.

– Его что, ограбил кто-то? Почему без штанов-то? Может, наша помощь в чём требуется? – спросила она.

– Помощь яму ужо скорая оказала, а я вам толкам гаворе. Поехал мой Клим в Энск по делам заказчика, одив для солидности свий виходный костюм, а коды усе дялы в гораде порешал, вспомнил, чтой ужо и поисти не успел. На автостанции в ларьке чабурек купил и пива пляшку, которое яму, якобы, из-под полы продавщица та предложила, ну и чтоб чабурек той ня всухамятку исти. Клим чабурек съил, полпляшки пива выпил и поехал до хаты. Жарко было, вот всю пляшку осилать и ня мог. Перед подъездом к Светлому яго, беднаго, и скрутило. Хорошо, автобус в Светлое врань приходит, коды ище заря тилько заниматься начинае. Еля стирпив, вин у першого плетня и пристроился, тильки и успев брючаты сняти. Мяне, когды в сознание пришёл, гаворе, что дюже жаль было их дярёмом поганить. А трусы-то куды одевать? Они у няго усе ужо, и так запаганены были. Вот так вин, шарахаясь

от одного плетня к другому, до хаты своей и добрёл. Ввалился на двор белесый, як палатно. Я ж токмо коровку подоить вышла. Бачу: сынок мий в пиджаке при галстукe, а снизу голый вись да грязный у калитку ввалился и в обморок упал. Тута я скорую и вызвала. Приехали врач с медсестрой, жалудок яму промыли, укол сделали, а мяне гаворили, што сынку мий сильнейше отравление получил, мол, хорошо, что полпляшки выпил, а ежли бы усю, ня видала бы я яго живым. Вот што меченый сделал со своим законом сухим. Развязал руки беззаконникам да проходимцам, кои на здоровии да на жизни людей наживаются, чтоб яму ни дна ни покрывки...

– А то-то, я гляжу, у твоих ворот в половине пятого скорая помощь остановилась, думала, у тебя вновь давление скакануло, хотела ещё зайти проведать, как ты там, – произнесла печально Галина Игнатьевна, – а это, оказывается, к Климу твоему приезжали... И правда, настоящая беда с этим законом сухим! Нужно не запреты вводить, а культуре пития обучать. Вот я была в Грузии, так там даже дети в обед вино, как сок, пьют, но никого никогда пьяным не увидишь. Но ты, Меланья, не переживай, слава Богу, теперь с парнем всё хорошо – и это главное.

– Тетя Меланья, пойдёмте в дом, чайку с нами испейте, а то с переживаниями за Клим у Вас самих маковой росинки во рту ещё, поди, не было, – предложила Светлана.

– Ой, Свитонька, твоя правда, девонька, ня до росинки, коды сынку свого в таком состоянии застанешь. Пойдём, попиём, посижу с вами, пока Климушка мий спит. Правду гаворят, пожалишься кому бедой своей – и самой легче станет...

Лагерь в Рудне

Валентину Архипову вызвали в профком деревообрабатывающего комбината и предложили поехать на две смены в лагерь отдыха с детьми сотрудников комбината и полностью отвечать там за них. Посоветовавшись с родителями, она решила не отказываться. Детей на попечении Валентины оказалось тридцать четыре человека. Возраст от семи до шестнадцати лет. Лагерь находился в Рудне Волгоградской области. На перроне Валентину с детьми встречал водитель лагеря Вячеслав Жаров, с которым впоследствии она очень подружилась. Почувствовала и его симпатию к себе, да и ей Вячеслав понравился, но он был женат, а для Архиповой это – табу. Однажды в тихий час, когда дети спали под присмотром вожатых, Вячеслав предложил ей выбрать место отдыха на время похода её отряда на природу. Они объездили округу рядом с лагерем, и Архиповой понравилось расположиться у реки невдалеке от железнодорожного моста. И тут Вячеслав предложил:

– А ты на таком мосту когда-нибудь была? Не хочешь подняться? Поездов в это время нет...

И хоть Валентине было немного не по себе, но любопытство взяло верх. Мост, возвышавшийся над рекой, показался ей довольно высоким, и она, точно маленькая девочка, ухватившись за руку Вячеслава, медленно, с опаской стала переступать со шпалы на шпалу. Между ними зияла пропасть, которая притягивала взгляд смотрящего, точно магнитом, к воде болотного цвета. Голова от страха кружилась, но Валентина, преодолевая шаг за шагом, всё же перешла мост и вернулась назад. Когда они на автобусе возвращались в лагерь, Вячеслав обратил её внимание на чёрную тучку,двигающуюся параллельно дороге.

– Это что? – удивилась Валентина.

– Пчелиный рой, перелетающий на новое место, а вон, смотри, один уже прилепился к ветке дерева...

Валентина во все глаза смотрела на тучку, висевшую, как воздушный шар неправильной, вытянутой формы, а Вячеслав продолжал рассказывать:

– Пчеловоды, когда такую тучку находят, обрызгивают ее водой и снимают всю стаю в свою котомку. Это пчёлы дикие...

Ребятня Валентину очень любила, хотя ей приходилось нередко их и наказывать.

Однажды во время тихого часа Валентина услышала раздражающий монотонный скрип, раздающийся на весь этаж, который занимал её отряд. Вышла в фойе и увидела следующую картину. Двое мальчишек прыгали на пружинной сетке бесхозной кровати. Архипова, сделав замечание, отвела их в комнату, а сама пошла прилечь. Но не тут-то было: пружины кровати заскрипели вновь. Ещё раз вышла, опять предупредила, а на третий – взяла будильник, стул, подошла к тем, кто прыгал, и сказала:

– Раз вам так неймётся, прыгаете ровно час без отдыха и не касаясь стен.

Они прыгали, а она смотрела на часы. Когда час прошёл, велела взять кровать и заменить её на ту, на которой спал один из парнишек. Более прыжков в тихий час не наблюдалось.

То же случилось и с репейником, которым мальчишки закидали головы всем девочкам её отряда. Пригласив вожатых, Валентина попросила их нарвать ей как можно больше репейника. Когда они это сделали, собрала ребят, и теперь уже девочки обкидали тех репейником. И хотя волосы у мальчишек были короткими, выдирать репейник из волос оказалось очень неприятным делом. А некоторым девочкам, у которых волосы длинными оказались, репей вожатые вытаскивали полдня, приходилось даже отрезать некоторые пряди, так они в них запутались. Больше этого безобразия в её отряде не повторялось.

Затем у мальчишек пошло поветрие обливать девчонок водой из пластмассовых бутылок. И Валентина вновь в воспитании применила метод зеркального отражения, позволив девочкам обливать, в свою очередь, обидчиков. Причём при этом никто не обижался на неё, наоборот, предупреждали тех, кто хотел нашкодить, – мол, смотри, потом то же и с вами сделают. У нас Валентина Алексеевна только так и наказывает».

А ещё в окрестностях лагеря случился пожар, загорелся сосняк. Загорелся по вине мальчишек-курильщиков, но из другого отряда. И все воспитатели и работники лагеря бросились его тушить. Вячеслав на тракторе въехал в самое пекло, чтобы оградить бушующую стихию от ещё нетронутых огнем деревьев. Огонь то исчезал, то вновь стеной удушающего дыма появлялся, начинал, искрясь, прыгать с ветки на ветку и охватывать всё остальное пространство в яркий огненно-красный цвет. Женщины и старшие ребята кто песком, кто водой старались потушить его, заливая и засыпая тлеющую землю. Когда Валентина увидела, что Вячеслав на тракторе исчез за завесой огня, она так перепугалась за него, что тут же рванулась спасать, но, задохнувшись в дыму, из пекла выскочила. Музыкальный работник лагеря Татьяна

успокоила её, сказав, что это посадка и через семь-десять метров за ней дорога, что Вячеслав, по-видимому, там и выскочил. Так усилиями лагеря большой пожар был потушен ещё до приезда пожарных.

А еще через неделю ей сообщили, что видели двух парней из её отряда с сигаретами за территорией лагеря. Она посадила всех детей вокруг себя, а мальчишек-курильщиков – рядом с собой, достала пачку сигарет, которую заранее взяла у Вячеслава, прикурила и дала парнишкам со словами:

– Хотели курить – прошу. Будем сидеть, пока вы всю пачку не выкурите.

Дети с испугом смотрели на происходящее, а виновники ни в какую не хотели брать сигарет из её рук. Она настаивала. Наконец те, не выдержав, разревелись и поклялись, что больше ни одной сигареты в рот не возьмут.

– Запомните: я поверила вам, но если до меня дойдёт слух, что кто-то хотя бы нарочно взял сигарету в руки – пеняйте на себя, – жёстко предупредила Валентина.

Более никто сигаретами не баловался. Дети прекрасно уяснили, что Валентина Алексеевна их ни уговаривать, ни совестить не собирается, они будут наказаны тем, что делали с другими, даже якобы в шутку... Все эти эксцессы проходили в первую смену, во вторую никаких больших нарушений не было, все просто наслаждались отдыхом.

После вечера для воспитателей и работников лагеря Валентина вдруг обнаружила, что директор лагеря не на шутку увлёкся ею, делая разные сальные намёки на сближение. Она, оскорбясь, однажды в резкой форме осадила его так, что он, обозлившись на неё, во всём стал ущемлять её отряд. За резкость и справедливые требования, предъявляемые Архиповой к начальству, в лагере её прозвали Светлой, по названию города, из которого она приехала с детьми. В лицо звали по имени отчеству, а за глаза шептали: «Смотри, смотри, Светлая опять к директору с требованиями пошла». За её упрямство директор запретил Вячеславу везти отряд Валентины в город Рудню на экскурсию. Все отряды съездили – один Валентинин в лагере сидит. Несколько раз Архипова приходила с просьбой дать автобус и для её детей, но директор наотрез отказывался. Когда она пришла в третий раз с той же просьбой и он отказал, резко бросила:

– Не даёт автобуса – пешком пойдём, но мои дети будут в Рудне на экскурсии, как все...

Он вдогонку крикнул ей: «Идите, идите, а мы посмотрим, насколько вас хватит!» Недолго думая, Валентина собрала в круг отряд и напрямую сказала:

– Автобус нам, ребята, директор лагеря не даёт, но у меня к вам предложение – идти до Рудни пешком. Совсем маленькие с одним вожатым могут в лагере остаться. Готовы?

И все закричали: «Да!» Малыши наотрез отказались сидеть в лагере и тоже пошли. Взрослые парни заверили её, что, если те устанут, они понесут их на плечах. На том и порешили. Отряд с песней двинулся в путь. До Рудни было километров десять. Трижды Вячеслав на автобусе подъезжал к ним, говоря, что директор смиловался над ними и разрешил довезти, но ребята отказывались. Когда же вышли на трассу и возле них остановился рейсовый автобус, они все дружно залезли в него. Вылазка в город удалась на славу. Дети нагулялись, посмотрели город, накупили

себе разных вкусовностей, а когда появился на горизонте автобус Вячеслава, решили не подставлять его и обратно поехали с ним.

Затем на лагерь обрушился настоящий ливень. Валентине пришлось сидеть с ребятами в корпусе, устраивая разные соревнования и конкурсы. Дождь прошёл, и вновь выглянуло палящее солнце. По рупору было объявлено, что после дождя купание в озере запрещается. Дети изнывали от жары день, другой, а им купаться всё не разрешали... Валентина сходила на озеро, выкупалась. Вода была как парное молоко. И вот она вновь у директора с требованиями разрешить детям купаться. Тот вызвал медсестру, которая заявила:

– По санитарным лагерным нормам после дождя дети не должны купаться три-четыре дней. А у нас прошло только два.

– Значит, дети от жары должны изнывать, а вы будете придерживаться ваших санитарных норм при температуре плюс сорок два градуса? Мне родители доверили своих детей, чтобы они приехали из лагеря бодрыми и здоровыми, а я их замучаю томлением и некупанием. Этого не будет! Я сейчас же веду детей на озеро!

Директор, взвизгнув от ее непослушания, достал лист бумаги и крикнул:

– Пишите расписку, что Вы, Валентина Алексеевна, берёте полную ответственность за Ваших детей на себя! С этих пор ни я, ни медсестра лагеря за них никакой ответственности не несём!

– Так вот чего Вы, товарищ директор, боитесь – ответственности! – грозно парировала Валентина. – Тогда зачем директорское кресло занимаете? Не переживайте, я за своих детей ответственность ещё в Светлом взяла, так что, будьте добры, дайте ручку. Я напишу Вам расписку, чтоб Вы могли спокойно спать.

Написав, она резко вышла из кабинета. Её дети с этого дня купались в озере, а остальные отряды, воспитатели которых не решались брать на себя ответственность, просиживали в лагере на пекле ещё три дня. Дети их ходили кислыми, не-радостными, зато ребята из отряда Валентины, накупавшись, приходили бодрыми, играли, хорошо ели и снова шли купаться и загорать...

На втором месяце все отряды стали вывозить из лагеря в походы на два-три дня. Дни проходили, а отряду Валентины поход никто не предлагал. Она вновь пошла к директору:

– Аркадий Николаевич, Вы почему мой отряд вновь игнорируете? Почему к нам такое отношение? Если Вас я не устраиваю, то при чём здесь дети?

– Я Вам, Валентина Алексеевна, кажется, четко дал понять: Вы игнорируете меня – я игнорирую Вас и Ваших детей. Измените своё поведение, и для Ваших детей откроются все радости лагерной жизни: и в Волгоград дети поедут, и на карусели их кататься повезут, и сладости будут получать больше остальных... Вы просто не учили, с кем дело имеете, дорогая... Если мне чего-то хочется, я добиваюсь этого любыми способами...

– Замечательно, что Вы меня по этому поводу в известность поставили, – сказала она холодно и, хлопнув дверью, удалилась.

В расстроенных чувствах рассказала Валентина о разговоре с директором Вячеславу. Тот повел её к заведующей столовой, которая ходила в любовницах директора, а последнее время почему-то отвергалась им. Попросив Валентину подождать, он

сам откровенно пересказал Дарье Марковне то, что сообщила ему Валентина, и попросил помощи. Заведующая пригласила к себе Архипову и прямо спросила:

– Это правда, что тебя Аркадий хочет своей любовницей сделать, а ты отказываешься?

– Правда, – сказала, глядя ей в глаза, Валентина. – Мне на его это хотение наплевать, но страдают мои дети, они-то в чём виноваты, чтобы их похода лишать? А чтобы его провести, нужно продовольствие, палатки, спальники...

– Не бойсь, девка! Коль ты в любовницы к моему Аркадию не собираешься, я тебе помогу, а заодно и его проучу, – подмигнула ей весело Дарья Марковна. – Будет тебе и еда первоклассная, и палатки, и спальники, а Вячеслав всё втайне от директора загрузит в автобус и отвезет вас, куда скажешь. Связь, если что будем держать через него, – заговорщицки произнесла заведующая с хитрой улыбкой.

И рано утром, когда директор ещё в лагере не появляется, Валентинин отряд погрузился в автобус и поехал в поход на речку близ железнодорожного моста. Вячеслав помог поставить палатки, расстелить спальники, разложить питание и уехал, договорившись, что навестит их, как сможет, и расскажет последние лагерные новости.

Он приехал на следующий день часа в четыре пополудни и стал Валентине и её вожатым девушкам рассказывать:

– Когда обнаружили, что вашего отряда в лагере нет, такой кипеш подняли, мама родная! Кто-то сделал предположение, что вы самостоятельно в поход ушли, кто-то ещё что. Он вызвал всех к себе на совещание и стал подробно выспрашивать, но мы с Дарьей Марковной молчали, а остальные знать не знали. Когда от него выходили, Дарья Марковна мне сказала: «Денек подождём, а затем скажем, чтобы человека до инфаркта не довести». Сегодня она ему всё и сказала, я за дверью слышал, как они бурно выясняли свои отношения, и наконец он смирился, произнеся, что раз уехали, то пусть сегодняшний день отдыхают, а вечером чтоб в лагере были. Так что я за вами приехал, дорогие мои возмутители лагерного спокойствия.

Валентина выслушала рассказ Вячеслава и твёрдо сказала:

– Ты, Слав, не обижайся на меня, но сегодня только второй день идёт, а все остальные отряды на три в походы ходили, так и мы ровно три пробудем, а потом вернёмся. Погляди, какой здесь простор для моих ребятишек, какие они счастливые! Мальчишки рыбу ловят, девчонки венки плетут, за бабочками гоняются, купаются, загорают. Нет, три дня и точка, так директору и передай.

Вячеславу делать нечего. Поехал в лагерь пустым. А к семи вечера на своей машине прикатил на переговоры и сам директор. Остановил машину и медленно двинулся к палаткам. Дети, увидев его первыми, кинулись предупредить Валентину Алексеевну. Она спокойно вышла навстречу. Остановились друг напротив друга, точно на нейтральной полосе. Заговорил первым директор:

– Ну что, Валентина Алексеевна, отказываетесь в лагерь ехать?

– Отказываюсь, Аркадий Николаевич, – спокойным голосом сказала Архипова.

– У вас всё нормально? Дети сыты, здоровы?

– Всё прекрасно, дети счастливы и благодарны вам за такой прекрасный поход, Аркадий Николаевич...

– Ну ладно, – помягчел директор, – Вячеслав вам арбузы подвезёт, отдыхайте, но чтобы утром через день в лагере были как штык...

– Пренебрежнейше будем, Аркадий Николаевич, – любезно произнесла Валентина и в кои-то веки улыбнулась директору открыто и радостно.

– Эх, Валентина, хорошая ты баба, смелая, независимая... Жаль только, не моя...

На этом конфликт с директором был исчерпан, и дальше и дети, и Валентина отдыхали уже спокойно, а когда настало время уезжать и директор устроил воспитателям прощальный ужин, шёпотом Валентине сказал:

– Впервые в лагере за сезон такие смены случились. Признаюсь: такой строптивой воспитательницы у меня ещё никогда не было, и тем интереснее было с тобой работать. Ты уж не сердчай на меня... Я мужик, увидел красивую женщину – и вызвало ретивое...

Валентина его сердечно обняла и поцеловала. Все зааплодировали. А директор сиял, как начищенный медный самовар...

С Вячеславом Валентина гуляла весь вечер, ей было жаль расставаться с ним.

– Как красиво цикады поют, – произнесла она задумчиво.

– Нет, Валюша, ты ошибаешься, цикады только в летний жар поют, а ночь – это время сверчков и кузнечиков, – заулыбавшись, сказал Вячеслав.

– Как это, как это? Это ты, Слава, ошибаешься, у Бунина даже стихотворение есть «Ночные цикады». Я его однажды на вечере в ДК читала.

– Поверь на слово, твой Бунин ошибся. Ночное время – это время сверчков и кузнечиков.

– Ладно, ладно, может, ты и прав... Расскажи лучше чего-нибудь мне напоследок, – попросила она Вячеслава. – Может, какой-нибудь интересный случай из жизни, а?

– Ну, если только из детства, хочешь?

– Конечно. Детство делает нас такими, какие мы есть сейчас. Даже очень интересно послушать, – с энтузиазмом промолвила Архипова.

– А ты в курсе, что первый День Победы, праздничный, нерабочий, с парадом на Красной площади, в России отметили только в 1965 году, в 20-летие Победы?

– Постой, постой, а как же парад на Красной площади в июне 1945-го!?

– В 1945-м он прошёл, в нём, кстати, мой отец участвовал, а нерабочим, праздничным днем День Победы стал только с 1965-го. Мне тогда двенадцать было. Вот увидел я его в киножурнале перед каким-то фильмом, и загорелся в Москву на Красную площадь попасть. От отца у нас в доме хранился старенький военный чемоданчик, сам-то отец к тому времени умер уже, пуля, сидевшая в легких, не дала ему долго жить. Так вот, в этот отцовский чемоданчик стал я припасы себе готовить: то печенья пачку суну, то чаю пакет и так далее. Запасную одежду на всякий случай. Короче, месяца за два упаковал его и, оставив матери записку, чтобы не волновалась, через неделю буду, на попутной машине доехал до станции и сел на первый проходящий поезд, что следовал в Москву.

– А как же тебе билет дали, такому маленькому?

– Какой билет! Я зайцем ехал, какое-то время от проводницы прятался, а затем, когда она меня обнаружила, честно признался во всём, мол, не ругай, тётенька, страсть как хочу по Красной площади пройти. Высадишь – всё равно снова убегу,

но Красную площадь увижу, мол, по ней мой отец в 1945-м со знаменем поверженным фашистским шёл. Проводница, видя мою решимость, оставила меня в вагоне, и стал я ей помогать чай по купе разносить... В Москве, когда с вокзала в город вышел, – обомлел. Город огромный!!! Красивый!!! Не помню уж, как до Красной площади добрался, только, когда пришёл на неё, сердце моё так и затрепетало от радости... Вот она, воспетая веками площадь Красная! Сколько я про неё прочитал, когда в поездку готовился... Не поверишь, целый день из конца в конец так по ней и ходил без усталости. Открою чемоданчик, глотну из бутылки воды, съем печенюшку и вперёд. На какой-то улице близ Казанского вокзала в сквере под деревом на скамейке заночевал, а утром на вокзал. И опять зайцем на поезд пробрался – и домой... Такой вот случай в моём детстве был...

– А что мать, не выпорола, когда встретила тебя? Она ведь, бедная, все нервы, наверно, от переживаний за тебя потратила? – спросила, удивляясь поступку Вячеслава и сочувствуя его матери, Валентина.

– Да как-то обошлось. Мать знала мою самостоятельность, а потому верила, что со мной ничего не случится, раз написал – через неделю буду, значит – буду.

– Хороший ты друг, Слава, был бы свободен – не глядя замуж бы за тебя пошла, если б позвал...

– Да и я б не глядя на тебе женился, – произнес с неким сожалением он.

И они весело рассмеялись... Лето подходило к концу.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Вот до какого времени дожили все мы

В январе 1990-го, прослушав новости по программе «Время», в которых рассказывали, что в Москве, Ленинграде и других областных городах при церквях стали открываться Воскресные школы, Светлана записала в дневник: *«Вот это я понимаю! И ведь дети с удовольствием в эти школы ходят, изучают Закон Божий, присутствуют на Божественной литургии, исповедуются, причащаются. Они с младенчества начинают впитывать в себя великий дар любви, данный всем Господом! Сердце так радостно и запрыгало в груди, и подумалось: ну почему у нас, в Светлом, до сих пор храм стоит разрушенным? найдётся ли сила поднять его из руин? Была бы Воскресная школа в Светлом, не задумываясь отдала бы туда своих Сашку с Полюшкой. Вот в этом я понимаю гласность и изменение времени, а в остальном то, что происходит в стране, не укладывается в сознании. Что творится в Армении, в Баку? И всё это в нашем Советском Союзе, и самое страшное, что мы, собираясь группами, спокойно рассуждаем на этот счёт. Да разве могли мы раньше предположить, что такое может произойти у нас, да ещё с применением оружия? НЕТ, НЕТ, НЕТ! В любой другой стране – только не в Советском Союзе. Об этом даже смешно подумать было! И вот оно – ЕСТЬ, и страшно, а не охватит ли этот огонь и другие республики, не пройдёт ли разрушением сумасшествия и там? Какое противоречивое, смутное время настало для страны! СМУТНОЕ – слово, подходящее ко времени эпохи Грозного, а после него к году 17-му, но не к концу же века XX-го. Совсем разочаровалась в Горбачёве. Ждали многого, а получили, как всегда. Чиновники московские зубоскалили – а воз и ныне там. В магазин ходить не за чем стало. Хорошо хоть, хлеб и молоко есть, а то, глядишь, и того людей лишат. Правда в народе говорится: «Знал бы, где упасть – соломы бы подложил». Вот до какого времени дожили все мы».*

Сон – Перстень с бриллиантом

На Крещение Валентине приснился сон. Будто кто-то из знакомых передаёт ей коробку, открыв которую, она обнаруживает там россыпь бисера самых разных цветов и оттенков, а поверх перстень. К бисеру Валентина только прикоснулась, а вот перстень взяла и надела себе на безымянный палец, и пришёлся перстень тот ей впору. Огромный, на весь палец, с одним большим, лучистым бриллиантом в ячейках ажюра, а по краям вокруг ещё и усыпан небольшими бриллиантиками. Красивый! Взгляд не отвести! Валентине подумалось: надо же, бриллиант какой – чистой воды, и весь лучами играет-переливается, точно глаз небесного создателя! Причём по всему видно, что перстень старинной ручной работы, тёмного серебра и тончайшего ажюра. И как Валентина надела его на палец, так и чувствовала всю ночь, даже когда утром проснулась. Всё равно у неё оставалось ощущение перстня на пальце...

Мысленный разговор с Владимиром Высоцким

Валентина Архипова сидела, склонившись над своим дневником, и сосредоточенно что-то писала. Она только что по телевизору посмотрела передачу, посвященную дню рождения Владимира Высоцкого. Прошло десять лет, как не стало в стране этого удивительного человека, а творчество его в январе 1990-го было как никогда востребовано народом. У Валентины шёл внутренний монолог, обращенный к поэту. Она писала: *«Владимир Семёнович, я обращаюсь к Тебе через десять не прожитых Тобой лет, потому что Ты был ЧЕЛОВЕК и есть ЧЕЛОВЕК! О Тебе сейчас ходят легенды, написано много красивых строк, как при жизни взлетал и падал, как грешил Ты в расцвете лет. Людям свойственно срывать тайную завесу с того, кто стал знаменит. Все эти десять лет они скрупулёзно, шаг за шагом, день за днем разбирают Твою жизнь. Казалось, уже нет загадки, как Божий день всё ясно, а зазвучит Твой голос, и вновь жизнь – мишень. Не понимают люди, что Художник на то и Художник, что гением своего творчества и таланта зашифровал себя для потомков. И всё же людям не уйти от соблазна, чтобы раскрыть все слабости Творца. Но как ни вороши прошлое, загадка по имени Высоцкий останется загадкой даже для самых близких. Есенин с болью писал о России первых лет рокового XX века, Ты – не дожил до его конца. Голос Есенина звонок и светел, хотя и рождён временем войн и погромов. Для Тебя время стало борьбой с серостью жизни, её безысходностью. И Ты, как Есенин, попал под пытливые взгляды кбистов... Вас это так роднит! Вы оба воспели СВОЁ время...*

И вновь раздаётся гитарный бой, и голос надрывный хрипит, пробуждая совесть людей строчками песен о том, что ещё не сказали...

Ты прости нас, Владимир Семенович, за то, что так поздно твой талант оценен страной».

А ещё Валентине вспомнилось, как в Энске в 1988 году она стала свидетелем одной сцены. Зашла в музыкальный магазин купить шестую, новую пластинку с песнями Высоцкого из серии «На концертах Владимира Высоцкого» по цене три рубля, выходит и видит, как, сваленные около крыльца магазина, лежат пластинки с записями «Малой земли» и «Возрождения» по книгам Брежнева. Видимо, вынесли из-за низкого спроса, а какой-то парень топчется по ним и приговаривает: «Вот, тридцатикопеечный гад, ты всю жизнь Высоцкого душил, топтал, а теперь его раскупают, а тебя кидают под ноги из-за ненадобности!»

И Валентине подумалось: вроде бы и незначительный штришок, а как о многом сказано в нём!

Коробка с письмами

Давно уже Валентина не навещала своей подруги Светланы Казаковой, решив, что той совсем не до неё. Появление детей в семье – время особых хлопот для матери. Однако Света, недоумевая, почему Валентина не приходит навещать своего крестника – Сашку, позвонила ей сама и сказала, что ждёт вечером к себе. Глеб пойдёт с детьми погулять, и у них будет время до его возвращения посекретничать.

Валентина с радостью приняла приглашение подруги, купила детишкам игрушек и ровно в шесть была у Светланы. Света, зная, что Архипова с работы прибежала к ней, тут же усадила за стол. Когда та перекусила, чай они пошли пить уже в комнату.

– Ну, подруга, рассказывай, как жизнь твоя. С малышами справляешься? Как Глеб в роли папаши семейства? – весело спросила Валентина.

– Не поверишь – отлично! Счастливая хожу, точно в первые дни нашего с Глебом медового месяца, – мечтательно произнесла Светлана. – Дети, слава Богу, спокойными растут, особо и не донимают, да и Глеб во всём помогает мне. А у тебя что нового, как твои общежитские жильцы проживают-выживают?

– Вот-вот, оно и есть, что выживают, Света. Одну историю за другой преподносят, был бы дар сочинительства, книги бы писать начала.

– Вот как! – протяжно произнесла Светлана. – Между прочим, я Глебу в армию, не будучи никаким писателем, много рассказов о жителях Светлого в письмах-тетрадах писала.

– В каких тетрадах? – не поняла Валентина.

– А я тебе сейчас покажу, они у нас с Глебом все до единого сохранены. Их, знаешь, даже товарищи Глеба читали.

Светлана достала увесистую коробку и положила перед Валентиной на диван.

– Я что-то не поняла, почему ты так спокойно говоришь, что Глеб позволял твои письма морпехам читать? – спросила удивлённая Валентина.

– Вот именно, дорогая, а на то я ему сама согласие дала. Если интересно, возьми и ты почитать, глядишь, может, и у тебя желание записывать истории о своих жильцах появится. Я-то давно поняла, что, отдав мысли бумаге, ты перестаешь мучиться, но даже не это главное, почему пишу. Однажды в юности я где-то прочла, что только записанное слово считается состоявшимся. Меня эта мысль тогда так поразила, что не писать я уже не могу, меняю лишь темы. Сейчас больше о детишках пишу, как они растут, познают мир – и это доставляет мне особое удовольствие, – произнесла мечтательно Светлана.

Валентина открыла коробку и взяла первую тетрадь. А Светлана добавила:

– Глеб мне письма чаще на одном листочке писал. Когда поженились, я их тоже к своим тетрадам-письмам положила, так что и его ответы все здесь...

К ним на диван запрыгнула любимица семейства Казаковых кошка Тоська, майнкунт-енотовидная, или, как её ещё называют, норвежская лесная. Пушистая, глазастая и очень умная. Выгнула дугой спину и под руку к Светлане, мол, погладь. Света начала её гладить и рассказывать Валентине:

«Месяц назад Тоська наша собиралась котениться. Залез Сашка на второй ярус кровати спать и кричит мне:

– Мама, мама, у Тоськи что-то из живота вылилось!

Пришла в детскую, вижу – у Тоськи воды отошли, нужно её в коробку переносить. Взяла осторожно, а она тут же мне в ладонь и родила своего чёрного первенца, так я в коробку к себе в комнату принесла уже не одну мать, а с котёночком. Глеб-то давно спал, ему рано вставать. Легла, а детям интересно, они из детской ко мне прибежали на Тоську с котёночком поглядеть. А та детёнка своего вылизала, вылезла из коробки и к нам на кровать заскочила, мяучит... Ощерилась вся, взяла осторожно зубами

меня за руку и тянет с кровати. Я не отреагировала, тогда она ручку Полинушки схватила. Сашка, глядя на это, сказал, что та частенько и с ним такое проделывает, если ей что-нибудь нужно. И тут до меня дошло: коробка маловатой оказалась! Пришлось заменять. Только тогда Тоська зашла в неё и спокойно улеглась. В семь утра мы с детьми проснулась, а у неё уже четверо котят пищат. Трое в Черныша соседского, без единого светлого пятнышка – чёрные, а один пепельный.

– А где они?

– Так всех разобрали уже. Котята красивые.

– Ты, когда у вас в следующий раз Тоська родит, мне одного оставь, больно она у вас красивая, а я так хочу котёночка своего! Тимка у родителей совсем старик стал, ему, поди, лет четырнадцать уже, сил играть нет, больше лежебочничает.

В этот вечер Светлана ещё много рассказывала Валентине о своих малышах, зачитывала что-то из своих записей, и Валентина решила, как придёт домой, тут же засесть за чтение армейской переписки ребят.

«Светлана, свет мой в мерцании тумана, привет, привет!»

Рад был твоему последнему письму, рад успехам в деле просвещения. Пока я служу, ты окончишь своё библиотечное училище, будешь спецом с дипломом, а я, когда приеду домой через три года, буду считаться всего лишь парнем со средним образованием. Если честно, у меня даже мыслей никаких нет по поводу дальнейшей учёбы, хочется уже поскорее работать начать, да и за это время всю школьную программу, которая ещё что-то стоила, морские ветра повыдули...

Я уже несколько раз наблюдал северное сияние вечером или ночью, а тут увидел его в светлый зимний день в 12.30. На Севере в полярную ночь день длится всего час-два. В это время северное сияние и заиграло на небе. Краски его были очень яркими, чистыми, переливались, как хрусталь, только в плавном, медленном переходе. Вот это зрелище! Тебе бы увидеть!

Дела мои идут нормально, служу, за счёт Родины бесплатно хлеб жую. Кстати, кормят нас здесь как на убой. На завтрак – пищённая каша с булкой белого или чёрного хлеба, компот или чай с сахаром, масло. На обед – суп с мясом, картофелем и приправами, на второе – пюре с мясом и подливкой, чай с хлебом и маслом. Меню постоянно меняют. Недавно в учебном плане состоялся штурм необитаемого острова. На моём счёту уже четырнадцать прыжков – вот и все мои достижения, более хвастаться нечем. Парни с удовольствием читают твои письма, многие описываемые в них события стали ходить здесь подобно анекдотам. Вот коротенько и всё. Не сердись за скупость слов, мне гораздо интереснее твои письма читать, чем свои писать. Где ты, мой Светлый! А здесь служба через тире: «Рота, подъем! – Рота, отбой!» Парни тебе привет передают. Остаюсь с морехским приветом твой Глеб».

Дочитав письмо Глеба, Валентина задумалась. Вспомнила Мурманск, свою жизнь там и первый раз увиденное ею северное сияние. Это было в конце марта. Там, на Севере, это ещё зима, где и весна бывает с такими крутыми морозами, что, кто не жил там, не поверит. Так вот, однажды шли они с мужем из гостей и увидели это чудо полярное!

Половина небосвода оказалась бархатисто-чёрной, глубинно чёрной, а на второй – сияние! Сначала оно разминалось, поигрывая яркими цветами, выкидывая то розовое пламя, то лимонное, то сине-зелёное, и вдруг стало уходить, слабеть, показывая искристый «хвост». Муж Валентины громко крикнул, и звук его голоса разорвал тишину – прямо над их головами небо «сошло с ума». Оно начало бурлить, клубиться... Из сияния образовалась яркая воронка. Каких только цветовых оттенков в ней не появлялось, не намешивалось: лиловых, фиолетовых, сиреневых, лазурно-сливовых, изумрудно-синих, лимонно-золотых! Она то словно выпячивалась, надувалась, опускаясь чуть ли не до земли, то вдруг начинала всасываться в небо, ходила ходуном, изображая разные причудливые формы и силуэты. Валентина помнила, как, наблюдая необыкновенную игру северного сияния, она вдруг подумала, что это как война миров – добра и зла...

Вытащив из стопки ещё одну тетрадь-письмо, открыла и углубилась в чтение.

«Дорогой Глеб, Глебушка, здравствуй!

Вновь получила от тебя несносно короткое письмо и хочу за это поругать. Ну что ты мне всё отписки шлешь, да ещё с оговорками «не сердись»? А я сержусь. Хотела уже ничего не писать или, как ты, через тире: «Дом – библиотека – дом», но уж ладно, и на этот раз помилую. Расскажу, как к Прасковье Ильиничне в гости ходила.

Она давно уже приглашала к себе, а я выбралась только неделю назад. Прасковья Ильинична, меня поджидая, разбор своих бумаг затеяла, вот я ей как раз на подмогу и пришла. Вытащила из-за секретера завалы книжные, в которых и обнаружила связку тоненьких книжек, от времени совсем поблекших. Спросила, что это за книжки такие особые. Прасковья Ильинична взяла их, развязала и бережно стала рассматривать, каждую ощупывая, точно родную. Наблюдая за этой её процедурой, я сказала:

– Вы на каждую из них так смотрите, точно старых друзей после долгой разлуки увидели.

Прасковья Ильинична, заулыбавшись, подтвердила мои слова:

– Ты не поверишь, но как раз именно после долгой разлуки. Совсем забыла, куда убрала их, думала, с переездом в Светлое они потерялись, а ты взяла и нашла, подарок мне сделала. Посмотри сюда, вот он, Осип Мандельштам, а это – Николай Гумилёв, Анна Ахматова, Сергей Есенин, Александр Блок, Николай Клюев...

– Что, все поэты? – спросила я удивлённо. – Что-то, кроме Блока, Есенина и Ахматовой, мне ни про одного слышать не приходилось, или самодеятельные какие?

– А откуда ты слышать-то про них могла? Их имена, как и их поэзия, до сих пор под запретом ещё находятся. Кого-то из них расстреляли, кто-то вынужден был из страны эмигрировать и так далее.

– Откуда же Вы их знаете, да ещё книги имеете?

– Как же мне их не знать? – произнесла задумчиво Прасковья Ильинична. – В пору моей молодости они известными поэтами считались... У всех я на выступлениях была...

– Вы хотите сказать, Прасковья Ильинична, что живым Сергея Есенина видели? – не верилось мне.

– Конечно, – радостно засмеялась она, видя моё неподдельное удивление. – Ведь все

эти книжки я на распродажах после их выступлений покупала. Меня тогда родители на год в Петербург для обучения отправляли. Сергей Есенин – красавец! Все мои знакомые барышни в него влюблёнными ходили, а мне больше Александр Блок нравился. Очень интеллигентный молодой человек, а Есенин бо-о-льшой скандалист... А вот поэзию его я выше всех других поэтов ценила. Именно его стихи помогли мне затем перенести тяготы лагерей. БОЛЬШОЙ РУССКИЙ ПОЭТ! Недаром он и Церковью православной после повешенья отпет был.

– А я вроде читала, что самоубийц не отпевали и даже за оградой кладбища хоронили, разве нет?

– Вот тут и подумаешь: а сам ли он повесился или ему помогли? Задуматься об этом мне в ГУЛАГе верный человек помог.

– А может, тот, кто Вам это сказал, просто придумал, чтобы поэта обелить?

– Не думаю, потому как слышала я об этом от матушки репрессированного священника, которая срок со мной отбывала, а таким людям доверять можно полностью. А ежели ты хочешь больше о Есенине и других поэтах узнать, возьми книжицу Рюрика Ивнева «Четыре выстрела», – и протянула мне тоненькую книжку в зеленоватой обложке, потерявшую первоначальный цвет. Я приняла её и стала рассматривать.

– А почему «Четыре выстрела» называется? У него что, дуэли со всеми были, о ком пишет?

– Да что ты, Света, конечно нет, – даже засмеялась Прасковья Ильинична. – Это всего лишь образные выстрелы в своих друзей. Почитай, поймёшь.

Ты даже представить себе не можешь, Глеб, что для меня было в руки взять книжку Есенина, которую он сам в руках держал! Я теперь его стихи постоянно перечитываю...

И всё же прежде я взяла почитать стихи Николая Гумилёва. Очень понравились. Приедешь, я тебе обязательно их почитаю. Некоторые переписала для себя.

Рюрик Ивнев об имажинистах Есенине, Кусикове, Мариенгофе и Шершеневиче пишет: «И ты, Есенин, бархатная лапка с железными коготками, как тебя, по-моему, очень удачно окрестила одна умная женщина, и ты, великолепный и выхоленный Мариенгоф, и ты, остроглазый, умный Кусиков, и ты, хулиганствующий Шершеневич, – все вы заслуживаете воображаемых пуль, которыми я пронзаю из своего бумажного револьвера ваши бумажные сердца. В утешение (своё и ваше), если только утешение может доставить кому-нибудь удовольствие, скажу, что я стреляю в вас не от злобы, а от любви, т.е. не от любви, потому что я никого не люблю, а от переполненного сердца»...

Вот так, не больше не меньше, а мы, библиотекари, об этих поэтах, кроме Есенина, слухом не слыхивали.

Удивительная женщина Прасковья Ильинична! Благодаря ей я хоть самую малость узнала о поэтах серебряного века.

Вот, оказывается, Глебушка, и в наше время в нашем Светлом какие уникальные люди живут!

А тут мы в библиотеке с девочками готовили мероприятия для школьников ко Дню Советской армии, и я решила рассказать им о моряках. Когда материал подыскивала, нашла стихотворение, не поверишь, о тельняшке, о которой ты писал мне в одном из своих писем. Даже не стихотворение, а песню «Тельняшка», которая была

написана в годы войны. Поэт А. Ойслендер, композитор Б. Терентьев. Вот, переписываю для тебя:

Эх, моя тельняшка фронтовая,
Частые полоски на груди,
Белые, как пена штормовая,
Синие, как море впереди.
Ветер дует с норда или с веста,
Но, едва доходит до тебя,
Сразу затихает и ни с места,
Вот как защищаешь ты любя.

Припев:

Эх, тельняшка,
Матросская рубашка,
Ты зимой и летом хороша.
Знать, не даром
Бушует пожаром
Под тобою морская душа.

На тебя гляжу, и оживают
Все бои, что ты со мной прошла.
Метка слева — рана штыковая,
Что в потёмках сердце не нашла.
Метка справа — рана пулевая,
Что совсем недавно зажила...
Эх, моя тельняшка фронтовая,
Ты меня в обиду не дала.

Хочу ещё тебе, Глебушка, написать две удивительные зарисовки Феликса Кривина. Первая называется «Любовь»: «Былинка полюбила Солнце...

Конечно, на взаимность ей трудно было рассчитывать: у Солнца столько всего на земле, что где ему заметить маленькую неказистую Былинку! Да и хороша пара: Былинка — и Солнце!

Но Былинка думала, что пара была б хороша, и тянулась к Солнцу изо всех сил. Она так упорно к нему тянулась, что вытянулась в высокую, стройную Акацию.

Красивая Акация, чудесная Акация — кто узнает в ней теперь прежнюю Былинку? Вот что делает с нами любовь, даже неразделённая...».

Пиши о своих успехах, были ли новые учения, или пока остаётся в части? Как погода у вас? У нас уже тепло, всё цветёт, всё распускается... Мне всё интересно. Жду с нетерпением. И привет морпехам-товарищам. Твоя Светлана».

Письма Светланы в сравнении с короткими письмами Глеба отличались друг от друга и по характеру, и по описываемым событиям, и по насыщенности. Валентина читала и открывала в них как жизнь Светлого, так и переживания самой Светланы.

«Ах, Глеб, Глеб, здравствуй, дорогой!»

Письма от тебя ещё не получила, но молчать не могу, хочу поделиться тем, что переполняет меня, своими впечатлениями. Помнишь, как в девятом классе на зимних каникулах мы с классом ездили по путёвке Москва – Петрицево – Бородино – Калуга, и в Калуге посмотрели в ТЮЗе спектакль Пабло Неруды «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты»? Он так тогда впечатлил меня, что, приехав домой, я не удержалась и послала письмо в театр, чтобы поблагодарить коллектив. Я об этом говорила тебе. С того момента Хоакин Мурьета и Тереза вошли в мою душу. И вот радость – в Светлое привезли фильм о судьбе этих двух влюблённых. Шла в ДК и думала, что посмотрю хорошую работу, так как в Кинопанораме уже видела встречу актёров и режиссёра, отрывки из фильма. Считала, что вполне готова к просмотру. И вот она, новая встреча! Я была потрясена. Когда мы с девушками-библиотекарями из ДК вышли, даже говорить не могла, не хватало воздуха, хотелось быстрее остаться одной.

И вот ночь, я не могу уснуть и решила поговорить с тобой. Когда мы в ДК на фильм шли, встретила нашу анатомичку-скелетоншу Антонину Ануфриевну Некрасову, которая с какой-то лихостью, уже посмотрев фильм, во всеуслышанье заявляла: «Фильм – дрянь! Нечего смотреть!» Я, конечно, понимаю, что музыкальная драма в стихах не всем понятна, но меня возмутило то, как не понять сюжета, как, имея глаза, не увидеть трагизма этой истории, имея уши – не услышать крика Терезы перед смертью? А потом учёбу в школе вспомнила и то, как она чуть было Ленку Полякову из комсомола и школы не исключила за якобы потерю комсомольского билета, и поняла: таким чувство сострадания и сопереживания вообще несвойственны, хотя и учителем работает.

С сеанса, на котором мы были, некоторые тоже уходили, но таких было немного, и я радовалась, что большинству фильм всё же понятен, понравился...

Смотрю сейчас в окно на звёздное ночное небо и думаю о тебе.

Глебушка, как жаль, что у нас в Светлом хорошие фильмы идут только один день! Я бы ещё раз пошла посмотреть его...

Пишу на следующий день. В библиотеке взяла двухтомник Пабло Неруды и с каждой строкой открываю для себя этого замечательного Поэта. Мне о нём Лена в одном из писем рассказывала, что полюбила его стихи, а у нас тогда в библиотеке его не было, вот как-то и подзабыла найти и почитать его. У него потрясающая образность. Особо нравится его «Книга вопросов»:

Правда ли, что на небе в ходу прозрачные письма?
Заметил ли ты, что осень – желтейшая из коров?
Разве весна – весна, если в ней не цвели поцелуи?
Если все реки пресны – где соль берёт океан?
Почему так ленива зима и так впечатлительно лето?
Откуда известно корням, что надо стремиться к свету?

Напиши, понравились ли тебе вопросы его?

А ещё я за этот год сделала интересные выводы, наблюдая за нашими курами. Мне кажется, что Боженька, прежде чем создать человека, много отрабатывал на животных и птицах. Например, куриный коллектив – это исключительная модель коллектива женского. Абсолютно те же отношения и поведение. Зря их глупыми считают, они вполне себе на уме. И если петух есть, он их к порядку приводит, если они одни – это настоящий сумасшедший дом. Тут отец принёс куриц-молодок. Тощие, встрёпанные, но через время, гляжу, отъелись, похорошели и все сразу занеслись. Пришлось мне устраивать им места кладок: кадушку, тазик и пестерь⁷⁶. По утрам они все у пестеря толкутся. Судачат, кокочут: «Вы за кем ко-ко-ко?», «Вас тут не стояло ко-ко». В кадушке и тазике яйца несут, если только приспичило, и очередь к пестерю не подошла. И подкладыши⁷⁷ не помогают, чтобы знали, где нестись. Мода на пестерь продолжалась до осени, пока не принесли на зимовку ещё куриц. Старые на весь двор раскричались: «Ок-ку-па-ция, оку-па-ция, ок-ку-па-ция!» А Тимка-то, наш петух, Премьер-Министр в отставке, потому что старый и порыжел, крылья разводит, машет и вместо «Ко-ко» произносит: «О! О! Ско-ль-ко дево-о-ок-то! О! О! Я с ними что делать буду? О! О!». Это у него вместо «Ко-ко» получается. У него на ногах такие штанишки смешные, а сам хоть и стар уже, но важный ходит, осанистый, грудь колесом. Премьер-Министр в отставке, потому что перестал к курочкам приставать, но они всё равно его ещё уважают и слушают.

Новеньких же гнали из всех очередей. Где они только не лазили! Была бы только какая-то пролаза: в ящике неслись, даже в тумбочку залезали. А там полки низкие, только на корточках курице и можно поместиться. Моё терпение лопнуло, нашла я большой ящик, поставила и обложила соломой. И сразу мода на ящик пошла! В кадушке и тазике два-три яйца – не больше, пестерь пустой, а у ящика очередь и толкучка. Их поведение напомнило мне поведение наших тётушек на базаре – кто первой успеет, кто первой схватит. Сходство исключительное! Петя же наш новый, пока я в Новгороде на сессии была, отъелся, обжился и стал обликом на гусара похож, а повадками – падишах да и только. С рвением блюдёт свой гарем, и не дай Бог кому потревожить курочек его. В мороз-то они на сухом пайке находятся. Понесла я им еды, Петя у ворот на меня глазом косит. А глаз вредный, видно сразу – к бою готовится. Я еду вывалила, ну куры и ринулись к ней толпой, Петя, видно, ошибку-то осознал, но извиняться не стал – падишах всё-таки, и важно к еде поспешил. А его «девки» ушлые, слышат, когда я им морковь на тёрке тру или скорлупки на прикорм раздавливаю, бросают всё и ко мне несутся.

Опять заходила в библиотеку Митрошкина Софья Павловна, секретарь Райкома Партии, и, как всегда, со своими высокими требованиями. Теперь уже пристала ко мне:

– Почему у вас на книжных выставках нет работ Ленина и постановлений Правительства?

Я отвечаю, что все выставки у нас строго по темам: «Укрепляем сельское хозяйство страны», «Стройки коммунизма», на памятные даты, посвященные классикам литературы...

76 Большая корзина.

77 Ложное яйцо.

А она мне:

– На каждую тему у вас должна быть подготовлена статья Ленина. И ещё в последнее время на стройках района повысился травматизм, и знаете, кто в этом виноват?

Я, как дура, говорю: «Нет». И тут она как рявкнет:

– Вы, библиотекари! В этом виноваты вы, потому что не пропагандируете книги о безопасности труда, вам это понятно?

Отвечаю: «Понятно. Будем пропагандировать». Нет, Глеб, я всё понимаю, но нельзя же в крайности впадать. У нас в каждой организации стенды вывешены, книги раздаются, в том числе и по безопасности труда, но обвинять библиотекарей в травматизме на производстве – это уж слишком.

А тут ещё один проверяльщик нашелся, начальник ЖКХ Такашвили. Придёт в библиотеку и спрашивает:

– У вас книга Джека Лондона «Мартин Иден» есть?

Есть, говорим. Покажем, думаем, брать будет, а он опять:

– А Ивана Ефремова «Лезвие бритвы»?

Кузнецова Виктория и эту ему несёт. Он подержит её в руках и опять спрашивает:

– А Валентина Распутина «Живи и помни»?

И эта имеется. Он окинет их взглядом и, ни одной не взяв, уходит. Зачем приходил? И раз от раза всё новые и новые книги спрашивает, но ничего не берет. Мы уж с девочками каких только предположений не делали...

Вот так и живу, перемежая дела библиотечные с хозяйственными».

«Свет, Свет, Свет, лови с моря привет!»

Почты с берега пока не было, потому, Свет, пишу несколько строк, не дождавшись твоего письма. Очень скучаю и по тебе, и по маме. У меня всё как всегда. Распространяться особо не хочется. Свет, а как твой батя поживает? Что-то ты мало мне пишешь о нём. Как самочувствие у мамы моей? Проводывала ли её? Привет всем. Как Сашка, с армии пришёл? Что рассказывал, чем занимается? Ты и не представляешь, как хочется уже быстрее домой! Как у тебя дела трудовые-библиотечные идут? Прости, что одни вопросы. Всех поздравляю с предстоящими праздниками. Пока-пока. Твой Глеб».

Среди писем Светы и Глеба попадались письма, написанные Глебом матери, которые оказывались ещё более короткими, чем Светлана:

«Привет дорогой мамуле от её сына, морпеха срочной службы Глеба!»

Сейчас час тринадцать минут ночи. Стою в наряде дневальным. Ноги устают, оттого что ходишь в ботинках по 12-13 часов в сутки, не снимая, но ты, мам, не переживай – это мелочи. Служить нравится, одевают хорошо, есть тельники с длинными рукавами и маечкой, зимой под брюки поддеваем тёплые кальсоны, хотя однажды здесь и в июне, ты не поверишь, выпал снег. Зелень под снегом! Думаю, ну вот – только

вылезла, молоденькая, и на тебе. Правда, длилась эта зима среди лета всего два дня, но впечатлила. Я думал, трава вся погибнет, потом смотрю – нет, преспокойненько дальше растёт.

Мамуля, меня тут парни выучили одной молитве, которая так и называется – «Молитва матроса»:

Спаси нас Бог
От ночных тревог,
От подъема раннего,
От крика дневального,
От пайки недовеса,
От старшины – балбеса,
От дежурного части,
От врача в санчасти.
Спаси нас, Матушка!

Спасибо за конверты, теперь на месяца два-три хватит на ответы вам со Светланой. У нас тут некоторым парням приходит сразу по пять-семь писем от разных адресатов, а мне в основном только вы и пишете. Всем привет. Жду ответа. Твой сын Глеб».

И вновь Светланино к Глебу:

«Здравствуй, мой славный рыцарь моря Глеб!»

Во первых строках своего письма расскажу о делах домашних, по большей степени козлиных. Теперь мне дома всё больше в няньках сидеть приходится. Розочка-то, козочка моя, и не ждали – окозлилась месяц назад. Судя по вымени, думали, что ещё несколько дней пройдёт, прежде чем от неё потомства дождёмся, а тут отец утром услышал, как на дворе кто-то пищит, заглянул к ней – батюшки свет! А у неё уже один пытается ходить, а второй лежит рядом мокренький, видимо, только родила. Отец поднял меня ни свет ни заря, и понеслась карусель: вытирать, поить, кормить, размещать. А козлятки-ребятки такие смешливые, характерами разные! Одного Герракликом назвали, бравым козлом растёт, а второй, Кеша, – одним словом, размазня. Робкий, милый и не герой...

В воскресенье услышала, как блеет моя Розочка и козлята-ребята. Оказалось, произошло её неожиданное братание – пролетарии всех стран соединяйтесь. Видимо, после утренней прогулки забыла я дверку на палку закрыть, а с вертушкой она нечего делать справляется. Вот детки-козлики и занедовольствовались, что Розочка к ним пожаловала... Я после общения с ними, честное слово, легко могу в цирке подрабатывать. Ведро с водой, миски с едой, подойник – всё надо в козлятник внести и ещё всё это над головой держать – козлята-то лезут... Молоко наливаю им на весу и при этом ещё ногами дрыгаю, чтобы не лезли, не приставали и не перевернули всё. Два козлёнка – это сила! Пока я даю, они вырываются на просторы двора, где куры обитают... Однажды мне устроили настоящий переполох. Залезла Розка к курам на насест, а слезть как

– не знает, стоит, блеет на весь двор: «Сни-и-и-ми-и меня Све-е-ет-т-а». Ну, мне и пришлось снимать эту «птичку-канарейку» с насеста.

Глебушка, спасибо за письмо, в нём оказалось столько тепла! Да, впрочем, я все твои письма перечитываю по сотни раз, и сейчас они со мной, ношу их в сумочке, и когда появляется свободная минута – читаю. Вытаскиваю наугад и углубляюсь в него, будто только что получила. Это я себе такой хитрый способ придумала для радости, чтобы тоска не мучила.

К нам в библиотеку сегодня секретарь райкома партии Митрушкина Софья Павловна приходила и всех нас строила. Начала с вопроса:

– В каком томе собрания сочинений Владимира Ильича Ленина напечатана его работа «Партийная организация и партийная литература»?

Виктория Кузнецова, наш ведущий библиотекарь, достаёт с полки брошюры с этой статьей Ленина и, протягивая ей, говорит:

– Софья Павловна, эта работа Ленина уже давно издана отдельной брошюрой.

Та как зыркнет на Викторию, аж искры из глаз посыпались:

– А разве я вас о брошюре спрашивала? Я спрашивала о собрании сочинений вождя. И вы мне должны конкретно ответить на мой четко поставленный вопрос.

Виктория побледнела.

На выручку пришла наша директриса. Бодро ответила:

– Софья Павловна, девочки ещё молодые, неопытные. Эта статья Ленина приведена в 12 томе на страницах с 99 по 105-ю.

Мы обалдели. «Это просто УЖАСТЬ!» – как говорит наша техничка Наталья Петровна Рябова. Митрушкина, высоко поднимая указательный палец, значительно произнесла:

– Учитесь у своего директора! Вот ответ, достойный библиотекаря!

Развернулась и пошла.

Потом мы спросили Веру Ивановну, откуда она это знает? Мы ведь с томами Ленина-то и не работаем совсем, их никто читать-то не берёт. И та нам откровенно призналась, что её так же строил прежний секретарь райкома партии.

Еще одна зарисовка Кривина, чтоб не скучно было. «Форточка»: «Любопытная, ветреная Форточка выглянула во двор («Интересно, по ком это сохнет Простыня?») и увидела такую картину.

По двору, ломая ветви деревьев и отшибая штукатурку от стен, летал большой Футбольный Мяч. Мяч был в ударе, и Форточка залюбовалась им. «Какая красота, – думала она, – какая сила!»

Форточке очень хотелось познакомиться с Мячом, но он всё летал и летал, и никакие знакомства его, по-видимому, не интересовали.

Налетавшись до упаду, Мяч немного отдохнул (пока судья разнимал двух задравшихся полузащитников), а потом опять рванулся с земли и влетел прямо в опрокинутую бочку, которая здесь заменяла ворота.

Это было очень здорово, и Форточка прямо-таки содрогнулась от восторга. Она хлопала так громко, что Мяч наконец заметил её.

Привыкший к легким победам, он небрежно подлетел к Форточке, и встреча состоялась чуть-чуть раньше, чем успел прибежать дворник – главный судья этого состязания...

Потом все ругали Мяч и жалели Форточку, у которой таким нелепым образом была разбита жизнь.

А на следующий день Мяч опять летал по двору и другая ветреная Форточка громко хлопала ему и с нетерпением ждала встречи».

Правда замечательные? И таких зарисовок у него целая книга.

А помнишь нашего соседа Василия Ильича Петухова, тётки Якимовны мужа? У него тут голос довольно неплохой девчата из ДК обнаружили и стали в свои концерты включать. Поёт, в основном, одну и ту же песню – «Хлеба налево, хлеба направо, хлеба на счастье, хлеба на славу...», но поёт хорошо, не надоедает, так вот, теперь в городке его так и зовут «Хлеба налево». К нам в библиотеку книги поменять зайдёт, девчонки шепчутся: «Смотрите, смотрите, наш оперный пришёл «Хлеба налево...»

Пришло из Питера от Зиночки Дюбановой письмо. Помнишь, я писала, как мы с ней тётушек моих из Тирасполя встречали? Так вот, она в письме смешной случай про своего дядьку написала, который у неё в Адмиралтействе сторожем служит. А у них там тараканы завелись, вот мужчины от нечего делать и стали на них всяческие эксперименты проводить. Выясняли, например, что напряжение в 220 вольт их не берет и выше тоже – подсоединят заряд, таракан подпрыгнет и дальше побежит. Давали больше, но тогда он уже в головешку превращался. А однажды выдали им спирт протереть аппаратуру. И часть спирта по-честному на протирку аппаратуры пошла, а часть... продезинфицировать внутренности служащих. Вот в тот момент на столе и появился довольно большой таракан. Один говорит:

– А что если таракана спиртом напоить, побежит дальше?

Налили маленькую лужицу и обмакнули туда таракана. Он сначала замер, а затем стал усиками водить. И поняли мужчины, что это вредоносное насекомое стало спирт пить. Потом таракан стал выбираться из лужицы, но передвигался как-то неуверенно. И, сделав несколько шагов, бряк – и упал.

– Ничего себе! Оказывается, спирт таракана-то убивает!!! – произнес дядька Зинаиды.

Ну и вновь принялись заниматься своими делами, хотя искося на таракана и поглядывали. Прошло несколько минут, видят, а таракан их лапками задержал, усиками зашевелил и неуверенно стал вставать... И пошел то влево с заносом, то вправо, так его, бедного, и водило из стороны в сторону... А сторожа стали делать предположения, как его после питья тараканиха встретит... Вот такая история.

Ну ладно, заканчиваю писать, нужно папуле что-то на обед сварить, иначе завтра ему совсем нечего будет есть. Вот видишь, хлопоты домашние не дают спокойно жить. Не забудь подробнее написать о службе своей, не встал – лёг, а как полагается, со всей выкладкой боевой и политической, иначе дождёшься – я перестану тебе писать. Ладно-ладно, знаю, не испугаешься. Однако прошу: пиши побольше, а то только начинаешь читать – а письмо уже закончилось. Ну, до встречи. Твоя Светлана»

После чтения писем Светланы и Глеба Валентина вдруг вспомнила свой сон, что приснился накануне, и ахнула: вот она, коробка с бисером! Только чем же окажется перстень с бриллиантом, ещё бы узнать.

С неделю она ходила под впечатлением и, наконец, зашла в магазин и купила себе толстый еженедельник для дневника. Так начали появляться и у неё рассказы о жильцах общежития.

Разговор в воспитательской

В воспитательскую заглянул Станислав Райджес, слесарь малого предприятия, делавшего ремонт в общежитии.

– Не помешаю, Валентина Алексеевна?

– Нет, конечно, проходи, – пригласила Станислава Валентина, – сейчас допишу отчёт заведующей, и пообщаемся.

Станислав вошёл, присел на стул напротив Валентины и стал ждать, когда она освободится, разглядывая фотографии с видами природы, украшавшие кабинет. Валентина дописала последние строчки и, увидев его внимательный взгляд на фотографии с северным сиянием, спросила:

– Что, нравится?

– А что это на небе? Радуга, не радуга, а небо все светится, да ещё в темноте. Фотомонтаж, что ли? – спросил удивлённый слесарь.

– Нет, это северное сияние на Кольском полуострове. Я в Мурманске семь лет жила. Оно там бывает таким потрясающе красивым – глаз не оторвать! Обычно вечерами и по ночам играет. Северяне не говорят светится, потому что оно не просто светится, оно переливается и бежит по небу, точно живое.

– Вот это да! И все эти фотографии вы оттуда привезли?

– Да, у нас во Дворце Культуры, где я работала, частенько выставки фотографов проходили. То один подарит, то другой, так и накопилось. Вот часть сюда принесла, кабинет украсила, да и скучаю я по Северу, он в мою душу накрепко вошёл. А ты чего пришёл, дело какое? – спросила Астахова.

– Да нет, нашу работу закончили, скинулись на бутылку и теперь сидят отдупляются, а мне пить не хочется, решил к вам заглянуть.

– Не поняла, что они делают? – спросила Валентина. – В домино, что ли, играют?

– Да нет, при чём тут домино. Отдупляться – значит отдыхать, – пояснил Райджес.

– Как говорится, мало нам своих, общежитских алкашей, не надо ли гастролёров? Теперь ещё и ваши начали компаниться?

– Так до конца смены час ещё, что ж им делать? – удивился Станислав

– А работать вообще-то дальше не пробовали? Да, нет на вас Горбачёва с его сухим законом, – посетовала Валентина.

– Нет уж, хватит. Сначала людям пить запрещают, потом узды ослабляют – и пошла Россия гулять! Даже денатурат в ход пошёл, и на противопоказания не смотрят. У меня на этом деле дядька погорел...

– Хочешь, историю расскажу, случившуюся ещё в мою бытность в Мурманске? У моей приятельницы по работе был крыс серо-коричневого, красивого отлива. И морда такая благородная-благородная, а хвост ужасно голый – фу-фу-фу. Из-за этого хвоста я так и не решилась ни разу взять в руки его. И был этот крыс благородных кровей (там действительно присутствовал пэр, сэр – не меньше). Держался крыс с достоинством и даже неким апломбом, отчего и получил имя себе – Лорд. Купила приятельница клетку ему, а в ней и кормушка, и поилка, и две качающихся палочки. У одной веревки покороче, у другой – подлинней. За ту, у которой веревки были подлинней, он хватался задними лапками, а где покороче – передними и начинал

раскачиваться. То вверх-вниз, то в стороны, то просто зарядку своеобразную делал. Однажды собрались на какой-то праздник у приятельницы гости, выпивали, разговаривали, и крыс Лорд тут же рядом сидел. Он у неё по квартире свободно передвигался, отчего все провода и сжевал... И тут кто-то из гостей заметил:

– Слушайте, а что это мы всё пьём-пьём, а Лорду не наливаем?

Взяли крышку от бутылки, налили в неё водки и подставили под нос крысу. Лорд выпил, и ему сразу сделалось как-то нехорошо. Он понуро добрёл до своей клетки, зацепился за палочки лапками и стал монотонно раскачиваться: вверх-вниз, вверх-вниз... И начал засыпать... Передние лапки разжались и – хлоп – Лорд мордочкой в кормушку свою. Точно как некоторые товарищи в салат лицом уппадают, при этом лордовская попка с хвостиком всё ещё продолжала по инерции раскачиваться. Утром – картина маслом. Похмельный синдром, как оказалось, не обошёл стороной даже крыса – сколько ему в поилку ни наливала хозяйка воды, он всё пил, пил и пил... Однако с тех пор, что бы Лорду ни предлагали из спиртного, подойдет, присядет около, понюхает и начинает тяжело вздыхать, но пить больше уже не пил никогда. Такие вот дела. Умное животное, понимает, до чего водка может довести, не то что некоторые мужики нашего общежития... Вот мы и решили с лекцией о вреде алкоголя пригласить к нам нарколога, можешь и ты приходить, – предложила Райджесу Валентина.

– Про крыса история замечательная, а вот с наркологом не смешите Вы людей. Кто к Вам на лекцию эту самую придёт? Мужики, которые пьют? Да им пофиг она, придут тётки одни, которые и так не пьют... Но если нужно для галочки, типа провели мероприятие, то тогда конечно... А я и так не пью, что мне этого нарколога слушать... У меня ещё голова на плечах имеется. Лучше послушайте, я Вам по этому поводу анекдот расскажу. Идёт мужик ночью, останавливает его милиционер, спрашивает: «Куда это ты идёшь?» «Как куда? – отвечает мужик. – Иду лекцию о вреде алкоголя слушать». Милиционер подозрительно: «Это кто тебе её в три часа ночи читать будет?» Мужик как не бывало: «Как кто? Жена и тёща, вот кто!» Наверно, подобные лекции о вреде алкоголя и подвигли народ эти анекдоты сочинять, – засмеялся слесарь Райджес.

Валентина уже давно наблюдала за этим мужичком с Малого предприятия. На вид ему лет под тридцать, в Светлое приехал, скорее всего, из Прибалтики, фамилия об этом говорит, да и светловолосый, хотя акцента в разговоре вроде не наблюдалось, и, решив проверить свои предположения, спросила:

– А ты, Станислав, откуда будешь из Прибалтики?

– С Лиепая, Латвия, там у меня отец живёт, а мама русская. Как Латвия от Советского Союза отошла, у родителей скандалы пошли. Отец стал Россию хаять и обвинять во всём, вот мама не выдержала и уехала от него подальше, ну, и я с ней, не мог же бросить её. Отец стал заставлять меня латышский учить, а я, кроме свейки – здравствуйте, палдиес – спасибо, яа – да, нэ – нет и луудзу – пожалуйста, ничего запомнить не мог, да и все летние каникулы у бабушки в Светлом с мамой проводил. Вы мне лучше о Севере расскажите, как там жизнь. Лучше, чем здесь?

И Валентина стала рассказывать ему о Мурманске. Ей так было приятно это делать, точно вновь возвращалась туда...

«Дело Костычева»

Чем дольше работала Валентина в общежитии, тем больше присматривалась к Костычеву. Как-то зашла к нему, а он не в духе. И высказал всё, что накопилось на душе. А накалилось многое. Ещё до её прихода сюда в общежитии случилась большая драка. На кухне разбили стёкла, крайним оказался, как всегда, Олег. Об этом инциденте заведующая настучала на работу Костычеву, а там по голове не погладили – лишили премии. Вот он обиду свою Архиповой и высказывал. Они, мол, с парнями всей душой помогали той во всём, а она чёрной неблагодарностью отплатила. Потому сейчас Костычев с компанией её презируют и игнорируют. Валентина старалась смягчить конфликт, но не тут-то было. То, что заступилась за заведующую, его разозлило ещё больше. Он стал поносить администрацию общежития на чём свет стоит, говорил, что все они одним миром мазаны, – одно слово, начальники, и она, Валентина, такая же, как все: сначала хорошей прикидывается, а потом змеёй окажется. Что было его переубеждать, сказав, что время рассудит? Валентина ушла.

Как-то в общежитии после очередной большой пьянки вновь случилась драка. Без Костычева, конечно, не обошлось. Мало того, в ней его даже ножом полоснули. И вновь Архипова шла к нему разбираться. Парень встретил её с великого похмелья, с затёкшим глазом и скрюченный на один бок. Закрыв за ней дверь на ключ, выставил на стол бутылку водки и насмешливо произнёс:

– Пока не выпьешь со мной эту бутылку, не выйдешь отсюда.

– Выпить, конечно, можно, если повод есть, но не водку, а шампанское, например. Если есть – наливай.

Она уже знала, что шампанские общежитские парни не уважали, поэтому пошла на хитрость.

– Шампанское не держим, – разводя руками, сказал Костычев.

– Тогда говорить на сухую будем и при открытой двери.

– Сухой закон вспомнила. А хочешь, я тебе по этому поводу анекдот расскажу? – и, не дожидаясь позволения, начал рассказывать:

«Царь зверей Лев объявил в лесу сухой закон. И чтобы лучше осуществлять контроль, велел зверям собираться на поляне. На следующий день все жители леса пришли на поляну трезвые, кроме зайца.

– Ты что, «косой», не исполняешь приказа моего?

– Да вот, встретился с друзьями... Больше не буду... Последний раз...

– Ну смотри у меня. В следующий раз не прошу».

Костычев, чуть покачиваясь, помахал, изображая царя зверей, пальцем перед носом Валентины и продолжил:

«На следующий день собрались все звери на поляне, а зайца нет. Пошёл Лев искать его. Смотрит, из воды на озере уши торчат. Достал Лев зайца, а от того за километр несёт.

– Ну что, попался?

– Ты, Лев, свой указ на зверей распространяй, а рыб – не трожь...»

Костычев горько хихикнул:

– Поняла? Рыб не трожь! Умный заяц, сразу просёк, как от указа уйти, вот и нам Вы, мадам, не указ.

И всё же, несмотря на последнюю брошенную ей в лицо фразу, он нехотя убрал бутылку, открыл дверь и крикнул:

– Иди, насильно мил не будешь!

Когда Валентина слушала Костычева, думала: вот ведь как всем дался этот сухой закон Горбачёва, а анекдотов-то с ним сколько напридумали! То Райджес рассказывал, теперь вот Костычев. Когда он дверь открыл, она не сразу пошла, сначала расспросила всё же его о происшедшем. Выяснила, что всё вышло случайно, полез дерущихся разнимать, а ножом полоснули его. Хорошо, рана неглубокой оказалась, йодом залил и в больницу не пошёл.

Случай этот Валентина от заведующей решила скрыть, но разве в общежитии что утаишь? Узнав о нём, заведующая ещё больше настроилась против Олега и компании.

Приходит утром Архипова на работу и слышит от завхоза:

– Раз, Валентина, ты воспитатель, так иди и успокаивай своего подопечного Костычева. Он уже часа два ходит по этажу, пристаёт ко всем и матами посылает. Защищаешь их, так и урезонивай, пока мы милицию не вызвали.

На этаже Костычев встретил её агрессивно, мол, что цепляешься, в покое не оставишь...

– Покой, Олег, хочешь? – начала разочарованно она. – А ты сам-то кому покой даёшь? Для себя одного живёшь. А общежитие – дом для многих людей. Почему же не уважаешь покой других?

– Ты, Валентина, баба хорошая, но ты, как и коменданша, начальник, а значит, веры тебе нет. А если по-честному – беги отсюда, не место тебе здесь, это тебе я, Костычев, говорю. А если учить начнёшь, командовать – пошла на...

И вся дальнейшая речь его была смачно насыщена матами. Он, несмотря на её присутствие, назло так и приставал к проходящим жильцам, и ей стоило немалых усилий без милиции убедить его пойти в свою комнату.

С мая в общежитии шел капитальный ремонт, и на протяжении нескольких месяцев в нём постоянно что-то пропадало. То муфты снимут, то контбухи, то бачки компактные, то унитазы голубые... Приходя на работу, заведующая первым делом шла смотреть, что же унесли на сей раз. И за это каждодневное воровство решила она выселять всех неблагонадёжных жильцов, а начать с Олега Костычева и его компании.

Вечером в воспитательскую к Валентине зашёл Олег, сказав, что нужен разговор. Спросил, чем он так заведующей жить мешает, что она решила выселить его?

Долго Валентина говорила с ним.

– Ты ведь, Олег, знаешь, что среди ребят лидируешь, а значит, и спрос с тебя больше, чем с других.

– Какой я лидер? Придумали отговорку, чтоб всё на кого-то одного сваливать, – раздражался Костычев.

– Самый настоящий лидер, хочешь ты этого или нет. Разница лишь в том, что ты в своём лидерстве несёшь – зло или добро? А я тебе, Олег, скажу: сейчас у тебя больше проявляется начало враждебное, отсюда и конфликты с заведующей.

– Вот-вот, вы только Костычева и видите. Вам совершенно наплевать, а как он

в детстве жил, может, у него и дома-то своего никогда не было, только это жалкое подобие – общежитие ваше. И из того выгнать хотят. А я тебе, Валентина, скажу так: никто из моих друзей никогда до кражи не унижится. Мы работяги, у нас денег куры не клюют, а я красть пойду? Посуди сама, на какой мне ляд бачки и унитаза? И своей заведующей это скажи...

Однажды вечером заглянул к Архиповой в воспитательскую Станислав Райджес. И посетовала Валентина ему, что на ребят заведующая компромат собирает.

– Жаль мне их, уверена – не совершали они этих краж, а доказать не могу.

И тут Станислав говорит:

– Вот ведь как Вас парни с малого предприятия окрутили! Вы своих подозреваете, а они здесь ни при чём. Это слесари малого предприятия всё и растаскивают.

– Как это слесари? – недоумевала Валентина.

– Так, слесари. На ваших глазах новое оборудование ставили, а перед самым отъездом снимали. Под носом у вас и бачки, и унитаза вынесли, а свалили на жильцов – очень удобно!

Райджес сидел довольный от слов, которые произвели на Архипову ошеломляющий эффект.

– Как же так? Ведь мы вашим рабочим так доверяли... А ты эти слова сможешь заведующей повторить? – спросила настойчиво Валентина.

– Мне что, скажу, я на этом предприятии уже не работаю.

Заведующей, после того как она узнала правду, списки на выселение пришлось свернуть, а «Дело Костычева» закрыть.

В общежитии слухи быстро распространяются. Дошли и до Олега они. Пришёл он к Архиповой в кабинет, сказал:

– Спасибо, Валентина, я всегда знал, что ты классная баба, но мы с Серёгой Бахтиным решили отсюда уезжать. Здесь нам больше делать нечего. Пора и семьями обзаводиться, а то и не заметишь, как сопьёшься совсем. А тебе, Валентина, ещё раз говорю – спасибо.

И точно, летом парни уехали. И все сразу заметили, как без них в общежитии скучно стало.

Последнее собрание у евангелистов

Последние несколько месяцев Елена Полякова не раз бывала на собрании евангелистов. В эту встречу говорили о Нагорной проповеди. Брат Евгений был, казалось, воодушевлён особо, улыбаясь, он обратился к залу:

– Дорогие мои братья и сестры, этой ночью Господь открыл мне Нагорную проповедь нашего Бога Иисуса Христа. Вы все знаете, что раньше моя жизнь была сплошным кошмаром. Бросив школу, я подался в бега, бродяжничал, пил, но Господь, видимо, так любил меня, что решил спасти от гибели и привёл к вам. Впервые после школы я в нашей церкви взял в руки книгу, которой оказалась Библия. И с того момента я уже не расстаюсь с ней. С каждым новым днём Господь открывает мне её глубины, которые я и доношу до вас.

Брат Евгений стал зачитывать слова Иисуса и давать им свои комментарии:

– «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» – Нас Господь призывает пострадать в этой жизни, явив милость свою в жизни вечной.

– «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Как вы думаете, о чём здесь говорит Иисус? А говорит он о нас с вами. Это мы те люди, что узрят Бога... С условием, если мы будем ревностно служить ему. И пусть страшатся Бога те, кто не с нами...

– Далее Господь спрашивает: «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй...» А вот на этом мы остановимся особо. Господь даёт нам заповедь, которую некоторые из нас тут же нарушают. В нашей церкви произошло ЧП. Одна из сестёр в исповеди призналась мне, что сожительствует с мужчиной не нашего круга. Не смягчает её вины и тот факт, что она ищет своим детям отца. Как выяснилось, её мужчина вообще в Бога не верит. Так разве мы, дорогие братья и сестры, должны терпеть это безобразие?

Из зала раздалось несколько возмущённых возгласов:

– Кто такая?

– А может, дать человеку сначала самому объясниться...

– Пусть она выйдет и даст нам слово, что разорвёт с ним всяческие связи...

– Хорошо, – примирительно произнёс брат Евгений, – мы дадим ей шанс. Сестра Тамара, церковь хочет слышать твоё раскаяние. Выходи вперёд, посмотри в глаза своих братьев и сестёр.

Все оглянулись на Тамару Кореневу, которая сидела позади всех. В этот момент, несмотря на то что она была статной, высокой и очень красивой женщиной, её точно согнули в три погибели. Она сразу как-то скукожилась вся, точно хотела сама в себе спрятаться от всех. Под осуждающими взглядами Тамара медленно пошла вперёд.

По-видимому, об этом прегрешении Тамары ещё никто в церкви не знал, и потому на лицах одних сестёр было написано простое любопытство (как это ты, дорогая, вляпалась так?), на других – сочувствие (с кем не бывает?), на третьих – злорадность (красивая, вот и получишь сейчас по полной программе!).

Елене Поляковой казалось, что так шли на заклятие, столько в этой женщине было внутреннего страдания. Брат Евгений милостиво предложил:

– Братья и сёстры дают тебе шанс.

Она, не поднимая головы, начала говорить так тихо, что всем приходилось нагибаться, чтобы услышать её исповедальную речь.

– Разве для кого-то из вас секрет, что я давно вдовствую, что у меня растут два сына, у которых разница в восемь лет, что недавно старший с товарищами ограбил ларёк и ему грозит колония? Да, я встретила Константина и полюбила не просто как мужчину, но и как будущего отца моим сыновьям, с которыми он нашёл общий язык. Моему младшему, Антошке, всего семь лет, и я хочу, чтобы хотя бы он рос с отцом. Ему нужна в воспитании строгая мужская рука. Мы через месяц хотели расписаться и узаконить наши отношения. Я бы обязательно привела его в нашу церковь, – уже больше для себя, чем для других сказала, как бы оправдываясь, Тамара.

– Ну, это бабушка надвое сказала, – выкрикнул кто-то из зала, – а может, он и не пойдёт!

И тут, точно что-то вспомнив, Тамара повернулась к брату Евгению и с упреком спросила:

– А как же, брат Евгений, тайна исповеди? Ведь это я говорила только Вам...

Брат Евгений, не ожидавший этого вопроса, поначалу не нашёл, что сказать, но затем посуровел своим взглядом и ответил как отрезал:

– Ты нарушила заповедь Бога, этого от церкви я скрывать права не имел. А каждое нарушение должно быть наказуемо.

Тут-то Елена Полякова уже не выдержала и крикнула:

– А как же в Евангелии от Иоанна слова, когда книжники и фарисеи привели к Иисусу женщину, уличённую в прелюбодеянии, и сказали, что таких нужно бить камнями? Разве Иисус позволил им это сделать? Он сказал им: «Кто из вас без греха, первый брось в неё камень», – и никто не бросил. А далее Иисус сказал уже ей: «Никто не осудил тебя, и я не осуждаю...»

– Это что ещё за разговоры, сестра Елена? Может, мне теперь на это глаза закрывать прикажете? И вообще, как Вы посмели повысить голос на БРАТА?

Он произнёс последние слова так, что в подтексте звучало: «на хозяина, господина твоего»... Но Елену уже понесло. Она давно стала подозревать, что служение здесь строится не на прославлении Господа, а на почитании братьев и на их трактовке Божиих законов.

Брат Евгений всегда казался Елене недалёким, точно с одной извилиной в голове, и её так и подмывало уличить его в этом:

– Вы сегодня говорили нам: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» и прокомментировали, что Царство Небесное унаследуют только те люди, которые подчиняются законам Божиим, только эти законы получают не Божиими, а вашими... Что достойны войти в Царствие только отрешённые от всего мирского, те, которые часто молятся, носят юбки и платки, не красятся и не стригутся... И ничего не сказали, что прежде всего Господь будет судить людей по совести. Не за тряпки и мирское, а ПО СОВЕСТИ. Но у нас с виду некоторые «монашки» после собраний иногда начинают так сплетничать, так скубиться из-за чего-нибудь, что только диву даёшься – а куда девалось их показное послушание?

– Сестра Елена! – почти закричал брат Евгений. – Вы переходите все границы дозволенного! Разве сестре приличествует перебивать на проповеди речь брата?!

– А я, брат, считаю, что Ваша проповедь закончилась в тот момент, когда Вы перед всеми заставили встать сестру Тамару, превратив свою проповедь в судилище. И я, как человек мыслящий, всё же выскажу до конца своё мнение, а заодно и Вас спрошу. Почему в нашей церкви всё служение Богу строится на запретах: нельзя носить брюк, нельзя краситься, нельзя читать ничего, кроме Библии, нельзя смотреть телевизор, нельзя танцевать, нельзя садиться за стол, на котором стоит спиртное, нельзя петь, нельзя, нельзя, нельзя?..

Почему, пока ты ещё не член церкви, тебе позволительно всё, но как только принимаешь крещение, на всё сразу накладываются категорические запреты. Почему, когда сестре Тамаре Господь посылает мужчину для создания полноценной семьи, Вы не поддерживаете её, не радуетесь, а осуждаете?

Евгений от слов Елены побагровел и зашипел:

– Потому, сестра Елена, что никому здесь не будет позволительно находить себе мужей на стороне. Если вы, сестры, не желаете отдавать свою чистоту Богу, то выбирайте себе мужей из членов церкви.

– Не смешите! – крикнула ему Елена.

Мужская половина евангелистской церкви пятидесятников была представлена, кроме брата Евгения, ещё двумя женатыми братьями и тремя «калеками»: одним на самом деле ущербным, потому как от прежних пьянок у него постоянно руки тряслись; второго – и мужиком-то назвать нельзя, так, одно бесхребетное недоразумение, третий – 80-летний старик.

– Я ничего не имею против наших братьев, – продолжила она со смешком в голосе, – но а как же с таким маленьким дополнением, как любовь, о которой Вы нам говорите на каждом собрании?

Брат Евгений готов был выйти уже из себя, но тогда бы все поняли, что Елена взяла над ним верх, и он, сдерживая себя из последних сил, принял её вызов.

– Истинная любовь, сестра, требует принести от нас в жертву самое лучшее, что в нас есть. Лучшее... И без всякого на то сожаления, с радостью – вот суть слов Иисуса: «Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю». А с такими мыслями, сестра, что были высказаны сейчас тобою, думаю, трудно будет спастись и унаследовать Царство Небесное, ведь сказано, кто не родится свыше, тот не увидит Царство Божие.

Он уже не скрывал своей желчи в отношении к Елене, потому как заметил: поначалу было притихшие, точно пришибленные открывшимся грехом Тамары сёстры после заступничества за неё Елены вдруг стали поднимать головы и уже не со страхом, а с любопытством наблюдать за их с Еленой дуэлью. И он решил раз и навсегда прекратить это неповиновение:

– Замолчи, сестра, сейчас речь идёт не о тебе, а о сестре Тамаре, и я попрошу уважаемую нашу сестру Зинаиду огласить решение совета церкви.

А у Елены крутилась в мозгу одна и та же мысль: нельзя быть рабом той или иной религии, при этом дух твой не развивается, а деградирует. Ты должна побороть в себе животный страх, который после каждого собрания ядом растекается в твоей душе, перед расплатой за тот или иной грех. Устремлённость духа к несогрешению необходима, но оно должно идти только через любовь, но никак через страх. Господь ищет в нас не бессловесных рабов, слепо подчиняющихся его воле, но равных себе по образу и подобию, а значит творцов. Она думала, что более не может оставаться у евангелистов. Брат Евгений своей недалёкостью и занудством раздражает, а многоопытные, издалика приезжающие братья Степан и Владимир на последней исповеди не могли дать ответов на мучившие её вопросы. Елене мало было строчек из Библии, которыми они апеллировали, она стремилась понять, а что же сокрыто между строк.

Ей хотелось почитать книги святых отцов или священные писания других религий, что сказано там? Но братьями на это был наложен строжайший запрет. Для неё же любой запрет, налагающей вето на то или другое, уже говорил о несостоятельности этого религиозного течения...

Сестра Зинаида, скрюченная болезнями 76-летняя пятидесятница, подошла к брату Евгению и, чуть склонив перед ним голову, заискивающе произнесла:

– Если брат позволит, я одним словом выскажу своё осуждение прежде всего сестре Елене за её недостойное поведение на собрании.

Брат Евгений, чуть улыбнувшись, кивнул ей в знак согласия.

С первых же произнесённых слов все почувствовали, как изменился голос у «старицы», как звали в церкви сестру Зинаиду, с мягкого, заискивающего, на сурово леденящий:

– Стыдно и непозволительно, сестра, так вести себя с братом. Единственно, что может оправдать тебя, так это то, что после твоего крещения месяц назад ты поддалась нападкам бесов, и потому нам придётся всей церковью отмаливать тебя у них. Мы, сестры, не имеем права учить наших братьев, что и как им говорить, а уж тем более повышать на них свой голос, потому как их слова идут от Бога. Не можем по праву первенства их сотворения. Мы лишь бессловесная их плоть, созданная из ребра. Они наши Господа! Потому я и говорю вам, сестры, бойтесь высказываний, подобных сестры Елены...

Теперь что касается сестры Тамары и её греха прелюбодеяния. Это страшнейший грех, за что церковь не должна прощать, а потому с этого собрания сестра Тамара считается отлучённой от церкви.

Тамару, услышавшую, наконец, приговор себе, точно кто дубиной ударил по спине так, что у неё подкосились ноги и она без сил опустилась на колени. За всё время создания в Энске церкви евангелистов пятидесятников это был первый случай, когда человека отлучали. Тамара сникла и горько заплакала. Затем, точно что-то сообразив, поползла на коленях к брату Евгению, умоляя оставить её в церкви, но тот лишь отшатнулся от неё, как от прокажённой. Тамара протянула было руки к сестре Зинаиде, но и та отвернулась. Ни тот, ни другой не вняли мольбам несчастной женщины.

Все присутствующие на собрании были потрясены решением совета церкви. Все прекрасно знали, какой Тамара была истовой христианкой. Не выдержав наблюдать более унижения её, Елена встала с места и решительно направилась к Тамаре. Подняла женщину с колен, бережно прижала к себе и, осуждающе взглянув на всех собравшихся, обратилась к ним с речью:

– Сегодня в церкви случилось на самом деле нечто чудовищное. Вы отлучили истинно верующего человека с чистой душой и чистой совестью. Непозволительное действие, придуманное людьми, но не Господом, который ратует за каждого грешника, устремлённого своими мыслями к нему. Сегодня вы оттолкнули Тамару, а завтра вас брат Евгений пошлёт биться с прихожанами церкви православной – и пойдёте. Ведь вы уже в открытую призываете людей сжигать кресты и иконы, что делали только фашисты.

Служба Господу должна приносить радость, которую и нужно нести людям, а не отбрасывать их на обочину жизни, точно что-то нечистое и недостойное вашего внимания.

Моя бабушка всю жизнь была человеком православным, а меня (надо же случиться такому!) занесло к вам. Но увольте, я не стану дожидаться своего отлучения и потому ухожу сама. Идём, Тамара, пусть они Царство Небесное и наследуют. Мы с тобой и в миру проживём, главное, чтоб в согласии со своей совестью. Да и спину-то выпрями, нашла перед кем на колени падать, кому в ноги на поругание любовь свою бросать!

Елена через весь проход повела Тамару под недоумевающие взгляды членов церкви, потому как два таких события на одном собрании казались уже перебором. За спиной услышала гневные слова брата Евгения:

– Ты не ведаешь, что творишь, сестра, и будешь наказана за это...

Елена громко, даже не оборачиваясь, ответила ему:

– Если Господь сочтёт меня наказать, я приму его немилость с достоинством, но не вашу, лицемерно притворяющимися его слугами...

Сказки о Вие и привидениях – детский лепет

В доме Казаковых все уже давно спали, одна Светлана, точно парализованная, сидела, задумавшись над прочитанной книгой Сергея Куняева «Смерть поэта» о гибели Сергея Есенина. Ей казалось, она провалилась в пропасть. Трудно стало дышать. Медленно встала, взяла дневник и стала писать: *«Варварское время. Страшно! Сказки о Вие и привидениях в сравнении с тем временем – детский лепет. Маяковский, Фадеев, Горький... Оказывается, всем им из жизни помогли уйти. Горько и больно сознавать, что это было в моей любимой России. И всё же смерть Есенина – этого жизнелюба, красавца с волнами пшеничных волос, любимца женщин и любящего свою быющую ключом жизнь, его смерть – открытая, незаживающая рана в душах многих любителей поэзии поэта и до сих пор. Восторгаюсь его преданностью и любовью к России. Предчувствуя насильственную смерть от рук палачей, он не остаётся за границей, а спешит на родину, навстречу своей судьбе. Это было выше его сил и предчувствий...*

Читаешь его стихи и даже в самых разухабистых остро чувствуешь боль за Россию. Как же долго все его записывали в самоубийцы! Да разве он мог? Разве мог Есенин вот так просто взять и повеситься? Нет, нет и нет! Такого, как он, могли только убить. Варварское время, породившее самые низменные пороки в людях – доносительство и предательство, прогибательство и лицемерие, равнодушие и страх! В Германии подобное породило фашизм. Я с тревогой думаю о сегодняшнем дне, о том времени, в котором живём мы, в котором будут жить наши дети и внуки. Наше время тоже тревожное, много в нём стало неопределённости, неуверенности в завтрашнем дне, и всё это заставляет быть готовым ко всему. Только бы не вернулись те варварские дни и годы, так предательски согнувшие нас, свободолюбивых русичей, пошатнувшие веру в непобедимый русский дух».

Жиличка Травкина

В дверь воспитательской просунулась голова знаменитой общаговской жилички Ирины Травченко. А под глазом-то что у неё? Синяк? Точно, во весь левый глаз украшением светится.

– Валентина Алексеевна, поговорить требуется.

– Заходи, через секунду буду в твоём распоряжении, – произнесла Валентина, убирая со стола бумаги.

Ирина зашла, несколько смущаясь своего вида, стараясь натянуть на лицо замызганный платок из ангорского пуха.

- «Красивая!» – восхитилась в кавычках Архипова.
- Да, – выдохнула та. – Пришла вот каяться.
- Что опять стряслось?
- Безродный ударил.
- Илья? Не может быть!
- Да нет, это я так. В милиции разукрасили.
- Когда?
- Три дня назад.
- Что случилось?
- Напилась, менту по лицу вмазала. А что? Он первый полез! Душить стал. Вот я его матами обложила, да и поддала, как следует.
- А как же заявление в ЗАГС? Ты же хвасталась, что замуж собралась?
- Никак. Забрала заявление. Несерьёзный оказался. Ходил со мной, а спал с малолеткой Райкой, что у Зарковской жила, помните? Ну, ещё травилась... Мы Райкино день рождения отмечали. Мой Валерик пришёл, да только на меня ноль внимания, все вокруг Райки крутится. Я его спрашиваю, мол, может, чем обидела? Он напрямую – не обидела, просто Райка понравилась. Я, конечно, психанула, взяла бутылку водки, выпила всю и стала выяснять отношения. Райку со стула смела, вызвала для них с Валериком милицию... А забрали меня...
- Значит, это тебя в нашей милиции так разукрасили? – Валентине не верилось.
- А Вы наивно думаете, что там по голове гладят? Знаете, как били? Короче, по чему попало...
- Ирина, Ирина, да что ж ты сдержанность-то себя не можешь? Что сейчас делать будешь? Ну какая-нибудь, пусть крошечная, цель у тебя в жизни имеется или совсем безнадежно?
- А Вы думали! Конечно есть. Вот, например, решила сейчас полностью влиться в своего сына и начать его воспитывать. Эх, Валентина Алексеевна, если бы не Витька, давно бы руки на себя наложила! Никому не верю. Мне поддержка нужна, понимаете?
- Валентина понимала, что корёжит её жизнь и никому она в городке не нужна. Понимала. Морально, как воспитатель, женщина, она её поддержит, а дальше? Жизнь-то так и не устроена!
- В 15 лет попала Ирина в колонию для несовершеннолетних за хулиганство. Взяли за выпивки, за непосещение школы, бродяжничество.
- Спросила, почему бродяжничала.
- А кому я нужна – нелюбимая дочь? Отношения с родителями плохие. Вот и уходила, куда глаза глядят. А в колонию больше не хочу. Помню, приехало нас пятеро новеньких, с отрядом познакомили, с воспитателем группы, всё нормально, а вечером... Избили так, что маму родную забыла, как звать. Тяжело было. Правду искала, дура. Весь отряд от меня отвернулся... Правдолюбцев не любят. Унижали, избивали, издевались все, как могли. Я, стиснув зубы, молчала, а по ночам слезами и кровью захлёбывалась. Последний день в колонии для меня самым счастливым был. Девки из отряда напоследок сказали:
- Какая бы ты, Ирка, ни была, но ты классная девка, за весь срок никого не выдала.

Таково начало её биографии. Приехала домой, увидела замужнюю и счастливую младшую сестру – и засела зависть в душе. Стала искать знакомств. Подвернулся Дмитрий, что в общежитии жил. На взгляд Валентины, не мужик – одно недоразумение. Хлюпкий, недалёкий, пренеприятнейший тип. Вот за него Ирка замуж и вышла. Без любви, из зависти... Он ей и сына ещё как-то умудрился сделать, а в семье ни мира, ни лада. То пьянки, то тяжёлое похмелье. Наконец, Ирина порывает с ним и отправляет их с сыном на Украину к мужниным родителям.

В общежитии проживал неплохой, спокойный паренёк Илья Безродный. Работал в Доме Культуры, вел эстрадный кружок. В часы работы Валентина его видела очень редко – всё время пропадал в ДК. Приехала из отпуска – первая новость: Ирина Травченко за Илью замуж собралась.

– Вот так, – подумалось ей, – сумела Илью окрутить, раз к женитьбе подвела. А вахтёры рассказывают: ещё как окрутила, он уж скрываться от неё стал! Живёт где-то у друзей, а она его звонками на работе донимает.

– Вы бы, Валентина Алексеевна, поговорили с ней, а то на общежитие с ДК жалобы идут.

Пришлось ей Ирину, голубушку, к себе в кабинет вызывать. А та при всех своих недостатках была очень открытым человеком и всё, не стесняясь, рассказала.

– Люблю я его, Валентина Алексеевна, ни одной мысли в голове нет, как люблю. Характер у него добрый. Я к нему однажды зашла сигарету стрелнуть – и заболталась. Музыку слушали, не заметила, как заснула. Так мы с ним и стали дружить, жить-то уж позже начали. Я даже ему стихотворение написала. Хотите, прочту? И, не дожидаясь её согласия, стала читать: «Как тяжело бывает вечерами оставаться с мыслями наедине. Как горько плачу я ночами, но ты совсем не помнишь обо мне...».

До совершенства стихотворению было далеко, но ведь вышло из её души, значит, что-то там есть. Эх, думала Архипова, ну как она, может, отнимать или запрещать ей это чувство? Может, та впервые полюбила по-настоящему, а она, как воспитатель общежития, обязана Илью оградить от неё. И не повернулся язык сказать: «Выкинь его, Ира, из головы».

– Люби, Ира, люби, если любишь. Но только будь гордой в любви, не унижайся, перестань донимать звонками. Если он охладил к тебе, значит, где-то переступила черту, оттолкнула. Это бывает, но люби. Во сто крат несчастнее тот, кто вообще никого не любит.

Долго она беседовала с Ириной и поверила в искренность её чувства, не зная почему, но поверила, хотя все подряд говорили, что та каждую неделю влюбляется и замуж выходит. А Валентине очень хотелось верить, что только любовь может из неё человека сделать.

Прошло несколько дней... Выпив для храбрости, Ирина направилась к Илье в Дом Культуры. Там путь для неё закрыт. Обозлившись, разбила витражное стекло. Заявили в милицию, обозвали, обругали, и пошло-поехало. После её рассказа Архипова вызвала Илью. В разговоре узнала, что Ирина его просто достала и так далее, и тому подобное. Мужик ведь, а во всём женщину винил.

– Илья, а может, и ты в чём виноват? – спросила Валентина

– Нет моей вины перед ней... – легко как-то сказал он, – просто скучно с ней стало.

Со временем Ирина пыл свой поубавила, но страдать по Илье не перестала. И Валентина всем сердцем было её жаль. Этого Валерку она подцепила, чтоб Илье досадить, но разве можно убежать от самой себя?

И вот сидит она в воспитательской с фингалом под глазом и говорит:

– Нет, Валентина Алексеевна, Безродный у меня в душе. Только одного его люблю. Если бы с Ильей жила, самой счастливой была.

А Валентина, глядя на неё, думала: «Как же в жизни всё несовершенно устроено? «Самая счастливая» – хотела бы я видеть её самой счастливой, от всего сердца хотела бы»...

Го-лу-бой...

Она думала о времени и нравах, которые менялись прямо на глазах. Разве Валентина могла помыслить в конце 70-х – начале 80-х, что не пройдёт и десяти лет, как стыдные понятия, о которых ранее большинство людей не только не говорили, но просто не знали, вдруг станут в их обществе почти нормой. Ведь и сама-то она со словом «голубой» в другом его значении, нежели цвет, столкнулась только, когда училась в Ленинграде. Шла как-то с сокурсниками по Невскому, и у одного из кинотеатров увидела необычную женщину... Она была не только одета во всё голубое, но ещё и с большим голубым бантом на голове. Удивлённая, Валентина заметила своим спутникам: «Надо же, в возрасте, а туда же – бант нацепила». Ребята ей как само собой разумеющееся: «Так это голубой!». Валентина в оскорблённых чувствах, будто её уличают в дальтонизме, ответила: «Не слепая, вижу, что голубой. Ещё бы она к голубой юбке и кофте серо-буро-малиновый нацепила!» Товарищи ей с ещё большим акцентом: «Ты что, не поняла? Это голубой!» Валентина, уже открыто возмущаясь, отпарировала: «По мне хоть в горошек, только не в таком же возрасте, да ещё перед людьми выпячиваться!» Тут до её спутников дошло, что она просто не понимает смысла, заложенного в слове «голубой», и они, захохотав, пояснили, что это вовсе не женщина, а мужчина, только мужчина-девочка. От неслыханного Валентина даже остановилась, оборачиваясь назад, чтоб убедиться в правдивости их слов, и как-то растерянно произнесла: «Врёте?!» И непонятно, что было больше в её этом восклицании: упрёка или возмущения.

Ребята удивлённо спросили: «Ты что, ничего не знаешь про них?» Она остолбенела: «А у нас в Светлом таких нет...»

Её сокурсники смеялись до слёз, мол, а что, Валентина, твой городок Светлый показатель всему и вся? Тогда она на них очень обиделась, а теперь вот об этом как уже о вполне состоявшемся факте и в Светлом заговорили. Дожили, называется.

Варакин

Общежитие – общее житие. Какое оно разное...

Валентина и не заметила, как пролетел её отпуск, который провела в Питере, где училась когда-то в институте культуры. Ездил навестить подругу свою.

В последний день отдыха её на улице остановила вахтер общежития Альбина

Михайловна Совкина и сообщила печальную новость: «Валентина Алексеевна, у нас ЧП. Варакин повесился».

– Как повесился? Почему? – спросила её, растерявшись, Валентина.

– Вот так, повесился. Его в последние дни частенько избивали, даже милицию приходилось вызывать... Насмехались, деньги, продукты отнимали... Из комнаты выгоняли, чуть было «голубым» не сделали...

Маленький, горбатый человек, всегда в застиранной донельзя одежде, с чёрной щетиной на щеках, немолодой и очень одинокий...

Она помнила, что когда ходила знакомиться с жильцами, в комнате некоего Варакина не обнаружила. Грубый, сильно подвыпивший мужчина сообщил:

– А-а-а, горбатый... Так он в другую комнату сбежал...

Жилец хрипло засмеялся беззубым ртом, дыша ей в лицо перегаром.

Позже заведующая взяла Варакина работать на полставки сантехником. Тут уж они поближе и познакомились. Варакин был некрасив не только горбом. Его глубоко запавшие, поблекшие глаза отсвечивали какой-то болезненной желтизной, а бескровные, тонкие губы при скупой улыбке открывали неровные, грязного цвета зубы. К этому портрету можно было дорисовать щетиновые, торчащие в разные стороны брови и засаленные, чуть длинные волосы, обвисавшие на давно небритое лицо. И при всей этой некрасивости внешнего облика он не вызывал к себе отвращения – скорее жалость.

Опыта работы у него не было, но старание... Бывало, хромая, волоча ноги, зайдёт попросить какую-нибудь деталь и гортанно-резкими звуками, спотыкающимися практически на каждом слове, начинает объяснять, где и что течёт, отчего и как это надо устранить и к чему может привести, если течь вовремя не перекрыть. Позже Валентина поняла, что вёл он эти длинные разговоры от тоски и одиночества.

Пыхтел, шаркал своей стоптанной, большого размера обувью по всем этажам и этим был счастлив. По крайней мере, тем, что у него наконец-то появилось дело и общение с людьми. Не надо просиживать долгие вечера, запершись в комнате, да и придинок от «своих» сообщежителей стало гораздо меньше. Что ни говори, а находился человек «при исполнении».

Но вскоре полставки с Николая Евгеньевича сняли. Он всё понял и не обиделся. А на пороге стоял 1992 год, знаменитый для многих общежитских жильцов своими лишениями. Архипова видела, как они страдали, особенно подобные Варакину, никому не нужные пенсионеры, перебиваясь хлебом и водой. В те времена технички жаловались на то, что плиты стало не отодрать ничем, на них голодные люди готовили себе варево из собак и голубей. И хотя отвратительный смрад стоял на все этажи, приходилось закрывать на это глаза.

Однажды Варакин, зная день зарплаты, зашёл к ней в кабинет и попросил пятьдесят рублей взаймы. А у неё самой в кошельке двести, чтоб протянуть как-то полмесяца, да ещё мысль предательская возникла: «Не отдаст», а она от неловкости не спросит. Но пока мысли в голове вертелись, рука залезла в кошелёк и достала две «сиренькие». Не отбирать же назад.

Так он и жил, одинокий, никому не нужный, обделённый здоровьем и счастьем человек. И не выдержала душа. Он и горькую-то пил оттого, что тошно ему было жить.

Однажды Валентина зашла к нему в комнату, и ее душа наполнилась ужасающим страхом, – точно увидела перед собой не живого человека, а уже покойника. Варакин сидел пьяный, скрюченный, грязный... Отвратный запах давно не мытого человеческого тела, неубранной вонючей постели, протухших, недоеденных остатков еды, водочный перегар рождали в этом нечеловеческом почти облике смерть, которую живой человек чувствует на подсознании и готов бежать от неё сломя ноги. Но, пересилив себя, Валентина с упрёком, как бывшему сослуживцу, сказала:

– Что ж Вы так, Николай Евгеньевич?

Он медленно приподнял голову, и Валентина увидела, как из глаз его навстречу ей выкатилась тоска лютая... Ни слёз, ни горечи, только тоска, огромная, всеобволакивающая...

– Чо-чо, а лысому – расческа.

На лице Варакина появилась страшная гримаса, напоминающая подобие улыбки...

– Жить, Алексеевна, не хочется, вот чо...

Валентину холодом обдало, будто она стала невольным свидетелем коченеющего на её глазах тела. Отгоняя это наваждение от себя, она произнесла, что надо взять себя в руки... Он, не сказав больше ни слова, еще раз взглянув на неё, обречённо уронил голову на грудь и застыл точно бездыханный... Валентина поспешила выйти из этого подобия склепа... и ещё долго чувствовала на себе его этот тяжёлый взгляд...

Через месяц его не стало...

Хорошо-то как...

А вот если бы следующего самоубийства не случилось в общежитии, ей было бы удивительно.

Варакин повесился. Теперь Тупицын. Четыре ножевых раны! Милиция отработала версии убийства, городок гудел. Никаких следов, сработано чисто. Но мнение Валентины: Николай Тупицин покончил счёты с жизнью сам.

О том, что это произойдёт, она предчувствовала ещё четыре месяца назад.

И не случайно это произошло на рабочем месте, и не случайно Тупицына тоже звали Николай. Всё, как в первый раз, даже имя повторилось. Только тогда была верёвка, а теперь нож. Смерть поставила печать на их лица, запечатлев свой облик. Однако своей внешностью Тупицин резко отличался от Варакина: высок, худощав. И если бы не его некая свирепость в глазах, не воспалённость взгляда, после хорошей помывки и стрижки этого человека можно было бы назвать даже симпатичным мужчиной, но он оставался таким, какой был.

Валентине запомнился один случай, когда пришлось вызывать наряд милиции. Нет, он ни на кого не напал, не обидел, но зато сам бился головой о стены коридора так, что жильцы думали – выбьет из себя все мозги. Четверо милиционеров не могли справиться с ним – разметал по сторонам всех, и только ещё двое прибывших на выручку товарищам скрутили его и отправили в каталажку.

О Тупицыне Валентина решила записать у себя в дневнике. Уж слишком эмоционально она переживала случай с ним и вызов её в милицию для дачи показаний.

Днём, в перерыве между сменами, она потянулась за ежедневником и ручкой,

хотя особого желания писать не было. Несколько минут тупо смотрела на чистый лист, а затем, не отрываясь, пошёл текст. Дописав до возвращения Тупицына из отпуска, она обессилела. Ей вдруг нестерпимо захотелось спать, словно из неё вышла вся жизненная энергия. Два дня в дневник не заглядывала и, наконец, на работе закончила.

Прочитав то, что записала, обнаружила, что писалось все будто от его души, с некоторой топорностью в словах, словно она записывала за кем-то второпях:

«Сейчас, когда моя душа освободилась от ненавистного тела, я уже спокойно могу рассуждать о том, что произошло.

Последние полгода были пиком моей душевной дисгармонии. При жизни я никогда не произносил столь высокопарных слов, я их просто не знал. Но, оказывается, душа намного совершеннее, когда она свободна от тисков телесной оболочки.

В начале лета я даже стал успокаиваться. Повальная миграция из городка вселяла надежду. Наконец-то отсюда убрались такие выскочки, как Костычев и Бахтин, без них стало гораздо легче дышать. А командированные безвредны. Глядишь – и выпить «на халяву» дадут.

Я с Женькой Тарасовым жил. Молодой, тоже со своим норовом. Хотел сбежать, дурак... Ну, были у нас стычки. А нечего связывать меня по ночам, когда я лишку перебирал. Да куда ему! Он хлюпик. Со мной и четверо здоровых мужиков не справятся, если захочу. Чего-чего, а силушка у меня имела.

С каждым прожитым днём она откладывалась, копилась во мне. Кто-то упражнениями разными мучился, а я свою ненависть к жизни в силу вкладывал. Не так-то легко её удерживать и скрывать, чтобы не заметил никто.

Когда, бывало, выпью, голова словно пустая делалась, а затем её на куски адская боль раздирала. И вот тут, если силе не дать выхода, раздавит. Мне было всё равно, что делали мои руки, ноги, туловище, лишь бы только избавиться от избытка силы, бьющей в голову.

Совсем плохо стало, когда я узнал, что горбун Варакин повесился. Словно тень его начала преследовать меня. Звать, звать за собой.

Однажды приснился сон. Сестры привиделись. Долго смотрели на меня, а потом сказали: «Ты, Коля, хоть попрощаться приедь, коль уж решил уйти от нас». Я их спрашиваю, куда, мол, я уйти решил. А они говорят: «Тебе виднее, Коля, только ты всё равно приезжай проститься-то». Сестры пропали, и встал Варакин. Говорит: «Чего медлишь-то? Мне одиноко одному. Я уж ждался тебя. Только совет прими: другой путь избери. Петля до сих пор душит меня». Я во сне смотрю на него, силюсь что-то сказать, рот, словно рыба, открываю, а слова не идут. Проснулся весь мокрый от ужаса.

Неделя не прошла – в отпуск засобирался, потянуло с родными увидеться, успокоиться. В последние дни от боли в голове много пил. Менты в милицию забирали, но разве им объяснишь?.. К сёстрам вырвался, увиделся, а облегчения не получил, и вновь в общагу потянуло, словно дело неотложное там дожидалось.

В поезде еду, вижу – мужики бутылку раскупорили. Я к ним поближе двигаюсь, чтоб заметили. В горле першит, аж дышать больно. Ну что им стоит глоток дать? Все губы облизал, пока заприметили меня. Вот ведь паразиты: рюмки две выпил, а денег

за всю бутылку затребовали. Ладно хоть голова перестала болеть, а то её словно кто клещами жал.

Это всё он, колдун деревенский, изводит семью. Теперь моя очередь. Спросил я когда-то отца, за что на нас такие напасти? Оказалось, за мать он нам мстит. Как говорят французы, «иерше ля фам» – «ищите женщину». Терпеть не могу баб. От них всё зло и без них жизни нет. Через них проклятье на роду нашем лежит. Пока мужики не переведутся – будет действовать. Думал, хоть здесь, в мире душ, плотских желаний появляться не будет, куда там! Они ещё больше тебя мучают.

Так выпить порой хочется, а нечем, да и не во что...

Вот она, общага родимая. Последние приготовления – и всё. Посылку почтой отослал, всё, что можно, положил, а то ведь растащат. Пускай хоть родня попользуется, мне уж шмотки ни к чему. Для себя я всё решил. Помоюсь – и на работу, там проще, там мешать никто не станет. Когда один, тогда все твоё: и прошлое, и будущее. Жизнь-то моя никчемной оказалась. Для чего приходил в этот мир? Поди, узнай теперь. Одна составная часть серенькой массы людишек, не более.

Эх, родители, во грехе меня сотворили, грехом я свою земную жизнь и прожил.

Вода-то вроде горячая, а тело будто чувствует, что вскоре застынет, ишь как корёжит его. Ничто, пусть немного помучается. Что Варакин-то мне говорил? Самое страшное – решиться, потом уж неважно.

Так ты что ж думаешь, Варакин, не осилю я, как ты? Врёшь, горбун, врёшь. Приходи в эту ночку, мы с тобой побеседуем. Я тебе покажу, на что Колька Тупицын способен. Они все думают – тихоня я, молчун, а мне выговориться хочется. Приходи, Варакин, поговорим.

Людишки думают, что в жизни одни случайности. Они думают – меня случайно на работу-то вызвали, не нашли никого. Глупцы, всё уже предрешено, всё продумано, каждый мой шаг, каждое движение.

Ну, вот и чайк попил с мужиками общаговскими. Рачков и Воронов тоже убогие. Мы с Варакиным хоть смогли эту жизнь оборвать, а они ещё помытарятся в ней. Убогий – слово-то какое нашли! Если не похож на вас, значит, убогий уж? Это вы все убогие, а мы – личности! В нас жизнь внутренняя идёт. Куда вам до нас? Вы всю свою энергию наружу выплёскиваете и остаётесь ни с чем...

А, Варакин, ты уже здесь? Давай за стол, гостем будешь. Ишь ты, без горба-то тебя и не признать. Не торопи... Чего торопиться? Ночь длинная... Я ещё записочку, как ты, состряпаю. Что говоришь? Не нужна, говоришь, записочка, пускай помучаются? Молодец, Варакин, откуда им знать, что силы у меня, как у быка. Подумают – убийство и начнут копать, таскать всех подряд. Пускай, пускай менты покрутятся. Отомищу я им. Они все сволочи, Варакин, меня, словно поганого пса, в своих казематах держали, ногами били, пускай теперь сами покрутятся. Всех на ноги подыму!

Голова трещит, Варакин, спасу нет. Да не торопи ты меня. Из праха в прах и обратишься. Земля меня ждёт... Про что я говорил-то тебе? Вишь, и мысль потерял. Ты что, Варакин, все наперёд знаешь, что я должен сказать? Ну, силен! Да, да, Варакин, и за тебя отомщу, и за себя.

Ты их своей записочкой работы лишил. Мало тебя мучили злыдни общаговские, пинали, деньги выколачивали, голубым сделать пытались. Потрасти бы их как следует,

а ты записочку... Этим псам не ту записочку написать надо было, поимённо всех твоих обидчиков перечислить. Что за чушь ты написал, Варакин? «Прошу винить моих друзей». А где друзья-то у тебя? Нет их и не было. Ты такой же одинокий, как я. Вот и отомщу им. За тебя и за себя. Не будет им записочки, Варакин, не будет, пускай покрутятся, глядишь, псы, хвосты свои поприжмут.

Да не торопи ты меня, Варакин, никто меня здесь не спугнёт. Мне вот сёстры втирали, что к Богу надоть прийти, что он может помочь. А у меня времени уж совсем нет к нему приходить, я вот тебя, вишь, в последние минуты жизни к себе позвал. Только надоел ты мне своим тороплением. Кому сюда в ночь тащиться захочется? И с мысли не сбивай. Голова и так, словно раскалённые уголья в горшке. Вот бы её снести, а? Что было бы, Варакин? Не торопи. Я этого момента, может, всю жизнь ждал, готовился. Не зря же у меня и братья, и отец этот мир по собственному желанию покинули. Торжество это у меня, Варакин, понимать должен.

Вот он, ножичек, наслаждение моё сегодняшнее. Эх, как он поблёскивает славно своим лезвием! Испробовать его, что ль, на чём?.. Нет, пусть чистеньким останется...

Ну что, Варакин, попробуем... Глядишь, и боль с головы уйдёт, а, Варакин? Не медлю я. Сейчас, вздохну вот... Раз! Надо же, как по маслу пошёл! Тебе больно было, Варакин, когда петля горло стянула, а? И меня всего обожгло внутри. Счас, счас, Варакин, я его ещё разок в тело это поганое.

Не могу больше, больно мне, терпежа нет... Говоришь, где силы мои, Варакин? А вот они... Сейчас я их все в последний удар и вложу. Чего там, прощай, земная жизнь, принимай, небесная. Вот он, этот удар, прямо в самое сердце...

Хорошо-то как...

А это что? Тело, что ль, моё бывшее? Ишь ты, как его скрючило, а, Варакин...

Ох уж этот «великий и могучий»...

Валентина Архипова в подавленном состоянии зашла в библиотеку поделиться со Светланой последними событиями в общежитии. Рабочий день подходил к концу, читателей практически не было, и услышать рассказы Валентины в читальный зал пришли и директор библиотеки Свечкина, и Виктория Кузнецова, и заглянувшая на огонёк пенсионерка Клавдия Петровна Мороз, заслуженный библиотекарь. Когда Валентина рассказала новости, у всех тоже настроение упало. Каждый подумал о том, до чего же дожили, коль и в их родном Светлом стало происходить невесть чего. Чтобы как-то разрядить обстановку, Виктория сказала:

– Ну, женщины дорогие, не нести же нам в семьи свои упавшие настроения. Хотите улыбнуться? Мне вчера моя подруга из Москвы прислала письмо с вложенными сочинениями одного иностранного студента, который в середине восьмидесятых учился в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Откуда она их достала, представления не имею, но я насмеялась от души. Хотела вам ещё с утра почитать, но день такой замотанный был, что не до них.

– Читай, Вика, а почему бы и нет, – сказала Вера Ивановна.

Виктория, достав листок с сочинениями, прежде чем читать, оговорила:

– Буду читать, делая акцент даже на буквах, потому, что в них самый смак.

Первая называется «Мой друг». Чем-то, Валюша, перекликается с твоим рассказом «Го-лу-бой», что ты нам читала. Слушайте: «У меня есть друг хороший. Он мужик. Друга моего зовут хорошо. Он является моим любовным соратником и союзником.

Мой друг хороший господин. Мы с ним не ссоримся. Он никогда не бьет меня палкой или шнурками. Я возрадаюсь когда он меня любит.

Друг и я мечтательные много. В детстве хотели поиметь корову или быка в деревне. Но потом решили поступить в институты.

Мой друг большой красавец. Спереди у него лицо красивое и глаза добрые. Ноги красавца смуглы и нежны как руки.

Друг не занимается плохими делами ни курит ни пьёт. Я и друг любим гостевание. Он наш праздник. В гостях мы любим петь и страдать. Время был веселы и теплы. Я и мой любовный друг иногда занимались вдвоём. Нам было тепло и уютно вместе. После поступка сюда мы распрощались и долго не занимались. Но я остаюсь ему любовным другом».

Женщины еще при чтении стали похихикивать. А когда Виктория дочитала, уже громко рассмеялись. Свечкина сказала:

– Да настоящий шедевр! Ну, порадовала.

Другие тоже хвалили Викторию за литературные изыски студента-иностранца. А Клавдия Петровна задумчиво сказала:

– Это иностранец, понятно, что ему трудно давался русский язык. А помните, сколько в пору Брежнева ходило смешков о том, как он коверкает русские слова? До анекдотов. Помните, как интересно говорил фразу: «сискимасиськи» – систематически то есть?

– Конечно, помним, уж кого-кого, а работников культуры под особым контролем загоняли слушать по телевизору доклады его на разных съездах и пленумах, – сказала, смеясь, директриса. – Но тут-то все ясно – человек болел.

– Нас, студентов, в феврале 1981-го в училище сняли с занятий и загнали вместе с педагогами в актовый зал сидеть весь день и смотреть по телевизору открытие XXVI съезда КПСС... – сказала Светлана.

– Вообще, девушки, со словами разные казусы случаются, – вспомнила Свечникова, – в конце восьмидесятых приходит к нам в библиотеку мужичок, никогда ранее не бывавший в ней, и как бы между прочим слащаво спрашивает:

– Девчата, а могли бы вы мне пояснить, почему «ананас» мы пишем слитно, «а мы её» – раздельно? Тут ему Ольга Каюмова и выдала, мол, наверно, всё потому, что и одного из Российских императоров Ананасом прозывали.

Мужик, не ожидая такого ответа, растерянно спросил:

– Это как?

– Да так, – отвечает ему с умным видом Каюмова, – на коронации он, произнося речь, сказал: «...А на нас... ложится большая ответственность...» Так что если Вы, гражданин, пришли книги выбирать – не умничайте, здесь тоже не дураки сидят...

И мужик, стушевавшись, зарылся в книгах с головой.

Все весело смеялись. Валентина вместе со всеми. А когда со Светланой шла домой, призналась:

– А у нас похлеще случай был, когда я в хор ветеранов «Марьюшка» ходила, – вспомнила Клавдия Петровна. – Репетировали мы русскую песню, а там слова «Ох, у дуба, ох, у ели...». Деректриса ДК, отбирающая номера на праздничный концерт, как услышала,

завозмущалась: «Да что это вы себе позволяете? Подставить меня перед руководством хотите? Какие ещё «ох, у ели»? Убрать... А ещё хором ветеранов называется...»

Все весело смеялись. Валентина вместе со всеми. А когда со Светланой шла домой, призналась:

– Я так рада, что к тебе в библиотеку зашла, прямо груз с души сошёл. И как всё-таки жизнь интересна и разнообразна! Шла к вам с чувством – всё ужасно, а вышла – как прекрасно!

Пусть даже горбушку грызть, но дома

Светлана в конце 1990 года чувствовала себя уставшей и подавленной от всех тех новостей и событий, которые извергающим вулканом проникали в души людей из сообщений радио и телевидения. События в стране угнетали всех, и чтобы снять с себя хоть какой-то груз дум, она вновь и вновь садилась за дневник и писала: *«Сколько приходится терпеть русскому человеку! Наверно, ни у какого другого народа не развито так чувство терпения, как у русского. И стреляли в него, и гноили в тюрьмах, и гнали с родовых мест, и голодом испытывали, и бездушными, бездуховными правителями, а народ всё терпит в надежде на лучшее будущее. Я оптимистка, но в этом году и моя вера в лучшее будущее иссякать начала. Что готовим мы своим детям? Полнейшее разорение страны, войну политиканов? Вновь началась повальная миграция из Союза творческих людей. В смутные времена из страны бежали самые лучшие. И не станешь их осуждать, ведь жизнь даётся человеку единожды, и совсем не хочется её тратить на преодоление зависимости от людей и обстоятельств, становится разменной монетой в руках политиков. Творческие люди уезжают за границу в надежде на работу, на лучшие условия и лучшую жизнь. Если есть руки и мозги, русский человек нигде не пропадёт. Его семьдесят «великих лет» учили неприхотливости, неприязнительности, скромности, что для тех, кто уедет из Союза, жизнь на Западе сказкой покажется. Фильмы их посмотришь – свежие фрукты каждый день, мясо, да какое хочешь, на выбор. У нас же гораздо проще продукты сгноить. Мы, не зная, едим колбасы из просроченного мяса; всё, что лежит годами и утратило срок годности, как дар великий, как дефицит, выбрасывается на прилавки. А люди, точно очумелые, хватают всё что ни попадя, давятся к прилавкам, подминая друг друга, тут же, в очередях, получая инфаркты или, еще того хлеще, отправляясь сразу к праотцам в мир иной. Как дальше жить, во что верить? Пропадает радость и предательски пропадает мысль, а не уехать ли и тебе куда подальше, ради детей, ради их будущего... Но только представила себя вне Светлого, сердце тут же заныло от тоски нестерпимой болью. Вот и пойми, разберись в русской душе. Нет, другие уезжают, значит, душа их – странница... А моя – часть этой земли, этого места. Пусть даже горбушку грызть, но дома».*

Куда Горбачёва-то дели?

В марте 1991-го, забежав к Прасковье Ильиничне поздравить ее с 8 Марта, Светлана вдруг обнаружила, что Михаил Горбачёв уже не улыбался во всю стену над её диваном, словно голливудская звезда. Спросила:

– Прасковья Ильинична, а куда Горбачёва-то дели?
– Под диваном скрученный лежит, – недовольно ответила та.
– А с чего же он у Вас в такую немилость попал? Вы же так восхищались им: «Любимчик, молодец...», – весело подколола старую женщину Светлана.

– Восхищалась. И не я одна, – чуть грубовато ответила Прасковья Ильинична, – все ждали от него многого, но, как выяснилось, не оправдал он наших надежд – ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса. Вот он кем оказался. А есть ещё одна поговорка, и тоже для него как раз: новая метла по-новому метет, а как ломается – под лавкой валяется, а у меня его портрет теперь под диваном лежит, пылится. Это ему моё наказание.

Так Прасковья Ильинична всего одним предложением смогла выразить отношение к Горбачёву всего народа. Уже никого не радовали его выступления, манера «своего парня», а постоянная приставка «Раиса Максимовна» и вообще вызывала у людей усмешку.

– И не одиноко вам теперь без него? – спросила, улыбнувшись, Светлана. – Ведь признайтесь, разговаривали с ним, сама свидетелем была. Уж простите, как-то забежала, а Вы не услышали, вот и застала Ваш диалог с ним, когда Вы сами задавали ему вопросы и тут же отвечали за него. Потому и спрашиваю – не одиноко?

– А разве я тебе не рассказывала притчу про одинокую женщину? – спросила Прасковья Ильинична.

– Нет, а что, есть такая?

– Да. Если не знаешь, послушай, расскажу.

И Прасковья Ильинична начала рассказывать.

В небольшом посёлке жила одинокая женщина. У неё не было не только семьи, но даже родственников, однако женщина слыла очень добрым и отзывчивым человеком, поэтому к ней многие приходили за советом и поддержкой.

– Прямо как Вы, – сказала, засмеявшись, Светлана.

– Старших в рассказах не перебивают, дорогая. Так вот, продолжаю. Женщина эта всех встречала добрым и ласковым словом. Однажды к ней пришла соседка, у которой была большая семья. Но женщина почему-то казалась очень печальной.

– Мне так одиноко, – призналась она. – Дети своей жизнью живут, у внуков свои интересы, и остались мы с мужем одни. Только чувствую я – нет между нами уже былой любви. Я знаю, тебе меня не понять – ты же всю жизнь одинока. Просто мне этим больше и поделиться-то не с кем, вот и пришла к тебе.

Женщина подумала немного и ответила:

– А мне ведь действительно тебя не понять, потому что я одинокой себя никогда не чувствовала. Как я могу быть одинока, когда вокруг меня целый мир! Мы рождаемся свободными и счастливыми, а одиночество создаём себе сами. Каждый день из-за непонимания, недоговорённости мы теряем близких и, даже живя с ними, становимся одинокими. Оглянись вокруг – и ты увидишь, что рядом с тобой целый мир, нужно просто идти ему навстречу.

Так вот что я скажу тебе, моя дорогая Светлана, я никогда не была одинока, поверь мне на слово.

Затем они говорили о последних новостях, потому как в эти годы в стране была далеко не спокойная обстановка: в воздухе так и носилась опасность гражданской

войны. Уже никого не удивляли вооружённые столкновения, стачки рабочих. Людей нельзя обмануть, постоянно ссылаясь на застойные времена. При Горбачёве случился Чернобыль, Армения-Карабах, так называемый вывод войск из Афганистана, а на самом деле – бегство прославленной до зубов вооружённой Советской Армии, распад Варшавского договора, а в результате этого страна потеряла дружественные ей страны Западной и Центральной Европы, усилившие безопасность Советского Союза и служившие буфером между НАТО и СССР. Конечно, никто не ставит это в вину только ему, но то, что помощь всегда приходила с опозданием – факт, и тысячи людей в больницах стали умирать от облучения. С введением «сухого закона», погубившего от алкогольного суррогата тысячи людей, была уничтожена целая отрасль виноделия. В народе даже появилась присказка: «Николай II пытался ввести сухой закон – нет больше царей. Горбачёв ввёл сухой закон – нет больше СССР». Всё это не спишешь на застойные времена. У людей появилась тревога за будущее детей... И уже никто не пел вдохновенные строчки из песни «Как хорошо в стране Советов жить...» «Хорошо? Просто замечательно», – думалось всем с горечью...

В ушах ещё дрожал Его голос

Май 1991-го оказался на редкость холодным, и Светлана не заметила, как простыла. Дома никого не было, и ей вдруг захотелось послушать музыку. Поставив любимую пластинку «Тюльпаны из Амстердама» Эдди Кэлверта, трубача-солиста с Британских островов, она удобно устроилась в кресле. Закрыла глаза, и музыка любимой композиции «Одиночество» стала уносить её в бархатисто-черное пространство Вселенной на встречу с самим Создателем Земли.

В этом уносимом вихре невесомости Светлана увидела живую, пульсирующую планету, которая, тяжело дыша, то растекалась, то стекалась в одно целое, словно вязкое дрожжевое тесто. И у Светланы защемило в груди от жалости: ведь она никогда ещё не видела Землю такой беспомощной. Хотелось докричаться до людей, чтобы они, наконец, осознали – земля не в силах больше терпеть их насилия над собой! По щекам струились слёзы, она уже не помнила, когда в последний раз так плакала... И тут Светлана услышала, нет, скорее почувствовала Его приближение. Всевышний не был в каком-то определенном образе. Живое облако энергии! И голос! Никогда ещё она не слышала такого голоса. Чистый, пронизывающий всё твоё сознание, проходящий через каждую клеточку организма, этот голос заставлял её воссоздавать в себе образы всех тех, кто встречался ей на жизненном пути. Голос призывал на суд её совесть. И точно со стороны, Светлана стала оценивать каждый свой поступок... Практически все десять Божественных заповедей ею были нарушены если не делом, то мыслями точно. Осознав это, она раскаялась перед Господом во всём содеянном и в том, что ещё предстоит содейть по судьбе. Она слышала Голос Отца-Бога, который её судил. Голос Сына-Бога, который в противовес её неправедным поступкам находил благие и добрые. Голос Бога-Духа Святого, который отпускал её грехи. Разве есть на Земле человек без греха? И услышала Его слова: «Опустись с миром на землю, женщина, ты несёшь в себе свет и любовь, так прими моих ангелов, чтоб хранили тебя, и Я не оставлю тебя своей заботой».

Ещё какое-то мгновение – и она вновь влилась в земное тело, стала его частичкой... В ушах ещё дрожал голос Бога, но земная жизнь уже звала, торопила... Отходя от необыкновенного видения, Светлана мысленно повторяла: «Я слышала Тебя, я вняла Тебе, Господи, я поняла Тебя, Отче наш!»

Вернись... «в страну не дураков, а гениев»

Глеб зашёл к Михаилу Савельевичу Завьялову, который приболел и уже неделю не появлялся у Казаковых, чтобы навестить свекра, а заодно и поговорить с ним о мучивших Глеба вопросах.

– Ну что, батя, как чувствуете себя? Что-то Вы с простой простудой уже целую неделю один, затворником сидите.

– Да тут, Глеб, не просто простуда – ревматизм спину скрутил. Чуть наклонюсь – и не разогнуться потом, вот и разогреваю спину разными мазями, а после них лучше завёрнутым в плед сидеть и не шастать по улице.

– Так хоть бы нам об этом сообщили! Сегодня же матери скажу, пусть придет, полечит Вас как следует, она у меня мастерица по этой части. У меня после купания в Баренцевом море тоже частенько спина побаливать стала, так мать намажет, массажик сделает – и на следующий день вновь, как огурец.

– Договорились, присылай. Надоело дома наседкой сидеть. Как там Светлана, дети?

И Глеб рассказал, что всё у них хорошо, вот только новости его не радуют:

– Слышали – певца Игоря Талькова убили?

– Конечно, только и делаю, что у телевизора сижу и новости узнаю, что мне ещё на старости лет остаётся? А о Талькове уже несколько раз передавали, обвиняют певицу Азизу. А ты что, в эту версию не веришь?

– Нет, конечно. При чём тут Азиза? У Талькова с ней вполне добрые отношения были. По крайней мере, я об этом читал. Мне кажется, здесь другое. Слишком Тальков был неуместен властям. Когда я впервые услышал его песню: «Листая старую тетрадь расстрелянного генерала...», я уже тогда понял – ему долго не жить. Помните 1980-й, когда Вы принесли нам весть о смерти Высоцкого, которого, как теперь уже выяснилось, тоже за правду в песнях со всех сторон флажками обложили, вот сердце и не выдержало?

– Помню, Глеб, мы тогда целый вечер его песни слушали...

– А сегодня я Вам, батя, принёс послушать песню Игоря Талькова. Помянем певца.

Глеб поставил кассету в магнитофон, и послушался бой гитары:

Я пророчить не берусь,
Но точно знаю, что вернусь,
Пусть даже через сто веков
В страну не дураков, а гениев.
И, поверженный в бою,
Я воскресну и спою
На первом дне рождения
Страны, вернувшейся с войны...

– Да, такое не прощают. Вроде и не 37 год, а методы те же...

– А я думаю, батя, что это только начало...

– Да, дела, – протянул Завьялов. – Слышал, Украина отсоединилась, Крым к ней отошёл? – спросил Михаил Савельевич Глеб.

– Как, к Украине? Крым с завоевания его Екатериной Второй Российской землёй считается, – сказал удивленный Глеб.

– Плохо ты, зятёк, историю знаешь, – покачал головой Завьялов. – В 1945-м, сразу после окончания войны, Крымская автономия преобразуется в Крымскую область, а вот когда к власти приходит самодур Хрущёв, он-то и передаёт Крым в состав Украины. Брежнев украинцем был, а потому интересы Украины превыше российских считал. Когда при советском строе я ездил туда отдыхать, то украинизация Крыма выражалась только чисто внешне – в вывесках, над которыми посмеивались и отдыхающие, и местные жители, читая вместо остановки – зупинка, вместо парикмахерской – перукарня, столовая едальней была и так далее. Не раз крымчане обращались к российским властям с просьбой вернуть их в состав России, но Ельцин отмахивался, вот потому и сейчас, в 1991-м, когда Союз на глазах стал разваливаться, не глядя, в Беловежской пуще Крым и подмахнул Кравчуку, то бишь Украине.

– А как же Черноморский флот, Севастополь? Выход в Атлантику? Как же можно оголять границы России с Юга?

– Правителям, Глеб, виднее. Украина хоть и отделяется, но ведь это наши братья славяне, с которыми русичи уже давно кровью помешаны. Разве видано, чтобы отцы против детей восстали? – рассудительно произнёс Завьялов.

– А как же опыт гражданской войны, фашизм, наконец? Разве там не то же было: сын на отца, брат на брата?

– Что ж, один ноль в твою пользу, Глеб. Однако я по жизни нашего городка сужу: кто здесь только ни живёт, а все друг другу помогают. Якимовна вон хохлушка, замуж за русского вышла и живёт в России припеваючи, а дети у них украинско-русского происхождения. Да нет... при нашей жизни, думаю, разделений между Украиной и Россией быть не должно...

Переворот

Светлана и Глеб с детьми, отдохнув по путёвке в санатории Васищево, 19 августа 1991 года ехали в Харьков на вокзал.

В автобус зашёл инструктор и произнёс в микрофон: «Товарищи, в Москве какие-то непонятные дела творятся, на улицах танки. Горбачёв по болезни в отставку подал». И всем подумалось, что инструктор решил их напоследок развлечь своим чёрным юмором. Но водитель включил радио, и люди услышали, что в стране создана чрезвычайная комиссия, президент СССР Михаил Горбачёв по состоянию здоровья ушёл в отставку и вся полнота власти перешла в руки ГКЧП. В Москву введены войска.

В автобусе бурно стали обсуждать эту новость:

– Что-то не верится, ведь он не болел!

– Такую информацию от людей не утаишь, что и говорить.

– Конечно, болел бы, как Брежнев, так об этом бы все уже давно знали.
– А может, это переворот?
– Зачем же Горбачёва «по состоянию болезни» в отставку отправляли, а не сняли на президиуме ЦК КПСС, как это сделали с Хрущёвым? Они что там, не сообщают совсем?

– А почему об отставке говорит не сам Горбачёв, а Язов и Енаев?

– Что-то, друзья, здесь не так!

В Харькове Глеб не смог достать ни одной российской газеты. Узнать, что происходило в стране, больше было неоткуда.

Светлана чувствовала, как Глеб нервничал.

– Эх, Кильдин твою Сеть Наволок через Малую Волоковую в Йоканьгу⁷⁸... Это переворот, Света, понимаешь, самый настоящий переворот!

– Глебушка, милый, да может, всё ещё образуется, – успокаивала мужа Светлана.

– А о какой такой Йоканьге ты сейчас говорил? – спросила она мужа.

– Да это у нас так капитан Горелов неругательно ругался. Вот я и вспомнил сейчас это его неругательное ругательство, чтобы хотя бы так напряжение снять. Уму непостижимо! Поезд идёт, а мы до сих пор вне какой-либо информации находимся. Чувствую себя точно от мира оторванным, будто на другой планете живу. Радио молчит, газет нет...

– Ты помнишь, дорогой, какие надежды все возлагали на Горбачёва в начале перестройки? А я, когда посмотрела его дебаты в Литве в начале 90-го, расстроилась. Ощущение – торгуются, как на базаре, и никак не сойдутся в цене... Это я могла бы своим «кухонным языком» говорить так с людьми, но только не генеральный секретарь. Вспомни, как мы перебивались на молоке и хлебе. А события в Армении? Вооружённые столкновения, убийства – и это в Советском Союзе? Казалось, такого не может быть, потому что не может быть никогда, а оно есть. Ты сам говорил, что так недолго и до гражданской войны, – взволнованно произнесла Светлана. – Может, терпение народа лопнуло, и вот уже в столице конфликт?

– Милая, ты не понимаешь, это не гражданская война, бери выше – война политиков, в которую те могут вовлечь весь народ, если это случится, тогда переживать будет уже поздно...

За окном поезда мелькал простор полей, подёрнутый пожухлостью трав, о котором Есенин написал: «Нивы сжаты, рощи голы...». Копны скошенного сена напоминали о деревне. Равнинная Русь! Кукуруза, точно приветствуя, качала своими длинными, выжженными солнцем, красными космами... Голые поля со следами от уборочных машин... Тополя – деревья-вампиры, подпитывающиеся энергией людей...

Глеб со Светланой отметили, что на железнодорожных станциях всё напоминало фильмы о годах революций и войн, когда поезда атаквали беженцы из бывших азиатских республик – пассажиры без мест.

По пути встречалось много маленьких аккуратных домиков, весёлых деревьев, лёгких и пышных в радужности красок...

78 Кильдин, Сеть Наволок, Малая Волоковая, Йоканьга – населённые пункты в Мурманской области.

Поезд отстукивал: домой, домой, домой... Много попадалось и ещё совершенно зелёных деревьев с листьями, краешки которых были чуть обожжены солнцем, подсолнухов с опущенными, налитыми чёрными семечками, точно повинными головами. Совсем немного цветов, чаще «куриная слепота» как напоминание о летнем солнышке ...

И только когда Казаковы приехали в Светлое, включили дома телевизор, всё и узнали про путч: по приказу ГКЧП была проведена подготовка не планировавшегося ранее захвата здания Верховного Совета РСФСР группами специального назначения КГБ СССР. Генерал Александр Лебедь, ответственный за подготовку штурма, вдруг переходит на сторону защитников Белого дома, а командиры «Альфы» и «Вымпела» Карпухин и Бесков просят заместителя председателя КГБ Агеева отменить операцию. Штурм отменён.

Через день, 22 августа, Глеб, практически не отходивший от радио и телевизора, узнаёт, что 21-го «Альфа» отказалась штурмом брать Белый дом. Язов отдаёт приказ о выводе войск из Москвы. И всё же колонна боевых машин подошла к баррикаде около Дома Союзов. Народ попытался было их остановить, но солдаты стали стрелять, хотя и в воздух. Несколько машин прорвали цепь горожан у Американского посольства и двинулись в сторону Нового Арбата.

Начавшая работу сессия Верховного совета РСФСР под председательством Хасбулатова осудила действия ГКЧП. Ручкой с Силаевым вылетели в Форос к Горбачёву...

Светлану обожгла мысль, что где-то в центре страны кипят страсти, убивают людей, а она от всего этого так далека, точно и не в России живёт! «Наверно, – подумала Света, – это идёт от моей политической безграмотности. Нет, я, конечно же, со всеми вместе радуюсь за россиян, что выстояли, но всё воспринимается мною только со стороны, почему-то особо не задевая душу».

Смотрела на Глеба, который искренне нервничал, выкуривая сигарету за сигаретой, и со стыдом обвиняла себя, что оказалась какой-то толстокожей, думая только об одном: лишь бы с родными всё было хорошо, – вот её главная мысль в эти дни.

А в правительстве вновь заседали, выясняли, обвиняли, и никому при этом не хотелось верить, потому что приходило осознание – все говорящие в правительстве пекутся не о народе, а о собственных благах и портфелях.

Успокаивая мужа, Светлана твёрдо сказала:

– Знаешь, Глеб, а я почему-то верю – Россия вырвется из этого хаоса тьмы, возродится к новой, светлой жизни, точно так же, как возрождалась птица Феникс из пепла.

– Ну конечно, ты же у меня всегда оптимисткой была, – сказал, улыбаясь, Глеб, – ещё добавь – и всё это произойдёт при нашей жизни...

– Но если мы все начнём паниковать, то наши страхи с каждым разом будут возрастать в геометрической прогрессии, и тогда уже точно отдалят на долгие годы приближение хорошей жизни. Если верить в великое предназначение России, то, как бы Америка и страны Запада ни пытались разрушить её, превратив в сырьевой придаток, у них ничего не получится. Я где-то читала, что именно Россия спасёт мир.

Светлана думала: почему раньше Советский Союз был силен? Наверно, потому, что мысли большинства людей с огромной верой направлялись на его величие, теперь же люди разобщены и мысли их направлены только на своё собственное

благополучие. Стране необходим новый положительный образ России, в который бы народ поверил и стал бы в молитвах создавать его, потому что только через единение всех можно достигнуть успеха. Почему-то в эти дни Светлане вспоминалась цыганка баба Катя, её слова из начала 80-х, только уже трансформированные в новые мысли: нельзя нарушать равновесие сил в природе, наоборот, необходимо уравновешивать духовные стремления общества и его материальные потребности.

К ребятам в гости зашёл отец Светланы, его тоже волновали события августовских дней, о которых хотелось поговорить с зятем, да и обсудить последние новости не мешало бы. И пока Светлана с Галиной Игнатьевной накрывали на стол, зять с тестем возились с детьми и обсуждали произошедшее в Москве.

– Я одного понять, Глеб, не могу, неужели в Белом доме никто не знал о готовящемся путче? – спросил Завьялов.

– А мне непонятно другое, – подхватил тестя Глеб, – думали ли организаторы путча – Крючков, Язов, Бакланов и командиры его подавления – Ельцин, Руцкой, Хасбулатов о народе, или у них мозги напрочь заклинило? Ведь если бы армии было приказано атаковать, под натиском нескольких сотен бронемашин погибли бы тысячи и тысячи безоружных россиян! Свои бы пошли на своих.

В это время зашла в комнату Галина Игнатьевна. Услышав слова Глеба, она тоже встряла в разговор:

– А мне кажется, здесь сыграло огромное значение и выступление Патриарха Алексия Второго, призывающего прекратить вооружённое столкновение и кровопролитие. Он сказал, что всякий, кто поднимает оружие против безоружных людей, примет на душу тягчайший грех, отлучающий его от Церкви и Бога. Это надо же такому случиться, да ещё в дни Успенского поста! Брат пошёл на брата, всё равно как в гражданскую войну.

– Ах, мама, – произнёс печально Глеб, – я, конечно, понимаю, что Патриарха слушают православные люди, но военные от Церкви далеки. У них один бог – командир. Командир прикажет – пойдут.

– Напрасно ты, дорогой сынок, не веришь в силу молитвы и слова пастыря Божия, – качая головой, произнесла осуждающе Галина Игнатьевна, – страна-то наша православная, и если не сознание остановило командиров от непоправимого, то подсознание точно. Бог, он ведь, чтобы научить людей, сначала им в уши слова любви шепчет, не понимают – кричит языком совести, если и в этом случае они остаются глухи к Гласу Его – «по лбу бьёт»...

И, пытаясь поменять тему, пригласила всех к столу. Глеб и Михаил Савельевич, подхватив малышей на руки, последовали за Галиной Игнатьевной, перестав говорить на животрепещущие темы.

– А вы слышали, мои дорогие, – щекоча внучку, проговорил Завьялов, – что сказал журналистам на пресс-конференции возвратившийся из Фороса Горбачёв? А он сказал: «Всего, что я знаю, я вам всё равно никогда не скажу». Вот и весь сказ, – и, уже обращаясь к Полиночке, добавил. – Он не так прост, этот генсек меченый, правда, внученька?

Та, радуясь заигрыванию с ней деда, громко крикнула:

– Да, генсек меченый, – засмеялась и хлопала ручонками...

Общее житие

Управление деревообрабатывающего комбината города Светлого ещё в конце 1987 года намеревалось сделать общежитие для своих рабочих образцово-показательным. Затевали ремонты; кухни, умывальные комнаты, туалеты кафелем обкладывали; занавески с зеркалами для уюта куда надо вешали. Линолеум в коридорах клали, чтоб заглушить шум шагов и обеспечить отдых жильцам. Детская комната, в красном уголке цветной телевизор, спортивная с тренажерами, по субботам и праздникам дискотеки. Цветы развели, в буфете «У Филипповны» еды полным-полно. На каждом этаже был выбран староста и ответственный дежурный...

И за какие-то лет пять вдруг всё резко изменилось. Что же произошло со страной, с общежитием, с людьми? Пять лет... И на глазах Валентины из почти образцово-показательного небольшое четырёхэтажное здание превратилось, грубо сказать, в ночлежку для бомжей. Пять лет Валентина наблюдала, как маленькое «государство», под названием общежитие, деградировало в большое, по имени Россия. Люди потихоньку, совсем незаметно превращались в нелюдей. И если ещё технички по привычке старались начищать и намывать кухни, боясь наказаний СЭС, то в комнатах большинства жильцов стоял смрад и вонь. Грязь коростой прилеплялась не только на полы, стены, подоконники, но и проникала в души людей, разъедая их, и уже было все равно: сходить помочиться в туалет или нагадить на собственной постели. Матрацы гнили так же скоро, как и разлагались души людей. И если раньше на развитие общежития выделялись бешеные деньги, то теперь трудно было выпросить на смену развалившейся списанной мебели и прелых, истлевших постелей хотя бы какое-никакое старенькое БУ (бывшее в употреблении). Грабёж стоял, какого не бывало! Валентина спрашивала: «Зачем воруете? От себя ведь тащите!» Ответ: «Так есть хочется». «Почему не работаете?» Ответ: «А куда идти?». «Почему пьёте?» Ответ: «Чтобы совесть не грызла». Съели уже всех бездомных собак, пошла охота на голубей и кошек...

В конце 1991-го холл первого этажа общежития был оборудован под избирательный участок. Валентину наблюдателем поставили, и видит она такую картину. Народ-то на избирательный участок разный идет. Стоит у столика Лёха Ваныч, муж Зинки-продащицы, с паспортом в ожидании, когда его фамилию во все нужные реестры впишут, а тут областная дамочка (тоже наблюдательница) полезла за чем-то к столу... Раз под руку Лёху Ваныча толкнула и «пардон» ему кинула, другой «пардон» произнесла и, видно, так достала Ваныча, что тот, не выдержав, громогласно выдал ей: «Да хватит Вам меня уже толкать и пердонить при всех тоже хватит...»

Или поселилась на семейном этаже у них пара не из стандартных, на материк с Новой земли приехавшая. Она, по имени Серафима, настоящий гладиатор под два метра, устроилась работать мастером на деревообрабатывающий комбинат, он, Спартак (точно в насмешку с таким именем, да ещё и с близорукостью, в больших очках), буквально «метр с кепкой», только до плеча ей и доходил. Спартак этот по образованию метеорологом был, а так как в Светлом не оказалось ничего с его профессией связанного, устроился пока работать в школу – географию преподавать. Общежитские втихую посмеивались над этим Спартаком, но вольностей не позволяли, потому как не один человек вместе с Валентиной оказались свидетелями однажды случившейся сцены.

Что уж между этими двумя произошло, история умалчивает, только стоит у вахты Серафима, выясняет что-то. Тут к ней подлетает её маленький, щупленький Спартачок, подпрыгивает и – раз! её по щеке со словами:

– Сколько можно тебе, Серафима, говорить – не делай так!

Снова прыг – и по другой щеке:

– Не делай так...

А она только жмурится...

Вахтёрша тётя Клава аж возмутилась:

– Это ещё что за новости жену при всех избивать?! Серафима, ты чего это ему такое позволяешь, когда одной грудью можешь так прижать, что он не рыпнется?

Спартак, оскорблённый словами вахтёрши, выкрикнув: «А Вы мне не указ!», помчался на свой этаж.

Серафима, улыбаясь, произнесла:

– Заслужила, тётя Клава, вот и получила. Опять меня Спартачок мой с сигаретой застал, терпеть не может курящих женщин, а я как ни хоронилась, всё равно попала на его глаза. Мне его удары что поцелуй. Строгий он у меня, но и нежный, такого поискать...

Да... И чего здесь только не услышишь и свидетельницей чему только не станешь...

Прибежала однажды в воспитательскую комнату жилищка и кричит:

– Валентина Алексеевна, на втором этаже драка! Перережут друг друга! Разнять надо!

Хорошо сказать – разнять, а она ведь не мужчина, чтоб запросто поножовщину прекращать, да ещё если у дерущихся не одна бутылка опрокинута. Смотрит – маленький, щупленький, с тесаком против здоровяка зоновского стоит, ножом размахивает. От обоих за версту перегаром несёт. Красные, озлобленные... Мат на весь этаж громыкает. Протиснулась к ним и громко скомандовала:

– Ну-ка, прекратить безобразие! Вы чего это задумали? Глотки друг другу перерезать?

Воинственно настроенные мужики в яростном порыве тут же развернулись на её голос. Старший из них, ещё больше побагровев от негодования за то, что кто-то посмел ему помешать, точно буравом, просверлил её своим жутким взглядом. На какое-то мгновение страх парализовал Валентину. В животе сразу сделалось холодно, и все внутри задрожало. И почему у неё всегда страх возникал именно в животе, а не в голове? Развернуться бы да с криком «мамочка» помчаться наутёк, но кругом жильцы стоят, смотрят... Если показать испуг – напрочь уважения лишишься. И, пересиливая себя, она сделала шаг навстречу и как можно хладнокровнее произнесла:

– Дайте сюда нож! Не хватало мне в общежитии убийств!

Тот, что был с ножом, подходит вплотную и упирает кончик холодного металла ей прямо под ложечку.

– Говоришь, не хватало убийств? А что если я ножичек по самое не могу в тебя сейчас всажу, а?

– Ну если у вас только на это ума и хватает, что ж медлите?

Жильцы притихли. Стало слышно монотонное жужжание лампы дневного света.

– Ты, воспиталка, в натуре поворачивай оглобли отсюда подобра-поздорову, – вмешался второй, видя направленный на неё нож.

Этого Валентина, заменяя заведующую, устраивала в общежитие сама, потому он и признал её. Недавно вышел из заключения – у него строжайший запрет на всякого рода конфликты. Стоило кому-то донести – и грозил новый срок. Видимо, её окрик жильца в чувства привёл.

Тот же, что был с ножом, по прозвищу Колесо, все ещё хорохорился, матами крича ей в лицо:

– Тля серая, мать твою! Дать бы тебе в зубы, чтобы дым пошёл! Сыт я по горло моралью вашей гнилой! Не хлебала лаптем щи, а туда же, воспитывать лезет... права качать... Ишь, раскомандовалась! С души воротит от вас всех, правильных...

Наконец, выплеснув в неё целый ушат ругательств, попятился и отступил. Ещё раз, грозно бросив взгляд в толпу, швырнул нож на кухонный стол и, покачиваясь, побрёл в свою комнату, продолжая что-то бурчать себе под нос...

Валентина хотела было тут же развернуться и идти к себе в воспитательскую, но почувствовала, что не может сделать и шагу. Страх, который она только что пережила, свинцом опустился в ноги. И, решив как-то оправдать своё стояние на этаже, она, сдерживая себя из последних сил, грозно произнесла:

– Всем по комнатам разойтись! Митинг по поводу драки окончен...

Видно, не время тебе понять...

...Прошёл год. Ирина Травченко с кем-то и где-то моталась, появляясь в общежитии крайне редко. Илью всё же забыла, как, впрочем, забывала и всех остальных своих ухажеров.

Валентина Архипова составляла списки должников по квартплате, и Ирина в этом списке оказалась самой злостной неплательщицей. Однажды Валентина застала её в фойе, говорящей по телефону. Из разговора можно было понять, что финансовые дела её идут хорошо, водилась валюта, «деревянные», был спирт и ещё кое-что «побалдеть».

Подождав, пока та освободится, подошла к ней.

– Где работаешь, Ира?

– В воинской части, в пяти километрах от Светлого, – даже не моргнув глазом, ответила та.

– Я выясняла, такой у них в списках не числится.

– Ну не там работаю, а где... сказать не могу!

– Не говори, я и так знаю, только не пройдёт и месяца, как ты останешься и без этой «работы».

– Что это Вы, Валентина Алексеевна, имеете в виду?

– Ты лучше меня знаешь, Ира, что...

– Поговорить надо.

– Поговорим. Заходи в кабинет.

Архипова уже знала: Ирина расскажет всё. Через десять минут она явилась и с порога спросила:

– Что это Вы обо мне знаете, Валентина Алексеевна?

– То, Ира, что ты сейчас торгуешь собой, – вырвалось у Валентины, – есть такое предположение.

– Неправда, – запротестовала не очень убедительно Травченко. – Это кто-то Вам на меня набрехал!

– Брежут, Ира, собаки, а о тебе я ещё вообще ни с кем не говорила, но знаю это наверняка. Я ведь не заставляю тебя мне рассказывать, сама говорю. Говорю что чувствую. Причём этим ты занимаешься чуть больше месяца, так?

– Ну так, – понутив голову, сказала Ирина, – но Вы ведь никому не скажете, правда?

– Ира, ты уже взрослая женщина, вольна сама выбирать, каким способом на хлеб зарабатывать, только за общежитие не забывай платить.

– Я заплачу, обязательно заплачу. Деньги у меня есть.

– Надо думать!

– Понимаете, мне предложили очень выгодно обслуживать крупных дельцов, я и согласилась. Какая разница кого? Лишь бы деньги платили!

– И сколько у тебя за ночь выходит?

– Сотни полторы.

На 1991-й год это были не ахти какие большие деньги.

– А скольких клиентов заставляют на эту сумму тебя обслуживать?

– Не больше трёх.

– Не дёшево, Ира, продаёшь себя, а?

– Ничего, мне хватает.

Она даже не чувствовала в словах Валентины издёвку.

– У меня, Валентина Алексеевна, цель есть – скопить деньги и забрать Витьку у мужа.

– Зачем?

– Как это зачем? Витька – всё, что у меня есть.

– Но Ира, ведь он уже давно не у тебя!

– Ну и что? Он мой! Я мать и я иду на это ради него.

– Ира, девочка моя, тебе Витька нужен, как оправдание твоих поступков, не более. Разве не так? Хоть себе-то в этом признайся...

– Нет, Валентина Алексеевна! Хотите, я Вам сберкнижку покажу, сколько я ему скопила?

– Ему, Ира, не деньги нужны, невесть каким путём заработанные, а тепло материнское, любовь!

– Сначала я ему жизнь должна обеспечить.

– Ира, ты о чём? Сама себя послушай, что ты несёшь? Да ведь тебя там долго не будут держать, это ясно, как белый день, а ты о каком-то обеспечении жизни говоришь! Интересно, в чём тебя к ним приводят?

Травченко заметила взгляд Архиповой, оценивающий её грязную одежду.

– Эта куртка ерунда, я уже пуховик себе приобрела. А там нас моют, одевают и во всём марафете им подают.

– Ты что, блюдо какое, что тебя подают? – ужаснулась Валентина.

– Да это я так, – спохватилась Ира, – но только мы к ним приходим с иголки...

– Я, конечно, слышала, что теперь в России есть нелегальные дома терпимости, но чтоб у нас, в Светлом?!

– А Вы что, Валентина Алексеевна, думаете? В Светлое тоже стали приезжать крупные папочки...

– Ира, а ведь ты никогда не будешь счастливой. Ещё лет пять потаскаешься, а потом и вовсе худо станет. На авось жизнь не проживёшь.

– Это почему?

– Потому, Ира, что человек никогда не бывает счастливым, если все желания его направлены на себя. Пока ты не научишься делиться своим кровным с другими, хотя бы со своим сыном, счастья не жди. Сколько я тебя знаю, ты ни разу не захотела кого-то осчастливить, даже собственного ребёнка. Торговать телом – это не значит отдавать кому-то частичку своей души. Пока ты этому не научишься, ничего хорошего не прибьётся к тебе.

– Да я это дело скоро брошу, самой уже надоело, Валентина Алексеевна, вот только Витьке денег скоплю...

– Иди, Ира. Видно, не время тебе понять слова мои, да выдели мизер из своего заработка, заплати за общежитие.

– Вы ведь правда никому не расскажете, а, Валентина Алексеевна?.. А я заплачу, слово даю.

Травкина ушла, а Валентина подумала: вот уже и до «папочек» добралась, что дальше от неё ждать? Что за финт она ей снова выкинет? А может, это её уровень в жизни, её предназначение? Ведь не все же должны в жизни быть праведными! Не будь таких, как Ирина, не будет сопротивления грязи, не будет стремления к чистоте. Это её путь, и она должна пройти его сама... «О, жизнь, о, нравы! И что это я страдаю за неё там, где она ещё не страдает сама за себя? Эх, порхающий мотылёк, гусеница несчастная!..»

Смех сквозь слезы, или бархатный сезон в Шепси

Елену Полякову в начале октября 1992 года вызвали в профком комбината и предложили бесплатную «горящую» путевку на две недели в пансионат Шепси.

– Поедешь?

– Конечно, – сказала обрадованная Елена, – с детьми муж побудет, а я за кои-то веки хоть немного отдохну.

Обрадованная, она неслась к магазину. Уезжать нужно было на следующий день, и потому не мешкая купила всё необходимое в дорогу. Дома, огорошив мужа сообщением, принялась собираться. На её слова, что она уж лет пять никуда не выезжала, мужу возразить было нечем. Он понимал, что жене давно пора отдохнуть, ведь она даже к себе в Светлое за эти пять лет ни разу не съездила.

– Ничего, Ленуся, поезжай, – сказал уверенно Виталий, – я с детьми управлюсь, а ещё маме позвоню, чтоб приехала помочь...

И вот Елена сидела с Дианой, напарницей по этой самой «горящей» путевке, в комнате пансионата и пила чай. Молоденькая девушка оказалась от природы меланхоликом, а в Елене, конечно же, сангвиник сидел. Но несмотря на гороскопную разницу – они везде вместе. В кино – вместе, на катамаране – вместе. И надоела же Диана Елене на море своим меланхолическим настроением – жуть! Сидела и на мозги капала, капала:

– И зачем ты меня, Елена, так далеко от берега завезла да моё молодое тело, так жаждущее все эти дни нудистского пляжа, северному ветру подставила?

– А что, может, бросить мне тебя в море рыбам на прокорм, чтоб помолчала маленько?

Петуха в себе гороскопного Елена пришпорила, а в действие Овна пустила, чтоб это несчастное создание хоть чем-то подбодрить. Катамаран к солнцу развернула для согрева Дианкиной девичьей груди, только после двухчасовой прогулки никак в толк не могла взять, почему загорела при этом спина Дианы, а грудь не порозовела даже.

Сама Елена совершенно не стремилась ультрафиолет схватывать, но в неё лучи прямо через кофточку проникали. Так они и ходили по территории санатория: Диана – белая и Елена – шестинский вождь с белой отметиной. Отметиной оказался живот, на который никакой ультрафиолет не действовал.

Катались, катались и не заметили, как время лишнее накатали, за что и захотели с них парни за катамаран вдвое больше денег содрать, да фамилия Дианкина помогла. При их, мало сказать, скромных финансах она Богатой слыла, и простили им мужики этот грех.

Вот так они и в столовой один кусок на двоих делили. Елена, когда в пансионат ехала, мечтала овощей и фруктов поесть... а их с Дианой в столовой ни разу даже салатом не накормили. Правда, первые дни на обед вместо компота по куску арбуза клали, а затем по помидорине всучивали, а к концу смены и его до половины урезали. Девчата по этому поводу каждый раз за столом беседу вели. Начинала, бывало, Диана:

– Ну а вообще питание здесь ничего, правда, Лен? Только вот первое блюдо подадут, а второе час ждать приходится. Я спрашивала – почему? Сказали – в летний сезон курортники всю посуду побили, до осеннего не дотянули.

И пока пустая тарелка не освобождалась, им приходилось ждать.

– Не переживай, Дианочка, зато так пища лучше усваивается, – говорила, успокаивая свою юную спутницу, Елена.

И на серпантине они с Дианой вместе. Это дорога такая, что вилась вокруг горы, на которой их пансионат стоял. Лучше уж серпантин, чем каждый раз по 285 ступенек в гору под углом девяносто градусов отмеривать. Так вот, на этом серпантине Дианка вещи Елены несёт, а та, пыхтя и отдуваясь, за ней сзади плетётся.

Вместе они Елениным детям на спине Дианы одним полотенцем кузнечиков ловили. Купальник у Дианы лазоревый-лазоревый, всю мелкую живность своим цветом к себе притягивал.

По приезде вместе хотели было на массаж записаться, но как узнали, что сеанс 136 рублей, затею эту отбросили. Всех их сбережений не хватило бы один курс пройти. И нашли из положения выход более простой. Стали устраивать ежедневный ванно-комнатный массаж в номере у себя. Включат на все обороты душ горячей и холодной воды, тут им сразу и подводный, и надводный массаж получался. Все удовольствия в одном флаконе, и главное – бесплатно.

Вместе и на танцевальную программу пошли. Елене подумалось: Дианка молодая, ей, наверно, танцевать хочется, а она все вечера в номере просиживает, наблюдает, как Елена книгами из местной библиотеки зачитывается. И решила Елена таким образом её в свет вывести. Сказала, не требуя возражений:

– Сегодня на танцы идём, потанцуешь хоть, а то, как старуха, в номере сидишь, в телевизор впялившись. Его и дома можно смотреть.

– Ладно, пойдём, – совершенно безразлично произнесла Диана.

Пошли. Только Елена на тех танцах ни разу на скамью отдыхающих не присела, все ноги оттанцевала, а Дианка как села, так до конца и не поднялась со скамьи. Всё у них было вместе. Вместе и деньги растратили, что Диане мать дала, а Елене комбинат.

Елена по доброте душевной подбрасывает Диане ещё одну идею – концерт в Туапсе устроить. Здесь им нельзя, чего доброго, за их самодеятельность на работу отпишут, а Туапсе как раз место подходящее. Там ни они никого не знали, ни их никто.

– Создадим мы там с тобой, Дианка, туапсинский Арбат и деньги начнём лопатой грести.

– Каким это образом? – спрашивает Диана.

– Отвечаю – я начну стихи читать, ты по кругу с панамой пойдешь. Глядишь, и соберём за прослушивание на килограмм помидор в дорогу. Я вообще-то в школе очень хорошо читала стихи. Веришь?

– Верю, – согласилась Диана, не выразив при этом никаких эмоций.

Елене эта молоденькая девчонка была смешна и при этом интересна, потому как воспринимала юмор Елены, наивно думая, что та говорит на полном серьезе. И Елена не могла пройти мимо искушения ещё чуть-чуть её поразыгрывать, а потому убедительно произнесла:

– Труд наш, Диана, честный. Стихи будут звучать классиков русской и мировой культуры, и пусть только попробуют на это что-то возразить. Мы же не виноваты, что потратились и теперь в деньгах нуждаемся. Мы ведь с тобой ехали – думали фруктов дешевых поесть, а нам шиш с маком. Помидоры – 60, огурцы – 60, инжир – 60, яблоки – 60. У них здесь такса такая – всё по шестьдесят. Вот и пообъелись малость, не в смысле наелись, а в смысле потратились. Куда взор ни кинь – в кошелёк лезь и меньше шестидесяти ни-ни.

Ты мне лучше скажи, а что, разве скупленные армянами на барахолках Москвы вещи перепродавать здесь – занятие более достойное, чем мне, например, людям стихи почитать да на кусок хлеба тем самым заработать? Хотя нет, хлеба кусок мы в столовке и так возьмём. Хлеб, он ведь тоже нынче «кусается», вот из столовки и возьмём, потому как на три дня раньше съезжать надумали, вот и пускай нам наш рацион сухим пайком дадут. Профсоюз-то денежки за все дни заплатил...

– Да, Лена, я, когда сюда ехала, только и слышала – на бархатный сезон едем, на бархатный сезон...

– Так и не обманули тебя, голубушка, сезон на самом деле бархатный. После недели проливных дождей с молниями и грозами земля бархатная-бархатная сделалась. Мы народ непритязательный, чего нам того дождя бояться? В промежутках между ним ещё и на море умудрялись сходить, выкупаться. А море тоже грязно-грязно-бархатное после дождей колышется, разве не так? Стоишь так на пляже, чтобы поймать последние солнечные лучи перед зимой, налетает северный ветер – и кожа твоя тоже от мурашек вся бархатом покрывается. Ну, кругом бархатность одна, всё в точности, как обещали. Мы потому-то из-за этой бархатности и домой на три дня раньше собрались. Или я неправильно что говорю?

– А я, Лена, думала, что когда говорят бархатный, то это тёплый, ну как бархат материал, а это, оказывается, совсем другое, – замотала головой Диана.

И Елена в какой уже раз про себя посмеялась над наивностью этой девушки. И тут вдруг её осенило спросить:

– Диан, а ты на море ездила когда или в первый раз?

– А как ты, Лена, поняла, что в первый?

– Да тебя, девонька, вообще-то нетрудно вычислить: ты всё воспринимаешь, как в первый раз. Эх, думали мы с тобой, Дианочка – потратим по последней тысяче и с шиком на самолёте полетим. Да не тут-то было. Я вчера узнала, что пока мы с тобой отдыхали, правительство очередной финт выкинуло – цены на билеты так вздёрнуло, что дай Бог нам на поезд наскрести. Поедем теперь осень бархатную по бывшему Союзу глядеть. Вот ведь жизнь пошла! Не жизнь – только держись!

А что, может, и на самом деле стихи почитать? Глядишь, Дианка, ты нам на дорогу и соберёшь. Мы русские – и посмеёмся над собой, и без денег не умрём, с нас станется. А что? Лучше русский шиш, чем какой другой кукиш. Мы свой шиш смеюм заедим, слезами запьем, живы будем...

Вечером Елена, оставив Диану в номере, решила пройтись к морю одна да по территории пансионата погулять. Ходила, а мысленно точно сама с собой разговаривала: «Ну что ж, вот мы и прощаемся с Шепси. Последняя ночь наша здесь, сердце к родному дому тянется. Пусть здесь море и кислорода в избытке, а всё равно чувствую я себя здесь точно неким пространством зажатая. Может, ощущение это из-за гор приходит ко мне.

Здесь я как-то по-особому почувствовала ответственность свою, и страх от души отошёл. А с чего это мне о страхе мысли в голову пришли? Может, устала, ведь за эти дни мне пришлось постоянно поддерживать эту смешную девчонку по имени Диана. Выехала семнадцатилетней без мамки, одна, да ещё на море, на Кавказ, где «каждый второй грузин мэчтает о такой дэвушке», и, наверно, внутри её от этой самостоятельности страх все время сидел и подсознательно мне передался. Потому ни на шаг от меня и не отходила, всё время рядом была... Прошли эти две недели отдыха, и вновь она вернётся домой, под мамино крылышко... Вот и я к своим деткам и мужу спешу. Всё, отдохнула, отмучившись сезоном бархатным, – и в дорогу пора. Помогай мне, Господи».

Поверила, что всё у меня в жизни и дальше будет хорошо

От Москвы до своего Железнодорожного Елена добиралась на электричке. Сидела вместе с красивой, в годах, женщиной, познакомились. Женщину звали Ольгой. Они разговорились. Видимо, Ольге очень хотелось высказать кому-то свою боль, и в лице Елены она нашла внимательного, понятливого собеседника. Спросила, сколько Елене лет, и когда та сказала, что пошёл уже тридцатый, улыбнувшись, произнесла:

– Не УЖЕ Леночка, а ЕЩЁ! Вот мне в этом ноябре точно уже шестьдесят исполнится, и вроде не совсем ещё древняя старуха, а если честно, интереса к жизни совсем не осталось.

– Это как же так случилось, что интерес исчез? – спросила сочувственно Елена.

– Первый мой муж, а вернее, только жених, перед самой свадьбой разбился. Спешил ко мне на мотоцикле и... разбился... А я уже беременной от него была...

– Простите, Ольга, а почему Вы сказали сначала муж, а потом оговорились, что он был Вам только жених? – спросила удивлённо Елена.

– Моя мать была первым секретарем Райкома партии в городе, где мы жили, но несмотря на свою партийность, и она была женщиной и согрешила с одним областным партийцем. Поздно спохватилась, что забеременела мной, аборт уже не сделать, родила меня и всей душой невзлюбила, потому как моё рождение карьеру ей испортило. А когда мой жених разбился, она, прознав про мою беременность, стала заставлять меня сделать аборт. Прямо изводила своими криками и угрозами, что, если рожу, она мне больше не мать. Спас меня от её домогательств отец моего жениха. Он договорился с работницей ЗАГСа, чтобы она расписала меня с его погибшим сыном за день до его гибели. Так моя дочь получила имя и фамилию своего отца. Родилась она пять двести – настоящий богатырь, разорвав меня при рождении в клочья. Врачи мне столько швов наложили, что не сосчитать! Прошло лет пять, и я встретила замечательного мужчину, будущего моего мужа, которого полюбила всей душой. А он полюбил и меня, и мою дочь, а по прошествии времени я ему родила дочь и сына. Мы уехали жить на Север, в Мурманск, муж в море ходил, хорошо зарабатывал. Я тоже устроилась работать в Рыбный порт на хорошую должность. Работала в отделе кадров. Жили душа в душу, дети подрастали, и тут случилась беда – муж умер. Отметила, как положено, девять дней, и снится мне сон. Будто сидим мы с мужем в каком-то домике на берегу озера и разговариваем. Я рассказываю ему, как мне плохо и одиноко без него жить, прошу с собой забрать... Он мне, мол, ещё время моё не пришло... Мол, когда женится мой младший сын и я подержу на руках нашего с ним внука, тогда он за мной, если я всё ещё буду хотеть быть с ним, возможно, и придёт. Заберёт, если готова буду за ним пойти.

Старшая дочь моя замуж вышла и переехала жить в город Железнодорожный, упростила и меня переехать поближе к ней. Там я устроилась работать в автопарк, ездила на автобусе кондуктором... Однажды ко мне в автобус подсел мужчина, показавший удостоверение моряка, и попросил проехаться бесплатно. Я не обратила на него никакого внимания. Он проехал с нами один круг, затем что-то переговорил с водителем и поехал на второй. У меня рабочий день закончился, но ещё нужно было подсчитать выручку, сдать деньги, расписаться в ведомости, а заодно написать заявление на отпуск, и вышла я из автопарка спустя два часа после смены. Подошла к остановке автобуса, смотрю – там мужчина какой-то стоит в светло-сером костюме и с большим букетом цветов. Подумала – наверно, едет к своей любимой, коль такой букет цветов купил. Лицо мужчины я не разглядела, обратила внимание только на его костюм – и цвет приятный, и очень красиво пошит. Мой муж всегда в серых костюмах ходил. Села в автобус, доехала до своей остановки, гляжу боковым зрением – выходит за мной и этот «серый костюм» с букетом. А затем догоняет меня и говорит:

– Ольга, я всё о вас знаю. Выходите за меня замуж, – и протягивает эти самые цветы мне.

Только тут я его и разглядела. Мужественное лицо, глубокие серые глаза и очень на моего умершего мужа похож, я даже сначала растерялась, почудилось, что он передо мной стоит. Сначала сказала, что не нужен мне ни он, ни его цветы, но затем он всё же зашёл ко мне в дом и не один, а со своим маленьким сыном...

– Так вы, Ольга, за него замуж вышли? – спросила с волнением за судьбу женщины Елена.

– Ну да, вышла, сына его приняла, как своего, мои родные-то уже подросли, теперь вот и младшенький подрастает, уже девушек начал обхаживать...

– А почему же в глазах ваших такая печаль? – спросила Елена. – Или с мужем что-то нехорошо?

– Нет, слава Богу, с ним всё нормально, и любит меня. Дети мои к нему уважительно относятся, рады, что я не одна, только вот поселилась в душе моей тревога. Прежний-то муж обещал прийти за мной, когда младший сын мне внука подарит, думаю не за горами это...

– Нет, нет, Ольга, он Вам сказал, что заберёт Вас, если Вы будете готовы к нему уйти. А Вы готовы?

– Если честно, нет. Мне иногда даже кажется, что он и не умирал совсем, а в облике нового мужа живёт, и я вновь так счастлива с ним, что никуда не хочу уходить...

– А может, он к Вам и пришёл в облике этого человека, чтобы скрасить Ваше одиночество и старость. Не стоит думать о плохом, берегите хорошее и проживёте до глубокой старости, – как-то радостно, с оптимизмом сказала Елена. – Мне почему-то верится, что у Вас всё будет хорошо...

– Скоро уже подъезжаем, – произнесла, улыбаясь, Ольга. – Удивительно: Вы, Леночка, такая молодая ещё, а сумели мне, взрослой женщине, радость жизни в душу вдохнуть. Рассказала Вам – и как-то легче на душе стало, поверила, что всё у меня в жизни и дальше будет хорошо. Надеюсь, встретимся ещё в городе, а вообще черкну-ка я Вам свой адрес, приходите в гости, рада буду...

Она достала из сумочки записную книжку и написала Елене свой адрес. Елена сказала, что при случае непременно к ней зайдёт, на том они и расстались...

Сон – река жизни

В декабре 1992-го Валентине приснился сон, будто она с каким-то режиссёром стоит на берегу реки. На самом деле, такой реки наяву она никогда не видела. И идёт будто ледоход, видит пороги, но при этом река остаётся немутной, хотя и бурляще-кипящей. Режиссёр ей поясняет, что им нужно отснять сцену, как по этой реке лодка плывёт. Валентина ему говорит, что с этой рекой может справиться только один человек – её отец, и отправляется на его поиски. Картина меняется. Она вновь стоит с режиссёром и как на ладони видит родное Светлое с бурлящей рекой. И признаётся режиссёру, что в юности она мечтала стать актрисой, а стала, как он – режиссёром. Будто хотела жить в большом городе, и только живя здесь, понимает, что это и есть её жизнь, полнокровная, как эта река, неотделимая от этого края. В городе люди точно играют в жизнь, а настоящая она проходит только на лоне природы, и теперь Валентина никогда не оставит своё Светлое и эту реку... И ещё она поняла, что в фильме режиссёра она будет играть главную роль, на том и проснулась...

«Люблю тебя сейчас»

Валентина забежала к Светлане и взволнованно стала приглашать её на спектакль:

– Представляешь, только узнала: к нам в Светлое спектакль-концерт с Таганки привезли «Люблю тебя сейчас» по мотивам книги Марины Влади «Владимир, или прерванный полёт», пойдём, а?

– Жаль, Глеб на работе, а вот отцу, если подождёшь, позвоню, чтобы тоже в ДК шел. Он не простит мне, если не приглашу его, – сказала радостно Светлана.

Естественно, Михаил Савельевич тут же откликнулся, сказав, что будет их ждать у входа.

Ещё издали они увидели его, размахивающего билетами. Подойдя, Светлана спросила:

– Папуль, не далеко взял-то?

– Как оказалось, дочка, мест полно. Всего-то билетов пятьдесят и продали, и это при наполняемости нашего Дома культуры в 450 мест. Не пойму: на разные концертишки зал битком набит, а на вещь стоящую, заставляющую думать, душу словом очищающую, идёт только горстка людей. Или истинные чувства сейчас не в цене? Как же мы сегодня все себя обделяем!

– Ой, Михаил Савельевич, если об этом голову ломать, то и жить не захочется, – произнесла с грустинкой в голосе Валентина. – Слава Богу, что мне наши парни-афганцы в общезитии про этот спектакль сказали. Программка-то есть?

– Да, купил. Держите вот. Я уж изучил её. Играют Любовь Чиркова и Валерий Черняев...

Спектакль прошёл на одном дыхании. Видно было, что актёры и сами светились любовью, а не только играли любовь Высоцкого и Влади. Светлана и Елена иногда утирали накатывающиеся слёзы, а Михаил Савельевич после спектакля, прокашлявшись, тихо произнёс:

– Душевно... В самое сердце попали...

Сон - кинолента с портретами

Осенью 1992 года Светлане приснился сон, который она тут же записала в дневник: *«Я находилась вместе с людьми в какой-то комнате и рассматривала красиво изданную Детскую Библию. При этом меня всё время не покидало чувство чего-то приближающегося и очень необычного. И тут на тёмном фоне неба в окне я увидела светящийся столб, устремлённый из земли вверх. По обе его стороны медленно плыли две планеты. Я знала, что это была земля, устремлённая вверх, только почему-то она была точно в зеркальном отражении и одна шла выше другой. Всё было в цвете. А затем параллельно столбу и земле появилась кинолента портретов известных в России людей, только уже в чёрно-белом изображении. Портреты, как и планеты, плыли вверх с обеих сторон. Их было очень много. На одной из кинолент я увидела портреты Виктора Цоя, Игоря Талькова – это те, что врезались в память. Они поднимались вверх справа. Слева отметила Василия Шукшина, Владимира Высоцкого, искренне радуясь, что и он идёт к свету. Вот как любит его Бог! И тут мысль моя задержалась*

на портрете Сергея Есенина. Он тоже плыл вверх, а за ним портреты ещё многих и многих людей, а я неустанно, восторженно повторяла про себя: «Сергей Есенин! Сергей Есенин! Он тоже к Богу идёт! «Затем во мне мелькнула новая мысль: «А ведь этот столб и кометы из Детской Библии»... И картинка сменилась».

«Надо будет сон этот Валентине рассказать», – подумала Светлана.

Встреча на дискотеке

Увидев в марте 1993 года в общежитии на вечере отдыха Сергея Ратника, Валентина тут же подошла к нему. Он здесь не жил, но частенько наведывался к своим друзьям, с которыми его связывала большая дружба как по Афганистану, так и по работе. Он сидел чуть выпивший, игнорируя танцы и танцующих. Его угольно-черные глаза были затянuty точно пеленой, и чувствовалось, что смотря на прыгающую молодёжь, он никого и ничего не видит перед собой. Когда же вдруг Валентина выросла перед ним, Сергей, скорее почувствовав это, нежели увидев, тут же остановил на ней свой сумрачный взгляд. Валентина наблюдала, как он медленно выходил из своей угрюмой задумчивости. Наконец в омутовой бездне его глаз промелькнула искра жизни. На лице появилось подобие улыбки. Валентина поняла, что узнана. И решила поздороваться первой:

– Ну, здравствуй, Сергей Ратник. Давненько я тебя у нас не видела.

– А, Валентина свет, здравствуйте... Рад, что Вы ещё помните меня, – протянул он, затем, будто спохватившись, предложил. – Присаживайтесь, если работягой не брезгуете...

– Благодарю, – сказала она и присела рядом.

Он частенько называл её так, перед отчеством добавляя приставкой слово «свет», хотя разница в их возрасте была совсем небольшая, можно было перейти и на «ты» и без отчества, но субординация требовала, и он уважительно подчинялся ей.

Однажды увидев его, Валентина почему-то уже не переставала думать об этом парне. Какое-то время сидели молча, он, опустив низко тяжёлую голову, она, наблюдая за танцующими. Чтобы нарушить затянувшееся молчание, спросила:

– Почему не танцуешь?

– Да я не на танцы пришёл. Думал Кузнеца с Ерёмой застать, а они куда-то ушли. Вот зашёл сюда подождать.

– Понятно...

Валентине показалось, что разговор не клеится:

– Давно сидишь?

– Минут двадцать, а что?

– Да нет, ничего. Просто хотела спросить: а заметил ли ты, Серёжа, как по-разному люди танцуют? Одни в танце активны, уверенны в себе, другие будто амёбы – нет в них ни чувства, ни жизни, а третьи точно повинность танцевальную несут.

Ратник внимательнее стал присматриваться к танцующим. Затем перевёл свой взгляд на неё, и Валентина впервые увидела так близко лицо Сергея: его упрямый широкий лоб, обрамлённый чёрными с серебром волосами, прямой, римского типа нос, от крыльев которого к губам отходили две резкие складки, что придавало его

лицу суровую мужественность. Но самым восхитительным на этом красивом, чуть смуглом лице были большие чёрные глаза с длинными, густыми ресницами, которым позавидовала бы любая девчонка, придающими глазам Ратника ещё большую выразительность и глубину. Глядя в эти глаза, Валентина поймала себя на мысли, что могла бы любоваться ими бесконечно. Он смотрел так, словно хотел проникнуть в самую глубину её души, найти в ней опору и поддержку его изболевшей душе. И ей подумалось: сколько же в этих глазах затаённой печали, замешанной на тоске и одиночестве! Когда же Сергей заговорил, удивилась похожести их мыслей:

– А знаете ли, Валентина свет Алексеевна, что Вы вся в Ваших глазах? Я помню, как впервые увидел эти Ваши глаза... Мы тогда с ребятами в 208-й собрались на 25-летие Кузнецца пиво попить, и тут вошли Вы с глазами, в которых одновременно было много жизни, мудрости и тоски. Представились новой воспитательницей и прочли нам стихи. Это было так удивительно потрясающе! А я ведь потом в библиотеке нашёл это Ваше стихотворение Левитанского «Молитва о возвращении», что Вы мне читали, списал и всегда его с собой ношу, как напоминание о той встрече. До Вас воспитательницы, что работали здесь, если и заглядывали в комнаты к жильцам, то обязательно с каким-нибудь нагоняем или проверкой, а Вы – со стихами... Мы пили пиво и слушали, как Вы читали. Душевно... Я таких стихов в своей жизни никогда и не слышал. Нет, Вы были совсем непохожи на предыдущих воспитателей этого общежития, точно. Признаюсь, я тогда сразу влюбился в Ваши глаза.

– Это, Серёжа, звучит прямо как комплимент, – улыбнулась она.

– Нет, правда, – говорил, распаясь, парень, и она видела, как с этим откровением приходит к нему и вкус к жизни, какой-то неподдельный восторг ею, Валентиной. – Когда я слушал стихи, мне казалось, что читают их Ваши глаза. И я стал приходить в общежитие уже в большей степени, чтобы увидеть Вас, но всегда боялся Вам в этом признаться. Да и сегодня, теперь уже признаюсь, пришёл не так к парням, как к Вам, зная, что непременно будете на дискотеке дежурить.

Сказал это мягко и доверчиво улыбнулся ей.

– Я очень рада, Серёжа, что смогла тогда задеть какие-то глубинные струны твоей души, но ведь ты так молод! У тебя всё впереди, оглянись, сколько выразительных глаз молодых девушек существует вокруг. Ты только не пей – и сразу сумеешь разглядеть их. У каждого человека наступает момент истины, когда надо обязательно остановиться и разобраться со своей жизнью, мыслями... – подумала и добавила, – и с женщинами тоже...

– Были бы женщины, Валентина свет, а то одни «Чай, кофе – потанцуем, пиво, водка – полежим», – с горечью произнёс он, нисколько не смутившись. – Больше попадают дуры. Пустые, как пробки. И если честно, я так устал от них... А хочется просто быть кому-нибудь по-настоящему нужным... – помедлил и откровенно добавил. – Вот, например, Вам...

Валентина сделала вид, что последней фразы не расслышала, и сказала:

– Что насчёт «дур» и «пробок», так тебе попадают те, которых ты сам и выбираешь. Ведь женщины, Серёжа, такие же разные, как и мужчины.

– Может, Вы и правы, – сказал он почти обречённо.

Зазвучала музыка медленного танца.

– Потанцуете со мной? – вдруг предложил он.

– Почему бы нет! – согласилась она.

Он нежно и в то же время крепко прижал её к себе. Может быть, слишком близко, но это не было ей неприятно. Танцевали молча. Она чувствовала, как он прижимался лицом к её волосам, чувствовала его дыхание на своей щеке, что показалось ей слишком интимным для танца на подобной дискотеке, где она находилась не просто как одна из её участниц, а в качестве воспитателя. И чуть отстранилась. Ей было нестерпимо больно за этого парня, прошедшего Афганистан, молодого и красивого, но уже с преждевременной проседью в чёрной шевелюре волос. За свою жизнь она встречала много красивых мужчин, но красота ни одного из них так не притягивала, как этого, с примесью чего-то завораживающе-трагичного.

Помнила, как в одну из первых их встреч спросила про Афганистан и даже испугалась, увидев, как стали наполняться слезами его глаза, точно кто-то наполнял пустые ведра водой, до самого краешка, но ни одна капля из них так и не выплеснулась наружу.

– О нём нечего рассказывать, – резко оборвал он её попытки узнать о том времени его жизни. – Кроме боли, трупов и дикого звериного страха там не было ничего.

И всё же от друзей Ратника Валентина узнала: за афганскую войну Сергей имел награды. Был смелым и дерзким разведчиком. А один из его друзей признался, что обязан ему жизнью. Раненый Ратник вытащил обгоревшего товарища из подбитого БТРа, а затем волок его на себе несколько километров, истекая кровью, пока их не обнаружили свои.

На этой войне они, безусые ещё, сопливые мальчишки, попавшие туда не по своей воле, мужали, крепчали телом, но... и впитывали в свои души огромную боль разочарований... Спасала только вера в настоящую мужскую дружбу. Может, поэтому размеренную жизнь дома многие из них долгое время не могли ни принять, ни понять и терялись в ней, словно слепые котят. И вся жизнь после Афганистана в России представлялась им, особенно первое время, точно из кривого зеркала: полная притворства и игры. Отсюда они все такие разные. Кто-то сломленный, купленный деньгами и властью, стал обрастать сальцем, жиреть; кто-то, используя свои навыки стрельбы, пошёл в криминал; а кто-то, как Сергей, чтобы спрятать свою боль, начинал пить.

Медленный танец закончился, но Сергей удержал её.

– Потанцуем ещё?

Он произнёс эти слова больше как утверждение, нежели вопрос. И она сразу подчинилась воле молодого мужчины.

Зазвучала музыка быстрого танца. Они стали двигаться ей в такт. Теперь их разделяло расстояние, хотя Сергей и не давал ей полную свободу, удерживая рядом за одну руку. Может, от задорной песни, а может, от внимания Сергея Валентине сделалось весело, и она, радостно смотря на своего кавалера, заулыбалась ему. Так они и танцевали, глядя друг другу в глаза. И он как бы между прочим, близко наклонившись к её уху, чувственно прошептал:

– А ведь Вы, Валентина свет, ведьма!

Эти слова ещё больше развеселили её, и она, так же близко приблизившись к нему, спросила:

– А знаешь ли ты, Сергей, что такое ведьма? – и, не ожидая ответа, договорила.
– От слова «ведать», знать что-то такое, чего не знают другие.

Эта их нечаянная игра глаза в глаза походила на некую словесную дуэль.

– Вот потому-то Вы и интересны мне так, – теперь уже сказал он. – И знаете, что ещё? Я заметил: Ваши глаза в зависимости от настроения и состояния меняют цвет. Когда мы сидели, они казались мне серо-синими, с тёмным бархатистым оттенком, а сейчас в них появилось много зелени и огня, с чего бы это?

– Наверно, в детстве меня опоили ведьминским напитком. Не боишься, что возьму и заколдую тебя? – весело произнесла Валентина.

– Только рад буду, – подхватывая её тон, ответил Сергей.

Рядом с ними запрыгала хорошо подвыпившая девица, приглашённая на дискотеку кем-то из общежитских жильцов. Валентина уже давно заметила, как она стреляла глазами в Сергея, а затем, нарочно сильно вильнув бедром, оттолкнула её от него, стараясь оттеснить подальше. Возмущённый Сергей, прошипев ей ругательство, тут же загородил Валентину собой, чтобы больше уже им никто не мешал танцевать.

– Пьяная шалава, – произнёс зло.

– Зачем же так грубо, Сережа? Может, девушка это не нарочно сделала. В быстрых танцах всегда кто-то кого-то толкает, – постаралась смягчить ситуацию она.

– Эта не нарочно? Эх, Валентина свет, вы слишком хорошо о людях думаете. Приглядитесь... Ну что она передо мной подолом машет, задирает его выше крыши, будто у неё под ним не то же самое, что и у остальных баб?

Только когда до Сергея дошёл смысл произнесённых им слов, он стал извиняться:

– Ради Бога, Валентина свет Алексеевна, простите за грубость. Самому противно, что совсем разучился сдерживать себя. Только вот такие, как эта, они не понимают: мужикам в женщине гораздо интереснее, когда все спрятано, тайное. Вы думаете, что ей от меня надо? Переспать... А дальше? Ведь её не нужно завоёвывать, протяни руку – и она твоя, а хитрость в том, что дорого только завоёванное, подчас даже ценой жизни, как в Афгане. Там отвоюешь у судьбы жизнь на день – и ценишь её. А она мне подолом трясёт...

Подвыпившая девица, видимо, явилась последней отравляющей каплей в его настроении, присовокупленной к выпитому вину и духоте зала. Заметив это, Валентина предложила:

– Может, выйдем на несколько минут воздухом подышать? Здесь так душно!

– Наверно, – согласился Сергей.

Она по изменившемуся настроению его поняла, что та лёгкость в общении, которой они достигли в начале быстрого танца, безвозвратно потеряна.

– Вот Вы скажите мне, – начал он совершенно другим тоном их разговор на улице, – разве такая может понять чувства солдата, которому хочется зарыться поглубже в песок, как кроту от испепеляющего чужого солнца, не слышать рвущихся повсюду снарядов и воплей истязаемых друзей? А в минуты затишья сдавливать в глотке вой от тоски по дому, матери, любимой... Совершенно не зная, что она уже давно с другим... Может, через час тебя ранят, или того хуже – превратившись в «ноль двадцать первого», отлетит от взрыва в сторону твоя рука, голова, и ребятам

придётся собирать твои останки по частям, чтоб затем с горячим приветом в цинковом гробу «грузом двести» отослать на родину...

Такая даже представить не может, что молодой, здоровый парень за несколько минут может лишиться рассудка, видя, как «духи» на его глазах начинают расчленять ещё живых его товарищей, а его самого, увешивая как новогоднюю ёлку их головами, отпустят с угрызениями совести, что остался жить, к своим. Или когда те, кто, отбыв свой положенный срок и вскочив, счастливые, в «вертушку», при наборе высоты вдруг взрываются на твоих глазах, разлетаясь фейерверком огненных брызг...

Что такая может о жизни знать? Как вдали от дома, на чужой стороне, как на чужой планете, впервые со вкусом крови к тебе остро приходит вкус к жизни? Как раздражает душу мысль о том, что хотя бы ещё раз, одним глазком увидеть мать, отца... И как, возвратившись домой, в глазах самых близких людей ты не находишь понимания и бежишь из родного дома к чёрту на кулички, лишь бы не быть в их глазах тяжело больным, не слышать по ночам материнский плач и крик отца... Они были в сотни раз ближе и роднее там, в Афгане, а здесь, рядом, почему-то стали совсем чужими тебе...

Слушая это, Валентина думала, что он говорит сейчас вовсе не с ней, видит не её, но она ошибалась.

– Я ведь помню, Валентина свет, как Вы тогда спросили меня про Афган. Тогда я не знал Вас и потому не хотел говорить о том, что болит. Да, я пью... Много пью, чтобы забыться, чтобы не слышать во снах взрывы снарядов и крики друзей, чтобы хоть одну ночь, но без Афгана... – и, криво усмехнувшись, добавил, – а она мне подлом трясёт...

Взгляд его совсем помутнел и стал невыносимо тяжёлым, словно чем-то придавленный. Он продолжал говорить, а она молча слушала его боль, впитывала в себя, не зная, чем помочь.

– Я не знаю почему, а главное, для чего остался жив, не знаю, чем оправдать мне этот дар? Когда был там, Богу молился, тому, кого, по утверждению материалистов-политиков, в природе не существует. А там Он был ближе и роднее мне самых родных. А когда вернулся домой и однажды признался отцу, что это Бог меня спас, тот посмеялся надо мной, сказав, что в том аду, через который мне пришлось пройти, ещё и не такое может придуматься. Раз в церковь зашёл, поставил свечу, так родители, узнав, стали «дурь» эту мою из меня выколачивать, чтобы других детей, моих братьев и сестру, я бы этими религиозными настроениями не накручивал. Я даже подумать не мог, что они у меня окажутся такими яркими безбожниками, и из дома бежал. Друг по Афгану, да вы его знаете, Володька Кузнецов, в Светлое пригласил. Вот так я и оказался здесь. Теперь Вы всё обо мне знаете...

И Валентина, почувствовав, что парень наконец выговорился, предложила:

– Пойдём в зал, я всё же на работе нахожусь как-никак.

– Конечно, только с условием, что Вы хотя бы ещё какое-то время посидите со мной.

– Обязательно, а ты постарайся больше не пить, это не поможет. Таким способом не уйти ни от себя, ни от своих мыслей, – мягко добавила она.

– Если получится, – грустно произнёс он, и в зале на стул не сел, а, словно подкошенный, свалил своё тело.

Культпоход на «Калигулу»

В июле 1993 года общим собранием цеха комбината пищевой промышленности и производства напитков, сети общественного питания, где работала Елена Полякова, её избрали проффоргом и поручили организовать для работниц комбината культурное мероприятие.

Возвращаясь домой, Елена увидела на кинотеатре огромный плакат с названием исторического фильма «Калигула». Подумала, что если предложить в цеху, может, объявятся желающие пойти посмотреть. Увидев у афиши парня, записывающего время сеансов фильма, с интересом спросила:

– Молодой человек, ради Бога извините, не подскажите, фильм «Калигула» интересный? А то мне тут на комбинате поручили организовать культпоход куда-нибудь. Стоит посмотреть?

Тот, удивлённо посмотрев на неё, со смешком произнес:

– Фильм?! Потрясный!!! На него только культпоходом и ходить. Я вот уже третий раз смотреть иду. Да поспешите, а то ещё денька два покрутят и в другой город отправят.

Елена слова парня приняла за чистую монету и, придя на следующий день на работу, рассказала о фильме в цеху. Нашлось человек двенадцать желающих, даже старейшая сотрудница цеха, шестидесятилетняя Мария Ильинична, все ещё работающая пенсионерка, и та сдала Елене деньги на билет. Договорились, что идут сразу после работы на сеанс. Когда Елена заглянула в кассу кинотеатра, попросив двенадцать билетов, кассир, странно взглянув, произнесла:

– Показ в малом зале...

Женщины вошли в малый зал и увидели сидящими в креслах только мужчин, которые поглядели на них с огромным любопытством, но никто не проронил ни слова.

Фильм начался, и с первых кадров Елене сразу стало как-то не по себе. До неё вдруг стал доходить смысл происходящего. Как оказалось, она привела женщин цеха на историческую извращённую порнографию... Вот почему на неё так посмотрел молодой парень у афиши, кассирша и мужчины в зале. Её лицо залила краска стыда. Рядом сидевшая шестидесятилетняя Мария Ильинична, смеясь над всем происходящим на экране, мотала головой. Мужчины и женщины удовлетворяли свою похоть, точно не люди, а живые, шевелящиеся и стонущие куски мяса... Скорее всего, она ничего подобного не видела в своей жизни. Елена наклонилась к её уху и прошептала:

– Марья Ильинична, это всё ненастоящее, это бутафорское...

– Я понимаю, Леночка, понимаю, – так же тихо откликнулась Марья Ильинична...

И тут Елену прорвал смех. Профорг называется, организовала женщинам просмотр дешёвой порнушки... Как завтра будет людям в глаза смотреть? Сотрясаясь в истерическом смехе, никак не имея сил успокоиться, она наконец не выдержала и, протиснувшись между сидящими, выскочила из зала. И дальше, уже не таясь, смеялась в голос, до слёз, до икоты... Она радовалась только одному: показ, на который они пришли, был последним. И более никто из их комбината посмотреть фильм не сможет. Постепенно стали выходить и остальные женщины её цеха. Видя Елену,

заходящуюся смехом, они тоже начали смеяться и потешаться друг над другом. А когда вышли все, договорились, что на работе скажут – фильм совершенно неинтересный, занудный, что зря только деньги потратили...

Но дня через три кто-то всё же проболтался и пошли слухи, как Полякова сводила заслуженных работников комбината на историческую порнографию... Те женщины, кто не попал на этот фильм, начинали выспрашивать у тех, кто посмотрел хоть какие-то, подробности.

У продмага

Страну лихорадило. Куда-то стали исчезать из магазинов продукты. А уж если что-то на прилавки выбрасывалось, люди, давясь в очередях, хватали всё подряд, порой далеко некачественное и просроченное... Людям перестали нормально платить заработную плату, задерживая на несколько месяцев, ввели карточную и талонную системы, как в годы войны. В карточку по женскому ассортименту входила: верхняя одежда, обувь, головной убор, блуза, платье, костюм, колготы, косметика, комплект постельного белья, джемпер, кофта, спортивный костюм, женское белье... Мужской отличался только тем, что предлагалось ещё махровое полотенце и три пары носков, примерно то же было в карточке и для детей. По телевидению одни разговоры – о голодовках, забастовках, ваучерах, приватизациях, которые в народе сразу метко прозвали прихватизациями. В 1992-м цены взлетели в 26 раз, а в 1993-м – в 10, при этом рост заработной платы вдвое отставал от роста цен.

Однажды Светлана стала свидетельницей, как собравшийся у магазина народ бурно обсуждал вынужденную обязательку в приобретении ваучеров.

– Это всё Ельцин, нынешний наш президент, Указ о приватизации издал, чтобы поскорее государственное имущество в руки предпринимателей передать, – поднимая вверх указательный палец, грубовато прокричал Степан Тарасов.

Последние годы его редко кто называл Похмельчем. После смерти друга своего Леонида он пил совсем немного, а с вводом сухого закона и совсем перестал, зато начал занудствовать и поучать всех, кто попадался на его пути:

– А вы слышали? Совхоз Светлого тоже прихватизируют. Теперь хозяевами там будут, едят тя мухи, все, кто там работает.

– Ты прав, Назарыч, прав. На все сто прав, будто до сего дня совхоз нам чужим был, – прохрипел бывший бригадир совхоза Пётр Васильевич Зайченко, – и чек в 10 тысяч рублей каждый получит.

И не было бы Светлое Светлым, если б не нашлось в нём тех, кто серьёзные разговоры, приводящие обычно к ругани и ссорам, не мог бы перевести на другие рельсы...

Якимовна Петухова, подбоченясь, пошла на Зайченко, подталкивая его своим большим животом с озорной частушкой: «Ваучер мой, ваучер, / Я тебя приобрела, / Бумажка ты безхозная, / Десятитысячная».

И хоть Зайченко пытался от сказившейся бабы, всё ж прижатым к стене магазина животом Якимовны оказался быстро. И смешно выкрикнул в народ:

– Люди добрые! Эта баба думает, она одна такая ушлая, частушку, вишь, спела! А мы тоже не лыком шиты, тожеть наслышаны их.

И что есть мочи закричал: «Десять тысяч, десять тысяч / Вы не снились раньше мне / А сегодня ваучеры / Получают все в стране!»

Видя такое дело, и другие мужики развернулись к женщинам и дали ответ. Сначала гортанным, грубоватым голосом отрывисто выкрикнул частушку постаревший за последние несколько лет трудовик школы Сан Саныч Рукавишников: «Десять тысяч на бумажке, / Только что ж они дают? / Всё равно тебя, как липку, / В государстве обдерут!» Рукавишникова подхватил Ефим Кошка – военрук школы, подав свой голос, в котором из каждого слова сквозила боль: «Ах, народ ты мой, народ, / Тебя опять подставили! / Наши «добрые тузы» / Голодать заставили». Частушки этих двух совсем не походили на хоть какое-то подобие пения, нет, это были утробные выкрики разочарованных в политике партии людей, которым по статусу школьных учителей приходилось постоянно скрывать свои мысли...

Кто-то в очереди над этим ещё и посмеялся. Да чего удивляться: в России издревле и смех, и слёзы рядом ходили. Заметив у своего продмага большую очередь, продавщица Зинка, пропихиваясь к двери, закончила этот стихийно возникший отчаянно-грустный перекрик ещё одной частушкой: «Чо нам, люди, не плясать / И чего не топать? / Только это и осталось, / Коли неча лопать!», после чего добавила:

– Чо стоим, товарищи-господа хорошие, чо ждём? Товара нет... – сказала она обречённо. – Слышала, с 1 декабря или с 1 января свободные цены будут. Если сейчас уже в Москве цены дикие, то что нам ждать? Ездил в Энск: масло – 100 рублей, конфеты «Белочка» – 500 за килограмм, сметана – 40, мясо самое дешёвое – 80-120, печенье, коим я торговала по 26 копеек, теперь 63 стоит. Если раньше человека, протягивающего мне сотенную, я богачом считала, то скажите, кто теперь из вас сможет без пятидесяти или той же сотенной ко мне в магазин зайти? И это, замечу вам, дорогие мои, при наличии товара...

– Ты что, Зинка, хочешь сказать, что у тебя и на складе ничего нет? – подал кто-то испуганный голос.

– Завтра ещё раз с завхозом в Энск едем, может, что и завезу, а на сегодняшний день остались только мыло, соль да спички, которые, говорят, даже в войну со складов не выводились, а теперь, поди, время мирное... Больше скажу – слух прошёл, что промтовары вам на обмен продуктов будут даваться. Вы мне мясо, яйцо, тушки куриные – я вам чулки, носки, полотенца разные... К чему ещё готовиться, то мне не ведомо... Как говорится, было тяжело, а стало и того хуже...

По толпе пронеслось разочарование, люди стали потихоньку расходиться, подавленные услышанным, все надеялись только на припасы, что заготовили по осени на своих огородах...

– Ну что, кинуло нас правительство России? Изъяли денежки 1961-1992 годов, а что взамен? Дали 5 000 и 10 000 рублей, а что на них купишь? Шиш с маслом, – сказал трудовик школы Рукавишников и показал кому-то неведомому большую дулю. – Я вот где-то прочёл, что Россия проКлятая страна, – сделал он особое ударение на «о».

– А кто это её проклясть мог? – спросили в толпе.

– Почём мне знать, – огрызнулся трудовик, – сын новую газету с Ленинграда привёз, вот в ней всё про нас и прописано...

– А и то верно, ни один народ никакой другой страны не пережил столько, сколько досталось на долю русскому народу, – поддержали его из толпы.

– Милые люди, не стоит заниматься разборками, – произнесла учитель литературы, – мы с вами живём в удивительную эпоху, на пограничном рубеже XX–XXI веков, а любой пограничный рубеж сопряжён с разного рода катаклизмами, что в природе, что в жизни, что в душах людей. Только представьте себе, что всего через десять лет мы все, вместе взятые, станем людьми уже не просто прошлого века, но даже прошлого тысячелетия...

– Вот это да-а! – протянула почтальонша Галина.

– Тогда нас точно нужно будет в музеи древности списывать, только до того дожить нужно. А жива душа ещё сегодня калачика хочет, – засмеялась Якимовна. – Что касается страны в целом, может быть, России и досталось больше многих, но то, что и в других странах полно слёз, это мы теперь прекрасно знаем! Правда, бабы? – произнесла Якимовна.

– Это точно, – подтвердила почтальонша Галина. Вон как юной Марианне достаётся в фильме-то. И мать она потеряла, и отец инвалид умер, и богатое ранчо оказалось в руках мачехи, которая её на улицу выкинула...

– А что там у неё дело с Дон Альбертом-то, к свадьбе идёт? – спросила Зинка. – Я уж которую серию пропускаю...

И сразу разговор, как по мановению незримой волшебной палочки, перескочил на сериал «Богатые тоже плачут». Светлана уже не однажды видела, как переключившиеся на сериал люди тут же забывали свои трудности и начинали сострадать героине – мексиканке Марианне. В библиотеке женщины так же, как сейчас в очереди, начинали обсуждать героев и актрису Веронику Кастро, которая своей красотой всех просто очаровала. Они узнали, что в сериале 248 серий и конца ему ещё не видно, так что на ближайшее время эта сказка будет прекрасным психотерапевтическим средством от стрессов гораздо более сильных, чем те, что происходили на данный момент в России.

Но более интересна ей была мысль, высказанная в очереди её учительницей, и Светлане подумалось, как точно она охарактеризовала их время. Вот значит отчего в душах людей сейчас брожение идёт – мы все, оказалось, стоим на пограничном рубеже! Оттого в последние годы намешалось столько разного! Светлана спорила с теми, кто последнее время особо увлекался телевизионными сеансами Кашпировского и Алана Чумака, объясняла, что они не дают людям энергии, не заряжают воду, а занимаются только зомбированием их, подчинением себе, вселяя в их мысли разброд и шатания. Разве Христос проводил сеансы лечения сразу тысяч людей с разной энергетикой, мыслями, взглядами, букетами болезней? Это ей уже Прасковья Ильинична растолковала. В писании сказано, что он излечивал человека своим прикосновением, взглядом, один на один... А Чумак с Кашпировским точно не от Господа...

– Светочка, вижу, о чём-то крепко задумалась, домой-то идёшь? Нам по пути, могу составить компанию, – обняв её за плечи, предложила Шишкина.

– Да вот, над вашими словами, Людмила Николаевна задумалась, – сказала Светлана, бывшей своей учительнице по литературе. – Надо же, ведь получается, что переход из одного столетия, а тем более из одного тысячелетия в другое далеко

не всем поколениям людей свойственнен. Знаете, нам тут из Новгородской области родственница неиспользованный мартовский талон на полкило хлеба прислала на память об этом времени.

– Значит, Светочка, мы ещё хорошо живём, у нас пока на хлеб талонов не вво-
дилось... Ты не веришь, но это время напоминает мне голодный 1947 год. Только
тогда время было послевоенное, все города в разрухе... Наше Светлое селом ещё
прозывалось. Мама моя у меня тоже учительницей была, отец на фронте погиб, хо-
зяйства мы не держали и потому с мамой сильно голодали. Мне девять лет, и вот
мама отправила меня в деревню к нашей родне, чтоб хотя бы картошечки раздо-
бить. Иду я по дороге с первым снежком и вижу – от неё куда-то в сторону следы
сворачивают, ну и пошла по ним. Дошла до заброшенного домишки, осмотрелась,
вокруг никого, зашла. А там в одном углу коробки сложены и от них вкусный за-
пах идёт. Не удержалась, раскрыла одну аккуратно и увидела печенье, что за свою
жизнь раза три и пробовала. Взяла одно в руки, нюхаю, а оно такое ароматное...
Сначала лизнула, а потом, не выдержав искушения, стала есть... Казалось, ничего
вкуснее его не пробовала... Не заметила, как съела несколько штук. И только по-
сле спохватилась – чужое ведь... И всё же не удержалась, прихватила с собой ещё
две печенюшки, чтобы маму угостить. Сходила в деревню, родственники мне с ки-
лограмм картошки дали, и вернулась домой. Протягиваю маме печенье, а она со
страхом мне: «Откуда взяла?» Я недолго думая тут же соврала, что в деревне тё-
тянька-продащица угостила. Мама печенье есть не стала, мне оставила. А я ещё
дня три втайне ходила к домишке тому, лакомясь сладостями. В других коробках
там конфеты оказались... Однако меня так и распирало кому-то рассказать. Не вы-
держала, проболталась подружке своей Альбине, а та, попробовав вкусности, тоже
проболталась кому-то... Так тайное наружу и выплыло. Милиция стала разбирать-
ся и выяснила, что это Альбинин старший брат со своими друзьями магазин на
станции ограбил... В тюрьму его посадили... Альбина не могла простить, что своей
несдержанностью брата сгубила. Он затем ещё несколько раз попадался, а потом и
вообще сгинул, жив или нет – никто не знает...

– А что с Альбиной стало? – спросила с сочувствием Светлана.

– В Светлом живёт, в общежитии работает. Иногда встречаемся с ней, вспоминаем
детство своё... Ну вот за разговорами к дому моему и подошли. Спасибо, что проводила.

– Это вам, Людмила Николаевна, спасибо за рассказ, приходите в библиотеку, у
нас новые поступления книг и журналов пришли, – сказала Светлана.

– Обязательно зайду...

Разговор в электричке

На работе в августе 1993-го Светлана взяла профсоюзную путёвку в Сестрорец-
кий санаторий, чтобы поправить здоровье. Беспокоясь, что у жены стали появлять-
ся частые желудочные колики, Глеб настоял на лечении.

Природа на курорте восхищала: сосны пиками в небо упираются вокруг санато-
рия, Финский залив, минеральные воды... В свободные от процедур дни Светлана вы-
езжала в Ленинград, чтобы купить обновы детям, подарки Глебу, родителям. Суббот-
ний день, собрал в электричке много людей. Коренные ленинградцы ехали на дачи.

Безногий парень, передвигаясь на самодельной коляске по вагону, надрывно пел частушки, на его коленях лежала кепка с монетами. Жалостливый русский народ как мог поддерживал инвалида афганской войны. Частушки пел всякие, в том числе и об особо наболевшем: «Космонавты ЭС-ЭС-Эра / Полетели на Луну. / Возвращаются с Луны – / А Советской нет страны»...

На одной из станций к Светлане подседа женщина с дочкой, разговорились. Светлана сказала ей, что едет до станции «Курорт», та похвалила место. Незаметно разговор перешёл на политику, правление Горбачёва. То, что происходило в последние годы в стране, никого не могло оставить равнодушным. И несмотря на разность в возрасте, точки соприкосновения нашлись. У Галины Ивановны, как звали спутницу Светланы, за спиной имелся богатейший жизненный опыт смены одних правителей другими. Светлана же была воспитана в духе патриотизма и оптимизма и, несмотря ни на что, с верой взирала в светлое будущее. Правда, эта вера и у неё в последнее время начинала как-то подтаивать на глазах, все более уступая место тревоге за будущее детей. Галина Ивановна, вздыхая, произнесла:

– Все-таки согласитесь, Светочка, варварски наше правительство относится к собственной стране и народу. Цифры говорят за себя: за годы войны добра разбазарено было на 640 миллионов, а теперь 600 миллионов в год в трубу летит.

Светлана поразились, с какой уверенностью женщина называла эти цифры. Сама же ничего подобного сказать не могла, но то, какой жизнь становилась в Светлом, видела прекрасно. Годами под открытым небом стояло совершенно новенькое оборудование, непонятно по каким причинам не востребованное городом, росли свалки цветного металла, когда на Западе, кто ездил по путёвкам, рассказывали, на переработку даже пластмассовые бутылки сдаются. Пусты на нашу свалку иностранца – вмиг бы разбогател.

А Галина Ивановна все рассуждала:

– Нет, понятно, что экономическая политика иногда требует повышения цен на продукты питания и прочие, но зачем же так лихорадить людей? Ведь посмотрите – полки наших магазинов совершенно пустыми стоят! Люди хватают всё что ни попадя, как перед большим голодом. И вот что обидно: ну пройдёт это самое повышение, а продукты качественнее не станут.

– Вы правы, правы, – согласилась со своей собеседницей Светлана.

– Конечно, права. Многие ленинградцы согласны платить за кило картошки и рубль, и полтора, но чтоб каждая картофелина в дело шла, а не в отброс. Сейчас у нас из пяти купленных килограммов выбрать можно только на раз для приготовления еды. И работниц хранилищ не обвинишь, потому, как эти самые хранилища строили заведомо не предусмотренными для хранения. Нас как-то раз от работы посылали в них картошку перевыбирать. Вонь стоит – задохнуться можно! Картофель кучами навален прямо на бетонный пол – вот и всё хранение. В стране нет хозяина, а Горбачёв с его верхушкой и вообще разорят страну, будем мы тогда кормушкой для других стран.

– Мне тут подруга говорила, что ей её знакомые с Севера писали, как там дети скидываются по четыре-пять рублей, чтобы яблоко купить... – заметила Светлана.

– А я тут своим из сахара петушков варила, чтобы в детский сад на день рождения

хоть что-нибудь принести детей угостить. Как-то в Светлом, где мы живём, совсем конфеты повывелись...

– Вы знаете, Светонька, я уже много раз бралась за перо, чтобы написать куда следует, но, видно, не дал мне Бог таланта доходчиво и понятно все изложить, как говорится, ума палата, да ключ потерян, а так порой и подмывает...

– Надо писать. И о бесхозяйственности, и о гонке цен, и о том, что сейчас из России лучшие люди страны за рубеж уезжают, люди науки, культуры... Интеллигенция вновь, как в 20-х годах, стала родину покидать. При всей теперешней гласности, оказывается, им совсем несладко живётся здесь. Вы знаете, после того, как пошло течение видеофильмов о жизни Запада, мне вдруг резко стало бросаться в глаза наше отставание от них. Хотя Запад не пример и не панацея, но всё же. Интеллект у большинства нашего народа сейчас скудненький, ниже среднего, силы никакой, умения защитить себя или близких нет, знаний тоже, только в сказках и остались непобедимые русичи-богатыри.

– Да уж, растеряли мы свою гордость и за нацию, и за страну. Посмотрите, как люди других национальностей в России живут, друг за друга стоят, а русский человек давно не имеет своего лица, растворился в четырнадцати республиках, влил не жалея свою кровь во всех и не заметил, как сам обескровился...

Галина Ивановна вздохнула и произнесла, улыбнувшись одними глазами:

– Единственное хорошо, что русским старинным городам вернули их прежние имена. Слышали, что Горький вновь стал Нижним Новгородом, Калинин – Тверью, Андропов – Рыбинском, Куйбышев – Самарой, Брежнев – Набережными Челнами?

– А ещё вы забыли о том факте вспомнить, милые дамы, – подал вдруг голос мужчина, сидевший рядом со Светланой, – коль уж Брежнева вспомнили, что многие годы люди у нас размножались аплодисментами и рукопожатиями, а целоваться было привилегией только высшего эшелона.

Сказал и громко засмеялся...

«Следующая станция «Лисий нос», – сообщил голос из микрофона.

– Ну вот, – произнесла, улыбаясь, Галина Иванова, – моя станция.

– Мне очень приятно было пообщаться с Вами, – улыбнулась ей Светлана.

– Света, скажите, а в каком корпусе Вы живете?

– Во втором, – не понимая, зачем ей это надо, – машинально произнесла Светлана.

– Прекрасно, я обязательно привезу Вашим деточкам гостинца ленинградского.

– Да ну что вы, не стоит беспокоиться, – запротестовала Светлана.

На следующий день её и правда вызвали из комнаты и Света вновь увидела свою вчерашнюю спутницу. Галина Ивановна привезла ей четыре большие конфеты «Гулливер» и с полкило «Зоологических» в красивых ярких фантиках, на которых были изображены разные животные и звери. Светлана решила за всё это богатство заплатить, но Галина Ивановна оскорбилась.

– Зачем обижаете? У меня тут юбилей недавно был, так мне друзья чего только не надали! И конфет в том числе. А я их совсем не ем. Так что пусть Ваши детки и близкие едят за моё здоровье, договорились?

Светлана поняла, что бывшую блокадницу не стоило обижать отказом, и с радостью приняла гостинец. Поднялись в номер. Налив в литровую банку воды и опустив в неё кипятильник, Света стала собирать что было к чаю на стол.

– Вот и Ваши конфетки пригодятся. Я с такими фантиками и не видела, даже свинки на них изображены!

– Да-да, замечательные животные, скажу я Вам. А какие умные – и не передать! Мы с мужем держали одну дома у себя в квартире, так она нам точно родное дитя была...

Света удивилась и решила переспросить:

– А что, у Вас дом на нескольких хозяев?

– Да откуда! Мы с мужем в пятиэтажке живём, на третьем этаже, там свинку и держали.

– Такого я ещё не слышала! Как интересно! Расскажите, Галина Ивановна. У нас-то в городке у многих свои дома, потому и скотину держим. Кто коз и кур, кто корову, а свиньи больше совхозные...

– Так история-то эта некороткая, может, у Вас какие-то дела имеются, процедуры, а я задерживать буду? – спросила тактично Галина Ивановна. – Я-то пенсионерка, мне торопиться некуда.

– И мне некуда: процедуры все с утра прошла, нагуляться успела, так что времени свободного – вагон и маленькая тележка.

Ну как может свинья в квартире жить?

– Не знаю, с чего и начать.

– А Вы начните с самого начала, – улыбаясь, попросила Светлана.

– Вот-вот, её на самом деле нужно рассказывать с самого начала, а значит с Библии. Светлана на эту фразу неожиданной знакомой ещё более заулыбалась.

– И сказал Бог: да произведёт земля душу живую по роду её, скотов и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо. Если всё так и было по слову Божию, значит, и род свиней сотворён им же был. Упоминаются свиньи и в Евангелии. Православные христиане знают, что случилось однажды со стадом свиней, когда в них вселились бесы. До потопа люди не нуждались в животной пище, мяса не ели, но после потопа Бог разрешил им употреблять в пищу животных. И вот наравне с мясом овец и коз стали люди в пищу употреблять и мясо свиней. Хотя замечу, что далеко не все народы свинину едят. Исповедующие ислам, буддизм, некоторые другие религии мясо свиней не едят, считая этих животных нечистыми. А я Вам скажу, что, благодаря в том числе и свиньям, выжила украинская нация, а вот её завоеватели – мусульмане брезговали свиным мясом и салом. Сало теперь у украинцев считается первым национальным продуктом. К роду свиней относятся – кто б Вы думали? – и бегемоты, или гиппопотамы, хотя они значительную часть жизни своей и проводят в воде.

А теперь собственно о свиньях. Их пород нынче выведено великое множество. Люди иногда говорят: «У, набрался, как свинья» – это о пьянице, который, идя домой, упал в грязь лицом, или: «Свинья всегда грязи найдёт»... Даже младшие школьники знают сказку о трёх поросятах, о том, что ленивый Нуф-Нуф, вместо того чтобы построить себе на зиму добротный дом, говорил «успеется». Ложился в лужу, пока та осенью не стала покрываться ледком, и пришлось ему приняться

за строительство собственного жилища. Да и учёные уже доказали, что у свиньи и кровь по составу близка к человеческой, и набор генов, хромосом почти идентичен, за исключением одного чего-то... Как бы то ни было, человек стал разводить свиней себе на прокорм. Всё в дело шло. Трудно сегодня представить себе модниц без хромовых туфель и сапожек. И несмотря на то что сегодня достаточно и химического, и синтетического сырья, натуральное-то – оно всегда лучше. Оказывают свинки услугу и медицине: их селезёнка способна очистить человеческую кровь от токсинов.

– Ну, Вы, Галина Ивановна, по знаниям о свиньях прямо ходячая энциклопедия, – смеясь, произнесла Светлана.

– А это и есть энциклопедические данные, которые многим известны.

– Нет, нет, я, например, о свиньях не знаю ничего, – заверила собеседницу Светлана, – и радуюсь, что Вы так подробно мне обо всем рассказываете.

– Ну да, это была присказка, Светочка, рассказ о свиньях моих впереди, а напомним я Вам незабвенного Юрия Никулина, который на арене цирка работал с поросёнком – настоящим артистом! Вот и мы тут с мужем в зооцирк ходили и видели выступление озорного и красивого поросёночка. Глазки лукавые, а сам весь чистенький, беленький, наряженный, ну как такого есть можно? О нашей свинке даже в местных газетах писали. У нас дома и корреспондент был, снимал жизнь нашего домашнего питомца, а вот наши гнилые «советские интеллигенты», как о них выразился один известный кинорежиссёр, спрашивали: «Ну как может свинья в квартире жить?» Эх, если бы некоторые люди так жили, как наша свинья. Кое-кто и из соседей был недоволен, ведь свинка многое себе позволяла: гуляла по подъезду, познавала окружающий мир. Любила телевизор смотреть и играть с котом, только с псом общего языка не находила. Нашу свинку звали Розой, Розочкой...

– Надо же, а у нас с отцом, Галина Ивановна, козу Розкой зовут, правда, старая стала, молока совсем не даёт, а резать рука не поднимается. Так и живёт, – обрадованно сказала Светлана.

– А появилась Розочка у нас так. Однажды мы с мужем пришли домой и за ужином обсуждали свои житейские проблемы: в стране бардак, доперестраивались так, что чуть было крыша не рухнула и не придавила всех. В дверь позвонили. Мы открыли. На пороге стояла известная у нас свинарка, в руках держа что-то завернутое в детское одеяльце, из которого слышалось слабое похрюкивание и выглядывал маленький пятачок. Она зашла в комнату, развернула свёрток, и у неё на ладони появилась малюсенькая свинка. Спросила, не могли бы мы взять её на прокорм, а иначе погибнет бедняжка. Оказалось, что у свиньи-матери только шесть пар сосков, а она родилась последней, самой маленькой, и на неё соска у матери не оказалось. Мы решили не дать погибнуть животному и взяли себе. Муж у меня тогда работал в совхозе, денег месяцами не платили, но давали в счёт зарплаты молоко, мясо, другие продукты. Кормили мы нашу Розочку подогретым коровьим молоком из детской бутылочки с соской, ну всё делали, как новорожденному младенцу. Вот она из соски всё молоко и высасывала до насыщения, свинки любят сытно покушать. А со временем Роза научилась и из блюдца молоко лакать, а уж после пошла и манная каша в ход, и рисовая, супы, борщи. Пищу мы ей не солили. Пока она ела то, что ели и мы, характерного свиного запаха у неё не было, а поначалу она вообще пахла

только молоком. Правду говорят: к хорошему быстро привыкают, и свиньи тоже. Надо было просто видеть, как она после обеда утирала свою мордочку в специально постеленную для этого тряпку, а затем бежала в ванную. Купаться любила до безумия, с наслаждением подставляя водным струям то один, то другой бок. И потом уже в свинарнике мы ей поставили ванну с водой, чтобы она наравне с воздушными процедурами принимала бы ещё и водные.

Живя в квартире, Роза постепенно очеловечивалась, и ничто ей не было чуждо. Говорить она, конечно, не могла, словом Бог её не наделил, но слова наши понимала. Однажды, получив ожёг от каустической соды, наш недогляд был, тут же прибежала нам жаловаться. Мы вызвали ветеринара, и он назначил ей лечение, через неделю и следа от раны не осталось. Острый камень поранил ей копытце и вновь, припадая на ножку, она спешит к нам, чтоб полечили её. От благодарности только и делала, что тыкалась в нас своим пяточком. Так время шло, Роза росла и надо бы её уже к остальным свиньям определять...

– А куда же она у вас в квартире в туалет ходила? – спросила удивлённая историей Светлана.

– Известно, что свиньи не гадят там, где едят, и не едят там, где нагажено. Мы ей соорудили специальный туалет, и когда она справляла в нём свои дела, всё выливали и выбрасывали в унитаз, точно так же, как ходили бы за кошкиным туалетом. Каждые три дня меняли тюфяк, выполаскивая и высушивая его. В доме всегда была чистота и никакого запаха. Чем ей не жизнь! И в мыслях не было, что её затем должны будут съесть. Но лихие люди прознали про нашу свинью и решили полакомиться свежатиной. Мы были на работе. Ночь. Свет на площадке не горел, и была попытка проникновения в квартиру. Замки взломали. Но свинья поняла: что-то здесь не так, не свои люди в дверь ломятся. Забилась под диван и, ни разу не взвизгнув, тихонько сидела там. Как она это умудрилась проделать – понять так и не могли, видимо, от испугу. Чтобы её из него потом достать, мы что только с диваном не делали: и отодвигали, и складывали, и раскладывали... Короче, обманула ворюг, которые, однако, не успокоились и, когда Роза уже жила в свинарнике и опоросилась, залезли к ней и украли двух поросят. Милиция их нашла, но свинок-то уже было не вернуть – они их с голодухи тут же съели.

Когда мы вызвали участкового милиционера, Роза с благодарностью тыкалась своим пяточком в его ботинок. И все же было принято решение отправить свинку туда, где и положено ей быть, то есть на свинарник. Когда Розу водворили в свинарник, крику и визгу было! Уши затыкали. Мы её туда – а она ни в какую. Да и братья с сёстрами её уже не принимали в семью свою. В срочном порядке пришлось соорудить отдельный загон для нее, но и здесь Роза проявила свой нрав: то опилок не насыпали, то еда не та – и корыто летело в сторону. Ей человеческие условия подай – и баста. И нам пришлось исполнять все её капризы, а когда Роза стала совсем взрослой и решила сама стать матерью, условия её проживания ей пришлось ещё больше улучшать. Провели свет, создали тепло, застелили пол свежим запашистым сеном, в котором она с детства любила поваляться, когда мы гуляли с ней на ближайших к дому лугах. Через положенное время у Розы появилось десять похожих на неё деток. Восемь из них дожили до взрослого состояния, а сама Роза... С ней свинаркам

слишком хлопотно было, и они её пустили под нож... Такова оказывается жестокая правда жизни для свиней... Мы её мясо, конечно же, с мужем не ели...

После ухода из жизни Розы моё внимание переключилось на её детей. Один из её сынков носил имя Философ, эдакий кабанчик-зайчик. Хоть нос у него был тупой, зато ум... ого-го! За что и получил имя себе – Философ. Бывало, подойдёт к мужу, сядет рядом и ждёт, чтобы он с ним разговаривал да хвалил бы его, между ушей чесал, а тот при этом сидел бы и млел. А из жизни тяжело уходил. И хоть не муж наносил ему удары ножом, он именно ему в глаза смотрел с укором: за что ему участь такая выпала. И как бы ароматно ни пахло жаркое из Философа, муж его взять в рот не мог. А вот Мишутику было суждено жить дольше всех! И до чего же он был красивый и любвеобильный кабанчик! Не раз устраивал бои без правил с Философом. Мишутик у всех пользовался большей любовью, чем кабанчик-зайчик...

Так они и просидели в разговорах за чаем до вечера, а затем Света проводила Галину Ивановну до станции. Обменялись адресами и телефонами. Мало ли чего... Жизнь, она штука непредсказуемая...

Шанежки Татьяны Александровны

В семье Соболевых праздник – на выходные из Энска приехал Сашка со своей дочерью Лизой. Алексей Юрьевич Соболев по этому случаю заказал жене и дочери испечь любимые всеми шанежки.

И вечер для матери и дочери, проведённый у плиты в запахах печева, стал добрым напоминанием давних дней, когда Татьяна Александровна учила Валентину печь пироги. Так уж сложилось в жизни Валентины, что ни с первой работой во Дворце Культуры в Мурманске, ни в общежитии в Светлом у неё не находилось много свободного времени, чтобы от души, с удовольствием заняться не то что стряпнем, но даже простой готовкой.

Татьяна Александровна была родом из Архангельской области, настоящей поморкой, потому мужа и детей приучила к своим печёным картофельным шанежкам. Когда тесто поднялось, она, умело раскатав его, уложила в жестяные формочки, а затем Валентина, щедро сдобрив их картофельным пюре, обмазала взбитой с желтком сметаной. И на противне убрала в духовку. Через несколько минут кухню обволакивал чудесный запах печёного теста с подрумянившейся картошкой.

На ароматный запах прибежала маленькая Лизонька и запросила:

– Бабушка, бабушка, дай пирожок!

Татьяна Александровна ей в тон спокойно произнесла:

– Внученька, внученька, пирожки ещё в духовке пекутся, нельзя доставать.

– Бабушка, бабушка, они уже испеклись, вон как вкусно пахнут, – канючила девочка.

– Внученька, внученька, это только они дух свой хлебно-дрожжевой выпустили, а силы ещё не набрали. Посиди, погоди и получишь шанежку.

Нос приятно щекотало и Валентине. Как и племяннице, ей страсть как хотелось тут же съесть хоть одну шанежку. Впрочем, те довольно быстро поднялись в духовке, запеклись и появились на столе, смачно-аппетитные. Татьяна Александровна проворно достала их из формочек и, обмазав растительным маслом, уложила на

блюдо. Послала сына сбежать к соседке и купить у неё литров пять молока. Знала, что с ним у всех будет настоящий деревенский пир. Картофельные шанежки, да с молоком – вкуснее не придумать!

– Валуш, когда последний раз к Казаковым заглядывала? – спросил сестру Александр, выставляя на стол бутылки с молоком.

– Да может, неделю назад, а что? – спросила брата Валентина.

– Может, и их к нам пригласим на мамины шанежки? Заодно моя Лизочка с Сашкой и Полюшкой познакомится.

– Идея превосходная, звони, – произнесла радостно Валентина и побежала предупредить отца.

Татьяна Александровна, наливая молоко внучке, которая уже вовсю смачно жевала поджаристую бабушкину шанежку, сказала сыну:

– Молодец ты у меня, сынок, не забываешь друзей, хотя они вам с Валентиной уже давно стали свои, только печалит меня, что вы-то с женой не душа в душу живёте.

– Давай, мама, дальше тему эту не развивать – мне так отдохнуть дома от всего хочется, – мягко попросил мать Александр.

«Вот так всегда и получается, – подумала Татьяна Александровна. – Не успеешь ещё разговор о семейной жизни сына начать, как он тут же и прервёт его».

Алексей Юрьевич разложил в комнате большой круглый стол, который затем все вместе накрыли нехитрыми блюдами с собственного огорода: варёной картошкой, квашеной капустой, солёными огурчиками с помидорчиками, а в центр выставили большое блюдо с шаньгами и крынками молока. Когда каждый опробовал уже по одной шанежке, Глеб интригуяюще произнёс:

– Загадаю я вам загадку, закину за грядку; моя загадка в год пойдёт, калачом взойдёт... Две недели зеленится, две недели колосится, две недели отцветает, две недели наливает, две недели подсыхает...

На поле нагайском, на рубеже татарском стоят столбы точёные, головки золочёные... На тонце на деревце животы наши качаются... Как на поле, на кургане стоит курочка с серьгами... Лежит мужичок в золотом кафтане, подпоясан, и не поясом; не поднимешь, так не встанет... Плотнички-бестопорнички срубили горенку-безуголенку... На поле у раменья стоят золотые поленья, едят траву шелковую, пьют воду росную... И комковато, и ноздревато, и мягко, и ломко, а всех милей... Режут меня, вяжут меня, бьют нещадко, колесуют, пройду огонь и воду. Что это такое?

– Так, наверно, здесь, Глебушка, подвох какой, – сказала восхищённая неслыханной загадкой Татьяна Александровна, – да и не одна отгадка имеется.

– Он не просто так загадал, – стал размышлять Алексей Юрьевич, – а после того, как мы шанежки стали есть, значит, отгадка связана с хлебом: комковато, ноздревато, мягко, ломко и всех милей... Так только про хлеб и можно сказать.

– Правильно угадал, Алексей Юрьевич, одной из отгадок является хлеб, – подтвердил Глеб.

– Ну а остальное и отгадывать не надо: колос, пшеничное поле, – добавил Соболев-старший. – Хорошо, Глеб, что вы пришли к нам, не надо мне к тебе на разговор идти, а он у меня к тебе серьёзный имеется.

– Секретный или при всех можно? – улыбнувшись, спросил Глеб.

– Начну со случая в нашем кузнечном цеху. Мне тогда лет двадцать пять было, ну, как-то наши старые рабочие завспоминали свои истории, кто молотом в пятьдесят тонн чего отбивал. Ну, а я к тому времени выучился им коробок спичечный закрывать. Тут большое мастерство требуется – не руками работаешь, чтоб силу удара контролировать, а pedalью и ногой. Ну и вставил я в разговор, как говорится, свои три копейки. А кузнецы заспорили, что куда мне салаге такое сотворить! Поставил я спичечный коробок на наковальню на попа, приподнял крышку до основания и стал молотом потихоньку закрывать. Вокруг народу сбежалось! Все, затаив дыхание, за моей работой смотрят... Закрыв тютелька в тютельку.

Не выдержал старейший кузнец Михеич, мол, что там коробок, я вот крышку своих карманных часов с дарственной надписью закрыть могу. Вытащил их из кармана штанов, отцепил от цепочки, открыл крышку и положил на наковальню. Все знали, как он ими дорожил, потому как получил от самого Будённого. И начал Михеич сосредоточенно работать. И вот крышка уже пошла опускаться и то ли дрогнула рука кузнеца, то ли расслабился, подумав, что всё получилось, только вдруг пятидесятитонный молот с грохотом опускается на именные часы. «Ах!» – разнёсшийся над наковальней голос, не успев набрать силу, тут же оборвался. Никто не подумал даже хихикнуть, настолько все были потрясены тем, что произошло. Да и надо было видеть лицо Михеича – от часов не осталось и следа! После этого случая ко мне сразу отношение изменилось, крепко зауважали меня мужики...

– Алексей Юрьевич, – стал спрашивать Глеб, – а каким боком я должен возникнуть в вашем рассказе?

– Смекалистый! – восторженно произнёс Соболев. – Ишь, парень-то какой! А я приглашаю тебя, Глеб, на работу в цех к себе. Силищи тебе не занимать, глаз верный, быстро освоишься. Хватит уже по полям мотаться да дома неделями не бывать.

– Неожиданное предложение, если честно. Попробовать, конечно, можно. И то правда, надоело в уборочную дома неделями не бывать. А ты что, жена, скажешь? – обратился Глеб к Светлане.

– Тебе работать, ты и должен решать, Глеб Анатольевич. Сначала попробуй, понравится – иди в кузнецы. И правду дядя Лёша говорит: не так много сейчас настоящих кузнецов осталось.

– Так, так, Глебушка, новую профессию освоишь, – подхватила мысль мужа и Татьяна Александровна.

– Вы прямо как будто одним маслом с отцом мазаны, мам, – смеясь, сказала Валентина, – умасливаете так, что и захочешь – не откажешься.

– А ты, дочь, зря смеёшься, мы с твоей матерью скоро уж тридцать годков как вместе живём, и у меня о семейной жизни притча одна имеется. Вот послушайте! И вам она может полезной оказаться.

Прожили муж с женой вместе тридцать лет, и в день тридцатилетия жена, как обычно, испекла небольшой хлебец, который каждое утро пекла. За завтраком разрезала хлеб вдоль, намазала обе половинки маслом и, как обычно, собралась было верхнюю часть мужу передать. Но на полпути рука ее остановилась... Она подумала: «Ну хоть в день нашего тридцатилетия позволю-ка я себе съесть верхнюю часть хлебца, ведь об этом я мечтала все тридцать прожитых лет. Мужу примерной женой

была, сыновей прекрасных вырастила, дом в порядке содержала, неужто не заслужила?» И передала мужу нижнюю часть хлеба, чего не позволяла себе никогда за всю совместную жизнь. А муж взял хлеб и с улыбкой сказал: «Какой неоценимый подарок ты сделала мне сегодня, дорогая! Ведь я с детства люблю именно нижнюю, поджаристую часть хлеба. Но всегда считал, что она по праву принадлежит тебе». Вот так надо жить, дети мои, со своими женами...

– А как Вы, Алексей Юрьевич, со своей Татьяной Александровной познакомились? – спросила с интересом Светлана.

– О, это у родителей особая история, – заметила радостно Валентина, – расскажите, па-а, ма-а. Казаковым это будет особо интересно узнать.

– Заинтриговали прямо, – произнес Глеб, – ну, так мы все внимание...

– Начинай ты, отец, – сказала мягко Татьяна Александровна.

– Служил я в Архангельске с пареньком одним из этой области. Как-то разоткровенничались мы с ним и спрашивает он меня: «Что-то тебе, Лёшка, девчата не пишут?» Ну, я ему и признался, что до армии не успел ни с кем познакомиться. А он мне: «Не переживай, солдат, дело поправимо, у меня на станции Малашуйка Архангельской области сеструха двоюродная живёт, девка хоть куда, на почте работает. Бери адрес и пиши ей письмо, глядишь, что у вас и сладится». Я взял и без всякой надежды на ответ написал. Теперь, мать, продолжай рассказ ты, – предоставил слово жене Алексей Юрьевич.

– А я молодой девчушкой бегаю, письма разношу и в один день вдруг получаю сама себе. Вот удивления-то было! Мне ещё ни разу в жизни никто писем не писал, а тут от незнакомого парня пришло. Подумала, подумала – от меня не убудет, если ему ответ напишу, – и написала. Так наша с ним переписка и завязалась. Года полтора друг другу писали, а потом направили маму мою в Архангельск на повышение квалификации, она медсестрой в больнице работала, и я за ней увязалась – интересно же своего заочника живьём посмотреть, познакомиться. Специально для этого отпуск взяла. Перед отъездом отписала Алексею, мол, жди, еду. И на второй день, по приезде как приехали в Архангельск, вечером, стали мы brave солдатика поджидать, который специально для этой встречи в увольнение попросился.

Остановились мы у маминой родни в Архангельске, стол для чая накрыли, и стала я своего «голубя почтового» в окошко выглядывать, не идёт ли? А когда увидела, как-то само по себе и вырвалось: «Вон он, мама, мой Алёшка идёт!»

И надо отдать должное: Алексей маме моей с первого взгляда понравился. Познакомились, чаю попили, прогулялись, а на следующий день пошла я в парикмахерскую и отрезала свои длинные косы, сделав завивку модную. Уж очень мне хотелось Алексею Соболеву понравиться. А в следующее увольнение мы, недолго думая, подали заявление – и расписали нас в один день по всем правилам гражданского брака. Свадьбу, а лучше сказать торжество, отметили скромно и разъехались: Алексей в часть к себе, а я с мамой домой.

И вернулась я в свою Малашуйку не девкой уже, а мужней женой, чем и удивила всех своих знакомых и работников почты. Помню, все наши бабёнки в один голос корили меня: зачем за заочника замуж пошла, своих парней мало что ль? Вот обманет, не приедет, и будешь ты ходить – ни жена, ни девка – всю жизнь. А я крепко

верила: Алёшка мой не обманет – приедет. А когда Алексей из армии-то пришёл, мы, наведовавшись ко всем родственникам и пожив с полмесяца у мамы, переехали на жительство сюда, в Светлое, на родину мужа. Здесь я также устроилась работать на почту и до самой пенсии трудилась на ней. Вот такая наша история...

Так разговор от одной темы переходил к другой и наконец прочно зацепился на детях. Светлана восторженно рассказывала:

– Представляете, вчера Полинка взяла в руки книжку и уселась с ней на диван. Глеб ей говорит: «Дочь, ты книжку вверх ногами держишь». На что та ему серьёзно отвечает: «Папочка, я не ногами держу, а руками».

– А я помню, как Лизу учил букву «эр» выговаривать, – подхватил рассказ Светы Александр. – Говорю: «Лиза, скажи «тр-р-ри». «Тви, – отвечает она». Я прошу ещё повторить, она начинает возмущаться: «Нет, папочка, я же не могу голос от живота оторвать, вот у меня и не получается». Представляете? «Голос от живота»!. А раз идём из детского сада, она делится своими впечатлениями от пережитого дня: «Мы сегодня с девочками в детском саду в туалет боялись зайти». Спрашиваю, почему. Заговорщицки отвечает: «А вдруг, папочка, там Баба-яга писает». Ох и смеялся я – надо же до того додуматься!

Рассказывая о дочери, Александр весь загорался, и всем было понятно, как он любит её, хотя также ни для кого не было тайной, что с женой у них жизнь особо не складывается.

– О детях рассказываете, а сами-то какими росли? – вставила своё слово в разговор Татьяна Александровна. – Помню, как мы однажды ждали в гости наших приятелей, а Валюшка всё спрашивала меня: «Мама, почему тётя Галя не идёт? Она же обещала». Объясняю, что её могли дела задержать, на что Валентина ответила: «Она слово давала и не сдержала. Значит, несдержанная, несдержанная она, вот».

Все весело и легко засмеялись.

А Татьяна Александровна продолжала:

– И если Валентина у нас с Алексеем спокойной росла, не причиняя никаких проблем, то с Сашкой без хлопот, не обошлось. Таким образом он с младенчества решил справедливость в этом отношении восстановить. Уже в семь месяцев, точно обезьянка, начал по книжным полкам лазить. Умудрился стянуть на себя со стены часы с кукушкой и заработать огромную шишку на голове.

– А я помню, как ездил с детьми в Ригу в гости к своему приятелю, – поддерживал рассказ жены Алексей Юрьевич. – Пошли в зоопарк. Сашке очень понравилось животных травой кормить: просунет ручку с пучком травы и смеётся, когда у него какой-нибудь козёл или антилопа из рук её выхватывают и жевать начинают. Не заметили мы с Валюшкой, как он головёнкой своей между решёток пролез. В это время одна близко подошедшая антилопа стала щипывать волосёнки с его головы, думая, что это трава. Сашка так напугался, что закричал на весь зоопарк, я рванул его голову вытаскивать, а она ни туда ни сюда. Стал пытаться прутья растягивать... Кое-как вытиснули, оставив на прутьях хорошие пучки его волос.

– А я ещё вспомнила, как ты, Алексей, у Сашки таблицу умножения спрашивал: «Девятью четыре?» Сашка думает... Алексей в нетерпении: «От зубов должно отскакивать». Тут Сашка ему грустно и говорит: «Так и зубы недолго поломать»...

А помнишь, дорогой, как он рыбку из аквариума выловил и выбросил? Алексей у нас рыбками в ту пору увлёкся, разводил, и вдруг одной недосчитался...

Александр засмеялся и подхватил рассказ матери:

– Вот-вот, ма-а, я помню, как он меня ремнём за это отходил, а ты, успокаивая, сказку мне про рыбок рассказала.

– Бабуля, что за сказку? – стала приставать к Татьяне Александровне Лиза. – Ты мне про рыбок никогда не рассказывала!

– Да подись, забыла её уже, – обняла внучку Татьяна Александровна

– А ты вспомни, вспомни, мы все и послушаем, – поддержал просьбу дочери и Александр. – Добрая сказка, давай, мамуль, вспоминай.

И Татьяна Александровна начала рассказывать:

– В небольшом аквариуме жило много самых разнообразных рыбок. Чинно и гордо проплывали черные моллинезии, давая понять мелкоте, что именно они хозяева здешнего мира. Задиры меченосцы постоянно устраивали бои, скрещивая свои мечи-хвосты, чем поднимали всю муть со дна. Гуппи-мамочки выводили мальков, которые затем шныряли по всем закоулкам, налетая на степенных, ленивых сомиков, а их отцы-гуппи хвастались друг перед другом своими ажурными разноцветными хвостиками.

И вот однажды в аквариуме появилась новая рыбка. Она была молодой, красивой, настоящей королевской гуппи, и ей всё здесь очень-очень нравилось. Были у неё и свои поклонники.

Признаваясь моллинезии в том, что жизнь её стала походить на сказку, она восхищённо произносила:

– В магазинном аквариуме, где я раньше жила, обитала целая сотня моих сородичей и никакой растительности, а здесь – настоящее царство зелени! Я познакомилась с красавцем гуппи, и у нас скоро будут очаровательные малютки.

– Это замечательно, дорогуша, – растягивая слова, добродушно одобряла откровения будущей матери чёрная моллинезия. – Надеюсь, Вашим деткам здесь будет так же уютно, как Вам.

Вскоре все жители аквариума, вплоть до большой улитки ампулярии, узнали эту весть. Прошло совсем немного времени, и королевская гуппи сообщила своему любимому о том, что вечером она разрешится мальками. Тот, радуясь приятной новости, плавал рядом, не оставляя свою подругу ни на минуту.

Вдруг откуда ни возьмись в воду нырнуло чудище. Оно зашарило своими длинными щупальцами по аквариуму, выискивая жертву. Все рыбы при виде чудовища метнулись в разные стороны: нырнули под камни, спрятались в гроте, зарылись в песок, укрылись за листьями. Королевская гуппи была слишком тяжела и не успела увернуться от щупалец разбойника. Гуппи, что должен был стать отцом, кричал, звал на помощь, бил своим хвостиком щупальца, крепко державшие его подругу и медленно выползающие из воды...

Прошло какое-то время, и пришедшие в себя обитатели аквариума с жалостью стали поглядывать на осиротевшего гуппи, который всё ещё продолжал кого-то умолять:

– Ну помогите ей, помогите хоть кто-нибудь!

Улитка ампулярия, медленно сползая с листа, тихо произнесла:

– Какое горе! Ведь у них сегодня должны были появиться на свет мальки-мальши!

– Мама, – перебил тогда мой рассказ Сашка, – а щупальца были страшные?

– Посмотри на свою ручку, сынок, – сказала я ему, – и реши: страшными были для маленьких рыбок щупальца?

Он примолк, обдумывая мои слова. Затем из его глазенок покатались слёзы. Уткнулся в мою руку и шёпотом произнёс:

– Mamочка, прости, я больше никогда не буду вылавливать рыбок из аквариума!

И думая, что я не вижу, поднял свою ручонку, посмотрел на пальчики, пошевелил ими и спрятал под себя. Вот такая, мои дорогие, история.

– Замечательная сказка про моего папу и аквариумных рыбок! – захлопала ладоши Лиза. – А вам, Полюшка, Саша, понравилась бабушкина сказка?

– Понравилась, – произнесла маленькая Полюшка и уткнулась в плечо Глебу, потому как давно уже залезла к нему на колени. А Сашка стал просить теперь отца что-нибудь интересное рассказать.

Валентина, выбрав момент, произнесла:

– Mamочка, спасибо за шанежки: Бог дал – никто не видал, а кто видел – не обидел и куса не отобрал. И можно мы со Светланой от вас всех уединимся на несколько минут посекретничать? – а Свете добавила:

– Пойдём ко мне, посекретничаем.

– С радостью, – сказала та и шепнула мужу, – Глебушка, поприсмотри за детьми, мы с Валюшей ненадолго отойдём.

Он кивнул. Когда подруги уединились, Света сказала:

– А у меня тут, Валюш, гимн дому своему написан. Прочешь?

– Давай, – радостно сказала Валентина.

– Слушай: «Я люблю свой дом, я спешу в свой дом, если даже не убрано в нём. Главное – здесь есть мечта и души чистота, ведь не главное в том, чтоб чистота вокруг, главное, чтобы не разорвать душевности круг. Я очень люблю свой дом: полки книг и игрушки в нём, а ещё детский смех. И пусть чистоту порой приходится наводить наспех, я люблю свой дом!»...

– Мне понравилось, – искренне сказала Валентина и дальше стала рассказывать Светлане о жильцах своего общежития...

Рассказ фельдшера скорой помощи

Ночью Валентина почувствовала себя нехорошо. После посиделок с шанежками она по дороге на работу резко оступилась и, еле отработав до конца рабочего дня, пришла домой уже никакая. Татьяна Александровна вызвала «Скорую», и Валентину увезли в больницу. Там решили, что случай серьёзный, да ещё у Валентины начался жар, и, вызвав скорую из области, её отправили туда.

Она ехала с закрытыми глазами и невольно прислушивалась к разговору двух фельдшеров – одного постарше, а второго только что пришедшего на работу из медицинского училища.

– Андрей Петрович, – обратился к старшему младший, – а у Вас в практике работы на скорой помощи какие-нибудь интересные случаи были?

– А почти каждый день случай интересный. Город-то у нас немаленький. Тебе, Пушкарёв, про какой рассказать?

Видимо, этот самый Пушкарёв почувствовал в старшем коллеге издёвку и чуть обиженно сказал:

– Да я ведь не из праздного любопытства спрашиваю, просто готовым хочу быть, а то в училище одна теория, а на практике выходит совсем другое...

– Да ладно, не обижайся, я ведь таким же салажонком лет десять назад на скорую работать пришёл и тоже у всех всё спрашивал. А насчёт случаев – то они разные бывают, вот такой, как этот, что у барышни с повреждённой ногой, можно благоприятным назвать, а частенько приходится на стреляные, колотые и резаные случаи выезжать. Стреляные пореже, а колото-резаные, так те через смену да каждую смену случаются. На бытовом уровне. Люди очень странные существа: кто в шею ножом пыряется, кто в легкие, кто в сердце, кто в желудок, а бывают и другие. Например, старые женщины вызывали скорую потому, что не могли заснуть и им требовался человек, чтобы душу излить. А раз я, вот как и ты, только-только училище закончил, работать пришёл и поехал с бригадой на вызов по маточному кровотечению. Девчонка к подружке своей вызвала. Приезжаем, а та в ванне лежит, пятнадцати лет...

– Что, и матери рядом не было? – спросил Пушкарёв.

– Да нет, конечно, она в город из деревни учиться приехала, ну и забеременела. Посмотрели, а у неё уже головка ребёнка прорезалась. А доктор со мной молодая, растерялась, спрашивает меня, будто опытного фельдшера: «Ну что делать будем?» Я отвечаю: «Рожать, что же ещё?» Она побелела, и я понял, что мне самому всё делать придётся. Ну и помог девчонке родить: головку ребенка повернул, переднее плечико вывел, короче, сделал всё, как учили, пуповину перерезал, сам-то ведь тоже роды впервые принимал.

– А чего докторша-то испугалась?

– Так доктора роды-то не принимают, в основном мы, фельдшеры. Короче, плод вышел, я его по попке постукал, слизь изо рта отсосал, и он запищал. Завернул мальчишку, и только тут обнаружил, что второго фельдшера, тоже молодой женщины, рядом нет. Пошёл искать, где она. А она на кухне бумаги составляла. Сидит синяя от страха и возле носа вату с нашатырём держит. Спрашиваю: «Ты чего?», а она, извиняясь, негромко произносит: «Испугалась. Кровь видела, раны большие и маленькие видела, а при родах ни разу не участвовала. А вдруг малыш мёртвеньким родился бы?» Так вот и получилось, что мне салагой пришлось роды одному принимать. Роддом метрах в ста, а у неё послед не отошёл, что делать? У нас положение – рожениц, если послед не отошёл, в больницу не доставлять. Звоню в роддом, спрашиваю врача, что делать, а он мне, мол, не дрейфь, вези.

Погрузили мы её на носилки – и в больницу, а там как раз дежурил главный врач. Здоровенный такой мужик, с руками, что сковорода. Мы к нему, мол, что делать, послед-то не вышел, а он молча к девчонке подошёл, рукой-сковородой на живот ей нажал, всё вмиг и вышло. Потом наша бригада этого недоношенного ребенка-отказника в детскую больницу отвозила. Фельдшерица Люся наша и говорит непутевой мамаше, мол, назови его именем Андрей, в честь того, кто роды у тебя принял, та только кивнула. Так мы мальчонку и записали.

– А это правда, что Вы ездили в Ленинакан, в Армению, устранять последствия землетрясения? Пять лет как после того события прошло. Мне наша санитарочка тётя Дуся рассказала.

– Ох уж эта наша тётя Дуся, ни одну тайну от неё не утаишь, – Андрей Петрович на какое-то время замолчал.

– Вас как туда: по приказу или сами? – будто помогая начать рассказ, вновь спросил Пушкарёв.

– 13 декабря, как сейчас помню, вечером позвонил мне наш главный и сказал: «Завтра суточный сухой паёк, тёплая одежда, вас с машиной грузят на транспортный самолёт – и вперёд в Ленинакан, на помощь людям, пережившим землетрясение». Вот нас с утра на скорой погрузили в самолёт вместе с парой строительных машин и пятьюдесятью строителями – и вперёд! У нас в бригаде я, врач и два водителя. В Ейске в авиационном училище переночевали и на следующий день были уже в Армении. Выгрузились, палатки поставили... Первое впечатление – разруха везде, по всему городу штабелями гробы наставлены разных цветов и размеров, также штабелями ящики с минеральной водой «Боржоми» стояли и страшная гарь...

– А для чего столько минералки-то?

– Так вода, Вадим, после разрушения заражена была – водопровода не стало, вот «Боржоми» все и пили, и умывались ею же. Представь картину: дорога, а на ней обваленная девятиэтажка, арматура кругом навалена, а вокруг трактора, автокраны... Каких только машин там не повидал, со всех республик самолётами и поездами нагнанных! Наши энские строители каждый день выезжали завалы разгрести, в две смены работали, и ночью, и днём. И мы по ночам выезжали, смотрели – мало ли кого вытащат или кто из наших травму получит. Такое нередко бывало, разбирать завалы дело нешуточное. Были и тяжелые строительные травмы. Местные со всякими болезнями и травмами обращались, шли кто с чем... перед нашим-то приездом много из завалов живых откапывали, покалеченных, но живых, а при нас уже только трупы. Мы через неделю после землетрясения прибыли, но работы хватило всем. Месяц там были. Декабрь стоял, и хоть там минус два-три градуса всего, а высоко в горах воздух разряжённый – замерзали и голова постоянно болела. Несколько наших в Спитак ездили, так когда приехали, сказали, что в Ленинакане хоть что-то ещё осталось, а Спитак весь разрушенным оказался. Совсем картина страшная. Я только с группой в Ереван попал, сделали нам такую экскурсию. Город хоть и красивый, но какой-то сумрачный – на центральных улицах танки стоят... Тогда ведь у Армении с Азербайджаном чуть ли не военные действия намечались, а землетрясение примирило всех.

– И что же, если из воды только «Боржоми» была, Вы весь месяц и помыться не могли? – участливо спросил Вадим.

– Да нет, два раза помылись. Один у местных (они нам как-то и воду нашли, и помывку устроили), а другой в банно-прачечном поезде. Заходишь в вагон – душевые кабинки и узкие шкафчики-парилки, в которых тебя закрывают, пускают пар, и ты там стоишь, паришься какое-то время. Причём сам ты открыть этот шкафчик не можешь, их открывают по команде. Когда я зашёл в него и дверь захлопнулась, стал пар поступать, меня клаустрофобия одолела: что если дверь заклинит и вынесут

меня оттуда уже как цыплёнка-табака? Но, слава Богу, прожарили нас и выпустили, а уж когда мы уезжали, военные там палатку поставили типа бани. Домой в январе 1989-го вернулся. Новый год прямо в машине скорой помощи отметили с бутылкой коньяка и каким-то винегретом...

– А кормили как? – опять спросил Пушкарёв.

– Да хорошо кормили. Полевая кухня отменно работала... По телевизору к пятилетию землетрясения в Армении фильм показывали, как город отстроили, молодцы...

– Узнали какие-то места?

– Какой там! Мы среди развалин были, в основном только частные дома и сохранились. Девятиэтажки, те, которые и оставались стоять, были с трещинами или полуразрушенными, а теперь всё расчищено, дома, улицы...

– А что люди? – подала слабый голос Валентина.

– Вот те на, наша девушка-то не спит, даже после обезболивающего сонного укола, разговор наш подслушивает, – произнёс со смешинкой в голосе Андрей Петрович.

– Так вы ж не шепчетесь, вслух говорите, не уши же мне затыкать, вот и слушаю. Мы коллективом общежития вместе с жильцами тоже деньги на счёт № 700412 переводили, видите, даже номер запомнила, а одна женщина из наших в газету писала, что готова усыновить или удочерить ребенка-сироту...

– Понятное дело, – произнёс грустно Андрей Петрович, – люди у нас сердобольные. Из Энска тоже желающие были, и я знаю даже семью, которые на самом деле усыновили, прямо в Спитак ездили. Своих детей Бог не дал, вот они сироту и взяли к себе... А Вы нам лучше, девушка по имени Валентина, скажите, как ваше самочувствие?

– Ничего, только слабость, резкой боли, как была, уже нет, – сказала Валентина.

– Ну вот и хорошо, ещё полчаса – и в больницу приедем, за разговорами время незаметно и пролетело...

В больнице

За день перед операцией Валентина перезнакомилась со всеми в палате и вновь писала в дневник:

«Люди здесь собрались разные. Напротив старенькая бабулька лежит, на её ноги страшно смотреть – все в коростах, а запах – жутко сказать. Ко всему она ещё и неходячая. Если успеют в туалет свезти – хорошо, нет... Капризничает, комнату проветривать не даёт, простуды боится. Проветриваем, когда её на процедуры увозят. Жаль бабульку – почти ничего не ест, и всё плачет от бессилия. Дочери каждый день навещают, так что вниманием не обделена.

Сразу за ней Мария Томилина лежит, у этой на пальцах правой ноги гангрена началась. Как она, бедная, мучается! Уж и обезболивающее кололи, а ничего не помогает. Час – облегчение, и опять сидит, стонет и ногу свою, как ляльку, качает. Но несмотря на невыносимые муки, чуть полегчает – и смешит всех в палате своими рассказами. Мария уже на пенсии, говорит, что за время болезни в больнице похудела с 95 килограммов до 60-ти, кожа от этого стала дряблая. А тут вполне больничный анекдот рассказала: «Василий Иванович Чапаев спрашивает Петьку: «Где Анка?» Тот: «С аппендицитом лежит». Василий Иванович стук по столу: «Аппендикита к стенке, Анку ко мне!»

С правой стороны Антонина. Когда я вселилась, её из операционной привезли – на ноге язва была. Почему-то у большинства женщин «режут» именно левые ноги. Антонина уже в предпенсионном возрасте, работает продавцом в магазине. Мягкая как по форме, так и по содержанию, манера говорить с Горбачёвской схожая.

За Антониной кровать Швейцовой Тамары. В этой женщине много доброты – так заботливо за другими больными ухаживает, ничем не брезгует! Может, оттого, что и сама в больнице в физиотерапии работает. Её жизненное кредо – ближе к природе, ближе к животным, они самые преданные, бескорыстные. Рассказывает множество историй о своих собаках, у неё их четверо – канадцев.

У стены Фаина. Эта попала сюда с давлением. Говорит, что двадцать лет прожила с давлением 220, а тут в больницу положили. Согнали было до 190, так чуть Богу душу не отдала, так плохо себя почувствовала. А храпит – не каждый мужчина сумеет перехрапеть! Стены от её храпа по ночам сотрясаются. Врачи понаблюдали, понаблюдали, да и выписали. В ней легко уживались две женщины. Больничная – не сильно опрятная, совершенно безразличная к тому, как выглядит, но стоило ей о выписке узнать, как на глазах преображаться начала – подтянулась, накрасилась, приделалась и, сделав всем ручкой, испарилась из нашей жизни, точно её и не было.

Меня хотели оперировать во вторник, но, узнав, что этот день для подобных мероприятий неблагоприятен, о чём мне сказал наш Александр, я отказалась, заявив врачу: режьте в любой другой или уезжаю домой. Врач повозмущался, но всё же операцию на среду перенёс. Ура! Удачно прошла. К вечеру чувствовала себя нормально.

А вот у Маши Томилиной вторичная операция прошла не лучшим образом: в четверг ей сделали повторную, ампутировав левую ногу чуть выше колена. Я восхищалась её мужеством. После того, как её привезли из реанимации, она лежала и посмеивалась над собой. Видели мы её слёзы всего раз, и то не видели, а слышали – в тихий час. С горечью мне потом Маша говорила:

– Посмеялась я над тобой, заявив, что ни в какие гороскопы не верю, пошла на операцию, а вышло вон как.

Когда ей лучше стало, опять принялась всякие случаи из своей жизни рассказывать:

– Когда меня сюда положили, повели анализы брать. Нагнулась. Медсестра мазок взяла и смотрит на мой зад. Я ей: «Что, доктор?» Она строго так спрашивает: «Вы что, больная, курите?» А я ей из полусогнутого состояния отвечаю: «А что, доктор, хабарик торчит?» Та взвизгнула, а потом давай на всё отделение хохотать.

И стали мы Машу на кресле-каталке в туалет возить, где она тайком покурила. Однажды засекала её старшая сестра, раскричалась: «Я Вам, больная Томилина, приказываю больше не курить!» На что Мария, ещё раз глубоко затянувшись, ответила: «Есть приказ, пока при вас, нету вас, насрать на вас».

Старшая медсестра от такой дерзости побелела вся. И побежала врачу жаловаться. Вот такая она, Маша Томилина, – сильный, добрый, с огромным чувством юмора человек.

Да и в соседней палате парень-колясочник, как его прозвали женщины, стал для всех ходячим анекдотом. Давали на ужин больным пюре с печенью. Поел он и стал благодарить работников кухни:

– Спасибо, что дали по печени...

Или на завтрак дали всем булочки к чаю, он взял одну и, подъехав к медсестре, стал просить:

– Очень прошу Вас, ну сделайте мне в булку укол...

А как увидит, что кто-нибудь пришёл навестить кого-то, начнёт ездить около и спрашивать:

– Кто последний в клизменную?

Антонина как-то утром рассказывала:

– Я сегодня ночью спросонья захотела в туалет, но вместо его пролетела к посту медсестры, а там этот колясочник сидел, полуночничал. Увидел меня и колёса за мной наводстрил. Ладно бы изнасиловал или даже убил, но не дай Бог бы инвалидом сделал...

К Швейцовой Тамаре приятельница пришла, что в неврологии лежит, и о проблемах своих ей рассказывала:

– Представляешь, мне тут сказали, что в моей голове опухоль сидит, а не подумали, что, может, это у меня остатки мозгов, и хотят последние выскрести. Потому я всем своим знакомым звоню и сообщаю, что лежу в неврологии в палате номер шесть. Чтоб для них известие о моей болезни шоком не стало...».

А вообще, наблюдая за больными, я всё больше убеждаюсь в том, какими же неблагодарными людьми оказываемся мы перед Богом! Когда у нас ничего не болит, принимаем это как должное, даже не задумываясь, какое БЛАГО нам дано!!! И при этом ни разу не поблагодарим Всевышнего за этот его великий дар. Когда же вдруг рука или нога двигаться перестает, вызываем с отчаянием: «Господи, помоги!» Услышав наши мольбы, Господь, конечно, помогает, и мы начинаем делать робкие «первые» шаги, поворачивать руку... И, улываясь слезами радости, произносим не «Благодарю тебя, Господи», а «Ура, я смог!» или «Я смогла!»...Как же много сидит в нас ещё самонадеянной гордыни! Кто помнит из нас, что в писании сказано – ни один волос не упадёт с головы человека без позволения на то Господа? Думаю, что и я попала в больницу не просто так, а скорее всего для осознания вот этой простой истины, за что и благодарю Тебя, Господи.

По-доброму тепло и светло мы помянули твою бабушку...

После похорон бабы Фёклы Светлана осталась у подруги. Собирала со стола грязную посуду с поминального стола и носила Елене мыть. Какое-то время молчали, каждая переживая внутри себя случившуюся потерю.

– Ты знаешь, Свет, а мне сегодня почему-то всё время бабулина деревня Волуйка вспоминается и сестра ее Прасковья Фоминична... В Волуйке половина улиц названа была именами писателей: Чернышевского, Маяковского, а бабушка Прасковья на Пушкинской жила...

– А я где-то читала, что души умерших родные приходят встречать, может, и душу твоей бабушки ее сестра пришла встретить, вот она тебе и вспоминается тоже.

– Может... – в задумчивости произнесла Елена. – Вспоминается, как бабуля меня на лето туда несколько раз к ней отправляла да сама приезжала навестить сестру. И идём мы, бывало, с бабой Фёклой по Пушкинской по колено в белой пыли, как по перине. У них холмы меловые были и даже заводиска маленький, мел добывали и шлакоблоки делали...

Света понимала, что подруге нужно выговориться, вспомнить бабушку, поэтому поддерживала, как могла:

– Эта деревня где-то под Белгородом, кажется, находится, помню, ещё ты рассказывала, что их дом на горушке стоял прямо около железнодорожных путей...

– Точно, точно, не забыла, вижу... Там две ветки проходили: одна на Донбасс, другая на Москву. А в доме электричества нет, радио нет, при керосинке жили. Время поездам отмеряли. Дед Илья, бабы Прасковьи муж, скажет порой: «Дыбальсовский прошёл, спать пора». Или: «Счас на Сеноватую пойдёт, после можно и на базар сходить...»

– А почему у стариков свет-то не проводили? – спросила Светлана.

– Да вот как-то так. Один их дом особняком на горушке стоял, решили, наверно, старикам и так сойдет. Моя бабуля сколько раз приезжала, всегда возмущалась, а сестричка её без претензий, никому грубого слова не скажет, негневливая, незлобивая, очень деда Илью своего любила. А он у неё характерный, резкий, всё всеми недовольничал, но бабу Прасковью любил. Мне смешно было, как они в обнимочку после обеда ложились вместе вздремнуть часок-другой. Дед Илья бабу Прасковью обнимет и спят, а на ночь порознь ложились... Однажды баба Фёкла моя за мной приехала, вот сидят они с сестрой, разговаривают. Баба Прасковья говорит:

– Фёклушка, что-то Леночка твоя уж слишком платья носит короткие. Вот если бы в наше время такие носили, меня б мой Ильюшенька никогда замуж не взял...

У неё самой-то ноги кривые-кривые были да косолапенькие... От семафора идёт, бывало, и как уточка переваливается... А моя бабуля, смеясь, отвечала ей:

– Так теперь мода такая пошла – ноги оголять, не понимают, что тайны себя девичьей уж сызмальства лишают! Чего и говорить, в нашей молодости все по-другому было...

А ещё помню, как меня бабуля удивила. Тогда она меня в Волуйки первый раз привезла. Идём по улице, встретила нам хохлушка дородная, и бабуля с ней по-украински сходу и заговорила. Опочки! Я ей: «Ба-а-шка, а ты что, по-ихнему можешь разговаривать?»

А она мне:

– А что ж ты хочешь, я же здесь, поди, выросла.

А затем слышим, как у той тётки-хохлушки другая спрашивает: «А шо це за дивчина приехала?» И ответ: «Да це к Сопиным хградская. Маскалька, не хахлуха»...

Елена так смешно скопировала тёток-хохлушек, что Света рассмеялась.

– А я другое помню: как ты ревностно к внучке твоей бабы Прасковьи Фоминичны относилась, как она тебя с вызовом спрашивала: «А знашь, пачему меня Людой назвали?» И тут же резко добавляла: «Да патому, што пахганее имени придумать не махгли».

Теперь Света изобразила волуйковскую девчонку и рассмеялась уже Лена...

– Точно. Это пока мы не подружились с ней, а потом концерты устраивали, репетировали, с обязательным пением «Марічки»:

В'ється, наче змійка, неспокійна річка,
Тулиться близенько до підніжжя гір.
А на тому боці, там живе Марічка,
В хаті, що сховалась у зелений бір...

Бабуля моя эту песню очень любила. Вот спела куплетик, и подумалось – душа её порадовалась...

– Насколько я помню по твоим рассказам детским, вы даже пригласительные билеты на свои концерты писали, было такое? – видя, что у Лены из глаз могут брызнуть слёзы, сказала Света, расправляя диван для сна.

Лена, подавая ей постельное бельё, смахнув скатившуюся слезу, подтвердила:

– Точно, точно, напишем и всем по деревне разнесём, а потом слышим, как бабки переговариваются: «Казимира, ты на концерт-то идёшь, дивчатки седня делают?» «Ой, та канешна пийду. Я вона касынку нову надела даж». Мы с девчонками тогда через огороды к реке Оскол купаться ходили, и все пускали нас запросто, хотя для приличия всегда разрешения спрашивали. Нам отвечали: «Проходите, проходите, вы ж артистки, тай охгурчикив на ричку надёргайте, солькой поприсыпитэ и будет, штой на зуб кинуть». Мне до сих пор юмор местных пацанов помнится. Один другого спрашивает: «У тоби рубль е-е-е?» «Та е-е-е железный!» «Та завэрни у бумажный, шоб я нэ загубыв»...

– А помнишь, Лен, как нам баба Фёкла про войну рассказывала и добавляла ещё, чтоб мы об том никому не говорили, особенно про фрицев? – спросила Светлана.

– Про то, как они танцы в деревне устраивали, когда ещё наступали?

– Ну да...

– Конечно, она мне частенько про это рассказывала. И про то, как на губных гармошках играли они, а деревенские парни на балалайках и мандолинах рядом, как танцевали вместе. Тогда они не безобразничали ещё, не озлобленные были, зашли в Россию-то уже как победители, но и про то она говорила, что после Курской дуги их по холмам вокруг деревень сотнями навалено было. Наших тоже много полегло, но фрицев больше, и деревенские мальчишки, когда морозы стукнули, в отместку немцам набрасывали на головы их трупов верёвки и скатывались на них с горок, точно на санях... Матери, прознав про то, затем им такие трёпки устраивали!

– И как не боялись-то, – передернулась Света... – Хотя, наверно, у мужчин с малолетства и до старости особого страха к покойникам нет... Помнишь рассказ бабы Фёклы про волуйковскую девчонку?

– Как не помнить. То случилось ещё, когда бабуля сама девчонкой малой бегала. Жила у них в деревне одна «дивчинка младэнька», отец в ней души не чаял, одна она у него была. Каких только украшений не покупал, хоть годами совсем «невеличка» была. Правда, «и хоронил их от ней до времени». А та однажды нашла шкатулку-то и стала украшениями играть. Да не заметила, как отец вернулся, с испугу колечко одно в рот и кинула, спрятать чтоб, да, видно, и сглотнула нечаянно. А оно ей воздух перекрыло, вот задыхаться и начала. Отец-то её и так и сяк трясёт, а дочь прямо в его руках-то как-то и затихла враз. Перед кладбищем он, точно ополоумевший, обрядил её всю в золото да побрякушки, что покупал, так и похоронил. А ближе к ночи два кладбищенских пропойцы, что девчонку закапывали и в цацках видели, решили по-лёгкому разбогатеть. Раскопали могилу, раскрыли гроб и стали золото с девчонки снимать да, видно, испугались чего, бросили тело в могилу, а сами спрятались. Прошло несколько минут – тишина. Вылезли, стали то, что бросили, когда прятались, подбирать,

и тут до них из могилы тоненький голосок доносится: «Помогите мне, дяденьки...» Тех страх обуял, а голос сильней звучит: «Помогите, дяденьки, живая я, не мертвец...» Хоть и страшно им, а заглянули в темноту, а там и впрямь девчонка живёхонькая стоит, руки к ним протягивает, только бледненькая... Оказалось, она в кому впала, а когда грабители-то её в яму бросили, колечко-то из горла и выскочило, а она в себя пришла. Пропойцы подхватили девчонку, золото с украшениями и прибежали виниться к её отцу, мол, нечистый попутал... А тот, узнав обо всём, не только от них награбленное не взял, так ещё денег за спасение дочери дал, что с того света ему её вернули.

– «Во как бывает», – добавляла в этом месте твоя, Лена, бабушка...

– Точно, а ещё рассказывала, что в тех местах, где бабуля родилась, ведьмы жили. Люди хоть к ним спокойно относились, но осторожничают, уважали, на свадьбы, похороны приглашали. А тут стала одна пара свадьбу играть, жених и невеста люди православные, не стали ведьму звать. Едут в церковь венчаться и видят: впереди бланится им женский силуэт с волосами распущенными. Не успели глазом моргнуть, как он в один миг в колесо обернулся и на ветвь дерева почти рядом повис. Кони на дыбы встали и ни туда ни сюда... Так они в этот день в церковь и не попали... А тебе твоя баба Катя ничего такого, Свет, не рассказывала?

– Да вроде нет, – напрягая память, произнесла Света.

– Что-то мы с тобой на ночь глядя стали истории страшные вспоминать...

– А так всегда и бывает, тёмное время к себе тёмные истории и притягивает. Нет, дорогая, пока не заснули, один бабулин рассказ расскажу. После войны голод был, а мать бабулина младшей дочке, Грушей звали, из парчи платье решила сшить, девка-то на выданье. Накопала мерзлой картошки и поехала в город продавать. Рядом с базаром не одну лавку обошла. Тут к ней мужичонка подходит и говорит: «Мамаш, что надоть-то? Ткань? Каку?» А та ему как на духу, мол, парчу дочке на платье ищу». «А нет парчи. Давай деньги, я тебе хорошу ткань принесу». Ну та и сунула все, что с картошки выручила. Ждёт, ждёт, мужичонки нет. Не уходит, упорно ждёт, как ей без ткани-то? И тут он перед ней голышом нарисовывается с одной балалайкой в руках. Бряк-бряк и, скалясь, запел: «Вот вам ситец, вот парча. Деньга ваша, счас – ничья...» Ох мать бабули и взвилась на него! Сумкой по бокам так отхлестала, что тому мало не показалось, а денег-то всё равно не вернуть...

И уже зевая добавила:

– А ещё помню, как баба Прасковья на керосинке готовила, и просыпалась я у них всегда под запах пончиков, а когда варенье вишнёвое деревенские в тазах на улице начинали варить, я знала уж: скоро мне бабулю ждать, приедет забирать меня в Светлое...

– Вот и хорошо, – произнесла Светлана, тоже зевая, – по-доброму тепло и светло мы помянули твою бабушку, подружка моя...

– Вечная ей память, вроде всё сделала, как велела она. Девять дней и сорок уже дома с семьёй поминать буду, а ты, Светик, здесь без меня на могилку сходи, ладно?

– Могла бы и не говорить. Само собой разумеется. Ладно, спим, мне ведь на работу завтра идти...

Тапочки

Когда после больничного Валентина вернулась вновь на работу, тут же столкнулась с новой историей в общежитии.

– Я больше не могу жить на втором этаже, не могу. Она мне во всех окнах мерещится...

Кричала Людмила Мозговая, молодая женщина, мать троих детей, вырываясь из крепких рук мужа. Её крик собрал на лестничной площадке общежития всех жильцов.

Семейный этаж третий, но Мозговым была предоставлена угловая, самая большая комната на втором. Семья считалась многодетной и не совсем благополучной. Муж старше жены лет на пятнадцать, ревнивый, любящий пропустить за воротник, а потом предъявлять Людмиле разные претензии. Поэтому Валентине раз за разом и приходилось разбирать семейные конфликты этой парочки. Однажды Людмила, хорошо поддав, поссорилась со своим благоверным и чуть было не зарезала муженька. Горячности ей было не занимать. Хорошо, участковый общежития Николай Морозов на месте оказался, успел кухонный нож из её рук выхватить.

Увидев Людмилину истерику сейчас, Валентина сначала предположила – обычный семейный скандал. Но, прислушавшись к выкрикам выпившей женщины, поняла, что на этот раз с ней происходит что-то другое.

– Я больше не могу, она меня зовёт... Я боюсь её...

Подойдя ближе, Валентина спросила, в чём дело.

– Вы что, Валентина Алексеевна, не знаете? Моя подруга выбросилась из окна! Разбилась она, не знаете?!.. А теперь зовёт меня, зовёт!!! – кричала Людмила.

Губы её тряслись, чуть выпуклые красные глаза на худом лице с запавшими щеками, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Неприятно пахло перегаром.

Архипова поморщилась.

– Да, Валентина Алексеевна, я выпила, – напирая на неё плоской грудью, кричала Людмила. – Я теперь постоянно выпиваю, чтоб с ума не сойти. – Её глаза в этот момент, казалось, жили сами по себе. Они безумно вращались в орбитах, то прячась, то выкатываясь своими полукругами из-под век.

– Успокойся, Люда. Зайди в комнату. А Вы, Леонид, – обратилась Валентина к её мужу, – дайте жене воды. Через минуту я подойду к вам.

И уже обращаясь к жильцам, предложила:

– Расходитесь, расходитесь, товарищи. Лера, а ты задержись, – попросила она Людмилину приятельницу по общежитию.

Когда в коридоре никого не осталось, велела Лере толком объяснить, что произошло.

– Людка нам говорила, – начала та, – что после самоубийства подруги покойная ей теперь везде чудится. Да и окно коридора, и окно в туалете из общежития выходят на кладбищенскую дорогу. По словам Людки, к ней по этой дороге покойница и приходит. Людка очень дружна была с Динкой, той, что выкинулась из окна. Сильно переживала. Её в день похорон раза три на «Скорой» увозили. На груди её рыдала, ничего не соображая. Бабки говорили: «Не плачь в гроб к покойнице, нельзя это». Она их не слушала, а теперь каждый день вот такие истерики закатывает.

– Спасибо, Лера, теперь всё ясно.

Валентина зашла к Мозговым. Двое маленьких детей в грязных одеждах сидели на полу и мирно играли в кубики, третий, младшенький, капризничал в детской кроватке. На засаленной плите Леонид варил ребёнку еду. Людмила сидела за столом в тяжёлом забытии, положив голову на руки. В комнате стояла ужасная смесь запахов нестиранных детских пелёнок, подгоревшего молока, курева и перегара. Преодолевая отвращение, подкатившее к самому горлу, Архипова спросила:

– Она что, заснула?

– Вырубилась. Но это ненадолго. Людка из-за этой дуры, её подруги, теперь ночами не спит и мне не даёт.

– Как проснётся, пусть ко мне зайдёт.

– Скажу, Валентина Алексеевна, скажу...

Примерно через два часа Людмила появилась в воспитательской. Она уже успела сменить замызганный старенький халат на хоть и застиранное, но свежее платье, умыться, причесаться. Прошедшую её истерику выдавали только глаза, в которых мёртвой хваткой обосновался страх.

– Садись. Рассказывай, что тебя мучает? Может, на семейном этаже вам комнату дать?

– Оно, конечно, хорошо бы, да только комнаты там все маленькие, наши шмотки ни в одной не поместятся... Если бы она меня, Валентина Алексеевна, не преследовала, нам здесь очень даже ладно жить.

– Тогда расскажи о ней, если можно, конечно.

Людмилины блекло-серые глаза прямо выкатились на Валентину.

– Она каждый день во сне ко мне приходит. Один раз, приснившись, говорит: «Зачем ты, Люда, на меня плакала, мне теперь так сыро лежать». В следующий раз попросила купить тапочки. Её мать в туфлях на каблуках похоронила, так она теперь у меня просит тапочки. Я их купить-то купила, а как ей передать – понятия не имею. Хотела на кладбище снести – говорят, нельзя, надо только с покойником передавать. А где его взять, покойника-то? Если только сама на тот свет не отправлюсь.

– Слушаю я тебя, Люда, внимательно и думаю: у тебя что, детей, мужа нет? Тебе что, жить надоело? Ты же её сама к себе притосковала, а теперь мучаешься. Тебе это надо? – тихо спросила Валентина.

– Знаю... но поделаться с собой ничего не могу. Спать не могу. Вчера она ко мне во сне пришла, села на моего Лёню сверху и хочет с ним любовью заняться. Я ей говорю: «Дина, зачем ты на моего мужа села, я с ним живу». А она отвечает: «Ты ведь, Люда, знаешь, что у меня только голова пострадала, – и показывает мне на голову, а та вся в крови. – В остальном я целая. Почему же мне с твоим мужем любовью не заняться?» Я её прошу уйти, а она в Леонида вцепилась и не отпускает. Муж меня еле разбудил, сказал, что я во сне сильно кричала и плакала.

– Люда, ты крещёная?

– Конечно, мы все крещёные, а она, Валентина Алексеевна, нет.

– Съезди в церковь в область, помолись, свечку поставь, святой водой комнату побрызгай, молитвы читай, иконку в постель положи и не думай о ней. Мне одна бабулька рассказывала, как нужно в таких случаях поступать. Сколько уж дней прошло?

– До сороковин ещё больше двух недель надо ждать.

– Вот и постарайся... После она точно от тебя отстанет. А своими думами ты и её

душе покою не даёшь. Разве ж можно так с покойниками? Прикажи себе и не думай.

– Как не думать, как не думать, если думается? – всхлипывая, запричитала Людмила. Валентина разозлилась:

– Ну что ж, дети тебе не нужны, муж тоже побоку. Раздели их с ней. Она ведь именно это предлагает? А мы вас всей семьёй на погост проводим. И нечего истерики на всё общежитие закатывать. Собирайся прямиком к ней. Позови покрепче, глядишь, заберёт. И тебя, и твоих детей, и мужа в придачу.

– Нет, нет, что Вы, Валентина Алексеевна, не могу я деток бросить, ей об этом уж не раз во сне говорила.

– Так я понимаю, ты с ней на высшем уровне переговоры ведёшь! Продолжай в том же духе... Только помни, здесь шутки плохи.

– Я ведь понимаю... – утирая глаза, говорила Людмила.

– Пересиль себя, семьёй займись. В комнате порядок наведи. Ты ведь женщина! В комнату не зайти – вонища такая стоит, что наизнанку выворачивает. Не стыдно? Ведь твои кровные дети этими парами дышат. Ты их-то пожалей. Так и отравиться недолго.

– Займусь я комнатой, обещаю, займусь. Мне и муж об этом говорит... И ещё говорит, что ему жена здоровая нужна. А мне, когда в третий раз на «скорой» увозили, сказали: ещё раз – и инфаркт обеспечен.

– Правильно муж говорит. А про тапочки ты у продавщицы Зинаиды попытай, она тебе всё популярно объяснит. Рассказывали мне, что она матери своей, покойнице, что-то передавала. И подумай, как дальше жить.

Больше истерик у Людмилы не было. Продавщица Зинаида рассказала ей всё, и тапочки были переданы подруге Людмилы с первым же появившимся в городке покойником. А после сороковин та её и вообще в покое оставила. Что и говорить – живым о жизни думать надо!

Зашёл просто по душам поговорить

Смех смехом, но повадился в библиотеку ходить мужчина с нелепой фамилией Клячкин и всегда со своими просьбами обращался именно к Светлане. Она уже не знала, куда от него прятаться. Знала Светлана Клячкина активным читателем ещё лет семь назад, но близко в контакты с ним вступать ей особо не приходилось. Затем он на несколько лет из Светлого исчез, а тут вновь появился, и вновь повадился в библиотеку ходить, и всё к ней норовит попасть...

– Привет, – говорит и по-хозяйски проходит в читальный зал, садясь напротив Светланы.

– Привет, – отвечает она ему, – с чем на этот раз пожаловали? Опять какой-то особый материал требуется?

– В общем нет, зашёл просто по душам поговорить, – сказал он, не требуя возражений.

И хотя у Светланы свободного времени не было по душам разговаривать, она решила быть внимательной, ведь какой-никакой, но читатель.

– Что ж, давайте поговорим. В последний приход Вы сообщили, что собираетесь в Москву, когда едете?

– Скоро, – коротко ответил он.

– По делам или прогуляться?

– По делам. Прогулки – это для праздных людей, а я еду ремонт дома контролировать.

– Какого дома, если не секрет?

Светлане был неприятен его взгляд в лоб и потому она забрасывала Клячкина вопросами, чтобы хотя бы как-то отвлечь его от нескромного разглядывания её. Он, удивлённый её вопросом, ответил:

– Конечно своего.

То, что у него в Светлом был небольшой ветхий домишко на краю городка, Светлана знала, но чтобы в Москве? Это для неё было новостью.

– У Вас в Москве есть собственный дом? Я понимаю – у нас, в Светлом. А в Москве больше многоэтажки настроены. Может, Вы так свою квартиру называете?

– Была бы квартира, я так бы и сказал. А у меня там четырехэтажный дом. Сразу за Спасскими воротами, – сказал он, поглаживая усы и наблюдая, какой эффект это известие произвело на Светлану.

– Не поняла...

– Да ты что, Светлана, словно маленькая? Тебе же русским языком сказано – дом четырехэтажный, одноподъездный. Его ещё мой дед строил. Потом там КэГЭБэшники себе штаб устроили. Этот дом государство не стало брать в собственность, вот он мне и достался.

– Одному что ли? – вновь спросила Света.

– Одному, – уверенно ответил Клячкин, – хотя вообще-то у меня родни много, сестры в основном. Но они боятся всего, а потому отказались...

Слушая его ответы, Светлана силилась вспомнить имя Клячкина и не могла. Клячкин да Клячкин, а как зовут – напрочь из головы вылетело. Чтобы не мучиться, подумала – в разговоре само по себе всплывет, и задала новый вопрос, меняя тему разговора:

– А где Вы сейчас работаете?

– Нигде не работаю, – сказал как само собой разумеющееся Клячкин. – Понимаешь ли, дорогуша, я всю жизнь состою на службе в КэГЭБэ. Меня ещё в детстве мальчишкой в Штаты забрасывали.

До Светланы наконец стало доходить, что у этого их читателя, скорее всего, «поехала крыша», и, подыгрывая ему, она заинтересованно опять спросила:

– Да Вы что? А где же Вы тогда родились?

– В пещере между Анапой и Севастополем, – преспокойно ответил тот.

– Где?

– В пещере!

– А сколько Вам лет?

– Полтинник стукнул, – с охотой отвечал Клячким, видя к себе неподдельный интерес.

– А что это у КэГЭБэшников вдруг возникла столь острая необходимость Вас в Штаты забрасывать?

Светлане трудно было разобраться, где этот человек говорил правду, а где сочинял. Что знала она о нём точно, так то, что он проходил сверхсрочную службу на

Юге страны в отдалённых точках. И тут она услышала ещё более фантастическую версию его жизни.

– Я наследным помазанником Божиим был, за это меня и хотели выслать.

– Каким наследником?

– Каким, каким, – начинал уже нервничать Клячкин непонятливости библиотекарши, – естественно, Романовым!

– Простите, не поняла? – недоуменно извинилась Светлана.

– Ну что непонятного, сыном я царю Николаю прихожусь.

И тут Светлана не выдержала и рассмеялась.

– Кем?

– Сыном. Между прочим, зря смеёшься.

– Ради Бога, извините, просто не ожидала такой ответ услышать. Всё равно как у Ильфа и Петрова – сыновья лейтенанта Шмидта. Какое же Ваше сегодня полное имя получается?

Клячкин вскочил со стула, вытянулся и отчеканил, как офицер Белой армии:

– В таком случае разрешите представиться – Романов Владимир Николаевич!

– А под каким живете? – спросила обрадованная Светлана, что так легко вычислила имя своего собеседника.

– Клячкин Владимир Иванович.

– А почему Клячкин?

– Чтоб не убили. Мне ведь тоже жить хочется. Скажи, тебе когда-нибудь заливали в горло раскалённый свинец?

– Слава Богу, нет, – сказала Светлана, интуитивно дотронувшись до своего горла.

– А мне заливали. Видишь, у меня два кадыка. Не подумай, это не от водки. Это у меня от свинца, – и он ещё больше выпятил свой и так острием выпирающий кадык.

Несколько минут ранее зашедшая в читальный зал Ольга Каюмова, слушавшая разговор Клячкина и Светланы, подошла к ней и, извинившись, прошептала Казаковой на ухо:

– Света, ты что, не видишь? У него конкретно «крыша едет», – затем уже вслух добавила. – Девчата, пошли чай пить, приходи, ждём!

Когда Каюмова ушла, Клячкин заговорчески произнес:

– Мне умирать нельзя было, вот я и выжил.

И тут у Светланы проснулся спортивный интерес поймать на чём-нибудь этого фантазёра.

– Стоп, стоп. Давайте-ка по порядку. Вы сын Николая II, последнего российского царя. А во сколько же Вас, извините, царица родила? Я так предполагаю, что ей при родах должно было быть около семидесяти?

– Если отец с 1868 года рождения, то матушка младше его на десять лет, значит с 1878-го. Я родился в 1944-м. Ей было 66 лет.

Он сказал это всё так естественно, с таким знанием биографий российских монархов, что ему позавидовал бы любой профессиональный актёр. И тут Света решила вывести его на чистую воду, сказав:

– Вы меня, конечно, простите, но, насколько мне известно, женщины в этом возрасте не рожают уже.

А Клячкин точно ждал этого вывода, потому тут же ответил:

– Не забывайте, это обычные женщины не рожают, а то царица. Кстати, после меня матушка еще несколько дочерей родила. И между прочим, по большому секрету сообщу, родители мои и по сей день живы. Отцу сейчас 125 лет.

Светлана подумала, что у неё самой скоро с такими разговорами «крыша поедет», ей уже было захотелось послать его куда подальше, но любопытство перебороло.

– И где же они живут, если не секрет?

Ответ был ошеломляющим. Оказалось, российские монархи, расстрелянные в 1918 году (факты неоспоримые), жили не где-нибудь, а у них, в Светлом.

– Честно говоря, Владимир Иванович, я знаю практически всех людей Светлого и скажу, что подобных старцев в нашем городе нет.

– А их старцами и не назовёшь. Они у меня ещё в силе. Диеты там разные, посты. Всё соблюдается. Живут, разумеется, под разными фамилиями. Ты что, Светлана, сомневаешься или я совершенно не похож на своего отца?

И тут только до Светланы дошло, что а ведь на самом деле этот Клячкин имел сильнейшее портретное сходство с царём Николаем! Может, на этой почве у него «сдвиг по фазе» и произошёл? Он ещё рассказал ей и про КэГЭБэ, и про певицу Анастасию, что ему сестрой приходится, и про своё творчество, что у него под разными фамилиями семьсот книг и брошюр вышло, а Светлана слушала и думала: «Вот ведь какое смутное время пришло, уже и дети царя стали объявляться, что ещё от такой жизни ждать?» А её собеседник все говорил и говорил:

– Тут Горбач ко мне приезжал, просил во главе политбюро встать, но я пока отказался... Ты вот как библиотекарь сколько получаешь?

– Около двадцати тысяч, – произнесла печально Светлана.

– Это двадцать рублей на старые деньги. А когда я к власти приду, у меня рубль 500 долларов стоить будет. Ельцин долго не продержится. Это ведь не кто иной, как Гришка Отрепьев. Вот увидишь, Светлана, я к власти приду, и цена рублю в пятьсот раз поднимется.

После того как Светлана рассказала сотрудницам библиотеки об этом «уникуме», его стали все звать не иначе как «Николай II»...

Судьба Татьяны

– Валентина Алексеевна, можно к Вам? – просунув голову в двери, спросила Татьяна Макарова – (большая), которую Архипова недавно заселяла в комнату общежития.

– Да, конечно, Таня, проходи. Что-то случилось? – спросила Валентина.

– Да нет, так, захотелось с кем-то поговорить, – немного смущаясь, ответила молодая статная женщина.

– Тогда смелее, что ж двери собой подпирать! Располагайся в кресле. Угощать, правда, нечем, вот если только солёными сухариками, да чай вскипачу, – протянув кулёк с сухарями, предложила Валентина. – Дочь-то в садике?

– Да, спасибо, что помогли пристроить, теперь хотя бы о ней голова не болит. А Вы не беспокойтесь, я чай в комнате у себя уже попила...

– А ты откуда в Светлое приехала, Танюша? – спросила Валентина.

– С Видяева, есть такой небольшой городок в Мурманской области.

– С Видяева?! Так мы с тобой почти землячки. Ведь я несколько лет в Мурманске жила и в ваше Видяево к подводникам выступать ездила. А каким ветром тебя сюда-то занесло? Мне-то Светлое – дом родной, а ты как очутилась здесь? – удивилась Архипова.

– В 1991 году, когда Украина отделилась от Советского Союза и стала независимым государством, к нам в Видяево приехал капитан, отказавшийся служить на Украинском флоте, потому как присягал в верности Отечеству, которое распалось, но по духу своему он продолжал оставаться человеком русским. Весь командный состав подлодки, на которой капитаном ходил Михаил Крутой, полностью списался на берег. Все разъехались кто куда. Михаил приехал к своему другу в Видяево в надежде, что здесь найдет себе подходящее место... В это время мы с ним и познакомились, а потом и полюбили друг друга. Он отец моей дочурки, о которой, правда, ничего не знает.

– Как же так, Вы что, разошлись?

– Нет. Когда мы познакомились, он честно признался мне, что женат, что жена его с дочерью остались в Севастополе. Что в последний свой приход домой из автомашины он застал свою жену с другим мужчиной и из дома ушёл. С женой у них уже давно были не самые милые отношения, но дочь он очень любит и хочет у жены её забрать. Я видела, как он страдал от разлуки с дочерью, и когда, не найдя подходящей работы в Видяеве, сказал, что поехал разобраться со своими семейными отношениями в Севастополь, а затем вернётся ко мне. Уехал. Время шло, а он не возвращался. Я уже родила свою Катюшку, а он всё не приезжал. В Видяеве у нас в те годы стало совсем плохо жить. Военные хотя бы какой-то паёк получали, а гражданским – хоть плач. Я уже совсем отчаялась Михаила дожидаться, и в это время мне подруга газету с адресами желающих познакомиться и принесла, убедила написать по адресу в Светлом. Говорила: «От тебя не убудет, если напишешь, а вдруг там счастье тебя поджидает? Не век же одной с ребенком куковать!»

Ну, я хоть с неохотой, но написала. Ответа долго не приходило, уже и ждать перестала, как пришло из Светлого письмо. Нерешительно открыла конверт и стала читать. Парень писал, что был четыре месяца в командировке, потому так долго не отвечал. У нас завязалась переписка, а ещё через месяца три он с матерью приехал ко мне в Видяево ближе познакомиться. С недельку погостили и пригласили теперь приехать к ним в Светлое. Приехала, городок мне понравился, спокойный, добрый...

– А парень-то кто? – заинтересовалась Валентина. – Знаю ли?

– Да, Клавдий Пономарев...

– Небольшого росточка, ещё немного заикается?

– Тот самый. Заикается и совсем некрасивый, – печально произнесла Татьяна.

– Так ведь не с лица воду пить, – чуть наставительно произнесла Валентина.

– Вот-вот, и я так подумала, пусть почти на голову ниже меня ростом, некрасивый (я его с Квазимодо из «Собора Парижской Богоматери» сравнивала, только горба и не хватало), но, как говорится, лишь бы человек был хороший. С одним красивым я уже пожила. Приняла его предложение и замуж вышла. Сразу в городе я никак не могла работу найти – в школе все ставки заняты, и тут свекровь пилить меня

начала (жили-то мы вместе), мол, долго ли я буду на их шее с сыном сидеть, да ещё с дитём. Бывало, своим дурным настроением она полностью заполняла пространство, всасывая в себя весь воздух, какой был. Вот тогда становилось совсем невыносимо, я начинала задыхаться, и чтобы хоть как-то восстановить свои силы, выбегала на улицу отдышаться... Через время мне передали, что в школе освободилось место воспитателя группы продлённого дня, я бегом устраиваться. Теперь свекровь стала сына пилить, что он всё своё свободное время жене уделяет, а её забыл, и свою неудовлетворённость и обиду материнскую стала на дочери моей вымещать: раз отхлопала по попе, другой – наказала, поставив в угол на три часа, третий – вообще из дома отправила куда подальше. Терпела я всё это, терпела, да и высказала мужу. Узнала об этом свекровь и заявила мне, чтобы я из её дома убиралась на все четыре стороны.

– А что же муж? – удивилась Валентина такому повороту дела.

– Сказал, что мать права и если я хочу с ними жить, должна извиниться перед ней. Я отказалась. Собрала вещи и в школу к директору пришла, а уж та созвонилась с заведующей общежития и устроила меня сюда жить. Свекровь, как прознала, что мне комнату в общежитии дали, стала с сыном, мужем моим, про меня разные сплетни распускать, пакостничать, ну я на развод и подала. Раз уж коса на камень нашла – жизни не будет. Мы с дочерью это уже проходили. Сначала всё плакала, обидно ведь, второй раз замуж пошла – и опять не сложилось. Хочу Вас, Валентина, спросить: я что, уродка какая или недоразвитая? Почему мне с мужиками счастья нет?

– Тебе ли, Танюша, на себя жаловаться! И стать, и красота, и ум – всё при тебе, вижу, и характером не обделена. Сейчас главное духом не падать. Значит, счастье твоё не созрело ещё, потерпеть надо. А может, оно на пороге стоит, только постучаться боится. Мы, женщины, все одинаковы: нам счастье сразу подавай, да ещё на блюдечке с золотой каёмочкой, а жизнь, она сначала в бараний рог согнёт, на прочность испробует, а уж потом подарками осыпать начнёт. Так что жди, улыбнётся удача и тебе, обязательно улыбнётся, не надо только отчаиваться, – говорила Татьяне Валентина, не очень веря своим словам потому, что и у самой жизнь тоже не складывалась...

Сон – Слово за Россию

На 1 июля 1994 года Светлане приснился необычный сон. Видит столы накрытые, за ними множество народу сидит. И тут встала во всем чёрном женщина и стала провозглашать конец России, конец света и жизни на земле. Светлана слушала, слушала её и, наконец не вытерпев, прервала речь «чёрной женщины», как она её для себя обозвала. Начала стыдить, ругать за такие слова, за то, что в головы молодых мысли крамольные вбивает. Та стоит против Светланы силой тёмной, а Светлана точно лучиться вся начала. Не обращая никакого внимания на женщину в чёрном, вдруг громко заговорила о вере в возрождении России. Да с такой уверенностью, с таким светом в душе, что физически увидела, как свет тот на всех людей от неё изливаться стал. А чёрная женщина в этом свете блекнуть и отступать начала. А когда совсем растворилась, Светлана подумала: слава Богу, спасла Россию...

На Исток речушку

Валентина последнее время уводила себя от общежитских проблем, только всецело погружаясь в книги. Она с детства любила читать, потому и сейчас при удобном случае брала с полки книгу и отдыхала душой. Прочла повесть Валерия Золотухина «На Исток речушку – к детству моему», и её вновь потянуло к дневнику: *«Я что о себе думаю? Что хорошая, честная и душа у меня чистая. Ан нет, чего уж здесь-то таится. Сегодня про Анну Токареву, заведующую общежитием, с девчонками говорила, осуждала её и вдруг в разговоре поймала себя на мысли, что хочу в глазах других лучше, чем она, выглядеть. Вот это честно. Господи, ты ведь читал мои мысли, что ж не остановил? Обидно, что никакой я не чистый человек, а туда же Бога – поминаю. Поступки свои оправдываю, а сама грешница, не отмыться. Может, Ты мне, Господи, Анну как испытание послал, а я не оправдала Твоих надежд. Говорят же: нас кто-то всё время искушает. Не кто-то – мы сами. Мы приумножаем свои грехи походя, даже не замечая того, а потом восклицаем: прости, Господи! Сколько ж ещё грязи в жизни у нас! И она, эта грязь, в кровь всасывается, в мысли вползает. И так захотелось в детство – чистое, светлое, ничем не замутнённое, в мечты. Наверно, все, мечтающие в детстве стать артистами, чем-то похожи друг на друга – может, своим внутренним, каким-то особым светом. И наверно оттого, что до конца не осуществилась главная мечта моей жизни – стать настоящей артисткой, в душе нет полного ощущения счастья. И я точно золотухинский Гоголь – в стремених запуталась, не вырваться. Будничность и суетность делает меня гадкой в своих собственных глазах, перед своей совестью. И Анне за все её махинации не верю, и сама себе противна. Противно, что в открытую против неё не пойду. Молчать буду, чтобы работы не лишиться. Хорошо хоть в общежитии работаю, не сижу на шее у родителей. Трусость это или осторожность? Стараюсь лучше быть, а получается наоборот».*

«Норма жизни»

Елена Полякова из Светлого, куда ездила приватизировать дом своей бабушки Фёклы, которая умерла весной 1994 года на 80-десятом году жизни, уезжала дальше в Ейск за детьми, которых устроила на смену в летний лагерь. На несколько минут забежала к Светлане в библиотеку только лишь обозначиться, что жива, и пригласить при случае быть в Энске, заходить в гости к ней.

– Мы теперь в Энске живём – поменялись с родителями. У Виталика предприятие в Железнодорожном закрылось, а я и того раньше работы лишилась, а здесь оба устроились, хоть какая-то копейка появилась, а родители Виталика уже пенсионеры, им всё равно где жить. Так что, Светик, жду, заезжай.

– Ленка, но разве ж можно вот так, как снег на голову? Хоть бы пару строк чиркнула, что едешь. Даже поговорить не удалось – заглянула, отметилась и пока-пока? – возмутилась Светлана.

– Свет, родная, как только освобожусь хоть немного, приеду, и тогда наболтаемся влать, а сейчас поезд уже через час. Люблю, целую, твоя Ленка.

Елена обняла подругу и, не давая ей прийти в себя, выбежала из читального зала.

Она видела, в каком недоумении осталась Светлана от их спешной встречи, но времени на разговоры уже на самом деле не было.

В плацкартном вагоне билетов не оказалось, и пришлось раскошелиться, чтобы наскрести на купе, зайдя в которое, увидела, что её нижняя полка занята. На соседней спала женщина с маленьким ребёнком. Обе верхние были свободны. На нижней, Елениной, крепко спал какой-то мужчина в военной рубашке. Лезть на верхнюю ей совсем не хотелось, тем более, что она с таким трудом достала билет на нижнюю, и только потому решила потревожить сон неизвестного. Тот долго не мог понять, чего от него хотят, когда же смысл дошёл, без всяких эмоций встал, перебросил свою постель наверх, обулся и вышел из купе. Она расстелила свою постель и легла.

Утром её разбудил монотонный стук ложечки о стекло гранёного стакана. Кто-то слишком громко размешивал чай. Этим «кто-то» оказался тот самый мужчина, что лежал на её полке. Женщины с ребёнком уже не было. Скорее всего, сошла на ближайшей станции. Пришлось встать, идти умыться и привести себя в порядок. Начинался новый день. Когда зашла, в купе попутчика на месте не оказалось, хотя вещи его оставались здесь.

Поезд мерно покачивало. Елена достала бутерброд и сок, перекусила и углубилась в чтение. Прошло около получаса, когда попутчик её с бутылкой коньяка в руке и большой шоколадкой появился на пороге распахнутого купе. Елена оторвалась от книги и чуть задержала на нём свой взгляд.

Это был высокий, крепко сложенный мужчина двадцати пяти – двадцати восьми лет с погонами старшего лейтенанта на плечах. Его коротко подстриженные волосы оказались совершенно седыми, чего сначала Елена не заметила, приняв их за светлые. На их фоне чёрные, сросшиеся на переносице брови выглядели ещё черней, а тёмно-серые холодные глаза отблёскивали свинцом. Большой крутой лоб прорезали две глубокие складки. Точёную линию носа завершали чуткие ноздри и несколько массивный подбородок.

Уловив взгляд Елены и приняв его за осуждающий из-за бутылки коньяка, военный, не терпя возражения, холодно произнёс:

– Законом не запрещается.

– А я разве Вам что-то сказала в упрёк? – спросила она.

– Да, своим осуждающим взглядом, – кивнул тот головой.

Елена пожалала плечами и добавила:

– Пока Вы не давали мне повода для осуждения, так что ради Бога, не обвиняйте меня в том, чего нет.

Видимо, военный был удовлетворён таким ответом. Сел на противоположное место, открыл коньяк, разломил шоколад, налил полстакана себе, затем вновь обратился к ней:

– Где ваша кружка?

– Зачем? – отрываясь от книги, спросила она.

– Под коньяк. Я же не алкоголик – пить один.

– А я с Вами пить не собираюсь, – возмутилась Елена.

– А кто Вам предлагает? Прошу просто пригубить... за знакомство. С живым человеком легче общаться, нежели просто с бутылкой. Уважьте.

В его голосе было что-то такое, чему нельзя было не повиноваться. И Елена, более не сопротивляясь, достала из сумки кружку и протянула своему необычному попутчику, предупредив:

– Только одну каплю.

– Договорились.

Он плеснул ей самую малость, себе же налил сразу полстакана.

– Меня Георгием зовут, а Вас как?

– Елена, – представилась она.

– Что ж, Елена, за знакомство, – сказал он, скупой улыбнувшись, а когда поднёс стакан к губам, добавил, – будем живы – не помрём.

Она только пригубила. Георгий протянул кусок шоколадки. Отказываться не стала, взяла и тоже чуть надкусила.

Георгий прикладывался к стакану с периодичностью в несколько минут, прося её при этом постоянно пригубить свой. Она смотрела на него и наконец, когда тот выпил больше половины содержимого бутылки, не выдержав, осторожно сказала:

– Вам не кажется, что Вы много пьёте?

– Да, – согласился он бесцветно и добавил поясняя, – Чечня мстит. Год прошёл, а я до сих пор живу в том времени. Не поверите – трезвым там был в день приезда и в день отъезда. Командир сказал: «Если не хочешь свихнуться, смотри на эту войну, как на игру, и пей».

Человека точно прорвало:

– Первое испытание: мою роту бросили за сорок километров от Грозного. Паёк – на три дня, оставили на месяц. В затишье у нас лейтенанты разыгрывали, кому до Грозного за бутылкой ехать. Однажды выпало Юрке Лепёхе, чумному парнишке. БТР туда не погонишь, так он кобылу поймал, а она, стерва, без седла оказалась. Юрка на неё первый раз в жизни залез. Водяру привёз, а задницу в кровь стёр... Водку разлили, позвали его, а он лежит, бедный, на животе со спущенными штанами и клянёт нас матами, на чём свет стоит. Смех! – мрачно выдавил из себя что-то наподобие улыбки Георгий. – А однажды у него «крыша» капитально поехала. Залез в БТР и давай из пулемёта по своим палить... Пока весь диск не расстрелял, не остановился.

Пока Георгий рассказывал о Лепёхе, Елене вдруг вспомнился случай с Сашкой Соболевым. Он прекрасно катался на велосипеде и как-то решил совершить велопробег от Светлого до деревни Лебяжьей и обратно, в общей сумме километров пятьдесят наберётся, не меньше. Спорил с парнями, что за день обернётся. Когда парни и девочки его на обратном пути встречали, сначала понять не могли, почему он «стоймя» едет. А когда приехал да с велика слез, увидели, что его штаны сзади алюминиевой проволокой прихвачены, которой он так в езде заднее место натёр, что несколько дней садиться не мог. Сказал, что, уже отъехав от деревни километров на пять, решил спуститься к реке напиться да минут пятнадцать отдохнуть, но поскользнулся и об корягу штаны-то и разодрал, а как с рваными штанами в городок въезжать? Вот там же в кустах нашёл кусок проволоки и «зашил» брюки ею... Где он сейчас, Сашка Соболев?.. Елена забыла о нём даже у Светланы спросить... Возвращаясь в реальность, она, догоняя рассказ своего неожиданного попутчика, спросила:

– Лепёха-то этот задел кого?

– Нет. Ребята вовремя заметили, схоронились. Все уже знали, что его временами «клинит». После он прощение просил: «Я-я-я я не знаю, как это получилось, враги примерещились»... А ему мой дружок Серега отвечает: «Я-я-я... В ж... у тебя, Лепёха, хвоя... Я... Ты на кого пену сдувал? Не успеешь увернуться мы, всех бы точно в сухой батон покрошил». Вот так порой мы «крыши» свои и догоняли... В Грозном, особенно ночью, на каждом шагу – патруль, если из развалин города выбраться не удалось, попадаешь под шквал ослепительных ракет и трассирующих пуль. Я там заметил – весна, а птицы не поют, им тоже война не по нраву.

Так неожиданно судьба столкнула Елену с человеком, прошедшим ужасы Чечни. Тех, кто говорил открыто о них, в то время было ещё мало. В газетах она, конечно, кое-что читала, потому как было небезразлично, свой сын подрастал, но чтобы вот так – глаза в глаза с тем, кто там воевал, ещё не разговаривала. И сразу поступки этого молодого военного стали понятны ей и оправданны. Появилось даже чувство сопереживания. Ходили слухи о том, что снайперами туда за большие деньги нанимались в основном женщины, и ей захотелось узнать, правда ли это. Спросила:

– Ну а со снайперами приходилось дело иметь? Говорят, там женщины в этом специализировались?

– Разве такие... достойны звания женщины? Сучье отродье... Извините, что выражаюсь, но большего они не заслуживают. Стреляли, стервы, по-особому. Ранят первого бойца в ногу или бедро, чтоб от боли закричал, закорчился, и ждут. Ну, ребята, знамо, на выручку... Вот тут снайперши их и начинают крошить. На моих глазах одному пареньку полчерепа снесла. Раз мои парни поймали одну... полячку... Она вопит: «Не смейте касаться меня, у меня дети!» Серёга, дружок, говорит: «Гошка, да она, сука, шестерых наших положила, а мы не трогать?» Пустили через роту, а потом гранату за пазуху и с девятого этажа... До шестого не долетела, взорвалась...

Георгий это рассказывал, а Елена вспоминала, как год назад, в 1995-м, пошла со знакомой во Дворец Культуры на проводы ребят в армию. Незадолго до этого в их городок пришла страшная весть о том, что в Грозном погиб недавний выпускник школы Василий Канатский. Это событие настолько потрясло всех, что проводы оказались окрашенными горечью слёз. На сцене призывникам зачитывались отрывки из сочинений-откликов – старшеклассников, которые хорошо знали Василия. У многих взрослых при этом чтении перехватывало дыхание, в горле стоял ком, а в глазах тех, кто прошёл страшное испытание Чечнёй, ужас и боль застыли.

Ведущая читала: «Я сына родила не для войны!» – и чувствовалось, какими невероятными усилиями она сжимает в горле свой собственный стон. У неё тоже был сын призывного возраста... А мальчишка-школьник писал: «Большая трагедия. Не могу себе представить, что я отучусь, войду во взрослую жизнь, а там года через два умру. Тогда зачем мне учиться, зачем жить до восемнадцати лет? Я, может, всю свою юность готовился, чтобы жить, а не для того, чтобы так скоро умереть...»

Георгий говорил, а Елена смотрела на него и думала: «Как рано этого человека состарила жизнь!»

А тот монотонно продолжал своё горькое повествование, будто вовсе не для неё совсем, а разговаривая сам с собой. Она не была даже уверена, видит ли он её.

– Солдатики в роте со школьной скамьи, автомата по-настоящему в руках не

держали. Учили мы их с гранатомёта стрелять. Я прицелился, показывая новичку, а он сдуру позади гранатомёта встал... Весь огонь, естественно, ему прямо в лицо и угодил. Стоит весь в копоти и таращится на меня белками испуганных, выпученных глаз. Волосы, и те опалил... Смех... – в который уже раз произносил он это слово так, точно выворачивал наружу самые мрачные глубины своей души. – Зато после лучше всех с гранатомётом управлялся. Своеобразное крещение огнём прошёл...

А другой парень «Крест мужества» за синяки получил.

– Как это? – не поняла Елена.

– На БТРе аккумуляторы сели, завести нечем. На горке стоял. Солдат, что в том БТРе техосмотр производил, нечаянно скинул тормоз-то, а так как задом сидел, то в обрыв и полетел. БТР все колеса потерял, но не разбился. Спустились мы к нему, подняли люк, а наш вояка оттуда с синюшным лицом выползает. Пока в обрыв трясся, собственными коленями на лице синяки-то и набил.

Серёга, дружок мой, тоже два креста имеет. Один достойно заслужил, а второй за то, что полкишлака снёс. По голубям стрелял... Для пояснения – жрать-то было нечего, забыло о нас командование, вот мы их и ели. Затем Серёга «духа» с автоматом увидел... Прицел навёл, выстрелил, а с «духом» и полкишлака одним ударом разнёс. Сели в БТР и туда. Постреляли остальных, набрали еды и обратно на высоту. Мы все там стреляли по всему, что движется. Когда мы туда летели, нам говорили: чеченцам с нами воевать нечем будет... А у них оружия – немерено, и дерутся, точно стая свирепых волков.

– Простите, Георгий, что перебиваю, но как это командование о вас забыть могло? – спросила с удивлением Елена. – Вы же не иголка в прошлогоднем стоге сена, о котором можно забыть.

– А, там такая неразбериха была! Подумали, что рота перебита, и крест на ней поставили.

– И что же, вы каждый раз, чтобы поесть, мирные кишлаки расстреливали? – ужаснулась она.

– Всяко было, – подтвердил жёстко он. – Я, чтобы своих солдат, например, уберечь, с «духами» договаривался. Они мне заплатят две-пять тысяч, и моя рота в них не стреляет, но и они мою не трогают. По соседям лупят. Может, слышали, в то время много серпуховских ребят полегло, омовцев? Нам везло...

А Елена думала – кому везло? А если брать вообще картину ужасного истребления русских парней в Чечне? Кто вернёт матерям их сыновей?

Припомнилось Елене, как в одной газете прочла стихотворение Максима Салтыкова, неизвестного ей поэта, посвящённое Чечне:

Всё шиворот-навыворот – свалка,
Истекающие медленной гибелью
Арбузы, помидоры, баклажаны.
Выпревшее, раненое, лопнувшее.
Босиком по такому надо!
Чтоб почувствовать смерть чужую,
С головой закопаться в мясо,
Чтобы рвотой хлестала правда...

Теперь оно всплыло в памяти ещё более жестокой правдой. И к ней пришло прозрение – этот молодой парень после нескольких месяцев, проведённых в Чечне, смотрел уже на смерть солдат как на что-то обыденное. К сердцу не брал, мол, подстрелили, подстрелили, не повезло – значит, судьба быть убитым...

– Война в Чечне – война денег, на которой все друг друга покупали. Те деньги, что я от «духов» получал, шли на еду. Ведь начальство-то нас ничем не снабжало. Как хотите, так и выживайте. Вот мы и выживали. Начальники, когда рота на задание уходила и в положенный срок не возвращалась, тут же катали матерям телеграммы: ваши сыновья пропали без вести. А если те через месяц объявлялись, без разговоров в другие регионы дослуживать направляли.

– А мне вот не совсем понятно, Георгий, почему Вы говорите, что это война денег? Разве здесь не этнический конфликт?

– Денег и оружия. Поверьте на слово. Когда наши войска с Афгана выводили, всё оружие на территории Чечни оставили. Там его скопилось немерено! Ну и, конечно, нефть, капиталовложения... Всё до кучи и всё в Чечне. На этой войне деньги «отмывались» за всё...

– Правдивее сказать, их «отмывали» кровью наших русских ребят, – добавила горестно Елена.

– Кровь и война – понятия неразделимые.

Георгий говорил всё с кривой то ли улыбкой, то ли усмешкой, при этом глаза его стекленели, и он опять тянулся к стакану с коньяком, не выпуская из рук сигареты. Елена, когда он закурил, не стала выговаривать ему, что в купе вроде как курить не полагается, просто предложила окно приоткрыть, чтоб дым не скапливался в замкнутом пространстве.

– Я-то, дурак, пистолет с Чечни припрятал, а дома раз что-то почудилось, выбежал на балкон и давай в прохожих палить. Хорошо, никого не задел. «Крыша» временами капитально едет, как у Юрки того... Знаете, наши командиры тоже хороши. Когда в Чечне был, в моём личном деле записали: находился в командировке в Нальчике. Ну не суки есть? Они б сами побывали в том «Нальчике». А на день Победы за Чечню все награды велели снять, хорошо хоть в параде поучаствовать разрешили... А мы что, прокажённые теперь, чтоб нам стесняться того, на что они сами же нас посылали?

Теперь Георгий говорил неистово зло, видимо, наболело...

– Я их что, просил об этом, или нам все ордена за просто так давали? У меня два ранения и контузия, а мне предлагали ещё на месяц остаться, мол, «капитана» получишь. Разве не хило в двадцать три капитаном ходить?... Только не таким способом. Отказался. Хватит, раз уже, как дурак, заглотил их наживку, а теперь... Теперь Чечня мстить начинает... Правильно говорил командир: «Если приблизишь то, что здесь происходит близко к сердцу, не выживешь, с ума сойдёшь». Вроде и не приближал, а вот ум за разум иногда всё же начинает заходить.

Гробов цинковых и тех не хватало, чтоб матерям их солдатиков-сыновей по «почте» послать. В учебках нам о гитлеровском вандализме говорили, а то, что делалось в Чечне, это не вандализм? Почти все трупы в обрыв сбрасывали, землёй заваливая. Там не разбирали, кто есть кто. Солдаты, местные жители, «духи» – всех

подряд под один бульдозер... Чечня во сто крат хуже Афгана. К тому ребят хоть по полгода обучали, готовили, а сюда неопытных «цыплят» со школьной скамьи засылали...

БТР идёт, а за ним цепь сопливых мальчишек бежит – основные силы считают-ся. Только перед тем, как их, соколиков, из тех траншей вытащить, по два стакана спирта на брата давали, затем прикладами в спины и зад... Так и выбивали... Вот они, как чумные, и бежали, тут же падая и взрываясь... Только кровь да куски мяса в разные стороны... Одно слово – смертники.

В Отечественную, в Афгане проще было. Знали: здесь ты, там враг. А в Чечне? Такие же, как мы, наши люди, российские граждане, а тебе приказ – из гранатомёта их, из автомата... На этой войне не до чувств и эмоций. Главное – выжить. Ты первый не выстрелишь, выстрелят в тебя, а грехи потом разбирать начнут.

Знаете, иногда месяц баб не видели. Изголодаемся, в кишлак нападение сделаем, поймаем одну-двух – и в роту. Когда все похоть удовлетворят, с миром отпускали. Но были и такие, что тут же за автомат хватались, тех сразу с гранатомёта разносили...

Георгий рассказывал так, будто это была норма жизни. Чеченская война разрушала все те нравственные устои, что в мирное время воспитывались годами, заставляя стрелять в своих соотечественников, мирных жителей, за что на всю оставшуюся жизнь в сердцах воевавших поселялось чувство стыда, сжигающего душу. Тогда ни он, ни Елена ещё не знали, что за первой чеченской войной последует другая, на которую заматеревшие уже мальчишки, будут рваться сами, чтобы и дальше уничтожать тех недобитых «духов»... И когда придёт конец этой вспыхнувшей бойне-войне, переросшей в настоящее позорище для России? Кто сказать сможет?

Но это будет позже, а в ту встречу Елены с Георгием поезд продолжал монотонно покачиваться, увозя её в Ейск, а его в санаторий на лечение. На столе стояла недопитая бутылка коньяка, стаканы, разломанная плитка шоколада, надгрызенное красное яблоко, сигареты... Под мерный стук колёс на крепких, в толстых венках, мужских руках, вытянутых безжизненно через стол, чуть покачивалась тяжёлая голова Георгия.

Елена, думая, что он заснул, решила придвинуть стакан Георгия к стеклу, чтобы тот случайно не смахнул его рукой. Только хотела взять, как он тяжело поднял голову и с запозданием, но ответил на её незаданный вопрос:

– А те, кто отдавал приказы стрелять в своих... они ещё будут гореть, корчиться от мук на кострищах и пожарищах Чечни, а иначе не может быть... Быть не может... Бог, он есть...

Сказал и вновь уронил голову на руки. Теперь она знала точно – он заснул.

Уже приехав в Энск, рассказала об этом случайном разговоре на работе и в ответ услышала от их мастера надменно-всезнающее: «Кто побывал в Чечне, говорить об этом не будет. Он тебе «лапшу на уши вешал», а ты и поверила».

Нет, с этим утверждением она согласиться не могла. И люди бывают разные, и обстоятельства. Может, этому парню её дорожное присутствие и требовалось, чтоб наконец без утайки высказать свою боль, свои мучения... Исповедаться как на духу. Он ведь прекрасно понимал, что больше они никогда не встретятся...

«Варшавская мелодия»

Однажды Валентина пришла домой совершенно разбитая, так её угнетало ежедневно наблюдать «непутёвую» жизнь своих жильцов. Хотелось хоть небольшой радости. Спросила у родителей, нет ли какого фильма по телевизору, чтобы душу отвести. Татьяна Александровна, видя, какой усталой последнее время дочь приходила с работы, порадовала:

– Мой руки, ешь, через полчаса будешь наслаждаться своей любимой «Варшавской историей».

– Это правда, мамуля, сегодня по телеку «Варшавская история»? – произнесла обрадованно Валентина. – Как же я давно не смотрела её...

«Варшавская история» в актёрском составе Юлии Борисовой и Михаила Ульянова была одним из её любимых фильмов. Она никак не могла понять, почему многие годы телевидение не демонстрировало его. И вот, какая удача? Смотрела зачарованно, уносясь своими мыслями в беззаботную юность, когда, кажется, все реплики героев знала наизусть. Вспомнила, как после 9-го класса родители отправили её на каникулы в Архангельскую область, к родственникам матери. На станции Малашуйка она остановилась у тётки Дуси, родной сестры матери, и частенько, говоря с акцентом Гелены, разыгрывала целые спектакли перед понравившимся десятиклассником из соседнего подъезда с очень несовременным именем Веня. Бесстыдно врала, что приехала к тётке из Польши, и дивилась его наивной вере. Мальчишка так влюбился в неё, что на память даже перстенёк подарил. Образ польской певицы Гелены из «Варшавской истории» ещё долго преследовал её, и уже учась в Ленинградском институте культуры, она, кокетничая с незнакомыми парнями, нет-нет да и начинала заговаривать с так называемым польским акцентом.

А затем на многие годы Гелена пропала с телевидения, и Валентина стала самой собой. Она подумала, что вот ведь как бывает: просмотренный фильм в твоей душе может вызвать столько воспоминаний, разбередить до слёз. И правда, после просмотра, сладко всплакнув у себя в комнате, достала вновь дневник и принялась писать.

Хуже нет ждать и догонять

Архипова вот уже целый час ждала автобус на Светлое. Врывающийся в вагончик ледяной ветер заставлял людей ёжиться и топать от холода ногами. Рядом шло строительство автовокзала, а пока пассажиры могли переждать время в списанном вагончике, переоборудованном под кассу билетов на междугородние рейсы.

Валентина думала: «Удивительное создание человек! Внутри него всё кипит нетерпением, желая выплеснуться наружу раздражённой бранью, но он, этот человек, научил себя внешне сдерживать, ничем не проявляя это своё внутреннее нетерпение, а будто бы в безразличии и безучастности всего происходящего показывать своё спокойствие.

Видимо, водители автобусов решили насквозь заморозить своих пассажиров, не подъезжая к вагончику. Шёл уже второй час ожидания, и терпение людей понемногу

начинало лопаться, как мыльные пузыри. Грузный пожилой мужчина, видимо, давно уже стоявший здесь, не выдержал и первым обратился к кассирше:

– Девушка, но нельзя же вот так людей морозить! Даже лавок у вас здесь нет, чтобы присесть!

– А я при чём? Жалуйтесь не мне, а начальнику автостанции, – слышался из окна кассы резкий голос уже немолодой женщины, по-видимому, и она из-за холода была так же раздражена, как и пассажиры.

И тут людей прорвало, загалдели все сразу:

– И пойдём, и пожалуемся...

– Мороз стоит градусов двадцать, а погреться нигде...

– Кассирша не виновата, время ещё не вышло, а в железном автобусе сидеть – ещё хуже замёрзнешь...

– Там хоть сидеть будем, а здесь уже ноги на холоде отваливаются стоять...

– Хуже нет ждать и догонять...

Объявили посадку в Малые Венцы, часть пассажиров из вагончика поспешили к автобусу. Спустя несколько минут дверь вагончика вновь резко распахнулась, пропуская внутрь разъярённых женщин. Они подлетели к окошку и яростно закричали:

– Это что же получается? Ваш водитель перед самым носом у нас двери закрыл, а в автобусе ещё шесть свободных мест имеется!

– Что ты ей объясняешь, – перебила говорящую другая женщина, – проси жалобную книгу!

Из глубины окошка долетели до них безразличные слова кассирши:

– Вам нужен диспетчер, я этими вопросами не занимаюсь.

– Безобразие! Это только в нашей стране автобусы на дальнее расстояние уходят полупустыми, оставляя людей на морозе! – точно ища поддержки у ожидавших своего автобуса людей, визгливо кричала первая женщина.

Вторая была более решительно настроена, потому ободрила первую, резко бросив:

– Ничего, куда она денется, эта диспетчерша! Вот тогда на всю катушку и получит благодарность от нас.

Кто-то из женщин, долго ждущих, тоже вступил в этот разговор, но Валентине уже наскучило слушать однообразные возмущения людей и она принялась рассматривать вновь прибывающих. А каждый входящий в промёрзлый вагончик спешил слиться с толпой, при этом совершенно забывая за собой плотно закрыть дверь. Ледяной ветер вновь с поскрипыванием и похрустыванием врывается с улицы, заставляя всех поглубже спрятаться в воротники своих шуб и пальто. Валентина заглянула в окошко кассирши, увидев в углу маленькой кассы в кожаном кресле уютно пристроившегося водителя её автобуса. Рядом с ним стоял обогреватель, а в руках водитель держал стакан с горячим чаем. Ему не было так холодно, как людям за пределами кассы, и потому он не понимал их нетерпение. Он отдыхал перед последним в этот день рейсом, а потому ему и в голову не приходило зайти раньше в автобус и нагреть его для промёрзших до самых костей людей.

Но всему приходит конец. Пришёл конец и ожиданиям Валентины и её спутников. Автобус подали. Она, подрагивая всем телом, села на своё место, хотя нет, скорее вжалась в кресло так сильно, будто хотела слиться с ним, укутаться им, так

ей было холодно и неудобно. Пальцы ног в сапогах и колготочках нестерпимо ломило, она их почти не чувствовала. Автобус тронулся и по салону от нагревателя пошёл тёплый воздух. Через время она услышала сопение уставших и промёрзших людей, которых разморило тепло, её тоже тянуло в сон. Она чувствовала, как скованность от холода с ног постепенно стала отходить, а тело окутывала приятная тёплая истома. Бросив взгляд в окно, она улыбнулась кокетнице луне, то прячущейся, то вновь появляющейся в чёрных облаках, будто заигрывающей с ней. Но сил наблюдать за игрой природного светила никаких не было, а потому, прикрыв глаза, она задремала...

Красив сосуд, да пуст...

После того как Александр Соболев стал крестным маленького Сашки Казакова, прошло несколько лет. За это время он в Энске успел жениться, взяв в жены красивую, хоть и разведённую женщину. Родители подкалывали на свадьбе:

– Гляди, сынок, как ослепила тебя Снежана красотой-то своей, смотри, не обогнись.

Но Сашка никого не слушал, его так и распирало от гордости, какая женщина досталась. Восторг! Он считал не важным даже то, что Снежана до сих пор оставалась без образования, он сумеет её прокормить.

Через год Снежана родила ему чудную дочь Лизочку, в которой Александр не чаял души, и если бы не Снежанина мать Гликерия Исааковна, которая стала жить с ними, считал бы себя вполне счастливым человеком.

Не заметил Александр, как со временем оказался заложником сразу трёх совершенно разных особ женского пола, которых объединяло только одно – кошелёк мужа, зятя, отца. Маленькая, Сашкина любимица Лизочка, быстро поняла, что обожаема отцом и преспокойно стала пользоваться этим. Но однажды Соболев обнаружил, что его всё меньше тянет домой. На отпуск уезжал в Светлое один, там, у родителей, и отдыхал душой. Да ещё к Глебу со Светланой чуть не каждый вечер заходил. Те спрашивали, почему вновь без жены и дочери приехал, а он только рукой махал:

– Их тёща на море повезла, они говорят, что Светлое – селишко, а потому сюда их не тянет совсем, им курорты подавай, так-то вот.

– Что-то ты, Алексашка, невесело об этом говоришь, да и глаза у тебя в последние приезды домой, как у побитой собаки, – участливо спросила Светлана.

– А ты, Светик, вспомни, как вспышка фотоаппарата действует на глаза? На какие-то доли секунд они обязательно слепнут, и только затем зрение восстанавливается. Так и я: увидел Снежану раз и ослеп, а теперь вот зрение стало возвращаться ко мне, – сказал обречённо Александр.

– Хочешь сказать, что стал разочаровываться в ней? – спросил Глеб.

– Вы свои люди, а значит, можно доверить вам и самое наболевшее. Не стал, Глеб, – уже разочарован давно. Живу, пока терпения хватает, ради дочери. Пустота и в доме, и в душе. Только здесь, в Светлом, и отдыхаю. Да вот ещё глядя на вас радуюсь, что хоть вы счастливо живете.

– Ага, Алексашка, «мы строили, строили и, наконец, построили...» это самое счастье своё, – произнесла Светлана, копируя голос Чебурашки из мультфильма.

– Вот, вот, потому я и рад за вас. А «У меня есть мысль, и я её думаю», – прогундосил он словами Удава из мультика «38 попугаев»...

– Не дрейфь, Сашка, где наша не пропадала? Прорвёшься! Уж не вспомню, кто мне говорил, только нужно одну руку вверх поднять, а затем, резко её опустив, сказать: «А пошло бы всё это на хутор бабочек ловить!» – вставил слово Глеб.

– Нет, Глеб, это грубо. Ты, Алексашка, лучше заклинание скажи: «Отвяжись, худая жизнь, привяжись, хорошая», – предложила Светлана.

– Ладно, ладно, я понял, – уже более воодушевленно произнес Соболев, – убедила. Приду домой – сделаю.

– А чего ждать? – подошла к нему Светлана. – Давай-ка сейчас и скажи. А мы с Глебом для тебя будем группой поддержки. Ну давай!

Сашке отступать было некуда. Зная настырность Светланы, он поднялся с кресла, вытянул кверху правую руку и, резко опуская её, сказал грубо, по-мужски: «Да пошло бы всё это...»

Светлана радовалась, как девчонка: «Уррра! Заррработало!» Теперь она это произнесла уже голосом Кота из Простоквашино. Затем, выходя из роли, серьёзно добавила:

– А дома, дорогой, повтори с заклинанием...

– А у тебя я смотрю, Света, новое хобби – голосами мультяшных персонажей говорить? – уже совсем легко смеясь, сострил Александр.

– Ага, Алексашка, особенно когда эти мультики с детьми по сотне раз смотреть приходится, и то «Маловато будет»... А это уже из мультика «Падал прошлогодний снег», про мужичка, который за ёлкой ходил. Этот я сама люблю. Так вот, то смотришь, то читаешь и хочешь, не хочешь, а разные интересные реплики в жизнь твою входят поговорками...

– Свет, а давай мы Сашке наши письма почитать дадим? Ведь они многим ребятам в Армии выживать помогали, – и, уже обращаясь к Соболеву, продолжил. – И обещание с тебя возьмём вернуть их нам только тогда, когда у тебя в жизни всё вновь наладится.

– Я не против, если он, конечно, возьмёт их, – сказала, улыбаясь, Светлана.

Сашка ничего про письма в тетрадках Светланы не знал и потому спросил:

– Вы хоть скажите, что за письма и почему предлагаете их мне?

– Света, неси, – с нотками некой торжественности произнёс Глеб.

Светлана на какое-то время удалилась в другую комнату, затем вышла с объёмной коробкой пронумерованных школьных тетрадок.

– Вы же письма обещали, а вручаете коробку со школьными тетрадками, это что, розыгрыш? – спросил ничего не понимающий Александр.

– Нет, Алексашка ты наш дорогой, не розыгрыш, – сказала, засмеявшись, Светлана, – это мои письма Глебу в Армию и его ответы. Ну что, будешь брать? Я их даже как-то твоей Валентине читать давала.

– Валентине?! Вот это да! А она мне ни словом даже не обмолвилась. Да вы меня только одним их видом заинтриговали! – говорил Александр, принимая увесистую коробку из рук Светланы.

– Только помни: вернёшь, когда вновь счастье своё обретёшь, – ещё раз предупредил Глеб. – Мы живём по закону: дружить – так дружить, любить – так любить, в ответе друг за друга быть – так в ответе. Так-то вот...

Александр читает письма друзей

Александр долго не мог приняться за чтение писем Светланы и Глеба, переступить внутреннюю грань, что чужие письма читать нельзя, как его учили родители, как учили в школе. Но ребята сами отдали их ему, значит, он не нарушает никаких этических норм... Он достал одну тетрадь, повертел в руках и сам себе сказал:

– Ну, Светка даёт! Письмо в целую тетрадь, это ж надо о чём-то придумать, чтоб столько писать.

И он аккуратно открыл. Светланин почерк прекрасно помнил со школы, он был четкий и понятный. Да, собственно, и у него самого хранилось несколько её писем, но ему она писала так, как пишет большинство – на полтора-два листа, а здесь...

– Ладно, посмотрим, дорогая, о чём же ты могла столько Глебу писать?

И он принялся читать.

«Здравствуй, Глеб, Глебушка!»

Здравствуй во все дни и ночи у себя на Севере. Прочитала твоё письмо и тут же села отвечать. Галина-почтальонша принесла его мне прямо в библиотеку, и я не утерпела до дому, тут же вскрыла конверт. А теперь уже дома ответ пишу. Очередную сессию в училище сдала хорошо. В этот раз мы по Культуре речи читали выбранные произведения, и Инна Леонидовна, страсть как увлечённая своим предметом, занималась с нами, как никто другой. Мы у неё чего только не читали! И одиночно, и по ролям. А ещё у нас были специальные упражнения, одно из них называлось «Радист». Работали в паре. Якобы я радист и налаживаю связь. Но на том конце провода молчат. Настойчиво не перестаю повторять свои позывные: «Я «Аист»! Я «Аист»! Я «Аист»! Как слышно? Как слышно? Приём... И так несколько раз, пока не добьюсь, когда «на том конце провода» зазвучат слова моей сокурсницы: «Я «Астра»! Я «Астра»! Я «Астра»! Слышу вас хорошо» Я – «Я «Аист»! Я «Аист»! Я «Аист»! Я «Аист»! Перехожу на приём» Можешь не смеяться, это упражнение на чёткость звучания звуков.

Инна Леонидовна говорила, что когда мы выйдем на сцену сдавать Культуру речи, должны забыть на время, кто мы есть, и превратиться в артисток. И вот, когда настала пора сдавать экзамен, библиотекари наши, серые мышки, вдруг превратились кто в Анну Каренину, кто в Анисю из «Тихого Дона» Шолохова... Я читала монолог Катарины из пьесы Шекспира «Укрощения строптивой». Такой интересный экзамен был!

Экзамены за первую сессию второго курса я уже сдала. А к твоему приезду получу диплом квалифицированного библиотекаря. На заочном учиться даже лучше, чем на дневном. Съездишь в год два раза по месяцу на сессии – и опять в родном Светлом живёшь.

Сейчас вновь в своей библиотеке сижу... У нас ходит один читатель, детективами зачитывается, а их кот заплакал. Тут я вычитала один новенький, в журнале «Зарубежная литература», и приготовила ему. Пришёл, я чуть ли не торжественно вручаю, мол, вот, старалась для Вас. Он журнал листанул и, представляешь, произносит: «Что ж, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Остаётся Вам их уже самим писать». Я аж задохнулась от такой неслыханной неблагодарности!

А ещё напишу, как муж нашей директрисы, Пал Палыч, пригласил нас на плотях в

выходной по реке сплавиться. Компания у нас подобралась добрая. Сечкины, их сын Аркашка, мы с Валентиной Архиповой и ещё приехавший к Сечкиным друг из Энска, геолог Бочкин, так они его называли, и нам с Валеёй он так же представился. Сплавились хорошо и решили на берегу костёр развести. Мужчины рыбы наловили, мы уху принялись варить. Палатки поставили, песни под гитару пели, ели уху... Тут кому-то срочно понадобился нож, обыскались – нет ножа – ну, думаем, потеряли. Поздно вечером посуду лень идти к реке мыть, решили до утра оставить. А утром Валентина в котелок заглянула и под оставшейся рыбой увидела, как что-то чернеется. Достала рукой – а это нож! Только пластмассовая ручка вздулась. Так мы уху из ножа сварили. Вот и не верь теперь в сказку про то, как солдат кашу из топора варил.

Опять я всё про себя да про себя. Как ты-то, Глебушка, живёшь? Служба твоя как проходит? Что-то письма от тебя долго стали идти, может, вы опять на какое учение отправились? Если это секрет, то просто как-то намекни, типа в командировке я. Сколько уже прошу, пиши больше о службе своей, о каких-нибудь случаях интересных, я вон сколько тебе всегда пишу, а ты всё отписочками отделываешься. Неужто ничего нельзя писать? Не может же всё секретом быть? Ну да ладно, не буду выпрашивать, лучше сама расскажу тебе о ваших питомцах.

Недавно к маме твоей заходила да наслушалась её рассказов о них. Она по осени на прокорм из совхоза свинку себе брала, и стала та у неё почти ручной, Танькой прозвала. Не знаю, писала она тебе о ней, нет, но я решила написать.

Так вот, Танька эта с вашим котом Маркизом сразу общий язык нашла, даже, можно сказать, подружилась, а пёс Дунай в этом сообществе нейтральную позицию занимал. Если помнишь, мать Дуная, овчарка по кличке Муха, в совхозе сторожевую службу несла, ну и Дунай её у вас исправно несёт. Сейчас много статей в журналах появляется о наследственности, так Дунай – это показатель самого положительного результата, а вот о вашем котятке Маркизе, у которого мама и папа аристократических кровей были, этого не скажешь. Он оказался таким гулёной, что всех кошек к уличью обиходил, постоянно при этом вступая в отчаянные драки с другими котами.

По весне, по словам мамы твоей, Маркиз пропал. Видим, тепло родного дома для него было неглавным. Ежедневная суточная пайка не оказалась преградой, чтобы уйти в «свободное плавание». И принялся Маркиз среди бродячих котов атаманивать, бил всех, кто не подчинялся ему. А тут маме твоей совхозные женщины рассказывают, что, видимо, надоело Маркизу атаманивать и он как-то забрёл в совхоз, увидел там кошку Муську, которая сразу его приняла, и пристроился к ней примаком жить. Какое-то время они дружно и жили, но однажды Муська вытурила Маркиза со своей территории, и ему ничего не оставалось делать, как переселиться под бок к знакомой свинье Таньке, которую выкармливала Галина Игнатьевна, а потом ее на свинарник и сдала. А что? Тоже тепло, сытно, уютно, и превратился он от такой жизни в настоящего лежебоку. Бывало, ради развлечения мышей гонял, но затем и это занятие ему порядком поднадоело. Через какое-то время Муська принесла четверых маркизят, когда те подросли, решила она до речки Мелкой, притока нашей Светлой реки, прогуляться, а за ней увязалась свинья Танька. Непутёвый папашка Маркиз играл в это время в совхозном дворе со своими отпрысками. У речки Муська забежала на ветхий мосток и пошла по его перилам, да на середине не удержалась и полетела в воду. Го-

воят, кошки не умеют плавать – ничего подобного! Вытянув вперёд свою мордашу и работая лапами, она благополучно добралась до другого берега. Выйдя из воды, отряхнулась от воды и уже по мостку, а не по перилам его, вернулась вновь на свой берег. А что же свинья Танька? Она, когда Муська в воду-то плюхнулась, тоже с берега в реку нырнула, спасать, значит, «утопающую», но когда увидела, что Муська уже возвращается по мосту обратно, решила совершить своё путешествие. Переплыв речку, как настоящий гиппопотам, обратно возвращаться не стала, а пошла напрямик к овощному магазину, что на улице Правды находится, и произвела там настоящую ревизию отходов. В совхоз возвращаться Таньке, по-видимому, совершенно не хотелось, и она, почувствовав свободу, пошла бродить по улицам Светлого, пока её совхозные тётки не поймали, не погрузили на машину и не привезли снова на свинарник. И вот тут Маркиз показал свинаркам фокус. Когда Таньку сняли с кузова, он запрыгнул ей на спину и таким образом въехал в свинарник... Теперь он и живёт там рядом с Танькой, а у Галины Игнатьевны пока во дворе один Дунай хозяйничает...

На работе у меня, как всегда, свои заморочки. Из дальнего села к нам пришёл запрос на книгу Оксаны Иваненко «Мария» о жизни выдающейся украинской писательницы Марко Вовчок. Мы направили запрос в Энск, в областную библиотеку, но и там её нет. Отписали, что у нас в области нет такой книги. Так ты что думаешь, Глебушка? Нашу Веру Ивановну вызывали в Райком Партии по этому поводу. Поставили на вид, сказав: есть от граждан запрос – будьте добры выполнить его.

А тут увидела в окно наша уборщица Наталья Петровна читателя одного и кричит: – Вот, девки, ужась-то, к вам вновь женихи идут!

Каюмова Ольга спрашивает:

– И кого это Вы нам, Наталья Петровна, в женихи напороочили сей раз?

А она, мол, сейчас сами увидите кого. И входят в библиотеку двое общежитских парней. Один частенько здесь бывает и, как книгу возьмёт, всё раскланивается, а второго-то впервые видели. Высокий, тощий, как игла. И нос у него длинный. Наблюдала за ним, как он страницы журналов перелистывал. И такое ощущение, что не руками их листал, а носом, и быстро так, одну за другой. С такой скоростью листая, и букв-то не увидишь, а не то что прочтёшь. Выбрал первый «жених» книгу и, выходя из читального зала спиной, всё кланяется нам с Ольгой. Не заметил порог – и через него кувырк в поклоне-то! Тут уж мы не выдержали и расхохотались так, что наши «женихи» пулей из библиотеки выскочили. А у нас смеховая истерика аж до икоты. Наталье Петровне говорим:

– Ну и женихов Вы нам, Наталья Петровна, определили! Один точно слива овально-обтекаемый, а другой ни дать ни взять – игла!

А она руками развела: «Здрасте, девки, ужась-то... Предупредила ведь вас, и о ужась-то, при этом ещё и виноватой осталась...»

Вот такие у нас новости. Привет-привет, пока-пока. Жду письма. Твоя Светлана».

«Привет, Света! Свет мой в полярной ночи морозного Севера!

Выдалась минута свободного времени, решил воспользоваться моментом и написать тебе ответ. Рад, что ходила к маме, что не оставляешь её без внимания. Она в своих письмах пишет, как ей одиноко без меня, поэтому ещё раз особое спасибо.

Мы сейчас в море. Идём на очередные учения. Вчера утром получили штормовое предупреждение, а к вечеру наш корабль был похож на спичку в Ниагарском водопаде. Хотелось лечь, но не дали. Столы в кают-компании накрыли мокрыми простынями, чтобы тарелки с чашками не соскользнули. Кишки навыворот, чего не съешь – всё назад. Животы у пацанов вздрагивают, как у беременных, как будто там дрозды поселились. У меня тоже спазмы были. Главное на воду не смотреть.

Ты меня все просишь написать, какое море на Севере. А оно, Светик, здесь разное: стальное, пепельно-серое, под шквалами ветра – бесноватое, злое, колючее, редко пенно-белёсое и никогда просто синее, такого моря мне здесь видеть ещё не пришлось. Ну вот, только расписался, а уже слышу – склянки бьют. Время ужина... Хотя есть совсем не хочется, а вот жажда жуткая. Позже допишу...

И вновь, пока есть свободная минута, дописываю. Я, когда первый раз попал на корабль, да ещё в шестибальный шторм угодил (а обед несмотря ни на что – по расписанию), понять не мог, как кок на камбузе мог при такой качке еду готовить? После уже те, кто прослужили прилично, объяснили, что на это дело далеко не каждого берут, и те специальную подготовку проходят... А на некоторых от качки, наоборот, жор нападает.

После того шторма мне один из наших парней признался: служить в морской пехоте ему очень нравится, только без выхода в море, море его так выкрутило, что боялся, как бы не перевели в другую часть. Однако справился, хотя его душа и требует земной опоры, а я, видимо, в тельняшке родился, для меня море без болтанки – не море.

Ты обижаешься, что я тебе никаких случаев из своей морпеховской жизни не пишу. Так вот решил написать. С парнями нашими на учениях случай произошёл.

Во время выброски воздушного десанта один наш гвардии младший сержант попал в едва раскрывшийся купол парашюта рядового. От этого купола парашютов других десантников стали гаснуть. И представляешь, буквально в считанные секунды ребята нашли выход – один запутавшиеся стропы обрезал, а другой кольцо запасного парашюта выдернул. Так они вдвоем и приземлились на одном парашюте и тотчас в атаку устремились...

Не переживайте с мамой, у меня всё нормально. Как там Сашка Соболев, видела его? Передавай привет! Вот ведь змей – как вышел на дембель, ещё ни одного письма от него не получил. Передай, что приеду – шею намылю.

Пиши. Жду новых твоих рассказов о нашем Светлом. Твой Глеб».

«Привет морпеху! Привет, Глебка!

Если бы у меня были крылья, непременно взмахнула бы ими и полетела белой чайкой навстречу твоему кораблю. Помнишь, как в «Грозе» Островского: «...отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела...» Когда-то я за этот монолог Катерины четвёрку получила. Понять не могла, почему не пять? А наша литераторша Людмила Николаевна тогда сказала, что я не прочувствовала эти слова, через душу не пропустила, не уловила она в моём чтении устремления к полёту. Тогда мне это непонятно было, а потому и обидно чуть-чуть.

Сейчас бы я этот монолог совсем по-другому прочла, потому что сама вот уже почти год наполнена чувством полёта... Так бы разогналась с обрыва нашей Светлой, взмахнула крыльями и полетела на далёкий Север, навстречу тебе... Туда, где темнотальные валы волн ежеминутно разрывают береговую тишину... Туда, где капли Атлантического океана с привкусом соли ложатся на твои губы... Туда, где летом ночное солнце багрит горизонт, а зимой его днём с огнём не отыскать...

Но вместо этого приходится только и делать, что после работы посидеть на нашей с тобой скамеечке... Я всегда в сильные минуты грусти сижу на ней. Прикрою глаза и сразу представляю тебя рядом, такого невозмутимо спокойного и уверенного, иногда, бывает, и Алексашка «подсаживается», весёлый наш жизнелюб... Вот так «посидим» втроём, глядишь, грусть и отпустит, полегчает...

А теперь сообщения о погоде, которая этим летом решила нас удивлять во всех отношениях. Сначала всех замучила жара, а потом дожди шпарили проливными потоками, с грозами, молниями. Небо разрывалось от взрывов и грохота! И ко всему обрушился на Светлое ещё и град!!! Причём долбил выборочно, больше его по левой стороне реки оказалось, но и по нашей немало прошёлся. Небо нам даже не горошины посылало, а с чем бы сравнить, чтобы не соврать? Ну с мелкую вишню точно будет. Я собрала несколько градин, в морозилку сунула, может, долежат до твоего возвращения, не растают. Когда у себя дома холодильник будем размораживать, я их к Галине Игнатьевне отнесу. Уж очень хочется тебе это убойное чудо продемонстрировать. Такого града в районе Светлого даже старики не помнят.

Отец тут в командировке был, опять какой-то важный объект в районе сдавали, так я на огород совсем редко заглядывала, а там после всех этих катаклизмов буйным цветом сорняк пошел, и так же пышно с ним соседствуют укроп, петрушка и кинза, я к этим грядкам даже не подхожу пока. А сейчас стоит пора сбора ягод, слава Богу, град не повредил кустарники. Смородина черноплодная добро уродилась. Каждый день бидончика по два снимаю – варенье сварила, желе сделала. Вот уж и крыжовник подоспел, только я не люблю его собирать, всегда все руки обдеру о его колючки. Пусть висит, ещё соку набирает и отца ждёт. Малине не повезло, её жестко градом побил, да и моей любимой вишни в этот год с гулькин нос, лишь на кончик языка попробовать.

Как видишь, летняя страда стоит. Из-за погодных катаклизмов нынче и сенокос тяжелым оказался. Мы-то с отцом козкам нашим до дождей ещё сенца успели чуть накопить да высушить, а тем, кто коров держит, совсем тяжело приходится. Видела, как люди в очередной долгожданный просвет спины гнут. Косят, сушат, убирают до потери сил. И всё нужно успеть сделать за один погожий, если таковой выпадет, день. Так что слухи о лени русского мужика и о поголовном пьянстве сильно преувеличены. Отец нынче по весне нанимал работников дом с одного угла приподнять, и я ещё раз убедилась – не перевелись на Руси умельцы-работники...

В свои выходные в погожий день я каждое утро прогуливаю своих «козюль». Пока они травку щиплют, я мысленно с тобой разговариваю, письмо новое пишу. А почему бы темой письма не сделать... У Рубцова есть стихотворение «Коза», в котором поэт изумительно точно отразил нрав этой животины: «Побежала коза в огород»...

Ходим мы мимо брошенного дома, у которого яблоня через забор свешивается с ранними яблоками. А Розка моя до яблок страшная охотница, а потому каждый раз,

как мы идём домой, она вдруг прибавляет ходу, траву по обочинам уже не щиплет, у неё другое меню – маячащая впереди яблоня! Подбегает к ней и начинает в радости грызть ветки и яблочки. Я за ней – оттаскивать. Сначала слушалась, а теперь хитрит. Отойдёт к пруду, что напротив, и начинает траву жевать, но стоит мне хотя бы на полшага впереди неё оказаться, она во всю прыть к яблоне обратно бежит. В тот выходной она у меня четыре раза к этой яблоне поворачивала. Две попытки удалось. В этот выходной я палку с собой взяла и махала ею, и по земле стучала, и по заборам. А Розка только косила своим хитрющим глазом – всё решительно понимает! Однако желудку не прикажешь, яблочек-то хочется, вот и хитрит каждый раз.

А ещё у нас, Глебушка, появился новый петух. Клеваке, не дающему покою ни нам с отцом, ни соседям, наконец-то голову снесли. У наших беленьких славяночек теперь новый предводитель и повелитель Эмир Бухарский! Я его так и зову – Бухарушка. Тёмный, с переливом чёрного и золотисто-зеленого! Настоящий восточный красавец!!! Блестит, переливается! Важный, осанистый, неторопливый... А тут выскакивают навстречу ему два козлика и давай знакомиться – обнюхивать. Естественно, от такой фамиллярности Бухарушка в обмороке... Клюв разевает и точно просит: «Воды... воды...»

А Розка-то моя, разумница, чего удумала. После доения я должна была её сухариком угостить, да забыла, увлеклась кормлением козлят. Розка – раз и сдёрнула с меня платок, я у её загородки на корточках сидела. Поругала я нахалку, накинула платок на голову, а она его снова – раз и скинула, только я наклониться успела, и заблеяла: «Да ско-ль-ко-о-о раз те-бе-е-е на-ме-е-кать, хоть ка-ра-ул кри-чи – су-харь дай!» Право слово, не соскучишься с ними.

Ладно, пусть козочка моя в загоне постоит, а я расскажу тебе о работе чуть-чуть. Тут из райкома партии приезжали к нам в библиотеку читать лекцию о вреде пьянства. Мы, конечно, постарались, собрали народ, но пришли-то в основном женщины, которые не пьют, и потому непонятно, зачем все эти лекции, получается только для галочки – отчитаться, мол, провели. А пока женщины «трезвые мысли» лектора слушали, мужья некоторых из них налижаться успевали. А мне директриса задание дала об этой встрече и проблеме, которая не снимается с повестки дня, статью в районную газету написать. Это называется по русской поговорке: не было у бабы заботы, купила баба пороса. Не поверишь: коротенькую статью три дня уже пишу, а всё потому, что по заданию и тема душу не согревает.

Прости, прости, навалила на тебя проблему свою, а у тебя своих хватает.

Сегодня во сне тебя видела, будто ты в море плаваешь и меня зовёшь, зовёшь... Станный сон... Уже просыпаясь, подумала: а как же я могу тебя в море одного оставить? И мысленно направила к тебе спасательную бригаду твоих друзей-морпехов. Когда почувствовала, что спасла тебя, окончательно проснулась. Вот ведь чего только не приснится!

Частенько встречаюсь с Валентиной Астаховой, тут она мне о парне одном рассказала, что у неё в общежитии живёт – Кеше, настоящее имя его Кегенбай, из Казахстана приехал. Частенько к ней в воспитательскую заходит поговорить, об обычаях своего народа рассказывает. Казахские горцы-мудрецы, когда день к закату клонится и солнце начинает садиться, поворачивают к нему свои взгляды и произносят молитву. В это время по их лицам слёзы текут. Они плачут о прошедшем дне, который уже не

вернуть, о том, что их жизнь укоротилась на целый день. И далее Кегенбай добавлял: «А как мы живём? От получки до получки, при этом ещё торопим ее». И правда: жизнь, Глебушка, из-за нашего поторапливания стала не проходить, а промелькивать: часы, дни, месяцы... Точно по Жванецкому: «Встал, лёг, встал, лёг, с Новым годом!»

Валентина говорит, что ей с этим Кегенбаем очень интересно беседовать. А ещё он ей легенду про фею и чёрта рассказал, произнося «Бисмила рахман рахим». Так говорят у него на родине перед всяким делом. Например, сел человек перекусить за стол, тут же ему на плечи усаживаются Фея и чёрт и заводят спор о том, скажет человек эти слова или нет. Если человек забывает их произнести, значит, чёрт берёт верх и пища впрок не пойдёт, так как чёрт обязательно намешает в неё всяческой чертовщины, если же человек слова сказал – фея победила, в благодарность за это она человеку здоровье и благо даст. Правда, легенда симпатичная? Да и вообще он много интересного знает о родине своей.

Вот и все мои новости. Наговорилась от души, теперь буду ждать от тебя ответ. Скучаю и не передать. Пиши и приезжай. Твоя Светлана».

На яйцах в крутые предприниматели

У Валентины Архиповой в общежитии появилась новая знакомая Людмила с милой фамилией Птичка и отчеством Филипповна. Предпринимательница, открывшая здесь в феврале 1994-го буфет под названием «У Филипповны». Фирму же свою она назвала «Птичка».

Как-то вечером Валентина заглянула к ней в буфет что-нибудь купить домой. Людмила сидела там одна, народу не было. Слово за слово и завязался разговор. Валентине Людмила сразу симпатичной показалась: небольшого росточка, курчавая, черноволосая, с веселыми, живыми глазами, она во всем оказалась довольно откровенной. Когда Валентина призналась, что восторгается ею, та стала рассказывать о себе:

– А ты можешь, Валюша, представить меня в тулупе и валенках, когда я полтора года назад подошла к центральному продовольственному магазину в Энске с саночками, на которых были в коробке уложены куриные яйца? Узнав, что цена на них ниже государственной, яйца у меня влёт разобрали. Знакомые тогда подтрунивали надо мной: мол, на яйцах много не заработаешь.

– А откуда ты яйца брала? Кур что ли держала? – спросила удивленная Валентина.

– Да-к у частников в Светлом скупала по ещё более низкой цене, чем в Энске продавала. Здесь-то у всех практически свое хозяйство, а в областном центре их днём с огнём не найти. На яйцах заработав, там же, в Энске, взяла в аренду киоск, продавала, опять же привозя со Светлого яйца, курей, овощи, даже варенье в банках. Короче, что в Светлом у местных жителей покупала, то там и продавала. А когда поднакопила денег, сюда приехала и уже собственный киоск открыла и здешним людям стала товары с Энска возить, да вот в общежитии буфет имею. Так и кручусь. Стоит до подушки добраться – и сплю без задних ног.

Единственно, я категорически против торговли спиртными напитками и сигаретами. Понимаешь, и так мужики в России как мухи мрут, зачем же ещё и я на себя грех брать стану? У меня мечта – людей кормить. Открыть бы маленькое кафе и

чипсы делать, которые мне уже снятся, да только вот на аппарат денег нет. Дорогущий, паразит...

– Значит, ты на яйцах в крутые предприниматели вошла. А как семья на твоё предпринимательство реагирует? Чтобы этим заниматься – не видеть её совсем.

– Во-первых, никакой я не крутой предприниматель, так – мелкая сошка, таких сейчас по России как собак нерезаных. А во-вторых, жизнь меня не балует. Муж умер, оставив меня в это нелегкое время одну с двумя сыновьями. Многие мужчины норовят пристроиться ко мне, деньги хотят большие получать, а того не знают, что эти деньги нервами, потом и мозолями достаются. Приходится и по всей области мотаться, самой товары разгружать, и ночами не спать от мыслей о том, как предприятие ещё крепче на ноги поставить. А мужики нынче – больше всё хлипкие попадаются, невесть что. Мне такие не нужны. Настоящий или никакого не надо. Чтоб исполнитель отличный был, с полуслова понимал, чтобы за ним, как за каменной стеной, уверенной в завтрашнем дне быть. Вот мне нужен какой! Такому коммерческому директору я бы больше себя платить стала, но и работу требовала, а не протирания штанов. Меня сегодня на мякине не проведёшь, за эти годы я узнала, почём фунт лиха, и не хочу за понюшку табака потерять то, что с таким трудом создавала.

Смотрела на неё Валентина и думала: что-то неправильно в обществе стало, коль женщины взваливают на плечи себе такой груз, а может, это эпоха матриархата возвращается и женщины, чувствуя её, берут управление жизнью в свои руки. А может, время, страшное своим разорением и безысходностью, заставляет их концентрировать в себе и силу внутреннюю, и хватку деловую, и руководящую сметку, чтобы не дать погибнуть семьям своим. А может, своей деятельностью они хотят мужиков встряхнуть; чтоб совсем не раскисли, ответы жизненные не на дне бутылки искали?

Понятно, что вся изначальная жизнь на женщине строится: она и рождает, и кормит, и учит ребёнка делать первые шаги, в трудную минуту поддерживает. Наше время, что малое дитя, – болезненное, капризное, и кому как не женщине не дать погибнуть ему!

Дорога к храму

В один из летних воскресных дней Завьялов рано утром зашёл к Казаковым и пригласил Светлану с Глебом прогуляться с ним.

– Что-то ты, папуля, загадочный какой? Хоть чай-то дашь нам попить? Да сам с нами садись, или без завтрака оставишь? – спросила весело Светлана.

Обычно отец в такую рань очень редко к ним заглядывал, если только посидеть с внуками, а так больше по вечерам любил приходить, чтобы с Глебом в шахматы партию сыграть. А то они к нему ходили.

– Задумал, видать, чего-то батя, – подхватил Глеб, – вот и загадочный. Когда ещё он нас с тобой в такую рань поднимал?

– Пейте, пейте чай, я вам тоже компанию составлю, и пойдём. Ничего прежде говорить не стану, всё на месте, – произнёс Михаил Савельевич.

Солнце светило прямо в глаза, и они, шурясь, шли, обсуждая последние новости Светлого. Свернули с главной дороги.

– Куда это ты нас ведёшь, батя? – спросил Глеб. – Впереди кроме разрушенной церкви ничего уже нет.

– Вот к ней мы, зятёк, и идём, – сказал Завьялов. – Хочу, чтобы посмотрели, в каком она состоянии сегодня находится...

– Да что мы, не знаем, папуля, в каком она состоянии? – произнесла Света. – Как стояла разрушенной, так по сей день и стоит, никто ещё не занялся её восстановлением.

– Вот и посмотрим на неё ещё раз, – сказал как ни в чём не бывало Михаил Савельевич.

Подойдя ближе, они увидели знакомую картину заброшенности и разрухи. Крест на главном куполе переломлен и непонятно на чём держится, как за столько лет не был сорван ветрами – никто понять не мог. На колокольне пышно разрослись деревца, кустарники. Стены храма в больших и малых выбоинах... Видя такое запустение снаружи, не нужно было надумывать, а что же ждёт тебя внутри – груда развалин и только.

– Лоб-то перекрестите, – подсказал молодым Завьялов, – все же в храм заходите.

Света с Глебом переглянулись удивлённо, но возражать не стали, перекрестились. Вошли внутрь и тут увидели странность: кучи битого кирпича и годами копившийся мусор в стороны отодвинут, и в глубь храма они шли уже по расчищенной дорожке. Но каково же было их удивление, когда на обшарпанных стенах в надписях типа: «Хана», «К-25», «Олег, Сеня», «БМН», они увидели иконы Богородицы, Господа Вседержителя, Николая Чудотворца... Живые цветы, конфеты...

Светлана даже почувствовала какое-то необыкновенно сильное волнение и обратилась к отцу:

– Папа, сюда что, кто-то молиться приходит?

– Да, дочь, – подтвердил Завьялов, – видимо, люди притомились ездить из Светлого за тридевять земель, когда свой храм имеется. Вот и решили таким образом его для жизни оживить.

На самом деле то, что храм живой, чувствовалось во всём. А святые лики на разбитых стенах точно звали о помощи. И Светлане явственно почудилось, как зазвучали в Божественной литургии голоса батюшек и стройное подпевание им певчих на клиросе. Она прикрыла глаза и на какой-то миг увидела этот храм в полном убранстве и великолепии, множество собравшихся в нём людей, услышала звон колоколов...

Видение это её прервал Глеб.

– Ага, узнаю, Казанская икона Божией Матери. А вот, Света, смотри, и Иверская есть. Точно такая, как в Энске, у которой мы с тобой молились в храме иконы Иверской Божией Матери?

Света подошла ближе к иконе.

– Да, Глебушка, это она, – перекрестилась и приложилась к ней губами, а про себя произнесла: «Благодарю тебя, Матушка Богородица, за моих деточек, за родителей, за друзей, за всё, что имею, благодарю»... Приложился к иконе и Глеб.

Теперь настало время удивляться Михаилу Савельевичу.

– Это когда вы в храме Иверской Божией Матери были? – спросил он детей. – Что-то я об этом никогда не слышал от вас.

– А мы никому, папуля, и не говорили, – спокойно сказала Света, – ездили по совету Прасковьи Ильиничны. Просили Матерь Божию, чтоб помогла нам с ребёнком, а через три месяца я Сашкой забеременела.

– Вот это новость так новость! Значит, мой внук по молитве появился на свет и вам в храм не внове входить? – обрадовался Михаил Савельевич.

– Нам-то нет, – чуть прищурясь, сказала Светлана, – а вот что тебя, мой дорогой папочка, в него привело? А ну, признайся, не томи.

– А я, дорогие мои, – начал рассказывать Завьялов, – после того, как в Пасху в детстве меня этот храм спас, слово дал, что обязательно, придёт время, восстановлю его. Наверно, потому и после списания меня с Флота из-за ноги на стройку работать пошёл: сначала простым каменщиком, затем бригадиром, а перед пенсией, сами знаете, несколько лет в мастерах ходил. И всю жизнь не оставляла меня мысль о нашем храме Рождества Пресвятой Богородицы...

Они вышли из церкви и направились к дому.

– Храм! Интересно, какое значение у этого слова? Может, от «хранилища»? Ведь это своего рода сокровищница чего-то святого: икон, мощей, чаш, крестов, – рассуждала Светлана.

– А хранилище-то не только материальных ценностей, но и духовных, – подхватил рассуждения дочери отец.

– А по мне, так ближе «церковь» говорить. Это уж точно русское слово, а храм – что-то слишком величественное, – подхватил их разговор Глеб.

– Э-э-э, Глеб, а вот здесь ты ошибаешься. Всё как раз наоборот, – ответил Михаил Савельевич. – Храм, даже не заглядывая в словари, я тебе скажу, – слово древнерусское и произошло от слова «дом», «хорома», а церковь – греческое и вмещает в себя много разных понятий: различных небесных и земных существ, ангелов и людей, святых, наконец. Так что это, зятек, слово далеко не русское.

– Вот это знания! Вы случаем втайне от нас духовную семинарию ещё не заканчивали, а, отец Михаил? – спросил тестя, смеясь, Глеб.

– Смейся, смейся, зятёк, между прочим, окончил я строительный институт, где о подобных строительных конструкциях тоже речи велись, а ещё я книги и журналы у дочери в библиотеке беру, читаю, в отличие от некоторых...

– Это что, намёк на меня, что читаю мало? – спросил, прищурясь, Глеб.

– Всё, брейк, брейк, дорогие мои. Мы тебе, папуля, торжественно обещаем, что пополним свои знания, касающиеся храмов и церквей.

– Это всё ладно, батя, – произнёс Глеб, – мне другое интересно – а как ты собираешься этот храм возрождать? Ведь на это нужно, думается, брать разрешение у главы города, у епископа или ещё у кого-то, не говоря уже, сколько денег на это потребуется...

– А я и собираюсь идти сначала с письмом за подписями всех верующих Светлого к Сердюку, а дальше в Энск поеду, – подтвердил мысль Глеба Завьялов.

– Что ж, если какая помощь потребуется – привлекай. По-честному, я тоже Божией Матери обязан. Когда она меня из морской пучины спасала, молился ей, – сказал Глеб.

– Вот как! Оказывается, мы все, живя в советском обществе, пропагандирующем антирелигиозное мировоззрение, про себя не забывали молиться Господу и Богородице. Да... я вам скажу так: народ всегда мудрее решений партии и правительства был, да и поговорка «Без Бога не до порога» не давала о том забыть...

Они давно уже шли по главной улице Светлого, здороваясь и перебрасываясь несколькими словами со знакомыми.

– Привет семейству Завьялово-Казаковых, – чуть наклоня голову вперёд, поздоровался с ними сосед Завьялова Петухов, – утренний променаж совершаете?

– Да, Василий Ильич, врачи вот советуют гулять по утрам. Как твоя Якимовна поживает? Что-то я давненько не видел её.

– Так она к сыну в Ижевск на месяц ездила с внуками нянчиться, а сейчас дома уже. Заходи, в шахматы партию сыграем, – пригласил в гости Петухов.

– Что ж, Василий Ильич, обязательно зайду, чтоб ты прежнюю партию отыграл. Когда Петухов отдалился от них, Светлана сказала:

– А я, папа, с храмом всегда Новгород ассоциировала. Этот город, я считаю, уже сам по себе храм! Хранилище русской святости и духовности. Помню, как мы забирались на крепостные стены, меряли их сначала шагами, а затем на прочность.

– Это как? – спросил весело Глеб.

– Подпрыгивали и ногами топали, – ответила, улыбаясь, Света.

– Батя, ты слышишь? Им мало было, что прочность этих стен веками проверена, они прыгали...

– Какой же ты, Глеб, зануда, – стукнув мужа кулачком в плечо, засмеялась Светлана.

Россия может выстоять только верой Христовой

Вечером Света, уложив детей спать, взяла почитать «Младшего сына» Дмитрия Балашова: «Духу надлежит ныне подняться на Руси, – говорил брату Андрею князь Дмитрий. – Не в силе, не в наших княжеских трудах, а в духе, в духовном судьба страны. Без духовного возрождения Русь спасена не будет. Борьба нас, князей, за власть лишь усиливает недуг и усугубляет язвы земли. Не ты и я, не Восток и Запад, не Орда и Новгород, а – будет ли свет веры Христовой на Руси, воссияет ли вновь? Вот то, что нас спасёт или погубит!»

Светлана задумалась об утреннем разговоре с отцом и Глебом в храме и по дороге. Вот и Балашов пишет в романе, что Россия может выстоять только верой Христовой. Оказывается, отец правильно заметил, что храм – не только сокровище материальных ценностей, но в первую очередь – духовных. Какие же все-таки на Руси идут во всём перегибы! Сначала церкви рушили, взрывали, всячески отводя людей от религии, совершенно не думая о человеке, о его божественной сущности, а вот теперь всё приходится возрождать... Все средства массовой информации агитируют людей за веру, но опять говорят об обществе, а где отдельный человек и его душа? Опять мы предстаём как безгласная, управляемая кем-то толпа. Сейчас религии – зелёный свет, вот сект в стране и развелось, куда взгляд ни кинь, наваждение какое-то! Свидетели Иеговы, Адвентисты седьмого дня, Баптисты, Евангелисты-пятидесятники, общества бахаистов, Армия спасения и т.д. и т.п. И главное, одна

секта совершенно не приемлет другую. Создаётся впечатление, что представители той или другой конфессии стараются подчинить себе как можно больше людей, подчинить воле своей, законам, только прикрываясь Священным писанием. Они грозят, пророчат, предрекают бедствия тем, кто не с ними. Послушать их – Господь только и мечтает погубить человечество в гиене огненной. Тогда зачем он создавал его и всё и вся для него? Зачем сваливать всё на Господа, когда люди сами строят мост, по которому идут? Почему в России так случилось, что мусульмане пошли против христиан? Разве верующему человеку позволено убивать верующего? Тогда какие же они верующие, если пытаются уничтожить религию другого народа, разве в конечном итоге мы все не идём к единому и неделимому Богу? И не важно, представители какой религии прославляют Его и живут по Его законам...

Светлане вспомнился 1988 год, когда она, беременная, в конце мая ехала в Новгород к отдохнуть, сменить обстановку, а попала на совершенно необыкновенный Праздник славянской письменности и культуры, который, ко всему прочему, совпал ещё и с 1000-летием Крещения Руси.

...Майский день с утра выдался до ослепительности солнечным. Во всех уголках Новгорода что-то происходило. Тётушка Глеба повела её на торжественное Богослужение в церковь святого Филиппа, что стоит на Торговой стороне и куда людей пришло видимо-невидимо. В храм им протиснуться со Светланиным животом было никак, а потому они ждали крестного хода, возглавляемого Патриархом Московским и всея Руси Алексием Вторым, а тогда он ещё в сане митрополита Ленинградского и Новгородского был. Впервые Светлана наблюдала такое представительство Русской православной церкви в лице её высших иерархов.

Прибыли на праздник и делегации многих зарубежных конфессий, что придавало празднику особую торжественность и международную значимость.

Солнце золотилось и сверкало на Христовых и Богородичных иконах, хоругвях, на золотом облачении священнослужителей, возглавляющих шествие празднично одетого многолюдья. И возносились их согласованные, красивые песнопения к голубому небу...

Хорошо, Тамара Игнатьевна на Славной улице жила, а потому они, зайдя перекусить после Богослужения, направились в Кремль по новому, только что построенному пешеходному мосту прямо к памятнику 1000-летия России. Народу было! Казалось, все жители города вместе с гостями и отдыхающими пришли к Кремлю. И впервые Светлану окатило колокольным звоном, не вычитанным из книг про Святую Русь, а звонкозвонным, желанной музыкой для сердца каждого русского человека.

– Светочка, может, тебе не нужно сегодня в Кремль пробираться, может, здесь где на травке посидим? А люди разойдутся – и сходим, – участливо произнесла Тамара Игнатьевна. – Вон смотри, молодая женщина с сыночком на бережку пристроилась, пойдём к ней, тебе повеселее будет! А я пока в очереди постою да что-нибудь попить возьму, солнце-то не по-весеннему палит.

Тамара Игнатьевна подвела Светлану к приятной полноватой женщине с ребёнком и отправилась к ближайшему киоску в очереди стоять.

– Можно? – спросила Светлана, пристраиваясь рядом с незнакомкой.

– Конечно, место не купленное. Видно, устали по мосту-то идти? – спросила та.

– Да, – призналась Света, – народу много, идут медленно, да ещё толкаются. А Вы здешняя или тоже откуда-то приехали? Я вот к тетушке из Светлого на отдых прибыла, а тут такое торжество. Меня Светланой зовут.

– А я новгородкой теперь заделалась. Из Выборга учиться приехала, а получилось, что и судьбу свою здесь нашла. Вышла замуж за писателя, а теперь жду его, пока отвыстывает и к нам с Ванечкой придёт. Меня Ольгой зовут.

– А я, чтобы хоть одного живого писателя увидеть, в Кремль хотела попасть. В библиотеке работаю и уж коль оказалась на таком празднике, хотелось обязательно увидеть кого-то, услышать, о чём говорят, – мечтательно призналась Светлана.

– Хотите, я Вам расскажу, о чём они говорят? Сейчас, только сына пристрою на колени себе поспать, а то притомился совсем, на ходу засыпает.

Когда Ольга прикрыла сына шалью, начала рассказывать:

– Этот праздник мурманские писатели в 1986 году возродили. Мой-то Дмитрий тогда не смог к ним поехать, только телеграмму в поддержку отослал, а вот их прозаик Маслов приехал сюда. В школах и техникумах выступал да кедр, привезённый из Мурманска, на месте, где первую берестяную грамоту нашли и памятный камень поставили, посадил. Да впрочем, сюда много писателей из разных городов приехало, ещё встретите.

Откуда-то, пробиваясь через великое многоголосье людей, доносились звуки гуслей и звучание задушевной фольклорной песни.

– Красиво поют. Местный ансамбль, наверно? – предположила Светлана.

– Это девчата из ансамбля «Сорока».

– А кто ж на гуслях играет, такой молодой, красивый?

– Это Владимир Иванович Поветкин, – как-то по-особому тепло произнесла Ольга. – Больше во всей Новгородской области такого искусного мастера игры на гуслях не сыщите. Поветкин – это не самодеятельность два притопа, три прихлопа, это настоящий учёный и подделку ни в чём не приемлет.

– Оля, Вы так много знаете и о писателях, и о Поветкине? Я о нём тоже слышала, когда в Новгородском КПУ училась, но видеть не видела.

– Пожили бы с таким мужем, как у меня, тоже не меньше моего стали бы знать, – ответила та.

– А как же Ваш муж найдёт Вас среди такой толпы? – спросила участливо Светлана.

– Найдёт, – улыбнувшись, ответила Ольга, – мы с ним уговорились, где я его буду ждать.

– Везет Вам! Сколько Вы известных писателей узнали... – протянула восторженно Светлана...

– Это да. Но интересней всего мне было пообщаться в этом году с Львом Николаевичем Гумилёвым, сыном поэтов Николая Гумилёва и Анны Ахматовой. Он такой большой, такой удивительный человек! Автор пассионарной теории этногенеза.

– Что-то я о такой теории даже не слыхивала.

– Если честно, то я тоже, пока с мужем не познакомилась, а через него и с Гумилёвым. Возможно, его теория слишком рано была миру заявлена, а потому поддержки у научного сообщества и не нашла... А там, я Вам скажу, очень даже есть над чем подумать. Гумилев ведь не на голом месте о роли личности в истории написал, вспомнить хотя бы Толстого Льва Николаевича...

– Я представляю, как встреча с таким человеком может душу обогатить... Вам, Оля, просто повезло! Встретиться с человеком такого уровня!.. Как бы я тоже хотела познакомиться хоть с одним настоящим писателем или ученым... – протянула мечтательно Светлана.

– А вон, кстати, и мой муж идёт – два в одном вас устроят? – спросила смешливо Ольга, показывая рукой по направлению Кремлевской стены.

– Не поняла – это как?

Светлана вглядывалась в людей и не могла определить, на кого её новая знакомая показывает. Ольга хихикнула и задорно произнесла:

– Так. Сразу и писатель, и ученый. Только Вы не на молодых, не на молодых смотрите, мой-то – «Господин Великий Новгород», седой как лунь, вон в белой косоворотке, в брюках с напуском да в красных сапогах бодренько вышагивает, небольшого росточка, коренастый такой – Дмитрий Михайлович Балашов собственной персоной.

Света аж ахнула:

– Как?! Сам знаменитый Балашов Ваш муж?

– Ну да, он самый и есть, вон видишь, как бойко поспешает, знает, что опаздывает...

– Надо же, а я его представляла... богатырём, – не удержалась от откровенного высказывания Светлана.

– И не только Вы, моя дорогая, – весело смеялась Ольга, – я тоже, пока близко не познакомилась, думала, что Балашов под два метра будет, а он что гриб-боровик, весь в корень пошел.

Когда Балашов подошёл к жене, начал с извинения:

– Ты прости, милая, в круг танцевать заташили. Вижу, Ванечка уже заснул, сейчас я помогу тебе...

– Не торопись, лучше познакомься с девушкой, она в Новгород из Светлого приехала. Библиотекарем работает, а живого писателя ни разу в жизни не видела. Светланой зовут, – подмигивая Свете, сказала мужу Ольга.

Дмитрий Михайлович, очень внимательно посмотрев на Светланин живот, произнес:

– Парень будет, – затем, обратившись к жене, спросил, – Оля, а у тебя ни одной моей книги в сумке не осталось?

– Кажется, «Младший сын» ещё есть, – ответила та.

– Вот и замечательно, – улыбнувшись обеим женщинам, произнес Балашов, – его-то я Вам, Светочка, и подпишу.

Он бойко достал из сумки Ольги книгу и размашисто написал: «Дорогой Светлане на добрую память о чудесных Днях славянской письменности и культуры в Великом Новгороде. Дмитрий Балашов. Май. 1988 год».

Света с благоговейным трепетом приняла из рук писателя книгу и, сердечно поблагодарив его за такой неожиданный подарок, прижала её к груди...

Таким писатель Балашов и остался у Светланы в памяти: седой как лунь, с лицом почти без морщин, с небесно-голубыми озорными глазами, в русской косоворотке и красных сапогах...

К ней подошла Тамара Игнатьевна, и они, часа полтора погуляв вокруг Кремля, пока Светлана не подустала, сели в автобус. Сил идти до дома пешком уже не было. Проезжая по мосту на Торговую сторону, через автобусное стекло Светлана вдруг

увидела Бабу Катю-цыганку, которая ещё довольно бодро, ни на кого не глядя, шествовала по улице. «Сколько же ей лет? – подумалось Светлане. И сосчитав, она восхитилась, – Боже, так ведь 90 исполнилось! А раз по улицам ходит, значит, не нашла ещё, кому передать искусство своё»...

Проснувшийся Глеб, тихонько подойдя к Светлане и присев на диван, сонно спросил:

– Что-то ты, дорогая, книгу держишь, а мыслями улетела куда-то далеко-далеко.

– Да вот, прочла Балашова и задумалась, вспомнив 1988 год и мою поездку перед рождением Сашки в Новгород...

– Ночь на дворе, предлагаю твои литературные бдения закончить и пойти спать. Утро вечера мудренее... – предложил, поднимая Светлану на руки, Глеб и понёс её в спальню...

Странная женщина

Последнее время, приходя в общежитие, Валентина заметила, как участковый милиционер Николай Морозов стал оказывать ей знаки внимания. Сказал, что, видя её улыбку с утра, заряжается ею на целый день, что она очень странная женщина. И Валентина задумалась: странная, по его словам, значит, от всех отличимая. Но странность не может заключаться лишь в том, что человек улыбается, спеша на встречу другому человеку? Если бы называл странной её только Морозов! Её называли странной приятельницы, когда узнали, что разводится с мужем и, оставляя всё нажитое ему, уезжает из Мурманска. Брат, узнав о том, что приняла предложение работать в общежитии, и тому подобное... А может, странность Валентины определяется в ощущении других людей, может, оттого, что не научилась хитрить в разговорах, говорит не приукрашивая себя и не кокетничая с другими? Но разве это может быть странностью? Почему подобные качества в людях стали казаться какими-то странными? Сама-то Валентина считала себя вполне адекватным и нормальным человеком.

Чем же она так отличалась от других женщин, чем выделялась среди окружающих? Мужчины её считали красивой, хотя о себе она знала, что мила, но не больше. Никогда не была худенькой, может, потому её женственные округлые формы так притягивали мужчин? А может, всё же главным в ней была доброта, любовь, исходившие от неё, точно лучи от солнца, и каждому хотелось погреться в их тепле?

Человеком Валентина была увлечённым, богатым душой, но простой, однако в этой её простоте было столько сложностей, что даже бывший муж не знал, как она реагирует на то или иное событие.

Вот такие мысли порой не давали Валентине покоя, и об этом она писала в свой дневник.

Добрая...

Одно время работала вахтером общежития и жила в нём же Лера Шарова. Хорошо – ходить далеко не надо, дом под боком, дети сыты, в тепле, при матери. Об отце говорить не приходилось. Нет, отец у них, конечно, был, только это в понимании Леры. Человек она добрый, слабовольный, правда. Про таких обычно говорят

ни рыба, ни мясо. Муж Леры частенько поддавал, напивался до одури и бил её как сидорову козу. Когда-то он в армии сверхсрочную служил, может, там себе такой характерец и приобрёл.

Говорила Валентина Лере: ненормально, когда муж на жену, мать своих детей, руки поднимает, но у неё отговорка одна:

– Жалко его, паразита, Валентина Алексеевна, все-таки детям отец.

И случилось: однажды застала его Лера в постели с другой, а он, вместо того чтоб в ногах у жены валяться, прощение просить, избил её так, что стыдно на люди показаться.

Небольшой коллектив общежития заволновался, милицию вызвали – это ведь уже не просто жиличка, работник общежития.

Чтоб от мужа оградить, переселили её на третий этаж. Валентина, выполняя свой воспитательский долг, пришла к Лере на разговор.

– Ты что ж, ждёшь, когда он совсем тебя забьёт? Почему хотя бы разводом не припугнёшь?

– Теперь уж точно, Валентина Алексеевна, решила уйти от него.

– Я вот, Лера, всё понять хочу: что в тебе его не устраивает? – критически оценивая Леру, размышляла Архипова.

– Сама не знаю. Я только для него и для детей живу. Стараюсь что повкусней сварить: кастрюлю котлет нажарю, первое сготовлю, только бы мой Ванечка сыт был. А он, паразит, придёт с дружками, съест всё и идёт колобродить по этажам...

– А может, тебе, Лера, его чем-то заинтересовать? Платье новое сшить, причёску сделать и, самое главное, какое-то время совсем не замечать его? Пусть помучается...

– Я попробую, – обещала она Валентине.

– Да и не прощай ты его так быстро, хоть немного гордости женской прояви.

– Конечно. Я уже решила: этого случая ему не прощу, – утвердительно закивала головой Шарова.

И правда, перебралась Лера с детьми на третий этаж, а в комнате, где стала жить, как назло, проводка перегоревшей оказалась. Тут-то Шаров к ней и подвалил со своей помощью.

Работники общежития в судьбе её самое активное участие проявляют: «Жалко Лерку, хорошая баба, а главное – добрая, жалостливая, а Шаров у неё подлец...»

И «обсасывают», и «обмусоливают», как им Лерку жалко. Сидела Валентина, слушала и своё слово вставила:

– Знаете, девочки, а мне Леру не жаль. Нет, чисто по-человечески, конечно, жалко, а как женщину – нет. Сама виновата. Кто как не она Шарова распустила? Да и вообще: ни гордости у неё, ни самолюбия.

Как тут все накупились на неё!

– Твою дивизию, Валентина, не думали мы, что ты такая жестокая. А ещё воспитателем работаешь. Да Лера из нас самый добрый, самый порядочный человек есть, если хочешь знать!

– В этот раз, будь уверена, она Шарова не простит.

– Не зарекайтесь, – сказала Валентина, – я однажды уже была свидетелем, как Шаров Леру избил, а её самолюбия хватило только до вечера. Уже на дискотеке они

перед всеми демонстрировали своё примирение, обнимаясь и целуясь. Даю гарантию: не пройдёт трёх дней, и они помирятся.

– Да что ты такое говоришь! – чуть ли не крикнула ей в лицо заведующая. – Лера его после случившегося и на пушечный выстрел не подпустит!

– Уже подпустила. Вчера вечером он ей в комнате свет делал, и при этом они очень любезно ворковали, – сказала Архипова.

– Ну и что... Это ещё не доказательство их мира, – вставая на защиту заведующей, пропела своё соло завхоз, – мы с ней поговорим.

– Вы бы, девочки, лучше не совались в чужую жизнь, сами разберутся, – никак не реагируя на выкрики сотрудниц, произнесла спокойно Валентина. – Иначе вас же и обвинят в том, что семью разрушаете.

– Удивительно, Валентина Алексеевна, какая же ты всё-таки жестокая, – заметила язвительно заведующая.

– По мне лучше жестокой быть, чем лицемерной, – резко оборвала разговор Валентина.

Страсти накалялись, хорошо, что кто-то в этот момент вошёл в кабинет заведующей и спор стих.

Как Валентина и предполагала, через три дня Шаров уже перебрался к жене и на новой дискотеке они вновь были накрепко слиты воедино узами брака, при этом он не преминул всех, кто принимал горячее участие в Лериной судьбе, обвинить в разрушении семьи. Заведующая с завхозом обиженно спросили Леру:

– Ну почему же ты опять мужа простила?

И услышали в ответ её тихое оправдание:

– Пожалела его, ведь он на коленях у меня прощение просил, плакал, умолял... И знаете, на ушко такие нежные слова шептал, какие я от него только в брачный месяц и слышала. Как же я могла его не простить? Жалко мне его, да и дети у нас...

После этих слов сотрудники хором осудили Леру, но оправдание её приняли, выдвинув главный аргумент в защиту: «Она у нас самая добрая...»

Через месяц Шаровы съехали из общежития, сняв квартиру в городке, но в комнате на третьем этаже Лера по привычке ещё устраивала себе девичники, а Шаров – мальчишники. Осенью его за постоянные пьянки выгнали с работы, и ей пришлось одной кормить семью.

А тут заведующая против Валентины компанию начала, чтоб уволить её и посадить на место воспитателя свою протеже. Начальство никогда не любит прямых людей.

– Не переживайте Вы так, Валентина Алексеевна, лучше Вас здесь никого нет, – поддерживала её Лера. – Знайте, я за Вас...

Близко к сердцу Валентина, конечно же, её слова не приняла, но всё же на искренность надеялась.

Прошёл месяц, по общежитию стало ходить коллективное подмётное письмо, а Лера... собирала в него против Архиповой подписи...

Наверно, совсем не боялась возмездия. Тогда Валентина ещё не знала, что наказание ей так скоро придёт.

Шарова вновь была жестоко избита мужем, так избита, что месяца два пролежала в больнице, а при встрече с ней отводила в сторону глаза.

На взгляд Валентины, Шаров, конечно, мерзость, но и Лера всё что угодно, но только не добрая. Она это хорошо поняла. Для кого добрая? Для себя? Нет. Где ж её добро, если позволяет мужу унижать и топтать себя? Для детей?

Однажды в коридоре общежития её мальчишки – одному восемь, другому девять лет – поучали маленького соседского Гришку, который их звал играть с девочками.

– Дурак, – говорил восьмилетний сын Леры, – нашёл с кем дружить, с бабами. Да их всех бить надо. Знаешь, как наш папка мамку лупцует? А она его уважает, слушает...

– Зачем же я Тайку бить буду? Она мне сестра, – оправдывался маленький Гришка.

– Ну и что, – настойчиво топнув ногой, поддержал брата второй Лерин сын, – сестра всё равно баба...

Какой толк читать мораль этим мальчишкам, когда собственная мать потворствует их злобе против женщин, а значит, не думает об их будущем? Добрая? А если муж её так забьёт, что ходить не сможет, кому она такая добрая нужна будет? Детям? Подругам? И разве добрая она по отношению к своему мужу? Если поощряет его скатываться на самое дно? Больше года он у неё на шее сидит, бьёт до полусмерти, а она всё жалеет его. Забьёт однажды так, что в тюрьму попадёт, а Лера будет добрая, жалостливая, в тюрьму ему передачи носить... Не доброта это, всё что угодно, но не доброта, и Лера, она тоже не добрая...

Вот к такому выводу пришла Валентина Архипова, воспитатель общежития Светлого.

А что касается письма против Архиповой, то заведующую вызвали в управление комбината и так за это пропесочили, что более попыток избавиться от Валентины она уже не предпринимала.

Возрождение храма

В библиотеке Светлану подозвали к телефону. Отец просил прийти на обед к нему, хочет познакомиться с одним человеком.

В кресле отца сидел незнакомый бородатый мужчина лет тридцати в джинсах и курточке. При её появлении поднялся и представился:

– Отец Сергей из Энска, священник церкви Параскевы Пятницы.

– Отец Сергей приехал, чтобы посмотреть наш разрушенный храм, пора пришла его поднимать из руин, и поживёт у меня, пока мы не запустим механизм восстановления, – уточнил Завьялов дочери.

Светлана, чуть смущённая появлением неожиданного и необычного гостя, протянула для приветствия отцу Сергию руку. Он, улыбнувшись ей, протянул свою для рукопожатия. Михаил Савельевич, будто оправдываясь за дочь, произнёс:

– Вы уж, отец Сергей, извините нас, мы люди светские, не приучены вместо приветствия у священников благословение просить.

Светлана фыркнула и с неким вызовом спросила:

– А что, отец Сергей, теперь священники не в рясах ходят, а в джинсах?

– Подрясник и другие священнические одежды для храма, а в повседневной жизни я хожу, как все: в джинсах и брюках, тем более большее время приходится работать на восстановлении храмов нашей епархии. Зачем же я буду свою храмовую одежду затаскивать? Пока ни у меня, ни у прихода нет лишних денег мне на

новое облачение. Берегу. Ведь Вы, Светлана, тоже повседневно праздничные платья не носите, не так ли? – произнес, улыбаясь, батюшка.

– Извините, если я Вас нечаянно обидела, только кто же тогда в Вас священника в светской одежде узнает? Если бы отец не представил, я подумала бы – к нему в гости геолог зашёл. А тем более никто за благословением не подойдёт, – произнесла Света и, уже обращаясь к отцу, спросила. – Тебе помочь на стол накрыть?

– Да нет, я уже всё накрыл, осталось только вас с отцом Сергием к столу пригласить.

– Вы меня, Светлана, своими словами несколько не обидели, – произнёс отец Сергей, проходя за стол. – Я только позволю заметить Вам, что благословение не в одежде священника, а в нём самом. Разницы нет, в чём я одет. Если кто-то попросит благословение у меня, я обязательно благословлю. Ваш же батюшка узнал во мне священника, хотя и нашёл меня в гараже, когда я копался в своей машине – карбюратор забарахлил.

– А Вы ещё и в машинах разбираетесь? – удивилась Светлана.

– Да, когда-то я очень увлекался автомобилизмом, даже было дело, в гонках участвовал, я, знаете ли, любитель быстрой езды, а по специальности, как и Ваш отец – строитель, потому-то меня епископ и благословил приехать в Светлое, просчитать все строительные работы. А вот Духовную семинарию окончил только в прошлом году, хотя в священники рукоположен уже три года назад, заочно учился, – обстоятельно рассказывал о себе Светлане отец Сергей.

– Дочь, ты совсем заговорила нашего гостя, дай человеку с дороги сначала поесть, а потом уж вопросами забрасывай, – чуть возмутился Михаил Савельевич.

– А я разве против?! Милости просим, отец Сергей, чем богаты, тем и рады. Просто когда мне ещё представится возможность вот так запросто поговорить со священником?

– Вечером, дорогая, сегодня вечером. Галине Игнатьевне я уже позвонил, а Глеба сама предупредишь, тогда и поговорим, – произнёс Михаил Савельевич. – Можешь и Прасковью Ильиничну пригласить. Она тоже ждёт не дожидется, когда храм начнут восстанавливать. Говорила мне, что до этого момента запретила себе даже мысли о смерти иметь. А завтра мы с отцом Сергием пойдём к главе нашего города Сердюку, он уже уведомлён о нашем приходе, ждёт. Сначала субботник устроим, как в прежние времена, чтобы очистить храм от мусора, а затем с Божией помощью и поднимать его начнём. Мы уже с отцом Сергием договорились, что он будет приезжать сюда и останавливаться у меня, а там глядишь, епископ и вообще его к нам настоятелем определит, – сказал Завьялов.

– Ну, это Вы, Михаил Савельевич, слишком далёкие перспективы рисуете. Не будем наперёд ничего загадывать, как Бог даст, так и будет, – произнёс отец Сергей.

– На том и порешим, – довольно хмыкнул себе в усы Михаил Савельевич...

Сила Есенинского стихотворения

В октябре 1995-го Светлана готовила для книголюбов их библиотеки вечер, посвященный 100-летию Сергея Есенина. Готовила с удовольствием, потому как это был любимейший её поэт. Писала сценарий, подбирала музыку, дома в голос декламировала стихотворение «Песнь о собаке», вспоминая, как читала его в училище. Её

дочь, шестилетняя Полина, девочка очень впечатлительная, слушая чтение мамы, тихо плакала. А потом сказала, что это её самое-самое любимое стихотворение. Подумала и добавила:

– Мамочка, а почему, когда ты его читаешь, у меня в горлышке больно становится и плакать хочется?

Светлана обняла дочку и сердечно сказала:

– Потому что ты у меня растёшь доброй, жалостливой девочкой.

– Мама, а правда ведь, что собачка-мама горюет по своим малышам?

– Да, доченька, любая мама будет горевать по своим деткам, если что-нибудь с ними случится. Надо иметь большой талант написать стихотворение так, чтобы люди, сопереживая, плакали, вот как ты сейчас.

– А кто его написал?

– Русский поэт Сергей Есенин. У него ещё очень много разных стихов и все просто замечательные.

– И я, когда подрасту, обязательно буду, как ты, читать это его стихотворение о собачке...

«Вот, оказывается, – подумалось Светлане, – какую силу имеет это есенинское стихотворение, если даже шестилетний ребёнок способен испытать такое сильное сопереживание, слушая его».

На вечере книжным магазином Светлого разыгрывалось пять есенинских трёхтомников, и Светлане посчастливилось выиграть один из них. Она вся так и светилась от счастья.

Валентина и Ратник

Казаковы пригласили Валентину в ресторан на 33-летие Светланы, где и произошла новая встреча Валентины Архиповой с Сергеем Ратником. Проходя по большому залу к столу друзей, Валентина увидела Ратника в кругу парней и... бутылок. Но несмотря на это, очень обрадовалась.

Много дум за то время, пока они не виделись, она передумала о нём. После того вечера в общепитии нигде больше не встречала его и переживала, не случилось ли что... Тем радостнее было увидеть его здесь живым и здоровым, хотя, видимо, не переставшим прикладываться к спиртному.

Отчаянно громко играла ресторанный музыка, иногда захлёбываясь собственными звуками. Вечер был уже в самом разгаре. Кто-то танцевал, кто-то поднимал тосты и опрокидывал в себя непомерное количество выпивки, кто-то демонстративно целовался при всех. Одним словом, народ как умел, так и веселится.

Когда Валентина проходила мимо Сергея к заказанному столу, их глаза встретились, и это подсказывало, что он обязательно подойдёт и пригласит её на танец. Время шло, а Сергей всё не шёл, зато подходили другие мужчины. Оправдываясь усталостью, она всем отказывала.

Светлана, видя, в каком напряжении сидит подруга, под села рядом и спросила:

– Валюш, почему невесёлая? Не танцуешь... Посмотри, с каким интересом на тебя поглядывают в ресторане мужики. Расслабься, дорогая, иначе я подумаю, что чем-то обидела тебя.

– Да что ты, Света, просто не подошёл ещё тот, с кем бы мне захотелось потанцевать, – сказала с улыбкой Валентина.

– А он подойдёт? Ты в этом уверена?

– Да, только не знаю, как скоро, – с некой долей грусти, улыбаясь, произнесла Архипова.

– Ну тогда я за тебя спокойна, жди, а я с Глебом пошла, потанцую. Как только мы поженились, он перестал сиднем сидеть, ведь твоего брата Сашку на все случаи жизни из Энска вызывать не будешь, чтоб потанцевать со мной. Сейчас Глеб для меня специально медленный заказал, так что пока...

– Иди, иди, танцуй. Твой день, имеешь право...

Ратник подошёл сразу, как только от Валентины отошла Светлана, и потому от произнесённых им слов Валентина вздрогнула:

– Здравствуйте, Валентина свет Алексеевна.

– Серёжа...

– Кажется, я Вас напугал?

– Просто как-то неожиданно...

– Хотите сказать, что не ожидали, что я к Вам подойду?

– Скорее оттого, что, может, слишком ждала... – сказала спокойно, глядя ему прямо в глаза, Валентина. – Рада видеть тебя.

– Можно? – он взял стул и подсел ближе.

– Как долго мы с тобой не виделись! – произнесла с некоторой грустью Валентина.

– Долго? Нет, Валентина свет, целую вечность.

В его словах она не почувствовала иронии, скорее они были произнесены с горечью и сожалением.

Из-за грохота музыки, чтобы слышать друг друга, им приходилось чуть ли не кричать.

– Что-то с друзьями отмечаете? – вновь спросила она

– Вообще-то я сюда работать устроился... Как говорится, «Пивка – для рывка, водочки – для заводочки, коньячка – для бодрячка». Разрешите представиться – узаконенный вышибала-охранник, – сказал Сергей едко-насмешливо по отношению к себе.

– Вот оно дело в чём...

Наверно, Ратник почувствовал в её голосе некое разочарование и, как бы оправдываясь, продолжил:

– Ну, не совсем так... В ментовке я работаю, и потому сюда частенько заглядывать приходится.

Ей подумалось: вот ведь сильный парень, а после Афганистана дал слабину, потерял, что называется, стержень жизни, смысл. А опустившись почти на дно, трудно на поверхность выкарабкиваться.

Не услышав её мнения насчёт своей новой работы, Сергей добавил:

– Просто подумал: только бы не ссучиться, не скурвиться – вот в ментовку и пошёл.

– Считаешь, что работа в милиции поможет преодолеть себя?

– Может быть, может быть... Где бы ни работал, везде свой геморрой вылезет. Плохо, правда, что и здесь сердобольных многовато находится, готовых в любой момент «на помощь прийти». Мол, что раскис, всё пройдёт. Пропусти стаканчик, другой и забудешься.

– И ты тут же принимаешь «заботу»? – не ожидая от себя, немного зло произнесла Валентина. – Они, конечно, «молодцы»! А ты не думал, Серёжа, о том, что им не важно, какие ты при этом испытываешь угрызения совести после каждой попойки своей?

– Да может я, Валентина свет, все свои угрызения давно пропил уже, – сказал он невесело и добавил, – простите, это я так, куражусь. Вы и не представляете, сколько накопилось в моей душе невысказанных Вам слов!

– А я, Серёжа, понимаю. Сначала тебе друзья выпивку предлагают, затем женщину, а дальше что? Ну, заглушишь ты свой физиологический инстинкт, а жизни-то нет. Тут, как говорится, не до красоты, можно и лица друг друга не увидеть, правда?

Ей было нестерпимо больно за него. По-видимому, он понял это и не обиделся. А она продолжала говорить:

– Знаешь, почему тебе трудно сопротивляться соблазнам? Ты от природы красивый парень, а красоте многое прощается. И женщины тебе многое прощают. Они ведь тоже не видят твоих глаз. Посмотри на себя, ведь на тебе тела не осталось. Поизносилось оно. Где тот парень, которого я впервые увидела тогда в общежитии? Статный, красивый, мускулистый, подтянутый. Я любовалась тобой, не то слово, если по правде, влюблена была. Что улыбаешься? Да, влюблена. В твою молодость, силу, твою надломленную Афганом судьбу, в которой и мне хотелось участие принять. Не пройти мимо равнодушной, понимаешь?

– А теперь уже нет? – усмехнулся Сергей.

– Что нет? – не поняла вопроса Валентина.

– Не влюблены? – совсем тихо произнёс он, боясь услышать отрицательный ответ.

Валентина скорее поняла по губам его вопрос, чем услышала в грохоте музыки. Уходя от прямого ответа, сказала:

– Мы давно не виделись, Сергей, и, может, сейчас не время говорить это, но когда ещё представится случай увидеться в другой раз? А тебе, как я поняла, надо это услышать. Поверь, молодость и красота не вечны. В пьяном угаре можно и не заметить, как одрябнет тело, ввалятся щеки, уйдёт мужская сила, и кому ты тогда нужен будешь?

Бывает так, что человеку необходимо выплеснуть кому-нибудь свою боль, иначе она может разорвать сердце или навалиться всей тяжестью и согнёт в три погибели. А бывает – свою боль необходимо услышать из уст другого, чтобы появилась возможность преодоления её.

Ратник вымученно улыбнулся и хриплым голосом произнёс:

– Теперь я понимаю, почему меня так тянет к Вам... Сколько раз хотел прийти в общежитие, поговорить... Но, наверно, вот этих слов боялся, глаз ваших осуждающих, которые видят то, что недоступно другим, словно рентген, насквозь просвечивают ...

– Зря боялся. Ты думаешь, только у тебя на душе раздраз? И во мне постоянно борьба идёт...

Подошла Галина Игнатьевна.

– Валентиночка, ну что же это ты с таким молодым кавалером всё сидишь и разговоры разговариваешь, когда весь народ танцует?

– Давно не виделись, вот и захотелось поговорить, – ответила приветливо она.

– Танцевать, танцевать идите, наговориться всегда успеете, – затормошила её свекровь Светланы.

– И правда, Валентина свет, я ведь шёл Вас именно на танец и пригласить. Надеюсь, не откажете, как другим?

И вновь, как некогда в общежитии, ей спокойно и хорошо в его объятиях несколько танцев подряд. Здесь был ресторан, и она уже не пыталась отодвигаться от него, потому как испытывала необъяснимую приятность в этой танцевальной близости с молодым и очень симпатичным ей мужчиной. Чувствовала силу его властных рук, крепко прижимающих её к своей груди, его чуть замедленное дыхание у себя на шее, чуть колючую щёку на своей щеке и через всё это и своё волнение, холодок в груди и какое-то удивительно приятное томление. В этом и заключается вся прелесть медленного танца, что, не нарушая этических норм, ты на глазах у всех находишься в непосредственной близости с человеком, с которым биение твоего пульса учащается, а сердце преисполняется радостью.

Потому остальная часть вечера пролетела для неё совершенно незаметно. В гардеробе, провожая, Сергей помог надеть ей пальто. Они были одни. Валентина думала: вот прошла ещё одна встреча-разговор, сколько ждать до следующей? Год-два? Сколько? Может, если бы он жил в общежитии, она и помогла бы ему преодолеть это испытание прошлым, Афганистаном, который так и не уходил из его снов, будто приговаривая к пожизненной памяти о нём. Недаром же он как-то произнёс: «Лучше была бы героическая смерть там, чем позорная жизнь здесь».

Протягивая ему руку для прощания, она почувствовала, как его длинные пальцы крепко сжали её, и произнесла ободряюще:

– Я буду думать о тебе, Серёжа, знай это.

– Можно мне Вас на прощанье поцеловать? – спросил он как-то умоляюще.

– Конечно можно, – улыбаясь, легко сказала она, снимая тем самым образовавшееся некое напряжение, – дружеским поцелуем, да, пожалуйста.

Только на одно мгновение он прижал её к себе и приблизился своими жаркими губами к уголку губ её, но и этого хватило, чтобы она почувствовала, как Ратник сейчас боролся с желанием куда более сильным, нежели этот невинный поцелуй, как задрожали его руки на её спине. И, точно принимая на себя разряд электрического тока, исходившего от него, она и сама вдруг почувствовала, как по всему её телу прошла волнительная дрожь, и, испугавшись, что Сергей уловил это её предательское волнение, отстранилась.

Преодолев нахлынувшую было на него физическую страсть, он обратился к ней уже без всякой дополнительной приставки «свет»:

– Ах, Валентина, как бы я хотел, чтобы Вы были моей!

И, уже открывая дверь в гремющий музыкой зал, добавил:

– Знайте, теперь я не боюсь новых встреч с Вами.

Сказал и, не задерживаясь больше, ушёл в чуждое его одинокому сердцу бушующее весельем людское море.

Первый снег

Часы, отремонтированные Сергеем, но ещё не спрятанные в корпус, белели в темноте комнаты, показывая стрелками, что ночь пошла на убыль. Ратник в эту ночь так и не заснул. Мысли о Валентине не выходили из головы, терзали, мучили,

и потому он то ложился, то вставал, подходил к окну и, не зажигая лампы, стоял так, завороченно всматриваясь в ночную мглу, где тускло мерцал одинокий фонарь, освещающая деревья, запорошенные первым снегом. Сергей с нетерпением ждал утра, ждал, чтобы набрать номер телефона той, без которой, теперь он это точно понял, не мыслил больше своей жизни. Целый год боролся он с искушением прийти в общежитие, схватить её в охапку и принести к себе в дом, но он не знал её чувств по отношению к себе. Вчерашняя её фраза в ресторане «может, слишком ждала» давала надежду на развитие дальнейших отношений, и он не желал растягивать время ещё на целый год до новой встречи...

Когда-то в ранней юности он пробовал писать стихи, которые даже в районной газетенке под рубрикой «Молодые голоса» печатали, но Афганистан гусеницами БТР так грубо проскрежетал по его душе, что больше уж из-под его пера ничего доброго не рождалось, а писать о мерзостях и крови войны у него не было никакого желания. И вдруг он вновь почувствовал в себе стихотворные строки: «Здравствуй, утро надежды, веры, любви и счастья, пусть обойдут, как и прежде, нас стороной ненастья...»

Когда Ратник впервые увидел Валентину в комнате парней в общежитии, он стал исподволь узнавать о ней всё. Местная, но долго жила на Севере, выйдя замуж за партийного работника. В разводе, в Светлом живёт у своих родителей. На пять лет старше его, но он своей давно уже поседевшей душой чувствовал себя гораздо старше её... Годы для него не имели никакого значения, кроме того, что он более уже не мог жить без этого человека...

Воспоминания не дают заснуть

Валентина после вечера в ресторане и встречи с Сергеем тоже заснула поздно, но сон оказался недолгим и прервался, когда за окном ещё утро не забелил рассвет. Вставать не хотелось.

Новый день, что он принесёт ей? Пройдёт ли, как многие другие, обыденно, ничем не выделяясь, или улыбнётся своей неповторимостью и запомнится на всю жизнь? Но не дай Бог ляжет на душу чёрной тенью, как тогда, когда она застала мужа со своей подругой Мариной Ярошук в их семейной постели... Раньше, когда она проходила мимо дома подруги, окна Марины чаще оставались тёмными. Когда же Валентина подала на развод, муж сразу перебрался к ней, и окна её засияли, заулыбались радостным светом счастья, украденным у неё, Валентины. Как выяснилось позже, Ярошук встречалась с её мужем уже давно, пока не добилась своего. Валентина так верила ей, что не заметила, как её взгляды на мужа перешли грань невинности, стали зовущими и возбуждающими. И когда Марина звала её мужа к себе наладить розетку или ещё по какой-то хозяйственной надобности, Валентина сама гнала его к ней, понимая, как сложно управляться в доме одной без твёрдой мужской руки. И вот предательство сразу обоих. Предательство – один из самых страшных пороков. Валентина понимала, что порывала с ними навсегда, но от этого на душе не становилось легче. А ведь как красиво всё начиналось! Его стихи ей в подарок после Осеннего бала: «Я видел вас хозяйкой бала, / Того, что осень ту венчал, / Там грустно музыка звучала / И с нею голос ваш звучал»...

А может, в том, что муж ушёл, виновата и она? Разве могла у них быть счастливая семья, если бросала мужа ради людей? Сама она не терпела праздники, потому как все люди были как люди, а клубные работники, точно проклятые – всё для других и ничего для себя и своих близких. Перед праздниками репетиции, в праздники мероприятия, после депрессии, затем снова праздники, мероприятия – пустота... И так всю жизнь. Нет, для Валентины самыми лучшими праздниками стали будни, когда не возникало этой сумасшедшей кутерьмы: куда-то бежать, с кем-то договариваться, что-то доставать, кого-то упрашивать... Родных и друзей поздравить некогда. Всё в спешке, всё на скорую руку. Жизнь – во Дворце культуры, минуты – дома. Другие хлопчут, достают продукты, до блеска прибирают квартиру, а тут за час-два до праздника пыль смахнёшь, пол протрёшь, что-нибудь на скорую руку приготовишь, чтобы видимость праздника создать, и вновь на работу бегом. Вроде праздник есть и его нет. Потому Валентина и не любила праздники. Ей казалось, что душа её после них опустошалась настолько, что сил на дальнейшую жизнь уже не хватало.

Марина была другой, она всегда могла подмениться, отпроситься, и сейчас по прошествии времени, вспоминая всё это, Валентина пришла к выводу, что разрушила своё счастье собственным рвением к работе.

Она помнила, как Марина, всегда смело доверяя ей свои тайны, рассказывала, что однажды, будучи замужем, наврав с три короба на работе, презрев условности, сказала мужу, что едет в командировку в Ярославль, и сломя голову помчалась на зов своего любовника за тысячу километров, лишь бы оказаться в его объятиях. Так в сумасшедшем накале пролетели её несколько дней, и эта страсть к мужчинам напроць смыла в её жизни понятия верности и чести.

А ещё Валентина помнила, как все годы их совместной работы в ДК Марину ущемляло даже малое невнимание к ней мужчин. Если Валентине вдруг кто-то во Дворце посвящал стихи, кидал в её сторону восхищённые взгляды, Марина ходила точно больная. И когда все узнали, что Марина увела у Валентины мужа, стали рассказывать Валентине, как та исподволь постоянно чернила свою подругу в глазах других сотрудников. Причём в такие минуты она никогда не пела дифирамбы и себе, делая это так искусно, что все начинали думать, что Марина слишком самокритична. И не дай Бог, если кто-то из мужчин говорил Валентине комплимент в её присутствии – подруга вылезала из кожи, чтобы только увести за собой этого восхитителя. Марина также знала, что ни один мужчина не входил в душу подруги слишком глубоко, знала, что придёт время – и Валентинин муж наскучит ей. «Что поделает? – думалось Валентине. – Любая женщина хочет нравиться мужчинам, только у одних это не переходит мер приличия, а у других становится навязчивой идеей, особенно если они становятся свидетелями чужого счастья, которое в дальнейшем и разрушают».

Может, потому после развода с мужем Валентина никак не решалась хоть каким-то образом начать отвечать на внимание мужчин.

И ещё вспомнилось ей, как уже, будучи замужем, она поехала поступать в Ленинградский институт культуры на режиссёрское отделение. Она тогда была в отпуске, приехала за две недели до экзаменов, но времени зря не теряла, ходила на подготовительные занятия. Однажды в аудиторию, где они занимались, вошёл высокий, поджарый седой мужчина. Его лицо, прорезанное несколькими глубокими

морщинами, притягивало взгляд, а глаза с проницательностью изучали вновь поступающих абитуриентов. Во всём его облике чувствовался большой ум, интеллигентность и страстная творческая натура. У Валентины при виде его сразу возникла ассоциация с одиноким волком. Мысленно она окрестила его Акело. Ребята оживились, по аудитории прошёл слушок, что это не только их будущий режиссёр, но и актёр и по телеку в эти дни идёт многосерийный фильм с его участием. Валентина подумала: «Я буду учиться или у него, или ни у кого больше». Тогда она ещё не знала, что и он, раз взглянув на неё, решил, что если этой девушки не будет у него на курсе, то курс не состоится. Вот так и началась их курсовая возвышенная любовь. Тогда Валентина ещё совершенно не умела скрывать свои чувства, и уже на первом внеурочном сборе по её глазам ребята прочли восхищение Марковым. Возвращаясь домой с сокурсником Сергеем Зязевым, они говорили о вечере.

– Знаешь, Валуша, а у тебя, оказывается, глаза совсем не умеют врать, – сказал Сергей.

– Не поняла, Серёжа, а при чём тут мои глаза? – переспросила Валентина.

– При том, что в них всё, как в открытой книге, и все сегодня узнали о твоей любви к Маркову.

– Это как? Ведь я ни намёком, ни полнамёком не давала к этому повода, – за переживала Валентина, – ты что думаешь, и он это заметить мог?

– А он что, без глаз? – засмеялся Сергей. – Прекрасно видел, с каким восхищением, с какой нежностью и страстью одновременно горели твои глаза. Ведь я рядом с ним сидел... Этот твой взгляд даже меня своей энергией обжёг. А ещё эти твои мокрые после дождя волосы в кудряшках...

– Серёга, да ты никак поэтом заделался! – преодолев смущение, воскликнула Валентина.

– Будешь тут поэтом, когда такой пламень во взгляде увидишь... – произнёс, смеясь, Зязев.

На следующий день в перерывах между репетициями ребята, то один, то другой, начали подходить к Валентине и высказывать примерно то же, что и Сергей. Наконец, Валентине всё это надоело, и она всем без обиняков стала говорить: «Да, влюбилась, втрескалась, вляпалась, втюрилась! Только оставьте в покое».

На заключительном вечере в честь окончания первой сессии играла музыка, ребята танцевали. Валентина тоже пригласила Маркова на танец. И то ли выпитое вино, то ли звучащая музыка, то ли полумрак комнаты, а может все сразу, вывели Маркова на откровенность:

– Знаете, Валентина, для меня Вы, только я увидел Вас, стали олицетворением всего курса. Вы представить себе не можете, но я даже молился, чтобы судьба снизошла ко мне и даровала бы именно Вас. Вы лидер, и от того, как Вы настроитесь на сессию, так она и пройдёт. Я сразу заметил – Вы обладаете даром заражать своим настроением других.

– Владимир Петрович, мне кажется, вы слишком преувеличиваете мои способности. Я могу признаться, что для меня счастье учиться у Вас, – произнесла с замиранием сердца от услышанного Валентина.

– Если с такими мыслями Вы дойдёте до конца учёбы и не разочаруетесь во мне, курс состоится...

Нет, Валентина не изменила своего отношения к Маркову. Её влюблённость в него была продиктована прежде всего восхищением этим человеком. Она помнила, как, сильно заболев, не могла приехать на сессию и её хотели отправить в академический отпуск, но Марков пошёл в деканат, упал перед деканом на колени и сказал, что если он отправит её в академ, курс развалится. Конечно, это было еще и актёрски хорошо сыграно, но все, кто в этот момент находились в деканате, поняли, что Маркову на самом деле эта студентка дорога. Валентине оставалось только за две недели раньше приехать перед следующей сессией, чтобы сдать предыдущую – экстерном. А ещё Валентине вспомнилось, как она на первом курсе нечаянно объяснилась ему в любви. Марков пригласил её к себе в гости, чтобы обсудить план работы на предстоящую сессию. Они сидели у него на кухне друг против друга, он курил и что-то с жаром рассказывал ей о предстоящей актёрской работе. А у неё в мозгу крутилась только одна мысль: «Ну скажи что-нибудь другое. Ну посмотри на меня глазами мужчины, а не педагога... Ну что ты мне всё про роли, про роли... Да что же ты за старый чурбан, если не видишь, как я люблю тебя!»

Вдруг Валентина увидела, как вытянулось лицо её собеседника, раскрылся рот, а на губах зависла прилипшая папироса. Всё это произошло в какую-то долю секунды, и Валентина даже услышала конец своих собственных мыслей, высказанных вслух: «...Да что же ты за старый чурбан, если не видишь, как я люблю тебя...» Её кинуло в жар. Она встала, тряхнула головой и произнесла: «Ну вот дошла до ручки, пора домой». И уже не слыша, что он говорил, стала собираться. У самой двери поймала на себе его долгий, изучающий взгляд. Он взял её руку и нежно прижался к ней своими губами...

Через три года, возвращаясь с юга в Мурманск через Ленинград, она позвонила Маркову и вновь пришла к нему в гости. Они также сидели на кухне, он рассказывал о своих новых студентах, и Валентина поняла, что все девушки вновь в него влюблены и вновь он весь поглощён работой. Сказал, что его новые студенты обязательно кого-то напоминают с её первого курса... Только не находится ни одной, кто бы хоть чем-то напомнил ему её – Валентину.

Она наслаждалась этой их встречей, наверно оттого, что у них так и не случилось близости, её невинный институтский роман облекался со временем в светлую мечту о новых встречах и новых чувствах.

А разве она одинока сейчас? У неё есть брат, родители, такие друзья, как Светлана и Глеб... Почему же она всё равно не перестаёт ощущать в своей душе одиночество? Одинока душа...

«Две звезды...»

Неожиданно в доме Соболевых зазвонил телефон. Алексей Юрьевич, просыпающийся раньше всех, поднял трубку.

– Да, я Вас слушаю, – сказал он тихо, чтобы не разбудить жену и дочь.

– Можно к телефону позвать Валентину Алексеевну? – спросил незнакомый Соболеву мужской голос.

Алексей Юрьевич машинально посмотрел на часы, которые показывали без

четверти шесть, покачал головой, удивляясь раннему звонку, и пошёл звать дочь к телефону.

– Валюша, не спишь? – спросил негромко. – Рановато тебя нынче решили с работы вызванивать.

Валентина только улыбнулась отцу.

– Ничего, пап, я подойду.

Что-то подсказало ей, что это звонок не с работы, и потому, быстро вынырнув из-под одеяла, бросилась к телефону.

– Слушаю, – произнесла в трубку с неким придыханием и внутренне неожиданно для себя вся затрепетала, услышав так близко голос человека, ставшего уже давно далеко не безразличным.

– Валентина свет, ради Бога, простите за ранний звонок, но я жду Вас у рынка, – сдержанно произнёс в трубку Сергей.

У Валентины перехватило дыхание, и то ли у него, то ли у себя она спросила:

– А который сейчас час?

– Без пятнадцати шесть, – сказали в трубку, а секундой позже это же крикнул из кухни Алексей Юрьевич.

– Что-то случилось? – испуганно спросила Валентина.

– Случилось! Жду! – односложно произнёс Сергей.

– Хорошо, я иду...

Видя, что дочь закончила разговор, Алексей Юрьевич, выходя из кухни с кружкой чая в руках, забурчал:

– И что за мода такая ни свет ни заря людей из дома вытаскивать!

Сердце Валентины билось как ошалелое. Сергей ещё ни разу не звонил ей ни на работу, ни тем более домой, и потому она заволновалась, не случилось ли чего плохого. Быстро одевшись, поспешила за порог. К рынку не шла – летела. Ратника увидела издалека. Он стоял, поджидая её у милицейского «газика», и нервно курил. Слава Богу, жив, здоров, отметила про себя Валентина, единственно – глаза с резкими полукружиями, оттеняющими их блеск, выдавали его бессонную ночь. Подходя совсем близко к нему, она взволнованно спросила:

– Что случилось, Сергей?

– Садитесь, – только и ответил он.

Валентина поняла – больше не стоит задавать вопросов, он сам заговорит, когда почувствует в этом необходимость.

Машина рвалась вперёд, дорога была накатанной, хотя и запорошенной первым снегом, который шёл уже часа два, укрывая землю большими сухими хлопьями. Осенний лес по краям дороги справлял, казалось, тысячу свадеб. Оранжевые, рубиновые, жёлтые листья деревьев были обсыпаны пушистыми снежинками, точно тончайшей кружевной паутиной. Валентина в ожидании объяснения от Сергея, почему и куда он везёт её в такую рань, всё же с восхищением отметила это необыкновенно красивое преображение природы.

Сергей свернул с главной дороги на просеку и, проехав ещё с полкилометра, остановил машину. Помог выйти ей.

– Простите, Валентина, что сорвал Вас с постели в такой ранний час, просто мне

очень захотелось подарить Вам это необыкновенное утро и первый снег. Днём его может растопить солнце, затоптать ногами люди, и Вы не увидели бы всего этого.

В его словах было столько теплоты, нежности, что они сразу сняли напряжение Валентины, и она впервые за дорогу улыбнулась ему. Он глядел в её глаза, и они ему казались до боли родными, лучившимися нежным светом радости.

– Я сегодня за многие годы молчания впервые написал стихотворение, которое хочу подарить Вам, – и, не дожидаясь её реакции на слова, начал читать:

Две звезды засветили ярко
На моем небосводе вдруг,
Льдам души стало очень жарко,
И рассеялся мрак вокруг.
Эти звёзды – глаза любимой,
Излучающие жизни свет,
Красотой своей неповторимы,
На всём свете похожих нет.
Родники вы мои в пустыне,
В царстве холода – луч тепла.
Вы пронзили меня, и отныне,
Жизнь бесцельная прочь ушла.
И гляжу я, как в юности прежде,
В их небесную чистоту,
Вижу веру, любовь, надежду
И несбывшуюся мечту.
Пусть над нами проносятся грозы
И невзгоды наступят вдруг,
Только б Вас не тронули слёзы,
Мой любимый и нежный друг.

Читая стихотворение, Сергей видел, как глаза Валентины, действительно прекрасные, большие, живые, под его прямым взглядом откликались на каждую строку по-разному: то мягкой мечтательной грустью, то блестели смущением, то, увлажняясь, наполнялись благодарностью ему за такое откровение.

– Спасибо, Серёжа, я и не знала, что ты пишешь стихи, – с чувством произнесла Валентина.

Он взял её руку, повернул ладонью вверх и на неё тут же стали опускаться снежинки.

– Мой мимолётный сон приобретает реальные черты, – и он стал целовать снежинки с её ладоней.

Дыхание Валентины становилось более горячим и учащённым, она принимала всё происходящее как некий подарок судьбы, чувствовала, что за поцелуями ладоней далее последуют поцелуи более смелые, хотела этого и боялась. Он понял противоречивость её чувств в подрагивании руки. Поднял голову и приблизился к её лицу, стал целовать её глаза, щеки и, наконец, прикоснулся к пылающим губам. Валентина не стала отстраняться, она слишком стосковалась по любви и ласке, потому так же горячо стала отвечать на поцелуи Сергея.

Если я выбираю мужчину, то должна ещё и гордиться им

После встречи с Сергеем, возвратясь домой, Валентина ушла к себе в комнату, достала лист бумаги и стала писать: «Сергей, дорогой, я обращаюсь к тебе, умоляю, прошу, перестань меня целовать. Твои поцелуи кружат голову, пьянят, и я начинаю хотеть повторений их снова и снова. Твои поцелуи будят во мне женщину, и вся моя защита против тебя разлетается в прах. Разве не ведомо тебе, что однажды испивший из родника воду, будет вновь и вновь стремиться обмочить в нём свои губы? Мне понравился вкус твоих поцелуев, их терпкий хмель сильнее любого вина. Мои губы после твоих поцелуев перестают принадлежать мне, их новым господином и повелителем становишься ты, тот, кто каждым своим прикосновением приказывает им оживать. И от одной лишь мысли о тебе они сохнут и вновь ищут влагу. Какое наслаждение для меня сегодня было находиться во власти твоих сильных мужских рук, во власти твоих поцелуев! Я чувствовала, как эти жаркие руки стремились овладеть всем моим телом, или я не права? Разве при встрече со мной желания твои были невинны? Ты жаждал моих ласк и моих горячих объятий, мысленно рисуя близость со мной... Я верю тебе, ты достойный мужчина, ты меня не обидишь, но принадлежать друг другу, озираясь, по-воровски, ты прости – я не хочу. Не приемлю любовников, в тебе принимаю – любимого. Я женщина, и если я выбираю мужчину, то должна ещё и гордиться им».

Попался, как тетерев в силки

В командировку в Ленинград с главным инженером Александром Алексеевичем Соболевым директор Энского агрегатного завода Министерства авиационной промышленности закрытого типа послал начальника снабжения Игоря Николаевича Стрельникова, недавно появившегося на заводе. И хотя Соболев всего несколько раз сталкивался с Игорем по работе, исподволь всё же наблюдал за ним на селекторных совещаниях у директора, поэтому мнение своё об этом человеке сложить успел. С деловой хваткой, острым внимательным взглядом, казалось, ничто не ускользало из внимания Стрельникова, но самое главное, как считал Александр, он был честным и порядочным даже в мелочах. Ростом Игорь Николаевич был выше Соболева на полголовы, сбитый, точно спрессованный из стали, летами (Александр думал) чуть старше его, потому как был весь седой. Он как-то по-особому красиво носил подстриженные усы и окладистую короткую бородку. От начальника отдела кадров Александр знал, что Игорь бывший офицер-пограничник, уволенный в запас по ранению, женат. То, что Стрельников был ещё и офицером-пограничником, вызывало у Соболева особое уважение, потому как сам служил в пограничных войсках, и это было ещё одним поводом к их дружескому сближению.

Они ехали в Технологический институт к профессору Яковлеву, заведовавшему кафедрой лакокрасочных покрытий. Этот профессор не только читал лекции студентам, но и параллельно занимался наукой. Для Энского агрегатного завода он на год комплектовал программу работ по порошкам разного вида и качества,

используемым и заводом. Например, заводу нужен был порошок со свойствами стойкости к перепаду температур или стойкости на удар, имеющий определенный цвет, наносившийся при определенном режиме, определенной толщиной...

Вот к этому профессору Яковлеву Соболев со Стрельниковым и направились заключать новый договор.

В купе вагона СВ было довольно уютно. Расположились. Александр выставил на стол бутылку дорогой водки, закуску, Стрельников, видя такое дело, выставил свои «подорожники» – пирожки с капустой, колбасу и соленые огурцы.

– Ну что, Игорь Николаевич, первую – за более тесное знакомство, – предложил Александр, протягивая руку с рюмкой к Стрельникову, – ты уж извиняй, коньяк я не люблю, не пью даже самый изысканный, слишком плохие ассоциации с ним связаны. Когда в стране Горбачёв ввёл сухой закон, появилось много самопала. Однажды мне товарищ из Питера в подарок бутылку импортного коньяка привёз, расхваливал, что по великому благу достал. С ним-то я не пил тогда, а когда случай представился, бутылочку распочал. А после меня в реанимации откачивали, чуть Богу душу не отдал. С тех пор предпочитаю только проверенную и хорошего качества водку под огурец.

– Я тоже, Александр Алексеевич, водке предпочтение отдаю, так что тут наши вкусы совпадают полностью, – чокаясь с Соболевым, произнёс Стрельников.

– Вот и замечательно, пусть они сойдутся и в остальном. Закусываем.

Они сидели уже часа два за столом, неспешно разговаривая под стрельниковские домашние разносолы и под соболевскую водочку. После третьей стопки обращались друг к другу только по имени.

– Я слышал, ты, Александр, в пограничных войсках служил? – спросил Стрельников.

– Было дело. Дальний Восток...

– А я на финской границе пограничил под Выборгом. Помню, случай смешной в мою смену произошёл. Таможня у нас на Торфяновке находилась, и я в тот день работал один. Сначала по всем правилам автобус досмотрел, затем в зал вошёл, где меня ждало тридцать с лишним финнов-пассажиров, которые ехали в Ленинград водочки попить да с девочками побыть, короче, кто зачем. А у нас за время службы вырабатывается профессиональный взгляд – это мне даже посторонние люди говорили, сам-то я за собой этого не замечал. У нас на границе были и медицинские работники, и карантинная служба, так вот они и говорили, что когда я вхожу в зал, то весь его сразу взглядом и окидываю.

И в тот раз зашёл, окинул взглядом всех пассажиров, подошёл к досмотровому столу. Финны на него чемоданы свои выставляют... И так как я один работал, внутрь стола – а он круглый такой, почти на весь зал – не вхожу, а иду по внешней стороне. Почему? Да потому что если я буду стоять внутри, то какого-нибудь чемоданчика, на полу стоящего, могу и не заметить. Проверяю вещи и боковым зрением слежу, кто как из туристов ведёт себя. Ну и заметил, как один господин, державший на левой руке свой плащ, нервничает, перекладывая незаметно какой-то предмет то в брючный кармашек для часов, то в карман плаща. И когда я к нему подошёл, уже знал, что у него в брючном кармане что-то такое сокрыто. Спрашиваю, есть ли по декларации валюта советская. Говорит «Ен» – «Нет». Антиквариат? «Ен». Финская марка? «Јоо» – «Да». Прошу показать. Он достаёт бумажник, открывает, смотрю – да,

на самом деле валюта. Проверил, правильно ли он записал. Правильно. Спрашиваю, есть ли финские марки ещё? Говорит – нет. Тогда я прошу его показать, что у него лежит в брючном кармашке для часов. Финны, они все здесь стоят, с интересом наблюдают за нами. И когда я попросил его показать то, что лежит в кармашке для часов, у него началось нервное расстройство желудка и он на весь зал стал издавать определённые дробные звуки. И вот когда он пустил в зал свою первую дробную очередь, в зале раздался взрыв смеха. Смотрю, мой финн багровеет и с лица его, точно дождь, начинает струиться пот, так он нервно отреагировал на мою просьбу. При всём этом выбивание «дробей» у него не прекращается, даже когда я даю ему время прийти в себя. Наконец вроде успокоился, и я опять спрашиваю, есть ли у него валюта? Думал, что у него имеются советские деньги. Он сказал «Нет», и у него опять возникла дробная очередь по залу. Упёртый. Добровольно так и не стал показывать, пришлось его заставить вытащить из кармашка таинственное содержимое. Там оказалась тысяча финских марок. Пригласил его в кабинет, куда зашёл и один из наших пограничников, потому как я не имел права делать личный досмотр его один, ну и попросил его все лишние деньги, не указанные в декларации, на стол выложить. И вот здесь-то он начинает уже все свои заначки выкладывать из разных мест, сложенные в несколько раз, точно фантики от конфет. Когда распрямил их, получилась приличная горка. Так мне пришлось на него завести контрабандное дело и конфисковать все деньги до копейки в доход государства. Некоторые финны при этом досмотре хохотали до икоты, а другие даже спрашивали, как я узнал, что у него есть лишние деньги? Вот такой случай.

– А где я служил, таможни не было. А вот заблудшие были. Например, 31 декабря 1981 года, – стал рассказывать Александр, – один китаец в туман спокойно прошёл наш пограничный шлагбаум и забрёл в деревню, где все отмечали Новый год. Освещая свою территорию, чуть спал туман, часовой, обнаружив следы, поднял тревогу... На улице мороз под сорок, китаец поспешил зайти обогреться в первый стоящий дом, а там гулянка. Посадили и его за стол, налили водки, напоили, а сами незаметно на границу сообщили. Там-то мы его, тёпленького, и взяли. Долго выясняли, кто, за чем шёл... Не нарушитель оказался – заблудившийся (их деревня у самой границы располагалась), пошёл за китайской водкой к своему родственнику и в тумане сбился с пути. И такое бывает... А ты, Игорь как на границу попал? – спросил Александр.

– Училище заканчивал, тогда профессия военного престижной считалась, да я и сам с малолетства мечтал офицером стать...

– А жену из местных выбрал или раньше, чем на таможню служить попал?

– Конечно, раньше. Курсанты, будущие офицеры, первые два года живут за стеной училища, в свет выходят только строем, как солдаты, или в краткосрочные увольнения. Формирующийся организм голодает даже не просто по женскому обществу, а по одному женскому облику. Каждый курсантик мечтал найти ту единственную, которая разделила бы с ним все тяготы его службы. Третий год мы размещались уже в общежитии и были предоставлены сами себе. То есть служба, дисциплина все оставалось, но появилась и возможность на танцы сходить, с девушками пообщаться. Перед распределением я познакомился с одной очень красивой

девушкой, стали встречаться, ведь лейтенантиком ехать в дыру – значит вообще не знать, когда женишься. Там, может, один-два дома стоят, а молодых девушек вообще нет. Приедешь и точно затворником будешь дома сидеть в ожидании очередного дежурства. А мне так не хотелось быть одному... Не проверив своих чувств, были ли они вообще, мы с моей первой женой и расписались. Меня направили служить на дальнюю точку, и она поехала за мной. Я был счастлив до предела. Там, куда мы прибыли, стояло не два дома, это оказался небольшой, но довольно уютный посёлок со своим домом офицеров, школой, детским садом, магазинами, женской и мужской сауной, построенными по финскому проекту. Работать жена никуда не пошла – образования у неё не было, да и устроиться некуда было. Занималась собой, сплетнями, перекурами втихаря, болтовней часами по телефону с такими же, как она, подружками, поездками в Выборг в парикмахерские на маникюры и педикюры, хождением по магазинам. А года через два и вообще стала мне финты откидывать: дай ей денег на что-то сверхдорогое, насмотрелась на финских туристочек, хочу на море отдыхать. Других интересов не было. Когда отдыхали вместе, предлагал в музей пойти, в картинную галерею, но ей это скучно... Для неё существовали только рестораны, пляж, море и выходы в магазины. Да ещё мамаша её в письмах стала нудить, что я у неё медленно по службе продвигаюсь, что нужно другого найти, с большими звёздочками, к чему ей я такой неперспективный, так, мол, и всю свою молодость можно в дыре просидеть. Ведь жить с мужем, особенно на далёкой пограничной точке, нужно с условием только большой любви. Это очень серьезное испытание, которое зачастую и половину жён не проходят...

А года через три узнаю, что она с одним нашим подполковником шашни крутит. Когда уличил её в этом, она, как ни в чём не бывало, сказала, чтоб я ей за это ещё спасибо сказал, мол, так она мне карьеру устраивала, что умные жены так все и делают, а мужья знают и помалкивают, потому как затем по службе продвигаться начинают. Я не стал выслушивать весь этот бред и развёлся.

– Значит, спустя время снова женился? – уточнил Александр.

– Да, в госпитале, где пришлось полежать, познакомился с прекрасной женщиной, которая работала там врачом. Родили ребёнка, живём полноценной семьёй, если так можно сказать – счастливы. Моя Надежда прекрасная, любящая, заботливая...

– А чего в госпитале лежал, по болезни или?.. Извини, может, некорректный вопрос.

– Да нет чего уж там. После развода с первой женой сильно переживал и попросился в Чечню, а там немного повоевал, меня и подстрелили, вот в госпиталь и загремел. Хорошо, пуля пошла не по прямой траектории, а то бы... В Чечне, не поверишь, как-то враз и поседел – такое пришлось увидеть, что лучше не вспоминать... Да и у тебя, я слышал, жена красавица, дочь растёт... – произнёс Игорь.

– Да, дочка у меня чудо, Лизой зовут. Могу, если хочешь, и фото её показать, – произнёс с какой-то особой гордостью Александр.

Снял с вешалки пиджак и вытащил из кармана паспорт. Открыл, достал из специального прозрачного вкладыша фотографию дочери, а вместе с ней вылетела и фотография жены.

– А это жена... Снежана, – произнёс уже совершенно без эмоций Александр. – Наверно, красота – это и есть её единственное положительное достоинство...

Игорь взял обе фотографии, с тёплой улыбкой взглянул на дочь Александра и затем долго вглядывался в фото жены Соболева.

– Значит, вот она какая стала, Снежана, вижу, ещё более похорошела.

– Ты что, её когда-то знал? – спросил до предела удивлённый Александр.

– Знал... Нет, я её совсем не знал... Ты не поверишь, но это и есть моя первая жена, – сказал Стрельников грустно.

– Как! – вырвалось у Александра. – Снежана была твоей первой женой?

– А разве она тебе ничего не рассказывала? Чего ты так удивляешься? – теперь уже спрашивал Соболева Игорь.

– Рассказывала?... Да, говорила, что была замужем за военным, что он оказался жестоким и скрягой, держал её взаперти, когда уходил на службу, по-страшному ревновал и даже побивал её иногда. Я, конечно, купился на эти её жалостливые рассказы и женился – ничего другого не видя перед собой, – с иронией произнёс Соболев.

– И что? Смотрю, невесело говоришь ты о ней. И у тебя разочарование пришло? – спросил уже сочувственно Стрельников.

– Да, попался, как тетерев в силки. Давно уже стало доходить, что я ей нужен только в качестве кошелька, даже дочерью она занимается постольку, поскольку дома сидит... Ну да ладно, нужно было не только глаза иметь, но и мозги, когда женился. Да ещё мамаша её села на шею мне, будто я не инженер, а нефтяной король с личной штамповальной денежной машиной. Снежаночке нужно то, Снежаночке нужно это. Летний отдых в России их уже не устраивает, им за границу подавай. Дочь жаль, испортят вконец, она ведь видит, как мать шикает, и тоже требования свои выставляет, хотя и соплюха совсем. Не единожды уже мысль посещала уйти, но как Лизу ей оставлять? Испортит девчонку, в пустышку превратит.

Оба задумались. Разве такое бывает, чтобы вместе работать на одном заводе и не знать друг о друге, как оказалось, главного – что их роднят отношения с одной и той же женщиной?

– А хочешь смешной случай из жизни? – видя, как опечалился Александр, предложил ему Стрельников.

– Давай, – мотнул в знак согласия Соболев.

– У нас на границе один прапорщик на рыбной ловле помешан был и червей-опарышей дома держал. Накопает, положит в целлофановый пакет и в сливной бачок в туалете прикрепит. Причем жена об этом даже не догадывалась. И вот перед вахтой своей трехдневной он накопал свеженьких и, как всегда, опустил в бачок. Ещё нам хвастался, что попались все жирные, вот рыбы-то наловит...

В это время приехала к ним в гости тёща. Пошла в туалет, после дел своих смыла, да, видимо, неудачно. Пакет разорвался, и все опарыши через мгновение оказались в унитазе. Увидев это, теща нашего рыболова, насмерть перепугавшись, подумав, что черви из её нутра выползли, в больницу помчалась. Вместе с дочерью всех врачей на уши поставили, заставляя исследовать её по всем показателям. А те, бедные, у неё и анализы берут, и просвечивания делают, и щупают, но склоняются к одному – здорова. А прапорщик преспокойненько свои трое суток на границе отрабатывает и знать ничего не знает. Звонит на третий день жене узнать, что и как дома, а та ему и выдала, что мать свою в больницу на обследование положила, мол, из её желудка

столько червей вышло, что ужас. Прапор, ещё не сообразив, что может ему от жены и тещи попасть по первое число, как в трубку-то заорёт: «Это что, она всех моих опарышей в унитаз спустила? Я их полдня на помойке копал, а она всю мою рыбалку накрыла, ну я приеду...». И тут, когда жена услышала его нечаянное признание про опарышей, уже закричала сама, да так громко, что все находящиеся поблизости услышали её истеричный крик: «Ах, так это ты своих тварей в бачок запихнул? У мамы от испуга чуть инфаркт не произошёл! Мы с ней по больницам мотаемся, а он запереживал, что его рыбалка накрылась! Ну, появившись дома, я тебе такую рыбалку устрою, мало не покажется!!!»

– Эх, мне бы для тещи или жены этих самых опарышей, хоть на мгновение передвинуть стрелки их мыслей с денег на что-то другое, – сказал, засмеявшись над историей, Александр.

– Молодец, пограничник, – ободряюще произнёс Стрельников, – нам киснуть не положено. Прорвёмся. Будет ещё, Саня, и на твоей улице праздник, это я тебе обещаю...

ЧП на заводе

Прошло какое-то время, и Глеб со Светланой узнали, что на заводе у Александра случилось ЧП – погиб человек, а Александра, как главного инженера, обвинили в его смерти.

Буквально на день он вырвался в Светлое, чтобы рассказать о своих проблемах отцу и Глебу. Александр понимал, что это обвинение может привести к заключению его в места не столь отдалённые, и потому хотел лично рассказать о трагедии на заводе, чтобы они всё узнали, как говорится, из первых рук. Соболев-старший отправил жену в магазин и, когда пришёл Глеб, попросил сына, чтоб тот рассказал всё как есть.

– На заводе, батя, у нас человек погиб, и хотя моей вины здесь нет никакой, но трагедия произошла, и меня могут посадить.

– Ты это серьёзно, сын? Если вины нет, то как могут осудить? – спросил, посуровев, Алексей Юрьевич.

– Могут, батя, – ответил Александр.

– А что конкретно произошло, ты можешь рассказать? – спросил Глеб.

– Вы прекрасно знаете, что завод мой не серийный, а опытный. Паяем автопилоты, чтобы можно было машину сажать без участия летчиков, при помощи диспетчера на земле. Делаем диоды против обледенительной и против импульсной системы и другие детали, – стал рассказывать Александр. – А сама трагедия случилась в цеху гальваники, который не кто-то, а именно я проектировал и разрабатывал. Вот в этом цеху и произошло сильное поражение током одного работника.

Те, кто работают на распылении, имеют особый пистолет, в который струей воздуха подается порошок. На конце этого пистолета под огромным напряжением есть игла, которая под воздействием этого воздуха и подаёт заряженный порошок ровным слоем на деталь. Понятно объясняю?

– Понятно, – не сговариваясь, произнесли Алексей Юрьевич и Глеб.

– Сама по себе технология несложная, если четко соблюдать технику безопасности. Сначала происходит замена лакокрасочных покрытий на полимерные

материалы, затем эту деталь относят в печку, подвешивают и при режиме сначала в 200 градусов держат два часа, затем при режиме 250 градусов – три часа, и так до полного её оплавления.

– И в чём же трагедия? – нервничая уже, спросил Соболев-отец.

– В том, батя, что если пистолет не заземлить, человека может так током долбануть, что мало не покажется, что, собственно, и произошло, – сказал устало Александр.

– И как же вы этот пистолет заземляете, что трагедия произошла? – спросил теперь Глеб.

– Эх, друг мой Гориллыч, – почему-то, как в детстве, назвал Глеба Александр, – самым примитивным образом. Проволока, заземлённая на корпус, прикручивается на болтике к пистолету, вот и всё заземление. У нас прежде чем человек пойдёт работать в цех, сначала всё досконально изучит на электрическом стенде. А тот человек, что погиб, по большому счёту, виноват сам. Не проверив как следует оборудование – есть ли заземление, нет, как держится проволока – поспешил сесть за работу. Проволока же эта оборвалась в тот момент, когда был подан ток. А у человека слабое сердце, которое такого разряда не выдержало...

На заводе ещё до моего прихода было уже два трагических исхода. В электролитном цехе человек поскользнуться и в ванну с кислотой упал, а в том цехе даже в воздухе такая концентрация кислоты стоит, что у всех женщин зубы съела... А второй – на полигоне случился. Когда запустили самолет, из турбины воздухом парнишку так откинуло, что он, отлетев, ударился головой о камень и погиб...

Алексей Юрьевич видел, как расстроен его сын, но и предположить не мог, чем ему помочь. Только и сказал:

– В этом деле, Саша, нужен очень хороший адвокат.

– Да у нас на заводе, батя, есть свой прекрасный адвокат. Здесь дело в другом – у этого мужчины осталась без средств к существованию семья... И я за неё чувствую ответственность, хотя меня и уверили, что ей будут помогать.

– Вот-ка что, Саш, – произнёс твёрдо Глеб – ты, пожалуйста, позвони мне, я приеду в Энск на суд к тебе.

– Ах, Глебка, Глебка, я ценю твои переживания за меня, но суд будет закрытый, и ни одного постороннего на него близко не пустят, это как пить дать. Так что здесь, как говорится, только на милость Божию и можно рассчитывать, – ответил Александр.

Пришла из магазина Татьяна Александровна, и мужчины разговор сразу замяли.

На следующий день Александр возвращался в Энск.

На душе у него было мутно, да ещё Снежана с каждым днём всё больше и больше стала на мужа срываться. Не поддерживала, а, наоборот, донимала его мелкими склоками и совершенным равнодушием к его проблеме. И однажды, поблескивая глазами, в которых не отражалось ни капли доброты, прямо бросила в лицо:

– Скорей бы уж тебя посадили что ли, хоть какая-то определённости появилась бы в конце концов.

Александр этому её выпадку даже не удивился. Уж от кого, от кого, а от неё помощи или поддержки точно не ждал.

Было большое разбирательство, и наконец адвокат завода доказал, что погибший из-за спешки и невнимательности сам нарушил правила техники безопасности. Это

же подтвердил и Игорь Стрельников, выступивший главным свидетелем, и Александр был оправдан.

Решение суда Снежана не знала. Да, впрочем, ей было не до мужниных проблем. Она на сто процентов была уверена, что Соболева посадят, а потому думала, как устроить свою дальнейшую жизнь. Встретив в Энске двух своих бывших одноклассников, она теперь все вечера проводила исключительно в их обществе. Однажды к ним присоединился и третий, бывший её со школы ухажёр Яков Бородулин, который, как оказалось, пошёл в гору, имел шикарный загородный дом, куда после одной из вечеринок её к себе и пригласил. Дом оказался и впрямь большой, на что у Снежаны тут же загорелись глаза.

– Мы будем находиться в левой части, потому как правая половина дома – жены, – предупредил он и, увидев удивление на лице Снежаны, добавил, – она болеет, и уже второй год никуда не выходит. За ней сиделка присматривает. Комната её в дальнем конце дома, поэтому, думаю, мы её не побеспокоим, а уж она нас тем более, – добавил Яков и захохотал.

– Может, мне лучше уйти? – кокетливо спросила его Снежана.

Она сказала это, зная наперёд, что Яков никуда её не отпустит. Для него она явилась той красивой звёздочкой, о которой он мечтал всегда. И это будет ей наградой за то, что, как она искренне считала, Соболев крепко подставил её. До этого дня Снежана думала, что после того, как Соболева посадят, она останется ни с чем, и сильно нервничала по этому поводу. Оказаться одной, без средств на красивую жизнь, она не желала. Ей совсем не хотелось примерять на себя иные одежды, чем те, к которым она уже привыкла. Теперь знала наверняка: богатенький Яков будет баловать её, исполняя любую прихоть, таскать по тусовкам. А жена? Она её в скором времени незаметно отодвинет в сторону или сплавит в какую-нибудь богадельню, это всего лишь дело времени и техники... Яков ещё в школе истекал слюной, заглядываясь на Снежану, а как увидел в компании и вообще голову потерял, ни на шаг не отпускает от себя. Ей не составило особого труда окрутить его. Она знала: теперь её жизнь вновь будет наполняться встречами, телефонной болтовнёй, поездками на заграничные моря, лёгким флиртом... Голова кругом...

Проведя ночь с Яковым, Снежана пришла домой в полной уверенности, что после суда мужа уже больше не увидит, и тут её постигло полнейшее разочарование, которое она даже не пыталась скрывать.

Александр, как всегда подтянутый, пил в кухне перед работой свой утренний кофе. Увидев разочарование на лице жены, только и сделал, что усмехнулся.

– Ты ещё здесь? – бросила ему Снежана. – А я уж надеялась, что в каталажке сидишь.

Когда человек придет в себя после того как его ударят по голове, да так, что он потеряет сознание, или разрежут, зашьют, он находится ещё в сильнейшем потрясении, но уже рад, что живой! Его пока ещё не волнуют последствия перенесённого, он пребывает в эйфории просто от сознания жизни. Вот и Александра, когда он услышал на суде, что оправдан, охватила такая радость свободы, что даже откровенно презрительные слова жены для него ударом не стали. Он долгим, внимательным взглядом посмотрел на неё, будто впервые увидел, и произнёс:

– Самое печальное в сказанном тобой, что это и есть твоя суть. Знаешь, дорогая, я, пожалуй, больше не буду мучить тебя и сегодня же подам на развод.

– И давно пора. Подавай, – спокойно приняла это известие Снежана, – только знай: из квартиры мы с мамой никуда не уйдём, хоть она и записана на тебя...

Сашка подумал: как же он так долго не мог понять, что совершенно безразличен этой женщине, считавшейся его женой, а по сути совершенно чужой, как мог допустить такое? Другой бы на его месте скандал устроил, а у него в душе оказалась такая пустота, особенно после нервотрёпки с разбирательством, что хотелось одного – никогда более в жизни не видеть ни её, ни тем более тёщи, а потому спокойно ответил:

– Квартиру я тебе оставляю, но дочь заберу. И это не обсуждается, – жестко добавил он, – даже если у тебя уже появился тот, единственный, кто сумеет украсить твою жизнь по высшему разряду.

Снежана хотела было кинуть ему, что да, появился, но решила сдержать свой гнев. Затем хотела сказать, что ни за что на свете не отдаст ему Лизу, но и этот крик остановила мысль, что вдруг ребёнок помешает ей устроить отношения с Яковым, и, расставляя все точки над *i*, резко произнесла:

– Если Лиза захочет с тобой жить, возражать не стану, только где ты с ней жить собираешься?

– А вот это уже не твои заботы, дорогая, – язвительно произнёс Александр.

– Хочу предупредить тебя, дорогой, – тем же ответила Соболеву Снежана, – когда я устрою свою жизнь, дочь заберу...

– Даже не мечтай, – категорически отрезал Александр, – сегодня же заверим нотариально, что квартиру ты берешь в обмен на дочь, и можешь о ней раз и навсегда забыть. Ей в твоей новой жизни места не будет. Тут и к бабке ходить не нужно за разгадкой твоей души. Красив сосуд, да пуст... – это о тебе, дорогая...

Через два дня Александр Соболев с дочерью с квартиры съехал. Он взял отпуск и отправился в Светлое к родителям...

Библиотека

В конце 1995-го в библиотеку, где работала Светлана, зачастили своеобразные читатели. А коллектив-то женский, вот им и стали необычные прозвища давать. Одного Яблочком прозвали за его красные щеки – этот приходит сюда не книги брать, а подшивки разных журналов просматривать.

Светлана как-то мужу рассказывала:

– Представляешь, Глебушка, сижу, карточки в каталоге расставляю и вдруг слышу смачный такой храп, поднимаю глаза – а это наш Яблочко за журналами спит, представляешь?

– Ну а ты что? – спросил Глеб.

– Кашлянула громко – вроде проснулся, опять сидит, листает, а чуть стоит мне внимание отвлечь, как на весь читальный зал опять храп его раздаётся...

– Весело у вас, – сказал Глеб.

– Не то слово. А еще школьники стали целыми классами ходить. Смех над ними, все произведения переврут! И чему их только учат? То «Неуча» вместо «Недоросля» Фонвизина спросят, то «Тараса Бульбу» Шевченко вместо Гоголя. А одна девица пришла и спрашивает: «У вас есть книга «Кто-то поёт в кустах?» Мы этот ребус её всем коллективом разгадывали.

– И что? – спросил, смеясь, Глеб.

– Не поверишь, разгадали. Это она «Поющие в терновнике» Колина Маккалоу спрашивала. Помнишь, я читала и тебе содержание рассказывала? Там ещё старинная кельтская легенда о птице приводится, которая всю свою жизнь проводит в поисках тернового куста, а найдя его, бросается на самый острый из шипов и поёт единственный раз трогательную и прекрасную песню смерти.

– А, что-то припоминаю, про Австралию, да-да, там девчонка в пастыря влюблена была, ты ещё мне о ней все уши тогда прожужжала.

– Грубо, муж, грубо, – сказала, чуть обидевшись, Светлана. – «Поющие в терновнике» – это настоящая песнь любви. Любви всесильной и запретной, всепобеждающей и наказуемой... Потрясающая история мужчины и женщины, через всю свою жизнь пронёсших это грешное и святое чувство.

– Да ладно, ладно, уж и пошутить нельзя. Ну рассказывай, что ещё за «фрукты» вашу библиотеку посещают? – примиряюще обратился к ней Глеб.

И Светлана, что-то вспомнив, весело рассмеялась.

– А тут у нас и вообще «криминальная» история вышла. Любовь Михайловна Ёлкина, что до Валентины Архиповой в общежитии воспитателем работала, а затем на пенсию ушла, большая любительница книг. Так вот пришла она однажды за третьей книгой Германа «Я отвечаю за всё», прочла и принесла сдавать, а через часа три прибегает вся взъерошенная, кричит: «Германа верните, я в него всю свою пенсию положила и вынуть забыла!» А книгу уже другой читатель взял – она популярностью пользуется. Никто и не посмотрел, что в ней деньги лежали. Та побежала заведующей жаловаться, что это мы, библиотечные работники, её деньги себе присвоили, а сами говорим, что якобы её другому читателю выдали». Наша директриса по её жалобе готова была уже обыск у нас производить, да тут читатель, тот, что книгу взял, приходит и деньги возвращает. Хорошо, человек порядочный попался. Вот такие у нас читатели. А один умник искал, искал себе книгу, не нашёл и заявил: «У вас тут все книжки сжечь пора, ничего стоящего нет, только журнал «Крокодил» и оставить»...

А буквально вчера наша библиотека на ушах стояла! Представляешь, в одном детективе Виктория Кузнецова вместо закладки презерватив обнаружила, так её чуть не вырвало! Решили эту книгу списать и больше в руки никому не давать уже... Так у всех гадко на душе стало, точно помоями окатили...

– В таком случае, за вредность библиотечной профессии вам молоко положено бесплатно давать, – искренне смеялся над рассказами жены Глеб.

– Но слава Богу, есть читатели и умные. Тут у нас с одним командированным разговор о библейских заповедях зашёл, и как думаешь, что он сказал?

– Наверно, все их перечислил: не сотвори себе кумира, не убей, не укради, не произноси имя Господа всуе, не желай дома ближнего твоего, не лжесвидетельствуй, что там ещё?

– А вот и нет. Он вдруг заявил нам, что в «Моральном кодексе строителя коммунизма» эти самые библейские заповеди и есть, только переработанные и утверждённые на XXII съезде КПСС, представляешь? Мы не поверили. Так он открыл материалы этого съезда и доказал нам, только там их не десять, а двенадцать оказалось,

чтобы не вызывало уж слишком прямой ассоциации с Библией, представляешь?!

– Ну что на это скажешь? Видимо, умные головы и среди коммунистов были, – произнёс Глеб, разводя руками.

– А ещё он нам рассказал, что 50-тысячная купюра нынешнего, 1995 года, эквивалентна 10 рублям в ценах 1987–1988 годов, представляешь? Правда, как-то с трудом в это верится, но по уровню жизни, скорее всего, мужик не врал. Помнишь, какая самая крупная денежная бумажка в Советское время была? Правильно – 100 рублей. А я всё думаю: как хорошо, что в денежный обвал 1993-го у нас совсем не осталось накоплений! И как это твоей маме в голову пришло до обвала вложить все деньги, доставшиеся ей от матери, в ремонт дома, а отец купил хоть и подержанного, но «Жигулёнка»? Только со страховками и прогорели. А сколько бедных людей потеряли всё, за многие годы скопленное! А я-то, дура, ещё недовольствовалась, что за душой ничего не осталось, а теперь не перестаю благодарить Господа и Богородицу, что надоумили наших родителей правильно распорядиться деньгами.

– Ладно уж, давай-ка спать, умная головушка, – произнёс, зевая, Глеб, – завтра опять тяжелый день намечается...

Разговор Валентины с матерью

Сергей уже частенько заглядывал к Валентине. Приходил и в общежитие, и домой. Родители Валентины принимали его, как родного, только не могли понять, что же они с росписью тянут, если так жить друг без друга не могут.

Однажды мать прямо спросила об этом дочь:

– Валюша, ты меня прости, что решила вмешаться, только сердце моё материнское не даёт мне спокойно спать, не поняв, что у тебя происходит с Сергеем. Если вы постоянно встречаетесь, любите друг друга, почему не распишетесь и не начнёте жить как муж и жена? На дворе 1995 год стоит, а ты всё в «девках» сидишь.

Валентина нежно обняла мать и сказала:

– Мамуля, дорогая, наверно, на самом деле пришло время нам с тобой поговорить по душам. Когда я вышла замуж за Архипова, я чувствовала себя молоденькой девчонкой с большим, переполненным любовью и нежностью сердцем, которую мне так хотелось дарить ему бесконечно... Но он моей искренней любви не оценил, потому как сам этой большой и настоящей любви никогда не испытывал, довольствуясь разовыми влюблённостями и увлечениями, только я об этом не знала. А мне рассказывал сказки о своём большом чувстве, подпитываясь моей любовью, искренностью и преданностью, сам же при этом не любил, не был искренним и преданным. Я же, наивная, год от года нашей с ним жизни продолжала верить ему безоговорочно, хотя доброжелательницы и намекали на его шашни с нашей же сотрудницей Дома культуры. Я никого не слушала, никому не верила, была полностью убеждена, что моя любовь, переплавляемая в чистейшую энергию, вливаясь в его сердце, наполнит его таким же высоким чувством, какое было у меня... Но большого нельзя напитать чистотой, если он грязен не только телом, но и мыслями, – тогда я этого не знала. Не знала, что даю ему только подпитку для жизни, но не для любви... Я думала, если даже у него чуть-чуть и охладели чувства ко мне, моих запасов

энергии любви хватит для нас обоих ещё надолго, но я ошибалась... Ведь даря ему свою любовь, я при этом постоянно оставалась недолюбленной сама...

– Но сейчас-то совсем другое, глаза Сергея не лгут, когда я вижу, как он смотрит на тебя. Он любит тебя всем сердцем, – сказала, вздыхая, мать Валентины.

– Да, мама, я знаю, я тоже это чувствую, но я не хочу спешить. Он пока ещё живёт Афганом больше, чем мной. Вот когда я почувствую, что занимаю его сердце больше, чем война, я сама предложу ему расписаться. Просто для меня предательство Архипова стало катастрофой вселенского масштаба. Ведь я после развода с ним собирала себя по крохам. СОБРАЛА! И не хочу вновь ошибиться. Так что уж ты подожди, мамочка. Как я почувствую, что мы оба готовы разделить ответственность друг за друга, я тебе тут же и шепну на ушко, договорились? – сказала Валентина и крепко-крепко прижалась к матери, а та всю свою горячую материнскую любовь вложила в объятие дочери...

В Посад к Сергию Радонежскому

Давно хотела Валентина побывать в Сергиевом Посаде у святого преподобного Сергия Радонежского, который стал одним из главных героев многих книг, в которых описывалось становление Руси. Валентина читала, что по своему рождению Сергей Радонежский был боярином, но, отказавшись от всего, пошёл служить Господу. Его трудами, заботами, молитвами основано семь монастырей на Руси. Разорённую междоусобицами Русь, он, монашествуя, собирал воедино, поддержал князя Дмитрия Донского, благословляя его на победу в Куликовской битве.

Валентина рисовала в своём воображении Сергиев Посад городом из сказки, но была сильно разочарована, увидев в нём даже в будний день толпы людей. Поездка в Посад для неё случилась неожиданно. Она ехала на юбилей к своей приятельнице, перебравшейся с мужем жить из Мурманска в Москву. В красивом брючном костюме Валентина выглядела очень элегантно. Отпраздновав юбилей, друзья пригласили её съездить с ними в Сергиев Посад навестить старенькую крёстную юбилярши, а заодно посетить Троице-Сергиеву Лавру. Побродив по Лавре, Валентина увидела очередь к мощам преподобного и решила, что если Сергей Радонежский допустит её до себя – то и в брюках примет, нет – и юбка не поможет. Встала в очередь и обнаружила, что перед ней в брюках стоят ещё две женщины. В это время из храма вышла какая-то женщина и, увидев прихожанок в брюках, зло закричала на всю округу:

– Бесстыжие, уже и к мощам святого в брюках идут, как совести-то хватает!

Валентина, не выдержав её крика, спокойно произнесла:

– А в Вас, видимо, столько злости, что и святой не помог, хотя и в юбке к нему шли...

Женщина, услышав эти слова, точно захлебнулась, а в очереди засмеялись...

Соседки Валентины по очереди забеспокоились, что же им делать, если другой одежды нет. Валентина успокоила, сказав:

– Если преподобный захочет нас принять – и в брюках примет, нет – ты хоть что на себя надень – не поможет. Вы понаблюдайте за людьми, которые от мощей идут. Одни просветлённые, а другие, как та женщина, что нас злобой окатила, таким и мощи святого не помогают...

И вот подходит Валентина к мощам Сергия Радонежского, молится, радуясь, что принял, допустил, значит ждал. Попросила за Сергея Ратника, чтобы из души его война ушла, чтобы приняла она его мужем себе... Приложились к иконе, к мощам и пошла из храма, переполняемая Божественной благодатью, улыбаясь и всех любя... Приятели, что уже ждали у храма, глядя на неё, восторженно заметили:

– Валентина да ты вся светишься, солнца не надо...

Полеты во сне

Валентине приснился странный сон, будто она попала в лес и там с земли подняла небольшой темный камень с мелкими вкраплениями кристаллов. И как только подняла его, сразу полетела, что ей очень понравилось. Точно крылья ангельские за спиной почувствовала! Летала и с высоты птичьего полёта наблюдала землю. Затем летала дома, а мать её, Татьяна Александровна, будто наблюдала за её полетами под потолком и удивлялась, как это у дочери так получается. Потом снится Валентине, что стоит она перед какой-то женщиной и спрашивает её, почему она стала летать? Та ей секрет и открыла, мол, во всём виноват необычный камень, что она в лесу подобрала. Домой вернулась Валентина, а там всё ходуном ходит. Будто ножи, вилки, банки с вареньем сами по себе через открытое окно, как в мультике «Федорино горе», уходят. Шкаф от камня, в котором его Валентина спрятала, изнутри весь трясётся. Открыла дверку, взяла камень в руки и произнесла: «Господи, да прекрати это безобразие», и в тот же миг всё затихло. Хотела камень в форточку кинуть, но та на глазах тут же точно сеткой от комаров затянулась. Разбивать окно не будешь, и пошла Валентина на улицу. Только руку занесла, чтобы камень выкинуть, как мысль в мозгу сработала, будто кто подсказал: «Камень – сила твоя, матерью-землёй данная, нельзя его бросать, надо только заветное слово сказать «Сила моя, помоги мне», и камень заработает. «Успокойся, сила моя» – и всё встанет на свои места. Зажала камень крепко-крепко в руке Валентина и произнесла: «Отныне ни свою силу, ни своё счастье я никому не отдам». Сказала так и проснулась.

Сейчас в Грузию из России мало кто ездит

Ольга Каюмова вернулась из Грузии и по этому поводу после уборки в санитарный день устроила в библиотеке небольшой праздник с грузинским вином, светло-бежевыми и красно-бордовыми чурчхелами, натянутыми на верёвочках, точно маленькие новогодние гирлянды... А ещё она по грузинскому рецепту испекла хачапури по-аджарски, который получился смачный и вкусный.

– Ну что? – говорила она девчатам. – Живая вернулась, а вы всё отговаривали меня.

– Так мы отговаривали, переживая за тебя, кто знает, какое сейчас там настроение, – сказала Виктория Кузнецова.

– А вдруг бы, ужась-то, в плен взяли или хуже того – убили? – сказала, сокрушаясь, Наталья Петровна.

– Да всё спокойно там, я у родных была, они меня ко всем своим знакомым возили, и везде меня встречали, как желанную, родную гостью. Говорили, что уже соскучились по русским. Сейчас в Грузию из России мало кто ездит.

– А меня, девочки, потрясает больше всего в Грузии история любви Александра Грибоедова и его жены – красавицы Нины Чавчавадзе... – сказала мечтательно Светлана.

– Я бы тоже хотела побывать в Грузии, как когда-то Пушкин, Лермонтов, Есенин... А с каким восхищением они относятся к своей царице Тамаре! Я читала, что её на родине заслуженно называют «крёстной матерью» грузинской культуры. При своём дворе она собирала лучших музыкантов, поэтов, философов, а гениальное творение Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» пережило века и дошло до наших дней как одна из самых красивых легенд о царице Тамаре...

– Была я, девочки, на Пантеоне и даже сфотографировала могилу Грибоедова. Памятник потрясающий: на черном граните на коленях стоит женщина, обхватившая крест, и надпись: «Слава твоя бессмертна в памяти русской, но зачем тебя пережила любовь моя?»

А какая у меня оказалась славная тётушка Лия, я прямо влюбилась в неё! Она говорила мне: «Я, Олюшка, встаю и первым делом прошу Божечку: «Дай мне добрых людей... Вчера человек пришёл ко мне как гость, а сегодня стал родным», и качала головой для ещё большего подтверждения своих слов, добавляя: «Вай ме, правду сказала. Когда я устаю говорить с человеком, я понимаю, что это человек не моей энергетики, и больше видеть его мне совсем не хочется. А когда сердце наполняется радостью от встречи и энергия прибавляется, тогда я себе говорю: «Вай ме, Лия, это твой человек! Только жалко, вай ме, сейчас к нам редко русские люди ездят, а мы по вас очень скучаем. А ещё грузины и русские – люди с большими эмоциями. Как-то приехали к нам американцы, улыбаются и одно слово на всё – «о кей!» Природа у них наша – «о кей», сготовлю еду – «о кей», песню грузинскую услышат – опять «о кей». У них нет таких слов: «удивительно!», «потрясающе!», «прекрасно!», «здорово!», «великолепно!», «восторженно!». Такие слова могут говорить только люди с сильными эмоциями, как русские и грузины. Американцы, вай ме, искусственные какие-то, теплоты в них никакой, одно слово, не наши люди. Вай ме, вай ме, как можно чем-то не восхищаться в Грузии? А у них всё одно – «о кей» да «о кей». Только мне жаль, девочки, у неё муж болеет. У него онкология, и тётушка Лия лечит его пыльцой сосны и пихты, которую собирает по весне...

– Как интересно ты, Ольга, рассказываешь, прямо самой захотелось съездить туда, – произнесла Виктория, потягивая красное вино и заедая его сладкой чурчхелой. – Расскажи ещё что-нибудь о тёте своей! Сразу видно – душевный она человек...

– Ездили мы с ней на базар, и я стала покупать их специи. Тётя Лия, как это увидела, даже в ладоши хлопала, восторженно произнося: «Вай ме, вай ме, Оля, да ты внутри себя настоящая грузинка! Я каждый день готовлю для людей и скажу, что те, кто едят много приправы, энергетически очень заряженные люди, потому что в приправе содержится большая энергия вкуса. Знаешь, почему её зовут приправой?» «Нет», – честно призналась я. «Да потому что ты своё блюдо приправляешь чем-то, делаешь его вкусней. Если в еду ничего, кроме продуктов, не положить, она получится пресной, безвкусной, потому мы добавляем соль, перец, аджику... Приправа – это вкус, запах, это настоящая энергия жизни! От вкусной пищи у человека и настроение поднимается. Вкусная пища – большое удовольствие! Почему неспешная трапеза – удовольствие? Да потому, что ешь ты не один, а с друзьями,

которые действуют на твоё настроение тоже как своего рода приправа. Ведь каким бы вкусным обед ни был, но если ты его ешь один, это не вызывает в тебе ни больших эмоций, ни большого удовольствия. И совсем другое дело, когда ты разделяешь трапезу с друзьями...» И добавляла: «Вай ме, вай ме, мне так стыдно, я давно не говорила по-русски, и многие слова уже стали забываться. А раньше я говорила очень хорошо. Сейчас по-русски говорить не с кем, и когда слышу русскую речь, для меня – праздник, радость сердцу...»

– И что, там нет разногласий между православными и католиками? – спросила Светлана, которой тоже было интересно узнать всё о Грузии.

– Нет. Политика политикой, а в простом грузинском народе нет нетерпения ни к другим нациям, ни к другим вероисповеданиям. Здесь с православными проживают католики, мусульмане и все мирно соседствуют и помогают друг другу. Мне было вообще удивительно увидеть, как в Грузии не только священники и прихожане храмов, но и простые жители, таксисты, видя установленный где-то крест, крестятся на него. Причем крестов в местах, в которые меня родственники возили, я увидела великое множество. И даже не предполагала, что грузины такой верующий народ, где-то даже за Россию обидно стало. Ведь я её считала истинно православной, а на деле оказывается – далеко нам ещё до Грузии в своих христианских чувствах. Там вера человека в Бога имеет глубинные корни. Это выражается и в христианском отношении к своей стране, к её истории, культуре, к святыням, да просто к ближнему... Не знаю, может, такое миропонимание у людей связано с тем, что Грузия одна из первых стран приняла христианство в качестве государственной религии. Вот так-то, мои хорошие... Я просто счастлива, что побывала там...

Ольга ещё долго рассказывала о Грузии и грузинах, восхищаясь этой страной, их обычаями, культурой и верой, пока их не прервал приход учителя школы № 1 Яковлевой Ангелины Ивановны, которая обратилась к ним с просьбой провести в библиотеке открытое мероприятие для учителей по следам одного письма.

«Урок бездушия»

Светлана стала уточнять, по поводу какого письма.

– Да опубликованного в областной газете «Энский вестник» под названием «Урок бездушия», вы что, ещё не читали? – спросила она библиотечных работников.

– В каком номере или за какое число? – в свою очередь спросила Виктория Кузнецова.

– Да которая в пятницу пришла, за 23 апреля, – добавила с нетерпением Яковлева.

– Ангелина Ивановна, к сожалению, не читали, нам газеты в библиотеку из области два раза в неделю доставляют по понедельникам и четвергам, так что пятничный номер придёт только сегодня в четыре часа дня, а пока только два, – пояснила учительнице Светлана. А что за статья-то, расскажите хоть, а там решим, что делать будем.

– Статья о том, что в соседнем со Светлым селе Марьино умерла молодая учительница Ирина Калмарчук. Это письмо написали близкие и родные её. Болезнь у Ирины прогрессировала, и она уже не могла преподавать, получила инвалидность,

но несмотря на это, её ученики не забывали свою учительницу. Приходили к ней домой, поздравляли с праздниками. Болезнь у неё была редкая, и женщине требовались не только поддержка и физические силы, но и дорогостоящие лекарства, а денег на них взять было неоткуда. Проводить в последний путь Ирину пришли все, кто знал и любил её при жизни. Народу было много: ученики, у которых в тот час не было уроков, коллеги-учителя. На просьбу учителей сократить уроки и разрешить проводить Ирину директор школы ответила отказом. Даже когда гроб подвезли к школе, ни учителям, ни ученикам не было разрешено выйти даже на минуту, шли уроки. На просьбу близких дать последний прощальный звонок директор школы ответила казёнными словами: «По инструкции не положено». А ведь она проработала с Ириной до её болезни лет семь. Прощание с любимой учительницей могло бы стать для учеников уроком милосердия, а стало примером бездушия и чёрствости их директора. Мы все под Богом ходим, не хотелось бы, чтобы такое повторилось и у нас...

Ольга Каюмова, почувствовав, что Яковлева выговорила, сказала:

– А я читала, что в Магнетитах в 1995-м в канун Дня учителя умерла педагог одной школы, так в областной центр проститься с ней пришла чуть ли не вся школа, детей специально на автобусах привезли.

– И я тоже слышала, – подхватила Каюмову Виктория Кузнецова, – что когда одна учительница в Энске умерла, так её гроб прямо в школе стоял и все прощались с ней, она более сорока лет проработала в школе, и знали её все от мала до велика...

– Ну вот и стала вырисовываться картина, как нужно строить наше мероприятие. О каких инструкциях может идти речь в день похорон Учителя? Я вполне с Вами согласна, Ангелина Ивановна, дети должны видеть боль, слёзы учителей, учиться проявлять сочувствие близким и родным, потому что это и есть настоящие уроки жизни и милосердия, которых в школах не всегда преподают...

– Я так рада, девочки, что вы поддержали меня, – впервые с прихода в библиотеку улыбнулась Ангелина Ивановна, – осталось только наметить число и день. Если надо, я со своей стороны тоже что-то подготовлю. Можно будет даже написать приглашение на наше это мероприятие в областной комитет народного образования и кого-то из них пригласить...

И девчата с учительницей стали разрабатывать план мероприятия.

Встреча с шаманом Оюн-Батыром

Май 1997-го для Светлого стал необычен тем, что в городок приехал тывинский шаман Оюн-Батыр, который давал в Доме Культуры всего один свой сеанс. Валентина с Сергеем Ратником зашли к Казаковым и пригласили вместе с ними сходить посмотреть, что это такое.

– Да шарлатан небось какой-нибудь приехал пудрить людям мозги, – сказал, отмахиваясь, Глеб.

– А что, билеты платные? – спросила Света.

– Да нет, вход свободный. На афише написано, что десять посвящений прошёл, с Вангой работал, с Марией Стефанией, монахами с Тибета... – перечислял Сергей.

– А с Джунгой, случаем, не работал? – спросил, улыбаясь, Глеб.

– Не написано. Просто интересно посмотреть. Если б какой-другой, я б и сам не пошёл, но со мной в Афгане парень из Тывы – Мерген служил, его имя в переводе «мудрый». Так вот он однажды такое вытворил – из области фантастики, не иначе. Вчетвером мы как-то в окружение попали, отстреливались до последнего, но когда нечем стало, решили – всё, каюк пришёл. Моджахеды поняли, что могут нас взять тёпленькими, и стрелять прекратили. Так вот, когда мы уже были готовы принять смерть, Мерген сказал, что он нас всех спасёт, но чтобы мы об этом никому, пока будем служить, не рассказывали, и мы поклялись. Так вот, мы сели спинами друг к другу на четыре стороны света, как указал нам Мерген, затем он вокруг нас прочертил круг и приказал молчать, а сам стал то ли что-то шептать, то ли молиться. Мы видели, как на высотку вошли моджахеды, как они, ругаясь, искали нас, как ходили рядом, но ни у одного нога не переступила черту, нарисованную Мергеном. Потом мы увидели, как они стали спускаться с высоты и искать нас внизу, и только часа через два Мерген разрешил нам выйти из круга. Когда кто-то из нас хотел спросить его, как он это сделал, тывинец так на него посмотрел, что невысказанный вопрос повис на языке. Более мы ни с кем, пока служили, даже не заикались об этом случае. Так что, ребята, мне просто интересно посмотреть на этого шамана, а может, удастся и вопрос задать.

– Ну, друг, убедил, – уважительно и восхищенно посмотрев на Сергея, произнес Глеб. – Света, собирайся! После рассказа Сергея я непременно хочу увидеть этого посвящённого.

Народ в Светлом доверчивый, а потому на встречу с шаманом шёл с радостью, как на праздник. В фойе Дома Культуры продавали разные его обереги, за которыми уже образовалась довольно значительная очередь. Ребята сразу прошли в зал, чтобы сесть поближе к сцене и к проходу. Светлана сказала, что если им не понравится, уйдут, чтобы никого не тревожить.

Сначала на сцене появился ведущий и стал рассказывать:

– Оюн Батыр родился в Тыве, дед и прадед у него были потомственными шаманами. Как-то раз в детстве, охотясь за кабаном, он забрёл в самую глубь тайги, где наткнулся на огромную лиственницу, к ветвям которой было привязано много разноцветных лент, а в зарослях можжевельника нашёл охотничий нож. Батыр, обрадованный такой находке, взял его себе. Добравшись до аала – поселения, где он жил, – мальчик показал нож родителям, а те отнесли его старейшине. Старейшина, внимательно рассмотрев нож, сказал, что некогда тот принадлежал сильному шаману, когда-то жившему в их краю. У него не было наследников и, предчувствуя скорую смерть, шаман спрятал свои вещи в тайге в надежде, что их отыщет тот, кому по праву положено будет стать его последователем. Им и оказался Оюн Батыр. Старейшина добавил: «Если откажешься, умрёшь в муках, погубишь мать и обречёшь на страдания всех жителей аала». Оюн Батыр сопротивлялся такому избранничеству до тех пор, пока в реке не стала исчезать рыба, а в тайге пропадать зверь. Сам Батыр временами впадал в полубессознательное состояние, его бил озноб, ноги и руки сводило судорогой, а изо рта шла пена. Не выдержав более терпеть шаманской болезни, он отправился к учителю-шаману. Через 10 лет постижений шаманских учений Монголии он в прошёл своё первое посвящение, а спустя ещё пять лет,

после третьего посвящения, получил звание «шамана-спасителя». Верховный шаман Тибета Орготой-боо назвал его верховным шаманом Сибири.

После этих слов на сцену вышел кряжистый, небольшого роста человек в одежде тывинских шаманов с бубном в руках и стал проводить над теми, кто выходил на сцену, ритуал очищения, снимая с людей порчу, избавляя от разных недугов. Он выходил в зал и проходил между рядами, касаясь кого-то своей рукой, над кем-то стучал в бубен...

Дойдя до ряда, где сидели Светлана с Глебом и Валентина с Сергеем, произнёс: «А вы, четверо, идите за мной».

Ребята, смущённые и растерянные, проследовали за шаманом, который повёл их не на сцену, а за кулисы, в комнату, выделенную ему для отдыха.

Когда они шли за Оюн Батыром, на сцене ведущий объявлял, что Оюн Батыр примет на консультацию тех, кто в этом очень нуждается, он сам выбирает таковых, но прежде предложил посмотреть о нём фильм.

Когда четверо друзей оказались один на один с шаманом, он, подойдя к Светлане и приложив к её груди руку, сказал:

– Какая у тебя большая и чистая душа! Очень большая и очень чистая. Ты можешь многим людям помочь своим светом. У тебя так много энергии, что ты можешь даже лечить, но старайся помогать только родным, чтобы не брать на свои руки чужую тяжесть и боль, тебе руки нужны для творчества. Ты напишешь такой роман, который будут читать все, и каждый найдёт в нём лично для него что-то сказанное, роман, который станет врачом для многих душ и сердец.

Затем так же приложил руку к груди Валентины:

– Ты долгое время была обделена чувствами со стороны мужчин, до сих пор они не могли оценить тебя по достоинству... Но твоя доброта и отзывчивость оценена Свыше, и в следующем году ты от Бога получишь дар, о коем мечтала многие годы. Счастье рядом стоит, осталось только дверь открыть и впустить его...

Подожёл к Сергею.

– Я знаю, о чём ты хотел спросить меня. Ты с такой энергией думал, что я услышал бы твой вопрос и среди тысяч других мыслей, потому и подошёл к вам. На войне ты был спасен тывинцем, который сейчас проходит посвящение в шаманы, его предназначение – стать следующим шаманом-спасителем. Но это для тебя не всё. Ты тот мужчина, который оценил эту женщину и можешь стать ей достойным спутником жизни. Войну и разрывы снарядов я из твоего сердца убрал, отныне твои сны будут исключительно мирными. Не упusti своего счастья и свою женщину.

И наконец, обращаясь к Глебу, произнес:

– Твоя жизнь вымолена у Бога старухой-бабкой по роду матери и у чертей цыганкой-ведьмой. Обеим в церкви вашей, когда откроется, закажи поминальные литии и каждый раз, когда будешь в ней, свечи ставь, поминай их в молитвах своих. Береги жену, в ней – твоя жизнь, а в жизни твоей, как, собственно, и в любви, – она одна есть. Более сказать мне вам нечего, идите с миром. Каждому даётся по делам их...

По дороге домой никто из четверых не проронил ни слова... Каждый думал о словах шамана, для него сказанных.

Жизнь в состоянии взведённого курка

Михаилу Савельевичу в сентябре 1997-го пришло приглашение от двоюродного брата Завьялова Юрия из Приднестровья на 85-летие его матери, Марии Александровны. Приглашалась и Светлана с семьей, но на семейном совете Завьялова-Казановых было решено, что поедут на юбилей только Михаил Савельевич и Светлана, а Глеб с Галиной Игнатьевной останутся дома с детьми.

Юбилей Марии Александровны отметили буквально на день раньше Дня города Тирасполя, которому исполнялось 205 лет. На юбилее много было сказано добрых слов в адрес именинницы, а Светлана от своей семьи прочла красиво оформленную выписку из шутивого досье на Марию Александровну Завьялову:

Дата рождения – 1912 год.

Имя – Мария, по отцу – Александровна.

По роду – Сворцова, по-мужнему племени – Завьялова.

Образование – и ухо, и рыло, а точнее – Энский педтехникум.

Прописка – и к селу Светлому, и к городу Тирасполю.

Политическая ориентация – только русским и никогда «чужим».

Характер – на всякое хотенье есть терпенье.

Состояние здоровья – когда у вас каждый день болит, но в другом месте.

Самочувствие – хорошая болезнь склероз – ничего не болит, и каждый день – новости.

Имущественное положение – ни пуха, ни пера.

Недвижимость – ни кола, ни двора.

Отношение к секретности – ни сном, ни духом.

Карьера – и тпру, и ну, и 30 лет работы в детском саду...

А на следующий день Светлана с отцом пошли на праздник города Тирасполя.

Яркое впечатление у них оставил парад. Потрясающе красочное зрелище! По площади шли нарядно одетые детишки, исполняя элементы танцев, гимнасты, суворовцы. С песнями мимо трибун проходил хор ветеранов войны, играл духовой оркестр...

– Папуль, как жаль, что сегодня в России подобных парадов не проводят – такое объединяющее начало! Правда ведь?! – сказала с сожалением Светлана.

– Я полностью согласен с тобой, дочура. Мне трудно было смотреть парад, потому как от радости, гордости и ностальгии к горлу подступал ком, ведь вся моя жизнь в Советском Союзе прошла вот с такими митингами и парадами. В какой-то момент мне даже показалось, что время потекло вспять, и я вновь увидел себя в те не такие уж и далекие годы, которые, однако, бесследно канули в прошлое, – произнёс печально Завьялов.

Они посмотрели Тираспольскую крепость, заложенную при личном участии Александра Суворова, побывали на открытии памятника великому русскому полководцу Михаилу Кутузову на Бородинской площади, узнав из выступлений, что, будучи ещё молодым, он в битве с Турцией провел здесь блистательные операции.

И когда вечером бурно и радостно рассказывали обо всех своих переживаниях Юрию, он, выслушав их восторженные речи, с гордостью произнёс:

– А вы знаете, что наше Приднестровье теперь не часть Молдавии, а отдельная республика?

– Неужели? – спросила Светлана. – Если честно, я почти ничего не знаю о современном состоянии дел в бывших советских республиках. Бывает, докатится какой-нибудь отголосок, а информации никакой, так, сарафанное радио, не больше.

– Тогда я завтра обязательно свожу вас в Бендеры, в музей, где вам всё популярно расскажут, что и как у нас было...

С тем и спать легли. А в Бендерах в Музее боевых действий Светлана и Михаил Савельевич узнали, что официально к России Бессарабия была присоединена ещё в 1812 году, но с 1918-го Приднестровье более чем на двадцать лет, вплоть до 1940 года, оккупировала королевская Румыния.

Музей боевых действий 1992 года Светлану и Завьялова потряс до глубины души, особенно фильм, который они увидели. Оказалось, что на протяжении пяти лет все средства массовой информации обманывали русских людей о происходящих в Приднестровье событиях. А увиденная и услышанная правда наполнила сердца Светланы и Михаила Савельевича горечью. Им было стыдно глядеть приднестровцам в глаза, ведь когда те ждали от россиян помощи, её не последовало.

А всё началось с закона «О функционировании языков на территории Молдавской ССР». Это был дискриминационный закон по отношению к русскоговорящему населению, который особенно пагубно действовал на молодежь. Вступительные экзамены во все учебные заведения принимались только на румынском. Кто его не знал – тех выгоняли.

Молдаванам и румынам говорили: «Хотите иметь квартиру, землю – идите и отберите у русских в Тирасполе и Бендерах». Тех ребят, что в 1989-1990-м отстаивали права русского человека, молдавские милиционеры распилили на пилораме. А русскую беременную женщину, ехавшую со схватками в больницу, – расстреляли. Женщина-экскурсовод рассказывала:

– Пятница, 19 июня. Мирное утро, мирный день. В городе проходят выпускные вечера, играют свадьбы. Город живет мирной жизнью. Вечер... И внезапно с трёх сторон в него врываются БТЭРы и начинают расстреливать население. Всё, что стреляло по городу, почти всё было румынского производства. На защиту города от геноцида встала молодежь, старики и все те, кто посчитал нужным защищать свои дома, свою землю, свои семьи.

Молдавские оккупанты били прямой наводкой по детсадам, библиотекам, больницам. У них не было жалости ни к кому. Женщины в родильных домах, находясь под постоянным обстрелом, вынуждены были рожать в подвалах. А снайперши из Прибалтики за доллары отстреливали мирных жителей.

Завьялов перебил экскурсовода, сказав:

– Да, увидев вчера в Тирасполе на параде двадцатилетних ребят, стоящих у руля власти в Приднестровье, я был потрясён. С какой ответственностью они несут сегодня бремя этой самой власти! И ещё я понял – они вновь первыми примут на себя удар, если кто-то посягнёт на их суверенитет.

Светлана, также потрясённая всем увиденным и услышанным в музее, добавила:

– Приднестровцы погибли, а мы в России об этом ничего не знали. И ведь происходило это не пятьдесят, а всего лишь пять лет назад! С какой лёгкостью российское правительство разбазаривает славянские земли, а маленькое Приднестровье – страна, которую можно пролететь из конца в конец за 15 минут, – встаёт на защиту всего русского. Потрясающе...

Приднестровье... После увиденного и услышанного в Бендерах, когда Юрий посадил их в вагон поезда, отец и дочь ещё долго молчали и думали... Наконец, не выдержав, Светлана произнесла:

– Папа, что стало с Россией? Мы в своей стране отрекаемся от всего русского, точно мартышки, примеряя на себя американский и западный стиль жизни. Коверкаем язык, засоряя его навороченными нерусскими терминами, а приднестровцы, даже после того, когда Россия от них отвернулась, с гордостью говорят, что их официальный язык – русский, расплачиваются русскими рублями... Отдавали свои жизни, чтобы отстоять право говорить на русском языке. В голове не укладывается...

– Да, дочь, в Бендерах даже дома выбоинами на стенах помнят дни недавней войны. Здесь не нужно быть особо внимательным, чтобы увидеть – они живут точно на пороховой бочке, а точнее сказать, «в состоянии взведенного курка»...

Сказал, и они вновь надолго замолчали...

Сон - Разлитое молоко

Снится Светлане сон. Кто-то преследует её с детьми, и чтобы скрыться от преследуемых, она чертит спасительный круг. Преследователи, не обнаружив ни её, ни детей, уходят, но она видит проступившие за пределами круга их живые следы, и пока те не угасают, сидит с детьми не двигаясь.

Затем сон переносит её в какую-то залу, где стоят столы, а вокруг много людей. К ней подходит незнакомец и обращает её внимание на крынку с плотно закрытой крышкой, стоящую на столе:

– В этой крынке молоко. Веришь ли ты, что молоко из одной крынки может залить всё пространство этого зала?

– Нет, конечно, – уверенно отвечает ему Светлана.

Незнакомец начинает пристально смотреть на крынку. Крышка с треском вылетает, и молоко начинает стекать из банки сначала на стол, потом на пол, заливая всё вокруг. И вот уже Светлана стоит по щиколотку в молоке. Какой-то мужчина, оказавшийся рядом с ней, говорит, что у него уже все носки от молока промокли, нужно срочно бежать переодеваться. На что Светлана отвечает:

– Не переживайте, это благо, если молоко коснулось ваших ног.

Затем незнакомец, смотревший на крынку, вновь спрашивает её:

– А теперь веришь?

– Верю, – твердо отвечает она.

И тогда всё молоко начинает собираться в крынку, точно кто-то киноленту назад прокручивает. Когда крышка захлопнулась, незнакомец сказал:

– Теперь то же самое сделай ты.

И в это время на крышке сам по себе загорается огонек. Светлана говорит незнакомцу:

– У меня ничего не получится, я не умею, как Вы.

Он, пристально глядя ей в глаза, поясняет:

– Это делается внутренней энергией и верой, которых у тебя – предостаточно.

Светлана пробует, как он, пристально смотреть на крынку, но только заливает молоком огонёк.

– Ничего, – уверяет незнакомец, – ты попробовала, и это главное, в следующий раз обязательно получится.

Затем Светлане снилась летающая по воздуху под взглядом незнакомца бутылка «Боржоми», беременеющие на глазах мужчины и женщины, затем роды их. Куда ещё ни шло женщинам рожать, но потуги начинались и у мужчин. Один разрешился мальчиком-ангелочком с пушистыми светлыми волосами, другой за спиной своей тащил подобие самого себя. Ребёнка с головой, но без туловища. Светлане становилось нестерпимо жаль их, и она начинала горько плакать... На этом и проснулась...

Такого не бывает

– Такого не бывает, Валентина Алексеевна, – вот уже несколько раз повторила Архиповой Татьяна Макарова, сидя в воспитательской. – Такого не бывает, но такое случилось. Как мне реагировать на то, что произошло? Считать чудом, Божией милостью или ещё одним испытанием судьбы? Я думала, что годы, которые прошли с нашего последнего свидания много лет назад, стерли все мои отношения к нему, но оказалось, что любовь, загнанная глубоко в душу, еще жива, не умерла, не исчезла...

Валентина ничего не могла понять из того, о чём ей говорила взволнованная Татьяна, но не мешала ей, решив, пусть женщина выскажет, что наболело, лучше уж потом спросит, о чём речь. А Татьяна, точно сообразив, что Валентине непонятно, стала рассказывать всё сначала:

– Ещё до приезда в Светлое к своему бывшему, Клавдию Пономареву, я говорила Вам, что у себя в Видяево познакомилась с капитаном Михаилом Крутым и что он уехал в Севастополь выяснять свои отношения с женой. Когда в Видяево больше не появился, а я загнала память о нём глубоко, глубоко и в думы к себе уже больше не пускала, боясь разбередить старую рану. Даже глядя на Катюшку, не видела его. Забыла настолько, насколько можно забыть. Забыла его голос, манеру говорить, лицо, даже имя его стала забывать. Память хранила только отдельные фрагменты из наших встреч и ощущение его необычно черных жестковатых волос на кончиках пальцев. Даже когда ещё в Видяево жила, уже тогда не заглядывала в лица мужчин в надежде увидеть своего капитана. Я почему-то решала, что он сошёлся со своей женой ради ребёнка, и вычеркнула его раз и навсегда, дав дочери отчество своего отца. А уж здесь и вообще его забыла, здесь свои проблемы появились с Клавдием и его матерью, нужно было их решать...

Шесть лет судьба хранила молчание, и вдруг всё изменилось в один момент. А может, я в душе своей так и оставалась Ассоль, ждущей своего капитана? И чудо случилось. Но, дорогая Валентина Алексеевна, ведь в жизни так не бывает?!

– Что случилось-то, толком расскажи, – спросила Валентина, уже полностью заинтригованная историей Татьяны, – а уж потом будем решать – бывает или нет.

– Я со своими четвероклассниками ездила в Энск на цирковое представление – родители сделали своим детям к концу четверти такой подарок. И когда наш микроавтобус остановился на светофоре, я увидела в машине скорой помощи за рулем до боли знакомое лицо. Я не могла перепутать его ни с кем другим – это был Михаил. Дали зеленый свет, и его машина умчалась, далеко обогнав наш автобус. Несколько дней я жила точно в тумане, а затем, не выдержав, поехала в Энск, в больницу скорой помощи, и узнала, что Михаил Крутой там работает. Попросила телефон, позвонила ему... Он, как ни странно, сразу узнал мой голос и не спросил, а как-то выдохнул в трубку: «Таня, это правда ты?» Я ответила, что да. Он попросил меня подождать его в кафе рядом с больницей, сказал, что освободится через полчаса и подойдет. Умолял, чтобы только обязательно дождалась его.

И стоило ему войти в кафе, а мне увидеть его, сразу всё вспомнилось до самых малейших подробностей. В его черных волосах появилось много седины, но глаза оказались прежними, они так же, как шесть лет назад, излучали свет, надежду и любовь. Мне было удивительно видеть в его глазах свет любви, но я не могла его спутать ни с чем. А он сел рядом и сказал: «Не удивляйся, Танюша, тебя нельзя ни забыть, ни разлюбить». Мы радовались встрече, как дети, высказывая восхищение друг другом, потому как для нас обоих эта встреча оказалась огромным счастьем, казалось бы, уже давно утраченным.

– Я изменился? – спросил он.

– Нет, – ответила я, – просто вспоминаю тебя.

Чтобы убедиться, что это не сон, я прикоснулась своей рукой к его. Его рука мелко задрожала.

– Ты замужем? – спросил он.

– Нет, а ты всё ещё женат?

– Нет. Когда жена, выйдя замуж за еврея, увезла мою дочь в Израиль, даже не предупредив меня, я в отчаянии пошёл воевать в Чечню. Сидел в плену, бежал, лежал в госпитале, познакомился там с одним замечательным мужиком Игорем Стрельниковым, вот он меня сюда и позвал, устроил пока работать водителем на скорую помощь, а дальше видно будет.

– Стоп, – остановила рассказ Татьяна Валентина. – Ещё одна точка соприкосновения. Игорь Стрельников, он случайно не на заводе работает?

– Кажется, я о нём особо ничего не знаю. А Вы что, этого Стрельникова знаете? – в свою очередь удивилась уже Татьяна.

– Да, Таня, это друг моего брата Александра. До чего же, оказывается, тесен мир! Видяево, Чечня, Светлое, Энск... Невероятно... Ну да ладно, что дальше?

– Миша рассказывал, что первый год после Чечни, когда понял, что навсегда меня потерял, писал своему другу в Видяево, и тот ему сообщил, что я уже давно оттуда уехала. Менял женщин, ища в них похожую на меня, а когда не находил, безжалостно говорил: «Извини, мы не подходим друг другу. Ты не она». Затем как-то остепенился. Раз зашёл в храм и попросил Господа вернуть ему ту, что потерял, и вот Господь послал меня в его объятия.

– А ты призналась, что у него есть дочь? – спросила Валентина.

– Да, когда поняла, что он свободен и, как прежде, любит меня, сказала. И это

было что-то! Он обнял меня, стал целовать, кружить по залу кафе... Завтра должен приехать за нами. Я об этом и пришла сказать Вам. Мы с Катюшкой уезжаем к нему в Энск. Ему главврач, как ветерану Чеченской войны, выбил двухкомнатную квартиру. Распишемся и будем жить полноценной семьей. Мне казалось, Валентина Алексеевна, так не бывает, а оказалось – так есть! Через столько лет мы вновь обрели друг друга...

– Я так рада за тебя, Танюша! Слава Богу, что всё наладилось, я знала, что такой человек, как ты, не может быть обойденным счастьем. Поезжай, устраивайся, выписаться из общежития всегда успеешь. А работу ты в Энске какую-нибудь нашла? Без работы надоест дома сидеть, – спросила обеспокоенная Валетнина.

– И с этим как-то решается. В школе в начальных классах через месяц учительница в декрет уходит, вот на её место меня и берут, а там, сказали, и свой класс дадут, так что с этим проблем не будет. Миша завтра придет, я Вас познакомлю. Вы мне здесь, в Светлом, стали самым родным и близким человеком.

– Что ж, буду ждать, Танюша, буду ждать, – обняв женщину, с теплотой в голосе произнесла Валентина.

Живое Слово

– Света, мне нужно что-то о словах найти, – забежав к Светлане в библиотеку, попросила Валентина Архипова, – помоги!

– В смысле? Откуда они появились? Что значат? Энциклопедическую справку? Что и для чего, Валь, ты уточни, – стала выпрашивать у неё Светлана.

– Ну не знаю, как и сказать, просто у себя в общежитии я хочу на слова людям глаза открыть. Ты и не представляешь, как это – ходить по коридорам и почти из каждой комнаты слышать грязный мат и сальные ругательства. Ходишь и ощущаешь себя постоянно окунаемой в дерьмо. У них слова всё равно что каркающее воронье, вылетающее из мусорных бачков. Отвратительные, злобные, от которых постоянно возникает рвотный инстинкт. Они точно паразиты, бактерии болезнетворные. То махровой плесени подобны, а то – вою голодных шакалов с диким волчьим оскалом. Они даже стали приходить мне в кошмарных снах с шипением, лязганьем и улюлюканьем. Их слова что колтуны в волосах, Содом и Гоморра. Не поверишь, Света, но они даже запах имеют – это вонь перегара и пот давно немытого тела, смешанный с грязью давно нестиранного белья. Слова, от которых хочется бежать, заткнув уши, чтоб не слышать их жутких вибраций. Слова, не сами рождённые, а выплёвываемые в свет грязными ртами людей... Малое притягивает большое. Произнёс одно ругательство, оно притянуло другие...

А завтра у нас общее собрание жильцов, вот мне и захотелось пример им привести, что в мире существуют и другие слова.

– Правильно мыслишь, подруга, – похвалила Валентину Светлана, – я, например, знаю СЛОВА, которые можно пробовать на вкус, как масленичные блины; чтоб нос щекотало запашистостью хлеба или летней свежестью клубники. Слова хрустящие, как сочные осенние яблоки. Слова, которые хочется вдыхать, как полевые цветы, или щелкать у плетня, точно семечки.

– Девчонки, это вы про какие такие слова говорите? – спросила вошедшая в читальный зал из соседнего кабинета Каюмова Ольга.

– Да вот, Оля, Валентине слова необычные потребовались, чтобы матерщину в общезнании перекрыть. У тебя в запасе найдутся такие? – спросила Светлана.

– А почему нет? – уверенно ответила Каюмова. – Мне, например, нравятся слова, напитанные материнским грудным молоком или игривостью грузинского домашнего вина: «Киндзмараули», «Хванчкара», «Ахашени». Не слова, генацвале, а Божественная грузинская песня.

– Не удивляйся, Валюша, Ольга недавно из отпуска вернулась, в Грузию к родне летала...

А Каюмова пыталась уже изобразить нечто похожее на грузинский танец. В это время в зал вошла старший библиотекарь Виктория Кузнецова.

– Можете не объяснять, девочки, голос Ольги слышен во всех уголках нашей библиотеки. О ваших поисках слов уже все здесь в курсе. От меня, Валентина, тебе – мир во всем мире и слова вечной памяти и славы, печали и скорби... Чтоб кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет... Чтоб торжественность шла от них...

– Ну, тогда я ещё для общего настроения добавлю, – улыбаясь, произнесла радостно Света, – слова-фейерверки! Радостное – «Здравствуй!» и первое – «Люблю!» Слова, в которых живёт Бог, и слова у Бога заимствованные. Слова исповедальности и причастия, чтоб ладаном пахли, в храм звали людей. Это «Нечаянная радость» и иконные глаза Богородицы. Ангел небесный и искренняя молитва сердца. Прощённое Воскресение. Пасха. Христос Воскресе! Светлая заутреня и священное писание. Слова сострадания, всепрощения и благодарения. Слова, что звоны колокольные... Слова – детской песни, слова – музыки дождя, слова – мерцание свечи...

– Ах, Валентина, – мечтательно произнесла Ольга, – да сколько их ещё существует на свете, потрясающих слов!

– Ты, Оля, совершенно права. Валентине, чтобы хоть как-то пронять своих жильцов, нужны особенные слова. Ну-ка, помогайте мне. СЛОВА: хрустящие, как снег в морозное утро, слова, как звон капли и как плеск волны. Слова, как выстрел пробки из шампанского в Новогоднюю ночь... – подбирала из своей памяти для Валентины слова Светлана.

– А я предлагаю цоканье девичьих каблучков по асфальту. Слова, точно солнечные зайчики, пляшущие по стенам, – произнесла задорно Виктория Кузнецова.

– Ага, ласковые, без заковыренки, «о которые идёшь» и не спотыкаться. Слова – радостный смех ребёнка или блеск слезинок у матери в глазах. Слова, напитанные родниковой водой. Слова нежно розовых восходов и багряных закатов. Слова мальчишек и девчонок в весёлых рыжих веснушках и седеющих согбенных временем стариков, – добавила Ольга Каюмова.

– Девочки, – обратилась к ним Валентина, – а можно в этот список поставить ещё и слова, наполняющие тебя живительным соком. Слова, звучащие в весенней оттепели и прячущиеся в сарафанных нарядах берёз. Слова, как крылья птиц, которые можно расправить и полететь. Слова – чудеса, сказки, диво-дивное. Слова с молодой душой и лебединой верностью. Аисты на крыше и ожидание счастья. Ранний крик петуха и песнь соловья.

– Молодец, Валюша! Девчонки, а вы не заметили, как наши слова давным-давно ожили? Они пробиваются подснежником из-под толщи земли, дают энергию жизни, здоровье и долголетие. Слова новых открытий! Слова, светящиеся изнутри, теплом душу окутывающие, в полёт устремлённые, силу дающие... Примерно такие слова тебе, Валюша, нужны?

– Девочки, дорогие, как я рада, что вы мне помогли эти слова найти! Если не трудно, повторите ещё раз, я запишу. Я прямо в лоб всё это жильцам своим и скажу. Нечего на дядю пенять, всё, что имеете – рождено вами и никем другим.

– Не дрейф, Валентина, лиха беда начало, есть дыра, будет и прореха. А хочешь, для наглядности я тебе ещё и притчу о «Живом Слове» дам? Мы её на Празднике славянской письменности и культуры зачитываем, – предложила Ольга Каюмова. – Ты пока эти записывай, а я её в своих талмудах найду и принесу.

А когда принесла, прочла:

– «Однажды Мастер рассказывал своим ученикам, которые его внимательно слушали, о великой силе Живого Слова. И каждый из них втайне мечтал владеть этой необычайной силой. Но нашёлся и такой, что не поверил словам Мастера и резко выкрикнул из задних рядов:

– Ты, Мастер, говоришь чушь! Разве станешь святым оттого, что всё время твердишь: «Бог, Бог, Бог»? Или грешником, если будешь без конца повторять: «Грех, Грех, Грех»? И вся эта твоя сила Живого Слова ерунда!

– Сядь на место, глупец! – отрезал Мастер.

Человека охватила ярость, ведь его при сотне учеников называли глупцом!

И разгневанный ученик стал браниться и оскорблять Мастера ещё больше того. Мастер выслушал его оскорбления и с видом великого раскаяния произнес:

– Прости меня, мой дорогой ученик, погорячился я. Мне не стоило оскорблять тебя. И ученик тут же успокоился. А Мастер подытожил то, что произошло:

– Вот вам всем и ответ. От одного слова человек в ярость пришёл, от другого – успокоился».

Ну как, Валентина Алексеевна, подойдёт?

– Замечательная притча! И её я перепишу.

Освящение храма Рождества Пресвятой Богородицы в Светлом

Такого красивого звона во все колокола, какой состоялся 21 сентября 1997 года в Праздник Рождества Пресвятой Богородицы на освящение храма, жители Светлого ещё не слышали. В последний раз не радостный, а отчаянный колокольный звон огласил округу села Светлого в 1932 году, когда колокола сбрасывали со звонницы, а храм подорвали.

На освящение восстановленной церкви приехал епископ Энский Архип в сопровождении диакона, священника и иподьяконов.

К назначенному сроку народу собралось у церкви великое множество. Семейство Казаковых было в полном составе (Михаил Савельевич удостоился чести помогать в служении отцу Сергию в алтаре), как, впрочем, пришли на праздник и Соболевы, и Ратники, и Прасковья Ильинична, и многие, кто хотел стать сопричастным этому великому событию в истории Светлого.

Иерей Сергей (Сокол), который епископом был определён на приход в Светлое штатным священником ещё год назад, очень переживал, что к престольному празднику может не успеть всё подготовить. Тогда бы освящение перенеслось на какой-то другой день, а всем хотелось к Рождеству Богородицы. И молитвами Божиими завершили и строительные работы, и поднятие на звонницу освящённых колоколов. Прихожане постарались на славу. Храм был благоукрашен не только снаружи, но и внутри, и те, кто входил в храм первый раз, не могли поверить, что его только-только будут освящать. И надо сказать, что хотя здесь Божественные литургии и не служились, но службы проходили, люди молились. И ещё поражаало то, что во вновь возрождённом храме оказалось большое количество икон. А всё просто: как только люди узнали, что храм передан Русской Православной Церкви и начинает отстраиваться, понесли отцу Сергию иконы своих бабушек и дедов. Казаковыми и Соболевыми, по предложению Михаила Савельевича, была заказана у иконописцев Энска икона Иверской Божией матери в пожертвование храма. Их примеру последовали и другие семьи.

По всему было видно, какая огромная работа была проведена и отцом Сергием, и его первым помощником – старостой прихода Михаилом Савельевичем Завьяловым.

В алтаре епископ Архип, как заправский плотник, сначала сколотил престол, забивая в столешницу камнем большие кованые гвозди, помазал, освятил его. Затем освятил и храм внутри и снаружи. Крапили храм святой водой также отец Сергей и приехавший с владыкой новый настоятель церкви Параскевы Пятницы в Энске иерей Андрей, облачённые в голубые праздничные одежды.

После освящения началась праздничная Божественная литургия. Пришло время, и диакон владыки Никита возвестил: ««Вонмим!» «Премудрость прости. Услышим святого Евангелия чтение. Мир всем» и вынес на руках перед собой тяжёлое, в золоте, Евангелие. И раздался над храмом его басовитый голос: «Во дни оны, восставши Мариам, иде в горняя со тщанием во град Иудов», «Во время оно, вниде Иисус в весь некую: жена же некая именем Марфа прият Его в дом свой. И сестра ей бе нарицаемая Мария...», и запел хор «Слава тебе, Господи!»

Светлана услышала, как кто-то за её спиной спросил другого:

– О чём речь-то хоть?

– Не нужно допытываться, просто внимайте слово Божие и получайте благодать, а знания придут, если будет хотение, – произнесла прихожанка храма, стоявшая рядом с тем, кто задал вопрос.

И тут Светлана вспомнила, как увидела это служение уже несколько лет назад в своём видении, когда они пришли сюда с отцом и Глебом. Душа её радовалась, что теперь не нужно будет ездить за молитвами в область, когда в Светлом возрожден такой замечательный храм.

Наконец у Царских врат в центре амвона встал вновь диакон и запел «Песнь Пресвятой Богородицы». Его пение подхватили прихожане. Светлане давно нравились эта песнь, и она, переписав для себя слова у отца Сергия, выучила её не только сама, но и научила петь своих деточек. И как её сердце трепетало от слов диакона: «Рождество Твоё Богородица Дева...» И зазвучал кондак святым праведным Иоакиму и Анне, родителям Пресвятой Богородицы: «Избранныи от человеческого рода прародители Христовы, рождшии Преподобнословенную Богоотроковицу, из Неяже

по плоти Сын Божий родися, святии и праведнии Богоотцы Иоакиме и Анно! Яко имущии дерзновение велие ко Христу Богу и выну предстоящи Престолу Его неbesному, Тому прилежно молитесь от бед нам избавитися, да вынуждем зовем вам».

Были пропеты молитвы «Верую» и «Отче наш», и вот владыка Архип и отец Сергей причастили сначала детей, а затем и всех исповедующихся, которых в этот день оказалось очень много.

На амвон для проповеди вышел уже в черных одеждах владыка Архип. Улыбаясь, он произнес:

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Поздравляю вас всех, дорогие мои братья и сестры, с величайшим праздником в истории вашего городка! Не просто так Господь призвал нас всех к тому, чтобы возродить этот конкретный храм, а к тому, чтобы мы встали на путь возрождения самой России, отдали бы свои жизни служению Церкви и Православной вере. Сегодня мы освятили то, что по праву принадлежало народу Божию, что когда-то было уже его достоянием. Хватит, мы слишком долго разбрасывали камни, и вот теперь пришло время их собирать. Для каждого из нас освящение храма – это всегда Торжество Православия. Это всегда свидетельство истины Христовой.

Если мы обратимся к истокам, то увидим, что, находясь в Иерусалимском храме, Господь сказал: «Я – свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8, 12). Смысл этих слов проходит сквозь всё Евангелие: спасает человека не учение Христа, а Сам Христос. А для этого каждый человек, осуществляя свой жизненный путь на земле, призван приобрести для вечности способности и свойства. Это навыки праведности, духовности, святости.

И мы должны помнить, что быть воцерковлёнными – не значит принять внешнюю форму: начать посещать службы, молиться, соблюдать посты, это гораздо более глубокая внутренняя духовная работа, чем может показаться вначале, и сегодня вы, придя в храм, встали на этот путь. Так не сходите с него более уже никогда!

Сегодняшний праздник говорит о великом событии – Рождении Пресвятой Богородицы. Церковь призывает отнестись нас к неожиданному рождению Марии от пожилых родителей как к чуду рождения, к ребенку, «испрошенному» у Бога, с необыкновенным великим будущим.

При этих словах епископа Светлана с Глебом, не сговариваясь, поглядели друг на друга и улыбнулись. И Глеб ещё нежнее сжал руку своего сына Сашки, потому как их ребенок является выпрошенным у самой Божией Матери. А владыка закончил свою проповедь словами:

– Поэтому Рождество Богородицы – это праздник вселенской радости, с чем я всех нас и поздравляю. Аминь!

И когда он пошёл на выход из храма, вновь зазвонили колокола...

Вопросы, которые ставила ей жизнь

Елена сидела у окна и, глядя в ночь, молилась, как умела:

...Господи Всемогущий, верни всё на круги своя! Только Ты один и можешь помочь. Я приняла все Твои испытания, как могла. Чаще – хуже, прости, реже – лучше. Жила не притворяясь, не лебезя, не преклоняясь перед начальством, как умела...

Силилась изо всех сил беречь своё женское счастье, но оно ускользало, так ни разу и не осчастливив меня до конца. Помоги мне, Господи! Я задыхаюсь от одиночества, от пустоты в душе. Порой кажется, что я сплю, продолжая смотреть затянувшийся в ночи кошмарный сон. И больно мне, и дико, и прийти в себя не могу. Разве может сон длиться вечно, если это только не смерть? Должно же наступить пробуждение? Только и уповаю, что на помощь и защиту Твою...

Что-то вспомнив, Елена полезла в тумбочку и, достав тетрадь, стала читать свои вопросы, которые некогда задавала Господу:

Зло на земле для того, чтобы люди почувствовали острую необходимость в добре? Надо пересматривать жизнь общества или наводить порядок в собственной душе? Терпению обязательно надо ждать, чтобы оно лопнуло?

Предав любовь одной женщины, будет ли счастлив мужчина с другой?

Её взгляд упал на икону Святой Троицы, взятую из дома бабушки Фёклы, которую она очень любила. Три ангела на ней спокойно сидели перед чашей, чуть склонив головы. Елена помнила, как маленькой спрашивала бабушку:

– Бабуля, что это за чудные дяденьки с крылышками?

И бабушка, крепко-крепко прижав её к себе, ласково говорила: «Бог, внученька». Но маленькая Лена никак не могла понять, как один Бог может быть сразу в трёх лицах, и тогда бабушка вновь поясняла ей:

– Ничего сложного здесь нет – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой, всё, как в молитве. Нужно только поверить в это, и сразу жить станет легче...

– А я вот, бабушка, не поверила тебе на слово, – прошептала Елена, – в школе вечера атеистические организовывала, не говоря тебе, чтоб не обидеть, а тут ещё и к евангелистам меня занесло...

Сцены из жизни мелькали перед взором Елены, точно в немом кино. Уход от евангелистов, робкие шаги в церковь православную... Ей вспомнилось, как месяца три назад, познакомившись с монахиней Гликерией и разговорившись с ней, она первое, что сделала, спросила её о Троице. Монахиня попросила её произнести слово «единИца» с упором на вторую гласную – «и», а затем на первую, и получилось совершенно другое по смыслу слово – едИница!

– Вот это и есть Троица! – просто ответила монахиня Гликерия.

И затем Елена несколько раз повторяла про себя: «ЕдИница! ЕдИница! ЕдИница!», и на душе становилось спокойнее, будто эти три ангела с бабушкиной иконы Святой Троицы сливаются в одно целое и становятся на её защиту...

Искала истину, а нашла страх

1998-й. Светлана, приехавшая в Энск, узнав, что Елена Полякова теперь живет здесь, зашла к ней. Они уже давно не виделись, и потому Света очень соскучилась по подруге. Взглянув на Елену, она заметила в ней довольно ощутимые перемены: большие карие глаза, некогда с бархатистым оттенком, казались сейчас какими-то потухшими, а длинные волосы, когда-то, точно шёлк, спускавшиеся до пояса волнами спелой пшеницы с солнечными бликами рыжинцы, были обрезаны в короткую стрижку и небрежно заколоты.

В разговоре со Светланой Елена всё время старалась спрятать или отвести в сторону глаза, хотя всячески показывала подруге, как рада встрече с ней. Светлана, не любительница увёртываний, спросила Елену напрямик:

– Что-то произошло? Может, расскажешь, поделишься? Легче станет. Я ведь вижу: ты сама не своя... Тебя что-то гнетёт? Ну не томись, рассказывай, что стряслось?

– А, что рассказывать, живу, как все... Сейчас лучше уже, а совсем недавно ещё в душе было полное опустошение. Ничего не радовало. Жила, как в бреду. Гонка цен. Мысли только о том, как бы выжить, чувствовала – потихоньку «умираю»... Нет, что-то, конечно, делала, как-то крутилась, но... Люди обозлены... В магазины ходить не хотелось, на цены глянешь – и уйдёшь. Масло по 135-ть выкинули – драка, одной женщине даже лицо в очереди сумкой поранили. Вермишель без талонов по 21-му рублю, но по полкилограмма в руки. Не слышала? Говорят, цены и дальше будут расти. Раньше на получку в 80-100 рублей мы с мужем жили- не тужили, а теперь ты почти миллионер – 910 тысяч получаю, а купить и не знаешь что. То ли вещь, то ли еду. Живу одним днём – прожила и ладно. У нас тут в цеху парень песню про конфетки-бараночки о нашей жизни переделал, хочешь спою?

И, не дожидаясь разрешения Светланы, Елена с каким-то внутренним надрывным вызовом запела:

Конфетки, бараночки,
Не купить нынче саночки,
Не купить детям прянички,
Обнищальные мы.

То Боря, то Миша –
Закон или шиш вам,
Сэ Сэ Сэ р развалили,
Толкнув на голод страну.

Нам подсунули чеки,
И в кои-то веки
Приватизируем воздух
И латаем штаны.

Храмы нынче всё строятся,
Люди Божии молятся,
Просят Бога великого:
Ты, Господь, нас прости...

Что исчезли бараночки,
Не купить нынче саночки,
Не купить детям прянички,
Что бездуховные мы...

Последнюю строчку Елена не пропела, а как-то жалостно прохрипела.

– Вот такая песня про нашу жизнь, дорогая моя подруга... А если честно, то неразбериха в стране гнетёт – дальше некуда. Не живу – прозябаю... От этого и на душе гадко вдвойне. Не знаю, как тебя, а меня эти денежные реформы последних лет просто достали. И на тебе – в августе 1998-го новый экономический кризис. Хорошо, что у меня на тот момент ни копейки за душой не было... Это мне предпринятие ещё должно осталось, но долга этого, как у нас говорят, нам в помине не видать. А в Энске что творилось – не передать! Люди, у кого хоть что-то было, в магазины ринулись, скупали всё подряд. Буквально за два дня все прилавки размели... Никогда такого не видела. Приходишь в магазин, а там подносы без продуктов лежат, а продавцы руками разводят.

– Ну, это мы, родная, у себя в Светлом тоже переживали, и не только в 1998-м, но и годами ранее, – подтвердила Светлана.

– А тебе не кажется, Свет, что с Россией что-то очень нехорошее происходит? Совершенно нет стимула ни работать, ни жить. На кого надеяться простым людям, если правительство их откровенно грабит? Посмотри, кто к власти приходит, – сплошь и рядом коррупционеры, делая всё и всех продажными. Люди на митингито уже не хотят ходить, говорят: а что это даст?.. Равнодушными становятся. Да я и сама за собой заметила, как равнодушно стала проходить мимо посеребрённых деревьев, не слышу скрипа снега в мороз, детей одёргиваю, чтоб ногами не шаркали, не раздражали своими остановками. Стала куда-то спешить, а спешить, оказывается, некуда.

Светлана слушала рассказ Елены и понимала: всё, что она говорила, горькая правда, но не такой была Ленка, чтоб согнуться от этого. И показалось Свете: что-то не договаривает подруга более болезненного, более мучившего её, нежели неразбериха в стране, и потому прямо сказала:

– Лен, но так сейчас чувствуют практически все, ты давай не крути, тебя что-то другое гнетёт, я ведь не без глаз к тебе пришла, вижу, как взгляд свой стараешься от меня отвести, чувствую – гложет что-то тебя.

Елена долгим, оценивающим взглядом посмотрела на Светлану и, точно решившись прыгнуть в омут с головой, с какой-то несвойственной ей злобинкой в голосе произнесла:

– А ты права, Светка, другое. Гложет, душу рвёт так, что выть хочется, себя ненавидеть за это стала. Ну ведь не такая я когда-то была, а сейчас одичала, обабилась...

Встала, взяла чайник, налила Светлане свежего чаю, затем отошла к окну и как бы нехотя начала говорить:

– Рассказ мой, Света, долгим может оказаться, есть ли у тебя время выслушать его? – спросила Елена, тяжело вздохнув.

– Для тебя, Лена, оно всегда есть. Говори, – подбодрила её Светлана.

– Ты знаешь, после смерти Виталия жизнь моя точно полой стала: чуть посильнее подует что-то на неё – она и отлетает в сторону... Заметила, что всё куда-то вяпываюсь. Сначала от одиночества к евангелистам-пятидесятникам попала. Веру их приняла всей душой, детям на ночь вместо сказок «Библию» читала... Евангелисты приняли меня с радостью, с распростёртыми объятиями, это потом уже начали наставлять:

– Иконы, что имеешь дома, сжечь.

– Как сжечь? – спрашиваю. – На них святые угодники изображены!

– Идолопоклонство, а Господь не приемлет идолопоклонников, слушайся и жги.

Но иконы – память бабушкину – я сумела отстоять как дар. Следующими оказались книги. На одном из собраний брат сказал: «У сестры Елены квартира книгами заставлена. Сжечь».

Помню, я даже задохнулась от возмущения и негодования. Да что же это за вера такая, которая требует книги и иконы сжигать!

– И книги никому не позволю жечь, – отрезала я.

Так началось моё противостояние евангелистам, неприятие их законов, не знаю уж, кем писанных, но только не Богом.

Мне были непонятны запреты, налагаемые этой церковью на прихожан. Нельзя краситься, завиваться, ходить с непокрытой головой, нельзя носить брюки, смотреть телевизор, слушать радио. Даже муж мог любить тебя по ночам под одеялом в рабоче-крестьянском положении, или как в библейской «Песни песней» сказано. Я помню, и этим возмутилась, заявив: «Так ведь Библия не Камасутра, чтобы в ней разные способы приводились. «Песнь песней» в Библии приведена как идеал отношений любящих людей». Так ты бы слышала, как вопил на эти слова брат наш! Я думала – прибьет меня...

Все эти запреты сводили с ума. Как жить, если читать можно только слово Божие, общаться только с братьями и сёстрами, часами стоять в молитве на коленях? У меня мужа уже не было, а у тех, у кого мужа были – дома настоящие скандалы! Ведь вместо того, чтобы с ними рядом быть, женщины бежали на собрания, вознося молитвы Господу и тут же мысленно греша. Евангелисты молятся много и долго. Одна молитва сменяет другую. Стоишь на ледяном полу в каком-нибудь помещении и с раздражением думаешь: вот заработаешь себе цистит и будешь затем на таблетки работать. Уже тогда я чувствовала, что так, как молились мы, молиться нельзя. Молитву ничто не должно отвлекать, это не упражнения для языка, а разговор души человека с Богом, иначе напрасна трата времени.

По законам церкви, по учению Библии, как нам преподносили её братья, мы должны были стараться отойти от всего мирского, устремиться своими помыслами к Господу. И начинали приходить на ум мысли: а зачем тогда Господь создал человека и Землю? Если он всевидящий и всезнающий, то должен был предположить, что дьявол будет искушать людей. И почему всё на земле, что создаётся человеком, называется мирским и неугодным Господу? Разве живопись, театр, музыка, песни, стихи, проза идут вразрез с Богом? Разве любовь к мужчине порочна? Нам говорили, что всё это – суета сует, спасение человечества в вере и Библии, которую только и нужно читать. А как же сотни книг, которые учат добру, любви, милосердию? А как сказки, на которых все мы выросли? От них тоже надо отказываться? Что же за поколение придёт, если мы детей лишим всего того, что читали сами? Ответ один – блажь всё это!

– Так почему же ты, моя дорогая, если это понимала, не бежала от них? – спросила возмущённо Светлана.

– В том-то и дело, что туда легко прийти и совсем непросто от них уйти. Нет, никто тебя насильно не держит, но те проповеди, которые читают братья, в конце концов зарождают в твоей душе страх: за детей, за мужей, за родителей, за себя, и

кажется, что, если ты что-то нарушишь, Господь обязательно отомстит тебе на родных. Этот страх держит сильнее любых цепей.

– Я, конечно, мало чего понимаю в верованиях, но всегда думала, что Господу совершенно неважно, как человек одет, покрашен он или нет, – ему важна душа человека. Толку-то, что придёт кто-нибудь ненакрашенный, в длинном платье, в платке, а душа у него чернее чёрного. Или разве, наблюдая за художником, как тот создаёт шедевр, Господь не радуется за него? Бог – Творец и художник – Творец, значит, это должно роднить их. Думаю, Господу интересен каждый из нас как индивидуальность, как личность, мы же дети его творения, которых он создал по своему образу и подобию. Или я не права, Лен? – опять спросила подругу Светлана.

– В том-то и дело, что права, потому как голым человек входит в этот мир, голым и уходит. Все, что накоплено с собой, на тот свет не унесешь, и одежды тут совершенно ни при чём. Ты знаешь, Свет, я к евангелистам шла с огромным желанием познать Господа. Но у евангелистов священный образ в моём сознании раздвоился. В одно и то же время Господь был Отцом, которого я любила, и монстром, которого я боялась и ненавидела. Я много молилась, чтобы выяснить, кто же есть Бог на самом деле, и поняла, что в моих сомнениях Господь ни при чём. Страх нагоняют люди, они же налагают запреты, чтобы держать других в подчинении и власти себе. Господь есть Любовь, а значит, он любит меня и не станет наказывать за мои сомнения.

Но это я позже поняла. Господу нужно служить только с любовью и радостью. Нельзя быть рабом той или иной религии, ведь при этом дух твой не развивается, а деградирует. У евангелистов я искала истину, а нашла страх, запреты, бездумный фанатизм.

Безрассудная страсть

Лена на какое-то время замолчала. Света не хотела торопить подругу, она понимала, что евангелисты – это только начало её исповеди, и оказалась права. Лена, глубоко вздохнув, будто собравшись с силами, вновь заговорила:

– А тут как на грех я ещё и влюбилась, да не в нормального, порядочного мужика, а в молодого парня, как позже оказалось, бабника и пьяницу.

Однажды на собрании евангелистов я стала свидетельницей, как отлучили от церкви одну из прихожанок, признавшуюся брату в своей любви к мужчине вне церкви. Так вот, чтобы не произошло это же со мной, я ушла от них сама...

Елена опять тяжело вздохнула.

Светлана, видя, как Елене трудно даются воспоминания, решила помочь подруге в этой нечаянной исповеди и удивлённо и где-то даже растерянно произнесла:

– Да что ты, Ленка! Ни в жизнь не поверю, чтобы ты, да в пьяницу влюбилась! Ведь в школе самой разборчивой была, даже ухаживания Сашки Соболева отшила, неужто на тебя так сильно смерть мужа подействовала?

Елена, несмотря на то что после школы сразу вышла замуж, сумела всё же заочно окончить торговый институт, а позже ещё и родить двух детей. Пока сидела с ними в декрете, её место заняли. Когда она с семьёй уехала из Железнодорожного в Энск, устроилась на комбинат пищевой промышленности в цех контроля. Зарплата

не ахти, но тогда у неё ещё зарабатывал муж, а вот после его смерти Елена впервые испытала нужду, но была слишком горда, чтобы признаться в этом кому-нибудь. А уж увлечёсь пьяницей – такого просто не могло произойти потому, как не могло произойти никогда. Светлане не верилось.

– Нет, Ленка, ты меня просто разыгрываешь...

– Я тоже не верила, пока зимой вместе с ним чуть было не спилась, – с отчаянием произнесла Елена. – Когда муж-то четыре года назад умер, интерес к мужикам у меня совсем было пропал, а тут по осени устроился к нам на работу парень, видный такой, знаки внимания стал оказывать. Понравился, стали встречаться, думала, ну наконец-то и мне подфартило. А когда от евангелистов ушла, я точно в бездну стала медленно, но верно опускаться, отшатнулась от всех. Он в пятиэтажке на Октябрьской живёт. И меня как прорвало: влюбилась безумно, почти каждую ночь с ним проводила, и всё мало мне, прямо какую-то ненасытность в любовной близости с ним ощущать стала. А уж его приход ко мне так возбуждал! До дрожи в коленях, до головокружения. Ничего подобного с мужем никогда не испытывала, а ведь прожили с ним, слава Богу, тринадцать лет.

Когда с Антоном ссорились (это парня того так зовут), не поверишь, с работы уходить не хотелось, как бы ни уставала. Там хоть вижу его, а перешагну проходную – и жутко станет, ведь иду туда, где его нет. Вот тогда поняла, что больна им. В какие-то минуты ненавидела себя и его за это.

Иногда я физически чувствовала, как из меня нынешней на волю продиралась девчушка, какой я была когда-то, и начинала вести себя совершенно непредсказуемо. Я прекрасно понимала, что Антону приходится работать на комбинате, где основной контингент женщины, общаться с ними, но поделаться с собой ничего не могла. Той маленькой девочке хотелось топтать ногами и кричать любой из женщин, с которой он только что говорил: «Нет, Антон больше мой, чем твой!», как раньше я кричала твоему Глебу, который приглашал тебя на прогулку: «Светка моя, а не твоя, она меня больше любит!». А Глеб от этого ещё больше начинал дразнить меня, заявляя на тебя свои права: «Нет, Ленка, Светка больше моя, чем твоя». А я ему: «Держи карман шире! Светка – моя. Я девочка и она девочка, а значит, моя подруга, и я её тебе не отдам, вот».

– Надо же, а я и не знала, что вы меня с Глебом так делили, – засмеялась Светлана.

– Делили, делили... – улыбнулась на этот раз открыто и Елена.

– Представляешь, а мои Сашка с Полюшкой однажды тоже заспорили, кого из них я больше люблю, чуть было не поцапались. А в библиотеке перед этим поступление новых книг было. В одной – сказки с притчами. Вот я о свече и любви им притчу и рассказала. Там говорится, что так же как мои, заспорили дети, а мать их зажгла свечу и сказала: «Представьте: свеча – это я! А её огонь – моя любовь. Затем взяла ещё одну и зажгла от своей, говоря: «Это мой первенец, я дала ему своего огня, свою любовь! Разве после этого огонь моей свечи стал меньше?» И так мать зажгла столько свечей, сколько у неё было деток...и огонь её свечи оставался прежним – большим и тёплым... Так что, моя дорогая подруга, я и Глеба своего люблю, и тебя...

– А вот меня Антон подчас так доставал, что растерзать готова была, уйдёт – места себе не нахожу. А судьба ещё больше им испытывать начала. Всё понимала,

но с собой ничего поделать не могла. Страсть-то сильнее нас. Думала, свихнусь, и никакой врач не соберёт. Детей совсем забросила, они голодные дома сидят, а я сломя голову к нему бегу. Хорошо, соседка моя, баба Таня, придёт, поглядит – нет меня, так какую-никакую кашу сварит. Позже я поняла: чем сладостнее вкушала я миг греха, тем горестнее приходилось затем разочаровываться, тем бессоннее наступали ночи, тем кошмарнее снились сны.

Не поверишь, я к нему могла и в два часа ночи, и в три под окна прийти, если по каким-то причинам долго не видела. Думала, о такой страсти только в книгах пишут, а вышло, что ноги сами к нему несли. Вот так бегу, сердце колотится, словно сейчас выскочит, постою, посмотрю, успокоюсь и домой. Я как с ним познакомилась, всех своих приятельниц забросила, хотя, если честно, боялась их, а вдруг уведут. Однажды дня два с ним не виделась – не утерпела, побежала. Гляжу – в окне свет, значит дома. На одном дыхании поднялась, позвонила... Открыл, но большой радости от моего прихода, чувствую, не испытывает, правда, пригласил войти. Там у него компания, водка, вино, гитара... Я с теми, кто в гостях, знакома, однажды так же сидели, выпивали. Через какое-то время гости домой засобирались. Одна из женщин и говорит: «Антон, пусть Ирма-то у тебя проспится, а утром к нам придёт». У меня от этих слов сердце ёкнуло и в глазах померкло. Я в его спальню – а там на кровати полуголая молодая девка спит. Как сгребла я её в охапку и кинула той женщине под ноги, до сих пор понять не могу! Откуда и силы взялись? В ней килограмм под шестьдесят, не менее. Крикнула: «Чтоб ноги её здесь не было, забирай сразу с собой!» А она, пьяная вдрызг, особо даже не отреагировала. Антон девку поднял и вновь к себе на кровать отнёс. Компания, видя такое дело, тут же удалилась, а я осталась в комнате сидеть. Выйдя из спальни, он бросил мне зло, мол, у нас не семья и ты мне не жена, чтобы перед друзьями сцены ревности закатывать. Сказал, чтобы домой шла, так как после случившегося не хочет больше и видеть меня. А в меня точно бес вселился, уперлась – не уйду. Тогда Антон налил себе целый стакан водки, выпил, а затем схватил гитару и с размаху как ахнет мне по голове! Гитара вдребезги, и он, потеряв равновесие, на пол упал и отключился на какой-то миг. Этот его удар гитарой меня точно в крошечную тьму вогнал. Боль по всему телу разлилась, и не так от удара, как от жутчайшего унижения. На меня в жизни никто руку не поднимал, а тут... Рассвирепев, я со всего маху как пну его в коленку ногой в сапоге на платформе, что ради него купила. Слышу – застонал, скрючился... Постояла, посмотрела, как кровь на пол из разбитого колена капает, и пошла...

Вот тут бы и поставить точку, но я со своей этой собачьей преданностью простила его. Лишь бы моим был, неважно – трезвый, пьяный... Лишь бы мой... Через день встречается на работе, жалуется, мол, кто-то его ночью избил, дверь-то открытой осталась после моего ухода. Я тогда промолчала. Долго он ходил, прихрамывая. У меня всю зиму в настроении перепады: то приподнятое, то хоть в петлю лезь. Сколько слёз отчаяния подушке отдала! Зарплата маленькая, еду купить не на что, да и из тех крох, что получала, половина не на еду детям шла, а на бутылки ему, только чтобы пришёл... Когда не приходил – сама с горя пила...

А тут он к тётке в Архангельск на два дня поехал, мне же в это время снится сон. Приснилось много-много огурцов, все банки ими наполнены, маленькие, красивые,

а в одной большой такой огурец в рассоле один утопает! Я гляжу, как он один в той банке кувyrкается, пожалела и переложила ко всем остальным...

Антон же вместо двух дней только через два месяца приехал и рассказал, что произошло. Встал он утром перед отъездом, решил похмелиться, хлебнул прямо из бутылки глоток, а в той бутылке вместо водки уксус оказался – тётка с вечера им колени мазала и не убрала – вот и обжёл себе слизистую. Да тебе это лучше, чем кому-либо, известно, еле откачали. А когда услышал про мой сон, сказал, что это я его спасла. Это он тем огурцом был, утопающим в рассоле. И снова у нас вроде всё хорошо. Даже предложение сделал. Ключ от своей квартиры дал. Теперь я к нему запросто приходиться могла...

А тут оттого, что дети были заброшены, у них проблемы с учёбой начались, надо было их подтягивать. С неделю не встречались, лишь на комбинате взглядами перебрисимся – и всё. Пошли мои Вера с Никиткой на весенние каникулы – я к нему.

Иду, а навстречу лохматые, пушистые снежинки в лицо летят, забивают, спят глаза, целым ворохом на ресницах оседают, на губах тают. Такой снежной лавины за всю зиму не было! Я им лицо своё подставляю. К любимому спешу. Точно маленький ребёнок радуюсь. На второй этаж не поднялась – взлетела. Сунула ключ в замочную скважину, а открыть не могу... Поняла – квартира на предохранителе стоит. Позвонила. Он, видно спросонья, крикнул: «Ленушь, ты что ль?» Отвечаю: «Я». И после молчок. Видно, спьяну-то не сразу обнаружил, что в постели с ним другая лежит. Я это сразу поняла, и от накотившей ревности меня аж пот прошиб, но ломиться в квартиру не стала, решила по улице пройтись. Вся снежная красота враз померкла в глазах. Точно слепая ходила около часа взад-вперёд и, не вытерпев больше, вновь оказалась возле двери. Тут уж он сразу открыл. Я, ни слова не говоря, в спальню прямиком, а там постель вся взъерошенная: сразу видно, «покувыркались» на ней хорошо. Глянула и грязной себя почувствовала, ещё мгновение – и стошнило бы.

Как затем у меня в руке молоток оказался, до сих пор понять не могу, только стала я им бить Антона за всё и куда попало. Он с сильнейшего похмелья, только руками укрывается и стонет: «Ленка, да больно мне, больно». А я бью и приговариваю: «А мне не больно... И морально... И душевно... И физически... Мне не больно? Ты, подлец, у меня столько души забрал, у детей мать украл, мне не больно?..» Избила в кровь и ушла.

Домой уже не шла, плелась, еле ноги переставляя. Ветер морозный поднялся... Теперь снежинки не опускались мягко на лицо, а стегали его, впиваясь своими жгучими колючками. Проходя мимо церкви Параскевы Пятницы, взмолилась: «Господи, отверни от него, поверни к детям, успокой похоть мою! Дай спокойствия душе, освети светом своим! Я познала с этим мужчиной страсть, подобную болезни, принимая её за любовь. Познала унижение и боль. Почему, несмотря на годы, я осталась такой доверчивой душой, повелась на красивые слова ветреника, словно слепая, вверила ему чувства свои и преданность? Разве может любящий мужчина держать свою любимую на пороге, нежась в постели с другой? Не могу я, Господи, больше принимать подобной «любви», душа моя разрывается от его предательства... Помоги мне, Господи!»

Молюсь, а не понимаю того, что в православной церкви я с крещения меня бабушкой не была, разве станет слушать меня Господь?

Пришла домой, увидела Веруню с Никиткой, сиротливо сидевших на диване, уставившихся в телевизор, и вдруг точно осознание пришло: а ведь я Антона убить могла, а тогда тюрьма. И словно просветление нашло, точно пелена с глаз сползла... Из-за кого я хотела себя на тюрьму обречь, а детей на сиротство, из-за бабника, пьяницы? Хорошо, к нему трезвой пришла, в какой-то момент стопор сработал... И знаешь, будто эту свою страсть (а то, что со мной произошло, любовью никак назвать нельзя) я из себя, когда его молотком била, всю в тот момент и выколотила. Вот уже полгода спокойно живу. Увижу в цеху – и ничего, как раньше, не засосёт, голова не закружится, ноги не задрожат... Значит, всё же услышал мой крик души Господь.

– Как же он после твоих побоев выжил-то? – подала голос Светлана.

– Месяц в больнице лежал. Из милиции к нему следователь приходил, всё допытывался, кто его так. Промолчал. А тут как-то позвонил, говорит: «Только тебя одну люблю. Пить брошу, будь со мной». А во мне перегорело всё, переболело, пере-страдало, ответила:

– Поздно, страсть моя к тебе с талой весенней водой вся ушла...

Елена посидела, помолчала, перебирая завязки передника, затем добавила:

– Как-то через Никитку коробку конфет передал... Вот так-то, подружка, чуть было твоя Ленка не спилась и в тюрьму не угодила, а ты говоришь...

– Кто-то из великих сказал, что культура мужчины определяется по тому, как он относится к женщине. И единственное достоинство, которое есть у мужчины перед женщиной, – это его ответственность за неё! Неужели ты не понимала, что твоему Антону ответственность ни за тебя, ни за твоих детей не нужна была?

– О какой ответственности ты говоришь! Он просто попользовался мною. Но в этом не он виноват, в этом виновата я и только я, потому что позволила ему это. Мне одна монашка в откровенном разговоре как-то сказала, что не стоит тратить время на того человека, который не стремится проводить его с тобой... Так-то вот...

– Да, Ленка, я и предположить не могла, насколько, оказывается, ты страстная женщина, непредсказуемая, неуправляемая... Потому, поверишь, искренне рада, что это безрассудство и ревность покинули тебя, если нашла в себе силы так откровенно всё мне рассказать. Обычно ревнуют те, кто не уверен в себе. Ты была не уверена потому, что он оказался моложе. Отсюда и страх, что может к другой уйти. И всё же спрашиваю: а сейчас всё ли прошло?

– Честно? Не знаю. Но плотского безудержного желания, как раньше, нет. Сейчас гораздо легче. Будто глаза открылись: ведь у меня Верка, которой в этом году двенадцать исполнится, Никитка – ему десять, я их люблю, хочу жить для них, для себя, да и просто жить... Стала в православную церковь заходить, исповедовалась, причастилась и чище что ли себя почувствовала.

– А я вот, Лена, давно поняла, что Россия сильна своей верой в православие, в светлое будущее. Именно верой. Вера спасала её во все времена, эта вера не ущемляла индивидуальности человека, не агрессивна по отношению к другим религиям мира. Россия да Грузия – вот государства, оставшиеся православными державами как в истории христианской цивилизации, так и в истории всего человечества. И я верю: как бы в России ни насаждали различные религиозные течения, человек в конце концов начнёт понимать, что есть истина, а что – ложь, что от Бога, а что от людей.

Одно не укладывается у меня в голове: как ты его молотком-то? Ведь ты по натуре добрейшей души человек, как говорят о таких людях – мухи не обидишь... И вдруг молотком...

– А ты знаешь, когда муж у меня умер, что-то надорвалось во мне. Какая-то озлобленность появилась. Увижу молодых, рассекающих по дорогам на богатых автомобилях, или девок, в меха разодетых, и думаю: ну почему несправедливость такая? Разве они трудом заработали всё это? Почему я на комбинате вкалываю, как проклятая, и получаю копейки?

Светлана сидела, слушала исповедь подруги и думала. Отчего приходится многим людям сегодня жить на грани бедности? Даже не жить – выживать. Сколько лет всем нам внушали, что Советский Союз – самая великая держава в мире, что у неё прекрасное будущее, что людям в этой стране нечего переживать за свою жизнь. Гордились и радовались. А что оказалось на деле? Народ обманут. Иллюзорная крепость великой державы рухнула, стоило только первой республике заговорить о своём суверенитете и отделиться от Союза. И пошёл никем не предсказуемый развал, в период которого бывшие республики принялись натягивать каждый на себя российское «одеяло». И тут же всё общественное дерьмо не замедлило всплыть на поверхность. Россия стала захлёбываться от нечистот: наркомании, алкоголизма, разного рода болезней, проституции, спекуляции, войн, заказных убийств, терроризма, перекачивания российских богатств за рубеж, развала экономики, воровства в особо крупных размерах...

Состояние России в последнее десятилетие накануне нового века не шло в сравнение даже с экономикой развивающихся стран. То, что создавалось, накапливалось десятилетиями, с лёгкостью было уничтожено за несколько лет. Всё это обрушилось на людей, и они, точно ослепшие, стали шарахаться из одной крайности в другую.

Что же произошло? Не от того ли так плохо, что у людей исчезла вера в завтрашний день, в прекрасное будущее? Какое можно строить в государстве будущее, если в нём процветают рвачество и обман, а сострадание и духовность всё больше утрачивают истинную ценность? А может, каждому спросить свою совесть, как ты живёшь? Не станет ли тебе стыдно перед детьми и внуками на смертном одре за твою нынешнюю жизнь? Ведь в конце концов всё возвращается на круги своя, и в могилу с собой наворованные капиталы не заберёшь.

Страшный грех чуть было на душу не взяла

Елена прервала мысли Светланы словами:

– А до Антона у меня, Света, ведь ещё случай был, где-то через полгода, как Виталик умер. Не рассказывала никому, кроме священника, потому как страшный грех чуть было на душу не взяла. Зимой, когда денег совсем не было и долги за детский сад отдать не могла, директриса детсада подала на меня в суд и с моей зарплаты стали высчитывать, оставляя только минимум. Мы с детьми все крупы в доме подъели, все крошки собрали, и больше есть стало нечего. Обратилась в профком комбината, мол, помогите, а они мне – нечем, сейчас таких просящих развелось, в день десятками приходят, и всем помощь требуется. Когда в родном профкоме ко

мне так отнеслись, куда ещё идти? Невзначай будто высказала свою боль в цеху, думала, может, найдётся, кто поможет, – нет, все сразу стали о своих трудностях рассказывать... А мы уже три дня на пустой воде перебивались... И вот тогда-то я от отчаяния взяла с собой малого Никитку, ему тогда только шестой годок пошёл, и направились с ним в лес, будто прогуляться, а замыслила недоброе – оставить его там. Думала, пусть лучше в лесу умрёт, чем дома с голоду на моих глазах. Далеко ушли, и предложила я ему в прятки поиграть. Говорю: давай, сынок, ты будешь водить, а я прятаться. Только сын отвернулся, я и побежала от него со всех ног. Сердце зашлось, остановилась передохнуть, и вдруг до меня донеслось: «Мама, мамочка, не бросай меня, я больше не буду у тебя кушать просить!!!...» И меня внутри точно обожгло всю – что ж я делаю, дитя своё любимое на погибель бросаю! Резко разворачиваюсь и бегом обратно к нему. Подбежала и, чтобы не пугать, спрашиваю: «Ну что, Никитка, не нашёл маму?» А он слезинки растирает на покрасневшем от мороза личике и говорит: «Мама, мамочка, не бросай меня, я не буду больше у тебя кушать просить, только не бросай меня здесь». Маленький, а понял... Думала, сердце моё не выдержит этого упрёка его. И пошла, как нищенка, по знакомым мужа продукты просить, точно милостыню, кто что даст...

– Давали? – робко спросила Светлана.

– Да... Кто что, но давал. Наверно, поняли – до крайности баба дошла, раз не денег идёт просить, потому как знает, их нечем будет вернуть, а попрошайничать – за куском хлеба, за жменей крупы. Но ничего, это трудное время как-то пережила, а потом... Потом Никитка в школу пошёл, за которую денег уже не требовали, на комбинате зарплату прибавили, так потихоньку, сводя концы с концами, вроде и выживаем теперь. Может, ещё лучше было бы, не подвернись мне этот самый Антон. Скорее всего, молотком на Антона выплеснулась вся моя злость за мытарства, накопившаяся со смертью мужа. После всего услышанного ты, может, меня и подругой-то перестанешь считать, но не могу больше молчать, захотелось эту тяжесть наконец снять с себя....

Глядя подружке в глаза, Света взволнованно заговорила:

– Не перестану, Лена. Я не Господь Бог, чтобы судить тебя. Да и за что? За то, что тебе, Лена, пришлось лиха через край хлебнуть? И разве ты одна в подобной ситуации оказалась? Если поспрашивать – каждый второй в России в это время бедствовал или до сих пор живёт на грани нищеты, а многие на кладбищах лежат от разбойных разборок, рэкета, голода, палёной водки и чего там ещё... Не люди в том виноваты – политики, кто довёл страну и народ до подобного унижения и уничтожения. Прости, не удержусь и ещё одну притчу расскажу. Одного мудреца спросили, сколько существует видов дружбы? Он ответил – четыре. Есть друзья как еда – ты нуждаешься в них каждый день. Есть друзья как лекарство – ищешь их, когда тебе плохо. Есть друзья как болезнь – те сами ищут тебя. Но есть такие друзья, как воздух, – их не видно, но они всегда с тобой...

– И к какой категории ты меня отнесла? – спросила Елена с затаённым сердцем, глядя на Светлану.

– А ты сама-то не догадываешься? Конечно, к последней.

После этих слов Светлана подошла к Елене, которая стояла у окна, и, обняв нежно, произнесла в раздумчивости:

– Единственно понять не могу, почему не обратилась за помощью ко мне? Вот за это у меня к тебе, Лена, большой упрёк. Скорее всего, это ты перестала считать меня подругой, раз не написала, не позвонила...

– Света, милая, чем ты-то мне помочь могла? У тебя своих двое! – ответила Елена, улыбнувшись второй раз за время разговора.

– Я с Глебом живу, с отцом, свекровью, что мне настоящей матерью стала, выкрутились бы, нас-то от голода хозяйство кормило: картошка, закрутки разные, куры, коза, да что мне тебе рассказывать! Или городской стала и совсем жизнь сельскую забыла? Я тут где-то вычитала, что нужно быть благодарным Богу за всё, что происходит с тобой, даже если это раздражает, злит тебя, сгибает в три погибели... Только по прошествии времени те события, что произошли, обернутся на благо тебе то ли как опыт, то ли как угрызения совести, то ли как сравнение чего-то с чем-то, и приоткроется истина. Даже если очень горькое приходится что-то переживать, всё равно необходимо верить – Бог даст силы всё пережить, и, не забывая, благодарить его за всё. В этом и открывается мудрость жизни, понимание её... Порой мы смотрим на себя и видим только «шипы». Отчаиваемся, думая, что уже ничего хорошего в жизни ждать не приходится. Мне кажется, одним из свойств Любви является свойство видеть человека, знать его ошибки, но не прогонять из своей жизни...

И вдруг Светлана, точно что вспомнив, стала искать глазами часы.

– Философствую, а сколько времени-то сейчас? Ведь за мной скоро Глеб с Сашкой зайти должны!

– Десять минут пятого...Глеб с сыном придёт, что ли?

– Да нет, сын дома, в Светлом, Глеб с Соболевым Алексашкой придут, о котором сегодня ты, кстати, вспоминала. Он ведь тоже в Энске живёт. С женой развёлся – она у него такой пустышкой оказалась! Всё ей оставил: трёхкомнатную квартиру, мебель, а сам сейчас пока квартиру снимает, деньги на новую копит. Мы договорились, что они зайдут за мной, хотели где-нибудь вместе поужинать, может, и ты с нами?

Елена точно ожила:

– Так что ж ты не предупредила меня! Я ведь Соболева, как в армию ушёл, не видела! Хоть переодеться успеть!

Только Елена привела в порядок себя, как в дверь позвонили.

Побежала открывать и увидела своих одноклассников, и такой её тёплой волной обдало, так на душе спокойно стало! Подкатило детство беззаботное, юность...

Глеб первый сгрёб её в объятия.

– Ленка, да ты и не изменилась совсем за то время, что я не видел тебя, молодец, так держать!

Александр, видевший Елену в последний раз, когда объяснялся ей в любви, всё же заметил, почувствовал перемены:

– Нет, Глеб, изменилась, глаза другими стали, мне они запомнились лучистыми, да волосы свои шикарные обрезала. Что случилось, Лена? Куда из глаз блеск ушёл?

– Сашка!.. Соболев... Милый, как я рада видеть тебя! Точно из другого времени ты вернулся ко мне. Кажется, сто лет прошло, как я тебя не видела... А насчёт блеска... Так, наверно, потому не блестят, что ты так долго не объявлялся в жизни моей...

– Смотри, Ленка, надоем ещё своими появлениями...

И они обнялись, и было в их объятии что-то неуловимое, будто не телами припали друг к другу, а истерзанными душами...

Не хлебом единым

Не успела Валентина переступить родительский порог, как услышала радостное восклицание отца:

– Привет, дочура, привет! Как там наш зятёк поживает, как сама?

– Да нормально, па-а, а ты чего это такой возбуждённый, где мама? – спросила отца Валентина.

– Да в погребе мать копается, соленья, варенья повкусней выискивает, к нам ведь из Новосибирска племянница моя и ваша с Сашкой сестра Наталья едет. Завтра встречать в Энске надо, я видел её – ей лет десять было, не больше. Старшая сестра как по молодости, на родителей обидевшись, уехала из Светлого за тридевять земель, так и не объявлялась больше у нас, а теперь вот телеграмма пришла, что её старшая дочь приезжает... Ей уж лет сорок, если не больше. Я о них, почитай, четверть века ничего не слышал, а потому рад, очень рад...

– Тогда, может, и моя помощь потребуется? – спросила весело Валентина. – Ты давай, папуля, командуй...

– Тогда получай первое задание: чтобы мне ноги не бить, в магазин сходи, а я матери по дому помогу, – сказал Алексей Юрьевич.

– Слушай, папуль, а может, и мне с тобой в Энск махнуть? И Наталью встречу, и в магазинах кое-что куплю, у меня завтра как раз выходной, что скажешь?

– Да я только «за!», а то мне одному-то уж очень волнительно, Сашка завтра не может, у него на это время какая-то важная встреча назначена, а как освободится – будет нас у себя ждать.

– Вот и договорились...

* * *

В аэропорту Алексей Юрьевич с Валентиной вглядывались в лица прилетевших. Соболев-старший держал в руках табличку с надписью: «Встречаем Наталью Братину». К ним подошла чуть полноватая, миловидная, круглолицая красивая женщина.

– Это я Наталья Братина, а Вы, я так понимаю, мой дядя Алёша?

– Точно так, племянница, знакомься – моя дочь Валентина, твоя двоюродная сестра. Они обнялись.

– Очень рада, что вы меня встретили, захотелось хоть раз в жизни увидеться со своими родственниками, мама перед смертью просила съездить в Светлое на могилу родителей, моих бабушки и дедушки, вот просьбу её и выполняю.

– Значит, сестра умерла. Сочувствую тебе, девочка моя. Жаль, не получилось нам с ней больше встретиться. А почему мне не сообщили? Я бы обязательно на похороны прилетел, – произнёс с укоризной в голосе Алексей Юрьевич.

– Мать не велела, сказала – перелёт больших денег стоит, сама виновата, что отвернулась от всех, гордыню свою показала, так не стоит вас похоронами ещё напрягать.

– Не права она, не права. Разве деньгами измеряют родственные связи? Зато какая для меня радость большая хотя бы дочь сестры у себя принять! Надолго к нам?

– Что Вы, что Вы, дня на два-три, не больше, – сказала, чуть смутившись, Наталья.

– Ну уж нет, девушка, неделю точно от себя никуда не отпустим, – пробасил Соболев голосом, не требующим возражений. – А то и месяц живи, если понравится. Сейчас мы к твоему брату заедем. Время до автобуса у нас часа три есть, он уже на пути к дому, познакомьтесь, а потом и в Светлое. Пока у Александра сидим, Валентина свои дела сделает. С ней-то у тебя и в Светлом времени будет достаточно и ближе познакомиться, и наговориться...

* * *

Где-то на третий день после приезда Натальи, когда Сергей был на дежурстве, Валентина позвала к себе сестру посекретничать. Рассказала о своей жизни в Мурманске, как с Сергеем познакомилась, призналась, что ребенка ждёт.

– Значит, Валюша, и к тебе счастье не с первого раза пришло, – грустно произнесла Наталья.

– Значит так, Наташа. А ты как живёшь? Хочется побольше узнать. Понимаю, что при родителях тебе не очень-то хотелось откровенничать. Правда, неволить не могу, нет желания рассказывать – посидим так, чайком побалуемся...

– Мне, Валюша, скрывать нечего, как, впрочем, твоим уже родителям говорила, я второй раз замужем, муж старше меня, но при этом живём счастливо...

Она помедлила, глубоко вздохнув, и продолжила:

– Я ведь сразу после школы замуж выскочила, парня одного так полюбила, что голову снесло. Еще когда в армии был, каждый день письма писала. А с армии пришел, я, школу окончив и отметив своё восемнадцатилетие, ноги в руки и вперёд замуж за него.

– Что, даже никакой профессии не получив? – спросила удивлённая Валентина.

– Ну да. Жили мы с ним в деревне, я в детский сад нянечкой устроилась и только потом Тобольское педагогическое училище заочно окончила, дошкольное отделение, на воспитательскую должность перешла...

– А что в Новосибирске не осталась жить, родители-то там жили? – опять спросила Валентина.

– Мои – да, а его в деревне, вот за мужем и поехала, за любимым своим, у которого, как впоследствии выяснилось, одна извилина в голове, и та прямая... – как-то с издёвкой произнесла Наталья. – Первую дочку родила – Галиной назвала, и когда второй раз забеременела, тоже дочь хотела. Приснился сон, будто сына родила, и до слёз расстроилась. Муж разбудил, спрашивает: «Ты что это вздумала рыдать во сне?» Всхлипывая, отвечаю: «Приснилось, что мальчика родила». Он мне: «Ну баба-дура, это ведь хорошо! Дочь у нас есть, теперь сын будет». «Нет, – говорю ему, – только девочку хочу. По жизни две сестры всегда вместе будут, мало ли с нами что случится, а они всегда, как две половиночки. Потому мне это и важно». А когда родила, с замиранием сердца акушерку и спрашиваю: «Кто?» Отвечает: «Девочка».

Я: «Слава Богу, девочка, Валентина будет! Мать как-то обмолвилась, что у её брата, то есть дяди Лёши, дочь родилась, Валентиной назвали, вот и я свою Валентиной назвала».

Подруга в детсаду спрашивала, кем хочу, чтобы у меня дочери стали. Я искренне ответила, что мне всё равно: «Главное, чтобы они как женщины состоялись, как матери, между собой были дружны. Это для меня гораздо важнее любого диплома и образования. Я как-то поняла, что статус, учёность для женщины – не главное. Главное – человеком добрым да порядочным стать».

– Ну да, ты рассказывала, что твоя старшая дочь на парикмахера выучилась, но так как в деревне не могла работу по профессии найти, работает поваром и на дому стрижет. Правильно?

– Правильно, правильно. И хотя моя Галина высот не достигла, зато люди к ней, как к магниту, тянутся, душами своими у моей дочери, как у печки, отогреться хотят. А младшая, Валентинка, ничего не закончила, как и я, сразу после школы замуж выскочила. Сначала на складе фармакологии работала, а потом с мужем разошлась и в деревню к сестре жить переехала. Он у неё наркоманить стал. Но всё равно ещё года два сохла по нему: то ли сильно любила, то ли от себя оторвать не могла. Я как-то сказала ей: «Возьми лист бумаги, раздели пополам и на одной половине напиши всё хорошее о нём, а на второй – всё, что тебя не устраивает. Посмотри, что перевесит, и тогда окончательно решай, стоит он, чтобы жизнь на него положить, или нет». Дочь написала, и плохое перевесило... На развод подала. А ещё я, знаешь, у дочерей своих прощение попросила. Мол, простите, меня, доченьки, не научила я вас себя любить. Сама никогда себя не любила и вам урока этого не привила. Как только полюбите себя, жизнь ваша круто меняться начнёт. Бог ведь как говорит, если ты себя не любишь – зачем же окружающим людям тебя любить? Будут только использовать. Поздно я это поняла, потому и у вас судьбы такими сложилась, обе с детьми разведёнками живёте.

– Наташ, а как же ты со вторым сошлась?

С первым своим развелась, приехала к родителям в Новосибирск, а жить где? Как? На дворе 1994-й стоит, нигде ничего не платят. А у меня ко всему этому ещё и жизненный крах. В деревне мы с мужем дом, мебель продали, деньги поделили, и я все их в «Лада-банк» вложила. Думала, хватит девочек в школу собрать, а 15 августа «Лада-банк» «сгорел». И осталась я на бобах. В огромном городе с двумя девчонками... Первые алименты от мужа через два месяца пришли – 33 рубля, которых хватило один матрац купить.

– А что родители, совсем не помогали тебе? – удивилась Валентина.

– Про маму говорить ничего не буду, может, она по-своему и любила меня, а вот отец терпеть не мог, уж даже не знаю, за какие грехи, только аж в лице при виде меня менялся. А в приступе агрессии раз даже на ночь глядя с детьми из дома на улицу выгнал, крича: «Чё зыркаешь? Допрыгалась? Не жилось с мужем тебе? Где твои мозги были? Гыть отседова, чтоб глаза мои вас не видели!» На дворе ночь – выколи глаз, и я с дочками испуганными, как насадка на лавочке...

– И что, мама не побежала за вами, слова в защиту не сказала? – спросила поражённая до глубины души Валентина.

– Она и носа из комнаты не высунула... – у Натальи предательски задрожал голос. – Это только один случай, а подобных, начиная с детства, столько было, что

лучше не вспоминать, нервов не хватит... Вот оттуда и пошла нелюбовь к себе, потому, наверно, сломя голову замуж понеслась, только б вырваться от этой отцовской ненависти. И муж первый это неуважение и нелюбовь мою к себе, как гончая, почувствовал и тоже использовал, как мог. На всю жизнь запомнила: младшей дочери год, лежит, задыхается. Я врача вызвала, та посмотрела, говорит: «Срочно машину ищите и везите ребёнка в районную больницу или потеряете дитя». Я к мужу – мол, беги, машину ищи, а ему постель и любовные утхи подай. Я со слезами: «Как ты можешь? Не видишь – дочь наша задыхается?» А он: «У тебя всегда отговорки находятся!» Хотя я его так любила, что всегда готова была по первому требованию в кровать лечь, но в данный момент мне ребенка нужно было спасать. Нашла машину, собрала её и пятилетней Галинке говорю: «Галя, возьми сумку (в которую, зная, что ко мне в больницу никто не приедет, положила всё, отчего сумка больше Гали стала), иди за мной. И с третьего этажа мы вот эдак с ней спускались: я больную, укутанную Валентинку несла, а Галинка – волоком сумку за мной... А та тяжёлая, по лестницам прыгает, чуть не сшибая Галинку с ног.

– А что же муж? Он что же, вас даже проводить не вышел? – возмущённо произнесла Валентина.

– Он, оскорблённый неудовлетворённостью, на кухне сидел, сигареты курил... – качая головой, грустно произнесла Наталья. – Приехали мы в районную больницу – дочь сразу под капельницу и в реанимацию, меня в палату. А на следующий день позвонила из деревни подруга и сказала, что муж мой Галю с утра одну в садик отправил, а забрать забыл, так, мол, она её к себе взяла. Ни на следующий день, ни во все последующие он ни разу не поинтересовался, где ребёнок его находится, что с ним. А деревня-то у нас немалая была. Причем здесь и родители его живут, и брат с женой, и никому дела нет. Ни о нас с Валюшкой не поинтересовались, ни тем более о Гале. Неделью она у подруги прожила и тоже заболела. В детсад не поведёшь. Подруга мне позвонила, я с врачом договорилась, чтобы и её положили лечиться к нам. У Галинки оказался сильнейший бронхит. Месяц мы так лежали, и никто не пришёл. А за день перед выпиской нарисовался муж, продукты в авоське принёс. И я в сердцах сказала ему: «Забери всё и проваливай, ничего нам не нужно от тебя». Уехал, а перед самой выпиской приезжают свекровка со свекром и говорят: «Что же ты, Наташа, так с Лёней поступила? Ведь он не тебе продукты привёз, детям привёз, а ты не взяла». А я вспомнила: когда Галю-то привезли, положили в палату, а там дети сидят, едят кто яблочко, кто конфетку, кто булочку, а мы с одним куском мыла сидим, потому как мне нечего было ребёнку дать... Нас с Валею выписали, а Галю оставили долечиваться ещё, так меня в городе одна бабуля приютила, чтобы старшую дочь без внимания не оставлять, в больницу к ней ходить.

Когда бабушка узнала мою историю, сказала, что в семье больше должен муж любить, такая семья и прочной будет, и счастливой. В женщине всегда больше, чем в мужчине, развито чувство сохраняемости семейного счастья и ответственности за близких людей. Тот же союз, где больше любит жена, со временем разрушается. Потому как она поначалу слепнет от своей любви, а как только прозревать начнёт, ей тут всё уродство мужа и высветится. А что ж в уродстве-то жить? Так и у меня вышло, а с годами и у моих дочерей: обе боготворили мужей, следствие – развод.

– Значит, не зря эта мудрость в народе живёт?! – произнесла задумчиво Валентина. – Вот и я через это прошла... Только мне непонятно, почему ты, Наташ, сразу от него после больницы не ушла. Месяц обе дочери и жена в больнице лежат, а он носу не кажет, о самочувствии не спрашивается, какой же он после этого отец?

– А с чего я начала? Не дали мне родители любви, потому эта корявость столько лет житья мне и не давала. Я ведь наши с мужем отношения принимала как должное, пока не надорвалась и сама в больницу не загремела. Не переосмыслила всё. А он после этого от меня ещё к другой женщине уходил. Я девять месяцев жила одна. Успокоилась, всё в доме справила, потому как уже надеялась только на себя. А когда вернулся и я приняла его, всё по-новому началось. Вот со страшным психозом в больницу я и попала. Там-то меня и осенило: «Наташа, а ведь случись что, за твоими детьми никто не будет ходить. Печальный опыт их брошенности у тебя уже есть, беги от него без оглядки». И побежала.

– А как второго мужа нашла?

– Тогда в садике у нас сокращение началось, я поехала в район, устроилась на мясокомбинат, но и там два года поработала и тоже сократили. Делать нечего, поехала в Новосибирск торговать. Тогда мы все, сокращённые, торговать подались. Умеешь, не умеешь, стыдно, не стыдно, а только вечером детей нужно чем-то кормить. Мне страшно, с весами я никогда не работала, обманывать людей не умею, а потому домой постоянно без зарплаты приходила – пять-семь-десять рублей... Торговала яйцом и маслом на развес. У меня весы-то маленькие, чашечные, а те, кто масло привозил, взвешивали его мне на больших напольных весах. Там долей нет, да ещё постоянно округляли не в мою пользу... Так вот, весь день на морозе отстою и понять не могу, почему без денег остаюсь. Соседка-хозяйка, что рядом конфетами торговала, видела эти мои мучения и предложила: «А переходи-ка ты ко мне на конфеты, Наталья». И я на целых восемь лет к ней на улице конфетами торговать и перешла с двумя выходными в месяц, за которые и отдохнуть-то ни разу как следует не смогла. То в школу к детям спешу, то по счетам платить, то на барахолку что-нибудь девчонкам купить, летом на огороде картошку посадить, окучить, выкопать... А на улице стоишь – торгуешь круглосуточно без еды и питья.

– Почему? – вырвалось у Валентины.

– Поешь, попьёшь – в туалет захочешь, а зимой ты, чтобы не замерзнуть, наденешься во всё, что тёплое в доме есть, точно капуста, не только что раздеться, повернуться особо не можешь. А многие, те, кто заглывал в себя то коньячок, то водочку для сугреву, уж на кладбищах лежат – спились, торгуя. Опрокинул стопку в себя, а согреву только на час и хватает, а там ещё, так в привычку и входило. Год-два пройдёт, смотришь, а человечка уже нет. Спрашиваешь, где? Ответ один – палёной водкой отравился, а то совсем в пьянство ударился или в психушке лежит и так далее... А тут в какой-то год мой товар с киосчным объединили, которым я тоже на улице начала торговать, и стал ко мне постоянно приходиться один мужичок. То кофе купит, то сигареты сыновьям, то ещё что... Ходит каждый день да через день... Что-то перекусить мне стал приносить, мол, целый день голодная, так недолго и желудок посадить. Немец по-национальности. Два года ходил. Но я, если честно, его как мужчину-то поначалу и вообще не воспринимала, разница в возрасте – двадцать

лет... Однако его заботливость, внимание, конечно, подкупили... И готовит сам, и меня ещё кормит. Я в жизни такого внимания не видела – ласки отцовской ни разу не почувствовала, заботы хоть мизерной. И ведь не обещала ему ничего, хотя молодая была, любви, ласки всё равно хотелось, да на уме работа одна...

Тут моя хозяйка под него клинья стала бить, домой к себе пригласила... Это потом уже он мне рассказывал. Мол, что ты в ней нашёл, то есть во мне, мол, у неё одни долги. Тебе это надо – в таком-то возрасте на себя чужие долги вешать? Оказалось, они хорошо знали друг друга. В советское время на одном заводе работали, и она тоже немка была. Он ей отвечает: «Знаешь, Элла (так звали её), всю жизнь я жил для кого-то и всем обязан был. Жена заболела – её выхаживал, умерла – детей поднимал, за девяностолетней матерью ходил, и только сейчас свободным стал. Встретил женщину, которую по-настоящему полюбил. С первой женой в тридцать два года без любви сошёлся. Все мои сверстники тогда уже имели по несколько детей, и мне подумалось, а когда ж я своих буду растить? Подыскал подходящую, женился, родили двух парней. О любви в той своей жизни не думал совсем, а теперь, когда мне столько лет, и я, наконец, полюбил, должен опять о чём-то думать? Уволь. Ты, конечно, женщина видная, предприимчивая, но не обижайся, не лежит у меня к тебе душа, и как я после этого с тобой жить должен? А вот её я со всеми долгами возьму...»

После пришла ко мне хозяйка и скандал учинила, мол, ты, штучка сексапильная, приворожила мужика... А мы с ним за два года знакомства ни разу даже не прикоснулись друг к другу. После того скандала пригласил он как-то меня на дачу к себе. А у меня огород по совету хозяйки, когда их завод места распродал, в том же садоводстве куплен был. И недалеко от него. Пригласил меня, раздел, а я – умереть со смеху, ни тпру ни ну не могу. Не готова была. Получилось, подразнила мужика, а дать – не дала... И во второй мой выходной поехала я огород пропалывать, а он уж прополот весь. Вижу, стоит Матис, меня дожидается. Ну, в этот раз всё и получилось у нас... Кстати, имя моего мужа переводится как «подарок Бога», вот он мне подарком и явился. Перешла я к нему, так по сей день и живём. Только с ним я почувствовала, что такое быть желанной женщиной... И то, что я не получила в детстве, сейчас у меня реализовалось сполна... Работу сменила, устроилась в фирму одну распространять продукцию их, появилось время свободное, стала материально независимой. Даже смогла деньги выделить, чтобы к вам в Светлое приехать. Сейчас честно, Валюша, признаюсь тебе: и работа меня окрыляет, и отношения в жизни семейной, жить научилась с радостью, даже потихоньку, не поверишь, начала интернет осваивать. Поняла, что гармония в человеке зависит от его внутренней потребности, а для меня эта духовная потребность стала проявляться ещё и в творчестве.

– И чем же ты занимаешься, сестрёнка? – весело спросила Валентина.

– Флористикой, моя дорогая. Ни хлебом, как говорится, единым... Отдыхаю в своём творчестве душой от будничной суеты, наслаждаюсь прекрасным. Создаю композиции из различных материалов: цветов, листьев, ягод, орехов, плодов – и нахожу в этом огромное удовлетворение. Помню, первую свою работу создала – ею стало новогоднее оформление бутылки шампанского – и не поверила, что такую красоту руки мои сделали. Почему-то думала, что у меня воображение напрочь отсутствует. Дома не поверили, подумали, что разыгрываю всех, а сама купила на

какой-нибудь ярмарке. Потом стала оформлять разные вещи для подарков. И вам привезла. Александру уже подарила, дяде Лёше и тётке Тане тоже, а сегодня тебе дарю и всех вас прошу коробки после моего отлёта раскрыть.

Валентина приняла свой подарок в коробке с благодарностью и обещала посмотреть как велено. Ей очень понравилась Наталья и захотелось побывать в её городе, о котором сестра так вдохновенно рассказывала все дни напролёт, когда они встречались, и особенно в последний день пребывания её в Светлом. Благодарила за то, что в семье Соболевых к ней было проявлено столько внимания, уважения и любви. Все вместе сходили на кладбище, зашли в церковь, помолились, заказали сорокоусты, поговорили с батюшкой. И уже в аэропорту Наталья призналась Алексею Юрьевичу и Валентине, что они стали ей родной семьёй, такой родной, какой у неё никогда не было.

– Вы не поверите, но мне кажется, что вашим городом я и сама высветилась вся внутри. Если позволите, приеду ещё и жду в гости к себе. Новосибирск у нас тоже потрясающе красивый город! Город великих учёных, множества медицинских центров, чудо-врачей, прекрасных театров, талантливых актёров, музыкантов и многих, многих других потрясающих людей... Я могу говорить о нём часами, приезжайте, не пожалеете...

– Не агитирую, племянница, я уже наметил себе скопить денег и приехать к тебе... Лучше не оставлять в этой жизни долги, тем более такие, как поклониться праху близкого человека, сказать, пусть даже над могилой, прости и прощай...

Культура – это жизнь человека

– Светлана Михайловна, – войдя в читальный зал, обратилась к Свете учительница Воронина Клавдия Петровна, – хотите сочинение современного семиклассника о культуре прочесть? Детки мои писали. Это и Вас касается, ведь Вы не кто иной, как работник культуры.

– Конечно, Клавдия Петровна, Вы всегда радуете меня «шедеврами» ваших воспитанников, – отрываясь от библиотечного отчёта, произнесла с радостью Светлана.

Воронина передала ей сочинение своего ученика под названием «Как я представляю себе понятие – древняя культура?» Светлана углубилась в чтение. Парнишка с первого предложения безапелляционно заявлял: *«Мне кажется, что без культуры люди, как говорится, загнутся. Они все вымрут, как динозавры. Без культуры не будет музыки, картин, телевидения, радио. Культура – это жизнь, мысли человека, его поведение и характер, умение разговаривать с людьми. Наверно, никто не может представить жизнь человека без культуры. Все люди имеют свою культуру, на Востоке – одна, на Западе – другая, а на Руси – третья. Остались ещё такие люди, которые совершенно бесплатно восстанавливают эту культуру, которая давно утратила свой драгоценный дар. Нам экскурсовод очень много рассказывала о таких людях, у которых железный характер и доброе сердце. Даже варвары совершали набеги из-за того, что у них своя культура и они не могут по-другому. Волки нападают на зайцев потому, что такова их культура. Итак, можно сделать вывод, что Культура – это жизнь человека, его мысли и поступки. 4.12.1998. Аркадий Ильин».*

Когда Клавдия Петровна увидела, что Светлана сочинение прочла, спросила:

– Ну и какой вердикт вынесете ученику моему?

– Вам как? Тезисно или просто «хорошо» – «плохо»?

– А это уж на Ваше усмотрение, – смеясь, сказала Воронина. – Просто интересно, совпадут наши мысли или у Вас на этот счёт сугубо личное?

– Ну то, что у него насчёт понятия культуры каша в голове – это точно: и у варваров своя культура, и у волков своя. Но вывод о том, что люди без культуры «загнутся!», он всё же правильный сделал. Можно ксерокопию сделать, чтобы и другие у нас прочли?

– Конечно, возьмите...

– А я, Клавдия Петровна, на днях проводила библиотечный день в первой школе с учениками пятого класса и была поражена. Говорю: «Признайтесь откровенно, кто из вас с удовольствием в библиотеку идёт, новую книгу берёт, с удовольствием читает её?» И от большинства услышала: «А зачем нам книги?» Вот такова наша сегодняшняя действительность...

– И что дальше? – спросила Воронина.

– А эксперимент с ними провела: попросила закрыть глаза и мысленно на минуту куда-нибудь перенестись. Затем спросила, кто и где из них побывал. Ребята восприняли это как игру и с удовольствием стали отвечать: дома, на луне, на море... Но когда я начала выяснять, например: «Каким увиделось море? С каким настроением оно встретило вас? Был ли ещё кто-то рядом?» – молчание... И подвела итог. Говорю: «Видите, ощущение соприкосновения с живым словом ни телевизор, ни компьютер дать не могут». Их ум воспринимает картинку и не способен развить воображение, которое могут подарить только страницы книги. И в тайне этих шуршащих страниц начнёт раскрываться их собственная любовь, их собственный смех, их собственные переживания, никем не навязанные извне. Ну и как вывод, что только в соприкосновении с книгой они могут стать сотворцами её...

– Замечательный эксперимент! Если позволите, Светлана Михайловна, и я на своих уроках буду применять его...

– Разумеется, одно дело делаем, культуру чтения прививаем, – произнесла Светлана, улыбаясь. – А ещё у меня тут разговор с логопедом из области, что приём вела в нашей поликлинике, случился. Так вот что я узнала от неё. Когда к ней стали обращаться за помощью родственники молодых людей, получивших различные травмы головы, – кто в аварию попал, кого в драке поранили, – она выявила следующую нерадостную тенденцию: те молодые люди, кто книги читал, быстро на поправку шли, а кто нет – у тех только моторика и восстанавливалась, а голова пустой оставалась. А всё потому, что не возникает у нечитающих ни образов, ни ассоциативной памяти... Страшно: ведь никто из нас не застрахован от подобных случаев...

«От Меня это было»

После разговора с Еленой, как только Светлана приехала в Светлое, она на следующий день решила сходить в храм на исповедь к отцу Сергию. Покаялась, что была слишком занята собой, своей семьёй и совершенно забыла о существовании

подруги. Даже не подумала ни разу, а вдруг ей помощь нужна, а оказалось, не просто помощь – спасти её от беды нужно было, но... Не является ли это предательством? Ведь отсутствие этой помощи её чуть было к жизненной трагедии не привело. Светлана утирала слёзы, так ей было стыдно признаваться в этом священнику, не namного старше её самой.

Отец Сергей выслушал Свету, прочёл разрешительную молитву, а затем успокоил, сказав:

– Никакого предательства в этом нет. В том, что настало такое тяжёлое время для всех, ты, Света, конечно же, не виновата, всё ниспослано Господом для блага самих людей. Не пройди такие испытания твоя подруга, разве она сама бы по своей воле пришла в храм Божий? Вопрос. А Господь, послав ей все эти переживания, взял за руку и привел. Потому как душа её, пройдя испытания, была готова к приятию Его, как была готова ты сама, когда хотела иметь ребёнка. Но при этом ни тебя, ни Елену твою Господь насильно ведь в храм не загонял, он оставлял вам свободу выбора... В этом и есть отличие Православной Церкви от сект, потому как Православной Церкви не предписано никогда и никому совершать насилие над естеством человека. Так что не рви душу, всё происходит по велению Господа, за что мы не должны уставать благодарить Его. А тебе я для тебя самой и для твоей Елены дам одно духовное послание, оно на многое вам обоим глаза откроет. Подожди меня немного, только схожу за ним.

– Спасибо, батюшка, конечно, подожду, – ответила, улыбнувшись, Светлана.

Она почувствовала, что тяжесть, точно камнем повисшую после разговора с Еленой, с души её отец Сергей снял, и пока его не было, подошла к их семейной иконе – Иверской Божией Матери – и с благодарностью обратилась в величальной молитве: «Достойно еть величати Тя, Богородице, честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим. Величаем Тя, Пресвятая Дево, Богоизбранная Отроковице, и чтим образ Твой Святой, имже точиши исцеления всем верою притикающим».

Наконец в храм вновь зашёл отец Сергей. Он ходил к себе в небольшой, рядом с храмом построенный домик.

– Ну вот, нашёл. Думал, послание сверху лежит, так нет, успел завалить его книгами, недавно полученными из Москвы. Рад, что дождалась, не ушла.

– Ну что Вы, отец Сергей, зато я в это время помолилась от души, Божией матери свечку поставила.

Отец Сергей протянул Светлане небольшую брошюрку, на которой старославянской вязью было выведено: «Духовное завещание иеромонаха Серафима Вырецкого «От Меня это было».

– Прочти его сама и подруге пошли, пусть Бог будет вам обоим в помощь. И ещё скажу тебе, Светлана: самое трудное в жизни – это прощать и благодарить. Прощать – понятно, но ты можешь спросить меня, почему же – благодарить? И я скажу: все мы у Господа что-то бесконечно просим. Он слышит наши молитвы и выполняет их. Мы, принимая это как должное, начинаем вновь просить, совершенно забывая поблагодарить за то, что Бог уже нам дал. Причём поблагодарить не походя, мол, спасибо, Господи. А зайдя в храм, заказав благодарственный молебен, поставив свечку, припав к Его иконе. Вот это человек в спешке и забывает делать, а потом, когда Господь перестаёт его просьбы слышать и откликаться на них, начинает роптать, мол,

ничего Бог не делает, всё это поповские выдумки. Вот ты и подскажи подруге своей в церковь зайти и поблагодарить Господа за то, что привёл её в Лоно Своё, услышал молитвы. Будет благодарить – ещё большим счастьем одарит. Оно у неё за дверями стоит, стучит, ей только осталось впустить его.

– Спасибо, батюшка, за эти слова. Они не только Елене нужны, они и мне необходимы, я тоже грешна в том, что не всегда приношу слова благодарности...

Дома Света с трепетом стала читать «Духовное завещание» от Серафима Вырецкого, подаренное ей отцом Сергием. Написано оно было святым в стихотворной форме и адресовано одному из своих духовных чад – епископу, находившемуся в заключении. В этом завещании была заложена глубочайшая молитвенная тайна, раскрывающаяся в разговоре Бога с душой человека:

...Помни всегда, что каждое возникающее затруднение,
каждое оскорбляющее тебя слово, каждая напраслина и
осуждение,
каждая помеха в твоей работе,
которая могла бы вызвать чувство досады, разочарования,
каждое откровение немощи и неспособности твоей
будет помазано этим елеем –
От Меня это было...

Читая, Светлана не замечала, что слёзы благодати струились по её лицу: «Завтра же пойду в библиотеку, сделаю ксерокопию этого завещания для себя, а это отвезу Лене. Пусть и её душа порадует и очистится с этими словами...»

Обмоем ножки, мужики!

Когда Валентина родила дочь, Михаил Савельевич пригласил Алексея Соболева, Глеба и виновника торжества Сергея Ратника к себе, сказав:

– Валюшка ребёнка родила! Радость великая! Обмоем ножки, мужики! Чисто нашей мужской компанией! Мы, поди, с вами вот так, мальчишником, никогда и не сживали, а тут повод есть. Когда Валюха из роддома выйдет, тогда уж не до посиделок будет, особенно Серёге. После кесарева женщине первое время беречься нужно, тяжёлых дел не совершать...

Уговаривать никого не пришлось, все приняли предложение Михаила Савельевича на «ура». Купили спиртного, Михаил Савельевич попросил Светлану помочь ему для этого случая что-нибудь вкусенькое приготовить, а затем отправил восвояси, мол, сегодня они чисто мужской компанией сидят. Светлана, пожелав успеха, ушла, с порога крикнув:

– Папуль, надеюсь, ваш мальчишник на высшем уровне пройдёт?

– Не бойсь, дочка, даю слово, никто не пострадает! – весело из кухни прокричал ей Михаил Савельевич.

И вот первый тост, конечно же, подняли за Валентину с Сергеем и их дочь Любушку.

– Спасибо тебе, Серега, за внучку, – произнёс довольный Алексей Юрьевич, –

теперь я вдвойне дедом стал: у Сашки – Лизонька, у Валюшки с Сергеем – Любушка. Эх, мужики, нам бы ещё Сашку обженить, найти бабёнку ему справную, и можно спокойно на погост собираться.

– Да ты чего это, Лёшка, о погосте заговорил? – удивлённо спросил его Завьялов. – Нам с тобой о погосте теперь тем более думать некогда – внучат нужно поднимать! Молодым-то при такой жизни самим ну никак не управиться, правда я говорю, хлопцы? – спросил он улыбающихся Глеба и Сергея.

Глеб поддержал свёкра:

– Точно, батя. А насчет бабёнки, дядь Лёш, так есть уже у Сашки на примете одна, приглядывается...

– А что приглядываться? – сказал нарочито хмурясь Алексей Юрьевич. Под венец – и вся недолга...

– Как говорит ваша Татьяна Александровна, дядь Лёш: замуж не напасть, лишь бы замужем не пропасть... Уж раз он женился не приглядываясь, сами знаете, что из того получилось.

– А бабенка-то хороша хоть? – полюбопытствовал Соболев-старший.

– Ещё как хороша, дядь Лёш! Как только приглядятся друг к другу, сразу нам и сообщат, – сказал Глеб.

– Ну, тогда за это и выпьем. Михаил, наливай, в разливе руку не меняют, – крикнув, произнёс Алексей Юрьевич.

Выпили.

– Слава Богу, Валюха внучку здоровую родила, – сказал расчувствовавшийся после очередной выпитой стопки Алексей Юрьевич. – Правда, испугала, что рожала не сама, а с помощью кесарева. А ведь я, мужики, до этого только словосочетание «кесарю кесарево, а Богу Божие» и знал. Кесарями-то вроде римские императоры были, если не ошибаюсь.

– Не ошибаешься, Лёшка, не ошибаешься. Я тут в одной умной книге вычитал, что Юлий Цезарь, или Юлий Кесарь, был тоже рожден с помощью разреза брюшной полости и имел прозвище «выпороток», что означает – «выпорот» из чрева матери.

– Это что, с такой древности женщинам эти операции делают? – удивлённо произнёс Сергей.

– В энциклопедии написано, что с конца VII века. Тогда закон издан был, запрещающий погребать погибшую беременную женщину. Производили погребение только после извлечения ребёнка из чрева матери, причём иногда дети живыми оставались. И только с XIX века эти операции стали делать ради спасения и ребёнка, и матери на живых женщинах.

– И откуда это ты всё знаешь, батя? – спросил также удивлённый этими сведениями Глеб.

– Так твоя жена и моя дочь Светлана, зятёк, тоже кесаревым сечением рождена. Только моей жене в этом отношении не повезло – большая потеря крови была, не сумели спасти.

И чтобы поменить грустную тему, Михаил Савельевич обратился к Сергею:

– А твоя Валентина как там, Сергей, звонит или не положено?

– Звонит, дядя Миша, звонит. Только вот переживает, что у Любушки животик

пучит, врачи говорят – молоко жирное, разбавлять нужно, чтобы газики лучше отходили, – сказал с каким-то новым для себя чувством заботы за жену и дочь Сергей.

И когда он это произнёс, Алексей Юрьевич вдруг рассмеялся. Все посмотрели на него с удивлением, мол, в чём дело? А он, точно оправдываясь, стал рассказывать:

– Ты прости меня, Серёга, это я так на твоё слово «газики» отреагировал. Вдруг вспомнилось, как по молодости, когда в спортивном техникуме учился, мы с парнями этими газиками дурачились. Я ведь в детстве спортсменом мечтал стать, и вот в пятнадцать лет поехал в Ленинград в техникум физической культуры и спорта поступать от общества «Трудовые резервы». А после войны-то доходягой был – кожа да кости. Мне говорят: «Подтянись на канате под прямым углом», а у меня сил в руках никаких, и повисеть-то толком не мог, не то что подтянуться, но пожалели, взяли, зачислив в группу спортивных игр на баскетбол. Жили мы в Александро-Невской Лавре на Обводном, 8. Наше общежитие располагалось в корпусе, где раньше монахи жили. В комнате – семь человек: два литовца, Петя Поливкин, Валерка Емельянов, Толя-штангист, Межирицкий Вилли и я.

И все мы помимо учебы где-то ещё подрабатывали: я – на пивоваренном заводе «Вена», что на Обуховской обороне стоит, другие – на ликеро-водочном да на хлебозаводе. И все со своих рабочих мест что-то таскали на пропитание себе. Я – пиво и мякоть лимонных и апельсиновых долек, потому что они в производство не шли, как, впрочем, и мякоть яблок; другие – водку, которую мы продавали и на эти деньги покупали продукты, третьи – сухое молоко. Не помню уже, кто нас надумил устроить необычное музыкальное соревнование. Навели мы два чайника на сухом молоке, выпили и стали эти самые газики извлекать, чтоб, значит, обязательно получались они музыкальными. Победил Валерка из Алма-Аты. И за это мы ему торжественно вымпел вручили, который он тут же над своей кроватью повесил. На следующее утро приходит нас будить в комнату классная дама, подходит к кровати Валерки, а со стены на неё ярко разрисованный вымпел с надписью «Лучшему пердуну!». И тут она как завопит:

– Емельянов, снять это безобразие!

А кто-то из пацанов из-под одеяла ей в ответ:

– Зачем же снимать? Он этот диплом честно заработал...

Завьялов, Серега и Глеб покатались со смеху. Глеб, заикаясь, еле выговорил:

– Дядь Лёш, ну класс! Вот уж от кого не ожидал такое услышать, так это от Вас...

А Алексей Юрьевич как ни в чём не бывало продолжал:

– Вы думаете, на этом наши эксперименты с газиками закончились? Не тут-то было! Мы дальше пошли. Стали испытывать, у кого от выпущенных газов больше всех пламя образуется.

И здесь всех Петька два ноль пять ростом обскакал, у него кишка-то здоровая. Спичку поднесли – и так полыхнуло, зашибись!.. Петька, он вообще за собой не следил, мог спокойно где угодно воздух испортить, говорил, что бесполезно его в себе держать. Раз спускается в учебном корпусе по лестнице с третьего этажа и как давая, что завхоз с первого ему закричал:

– Поливкин, прекрати трещать, я здесь точно в газовой камере сижу, не продохнуть...

Мужики заходились хохотом, Михаил Савельевич, схватившись за живот, выкрикнул:

– Уморил, братцы, уморил! Не знал я, Лёшка, что у тебя в запасе такие истории имеются... – произнёс Завьялов, и опять зашёлся хохотом...

– А я ещё от бабушки приговорку помню насчет этих самых газиков, – отходя от хохота, сказал Сергей. – Она не раз говорила мне, когда нечаянно воздух портила: «А что, внучок, сделаешь, это у молодой жопки – крепкая пробка, а у старой жопки – нет пробки»...

– Ой, ребята, пока нас Лёшка совсем не уморил своими рассказами, пора выпить, – предложил Михаил Савельевич.

Выпили, и Алексей Юрьевич продолжил рассказывать:

– Ну, коль открыл рот, доскажу всё. Литовец – не помню, как звали – чтобы от него плохо не пахло, всегда, когда воздух выпустит, спичку подносил. Мы-то уж привычные, а тут к нам в гости две девчонки, тоже спортсменки, пришли. Сидим, общаемся, одеты все легко – в спортивных трусах, маечках. Лето на дворе. Жара. И тут литовец приподнимается: «бах» и... его истошный крик. Он, как всегда, спичку-то сзади поднёс, а трусы и вспыхнули. Подпалился хорошо... Мы его затем по очереди кремом смазывали...

Сергей, посмеявшись от души, спросил:

– А девчонки-то как же?

– Так они что? Тактично ушли, видят, нам не до них совсем... – пояснил Соболев.

– А ещё какие-то случаи помните? – спросил уже Глеб.

– Вилли Межеричкий среди нас уж очень пижонистым был, и решили мы его проучить. На панцирной койке вытащили из середины прут скрепляющий и вновь всё заправили. Он влетает с тренировки в комнату и с разбега на койку «хлоп» – и ни Вилли, ни его постельного белья... После злым на нас неделю ходил... А через полгода в армию ушёл...

На танцы в общежитие ликёро-водочного завода ходили не танцевать – подражаться в качестве тренировки. Мы, баскетболисты, задирались с парнями, а бить их уже наши боксёры выходили. Ничего, помахаемся в удовольствие – и разойдёмся. Но никогда никто из нас не налетал толпой. Бились по-честному – один на один. Чувство достоинства блюли.

– А почему ж Вы, дядь Лёш, стали работать не тренером, а в кузнечном цеху? – спросил опять Глеб.

– Я после техникума-то совсем юный в школу пришёл, ничем не отличающийся от учеников-старшеклассников. Это ж ещё до службы в армии было, куда я не со своим годом ушёл, меня в девятнадцать забрали. Ну а в школе направила меня директриса в девятый класс передать, что после урока физики я буду отбирать учеников на занятия спортивной гимнастикой. Захожу, открываю рот сказать, как налетает на меня учительница физики, дородная такая женщина, за ухо хватить и при всех из класса вон вышвыривает, даже не спросив, кто я. Когда узнала – полдня в учительской извинялась... Поработал я в школе до армии, а уж с армии пошёл в кузнечный цех учеником. Решил заняться настоящим мужицким трудом... А вы что ж, молодёжь, думаете, мы сразу такими солидными и правильными, как есть сейчас, были? Да ничего подобного – оторвы похлеще вас! Вы сами-то давно сопли на кулак наматывали? А теперь посмотри: заматеревшие, духом сильные – настоящие

отцы семейств! А мы кто теперь? Деды. Мишка вон как своей лысиной отсвечивает, а раньше-то кудрявостью форсил – от девок отбоя не было... Да и у меня волос редеет, тоже чувствую, кое-где плешь пробивается...

Завьялов, хмыкнув, погладил свою благородность на голове и сказал:

– Когда у мужика живот – говорят, клубок нервов, лысина – признак ума! В детстве меня мама часто по темечку гладила, приговаривая: «Голова, сынок, – начало всему. Где ум, там и толк. И у дурака толк есть, да не втолкан весь». Но то, что я лыс, ты, Лёшка, загнул! Третьего дня на своей затылке сразу несколько волос обнаружил, просто белёсые они, вот ты и не заметил. А недавно мне наш батюшка Сергей стихотворение показал (ему друг его прислал), прям про меня. Переписал, сейчас принесу, прочту. Вы пока закусывайте. Прочту – будет повод за что выпить.

Через минуты две появился на кухне с листом бумаги и, вдохновившись, стал читать:

Волос произрос на голове,
Лысой и блестящей поначалу.
В нём о возрождении кричало,
Всё в нём говорило о весне.

С восхищеньем в зеркало гляжу,
А ведь плешь казалась безнадёжна.
Чудо! Невозможное возможно!
Миру этот волос покажу.

Стану для него я покупать
Лучшие шампуни и расчёски,
Всякие нескромные причёски
Буду я с любовью создавать.

Дай почувствовать тебя рукой,
Мой единственный во поле воин!
Ты на голове, и я спокоен.

Победили
лысость
мы
с тобой⁷⁹.

– Ну что мне на это сказать тебе, друг мой? – произнёс многозначительно Соболев. – Это не стихотворение – это настоящий гимн волосу, за это и выпьем...

Они сидели ещё долго, не раз поднимая тосты за детей, внуков и жён. Делились своими воспоминаниями, потому как после таких воспоминаний Соболева подобные нашлись в заглавнике у всех...

79 Буздуган Геннадий. Волос произрос на голове...

В них программа заложена на положительные эмоции!

Казаковы вновь приехали в Энск показать областным врачам свою дочь Полинушку – последнее время девочка на желудок жаловалась. В больнице её обследовали и сказали, что это возрастное, обратили внимание на её поджелудочную железу и порекомендовали как можно меньше пить газированную воду.

– Ну вот, дочура, больше не проси меня покупать тебе разные шипучки и лимонады, переходим на воду без газа: на соки, настои, морсы.

– Ну папуля, я так люблю лимонадики, ну хотя бы бутылочку в неделю, – канючила девочка.

– Не торгуйся. Сказано – нет, значит нет.

От врача вышла Светлана с рецептом.

– Ну всё, слава Богу, вовремя обратились. Глеб, ты хотел к Алексашке заскочить, а нас с Полюшкой завези к Лене. Я звонила ей – она специально отгул взяла, ждёт нас.

Дети Светланы и Елены играли в детской, а подруги общались в большой комнате. Света спросила:

– Ну рассказывай, как дела? Я после нашей последней встречи очень переживала за тебя. Да, ещё привезла тебе Духовное завещание Серафима Вырицкого. Его наш батюшка Сергей тебе передал.

– Спасибо, Света, поблагодари его от меня от всего сердца, я обязательно прочту.

– А у меня тебе тоже подарок есть, – Лена подошла к стенке и вытащила оттуда перевязанное лентой семитомное издание Сергея Есенина. – Вот, держи! Знаю, как ты его любишь.

Светлана ахнула:

– Ленка, откуда? Я только слышала о нём. У нас его даже в библиотеке нет, говорят, очень редкое издание.

– Не поверишь, вчера от родителей Виталия посылку получила и в ней вот это сокровище. А когда ты позвонила, обрадовалась, что смогу тебе сразу его и отдать. Я на это Есенинское издание для тебя ещё в 1995-м подписалась, и пока под Москвой с мужем жили, покупала, а как переехали, родителям наказала остальные тома довыкупить. И нужно было пройти четырём годам, чтобы последнего седьмого тома дожидаться. Как родители Виталия его выкупили, сразу мне и послали, – рассказывала Елена.

– Ой, Ленка, милая ты моя! Как я рада! Прямо подарок подарков! Всем подаркам подарок!

Светлана обняла подругу.

– А знаешь, какой мы вечер на 100-летие Есенина в библиотеке у себя организовали?! Все в восторге ушли! Как же я его стихи люблю! Помнишь: «Звени, звени, золотая Русь...» или «Небо – как колокол, Месяц – язык, Мать моя – родина, Я – большевик...», – процитировала вдохновенно Светлана, и затем уже более спокойно сказала. – Ты знаешь, Лен, вот когда я читаю это есенинское «Я – большевик», я никогда не ассоциирую эти строки его с реальными людьми в кожанках и фуражках. У меня на эти слова возникает образ огромного солнца, почему-то обязательно как колесо в крестьянской телеге. Не знаю почему? Может, от слов «небо», «колокол», «мать», «родина»... и он, Сережка Есенин, – солнце этой родины. Настоящий свет её!

– А мне больше его любовная лирика нравится: «Заметался пожар голубой»...

– Эти стихи он актрисе театра Августе Миклашевской посвятил, – мечтательно произнесла Светлана. – А я весь цикл, все семь стихотворений, посвященные ей, люблю, и все на библиотечном вечере читала. Кажется, пишет он такими простыми словами, а душу потрясает так, что порой дышать нечем становится:

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне...

Это он о встрече со своей венчанной женой Зинаидой Райх писал, когда они уже разошлись... Спасибо, Лена, за эти книги. Это такое тепло на мою душу...

– Я знала, что ты будешь рада, – сказала Елена и, чуть зардевшись, добавила, – а мы тут с Сашкой в театр ходили, представляешь? Я в театре до этого ни разу и не была. Так переживала! «Марию Тюдор» по Гюго показывали. Сидели в пятом ряду – сцена как на ладони. Все прекрасно видно. Когда занавес подняли, сцена находилась в полумраке и по ней точно тени туда-сюда ходили – какие-то люди в плащах с накинутыми капюшонами и с фонарями в руках. Такое начало спектакля уже настроило на некую таинственность и заговор. И точно, с первыми репликами героев предчувствия подтвердились. В королевстве зрел заговор против любовника королевы Марии – Фабиано Фабиани, которым были недовольны лорды.

Короче, там старый чеканщик готовился к свадьбе с девушкой, которая годилась ему в дочери. Когда-то он нашёл малютку Джейн в реке, приютил и вырастил, а она в благодарность за это собиралась за него замуж.

Потом показали спальню королевы, в которой Мария с Фабиано играли в золотистый мяч. Сначала играли, затем этот уже золотистый шар соединил любовников в грациозном танце, превратившись в державу – символ королевской власти в руках Марии, а в конце – в отрубленную голову любимого.

Какая же страсть женской души была показана в этом спектакле, Светка, ты и не представляешь! Фабиано, как Антон, оказался лицемером и бабником. Увидев Джейн, стал волочиться за ней. Ну всё как в жизни. А Мария в спектакле появляется то страстно любящей женщиной, то холодной и неприступной королевой. Лорды хватают Фабиано и приговаривают его к смерти путём отсечения головы. Мария пытается спасти своего любимого, подменив его чеканщиком, но Джейн спасает того, и тогда королева набрасывается на девушку, точно фурия, готовая растерзать соперницу. У них происходит борьба, которая останавливается только звоном колоколов и мучительным ожиданием: чья же голова слетит с плеч? Колокола перестают звонить, и Джейн бросается в объятия появившегося чеканщика, а Мария Тюдор ловит скатившуюся к её ногам голову любимого.

Я спектакль смотрела на одном дыхании, в моём воспоминании вдруг стали всплывать сцены моей собственной жизни и моей страсти к Антону. Сашка даже не ожидал, что я так близко к сердцу приму всё происходящее ... Спектакль потрясаящий и актеры – не играли – они жили в нём, и потому верилось всему, что происходило на сцене. Будет у вас с Глебом возможность, сходите на этот спектакль.

– Я обязательно Глеба попрошу как-нибудь вырваться в Энск на культурную программу. Ты так меня своим рассказом заинтриговала и вдохновила, что хочу его смотреть уже сейчас.

Затем Светлана рассказала Елене печальную новость из жизни родного городка:

– Представляешь, в этом, 1999 году, Пасху мы встречали 11 апреля, а 12-го, на 86-м году жизни, умерла Прасковья Ильинична Попова. Прямо в первый день Светлой седмицы, когда Царские врата открыты и душа человека без всяких мытарств отправляется к Господу. На праздничном пасхальном отпевании кто-то сказал, что в Светлую седмицу Господь призывает людей только избранных, с чистой душой. И на самом деле, душа Прасковьи Ильиничны была доброй и светлой, и я благодарна Господу, что он познакомил меня с этой удивительной женщиной и не просто сдружил, для нашей семьи она стала родным человеком, которого я очень любила и почитала. Мне очень понравилась проповедь отца Сергия, который говорил, что смерть – это совсем не значит окончание пути человека, а лишь рождение его в новую жизнь. Вот взять хотя бы рождение ребёнка – оказывается, для него покинуть лоно матери порой бывает страшнее, чем для человека расстаться со своей земной жизнью. Поэтому малыш при рождении так истошно всегда кричит. Можно сказать, от своего зачатия до созревания он находился в животе матери, где ему тепло, уютно, сытно, и вдруг нужно покидать это безопасное место и выходить в неведомый чужой мир... Но вот его принимают заботливые руки акушерки и прикладывают к груди матери, и он тут же успокаивается, потому как мама вновь рядом... Оказывается, то же самое происходит, когда человек умирает. На пути к Отцу Небесному его встречают заботливые руки ангелов, помогающие освоиться душе в новом, незримом для неё мире. Её душу там ждут души родных и близких людей. Печалются те, кто остаётся на земле, кто привык к тому человеку, что ушёл, но это только временное расставание.

И ещё в проповеди отца Сергия была интересной для меня мысль, что мы, вспоминая человека, чаще всего вспоминаем не тело его, не килограммы, а нечто незримое – его голос, тепло его души, радость и заботу, которой он делился с окружающими, энергию... то, что нельзя потрогать, но то, что являлось сутью этого человека... Представляешь, как здорово и точно сказано...

А затем меня вызвали к адвокату и зачитали завещание Прасковьи Ильиничны, в котором она отписала мне всё своё движимое и недвижимое хозяйство – у неё родных-то совсем не было. Но самое главное, она ещё при жизни мне передала все свои тетрадошки, в которых записывала радость и боль своей души, сказав, что я знаю, как правильно ими распорядиться.

Да, я ведь тебе не говорила, что, когда мы в том году с Глебом и детьми в Новгород к Тамаре Игнатьевне ездили, я упросила их пойти со мной на Зелёную улицу и найти бабы Кати-цыганки дом, узнать что и как? Нашли, узнали. Свой дом баба

Катя, как оказалось, продала какому-то мужчине, а тот его по пьянке спалил. Увидела я торчащие обугленные стены, торчащую трубу печи – и защемило сердце. А саму бабу Катю, как мне сказали её бывшие соседи, увезли цыгане к своим родичам на другую улицу Новгорода. И будто они слышали, что умерла она в 1997 году, прожив 99 лет. Представляешь?!

На этой печальной ноте и появился в квартире Елены Глеб. Видя, что они сидят какие-то притихшие, с ходу предложил:

– Девчонки, а хотите, я вам в один миг настроение подниму?

– А у нас оно вроде и не падало, – произнесла Света, – просто я Лене рассказывала о Прасковье Ильиничне, но это совсем не значит, что у нас нет настроения, дорогой, – возразила мужу Светлана.

– А я-то ехал, думал, вот сейчас включу кассету девчонкам, и они порадуются вместе со мной, – сказал чуть разочарованно Глеб.

– Глебушка, да кто против? – произнесла, смеясь, Елена. – Сейчас маг принесу.

В комнату, услышав голос Глеба, вбежали и дети. Он чуть ли не торжественно нажал кнопку магнитофона и... Громко, ярко, сочно зазвучала песня пионеров страны Советов, забытых за последние почти два десятилетия: «Взвейтесь кострами, синие ночи»... Наверно, выражение лиц Елены и Светланы сказало Глебу о том изумлении, которое они испытали, слушая с детства знакомую и любимую песню. Дети радостно прыгали под детское пение, которого они никогда не слышали. Затем зазвучали и другие песни советского периода. Светлана вдруг почувствовала, как в её горле запершило и на глаза навернулись слёзы радости и горечи одновременно. Видно было, что то же самое творилось и в душе Елены. Они обе, посмотрев друг на друга и смахнув скатившиеся по щекам слезинки, вдруг весело рассмеялись. Светлана спросила у мужа:

– Откуда это у тебя?

– Сашке Игорь Стрельников, что защищал его на суде, с Питера привёз, вот он мне и дал послушать. У него уже три кассеты таких песен. Сашка говорит, что когда услышал первую, заказал и следующие. Говорил, что если бы кто-то ему об этом сказал лет пятнадцать-двадцать назад, он бы поднял того на смех. А теперь с удовольствием слушает и говорит, что энергия после их прослушивания у него удесатеряется. Я, когда к вам ехал, в машине включил, услышал и такой подъём почувствовал! Представляете, оказывается, в песнях советских времен такая положительная энергетика заложена, что и не передать!

– Боже, Глебка, это и на самом деле так, – поддержала слова мужа Светлана. – А на детей-то наших посмотри, как у них мордашки радостно засветились! Это всё потому, что у людей того времени огромная вера в светлое будущее была, радость, гордость за свою страну, а значит, и положительные эмоции, вибрации, которые авторы закладывали в слова, композиторы в музыку, а певцы в исполнение. Как теперь принято говорить, заложена была программа на положительные эмоции!

– Знаешь, Светик, ты, как всегда, права, – сказал Глеб, обнимая жену.

– Конечно, права, – поддержала подругу Елена, – ведь если вникнуть в любую из новомодных сегодняшних песен, там одни проблемы, причём, по большому счёту, и совсем не общечеловеческие. Мелодий вообще не стало, да ещё бесконечное повторение бестолковых фраз. Как же после прослушивания таких песен человек не

будет страдать головными болями, если запрограммированы они как раз на разрушение и мигрень?

– И мне думается, девочки, вы правы на все сто! Как бы нынешние авторы ни утверждали, что в песнях, написанных советскими авторами, слишком много противоречий, но, слушая их, хочется жить, а не будоражить мысли суицидом, правильно я говорю? – произнёс бодренько Глеб. – А теперь кормите меня, или я всех наших детёнышей съем, такой я голодный.

И подняв свои огромные руки, раскрыв рот, Глеб, издав устрашающий рёв, направился на детей. Те с визгом и гамом понеслись от него в детскую. Полина кричала:

– Мама, тётя Лена, кормите папу быстрее, а то он всех нас съест сейчас!

Александр и Елена за чтением писем друзей

Однажды Сашка в свой выходной, прихватив коробку с письмами Светланы и Глеба, купил Елене цветы, а детям мороженое-торт под названием «Вишня в шоколаде». Когда покупал, подумал: «Надо же, как в фильме «Бриллиантовая рука» – «Детям – мороженое, бабе – цветы. Гляди, не перепутай, Кутузов!». Сашка не перепутал. Елена была рада видеть его. Спросила, что это за коробку он такую принёс.

– Ты не поверишь, Лен, принёс письма Светланы и Глеба. Я было парочку прочёл, затем дела закрутили, а когда с тобой-то увиделся, решил – самое дело нам их вместе читать.

– Саш, а откуда они у тебя? – настороженно спросила Елена.

– Да они сами мне их и дали, сказав, чтоб вернул, когда у меня жизнь наладится.

– Вот это ребята дают! Первый раз вижу, чтобы свои письма чужим предлагали читать, – произнесла удивленно Лена.

– А ты знаешь, их уже моя сестра Валентина все прочла и сказала, что ничего более интересного в жизни не читала, а потом со своим Ратником расписалась. И весной этого, 1999 года, у них с Сергеем родилась славная девочка Любушка. Ты знаешь, Лен, когда мою племянницу и крестницу в нашем храме в Светлом крестил отец Сергей, она стойко молчала. Но стоило ему надеть на неё крестик, вдруг не заплакала, а как-то своеобразно напевно закричала: «О-а-уа-уа-оао»... Света, держа её на руках как крёстная мать, прижимала к груди, пытаясь успокоить... А отец Сергей сказал: «Не беспокойтесь, родители, это просто девочка возвестила всем, что в мир пришла Любовь!» Когда я услышал от священника эти слова, я просто восхитился: «В мир пришла ЛЮБОВЬ!». Ведь он имел в виду не только имя ребенка – в его словах чувствовался более высокий смысл, смысл библейский: «БОГ – есть ЛЮБОВЬ»... И добавил словами святых отцов, что пока дитя человеческое не крещено, оно мертво для вечности, жизнь ему даёт только крещение.

А в проповеди свою мысль дополнил воспоминанием о судьбе святых мучениц Веры, Надежды, Любви и их мать Софии. О том, что имя для человека имеет особый, сакральный смысл, и родители, давая сегодня имена своим детям, должны понимать, какую тайную, непостижимую власть оно может сыграть в жизни их чад. Имя как звучащий образ человека, его Ангел-хранитель, предзнаменование, определяющее его судьбу. Батюшка говорил, что доволен и рад, потому как незаслуженно

забытые и любимые в России имена святых мучениц Веры, Надежды и Любви вновь возвращаются в жизнь, а значит, она будет укрепляться этими тремя добродетелями. А дальше я его слова даже на телефон записал. Хочу, чтобы и ты их послушала.

Александр включил диктофон телефона, и Елена услышала речь священника Сергия:

– Когда человек рождается, вокруг него возникает целый мир людей, который с каждым годом увеличивается в геометрической пропорции. Сначала – это родные и близкие, затем школьные товарищи и закадычные друзья-студенты, люди, встречающиеся на дорогах судьбы, по работе, случайные встречные, запечатлённые в твоей жизни какой-то фразой, голосом, взглядом. Люди, что живут с тобой в одном городе, которых ты знаешь хорошо или чисто визуально. Все они приходят в жизнь человека со своими именами, судьбами, характерами, взлётами и падениями, скорбями и радостями. Одни проносятся в твоей жизни, как кометы – стремительно и ярко, другие только мигнут светом звезды и уходят в тень, третьи остаются в памяти какой-то значимой фразой, перевернувшей сознание, а бывает, и всю жизнь человека. Но самые значимые – это те, кого мы называем друзьями души. Вот они идут по жизни рядом, рука об руку, становясь твоей неотъемлемой частью. По жизненным ситуациям они могут приближаться, отдаляться, но они будут постоянно в тебе и с тобой...

Иногда мне человек напоминает брошенный в воду камушек, образующий множество кругов от самого маленького до большого. И чем камень крупнее, тем и круги от него отходят более значительные, четкие, и наоборот. Любой из нас тот же камушек в руках Божиих. И если с младенческих лет жизнь человека наполнена любовью, со временем она и всё своё пространство наполнит любовью...

– Правда, здорово сказано? – спросил Елену Александр.

– Да! И меня его слова впечатлили. Значит, мы с тобой тоже камушки в Божиих руках...

– Ну, что-то типа того. И каждый в океаническом пространстве Вселенной создаёт свои собственные круги из имен и людей... А что касается писем ребят, то, когда я прочёл несколько, понял их магию. Извини, конечно, за патетику, но мне показалось, что они пронизаны чистым светом любви к людям, нашему Светлому, всему тому, что называется родиной, что в смутные 90-е совершенно обесценилось и заляпалось грязью. Уверяю тебя, ты не разочаруешься, читая их.

– Саня, дорогой, я тебе верю на все сто, но прежде чем мы начнём их читать, можно я твой высокий штиль смягчу клубничкой? Не округляй глаза, не в переносном смысле, а в прямом. После того, как ты мне вчера позвонил, что придёшь, сегодня рано утром специально ездила на базар купить её. Выбрала самую спелую, вспомнила, как ты к нам с бабушкой в огород за ней лазил.

– Эх, и были счастливые деньки! – мечтательно протянул Александр. – Ну, так жду клубнички твоей...

Лена достала из холодильника вазу и поставила на стол. Александр выбрал самую большую клубничину и поднёс к губам Елены. Она, улыбнувшись этому его предложению, откусила сочную ягоду. А Александр кормил её клубничкой и приговаривал:

– Хорошо ли тебе, девица, хорошо ли тебе, красная?

На что Лена, смеясь, отвечала:

– Хорошо, Морозушка, хорошо, дедушка... А слова-то ты, Сашка-Алексашка, из фильма переврал...

Затем сама брала ягоду и тоже кормила ею Александра...

Когда клубника закончилась, Сашка наконец-то раскрыл коробку, и Лена увидела, что же из себя представляют письма друзей.

– Ну, не томи. Как будем читать: по порядку или какое вытянем? – спросила она Александра.

– А давай наугад, а те, что прочтём, будем в сторону откладывать.

И подставил коробку Лене:

– Тяни, здесь право первенства уступаю тебе.

«Здравствуй, Светлана! Хорошая моя!»

Вот наконец-то я могу спокойно написать тебе письмо. И особой усталости нет, и душевный настрой имеется. Прости, что не сразу ответил, были на то причины, как-нибудь при встрече расскажу. Кстати, вчера, 1 июня, мы отметили День Северного Флота, так что можешь заочно поздравить меня. С утра было построение и под звуки барабанной дроби торжественный марш с песней по площади городка. Все жители его высыпали на улицу, чтоб стать сопричастными этому событию, так как живут здесь в основном жены с детьми наших командиров. Представляю, как здорово и зрелищно это смотрелось со стороны. Офицеры говорили о традиции части, её заслугах, награждали достойных.

Затем был торжественный обед и просмотр фильма «В зоне особого внимания». Помнишь, мы ещё в Светлом ходили его смотреть в ДК с Сашкой и Леной? Там ещё гвардии лейтенанта «Южных» Виктора Тарасова играет артист Борис Галкин, а прапорщика Волентира – артист Михай Волонтир, ну тот, что в фильме «Цыган» снимался. Так вот, нам к празднику привезли новый, недавно вышедший на экраны фильм продолжение «Ответный удар». И хоть в обоих фильмах побеждают «Южные», а не «Северные», мы-то понимаем, что это всего лишь условные обозначения. Наша часть ещё ни в одном учении не проиграла. Если у нас этот фильм будут крутить, обязательно сходи. Эти фильмы, наверно, одни из немногих рассказывают о жизни и учениях морской пехоты и десантников.

Сегодня у меня так называемое увольнение в честь праздника. Идти некуда, вот я и посидел в библиотеке, а теперь в Ленинском зале пишу тебе ответ. Переживать и волноваться за меня не нужно, так и маме скажи, когда зайдёшь к ней. Как сказал твой отец, я уже давно не мальчик, но муж. Передай Михаилу Савельевичу от меня огромный привет.

Погода стоит на удивление очень тёплая, почки на деревьях стали распускаться. Такое ощущение, что весь городок покрасили в салатовую краску. Мамаши, жены командиров, по городку выгуливают своих малышей в колясках. В гарнизоне стариков нет.

Такие дела. С морпеховским приветом Глеб».

«Глебушка, здравствуй!»

Здравствуй в учениях и в отдыхе, здравствуй на море и на суше. Лови моё «Здравствуй!» на крыльях морских чаек и в звоне склянок, отбивающих время обеда, в арктическом холодном дыхании и в биении волны о борт твоего корабля. Здравствуй, родной!

Ночь. Я радуюсь каждой весточке от тебя, вдохновляющей меня на ответные письма. Как-то раньше я писала тебе утреннему, дневному, вечернему, но никогда ночному. А ведь ты можешь прочитать моё письмо и на ночь, как-то я об этом не думала. А потому это и начну с того, что говорю тебе: «Глебка, родной, спокойной ночи, пусть приснится тебе всё, о чём ты мечтаешь. Я смотрю в наше звёздное небо и прошу Вселенную скинуть мне для тебя звезду. Ура! Космос услышал меня, я поймала её, а ты тут же загадай желание, и пусть подтвердится тебе во сне всё, о чём ты мечтаешь. Спокойной ночи, мой суровый морпех, а я спою тебе колыбельную. Не детскую и не стихотворной рифмой, зато написанную сердцем, и это будет моя колыбельная тебе:

Спи, мой труженик моря,
Ты заслужил этот сон
Своими дневными учениями:
Беганьем, прыганьем, борьбой,
Правда, прости, не знаю какой.
Тебя обучили стрелять,
Ты стал настоящим морпехом.
И я горжусь тобой.

Я снимаю с тебя усталость,
Тяготы трудных дорог.
Разглаживаю морщинки на лбу,
Которые ты за день нацеплял на себя
В трудной мужской работе.
Спи, мой труженик моря,
Теперь я охраняю твой сон –
Волшебник романтических встреч!

Думами я с тобой всегда:
На работе и дома,
Когда кормлю кур и когда – петуха.
Когда разговариваю с отцом
Или с мамой твоей.
Мы пока не можем встретиться наяву,
Так почему бы нам не встретиться во сне?
Приходи, я тебя жду!

Ну вот, как-то так, не суди строго. Я не волшебник, но это в «Золушке», а здесь говорю – я не писатель, я только учусь. Желаю тебе спокойно качаться на волнах твоих приятных снов!

Утро. Эй, соня, просыпайся! Глебка, утро на дворе! Петухи во всё своё лужёное горло поют. Утро доброе! И не говори, пожалуйста: «Мне надо принять ванну, выпить чашечку кофе...» Ответ один: «Будет тебе и ванна, будет тебе и кофа, будет и какава с чаем, поехали к шефу!!!» Улыбнулся?! Потянулся?! У нас сегодня – выходной, у тебя

– не знаю, но на всякий случай для себя я будильник отключила. Ну что, я пришла к тебе в сон? А ты ко мне приходил, перемолвились словечками под нашей яблонькой, как тогда, когда провожала тебя на Флот. Ну а теперь для тебя утреннего слова из твоих любимых фильмов (не знаю, есть ли время у вас их смотреть. Нет? Так я напомню их тебе). «Бриллиантовая рука»:

«– А что, если...

– Не стоит!

– Ясно... Тогда, может быть, нужно...

– Не нужно!

– Понятно. Разрешите хотя бы...

– А вот это попробуйте!

– НЕТ! На это я пойтить не могу!»

Ну вот, проснулся? Можешь воскликнуть: «Жить хорошо! А хорошо жить – ещё лучше!», «Короче, Шклихасофский!» («Кавказская пленница»).

День. Что, на тренировки зовут? Всё, день начался. Побежали:

«– Вы из какого общества?

– Трудовые резервы!

– А Динамо бежит?

– Все бегут!» («Джентльмены удачи»)

Склянки бьют на обед? Да пожалуйста: «Кто не работает, тот ест! Учись, студент», «Огласите весь список, пжалста!», «– Шурик, а может не надо?», «– Надо, Федя, надо!» («Операция БИ и другие приключения Шурика»). А вот ещё и тоже к учениям:

«– Это мы могЕм!..

– Не могЕм, а могЁм!

– Я тут слышал, что некоторые несознательные механики крестят своих пилотов перед полётами.

– Слабак!

– Молчу, молчу, не то по шее получу, И подвиг свой не совершу» («В бой идут одни старики»)

Вечер. Ну и перед ужином: «Абдулла, таможня даёт добро», «Эт точно», «Восток – дело тонкое» («Белое солнце пустыни»)

Ну а на вечер, как всегда, и рассказ из жизни Светлого. Помнишь ли ты, Глебушка, Катьку Сомову и Витьку Ковригина, что в параллельном нам классе учились, двоюродные брат и сестра? С ними тут в Светлом такая история произошла... Всё Светлое на ушах стояло несколько недель. Катерина, провалив экзамены в Пединститут, вернулась домой и устроилась работать вожатой в школе, а позже Витька, окончив ПТУ, вернулся в Светлое авто-слесарем, служить его не взяли из-за плоскостопия. Никто не удивлялся их встречам, походам в кино и на танцы, чего там – брат и сестра... И вдруг тётка Якимовна застаёт их на берегу реки целующимися... Прибежала к родителям Витьки и всё рассказала. Поднялся переполох. Сомовы и Ковригины собрали семейный совет, на который пригласили и Катьку с Витькой, устроив допрос с пристрастием насчёт их отношений. Те долго вилять не стали и признались, что ещё со школы любят друг друга и, несмотря ни на что, будут вместе. Родители, конечно расстроены, возмутились – брат и сестра, какие отношения? Эти двое, видя такое

противление своих родичей, решили, что лучше вместе умереть, чем жить порознь. Вспомнили знаменитых Ромео и Джульетту и обратились к бабе Фёкле, Еленки Поляковой бабушке, которая, сам знаешь, в Светлом считается лучшей знахаркой и травницей. Пришли к ней и, сочинив какую-то невероятную историю, запросили ядовитой настойки. Баба Фёкла, уже прослышав о скандале этого семейства, смекнула, что молодые задумали погубить себя, и вместо яда дала им настойку сильно действующего слабительного. Витька с Катькой забрались в баню Сомовых, закрылись на ключ, а ключ в окно выкинули. Они ведь решили подобно Шекспировским героям прославить свои имена в истории Светлого... Обнаружили их там только к вечеру второго дня. Когда баню-то открыли, в ней не продохнуть было! Несостоявшиеся Ромео и Джульетта, не глядя друг на друга, разбежались в разные стороны и долгое время ещё прятались от людей. И надо думать, ведь всё Светлое гудело, обсуждая их «тайное уединение», с каждым новым рассказом приписывая самые невероятные подробности происшедшему. Катька, более уже не выйдя на работу, уехала к отцовой родне в Иркутск, подальше от Светлого, а Витька – в Энск. Вот так прозаично разрешила родственный конфликт двух семей баба Фёкла.

Написала тебе про бабу Фёклу и подумала, а где же там моя Ленка? Не пишет, не звонит, к своей бабуле не приезжает. Эх, не за того она замуж пошла! Алексашка её судьба, а она под Москву умотала невесть с кем. Хотя что это я? Если ей нравится, пусть будет счастлива, где бы ни жила. Ну вот, у меня вновь письмо с тетрадку, а ведь зарекалась уже тебе такие длинные писать. Так нет, никак не угомонюсь. А вот ты, Глебушка, что-то совсем отписочки посылать стал, неужто у тебя не находится времени подробно рассказать мне о службе своей, о товарищах? Хотя кто знает, может, тебе и отдохнуть некогда. Пиши, какие сможешь, только пиши. Твоих ответов я жду с нетерпением. Пиши, дорогой, не ленись. Твоя Светлана».

«Светка, Светик, лови приветик!

Ну, во первых строках своего письма решил отругать тебя за бабушку твою новгородскую ненормальную. Что это она выдумала пугать тебя, а ты поддаваться её паническим страхам? Спортсменка, комсомолка и просто красавица пишет морпеху Советской армии о каких-то чертях. Нет, это только вдуматься! Сказок ты, что ли, в своём Кульке начиталась? Да мы их всех одной левой...Ногой, рукой – неважно, главное – побьём... Но это так, к слову, не обижайся, решил побравировать перед тобой. Но если по серьёзу, не принимай ты всякие байки старухи близко к сердцу!

У меня всё нормально. Боевая и политическая, как и положено. Тут к нам жена нашего командира приходила – Августа Борисовна, тоже библиотечкарь, с лекцией об именах и их значениях, она по ним курсовую в институте пишет, на сессию в Ленинград собирается. Так у нас все её пытали о своих именах. Я тоже спросил. Оказалось, Глеб – это, не поверишь, древнескандинавское имя и означает «любимец богов». А твоё – чисто славянское, от слова «светлая». Ну, в принципе, тут долго расшифровывать и не требовалось. Но как выяснилось, и имя Ленки с древнегреческого тоже – светлая. Представляешь, наш город Светлый, ты у меня светлая, и Елена тоже светлая! А Сашка вовсе не Александр, а Олександр – сын жреца леса, имя, которое носили славянские

ведуны. Не зря ты его всегда Алексашкой называла, упирая не на «А», а на «О». У нашего командира жена столько знает – мы обалдели!

Тут у нас по лыжам командиры зачёт принимали – «боком», «ёлочкой» и «спуски с горы», а Прошка Слива с Запорожья так нормально и не научился на лыжах с горок спускаться. Оторвался с горки и как неуправляемый снаряд полетел! Спуски все наезженные, а его в сторону занесло, где стояла под снегом кучка из бревен, заготовленная лесниками. Вот он в центр этой кучки и влетел. Лыжи в одну сторону, валенки в другую, а он пикирует носом в сугроб, да так глубоко в снег головой зашёл, что пришлось вытаскивать! Бьётся ногами, а вылезти не может! Командир сказал, что Слива будет тренироваться до тех пор, пока на разряд не сдст, и Проха совсем скис... А нукуда не денешься, приказано тренироваться – будешь...

Как там мама, не навещала её? Я тут ей писал, а ответа нет. У нас, как всегда, тренировки, показательные выступления и опять тренировки, как в спорте – один к одному. Так что не переживайте, всё идет своим чередом. Больше писать некогда, прокричали построение, так что пока, пока. Твой морпех Глеб Казаков».

«Здравствуй, Глеб, морпех, бороздящий океаны и моря!»

Как твоё самочувствие, как дела, что нового в жизни и служении родному Отечеству? Наконец-то получила от тебя большое письмо с фотографиями и радовалась, как ребенок! Показывала отцу, ему фотографии твои тоже очень понравились, сказал, что ты возмужал и стал уже не мальчиком, но мужем, то есть мужчиной.

Письмо пришло как раз перед моим отъездом на сессию, и потому ответить решила уже из Новгорода. У меня всё хорошо. В поезде в плацкартном купе со мной ехали командированный мужчина, женщина и бабулька. Мужчина нас развлекал анекдотами, которые знает, кажется, на все случаи жизни. Мне особо понравились два про собак: «Вышли две собаки погулять. Одна к другой подходит и высокомерно так говорит:

– Я фокстерьер, а ты?

Вторая собачка, вильнув первой хвостом, радостно ответила:

– А я просто пописать вышла...»

Второй. «Одна девушка другую спрашивает:

– Слушай, а почему ты своему пёсику такое странное имя дала – Козёл?

– А мне нравится звать его на улице и наблюдать, как все парни при этом обращаются».

В училище на занятии нас тут разделили на тройки и дали задание – составить несколько рассказов по названиям приключенческих произведений. Ну и, конечно же, мои подружки-сокурсницы Ольга Улеева и Наталья Стеблянко возложили это на меня. Надо признать, немаловажная помощь их мне состояла из названий приключенческих книг, которые были ими когда-то прочитаны. И как говорится, не боги горшки обжигали, я что могла, то написала. Жанр мог быть любой – детектив, сказка, репортаж и так далее. Я решила все свои зарисовки сделать в приключенческом жанре. И вот что получилось.

Полдень XXII века. Левее восточного «Уса» идёт Королевская охота. В Затерянном мире на Земле Санникова На суше и на море на Плавающем острове высадились

Потерпевшие кораблекрушение Дети капитана Гранта, Две Дианы, Джек восьмеркин американец, Змеелов, которые под Шорох прибоя приводили в чувства Анжелику – маркизу ангелов, Мэри Поппинс и Аэлиту. Их напугали появившиеся внезапно на горизонте Бронзовая птица и Белый клык. А ведь, кажется, совсем недавно герои, полные решимости и оптимизма, отправились, читая Записки о Шерлоке Холмсе, на Прогулку Вокруг света в 80 дней, из которых совершили Пять недель на воздушном шаре, Сорок пять дней на Фрегате «Паллада», и День свершений проходило Путешествие на «Ослепительном». Все это они проделали для встречи с Двумя капитанами в Республике Шкид где Крик петуха возвестил на Острове сокровищ о приближении Последних короллингов с Тремя мушкетерами, Зверобоем, Тезеем, Капитаном Сорви-голова и Следопытом. Если бы только не Кораблекрушение «Джонатана», из которого герои выбрались чудом и живыми, они давно бы в обществе благородных мужчин слушали Одиссею капитана Блада. Таким образом, путешествие их зашло в Тупик. Человек-Амфибия, наблюдавший с моря за происходящими событиями на этом острове, решил послать к потерпевшим Морского ястреба и Пятнадцатилетнего капитана предупредить обо всех опасностях, ожидающих их здесь.

Этот Вполне порядочный мир осветила Лунная радуга, и Операция «Северное сияние» своей боевой мощью спровоцировала Взрыв корабля. Все, кто оказался причастным к этому, увидели Всадника без головы, или, как его ещё звали, Парня из преисподней. Слова предупреждающего поразили особенно женщин – Прекрасную Маргарет и Дочь Монтесуму. Как оказалось, Тайна острова Варудсима многие века хранила Копи царя Соломона, Янтарную комнату и всё Золото Калифорнии, охотясь за которыми, сюда в разные годы, особенно в Год чёрной собаки, Когда засмеётся сфинкс, наезжали Похитители бриллиантов, Железный пират, Чёрный охотник, Наследник Робинзона – Радамехский карлик и Ночные всадники.

В погоне за призраком Корсар – Наследник из Калькутты давно уже выстроил себе здесь Подводное жилище, взяв в охранники Морского волка.

– Законы лидерства, – говорил им Граф Монте-Кристо, – чреваты последствиями. Пуритане-воины! Впереди вас ждёт Смерть Артура от Чёрной стрелы! Но в ваших силах Освобождение земли этой от Пути Единорога. Охотники за счастьем, опасайтесь Землетрясения в Прериях! Вам поможет Пират, который является хранителем Лунного камня. Но прежде вам надлежит пробраться в глубь Плутонии, отыскать там Маугли и спасти его от Скорпиона, хранителя Сердца Змеи. Он наследованный Маленький принц этого острова, а друзьями своими считает Спартака и Старика Хоттабыча, который и может перенести вас к вашим друзьям.

Наступила Ночь чёрного хрусталя, и чтобы её скоротать, наши герои стали рассказывать истории, подобные Приключениям Тома Сойера, Путешествию к центру Земли, Приключениям Оливера Твиста, а также рассказы о Путешествии в различные страны мира Лемюэля Гулливера, Приключения Алисы, Рассказы рыбацкого патруля и Приключения юного золотоискателя в Калифорнии.

– Вы увидите, – сказал Капитан Трафальгар, – Каждому своё. Наша встреча с вами состоится вновь 20 лет спустя на Планете обезьян.

Так неожиданно в Тяжелые годы Тайна двух океанов У последней границы была раскрыта.

Всего использовано 98 названий книг. И чтобы тебе было понятно, названия я подчеркнула. За эту работу мы с девочками получили «зачёт». А как тебе мои фантазии?

Увидев, что я на «Библиографии художественной литературы» пишу письмо, Наталья Стеблянко протянула мне записку, в которой предлагала написать тебе где-то вычитанное ею наблюдение о падежах русского языка. Если переставить их местами, то может получиться сюжет для небольшого рассказа. Итак, взгляни на эти падежи в совершенно другой их последовательности: звательный, предложный, дательный, творительный, родительный, именительный, винительный! Ну как, оценил?

Вновь с нашей Натальей Петровной Рябовой разговаривала, пока она в читальном зале пол мыла. Искала разные интересные истории-страшилки на рождественские посиделки, а Наталья-то Петровна узнала, что я ищущий, и рассказала одну.

У них в деревне овраг был, в котором, говорили, нечистый водит.

Вот приехали в деревню двое специалистов фольклор собирать – её Юлией назовём, а его Дмитрием. Юлия от бабульки сказки записала и направилась в следующую деревню, в Лебязью, а Дмитрий-то ещё остался, не управился с песнями. Когда освободился, за ней последовал. Подходит к овражку и слышит, как Юля зовёт его: «Дмитрий, Дмитрий, иди сюда». И вроде сначала Дмитрий-то сунулся идти, да тут его будто что торкнуло: крестным знаменем себя осенил – и сразу тишина наступила. Прокричал ещё: «Юля, Юля!» – никто не отзывается, он и дальше пошёл. Приходит в деревню, а Юля сидит там, чай пьёт, калачи ест. Спрашивает: «Ты меня в овраге звала?» Она удивленно: «Да ты что, я уже давно с бабусей общаюсь да чай пью». Ну, он ей и рассказал, что испытал состояние, подобное гипнозу, от которого затем вдруг резко очнулся. А бабуся сидит и говорит:

– Это, мил человек, хорошо, что очнулся, других в том овраге голос так закрутит, что еле ноги домой приносят, а один и вообще сгиб...

Понравился случай? Ладно-ладно, я знаю, ты во всё такое не веришь, а мне так очень интересно...

А в остальном моя жизнь на сессии состоит из сидения на занятиях, подготовки к экзаменам и зачётам. Нужно сдать в этот раз «Организацию фондов и каталогов» и «Библиографию общественно-политической литературы», «а в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо». В промежутках между лекциями гуляем с девочками по городу. Кстати, тетя Тамара передаёт тебе огромный привет и самые наилучшие пожелания.

А так у меня всё отлично: работаю, пишу контрольные, занимаюсь своими животинками, времени даже просто посмотреть телевизор совсем нет. Тут недавно услышала новую песню Аллы Пугачевой «Ты на свете есть», купила пластинку и кручу её бесчисленное количество раз. Точно она мои мысли подслушала! Не знаю, слышал ли ты её? Хоть несколько строк напишу:

Ты... Теперь я знаю – ты на свете есть!
И каждую минуту я тобой дышу, тобой живу
И во сне, и наяву...

Ну вот, наверно, и всё, буду с нетерпением ждать ответа от тебя. Пиши. Твоя Светлана».

«Здравствуй, Свет-Светлана!»

Спешу сообщить, что твой рассказ из названий книг прочёл с большим интересом и удовольствием и понял, что из списка, приведённого тобой, мною прочитанными оказались всего лишь книг двадцать, не больше. Сегодня зашёл в библиотеку части, некоторые книги здесь есть, взял для начала почитать Жюль Верна «Плавающий остров». Дал прочесть твои зарисовки по названиям книг жене капитана Горелова Августе Борисовне, она, похвалив, сказала: «Глеб, у Вас очень талантливая девушка». Я так рад был за тебя от этой её похвалы!

А затем Августа Борисовна предложила написать для тебя разные армейские афоризмы, которые она собирает уже много лет. Дала свою подборку их. Я, когда их читал, обсмеялся. Ну и для тебя, конечно же, выбрал несколько: «Флот – это 3 года нервов, 1095 дней жизни, 36 месяцев терпения, 156 недель разлуки, 3 042 000 минут тревог, 20 652 000 секунд ожидания и 1 день счастья». Наставления командиров: «Мотайте всё это себе на усы! У кого нет усов – мотайте на уши! Вырастут усы – перемотаете!», «Сапоги нужно чистить с вечера, чтобы утром их надевать на свежую голову», «Если у вас вместо головы задница, то носите с собой записную книжку, как делаю это я», «Я вам кому говорю?! Вы комсомолец или где? Вы в армии или почему?!», «Всех отсутствующих построить в одну шеренгу!», «Возьмите уставы и переписывайте всё наизусть».

Забыл ещё написать, что наша рота победила в смотре «Боевых листков». У нас есть один паренёк – Прохор Слива (это у него такая фамилия смешная), я тебе о нём уже писал, тот, который на лыжах не умел ездить. Научился. Но зато у него вдруг открылся талант рисования. Ну настоящий художник! А ещё есть Тарас Седой, этот из Литвы, – поэт! Вот они вдвоём практически нашу газету и сделали. Кстати, туда мы написали и песню о тельняшке, что ты присылала мне. И некоторые выражения из фильмов, правда, чуть переделанные на нашу флотскую жизнь, а к ним рисунки Прохора. Наш кок на корабле каждому из нас приговаривает: «Ешь, пока рот свеж, а завянет – и собака не заглянет».

Написал от души. Если опять покажется недостаточно, не сердись, кажется, все темы уже исчерпал. Передавай всем мой пламенный привет и пока, пока, родная! Твой морпех Глеб Казаков».

«Глебка, Глеб, Глебушка, здравствуй, морпех!»

Здравствуй над всеми морями и проливами, здравствуй, здравствуй, здравствуй!
Здравствуй сам, и пусть здравствуют все твои товарищи.

Какое счастье было говорить с тобой по телефону, слышать твой голос, впитывать в себя каждый его звук! Ты сказал, что у тебя появилась возможность позвонить, узнать, как дела...

Сначала я не поверила, что слышу тебя. Мир вокруг на время замер. Так бы слушала и слушала... Но ты задавал столько вопросов, что получилось – тараторила сама, стараясь выложить тебе все новости, как будто не будет возможности написать о них. А надо было просто слушать тебя, впитывать каждое слово, твоё дыхание... Глебушка, дорогой, если такая возможность у тебя вновь появится, обязательно звони!

Вчера для меня был праздник с тобой говорить, а сегодня – получаю твоё письмо. Наконец-то написал побольше! Вот ведь, опять начинаю отчитывать тебя. Прости, прости, прости...

Я сейчас готовлю лекцию «Здоровый образ жизни». На работе, как всегда, весело. Заходил начальник ЖКХ Такашвили. Из него тут попёрло выяснять, пишутся те или иные слова через чёрточку или нет. Спрашивает: «Знаете ли вы, барышни, как пишутся слова: ягодно-молочный и баночно-консервированный?» Мы ему – словарь в руки, он его взял и углубился в изучение подобных слов. Дотошный..., всё что-то выискивает, в словарях копается, записывает... А на днях я его с дочкой в промтоварном магазине встретила. Дочка его в третий класс ходит. Вот она увидела в магазине игрушку и предлагает отцу:

– Папа, купи моей куколке кроватку, она всего-то рубль стоит.

Он посмотрел на неё, на кроватку и предложил:

– А знаешь, дочура, давай лучше мы тебе карандаш купим... Стоит всего копейку, а сколько им нарисовать можно! В том числе и кровать для твоей куколочки.

Поймал мой осуждающий взгляд из-за того, что скупится ребенку игрушку купить, и спрашивает у дочери:

– Дианочка, а скажи-ка ты мне, что ещё можно на одну копейку купить помимо карандаша?

Девочка на минуту задумалась и затем начала перечислять:

– Коробок спичек, папочка, стакан газированной воды без сиропа, кусочек хлеба в столовой, перышко для деревянной ручки, что чернилами пишет, бумажную закладку для книг, тетрадку неразлинованную, конфетку «Театральную» и газету «Пионерская правда». Правильно я всё перечислила?

И не успел Такашвили ответить, как одна старушка ответила ей:

– А вот и не всё, внученька, ты забыла таблетки в этот список включить: «Мукалтин», «Димедрол» и «Активированный уголь», запомни.

Тут и продавщица вмешалась в разговор:

– А у меня в ассортименте на одну копейку можно купить две бельевых пуговицы, два почтовых конверта, два медиатора для гитары, грифель для автоматического карандаша и пачку синьки...

В перечисление продавщицы встрял какой-то мужчина, я его впервые у нас в Светлом видел, и басистым голосом начал свои товары предлагать. Все, кто в это время находился здесь, только и успевали головами крутить то на одного говорящего, то на другого:

– Я к этому списку мог бы добавить еще две сигареты без фильтра, одну папирску, два грузила для рыбалки, дробилку для воздушки и некоторые радиодетали-неликвиды...

Тут наконец-то встрял в разговор отец девочки:

– Ну, это ребенку знать совершенно необязательно, а вот для общего сведения информация полезная. Видишь, Дианочка, сколько всего можно только на одну копейку купить, а если только предположить, что можно на рубль купить – список умножится в сотни раз. Ну что ты решаешь, купить одну кровать для куклы за рубль или, например, 100 коробков спичек, 100 карандашей, 50 тетрадей в клеточку тебе для школы, а

может, 33 стакана газированной воды с сиропом, или десять пачек твоего любимого молочного мороженого, или ты на этот рубль десять раз в кино сходишь?..

Все, кто явился свидетелем этой сцены, притихли в ожидании услышать ответ девочки, ведь интересно, что она выберет? И та совершенно спокойно ответила отцу:

– Пока ты, папуля, тут перечислял это, я уже всё давно решила для себя: покупаем кровать. Карандаши, тетради, резинки-стерки мне мама для школы купила, а вот о кукле я должна позаботиться сама. Обещаю сто дней больше ничего не просить у тебя мне покупать. А чтобы тебе спокойнее было жить всё это время, думай, что ты мне сто карандашей купил, договорились?

Ты представляешь, Глебушка, какой хохот после слов этого маленького человечка раздался в магазине? Такашвили ничего не оставалось делать, как купить дочери кровать для куклы. А у меня затем весь вечер приподнятое настроение было. Молодец девчонка – выслушала тирады всех, а решила по-своему. Скорее всего, еще и «Маленького принца» Экзюпери не читала, а уже знает, что такое быть в ответе за того, кого приручил. В её случае – за куклу. Просто восхищена ею!

Тут мне Людмила Николаевна Шишкова, наша учительница по литературе, принесла выписанные ею из сочинений школьные ляпы, так мы с девочками целый день над ними смеялись. Напишу некоторые:

«Убив процентницу, Раскольников заметил её сестру и подумал: «Одна голова – хорошо, а две – лучше!»

«Прежде чем раскулачивать, Нагульнов решил поговорить с кулаками, а кулаки у него были – как кувалды!»

«Нос» Гоголя наполнен глубочайшим содержанием».

«Предложения бывают развитые и недоразвитые».

А это уже ближе к тебе по смыслу подходит:

«Купец Калашиников убил насмерть молодого опричника боевой и политической подготовкой».

На работе как всегда. Читатели, выезды с выступлениями по дальним деревням, на производственные участки, в Лесхоз, в АТП, на стройку. А тут ещё с громкими чтениями по книгам Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» куда только не ходили уже! И в школе выступали, и в общежитии перед жильцами, и на производствах – и всё в воспитательных целях. Вы там их не читаете ещё? Понятно, что он не сам писал, а по его воспоминаниям. И вроде неплохо написано, только не нравится мне, что всё у нас как-то в перекося идёт. Может, не делали бы такой ажиотаж вокруг них, и люди бы сами к этим книжкам потянулись, а почему бы и нет? Кому-то обязательно были бы интересны воспоминания генсека страны... Просто со стороны виднее. Вот пришла к нам участница Великой Отечественной войны и сама попросила эти книги почитать, никто её не агитировал, а когда сдавала, сказала, что они ей душу согрели...

Вчера Каюмова Ольга рассказывала: в школе выступала, и учителя ей пожаловались:

– Вот Вы нам о Брежневе и его книгах. Хорошо, конечно, но у нас такие индивидуумы есть, что, когда их спрашиваешь, когда родился Пушкин, в каком веке он жил, отвечают: «Понятно в каком, они с Лениным революцию в 17-м делали». Так поэтов к политикам приплетают, да еще из разных эпох.

В эту осень у нас яблоками усыпаны все деревья. Ветки от тяжести ломаются. Отец под многие уже поддерживающие колышки подставил. Начали молодую картошку есть. Тоже уродилась. Да, собственно, и лето и осень на фрукты, ягоды и овощи плодородные. Летом клубникой объедалась, несколько банок варенья наварила, а теперь начнётся вновь сезон яблок...

Привет тебе от папы. Пока-пока! Служи хорошо и пиши длинные ответы. Жду. Твоя Светлана».

«Светка, девочка дорогая, привет-привет!»

Времени мало совсем, а потому, чтобы успеть отправить тебе письмо до отъезда на учения, пишу быстро и по делу. Спасибо огромное, что не забываешь! Когда я получаю от тебя письмо, парни устанавливают очередь, кому его читать после меня, паразиты, совсем не дают времени насладиться им. Я их понимаю: практически всем и родители, и девушки пишут на страничку, а потому твои – это как новая повесть. Зато, когда мне старые возвращают, я их читаю вновь, как только что полученные.

Ты всё просишь что-нибудь о службе написать. Даже не знаю. Когда первый раз на учения отправили и мы должны были высадиться на берег, я при виде того, как на меня лавиной камня стал надвигаться берег, даже глаза зажмурил и в коленях дрожь почувствовал, но тут не до дум оказалось. Приказ – и пулей вылетаешь на камни и бежишь с автоматом «на передовую». Я не раз слышал, как командиры, когда хвалили нас кому-то, называли уважительно: «Наши морпехи настоящие трудяги моря». Приятно, что и говорить. А уж мы страну не подведём. На нас лежит обеспечение учебно-боевой деятельности соединений, входящих в состав береговых войск Северного флота. На море бываем часто, даже я бы сказал, моя жизнь больше протекает на корабле, чем на базе в «Спутнике». Море дисциплинирует. Там слово командира неукоснительно должно быть исполнено, в каком бы ты состоянии ни находился, хоть с температурой за сорок. Так что ты уж прости меня за сухость моих писем.

Но не думай: где бы я ни был, я храню твой образ у себя в сердце. Ну всё, Пашка Лысый (Лысый его фамилия) прибежал, сказал, что времени у меня только конверт заклеить и дневальному передать, чтобы отправил. Пока, моя хорошая. Пока. Твой Глеб»

Женщины – те все больше крылатые

Прочитав эти письма, Елена и Александр посмотрели друг на друга, будто хотели произнести что-то особое, но не находили слов.

– Представляешь?! Во Светлана пишет! Никогда не читала ничего подобного, – восхищенно произнесла Елена.

– Ну да, а у Глеба всё четко, лаконично, как говорится, «шаг вправо, шаг влево – расстрел».

– А ты знаешь, Саш, все мужчины, в каком бы одеянии, сане, звании, при каком бы образовании и должности ни находились, всегда, ты меня извини, конечно, но остаются людьми очень приземлёнными. Да, крепкими, основательными, ответственными, смелыми, бывает – суровыми, жёсткими, подчас – резкими, грубыми...

Короче, без особых претензий на высокие чувства. А женщины – те всё больше крылатые, летают в своих мечтах и фантазиях. Не зря же и обороты речи в русском языке, связанные с ними, появились, – рассуждала Елена.

– Это какие же, ну-ка, ну-ка, хочется послушать, – подтрунивал над ней Александр, – приведи хоть один.

– Да нет проблем, например – «парит на крыльях любви» или «хожу, словно окрыленная»; «любовь окрыляет, а нелюбовь приземляет»; «у меня сегодня появилась сказочная легкокрылость»... Мало? Пожалуйста, ещё – «у неё не руки – крылья» или «я лечу на крыльях мечты», «крылатая богиня»...

– Слушай, а и правда, я даже не задумывался никогда над этим.

– Вот видишь! А лиши женщину крыльев и радости полета – тут же иные словосочетания появятся – «опустились мои крылышки»... А если вспомнить, как часто мужчины называют женщин птичьими именами: восторженно – «девушка-лебедушка», «журавушка», «пташка-канарейка», «голубка моя сизокрылая», «ты мой цыпленочек»...

– Ну-ну, и не только так они женщин называют, я вот своей бывшей частенько говорил: «Какая ты мать, ты – кукушка». А ещё слышал, как про ругающуюся женщину говорят: «каркает, как ворона» или «раскудахталась, точно курица». Не нравится, как ходит, тоже сравнение имеется: «не идёшь, а точно гусыня переваливаясь» или «ну ты и цапля длинноногая»... Вот так-то, дорогая, Лена. Не все у вас так однозначно.

– И всё же, согласись, как бы мужчины ни называли женщин, они всех их вольно или невольно наделяют крыльями или хотя бы оперением.

– А разве не бывает мужчин – соколов или орлов? – сказал браво Александр.

– Так ведь это женщины их орлами да соколами нарекают... Это о тех, кто полета высокого, а другие получают прозвища типа «надутого индюка», или «петуха гамбургского», бывают, «павлинами» ходят, «фазанами» или «попками дураками», ну и тому подобными...

– А ты не заметила, Ленка, как нас после писем Светланиных-то раззадорило? Теперь вытаску я...

На программу «Ищу тебя»

– Папа, папа, – влетела к отцу в дом запыхавшаяся Светлана, – телеграмма! Тебя в Москву на передачу «Ищу тебя» приглашают!

– Что ещё за розыгрыш? Чего ты, Света, как девчонка, мне какой-то телеграммой перед носом трясёшь? Уж и повзрослеть пора! Я что, писал туда, искал кого? Мои друзья не пропадали, чтоб их искать. Подшутил кто-то, а ты: «Папа, папа, телеграмма!»

– Ты что, па, разглагольствуешь, лучше прочти, что написано там, – в нетерпении произнесла Светлана.

Михаил Савельевич с подозрением стал читать.

– Уважаемый Михаил Савельевич! Просим Вас прибыть в Москву к 26 сентября 1999 года на съёмку передачи «Ищу тебя». Билеты для вас заказаны... Подтвердите своё согласие по телефону...

– Так это что, дочка, не развод? Меня что, на самом деле в Москву приглашают? Но один я уж точно не полечу! Может, ты со мной?

– Папуль, ну ты ведь не маленький, пригласи Алексея Юрьевича съездить. Вдруг вас кто-то с войны ищет, не все же твои друзья в Светлом живут? – произнесла задумчиво Светлана. – Или с кем ты учился, служил... В эту передачу кто только не пишет, ища родных, однополчан, друзей...

Михаил Савельевич, чуть подумав, засуетившись, стал одеваться.

– Ладно, пойду к Алексею схожу, что он посоветует. Ты подождёшь или, может, со мной?

– Нет, папуль, я домой, а ты после Соболевых к нам заходи, сообщи, что надумал.

Алексей Юрьевич убедил друга лететь одного – мало ли какой коленкор судьба выкинет! Зачем ему лишние свидетели, как говорится. Коль и билеты оплачены, чего не слетать...

* * *

К Казаковым смотреть передачу «Ищу тебя» набралось множество народу, да, собственно, в каждом доме Светлого в этот день смотрели полюбившуюся народом программу, а тем более, что на эту программу был вызван Завьялов Михаил Савельевич, уважаемый всеми земляк.

Передача шла своим чередом, подходя к концу, а Завьялова ещё ни разу не показали.

Алексей Юрьевич, чуть нервничая, произнёс:

– Может, это на самом деле розыгрыш... Ох, если так, мне Мишка голову, точно цыплёнку, отвернёт!

Оставалось до конца совсем немного времени. Ведущий подошёл к столику, за которым сидела красивая миловидная женщина лет под шестьдесят, ну, может, чуть больше, и спросил:

– Арина Сергеевна, скажите, а кого Вы ищете?

– Своего любимого. С того момента, как судьба нас разлучила, прошло уже почти сорок пять лет...

– Это она, это Арина Павлова! – вскрикнула вдруг Светлана. – Боже, какая она умница, что нашла его!

Все были заинтригованы выкриком Светланы, но она, не давая себе больше произнести ни слова, махнув рукой на спрашивающих: «Кто такая?», уставилась в телевизор...

А женщина на экране продолжала свой рассказ:

– Мне сообщили, что Миша погиб, и я, не сумев совладать со своим горем, навсегда покинула Кронштадт и уехала жить на другой край света – во Владивосток. Там сменила свою фамилию Павлова на Завьялову и жила до той поры, пока в каком-то морском журнале не прочла о гибели подлодки, на которой плавал Миша. Тогда нам сказали, что весь экипаж погиб, а в статье говорилось, что два подводника спаслись. Я никак не могла найти фамилий спасённых и вот написала вам.

– А что же побудило Вас сменить фамилию? – обратился к ней ведущий.

Арина Сергеевна улыбнулась и тихо произнесла:

– Любовь... Мне так казалось, что он живой, рядом, что мой муж.

– Михаил Савельевич, мы Вас ждём! – крикнул ведущий – артист Игорь Кваша.

– Значит, это правда, он живой?! Я чувствовала, я знала, – почти шёпотом произнесла Арина Сергеевна и резко поднялась со стула...

Они встретились...

«Господа карманники, будьте милосердны, верните челюсть!»

– Светлана, Света! – чуть не крича, влетела к Казаковой в запасник – специально отгороженный стеллажами с книгами кабинет-клетушка – Виктория Кузнецова.

– Ты глянь, глянь! Сейчас почту принесли, а в журнале «Север» твои рассказы опубликованы!!!

– Я послала их карельской писательнице Раисе Мустонен, с которой познакомилась и рассказы которой меня восхищают. Впрочем, послала, совершенно не думая, что их напечатают... Значит, опубликовали? Приятно... Ну дай же посмотреть...

– А нам никому даже не сказала, – обиженно произнесла Виктория.

– Потому и не сказала, что не уверена была, опубликуют ли. Зато сейчас – сюрприз, – произнесла с улыбкой, принимая из рук Виктории журнал, Светлана...

– А что за писательница? Как ты с ней познакомилась? Где? – засыпала вопросами Кузнецова.

– Случайно, отдыхали вместе. У неё потрясающее чувство юмора, я в восторге от её рассказов. Особенно про потерянную челюсть нравится...

– Ну уж сама-то не прибедайся, у тебя с чувством юмора тоже всё прекрасно, – подошла к Светлане и Виктории Ольга Каюмова.

– Не-е, девушки, такого чувства юмора, какой имеет Раиса, мало у кого из писательниц ещё есть. Если не верите, прочту вам один рассказ из её жизни, чтоб почувствовали. Только не стойте позади меня как столбы-то, несите стулья, закуток хоть и маленький, но разместиться вполне можно. А пока вы за стульями ходите, я этот рассказ Раисы найду. Когда Виктория с Ольгой уселись, Светлана начала читать: «Зубы падают, как листья с ясеня. (Курение, питание, возраст). Мало того, в прошлом году у меня в троллейбусе вообще – целую челюсть украли. На кошелек целились, в котором, кроме новенького, ещё не «разношенного», малость жмущего (потому в кошелек и сунула) съёмного зубного протеза, положить нечего... Я, чтобы как-то компенсировать утрату (сколько денег заняла на эту челюсть!), подписавшись псевдонимом «Рита Ч.», пискнула в газету заметку на криминальную полосу под рубрику «Нарочно не придумаешь»: «Украли челюсть» с воззванием «Господа карманники, будьте милосердны, верните челюсть!» На совесть воров не рассчитывала, рассчитывала на гонорар, надеясь заработать на пять буханок хлеба (с каких-то пор все меряю хлебом). Неожиданно мое творение – мелодрама с коммерческим душком (мол, без зарплаты, без зубов, без любимого человека – якобы бросил, обнаружив, что беззубая) – имело резонанс. Утром телефонный звонок: «Приглашаем вас на опознание!» Спросонья пришла в ужас: «Какое опознание? Мне чье-то тело нужно опознать?» – «Это из редакции. У Вас украли челюсть? Так её нашли. Может,

не Ваша. Надо опознать, примерить». В редакции меня ждала – в баночке из-под йогурта персикового натурального – аккуратно помытая, бережно завернутая в марлёвку челюсть. Она мне понравилась, симпатичная. Но, увы – не моя. Даже примерять не пришлось, приметы не совпали. С журналистами мы насчитали четырнадцать искусственных зубов, а у моей, родной, было пять. Моя – нижняя, а это верхняя. Нашёл её гражданин С. Выгуливая собаку, повесил на веточку, а вернувшись домой, прочёл в газете мой крик души, сбегал за челюстью и привёз, не поленился, в редакцию. Меня тронул поступок гражданина С., оказавшегося композитором. Только свой брат, нищий композитор, мог понять горе такого же нищего – писателя...». Ну как?!

Девчата весело посмеялись и согласились со Светланой, что у писательницы Раисы Мустонен всё в порядке с чувством юмора. А Виктория сказала:

– А я, девчонки, свидетельницей тоже одного случая с челюстью стала. Ехала в плацкарте на верхней полке в купе, подо мной бабуля слабенькая ехала и её сопровождавшая женщина. А на нижней, боковой, ещё одна. Вот у этих женщин и нашлась тема для разговора. В Москву поезд приезжал в четыре утра, и те сидели, разговаривали всю ночь, решив вообще спать не ложиться. Я тоже никак не могла уснуть, в дреме лежала. Тут бабуля поднимается и говорит, что ей плохо, мутит, в туалет надо, а туалет занят. Я глаза приоткрыла, смотрю, как бабуля белеть начала и заваливаться. Причём когда говорили, что человек побелел, как бумага, не верила. Думала, просто бледнее стал, а дополнение «как бумага» – это образно. Но тут я впервые увидела, до какой белизны может обескровиться человеческое лицо. Оно было белее белого! Женщина, что сопровождала её, подхватила бабулю, держит, а та, что с боковой, схватила целлофановый мешок, подставила ей к лицу и говорит: «Не бойтесь, пусть стошнит Вас в мешок». Ну, бабулю и стошнило. Сопровождающая женщина взяла мешок, подхватила бабулю и повела её в туалет. Я в это время уже слезла с полки и сидела внизу. Подумала, а вдруг и моя помощь понадобится. Когда те пришли и бабуле полегчало, она сопровождающую и спрашивает: «А где челюсть моя?» Та опешила: «А где она у тебя была?» Бабуля: «Во рту. Наверно, когда меня рвало, она вылетела» У сопровождающей растерянность на лице, смешенная со смехом и жалостью. Говорит бабуле своей: «А ты чего челюсть-то, когда спать легла, не сняла?» Та ей: «Сняла, а когда плохо стало, вновь надела её». «Ну тогда нужно твою челюсть на железной дороге искать, потому как я не могла и мешок и тебя держать, вот в открытое окно его и выкинула». Бабуля-то, уже почувствовав себя хорошо, твёрдо сказала, что без зубов она тогда никуда не поедет. Она какой-то известной женщиной оказалась, просто слабой и в почтенном возрасте, а ехала получать какую-то литературную премию. Сопровождающая в отчаянии схватила телефон и давай в три ночи мужу своему звонить, мол, ты, дорогой, зайти-ка к этой бабуле домой и в шкафчике возьми коробочку со всеми её старыми челюстями, а утром почтовым курьером отправь тут же в Москву. Представляете, какие случаи бывают? А если серьезно, как написала Мустонен, то сегодня вставить хорошую челюсть средств не наберёшься, и те зубы, что есть, на полку положишь...

Девчата немного поохали да поахали, поздравили Светлану ещё раз с напечатанными рассказами и разошлись по своим рабочим местам, а Света раскрыла журнал и уже «чужими» глазами стала вновь перечитывать опубликованные в «Севере» рассказы...

Дружба

Александр, придя к Елене, услышал, как дети её, Вера и Никита, перед игрой произносили считалку: «Раз, два, кружева. Три, четыре, подцепили. Пять, шесть, кому есть. Семь, восемь, сено косим. Девять, десять, деньги весят. Одиннадцать, двенадцать на улице бранятся, в избе говорят, сарафаны кроют, кому клин, кому стан, кому целый сарафан, кому пуговицы алы, кому ленты голубы».

– Лен, – сказал Александр Елене, проходя в кухню с клеткой и двумя волнистыми попугайчиками в ней, – как приятно услышать знакомую считалку из нашего детства! Какая ты молодец, что передала её детям своим! Я от своей Лизаветы недавно услышал: «Я маленькая девочка, я в школу не хожу. Купите мне сандалики – я замуж выхожу!», представляешь?

Лена весело рассмеялась. В кухню вбежали дети. Никита, увидев клетку с попугайчиками, радостно закричал:

– Дядя Саша, это нам?

– Ну а кому же!? – произнёс, счастливо улыбаясь, Александр.

Вера назвала голубую «девочку» Ксюшей, Никита – изумрудного «мальчика» – Ромкой. Дети стали за ними ухаживать, наблюдать и в каждый новый приход к ним Александра о них рассказывать. Вере с Никиткой не понравилось, что попугаи в клетке живут, и они умолили Елену их на волю выпустить:

– Дядя Саша, – начинала первой рассказывать Вера, – Ксюша с Ромкой уже всю комнату у нас обследовали: то на шторы прилепятся, то по стенке бегать начнут.

– А Ксюшка Ромку не любит, – пожаловался Александру Никита, – Ромка только к Ксюшке подсесть захочет, а та встряхнётся и отлетит от него. А ещё она дерётся с ним так, что перья летят!

Прошёл месяц, и дети обнаружили изумрудного Ромку мёртвым. Никитка очень переживал. И тогда, чтоб как-то горе мальчишки унять, Александр принёс ему небольшого котёнка.

– Саша, – начинала сердиться Елена, – ты совсем мне детей избалуешь своими подарками.

Соболев только смеялся:

– Ленка, не ворчи, ты сама, что ли, не была кошатницей? У вас с бабушкой их в доме аж целых три жило.

– А ты всё и помнишь! – радостно воскликнула Елена.

– Мама, мама, а как звали твоих кошечек? – забираясь к ней на колени с котёнком, спросил Никитка.

– Одну Мурка, другую Шкурка, а третий у нас мальчик был, по имени Трус, потому что всего боялся, – нежно прижимая сына к себе, сказала Елена.

– Мамуля, – вступала в разговор Вера, поглаживая в руках брата маленький, пушистый живой комочек – а как мы нашего назовём?

– А это уж вам решать. Саша, это точно кот, а вдруг кошечка? – засомневалась Елена.

– Мне на базаре сказали – кот, сам я не разглядывал.

– Ну-ка, сын, дай мне котёнка, сейчас мы выясним, кого нам дядя Саша принёс.

Елена посмотрела, потрогала котёночка и уверенно произнесла:

- Вас, дорогой Александр Алексеевич, надули, это не кот, а кошка...
- Твоя, Верка, Ксюшка, значит, котенку я буду имя придумывать. Будет она Люська.
- А почему Люська? – спросили одновременно Елена и Александр.
- Потому что мне так нравится, – почти торжественно произнёс Никита.

А попугайха Ксюшка весёлой летает, хозяйкой комнаты себя чувствует. После смерти Ромки клетка для Ксюшки стала вроде столовой. Купила Елена сыну яркочерного колобка и повесила под люстрой. Смешной такой колобок, меховой... Висит – всех веселит. Ксюха, облюбовав его, тут же устроила на нём себе спаленку. А ножки колобка в виде небольших висячих шариков стала использовать как кольца гимнастические. Зацепится лапками и крутит сальто, да всё вниз головой норовит. А то ещё на шпагат растянется. Ни дать ни взять – «гимнастка юная».

Так освоилась попугайха Ксения в квартире, что совсем перестала бояться. То к кому-то на ногу заскочит и ну колготки или носки рвать, то на голову усядется и в волосах что-то выискивать начнёт, то с руки корм клевать. Даже целоваться с детьми научилась. Хозяйкой себя считала. По полу бегает, к Люське совсем близко подходит, на хвост забирается. Елена с детьми переживает – котёнок, котёнок, а как лапой даст, тут и конец Ксюшке придёт...

А та себе на уме. Что-то искать начала. Оказалось, решила гнездо где понадежнее обустроить. Неглупая птица, поняла, чем может грозить ей появление в доме хищника.

Когда Александр к ним в очередной раз пришёл, дети наперебой стали ему рассказывать:

– Дядя Саша, а наша Ксюшка гнездо себе в гитаре устроила...

– Мама говорит – там удобно и безопасно. За струнами надежно и никакой Люське её не достать.

Александр посмеялся птичьей выдумке, да приделал там ей для удобства жёрдочку. И стала попугайха Ксения в гитаре большую часть своего времени проводить. Сядет на жёрдочку и начинает на всю комнату петь-трещать, Люську к себе звать. Та подбежит, на кресло заскочит, на задние лапы встанет, передними в гитару упрётся и во все глаза смотрит на певичку Ксению. А то по струнам лапой бить начнёт, мяукать. Тут уж у них музыка дуэтом идёт.

Пережив зиму в гитаре, Ксюшка сбросила с себя почти все перья. Маленькая её головёнка оказалась совсем лысой. В доме паника – что с птицей? А причина проста: непривычно оказалось солнечной птичке без света жить. Пришлось её срочным образом лечить. Всё в ход пошло: масло облепиховое, витамины детские, ультрафиолетовые лучи. Из гитары Ксению в клетку пересадили, лампу настольную поставили. Делали всё, лишь бы попугайха вновь свой красивый вид обрела...

Так Александр и подружился с детьми Елены. А однажды, забрав из Светлого у родителей дочь, к ним в гости свою Лизавету привёл...

– Ну что, дети, может, одной семьей станем жить? – спросил он у них.

Те, уже успев познакомиться, дружно крикнули в ответ:

– Ура!!!

– Одной семьей, – добавила рассудительно Вера, – идея правильная...

Лиза подпрыгнула так высоко, что Александр еле поймал её, поднял над собой и, подмигивая дочери, сказал:

- Ну что, Елизавета, одобряешь предложение папы?
 - Конечно, папуля, я всегда мечтала о сестричке и братике!
- Елена смотрела на Александра и детей и от переполняемой радости улыбалась:
- Думаю, переговоры на высшем уровне прошли успешно для обеих сторон.
- Все счастливо засмеялись.

Письмо Александра Соболева

Елену и Александра Светлана уже больше полгода не видела. У всех заботы свои... Да и она теперь уже в своей библиотеке пост замдиректора имела, а с этим и хлопот прибавилось, и ответственности. Однажды, когда из библиотеки возвращалась домой, заглянула в почтовый ящик и обнаружила извещение на посылку из Энска от Александра Соболева. Подумала, и что это он мог прислать им с Глебом? Подождала мужа с работы, и вместе на почту пошли. Когда дома раскрыли посылку, обнаружили в ней свою коробку с письмами и ещё одно, отдельное, письмо от Сашки:

«Привет, дорогие Светлана и Глеб!»

Возвращаю вам ваши письма, которые на самом деле стали мне настоящей поддержкой в трудные часы и дни моей жизни. А вообще-то не только мне, прочла их и Лена. Мы вместе читали. Вы сказали вернуть их, когда я вновь обрету счастье, так вот, докладываю: на небосводе моей жизни вновь светит солнце. И всё это благодаря вам, это я о нашем приходе к Елене год назад... И о письмах тоже...

Я всегда чувствовал, что Лена именно та единственная женщина, которая определена мне судьбой, да и она сама призналась мне в том же. Наверно, я слишком долго тянул со своим признанием ей тогда в школе, меняя девчонок. Вот Лена и подумала: не получится из меня настоящего мужа и отца для её детей, и дала согласие своему Виталию, что дожждётся его из армии и выйдет замуж. Она человек слова. Так наши дороги разошлись на целых 16 лет, но в книге судеб записано быть нам вместе, и мы будем. Не старики поди, всего по тридцать шесть... Вполне можно ещё одного ребенка родить. Но это я так, философствую...

Три месяца мы просто встречались, гуляли... Раз обжёгшись на молоке, теперь дули на воду, это, конечно, образно, ведь когда я с тобой, Глеб, зашёл к Елене и обнял её, я уже тогда понял, что она и есть моя половина. Было такое ощущение, что наши тела в тот момент наконец-то соединились крепко-накрепко, как в магнетизме соединяются плюс и минус. Затем мы сошлись – и стали жить... Всё ещё изучая себя на совместимость...

Подружился я и с Елениными детьми, они приняли меня, точно родного, приняли и мою дочь, а она их. Слава Богу, она в соболевскую породу пошла, доброй девочкой растёт. До встречи. Александр Соболев.

Внизу была приписка Елены:

P.S. Светка, милая, я робко, боясь спугнуть, начинаю счастливить. Сашка, слава Богу, не мираж. Он рядом, тёплый, добрый, родной! Мой! Спасибо вам с Глебом за всё

и самое главное – за ваши письма, я тоже их все прочла. Они мне на многое открыли глаза. А ещё я почувствовала вновь себя молодой, в том, уже далёком нашем выпускном 1980 году. Спасибо. Ваша Елена. На Новый год приезжаем в Светлое. До встречи, которую жду очень-очень! Ваша Елена».

Встреча Нового 2000 года

Новый год – самый яркий, волшебный, искрящийся праздник! Сколько красок, костюмов, улыбок! Ёлочные новогодние шары, блеск мишуры, сочный запах лесной красавицы ёлки, бенгальские огни, Дед Мороз со Снегурочкой, хлопушки, ночное гулянье под их праздничные разрывы, поздравления родных и друзей, танцы и песни, новогодние телевизионные представления! Возможность собраться всей семьёй с родителями и друзьями! Наказ детям – отмечать этот праздник только в семье. Подарки, лотерея, загадывание желания на шампанское под бой курантов сразу же после произнесенной по телевизору речи Президента страны – и всё это необходимо проделать за двенадцать ударов, и тогда ваше желание сбудется. Это Новый год, в котором живёт тайна, загадка, взгляд, устремлённый в будущее!

Новый год Казаковы, Соболевы, Ратники, Завьялов (приезд Арины Сергеевны ожидался только на Крещение) решили отмечать вместе. Уж если и начнутся какие-то проблемы, которые прогнозировались по всем каналам телевидения в связи с переходом одного тысячелетия в другое, решать их вместе всегда легче, чем поодиночке. Женщины накрывали на стол, дети наряжались в новогодние костюмы, а мужчины, сидя на диване и в креслах, руководили процессом, ведя нескучные разговоры.

– Ну, какие прогнозы, друзья? – с некой подковыркой первым затронул тему конца света Михаил Савельевич Завьялов.

– Ну например, я, мой дорогой друг, слышал, что конец света отменяется, – произнёс торжественно Алексей Соболев.

– Ну ты – понятно, а мне интересно, что по этому поводу думает наша молодежь? Ну-ка, просветите нас, стариков.

– Давайте начнём с того, что обсуждалось в средствах массовой информации, или проще, что мы имеем? – на правах хозяина дома сказал Глеб. – Я начну, вы продолжайте. Мир прощается с первым тысячелетием и веком XX! Кто назовёт ещё что-то?

– А отсюда вытекает, что мы становимся людьми не только прошлого столетия, но уже и прошлого тысячелетия, ты это имел в виду? – уточнил Сергей.

– Папа, – обращаясь к Глебу, произнёс сын Казаковых Сашка, – по телеку говорили, что все компьютеры мира в эту ночь дадут сбой, что повлечет крах мировой банковской системы, вот.

– Что ж, яйца стали учить куриц, как лучше высиживать цыплят. Кыш под лавку, мелюзга! – шутиливо заворчал на внука Завьялов.

– Я уже давно, дедушка, не мелюзга, и компьютер знаю, как свои пять пальцев, а ты боишься даже на кнопку «Пуск» нажать, чтобы систему запустить.

– Ладно, ладно, не будем спорить под Новый год, лучше послушаем, что знает Сергей? – примирительно пробасил Михаил Савельевич.

– А у меня есть сведения, – сказал Сергей, – что подскочила продажа личного оружия, а компьютерный сбой может привести мир не только к краху банковской системы, но и к ядерной катастрофе.

Зашедшая в комнату с блюдом салата Валентина, брызнув от смеха, громогласно произнесла:

– Тогда, мужички вы наши дорогие, мы вас обязаны не за стол праздничный сажать, а к Глебу в гараж отправлять бункер для нас подземный рыть, а мы уж вас на первое время провизией с новогоднего стола, так и быть, обеспечим.

– Правильно, Валюша, сидят, болтают о пустом, по принципу одна баба сбrehнула, другая не разобрала, третья по-своему переврала, – входя в комнату с тарелками и вилками, сказала Галина Игнатьевна. – Нашли тему для разговора! Лучше бы обсудили уход в отставку Ельцина, о чём он объявил в своём телеобращении сегодня, назначив какого-то Путина исполнять обязанности Президента Российской Федерации. А я, например, об этом человеке до этого вообще ничего не слышала. Кто хоть он такой, этот Путин?

– Теперь уже бывший председатель правительства, дорогая Вы наша Галина Игнатьевна, – сказал Алексей Соболев, – сразу видно – политикой Вы не интересуетесь.

– А чего мне ею интересоваться, когда вся политика – это сплошные обещания? Ельцин в 1991 году что народу обещал? Голову на рельсы положить, если цены начнут повышаться. И что? Сколько мы уже тех повышений пережили... Слово не воробей, вылетело – не поймает. А его плечи до сих пор эту обещалкину голову носят.

– Правильно, Галина, поддерживаю тебя на все сто, – сказала входившая с нарезанным хлебом в зал Татьяна Александровна, – у мужчин политика, что футбол: одни в неё играют, как Ельцин и еже с ним, а другие обсуждают эту игру, что и делают сейчас наши мужики...

– Вот так нас наши жены, матери и дочери к стене припёрли, – засмеялся Алексей Юрьевич.

Пока в большой комнате шли обсуждения политических изменений и конца света, Елена со Светланой, уединившись на несколько минут, обменялись последними новостями.

– Ну, как у вас с Алексашкой, подруженька? – спросила первой Светлана.

– Только никому, хотим сюрприз сделать, – произнесла заговорщицки Елена, – мы с ним заявление в ЗАГС подали.

– Поздравляю! Господи, дорогой, благодарю за моих друзей! – произнесла с чувством Светлана. – Глядишь, ты ему ещё сына родишь, дочь-то у него уже есть, для полного счастья только родного сына, продолжателя рода, и не хватает.

– Светка, нам с тобой тридцать шесть уже, забыла или как? Сашке – около тридцати семи...

– Ну не знаю, Ленуся, это раньше, если девушке двадцать, то она, как пушкинская Марья Гавриловна из «Метели», немолодой считалась, а в наше время женщины и под пятьдесят за милую душу рожают. Я, например, больше в литературе

случаев помню, когда мужиков стариками обзывали, как, например, мужа Анны Карениной, которому в начале книги – 46, или старикану-кардиналу Ришелье в «Трех мушкетерах» – 42. А у Тынянова читала, цитирую: «Николай Михайлович Карамзин был старше всех собравшихся. Ему было тридцать четыре года – возраст угасания». Обалдеть! Тридцать четыре – и уже возраст угасания! Слава Богу, сейчас все возрастные критерии перечеркнул знаменитый Дмитрий Балашов. Ему в семидесятилетнем возрасте его жена Ольга двух пацанов родила. Так что дерзайте, а я в крёстные матери пойду. У Любашки Валентиной стала и к твоему сынку пойду.

– Ну если так, то ловлю на слове. Сказала – уже не отвертись. Открою тебе ещё один секрет, о котором даже Сашке не сказала ещё – я уже беременна, Свет, боюсь признаться, засмеют. Три недели уже, – произнесла смущенно Елена.

– Ленка, радость моя! Какая же ты ещё дурочка! Засмеют! Надо же брякнуть такое? Да мы все с тебя пылинки начнём сдувать, только роди! Вот это по-нашему! Пока не созрешь сама сказать, я – молчок! Всё, пошли, а то с поисками пойдут, – радостно предложила Елене Светлана.

Окна дома осветили фонари подъехавшей машины. Галина Игнатьевна, удивляясь, произнесла:

– А это кто может быть? Ну если только Дед Мороз приехал в своей колеснице нас поздравлять.

Александр вскочил и сказал:

– Валя, ма-а, Галина Игнатьевна, подсуетитесь насчёт чистых тарелок, я тут пригласил с нами Новый год встретить Игоря Стрельникова с женой его Надеждой и сыном Григорием. Давайте, давайте, а я бегу их встречать!

Когда Александр вышел, Алексей Юрьевич пояснил:

– Этот Игорь очень достойный человек, с такой пламенной речью выступил как свидетель на суде, что кто и сомневался в невиновности сына, сомнения отбросили.

– А чего ты нам, друг, разъясняешь? Мы и так знаем, что Сашкины друзья – всегда наши друзья.

Женщины достали из стенки новые приборы для гостей и поставили на стол.

А в комнату уже ввалился настоящий Дед Мороз с мешком подарков и Снегурочка с маленьким Новым 2000 годом на руках. Дед Мороз-Стрельников произнес:

– Мир этому дому! Люди добрые, принимаете ли вы нас со Снегурочкой и сыночком нашим в свою компанию?

И все весело закричали:

– Принимаем!

А Татьяна Александровна добавила:

– Добро пожаловать, дедушка, с Вами в наш дом ещё и сказка пришла!

– И не только сказка, – добавила Галина Игнатьевна, – Надежда. Замкнулся круг. Вера и Любовь есть, теперь и Надежда появилась...

– Мама, как Вы точно подметили! – радостно произнесла Светлана.

– Вот и первый гост сам по себе народился: за Веру, Надежду и Любовь в наших домах и сердцах! – провозгласил Михаил Савельевич. – Парни, наливайте да ухаживайте, ухаживайте за своими дамами!

Собравшихся за одним большим столом вместе с детьми оказалось восемнадцать человек – двенадцать взрослых (прямо по числу апостолов) и шестеро детей. И после первого тоста подняли рюмки ещё и за Старый год.

И тут слово взял Александр Соболев.

– Если вы не против, отцы семейств, прекрасные дамы, дети, я бы тоже хотел высказаться на тему конца света.

– Ну вот, опять двадцать пять, – произнесла Татьяна Александровна, – ты что, сынок, весь сыр-бор проспал?

– Ну что ты, жена, в самом деле, пусть сын выскажется, – басисто пробурчал Алексей Юрьевич.

– Мама, не переживай, я притчей скажу, – нежно обращаясь к матери, произнёс Александр. – Итак: у одного Моллы был хороший баран. Повесы, сговорившись между собой, начали один за другим приходить к нему и говорить о конце света, мол, мы умрём, отправимся на тот свет, так для чего держать живность, когда лучше сделать из неё шашлык и съесть. Первому Молла не поверил, но когда пришел второй, третий, решил поступить, как советовали ему. Заколол барана и принялся готовить шашлык. В это время повесы, сидя в сторонке под деревом и ожидая угощение, радовались, как они легко провели Моллу. Нечаянно подслушав их беседу, Молла подошёл к гостям и, собрав все их вещи, сказал, что отнесет их в дом на случай дождя. А пока жена приглядывала за шашлыком, вышел другим ходом из дома, сбегал на базар, продал вещи обманщиков, а на них нового барана себе купил. Когда гости шашлыка наелись, попросили одежду принести, чтобы домой пойти. Тут-то Молла и говорит им: «Вся ваша одежда, друзья, на тот свет отправилась, сколько я ни уговаривал её до завтра подождать». Один из гостей спросил: «А в чём же мы домой пойдём?» Молла, качая головой, ответил: «А зачем вам одежда, если завтра объявлен конец света?»

Все засмеялись, даже дети.

– Молодец, братец, – похвалила Сашку Валентина, – а теперь, может, песню споём? Еленка, начинай, у тебя, я слышала, голос красивый.

Лена не стала себя дважды упрашивать и тут же запела: «Вдоль по улице метелица метёт»... и все тут же подхватили: «Ты постой, постой, красавица моя, / Дозволь наглядеться, радость, на тебя!»

Спели ещё несколько песен, опять произнесли тост, и Александр вновь попросил слово:

– Дорогие мои родители, друзья, дети, хочу вас уведомить, что через месяц у нас с Еленой роспись и венчание в нашей церкви Рождества Божией Матери. Заявление уже подано. Единственное – мы не хотим никакой помпезности, пусть всё будет очень скромно, но чтоб уже на всю оставшуюся жизнь. Всех присутствующих просим быть. Торжество состоится 21 января 2000 года, сразу после Крещения. В таком же тесном семейном кругу.

– Ура!!! – закричала Лиза. – Теперь Вера и Никитка будут моими настоящими братом и сестрой!

– Устами младенца глаголет истина, – произнесла обрадованная Татьяна Александровна, – наконец-то наши половинки сошлись. Спасибо, детки, за такой подарок на Новый год!

Александра и Елену, а также их детей все стали поздравлять...

– В таком случае, за это стоит выпить ещё в Старом году, – произнес радостно Глеб.

А когда до боя курантов осталось минут пятнадцать, Света спросила:

– Ну, кто на шампанское будет загадывать? Я уже листочки и ручки приготовила...

– Это забава уж точно не для мужиков, мы лучше о политике поговорим. Интересно, кто будет поздравлять: Ельцин или Путин? – предположил Завьялов.

– Может, ещё ставки сделаете? Через минуту-две покажут, не переживай, дядя Миша, кто-нибудь да поздравит, – сказала весело Валентина.

На экране появился новый президент России (пусть пока и исполняющий обязанности). Поздравлял россиян с наступающим Новым годом Владимир Владимирович Путин.

– Кто-нибудь, кто к телевизору ближе сидит, погромче сделайте, – попросил Александр, – все-таки первый раз главного человека страны сегодня слушать станем.

А с экрана уже лилась спокойная речь нового правителя России: «В эти минуты мы не только сверяем наши часы, мы сверяем наши помыслы и чувства, сверяем ожидания – наши ожидания с тем, что мы имеем в действительности. Позади остается ещё один год, год радостных и трагических событий, год трудных решений. Но всё-таки то, что совсем недавно казалось почти невозможным, становится фактом нашей жизни.

В стране появились заметные элементы стабильности, а это многого стоит и для политики, и для экономики, и для каждого из нас. Мы собрались, наконец, вместе и собираем Россию. Мы поняли, как дорого даётся и как высоко ценится достоинство страны.

Мы с вами знаем: в эту праздничную ночь далеко не у всех богатый стол, не в каждом доме счастье и успех. Мы должны помнить об этом, не забывать о том, что у нас ещё очень много работы, но выполнить её под силу только всем вместе. И тогда обязательно придёт время, когда мы будем спокойны и за наших стариков, и за наших детей. Дорогие друзья, я знаю, что все вы сейчас уже поглядываете на часы. Действительно, через несколько секунд мы одновременно вступим и в новый год, и в новый век, и в новое тысячелетие. Такое бывает нечасто и повторится лишь с нашими потомками, жизнь которых нам сегодня даже трудно представить. Именно им мы оставим в наследство и наши успехи, и наши ошибки.

Но в эти мгновения каждый из нас думает о своих любимых и близких. Хочу пожелать вам того, чего обычно желают своим родственникам и друзьям – здоровья, мира, благополучия. И, конечно, удачи.

Счастья вам! С Новым годом!»

«Ура!» – закричали дети, а Елена, Светлана и Валентина под бой курантов стали быстро писать свои желания на листочках, сжигать их и пепел запивать шампанским.

– У меня гост! – перекрикнула шум голосов Светлана, – пусть все мы войдем в новое тысячелетие и в новое столетие, обновлённые верой в прекрасное будущее

России, в ещё более крепкую дружбу наших семей! Со счастьем наших детей, здоровьем наших родителей и всех нас! Пусть нас всех хранит Господь...

* * *

Люди России, тогда, в новогоднюю ночь, они ещё не знали, что первый год нового тысячелетия будет отмечен такими событиями, как взятие Грозного и окончание войсковой операции, но при этом партизанское сопротивление на территории Чечни будет оставаться несколько не слабее армейского. Поэтому вторая война в Чечне для многих станет не просто наказанием боевиков – она станет «восстановлением величия России», а Путин – её символом. Но и здесь будет принесена жертва – в бою с чеченскими боевиками у высоты 776 погибнет практически вся 6 рота псковских десантников – 84 человека, самая значительная по числу убитых.

На президентских выборах, набрав 53,0% голосов, победу одержит Владимир Путин, который приобретёт популярность после жёстких действий против чеченских боевиков в Дагестане и Чечне. Поражение в первой чеченской войне станет для России звеном в цепи унижений «национальной гордости» – проигрыш в «холодной войне», распад СССР, «попрошайничество» кредитов у Запада, игнорирование российской позиции по Югославии...

Трагической новостью прозвучит, что в ночь на 17 июля 2000 года в Великом Новгороде будет убит классик современной русской литературы, автор многих книг, и в том числе серии «Государи Московские», Дмитрий Михайлович Балашов.

В Москве в одном из самых людных мест – в подземном переходе под Пушкинской площадью и улицей Тверской – прогремит взрыв, который унесет жизнь 13 человек. Более ста будут ранены...

Август в России потрясет трагедией не только россиян, но и всех неравнодушных людей планеты. Во время учений в Баренцевом море на глубине 108 метров затонет лучшая субмарина российского флота К-141 «Курск» со 118 подводниками. И далее – в Москве на Останкинской телебашне случится страшный пожар. Символ телевидения, самое высокое сооружение страны (537 м) загорится на высоте 460 метров. Погибнут 3 человека. Пожар будут гасить целые сутки.

В 2000 году в Россию из Германии вернутся фрагменты похищенной в годы Великой Отечественной войны Янтарной комнаты; Россия будет принята во Всемирную организацию бизнеса, в Международную торговую палату; и Нобелевскую премию по физике за создание основ современных информационных технологий наравне с двумя американцами получит российский ученый Ж. Алфёров. Будет утверждён государственный флаг (триколор), герб (двуглавый орел) и гимн (на музыку А. Александрова) России.

Как видим, никакого конца света не будет, и всё же – России придётся пережить ещё немало испытаний, прежде чем жизнь народа станет налаживаться, воцарится относительный мир и благополучие.

А вот насчёт «собрания России», о котором сказал президент Путин в своей первой речи в 2000-м, нужно будет пройти четырнадцать годам, когда Россия вновь вернёт себе Крым, а на Украине фашиствующие молодчики на майдане будут громить Киев – мать русских городов, о котором было сказано ещё в «Повести временных лет»: «И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским»»...

*Поселок Ревда Мурманской области,
2012–2016 г.г.*

В ПРОСТРАНСТВЕ ЛЮБВИ

В сборник рассказов Н. Большаковой включены как уже известные читателю рассказы, вошедшие в книги «Тиррв – по-саамски здравствуй!» и «Хлебные горбушки», так и неопубликованные. От книги к книге память писателя возвращает все новые и новые имена, факты, события. Воспоминания нанизываются одно на другое, структурируются, наполняются все новыми подробностями и не отпускают от себя.

Так первая часть сборника становится посвящением роду Галкиных, вторая – Юрьевых, оба – по линии матери, саами по национальности. Поморская линия писателя представлена лишь в рассказах об отце, их меньшинство. Это объяснимо: большую часть детства Надежда проводила у бабушки с дедушкой в селе Ловозеро.

Во всех переизданиях рассказов на первом месте писатель помещает философскую зарисовку «Куда уходит детство?». Это своеобразный лейтмотив автобиографических рассказов Большаковой. Память как символ связи прошлого и настоящего помогает осознать себя в потоке времени, сравнить себя взрослую, настоящую с маленькой, прошлой. Память – возможность переосмыслить многое из того, что случилось и с самим писателем в детстве, и с ее народом, понять истоки происходящего. Через сравнение своих чувств и чувств пришлых людей к Северу происходит формирование самосознания. География жизни ребенка ограничивалась селом Ловозеро, и сегодня местом традиционного проживания саамов, поселком Ревда (Ловозерский район), где жили родители писателя, и деревней Кушерека Онежского района Архангельской области, родиной отца-помора. Общение с бабушкой Наташей, саами по национальности, открывшей поэтический мир народных сказаний, с саамскими детьми, с которыми Надежда проводила все свои каникулы, сформировали в душе ребенка образ и острое ощущение родины: «Откуда им понять, пришлым людям, что вот, например, я считаю себя частью этих гор, берегов, озер, частью тундры. Как же так взять и вырвать себя из Кольской земли? Не приживусь в другом месте, закахну с тоски».

Большое место в рассказах Н. Большаковой занимает образ озера Сейдозеро, которое становится символом ее малой родины. Это пространство любви, созданное ее бабушкой, тот самый сказочный мир детства, который сформировал мировоззрение и стиль писателя, ее творчество. Надежда знакомит читателя с легендами о Сейдозере: «Говорят, это у вулкана чаша, потому на Иванов день по берегам его папоротники цветут, а зимой среди льда ключи кипят косматые. Говорят, что выют там гнезда лебеди. Они, словно души лопских предков, охраняют озеро от глаз пришлых людей... У Сейдозера есть озера подземные, сказывают, и рыба из верхнего Сейдозерского озера уходит в подземное, и тогда лови не лови – толку нет! Что правда, а что сказка?»; это и легенда о Куйве, главаре чуди, врагов саамов, который окаменел в скале и стоит, озеро сторожит; это и легенды о жителях Ловозера, как, например, о Васе-лопаре (Василии Хатанзее, в прошлом богатом оленевode, а теперь старом, никому не нужном человеке).

В рассказах представлена саамская народная педагогика. На вопрос ребенка, в чьем доме они остановились для сборов морошки и чьи в нем продукты, бабушка отвечает: «И твои, и мои, и всем по труду – дом родной. Дрова сгорят – новые принеси, продукты поистратились – свои положи, не один путник такой едой спасся».

На том живем-держимся». Взаимоотношения бабушки и внуки – яркий пример передачи знаний от поколения к поколению в традиционном саамском обществе. Бабушка делится и заветами своих родителей: «Семь раз головой подумай, что язык твой выкинуть хочет. От хороших слов глаза блестят, сердце поет. От злых, грубых слов – брови сходятся. Тяжелое слово человека убить может...» («Старики ушли с островов»), «Помни, внученька, земля – мать родна. Землю пожалеешь – станешь мудрей. Воду чти, без воды человек что пень сухой. Воду испьешь – молодость вернешь. Вода рыбку дает, рыбку съешь – умной станешь» («Тоска по озеру»).

Н.Большакова много размышляет о своих корнях – по материнской и отцовской линии, о скоротечности жизни, о любви к родине, о счастливом детстве. Писатель исподволь подводит нас к выводу: отлучение от традиционного образа жизни приводит к необратимым последствиям – разрушается нравственность этноса. Вывод звучит из уст бабушки, символизирующей мудрость саамского народа: «Сейчас саамам чужие дела навязали, свои исполнять некогда. Вот народ и меняется на глазах» («Баба Настя»). В результате нарушается самый главный закон саамской жизни – закон гармоничного существования человека и природы: «Как старики наши ушли с островов, так те словно умерли, будто кто острова на замок закрыл» («Баба Настя»).

Не обошла писатель и тему репрессий, о которых узнала уже взрослой, что прадед Федот Галкин и дед Петр Фомин были посажены в тюрьму по необоснованным обвинениям. О трагедии коллективизации скупое повествуется через историю жизни двух дедов писателя.

Автобиографические рассказы Н. Большаковой отличает исповедальность. Писатель не боится открывать свой внутренний мир, через который становится доступной окружающим. В повествовании она искренна, максимально точна фактологически, кроме того, сопрягает события своей жизни с событиями в стране.

Третью часть сборника составляют очерки, посвященные саамским людям, с которыми Н. Большакову свела судьба и которые оставили яркий след в ее памяти: Якову Ивановичу Юшкову, Павле Ивановне Коньковой, Ивану Михайловичу Галкину, Марии Ивановне Захаровой, Павлу Поликарповичу Юрьеву, Александре Андреевне Антоновой. Люди эти значимы в той или иной степени и для саамского народа, поэтому рассказы о них Большаковой имеют огромное значение и представляют интерес для саамов, ведь многие из них помнят героев очерков.

Четвертая часть сборника – дань памяти людям, которые внесли значимый вклад в изучение культуры коренного народа Севера. Это Захарий Ефимович Черняков, легендарный для саамов человек, автор первого саамского букваря, созданного на латинской графике в 1933 году; Василий Георгиевич Мужиков, историк, краевед, составитель и редактор «Географического словаря Кольского п-ова»; и, конечно же, Георгий Мартынович Керт, посвятивший себя изучению саамских диалектов на территории России, с ним Надежду связывала долголетняя дружба.

При всей личностности и субъективности Надежда Большакова пишет не только свою биографию, но и биографию своего рода, поселка, которая отражается в судьбах каждого из героев. В ее рассказах тесно переплетаются время личное и время историческое, душевная жизнь персонажа-рассказчика и духовная жизнь своего рода.

Виктория БАКУЛА

Мой путь – земля моих предков
Избранные рассказы

Часть первая

КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО?..

Помню, в школе мы все пели эту песенку: «Куда уходит детство, в какие города, и где найти нам средства, и как попасть туда?..»

Память – единственный поезд, который может домчать тебя до твоего детства.

Иногда приходится слышать о нашем Севере обидные слова даже от тех, кто рядом: «И чего, мол, здесь хорошего, зачем тут киснуть? Выбираться из этих гиблых мест надо...» Таких хотелось бы спросить: «Если эти места гиблые, то чего вы сюда приехали, зачем сидите?»

Откуда им понять, пришлым людям, что вот, например, я считаю себя частью этих гор, берегов, озер, частью тундры. Как же так – взять и вырвать себя из Кольской земли? Не приживусь в другом месте, закахну с тоски.

По материнской линии происхождение мое идет от древнего саамского рода Галкиных, что испокон века проживает в Ловозерских тундрах. Отцовская линия уходит корнями к поморам Архангельской губернии в деревню Кушереку. Север – мои корни, моя жизнь, и никуда от этого не деться.

Летит время, и если раньше дню, казалось, не будет конца, то сейчас не успеешь оглянуться – а он, день, уже прошел, а там следующий к закату клонится, смотришь – и год на исходе.

И только поезд памяти уносит меня в детство – беззаботное, солнечное, счастливое. А разве может быть иначе, когда у тебя были любимые бабушка, дед, есть родители? И такое прекрасное место – земля Лапландия!

И почти не верится, что была та, другая жизнь, когда искали мы клады, зарывали в землю «секреты», играли в игры, которые нынешние дети уже и не знают: в многоголосых казаков-разбойников, в бойкую лапту или «кислый круг», соревновались в меткости, выбивая городки... Или когда самой заветной и осуществимой мечтой была – поездка с бабушкой на Сейдозро.

Время меняет многое: теперь дети мечтают одругом – об электронных играх, о больших городах, о море и за границе. Запоматовав тропы своей родины, мы спешим, только забрезжит лето, увезти их на юг, отрывая тем самым от корней, от родной земли, от того, что мило сердцу, без чего нельзя жить.

ЛАПЛАНДИЯ – СААМОВ КОЛЫБЕЛЬ

Если посмотреть на ранние карты Кольского полуострова, мы увидим сплошное

белое пятно с общим названием «Лопь». Кольский полуостров для всего мира многие столетия оставался закрытой книгой, в которую хотелось заглянуть и разгадать ее тайны. В мое сознание название «Лапландия» впервые вошло из сказки Андерсена «Снежная королева». Красивое, таинственное, с необыкновенными загадочными жителями – лопью, финнами... Земля суровая, студеная, с ледяным, колким осенним ветром, зимними снежными бурями, пургой, сугробами в пояс, а то и в рост человека, с затяжной весной и коротким комариным летом. Лапландия – край скал, лесов и болот. Здесь на спинах великанов-валунов растут причудливые сосны, лохматые ели, стелются карликовые березки. Для приезжих Лапландия неприветлива, для коренных жителей – колыбель, мать, домродной... И так захотелось людям рассказать, о чем Север поет!

О чём ты, Север, поешь в своей колыбели?
О чистом, снимающем все грехи снеге?
О вихрях и пургах, сбивающих с ног?
Или о красных гроздьях рябины,
усыпанных снегом?
Ты, Север, поёшь о корявой сосне,
растущей на камне – владычице нашего леса.
О сиянии, посланном Богом,
О горах каменистых и мшистых
поешь ты, мой Север – земля моих предков.
А зеркальность озер с отражением гор и лесов!
Белоснежность фаты на зимних березках!
Клёкот чаек, зовущих в полёт...
Это – Север! Край суровый и нежный,
край черной полярной ночи и
ясного летнего дня!..
Я росла, созревала, наливалась соком
морошки, я впитала всю твою красоту.
Дух мой креп и мужал,
а душа становилась чистой и нежной,
как у важенки в пору любви.
Всем меня осчастливил ты, Север.
За это поклон тебе низкий,
и сердце навеки остается с тобой.
Вот о чем ты, Север,
поешь в своей колыбели!

РОДОСЛОВНАЯ

Меня всегда занимали родословные великих людей, и я думала, как бы исхитриться так, чтобы свою составить. Но казалось – сделать это невозможно. Стариков

осталось – раз-два и обчелся. И все-таки искушение найти свои корни было слишком велико, поиск начался.

Сначала выяснила все о ближайших родственниках – бабушках, дедушках, затем постепенно, шаг за шагом, стала вырисовываться линия моих предков: Галкиных, Лопских, Фоминых, Юрьевых.

МАКСИМ И ФЕДОТ ГАЛКИНЫ

По материнской линии мне удалось восстановить родословную Михаила Галкина, который в Ловозере проживал еще в 1716 году, он и является пока что самым старым представителем древнего рода саамов. В книге «Ловозеро» о жителях села говорится следующее: «В 1716 году в Ловозере стояло 5 веж, в которых проживало 40 душ мужского пола – домохозяева Селивановы, Галкины, Юлины, Сазоновы и Семеновы».

Работая в Мурманском государственном архиве по метрическим книгам, я нашла уникальные для нашего рода записи: «2 февраля 1875 года состоялся брак крестьянина Архангельской губернии Александровского уезда Кольско-Лопарской волости Ловозерского прихода Максима Ефимовича Галкина, православного исповедания, второго брака, 34 лет, на девице Кильдинского погоста Кольского Благовещенского собора Анфисе Елизаровне Антоновой, православного исповедания, первым браком, 19 лет. Совершил таинство ловозерский священник Петр Ручьев. Поручители: крестьяне Ловозерского погоста Егор Трофимович Галкин и Вороненского погоста Григорий Федорович Галкин 2-й; по невесте: крестьяне Ловозерского погоста Семен Ефимович Галкин и Вороненского погоста Петр Филиппович Логинов».

Здесь речь идет о моем прапрадеде. Прочитав о девице Антоновой из Кильдинского погоста, подумала: а не родственники ли мы с Александрой Андреевной Антоновой? Ведь и все ее родные – выходцы из Кильдинского погоста, может, не просто нас так тянет друг к другу, и связь эта большая, нежели просто дружба? Это и предстояло выяснить.

Читаем дальше: «24 февраля 1879 года родился сын Федот у крестьян Архангельской губернии Александровского уезда Кольско-Лопарской волости Ловозерского прихода Максима Ефимовича Галкина и его законной жены Анфисы Елизаровны».

Через время: «22 января 1905 года состоялся брак крестьянина Архангельской губернии Александровского уезда Кольско-Лопарской волости Ловозерского прихода Федота Максимовича Галкина, православного вероисповедания, первого брака – 25-ти лет, с дочерью Георгия Михайловича Сорванова Марией Георгиевной Сорвановой, православного вероисповедания, первого брака, 23-х лет. Совершил таинство священник Ловозерского прихода Павел Розов. Поручители: по жениху – Андрей Иванович Захаров и Илья Максимович Галкин, по невесте – Иван Федорович Юлин и Георгий Кондратьевич Галкин».

Эти две записи касаются уже моего прадеда.

23 августа 1908 года рождается дочь Наталья у крестьянина Александровского уезда Кольско-Лопарской волости Ловозерского прихода Федота Максимовича Галкина и его законной жены Марии Георгиевны. Эта запись касается моей дорогой бабушки.

Галкиных в Ловозере много, только у Максима, отца Федота, взрослых дочерей

и сыновей шестеро. Летом семьи на Сейдозере и островах, зимой в селе, в прокопченной деревянной избушке, топившейся по-черному. Жизнь нелегкой была. До революции Галкин Максим с сыновьями в Колу ездили добытое охотой и рыбалкой продавать.

Был там один «добрый» купец. Радужно саамов встречал, в горницу зазывал, говаривал: «Ты, Максим, погоди с делом-то, поначалу угощенье наше отведай».

И угощал. Обильно! Водкой поил не скупясь. Хитрый был, бестия, знал, что рюмка четвертью обернется. А когда лопари, как говорится, лыка не вязали, торги начинал. За пуд рыбы 45 копеек платил. А привозили Галкины по десять пудов. Купец понимал: вырученного им хватит на пару понюшек табаку. А когда видел: пригорюнились лопари – аванс предлагал. По пятьдесят рублей одалживал. Так и держал в постоянном долгу. Удел отдавать за бесценое добытое кровью и потом, вечно чувствовать себя в долгу у богачей был у многих саамов до революции.

Непростой сложилась жизнь и у сына Максима – Федота, который в ловозерских тундрах оленей пас да рыбу ловил.

В погосте Ловозера жила девушка – красавица Мария. Полюбил ее Федот, взял замуж за себя. Молодую жену сказками развлекал, которых знал множество, а того больше песнями.

В 1910 году приехал в Ловозеро Владимир Юльевич Визе – ученый-песенник. На Сейдозере с Федотом познакомился, песни его записал. В своих заметках записывал: «...живут тут только в летнее время так называемые сейдозерские лопари: Кузьма Данилов, Гаврило Захаров, Максим и Федот Галкины с их женками». Понравились ученому веселые да умные саамы. Сначала они песни русские в его исполнении слушали, затем свои, саамские, ученому напели.

Пел Кузьма, пел Федот, долго тянул один и тот же слог, затем шли слова. Голос дрожал, звук раскачивался сверху вниз.

В песнях тех была беспредельная тоска, грусть, вырывавшаяся прямо из груди народа! Пели Кузьма и Федот вместе. Хвалили «осень черную», «суземок великий» за то, что посылали они им оленей с красивыми рогами, что есть сыт человек.

Вскоре после той встречи легла на сердце Федотатоска. Мария, жена любимая, умерла, оставив сиротою дочь Натальюшку. Суровость жизни в тундре заставила Федота загнать тоску-печаль внутрь себя и искать для дочери новую мать. Нашлась она у Егора Кириллова. Анастасия Егоровна неплохой женкой оказалась, доброй, справной, Наталью не забижала, а мужу ещё и дочку Дашутку родила да двух сыновей.

Наталья же своей улыбкой все больше напоминала ему Марьюшку. Парня с Терского берега встретила, замуж вышла и уехала из Ловозера. Только раз еще и видел ее отец. В 1933 году приезжала она в Ловозеро, по саамскому обычаю, дочь свою Лизавету, маму мою, продать, чтоб от смерти закрыть. Об этом я пишу в рассказе «Проданный ребенок».

Война застала Федота уже в возрасте. Теперь все вокруг его дедом называли, да и понятно, за шестьдесят, поди, перевалило!

Поручил ему колхозный председатель с еще двумя дедами коров пасти. А что дедам делать? Пошли. И пасли – до первой беды. Случился большой туман, низги не видать – четырех коров и недосчитались. В топь попали. Разве могли старики

угадать, что коровы тундры не умели чувствовать? Не углядели за стадом. Они привычны к оленям, за теми по пятам не надо ходить, у них ноги чуткие, знают, куда встать. «За вредительство Советской власти» всех троих в тюрьму и кинули, дело «саамских националистов» повесили. Такой позор на седые головы!

Заболела душа Федота в тюрьме, не выдержал позора человек – умер. Родным маленькая бумажка пришла, в которой сухо говорилось, что заключенный Федот Максимович Галкин умер в тюремной больнице. И ни слова больше. Ни отчего смерть пришла, ни где похоронили. Вот такая судьба досталась моему прадеду.

ФЕДОТОВА РЕЧКА

Однажды Агафья Ефимовна Юрьева, будучи совсем молоденькой девчонкой, ехала по тундре райдой¹. Дело в начале тридцатых было. Лето по ту пору на редкость жарким выдалось, даже ягель под ногами оленей крошился. На пути ни одной речушки, болотца не встретилось. Люди от долгой езды устали, оголодали, а воды и на чай негде набрать. Остановил тогда райду Федот Галкин, родной дядька Агафьи по матери, а мой прадед, и говорит:

– Куваксу² ставить будем, спать ложиться, а поутру я вам речку прямиком возле куваксы и проложу.

Посокрушались женки, да делать нечего, ноги бить в поисках воды никому не хотелось.

Утром проснулись, слышат – рядом что-то шумит. Первая дума – помочиться кто-то у куваксы вышел. Время прошло, а шум не исчез. Приподняли полог, выглянули, глаза трут, поверить не могут: рядом с куваксой небольшая речушка течет.

Подошел к ним Ефим Юрьев, отец Агафьи, говорит:

– Это Федот, дядька ваш, из нутра земли речку на тундру поднял, потому что очень знаткий³ он человек. То вы помнить должны: не каждому дано воду из земли наверх поднимать. Несите котелки, чайники, костер разводить будем.

Переглянулись женки в куваксу за посудой полезли, а промеж себя говорят:

– Гляди-кось, чудно, спать ложились – не было речки, проснулись – журчит.

– А я уж слышала, что у нашего Федота сила великая имеется...

– Молчи, никому об этом не говори хоть...

Агафья, если б тому не была свидетель, не поверила, кто б рассказал, а так своими глазами видела, из речки воду пила. Может, и по сей день та речка по тундре течет, да только разве угадаешь ее теперь! Бывальщину эту про Федотову речку в роду Галкиных да Юрьевых и сейчас рассказывают, дошла она и до меня.

БАБУШКА НАТАША

1 Райда – «олений поезд», сцепка из нескольких упряжек с санями для перевозки грузов.

2 Кувакса – (коввас) – переносное саамское жилище, устанавливаемое конусообразно. Строилось по типу шалаша из жердей, обтягивалось оленьей кожей.

3 Знаткий – старейшина саамского рода, шаманов.

Наталья Федотовна – в девичестве Галкина, по первому мужу Лопская, по второму Юрьева – была жизнерадостным, никогда не унывающим человеком. Заразительно умела смеяться, а уж если сердилась – то от души. Родилась она, как уже было выше отмечено в записи метрической книги, в 1908 году и за свой недлинный век всю тундру на оленях объездила, рыбачила на море Баренцевом, на Ловозере, на Сейдозере.

Первый ее муж, Иван Алексеевич Лопский, родился на Терском берегу. Вот что написано о его рождении в метрической книге за 1908 год. 25 сентября у крестьянина Архангельской губернии Александровского уезда Тетринской волости Тетринского прихода Алексея Ефимовича Лопского 1883 года рождения и его законной жены Пелагеи Георгиевны 1993 года рождения (оба православного вероисповедания) родился сын Иоанн.

Иван с родителями проживал в Харловке, пастушил у богатого оленевода Фомы Мелентьева. Не раз в Ловозерском погосте бывал. По вечерам заглядывал на сирпархт – саамские вечерки, там и приметил Наталью Галкину – улыбчивую, веселую саамскую девушку, а затем через всю тундру увез ее к себе в Харловку.

Только не везло Наталье с Иваном на детей. Первая доченька, Юленька, совсем крошечкой умерла, умер и сын Костенька. Родилась Лизавета, мама моя, и решила Наталья съездить в родное село да по саамскому обычаю продать дитё. Так стала Лизавета названной дочерью большой семьи Даниловых.

В войну, когда все мужчины ушли на фронт, женщины сами стали ходить в море на карбасах⁴ – в шторм, в снег. В ледяной воде сети ставили, руки в кровь мерзлой рыбой сбивали.

Позже пришло молодой женщине извещение за номером 89/211, где было описано, что ее «муж гвардии красноармеец Лопский Иван Алексеевич в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 20 мая 1942 года и похоронен в могиле на 46-м километре...» Иван погиб на Кандалакшском направлении. Так Наталья Лопская стала вдовой с маленькой дочерью на руках.

В 1943-м, когда наши войска отбили немца от Западной Лицы, рыбакам с побережья разрешили не только на реках промысливать, но и в море Баренцевом на промысел ходить. Харловские женки и на лесозаготовки ездили, и в колхозе на фронт работали. С 1944-го Наталья Лопская числилась матросом в рыболовецкой бригаде. Варила рыбакам уху, уходила на ботах в море.

А в 1947-м после войны перебралась с дочерью в Ловозеро.

ЛОПСКИЕ

И еще немного о Лапландии, лопарях и появившейся в соответствии с этим фамилии Лопские. Впервые слово Лапландия упоминается в исторических документах XII века, а слово лопь появилось в русских летописях в XV.

4 Карбас – поморское парусно-гребное промысловое и транспортное судно среднего размера.

Лопари, как писал известный мурманский историк и краевед профессор Иван Федорович Ушаков, всегда пользовались у русского населения уважением за честность и доброту. Писатель Мамин-Сибиряк отзывался о лопи так: «У очага лопаря – бескорыстие, честность, любовь к семье»; краевед Верещагин: «Бог дал лопарям душу, одаренную прекрасными свойствами». Примеров употребления в историко-краеведческой литературе слова «лопарь» можно приводить великое множество.

Например, в Новгородских пятинных книгах можно встретить этнопоним-Лопский конец: «... на Выгозере у моря деревня в Лопском конце...»

В XVI веке саамы населяли среднюю и северную Карелию, распространялись до Онежского озера и были в большинстве своем рыбаками и охотниками. Память о пребывании их в Карелии сохранилась в Пудожском уезде, на полуострове Лопский, на котором в 1552 год был построен Кожеозерский монастырь, а также в семи «лопских» погостах Повенецкого уезда, упоминаемых в грамотах 1651–1686 года. Существует утверждение, что и Повенецкий уезд лопским назывался. Повенецким его прозвали олонецкие карелы, потому что повенецкие карелы живут в стороне от олонецких.

Как видим, длительный период времени небольшие племена саамов карелы, русские и финны называли «лопью», «лопарями», «лаппи», «лаппонами», «лаппу». Отсюда пошла и летописная лопь, и Новгородская лопская земля, и Лапландия, и Лаппия. Этим термином называли огромную территорию северней Полярного круга от Беломорья на востоке до Норвежского моря на западе. По мнению ряда этнографов, название «лопарь» происходит от карельского *Loppi* или финского *Lappi* – «конец, край, предел». Исследователь Т. Итконен выводит слово «лопарь» от финского слова *Lape*, *Larpea* (сторона). Другой ученый – С. Итконен – связывает его со шведским словом *Lapp* (место). Русские исследователи Д. Островский и В. Львов соглашались, что «лопь» – человек, живущий на самом краю земли. Отсюда летописная лопь и новгородская Лопская земля (конечная земля, то есть земля на конце владений); отсюда и Лапландия, Лапия, которая существовала длительное время как название Кольского полуострова.

В саамско-русском словаре я нашла еще два слова с корнем *лоп*: лоппель – «олень-первогодок» и лопье – «тоня»⁵, другие ученые слово «лаппи» производят от слова «лапь» – «есть», что значит «живу». Какое из значений ближе всего к слову «лопь» или «лопарь», сегодня определить трудно. Иван Федорович Ушаков под словом «лопарка» подразумевает девушку саами, которая носит первеськ – девичий головной убор и не плетет косы, а под словом «лопка» – замужнюю женщину.

Исследователь жизни саамов и основатель мурманского краеведческого музея Василий Алымов писал, что на Терском и Мурманском берегах среди русского населения имелось значительное число потомков лопарей, приводя примеры лопских фамильных родов: Лопинцевы, Лопиновы, Лопские, Лопичевы и так далее. Причем некоторые, по его наблюдениям, совершенно не помнят своего лопского происхождения, и это доказывает, что обрусение их произошло несколько поколений назад.

Оговорюсь, что название «лопарь» в саамском лексиконе появлялось только в

5 Тоня – участок озера для ловли рыбы, принадлежащий какому-то отдельному саамскому роду.

разговоре с русскими или людьми других национальностей, себясаамы в среде своих так никогда не называли. Моя бабушка при мне всегда называла себя лопаркой.

БАБА НАСТЯ

На девятых саамских играх в Ловозере у меня произошла неожиданная встреча. Сидели мы у Катерины Коркиной, отдыхали, и тут Петр Олонкин бабульку привел.

Ну, бабулька как бабулька, мне не привыкать их у Катерины видеть. Зашла, стала со всеми здороваться. Сначала хозяйке «Тиррв», затем гостям, а ко мне подошла, обняла, поцеловала.

– Тиррв, доченька!

– Тиррв, тиррв, – приветствовала и я ее по-саамски.

Катерина стала выяснять, чья ж она будет родственница.

Незнакомая бабулька начала о себе рассказывать.

– Галкиных я, из Ловозера родом. Сейчас в Лопарской живу, пишушь по фамилии мужа – Терентьевой.

Я, как только услышала, что моя новая знакомая из рода Галкиных, ею заинтересовалась.

– Чьих, бабушка, Галкиных? Я тоже Галкинская.

Она внимательно в меня взгляделась и вопросом на вопрос ответила:

– А ты чья ж?

– Натальи Федотовны внучка.

– А я Наталье, – будто и не удивляясь, произнесла бабулька, – твоей бабушке, двоюродная сестра, Анастасия Ильинична, вот кто я.

– Быть такого не может!

– Как не может? – даже обиделась моя собеседница. – У твоего прадеда Федота брат был Илья, али не говорили тебе? А я Ильи дочь. Наташа – сестричка мне. Она старше меня лет на шесть была. Я-то с 1914 года.

Мое сердце запрыгало от радости. И баба Настя радехонька.

– А я вхожу, – говорит, – увидела тебя, и будто на миг в свою юность возвернулась, молодую Наталью увидела. Будто стоит она передо мною и улыбается.

Только тут я поняла, почему баба Настя из всех меня выделила, поцеловав.

– Разве я так похожа на бабушку Наташу?

– Похожа, внученька, похожа! Та тоже, как улыбнется, бывало, так у всех на душе теплее станет. Мы с ней после войны лишь раз и свиделись, здесь, в Ловозере. Перед ее приездом из Харловки меня все за Большого Ивана сватали, а я не шла. Больно норовом он крепкий был. Когда Наталья приехала, Иван стал ходить за ней: выходи, мол, за меня замуж. Мы ее отговаривали: Юрьев Иван – сурьезный лопарь, первые две женки у него померли, оставив детей сиротами. Да не то страшно: говаривали, что он настоящий колдун. Разве ж видано за такого замуж идти? Лучше сразу в петлю. Наталья, сердобольная, сказала – детей жалко, как им без хозяйки расти? И сошлась... Не знаю, может, мне Большой Иван за отказ и наколдовал что, только у меня судьбы так и не получилось. Они-то сошлись, а меня вскорости в Карелию на лесозаготовки сослали. Несколько лет пришлось лес плавить по пояс в воде. Там с ненцем познакомилась, замуж за него пошла, в Сыктывкар уехала, как срок прошел.

– А как вновь здесь очутилась? – спросила Катерина, внимательно слушавшая нашу беседу.

– Ненец мой недолго жил. Преставился. Царство ему небесное. А я вернулась на родину. Тут за второго замуж вышла, с дитем приняла. Да, видно, не судьба мне долго с мужьями жить. Помер. Грешу я на Ивана Юрьева. Наверно, за отказ мой, за то, что упрекнула, будто он две жены в могилу свел, наказал меня. Вот одна я теперь.

– Бабушка, а ты чего-нибудь о дедке Федоте знаешь?

– Как не знать, коль он дядька родной мне был. Поди-ка, и у него жизнь не слаще моей выдалась. Первая-то жена, Мария, как Наталью родила – вскоре умерла. Сказывали – очень он по ней печалился. Потом Анастасию Кирилловну за себя взял. Дарья у них родилась. Слышала я, что Дарья-то недавно умерла.

– Два года назад похоронили, – подтвердила я. – Тетя Даша доброй была, до самой смерти работала, впрочем, она долго жила.

– А мне сколько лет, думаешь? – спросила баба Настя и тут же сама ответила. – Седня восемьдесят исполнилось. А дед наш, Егор Кондратьевич, тот до ста двадцати жил.

– А дед Федот сколько? – спросила я, так как ничего о нем толком не знала.

– Дед Федот?! Он недолго жил, внученька, не дали, – выдохнула баба Настя, – его в тюрьму упекли, там и умер.

– Как в тюрьму? Мне никто не рассказывал, что наш дед Федот в тюрьме сидел.

– Тогда это старались скрыть. Многие люди в тюрьмах сидели. Посадить дело нехитрое, да не многие выходили оттуда. Я этого добра с лихвой испытала. Мне Федот уже после войны в сон пришел. Забеременела я, да не как положено, сказали, мол, внематочная, оперировать надо. Я как это узнала, обмерла. Думала, положат под нож, полоснут, тут и помру. Вижу сон. Стоит передо мной дядя Федот, говорит: «Боишься, Настенька?» Отвечаю ему: «Боюсь, дядя Федот, ой как боюсь!» Он мне: «Не бойся, племянница, не умрешь. Пускай врачи сделают, что хотят. Я тебя оберегу». Проснувшись, сразу сон вспомнила и поверила в добрый исход. Дядька Федот, прадед твой, много знал, настоящий нуэйт⁶ был, только знания свои никому передать не успел. Видишь, правду сказал, жива осталась, тебя вот увидела.

Бабушке Насте никак нельзя было дать восемьдесят: бойкая, живая, любознательная. Только детей Бог не дал. Одинокая... И вот удивительно – не сетует на судьбу, не жалуется, духом не падает, живет...

КАК БАБУШКА НАТАША МАМУ РОЖАЛА

Разговорились с мамой, и рассказала она мне, как бабушка Наташа ее рожала. У бабушки схватки начались, а разродиться не может, позвали свекровь – бабу Федосью, мать мужа. Дело в Харловке было. Пришла та, посмотрела живот невестки и говорит: «Не мудрено – ребенок поперек лежит».

Врачей не было. Приказала воду согреть, стала теплой водой бабушкин живот оглаживать, затем взяла ее себе на «кукурекчи» и понесла по дому. Поносит,

6 Нуэйт – саамский шаман, колдун

поносит да на один бок стряхнет, опять поносит, поносит и на другой стряхнет. Так несколько раз делала, пока мама в животе у бабушки как надоне повернулась. Бабушка Наташа очень хотела, если дочь родится, назвать ее именем своей матери Марии, но Федосья-бабка попросила именем своей сестры Лизаветы назвать, и бабушка за помощь в родах никак не могла отказать ей. Так моя мама и стала Лизаветой.

МОЯ МАМА ЕЛИЗАВЕТА

Когда бабушка Наташа маму-то мою продала по саамскому обычаю в семью Даниловых, так для своей дочери в новоявленной матери Ангела-хранителя и нашла. Подержала женка Данилова маленькую Лизу на руках после обряда купли и продажи и вернула законной матери.

Года идут, Лиза растет, а Ангел-хранитель и впрямь ее бережет. Как-то зимой прибежала девочка домой промерзшая, растопила печь, уселась перед раскрытой дверкой отогреться, да у огня и... заснула. А того не подумала, что надо заслонку открыть: весь угар в дом и пошел... Бабушки дома не было, она с другими женками рыбу промышляла. И вдруг чувствует бабушка Наташа, как будто ее кто домой толкать стал, не утерпела, бросила все, побежала. Она в дом, а там не продохнуть, и дочь ее крепко спит перед догорающими угольями. Схватила Лизавету – и на улицу. Давай будить, в чувство приводить, снегом оттирать... Задержись на минуту – и лишилась бы дочери. Но Ангел-хранитель сделал своё – спас дочь.

А однажды над селом немецкий «Мессер» стал кружить, цель высматривать. Школу, в которой училась Лиза, усмотрел да бомбу кинул. Хорошо, ветер шквальный был, отнес «немецкую смерть» за реку. Взрывная волна в школе только стекла с косяками выбила. Повезло детишкам харловским...

Когда Лиза четыре класса окончила, повезла бабушка ее в интернат в Териберку, но, проучившись там год, девочка сильно заболела. 1949-й – год тяжелый, голодный. Муж Натальи Федотовны на фронте погиб, и ничего не оставалось, как отправить дочь в родное Ловозеро поближе к родичам. По приезду в село жила Лиза у своего дяди Алексея Галкина. А там хоть и своих полон дом, но, как говорится, в тесноте – не в обиде, не обижали. Жили небогато, но дружно, неголодно. А через год и Наталья из Харловки в село возвратилась. В матросах-то ей уже тяжело было ходить, да и поясницу на всю жизнь застудила. Агафья Ефимовна Галкина, двоюродная сестра бабушки, вспоминала, что стоило ее сестрице забежать к ним в дом – сразу спешила прислониться, а то и залезть на печку поясницу погреть.

Закончив в вечерней школе семь классов, в шестнадцать лет Лизавета работать пошла, чтоб у отчима Ивана Ивановича Юрьева на шее не сидеть. На Ильме новый поселок вырос, комбинат начал строиться, вот туда мама и направилась. Работала на почте и жила там же в отдельной маленькой комнатке. Иногда к ней и бабушка навещалась, да и сама Лизавета частенько на саамские вечерки в Ловозеро ездила. Сшила себе саамский сарафан и ну кадрили с парнями играть! Молодая, с ямочками на щеках, ох и нравилась она парням! От кавалеров отбоя не было.

В 1953-м на почту письмо пришло, не кому-нибудь, а ей. Написал парень-солдат

из Петрозаводска, предлагал дружбу свою. Лизавете интересно письма получать, так переписка и завязалась.

И вот однажды поехала она с матерью в Петрозаводск, бабушка Наташа – приемного сына Андрея навестить, а Лиза – со своим заочником знакомиться. Перед отъездом отписала Павлу письмо, мол, жди, еду. Утром они в город прибыли, а вечером Лизаветиного заочника для знакомства стали поджидать.

По такому случаю, у кого они остановились, для чая стол накрыли, и стала Лиза в окошко выглядывать, не идет ли «голубь ее почтовый». Первым солдата хожяйка заприметила, Лизавете показала, просто сказав: «Вон он, Павлик идет».

Парень маме с первого взгляда понравился. Познакомились, чаю попили, прогулялись, а на следующий день пошла Лизавета в парикмахерскую и отрезала свою длинную косу, завивку сделала. Уж очень ей хотелось понравиться Павлу Фомину. В следующее увольнение молодые, недолго думая, заявление подали и были расписаны по всем правилам гражданского брака. Свадьбу, а лучше сказать торжество, скромно отметили и разъехались: Павел в часть, а мама с бабушкой домой.

В 1955 году Лизавета на Ильму приехала уже замужней женой, чем удивила всех своих знакомых и работников почты. Женщины в один голос корили ее, зачем за заочника замуж пошла, своих парней мало что ль? Вот обманет, не приедет, и будет она ни жена, ни девка всю жизнь. А Лизавета крепко верила: Павлик не обманет – приедет.

Моя крестная Софья Якимович о маминой поездке так рассказывала.

Как-то приехала она к сестре своей Анне Новохатько на Пятый километр и нечаянно подслушала их с Лизаветой разговор.

Анна спрашивала:

– В Петрозаводск поедешь, что делать будешь?

– Посмотрю, – отвечала ей мама, – если парень красивый – замуж пойду, не понравится – назад приеду, и здесь женихов полно.

Прошло время, крестная ждет: с парнем Лизавета приедет или одна. И вот по Ловозеру слух прошел: замуж Лизавета Лопская вышла.

«Значит, красивый парень оказался», – решила про себя крестная и опять стала ждать, когда молодожены в Ловозере объявятся, чтоб увидеть их. Когда Павел в конце ноября 1955 года из армии приехал, они с Лизаветой наведались к бабушке в Ловозеро, к Юрьевым в гости зашли.

Крестная вспоминала: «Открылась дверь, и вошли к нам в дом молодожены. Отец твой и впрямь красавцем оказался: волосы волнистые, глаза голубые, сам подтянутый, мунн эм келсэл – ей богу не вру. Загляденье, не парень. И поняла я тогда: Лизавета с ним судьбу свою нашла, уж очень они счастливы друг другом были...»

ЕЩЁ О БАБУШКЕ

Я бесконечно сильно люблю свою маму, считаю добрым другом, Ангелом-хранителем, но любовь к ней начала приходить в юности, а детство полностью заполняла бабушка Наташа, другой у меня не было. Папина мать умерла задолго до моего рождения, и потому в моей душе царила только одна – мама – бабушка Наташа. Она единственная тогда была для меня всем на свете. Может, поэтому я до сих пор

не могу отделаться от вкуса запечённого бабушкой на дверке печки, чуть поджаренного с кровью оленьего мяса, шкур, запаха овец в клетях бабушкиного дома, её самой с косами, уложенными вокруг головы, потягивающую чай из блюдца с присвистыванием, согнувшуюся над шитьём тапок и бурок для нас, её внуков, сидящую около печки, греющую свою промороженную на море в годы войны поясницу, напевающую какую-нибудь из саамских мелодий или рассказывающую саамские сказы. Не помню, говорила ли она мне когда слова любви, но точно знала – она любила меня. Да, собственно, для этого и слова не требовались. Её любовь я чувствовала даже в дыхании, в том, как она крепко прижимала меня к себе, точно ограждая от всего плохого, враждебного, вкладывая в моё сознание всю силу своего духа, или нежно целовала в макушку, шепча благословение... Эти проявления любви и есть самые дорогие моему сердцу воспоминания о детстве, в котором я пребывала до января 1969 года, пока была жива бабушка.

Жизнь у бабушки была привычна, и некоторые «экзотические» подробности не запомнились, а вот моя одноклассница и подруга Надежда Бойко однажды с восторгом вспоминала, как ездила со мной в Ловозеро. Поразили её тогда в бабушкином доме стоявшие за занавеской настоящие живые оленята, и то, как она пила суп из кружки с длинными макаронами, бабушкино чистосердечие и хлебосошество. А ещё было ей необычным видеть в Ловозере только деревянные дома и повсюду густую, высокую, сочную траву. Ревда в ту пору уже активно строилась кирпичной...

Как я в те годы любила Ловозеро! Кажется, жила в Ревде, училась в школе, но все ревдинские картины того периода словно в тумане, иногда выплывает одна-две. Ловозеро – проявленная киноплёнка, все чётко, ясно, радостно. Ловозеро – деревня моя деревянная, моё детство, моя бабушка! Это теперь оно в камень одетое, а тогда кирпичной возвышалась только водонапорная башня. И ловозерцы – добрейший народ, особенно лопари. В моем детстве их никто саамами не называл. Ловозеро и я, маленькая русская лопарка. О том, что лопари есть саами, узнала только паспорт-получая. Мама предложила записаться саами, мол, так легче будет в Ленинграде в Герценовский педагогический институт поступить. Жутко оскорбясь, отказалась: «Я что, недоразвитая, что по национальности скидки начну зарабатывать?» И записалась по отцу – русской. Так Русь с отцовскими генами вошла не только в кровь, но и в сознание.

ОТЕЦ

Что же касается корней моего отца, они уходят в деревню Кушерека, находящуюся на юго-западном берегу Онежской губы Белого моря Архангельской области. Кушерека разместилась на живописных берегах порожистой реки Куша, имеющей длину почти шестьдесят верст.

У кушерецких жителей и поговорки были свои, например, по поводу рядом живущих с ними соседей:

Нюхчана – цари,
Кулежомы – лопари,

Сумляна – мещана,
Церковны – срали.

Близость моря позволяла поселенцам-поморам заготавливать соль, выпаривая ее из морской воды. Затем кушерецкий люд поставлял ее Соловецкому монастырю.

В 1536 году великим князем Иоанном жителям Онеги была выдана Уставная грамота для развития соляного промысла среди поморского населения. В ней говорилось: «Онежанам дано право не пропускать к морю за солью белозерцев и волгожан, отнимающих у них промысел, пусть белозерцы и волгожане торгуют с ними в Каргополе».

Первыми поселенцами в Кушереке стали фамильные роды Кузьминых и Калининых. Кузьмины обжили правый берег реки Куши, так называемый Низ, Калинины, Окуловы, Хохлины, Кучины – левый, восточный, впоследствии окрещенный Горой.

Между Горой и Низом размещалась Лахта. Здесь жили Новожиловы, Овчинниковы, Неклюдовы. В Верховье, напротив Горы, – семьи Логиновых, Кузнецовых, Прохоровых.

Среднюю часть западного берега – Крюк – заняли Зайцевы и Петракеевы. Последними обживали близкую к морю Бачину деревню – Бачины, Кононовы, Андряковы, Фомины.

Со временем деревня моего отца Фомина Павла Петровича – Кушерека стала центром Поморской волости. По переписи 1894 года там значилось 264 двора, 666 мужчин и 848 женщин. Место удобное: 293 версты до губернского города Архангельска и 61 – до уездного Онеги. Как говорилось в народе: Кака деревня, така и передня.

Избы в деревне ставили большие, пятистенные, часто в два этажа. Дети редко отделялись от родителей, потому жили большими семьями.

Власть распространялась по старшинству. Глава семьи частенько доживал до восьмидесяти лет и дольше, сохраняя за собой последнее слово.

Богат мой папка на сестер и братьев. Линия отца – линия поморов. Здесь мне даже прозвища обнаружить удалось. Прадедами моими были Фомины Григорий Андреевич, его жена Мария Ивановна, по прозвищу Бородкичи, и Фомин Яков. Деда же Петра Яковлевича Фомина, 1884 года рождения, в деревне за малый рост все Воробейком прозывали, а жену его, Пелагею Григорьевну, 1886 года рождения, – Темным облаком за неулыбчивость.

Жизнь Петра, сына Якова Фомина, нелегкой была: чтобы прокормить семью, ловил рыбу, ходил за камбалой подваженье. Бывало, по 12-14 рыбин зараз на удочку вытаскивал. Разве на одни трудодни в деревне проживешь? Ноги протянешь. Деревенских море Белое кормило. Жену себе Петр из местных взял – Пелагеюшку, однофамилицу. Недолго раздумывая, родила Пелагея ему сыновей Авенера и Борислава, а затем и дочь Ирину. В колхозе Петр бухгалтером работал. Коммунист! Честный, делу преданный. В 1933-м родился у Петра и Пелагеи Павлушка – любимец матери, мой отец. Родился он 14 июля, сразу после праздника Петра и Павла, вот в честь одного из святых его и назвали. В этот же год по всей стране аресты пошли. Ежовщина, словно чума, на страну напозла. В колхозе как на грех главный бухгалтер, что по осени ответственным был за сохранение на зиму картошки, в отпуск ушел. В это время обнаружили, что в двух ямах, плохо укрытых, картошка померзла, и обвини-

ли Петра Фомина. Дело о вредительстве завели, так Петр в черные списки попал и посажен был в тюрьму. А про нее что хорошего скажешь? Нелегко пришлось Петру. Полтора года допросов и пыток надломили дух кушерецкого бухгалтера, и, когда за недостаточностью улик его выпустили, ничто уже в жизни не радовало человека, обида жгучая еще больше здоровье подорвала. Всего год после тюрьмы и пожил и в 1936-м помер. Пелагея, пережив голодную войну и послевоенные годы, умерла в 1947-м.

Так мой отец остался круглым сиротой. Закончив в Кушереке четыре класса, стал мальчишка помогать колхозу сено возить. Единственным развлечением в годы войны было у них с мальчишками бегать к церкви, наблюдать за действиями девушек-артиллеристок. Деревенскую Вознесенскую церковь, построенную в XVII веке, занимала в те годы женская батарея, и чтобы лучше вести наблюдение, сняли девушки с церкви самый большой купол и стали за это ежедневно от старух кушерецких угрозы да разные пугающие истории выслушивать, ну и мальчишки тут же, слушали...

Церковь-то и впрямь красивая, без единого гвоздочка выстроена была. В Кушереке верующие говорили: гром гремит – дак есть молящи на земли. О подобной церкви в одном стихотворении очень здорово сказано:

Из века в век, с утра и до утра
Звучала без конца и без начала
Речитативом песня топора
На всей Руси великой – и крепчала...
Склонялся древний лес пред топором,
И подымался чудо куполами!
И Русь была на тыщи верст кругом
По бревнышку – одними топорами
Построена – и никаких гвоздей!
Топор не знал в работе подмастерьев,
Но каждая деревня – как музей,
А каждая изба глядит, как терем...

Перед выходом в море в этой церкви служили молебны. Читали походную молитву: «Господи, благослови и помоги; главные рыбаки – святые апостолы Петр и Павел, возьмите золотые ключи, укротите бурное море для раба Божия (например, Павла), во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!».

После войны, чтобы ее сохранить, церковь разобрали по бревнышку и в музей деревянного зодчества Малые Карелы перевезли. Те, кто бывал там, рассказывали, как красиво в праздничные дни звонят колокола на кушерецкой колокольне.

Ожидая возвращения поморов, жители деревни поднимались на высокую гору у Домашнего озера к кресту Петра I, чтобы посмотреть в морскую даль, не видать ли рыбаков, которые уходили ловить треску к восточному побережью Кольского полуострова, в фиорды северной Норвегии и даже добирались до Груманта. Кстати, на Грумант онежские поморы ходили на два столетия раньше голландского мореплавателя В.Баренца.

А тут в давней газетной заметке А.Кузнецова «Рейс яхты «Мечта» на Новую Зем-

лю» я вычитала про кушерецких жителей Трофима Васильевича Окулова, Евгения Хохлина и Дмитрия Попова, которые в составе экипажа яхты «Мечта» ходили на Новую Землю. Да и вообще из кушерецких жителей много вышло известных мореходов. Например, Александр Степанович Кучин был единственным русским на борту амундсеновского «Фрама» во время его плавания к Южному полюсу в 1910–1911 годах. Он же в дальнейшем был и капитаном «Геркулеса».

Из родной деревни отцу пришлось уехать четырнадцатилетним мальчишкой на заработки. Мать умерла, жить становилось голодно. Старший брат Авенир направил его к их дядьке в Мурманск к Баренцеву морю в надежде, что парнишка пристроится где-нибудь в порту. Отец рассказывал, как то в собачьем ящике, то на крыше товарных поездов добирался до Мурманска – денег-то не было. В Мурманске, нигде не пристроившись, отправился в Териберкук двоюродному брату своей матери Фомину Леонтию Григорьевичу. У него отец и мать носили в деревне фамилии одинаковые, хоть и не близкие родственники, но из одного рода Фоминых оказались. В Териберке устроился отец на рыбокомбинат печником и работал там до 1952 года, до призыва в армию.

Авенир из родной деревни не поехал никуда, накрепко связав с ней жизнь-свою. Я тоже с отцом ездила в его деревню, жила в пятистенном большом доме дяди Авенира, правда, ездила еще в школьном возрасте, но на рыбалку под важенье на Белое море однажды с отцом пошла камбалу ловить. И это была такая необычная рыбалка, что запомнилась мне на всю жизнь. Сразу на удочку попадало до десяти-двенадцати камбал.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬ РСФСР

Когда мой отец служил в Петрозаводске, ему Юрьев Андрей, сын второго бабушкиного мужа Ивана Ивановича, дал адрес мамы, работающей в это время на Ильме на почте, мол, попереписывайся, а там видно будет. Отец написал – она ответила. Так у них завязалась переписка. Через год Лизавета с матерью приехала в Петрозаводск навестить Андрея, ну и с Павлом встретилась, влюбились молодые друг в друга, и недолго думая расписались. Мама вернулась в Ревду, а отец еще целый год дослуживал, тогда три годаслужили.

Отец маму не обманули после армии приехал к ней, устроился на работу в строительное управление СМУ «Ловозерстрой», и стали они жить. Первые два года печником работал. В то время в поселок много молодежи по комсомольским путевкам приехало. На Ильме парни и девушки сами себе клуб выстроили, чтоб было, где кино смотреть да танцевать. Проводились праздники.

Когда стала строиться Ревда, отец с мамой с Ильмы в новый поселок переехали. Жили в деревянном бараке. Отец рассказывал, что поначалу в Ревде только деревянные бараки строились, но как стали строить каменные дома, из печников он сразу перешел в каменщики.

Его первое каменное здание – нынешнее кафе «Полюс», что стоит напротив управления Ловозерской горной компании, а проще горнообогатительного комбината. В те далекие 50-60-е годы на стройке механизмов не было, только транспор-

тер и тачка. Кирпичи строители подавали наверх, выстроившись в цепочку. Хоть и трудно было строить, но, по воспоминаниям отца, работалось весело.

В 1959 году работал в бригаде девчат-строителей инструктором. А с 1961 года и до самой пенсии, до 1988-го, был бригадиром самой большой комплексной бригады в Ловозерском районе. В Ревде, после того как отец ушел на пенсию, уже никто дома не строил. Говорил: «И что я, дочь, за 35 лет только ни строил: и фабрику обогатительную на Ильме, и умбозерский комплекс, и совхоз, а уж жилых домов и в Ревде, и в Ловозере, и в Оленегорске, и в Ковдоре не счесть, сколько поставил...»

Постепенно с лица поселка стали исчезать старые деревянные бараки, а на их месте появляться красавцы пяти- и девятиэтажки. Появились новые улицы. И если раньше центральной улицей у нас была улица Победы у Клуба «Горняков», на которой стоял сначала, по рассказам отца, памятник Сталину, затем пионеру с пионеркой, а после каждый Новый год просто устанавливалась ёлка, то теперь центральной улицей Ревды стала улица Капитана Кузина, экипаж которого в годы войны разбился на Поное.

Так мой отец Фомин Павел Петрович ни разу из «Ловозерстроя» никуда не уходил. Повторюсь, у него в районе была самая большая бригада, около семидесяти человек, о которой постоянно писали в газетах, и об отце писали как лучшем бригадире. С 1959 года он еще и коммунистом был. Сейчас что только не услышишь про коммунистов, но, глядя на своего отца, я скажу, что если бы все были такими же честными и работающими, то никогда никто про коммунистов слова плохого не сказал бы. Часто отец награждался Почетными грамотами, медалями. С 1977-го его портрет постоянно висел на Доске Почета и был напечатан в Книге Почета Района, неоднократно отец становился победителем проводимых тогда социалистических соревнований, награжден орденом Трудовой Славы III степени. И ему, единственному в Ловозерском районе, присвоено высокое звание «Заслуженный строитель РСФСР», а в 1998-м одному из первых и высокое звание «Почетный гражданин Ловозерского района».

ПРОДАННЫЙ РЕБЕНОК

В младенчестве мама с бабушкой продали меня в чужую семью, чтобы сохранить жизнь, чтобы я не умерла, как мой старший братик Миша.

Есть у саамов такой обычай. Если дети в семье умирают – надо совершить обряд продажи. Продают за пятак первому встречному или в большую семью, где никто из детей не умирал. Тот, кто покупает ребенка, должен поддержать его на руках и вернуть родителям. Считается, что настоящие родители его теперь взяли как бы на воспитание. Семь лет при этом надо хранить обет молчания. Таков обряд...

Так у саамов из поколения в поколение и ведется: проданные дети продают своих, чтобы тем самым выкупить у судьбы им жизнь и здоровье.

Суеверие это или еще что, но и я, родив дочку и сына, продала обоих за пятак в

семью школьной подруги, у которой к тому времени своих было уже пятеро.

НА ОЛЕНЯХ

Приехала я как-то в Ловозеро, а около бабушкиного дома упряжка. Олени холёные, красивые стоят, жвачку жуют. Оказалось, дядька Андрей Юрьев из тундры прикатил.

Нечасто удавалось мне дядьку в селе застать, вот за обедом и пристала к нему:

– Прокати на оленях!

Что делать, согласился, хотя с условием:

– Пускай бабка держит тебя, чтобы из саней не вылетела.

Выехали за село не быстро, почти шагом. Тут поднял дядька Андрей хорей – шест длинный-предлинный, тонкий, почти звонкий – правит, погоняет. И помчали олешки нас с бабушкой. Тундра! Простор! Только ветер в ушах! Далеко как! Вот уж и олени приустили – идут ровно, не мелькает хорей.

И вдруг – что это? Вместо свиста в ушах – песня, дядька Андрей поет. Непонятно, по-саамски...

– Бабуля, а что дядька Андрей поет?

– Хорошо едем, поет, снег белый. Какие у него добрые олени. На санях – гостя из Ревды с бабушкой своей, поет...

– Так и поет? – не верилось мне.

– Так и поет. Что видит, про то и поет, – бабушка прижимает меня к себе. – Все-то тебе знать хочется. Учи язык, много понимать будешь.

– Не замерзли еще? – оглядываясь, кричит нам дядька Андрей по-русски.

– Накаталась, поди-ко, девонька, – отвечает бабушка.

– Дядька Андрей, ну еще чуть-чуть, – умоляю я.

И опять взлетает кончик хорей и мчат олени – только снег из-под копыт. На санях мы с бабушкой Наташей. Детство мое...

РЫБЬИ ГОЛОВЫ

Мне вспоминается, как бабушка Наташа учила нас есть рыбки головы. Не простое это дело – искусство целое.

Когда саамы варят уху, в котелок или кастрюлю очень много рыбы закладывают, чтоб уха получилась наваристой, запашистой. Сварится – рыбу долой, отдельно на тарелку, жижицу – по кружкам.

Меня бабушка научала:

– Ты, внученька, головы больше ешь, умной вырастешь, потому как в голове рыбы самый ум сидит. Будешь головы рыбы есть – и сама умной станешь. Рыба для саама – жизнь! По ней можно узнать, как к тебе хозяева относятся, когда ты у них в гостях.

– Как, бабушка?

– Если тебе хозяева хвостик подали – не желанна ты им, середку положили –

уважают, но в душу к себе все одно не пустят, а уж если голову предложили – то здесь ты лучший гость. За своего тебя чтут.

Но не дай Бог кто-то голову взял, а съел плохо, бабушка сердилась, ворчала, убирала тарелку с недоеденной головой и подсовывала хвост.

– Надо, чтоб каждая косточка чистой была, просвечивалась...

Когда я делала все как надо, хвалила:

– Умница, вот теперь вижу: научилась рыбы головы есть. Теперь ты у меня настоящая лопарка, как твоя бабушка.

– Нет, я русская, мне так папка говорил, а я вся в него.

Бабушка не сердилась:

– Пускай русская, а головы все равно, как лопарка, ешь. Мамка твоя лопарка, но есть не умеет так. А ты молодец!

ГОСТИНЦЫ ОТЦА

Детство мое гостинцами было украшено, когда жили мы в однокомнатной квартире на Комсомольской, 19. В ту пору отец частенько на охоту ходил, а уж рыбалка и вообще дело святое. Придет было из лесу, завалится в квартиру, точно огромный медведь из буреломника, а зимой еще и в сосульках весь, что с шерстяного шарфа редкой ледяной гирляндой свешивались, валенки да рукавицы стылые в коридоре скинет и за рюкзак примется. Маму просит целлофановый куль из него тянуть, чтобы рыбу под холодную воду в ванну вывалить, а сам переодеваться идет. Чуть отдохнет и начнет рыбу шкерить. А мы с младшим братом Виктором возле крутимся. Знаем: папка из лесу не может без гостинца вернуться, вот и ждем, пока одарит им. Отец, видя наше нетерпение, полезет в какой-нибудь потайной карман большого рюкзака и почти торжественно вытащит что-то, в тряпицу завернутое да в целлофановый пакет убранные, чтоб случайно не размочить. И, обращаясь к маме, со смешком скажет: «Мать, слышь-ко, совсем ведь забыл, тут мимо заяц пробежал да детям нашим гостинец передал». А она его, улыбаясь, подначит: «Заяц гостинец детям передал, а ты про него забыл, тоже мне, рыболов-охотник». Бывали гостинцы и от лисы, и от мишки, и от белочек. Когда малыши были – верили, что гостинцы нам на самом деле зверушки лесные посылали, подросли – стали замечать, как мама, когда отец собирался в лес, подсовывала ему что-нибудь вкусенькое для гостинца (карамель, печенье, пряник). И все равно продолжали с удовольствием брать, потому как дух от гостинцев не передать какой шел – лесом пахли, костром, потом отцовским... Потому и на вкус оказывались особые...

С охоты отец белок, зайцев приносил, однажды лису поймал, шкурки с них чулком снимал, метко стрелял, попадая зверью прямо в глаз, зимой куропаток, глухарей таскал. Когда они неживые – вроде так и надо, промысел такой у мужчин охотничий, и никуда от этого не денешься, да и к сытости семьи прибавка, получали-то родители совсем немного, пока и мама на стройку работать не пошла, а мы росли, нам обнови каждый год требовались, так и жили.

ОТЕЦ – РЫБНАЯ ДУША

О рыбе разговор особый. Отец-то мой архангельский трескоед, поморянин, и хотя рано из деревни уехал, а генная память о рыбе в нем до сих пор живет. Да и уезжал из деревни в четырнадцать лет, хоть небольшой, но уже мужичок. В деревне-то все дети быстро взрослеют. Отец с малолетства к рыбе приученный на всю жизнь – факт. И есть любил, и ловить. Так и здесь, на Севере, рыбная душа, дома не сидел. И всегда мы с рыбой были. Окунь, сиги, щуки, кумжа, паляя... Икра у них оранжевая, мелкая, не сравнится с крупной красной, которую я и за икру-то не считала, да и какой-то прогорклой казалась она мне. Озерной рыбы икра «сладкая», достанешь большой ложкой из пол-литровой банки, положишь на белый хлеб с маслом и ешь, запивая сладким чаем... Вкуснотища!!! Так отец нас к рыбе да к икре приучил. И сейчас частенько покупаем ее с рук у рыбаков. Время теперь другое настало: рыбачить у отца сил нет, вот он на маму и начинает ворчать, если день без рыбы сидит: «Давай, бабка, денег, пойду в магазин хоть аргентину или пикшину куплю». Сейчас в магазинах рыбы много и все больше с чудными названиями, имеется и треска наша северная, правда, десятки раз перемороженная, и уже не рыба совсем, а так, одна форма без содержания.

Помню, лет тридцать назад в Мурманске, в магазине «Океан», рыбу можно было живой купить – такой она там продавалась, самому можно было выловить, какая глянется. Отваришь, поджаришь – сочная, жирная, с рук рыбий сок течет, без тряпки за стол не сядешь, а нынешнюю рыбу магазинную чаем запивать приходится, чтоб от сухости в горле комом не встала.

Зайду, бывало, к родителям, и если у них рыба есть, за стол зовут, знают мою страсть особенно к рыбьим головам, специально оставляют их для меня. Вот так на пару с отцом сидим, рыбьи кости обсасываем со всей нашей душевной усадью. Тут особых речей не требуется, ешь да ешь, а мама, скрестив руки на своем большом животе, не может налюбоваться на нас, да все новости из меня пытается. Не выдержит отец, одернет ее: «Дашь ты девке спокойно рыбу поесть или нет. Неровен час с твоими разговорами косяком подавится. Не шутка это, с костями дело имеем». И мама на какое-то время замолчит, помня, как в детстве я и на самом деле костью подавилась однажды, да так, что врача пришлось вызывать, все перепуганы были, а я больше всех, тогда еще бабушка жива была.

А еще частенько родители рыбной жарехой себя балуют, или рыбным салатом, а вот кулебяки, если мама испечет, – праздник для всех. На кулебяки хорошую, сочную рыбу надо, не по их сейчас деньгам, хотя раз она кулебяку с мойвой пекла, другой – с путасу. Кости вынула и обильно кулебяку луком сдобрила, и такая вкуснятина – за уши не оттянешь...

У отца ноги сейчас плохо ходят, за жизнь-то свою резиной испортил их, да еще болезнь диабетическая прицепилась... Зимой все больше дома отсиживается, а летом на даче только и разминается. И все это время он не перестает мечтать о деревне своей родной Кушереки. Мы бы свозили его на родину, но до деревни от станции

двенадцать километров пешком идти, не под силу ему. Да и что он может увидеть там сейчас, далеко не то, что ему память и воображение рисуют, хотя какие-то дома там до сих пор стоят, говорят, даже его родителей дом цел, и река Куша течет, и берега крутые не завалились еще. Как начнет вспоминать – плачет, вроде и не на краю света деревня его, а вот, поди, доберись до нее теперь.

ЗА МОРОШКОЙ

Кроме брата, все мы тут в лодке – я, бабушка, мама, папа – вроде пассажиров, но не ради развлечения здесь. Дед Иван везет нас на Салму-остров морошку брать. Где тот остров, куда мы пристать должны?.. А вот и он! Пристали.

Домик вроде чума, только чуть пониже, сделанный не из шкур, не из бересты, а дерном крыт. Старшие из лодки вещи выносят, я к веже⁷ бегу. Любопытно, приоткрываю дверь.

Чистенько. Столик на низких ножках, ящики вместо стульев, на полке – чай, соль, крупы разные, сушки подвешены.

Родители костер развели. Зовут чай пить.

– Бабуля, это наш домик? – спрашиваю.

– Пей чай, не обожгись...

– А продукты чьи?

– И твои, и мои, и всем по труду – дом родной. Дрова сгорят – новые принеси, продукты поистратились – свои положи, не один путник такой едой спасся. На том живем-держимся.

– Давай, бабуля, папу с мамой домой отправим, а сами здесь на целое лето?

– На все лето я тебя на Сейдозеро возьму.

– Ой, как здорово!

Сейдозеро – это не бабушкина даже, это дедушкина сказка!

И бежим мы по морошку по Салме-острову, а в голове уже как чудо – Сейдозеро!..

Пока не показалось перед глазами вдруг чудо Салмозерское: столько морошки открылось – будто сукном с золотым отливом болото укрыто.

Бабушка мне повязала платок так, чтобы закрыть и лоб, и шею, а руки и щеки смазала душистой комариной мазью. Но дышалось все равно хорошо: сколько цветов, сколько запахов!

Взрослые как пошли по морошку, так и не разгибаются, а отец – тот даже на колени встал и пошел обирать – ведра наполнять.

А я хожу... с бидончиком пустым. Самую крупную, самую спелую, самую сочную – в рот. Пока не наелась до отвала. А тогда уж и упала, как отец, на колени, и застучали ягоды в бидон. Бидончик собрала, к бабушке в ведро высыпала, за второй принялась. Когда ягод много – весело собирать!

Вечером бабушка, обвязывая прозрачной пленкой ведра, сказала одобрительно:

– Лоантахмурый, лоантахмурый.

⁷ Вежа – (кузьд) – зимнее жилище саамов, имеющее коническую форму четырехугольной или многогранной пирамиды с усеченной вершиной.

– Бабушка, ты колдуешь? – спросила я.

– Морошку хвалю. Говорю: спелая ягода! Пройдет лето, не успеешь оглянуться, будет кошкмамурь. Кошкмамурь – засохшая ягода, сморщенная, как старушка. Хватит говорить, спать ложись. С устатку, поди, ноги и спина гудят. Завтра опять на болото пойдем.

Когда на третий день вернулся за нами дед Иван, все ведра были полнехоньки. Мало того, отец даже в рубаху свою, завязав рукава и горловину, рохлой набрал. Бабушке на варенье, на шанюжки⁸.

К отъезду папа с мамой, как положено, вместо сожженных дров новые набрали, продукты, что не съели, другим ягодникам оставили. Так у саамов испокон века велось.

Посидели на дорожку – и к лодке с поклажами. Обойдя вежу в последний раз, бабушка поклонилась жилью и, уже не оглядываясь, к моторке пошла. И мы за ней.

ПО ОЗЕРУ ЛОВОЗЕРУ ПУТЬ ЛЕЖИТ К СЕЙДОЗЕРУ

Наконец-то наша с братом мечта сбылась: бабушка Наташа на целое лето забирала нас на Сейдозеро, где рыбачил дед Иван.

И начались сборы! С Пионерской улицы, от дома бабушки, мы с пустым мешком шагали через все Ловозеро к деревянному магазинчику. А в магазинчике том – чего только нет! Спички, тушенка, сгущенка, курево, сахар, чай, крупы разные, макароны, соль, шоколадки-медальки – все бабуле в мешок! Бабушка не скупилась, покупала много, потому что и цена – смешно вспомнить. Погрузка. И не на какую-то там плоскодонку – на буксир! Мы садились в моторку, и несла нас лодка по озеру Ловозеру, разгоняя встречные волны, разбрызгивая в разные стороны холодные серебристые капли. Нас с братом до самого носа брезентом прикрыли, чтобы не промокли, поэтому нам только и оставалось, что слушать шлепки волн по днищу лодки.

Сердце и сейчас начинает сладко замирать, когда вдруг прорывается в память шум захлебывающегося мотора.

Берег озера не похож ни на берег моря, ни на берег реки. Особая тайна и великое спокойствие как бы стережет его. Море – оно бескрайно, его берег тянется на сотни километров, и расплывается чувство земли, родины. Берег реки тоже от тебя бежит. И только берег озера как бы сохраняет целостность. За это и люблю озера зеркальные – гармония!

Вода в озере прозрачная, виден каждый камушек, стайка мальков шныряет на мелководье... И другой, зеркальный мир открывается.

Мужчины первые на берег сходят, лодку подтягивают, нас подхватывают, на землю ставят.

От долгого сиденья ноги мои затекли так, что подкашиваются. Нагибаюсь, трогая воду, – холодная! Через минуту уже поспешаю туда, где трава, где навстречу нам спешат заросшие щетиной, в фуфайках, радостные рыбаки, а впереди всех дед Иван...

И откуда ни возьмись – мерин... Рыжий!.. На острове? Вот так чудо!

...Расступаются деревья, и дорога выводит уставших, изрядно набивших ноги

8 Шанюжки – запеченная в дрожжевом тесте рыба, открытая в центре.

путников словно на свет белый.

Беличавое, в окружении фиолетово-черных гор и яркой зелени открывается Сейдозеро, или озеро Духов. По-саамски название Сейт-яввьр – Священное озеро. Ни про одно из озер не слышала я столько былей-небылей, сколько про Сейдозеро.

Говорят, это вулкана чаша, потому на Иванов день по берегам его папоротники цветут, а зимой среди льда ключи кипят косматые. Говорят, что вьют там гнезда лебеди. Они, словно души лопских предков, охраняют озеро от глаз пришлых людей. А еще, если место знать, можно на дне увидеть множество монет, которыми саамы воду выкупали. Есть у Сейдозера и озера подземные, рассказывают, рыба из верхнего Сейдозерского уходит в подземное озеро, и тогда лови не лови – толку нет! Что правда, а что сказка?..

На берегу – чум рогатый стоит. Настоящий, из жердей, обтянутых шкурами. Посредине очажок. Вокруг по обе стороны – столики, у самой стенки чума – места спальные. Матрацы шкуры оленьи заменяют. А под ситцевой занавеской и комары не страшны. Сверху к очагу длинный железный шест спускается – «ванькой» называется, на него чайник, котелок вешается.

Сегодня в Ловозере чумов хо-хо! И ресторан «Чум», и гостиница... Только чумы те каменные...

На озере бабушка на ночь рассказывала:

– Место это святое – Сейдушкино селение. Примет Сейд – всю жизнь будешь под его защитой, не примет – плохо дело. Лучше бы принял...

Утром я из чума вышла – бабушка наставленья дает:

– Умываться к озеру пойдешь – в воду не лезь. Тихонько с Сейдушкой поздоровайся.

И вот я стою на камушке. А сердчишко... Нет, не наклоняюсь, на колени встаю. Господи, Господи, кто ты есть? Может, ты, Господи, и есть Сейдушко?

Как хорошо-то тут! Лучи из-за горы по воде поползли... Да нет, не только говорить, тут дышать грех!..

«Внученько-о!..» – слышу бабушкин зов.

...По вечерам в чуме сказки слушали.

– Бабушка, бабушка, а почему сегодня Терентьев, дядька Иван, сказал, что Куйвазлится и рыбалить не пойдут?.. Кто этот Куйва, бабушка?

– А вот послушайте, – и бабушка начинала рассказывать. – Пришла на Святоозеро чудь, а главарем у них Куйва. Хотели всех лопинов перебить, да не смогли. Саамский богатырь их всех победил, а Куйву в гору вогнал. Лопский колдун в камень его превратил. С тех пор он в скале и стоит, сторожит озеро.

– Бабушка, а он взаправдашний был или это сказка такая?

– Чего бы я обманывала! Завтра, если не проспите, на восходе солнца его и увидите. Он людям всегда разным показывается. Потому и рыбаки по его настроению смотрят – выходить рыбалить или нет. Седня Куйва сердится, вот и не пошли. Завеселится завтра – пойдут.

– Бабушка, а нам к Куйве можно?

Бабушка и тетя Домна Сорванова замахали руками, закачали головами.

– И думать не смейте! Куйва страсть как не любит, когда к нему без зова идут, враз накажет. Гнева Куйвы все боятся, даже рыбаки, а они, вишь-ко, смелые. Думы

те из головы выкиньте.

Догорали уголья. Темно в чуме.

– Пора спать, пострелята, поди-ка, соломанье⁹ подъехало, – говорит бабушка.

– Это что еще, бабушка?

– Сон за спиной стоит – спать велит. Завтра ногам вашим опять работа на весь день – бегать да прыгать.

А как-то тетя Домна игру затеяла. Отварила сивов, очистила их от костей, засыпала морошкой, перемешала, рыбьим жиром полила, в середину массы ложку поставила и сказала нам:

– Накормлю я вас лумьнюввт – рыбьим лопарским салатом.

Меня передернуло: рыба с морошкой – фу!..

Суть игры заключалась в том, что, съев ложку салата, мы должны были обежать чум и вернуться за новой. Последняя ложка – победителю. В игре я поняла, что вкуснее салата никогда и не пробовала.

Помогая рыбакам, у амбара с рыбой мы караулили крыс. Лежала я в засаде, – и вдруг – прямо на меня движется страшилище: нос длиннющий, усищи огромные, глазки маленькие, рыскающие. От страха ребятам замахала. Они подоспели вовремя. Крысина с большим сивом в пасти намеревалась скрыться из виду. Но мальчишки с ней быстро расправились.

И, конечно же, всеобщим любимцем у нас был старый рыжий мерин. Каждый из нас старался завоевать его расположение: хлебом с солью кормил, злющих мух и слепней отгонял...

Свято-озеро! В памяти моей ты словно застывшая зеркальная гладь. Да еще рыжее солнце, дрожание воздуха над озером да постоянный звон в ушах...

ЧУДО

Иван Иванович Юрьев был настоящий лопарь. По виду, по делам, по сущности. Развитые широкие скулы, толстый мясистый нос украшали его лопское лицо. Глаза, маленькие, чуть раскосые, для которых ничего не было тайного, в самую душу глядели. Ходил небритым, обросшим колючей щетиной и неизменно в своей шапке-ушанке без козырька – таким он мне и запомнился из детства.

Саамы народ низкорослый, дед Иван тоже росточка невеликого, но прицепилось же к нему прозвище Большой Иван, и все тут. Неулыбчивый, неизменно в своей шапке-ушанке с козырьком.

На Сейде рыбаки ловить рано утром отправлялись, когда все спали еще. Тихо отчаливали лодки, поскрипывали весла...

Шуметь на озере не полагалось, даже невод не закидывали в воду, а медленно опускали. Покой озера нарушать нельзя.

Женщины на берегу чум убирали, дом рыбаков, кашеварили, поджидая своих мужчин. Мы, дети, предоставлялись сами себе.

⁹ Соломанье - сон.

Увидев возвращающуюся лодку, все сбегались на берег. Улов на Сейде отличный! Жирные, большие сиги, реже щука или паляя. Ведь озеро Сейдозеро сиграми именно славилось.

Любили мы смотреть, как из воды невод тянут. Тут и женщины в стороне не стояли. А нам-то радости!

Серебристые рыбины так и прыгали, блестя чешуей в солнечных лучах. Мы тоже норовили подлезть, подмогнуть. Под горячую руку и схлопочешь, бывало, и матюк в твою сторону полетит, но тут не до обид.

Пахнувший рыбой и илом невод сушили на высоких длинных козлах. Рыба тут же шкерилась, солилась, закатывалась в бочки, укладывалась в амбар.

За Сейдозерское лето рыбой все просто объедались: вареная, жареная, копченая, сушеная, вяленая – попробуешь всякую...

Детей на озеро не брали. Но, будучи в хорошем настроении, дед Иван сам раз предложил нас покатать.

– Я вас вдоль бережка. Вы озеро слушайте, оно живое, с понятием, на ём шуметь нельзя. А около камня поплывем – языки прикусите. Ни слова, там дух Сейда живет.

Мы замороженно сидели, слушая то озеро, то дедовы слова. Чудом было уже то, что плыли по озеру!

ЭТИ ЗАГАДОЧНЫЕ ТУРИСТЫ

Для обитателей Сейды появление туристов – событие. Неразговорчивые рыбаки становились еще молчаливее, мы же радовались за всех.

Шли они из Ревды через Карносуртовский перевал. Нам не верилось. Мы-то знали, что в горе страшный Куйва сидит... Дед Иван показывал – жуть! Огромный, во всю скалу, раздвинув в разные стороны большие ручищи, он как будто, так и хотел захватить все вокруг.

Туристы из Ленинграда, из Москвы, а для нас все равно, что с тридесятого царства. По вечерам они скромно подсаживались к костру, у которого рыбаки чаевничали, и ненавязчиво вступали в разговор. Спрашивали рыбаков о том, о сём. Хотя и неохотно поначалу рыбаки отвечали, но затем верх брало любопытство, и разговор принимал оживленный характер. И слышалось их одобрительное:

– Ай-ай-ай, да нежель бывает так?

Один из туристов даже деда Ивана нарисовал. Посмотрели – точно, вылитый Юрьев Иван Иванович!

Нам в диковинку – только и дел у туристов, что на берегу с блокнотом сидеть. Записывают... записывают, а то вокруг озера ходить начнут.

Случай рассказывали. Одна из их групп, человек восемь-десять, проходя перевал, погибла. Туман...

Кто-то из рыбаков тихо произнес:

– Закон Свято-озера нарушили, вот их Сейд и наказал.

– У Куйвы песни пели, а подходить к нему только посвященный может – святое место...

Не знаю, как у кого, а у меня от этих слов мурашки по телу забегали.

Проходили дни, и складывали туристы поклажи свои, упаковывали палатки в огромные рюкзаки, натягивали их на спины и, сторбившись, чуть покачиваясь, отправлялись в путь.

Все уважительно смотрели им вслед, а бабушка шептала: «Спаси и сохрани их, Господи!»

СВЕТ ДЕТСТВА МОЕГО – СЕЙДОЗЕРО

Может, оттого что бабушка с отцом научили меня быть чуткой по отношению к живому организму под названием природа, а и теперь, заходя в лес, начинаю прогулку в нем с прощения: у травы, что приминаю ногами, у березок, сосенок, ветки которых задеваю небрежно...

В августе 1996-го позвонил мне из Ловозера Владимир Кузнецов, фотограф, и сказал, что они с Александром Даниленком в сентябре собираются плыть на Сейдозеро фильм снимать, хотели бы и меня в качестве консультанта взять. Я обрадовалась, но из Мурманска от Сергея Борисовича Семяшкина, работающего в Комитете малочисленных народов при администрации области, узнала, что с 9 по 14 сентября приглашена в Салехард на конференцию писателей народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и что губернатор Комаров уже на поездку и деньги дает. Естественно, мне захотелось ехать в Салехард, ведь в Сибири я еще не была.

Но по приезде в Мурманск узнала, что поездку перенесли на декабрь, и тогда секретарь мурманской писательской организации Виталий Семенович Маслов категорично заявил: «Не едешь в Салехард – поедешь на Соловки». Спорить бесполезно. Соловки так Соловки. Но до них в этот раз мы не добрались. По сравнению с 1995 годом, море бушевало, точно разгневанное чем, и швыряло наш небольшой катерок из стороны в сторону как щепку малую. Команда дальше рисковать жизнями школьников не стала и повернула назад. Так я вернулась домой.

Не успела переступить порог – звонок.

– Надежда, собирайся на Сейдозеро, завтра отплываем, – сообщил Владимир Кузнецов, точно это было уже давно решено.

– Нет, Володя, завтра не пойдем, завтра пятница, 13. Сейдозеро не то озеро, на которое можно идти в это число, пойдем 14-го в субботу.

Вот уже несколько лет я обращаюсь к истокам своей родины, своих предков. Однажды в каком-то фильме прозвучала фраза, которая объяснила все: «Самое лучшее для заблудившегося в ночи – слушать свои шаги, и ваши воспоминания укажут вам путь». Путь?! Вот, значит, почему я стала обращаться к своим истокам: я ищу свой путь! А он, как оказалось, лежит через воспоминания о детстве, светом которого было Сейдозеро – святыня лапландских саамов, земля моих предков.

А может, и не совсем таково имя его, потому как по-саамски оно зовется Сей-тьявр, что значит Священное озеро.

Осень сейдозерская поразила разнообразием своих красок. Возникало состояние опьяняющей радости от сочетания звенящей яркости листвы и голубизны озера. Свято-озеро наполняло силой. И то ли лето выдалось с запозданием, то ли

другие причины нашлись, только сейдозерское болото встретило нас 16 сентября янтарно-солнечной морошкой, а лес – полянами чернично-брусничными, да еще редкой в Заполярье земляникой. Вот вам чудо природное – июльская морошка с августовской черникой в середине сентября с брусникой встретились.

И когда я через двадцать восемь лет в сентябре 1996-го вновь пришла на Сейдозеро, где вот уже несколько лет подряд у нас на Мурманской земле ищуттаинственную Гиперборею, то, подойдя к воде, зримо увидела, как озеро вертикально поднялось ко мне. Словно сам Сейд встал передо мной прозрачно-молочной тенью и поприветствовал свою уже взрослую дочь.

Ребята на третий день решили пойти по горам 40-километровым маршрутом к озеру Райявр поснимать виды его. Нас с Ниной Сухановой не взяли, сказав, что такой переход женщинам не по силам, мол, собирайте чернику пока. Но мы не за тем на Сейдозеро шли, чтобы ягоды собирать, решили свой марш-бросок совершить – на Нинчурт гору. Путь не знали и карабкались, точно обезьяны, хватаясь за кусты. Когда преодолели крутой подъем, радовались, точно малые дети, обозревая с горы весь сейдозерский простор. А спускаться-то как? И пришло решение ущельем идти. Путь не из легких. Если б с горы на пологий спуск по ущелью сразу вышли, то и никаких проблем не знали бы, а мы чуть не наполовину вниз прошли и только тогда по отвесным стенам ущелья решили попробовать спуститься, а затем по ручью перейти на другую сторону. Легко сказать, а когда зависнешь над пропастью и под ногами камни ходуном ходят, тут не до смеху. И все же с Божьей помощью, с выкупом земли монетами по саамскому обычаю, держась за корни карликовых берез, мы все же преодолели скальную стену и спустились, ничего себе не повредив.

Когда к лагерю подошли, стали парней ждать, а их нет и нет. Уж и ужин остыл, и все поленья прогорели, и чернота ночи, точно саваном, окутала, а они все не идут. Где-то и жутковато сделалось без них-то сидеть. И решили мы поваленное дерево на дрова пилить, все дело от безделья, да и не так страшно. Я на шею шахтерский фонарик повесила. А затылком чувствую чей-то взгляд на себе, но не оборачиваюсь. В этих местах лучше назад не смотреть, вдруг увидишь то, с чем твоя душа от страха не сможет справиться. Одно утешение – Нина пилит спокойно, значит, страшного ничего нет, но взгляд кого-то или чего-то невидимого еще долгое время будет преследовать меня на озере. Хотя я точно знала, кто бы это ни был, мне худого он не сделает. Когда дрова напилили и вновь разожгли огонь, услышали лай Топика. Наши молодцы только в двенадцатом часу ночи и заявили к лагерю, по темноте-то им тоже нелегко было идти, только по плеску воды и ориентировались, пока до подвесного моста не дошли. И рассказывали о своем путешествии только в восторженных тонах.

Были на вершине Северного Тавайока, где им открылся вид на водораздел Баренцева и Белого морей. Мы с Ниной удивлялись – как так? А ребята смеялись, говоря: «Река Воронья из Ловозера в Баренцево море впадает, а река Умба из Умбозера – в Белое. С той точки и Кейвы¹⁰ краснощельские видны, и Хибины¹¹ кировские...»

10 Кейвы – возвышенности Кольского полуострова.

11 Хибины – горный массив Кольского полуострова, высота которого достигает до 1191

УЛОВ ДЕДА ИВАНА

Павел, отец мой, – рыбак. Но дед Иван – еще более рыбак. Два рыбака...

Отец рассказывает:

– География такая: озеро Ловозеро, два острова Большой и Малый. И бригады две. На Большом – бригада Кириллова, на Малом – Вокуева. Ну и я тут же.

Видим, кирилловцы невод мечут. Наблюдаем, смеяться неловко, всю ночь метали – весь улов в одном ведре понесли.

Подходит дед Иван к бригадиру:

– Давай, Егорыч, теперь мы замечем!

Отвечает Вокуев:

– Спятил или не видел, сколь кирилловцы вытянули? К чему мучить людей?

– Спятил так спятил... И все-таки давай метнем!

– Тебе надо – мечи! Но без меня, с добровольцами, если найдутся. А бригаду мучить не дам.

– Павел! – зовет дед. – Давай, зять, рыбы черпанем! А они пусть в избе жопы парят! Я тебе сегодня настоящую рыбалку покажу.

Взял еще одного, парнишку молодого, – без третьего нельзя, так устроено: два невод мечут, один на ворота сидит.

Мне дед веревку невода кинул, и я на ворот сел, а он с помощником на лодке. Паренек гребет, дед невод в воду спускает. Втроем-то еще дольше метали. Дед Иван с озера рукой махнул, мол, крути, и работа пошла... Только кляч из воды появился (кляч – край невода), а в нем – мать честная! – рыбы видимо-невидимо. А уж когда матица – середина невода – показалась, там все кишело от рыбьего серебра. Я столько за всю жизнь больше никогда не видел.

Рыбаки с берега видят – дело такое, лодки в воду и к нам. Не поверишь – шесть лодок рыбой нагрузили! Вот какой случай был!

Потом бригадир на радостях деду перед всей бригадой благодарность объявил.

– Папа, – спросила я, – ты хоть у деда поинтересовался, почему кирилловцы одно ведро вытащили, а дед шесть лодок?

– Конечно, спросил. Знаешь, что ответил он мне? Кирилловцы чужую тоню самовольно взяли – раз, два – их невод настроен плохо, три – слова надо знать, чтобы рыбу ловить, не простые слова, заветные.

Дед-то наш никому не позволял невод плести, сам затем и насаживал, и метал. Много знал наш дед, его мужики колдуном прозывали. Когда бы Иван Иванович невод ни метал, всегда с рыбой! Это тебе не просто так, – и отец как бы в подтверждение своих слов о дедовской колдовской силе поднял палец вверх и потряс им. А затем продолжил:

– Меня Иван Иванович учил: «Никому не давай свои сети плести, сам плети – с рыбой будешь», – но заветные слова так и не сказал, говорил, что нельзя передавать их, иначе от него самого рыба уйдет».

метра.

СВЯТО-ОЗЕРО – МЕСТО ЗАКОНЧЕННЫХ МЫСЛЕФОРМ

Загадок у озера Сейдозера и окружающих его Ловозерских гор предостаточно. Можно сказать, ни в чем оно не уступает загадкам Бермудского треугольника или зоне падения Тунгусского метеорита.

Даже происхождение рельефа здесь загадочно. Например, гляциологи считают, что нынешний ландшафт этой земли не что иное, как результат схода ледяных лавин. Геологи говорят о тектонических складках Балтийского щита, которые деформировались так, что образовали боковые провалы в крепчайшей породе. С вышеназванными не согласны вулканологи, предполагающие, что весь этот район – «застывший гигантский пузырь магмы, а впадины с озерами – кратеры вулканов помельче и помладше». Про вышеназванные предположения уверенности до сих пор нет, а вот то, что Сейдозеро – чаша вулкана, подтверждали почти и все сейдозерские рыбаки, и то что оно имеет двойное дно, доказали аквалангисты, работающие в гиперборейской экспедиции В.Н.Демина.

Таинственность и богатство Ловозерских гор, окружающих священное озеро, сегодня привлекает к себе множество народа. Одна моя знакомая, врач по профессии, рассказывала, что лет пять назад, побывав в Геленджике около дольменов, услышала голос, произнесший ей, мол, там, где она живет, на Севере, есть необыкновенной силы озеро Сейдозеро, вот куда нужно ходить заряжаться энергией и получать знания тонкого мира.

Однажды в Музей саамской литературы и письменности имени Октябрины Вороновой пришел странный человек, представившийся последователем учения Ашрама, и попросил меня рассказать ему о саамах и их священном озере Сейдозере, якобы на Алтае учитель Ашрама знает об этом озере, знает о том, что оно есть Северная Шамбала и вызывает у алтайцев большой интерес к себе.

Я же после его ухода задумалась. И правда, какой интерес вызывает у людей наше Сейдозеро, если интересуются им даже алтайцы? Для саамов это религиозно-культовое место, место их духовной культуры. Других оно привлекает своей уникальной минералогией. Не зря же с 1970-го по 1995-й Александром Петровичем Хомяковым, доктором геолого-минералогических наук, или при его участии в Ловозерских горах вокруг Сейдозера было открыто 80 новых видов минералов, таких как сейдозерит, астрофилилит, карнасурит, ловдарит... Третьи идут сюда ловить рыбу, считая сейдозерского сига самым вкусным в Мурманских водоёмах. Четвертые на базе этого озера собирались делать Национальный парк, превратив его в туристическую базу. Пятые во главе с профессиональным проводником, фотографом, серьёзно изучающим биогенные и геопатогенные зоны – Александром Гурвицем, считают Сейдозеро уникальной, можно сказать, эталонной биогенной зоной, вылечивающей различные заболевания, и местом Северной Шамбалы, где происходит материализация законченных мыслеформ. Шестых привлекает озеро и окрестные ущелья необыкновенным явлением под названием мереченье, о котором писал Александр Васильевич Барченко, врач, исследователь, руководитель экспедиции на Сейдозеро в 1922 году, изучавший это явление. А питерец

Михаил Жавнерко в 1999 году не раз испытывал мереченье на себе. Будто бы находясь месяц на Сейдозере, он наблюдал несколько двойников из своей жизни, приходивших к нему. То есть приходили люди точная копия его родственников. Кто-то ищет в окрестностях Свято-озера снежного человека... Кто-то, как, например, Валерий Никитич Демин, открывал здесь древнюю цивилизацию Гиперборею. Кого-то влечет природа этого места, редкие растения, сразу несколько видов папоротников. Увлеченные фотографы спешат в это место заснять Куйву и красивейшие ландшафты озера. Куйва, если кто забыл, – наскальное изображение распятого саамского бога, гигантский «петроглиф» высотой в 72 метра, вызывающий у людей особый интерес. Онем существует множество легенд. Большинство людей воспринимают Сейдозеро прежде всего как явление физическое, для меня же это озеро из категории прежде всего духовной. Озеро ощущений, мыслеформ, вселенской памяти...

Может, у тех, кто очень верит в идею, и глаза открываются наразличного рода предметы, не знаю. Только это хорошо, когда человек верит в светлое, доброе, за приключениями спешит не на курорты Турции, а на природу, в места скопления чистой энергии, постигая загадки Вселенной. Для меня Сейдозеро – это пространство любви, которое в детстве создала мне бабушка. Там я всегда ощущаю себя дома и совершенно счастливым человеком. Это озеро во мне живет настолько зримо и осязаемо, что стоит закрыть глаза – и я уже там. Могу почувствовать ледяную руки воду, предутреннюю прохладу, скопление росы на листьях трав, особые запахи земли...

И даже если долгое время не бываю на нем, оно живет в моем сердце, в моей душе, моей памяти. Иду туда на зов его. Знаю: все дороги, все пути откроет Сейд, если захочет увидеть меня. Но без зова на Свято-озеро не хожу.

Порой нам кажется, что мы все одинаковые, из плоти и крови, разнимся только воспитанием и образованием. А оказывается, еще и своим духовным развитием разнимся. Один к постижению Бога и Вселенной только-только подходит, а другой уже несколько ступеней восхождения преодолел. Потому и на Сейдозере каждый ищет для себя то главное, что соответствует его духовному росту. И поступает совершенно правильно – оно одно из самых уникальных мест, где можно уединиться и остаться наедине с самим собой, чего большинство из нас особенно в последние годы лишены. В этом месте как нигде в другом можно сосредоточиться на своем сердце и спросить, как дальше жить, по какому пути следовать. И ответы получить незамедлительно.

В 70-х-80-х годах в парикмахерских для сушки волос применялся особого рода колпак, так вот если представить хорошенькую головку женщины нашей планеты Земля, то колпаком будут те мысли, которые мы посылаем небу, и чем они несовершеннее, тем плотнее, непробиваемее становится этот колпак. Но есть на Земле места особо чистые по своей энергетике, подобные Алтаю, Тибету, Египту или нашему Сейдозеру, где можно услышать голос неба, увидеть существ параллельного мира. Говорят, нынешнее время – время, когда тонкий и плотный миры особенно близко приблизились друг к другу, на стыке даже не столетия, а тысячелетия многим людям стали вдруг открываться дары целительства, видений, про-

рочеств... В это место нельзя идти враждебно настроенным, со злобой или обидой в душе, отрицательные вибрации здесь недопустимы, потому как сразу или чуть погодя последует расплата, и тогда не стоит вопрошать с мольбой к Господу: «За что?» Здесь за каждое действие и даже мысль придется отвечать. Я уже упоминала, что это место материализации законченных мыслеформ.

Совершенно свежий пример из похода на Сейдозеро, без имен действующих лиц. Женщина идет впереди мужчины, встречая препятствие, пытается преодолеть его... В этот момент слышит громкое раздраженное ворчание позади себя, мол, да скоро ты, и, поторопившись, получает травму ноги, но кое-как все же добирается до Сейдозера, испытывая при этом сильнейшую боль в ноге, и, еще не успевая подумать о помощи, тут же получает её. К группе на лодке подплывает человек, оказавшийся специалистом по разным видам травм. Буквально за несколько минут он помогает женщине, а мужчина, что сорвал на ней своё раздражение, получает наказание. Он, раздраженный медленным передвижением группы немолодых уже людей по ущелью, решает искать более быстрый и легкий путь, но к лагерю своих товарищей присоединяется гораздо позже, чем они приходят на Сейдозеро, полностью вымотанный и уставший многочасовым блужданием по горам. Однако люди не должны думать, что, если в жизни они постоянно совершали неблагоприятные поступки, придя на Сейдозеро, начнут получать желаемое, как бы не так...

Поражают некоторые туристы. Однажды совершив поход на Сейдозеро, они начинают возмущаться, что шли туда с единственной целью – увидеть нечто необычное, каких-то неведомых духов, соприкоснуться с тем, с чем никогда не соприкасались в обыденной жизни, и... ничего не видят, кроме воды, гор, леса, поэтому и испытывают сильнейшее раздражение и разочарование. Но ни один из возмущавшихся даже не задумался, отчего это произошло? Может, нужно искать ответ в самом себе, своей жизни, неблагоприятности своих поступков, темных мыслях, что в конце концов просто не готов увидеть то, что Сейдозеро раскрывает кому-то?

Разговор с проводником Софией Николаевой, частенько сопровождающей группы туристов на Сейдозеро, я привожу в одном из рассказов, опубликованных в моей книге «Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем». Она на озеро идет совершенно не думая, покажет ей Сейд что-нибудь необычное или нет, и Сейд показывает. Те же, кем движет жажда открытия сейдозерских тайн, сенсация – возвращаются ни с чем. Существует одно очень мудрое изречение о том, что Христос проявляет себя в тихой беседе, среди немногочисленных и искренних учеников. Это к тому, с чем человек идет на Сейдозеро. Только умея слушать голоса природы, созерцая ее красоту, пропуская все это через свое сердце, наполняя любовью, человек станет ближе к Богу, а значит и к Сейдозеру.

Может, поэтому мне очень часто кажется, что второй своей сущностью я живу вдали от цивилизации, каменных домов, живу на своем озере детства – Сейдозере. Там собираю на болотах морошку, любимую ягоду, ем ее в рыбном салате лумьнюввте, увлечена изучением сказочных, волшебных образов, создаваемых простыми лесными валежниками и корягами... Могу несколько месяцев не покидать свое писательское кресло, но все равно оставаться человеком природы. Наверно, то, что мы

впитываем в детстве, прорастает в нас корнями и выкорчевывается только с кровью.

КОЛДУН

Стоял в Ловозере чепок¹². Привычное место для мужчин. Кто пивка выпить заглядывал, с баньки возвращаясь, кто последние новости узнать. Пропадали в том чепkelовозерские мужики по несколько часов кряду.

Заглянул в чепок и приезжий из Ревды, подсел за столик к лопарям с кружкой пива и стал жаловаться:

– По осени лицензию на лося выписал и ничего, а сейчас март уже. Три дня до закрытия охоты осталось, а так и не словил подлеца. Всю тундру на лыжах исколесил, нет лосей.

– Так ты, мил человек, не там колесил, видимо, – сказал мой дед Иван.

– Как не там? Говорю, все выходные за тем лосем бегал, а поймать не поймал. Следы есть, а его, подлеца, нет. Жаль, лицензия пропадет. Вот если б кто словчился поймать его за эти дни, ей богу, за так бы отдал.

Какой-то уже подвыпивший старичок-лопарёк сказал:

– А ты Иван Ваньчу Юрьеву дай, он споймает, слово даю.

– А кто этот Иван Иванович будет, старик?

– Так ведь он перед тобой сидит, пиво пьет, – пошатываясь, лопарь направился к деду и обнял за плечи его.

– Вот ему. Другой не поймает.

Ревдинский гость новыми глазами поглядел на того, кто перед ним сидел, и спросил:

– Поймаешь?

– Лицензию дашь, чего не поймать, – спокойно произнес Иван Иванович.

– Точно говоришь?

– Тебе, человеку, какое подтверждение требуется, коль моего слова мало? Как Большой Иван сказал, так и будет.

Мужчина полез за пазуху и вытащил документ.

– Бери. Бесплатно отдаю и взамен ничего просить не стану. Только ты уж, пожалуйста, изловчись да поймай того лося-подлеца.

– Ты, человек, мне имя свое на бумаге черкни, где тебя в Ревде сыскать, а там разберемся, – сказал дед Иван.

На следующий вечер едет на оленьей упряжке Иван Иванович, а в санях у него два заваленных лося лежат. Будто взял и заехал за ними куда человек, будто стояли на привязи в корале¹³ и поджидали его.

А еще другой случай с Иван Ивановичем был. Он тогда за чем-то в тундру к пастухам наведалься. Встретили его оленеводы, чаем напоили, последние новости стали рассказывать:

– Волки совсем одолели. Каждый день то важенку¹⁴, то молодого бычка недосчитываемся. Так будет продолжаться – полстада потеряем.

– Худо дело, но поправимо, – сказал Иван Иванович. – Сегодня ночь отдохну, а

12 Чепок – забегаловка, пивнушка, как еще называли это заведение.

13 Кораль – специальное сооружение для оленей.

14 Важенка – отелившаяся самка оленя.

утром стадо объеду, посмотрю, чток чему.

Запряг утром оленей и поехал стадо глядеть. Круг сделал, другой, третий обехал и к чуму вернулся. Пастухи спрашивают:

– Ну, что олени?

– Олени как олени. Пасите спокойно, теперь волки ваше стадо не тронут, я их всех на Карнасурт прогнал.

Мужики посмеялись, принимая слова Большого Ивана за шутку, мол, говори, говори. Ты уедешь, а нам пасти. Погостил у них Иван Иванович, оленей своих посмотрел и домой засобирался.

А пастухам как сказал, так и было. Не трогали волки больше совхозное стадо, словно вымерли. Позже слух прошел, что кто-то волка на Карнасурт-горе встретил.

Старики, это вспоминая, говорят: «Закрыл Иван Иванович стадо от волков, вот они больше его и не могли найти. Знаткий был человек. Одним словом – колдун!»

ЕСЛИ НАКОПИЛОСЬ, ЧТО СКАЗАТЬ

В 2000-м, когда у меня вышла первая версия рассказов о Ловозерском детстве в книге «Тиррв по-саамски – здравствуй», кто-то из поэтов с подколом произнес: «Большакова-то у нас в воспоминания ударилась, не рановато ли?» А кто устанавливает грань, когда тебе можно что-то вспоминать, когда нет?

Я считаю: если у тебя накопилось, что людям сказать, чем с ними поделиться – пиши! Почему нет? И за эти годы те, кто читал рассказы мои, неоднократно говорили, что они их на свои воспоминания настраивали, также прокладывая тропки к детству каждого читающего.

ХЛЕБНЫЕ ГОРБУШКИ

Росла я девчонкой крупной. В пятом классе по росту маму свою догнала. Она у нас и правда «метр с кепкой». Саамские женщины вообще росточком маленькие. А уж как я ненавидела себя за то, что такой здоровой вымахала! В классе все девчонки как девчонки – маленькие, худенькие, одна я больше всех. Бабушка меня, бывало, успокаивала:

– Не переживай ты так, внученька. Рост, он свое возьмет – и перестанешь расти.

– Ага, жди, когда он свое возьмет. Я уж тебя переросла, с мамой сравнялась. А ты – не переживай! Что к десятому классу будет?

Да, рост этот самый никак не хотел останавливаться на достигнутом. И главное, вот что обидно. Ела я совсем немного. Брат мой, худющий как спичка, ел больше меня, а все не толстел. Я же словно на дрожжах замешена была, наказание одно.

Единственное, в чем себе никогда не отказывала, так это с бабушкой всласть почивничать. Она самовар вскипятит, разольет в чашечки со блюдцами и зовет меня. Бабуля чай всегда из блюдца пила, чтоб не обжигаться, и я у нее тоже из блюдечка. Вот так сидим, чай потягиваем, присвистывая. На столе – сахар большими кусками, бабушка его щипчиками расколет и мне подсовывает, а вместе с сахаром – горбушки хлебные. У

нее зубы-то худые были, она даже мякиш – и тот в чае размачивала и приговаривала:
– Ешь, Надюшка, горбушки, титьки лучше расти будут. Они для женщин самое главное.

И опять чайком присвистывает да причмокивает.

Я при этих ее словах аж чаем захлебывалась. Эти самые титьки у меня с третьего класса полезли, а бабушка знай их словами подращивает больше прежнего. Для меня – стыдоба, ни у одной девчонки в классе ничего под платьем не выпирает, а у меня так наружу и просятся. Мальчишки и те заметили, выпялят глаза и смотрят на меня, как на чудо какое.

Ох и злилась я на бабушку за эти слова, потому как горбушки больше всего любила и уж в чем-в чем – в них себе не могла отказать. А бабушка знай себе подначивает:

– Ешь, внученька, горбушки, ешь.

– Это ты, бабуля, виновата, что они у меня такие! Это ты наращиваешь мне их своими приговорами. Я и так после каждой горбушки к зеркалу иду, смотрю, насколько они у меня прибавились. Хоть совсем хлеб не ешь!

После вечернего чая бабушка зубы свои вставные вынет, сполоснет, в платочек носовой завернет, положит в стаканчик, чтоб кто случайно не обронил, и беззубым ртом, улыбаясь, спрашивает:

– Ну что, внученька, будем сегодня титьки твои мерить али так спать ляжем?

– Чего уж там мерить? Я сегодня целых две горбушки съела. А ну их, бабушка, пускай растут!

– Спи, голубонька, спи, внученька, сон, он рост дает. С титькамиво сне и сама вырастешь.

Эх, кабы сейчас прижаться к ней, забыть все проблемы, снять все заботы, оставить только одну, чтоб хлебные горбушки на рост титек не влияли...

А ведь эти самые горбушки я и по сей день люблю.

МАЗЯ

На каникулах мы с братом всегда жили у бабушки Наташи. И запомнилась мне там нищенка с именем, как из сказки, – Мазя.

В заношенном, не первой свежести тряпье, она чем-то напоминала Бабу-ягу. Тихо, как тень, ходила из дома в дом, присаживаясь на пороге, посасывая конец платка, ожидала, когда на нее внимание обратят.

Бабуля, бывало, грозилась:

– Не будете слушаться – Мазе отдам!

А мы ту и правда боялись!

Но стоило Мазе прийти, бабушка тут же приглашала ее за стол и поила чаем из лучшей чашки.

Размачивая баранку, Мазя, присвистывая да причмокивая, потягивала из блюдца чай, а бабушка все подсовывала ей кусочки сахара колотого. Затем спрашивала о том о сём. Мазя отвечала внятно, толково, но всегда чего-то недоговаривала, что создавало вокруг ее образа тайну еще большую. Мне непонятно было, почему ба-

бушка то пугает нас ею, то уступает место свое, ставя чашку красивую.

– А чего тут, внученька, непонятного. Пугаю для остратки, – объясняла бабушка, – больная она, жизнью обиженная, а больных и обиженных обижать не след, иначе и тебя самою Бог больной сделает. Господь, он все видит.

– Бабуля, а Мазя кто?

– Человек! Давно это было. Мазя красавица была, из рода богатого. На улицу два раза в одном сарафане не выходила. Норовистая. И тот ей не жених, и этот плох! Тут пришло время раскулачивания. Богатой-то Мазя замуж не успела выйти, а когда у них все отняли, точно умом тронулась. Рядиться перестала и пошла по селу нищенкой. А кто такую в жены возьмет? Мужики поначалу потешались над ней, а потом тоже жалеть начали. С тех пор и ходит из дома в дом.

– А чего она, бабушка, платок сосет?

– После того, как душа-то заболела у нее, пристрастилась она табак жевать, а когда табака нет, платок в рот.

– Зачем же, бабушка, у них отняли все? Могли бы хоть что-нибудь оставить...

– Разве, внученька, кого спрашивали?.. Тогда не только у Мази, у всех, кто чуть побогаче, и у саамов, и у ижемцев, и у русских... у всех добро забирали. И деньги – золото-серебро, и оленей... до последнего.

– А у дядьки Андрея откуда есть свои?

– На то он и пастух. Да и у него много ли? Упряжка одна, а раньше-то не одной сотней считали те, кто побогаче жил.

– Бабушка, а жить тогда хорошо было?

– Разве помню я? Несмышленной была, мне про то время отец рассказывал, твой прадед Федот. Да ведь в нашем-то роду богатых, почитай, не было, чего ж мне то время жалеть. Мазю-красавицу жалко...

ВАСЯ-ЛОПАРЬ

В Ревду в 70-е годы из тундры частенько наведывался Вася-лоптарь. Заросший, летом и зимой одинаково тепло одетый, он появлялся неведомо откуда и так же неожиданно исчезал.

Дети, завидев его, кричали разные дразнилки: «Вася-лоптарь, Вася-лоптарь, дед сто лет, в шубу одет, в бане не мылся...»

Вася-лоптарь и впрямь был стар. Стар и мудр! На выкрики ребятни внимания не обращал, лишь когда слишком навязчиво начинали под ногами крутиться, замахивался клюкой – и все врассыпную.

В Ревде про него много ходило легенд. Одна о том, как он баню не любил. Десятой стороной обходил. Сговорятся, бывало, мужики и силком его туда. Отмоют, напарят, в чистое оденут и с миром отпустят. Мужики ревовские Васю-лоптаря почитали. Многим он тропы тундровые показал, многих искусству рыбной ловли научил.

Мне мама рассказывала, как однажды попал Вася-лоптарь в больницу, она там санитаркой работала. Врач глянул на него и давай ругаться: «Почему грязного пациента в палаты допустили? Не буду смотреть!»

Пришлось Васе-лоптарю за мамой в ванну идти. Ругался, упирался, а деваться некуда. Сам боль снять не сумел, вот и пришлось у доктора облегчения просить. На-

мыла его мама и чистеньким врачу представила.

– Вовсе и не боялся воды он, – рассказывала, – просто одинокий был.

Взрослые, чтобы дети Васю-лопаря на улицах не дразнили, рассказывали его историю. Когда-то в Ловозерских тундрах он был богатым оленеводом, добрым пастухом. И вовсе не лопарь он, а ненец. Василий Хатанзей – так звали Васю-лопаря в хорошие времена. Имел он золото и серебро, стадо оленей. Но пришло и для него, как для Мази, время плохое. Оленей забрали. То, что определяло жизнь, вместе с ними ушло. Но, несмотря на это, не озлобился человек.

Говорили, сам Ферсман в проводники его брал. Хорошо знал тундру Василий, без карт ученых водил. А еще рассказывали, что он блокадникам Ленинграда на оленях через Ладогу грузы возил. Не знаю, правда то или нет, но слухами Ревда полнилась.

На Пятом километре, не доезжая Ревды, на берегу озера была у него землянка вырыта – дом его. Приходя из тундры, в ней и жил. Зверя промышлял, рыбу ловил. Из веток мережки плел. Свежей рыбу не ел, с душком любил.

В поселок являлся только за табачком да солью. Может, и еще какие продукты брал. В Ревде наведывался к крестнице своей – Новохатько Анне, пугая девчонок ее. Пока разговоры вел, те под кроватью прятались.

– Скоро принесу я тебе, Анна, все свое золото, – говорил, – я ведь его Советам не отдал, зарыл. Только не время еще достать.

Но время так и не настало. Обокрали старика. После этого замкнулся Вася-лопарь совсем, интерес к жизни потерял.

Только тетушка моя, Анна Ефимовна, вспоминает сейчас, как Василий с ее отцом по тундре ходил. Ничто для них в тундре тайной не было. А сколько преданий и легенд знали они, каждый вечер слушай – мало будет.

В музее комбината Ревды о Васе-лопаре фильм сняли. Говорилось там, что именно его, Василия Хатанзея, нужно считать первым жителем горняцкого поселка. А с каким почтением вспоминали о нем земляки! Узнала я, что в середине 70-х администрация поселка направила его в дом престарелых. Посчитали, что не может человек в девяносто лет в землянке жить. Дня не прошло, Вася-лопарь из того дома сбежал. Пешком в землянку свою пришел. Опять нашли и опять отправили. Сбежал. А после третьего раза и вообще в тундру ушел. В Ревде его в 80-х еще только раз и видели.

КУДА ВСЕ УШЛО?

В пекарне, что на окраине села, работала родная сестра бабушки Дарья Терентьева, которую все знакомые до ее смерти тетей Дашей звали. Вот ее дочь Наташка соберет ребятню и ведет всех к своей мамке в пекарню. Когда мы с братом приезжали в село, то обязательно тоже бежали с ней и кричали: «Тетя Даша, тетя Даша, хлебушка дай!»

Она в окошко коротко выглянет, и тут же заскрипит широкая некрашенная дверь. Тетя Даша в белом длинном фартуке, краснощекая, с буханкой пахучего хлеба перед нами предстанет. Каждому в руки по куску даст и смотрит умиленно, как мы,

обжигаясь, уплетаем его за обе щеки. А потом спохватится и скажет: «Погодите, торопыги, не давитесь, не обжигайтесь, я сейчас вам молочка холодного!»

Принесет молоко и ещё какой-никакой крендель! Тут уж мы на траве подле пекарни усядемся, передавая из рук в руки кружку, молоком лакомимся. Хрустит корочка, жарит солнце, молоко зубы ломит – праздник!

Наедемся, рукавами усы молочные утрем и – прощай, пекарня.

– Ой, казаки, ой, разбойники...

Тетя Даша стоит в двери, как в раме. Дверь в пекарне темная, а тетя Даша белая. Икона, да и только!

На реку прибежим, цветов нарвем, венки сплетем и хвалимся, у кого пышнее да красивее. Берег Вирмы крут и весь в одуванчиках – будто покрывалом солнышкиным прикрыт. И так на склоне играть весело!

В детстве в Ловозере я всех детей знала по именам, много нас было: Юлиных, Галкиных, Юрьевых, Сорвановых, Матрехиных, Даниловых... Дружно жили, весело. Не было ни богатых, ни бедных, не отличишь своих от приезжих – все одинаковы. Все друг к другу в гости без приглашений бегали, всех за столы без разбору сажали – олениной кормили. Бывало, совсем кроха увяжется, на лавку залезть не может, – ему нос подотрут, посадят.

На зимние каникулы мы с братом тоже в Ловозеро приезжали. Зимой отличие наше от ловозерских детей – они все в малицах¹⁵, пимах¹⁶, мы с братом – в шубейках да валенках.

Зимой и игры другие. Хотя берег Вирмы и зимой хорош. На чем только по скользкому склону не катались! А сколько пуговиц оставили на заснеженном льду Вирмы – не пересчитать. По весне их всех течение с ледоходом в озеро уносило.

По вечерам, замерзшие и уставшие, к бабушке прибегали, в постель ныряли. О, бабушкина перина! Перо куропачье да шерсть оленья – мягко, тепло, уютно! Дома в поселке тоже перина оленья была, но только без пера куропачьего. Уж больно не нравилось мне ее каждый день, тяжелую, переворачивать, перетрясать, а иначе нельзя: завтра на прежнее место ляжешь – доски в бок. Я, помню, маме говорила: «Вырасту – куплю себе матрац!» Мама качала головой: «Глупая. На такой перине спать – спина к старости не будет болеть». И спят мама с папой и по сей день на своей, оленьей. А я утром все чаще за спину держусь, слова материнские вспоминаю. Это к слову, которое не выкинешь...

Так вот бабушка к вечеру печь растопит, дверку откроет, чтоб тепло побыстрее на горницу дохнуло, присядет к нам при том свете печном и начнет сказки рассказывать. Дрова потрескивают, пламя играет – блики по бабушкиному лицу... С тем и уснем. Как мало нам надо было в детстве для полного счастья...

Но вот и утро. Пристыло в избе. Высунем носы из-под теплого одеяла и наблюдаем, как бабушка возле печи хлопочет. Увидит, что проснулись:

– Ну-ко, что сейчас делать будем?

15 Малица – расширенная книзу зимняя одежда из оленьих шкур глухого покроя мехом внутрь, длиной почти до щиколотки.

16 Пимы – праздничная зимняя обувь, которую шили из оленьих койб – чередующихся вертикальных полос белого и черного цвета.

– Чай пить! – кричу я.
– По-саамски, по-саамски скажи.
– Чай югкэ, бабушка!
– Ладно, внученька, что помнишь!
– Смешно, бабуля, – говорю я, – по-лопарски юг – пить, а по-русски юг – сто-
рона теплая.

И правда, чудными, как сказка, казались мне тогда саамские слова. И отошли потом, полузабылись, как те сказки детства. А от слова, что в памяти осталось, до сих пор сказкой веет...

Вернуть бы то времечко, да увы... Унеслось, как та вода из Вирмы-реки. Стою над ней на мосту посреди Ловозера: я ли выросла или она повытекла? Больно. Пешком перейти. Куда все ушло? Понять не могу. И только ли река обмелела? А жизнь наша? А я сама? Сама! Саамка безъязыкая...

СЧАСТЬЕ УЛЕТЕЛО, НЕ ОСТАВИВ НИКАКОЙ НАДЕЖДЫ НА ВСТРЕЧУ

Я училась в пятом классе. Новогодние каникулы. Мы с братом шли домой после елки веселые и счастливые. У подъезда нас подруга мамина – тетя Маша Харченко встретила.

– Ребятишки, – сказала она, – мама с папой в Ловозеро уехали. Я с вами этой ночью побуду. Бабушка Наташа умерла.

Я еще продолжала улыбаться, затем засмеялась и только потом на весь двор закричала:

– Бабушка? Ты что, тетя Маша, дура? Бабушка не может умереть! Она нам ничего не говорила. Не верю. Жива она, жива. А ты, ты, тетя Маша, сама ты умерла, а не моя бабушка!

Смех и крик сменились истерикой. Напуганы были все соседи. Я лежала на диване ничком и никому не позволяла себя жалеть. Лишь изредка выкрикивая обиду бабушке за то, что умерла, не спросив разрешения и даже не предупредив меня. Счастье, которому, казалось, не будет конца в образе моей бабушки, улетело, не оставив никакой надежды на встречу. Тетя Маша причитала:

– Разве ж можно так убиваться, девонька? Все умирают. Ну, довольно, довольно, поплакала и будет.

В тот момент я ненавидела ее больше всего на свете. Мне казалось, что это именно она виновата в смерти бабушки. И, зло огрызаясь, истерзанная рыданиями, выкрикивала ей:

– Плакала и плакать буду!

Дальше все было как во сне: помню длинную комнату в бабушкином доме, посредине которой стоял гроб, и в нем совсем непохожую, чужую бабушку. В новогоднюю ночь она пошла поздравить с праздником соседей. На улице случился сердечный приступ. Все отмечали новый, 1969 год, сразу никто не хватился. Она замерзла.

Нас с братом подтолкнули к гробу. Меня охватил жуткий страх. Я не только поцеловать ее не смогла – дотронуться до нее боялась. Когда бабушка падала, ушибла нос, и теперь он казался неестественно синим. Это поразило меня больше, чем

страх, и я у кого-то спросила:

– Разве у бабушки нос теперь никогда не заживет?

На меня шикнула какая-то старуха, а мама начала громко плакать. Из моих глаз не выкатилось ни одной слезинки: наверно, ночью, в день известия, все выплакала.

Когда стали заколачивать гроб и мама бросилась на него, обнимая и рыдая, мне стало стыдно за нее и нестерпимо жалко. Еще минута – и я чувствовала, что заору так, чтоб только заглушить все всхлипы и причитания.

Не чуя под собой ног, побежала с кладбища. Наконец, силы меня оставили, и, схватившись за железную ограду, заскулила, завывала, словно раненый зверь. Так близко со смертью я соприкоснулась впервые, и потому моя душа не была готова принять смерть бабушки. Меня нашли у кладбищенских ворот.

Очнулась уже на поминках в бабушкином доме. В той же комнате, где совсем недавно лежала бабушка, теперь стоял стол буквой «П», а над ним, занавешенное черной шалью, зеркало. На столе много еды и водки.

Детей покормили и уложили спать на бабушкину постель, которая отделялась от общей комнаты яркой ситцевой занавеской. Нелепость этой занавески в кричащий цветочек никак не вязалась с печалью людей, поэтому, наверно, так врезалась в мою память.

После бабушкиной смерти мама перестала отправлять нас в село. Дед Иван запил, тоскуя по бабушке, и через два года умер... Не сохранился и бабушкин дом.

Когда я бываю в Ловозере и натыкаюсь на то место, где некогда он стоял, где я была счастлива, нестерпимая тоска охватывает меня, и в эту минуту хочется оказаться возле мамы, уткнуться ей, как в детстве, лицом в подол и выплакаться.

МАМИНЫ ШАНЮЖКИ

Добрый вечер! Давненько таких не было. К нам пришла мама шанюжки печь, а я с ней стала пельмени лепить. Обычный день, даже понедельник, а мы с мамой стряпаем. Сначала я пельмени сделала, а уж затем искусство мамы началось: раскатала тесто, уложила в жестяные формочки, а сверху пюре картофельное, обмазала сметаной, взбитой с желтком, и на противень... Через несколько минут кухню стал обволакивать запах печеного теста. Нос приятно щекотало и страсть как хотелось съесть хоть одну шанюжку. Впрочем, те довольно быстро поднялись, запеклись и появились на столе, смачно-аппетитные. Мама их, проворно достав и обмазав растительным маслом, уложила на большое блюдо... Как жаль, что не оказалось молока! Румяные шанюжки да с молочком – вкуснее не придумаешь!..

Пекли мы их ровно до полуночи, дети тоже не спали. Наташа к викторине готовилась, и я между делом помогала ей ответы находить, а Семен без присмотра художеством занимался: забрызгал красками весь пододеяльник, а наволочку, точно полотно авангардиста, расписал. Все поменяла, а его пожурела... Маленький, щупленький, расстроенный, что ругают, он вызывал такое умиление, что хотелось не отчитывать, а прижать к груди, уткнуться в его перемазанные ладошки и от счастья замереть... Но сын и так растет слишком балованным. Мамуля взяла с собой

несколько шанюжек, пельменей, чтобы завтра папу накормить, и пошла домой.

Я так благодарна ей за этот вечер! Почаще бы приходила к нам что-нибудь печь, а я б рядышком душой отдыхала. Когда укладывала сына спать, родились стихотворные строчки:

Спи, мой милый сын, усни,
Пусть тебе приснятся сны:
Красный, желтый, голубой –
Буду я всегда с тобой.

Пляшет мишка, пляшет кукла
У тебя во сне, сынок,
Слышишь, как танцует танец
Ангел-голубок?

Пусть они подольше пляшут
И смеются пусть...
Сон так нужен человеку,
Чтобы отдохнуть!

Далеко до жизни взрослой,
Милый мой сынок,
За тебя молиться буду,
Нежный ангелок.

И, стыдно признаться, не я с детьми по большому счету уроками занималась, а моя мамочка. У меня то сессия в институте, то писательские поездки. Вот она сначала с дочерью Натальей 11 классов закончила, затем с Семеном стала уроки учить. Я ни одного примера с детьми решить не могла, а мама со своим семиклассным образованием их только так щёлкала.

А по телефону с ней разговаривать можно даже из другой комнаты. Когда она мне звонит, я трубку на стол кладу, печатаю и ей отвечаю, и все у нас в квартире наш разговор слушают. Она последние десять лет перед пенсией с отцом на стройке работала, так вот и научилась «кричать», а не спокойно говорить.

Всемье она у нас хозяйка, как скажет, так ты и должен сделать. Ее любимое выражение: «Так, так, а перетакивать не будем».

ЗАМОРОШКОЙ — ЦАРИЦЕЙ-ЯГОДОЙ

Как все предусмотрел Господь, создавая природу! Каждая былинка-травинка знает место свое, каждая ягодка вырастает в свое время – ни позже, ни раньше. Слава Богу, в это лето морошкауродилась! А как замечательно в лесу, на болоте! Обилие запахов цветов, трав. А ковер болотный какой красоты!.. Сколько в нем оттенков мха различного, начиная от бледно-салатного и заканчивая буро-коричне-

вым. Какие! кружева ягель сплел – вологодским кружевницам не выплести. А трава с шишечками, такую только здесь и встретишь. Все на болоте радуется, ну а более всего морошка – царица-ягода.

Все в морошке удивительно. И когда цветет, одеваясь в невестин наряд, напоминающая магнолии цвет, которым я любовалась, отдыхая в Сочи, только в миниатюре. И когда покоится в чашечке, словно младенец в люлочке, и когда соком солнечным за много шагов светится, выделяясь среди болотной земли. И при виде особенно первой морошины лицо твое непроизвольно озаряется улыбкой. И хочется крикнуть ей, набрав полную грудь воздуха: «Здравствуй, царица-ягода, принимай в гости нас!»

А какое чудо на небе открылось мне! Даже не знаю, подберу ли слова, чтоб это высказать. Погода стояла ясная, но тучи на небе все же «похаживали», и вот одна туча закрыла солнышко, но середина ее, видимо, неплотной была, и через нее на землю лучами пробивался с неба солнечный свет. Словно Дух Святой, сходил он, освящая болото. Лучи его расходились в разные стороны, создавая божественно-великолепную картину.

Собирая морошку, я не переставала славить Господа за то, что он мне даровал такой чудный день и такое обилие этой янтарной ягоды. Где густостелились кусты карликовой березки, морошки меньше было, но уж если попадалась, то с хорошую клубничину была, а на открытом месте, где багульник и трава устилали мшистую поверхность, там ее – россыпи, но и мелковата зато.

И ведь надо как в природе устроено все, ведь до чего похоже на жизнь людей! Те, кто ветрам да бурям жизненным менее подвластны, те и живут в довольстве да роскоши, а кто в постоянной борьбе за выживание находится, там, как говорится, не до жиру – были б живы.

Все Господь предусмотрел на болоте: и тучи комаров, мошек, что обвивают человеческую плоть, и ветерок, что отгоняет их, чтоб не сильно утомлять людей. Какой воздух чистый, кислородом насыщенный! Как хорошо на болоте дышится! А запах багульника перебивает все вместе взятые запахи, даже голова начинает кружиться от него. Да и красота иван-чая просто завораживает. Словно зелено-сиреневые свечи стоят они торжественно по обочинам тропинок и дорог, и дивишься этой красоте. Пушиха¹⁷ раскидана по всему болоту белыми островками, напоминающими о снеге и зиме. Ее белые пушистые головки чуть шевелятся от ветерка, приводя «снежный» островок в движение. Одно слово – чудо великое!

И нестерпимо жаль, что далеко не все сегодня умеют замечать эту красоту, оценивать, стараясь осушать болота, уничтожать в тундре ягель гусеницами вездеходов, истреблять оленей и птиц. Ах, если б каждый умел ценить то, что создал для человека Господь, тогда б и не было над природой надругательства. Не поворачивались бы реки вспять, не вырубались под корень леса, не загрязнялись озера и моря. Человек сам создает себе проблемы, а когда земля начинает от надругательств возмущаться, сея землетрясения или наводнения, разрушения, люди начинают с мольбой обращаться к Всевышнему: «За что?»

Поэтому про себя я пою Славу Господу, благодаря Его за это девственное бо-

17 Пушиха – (пушица) – многолетние травы с многочисленными белыми волосками, после цветения которые сильно удлиняются, образуя так называемую пуховку.

лото, за небо и солнце над головой, за освежающий ветерок и, конечно, за первую северную ягоду – морошку. А по-саамски она называется «луэман», замечательно и солнечно. Мы, люди, интересные существа – гордимся своими званиями, а природа все равно остается совершеннее нас, созданная Господом прежде человека, и потому не она нам кланяется, а мы ей, в пояс, до самой земли, чтобы одарила нас, грешных, своими дарами.

«Собери меня», – вдруг ни с того ни с сего услышала я тонюсенький голосок, прозвучавший во мне. Что это? Галлюцинация? И вдруг много-много тоненьких голосков закричали наперебой: «Собери меня!Собери!» Ах, Боже мой, да ведь это голос морошки мне слышится, и я кланяюсь ягодам, преследуемая этими голосками до конца нашего сбора. Я даже немного притомилась от них и от того, что приходилось поминутно ягоде кланяться. Но как приятна эта физическая усталость, как радостно, что ведро твоё полнехонько морошкой! Чтоб руки не оттягивало, в рюкзак его. Иду по тряской болотине и думаю: а если провалюсь, тяжесть-то за плечами какая?!

И тут вспомнился Иисус, как Он по морю ходил и не тонул, и бодро с именем Господа шагаю далее, мурлыча себе под нос какую-то радостную песенку...

КАК МОЮ БАБУШКУ НАЦИОНАЛЬНОСТИ ЛИШИЛИ, А МАМУ РУССКОЙ ЗАПИСАЛИ

В 1994 году 30 марта в газете «Ловозерская правда» на целую полосу у меня вышла статья «Что такое саамщина, или моя головная боль». В ней я пишу, как в Конвенции о саамском парламенте меня возмутило предписание о том, кто вправе считаться саамом, цитирую: «... если родители – саамы; если один из родителей саам, если дедушки и бабушки саамы, то внуки тоже вправе считать себя саамами...»

Все вроде правильно записано, но за многие годы из-за саамских лидеров мне не раз пришлось испытать себя чужаком. И казалось бы за что? Ни в какое их управление я не лезу, никого не заставляю себя саами признавать... Оказалось, это за то, что посмела на саамские темы сначала сказки написать, затем рассказы о своем ловозерском детстве, а после и вообще за этнографическое исследование саамской жизни взялась... Даже у моей крестной Софьи Ефимовны Якимович и ее родной сестры Анны Ефимовны Новохатько спрашивали, каким боком я к саамам отношусь. И те говорили, что самым прямым: по своей бабушке и матери. Но, как оказалось, и это было малым аргументом для лидеров саамских. Вот в статье своей я все и высказала, что по этому поводу думала...

Просила маму показать мне документы, доказывающие ее и бабушкино саамское происхождение. Мама сказала, что разочарует меня. Достала бабушкино, повторное, от 26.01.1951 года «Свидетельство о рождении», и я, к своему удивлению, увидела, что в графе «национальность» у ее отца и матери стояли прочерки.

– А разве так может быть? – спросила я, потрясенная, маму. – Почему прочерки, они что, инопланетяне?

– Почем я знаю. В моем, например, «Свидетельстве о рождении», тоже повтор-

ном, от 18 августа того же года стоит уже, что я русская, – произнесла совершенно спокойно мама. – После войны многих, у кого метрики потерянными оказывались, русскими записывали...

Так моя мама, саамская женщина, всю жизнь с русской национальностью и живет и никакой дисгармонии от этого не испытывает. Никому не кланяется, ни у кого на кусок хлеба не просит и никаких особых привилегий не требует. И когда я это выяснила, еще больше стала ее уважать. Почтальон, лаборант в СЭС, санитарка в больнице, строитель – вот ее основные работы, начальственных должностей, даже самых малых, не имела, но всегда оставалась самодостаточным человеком, проявляя в жизни завидную независимость характера! И сегодня в свои почти восемьдесят лет она способна большую часть своих потребностей удовлетворять сама, за мужем-инвалидом ходить, да еще какой-никакой копеечкой внукам помогать.

Вот за эти качества я ее не только люблю, но глубоко почитаю и уважаю. И кроме того, как оказалось, будучи чисто саамской женщиной, она, проведя большую часть своей жизни среди русского народа, приобрела стойкий поморский характер.

ТОСКА ПО ОЗЕРУ

И кто о чем, а я вновь вернусь к тому, с чего начала. В наше время стало запросто сходить через горы на Сейдозеро. Кто пофотографировать места красивые идет, кто рыбку половить, кто на отдых в поход. Мне тоже не раз предлагали, только всегда какие-то возникали дела. И продолжалось так из года в год.

Вначале 80-х позвали меня работники Ловозерского Дома культуры с агитбригадой у рыбаков выступить. Согласилась с радостью.

Плыву по озеру, и опять летят серебристые брызги мне в лицо. На одном острове выступили, на другом, и – заныло сердце мое. Агитбригадовцы костер развели, уху варят, стол на земле стелют, а я хожу по берегу одна, не принимаю участия в приготовлениях. Сяду на камни – березки карликовые обнимают, словно руки бабушки. В озеро гляжу – вижу бабушку. Птицы над водой курлычут – слова слышу: «Помни, внученька, земля – мать родна. Землю пожалеешь – станешь мудрей. Воду чти, без воды человек, что пень сухой. Воду испьешь – молодость вернешь. Вода рыбку дает, рыбку съешь – умной станешь!..»

И поняла я, почему от всех ушла, что искала, почему на озеро смотрю не намоюсь. Детство я свое выглядываю.

Потому и не хочу через горы на Сейдозеро идти. Рядом оно, за горой Карнасуртовской, да только путь у меня к нему через детство лежит.

Часть вторая

ИЗ РОДА ЮРЬЕВЫХ

Ох и плодovit оказался род Юрьевых! И личности в нем всё яркие, неординарные: Иван Иванович Юрьев, о котором писалось уже, крестная моя Софья Ефимовна Якимович, саамская песенница и сказительница.

В 1999 году в Норвегии в издательстве «Северная книга» вышла ее саамская сказка «Моджесь Наст» – «Красивая Настя», а чуть позже и сборник стихов – «Подарок медведя» в переводе Викдана Синицына.

Мама ее, Федора Максимовна Галкина, – родная сестра моего прадеда Федота. А отец из рода Юрьевых – Ефим Исаакович. Семья у них большая была – пятнадцать детей, в живых осталось семеро. Софья родилась 23 апреля 1940 года.

Федора Максимовна – женщина молчаливая, и напевы ее, как вспоминает Софья, были спокойные, грустные: уж очень тяжело переживала она смерть восьмерых детей своих. Докторов тогда не было... «Редко от нее, бывало, слова дождешься, зато отец, Ефим Исаакович, – балагур, каких мало. Любил и посмеяться, и над родственниками подшутить, и уж если чего задумывал – обязательно добивался». Софья говорит, что она вся в отца.

Красота от родимой матери.
Трудолюбие дал отец,
А защитой были братья мне...
Согревали теплом сердец.
Сказки сказывала мне бабушка,
Дед любимый мне имя дал,
Называл не всерьез «Оладушкой»,
Рыбкой-кумжею угощал.
Сестры, братья учили азбуке,
Тети, дяди да вся родня
Говорили: «Живи не в праздности», –
И учили труду меня.

Маленькой Софья разговаривала только по-саамски. В школу пошла – брат ее научал, как правильно свою фамилию выговаривать: «Спросят – обязательно скажи: «Юрьева я». Но девчушка так испугалась строгой учительницы, что тупо твердила одно и то же: «Софья я, Софья».

В детстве частенько ей приходилось слышать сказки от своего дедушки Ильи. Соберется ребятня возле печки и замороженными глазенками смотрит на рассказчика. Бывало, бабушка деда заменяла, а то отец песни пел. У них с бабушкой в саамских лувт¹⁸ веселый напев был, не то что у матери.

18 Лувт - (луввѣт) – песня-легенда, песня-судьба.

Ее родная сестра Анна Ефимовна Новохатько на всю русскую и скандинавскую Лапландию своимилувтьями славится, так хорошо поет! Всех талантливых людей из рода Юрьевых и не перечесать. И что удивительно: в семьях этих фамилии Галкиных и Юрьевых так родственно переплелись, что распутывать пришлось, точно ниток клубок.

КРЕСТНАЯ

Когда я родилась, побежала бабушка Наташа к Юрьевой бабе Ульяне:
– Слышь-ко, Ульяна, моя Лизавета дочку родила, крестить пора. Просим внучку твою Софьюшку к нам крестной матерью пойти.
А Софья сама была – под стол пешком, испугалась:
– Какая я мать?!
А баба Ульяна наставляла:
– Нельзя, Софья, отказываться, когда первый раз тебя в крестные зовут. Грех...
Ступай с Богом.
И пошла Софья ко мне в крестные матери.
– Молодец, Софьюшка, что не отказалась, – хвалила ее после баба Уля. – Теперь ты должна о крестнице заботиться, достойной матерью ей быть. Потому как за крестницу больше даже, чем за своих детей, перед Богом отвечать будешь, – ты ее с крестом приняла...

СААМ И РУССКИЙ

Зашел к Ефиму Юрьеву в чум русский, как раз к обеду попал. На столе уха наваристая, полная миска жирных сигов, чай кипит. Дед Ефим гостя за стол сажает, рыбой потчует.
Сидят, едят. Русский одну кость на пол кинул, другую...
Спрашивает дед:
– Ты чего это, мил человек, кости-то на пол кидаешь?
Удивился русский – где пол, когда под ногами земля?
И объяснил дед Ефим непонятливому гостю:
– Слепой ты, что ль? Видишь – доска лежит, на которой стол стоит? Она пол и означила.
Смутился русский.
– Прости, отец, вперед наука.
Так и было: могли лопари одной доской пол обозначить.

ИСПУГ БАБЫ УЛЬЯНЫ

Как-то увидела крестная в окно(она на первом этаже жила), что баба Агафья к ней в гости идет. Баба Агафья – старшая ее сестра, восемнадцатого года рождения, старенькая уже. Ждет-пождет крестная – нет сестры. Выглянула в коридор – и там нет.
– Наверно, Агафья подумала, что к Анне, другой сестре пошла, и наверх подня-

лась, – говорит мужу крестная. Пойду покричу.

Вышла на площадку, подняла вверх голову и крикнула:

– Агафья, ты где?

Дом, в котором крестная живет, – девятиэтажный. Голос эхом полетел вверх. Откуда-то издалека ответом донесся слабенький голосок бабы Агафьи:

– Здеся я, Софья, наверх забралась.

– Что делаешь там? Давай спускайся вниз, – опять крикнула крестная.

Баба Агафья сверху вторит ей:

– Счас, иду потихоньку.

Когда спустилась на площадку первого этажа, устало произнесла:

– Старая совсем стала, знаю, что к тебе шла, а подниматься стала на четвертый этаж, как к Анне.

Уже когда у Софьи поели, попили, стали разговоры говорить. Бабу Ульяну вспомнили. Ульяну Фадеевну Юрьеву, их бабушку.

Баба Агафья сестру спрашивает:

– А помнишь, Софья, как наша баба Ульяна пугалась всего?

– Как не помнить, помню, – отвечает крестная. – Ее, бывало, за столом дед Исаак кидэгоймчохкла (торкнет в бока) – баба Ульяна испугается и даст ему правой рукой по лицу наотмашь. Дед ругаться начнет: «У, чертова бабка, совсем скоро меня убьет». Опять сидят, едят. Тут Левонтий, брат наш, бабу Ульяну с другого конца – торк, та вновь деда Исаака правой рукой по лицу. Тот вскочит, точно ужаленный, и от бабки бежать, она за ним. Так вокруг дома и бегают, пока баба Ульяна не упадет. Тогда дед глянет и скажет: «Чоткерэ (на смерть упала, поди)». Левонтий подойдет, чуть приподнимет бабу Ульяну, послушает, почешет затылок и с сомнением произнесет: «Да нет, жива, подись, еще».

– Да, – качает головой баба Агафья, вспоминая старое житие, – баба Ульяна наша в детстве еще напугана была. Как-то в лес по ягоды пошла, а тут медведь. Она от него на дерево взобралась и сидела до темноты, пока отец не нашел. Медведь-то лихой попался, от дерева так и не отошел, пока его отец бабы Ульяны не пристрелил. Во какие дела... А помнишь ли, Софья, как баба Ульяна толстую бабку Марфу чуть в камелек с испугу не посадила?

– Помню, как не помнить, – утвердительно закачала головой крестная.

– А помнишь, как, чтоб испуг с нее снять, ей глаза закрывали? Она тогда, бедная, глубоко вздохнет и придет в себя.

– А мне, сестра, мама рассказывала, что баба Ульяна еще и другим испугана была. Пошла как-то к своей бабушке, а та на рыбалке промышляла. И решила Ульяна заночевать в доме ее. Когда спать-то легла, услышала, будто стал вокруг дома роавк – дух умершей колдуньи ходить, девчонку пугать. Заглянула Ульяна в окошко: точно так и есть – роавк и никто другой. И опять сильно испугалась.

– Пуганая, пуганая, а до ста лет дожила, – сказала баба Агафья.

– Ты у меня, сестра, тоже молодец, восемьдесят два исполнилось, – сказала Софья ободряюще.

– Да, восемьдесят два, – тяжело выдохнула баба Агафья.

Рассказала мне все это крестная и добавила:

– Люблю я с нашей Агафьей говорить. Лешка, брат, хоть и молодой, да с ним вот

так не побеседуешь... Ему бы юльсе до потери пульсе... Он мужик, что с него взять.

– Ты, крестная, саамские слова с русскими – и те в рифму мешаешь, – засмеялась я.

– А что, если жизнь теперь такая стала, ты вот поняла, что я сказала?

– Поняла, чего не понять. Юльсе – значит по-саамски выпивать, – сказала я.

– Слава Богу, хоть что-то из саамских слов знать стала, – улынулась мне крестная.

СТАРИКИ УШЛИ С ОСТРОВОВ

– Скажи, крестная, почему раньше летом саамы целыми семьями на островах жили? Почему сейчас этого нет? – спросила я.

– Раньше в селе жили только зимой. Летом каждый род свой удел имел. Люди открыто жили, не то, что теперь. Нынче запреты на все. А что делать на острове, коль рыбу ловить нельзя? Чем питаться станешь? Вот власти и отбили у людей охоту на островах жить.

Раньше по озеру только на веслах ходили, моторов не было. С Вороньей реки на Ловозеро идут – несколько остановок делают. На Водомере остановятся, на Семеновостров идут. На Салме постоят, с рыбаками тамошними чай, уху попьют, рыбу покушают, отдохнут и на последний – Спасательный – остров заходят. Всеми новостями поделятся, тогда в Ловозеро придут. Обратно так же идут.

Какая лодка ни плывет – каждой люди рады. Они на островах, почитай, все лето живут, поговорить хотят, новости узнать, свои истории рассказать. А теперь что получается? На моторах междугр дружки промчатся – даже в лицо не взглянут. В леса стали уходить, прятаться. На своей земле по-воровски живем, по-воровски сети ставим, рыбу ловим, все по-воровски... Это оттого, что земля и вода перестали быть нам кормилицами. Оттого и люди злее, завистливее. Совсем саамы потерялись среди людей. Раньше в весеннем лесу яйца птичьи искали, теперь среди чужих людей сородичей ищем... Вот жизнь какой стала. Люди – они что грибы. Только не все грибы ты в свою корзину кладешь. Хороший – к себе, поганку – выкинешь или стороной обойдешь. Так и с людьми. Хоть саам ты, хоть русский...

Нас родители учили: «Семь раз головой подумай, что язык твой вытолкнуть хочет. От хороших слов глаза блестят, сердце поет. От злых, грубых – брови сходятся. Тяжелое слово человека убить может. Семь раз думай, язык прикуси, молча посиди. Не судачь без толку, живи миром своим». Потому и народ сдержанным был. Сейчас саамам чужие дела навязали, свои исполнять некогда. Вот народ на глазах и меняется.

Старики помрут, мы помрем, и совсем не останется прежних людей. Все смешалось: кровь, дела, мысли...

Как старики наши ушли с островов, так те словно умерли, будто кто их на замок закрыл. Потому как они одному роду-племени принадлежали.

РАЗГОВОР С КРЕСТНОЙ

В октябре 1994 года ехали мы с крестной из Мурманска в Ревду и удивлялись снегу, внезапно завалившему землю.

Мне подумалось: «Зима надолго лапу свою наложила, поворота к теплу не видать!»
За какие-то два дня небо решило вывалить на землю чуть не весь свой зимний запас. Нелегко было пробираться сквозь вязкий снежный туннель к автобусу.

Крестная молчала. Она тоже смотрела в окно и вдруг произнесла:

– Много снегу. Жаль, солнышко выглянет и все растопит.

– Почему ты думаешь? – спросила я.

– У меня ухо зудит – к теплу.

– А при чем тут ухо твоё?

– Я апрельская, – спокойно ответила крестная.

– Что из того? Я тоже апрельская.

– То что тепло будет.

– А если б январской была, тогда что?

– Тогда тепла не жди.

– А при чем тут зуд в ухе?

– Говорю – тепло будет! Ты верь. Примета такая есть.

Посмотрела я в окно автобуса и подумала: «Нет, такой большой снег не растопить ни солнцу, ни зуду в ухе крестной».

Однако через два дня мы вновь увиделись.

– Ну что, крестница, не зря ухо у меня зудело? Сошёл снег, будто и не было.

– Правда твоя, – согласилась я.

Саамы – люди природы. В качестве барометра погоды могут и день своего рождения применить.

СОФЬИНА СОСНА

С бригадой строителей ездила Софья как-то прокладывать железную дорогу. Чтобы скоротать долгий путь, женщины выбирали себе именные деревья. На всем протяжении пути можно было слышать их счастливые возгласы:

– Девчата, смотрите, вон Валюшкина елка!

– Я первая Татьянину березку приметила!

Как правило, деревья были красивые, раскидистые, пушистые. Одна Софья оставалась равнодушной к затее подруг, но девчата не отставали от нее:

– Софья, ну выбери дерево. Ехать ведь интереснее.

– Едешь и ждешь, когда твое деревце тебя поприветствует!

И тогда, когда все уже перестали ждать Софьиного выбора, она объявила:

– Моим деревом будет вооон та корявая сосна, – и указала на высохшую, но еще очень крепкую сосну.

Удивились девчата: и что это Софье вздумалось выбирать неживое высохшее дерево? Она объяснила:

– Когда-то это была очень красивая сосна – пришла беда и лишила ее зелени. Но сосна не умерла, она лишь затаилась до времени. Узнает о моем выборе и порадует.

– Ты словно сказку рассказываешь, – улыбаясь, говорили строители, – тебе бы в писатели пойти, пусть тебя научат.

Посмеялись они над Софьиными фантазиями, но сосну заметили.

Железку долго строили. После тяжелого физического труда людям хотелось одного – отдыха. Уже никто не ждал деревьев, да и машина укачивала. И все же единственное дерево заставило оживиться всех – сосна моей крестной. Кто первый заметил ее, воскликнул:

– Смотрите, Софьяна сосна, скоро дома будем!

С ЧЕМ ПОЙДЕШЬ НА ПОДЛЕДНЫЙ КЛЕВ?

– Дорога от Мурманска до Ревды неблизкая, о чем только ни переговоришь. Меня крестная спрашивает:

– Скажи, с чем бы ты пошла на подледный клев?

– Ты что, крестная. Я бы вообще не пошла, какой из меня рыбак?

– Разве я заставляю тебя идти? Я спрашиваю, что бы взяла, случись на подледный клев пойти, – настаивала крестная.

– Не знаю, взяла бы ледоруб, тулуп потеплее, мешок под рыбу, удочку...

Перечисляя, я наткнулась на смеющиеся глаза крестной. Спрашиваю:

– Ну хорошо, а с чем бы ты пошла?

– Я!? – словно ожидая этого вопроса, ответила крестная. – С топором!

– Как!?

– Так, возьму топор и пойду.

– И что, рыбу топором ловить будешь?

– Конечно, – уверенно отвечает она. – И знаешь, поймаю.

– Как?

– Тюкну топориком по голове и поймаю.

Я, думая, что крестная меня разыгрывает, поддакнула:

– Конечно, поймает. Рыба – дура, она к тебе специально для удара подплывет.

– Подплывет, крестница, – подхватывает мой тон крестная. – Налим летом по дну плавает, так? А как только лед скует озеро, под него выплывает. Сидит, лед лижет и меня ждет. Вот я его и тюкну по голове. Оглушу топориком и вытащу.

Мне не верилось:

– Лед ведь тонкий. Ты к нему на животе подползать будешь? Высматривать, где он сидит, тебя ждет?

– Да, да, – согласно кивает головой крестная. – В детстве мы так и ползали, топориком рыбачили. Молодой лед, прозрачный, под ним все видать.

– Так ведь и замерзнуть можно на животе?

– А мы в малицах. Интерес выше холода. Главное – словчиться и поймать.

– И много ты так рыбы ловила? – перебиваю я.

– Разве дело в количестве? Тебе и одной достаточно. Главное, чтоб ты рыбину топориком поймала. Летом-то налима никто не ловит, он под камнями прячется. Зимой – в ходу!

И ФИЛЬМ ПРО МАФИЮ ПРИГОДИЛСЯ

Иду как-то на работу – навстречу крестная. Остановилась.

– Что я тебе расскажу, крестница. Неделю назад, когда после оттепели вновь подморозило, к тебе пошла. В подъезде темно, скользко, я со всего маху об угол головой. Хорошо – мужчина сзади шел, поддержал, а то бы точно насмерть убилась. Так лбом стукнулась, думала, глаза вылетят. Сразу шишка-рог над глазом вскочил. Куда уж к тебе идти, назад домой повернула. Лечений-то никаких против шишки-рога не знаю. Намочила тряпицу и приложила с медными монетами треугольником. А тут и дядя Вася приехал с Ловозера (так крестная называет своего мужа при мне), оленину мороженую привез. Посмотрел на меня, засмеялся, мол, где это ты, бабка, на свою голову рога ходила-собирала.

Дед-то меня ни разу в жизни не тронул, а тут угол шишку набил. Обидно. А я, как мясо на столе увидела, так фильм про мафию вспомнила. Там мафия в ресторане одного парня била. Тоже шишку-рог набил, а затем попросила сырой бифштекс. Фильм импортный. Принесли мафии сырой бифштекс, подают тому, кого били, мол, приложи к месту ушибленному – пройдет. Вот я фильм вспомнила и подумала: раз в нем говорят, что сырое мясо от шишки помогает, значит, зря не скажут.

Отрезала от оленины кусок и приложила на ушиб. Не поверишь: он как клеем намазанный прилепился. Дядя Вася смотрит, как я хожу с окровавленным куском, и говорит:

– На тебя смотреть страшно, точно кусок мяса из головы вырвали.

Несколько часов с ним ходила, а когда легла, шлепок с головы и отвалился. Мясо будто на печке испекли – стало тоненькое, все высохло. И шишака уже нет. Наутро новую шлепку прилепила, все и прошло, как не было. Вот что значит мясо! И фильм про мафию пригодился.

– Значит, крестная, ты все экспериментировать?

– А как же, крестница. Не помню уж, рассказывала тебе, как по осени, чтобы ноги меньше болели, ягель пила. Заварю с брусничным листом и пью. Отвар с ягеля серый получается. После, честное слово, намного лучше себя чувствовала.

– Тебе про настой из ягеля тоже кто сказал или где читала?

– Нет, сама к тому пришла. Решила эксперимент на себе провести. Олень ягель ест – не умирает, вот я и подумала, может, тоже не умру. После сухожилия отпустило, а то точно кол в ноге стоял.

– Так ты теперь своим рецептом с другими поделись.

– Эх, крестница, хорошо учить того, кто слушает и принимает, а того, кто, как баран, упирается, и учить не стоит...

БРОШЕННЫЕ КУКЛЫ

На экскурсию в Музей саамской литературы и письменности имени Октябрины Вороновой крестная принесла куклу Яшку в саамской одежде и чум как наглядные

пособия. Пока школьники не подошли, рассказывала мне:

– Вот. Яшку тебе в Музей принесла, один он у меня остался, старый кавалер. Ник как ему невесту найти не могу. Они у меня в паре с Улькой шли. Улька-то узкоглазая, как наш дядя Ваня-Ченкайши, черноволосая, с двумя косами была. В Норвегию ездила, там, как увидела женщина, на бурятку схожая, мою Ульку-то, так и купила. Я ее мужу на Яшку показываю, мол, и его возьми, а тот отказывается, на глаза и волосы Улькины показывает, мол, потому и купили, что кукла на его жену больно похожая.

– А куда твоя кукла Настя делась?

– Настя у меня самая красивая была – прежде дома цыганкой сидела. Я ей саамский наряд сшила и в саамскую девушку превратила.

Ехали мы опять же в Норвегию выступать, собираю Настю в сумку и приговариваю: «Повезу тебя, девка, за границу, может, за кого замуж отдам».

Поставила чум на прилавок, около Настю посадила. Норгиходют, фотографируют. Вдруг один из них остановился, красивый такой, глаза большие, черные, показывает на Настю и спрашивает, сколько стоит. А я почем знаю, сколько ему сказать. Видела – их-то куклы дорогие все. Моя тоже новая, в костюме шелковом, говорю: «350 крон».

Переводчица шепчет: «Тетя Соня, дорого запросила». А я отвечаю, как мой отец Ефим Исаакович говорил: «Ничего, сколько сказано, того пересказывать нечего, будем кость этому норгу ломать». Узнав, что кукла стоит дорого, он ушел. Прошло какое-то время, опять подходит, о цене спрашивается. Думал, я ее сбавила, а я решила «кость ломать», говорю: «350». Постоял, подумал, достал кошелек и заплатил столько, сколько просила. Так ему моя Настя на душу пала. Я в подарок саамский кулон протягиваю, а он взял его и мне еще десять крон сует...

– Крестная, а где ты кукол берешь? Покупаешь?

– Откуда покупаю? Где у крестной деньги такие? Брошенных беру. Настя была новая, остальные – все брошенные. Одну куклу девочка мне принесла с пяткой отгрызанной. Ну, стала я ее обрядить. Всем и имена даю. С обгрызанной пяткой Дашкой назвала. Трусики с кружавчиками сшила, подъюбник белый, сарафан с кофтой шелковые, перьевск¹⁹ вышила. Обрядила – и Дашка у меня что игрушечка стала, красавица. А кожи для каньг²⁰ нет, и связала я ей синие с красной полоской носки. Куда ни едем выступать – с собой беру.

Перед поездкой в Финляндию муж говорит: «Дашку-то тоже, что ль, замуж отдавать будешь?»

– Нет, – отвечаю, – куда ей замуж с пяткой отгрызанной? У чума будет сидеть для красоты.

После концерта мы поделки свои разложили и с сестрой чай пошли пить, девок наших из ансамбля вместо себя оставили. Приходим минут через пятнадцать, мне деньги протягивают. Спрашиваю:

– Что хоть продали-то?

А они:

19 Перьевск – (перьевеск) – головной убор девушек, надеваемый ими с наступлением совершеннолетия. Целиндр из бересты без донышка, обтянутый красным сукном и расшитый бисером.

20 Каньги – (коаммэ) – короткая обувь из оленьих койб или какой другой кожи с загнутыми вверх узкими носками.

– Куклу твою, тетя Соня, Дашку продали.

Тут я и заохала:

– Так ведь она с пяткой обгрызанной, не предупредила вас, что ее продавать нельзя!

Девки успокаивают: «Ничего, у них дети есть, пока пятку обнаружат, подумают, свои отгрызли».

А другую куклу из детсада принесли, у той пятка целая – так глаза вываливаются и ресницы повырваны, одно слово, – брошенная. Жаль мне ее. Глаза приклеила, а с ресницами уж ничего не сделать. Теперь ей костюм сшила. Долго в люди не выводила, все она дома у чума сидела. А тут срочно в Мурманск ехать позвали; один чум не возьмешь, а другой куклы не было, вот Ольку и взяла. Ладно уж, думаю, этой жених вряд ли найдется.

Как всегда, стою, подходит мужчина, вещи мои посмотрел и ушел. Мне интересно, на что он глаз положил? Смотрю – опять идет. Спрашивает, почему у меня Олька. Я ему: «Олька не продается и все тут». Ушел. Через время опять идет. Молит заради Христа Ольку продать. Я боюсь: что, если у нее глаза отклеятся?

– Нет, – говорю.

Он умоляет, дочке подарок сделать хочет, болеет она у него. Очень ему эта кукла в необычном наряде понравилась. Эх, думаю, надо продать. Взяла чисто символическую сумму и отдала. Стою и сама себя успокаиваю. «Ничего, глаза не выпадут, я их крепко клеила, а ресницы? – Так, может, она их у костра спалила».

– И куда же ты своих кукол еще замуж отдавала?

– Про то, что в Норвегии и Финляндии они живут, знаешь, Олька в Мурманске, еще одна в Германию попала, другая в Канаду, вот где я своим саамским девушкам женихов нашла. С одним Яшкой осталась, в школах, библиотеках, в детских садах выступаю. Мне в удовольствие брошенным куклам жизнь продлевать. Я им красивый наряд сошью – глядишь, какой ребенок опять и порадует. Вот как дома тряпки валяются, разве можно их на помойку нести? Я все на ленточки порежу, коврик свяжу, вот они людям и послужат еще.

– Ну а у Яшки твоего какой дефект имеется, открой секрет.

– Какой здесь секрет? У Яшки клочок волос выдеран, вот, чтобы лысину на его голове прикрыть, я ему шапочку саамскую и сшила.

Провели мы с крестной две встречи с ребятами, а на третьей, рассказывая о саамском костюме, о своем Яшке, она и сказала, мол, засиделся он в женихах. Пора Яшку на Машку менять да сарафан ему шить, может, тогда кто замуж возьмет.

После встречи подходит к ней девочка, предлагает обмен: крестная ей Яшку, она той двух своих кукол принесет.

– Они у меня хорошие, не обломанные, не обкусанные, только голые.

Крестная, улыбаясь, кивает головой:

– Значит, не суждено Яшке Машкой стать. Согласна я, девонька. Как сейчас говорят, сделаем обмен бартером. Пусть мой Яшка теперь тебя радует.

Девочка сбегала домой и принесла двух своих голышей. Крестная приняла их, посмотрела, волосы пригладила и заговорила:

– Вот теперь вы мои стали, на Яшку променяла вас. Теперь не будете голые хо-

дить, сошью вам наряды саамские из шелков и посажу у чума, а потом, глядишь, и замуж выдам, если кому приглянетесь. Разве я думала-гадала, что Яшку сегодня женю? Хотела ему волосы новые приклеить, а он, видишь, и так девочке приглянулся. Ну и ладно, ну и хорошо. Плохо, когда куклы брошенные...

«ЧЕРНОЕ МОРЕ»

Зашла на Пасху к крестной похристосоваться да крашеные яйца дать и сказала, что на днях зуб коренной удалить пришлось, уж очень болел, а она на свой пожаловалась.

– Тоже таблетки глотаешь? – сочувственно спросила я, потому как за два дня болезни своей выпила их более десятка.

– Нет, – ответила крестная, – я у себя на ковре «черное море» стелю и по нему голыми ногами хожу – помогает.

– Какое еще «черное море»? – не могла сообразить я.

– Да морские камушки. Когда в девяностом-то последний раз на Черном море отдыхали, я прихватила с пляжа немного, на память, точно чувствовала, что больше туда не придется поехать. Теперь вот в комнате у себя «черное море» стелю и хожу по нему. Камушки к ногам так и липнут, так и липнут, а значит, правильные болевые точки находят, лечат. Соображаешь теперь!?

Недолго думая, она ноги свои больные оголила, разбросала по ковровой дорожке морские гладкие камушки и стала по ним круги выписывать, приговаривая:

– Хорошее «черное море», и камушки хорошие, их солнышко обогрело, морская волна отшлифовала, теперь вот мне ноги лечат.

И уже обращаясь ко мне, добавила:

– Ты, крестница, если у тебя дома камушки такие есть, тоже попробуй «черное море» расстелить да походить, увидишь: помогает.

Затем села на кровать, подняла ноги и спрашивает:

– Ну что, прилепилось «черное море» к ногам?

– Прилепилось, крестная, прилепилось, – согласилась я.

Она ногу об ногу постукала, камушки и свалились.

Подняла их, на середину комнаты кинула и пошла снова по «черному морю» ходить.

«БУРЯ МГЛОЮ НЕБО КРОЕТ...»

Какой-то внутренний толчок разбудил крестную. Открыв слипающиеся ото сна глаза, она внимательно прислушалась к себе. Вроде ничего не болит. Что же заставило ее так вдруг пробудиться? Свесив с кровати тяжелые больные ноги, она села и ни с того ни с сего запела:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То как зверь она завоет,

То заплачет, как дитя...

«Что это я? – подумалось ей. – Утро с песни начала. Кто ее написал? Пушкин, Лермонтов? Кажется, Пушкин».

Не спеша оделась и, переваливаясь из-за больных ног, побрела на кухню самовар ставить. По радио передавали новости. Она, подперев подбородок, в ожидании чая сидела и слушала, что происходит в стране: «Сегодня исполняется 160-я годовщина со дня смерти великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина...» – произнесла в репродуктор диктор радио.

От неожиданности услышанного Софья Ефимовна вся натянулась.

– Это что ж ты, Александр Сергеевич, за смешки такие со старухой творишь. В кровати песнь свою ни свет ни заря петь заставил, а счас и сам о себе известие подал.

Крестная и сама сказки писала, песни на саамском языке, не раз выступала с собственными сочинениями по саамскому радио.

Как-то сложила стихотворение про горы Эллуэйв, а музыка никак подбираться не хотела. Вечером, пересматривая записи, наткнулась на него и словно впервые увидела. И музыка сама по себе пошла. Поет крестная про снежную тундровую гору, высокую голову, за которую солнце прячется, поет свою песнь на саамском языке, будто не раз певала, и вдруг ее вновь словно толкает кто.

– Батюшки свят, это ж музыка из песни на слова Пушкина «Буря мглою небо кроет», а на мои стихи легла, как и на них писалась. Ну и задал ты мне сегодня, Александр Сергеевич, поле чудес!

Крестная рассказывала мне это с ней приключение месяц спустя и песню спела:

Еркьяуррт, Эллуэйв,
Тонэтуэгалэмантпейвь
Эллуэйв, Эллуэйв
Тонэтуэгалэмантпейвь...

Мы поудивлялись, посмеялись, и тут она вновь насторожилась. По телевизору в какой-то передаче дикторша вспоминает романс Пушкина «Буря мглою небо кроет». Все, кто был у меня дома, да и я сама, с удивлением уставились на крестную.

– Ну, ты, крестная, даешь, – вырвалось у меня, – наверняка Александр Сергеевич тебя под покровительство взял. А может, в тебе дух его няни Арины Родионовны заговорил?

– Не знаю, крестница, и думать что, только свою песню «Эллуэйв» теперь постоянно пою...

«УГОЛОВНОЕ ДЕЛО»

В октябре 2005 года, приехав после операции, зашла к крестной, все же месяца полтора ее не видела, и она, радостно делясь, стала мне рассказывать случай, произошедший с ней в сентябре месяце:

– Тут я, крестница, уголовное дело (ввернула свое любимое выражение крест-

ная), торговлей занялась, чтобы у моего Василия стимул был на огороде зелень выращивать. Себе уже всего назаготовила, остальное продавать пошла. Надела пучками укроп, салат, положила в корзинку и, чтобы от дома далеко не уходить, напротив пивного ларька села на ограждение, точно галка на штaketник, и предлагаю прохожим. Такая у меня, уголовное дело, на этот день работа была. Ничего не скажу, брали хорошо. Пучков десять укропа и два салата осталось, хотела уж домой пойти, а в это время к ларьку два мужика и женщина подошли. Я им говорю, мол, помогите старухе, купите укроп к пиву, чтоб домой назад не нести. Один тут же за кошелем полез: «А что, возьму-ка я у вас пучков пять». Я ему: «Бери, бери, земляк». Он: «Нет, бабуля, я не ваш земляк, я с Воркуты». Я ему: «Так и в Воркуте наши земляки живут, значит, земляк». Женщина, что оказалась его женой, присоединяется к нашему разговору: «Да что там пять! Принесешь домой, дети в гости придут и все заберут, братъ – так уж все». А мне хорошо, только два пучка салата и осталось.

Пошла до магазина, купила два яблока, подумала, что добавлю их в салат и съедим. Тут ко мне, уголовное дело, подходит молодой человек, говорит:

– Бабуля, накорми, а, голодный я.

Я подивилась просьбе такой, отвечаю:

– А у меня, мил человек, только салат в корзине и есть.

Он:

– Давай салат.

Я подумала и вновь:

– Как же у нас так получается? Я, бабка на пенсии, на заборе, как галка, сижу, работаю, а ты – накорми.

Он:

– Я ведь не просто так прошу, деньги заплачу.

Ну, я в корзине беру пучок зелени, а под ним яблоко, он увидел яблоко и взял, затем из кармана пятидесятку достал, мне протягивает. Я открываю кошелек сдачу сдать, говорю ему:

– Я, мил человек, не мошенница, уголовное дело, чтобы тебе яблоко за пятьдесят рублей продавать, – и отсчитываю сорок десятками.

После того как парню яблоко за десятку продала, домой пошла, а он рядом идет, говорит:

– Дайте мне вашу руку.

Я возмутилась:

– Не дам, с чего я тебе руку свою должна давать? Сам сказал, что ты злой. Хочешь мне свою отрицательную энергию передать?

А парень:

– Да не бойся, ничего плохого не сделаю.

Я ему, мол, а чего мне тебя бояться, и руку-то подаю, а он взял мою руку и поцеловал. Затем развернулся и направился через дорогу к памятнику. Чудной человек, ведь на каждом шагу ларьки, магазины есть, где можно покушать взять. Потом только поняла: ему что нужно-то было – выговориться, чтоб послушал кто. Вот он и

выбрал меня. Такая у меня торговля сей раз получилась. С приключениями.

ИЗ ПИСЕМ КРЕСТНОЙ

Когда от крестной пришла, рассказ-то ее в дневник записала. Хотела чуть позже к ней с диктофоном прийти, еще чего записать, да прособиралась, пока 15 июня не узнала, что она умерла. Затем, будучи в Мончегорске, попросила Лену Лобанову, которой, знала, крестная в письме свои рассказы писала, сделать мне с писем копии. И вот читаю то, что из моей памяти уже выветрилось.

Описывает крестная Лене другой случай из торговли зеленью, тот, что я не запомнила. Для нее ходить летом к рынку – прогулка, а так как ноги больные, приходится ей остановки делать. То на скамейке у пивного ларька, то на большом сосновом пне, ближе к базару, сидеть. Пишет: «Овладеваю новую профессию. Работа интересная, знакомых встречаю, разговоры, воспоминания. А тут по дороге два мальчика на велосипедах катаются. Одному лет девять, а второму года четыре. Тот, который младший, подъедет, возле меня велик свой положит на землю и ко мне на забор садится. Сидим на заборе старый да малый, как воробьи. Скамеек пожилым нет, как будто в посёлке одна молодёжь».

Неожиданно дождик начинает покрывать. Я мальчику говорю: «Ехал бы ты домой, а то вымокнешь». А он мне: «Мама на работе». Я поняла, что мама его работает в ларьках, которые стоят недалеко от нас. «А папа ведь дома?» А он мне отвечает, что папа плохой. «Как плохой?» Он молчит. Я опять спрашиваю: «Что, он тебя обижает?» «Да», – отвечает и молчит. А чуть позже говорит: «Я маму спас». И так это серьезно сказал, как будто ему не четыре года, а все двадцать четыре. Я обняла его и говорю: «Я впервые вижу такого маленького спасителя!» «Я маму спас!» – гордо вторит он. «Как же ты, такой маленький, спас свою маму?» «А я как закричу: «Спаси-те, по-мо-ги-те!» Протяжно произнес он. «Ну, ты просто молодец! Как же такого храброго спасителя зовут?» И он сказал свое имя – Владик. И тут я призналась Владиду, что тоже однажды маму спасла. «Только я была постарше тебя лет на десять». И он не спрашивал, так как у него уже был опыт...

Торговля идет не очень-то хорошо, и я говорю: «Надо идти домой». Только хочу все собрать в корзину, а он подходит, тянет меня за плащ и указывает на забор – вот наш дом. Я чуть не прослезилась.

Придя домой, я рассказала своему деду об удивительном смельчаке, который спас маму!»

ЗНАК – ЦЕПОЧКА ЛОПНУЛА

А теперь о грустном. 15 июня 2006 года сидела я, работала за компьютером, и где-то в час с небольшим рука потянулась к шее, дотронулась до цепочки, а она со звуком под пальцем и лопнула. Я оторопела. Сколько мылась, терла шею мочалкой, задевая ее, – ничего, а тут нежно дотронулась – и лопнула. В половине третьего позвонил папа и сообщил, что слышал, будто крестная моя умерла. Да ну, отвечаю ему, вчера, выгуливая Кешку, я с ней на лавочке сидела, разговаривала, чувствовала она

себя нормально, ни на что не жаловалась. Но на всякий случай позвонила дяде Васе. Он подтвердил. Сказал, что утром еще коврик вязала, затем около часа дня попросила его телевизор включить, мол, фильм начинается. Прилегла на кровать смотреть.

– Я с ней говорю – не отвечает, – рассказывает дядя Вася. – Подумал: видно, заснула. А когда фильм-то кончился, чай вскипятил, подошел, пить позвал, смотрю – а она умерла. Вечером к нам сын приходил, накричал на нее, вот она и расстроилась. Эксперт приехал, посмотрел, сказал, что, видно, у нее клапан оторвался.

У меня, пока крестную не похоронили, в груди ком стоял, не могла плакать и все. Огромная потеря. Она для меня как пушкинская няня Арина Родионовна была: за советами я к ней бегала, за словами саамскими; новости она мне рассказывала... Хоронили в Ловозере. Когда подъехали, сильный дождь ливанул, а как ловозерская родня подошла и к кладбищу направились, солнышко вышло и комаров – тьма-тьмущая, несколько раз комариной мазью мазались.

Последние дни она все по вечерам выходила на лавочке посидеть, с детишками пообщаться, а я – Кешку выгулять. Она с детьми то вдруг саамские слова учить начнет, то песочные пирожки лепить. Мамашки, что своих детей выгуливали, говорили, что спокойно могут с ней детей оставлять: за всеми присмотрит, к каждому ключик подберет. А мне крестная говорила:

– Их поощрять надо, детей-то. Я всегда несколько конфеток с собой беру. Ребенок запомнит саамское слово да новое выучит – конфетку и даю.

Я смеюсь:

– Ты прямо, как в цирке, дрессируешь их за конфетки.

Она:

– А как ты думала? Выучил – заслужил. У детей стимул должен быть, тогда и интерес появится.

Виктория Бакула, открывая музей имени Викдана Синицына в школе Царь-города, попросила поговорить меня с крестной, чтобы та о Викдане воспоминания написала, я передала ее просьбу, а крестная:

– Кто его просил так рано уходить, а теперь вот воспоминания о нем пиши. Как скоро надо-то?

– Да к сентябрю, – отвечаю ей.

– Ладно, напишу, – соглашается крестная, а сама через два дня за Викданом последовала.

Когда я в Мурманск на встречу с владыкой Симоном ездила, сказала о цепочке, спросила, что бы это значило по церковному понятию? Владыка ответил так:

– Она вам знак подала, что звенья жизненной цепи у вас разорваны, теперь остается связь только на духовном уровне.

На следующий день крестной исполнялось девять дней. Я перед поездкой в Мурманск крестик на другую, крепкую цепочку повесила, пока новую, серебряную не купила. Думала в церковь сходить свечку поставить, сорокоуст за упокой заказать, но, закрутившись, забыла, и вечером у Алочки Синицыной цепочка сама по себе расстегивается и крестик на пол падает. Так крестная опять о себе напомнила. Утром я, как встала, сразу в церковь Пантелеймона Целителя поехала, а перед ее сорока днями во сне я всем напоминала, чтобы не забыли крестную помянуть. Крестик же, что упал, я в церковь отдала, себе новый купила. У крестной нас трое

крестниц, но меня она первой крестила, потому и знаки такие подавала.

Когда я училась в классе пятом-шестом, узнала, что в гости к нам приходит все и не тетя Соня Якимович, а моя крестная мать. Мама сказала:

– Какая она тебе тетя, она твоя крестная мать.

– Если не тетя, то как же мне ее звать? – с удивлением спросила я.

– Крестной и зови, – сказала мама.

И с тех пор, как увижу ее, бывало, издалека кричу:

– Крестная, здравствуй!

Люди оборачиваются, никто в те годы вот так всеуслышанье подобных слов не произносил. Крестная подойдет, обнимет меня и скажет:

– Какая ты у меня, крестница, умница, что крестной меня зовешь, другие крестницы все тетя Соня, тетя Соня, а ведь я им тоже, как тебе, крестной матерью довожусь...

СААМСКАЯ СКАЗИТЕЛЬНИЦА

В начале XX века Г.Гёбель заносчиво писал: «Последний из лопарей едва ли найдет себе поэта, который прославил бы его; он не будет окружен поэтическим ореолом; в один прекрасный и неизбежно близкий день он исчезнет совершенно незаметно».

Ошибся орнитолог. Саамский народ не только нашел себе поэтов и писателей, способных оценить культуру его, но и сам щедро передавал поэтические предания своей старины ученым и этнографам XVIII–XX веков. И фольклорный материал был собран в достаточном количестве, чтобы дать представление о верованиях и жизни древних саамов.

Первая саамская поэтесса Октябрина Воронова в статье «Сказки и песни кольских саамов» писала, что самьюайна́с, то есть сказки, с богатой фантазией, большим мастерством и вдохновением, неторопливо рассказывали и мужчины, и женщины, молодые и старые. Все зависело от того, насколько развито было у сказителя воображение, кругозор, образное восприятие тех или иных явлений природы. Слушая их, каждый мог побывать в мире образов, созданных художественной мыслью сказителей.

После войны голодно жить, и пришлось Софье, закончив седьмой класс, в 1957 году, как раз в год моего рождения, пойти работать на стройку. Поначалу тяжело приходилось, работала бетонщиком, землекопом, ездила дорогу строить.

С детства в ней уже было заложено творческое начало, да только воплотить его смогла лишь на пенсии. Все началось с перевода саамских сказок из книги «Семи-летний стрелок из лука». Затем стала и свои сочинять. Братья и сестры – первые слушатели, помощники. То словцо забытое подскажут, то сюжет какой. Пришел однажды к Софье брат Алексей, сидит, табак нюхает да мужу сестры, Василию, предлагает: «Покури-ка моего, он не хуже твоего». Услышала Софья, подивилась, как складно у брата вышло, и решила про табачок сказку написать – «Лэн – мальчик с пальчик».

Другая сказка родилась, когда в Мурманске Софью Нина Афанасьева спросила: «Как будет по-саамски веснушка?» Не знала Софья слова, а оно уже покою не дает. Решила сказку придумать о веснушке и за саамским вариантом к старшей сестре пошла. Агафья в семье с 1920 года рождения, да и она не сразу вспомнила. Но слово все же нашлось – «чарьм» – веснушка по-саамски будет, а сказку «Солнышкины слезки» назвала.

Другое слово, которое у Софьи спросила Александра Антонова, оказалось «сосульки», и опять – поход к Агафье-сестре. И новая сказка – «Плач сосульки» – «чуэльчем».

Много написала сказок Софья, большую книгу можно издать, но не только сказками богато ее творчество. Писала она и стихи, и песни. А все началось с того, что организовали они с сестрой Анной в Ревде ансамбль «Чузем²¹». Чужие песни петь не будешь, пришлось свои писать. Так появилась красивая, напевная «Мун чаррнийте²²» о красивой девушке тундры, «Абрьман» – «Дождь идет». Удивительно: бывало, коллектив ее исполнит эту песню – и обязательно дождь пойдет. Даже зимой это уж много раз замечено было. После уже зимой Софья боялась ее петь: после дождя гололед, а у нее ноги больные – старалась другой заменять. Много песен написано у крестной. И про остров «Чульме» – салму – родовой остров семьи Юрьевых, про чаек на нем – «Церьха»... А еще писала стихи, Октябрине Вороновой несколько посвятила:

На столе брусника вроссыпь –
Я ее перебираю,
Ягоду беру на ощупь –
В пальцах холод ощущаю.
Лесом пахнет в нашем доме –
Это запах из корзины,
Лист остался на ладони –
Вспоминаю Октябрину.
Она ягодой скатилась,
Злые люди растоптали,
Как судьба несправедлива!
Давит сердце груз печали.
Недописанные строчки...
Не успела Октябрина...
Сдула с ягоды листочек –
Сыплю ягоды в корзину.

Она была настоящим кладом саамской старины и мудрости. От своих родителей, бабушек и дедушек Софья унаследовала не только песни предков, но и народные прибаутки, поговорки, приметы, считалки и все это затем переложила в стихотворные строчки. Писала о том, о чем думала, о чем болела душа. Человек доброй и светлой души, как все ее творчество, как рисунки, которые в последние годы пристрастилась рисовать. Одно слово – художник во всем!

Южный ветер, встречный ветер –
Раскачало мой челнок.
Есть земля на этом свете,
А на небе – Господь Бог.
Помаленьку выгребаю,
То молюсь, а то пою.
Видно, Бог оберегает
Душу грешную мою.

Софья Якимович. Южный вечер.

21 Чузем – (чуссэм) - искра.

22 Нийте – (ниййт) - девушка.

ВИКДАН И СОФЬЯ

28августа 2002 года в день Успения Пресвятой Богородицы ушел из жизни переводчик Софьи и мой большой друг – поэт Викдан Синицын, красивый, добрый, светлый писатель и человек, отдавший Северному флоту всю свою жизнь. Поэзия его была искренней и правдивой, немного романтической и морской, а слог – песенным и простым. Пожалуй, это единственный поэт, на стихи которого почти все мурманские композиторы написали музыку. Да и проза его добротная, крепкая, ведь путь к ней у Викдана через наблюдения-флотской жизнилежал, счастье и драматизм, смех и слезы, море и берег.

В большую литературу Синицын пришел поздно, тогда, когда многие уже перестают писать, но пришел уверенно и занял достойное место не только среди мурманских писателей, но и среди писателей России.

Впервые приехав в Ловозерье на Праздник славянской письменности и культуры, саамского слова и коми языкав 1999 году, посетив могилу первой саамской поэтессы Октябрины Вороновой, он тут же откликнулся на это событие стихотворением:

Скромный памятник Октябрине
Серым каменным обелиском
Мерзнет в мае под ветромстылым –
Белоствольность берез безлистьев.
За кладбищенскою оградой –
«Поле жизни», где снег растаял,
Распахать и засеять надо
Тем, кто после тебя остались...

В музее саамской литературы и письменности имени Октябрины в Ревде я посетовала, чтопосле Владимира Смирнова некому стало переводить саамских поэтесс. Прошло какое-то время, встречаюсь с Викданом и слышу:

– Привозиподстрочники стихотворений твоей крестной Софьи, попробую перевести.

Я, конечно, обрадовалась, но и засомневалась: получится ли? Получилось! Софья переводы одобрила, а через месяц после выхода книжки «Праздник медведя» композитор Алексей Шамшура почти ко всем Софьиным стихам музыку написал, и зазвучали песни и стихи саамской поэтессы в переводе Викдана Синицына со сцен Мурманска и области.

Так и сегодня их общее творчество живо и радует людей своей простотой и ис-

кренностью:

МОРОШКА

Теплый дождик сыплет, сеет,
Птицы песни не поют,
Травы ярко зеленеют
У дороги на краю.
Но пробился солнца лучик –
Сразу стало веселей,
Будто он раздвинул тучи,
На озерах крик гусей.
Красна ягода в соку,
Подрумянилась морошка –
На зеленых тонких ножках,
Словно бусинки во мху.
Этот праздник детям в радость,
Поспешите да не зевайте,
Собирайте в корзинку сладость –
Щедрой тундры урожай.

ПРИЧАЛЫ

У причалов свои печали –
Кто же снова сюда причалит?
Может, парусник лебедь-птицей
Вновь из плаванья возвратится?
Может, выйдет опять из морей
Вся ватага богатырей?
Сказка выплывет из начала,
И кораблики здесь причалят,
Привезут золотую рыбку...
Но туман пеленою зыбкой
Проплывает мимо причалов,
Чайки мечутся одичало.

Перевод с саамского Викдана Синицына

Часть третья

НЕ РОДИСЬ БОГАТЫМ, А РОДИСЬ СЧАСТЛИВЫМ (Яков Иванович Юшков)

Выбрали люди председателя в Терском районе, когда колхозы стали организовываться. Оставалось только имущество обобществить. На собрании председатель встал и сказал:

- У рыбака Ивана лодка есть, невод – надо имущество обобществлять!
- Брат председателя захлопал в ладоши и одобрительно закачал головой:
- Правильно, брат Павел, говоришь, правильно! Надо обобществлять.

Председатель опять:

- У дядьки Семена лошадь есть, телега – надо обобществлять.

Брат его опять в ладоши громче всех хлопает:

- Правильно, брат Павел, правильно! Надо обобществлять.
- У моего брата тоже и лошадь есть, и телега. Надо обобществлять.

Брат председателя взвился как ужаленный, выкинул вперед руку с большой фигой и закричал:

- А вот хрена тебе, брат Павел! Неправильно говоришь, неправильно!

Яков Иванович Юшков смеется, рассказывая эту историю. Он на том собрании был. И чуть раньше его так же избирали, и примерно так же начинал. В 20 лет с тремя классами образования пришлось ему стать председателем Варзинского колхоза «Большевик» на 30 лет.

Рассказал он мне, как в 30-х годах было голодно, нечем детей кормить, и решил он, председатель колхоза, яйца гагачьиидти собирать. Спустили со скалы одного мужчину, самого легкого, с договоренностью: один раз за веревку дернет – ведро вытягивают, три – самого. Не прошло и пяти минут – три дерга последовало. Что такое, подумали. Вытянули, а на мужчине лица нет, бледный весь. Струхнул. Да и было от чего, скалы-то на побережье около сотни метров будут. Больше спускать некого было. Якова Ивановича не удержать, он килограммов восемьдесят весил. Подумали и решили на хорей²³ сеточку на кольце привесить и так собирать. На скалы вниз спускался сам Юшков и за два дня собрал тысячу яиц, но подумал – мало. Пошел на третий день, да чуть было в пропасть не улетел – оступился на камне. Прижался к скале и думает: «Нет, больше за яйцами не полезу, иначе и чужих не соберешь и свои потеряешь». Смеется, вспоминая прошлое, потом задумывается.

Не обошла его село Варзино судьба многих «неперспективных» сел, и в начале 50-х пришлось семье Юшковых перебираться в Ловозеро. С 1958 по 1977 год, пока не ушел на пенсию, Яков Иванович работал в «Тундре» во всех ее качествах – кооператив-колхоз-совхоз – на должности главного бухгалтера самого крупного в области оленеводческого хозяйства без малого 30 лет.

За эти годы Яков Иванович не только сам в совершенстве овладел профессией бухгалтера, но и помогал осваивать ее другим. Достойную замену из учеников своих вырастил: К. П. Гаран, Н. М. Юшкову, Н. П. Сечко, других, способных вести учетную

23 Хорей – тонкий, длинный шест, которым погоняют при беге оленей.

работу должным образом. Из его общего трудового стажа в 46,5 лет именно эти десятилетия бухгалтерской работы стали самыми весомыми и значимыми в жизни Юшкова.

Небезразличны дела этого хозяйства ему и сегодня. Радует, что директор «Тундры» Ольга Вячеславовна Ануфриева, взяв практически разваленный совхоз, за время своего правления сохранила кораль, при ее активном участии построены забойный пункт, холодильник на 50 тонн, молочная линия, зарплату рабочим не задерживает, платит налоги, чего сегодня не делает почти ни одно предприятие района. Ольга Вячеславовна по профессии экономист-бухгалтер, это помогает ей правильно оценивать ситуацию.

Но печалит Якова Ивановича то, что в «Тундре» нет строгости. В сердцах говорит бывший главный бухгалтер:

– Все о полувольном выпасе разговоры ведут! Весной оленей не клеймили. В прошлом году пастухи оленей с моря «проспали». Если олень в октябре в лес уйдет – его не поймать, в лесу – зелень, грибы, ягоды. Летом пастухи «спят», осенью «спят» – чего ждать? Мы работали – круглые сутки у оленей дежурили. Оленей пасли, даже на клейма не смотрели, знали чьи есть. Были такие пастухи, как Константин Сорванов, Егор Канев, Афанасий Семяшкин, Семен Юшков, Михаил Чупров, – настоящие оленеводы!

Рассказывает Яков Иванович, как он однажды добирался на оленях из Гремихи в Варзино. Зима, пурга, олени усталые. Он рядом с упряжкой идет, на сани особо уставшего оленя укладывает. Так семь дней, меняя оленей, и добирался. С собой буханка хлеба да кусок мороженого мяса: поест, отдохнет – и опять в путь. Так начинался его первый год председательства.

Об оленях Яков Иванович говорит тепло, душевно, как о самом дорогом, вспоминает о том, как в старое время саамы оленьё мясо варили.

– Когда ноги оленя в котел укладывались, в семье они уж распределены были: мне, ребенку, доставались передние (верхняя часть «тамп» называется, а нижняя – «тамьп»), отцу и деду – задние верхние («чамчень»), бабушке и маме – задние, нижние их части («низкас»). Оленьи ноги раньше варили бережно, в определенное время переворачивая, чтоб жир не стек.

Стала я выяснять происхождение Якова Ивановича. Судьба у него, надо сказать, необычная. Его мать, Матрена Алексеевна Матрехина, сына, только ему год исполнился (рожден он 2 июня 1920 года), отдала семье Юшковых. До рождения Якова у нее уже было два сына – Афанасий и Яким. 20-е годы голодные, прокормить, поднять детей сложно. Когда в деревню Чальмны-Варре из Семиостровья в гости к родственникам приехали Юшковы (а были они бездетными), Матрена Алексеевна им Якова и отдала.

16-летним пареньком в селе Варзино Саамского района вступил он в члены рыболовецкой артели «Арсйок». Начинать рыбаком, затем, окончив курсы бригадиров-оленьеводов в Ловозере, стал оленеводом. Работал и завхозом, и заместителем председателя колхоза. А с февраля грозного 1941-го на девять лет стал председателем колхоза. Кому-то надо было и обеспечить крепкие тылы, пока шла война.

В 1939 году познакомился Яков в Ловозере, когда на курсы бригадиров приехал, с Матрехиной Клавдией Елисеевной, которая в 1944 году стала его женой. Боевая

была жена у Якова Ивановича. В войну в 100-м пограничном отряде работала, за свой труд награждена правительственными грамотами.

В 50-е годы отправился он для обучения бухгалтерскому делу в Ленинградское училище. И, как показала жизнь, знаний технику вполне хватило на полновесный труд.

...Много рассказов у Якова Ивановича. Говорит, что в молодости, общаясь с дедом, удивлялся: откуда они столько знают всего? А теперь, когда 77 лет исполнилось, и сам может целыми днями истории вспоминать.

Однажды Яков Иванович на Рождество, чтобы узнать свою судьбу, пошел гадать. Нужно было подойти к чужому дому и подслушать, о чем там будут говорить. Молодой Яков приблизился к дому Гаврилова Семена Егоровича и прислушался. Услышал речь бабушки, которая говорила внукам своим: «Не шумите, отец и мать в гости ушли, будете хорошо себя вести – скоро придут».

Может, оттого и сам Яков Иванович богат на детей: их у него шестеро да 14 внучат, 7 правнуков – всего 26 душ.

Не чуждо было Якову Ивановичу и желание поучаствовать в художественной самодеятельности, с превеликим удовольствием, бывало, он ина гармони играл. За свою трудовую жизнь он каких только грамот и наград не удостоился, но выделял особо «За активное участие во Всесоюзном смотре самодеятельного художественного творчества, посвященного 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне», а еще Диплом Всесоюзного оргкомитета, врученный ему как «консультанту по саамскому фольклору».

Рассказывал, с каким энтузиазмом работал на субботниках, заготавливая сено для животных, по благоустройству и озеленению территорий райцентра, на строительстве высоковольтной линии электропередач от поселка Ревда к селу Ловозеро. Эти субботники застала и я, а потому вполне понимала, почему в воспоминаниях о них у Якова Ивановича так загорались глаза. Массовый созидательный труд под музыку бодрых песен 70-х-80-х годов не мог никого оставлять равнодушным.

В 1973 году умерла у Якова Ивановича жена Клавдия Елисеевна. Как жить одному? Вот он и посватался к Ларисе Васильевне Прокудиной, тоже вдове. Соединили они судьбы свои, и уж 21 год вместе живут. Лариса Васильевна справной, доброй оказалась хозяйкой и женой ласковой.

Смотришь на эту пару и радуешься. Не в богатстве, не в роскошестве счастье, оказывается, а в том, чтобы за жизнь свою в старости стыдно не было, чтобы рядом добрый дорогой человек был, чтобы людям, пока живы, тепло и радость дарить.

Отметив свое 85-летие, Яков Иванович Юшков умер 11 июня 2005 года. И для всех родных и близких жизнь его является ярким примером, а отношение к труду достойно подражания.

ОНА ПЕЛА, СКОЛЬКО ПОМНИЛА СЕБЯ (Павла Ивановна Конькова)

Кто может точно сказать: судьба выбирает человека или человек судьбу? Только жила в Ловозере маленькая скромная женщина с красивой судьбой саамской певуны. Имя ей Павла Ивановна Конькова. Пела, сколько помнила себя. В роду

Коньковых все пели хорошо. Мать, Мария Андреевна, работавшая в тундре чумработницей, частенько пела за рукоделием, пел, управляя упряжкой, и отец Павлы – Иван Архипович, работавший пастухом в 7-й оленеводческой бригаде, пели дядя.

Я Павлу Ивановну запомнила с детства, когда ездила к бабушке в Ловозеро. А работая над книгой «Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем», приезжала к ней интервьюировать.

Детство свое считала Павла Ивановна самой интересной в жизни порой. В школьное время она всегда подгоняла время учебы, чтобы скорее поехать с родителями в тундру, где отец учил ее своему мастерству: преодолевать на оленьей упряжке бурные тундровые речки, по меткам на ушах отличать своих оленей от чужих. Да, собственно, и вся трудовая деятельность Павлы Ивановны была связана с колхозом (позже – совхозом) «Тундра», с полеводством и работой курьера.

Помнила из детства разные истории. Хотя бы то, как они с двоюродной сестрой Валентиной по морошку бегали. Далеко ушли, почти к самым горам Сыйтсай – это не название, а обозначение необычности тех гор. Вблизи них, если шум поднимешь, у людей виденья разные появляются, звуки всякие слышатся.

И вот надумала Валентина младшую Паню испугать. Распустила волосы, вылезла из-за кочки да как закричит. Паня сестры не испугалась, а вот завет родительский – вести себя в этих местах тихо – вспомнила. Заторопила Валентину домой. Тут-то девочки и услышали страшный то ли лай, то ли вой, исходящий с горы, напугавший их так, что бежали они с того места шибче самых быстрых оленей.

Павла Ивановна сказала, что и скала Куйвы на Сейдозере тоже Сыйтсай прозывается. Частенько она летом на нем рыбачила. Вспомнила из детства она еще случай один. Как-то тянули родители из озера невод, а восьмилетней Пани интересно поглядеть, и забралась она в пустую лодку, в носовую ее часть, чтоб ничего не упустить. Смотрит, как пошла матица²⁴ – рыбы в ней видимо-невидимо, плещется, играет серебром. А лодка, в которую залезла девочка, оказалась непривязанной, не заметила Паня, как ее от берега в озеро и отнесло. Увидел отец, хотел в воду кинуться, а вода осенняя, холодная, враз судорогой скрутит, и, если не утонешь, то болезнь схватишь обязательно. Женщины, видя, что девчонка не плачет, посоветовали ему бежать по берегу: волна-то боковая шла, обязательно лодку к берегу прибить должна. Павла Ивановна рассказывала:

– Я когда увидела, что лодка от берега уже далеко, подумала: а чего бояться-то, ведь весла есть. Не раз видела, как взрослые с ними управляют, да и около дома не раз с ребяташками в рыбаков играла. Села, взяла весла и попробовала грести, а они тяжелые. Но все равно, как могла, гребла, а там и волна лодку к берегу отнесла. Отец меня у камней уж подхватил. У отца-то моего от частого пребывания в ледяной воде в резиновых сапогах сильно ноги болели, так, чтобы боль снять, мама его муравейником лечила.

– Как это муравейником? – поинтересовалась я.

– Воду в котле вскипятит, в нее муравейник кинет, что с лесу или с болота в мешке принесет, запарит, процедит и настой в деревянную кадуюшку выльет. Когда навар чуть остынет – отец залезает в нее и сидит, ноги парит. Хорошо помогало.

24 Матица – (мотня) – длинный мешок в средней части невода, куда при ловли попадает рыба.

Вспоминала Павла Ивановна и другие саамские врачевания. Например, от кашля или простуды саамы бакулу пили, по-русски – чагу. Бакула и от расстройства живота хорошо помогала. А уж когда живот сильно скрючит, и делается он наподобие барабана, нужно жиру моржевого растопить и выпить, боль сразу как рукой снимет.

Пятерых дочерей вырастили супруги Коньковы, а дочь Павла среди них самой большой затейницей была.

По молодости и гаданием девушки саамские занимались. Не исключением в этом и Павла была. Однажды, накануне Рождества, после двенадцати ночи, пошла к проруби гадать. Прибежала на реку, ногу в воду обмакнула и бегом обратно домой. Пока бежишь туда и обратно, заговаривать ни с кем нельзя. Так вот бежала она, а сама о своем суженом думала. Зашла в дом – мать не спит, спрашивает, куда это ночью бегала, а Павла молчит. Махнула мать рукой, поняв о ее гадании, и указала дочери на постель, мол, скорее ложись, а то застудишься. Павла легла и про себя присказку произнесла: «Суженый, ряженный, приди ко мне наряженный». Заснула и видит сон. Из тумана выходит к ней симпатичный парень, не ловозерский, чужой. А ей во сне думается: «Неужто жених мой не из местных будет?»

И спросила я, а сон-то сбывся ли ее?

Павла Ивановна, чуть погрустнев, заговорила:

– Многие призывают не верить гаданию, а у меня все сбылось. Во сне я мужа своего будущего увидела – Кондратия Пименовича Кобелева из Пулозера. Служил он в Петрозаводске в армейской газете прочел про меня. К нам в Ловозеро корреспондент той газеты приезжал на колхозные поля, где я звеньевой работала, узнал, что еще и пою, статью написал. Кондратию фамилия Коньковых знакомая, отец ведь мой тоже с Пулозера, вот парень и написал мне письмо. Стали мы переписываться, а когда с армии пришел – и встречаться. Он тоже очень красиво пел и танцевал. А сколько в него девчат влюблялось – не счесть, а в мужья мне достался. Только оказался Кондратий мне братом троюродным. Родители нас отговаривали – грех жениться на сродственнике, кровосмешение у саамов было непозволительно. Священники только в четвертом колене венчаться позволяли. А мы молодые были, друг в друга влюбленные, а потому и думали только о себе, совершенно не представляя, что может это впоследствии на наших детях отразиться.

Прожила Павла с мужем чуть больше пяти лет и разошлась. Сильно стал он пить ей. Однако трех детей успели родить, вот с ними беды-то и начались. Сын-первенец с повреждением слуха родился, дочь-красавицу, лыжницу, в 22 года убил солдат насильник-садист...

Павла Ивановна горько вздыхает:

– Вот и не верь словам родителей... Только пройдя через многие жизненные испытания, я поверила, что законы предков наших не блажь, а потому теперь стала все праздники божественные почитать. Вот взять хотя бы Пасху, ведь она у нас, саамов, не один день праздновалась. Сначала Пасха отцовская шла – Ажь-Пеййв называлась, дальше Пасха материнская – Еннь-Пеййв, третья Пасха Рысстажь-Пеййв – крестного отца, четвертая – Рысстеннь-Пеййв – крестной матери. В эти дни никакой работы саамы не делали, в гости друг к другу ходили, сами угощались, гостей угощали. Молодежь на качелях качалась, в «лапту» играла, в «ручеек», в «талл, талл»...

Желание петь у Павлы Ивановны зародилось в раннем детстве и стало для нее такой же естественной потребностью, как дышать. Вспоминала она, как в детстве, бывало, соберетвокруг себя девчонок и, дирижируя им, начинает вместе с ними петь. Обладала девчушка прекрасным музыкальным слухом, да и голосом приятного тембра, который позже раскроется у нее полностью при исполнении саамских народных песен. А уж если ты в селе юной певуньей слынешь, то и во всех праздниках участвуешь, на вечерки с подружками бегаешь, кадрили с ребятами играешь, песни поешь.

Услышав, как молоденькая Павла песноплет, руководитель Ловозерского хора «Луяврь» Любовь Бессонова пригласила ее в свой коллектив. И вот в 1953 году Павла впервые пришла в хор колхозного Дома культуры, да так на всю жизнь и оставалась в нем до последних 57 лет. С годами Ловозерский хор получил название народного ансамбля песни и танца «Луяврь» и стал известен на всю страну.

Заниматься в хоре – немалый труд. Репетиции три раза в неделю, их лучше не пропускать. А это неизменно поездки по городам, поселкам, селам района и области, выпадающие обычно на выходные дни, после трудовой недели, и порой так хочется просто побыть с детьми, отдохнуть... Слава Богу, все как-то само собой утрясалось, с детьми бабушка Мария, ее мать, сидела, во всем дочери помогала. Когда дети подросли, Павла их на репетиции стала брать...

Мать Павлы Ивановны, Мария Андреевна, еще в 83-летнем возрасте ходила на концерты дочери, но годы брали свое... Затем продолжил традицию саамского пения и дочь Павлы Ивановны – Татьяна, да и внучка Любочка подхватила.

Выступали участники коллектива и в Кремлевском Дворце Съездов, и на сценах ВДНХ СССР, в Ленинграде, Таллине, Тарту, за рубежом – в Финляндии, Норвегии, Швеции. Ее голос звучит по Всесоюзному радио и телевидению, в оленеводческих и рыболовецких бригадах, во всех уголках Кольского полуострова. И Павла Ивановна признается, что на гастролях выступать ей было совсем неволнительно, а вот перед сородичами сердце замирало всегда.

И не просто она поет, а и выступает в роли собирательницы и хранительницы саамского фольклора, некоторые песни сочиняет сама.

А вот по-саамски в хоре Павла Конькова петь не сразу начала, стеснялась, но руководитель хора Валентин Данилович Гуринов настоял. И начала она ходить по дедушкам и бабушкам, собирать песни старинные, саамские. Сначала расшифровывала их, записывала и только потом пела сама. Ее серебряный голос сначала на пластинки записывали, затем на кассеты, а уж после и на диски, ведь пела она не горлом – душой. И когда слушали люди, как она поет, часто у них на глаза слезы наворачивались... За пропаганду культуры саамского народа, за творческие успехи Павла Ивановна многократно награждалась грамотами, дипломами, денежной премией Министерства культуры РСФСР, серебряной медалью ВДНХ, медалями фестивальными.

Осенью 1997-го по решению Культурного комитета Союза Саамов Коньковой Павле Ивановне были выделены средства на пошив нового национального костюма

– шамшуры²⁵, платья-юпы²⁶, пояса, вязаных варежек и чулков, канег и подвязок к ним. Все было изготовлено по прежнему образцу с использованием родового орнамента вышивки бисером творческой группой мастеров Ловозерского национально-культурного центра.

Саамские песни, такие как «Саамская кадрили», песня-игра «Пыжик», «На Сейд-озере», написанные с использованием народной мелодической основы бессменным руководителем Народного самодеятельного ансамбля песни и танца «Луявър» Валентином Даниловичем Гуриновым, воссоздавали атмосферу народных национальных праздников Лапландии и обрядов, которые для зрителей становились настоящим открытием...

– Наши песни пользуются такой популярностью, потому что поем овечном, – говорила Павла Ивановна. – В них вся жизнь саамов: обычаи, семейный уклад, природа, любовь...

Зрители Швеции, Норвегии и Финляндии за искреннее и душевное исполнение ею саамских песен подолгу не отпускали эту маленького росточка женщину со сцены, а скандинавские журналисты присвоили ей титул «саамский бриллиант из русской Лапландии».

И если бы за участие в хоре платили пенсии, то певческий стаж Павлы Ивановны – более 50 лет – заслуженно бы считался пенсионным возрастом. В свои года она не старела душой. Да что душой! Не многие в ее возрасте каждый день, несмотря на дождь и мороз, по утрам устраивали пробежки, ходили на лыжах.

Павла Ивановна, улыбаясь, говорила:

– За здоровьем в сторону «Семерки» бегаю – это стало привычкой уже. В шесть часов утра выходим с подруженькой из дома и побежали. Суббота, воскресенье – выходной. Бегаю много лет, чувствую себя отлично и дома все переделать успеваю.

Помимо спорта и пения, она еще была большая рукодельница. Бурки шила, тапочки из оленьего меха, вязала, только последние годы вышивать бисером перестала, признавалась, что глаза уже не видели мелкого бисера.

По праву заслуженно ей было присвоено звание «Почетный гражданин Ловозерского района», а в Международный день саамов ее назвали «Человеком года».

Сердце Павлы Ивановны Коньковой, обаятельной, скромной, приветливой женщины, перестало биться на 76 году 13 января 2012 года. Но имя ее навечно вписано в летопись культуры Кольского полуострова.

И летит по тундре старинная печальная лавл в исполнении Павлы Ивановны Коньковой, напоминая времена, давно ушедшие...

25 Шамшура – (шаммш) – головной убор замужней женщины. Шапочка из красного тонкого сукна, расшитая бисером, с уплотненной передней верхней частью, нависающей козырьком, и тыльной частью, прикрывающей шею.

26 Юпа – (мацэх) – разновидность верхней одежды, которая была короче печка и шилась из белого мягкого (у женщин) и серого грубого (у мужчин) сукна.

МЕЧТАЛ ИВАН СВОЙ ДОМ ПОСТРОИТЬ (Иван Михайлович Галкин)

В живописи часто случаются неожиданности. Писал Иван картину «Здравствуй солнце» и раз пять, выходя на улицу, смотрел на первое январское солнце и переделывал, переделывал, переделывал. Не выходило – хоть тресни! Надоело, взял кисть и по сырой краске все замазал. Отошел, глянул – получилось! Лес, солнце, воздух – все жизнью дышит. Чуть подправил – картина готова.

Самобытный художник Иван Михайлович Галкин природу писал легко. Говорил:

– Я ее с детских лет знаю, как мать родную. Природа живая: лес, камни, травы, озеро – все живое, со своим характером.

Его картины побывали на многих выставках: и в Ловозере, и в Мурманске, и в Москве, и в Норвегии. Была мечта у Галкина Ивана: когда выйдет на пенсию – с головой окунуться в творчество. Несколько раз бывал и на Сейдозере. Рассказывал:

– Необычное оно! Когда человек попадает в такую красоту, внутренне обязательно меняется. Там понимаешь, насколько совершенна природа и насколько же несовершенен человек. Да и не каждого Сейда принимает еще. С хорошими намерениями человек пришел – и погода хорошая, и везет во всем. С плохими – небо нахмурится, в пять минут темень наплзет, мрак, дождь, ветер худого человека с Сейдозера и его берегов прочьгонят.

Родители Ивана на Умбозере познакомились, в погосте, что стоял на Постельной губе. Отец, Михаил Петрович, в войну там пастушил, мать, Фекла Ефимовна Зубова, карелка по национальности, была выслана на Север в числе репрессированных. Иван о матери особо тепло вспоминает. Превеликой мастерицей была. Вышивала, вязала, шила всей семье, а еще карандашом рисовать умела – загляденье одно. Наверно, Ивану дар свой и передала. Много читала, знала финский и саамский языки.

С Пастельной Галкины перебрались сначала в Умбу, где Михаил Петрович работал в леспромхозе, а в 1969 году, когда Ивану исполнилось 20 лет, – в Ловозеро. В Африканде Иван окончил школу-интернат, а вот поехать учиться в Ленинград, куда уж и направление имел, категорически отказался. Не представлял, как без родного Севера больше месяца где-то сможет провести.

Иван Галкин – художник-самоучка, по профессии механизатор, работал и на тракторах, и на экскаваторах, мог токарем, сварщиком, столяром, штукатуром быть. Но кем бы ни работал, увлечение живописью не оставлял. В 1982 году написал первую свою картину «Охотничий домик в горах» и подарил Международному детскому фонду. Тогда ему 33 года исполнилось. С тех пор у него было написано более двухсот картин. Поначалу их дарил: придет хороший человек – держи на память. Когда же трудные времена настали, приходилось думать, как начать их продавать.

Трудно, по словам Ивана, доставались портреты ему. Тяжелый жанр. Однажды написал серию портретов ветеранов войны:

– Писал то, что хотели они увидеть. Ярким получились два. Первый – Григория Ивановича Артьева, легко, быстро написался. Особенно хорош получился взгляд. У него была маленькая косинка, один глаз живее другого, и вот этот взгляд передался

в портрете настолько точно, что я так и не понял, как это у меня получилось. За два сеанса написал второй портрет – Филиппа Яковлевича Чупрова. А вот выразительное лицо Митрофана Васильевича Терентьева написать так и не смог. Принимался несколько раз – не вышло. Почему? Понять так и не смог.

А женские портреты у него писались еще трудней...

И всегда мечтал Иван свой домиметь. Была у него квартира, но за восемь лет он так к ней и не привык. Решил свой, деревянный ставить. Долго проект готовил, уйму журналов перелистав. Наконец построил. Причем все своими руками мастерил. Большой, просторный получился дом, с сауной, камином, мастерской – единственный подобный в Ловозере. Жена Наталья – хозяйка в нем. Когда я в гостях у них была, в большой комнате незаконченная картина стояла – «Лунная ночь в тундре», ждала, когда художник от дел суетных освободится для ее завершения. А дела нешуточные, работал он помощником главы администрации Ловозерского района по национальным вопросам...

15 августа 2011 года Ивана Михайловича не стало...

«ИДИ, ЗА МАКСИМОМ ЗАХАРОВЫМ НЕ ПРОПАДЕШЬ»

(Мария Ивановна Захарова)

Марию Ивановну Захарову, рожденную 17 марта 1922 года, в Ловозере знали все как великую мастерицу и песенницу, и достались ей эти таланты от родителей, которые и рукастыми были, и пели хорошо.

Семья Пелькиных, родословную от которых вела Мария Ивановна, испокон века тундрой жила, оленеводством. В тундре и дети рождались. Марии Ивановне тоже счастье тундрой жить досталось, много лет ей отдала. Сначала с родителями, затем с мужем. Хотя и нелегкой оказалась судьба, но оптимизма Марии не занимать.

Многие годы радовала она своих слушателей песнями, печальными, душевными, добрыми. Да и шила с раннего детства. В 14 лет уже выкройку делала, по которым меховые изделия шила. Загляденье одно! В те года в тундре ни тебе музыки, ни развлечений, родителей и тех дети не часто видели. Вот так сидят в чуме сестры Пелькины, пимы, каньги, яры²⁷ расписные шьют, перьевски, печки²⁸, устанут шить – играть бегут. Рога оленьи поделят и с песнями друг к другу в гости «ездят». Или барана выючить начнут, чум маленький строят... Так и жили.

Мать Марии Ивановны с 12 лет в пастухах ходила. Всю работу, что мужчины делали, и она делала. Крепкой женщиной была. Только хозяйством заниматься ей некогда было, и ложилось это на плечи десятилетней Машеньки. Вспоминала о тех днях Мария Ивановна с улыбкой:

– Сама-то я небольшая, трудно с братом маленьким управляться. Я его в саамскую люльку кое-как уложу, коленом прижму и давай ноги перевязывать.

27 Яры – (ерь) – сапоги с длинными голенищами. По форме они напоминают пимы, лишь носок приподнимался несколько кверху. Сверху к ерь пришивались огузенья из замши, надеваемые вместо штанов, с застежкой сбоку.

28 Печок – (пецк) – глухая темно-коричневая одежда, сшитая из оленьих шкур годовалого теленка (неблюя).

Если кому приходилось видеть саамскую киткэм (люльку) – знает, что ребенка в ней до груди шнуровали, чтоб не вывалился, ведь саамам часто приходилось по кочевьям ездить. А вместо перины мох использовали. Сейчас памперсы разные рекламируют, а тогда в тундре их успешно мох заменял. Будучи замужем, Марии Ивановне для своих детей приходилось немало мешков того мха на зиму заготовливать.

И, наверно, чем старше становишься, тем чаще детство начинаешь вспоминать. Вот и Мария Ивановна о детстве своем с упоением мне рассказывала. Бывало, лед с озерсойдет – ребятня на них купаться бежит. Однажды Мария так перекупалась, что пришлось матери спасать дитесвое. Смолой деревьев лечила, брусничный лист заваривала, на раздутое лицо дочери лапушистые листья кувшинок с озера прикладывала.

А со своим мужем Мария Ивановна на танцах познакомилась. Саамскую кадрили вместе танцевали. Понравился ей парень, и отец выбор дочери одобрил: «Иди за Максима Захарова, не пропадешь». Не обманул. Всю жизнь они с ним душа в душу жили.

В 1941 году она вместе с мужем Максимом Антоновичем Захаровым (1919-1984) из Воронья переезжает в Краснощелье, где их и застает война. Муж уходит на фронт, а девятнадцатилетняя Мария идет в пастухи. День в бычьем стаде проводит, другой у важенок, а то и в яслях – за телятами оленей, пыжиками, присматривает, чтоб их лисы не кусали да вороны не клевали.

Дежуря в бычьем стаде, пришлось ей оленей собирать, бегая лая на все лады вместо собаки. Собака, что при том стаде жила, только ижемские команды понимала, а Мария языка коми-народа не знала и, устав втолковывать собаке по-саамски и по-русски, побежала вместо нее за оленями сама.

В 1942 году у нее рождается дочь Валентина. Живут в чуме. Все военные годы она работает в тундре, выполняет женскую и мужскую работу: пасет оленей, выделывает шкуры, шьет меховую одежду для пастухов. В одном лице она — оленевод, швея, сапожник, повар, прачка, невестка и мать. К ней приходит всеобщее уважение окружающих ее людей.

Время в тундре незаметно идет. Чтобы не потерять счет, определяли его саамамы по солнцу, звездам, по лежанкам оленей. Посчитает Мария, сколько лежанок олень-сделал, значит, и дней столько прошло.

Слава Богу, мужа у нее война не отняла, и стала их семья с каждым годом увеличиваться. Родила Мария Ивановна пятерых дочерей и двух сыновей. И объехали они с мужем всю тундру. Взаимное уважение и любовь помогали им переносить все жизненные и погодные невзгоды.

Вырастила Мария Ивановна восьмерых детей, тринадцать внуков и внучек. Уж и правнук появился.

Из села, что на Воронье-реке стояло, в 1964 году семьям Пелькиных и молодых Захаровых уехать пришлось. Село Воронье неперспективным признали, закрыв, а людей вынудили побросать дома свои, хозяйство и выезжать в Ловозеро, не заплатив им при этом ни копейки, ни полкопейки. Отец Марии хотел было дом из Воронья в Ловозеро перевезти, так нешуточно пригрозили тюрьмой...

Саамамы с властями не стали в спор вступать. Слишком свежи еще были воспоминания о создании колхозов, в которые их загоняли вместе со всем скарбом и скотом,

а тех, кто противился, забирали на строительство железной дороги; живо было и предвоенное «саамское дело», когда многие саамы попали под репрессии.

В Ловозере три года пришлось им в доме жить, где первые годы Национальный культурный центр располагается. Проживало там семей семь по 10-12 душ – около восьмидесяти человек.

– Поутру встанешь, – рассказывала Мария Ивановна, – и ищешь, куда б наступить, чтоб к печке добраться и ногами кого не задавить. На полу спали и мал, и велик. О жизни прежней, пока жила, она могла часами рассказывать. Воспоминаний на всех хватало.

А еще Мария Ивановна с почитанием и любовью относилась к родному саамскому слову, к песням дедов и прадедов своих. Может, потому и в солистки фольклорного ансамбля «Ойяр» пошла, выступала на районных, республиканских, международных фольклорных фестивалях, в Карелии, Эстонии, в Марийской республике и Финляндии, в Первом Международном фестивале фольклора в Москве. И своим искусством внесла большой вклад в дело восстановления саамской культуры.

Благодаря таланту Марии Ивановны, и в ее детях, внуках проснулась огромная любовь к саамской песне, танцам, сказаниям.

И хотя с опозданием, но спустя годы нашла ее медаль «За оборону Советского Заполярья», медаль «За 50-летие Победы в Великой Отечественной войне».

Шести дней Мария Ивановна не дожила до своего 86-летия, умерла 11 марта 2008 года.

ИЗ РОДА ЮРЬЕВЫХ (Павел Поликарпович Юрьев)

Пожалуй, не ошибусь, назвав род Юрьевых одной из самых больших династий села Ловозеро. А сколько этот род дал талантливых людей! Одним из них стал Павел Поликарпович Юрьев. О нем захотелось подробнее узнать, потому как и с Октябрьной Вороновой в Институте Народов Севера учился, и фольклор собирал, и музей в селе организовал...

Родился 6 марта 1936 года. Но по неизвестным причинам свой день рождения всегда 18 марта отмечал. Тундра была для него словно мать родная. Здесь делал первые шаги, здесь учился смелости, выносливости, любви, верности. От зоркого мальчишеского взгляда ничего не укрывалось, примечал все. И то, как пастухи оленей пасут, и то, как ориентируются в бескрайних просторах в туман и снег. Во всем старался походить на них.

Окончив школу, поступил в Институт Народов Севера в Ленинграде. Сокурсники по институту вспоминают, что был Павел живым, любознательным пареньком. Увлекали его бурные студенческие споры о прочитанных книгах, просмотренных спектаклях с участием молодого Аркадия Райкина, о стихах начинающих поэтов. Любил музеи посещать, по городским площадям и Невскому проспекту гулять.

И все же вольная городская жизнь не смогла вытеснить зов Севера. К горлу подступал комок, когда вспоминал Павел оленью упряжку, родной дом. И большой

город становился уже тесным, замурованным в каменные стены... Но Павел понимал: сначала доучиться должен, чтобы вернуться в родное село дипломированным учителем.

Подъезжая к станции, Павел увидел поджидавшую его оленью упряжку, и горячая волна радости охватила все его существо. Согрела своим теплом после долгой разлуки уже не бывшего ученика, а молодого преподавателя географии Павла Поликарповича Юрьева. Беззаботная юность уступила место сосредоточенному труду.

В сентябре 1960 года начала свою жизнь Ловозерская школа-интернат, а 1 мая 1961-го шефы – Ловозерская геолого-разведочная партия – подарили интернату коллекцию минералов. И возникла у педагогов навязчивая мысль о создании школьного краеведческого музея. Когда идея дошла до воспитанников школы-интерната, они стали приносить в кабинет краеведения предметы домашней утвари: деревянные ложки, миски, чайную деревянную посуду и даже медный самовар...

Работа по оформлению музея стала вестись более активно, когда в ноябре 1963 года в школу пришел новый учитель географии, коренной ловозерец Павел Поликарпович Юрьев. С его приходом точно новая струя влилась в жизнь музея. Подключил он к сбору экспонатов не только учеников и учителей, но и жителей села, которые несли одежду национальную, обувь, домашнюю утварь, альбомы с фотографиями, гербарии, коллекции полезных ископаемых...

Пришел поглядеть на зарождающийся музей и 74-летний рыбак Ефим Исаакович Юрьев, отец будущей саамской сказительницы Софьи Якимович. Принес в подарок саамскую рыболовную сеть, которой рыбачил более тридцати лет. Сетка сплетена была из простых ниток, а в качестве грузила использовал старый рыбак череп оленя и камень, обшитый берестой.

Юные краеведы, по рассказам старожилов, стали записывать и историю села Ловозера, вести летопись школы-интерната. Вели раскопки в районе часовни и обнаружили много предметов старины.

В школьном возрасте, в 8-м или 9-м классе, побывала на экскурсии в музее школы-интерната и я. Располагался он тогда на втором этаже и поразил меня своими удивительными вещами, теснившимися в одной, хоть и большой, казалось, комнате. В 1969 году школьный музей посетило уже более двух тысяч человек. Приезжали его смотреть и сотрудники Мурманского областного краеведческого музея, горячо одоббив идею ловозерцев.

И собирательство захватило Павла Поликарповича полностью. В музее он проводил почти все свободное время. Вместе с ребятами что-то мастерил, устанавливал, реставрировал. Радовался каждому новому предмету, видя в нем чью-то отдельную судьбу, историю маленького саамского народа.

Далее школьный музей переместился в районный Дом пионеров, став родоначальником нынешнего Музея истории, культуры и быта саамов, филиалом Областного краеведческого музея.

А у Павла Поликарповича новая идея – создать кружок «Юный оленевод» как еще одно из направлений краеведения. И стали дети оленеводов учиться управлять оленями, своими руками упряжь мастерить, пастушить по-взрослому и завсе ответственность нести. По такому случаю совхоз «Тундра» даже стадо отдельное выделил.

Кружковцы Павла Поликарповича не иначе, как дядя Паша называли, потому что вместе с ними он в чуме спал, у костра сидел, легенды про саамскую жизнь рассказывал – был для всех вместо родного отца. От того и возвращались из стада мальчишки в село, пропахшие кострищем да тундрой, чумазые, но счастливые. Может ли кто из педагогов в районе похвастаться поездкой в Звездный городок со своими воспитанниками? А юные оленеводы Павла Поликарповича были там! Участвовали в Праздниках Севера и в районе, и в области, занимали призовые места. В оленеводческих бригадах и сегодня можно встретить бывших воспитанников Юрьева, тех, что навсегда связали свою жизнь с профессией оленевода, с тундрой.

Помимо музея и кружка занимался Павел Поликарпович еще и сбором саамского фольклора. Многие годы записывал сказки, легенды, рассказанные ему старыми саамами. Фольклор саамов по крохам собирался этнографами, учеными, а нам важно, что первым фольклористом из саамов стал простой учитель географии, и из районной газеты «Ловозерская правда» стал народ узнавать о «Богатыре Ляйне», «Пяйвий и Куйве», «Пяйвий иВэленьк»... И удивительно, как он мог совмещать все эти свои увлечения. Но энергии Юрьеву, видно было, не занимать. И когда музей на селе официально открыли, Павел Поликарпович пошел работать туда.

– Я был уверен, что Павел многого достигнет, – вспоминает о Юрьеве Сергей Борисович Семяшкин, учившийся в институте вместе с ним. – Себяпоказал уже, когда работал первым секретарем райкома комсомола.

Необычность этого высказывания в том, что и в наши дни на ключевых должностях в администрации не много саамов работает. А тогда и говорить об этом не приходилось. Но Павел Поликарпович Юрьев стал ярким исключением. Для своего народа, родного села он сделал немало. Был одним из тех, кто хотел многое успеть. Жил ярко, наполненно. Да только век ему отмерян был короткий, умер 4 января 1983 года, 47-ми лет от роду. Мама говорила мне, что это от того, что в жены взял двоюродную сестру, что считалось у саамов великим грехом, да и пить начал в последние годы от какой-то неудовлетворенности душевной. Некоторые, бывает, проживут – ни себе, ни людям. Ни следа от них на земле, ни доброй памяти.

Не таков оказался Павел Поликарпович Юрьев. Сумел передать дела своим последователям, дочерям.

БОЛЬ СЕРДЦА (Александра Андреевна Антонова)

Большим своим другом я считаю Александру Андреевну Антонову, которую, не смотря на ее восьмидесятилетний возраст, зову Александрочкой, а внучки ее вообще зовут просто – Шурочкой.

Многие саамы вложили свою лепту в дело просвещения саамского народа, но она единственная, пожалуй, кто до сих пор, несмотря на возраст, продолжает упорно работать над созданием новых учебных пособий на родном языке, переводить книги, писать стихи. Понимает Александра, как важно оставить будущему поколению больше саамских слов, потому и спешила на каждое мероприятие, посвященное

саамской культуре, чтобы записать на свой издававший виды за десять лет работы на саамском радио магнитофон воспоминания саамов, их песни, бывальщины. А вдруг выплывет из памяти у кого забытое слово?

Но вернусь к началу начал.

Родилась Александра Андреевна Антонова 5 мая 1932 года в саамской куваксе, когда ее родители – олениводы Антоновы Марина Артемьевна и Андрей Емельянович – кочевали по Териберской тундре. При рождении Александры кружила вьюга, потому, наверно, у нее такой неумный, настойчивый характер.

В 1942-м в школу пошла. А в 1943-м колхоз отправил детей на сбор угля. В одной из статей о Териберке профессора Ушакова читаем: «Более пяти бочек золы собрали для удобрения земель колхоза им. Ворошилова школьники пос. Териберка. Особенно активны были сестры Шура и Валя Антоновы». Вот так весточка из военного прошлого через документы дошла и до наших дней. Война навсегда осталась в ее памяти незаживающей раной, но и новые беды, сваливающиеся на Россию, не оставляют ее равнодушной.

Была война, беда из бед,
Осталась позади,
Уже полвека ее нет,
А память все саднит
И в час ночной она во сне,
Взрывая тишину,
Рыдает горько о Чечне
На всю мою страну.

/ перевод Ю.Кудинова/

Окончив семилетку, Александра в числе первых послевоенных выпускников едет на учебу в Ленинград, в педагогический институт имени Герцена. После окончания учебы приезжает в Ловозеро и начинает работу в школе-интернате. Тогда она преподаёт русский язык и литературу, о саамском языке речи еще не идет.

После перевода молитв с русского на саамский Феодоритом Кольским более четырехсот лет назад, саамским языком в России не интересовался никто. Но вот в конце XIX века на Кольский полуостров приезжает священник Константин Щеколдин. Он начинает свою деятельность с изучения языка коренных жителей, ставших его прихожанами. Затем в 1890 году переводит на саамский «Евангелие от Матфея» и пишет на нотозерском диалекте саамского языка «Азбуку для лопарей».

В годы становления молодой советской республики, а именно в 1927 году, на Кольский полуостров для изучения саамского языка прибывает лингвистический отряд Ильинского, сотрудники которого – З.Е.Черняков и А.Г.Эндюковский – через несколько лет выпускают саамские буквари: в 1933-м и 1937-м годах. Но с чередой сталинских репрессий на Русском Севере изучение саамского языка в школах прекращается. В эти годы саамы на родном языке говорят только шепотом и только дома, чтобы не дай Бог кто не услышал и не назвал их страшным словом «националист».

Новый интерес к саамскому языку у ученых возникает в 60-е-70-е годы. Антонова и ее единомышленники понимают: научные статьи не исправят положение, если срочно не начать преподавание родного языка детям в школе. Забили во все колокола, посылая письма в Министерство просвещения, другие инстанции. Добились своего. С 1976 года приходит разрешение начать преподавание саамского языка в начальных классах. И здесь возникла проблема –учебников-тонет. И Александра Антонова становится сотрудником НИИ национальных проблем образования Академии педагогических наук СССР и начинает работу над созданием саамского букваря.

Рассказывала мне:

– Представляешь, мы, саамы, разговаривая друг с другом, прекрасно понимаем смысл устной речи. А вот когда передо мной встала задача начать писать на родном языке, я слов не могла разобрать, как оказалось, написанные слова по-саамски не «звучали». После упорных поисков мне, наконец, стало ясно, что букв русского алфавита недостаточно для воспроизведения на бумаге системы звуков саамского языка. Так в саамском алфавите и появились не только звонкие сонорные, но и глухие; твердые, мягкие и полумягкие согласные – итого 40 букв вместо 33 русского алфавита.

В 1979 году у Антоновой выходит «Самь букварь». Большая победа! Затем в содружестве с Октябриной Вороновой и Екатериной Коркиной у нее появляется книга для чтения «Самькилл» для 2-го класса. Но вскоре Александра понимает, что без живого слова, звучащего по радио, саамский язык будет детьми восприниматься как иностранный, не более, потому как во многих семьях уже никто по-саамски не говорил.

И вот в 1983-м у нее новая победа – в эфир вышла первая передача саамского радио. И хотя она длилась всего пару минут, но это было достижение! А с 1991-го десять лет подряд каждый четверг в 14 часов будут раздаваться позывные Ловозерского радио «для тех, кто владеет саамским языком или учится этому языку», и вести передачи будет Александра Антонова. Затем наступит трехгодичный перерыв, и вновь ее голос зазвучит на саамском радио. Сегодня радиоархив Александры составляет около тысячи кассет. Это и записи выступлений саамских фольклорных коллективов, и рассказы старых людей о прежнем саамском житье-бытье, и старинные сказы, легенды, и все культурные мероприятия конца XX века.

В конце 90-х молодые саамские учителя стали ратовать за переход саамского языка с кириллицы на латиницу, и мне было непонятно поведение Антоновой, поддерживающей их. Она поясняла:

– Зачем тратить время на бессмысленные препирательства? И так его на разборках потеряно немерено. Пусть пробуют.

И они попробовали, но с первыми попытками появились и первые сложности, и чем дальше, тем их появлялось больше. Через год все вновь вернулись к букварю Антоновой и кириллице. Прозорливая Александра Андреевна предвидела такой исход, а начини она протестовать, и спор затянуться мог на многие годы.

От своих сородичей она отличается огромным трудолюбием, целеустремленностью, деятельностью. Кипучая натура Александры постоянно ищет дела. Порой даже забываешь о ее возрасте. Вот таких бы людей побольше саамскому миру – истинных патриотов, с чувством собственного достоинства, с огромным чувством личной ответственности перед народом своим, глядишь – и меньше тогда было бы пустой болтовни.

В 1996 году из норвежской церкви Карашёка в Ловозеро приехал пастырь. Посмотреть, как российские саамы живут, верят ли они в Бога, читают ли Библию. Увидел – верят, читают... А узнав, что в селе живет создательница саамского букваря, пришел к ней с предложением перевести на саамский язык детскую Библию. Александра согласилась, хотя и загружена работой была сверх всякой меры: писала новые учебные пособия, к каждому четвергу на саамском языке готовила для радио часовые передачи, занималась переводами стихов разных авторов. Да и люди в ее доме в то время не переводились. Тексты на саамском языке писала от руки – пишущей машинкой саамским шрифтом тогда у нее и в помине не было. Переводить «Библию для детей» стала урывками, но через год перевод уже был готов.

Мне интересно, а не столкнулась ли она с трудностями, ведь некоторых библейских понятий саамский язык не подразумевает вообще. И вновь Александра стала рассказывать:

– Найти новое слово – это ведь целое событие. Вот, например, в Библии постоянно встречается слово «пророк». Как его обозначить по-саамски? И представляешь, нашла – ялмужэвтэсуйнэй. Вот сколько понадобилось слов, чтоб обозначить одно. С саамского пророк – «человек, видящий жизнь наперед, или вперед видящий».

Призналась, что взялась за перевод детской Библии потому, что душа у нее болит за свой народ, за детей. Поверхностно говорится о Боге у нас. Много, но поверхностно. Она же хочет, чтобы саамские люди вновь, как и 400 лет назад, когда принимали Христа, стали бы добрыми, изжили из своих душ агрессию друг к другу, склоки, злобу.

С другой стороны, она рада, что в этих небольших библейских рассказах смогла оставить потомкам связную саамскую речь. Словари словарями, но они не дают полного понимания, как применить слово в том или ином тексте, а Библия в будущем станет для саамских словесников настоящим подспорьем.

Уже после перевода Библии перевела молитву «Символ веры», повесть Аскольда Бажанова «Белый олень», мои книги «Подарок чайки» и «Приключения мышонка УдлэсьКепля», более тридцати стихов Сергея Есенина, стихи других русских и советских поэтов, повесть шведской писательницы Астрид Линдгрен «Пеппи – длинный чулок».

Спрашивается, почему этот человек отдает столько времени на переводы других авторов, забывая подготовить подстрочники к собственным стихам? А оттого, что темой всего ее творчества стала тема боли. Боли за саамский язык, за свой народ, за тундру, перепаханную гусеницами вездеходов так, что не дожидаться, когда теперь на ней вновь ягель вырастет, за оленей-кормильцев, которых беспощадно браконьеры уничтожают, и за многое, многое другое. Потому и первый сборник ее стихов называется не иначе, как «Моя боль».

Ой, Отчизна-мать, тундра белая!
Я счастливой стать так надеялась.

.....

Почему ж мое сердце так болит?
Почему душа в муках корчится?..

.....

Что живу свой век не по-дедовски.

И хотела б я по-старинному,
Да земле моей быть чужбиною:

Ведь она, меня породившая,
Не моя давно – люди пришлые
Взяли все в свои руки крепкие,
Держат родину хваткой цепкою.

Нет у нас теперь ни земли, ни рек,
Вдалеке от тундр коротаем век.

Ни охоты нам, ни рыбалочки,
Остаются лишь с водкой шалости.

Ни оленьих стад нет, ни пастбища,
И один нам путь – лишь на кладбище.

Все у них в руках, людей временных,
А земля бедою беременна...

На одном из праздников Саамского слова в центральной библиотеке поселка Ревда мурманский поэт Виктор Тимофеев, представляя журнал «Север» № 4 за 1998 год, сказал об Антоновой так: «В этот номер вошли тридцать два автора. В том числе среди них со своей самостоятельной поэтической подборкой, поэтическим словом выступает Александра Андреевна Антонова. Мы, конечно, знаем ее как талантливого, яркого человека, как человека, который всю жизнь на службе просвещения культуры, развития саамского слова. Но все-таки в таком литературном, поэтическом разделе Антонова появляется впервые. И это настоящий дебют и настоящий праздник. Психология небольшого тундрового народа диктует какое-то новое решение колыбельной. В ней мать обращается к судьбе, к богу, к людям. Она высказывает свои беды, беды своего народа, не рассчитывая, что ребенок будет это слушать. Он под нее спит, а она рядом горюет и раздумывает над судьбой».

На сегодняшний день у Александры, помимо учебников, вышло уже несколько книг с ее стихами и переводами, что, конечно же, радует. Ведь красиво говорить могут многие, а вот вершить историю под силу единицам. Александра Антонова – одна из них. За свою жизнь награждалась она многими грамотами, медалями, знаками отличия за свой большой вклад в развитие саамской письменности и культуры. А в 2012 году стала еще и лауреатом премии Северных стран за развитие саамского языка «Голлегиелла» – «Gollegiella», что в переводе с саамского обозначает «Золотой язык» (премия учреждена министрами Норвегии, Швеции и Финляндии, отвечающими за саамские вопросы, и главами саамских парламентов этих стран).

А мне хочется обратиться еще к ее человечности, к ее щедрости, к ее сопереживанию тебе и к ее гостеприимству. Когда бы я ни обратилась к ней с просьбой, она всегда готова выполнить ее без лишних расспросов и невзирая на свое состояние здоровья. Надо мне заплатить в банк срочно какую-нибудь денежную сумму, а приехать в Ловозеро не на чем, – звоню Александре, и она тут же спешит эту просьбу исполнить. Прошу приехать в Ревду на мероприятие – и вновь отказа нет, и в семьдесят один год она спешит ко мне.

И как никто другой, щедро отдавала она в фонды музея саамской литературы и письменности им. О. Вороновой в Ревде свои рукописи, одежду, книги, пластинки, столетний сундук. Ни один саамский автор не пополнял экспонаты музея настолько, насколько сделала это Александра Антонова.

А сколько раз я убеждалась в ее преданности, сколько раз она вставала грудью на мою защиту от своих сородичей, когда те не принимали меня на равных. Опишу лишь один случай конца мая 1996 года. С 22 по 26 апреля, в неделю саамской культуры, в школе № 10 города Мурманска проходила конференция, на которую послушать доклады пришло очень много учителей разных мурманских школ, о чем мне рассказала Александра, приехавизнашей заполярной столицы. Выступала на ней и Зинаида Кольте, активный в то время саамский общественный деятель, во всеуслышание обвинившая меня в плагиате. Указав на мою книгу «Подарок чайки», она сказала: «Большакова сказки свои списала у матери одной из наших саамских учителей из Лопарской, делая тем самым на саамах имя себе».

Искреннесокрушаясь, Александра, расстроенная, добавила:

– Надежда, мало того, они за это решили на тебя в суд подать.

Выступление Кальте у нее было записано на магнитофон, и она дала прослушать его мне. Лукавить сама перед собой не станешь – я конечно, расстроилась. Не из-за обвинения, потому как знаю: сказки мои и все черновые записи у меня сохранены, а оттого, что саамским лидерам мое имя покою не дает. Зависть их что ли гложет? Так пишите, придумывайте, творите... А если сами не можете – не мешайте другим. Нехотите принимать меня в свой круг – так я и не напрашиваюсь. Русской считаете – так я от отцовых корней в угоду вам отказываться не собираюсь.

И, успокаивая Александру, я твердо произнесла:

– А знаешь, Александрочка, пускай подадут, пусть зубы покажут, только прежде записи сказок той бабушки предоставят, у которой я их якобы списала. Я же, со своей стороны, все свои черновики принесу от задумок до набросков...

И все же обида сделала свое черное дело – за работу я целый месяц сестьне могла.

А тут после майских праздников привозит Александрамне письмо, написанное той самой женщиной, и, довольная, читает: «Уважаемая Александра Андреевна, признаюсь Вам, что я глубоко ошиблась в оценке сказок Н.Большаковой. Мама мне много рассказывала о Боге, о вере в Бога. Я ассоциировала ее рассказы с первой сказкой книги «Подарок чайки», причем только на слух, не читая произведения. В майские праздники я прочла всю книгу Надежды и поняла, что у нее свои, современные, очень интересные сказки. Примите мои искренние извинения».

Александра сияла от радости. А я сказала:

– Эту женщину уж только за то стоит уважать, что свою неправоту признала, на это тоже мужеству нужно иметь, а могла бы и промолчать.

Любящая меня Александра, воодушевившись, воинственно произнесла:

– А вот теперь ты можешь на них в суд подать за публичный оговор.

– Бог, он видит, кто кого обидит, Александрочка. Пускай живут. Мне писать надо, а я по их милости целый месяц дурака валяла.

А с той женщиной мы вскоре подружились. Оказалось, с Кальте она просто поделилась тем, что и ее мама подобные сказки рассказывала, а та сразу и выводы сделала, и всем, кто был на конференции, посоветовала в мою книгу даже не заглядывать...

Что уж о гостеприимстве Александры говорить! Если я сообщаю, что едук ней, тут же начинается явв²⁹ готовить, знает, что я этот саамский суп только у нее и ем. Любым угощением в Ловозере могу пренебречь, только не Александриным яввом. Мало того, когда уезжаю, рыбы с собой какой-нибудь в дар дает. И кто бы ни приезжал в Ловозеро из моих знакомых, кому негде переночевать – пускает к себе без всяких расспросов. Накормит, на все вопросы ответит, спать уложит.

Одно беспокоит последние годы меня: слишком много сил и энергии она стала расходовать, «митингуя» за саамский язык, да еще всегда так эмоционально всем претензии высказывает, что ее трудно становится остановить. Я понимаю, что это самая ноющая боль ее души, понимаю и то, что сегодня ей возраст уже не позволяет много ездить, а высказаться хочется, но, к сожалению, я подобные ее выступления считаю пустым сотрясением воздуха. Перед кем в грудь себя рукой бить? Кто хочет саамский языкучить, того до хрипоты в горле убеждать не надо, а кто считает, что и без его знания проживет, того никакие уговоры, взывающие к совести, учить не заставят... Ей уже 82-й год пошел, нужны силы свои для творчества побережь на те годы, что ей Всевышним будут отпущены.

Храни, Господи, мою Александрочку, Александру Андреевну Антонову – великую труженицу саамского народа.

В ЛИЦЕ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА БЫЛА ОТРАЖЕНА ВСЯ КУЛЬТУРА СААМСКОГО НАРОДА (Александра Андреевна Антонова)

Слезной истерии, когда я узнала, о смерти Александры Андреевны Антоновой, моей дорогой Александрочки, не было. Просто душа до краешка наполнилась светлой грустью о ней. Просто я знаю, она незримо всегда будет рядом со мной.

Будучи в Мурманске на отпевании Анны Иоановны Кубловой, очень доброго, светлого и теплого человека, которая многие годы работала в Епархии, я услышала проповедь протоиерея Геннадия Буздугана, настоятеля кафедрального Свято-Никольского собора в Мурманске, которая заставила меня иначе посмотреть на уход человека в мир иной. Отец Геннадий говорил, что смерть – это не окончание пути, а лишь рождение человеческой души в жизнь новую. Подобное испытывает ребёнок при своем рождении. Для него покинуть лоно матери так же страшно, как человеку зрелому расстаться со своей земной жизнью. Поэтому все малыши при рождении так истошно кричат. Ведь от зачатия и до созревания ребенок находился в животе матери, где ему тепло, уютно, сытно... И вдруг это безопасное место нужно

29 Явв – густой суп из оленьего мяса, заправленный ржаной мукой.

покидать, выходить в неведомый чужой мир... Но его тут же подхватывают заботливые руки акушерки, прикладывают к груди матери, и он успокаивается – мама рядом... То же самое происходит и с душой человека, которая покидая свое физическое тело, отправляется в мир Горний... Душу подхватывают ангелы, помогающие ей освоиться в новом незримом для неё мире Небесного Отца. Печалются те, кто остаётся на земле, но это расставание временное...

Ведь мы вспоминаем ушедшего от нас человека не по пропорциям его тела, не его килограммы, даже не цвет его волос или глаз, а нечто незримое – его голос, тепло души, радость, улыбку, заботу, которой он делился с окружающими, энергию... то, что нельзя потрогать, но что являлось сутью этого человека...

Валентина Евгеньевна Кузнецова, создатель Есенинского музея на Мурмане, вспоминая Александру Антонову, сказала: «В её лице для меня была отражена вся культура саамского народа». А я позволю добавить, что Александра была «последним из Магикан», вобравшей в свою душу все богатство саамской земли, была человеком глубоко интеллигентным, высоко духовным. Её работа над переводами Детской Библии, Евангелие от Матфея, главной молитвы православных людей – Символа веры, Житие преподобного Трифона Печенгского достойна монашеского подвига. Человек редкой доброты и душевности. Она прожила интересную наполненную творческими поисками жизнь, оставив своим последователям огромное достояние – учебники, стихи, переводы, архив аудио записей, собранный за пятнадцать лет работы на Саамском радио и оставшийся у сына Антонова Сергея.

В октябре 2000-го Институт Мировой Литературы имени Горького в Москве проводил международную конференцию «Мировое значение поэзии Сергея Есенина», где темой доклада В. Е. Кузнецовой была «Переводы стихов Сергея Есенина на языки народов Баренц-региона». Она обратилась ко мне, а я, в свою очередь, к саамским поэтам Александре Антоновой и Софье Якимович, и первые семь Есенинских переводов на саамский язык были представлены на осенней конференции в Москве. А в 2008-м в свет выходит книга «Сергей Есенин на саамском», где представлено уже пятьдесят пять переводов, из них тридцать одно стихотворение перевела Александра Антонова. Огромнейший труд, говорящий о том, что поэзия русского поэта Сергея Есенина так же близка и любима саамским народом, как людьми русскими.

Еще при жизни своей секретарь Мурманского отделения Союза писателей России Виталий Семенович Маслов сказал о ней как о настоящей глыбе, фундаментальном явлении в саамской культуре, саамской истории, саамской литературе. Человек огромной трудоспособности, энтузиазма, ученый, создатель саамских учебников, педагог, видный общественный деятель, радиожурналист, яркий публицист, неутомимый переводчик, как художественной, так и духовной литературы, поэтесса. Свою жизнь, работу Александра связала с саамским словом, и на 83 году жизни она еще работала. В этом году увидела, свет ее новая книга – перевод на саамский язык книги шведской писательницы Астрид Линдгрен «Пеппи – длинный чулок».

Много раз я наблюдала, как она радовалась находке забытого слова. Вот, например, в книге этнографии, над которой я работала, мне нужно было узнать, как по-саамски будет жених, Александра Андреевна, не задумываясь, сказала: «милса», а спустя год звонит: «*Радость у меня, более старое слово для жениха нашла – вунхэй. Записывала рассказ одной саамской бабушки, вот оно в разговоре и всплыло*». Она

признавалась: *«Найти новое слово это ведь целое событие. Вот, например, в Библии постоянно встречается слово «пророк». Как его обозначить по-саамски? И нашла — ялмуж эвтэс уййнэй. Видишь, сколько понадобилось слов, чтоб обозначить одно. С саамского пророк — человек, видящий жизнь наперед, или вперед видящий».* Для нее важно было оставить потомкам связную саамскую речь в небольших библейских рассказах. Словари словарями, но они не дают полного понимания, как применить слово в том или ином контексте, а ее переводы станут в будущем для саамских словесников большим подспорьем.

И возникает вопрос: почему этот человек отдавал столько времени переводам произведений других поэтов и писателей, забывая подготовить подстрочки своих собственных стихов? Происходило это оттого, что темой всего ее творчества стала тема боли. Боли за саамский язык, за свой народ, за тундру, за оленей-кормильцев... Потому и первый сборник ее стихов называется не иначе, как «Моя боль».

Когда 26 августа этого года я навестила ее в больнице, она призналась, что постоянно ощущает Господа рядом: *«Я не однажды бывает, скажу: Господи, Господи... Иисусе Христе, Сыне Божий спаси и сохрани. А потом подумаю и понимаю, а куда сохранять-то? На какое благо?»...*

Почти год Александра Андреевна болела, ей был поставлен страшный диагноз — рак челюсти. В конце июля перенесла еще и инсульт, месяц лежала в Ревденской больнице. За это время в Ловозере некоторые жители села её уже похоронили, а она вновь поднялась, начала ходить, есть, мыслить... Говорила: *«Ты знаешь, Надежда, я только теперь поняла, как, оказывается, легко человеку родиться, даже не смотря на все испытания, относительно легко жить, но, как тяжело остановиться в конце пути и начать подводить итоги. Я все думаю, почему Господь сразу не забрал меня к себе, что я такого должна осмыслить за эту, данную мне Им отсрочку прихода к Нему, что понять?»*

Кто мог дать ей на это ответ кроме самого Господа.

На личную жизнь Александра Антонова не сетовала никогда, хотя одна растила и воспитывала сына Сергея, а затем помогала выучиться на хирурга... Умерла она 8 октября 2014 года. Проститься с ней пришло очень много народа. Стоял светлый чуть морозный день, и все Ловозеро было украшено горящими красными гроздьями рябин, такими же яркими как красные гвоздики, любимые цветы Александры в руках ее земляков...

На похоронах я смотрела, как рыдала у гроба сестра Александры, прося прощение, и думала, как же ей не хватало твоего этого покаяния при жизни. Ведь они не годы друг с другом не говорили — десятилетия... И как оказывается важно научиться прощать своих близких еще при жизни их, прощать и благодарить Господа за то, что они рядом...

И не раз вспомнишь стихотворение А. Чепурова:

О человеке надо говорить:
Или корить, или цветы дарить,
Но не молчать, когда он книги пишет,
Дома возводит, сталь идёт варить, —
О человеке надо говорить,
Пока он слышит...

Часть четвёртая

РОВЕСНИК ВЕКА (Захарий Ефимович Черняков)

97-летний ученый продолжал работать, и не прочь при встрече был выпить рюмку чего покрепче.

Больше года переписываясь с этим человеком, я не переставала надеяться на встречу. И трепетала при одной мысли, что вдруг не успею: ведь в 1997 году ему исполнилось 97 лет! Но, видимо, мои молитвы были услышаны, и я оказалась в столице.

В Москве приезжему ориентироваться без подсказки практически невозможно. Разыскивая нужную мне улицу и дом, подошла к седому пожилому мужчине, который вполне бойко шагал по тротуару в спортивном костюме, опираясь на трость-зонт.

– Вы не подскажете, как пройти на Большую Юшуньскую?

– Вам какой нужен дом?.. А квартира?

Я ответила, даже не задумываясь, почему посторонний спрашивает о квартире.

– ...Но ведь это моя квартира!

– Наверно, я это почувствовала.

– Тогда здравствуйте, Захарий Ефимович!

Так произошло моё знакомство с легендарным для саамов человеком, автором первого саамского букваря, созданного на латинской графике в 1933 году.

А началось всё с того, что молодой студент Географического института Захарий Черняков попал в чукотскую группу, которой руководил известный этнограф Богараз-Тан. В группе оказался одиннадцатым. Все сокурсники уже выбрали объекты для научных исследований – ненцев, нанайцев, эвенков... Но никто не хотел ехать к саамам. Тогда-то студент Черняков понял, что ими должен заниматься он. Тем более что ещё хорошо помнил финский язык (в детстве каждое лето ездил с родителями отдыхать в Финляндию, которая тогда входила в состав Российской империи).

И вот в 1925 году он впервые попал на Кольский полуостров. Железнодорожная станция Мурманск представляла собой деревянную площадку без крыши. Да и чему было удивляться, если по статистике население города составляло тогда всего восемь тысяч человек... Новыми знакомыми Чернякова стали Василий Алымов и Яков Камшилов, которые активно занимались лопаристикой. Они же помогли ему отправиться по реке Туломе для знакомства с местными аборигенами.

Захарий Ефимович сидел в кресле-качалке в своей квартире и живо рассказывал мне о своих похождениях тех лет. Смеялся, по несколько раз повторяя: «Да-да... да...», – и задумывался. Ему никак нельзя было дать под сто лет. Если судить по внешности, то следовало бы скинуть пару десятков лет, если по работоспособности, энергии и памяти, то и того больше.

Итак, познакомился Черняков с туломскими и ловозерскими саамами. А через год, когда приехал во второй раз, поселился с ними в тундре аж на четыре месяца, и все для того, чтобы изучить язык, заключив жесткий уговор с хозяевами – говорить только по-саамски. И когда молодой учёный, не понимая, пытался выяснить что-то

по-русски, те только пожимали плечами: «Саррнэ самас» – «Говори по-саамски!». Потому за четыре месяца Черняков и освоил хорошо язык.

А в 1933-м числился уже на постоянной работе в Мурманском округе, возглавляя комитет нового алфавита при президиуме окрисполкома. В том же году составил и издал первый «Саамь букварь».

Я спросила Захария Ефимовича, чем же его букварь отличается от современных?

– Было решено, что на основе кильдинского диалекта я и должен составить букварь. Мне указали на Анастасию Трофимовну Осипову, как на хорошего носителя языка. Она знала множество сказок, поговорок но, выйдя замуж, уехала из Ловозера на Юркин порог в Тулому. И мне ничего не оставалось как, прихватив с собой помощников – Никона Герасимова, Якова Осипова и Ирину Матрехину – представителей разных диалектов, отправиться к ней. Моя задумка состояла в том, чтобы, основывая букварь на кильдинском диалекте, выбрать слова и фразы, понятные всем, кто говорит на других диалектах. Моим помощникам дано было право вето – если они не понимали какую-то фразу, она тут же отметалась в сторону. Кий (след) понятен всем, значит, идет в букварь. Кайе (чайка) понятна – слово тоже для букваря.

Захарий Ефимович многие годы ездил в Ловозеро зимой и летом. Его очень интересовала жизнь лопарей. Принял он и живое участие в судьбе Октябрины Вороновой, первой саамской поэтессы – готовя её по немецкому языку в аспирантуру, и до моей встречи с ним вёл обширную переписку со многими ловозерцами. А вначале восьмидесятых ученый радовался уже выходу саамского букваря Александры Антоновой.

– Я тогда писал, что пока это не есть саамская литература. Это саамская письменность. А для того чтобы появилась литература, надо дать простор развитию речи. Пусть пишут поэты и писатели на любых диалектах. Не надо этого бояться! Но тогда ко мне не прислушались, а Октябрину просто задержали...

Мы сидим с ним, разбирая архив ученого, много часов подряд, и Захарий Ефимович пригласил меня отобедать с ним.

– Что будем пить за встречу? Есть коньяк, водка, вино.

Я, честно говоря, удивилась. Но от рюмки «Кагора» не отказалась.

– Считаю запреты врачей, – говорил мне Захарий Ефимович, – ерундой. Надо все есть и пить, но в меру, тогда и болеть не будешь! Правда, сам я сейчас сижу на пилюлях, потому как мне очень нужны еще хотя бы два года активной работы, чтобы напечатать в Скандинавии «Лаппонию» Шеффера и свои «Этнографические очерки о саамах»...

Вот такой он, Сахкре Ефим альк – Заха Ефима сын, как его величают саамы Кольской земли. А Захарий Ефимович рассказывает дальше:

– В моей жизни был один принцип, его мне ещё отец внушил: «Никогда не отступать от правды». Ложь вещь такая, что, в конце концов, вскроется и пойдет против тебя. В дни сталинского режима в анкетах я писал всё как есть. А когда принимали работать в НИИ картографии, заполнял анкету на десяти страницах: про папу, про маму, про бабушку, про деда. Писал, что отец был всегда религиозным человеком, мечтал уехать в Палестину и, в конце концов, осуществил свою мечту. Мать осталась жить со мной, так как я у неё был единственным сыном, которого она

очень любила? От отца в Палестине в наследство мне осталась усадьба, дело о которой тянулось три года, и все же деньги за неё мне выплатили... Я описывал в своей биографии все подробно, ничего не скрывая. И это спасло. Были на меня и доносы – якобы я являюсь организатором тайного саамского союза и намереваюсь создать саамское государство на Кольском полуострове, чтобы объединить его с Великой Финляндией... Но так как в этих доносах было много противоречий, они обошли меня стороной. Хотя выжить в то время было просто подарком судьбы.

Захарий Ефимович выжил. Ровесник века, участник гражданской войны, доброволец Красной Армии, всю свою жизнь работающий над этнографией лопарей и саамской письменностью. В 90-х по приглашению Российского университета дружбы народов проводил занятия с саамскими студентами по этнографии их народа. Неутомим был он и в год моего пребывания в Москве в 1997 году. Мечтал к концу сентября приехать вновь на Кольский полуостров для встречи с саамами.

– Если здоровье позволит, полечу в Скандинавию по поводу издаваемых там моих книг. И обязательно заеду в Ловозерье. Конец сентября не за горами, так что ждите!

Тогда я ещё не знала, что спустя три месяца Сахкре Ефима альк – Захария Ефимовича не станет. Умер он 28 ноября 1997 года, так и не увидев выхода своей книги.

МУЖИКОВ И ТОПОНИМИКА КОЛЬСКОГО КРАЯ (Василий Георгиевич Мужиков)

1997 год. Меня давно интересовала судьба этого удивительного человека. Краеведа, топонимиста. Частенько читала его статьи в газетах, посвященные нашему краю. Восхищалась знаниями по топонимии Русской Лапландии и представляла его себе на подобию Жюль Верновского Паганеля. И, наконец, увидела. Крепко сложенный, седобородый, походивший своим обликом больше на крестьянина, нежели интеллигента. В разговоре спокоен, несуетлив, выдержан. Да и фамилия его сама за себя говорит: МУЖИКОВ! Напросилась в гости, хотелось познакомиться ближе, взять интервью. Василий Георгиевич в приглашении не отказал.

Родился в 1926 году в Архангельской области. В Мурманск приехал сначала его отец, крестьянин, лесоруб. Приехал не по своей воле. Семья у Георгия Мужикова была большая – одиннадцать душ, Василий самый младшенький, остальные сыновья взрослые, ребята крепкие. Да и хозяйство их тоже большое: лошадь, корова. Одним словом середняки. В 30-х начались репрессии. Семью Мужикова Георгия из середняков в кулаки произвели. Чтобы не подвергать родню опасности отец Василия собрался и из деревни уехал. Поначалу лес рубил, плитку из Пиниги до Архангельска сплавлял. Затем в Сегежу перебрался, куда семья к нему и прибыла. Там прожив год, в 1933-м они все вместе уже и в Мурманск перебрались.

Не может забыть Василий Георгиевич счастливые годы детства в довоенном Мурманске, когда жил на Жилстрое и летними ночами бегал с пацанами рыбачить на залив. Красота – глаз не оторвать. Ночью рыбачили, днём отсыпались, и всё лето предоставлены сами себе...

В годы войны Василия Мужикова призвали служить на Северный флот. С Ваенги – Североморска парня отправили на Соловки в учебный отряд. 1943–1944-й и

с 1945–1946-й года он курсант школы связи. Радист. Все связывают Соловки в основном со школой юнг, в которой в те годы учился знаменитый писатель Валентин Пикуль, а там были школы и связи, и минно-торпедная, и другие.

После учебки парень попадает служить в Оленью губу, место в трёх километрах от нынешнего Снежногорска, на Приёмный радиоцентр Северного флота. Срочная служба – семь лет. Уже после войны окончил вечернюю школу и поступил на заочное отделение в Мурманский педагогический институт. За свою жизнь кем только не работал: радистом, монтажником, в органах связи, в союзпечати, в Кировском райкоме партии, в Мурманглавснабе.

Увлечение топонимикой пришло от частых командировок. Запомнил Василий Георгиевич, как в 1962-м приехал в Гремиху, зашел в библиотеку, просматривая книги, наткнулся на Географический словарь Кольского полуострова 1939 года. Просмотрел и весь загорелся разгадыванием названий. Что, как, откуда пошло? Но географической подготовки никакой, потому стал доставать и перечитывать всю литературу, которая попадалась по топонимике. Причем читал не только книги касаемые Заполярья, занимался изучением топонимии самых различных регионов нашей необъятной родины.

Но тогда ещё, в период накапливания материалов, мыслей создать свой географический словарь не было. Писал в газету небольшие статьи, на этом дело и заканчивалось. Но когда за несколько лет таких статей по топонимии накопилось предостаточно, пришла мысль всё собрать и издать. Но опоздал. В свет уже вышла книга Минкина «Топонимы Мурмана», а догонять, как говорится, всегда хуже, чем бежать впереди. И Василий Георгиевич решает пойти по другому пути, сделать такой же географический словарь, как был издан в довоенном 1939 году. Не повторение, а свой. Изменения в области за эти годы произошли большие, область выросла, появились новые города, станции... Стал карты искать. Где правдой, где неправдой, где у военных, где в управлениях... Собирал названия рек и озер, гор и ущелий, сел и городов... Потихоньку приблизился и к саамской топонимии. Для себя составил и рукописный саамский словарик на тысячу слов.

Рассказывая это оправдывался, говоря, что сам бы за это никогда не взялся, но позвонили из географического общества и попросили сделать такой словарь. Предложение выслушал и пообещал. Слово-то дал, а когда взялся за дело, оказалось – работы выше крыши.

С саамскими названиями обратился в Петрозаводск к Георгию Мартыновичу Керту. От того незамедлительно пришла рецензия, и как сказал ему редактор книжного издательства: «Он тебе прислал мешок поленьев», столько там было замечаний. Поначалу опустили руки, но внимательнее посмотрев, понял – все исправимо, замечания Керта правильные. И работа пошла. Словарь был уже готов к изданию, да тут новая беда – перестройка. Издательства развалились, и стал Мужиков время выжидать. Больше сидел и ждал, чем работал. Хотя так говорить нельзя, без дела Василий Георгиевич не сидел. Принял участие в создании книги «Энциклопедия Кольского Севера», которую решил издать С.Н. Дашинский. Здесь полностью стали его географическими разделы. Исправлял ошибки в населенных пунктах в семитомнике «Книги памяти»...

И всё же труд всей жизни Мужикова тоже даромне пропал, вышел в свет его географический словарь. Только не подсказал никто человеку, как сохранить на этот труд авторские права. И правом этим воспользовался Мурманский областной институт развития регионального образования, повышения квалификации педагогических кадров. «Что делать, – говорит Мужиков, – вперед наука».

Перевести слово хоть с саамского на русский, хоть с русского на саамский всегда проще, чем найти мотивацию тому или другому названию. Почему так называли, кто назвал, когда? Иногда сделать это удастся, иногда всё остается очень прозрачным. С последними названиями, такими, как Хибиногорск, Кировск, родившимися на его глазах просто, а стоит чуть вглубь капнуть и поиск застопоривается. Например, долго Василий Георгиевич искал название реки Конья. Есть такая река в бассейне реки Туломы около Сальных тундр. Смотрел на Терском берегу, там есть Кондь ручей, с саамского – дикий олень. И понял, вот откуда название. Когда-то река звучала не Конья, а Кондья. Но в русском языке произошло упрощение согласных и стала Конья, хотя коней на Кольском полуострове и в помине не водилось, а вот дикие олени и по сей день в тех местах встречаются, спускаясь в долину реки с Сальных тундр, которая и получила такое название. Мотивация оправдана.

Много по поводу топонимии Мужиков почерпнул и от финского писателя Свена Локко, от ловозерского пастуха Василия Алексеевича Галкина. Узнал, например, что Кодъявр у саамов нерестовое озеро. Озеру Юмыс нашел термин у Кастрена – зимний подлёдный лов рыбы. Что-то находил сам, что-то подсказывали люди, что-то брал из литературы.

Уже закончены рукописи двух новых книг. Будут они наподобие словаря или справочного издания. Первая – Населенные пункты Кольского края, вторая – Мурманск – микрорайоны города. Дело осталось за деньгами. Его мечта – всем территориям края вернуть изначальные саамские названия.

ОН ВОЕВАЛ, ИГРАЛ В ТЕННИС, ПЕЛ ДИССИДЕНТСКИЕ ПЕСНИ, ПРИ ЭТОМ ОСТАВАЯСЬ НАСТОЯЩИМ УЧЕНЫМ (*Георгий Мартынович Керт*)

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ГЕОРГИЕМ МАРТЫНОВИЧЕМ КЕРТОМ

2 мая 1999 года я поехала на семинар женщин-писательниц Баренцева региона в Петрозаводск. Приехала утром, вышла на вокзал и сразу наткнулась на милиционера, который почему-то ждал именно меня. Сказал следовать к гостинице «Северная» и указал направление. Я шла по улице Ленина, любуясь рассветом: «Здравствуй, город незнакомо-знакомый, вот я и приехала к тебе в гости, и, если честно, ты мне уже нравишься». Иногда я разговариваю вслух, потому что искренне верю: всё, что нас окружает, напитано живой энергией, которая слышит, мыслит, имеет память...

В гостинице я позвонила Георгию Мартыновичу, сообщила о своем приезде, и он назначил встречу. Времени оставалось вполне достаточно, чтобы неспешно погулять и осмотреться. Петрозаводск показался довольно уютным, чистым провинциальным городком, понятным и совершенно несложным для запоминания.

В 15.30, как и договаривались, я пришла к Кертам. Встретили меня Георгий Мартынович, его жена Ираида Петровна и дочь Наталья. Встретили душевно, приветливо, точно давно знакомую. Накрыли стол. Но сначала я Георгия Мартыновича уговорила поговорить на интересующие меня темы. Он, ласково называя меня саамским классиком, начал рассказывать о себе с оговоркой, что делает это уже в сотый раз, на что я ему отвечала:

- Дорогой Георгий Мартынович, мало ли кому и что Вы рассказывали до меня, теперь хочу услышать «всю Вашу подноготную» я.

Ему понравились мои слова, и он сдался:

- Ну, раз меня сама Надежда Большакова – наш саамский классик просит, тут уж я, как говорится, отказать не могу. Что слушать изволите?

- С самого начала, когда и где родился, кто были родители, как судьба определила стать преподавателем саамского языка, а затем и ученым... Всё и сразу...

Я с удовольствием поддерживала его тон разговора.

- Приступим. Родился я 1 февраля 1923 года в деревне Каменка Ленинградской области Ораниенбаумского района. Отец, эстонец по национальности, работал лесничим и жил в доме бывшего управляющего имением. Нас в семье было четверо: брат мой, я и две сестры. И замечу, что все очень трудолюбивые. До сих пор помню: был маленьким, а отец сделал мне уже настоящие лопату, косу и грабли, с которыми я каждое утро выходил вместе со всеми в поле или на огород, при этом мы частенько работали от зари до зари. Школы у нас в деревне не было, и мне до четвёртого класса приходилось ходить в нее за три с половиной километра, а затем отец устроил меня учиться и жить в интернат, теперь уже за двадцать километров от дома. И эти я спокойно преодолевал, чтоб увидеться с родными в выходные дни и праздники.

- Я читала, что Вы фронтовик, во сколько лет попали на фронт?

- В октябре 1941-го, в 18 лет. Линия фронта совсем рядом проходила. В деревне снаряды рвались, жители в леса подались, землянки рыли, спасаясь от взрывов, голодали...

- Надежда, папа, к слову сказать, награждён орденом Отечественной войны 1 степени и боевыми медалями, - вставила с гордостью за отца своё слово заглянувшая в этот момент его дочь Наташа. - Участвовал в прорыве блокады Ленинграда.

- Я хоть и не сильна в математике, но в 1941 Вы должны были десять классов окончить?

- Именно так. В июне школу окончил, в субботу пришёл домой, а в воскресенье, после купанья с друзьями на речке Черной, узнал, что война началась. Поначалу ящики со снарядами разгружал, военные склады караулил, доты строил, дороги по болотам мостил... Молодые были, для победы старались, но усталость и нас валила с ног, засыпали прямо на земле, где работали. Вот в 1942-м воспаление лёгких и подхватил, в госпиталь попал, а когда выздоровел, попросился в разведвзвод 376-ой стрелковой дивизии служить. В дивизии воевал до конца 1944-го, пока не получил тяжелое ранение в колено, тут меня по инвалидности и комиссовали...

Георгий Мартынович рассказал, как в 1941-м за политический анекдот арестовали его отца, как арестовывали многих в те годы, больше он его не видел. Отец сгинул в тюрьме.

- Я считаю, дорогая моя Надежда Павловна, у советской власти было три греха: геноцид против собственного народа, разрушение деревни – того исконного, на чём «стояла» деревня и запрет религии. Я – верующий человек и твёрдо знаю, что человеку непременно воздастся и за грехи, и за добрые слова...

- А как Вас судьба с саамским языком связала? Ведь тогда его ещё никто в институтах не преподавал, тем более после войны? – спрашиваю я то, что особенно хотелось знать мне.

- После войны в Ленинградский университет поступил на геолого-почвенный факультет, но, проучившись семестр, познакомился со студенткой финно-угорского отделения, и она, узнав, что у меня отец по национальности эстонец был, стала агитировать перейти на их восточный факультет. Так я лингвистом и стал, увлекшись позже проблемами прибалтийско-финских и саамского языков. В 1950-м, окончив Ленинградский университет с отличием, в аспирантуру Карельского филиала Академии Наук поступил, защитив в 1953-м кандидатскую диссертацию по инфинитивным формам финского литературного языка. Стал работать в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

- Что-то я никак не пойму: речь о финском языке идёт, а когда Вы саамский учили, чтобы преподавать его в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена? Когда я в Ревде создала музей саамской литературы и письменности имени Октябрины Вороновой, одним из первых экспонатов в нем появилась Ваша книга «Саамский язык». Александра Андреевна Антонова рассказывала, как Вы ей, Октябрине Вороновой, Василию Селиванову, Павлу Юрьеву, Аскольду Бажанову, да и другим студентам Кольского Заполярья преподавали саамский язык, или это миф?

- Преподавал, Александре Андреевне верить надо, хотя вначале я его на самом деле не знал, зато знал законы преподавания финского языка, и, обучаясь у саамских студентов их родному языку, я изучал его сам и их обучал. Скажу Вам по секрету, что в фондах нашего Института языка, литературы и истории Карельского научного центра хранятся уникальные образцы саамского творчества моих студентов, в том числе Александры Антоновой и Октябрины Вороновой. С Александрой Антоновой мы позже ещё и «Учебник саамского языка для педучилищ» подготовили, рукопись его лежит в моем архиве и ждёт средств на издание.

- А что Вы можете об Октябрине сказать?

- Уже в первой нашей совместной экспедиции в её родную деревню Чальмны-Варрэ я ощутил в этой девушке литературное дарование и, как мог, способствовал его развитию. В Вашем музее, Надежда, есть ли перевод пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке», которую она вместе со своей матерью Клавдией Григорьевной и сестрой Тамарой переводила?

- Конечно, нет, я об этом факте из ее биографии даже ни от кого не слышала.

- Тогда я просто обязан Вам в музей подарить его копию.

- Буду очень признательна Вам, Георгий Мартынович. Мне Александра Антонова говорила, что Вы радовались выходу её первого сборника стихов «Снежица». Это так?

- Да, и даже писал о том, что стихи Октябрины в переводе вашего северного поэта Владимира Смирнова имеют самостоятельную художественную ценность. Хочу вас уверить: не каждый поэт способен так точно передать не только колорит

саамского быта, но и характер взаимоотношений, свойственный саамским людям. Больше скажу: я никак не мог понять, почему Нина Афанасьева, подзуживаемая молдаванкой Куруч, обрушила на Октябрьину лавину грязи и неприятия ее сборника «Ялла» на саамском языке. Собственно, если быть честными до конца, то этим они Октябрьину в могилу-то и свели. Не раз она мне звонила и жаловалась на них.

- Это уже, Георгий Мартынович, ни для кого не секрет. Мне об этом говорил ещё Владимир Александрович, когда жив был, а теперь об этом прямо на выступлениях говорят его вдова Роза Смирнова, Александра Антонова, Виталий Семенович Маслов... Мне другое непонятно: как это Римма Дмитриевна смогла в науку о саамском языке влезть?

- А я скажу как: с моей поддержки, между прочим. Я, грешным делом, подумал: «Ну вот, наконец в саамском обществе появился человек, пусть и не саамской национальности, но жаждущий принести этому народу благо» и помогал ей всем, чем мог, а когда раскусил, что это за фрукт, поздно было. Наслышан, как она и меня в Мурманске принижала после выхода в свет красного саамского словаря, мол, я ноль без палочки. Мой саамско-русский и русско-саамский словарь её словарю в подметки не годится. Только я-то знаю, что словарь этот Антонова составляла, а та её труд, да труд ещё нескольких саамских женщин себе присвоила. Проходимка, другого слова у меня для неё нет...

Я видела, как Георгий Мартынович раскраснелся весь, вспоминая дела минувших дней. Думала, что увижу старенького ученого-профессора в его-то 76 лет, но, к моей радости и удивлению, Георгий Мартынович оказался вполне ещё молодцом-бодрячком! Выглядел на шестьдесят с небольшим.

Замечательная, тактичная, преданная жена Керта Ираида Петровна, видимо, устала ждать, когда мы освободимся, вошла в кабинет мужа и позвала нас за стол.

- Ираидочка Петровна, сейчас, сейчас, – взмолилась я, – мне ещё только узнать, в какие годы Георгий Мартынович приезжал на Север к нам со своими экспедициями собирать саамский фольклор и образцы саамской речи и в каких поселениях был.

- Ну, это и минуты не займет, – улыбнулся жене Керт, – с 1956 по 1960 годы мы были в Ловозере, Туломе, Йоканьге, Чальмны-Варрэ и Воронье. В 1971-м с аспирантом Петром Мефодьевичем Зайковым в Ёне.

И вот мы сидим за хлебосольным столом и под рюмочку поедаем вкуснейшие салаты, приготовленные женой и дочерью Георгия Мартыновича, да говорим уже на темы отвлеченные.

- А Вы знаете, Надежда, что я пробрался в высшее руководство Федерации настольного тенниса?

- Это как? – удивилась я, потому что ничего не знала о спортивных достижениях этого человека.

- А вот так. Был шестнадцать лет председателем Федерации настольного тенниса Карельской СССР.

- Папа, Надежда, кандидат в мастера спорта по настольному теннису, – добавляет Наталья.

- Ну тогда уж для полного сведения нужно сказать и то, что Георгий Мартынович, – подхватила Ираида Петровна, – «Заслуженный деятель науки Карельской СССР» и «Заслуженный деятель науки РСФСР».

- Вот так мои женщины дополнили Вам, Надежда, полную картину моих достижений.
- Это ж надо, с каким человеком я за столом сижу и вино попиваю! – шутливо произнесла я.

- Нет, нет, дорогой мой саамский классик, и это не всё, я ведь ещё и пою, играю на гитаре, балалайке...

- А если бы сейчас Вам предложили в теннис сыграть, сыграли бы?

- Сыграл, чего не сыграть, но особенно сыграю Вам сейчас на гитаре и даже спою.

Наталья достала отцу гитару, он громогласно провозгласил:

- Песня Булата Окуджавы, а посвящается она известной саамской писательнице Надежде Павловне Большаковой.

Я счастливо засмеялась, а он лихо так запел:

Эта женщина! Увижу и немею.
Потому-то, понимаешь, не гляжу.
Ни кукушкам, ни ромашкам я не верю
и к цыганкам, понимаешь, не хожу...

Я была удивлена: ни разу не слышала этой песни Окуджавы. Георгий Мартынович признался, что он частенько в советское время пел еще и диссидентские песни, даже не понимает, почему его до сих пор не посадили за них.

- Не только пели, но и слушали, – добавила, мило улыбаясь, Ираида Петровна, – у нас в ту пору уже и магнитофон был...

- Ну, а теперь хулиганская «Коктебля» на слова Владлена Бахнова. Как Вы, Надежда, к хулиганским песням относитесь?

- Только положительно, а тем более в исполнении ученого профессора.

- Ну, тогда услышите, как подобные песни поет доктор наук:

Какая чудная земля!
Кругом заливы Коктебля,
Колхозы, бля, совхозы, бля, природа.
Но портят эту красоту
Сюда наехавшие ту-
неядцы, бля, моральные уроды...

Сколько было перепето песен в тот чудесный вечер Георгием Мартыновичем, не сосчитать. Уже через час-другой наших посиделок мне казалось, что я знаю этих людей всю жизнь. Шла от них в гостиницу и благодарила Господа за то, что даровал он мне такую превосходную встречу, такое знакомство, дружбу. А какой Георгий Мартынович оказался подколыщик и весельчак! Его шуткам, анекдотам не было конца. В гостиницу пришла в половине двенадцатого ночи. Вот это посидели! Радость общения переполняла душу. Да и для музея он выделил несколько фотографий и книги. Спасибо, спасибо, дорогой Георгий Мартынович, не уставала я повторять. Эту первую встречу с ним, этот наш удивительный вечер я храню в своей памяти доныне.

Забегаю вперед, скажу, что после той нашей встречи я по электронке получала от него несколько раз письма подобного содержания: «Славная Надежда Павловна – классик саамской литературы! Получил Ваше милое послание. Вы продолжаете своё самосовершенствование. Поздравляю! С наилучшими пожеланиями. Керт».

НА ЮБИЛЕЙ «СЕВЕРА»

21.06.2000 года в 22 часа по Московскому времени я прибыла в Петрозаводск с приглашением на 60-летие журнала «Север» и была встречена моей хорошей приятельницей, карельской писательницей Раисой Мустонен. Радовалась несказанно видеть ее, слышать приветливый, с хрипотцой, голос, обнять. Она сообщила, что меня Керт ждет, и мы тут же, забежав в магазин, направились к ним, но там засиживаться не стали и, наспех хлебнув чаю, поехали дальше. Георгий Мартынович любезно предложил мне на время пребывания в Петрозаводске воспользоваться квартирой его внучки Ани, дочери Сергея Керта, который и отвез нас на Пушкинскую, 3-а. Квартира оказалась маленькой, но очень уютной, с мягким ковровым покрытием во весь пол и большим цветочным деревом, единственным зеленым насаждением, как, впрочем, и украшением в ней. Я прожила в ней несколько дней, а последнюю ночь ночевала у Георгия Мартыновича и Ираиды Петровны. Вновь мы много говорили, обсуждали юбилейный вечер, который вел Станислав Панкратов и на котором Георгий Мартынович опять пел, рядом со мной за столом сидел.

«ПИСАТЕЛЬ – ЛИТЕРАТУРА – ЧИТАТЕЛЬ» IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГОРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕТРОЗАВОДСК 26 -29 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА

На конгресс нас с Мурмана приехало трое: Бакула Виктория Борисовна, Циркунов Игорь Борисович и я. Наша жизнерадостность импонировала многим участникам этого международного мероприятия, потому как любое недоразумение или досадную неожиданность мы тут же переводили в шутку и смех. Может, поэтому и люди потянулись к нам, а Числав Журавлев признался, что открыл на этом Конгрессе для себя именно мурманчан. Виктория по этому поводу разродилась виршем:

Кто за чем, а мы за смехом
На Конгресс приехали,
До упаду насмеялись
И домой отъехали...

А если серьезно, она с Игорем на конгрессе открывала для себя многих людей, и особенно Георгия Мартыновича Керта, с большим интересом общаясь с ним. Георгию Мартыновичу, редактору саамских сказок и создателю учебника для изучения саамского языка, многих других книг по лопаристике, которого я давно и преданно любила, восхищаясь его жизнестойкостью, исполнилось уже 83 года, а потому принимать участие в работе подобного форума ему стоило немалых сил. После нашей последней встречи, когда мы с моей дочерью Натальей были у Кертов в гостях,

прошло четыре-пять лет, и я увидела, как Георгий Мартынович сдал, хотя так же продолжал шутить, подкалывать и улыбаться. Об этом мы говорили и с сыном его Сергеем Георгиевичем, когда вместе на концерте сидели. Младший Керт очень переживал за отца, признался, что тоже замечает, как он слабеет.

Умер Георгий Мартынович на 87 году жизни 26 сентября 2009 года, прожив бурную, плодотворную, творческую, долгую жизнь. Светлый, весёлый, доброжелательный человек, учёный с мировым именем, посвятивший всю свою жизнь изучению языка и культуры саамов. Монографии, более полуторы сотни печатных работ в научных изданиях Финляндии, Франции, Германии, Венгрии, словари, учебники... Сегодня мы уже смело можем сказать, что это благодаря его научной и просветительской деятельности в первую очередь был сохранён саамский язык.

Владимир Сорокажердьеv в статье «Он распознал саамскую душу» писал: «Язык – это душа народа, распознать её привелось молодому карельскому лингвисту. Чужая душа, как известно, потемки. В саамском языке легко заблудиться, ибо он издавна существовал в четырех диалектах (кильдинский, туломский, иокангский, бабинский), отличающихся фонетикой, грамматикой, лексикой..»

Может, кто-то в саамском языке и мог заблудиться, только не Керт, о чём свидетельствуют его труды и книги: «Образцы саамской речи: Материалы по языку и фольклору саамов Кольского полуострова (кильдинский и иокангский диалекты)» (1961), «Саамский язык (кильдинский диалект): Фонетика. Морфология. Синтаксис» (1971), «Дмитрий Владимирович Бубрих, 1890-1949: Очерк жизни и деятельности» (1975), «Загадки карельской топонимики: Рассказ о географических названиях Карелии» (1982), «Словарь саамско-русский и русско-саамский: Ок. 4000 слов: Пособие для учащихся начальной школы» (1986), «Заметки по топонимии// Родные сердцу имена: (Ономастика Карелии)» (1993), «Очерки по карельскому языку: Исследования и размышления» (2000), «Саамская топонимная лексика» (2009).

СОДЕРЖАНИЕ:

Об Авторе	3

Бакула В.Б. На пути к счастью	4

Алхалалалай	9
(Роман-эссе)	

Письма в тетрадках	213
(Роман в рассказах)	

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Степан Похмелыч и Леня-Лошадист	215
Олимпиада-80 и Владимир Высоцкий	220
Проводы в армию	222
Новгородские приключения Светланы	227
Цыгане	228
Жизнь у бабы Кати	230
«Здравствуй, Свет в окошке! Светлана краса – обрезающая коса!	233
«Здравствуй, Глебушка! Здравствуй, казак мой дорогой!	234
Родом из Индии	237
Цыганочка с выходом	237
«Светка, Светочка, Светлана, здравствуй, милая моя!	241
«Глебушка, привет!	241
Майские праздники в Светлом	244
«Здравствуй, моя дорогая мамочка, пишет тебе твой сын Глеб!	244
«Здравствуй, Глебушка, здравствуй, друг мой дорогой!	246
«Глебка, дорогой, здравствуй!	248
Письма в тетрадке	251
«Здравствуй, Свет-книжная моя хранилище!	251
Встреча подружек	252
«Дорогой Глебушка, здравствуй!	257
«Пламенный привет самой Светло-Светлой дивчине Светлого	259
«Казаков Глебушка, привет, привет! Здравствуй, дорогой!	260
Возвращение Валентины Архиповой	262
«Большой пламенный привет от морпеха Глеба Казакова!	265

«Здравствуй, дорогой Глеб!	266
«Привет с Крайнего Севера! Светик-лучик, Светочка-веточка, Свет нашего Светлого!	269
«Глеб, Глебушка, дорогой, здравствуй!	270
Прасковья Ильинична и сон Зинки	272
Знакомство с общежитием и его жильцами	275
«Свет, привет!	276
«Глеб, Глебушка, привет тебе, привет!	277
«Здравствуй, Светлана, библиотекаря моя строгая!	279
«Дорогая мамочка, поздравляю тебя с днём рождения!	280
«Высокочитимый Глеб, повелитель души моей, будь здоров!	280
«Завьялова, привет, привет!	283
В гостях у Галины Игнатьевны	284
Судьба Харитины	285
«Здравствуй, солнца Свет!	290
«Здравствуй, Глеб! Здравствуй, морпех мой дорогой!	290
«Привет, Светик!	293
«Здравствуй, Глебушка!	294
Истории под Новый год	297
Дембель	304
Злополучная телеграмма	305
Долгожданное возвращение ноябрь 1983-й	306
Аргентинское танго	308
Письмо Глеба	310
«Здравствуй, Светка, Светик, Свет моих очей! Моя мудрая книгохранительница!	311
Отойди от Светланы, она моя девушка	312
Разговор с Михаилом Савельевичем	312
Примирение	318
Сухой закон	319
Фестиваль молодёжи и студентов 1985 года	320
Не знать Высоцкого стыдно	322
В Светлое по телеграмме	324
«Дети Арбата» Анатолия Рыбакова	328
Веришь ли ты в Бога? Весна	329
Дочь и сын – красные дети!	331
В роддоме	332
«Светочка, родная моя! Свет сердца моего! Поздравляю! «Светка, радость моя! Здравствуй, мой человечек родной!	333
Муж	334
Стихи под пиво	336

Тебе что, жить надоело?	337
Курортные танцы	340
Прасковья Ильинична и Горбачёв	343
Будем надеяться, время лечит	345
Пожалишься кому – и самой легче станет	347
Лагерь в Рудне	348

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вот до какого времени дожили все мы	355
Сон – Перстень с бриллиантом	355
Мысленный разговор с Владимиром Высоцким	356
Коробка с письмами	356
«Светлана, свет мой в мерцании тумана, привет, привет!	358
«Дорогой Глеб, Глебушка, здравствуй!	359
«Ах, Глеб, Глеб, здравствуй, дорогой!	362
«Свет, Свет, Свет, лови с моря привет!	364
«Привет, дорогой мамуле от её сына морпеха срочной службы Глеба!	364
«Здравствуй, мой славный рыцарь моря Глеб!	365
Разговор в воспитательской	368
«Дело Костычева»	370
Последнее собрание у евангелистов	372
Сказки о Вие и привидениях – детский лепет	377
Жиличка Травкина	377
Го-лу-бой	380
Варакин	380
Хорошо-то как	382
Ох уж этот «великий и могучий»	385
Пусть даже горбушку грызть, но дома	387
Куда «Горбачёва-то» дели	387
В ушах еще дрожал Его голос	389
Вернусь... «в страну не дураков, а гениев»	390
Переворот	391
Общее житие	395
Видно, не время тебе понять	397
Смех сквозь слезы, или бархатный сезон в Шепси	399
Поверила, что всё у меня в жизни и дальше будет хорошо	402
Сон - Река жизни	404
«Люблю тебя сейчас»	405
Сон – Кинолента с портретами	405
Встреча на дискотеке	406

Культипоход на «Калигулу»	411
У продмага	412
Разговор в электричке	415
Ну как может свинья в квартире жить?	418
Шанежки Татьяны Александровны	421
Рассказ фельдшера из скорой помощи	427
В больнице	430
По-доброму тепло и светло мы помянули твою бабушку	432
Тапочки	436
Зашёл просто по душам поговорить	438
Судьба Татьяны	441
Сон – Слово за Россию	443
На Исток-речушку	444
«Норма жизни»	444
«Варшавская мелодия»	451
Хуже нет ждать и догонять	451
Красив сосуд, да пуст	453
Александр читает письма друзей	455
«Здравствуй, Глеб, Глебушка!	455
«Привет, Света! Свет мой в полярной ночи морозного Севера!	457
«Привет морпеху! Привет, Глебка!	458
На яйцах в крутые предприниматели	461
Дорога к храму	462
Россия может выстоять только верой Христовой	465
Странная женщина	469
Добрая	469
Возрождение храма	472
Сила есенинского стихотворения	473
Валентина и Ратник	474
Первый снег	477
Воспоминания не дают заснуть	478
Две звезды	481
Если я выбираю мужчину, то должна ещё и гордиться им	484
Попался, как тетерев в силки	484
ЧП у Александра на заводе	489
Библиотека	492
Разговор Валентины с матерью	494
В Посад к Сергию Радонежскому	495
Полеты во сне	496
Сейчас в Грузию из России мало кто ездит	496
«Урок бездушия»	498

Встреча с шаманом Оюн-Батыром	499
Жизнь в состоянии взведенного курка	502
Сон – Разлитое молоко	504
Такого не бывает	505
Живое Слово	507
Освящение храма Рождества Пресвятой Богородицы в Светлом	509
Вопросы, которые ставила ей жизнь	511
Искала истину, а нашла страх	512
Безрассудная любовь	516
Страшный грех чуть было на душу не взяла	521
Не хлебом единым	524
Культура – это жизнь человека	530
«От Меня это было»	531
Обмоем ножки, мужики!	533
В них программа заложена на положительные эмоции!	538
Александр и Елена за чтением писем друзей	542
«Здравствуй, Светлана! Хорошая моя!	544
«Глебушка, здравствуй!	544
«Светка, Светик, лови приветик!	547
Здравствуй, Глеб, морпех, бороздящий океаны и моря!	548
«Здравствуй, Свет-Светлана!»	551
«Глебка, Глеб, Глебушка, здравствуй, морпех!	551
«Светка, девочка дорогая, привет-привет!	554
Женщины – те все больше крылатые	554
На программу «Жди меня»	555
«Господа карманники, будьте милосердны, верните челюсть!»	557
Дружба	559
Письмо Александра Соболева	561
«Привет, дорогие Светлана и Глеб!	561
Встреча Нового 2000 года	562

<i>Бакула В.Б. В ПРОСТРАНСТВЕ ЛЮБВИ</i>	<i>569</i>

Мой путь – земля моих предков	571

Избранные рассказы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Куда уходит детство?..	573

Лапландия – саамов колыбель	573
Родословная	574
Максим и Федот Галкины	575
Федотова речка	577
Бабушка Наташа	577
Лопские	578
Баба Настя	580
Как бабушка наташа маму рожала	581
Моя мама Елизавета	582
Ещё о бабушке	583
Отец	584
Заслуженный строитель РСФСР	587
Проданный ребенок	588
На оленях	589
Рыбьи головы	589
Гостинцы отца	590
Отец – рыбная душа	591
За морошкой	592
По озеру Ловозеру путь лежит к Сейдозеру	593
Чудо	595
Эти загадочные туристы	596
Свет детства моего – Сейдозеро	597
Улов деда Ивана	599
Свято-озеро – место законченных мыслеформ	600
Колдун	603
Если накопилось, что сказать	604
Хлебные горбушки	604
Мазя	605
Вася-лопарь	606
Куда все ушло?	607
Счастье улетело, не оставив никакой надежды на встречу	609
Мамины шанюжки	610
За морошкой – царицей-ягодой	611
Как мою бабушку национальности лишили, а маму русской записали	613
Тоска по озеру	614

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Из рода Юрьевых	615
Крестная	616
Саам и русский	616

Испуг бабы Ульяны	616
Старики ушли с островов	618
Разговор с крестной	618
Софьяна сосна	619
С чем пойдешь на подледный клев?	620
И фильм про мафию пригодился	621
Брошенные куклы	621
«Черное море»	624
«Буря мглою небо кроет...»	624
«Уголовное дело»	625
Из писем крестной	627
Знак – цепочка лопнула	627
Саамская сказительница	629
Викдан и Софья	631

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Не родись богатым, а родись счастливым (Яков Иванович Юшков)	633
Она пела, сколько помнила себя (Павла Ивановна Конькова)	635
Мечтал Иван свой дом построить (Иван Михайлович Галкин)	640
«Иди, за Максимом Захаровым не пропадешь» (Мария Ивановна Захарова)	641
Из рода Юрьевых (Павел Поликарпович Юрьев)	643
Боль сердца (Александра Андреевна Антонова)	645
В лице этого человека была отражена вся культура саамского народа (Александра Андреевна Антонова)	651

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Ровесник века (Захарий Ефимович Черняков)	654
Мужиков и топонимика кольского края (Василий Георгиевич Мужиков)	656
Он воевал, играл в теннис, пел диссидентские песни, при этом оставаясь настоящим ученым (Георгий Мартынович Керт)	658

Редактор
Виктория Борисовна Бакула

Художник обложки и иллюстраций
Шелковникова Дарья Владимировна,
член Всероссийской творческой организации Союза художников
России, член Международной ассоциации изобразительных
искусств – АИАП Юнеско)
Р-н «Алхалалалай» – Маддер-акка – богиня земли. из серии «По
мотивам саамского эпоса» Б., линогр. 2008.
Р-н «Письма в школьных тетрадках» – «Нежность» из серии
«Движения жизни». Б., линогр. 2004.
Рассказы «Мой путь - земля моих предков» - композиция по
мотивам саамского эпоса. Бум., смеш. техн. 2008
Обложка книги – «Со-творение» из серии «Движения жизни».
Б., линогр. 2006.